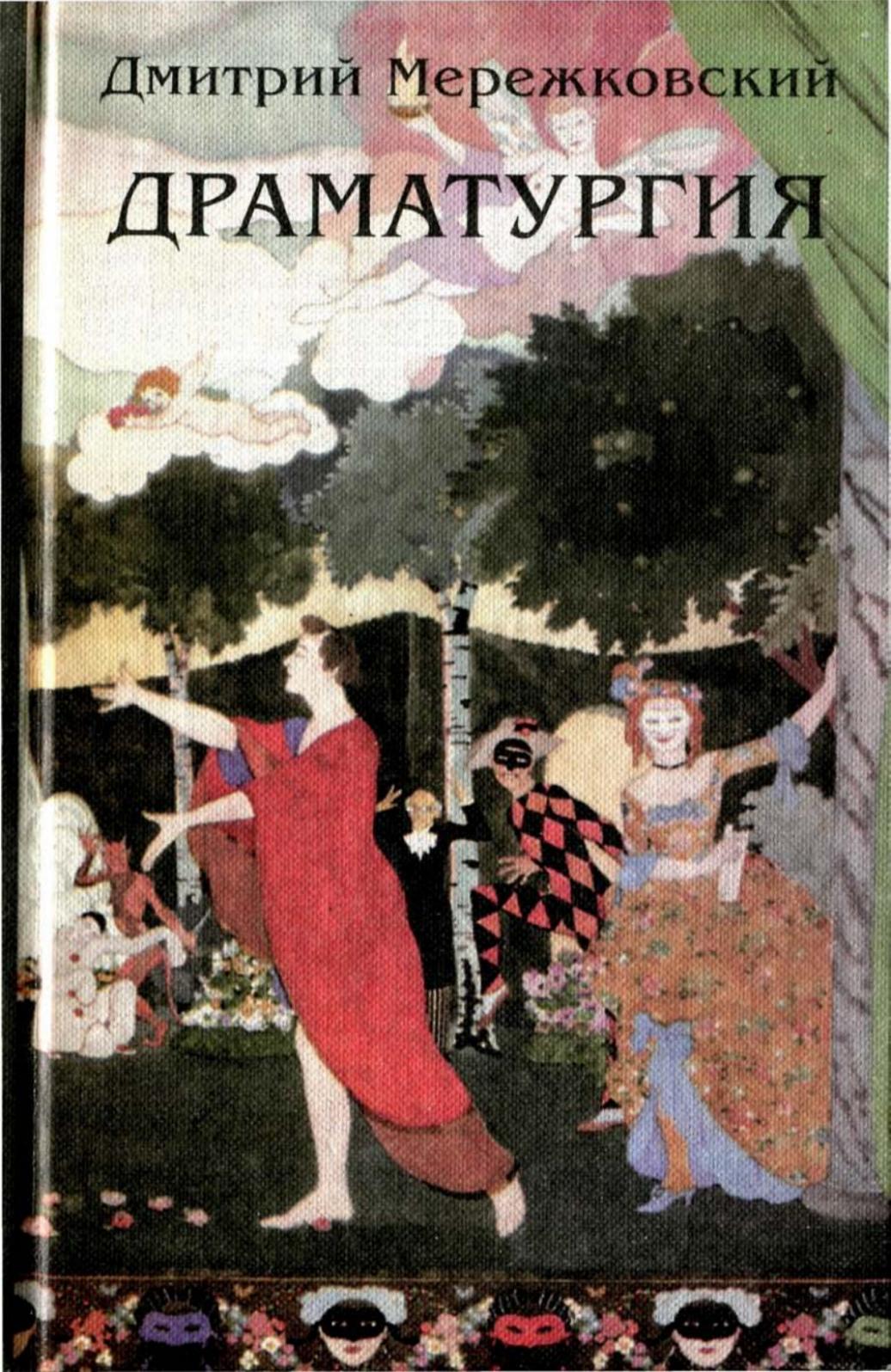

Дмитрий Мережковский

ДРАМАТУРГИЯ

ДМИТРИЙ
МЕРЕЖКОВСКИЙ

ДРАМАТУРГИЯ

Вступительная статья, составление,
подготовка текста и комментарии
Е. А. Андрущенко

Издательство «БОДОЛЕЙ»
ТОМСК — 2000

ББК 84.Р7
М52

Учредитель издательства «Водолей» —
Томская областная научная библиотека им. А. С. Пушкина

М52 Мережковский Д. С. Драматургия.— Томск: Изда-
тельство «Водолей», 2000.— 768 с.

Д.С.Мережковский (1865-1941) хорошо известен современному читате-
лю как философ, литературный критик, писатель, поэт, но наследие Мереж-
ковского-драматурга долгие годы оставалось практически не изученным и
почти не публиковалось. В книгу помимо известных пьес вошли новонай-
денные драматические произведения и киносценарии «Данте» и «Борис
Годунов».

Главный редактор Е. Кольчужкин
Корректор В. Лихачева

Сдано в набор 17.09.99. Подписано в печать 20.04.00.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура Бодони. Печать офсетная.
Печ. л. 24. Услови. печ. л. 40,32. Уч.-изд. л. 42,8.
Тираж 1000. Заказ № 122

Лицензия ЛР № 070405 от 14 августа 1997 г.
Издательство «Водолей», 634000, пер. Батенькова, 1

Отпечатано с оригинал-макета, подготовленного издательством «Водолей»
Сибирское издательско-полиграфическое
и книготорговое предприятие «Наука»
630077, Новосибирск-77, ул. Станиславского, 25

М $\frac{4700000000}{M46(03)-00}$ без объявл.

ISBN 5—7137—0115—8

ISBN 5-7137-0115-8

9 785713 701154

© Е.А.Андрюшенко, вступительная статья, составление,
подготовка текста, комментарии, 2000
© «Водолей», оформление, 2000

«Безнадежный плач о Боге...»

Когда имя Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865-1941) стало возможным упоминать, а его произведения печатать, оказалось, что творчество этого корифея «серебряного века», считавшегося одним из основателей символизма, издавшего в 1912 году собрание сочинений в 17¹, а чуть позднее — 24 томах², в которые, к тому же, не вошли его публицистика и драматургия, знакомого едва ли не со всеми поэтами и писателями рубежа веков от Достоевского и Толстого до Бунина и Горького, окруженного молодыми и старыми, «прежними» и «новыми», переводимого на Западе, пользовавшегося уважением у З.Фрейда, номинированного на присуждение Нобелевской премии по литературе, известно совсем немногим. Но знакомящиеся сегодня с его романами, некоторыми статьями и исследованиями, его стихами ощущают удивительное притяжение оригинального ума, блестящей эрудиции и замысловатых религиозно-философских построений.

Наследие Дмитрия Сергеевича Мережковского обширно и многообразно. Входящий в литературу как поэт, он быстро завоевал репутацию своеобразного исторического беллетриста и плодovitого критика. Он был хорошо известен своим современникам как один из основателей Религиозно-философских собраний и журнала «Новый путь» — печатного издания Религиозно-философского общества, как активный участник журнала «Мир искусства», общественный деятель, яркий публицист и лектор. Не принявший советской власти, он большую часть своей жизни провел в эмиграции, где много и плодотворно работал над изучением истории религиозных исканий человечества.

Несмотря на большие тиражи, которыми выходили в свет его книги, он никогда не был признан в полном смысле этого слова. Критика встречала его насмешливо или в штыки,

1 Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 17 т.— СПб.: М.О.Вольф, 1911-1913.

2 Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т.— М.: И.Д.Сытин, 1914.

собратья по перу, восхищавшиеся его эрудицией и мастерством, не всегда отдавали ему должное.

Мережковский-поэт, — а он сам «считал себя прежде всего поэтом, чуть ли не в самом деле преемником Надсона»¹, и именно в этом качестве его привыкли и, пожалуй, поначалу хотели видеть современники, — привлекал внимание новизной исповедальной интонации, стремлением высказать подспудно чувствующуюся, но еще не прорвавшуюся утомленность «матриализмом», культом научных знаний. Вместе с тем быстро записанный в «декаденты», он был обвинен и в «вырождении рифмы»², и в стремлении выстроить «Вавилонскую башню» современной пошлости³, и в «болезненности» саморекламы, и пр. А его поэзия, и в самом деле, явление неяркое, рядовое, — перекладывалась на музыку, и романсы на слова Мережковского стали заметным явлением русской песенной культуры. Среди авторов музыки к словам Мережковского были Н. Соколов и П. Чайковский, А. Рубинштейн и С. Рахманинов. Музыку к трагедии «Эдип царь» для музыкального чтения хорами в 1914-1915 гг. написал Н. Гнесин⁴.

На опубликованные в конце века сборники — «Стихотворения» (1886), «Символы» (1892), а также переводы греческих трагедий (Эсхил, Софокл, Еврипид) — печать откликнулась волной рецензий, в основном негативных. Выход Мережковского на литературную сцену связывался с появлением нового поколения, несущего в литературу веяния Запада, отказывающегося от наследия классической отечественной культуры. Между тем творчество Мережковского-поэта, рассматриваемого в контексте его времени, ознаменовало наступление «символистского» летосчисления русской литературы.

Слабость поэтического дарования Мережковского отмечалась не только теми, кто вообще отказывался видеть в нем художника, но и теми, кто приветствовал в нем, прежде всего, исторического беллетриста и критика. Так, П. Перцов в «Литературных воспоминаниях» писал, что ему большого труда стоило убедить Мережковского, что его «критическое амплуа» не «второстепенное» по сравнению с поэзией, а «как раз наоборот», а А. Долинин называл Мережковского «одним из самых тонких, самых пронизательных критиков наших

1 Перцов П. Литературные воспоминания. 1890-1902. — М.; Л., 1933. — С. 193.

2 Андреевский С. Вырождение рифмы // Мир искусства. — 1901. — № 5. — С. 211.

3 Базаров В. Христиане Третьего Завета и строители башни Вавилонской // На два фронта. — СПб., 1910. — С. 168.

4 Глебов И. Русская поэзия в русской музыке. — Пг., 1921. — С. 76-77.

дней»¹. В то же время стремление Мережковского пересмотреть устоявшиеся представления о роли и значении литературной критики, его «субъективно-художественный метод», обоснованный в книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»² и во вступлении к сборнику портретов мировой литературы «Вечные спутники»³, вызывали, выражаясь его словами, поток «всевозможной ругани»⁴. В стремлении осмеять новоявленного критика, показать его несостоятельность, неуместность претензий на высшее знание, соединились начинающие и маститые авторы Н. Михайловский и А. Скабичевский, К. Чуковский и Б. Эйхенбаум, Н. Коробка и многие другие. «Мережковский — один из тех, кто, будучи людьми, лишенными способности заражаться искусством, — писал, например, А. Рождествен, автор лекции «Л. Толстой в критической оценке Мережковского», — они обращают преимущественное внимание и восхваляют рассудочные, выдуманные произведения, и их-то выставляют за образцы, достойные подражания. Для оправдания же своих восхвалений, они придумывают целые теории...»⁵ «Д. С. Мережковский — как исследователь русской литературы — это то, что требует сейчас серьезного принципиального отпора, — в 1915 г. подводил итоги многолетней полемики вокруг Мережковского Б. Эйхенбаум. — Он — рассудочен. Он — почти педант. Но силлогизмы его — какие-то изменчивые, странно-подвижные. За ним всегда чувствуется не интуиция, а формула... Он всегда — только несправедлив, а иному может показаться, что он любит и ненавидит до конца. Огонь *стыда* признает, а о *стыдливости* молчит» [курсив Б. Эйхенбаума. — Е. А.]⁶.

Впервые о причинах столь странного отношения к творчеству Мережковского заговорил один из рецензентов его сборника «Вечные спутники»: «Он знает много языков, читал

1 Долинин А. Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века. 1890-1910 / Под ред. проф. С. А. Венгерова. — М., 1914. — Кн. 3. — С. 327.

2 **Впервые** — Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. — СПб., 1892.

3 Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. — СПб., 1897.

4 Мережковский Д. С. Следует ли авторам отвечать критике? // Биржевые ведомости. — 1915. — 5 декабря. — С. 2.

5 Рождествен А. Л. Толстой в критической оценке Мережковского // Чтение в обществе любителей российской словесности в память А. С. Пушкина при императорском Казанском университете. — Вып. XIII. — Казань, 1902. — С. 31.

6 Эйхенбаум Б. Мережковский-критик // Северные записки. — 1915. — Апрель. — С. 130.

чуть не всех истинно замечательных писателей древнего и нового мира, изучал художников всех стран и веков в их лучших произведениях. Во всякой строке, им написанной, видно уважение, видна любовь к художественному слову, видна добросовестная работа искренней мысли. Даже самые горячие порицатели его отдают справедливость его бескорыстному, чуждому всякой предвзятости и задних мыслей служению тому призванию, которому он себя посвятил. Словом, как литературный деятель имеет полное право на безусловное уважение. Он с какою-то трогательностью, можно сказать, благоговейною любовью предан своему делу как истинный литератор, в лучшем смысле этого слова.

И однако же, г. Мережковский окружен в нашей печати такою тучею недоброжелательства, как едва ли кто другой из современных писателей. Порицания и глумление — вот все, что является ему наградой за его руководимую благороднейшими побуждениями деятельность. О других писателях иной раз хоть молчат — о г. Мережковском непременно пишут при каждом удобном и неудобном случае, и пишут непременно в недоброжелательном духе. Результаты этих нападков налицо: в массе читателей укоренилось какое-то предвзятое недоверие к произведениям г. Мережковского, какое-то враждебное предубеждение против всего, что им написано.

Как объяснить эту странную несправедливость?»¹

В этой обширной цитате, в которой, по существу, высказано все, что может сказать наблюдатель об участии Мережковского-литератора, чрезвычайно четко и определенно сформулирована «загадка», практически не разрешенная и по сей день.

Вместе с тем нельзя не помнить, что у Мережковского были восторженные читатели, и единомышленники, и многое понимавшие критики. Один из них, А. Блок, первым увидел в Мережковском, историке литературы и критике, прежде всего, художника², а А. Белый — «тайну», которая «просится на встречу людям» со страниц всех его произведений³. Н. Бердяев связывал имя Мережковского с новым «типом религиозной мысли»⁴, а П. Струве говорил об особом

1 Никольский Б. «Вечные спутники» г. Мережковского // Исторический вестник.— 1897.— № 11.— С. 594.

2 Блок А.А. Мережковский // Собр. соч.— М.; Л., 1962.— Т. 5.— С. 364-365.

3 Белый А. Д. Мережковский. Гоголь и черт // Золотое руно.— 1906.— № 4.— С. 100-101.

4 Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Н.А. Бердяев о русской философии: В 2 т.— Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.— Т. 2.

способе ее выражения, форме воплощения идей¹, которые, по словам Л.Шестова, «ни хуже, ни лучше других, вращающихся сейчас в обществе. Беда, что идеи не нужны»².

Горячую полемику вызывала и историческая беллетристика Мережковского. В ее основе лежала оригинальная историческая концепция, сводимая современниками лишь к желанию писателя «втиснуть» исторические фигуры в свою отвлеченную схему. Неприятие и даже раздражение вызывала «реабилитация» Мережковским «спорных» деятелей мировой истории и культуры — Юлиана Отступника, Павла I; переосмысление значения Леонардо да Винчи, Микеланджело, деятельности декабристов, русских анархистов, староверов, Александра I и др. «Искажение», «глумление», «фантазии» — вот лейтмотив рецензий, сопровождавших публикации романов. «Мережковский не столько изобразил, сколько исказил Александра I. Он повсюду подсказывает, суфлирует ему, вкладывает ему в уста рассуждения, которые самым резким образом расходятся с фактами!» — восклицал П.Берлин³. «Мистического нет ни капли в натуре автора, — писал о романе «Петр и Алексей» А.Богданович, — он типичный резонер и его работа напоминает скорее решение шахматной задачи, а не проповедь или восторженное влечение в мир неясного и неопределенного, куда г. Мережковский хочет насильственно проникнуть»⁴. Такое отношение к исторической беллетристике Мережковского, по существу, сохранилось до наших дней, когда проникновение в творческий и идейный мир писателя заменяется соотношением поставленных им проблем, — власти, нравственности в политике, смешение церковного и государственного — с нашей современностью, переносится в область идеологическую.

Едва ли не агрессивнее воспринималась современниками и публицистика Мережковского. Он не был революционером, но убежденным противником режима, активно выступавшим в печати, как он сам говорил, «по религиозно-философским и общественно-политическим вопросам»⁵. Его перу

- 1 Струве П.Б. Кто из нас «максималист»? // Струве П.Б. *Patriotica*. — СПб., 1911. — С. 125.
- 2 Шестов Л. Власть идей (Д. Мережковский. «Л.Толстой и Достоевский». Т. II) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. — Л.: ЛГУ, 1991. — С. 209.
- 3 Берлин П. Александр I и декабристы в искажении Д.Мережковского // Новый журнал для всех. — 1913. — № 4. — С. 170—171.
- 4 А.Б. [Богданович А.И.]. Критические заметки // Мир божий. — 1901. — № 11. — Отд. II. — С.1.
- 5 Письма Д.С.Мережковского А.В.Амфитеатрову / Публ., вст. заметка и прим. М.Толмачева и Ж.Шерон // Звезда. — 1995. — № 7. — С. 161.

принадлежат сборники «Грядущий Хам»¹, «Пророк русской революции»², «В тихом омуте»³, «Le Tsar et la Revolution»⁴, «Не мир, но меч. К будущей критике христианства»⁵, «Большая Россия»⁶, «Было и будет. Дневник. 1910-1914»⁷, «От войны до революции. Невоенный дневник»⁸; уже после отъезда в эмиграцию — сборник «Царство Антихриста» (сборник антибольшевистских статей)⁹, десятки газетных статей и заметок.

Здесь сторонники и противники Мережковского делились не столько по «партийной» принадлежности, сколько на принимавших его историко-философскую концепцию будущности России и на отвергавших ее.

Среди наиболее серьезных и вдумчивых критиков Мережковского-публициста С. Франк¹⁰, Н. Бердяев¹¹, П. Струве¹², Л. Шестов. Они отдавали должное гражданской позиции и чистоте романтических убеждений писателя в созидательной потенции интеллигенции, но не принимали его уверенности, что Маркса можно заменить в ее мозгах «апостолом Иоанном и апокалипсической религией»¹³. Отыскивая корни «религиозного революционизма» Мережковского, философы и мыслители начала века отмечали несовершенство его философской подготовки, относительность знаний и схематизм его

- 1 Впервые: Мережковский Д. С. I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб.: Изд. М. В. Пирожков, 1906.
- 2 Впервые: Мережковский Д. С. Пророк русской революции: К юбилею Достоевского. — СПб.: Изд. М. В. Пирожков, 1906.
- 3 Впервые: Мережковский Д. С. В тихом омуте. — СПб., 1908.
- 4 Впервые: Le Tsar et la Revolution (Гиппиус З. Н., Мережковский Д. С., Философов Д. В.) — Paris, 1907.
- 5 Мережковский Д. С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства. — СПб.: М. В. Пирожков, 1908.
- 6 Мережковский Д. С. Большая Россия. — СПб.: Общественная польза, 1910.
- 7 Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник. 1910-1914. — Пг., 1915.
- 8 Мережковский Д. С. От войны до революции: Невоенный дневник. — Пг., 1917.
- 9 Царство Антихриста. Сборник антибольшевистских статей. Drei Vasren Verlag. — München, 1921.
- 10 См., например, ряд статей, посвященных творчеству Мережковского: Франк С. Л. Философия и жизнь: Этюды и наброски по философии культуры. — Пг., 1910.
- 11 Бердяев Н. А. О новом религиозном сознании (Д. Мережковский) // Вопросы жизни. — 1903. — № 3. — С. 16-27; его же: Мережковский и революция // Московский еженедельник. — 1908. — № 49. — С. 3; его же: О «двух тайнах» Мережковского // Биржевые ведомости. — 1915. — № 15094. — С. 2.
- 12 Струве П. Б. Patriotica. — СПб., 1911.
- 13 Франк С. Л. Философия и жизнь: Этюды и наброски по философии культуры. — С. 345.

религиозной «гипотезы или фикции». Н. Бердяев много писал об ущербности самого метода Мережковского-мыслителя, отмечал, что его публицистика и «религиозные писания» привлекают лишь читателей, находящихся на ранней стадии своего религиозного развития.

Не принявший советской власти и покинувший родину, Мережковский был быстро причислен к врагам советской власти и, по существу, предан анафеме. Литературные энциклопедии и справочники советского периода называли его «оголтелым мистиком» и «реакционером», проповедником «идеализма, утонченной поповщины», «сознательно искажающим исторические факты» и преклонявшимся перед самодержавием, встретившим революцию «с дикой фантастической злобой», а в учебниках и хрестоматиях по литературе характеристика его вклада в отечественную культуру ограничивалась кратким цитированием известного положения о «символизме и художественной впечатлительности» из книги «О причинах упадка...».

После многолетнего забвения Мережковский возвращается к нам историческим беллетристом, критиком, поэтом, публицистом и исследователем истории религиозных исканий человечества.

Но он был и оригинальным драматургом, и, как при жизни, эта сторона его дарования по сей день считается чем-то малозначительным в идейном и художественном отношении, находящемся на периферии его творческих устремлений, в центре которых якобы стояли историко-философская беллетристика и поэзия. Сказалась и скудость сценической истории его пьес. Они редко ставились и быстро исключались из репертуара театров, не оставили заметного следа в истории русской драматургии.

Мережковский — автор 15 драматических произведений. При его жизни были изданы фантастическая драма в стихах «Сильвио» (1887), драматические сцены «Гроза прошла» (1892), драмы «Павел 1» (1907), «Маков цвет» (1907), написанная в соавторстве с З. Гиппиус и Д. Философовым, драмы «Романтики» (1914), «Будет радость» (1914) и трагедия «Царевич Алексей» (1918). Завершенные в 30-х годах сценарии «Борис Годунов» и «Данте» сегодня доступны лишь зарубежным читателям.

Вне поля зрения читателей остаются незавершенные драмы Мережковского — «Мессалина» (1880-1881) и «Сакунтала» (начало 80-х годов), а также завершенные, но оставшиеся в рукописях — драматический этюд в стихах «Митридан и Натан» (начало 80-х годов), комедия «Осень» (1886); незавершенная драма без названия (середина 1910-х гг.) и сохранившаяся в машинописном варианте трагедия «Юлиан Отступник», написанная в период с 1916 по 1920 г.

Удивительно, но пьесы Мережковского, которыми он так дорожил, о судьбе которых так беспокоился, хлопотал, по поводу которых обращался к критикам, цензорам, коллегам, актерам, режиссерам, умолял, требовал, просил, — остаются, по существу, неизвестными. Пожалуй, только «Павел I», прошедший с шумным успехом по сценам единой тогда страны с участием О.Борисова, напомнил о Мережковском как драматурге. А ведь пьесы создавались в моменты его наивысшего творческого и интеллектуального подъема, оказывались в центре духовных поисков, отразили черты одного из трагических периодов русской духовной истории и предлагали зрителю «новый путь», звали к постижению последней истины и вершинам духа. По пьесам Мережковского можно судить и о том, какую идейную эволюцию он переживал, отметить его главные творческие «вехи».

Одна из причин того, что драматургия Мережковского долгие годы находилась в забвении, — общая для всех его произведений, только теперь возвращающихся к читателю. Другая состоит в своеобразии его пьес. Здесь в предельно сжатой форме сконцентрированы самые сложные, требующие «расшифровки» идеи Мережковского-мыслителя. Следуя за ними, перекидывая мостики от драм к романам, статьям, заметкам, письмам, лекциям, отыскивая истоки, переключки, мы проникаем в его творческую лабораторию, становимся свидетелями того, как обретает плоть вскользь брошенное слово, как становится художественным образом тяжеловесная конструкция из какой-нибудь статьи, как на наших глазах строится новое здание всемирной культуры, которое создавал этот парадоксальный мыслитель и художник.

«Все преходящее есть только подобие» — есть только образ, только символ, — переводил Мережковский слова Гете, и объяснял: — Мы должны соединять смысл не вечного с вечным, мы должны, не унижая преходящего, смертного, созерцать в нем и сквозь него бессмертное, непреходящее; мы не можем иначе достигнуть неземного, как поняв и полюбив земное до конца, до его последних пределов, не презирая, не унижаясь ничтожеству земного; мы должны помнить, что нет у нас иных путей восхождения, иных ступеней к Богу, кроме «подобий», «явлений», «символов» — не бесплотных и не бескровных, а облеченных в самую живую плоть и кровь». Так и создавались пьесы Мережковского. Отталкиваясь от конкретного исторического факта или явления художественной жизни, он выстраивал такую модель человеческого существования, в которой все, что кажется несущественным, «не вечным» превращается в значимое и жизненное; редкое, исключительное, — в типичное. И это, по его мнению, значимое и жизненное, рассматривается как способ, средство приближения к вечному.

Мережковский «писатель религиозный», — говорила З. Гиппиус. Его жизненные и творческие задачи были обусловлены «главной идеей всей его жизни и веры», «подосновой» всех «его работ последних десятилетий» — *«идеей Троицы, пришествия Духа и Третьего Царства, или Завета»*¹. В ее основе лежала убежденность в неуклонном движении человечества к тому, что будет за Новым Заветом, — к Третьему Завету, к Царству, в котором под сенью Духа «соединятся Отец и Сын». Предчувствие этого «пришествия» Мережковский находил «если не в русской церкви, то около нее или близко к ней», в русской литературе, «пророческой по преимуществу», и неясные ее пророчества искал в «предсмертном лепете» поэтической музыки Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, тихих словах умирающих писателей, критиков, общественных деятелей. «Он создавал себе свой мир, там многого не доставало, но то, что ему было необходимо, там всегда было, — вспоминала Н. Берберова. — Сколько раз мне, как когда-то Блоку, хотелось поцеловать Д.С. руку, когда я слушала его, говорящего с эстрады, собственно на одну и ту же тему, и как-то особенно тревожно ищущего ответов, конечно, никогда их не находя»².

Стремление обнаружить скрытое религиозное содержание событий истории и культуры приобрело особый, свойственный лишь Мережковскому, смысл. Ведь его представления о религиозной будущности человечества несколько отличаются от христианского миропонимания. Подобно средневековому мыслителю Иоахиму Флорскому Мережковский мысленно завершал божеский проект творения, ожидал Царство Духа Святого, наступающее за Царством Отца (Ветхий Завет) и Царством Сына (Новый Завет). Его ожидание требовало от Мережковского критики исторического христианства, которое не удовлетворяло его своей «бесплотностью», аскетичностью, абсолютизированием духа в ущерб плоти. И критика эта наполнила страницы его литературной критики, потому что «первобытная и вечная, стихийная сила» поэтического творчества как «непроизвольный и непосредственный дар Божий», содержит в себе «не только прошлое, но и неизвестное будущее всего человечества»³.

Время, когда основы этой религиозной концепции закладывались, когда Мережковский ощутил необходимость под-

1 Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Живые лица: В 2 т. — Тбилиси: Мерани, 1991. — Т.2. — С. 247.

2 Берберова Н. Курсив мой // Октябрь. — 1988. — № 11. — С. 187.

3 Мережковский Д.С. Сервантес // Мережковский Д.С. Эстетика и критика: В 2 т. Серия «История эстетики в памятниках и документах» / Сост., вступ. ст. и прим. Е. Андрущенко и Л. Фризмана. М.: Искусство; Харьков: Фолио, 1994. — Т.1. — С. 340.

нять на новый уровень сказанное в ранних произведениях и заявить о том, что станет целью его жизни и будущего творчества, совпало с его работой над исследованием о Толстом и Достоевском.

Здесь Мережковский и сказал впервые то, что наполнит его пьесы и во многом определит их своеобразие: «Мы не примем никакой середины, ибо верим в конец, видим конец, хотим конца, ибо мы сами — конец, или, по крайней мере, начало конца. В глазах наших — выражение, которого никогда еще не было в глазах человеческих; в сердцах наших — чувство, которого никто из людей не испытывал вот уже девятнадцать веков, с тех пор, как было видение отшельнику Патмоса». Он чувствовал себя одним из тех, кто, «глядя с возвышения, видит над головами людей приближающийся к ним, но пока не видный снизу стоящим в толпе, конец всемирной истории».

Ожидание этого конца, предчувствие его, выраженное с позиций нового сознания, и сделали произведения Мережковского чуждыми его современникам, «детям века сего, людям бесконечной середины, бесконечного «прогресса», продолжения мира», для которых не было «ничего смешнее, глупее, невероятнее, оскорбительнее, чем эта главная мысль всего христианства — мысль о конце мира».

Как эта «главная мысль всего христианства» выразилась в пьесах? Сначала слабо, неубедительно, но уже с 1905-1907 гг. приобрела совершенно отчетливые формы воплощения. С ней связаны в драматургии Мережковского две главные темы: судьба Православной Церкви, находящейся во власти самодержавия, или вопрос о власти, и участь интеллигенции, внешне «безбожной», но бессознательно религиозной, разделенной с народом и церковью, или, иначе говоря, проблема «религиозной общественности». Разумеется, это были темы и других его произведений, — исторической беллетристики, публицистики, литературной критики; об этом и многочисленные историософские и культурологические исследования Мережковского. Но драматургия оказалась в центре его художественских и идейных поисков, в нее вошло самое важное, самое сокровенное.

Первые неудавшиеся попытки Мережковского писать драмы — его юношеские наброски «Мессалина» и «Сакунтала» — обнаружили не только интерес молодого автора к драматургическому жанру. Обращает на себя внимание объект его художественного исследования — два сюжета из истории мировой культуры. Ведь его интересовала не фигура распутницы Мессалины или жизнь мифологической Сакунталы. Он вдохновлялся тем, как Тацит и Калидаса интерпретировали эти сюжеты. И вот — стилизация под средневековую драму — этюд «Митридан и Натаи» назидательного содержания, и, наконец, первая опубликованная пьеса —

фантастическая драма в стихах «Сильвио», которую он позднее назовет «подражанием» известной мистерии Кальдерона «Жизнь — сон».

Интерес молодого Мережковского вызывали забытые или малоизвестные сюжеты мировой культуры, которые он стремился прочесть по-новому. Это станет одной из ведущих черт его метода драматурга. Мы почти не встречаемся в драматургии Мережковского с оригинальными сюжетами, которые подсказали художнику его наблюдения над жизнью или человеком. Его главный материал, источник вдохновения — события прошлого, все равно — исторические, литературные или религиозные.

Несколько позднее Мережковский заговорит и о том, как следовало бы преобразовать современный театр. Он напишет об этом в одном из писем М.Н.Ермоловой: «Мы живем накануне упадка реалистического искусства, накануне нового, еще невиданного великого идеализма. Реализм утомил всех, он дошел до абсурда — до грубого, бессердечного и, главное, скучного, подавляюще скучного натурализма... Нужен какой-то необычайный, великий порыв, чтобы спасти Красоту, Искусство от того варварства и пошлости и самодовольной позитивной тупости, которые надвигаются на нас. И вот греки — величайшие идеалисты... Воскресить Греческий Театр (который до сих пор — тайна) — значит воскресить идеализм, чистейший и бессмертный идеализм среди царства В.Крылова и оперетки... Я буду переводить и, если доживу до 30 или 35 лет, — переведу все эти лучшие трагедии греческого театра»¹.

Мережковский осуществил свои намерения и, действительно, перевел некоторые трагедии. Но его современники получили не только прекрасные переводы: им была предложена модель нового театра, который, как в древности, снова стал бы местом «священнодействия», «богослужения», в котором могут совершаться великие таинства Духа и служение Верховной Красоте. Выступление Мережковского перед представлением трагедии Еврипида «Ипполит», опубликованное под названием «О новом значении древней трагедии», и его статья «Трагедия целомудрия и сладострастия» заложили основы того целостного художественного явления, которое впоследствии получит название русской театральной утопии. Но сам Мережковский остался ее теоретиком, а на практике осуществил пересмотр содержания драматургии.

И это — вторая черта метода Мережковского-драматурга, — особый содержательный стержень его пьес, особая тема.

¹ Мережковский Д.С. «Как бы мне хотелось с вами много и много поговорить...» // Мережковский Д.С. Письма М.Н.Ермоловой / Публ. и послеслов. Р.Островской // Театр. — 1995. — № 7. — С. 96.

Ее художественное исследование, пусть малоубедительное и наивное, уже есть в «Митридане» и «Сильвио» — каков смысл земного существования, какова цель человеческой жизни. Юный Митридан, стремясь быть единственным проводником воли Провидения на земле, решается убить того, кто эту волю уже исполняет своим милосердием, всепрощением, смирением. Сильвио, обреченный звездами быть тираном и убийцей, не понимающий, в чем его предназначение, прозревает от встречи с бедной женщиной, пожалевшей и полюбившей его, простившей ему жестокость. Провидение, милосердие, любовь — вот первые названия того. Кто уже в драме «Гроза прошла» (1892) окажется единственным спасением и надеждой главной героини.

«Гроза...» открывает целую серию пьес Мережковского об интеллигенции. О ее судьбе он писал в одном из писем Чехову: «... Цензор Альбединский драму мою запретил. Почему, — неизвестно, ибо в ней нецензурного, кроме самого обыкновенного адюльтера — ничего нет. Я пришел в такое уныние, что даже Вам ее не отослал. Отдал в СПб. Вестник». Флексер не принял ее и написал, что эта драма ниже всякой критики и что мне надо ее стыдиться. Я не поверил и отдал Ясинскому для передачи в «Наблюдателя» — Ясинский говорит мне, что эта драма — моя лучшая вещь, что он от нее в восторге, что я по призванию драматург и что Пятковский ее примет наверное. Кому верить, — не знаю»¹.

Читая «Грозу...», действительно, трудно было решить, что призвание Мережковского — драматургия. Но нельзя было и согласиться, что в ней «кроме самого обыкновенного адюльтера — ничего нет». Эту пьесу Мережковский писал параллельно с книгой «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», и в произведении для сцены перенес самое важное из нее — обвинение современной русской творческой интеллигенции в «капитализации» литературы, в уничтожении идеального в жизни и искусстве, в попрании нравственных основ, на которых зиждется истинная культура.

И вот — третья особенность Мережковского-драматурга: тесная связь пьес с другими сторонами его творчества, перенесение в произведение для сцены самого важного, показательного, стремление облечь в драматургическую форму найденное в работе над статьями, романами, заметками и пр. «Сильвио», создававшаяся одновременно со статьей

1 Мережковский Д.С. Письмо А.П.Чехову от [24 февраля 1892 г.] // Мережковский Д.С. Записные книжки и письма / Подг. текста, вступ. ст. и прим. Е.Андрущенко и Л.Фризмана // Русская речь. — 1993. — № 5. — С. 25-26.

«Кальдерон в своей драме» (позднее в сокращенном виде вошедшей в сборник «Вечные спутники» под названием «Кальдерон»), написана как отклик на творчество испанского драматурга и на основе того, что Мережковский-критик назовет главным в драматургии предшественника. «Гроза...» родилась в размышлениях Мережковского над современным состоянием литературного процесса и сущности интеллигенции. Все последующие драмы будут все теснее связаны с художественными и идейными поисками Мережковского художника, критика, мыслителя, окажутся своеобразным сплавом важнейших его идей.

Время, прошедшее от публикации «Грозы...» до следующей пьесы, «Павел I» (1907), было для Мережковского продуктивным и насыщенным. Он, по существу, завершает работу над своей первой трилогией «Христос и Антихрист», собирает материалы ко второй, «Царство Зверя», выпускает в свет несколько определяющих для его дальнейшего творчества исследований, собирает публицистические сборники. В это время все явственнее становится его главная цель, все отчетливее формулируются положения того, что может быть названо религиозно-философской системой Мережковского. Ее идейное ядро обозначилось, как вспоминала Гиппиус, в самом начале века, и вот переосмысление мировой истории и культуры, проводимое сначала интуитивно, как бы ощупью, оказывается основанным на четком представлении откуда и куда движется мир, что с ним было и что еще будет. Не случайно в этой мировой истории, заново написанной Мережковским, окажутся реабилитированными самые спорные, отверженные фигуры, — они явились оправданием и подтверждением его мысли о грядущем Царстве Трех. Стихийно сопротивлявшиеся ходу истории, то замедлявшие, то опережавшие его Юлиан, Леонардо да Винчи, Петр и Алексей, Павел, русские декабристы, «нетовцы», «отрицатели» и «самосожигатели», Лютер, Кальвин, Паскаль, святые прошлых веков есть его собственные «вечные спутники» человечества, одним своим существованием подтверждавшие верность намеренного им религиозного пути. И это — еще одна отличительная особенность драматургии Мережковского. Ему было мало написать об отверженных роман или упомянуть о них в статьях. Он выводил их на сцену, приближал к зрителю, стремился оживить, показать в действии, объяснить причины трагической судьбы и наконец реабилитировать.

С другой стороны, особое видение религиозного будущего человечества предопределяло и особый взгляд на его настоящее. Утратив веру в созидательные возможности остального мира, Мережковский пристальнее вглядывался в современную ему российскую действительность. Его не удовлетворял в ней «прелюбодейственный союз» церкви и государства, а

также разобщение интеллигенции и народа. И это последнее побуждало Мережковского искать корни такого разобщения, исследовать интеллигентскую психологию, размышлять над причинами и сущностью ее атеизма.

С 1907-1908 гг. эти темы развиваются в драматургии Мережковского параллельно. Он пишет историческую драму «Павел I» и наряду с этим принимает участие в совместном проекте с З. Гиппиус и Д. Философовым — в создании драмы «Маков цвет». Затем он работает над драмой без названия, так и оставшейся незавершенной, и, оставив ее, пишет одну за другой «Романтики» и «Будет радость». Одновременно с ними он инсценирует роман «Антихрист. Петр и Алексей» и в это же время — «Смерть богов (Юлиан Отступник)». Эти произведения неравнозначны в идейном и художественном отношении. Подлинные вершины драматургии Мережковского — драмы «Павел I» и «Будет радость». Но каждая из пьес является свидетельством творческой эволюции их создателя, дает нам возможность видеть, как расширялся круг его зрения, как развивались главные его идеи, как становился тверже и искуснее его почерк.

* * *

Драма «Павел I» открывает своеобразную историческую драматическую «трилогию» Мережковского: «Павел I» — «Царевич Алексей» — «Юлиан Отступник». Размышляя об этой пьесе, мы имеем возможность воссоздать историческую концепцию Мережковского, концепцию оригинальную, спорную, но стройную и своеобразную.

Обращение Мережковского к павловскому времени совпало как с интересами его современников, — вспомним, например, нереализованный замысел Вл. Ходасевича, также интересовавшегося фигурой Павла, — так и с тенденцией, наметившейся в русском театре этого времени. Вместе с тем внимание писателя к историческому прошлому имело и совершенно особый оттенок. По словам Гиппиус, изучение «екатерининской эпохи, Павла I... усиливало его внимание к современным событиям», на которые он «смотрел... под одним углом — религиозным»¹.

Работа над пьесой началась еще в 1904 г., когда Мережковский, «задумывая новую трилогию, занимался эпохой Екатерины — Павла — Александра I. Две последние его особенно интересовали»². Однако события 1905 г., в кото-

1 Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. — С. 246.

2 Мережковский Д.С. Письмо А.С.Суворину от 27 декабря 1907 г. // Мережковский Д.С. Записные книжки и письма. — С. 34.

рых Мережковские приняли активное участие, а также переезд за границу отрывали его от регулярной работы. В письме А. Г. Достоевской от 16/29 сентября 1906 г. Мережковский сообщал, что «задумал написать трагедию — «Смерть Павла I»¹, но пьеса была завершена лишь осенью 1907 г. Мережковский планировал ее французское издание, добывая постановки «на какой-нибудь парижской сцене»², «в Одеоне или у Коплена»³, ее отрывки читались у «молодого мецената Щукина».

По возвращении в Петербург Мережковскому «объявили по телефону, что он привлекается к суду за «Павла I»; он и Пирожков (издатель); суд 16 апреля... по 128-й статье: «Дерзостное неуважение к Верх(овной) Власти... Минимум наказания — год крепости». Слушание дела удалось отложить до осени, и оно состоялось лишь 18 сентября. «Обоих оправдали за ненахождением состава преступления, — пишет Гиппиус, — и конфискация с книг была снята»⁴.

Мережковский пытался сохранить «Павла», прежде всего, как часть задуманной им трилогии «Царство Зверя». Даже в преддверии судебного разбирательства он сообщал Ф. Д. Батюшкову, что «почти уверен, осудят, но, надеюсь, не сейчас посадят. Хотелось бы раньше кончить «Александра I». А на него тоже точат зубы...»⁵ Вместе с тем пьеса имела, по словам самого автора, и «совершенно самостоятельное значение»⁶. Он признавался Брюсову, что «кроме любви», с которой он писал о Павле, и большой симпатии к нему, — «мне как это ни странно сказать, личность Павла довольно нравилась», — он был одержим «сверхидеей», хотя и не вполне удачно, на его взгляд, воплощенной: «Я хотел показать бесконечный религиозный соблазн самодержавия (этого русские революционеры, кроме самых редких, совсем не чувствуют)»⁷.

В основу драмы Мережковским положены трагические события марта 1801 г., обстоятельства которых долгое время оставались запретными для публикации и воссозданы в сборнике «Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников», изданном А. С. Сувориным в 1907 г.

1 Мережковский Д. С. Письмо А. Г. Достоевской от 16/29 сентября 1906 г. // Мережковский Д. С. Записные книжки и письма. — С. 31.

2 Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский. — С. 272.

3 Мережковский Д. С. Письмо А. С. Суворину от 27 декабря 1907 г. // Мережковский Д. С. Записные книжки и письма. — С. 34.

4 Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский. — С. 284, 286.

5 Мережковский Д. С. Письмо Батюшкову Ф. Д. от 29 августа 1912 г. // РГПБ, Ф. 51, Арх. Ф. Д. Батюшкова, ед. хр. 18. — Л. 9-об.

6 Мережковский Д. С. Письмо А. С. Суворину от 27 декабря 1907 г.

7 Мережковский Д. С. Письмо В. Я. Брюсову от 4 июня 1908 г. // Мережковский Д. С. Записные книжки и письма. — С. 35.

В этом сборнике, а также в изданиях А.Н.Пыпина, Е.С.Шумигорского, «Записках» С.Порошина, исследовании «Император Павел Первый по Шильдеру и воспоминаниям современников» и мн. др. Мережковский нашел «жизнь» Павла и описание его смерти. В сущности, именно смерть императора и организует сюжет этой драмы. Подобно А.К.Толстому, «Смерть Иоанна Грозного» которого Мережковский, несомненно, хорошо знал, в отношении к заговору против Павла I и расположены действующие лица драмы.

Идейная задача автора не могла быть реализована в рамках той детективной истории, что стала основой его произведения. Это одним из первых заметил Д.В.Философов, писавший А.Н.Бенуа, что «нельзя в пяти действиях трактовать само событие» и в исторической драме, «особенно из эпохи, столь хорошо изученной, необходимо вести параллельную интригу с главной... Символизм же настолько неясен, что я даже считаю трагедию какой-то черносотенной» и произведением, смысл которого «сводится к проблеме отцеубийства, для чего не стоило городить исторического огорода»¹. «Символизм» драмы «Павел I» становится ясен при обращении ко всему комплексу историософских произведений Мережковского, к его публицистике и религиозно-философским эссе.

В основе исторической концепции лежит убеждение Мережковского в исторически обусловленном, но губительном для православия порабощении церкви самодержавием. Еще в исследовании «Л.Толстой и Достоевский» он обратился к «делу» Петра Великого, превратившего церковь в один из департаментов государственной машины. Полемизируя с современниками, Мережковский размышляет, есть ли историческая вина Петра в порабощении церкви, ищет положительные стороны его «дела». С одной стороны, церковь, находящаяся, по слову Достоевского, «в параличе», оказалась орудием верховной власти и благословляет самые чудовищные преступления самодержавия. С другой, если бы не Петр, православие повторило бы роковую ошибку Римской церкви, не устоявшей перед соблазном цезарепапизма.

Почему вопрос об участии православия оказывается центральным в исторической концепции Мережковского? Потому, что, по его представлениям, Россия ждет великое религиозное будущее как силы примиряющей во Вселенной церкви, в Царстве Трех или Церкви Третьего Завета. Но церковь не способна вести за собой общественность, она лишь средство в руках государственного аппарата, и новым

1 Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906 — 1908) // Лица: Биографический альманах. — М.: Феникс, 1992. — Т. 1. — С. 363.

поколениям предназначено освободить православие, объединить под сенью церкви интеллигенцию и народ.

«Положительная» сторона деятельности Петра, вовлекавшего Россию в европейский процесс, не понята и не реализована его последователями. Об этом — слова Мережковского в статье «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (1906). Каждый пришедший на трон самодержец вновь объединяет власть мирскую и небесную в своих руках. Он не решает такой существенный для народа, «крестьянства — христианства» вопрос, как земельный, и оказывается новым самозванцем. И даже если бы его избрание совершилось не по родству, а волей народа, то как узнать, совпадет ли она с волей Божьей, ведь даже помазание на царство совершается царем как главой церкви. Значит, заключает Мережковский, не только исторически, но и мистически «каждый самодержец — самозванец».

«Не человек, а Бог», — говорит о Павле в драме Нарышкин. «Как в древнем Риме: «Ave, Caesar, morituri te salutant», — указывая на знамена и носилки, произносит Пален. «Кесарь и Первосвященник,.. царь и папа вместе, — провозглашает сам император, — я, я, я один во всей вселенной!.. Жена — церковь православная, а младенец — царь самодержавный... Жена родила Младенца,.. коему надлежит пасти все народы железом железным... Се тайна великая, — говорит Павел, — никто ее не знает,.. кроме меня!»

Концепция павловского времени тесно связана с эпохой Петра Великого, да и сама драма написана как отклик, отзвук петровской темы у Мережковского. В Петре он видел первого русского самодержца, находившегося в плену «религиозного соблазна». «Моя ежедневная прогулка — в Летнем саду, мимо домика Петра Великого, — читаем в статье «Зимние радуги». — Там... множество вороньих гнезд. Когда убийцы Павла I проходили ночью по средней аллее сада к Михайловскому замку, то поднялось такое карканье, что заговорщики боялись, как бы не проснулся спящий император. Вороны и надо мной каркают. Есть легенда, что эта вещь птица живет столетия. Может быть, некоторые из них помнят Петра...»¹

В драму введен рассказ Павла о видении, когда рядом с ним появился «в черном плаще, шляпа низко... государь император Петр I»: «Посмотрел на меня долго, скорбно да ласково и два только слова молвил: «Бедный Павел». Подозревая Александра в измене, Павел напоминает ему «историю царевича Алексея», «восставшего на отца»: «Отец казнил

1 Мережковский Д.С. Зимние радуги // Мережковский Д.С. Большая Россия: Избранное. — Л.: ЛГУ, 1991. — С. 113.

сына. Помните? А все-таки перечесать не мешает...» Во второй части трилогии, в романе «Александр I», Мережковский уже прямо связывает имена двух самодержцев (Фотий преследует Голицына): «А когда бежали они через большую парадную залу с портретами царских особ, то казалось, что они все, — от Петра I, который начал, и до Павла I, который завершил плен церкви властью мирской, — смотрели с удивлением...»¹

Эта связь пьесы о Павле с романом о Петре и Алексее проявится и в одной из последних пьес Мережковского — в трагедии «Царевич Алексей» (1918).

Драма «Павел I», имевшая «самостоятельное значение», стала связующим звеном между романом «Петр и Алексей» и двумя романами из трилогии «Царство Зверя». На новом материале здесь получили развитие проблемы, затронутые в романе о Петре и Алексее, и новое звучание темы, к которым автор вернется в книгах об Александре и декабристах.

«Главная сущность всего старого порядка в России, — объясняет Мережковский в статье «Христианство и государство», — есть поглощение церкви государством, превращение церкви в «департамент дел духовных». Петр, основатель русского абсолютизма, и основал его на этом именно смешении «цесарева с Божьим»². Царевич Алексей записывает в дневнике: «Церковь больше царства земного. Ныне же царство возобладало над церковью. Как заговорили архиереи о вдовстве церкви и о нужде патриаршества... Петр в великом гневе выхватил из ножен кортик... да закричал: — Вот вам патриарх! Оба вместе — патриарх и царь!»³ Фрейлина Арнгейм в дневник заносит доходящие до нее «разговоры» об «объявлении Петром себя Верховным Епископом, то есть Патриархом церкви Вселенской... Будто бы... царь... хочет быть один начальником российской церкви...» «Феодос говорит в лицо государю, — пишет Арнгейм, — «Ты бог земной». Это ведь и значит: *divus Caesar*, Кесарь божественный, Кесарь-Бог»⁴.

«Русская церковь в параличе с Петра Великого», — неоднократно приводит Мережковский слова из «Дневника писателя» Достоевского. Что же «сделал Петр с русской церковью?», что величайший из мыслителей ставил ему в

1 Мережковский Д.С. Александр I // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. — М.: Правда, 1990. — Т.3. — С. 240.

2 Мережковский Д.С. Христианство и государство // Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. — М.: Сов. пис., 1991. — С. 347.

3 Мережковский Д.С. Антихрист. Петр и Алексей // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. — Т.2. — С. 452-453.

4 Там же. — С. 421-423.

вину, спрашивает он. — «Ведь он... знал, что говорил, в его устах... такое слово имеет страшный вес»¹.

Духовным регламентом или Уставом Духовной Коллегии «решается... всемирно-исторический вопрос, подчиняется церковь государству, православие — самодержавию». С этого времени деятельность церкви в России — лишь духовная политика, часть политики государственной. «Петр соединил в себе власть русского царя с властью русского патриарха — «кесарево» с «Божьим»².

В романе «Петр и Алексей» «положительная» сторона дела великого преобразователя оказалась несколько затемнена. По собственному признанию Мережковского, он пытался «реабилитировать» «бедного царевича Алексея», а Петра «коснулся, кажется, очень смело... ибо чувствовал его страшное величие»³. Гиппиус вспоминает, как Мережковский выверял в их «супружеских сценах» верность своей концепции: «Тут дело шло... о страшном столкновении отца с сыном. Дмитрий Сергеевич — мне казалось — все больше и больше берет сторону Алексея. Замечалось это главным образом, когда он рисовал фигуру Петра. Да отчасти и Алексея, который мечтал, сделавшись царем, Петербург покинуть, переселиться в Москву, где и жить потихоньку, по старинке, Богу молиться (бороду, конечно, отрастить)»⁴. Мережковский переделал сцены, где, по мнению Гиппиус, было «неумеренное подчеркивание грубости... Петра... даже для своего времени...», но сохранил суть образа: будучи в главной своей деятельности истинным «духовным патриархом», он во внешних формах оставался патриархом «булатным, только «булатным», только мирским царем мирского царства». По мнению Мережковского, не только сам Петр не чувствовал, но и его наследники не раскрыли «бессознательное христианское содержание» его реформ. Напротив, они неуклонно преобразовали «духовного» патриарха в «булатного». Русская государственность постепенно утратила свое религиозное содержание, «обмирщилась». В ней, говорит Мережковский, «уже нет никакого идеала, а есть лишь отрицание всех вообще религиозных идеалов...»⁵

1 Мережковский Д.С. Лев Толстой и Достоевский // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 24 т. — М.: И.Д.Сытин, 1914. — Ч.3 (Религия). — С. 18.

2 Мережковский Д.С. Лев Толстой и Достоевский // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 24 т. — М.: И.Д.Сытин, 1914. — Ч.3 (Религия). — С. 20.

3 Мережковский Д.С. Письмо Суворину А.С. от 1903 г. // Мережковский Д.С. Записные книжки и письма. — С. 30.

4 Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. — С. 231.

5 Мережковский Д.С. Теперь или никогда // Мережковский Д.С. Больная Россия. — С. 53, 59.

В драме о Павле Мережковский рассматривает тему «религиозного соблазна» на новом материале. Его герой искренне считает себя владыкой церкви и не чувствует своей вины в ее порабощении. Более того, он видит себя будущим верховным владыкой всех христианских церквей, примеряет далматик, принимает патера Грубера, ведет активную переписку с Наполеоном об объединении усилий в борьбе с мировым злом.

Но заявленная цель автора — изобразить «религиозный соблазн самодержавия», который не ощущают самые прозорливые из русских революционеров, — реализована не была. Сцены, в которых Павел проявляется как государственный деятель и потенциальный преобразователь церкви, немногочисленны и непоказательны. Материал, на который опирался Мережковский, да и стремления его собственной души требовали иной основы конфликта драмы.

Не только удивленные современники, но и последующие поколения понимали, что Мережковский — исторический драматург и беллетрист взялся за реабилитацию спорных фигур мировой истории. Однозначная в отечественной историографии личность Павла, спорные и неоднозначные фигуры Петра и Алексея, да и «отверженный» Юлиан — стали героями не только его драм, но и его сердца.

Вот как в тревоге он пишет, например, в 1903 г. А. С. Суворину об образе Алексея: «За реабилитацию... бедного царевича... меня будут ругать ужасно, — Петр — «либерал» и потому его нельзя касаться... Я и его тоже люблю. А примирение в нашей будущей культуре Петра и Алексея (Отчей и Сыновней «Ипостасей» всей Русской Истории) там — за «рекою крови» — все-таки самое главное, что нам предстоит...»¹

Именно здесь, в этих словах о примирении «ипостасей» русской истории, и лежит ключ к пониманию замысла драмы «Павел I», его мистической «подосновы».

Впервые об исторической вине как вине мистической Мережковский говорит в исследовании «Л. Толстой и Достоевский», когда ищет в политике Петра I положительный идеал. В облике этого преобразователя, «первого русского интеллигента», европейца и революционера, не дает ему покоя убийство царевича. «Кажется, в летописях всех человеческих преступлений не было такого, если не возмущающего, то смущающего совесть убийства, как убийство царевича Алексея. Оно ведь страшно... не несомненною правотою, невинностью сыноубийцы... Тут всего ужаснее

¹ Мережковский Д. С. Письмо Суворину А. С. от 1903 г. // Мережковский Д. С. Записные книжки и письма. — С. 30.

вопрос: что, если Петр должен был так поступить?.. Убил сына для себя? Но ведь Петр действительно... просто не умел никогда отличить себя от России, он чувствовал себя Россией, любил ее... больше, чем себя»¹.

Петр должен был, размышлял Мережковский, «казнить сына, плоть и кровь свою, чтобы спасти Россию». «Это самое страшное, самое важное во всей жизни, — вкладывает Мережковский слова в уста Петра.— На одну чашу весов положится все, что он сделал великого, доброго, на другую — кровь сына... Но что же делать? Простить сына — погубить Россию; казнить сына — погубить себя»². Алексей тоже «не за себя одного» «восстал на отца». Как и Петр, он «чувствовал, что прав», «но не совсем прав». «Как будто у каждого из них была своя правда, и эти две правды были навеки противоположны, навеки непримиримы. И одна должна была уничтожить другую. Но, кто бы ни победил, виноват будет победитель, побежденный — прав»³.

Александр, «отцеубийца мысленный», тоже должен сделать выбор: «Ну, а если государь — сумасшедший... Хищный зверь, что вырвался из клетки?..» «Как с этим жить, как с этим царствовать?.. ведь тут что-то неладное...» Это «неладное» чувствует и Павел: «Сын родной, первенец, плоть и кровь моя... Будь он проклят... Отцеубийца...»

Столкновение отцов и детей тем трагичнее, чем больше они понимают, что любят друг друга. «Спасибо, Алеша!» — сказал Петр, и от этого... «Алеша» сердце Алексея дрогнуло. «Ты имеешь много благородства... Сашенька, — ты меня поймешь», — говорит Павел, «беря Александра под руку». Алексей «чувствовал, как рвалось из груди... одно слово, один знак отца — и сын упал бы к ногам его, зарыдал бы такими слезами, что... растаяла страшная стена между ними...»⁴ «Только на прощание, — вспоминает Александр вечер перед убийством, — Павел подошел... Один миг казалось обоим, что они друг другу скажут все и все простят...»⁵ Но «они молча смотрели друг другу в глаза одинаковым взглядом, — пишет Мережковский о Петре и Алексее, — и в этих лицах... было сходство. Они отражали и углубляли друг друга, как зеркала, до бесконечности»⁶. «Мы тут вдвоем, — говорит Павел, — Ровесники...И похожи-то как! Как две капли воды...»

1 Мережковский Д.С. Лев Толстой и Достоевский.— С. 113.

2 Мережковский Д.С. Антихрист. Петр и Алексей.— С. 515-516.

3 Там же.— С. 335, 552.

4 Там же.— С. 335, 407.

5 Мережковский Д.С. Александр I.— С. 142.

6 Мережковский Д.С. Антихрист. Петр и Алексей.— С. 662.

«Царевич Алексей Петрович — необходимый трагический двойник Петра»¹, — пишет Мережковский. — Александр — «близнец», «двойник» Павла. И кровь сына на руках Петра, и кровь отца на совести Александра, «соединили прошлое с будущим».

В образах детей самодержцев — Алексея и Александра — Мережковский реализовал свою убежденность в неизбежности воссоединения церквей. Вот Алексей, мечтающий «собрать вселенский собор для воссоединения церквей... да притекут народы с четырех концов земли под сень Софии Премудрости Божией, в царство священное во сретение Христу Грядущему!»² Вот Александр вторит ему: «Евангелие вместо законов; власть Божия — вместо власти человеческой. Верил: когда все цари земные сложат венцы свои к ногам единого Царя небесного, да будет Самодержцем народов христианских не кто иной, как сам Христос» и «молился... о соединении всех церквей во единой церкви Вселенской»³. Между тем ни Петр, на котором лежит «страшная тень Зверя, тень Антихриста», ни Павел, «сумасшедший, хищный зверь», не отказались от власти, чтобы «произвести лучшую из всех революций». И их образы в сознании детей «двоились»: «доброе, милое лицо родимого батюшки» и «чуждое, страшное... лицо зверя».

Тревога Мережковского, что его будут «ругать ужасно» за образ царевича Алексея, имела под собой основу. Ведь только путем сопоставления его слов о Отцовской и Сыновней «Ипостасях» в русской истории с образами Павла-Александра и Петра-Алексея можно понять его замысел. В религиозной концепции Мережковского за двумя первыми ипостасями идет третья, Царство Духа, то самое «примирение», что лежит «за рекою крови». Так идея «религиозного соблазна» вдруг открывает в драме новый, более глубокий пласт — мистическая основа исторического процесса, предопределенность личной и вселенской трагедии неразрешенностью самого существенного, самого важного противоречия, конфликта космического масштаба.

В одном из писем М. Андреевой А. Блок писал о необходимости для Большого Драматического театра пьес «того... духа», который «сблизил» бы «театр с современностью». Трагедия «Царевич Алексей» исключена Блоком из этого

1 Мережковский Д.С. Лев Толстой и Достоевский. Ч.3. (Религия).— С. 17.

2 Там же.— С. 557.

3 Мережковский Д.С. Александр I.— С. 137, 252.

ряда: «Об «Алексее» не говорю, потому что не прочитал его, но заранее могу сказать, что пьеса — другой породы»¹.

Из истории создания трагедии «Царевич Алексей» известно немного. Мережковский дорожил романом «Антихрист. Петр и Алексей», и, получив возможность представить в театре историческую драму, предложил инсценировку именно этого произведения.

Для трагедии «Царевич Алексей» автором из романа отобраны эпизоды, связанные с гибелью царевича Алексея. Здесь, разумеется, не оказалось места широкому историческому фону, на котором развивалась эта сюжетная линия в романе. В трагедии несколько перемен места действия и небольшое число действующих лиц. В романе «Петр и Алексей» линии Петра и Алексея развиваются параллельно и в структуре произведения равноправны. В трагедии судьба Алексея выдвинута на первый план, а образ Петра практически не выписан. Петр появляется перед зрителем в сцене допроса сына и перед его смертью. Именно это, как уже говорилось, беспокоило Мережковского, понимавшего, что «реабилитация» царевича Алексея может быть неадекватно воспринята зрителями.

Стремление оправдать сына Петра, вызвать сочувствие и пробудить любовь к нему еще острее ощущается в трагедии. Беспомощный перед силой духа убежденного в своей правоте Алексея, Петр оказывается рабом своей подозрительности и весьма сходен с Павлом из первой исторической драмы автора. Можно сказать, что спор с Гиппиус о Петре и Алексее периода создания романа в пьесе выиграл Мережковский. Представление об Алексее как о жертве непримиримой борьбы, в которой «все правы и все виновны» (выражение А.К.Толстого), воплотилось в трагедии в полной мере. Сюда автором перенесен один из важнейших, по его мнению, вопросов: «Что, если Петр должен был так поступить?» Его герой произносит перед иконами проникновенный монолог о неразрывности своей судьбы и судьбы России, воссозданный впервые в романе, а затем и в ряде критических и публицистических статей Мережковского. Правда, в романе Алексей оправдан тем, что стремится устроить жизнь народа «по Евангелию», собрать все народы «под сень Единой церкви». Здесь Алексей не оправдан ничем. С первого действия подразумевается, что его вина состоит в отказе подчиниться отцу, принять и наследовать его дело. У Алексея, должен был понимать зритель, есть какой-то свой, особый взгляд на будущность России. Но в тексте отсутствует сколько-нибудь прочная аргументация правоты царевича, а из его ближай-

¹ Блок А.А. Письмо М.Ф.Андреевой от 27 апреля 1919 г. // Блок А.А. Полн. собр. соч.— Т. 8.— С. 522.

ших планов известно лишь, что после восхождения на престол он готов разогнать всех, кто служил Петру, «бороду, конечно, отрастить».

Наиболее сильными в художественном отношении оказались третье и четвертое действия драмы. Здесь видна и душевная борьба Алексея, прячущегося от отца в Неаполе, и его нежная любовь к Ефросинье, ожидающей ребенка; понятна обреченность положения царевича, которого неминуемо ожидает гибель по возвращении в Петербург. Образ Петра, вернее, тень Петра, преследующая царевича, довлеет над последними действиями. Алексей видит его во сне, слышит его голос, и эти видения, усиливаемые сирокко, мучают его. Этот эффект сходен с ощущением власти рока в древних трагедиях. Все говорит зрителю о приближающейся катастрофе и действие неуклонно к ней движется.

Примерно в одно время с инсценировкой романа о Петре и Алексее Мережковский возвращается и к роману о Юлиане Отступнике. Когда-то выпущенный по техническим причинам отдельно от двух других романов трилогии, он почти не мыслился Мережковскому как самостоятельное произведение. Автор особенно настаивал на тесной связи этого исторического времени с эпохой Возрождения, призывал читателя помнить о дальнейшем развитии этой темы, соединял эпохи, выводил одну из другой. Теперь, когда Мережковскому понадобился зрелищный и сценичный материал, он вслед за судьбой Алексея обратился к сюжету о Юлиане и отобрал из романа самые впечатляющие сцены.

Концепция личности Юлиана в трагедии соответствует той, что создана в романе. Юлиан — предвестник будущего сверхисторического христианства, бессознательно стремящийся к соединению святой плоти, воплощенной в языке, со святым духом раннего христианства. Образ Юлиана представлен в столкновении с христианами, с любимыми женщинами, с людьми из близкого окружения и поднимается до подлинной трагичности в самом главном противостоянии — с Галилеянином.

Работа над трагедией, как видно из ее текста, была не механической. Автором несколько переосмыслены образы Арсиной и Елены, изменен порядок некоторых фрагментов, материал скомпонован так, чтобы произведение было занимательным и сценичным. Обращение Юлиана к сибилловым книгам перенесено в самый кульминационный момент трагедии, когда от героя требуется принятие решения, последствия которого предопределят его дальнейшую судьбу.

Трагедия «Юлиан Отступник», скорее всего, не ставилась, хотя текст романа Мережковского использовался для спектаклей. Его фрагменты уже без участия Мережковского соединяли с фрагментами драмы Г. Ибсена «Кесарь и галилеянин», и эта постановка выдержала несколько представлений.

В 20-е гг., уже в эмиграции, Мережковский вновь обратился к историческому материалу: совместно с З.Гиппиус им написан сценарий «Борис Годунов», произведение интересное как с точки зрения его содержания, так и жанра. «Борис Годунов» создавался на основе трагедии Пушкина и трилогии А.К.Толстого. Творческую историю произведения восстановила первый его публикатор Т.Пахмусс¹.

Среди размышлений Мережковского о русском историческом процессе вопрос о природе самодержавной власти занимает немаловажное место. Превратно истолкованная идея, что «несть власти аще не от Бога», оправдывала, по его мнению, не только злоупотребления самодержцев, но и формировала ущербное сознание народа, который, по словам Чаадаева, «ничего не способен усматривать во власти, кроме родительского авторитета...» Эта же мысль была высказана Пушкиным в трагедии «Борис Годунов»:

Всегда народ к смятенью тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Мережковский рассматривал вопрос о власти в двух измерениях — исторически и «мистически». В статье «Пророк русской революции» он пишет, что даже избранный по «воле народной», самодержец не может считать себя вправе занять престол. Никто не знает на то «воли Божьей», следовательно, «не только исторически», — говорит он, — но и «мистически каждый самодержец — самозванец воли народной». Такой подход к решению проблемы природы самодержавной власти оказался совершенно новым для русской культуры.

Самозванством традиционно осознавалось незаконное занятие царского трона, и в памяти поколений с этим явлением связано, прежде всего, Смутное время. Пожалуй, мало есть сюжетов в русской истории, которые бы вызывали такой неослабевающий интерес у читателей и такое пристальное внимание исследователей, как этот. На протяжении нескольких веков тайна личности самозванца, обстоятельства его прихода к власти и бесславный конец становились предметом поисков историков и этнографов, вдохновляли поэтов, драматургов и писателей, начиная с Лопе де Вега, еще при жизни Лжедмитрия посвятившего ему пьесу, Шиллера, так

¹ Мережковский Д. Данте. Гиппиус З. Мережковский Д. Борис Годунов: Киносценарии / Под ред. и со вступ. ст. Т.Пахмусс. — Нью-Йорк: Gnosis Press, 1990.

и не завершившего свою драму, до десятков русских трагедий, писавшихся вплоть до начала XX века.

Несмотря на все многообразие идей и концепций, можно выделить тематические узлы, которые, как правило, переносятся из одного произведения о Дмитрие Самозванце в другое: власть, ее природа и назначение; обязанности самодержца как государственного деятеля и его человеческие качества; народ, его психология и судьба; польская тема; тайна личности Самозванца; Самозванец и Марина.

В тексте «Бориса Годунова» Мережковских синтезированы элементы трагедии и драматической поэмы, соблюдены и некоторые требования к сценарию — описание мизансцен, погоды, пейзажа, становящихся живописными художественными зарисовками. Текстually сценарий в значительной степени зависит от «источника» — трагедий Пушкина и Толстого, но содержит и самостоятельные сцены: «Допрос», а также «Димитрий и Марина» (2-я часть 15-й картины), «Сцена на мельнице. Гадание», которую Т. Пахмусс также относит к числу самостоятельных, написана по мотивам первого явления пятого действия трагедии А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного». В отличие от толстовской трагедии, гадание происходит не в Кремлевских палатах, а в дремучем лесу, у колдуна на мельнице. Исходные тексты порой просто приспособлены для целей нового произведения, иногда переосмыслены и введены с новыми акцентами, особыми сюжетными положениями. Так, «Пролог» сценария написан путем компоновки пушкинских сцен «Кремлевские палаты» и «Девичье поле». Пушкинской сцене «Красная площадь. Народ» у Мережковских соответствует совершенно иная картина — «Сцена на мельнице. Гаданье», а третьей — «Девичье поле. Новодевичий монастырь» — сцена «Пимен (Ночь. Келья в Чудовом монастыре)». Приспосабливая пушкинский текст к условиям своего сценария, Мережковские, тем не менее, выстраивают его согласно своему замыслу. Сценарий совпадает с пушкинской трагедией в 4-й части — «Кремлевские палаты. (Борис. Патриарх. Бояре)», у Мережковских — «Венчание Бориса на царство». Но совпадение ограничивается лишь очертаниями действия. Мережковские предлагают совершенно иное прочтение пушкинской сцены. В момент венчания Борис и Григорий встречаются глазами, и оба пугаются этой встречи. В трагедии Пушкина наше внимание приковано к диалогу Шуйского и Воротынского, в сценарии Мережковских — к душевным движениям Бориса и Григория. В дальнейшем заметны большие расхождения между трагедией и сценарием. У Мережковских друг за другом следуют сцены «Кабак», «Прием послов» — переосмысленная сцена приема послов из трагедии Толстого «Борис Годунов», самостоятельные — «В бане у Шуйского» и «Допрос» и «Бегство из монастыря». 10-я картина, «Корчма»,

написана по мотивам 9-й пушкинской картины «Корчма на литовской границе». Самостоятельной можно считать и сцену «Письмо нунция», тесно связанную со сценой «Прием послов», где зарождается «польская интрига» по использованию Самозванца в борьбе с Борисом. Близка к пушкинской 12-я картина — «Бал у Мнишек» («Краков. Дом Вишневецкого») и сцена «У фонтана» (пушкинская 15-я картина). Совершенно самостоятельна 15-я картина сценария «Ставка Самозванца. Дмитрий и Марина» и по мотивам пушкинской написана 16-я картина «Бой».

Драма Мережковских содержит своеобразную интригу, и, разумеется, главную религиозную идею Мережковского. Вместе с тем нельзя согласиться с Т.Пахмусс, считающей, что «самое существенное отличие произведения Гиппиус/Мережковского от ранее существовавших версий под пером различных русских и иностранных писателей заключается» именно в том, что в пьесе включена «мысль о необходимости воссоединения церковью во имя создания Единой Вселенской Церкви»¹. В сценарии, как нигде, религиозной идее уделено очень небольшое внимание. Здесь на первом плане — мысль художника, а не религиозного мыслителя. Более того, можно утверждать, что авторы, обобщив свой читательский опыт, шли вслед за многочисленными своими предшественниками, в произведениях которых, посвященных Смутному времени, всегда затрагивался вопрос о судьбе православной церкви, которая могла быть подвержена влиянию католицизма. Этот вопрос был неразрывно связан с проблемой национального самосознания, сохранения традиционных начал русской жизни. У Мережковских он, действительно, приобретает особый, только им присущий смысл.

В сценарии, наряду с новаторскими художественными находками, Мережковскими использованы и традиционные сквозные темы, как правило, переносящиеся из одного произведения о Дмитрии Самозванце в другое.

Интересно решена польская тема. Дмитрий нужен иезуитам для насаждения в России католичества, и для этого они используют двор короля Сигизмунда, где самозванец получает европейское образование и где ему оказывается царский прием. Роль иезуитов в восхождении Лжедмитрия на русский престол и обращении русского народа в «латинскую веру» стала сквозным мотивом многих русских драм:

Лжеучители рассеяли разврат,
Дабы лжесвятости их черни возвещались,
И ко прибытку им их басни освящались,

¹ Мережковский Д. Данте. Гиппиус З. Мережковский Д. Борис Годунов: Киносценарии / Под ред. и со вступ. ст. Т.Пахмусс.— С. 103.

Нам наши пастыри того не говорят
И, с ними развратясь, судьбу благодарят...¹

Сказать ли мне, что ревностной рукою
Над Русию светильник он зажжет
Спасительной, покорной Риму веры?
Не для того трудились иезуиты,
Не для того мы хитрою рукою
В его душе неопытной и юной
Посеяли науки семена...

Димитрий. — Да! Риму покорюсь. Опасно, трудно;
Но велика награда².

Святую тишь молитвы православной
Нарушил ты гуденьем мусикийским!
Вхождением еретиков латинских
И лютерских ты храмы осквернил.
Отдай робят в учење езовитам...
Какой он царь, какой защитник церкви!³

У Мережковских она сформулирована сжато, как бы обобщая все сказанное на эту тему: «О. Игнатий (подходя к Димитрию сзади на цыпочках и наклоняясь к уху его): Ждем короля с минуты на минуту. Помнишь ли все, что я тебе говорил: вольный пропуск ксендзов на Москву, строение костелов, права Иисусова-братства и корень, корень всего, не забудь воссоединение церквей, под верховным главенством Рима...» Вслед за Сувориным, драму которого Мережковские, несомненно, хорошо знали, в сценарии использована и скептическая реплика Замойского об истинности Димитрия. Вот как она звучит у Мережковских: «Москали набрехали, а мы и уши развесили. Что за плавтова комедия, помилуйте, велено было царевича убить, а убили куренка!.. Лучше знают про то отцы-иезуиты, — их стряпня, их и спрашивай!»

Среди несомненных удач сценария — история Димитрия и Марины. Воссоздавая поначалу «пушкинскую» сцену «У фонтана», Мережковские совершенно необычно завершают любовную интригу. В сценарии есть увлекательные сцены

1 Сумароков А.П. Димитрий Самозванец // Сумароков А.П. Избранные произведения. Серия «Библиотека поэта». — Л.: Сов. пис., 1957. — С. 428.

2 Хомяков А.С. Димитрий Самозванец: Трагедия в пяти действиях // Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Серия «Библиотека поэта». — Л.: Сов. пис., 1969. — С. 295, 298, 391.

3 Островский А.Н. Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский: Драматическая хроника в двух частях // Островский А.Н. Полн. собр. соч. — М.: Гос. изд-во худ. лит., 1950. — Т. 4. — С. 324, 336.

сражений, спасения Марины от смертельной опасности, перехода с ней по льду под восторженные крики толпы.

Внешне части этого произведения почти не связаны между собой. Тем не менее разрозненные фрагменты неразрывно сцеплены нашим читательским «знанием» о том, что должно происходить, например, между избранием Бориса на царство и появлением Самозванца на балу у Мнишка. Скрепляет сцены судьба Григория, превращающегося из инока в претендента на престол. В то же время сценарий ставит и вопрос о природе нашего восприятия. И дело здесь не только в том, что он написан по знакомым нам текстам. Проникновение в авторский замысел, эволюция образов, развитие интриги неотделимы от нашего знания отечественной истории и традиций, нравов и обычаев, иначе говоря, от историко-культурного багажа, который хранит в себе всякая нация.

Для современного читателя сценарий Мережковских произведение и новое — здесь предлагается оригинальная версия событий Смутного времени, и знакомое: здесь и известный уже Борис, и существующая в литературе и в нашем сознании концепция образа Пимена, и хорошо узнаваемые типы русских мужиков, нищих, купцов, которых нет в исходных произведениях, но которые живут в наших представлениях.

Мережковские своеобразно использовали и текст трагедии Толстого «Царь Борис». Вспомним сцену приема Борисом иностранных послов. До аудиенции с послом папы Римского действие развивается по тексту Толстого. Но когда Рангони (у Толстого Миранда) отходит в сторону, действие переносится в другой план. В ремарках описывается основное действие трагедии Толстого — послы подходят к Борису с грамотами, отходят, подходят другие, а на первом плане проходит разговор Шуйского и Воротынского. Изменение угла зрения не случайно. Здесь происходит поворот сюжета. Главное — не в том, что говорит Борис послам иностранных держав, а в том, что Рангони, подслушав беседу двух бояр, узнает о появлении Самозванца и впоследствии использует это в интриге против Бориса.

Необычная роль отведена Мережковскими Шуйскому. Русская драма представила замечательную галерею Шуйских — подлецов и героев, трусов и льстецов, носителей государственной мудрости и традиционных устоев. Шуйский Мережковских, главный виновник появления Самозванца, — хитрый и коварный, умный и предусмотрительный, тайный враг Годунова и, с первого появления в произведении, — его победитель. Шуйский вел дознание в Угличе и знает, что «младенец» «зарезался» ножичком. Но его сила в том, что царское окружение верит в версию намеренного убийства царевича, и только от Шуйского зависит, какая из версий

будет признана истинной. В сцене допроса Отрепьева Шуйский невольно проговаривает правду, говорит о нечаянной смерти Димитрия, но соблазн погубить Годунова народной молвой о воскресшем наследнике престола велика.

С русской художественной и философской традицией сценарий Мережковских связывает и одна из ведущих тем Мережковского-художника и мыслителя — власть, ее природа и воздействие на психологию народа. Ни одна русская драма о Самозванце не обходила вопрос о власти в ее отношении к народу.

Вот, например, как сумароковский Лжедмитрий видит обязанности монарха:

Блаженство завсегда народу вредно:
 Ликуй монарх, и все под ним подданство стонь!
 Всегда способнее к труду нежирный конь,
 Смирямый бичом и частою ездою
 И управляемый крепчайшею уздою¹.

Современник Мережковского Суворин вкладывает в уста своего Дмитрия такие слова: «Я Русь люблю, как своего коня — я хочу ее холить, вычистить и накормить досыта, а для этого надо хорошенько взнуздать ее, чтобы она меня слушалась»². В пушкинской трагедии народ — строптивый, «борзый конь», «грызущий» «свои бразды», и предназначение царя — «конем спокойно править». В концепции Мережковского, экстраполировавшего на всю русскую историю мысль Чаадаева о неспособности народа осознать природу государственной власти, любой самодержец — самозванец, занявший место, по праву принадлежащее лишь «Царю царствующим и Господу господствующих» — Христу.

И Борис, и Отрепьев у Мережковских — оба самозванцы. Особенности такой концепции могли бы быть объяснены заимствованием из Пушкина. Но, если проследить эволюцию взглядов Мережковского на сущность российской самодержавной власти, такое объяснение вряд ли окажется исчерпывающим. Т. Пахмусс обращает внимание на то, что в центре его внимания — не историческое время и исторические лица, а индивидуальная судьба Отрепьева. В том и состоит, очевидно, своеобразие взгляда Мережковских на Смутное время, что проблема самозванства для них не требует своего решения, как в драмах XIX века, она уже сформулирована в романистике и критике Мережковского, и на первый план выдвигается сильный характер и занимательная интрига.

1 Сумароков А.П. Димитрий Самозванец. — С. 450.

2 Суворин А.С. Царь Дмитрий Самозванец и царица Ксения: Драма в 5 д. и 8 карт. — СПб., 1904. — С. 34.

* * *

В 1910-е годы Мережковский вошел в полосу особого творческого подъема. Он напряженно работает над новыми исследованиями, много пишет в периодической печати. В эти годы из-под его пера вновь выходят драмы.

«Романтики» и «Будет радость», написанные в 1910-1914 годы, развивали и углубляли концепцию религиозности русской интеллигенции, приобретшей совершенный и законченный вид¹. Вместе с тем в них сохранялись особенности, присущие всей драматургии Мережковского. Их анализ позволяет определить идейно-эстетическую позицию писателя, предложившего новый подход к явлениям культуры, смотревшего на общественную жизнь, историю и искусство под религиозным углом зрения, и проследить, какую эволюцию переживал Мережковский-драматург и мыслитель от ранней драматургии до пьес зрелого периода.

Общественно-политические события рубежа веков побуждали его искать ту ведущую силу, которой будет по плечу совершить грандиозные общественно-исторические, социальные и религиозные преобразования. Этой силой Мережковский-мыслитель считал русскую интеллигенцию, выросшую, как он считал, из русской культуры.

Почему Мережковский связывал судьбу интеллигенции с будущностью России, почему ей, ни разу не продемонстрировавшей своей действительной силы, он доверял судьбу церкви, народа, государства? Почему в его произведениях так тесно переплетались эстетические декларации и публицистические выпады, исторические экскурсы и отклики на злобу дня?

Ответы на эти и другие вопросы лежат в его концепции религиозности русской интеллигенции, которая формировалась на протяжении многих лет. Еще на рубеже веков Мережковский высказал мысль, что поработенная православная церковь пока не готова к исполнению своего исторического предназначения, но предчувствие нового Царства Трех, Царства Духа уже есть «близко к ней или около нее, в русской литературе», пророческой, «религиозной по преимуществу». Из русской литературы выросла русская интеллигенция, наследница не только «созерцательного» начала своей литературы, т.е. ее художественных, философских и религиозных открытий, но и «действенного» — импульса к преобразованиям, изменениям, к религиозной революции.

Для понимания своеобразия «интеллигентской» темы в драматургии Мережковского следует отметить те важнейшие

¹ См. подробнее главу «Идейный мир Мережковского» в нашей монографии «Мережковский неизвестный» (Харьков: Крок, 1997. — С. 11-159).

элементы его концепции, которые определили выбор героев, специфику сюжета, жанровое разнообразие и поэтику его пьес. Наиболее совершенные драмы об интеллигенции были созданы в пору общественных потрясений — в период первой русской революции 1905 г., в преддверии и в течение первой мировой войны. Общественно-политические события призывали Мережковского как бы на практике проверить теоретические постулаты его религиозно-философской системы, всегда связанной со злобой дня.

В 1914 г. Мережковский встал на открытую защиту интеллигенции в лекции «Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции»¹. Но если проследить «интеллигентскую» тему в его творчестве, то станет понятным, что вылившаяся в период войны в «травлю» борьба с интеллигенцией, подспудная, «темная, страшная», волновала его еще как молодого читателя Достоевского. «Среди всех страшных и печальных явлений», говорил Мережковский, самое «страшное и печальное — эта «дикая травля» русской интеллигенции. В ее адрес было произнесено немало упреков, предпринимались попытки доказать, что потерпела банкротство не «какая-либо частная интеллигентская идеология», но «сама интеллигенция в ее живом сердце, ее связи с народом». Главное обвинение, повторяемое на «тысячи ладов», — безбожная совесть и безбожное сознание не могут быть сознанием и совестью русского «народа-богоносца». На это обвинение — в «безбожии как в ненародности», — «до сих пор не отвечено как следует», — говорил Мережковский в лекции «Завет Белинского». А «сейчас больше, чем когда-либо» русская интеллигенция «должна сознавать себя реальной силою, — народным сознанием, народной совестью»².

Мережковский-публицист, историк литературы и критик, во-первых, объяснял причины отсутствия религиозного чувства в среде интеллигенции «историей европейской государственности вообще и русской в частности», установивших «слишком тесную, почти неразрывную» связь между религиозными, в особенности христианскими идеями, с одной стороны, и самыми грубыми формами общественной неправды, с другой». «Религия и реакция сделались синонимами», — писал он. «Кажется, довольно произнести слово Бог, чтобы многоголосое эхо в веках и народах ответило: «гнет». Преращение имени Божьего в символ порабощения стало «все-

1 Мережковский Д. С. Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции. — Пг., 1914.

2 Мережковский Д. С. Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции. — Пг., 1914. — С. 6, 41.

мирно-историческим преступлением»¹, во многом обусловившим и отношение русской интеллигенции к религии.

Во-вторых, Мережковский стремился доказать пагубность атеистичности интеллигенции. Чтобы участвовать в религиозном преображении России, она должна быть «заодно с народом» в его любви и вере. Поэтому, не упрекая русских образованных господ за их безбожие, «нельзя и потворствовать им в этом», — писал он. «Мы и народ разделены, различны внешне, внешне враждебны, в борьбе, — но мы должны взглянуть друг другу в глаза... От того, встретимся мы или не встретимся, и как встретимся, — зависит быть или не быть Великой России»². Современная интеллигенция отвергает Бога, ставит на Его место «человека, только человека, помимо Бога» и против Бога, что не только «сводит... на нет современное религиозное движение в России», но и все христианство, всю религиозную жизнь человечества, как вымирающий «пережиток», обломок старых, никому ненужных суеверий», «порывает всякую живую связь между прошлым и будущим всемирной культуры»³.

В-третьих, в его произведениях, рассмотренных в возможно большей полноте и совокупности, выявляется стремление доказать, что отсутствие религиозности — лишь внешняя «оболочка», мнимая сущность интеллигенции. На самом деле, убежден Мережковский, есть одна особенность, делающая подозрительной «окончательность и бесповоротность» ее атеизма. В среде интеллигенции всегда были подвижники и мученики, чьи образы она десятилетия носила в душе. Но их деятельность всегда сопровождалась атеистическими и прямо богоборческими декларациями.

Основы своеобразной типологии религиозности интеллигенции Мережковский закладывает в статье «Грядущий Хам» (1906). Опираясь на убеждение в мнимости ее атеизма, он выявляет трагическое раздвоение интеллигентского сознания. Предпринимая «неимоверные усилия никогда не говорить, никогда не думать о Боге», интеллигенция подобно Герцену, «почти подходит к Богу. Ум Его отвергает, а сердце ищет». Даже фанатичное отрицание религии, как, например, у Бакунина, становится уже не столько отрицанием, сколько «новой... религией отрицания, религией... без Бога», но «полной такой же ревностью, как старые религии с Богом». У интеллигенции, говорит Мережковский, нет пока религи-

1 Мережковский Д.С. Чехов и Горький // Мережковский Д.С. Эстетика и критика. — Т.1. — С. 629.

2 Мережковский Д.С. Интеллигенция и народ // Речь. — 1908. — № 279. — 16 ноября. — С. 2.

3 Мережковский Д.С. Чехов и Горький // Мережковский Д.С. Эстетика и критика. — Т.1. — С. 629.

озного сознания, но есть надежда, ибо проявилась уже «всепоглощающая религиозная жажда»¹.

И, наконец, в-четвертых. Как художник, публицист и критик, в творчестве которого тесно переплетаются все стороны дарования, Мережковский стремился найти в истории русской культуры предшественников интеллигенции. Среди них он видел не только Петра Великого, «первого русского интеллигента», но и русских писателей. «Наша поэзия, — писал он, — не только поэзия, но и пророчество. Если бы с лица земли исчезла вся русская интеллигенция», то по ее произведениям «можно было бы узнать», чем «она была»². Разделение поэзии и литературы, приводимое им в книге «О причинах упадка...», где «поэзия — сила первобытная и вечная, стихийная, произвольная и непосредственный дар Божий», а литература — «та же поэзия», но рассматриваемая как «сила, движущая целые поколения по известному пути», — дало Мережковскому возможность объяснить современное ему состояние религиозного мышления интеллигенции тем, что «поэзия» не стала «литературой». В России, признает он, «были истинно великие поэтические явления», но «соединение оригинальных и глубоких талантов» не «создало русской литературы, достойной великой русской поэзии»³.

Ее главный вопрос — «Есть Бог или нет», — вопрос Ивана Карамазова черту, — мучительно разрешаемый в творчестве русских гениев, «ничтожно» решился в произведениях «словно-интеллигентских писателей» — Чехова и Горького, как «вопрос о человеке, только человеке, об отношении человека к человеку помимо Бога, без Бога и, наконец, против Бога»⁴. Пророчества великой русской поэзии как-то незаметно перешли в «уныло-веселую песенку чеховского героя, в тарара-бумбю». «Нельзя, конечно, обвинить ни Пушкина, ни Достоевского за то, что сейчас происходит в русской литературе и русской действительности, — писал Мережковский в исследовании «М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества». — Но должна же существовать какая-нибудь связь между полвеком нашей литературы и нашей действи-

1 Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. — М.: Сов. пис., 1991. — С. 191.

2 Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев // Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. — С. 432.

3 Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Эстетика и критика. — Т. I. — С. 145.

4 Мережковский Д.С. Чехов и Горький. — С. 629.

тельности, между величием нашего созерцания и ничтожеством нашего действия»¹.

Раздвоение русской интеллигенции уходит своими корнями в русскую поэзию. Еще в исследовании «Л. Толстой и Достоевский» Мережковский заметил, что «между силой бессознательного творчества, тем, что мы называем «гением», с одной стороны, и силою сознания, ума, — с другой, существуют различные степени соразмерности, согласованности, точно так же, как между физическим объемом тела, ростом человека и его мускульною силою». В Пушкине он видел «великую степень этой соразмерности», его «духовное строение подобно строению прекрасного человеческого тела: удивительно согласовано, пропорционально во всех частях и членах»². Вся русская поэзия только и делала, что изживала эту «соразмерность» и «гармонию», «не случайными порывами и колебаниями, а вывод за выводом, ступень за ступенью, неотвратимо и диалектично правильно, развивая одну сферу пушкинской гармонии и умерщвляя другую, дошла, наконец, до самоубийства для всякого художественного развития...» Ближайший из учеников Пушкина Гоголь первый изменил учителю, «первый сделался жертвою великого разлада», «первый испытал приступы болезненного мистицизма». «В чарующей мелодии» Тургенева слышится Мережковскому «жалобная нота» — признак углубляющего душевного разлада», а в великой душе Достоевского рядом с христианским смирением — «неистовая гордыня дьявола», сквозь целомудрие «страстотерпца» «мелькает сладострастная жестокость». «Пушкинская благодатная гармония превратилась здесь в уродливое безумие, в эпилептические припадки демонизма»³.

Исследуя «жизнь», «творчество» и «религию» русских писателей, — а так построены не только почти все его монографии, но и многие статьи, — Мережковский обращается, прежде всего, к тому, что оказалось затемнено для интеллигенции, — к бессознательным проявлениям творческого гения. Это дало ему возможность показать мнимость декларируемого, например, Некрасовым или Лермонтовым атеизма и истинное религиозное содержание их творчества, и, напротив, в явной религиозности Гоголя или Достоевского, проявляющейся в их произведениях, увидеть «реакцию». Русская интеллигенция, по мнению Мережковского, не сумела понять скрытого смысла бессознательных пророчеств своей

1 Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. — С. 413.

2 Мережковский Д. С. Лев Толстой и Достоевский. — Ч. 3 (Религия). — С. 5.

3 Мережковский Д. С. Пушкин // Мережковский Д. С. Эстетика и критика. — Т. I. — С. 203, 207.

поэзии: хрестоматийным стал Пушкин, забытым и непонятым оказался Некрасов, «неистовым» критиком — Белинский. Она равнодушно прошла мимо трагедии Гоголя, увидела лишь обличающую сторону творчества Гончарова и только природу у Тургенева, Толстой и Достоевский ей оказались «не по плечу». Новые пророки и учителя интеллигенции — Чехов и Горький. Но даже их она поняла «не в том смысле»: они «благословили то, что хотели проклясть, а проклинают то, что хотели благословить... Они хотели показать, что человек без Бога есть Бог, а показали, что он — зверь... скот... труп... хуже трупа — ничто»¹.

Основываясь на убежденности Мережковского в «пророческом» характере русской литературы, применим его «типологию» религиозности интеллигенции к русским писателям. Среди тех, у кого, по его мнению, «ум отвергает, а сердце ищет Бога», — Лермонтов, Некрасов, Тургенев. К ним Мережковский присоединяет Белинского, в которого «вся русская интеллигенция, как дети в отца, внуки в деда», и Герцена, «величайшего русского интеллигента». Между тем в исследованиях критика наметился и другой «тип». Перефразируя выражение Мережковского, назовем его «ум ищет, а сердце отвергает». Явная религиозность великих мистиков Гоголя, Майкова, Тютчева, Л. Толстого и Достоевского «всегда кончается реакцией». Именно эту «религиозность», по мнению Мережковского, и отвергла русская интеллигенция, качнувшаяся в своем мирозерцании к отрицанию религии. Специально о художниках этого типа Мережковский написал лишь однажды, когда в одной из последних монографий доэмигрантского периода, «Две тайны русской поэзии», как бы обобщил свое понимание проблемы веры и неверия и обозначил в сжатой форме коренное различие между внешней и глубинной религиозностью.

Те, у кого «ум отрицает, а сердце ищет Бога», — «атеисты извне». Их истинные верования Мережковский находит в том, что им названо религиозным чувством, бессознательно проявляющимся и в жизни, и в произведениях. «Раздвоение» людей этого типа объясняется тем, что их религиозное чувство не стало «религиозным сознанием». Между тем у них была «вера или знание (здесь вера и знание одно и то же), что, несмотря на всю неправду и зло мира, он все-таки в корне добр... А из веры в добро — и воля к добру». Такие люди, писал Мережковский, «христиане, не в исторически временном, а в метафизическом, вечном смысле, хотя бы они во Христа и не верили». Те же, у кого «ум ищет, а сердце отвергает Бога» — «атеисты внутри». У них есть бессознательное религиозное чувство, одухотворяющее их произведе-

¹ Мережковский Д. С. Чехов и Горький. — С. 670.

ния. Но раздвоенность людей этого типа определяется тем, как осознано и воплощено их религиозное чувство. Они «верят или знают, что мир в корне зол... Сколько ни сей доброе, вырастет злое. Это — не христиане, опять-таки в смысле вечном, хотя бы они во Христа и верили»¹.

Многие годы оставаясь в убеждении, что русская интеллигенция — «носительница новой, пока еще не открытой, правды о земле, о плоти, о просвещении вселенском», и что о ней можно сказать: «Она еще не со Христом, но уже с нею Христос», — он решился реабилитировать и «защитить» ее от нападок и «травли» «кающихся интеллигентов» — «учеников Достоевского».

Важнейшее положение концепции религиозности русской интеллигенции у Мережковского — поиски связи между современным «ничтожеством действия» и «величием» «нашего созерцания». Разработка этого положения оказалась темой не только историософских и культурологических его исследований, но и драм. Вместе с тем поиски интеллектуальных, сюжетообразующих источников, мотивов, идей и «символических» характеров Мережковский связывал с русской культурой, наследницей которой он осознавал интеллигенцию.

Один из примеров этого — незавершенная драма без названия. Она может быть названа одной из первых попыток синтезировать в драматургическом произведении все многообразие идей критики и публицистики Мережковского начала века. Ее герои выросли из размышлений над романами Достоевского, а внутренний конфликт — из главной темы всего творчества Мережковского. И вот на сцену должны были выйти новые братья Карамазовы и новый Смердяков. По плану, предваряющему пьесу, понятно, что герои, проходя мучительным путем поиска смысла и правды жизни, идут к «чуду старца Германа», под сень церкви, где соединятся их бессознательная религиозность и революционная активность, где должно состояться таинство «религиозной общественности».

Драма без названия осталась в рукописи. Новый подход к теме, затронутой в ней — «Будет радость», одна из лучших пьес Мережковского. Но прежде чем говорить о том, что будет с интеллигенцией в будущем, Мережковский ощущал потребность сказать о ее религиозной сущности, представить ее обобщенный образ. Ведь это было темой не только недавно вышедшего сборника «Вехи», но и множества публикаций, художественных произведений, обсуждений. Лекция «Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интел-

¹ Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. — С. 481.

лигенции» и стала попыткой сказать правду об интеллигенции, показать ошибочность сложившихся о ней представлений, защитить ее, наконец. С такой же целью писалась и драма «Романтики».

Замысел ее не может быть вполне ясен без понимания отношения Мережковского к Белинскому и тому кружку русской интеллигентной молодежи, который сложился в 30-е годы прошлого столетия.

«Вся жизнь моя в письмах», — говорил Белинский. В его письмах, изданных в 1914 г., Мережковский нашел и «жизнь» Бакунина, и тысяч других русских интеллигентов, от которых, как ему представлялось, зависит судьба России. Белинский осознавался Мережковским прообразом русской интеллигенции, и по его письмам, подобным «свитку», по которому будут «судить» каждого на Страшном Суде, проследил путь становления молодого интеллигента — романтические устремления, «идеальные порывы» духа, их столкновение с реальностью, убежденность в высоком предназначении и неприспособленность к жизни, готовность к самопожертвованию и беспомощность, «богоборчество» и «религиозная жажда» и, наконец, «во что верит» и «хочет верить» русский интеллигент.

«Письма» Белинского — общий источник для лекции «Завет Белинского» и драмы «Романтики». Листая страницы старой переписки Белинского с современниками, Мережковский отбирает материал, существенный, по его мнению, для выявления религиозной сущности Белинского. В то же время идейные споры Белинского с Бакуниным становятся импульсом и к созданию Мережковским драмы.

Здесь еще раз проявилась особенность творческого метода Мережковского. В публицистическом выступлении им создается художественный образ «героя», дается его портрет, воссоздается атмосфера жизни; Белинский становился как бы современником слушателя, который находится рядом с ним на промерзшем чердаке, слышит его голос, болезненный надрывный кашель, нервный скрип пера и вовлечен в круг его размышлений. Голос Белинского слышен и в «Романтиках». Зритель не видит его на сцене, но невольно смотрит на Кубанина его глазами, слышит его оценки, даже буквальные выдержки из писем. В то же время, разумеется, и глазами самого Мережковского.

«На примере Белинского» Мережковский-лектор и публицист стремился показать, «в каком противоречии находится явное безбожие интеллигентского сознания с тайною религиозностью совести». Это противоречие и обусловило слабость и «безответность» перед обвиняющими интеллигенцию в ненародности. «Ругающий Христа на словах», Белинский «шел ко Христу единому, хотя и с закрытыми глазами,

ощупью». Достоевский, исповедовавший Христа «на словах», на деле «колеблется между Христом и Антихристом, между старцем Зосимою и Великим Инквизитором». Белинский видел «в словах Бог и религия» «цепи и кнут», поскольку считал их порабощением свободы. Достоевский в «духе свободы» человеческой чувствовал «дух антихристов». Религия «уничтожает» революцию, Достоевский «уничтожает» Белинского. Весь вопрос и состоит для Мережковского в том, чтобы найти «такое понимание религии», «такое утверждение Бога», в котором Достоевский «не уничтожал бы» Белинского, религия — революцию, а Бог — свободу. «Свобода без Бога, или Бог без свободы? Ни то ни другое, а свобода с Богом». «Не об этом ли предсмертный завет Белинского русскому народу, его неслышанная речь», в которой «ничего уже нельзя было разобрать»? Судьба русской интеллигенции, словно истолкование этого «предсмертного завета». Она должна «помнить», что спор Достоевского с Белинским — это спор и в самом Белинском, и во всей интеллигенции — «у одного Бог без свободы, у другого — свобода без Бога». Истолковать «завет» Белинского и значит найти их соединение¹.

Мережковский своеобразно интерпретирует и «истолковывает» «завет» Белинского. Свидетельством этого является и драма «Романтики».

В ней можно выделить четыре группы фрагментов из писем Белинского. Во-первых, сведения о семейной жизни Бакуниных, составивших сюжетную канву пьесы. Во-вторых, отзывы Белинского о Бакунине. Мережковским перенесены в драму, порой, буквальные выдержки из писем Белинского. Действующие лица не только произносят его высказывания от своего имени, но и нередко ссылаются на его оценки и мнения. В-третьих, элементы стиля Белинского. В письмах критика, вообще представляющих особый интерес как своеобразное явление русской эпистолярной культуры, Мережковский почерпнул некоторые художнические находки, которые использовал и в своем собственном произведении. И, наконец, в-четвертых, переосмысленные высказывания Белинского.

«Пусть правда все, что говорят «Вехи» о русской интеллигенции, — писал Мережковский в статье «Семь смиренных», — но это правда не любви». В «Романтиках» в полной мере реализовалась и художественная «правда» с присущими ей особенностями, и «любовь» Мережковского.

Создавая образ Кубанина, Мережковский сказал о нем всю ту «правду», которую «веховцы» говорили о стиле жизни и мышлении русской интеллигенции. Перед нами — и «наследственное барство», освобождающее «от повседневной заботы

1 Мережковский Д.С. Завет Белинского. — С. 42.

о хлебе насущном», и «непривычка» к «дисциплинированному труду», «героический вызов» и поза, в которую героизм превращается в повседневной жизни, и «мечта о спасении человечества»¹. Есть в «Романтиках» и отмеченное Булгаковым в «Вехах» отвращение молодого интеллигента к семейной жизни, конфликт с «отцами», неуважение к прошлому. В характере Кубанина заметно стремление преобразовать весь мир и нежелание в действительности, а не на словах, «делать» себя; его «движимость» направлена «во вне», а не «во внутрь».

Кроме писем Белинского Мережковский использовал для пьесы монографию А.А.Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма». В ней приводились не только некоторые из напечатанных в трехтомнике 1914 г. письма Белинского, но и переписка Бакунина с родителями и сестрами, материалы из семейного архива Бакуниных, хранившиеся в Премухине и до той поры не становившиеся предметом внимания исследователей. Корниловым систематизированы сведения о родословной Бакуниных, показана их связь с семьями декабристов, изложены истории любви Л.А.Бакуниной и Н.В.Станкевича, Т.А.Бакуниной и А.А.Бакуниной и Белинского, Н.А.Беер и М.А.Бакунина и т.д.

Мережковского не могла не заинтересовать эта монография. Взгляд ее автора на молодого Бакунина был ему близок, он даже драму назвал подобно подзаголовку книги Корнилова. Мережковский, как и Корнилов, действительно считал, что «борьба (за освобождение Варвары), представляется чрезвычайно ярким и характерным эпизодом в истории русского романтизма, — романтизма, который и в России овладел тогда мыслью передовых представителей молодого поколения тридцатых годов и был несомненно предтечей той борьбы за полную эмансипацию человека, той «борьбы за индивидуальность», которая началась у нас в шестидесятых годах»².

Мережковский использовал книгу Корнилова так же, как когда-то воспоминания современников и участников заговора против Павла. Письма Бакуниных, Станкевича, Боткина, Белинского вдохновляли своей достоверностью и эмоциональностью, живописностью деталей и характеристик. Но не только этим. Письма Варвары и Михаила Бакунина свиде-

1 См., например, статью С.Н.Булгакова «Героизм и подвижничество» // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. (Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, М.О.Гершензон, А.С.Изгоев, Б.А.Князевский, П.Б.Струве, С.Л.Франк). 3-е изд. — М., 1909. — С. 23-70.

2 Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. — М., 1915. — С. 325-326.

тельствуют об их мистической настроенности, но не православного толка, а настроенности на новую религию, отличающуюся от «мертвой католической» и «удобной православной». В этих материалах, едва ли не единственных в русской истории, Мережковский смог найти подтверждение своей концепции религиозности русской интеллигенции.

Его не оставили равнодушными признания, например, Михаила Бакунина, что смысл его жизни состоит в стремлении к Абсолютной Любви как одному из выражений божественного, или отождествление Бога со свободой, что было близко и самому Мережковскому. В то же время по письмам Варвары он получил возможность проследить мучительный путь от «старой религии» к новой.

Подобное толкование замысла Мережковского было внятно Н.Слонимскому, едва ли не единственному из рецензентов, приветствовавшему появление этой пьесы и по достоинству оценившему ее. «Да, драмы в аристотелевском смысле, драмы как конфликта воле, нет. Мережковский нам показал трагическую несовместимость разных религий. Религия Варвары — вся в действии, вся в движении, в полете. Религия Дьякова — вся в пассивном подчинении, в мертвом бездействии, у Дьякова нет религии, он безрелигиозен»¹.

Несмотря на тесную связь текста произведения с историческим материалом, ее не следует считать исторической драмой. Характер отобранного материала и его интерпретация показывают, что не освоение национальной истории было предметом художественного исследования. Подтекст пьесы и тот идейный контекст, в котором она создавалась, свидетельствуют, во-первых, что в поле зрения автора были идейное становление молодого интеллигента и воссоздание его духовных исканий, во-вторых, образ главного героя написан в продолжение галереи молодых интеллигентов, которые всегда «в России делают общественность».

Использование в качестве сюжета семейной истории Бакуниных имело двоякую цель. В «сказочной легенде», какой представлялась современникам и новым поколениям жизнь семьи Бакуниных, Мережковский усмотрел занимательную коллизию. Конфликт «отцов» и «детей», бурная любовная интрига, нетрадиционная, драматичная и оригинальная, — она разворачивается между супругами, яркие характеры, — все это служило созданию сценичной пьесы. С другой стороны, и это объясняется программными установками автора, понадобилась история семьи именно Бакунина, обращение к личности которого неразрывно связано с размышле-

¹ Слонимский Н. Святой бунт. «Романтики» Д.С.Мережковского // Биржевые ведомости. — 1916. — 28 ноября. Цит. по экземпляру статьи: СПбЦГАЛИ. — Ф. 118. — Оп. 1. — Ед. хр. 1773. — Л. 27.

ниями Мережковского о судьбе русской интеллигенции. Автору нужен был не «старый» герой, и не «новый», а тот «вечный» юный герой, о котором он писал в ряде статей.

«В России издавна так повелось, что общественность делают не взрослые, а дети, — говорил он в статье «В обезьяньих лапах». — Эти вечные русские мальчики в красных рубашках-косоворотках и студенческих тужурках», высказывание, еще в «Грядущем Хаме» прозвучавшее как призыв к «молодым старикам, интеллигентным аскетам и постникам»: «Милые русские юноши! Вы благородны, честны, искренни. Вы — надежда наша, вы — спасение и будущность России... развеселитесь, усмехнитесь, поднимите ваши головы... Не бойтесь... никакой свободы, не только внешней, общественной, но и внутренней, личной, потому что без второй невозможна и первая»¹.

В письме одной из своих корреспонденток, О. Костецкой, Мережковский писал: «Романтизм» — это смешное — самое прекрасное, что есть в людях; без него скучно, холодно и страшно было бы жить на свете. Если Вы когда-нибудь увидите на сцене «Романтиков».., то, может быть, поймете о чем я говорю, — поймете и простите»². Писавший эти строки о себе, Мережковский и к своему герою подошел с подобной установкой — понять и простить.

«Будет радость» писалась параллельно с «Романтиками» и фактически завершила разработку темы, много лет занимавшей Мережковского, — религиозная сущность и будущность русской интеллигенции. Здесь подведены итоги публицистических выступлений, литературно-критических исследований, художественных поисков. Текст драмы полемичен по отношению к русской истории и русской церкви, насыщен реминисценциями из произведений единомышленников и оппонентов. Вместе с тем «Будет радость» — это мостик и к будущим исследованиям Мережковского. В юности читавший мистиков, он заставил героев своей драмы спорить об их учениях, а уже в эмиграции писал о них религиозно-философские эссе. Здесь уже нет места размышлениям о русской интеллигенции, — она погибала, как ему представлялось, вместе со всем человечеством, когда Россия, часть Европы и мира, вместе с ними стоит на краю гибели. Оборачиваясь в прошлое всемирной культуры, Мережковский снова и снова призывает своих современников соединить жизнь и религию, чтобы сама «жизнь стала религией», а не превратила мир в новую Атлантиду.

1 Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. — С. 375.

2 Мережковский Д.С. Письма к О.Л.Костецкой // Лица: Биографический альманах. — М.: Феникс, 1992. — Т. 1. — С. 174.

Откликаясь на постановку драмы в Художественном театре, Брюсов отмечал, что Мережковскому удалось реализовать практически все требования Аристотеля к подлинной трагедии. Но достоинства драмы «Будет радость» никак не умалились и не стали выше от того, что в нее введена «идея пьесы, по существу вовсе не связанная с самой драмой». Идею драмы Брюсов видел в столкновении и «примирении двух разных поколений, двух враждебных мировоззрений», когда становится очевидным, что «одна общественность без религиозности, — пуста; а одна «религиозность» без общечеловечности, — мертва. Представители того и другого направления оказались «виноватыми и погибли. Будущее принадлежит сочетанию общечеловечности с религиозностью. Деятельность на пользу других, на счастье народа, должна проникнуться религиозным смыслом, и религия должна стать основой для общественной работы, — вот что символически представлено» в пьесе.

Брюсову представлялась весьма сомнительной идея драмы и «многие подробности. Можно указать, — писал он, — что драма — не верна исторически. Поколение Иванов Сергеевичей давно сошло со сцены и «отцы» наших детей являются носителями совершенно иных идеалов... Нельзя преувеличивать значение «богоискательства»: никогда не было оно господствующим течением в среде нашей молодежи и время, когда все же увлекало значительную часть поколения, уже миновало. «Радость» в драме Мережковского не показана и не доказана, она только обещана. Такому обещанию можно поверить или не поверить... но что остается неоспоримым, это — самая драма». Здесь Брюсов видит не только «обещания», но и «доказательства», написанные рукой правдивого художника, и «эта драма производит глубочайшее впечатление» от изображения «живых людей, освещения новых уголков человеческой души», представляя зрителю «высокое и прекрасное утешение, утешение искусства, ибо искусство и есть чистая радость»¹.

С автором этих строк трудно не согласиться. Но в его словах была только одна часть истины. Другая состоит в том, что идея драмы не сводится к противопоставлению двух поколений и поискам религиозной общечеловечности. Замысел Мережковского сложнее, и понять его можно в контексте его концепции религиозности интеллигенции и культуры. Действительно, зрители остались «не убежденными», «будет радость» или «не будет», но, вместе с тем, «не узнали»

1 Брюсов В. Я. О радости и о драме Д. С. Мережковского (Художественный театр 3 февраля 1916 г.) // Утро России. — 1916. — № 35. — 4 февраля. — С. 2.

«таковой ли должна быть «радость», как это утверждает Мережковский», и какова эта «радость».

«Если бы меня спросили, какое главное свойство русских людей в наши дни, — писал Мережковский в статье «О черных колодцах», — я бы ответил: одиночество. Даже те, кто еще недавно были общественными, сделались вдруг одинокими. Люди рассыпаются, как сцепленные магнитом железные опилки, когда магнит потерял силу... Каждый, сидя в своей норе, в своей дыре, в своей щели, не видит, не слышит сидящего рядом. Иногда перестукиваются, сквозь глухую стену, как арестанты в одиночных камерах. А большею частью молчат.

И сторожит Молчанья демон
Колодцы черные свои.

Так отошали, ослабели, что если опустить в колодец веревку, чтобы помочь сидящему в нем вылезти, то он не имеет силы ухватиться за нее и тихо стонет: «Оставьте меня в покое, не мучайте!»¹

Чувство одиночества характеризует всех действующих лиц драмы «Будет радость»: Краснокутского, овдовевшего, отказавшегося от прежней народолюбивой деятельности; актрису Татьяну Алексеевну, которую Краснокутский подобрал в заезжем трактире, обманутую и обиженную; Катю, Федора, Гришу. Каждая попытка найти общие темы, общие точки соприкосновения обречена на неудачу: герои не способны слушать, понимать, прощать друг друга. Федор, искренне любящий Катю, просит ее о помощи: «Катя, милая, отчего вы мне помочь не хотите? Катя. Хочу, да не могу. Мы с вами в разных «колодцах» сидим, — рядом, но в разных. Помните, «Колодцы молчания»?

И сторожит Молчанья Демон
Колодцы черные свои...»

Между героями встает стена «молчания», заповедь которого оставил новому поколению Тютчев: «Федор. Какая вы тихая, Катя, тихая, вещая, грозная — вот как эти зарницы на небе! Тишина, тишина, молчание, «Silentium».

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...»

¹ Мережковский Д.С. О черных колодцах // Мережковский Д.С. Было и будет: Дневник. 1910 — 1914. — Пг., 1915. — С. 313.

Мережковский комментировал «Silentium» в статье «Тайна Тютчева», цитируя гиппиусовские «Колодцы», и тут же объяснял смысл «болезни» современного ему поколения: «индивидуализм, одиночество, безобщественность... Русская поэзия больна, потому что больна Россия. Больна, заражена, отравлена. Чистейший кристалл этого яда или чистейшая культура этой бациллы — в Тютчеве»¹.

«Пьеса... среди драматургии наших дней представляет значительное художественное явление, — писал в рецензии на постановку «Будет радость» И. Джонсон. — Правда, она не всецело оригинальна... В ней нередко «то флейта слышится, то будто фортепьяно...»² Пожалуй, мало кто из критиков прошел мимо этой особенности драмы Мережковского, нередко отмечая «губительный» характер «обильного цитирования» хорошо известных поэтических строк. «Они... развлекают зрителя ассоциациями в сторону чужого творчества, утомляют слух», — писала Малахиева-Мирович³. «Мережковского... критиковать особенно легко, — замечал рецензент «Театра и искусства», — он, как наш брат грешный, в сущности... «критицист», отталкивается... от книги, .. от словесности или от философии, а не от жизни и «сердца горестных замет»⁴.

Зрители и критики легко угадывали в героях драмы знакомые черты, в частности, братьев Карамазовых, Кирилова и князя Мышкина. Мережковский и не скрывал того, что его Федор и Гриша — художественные последователи героев Достоевского. Федор, говоря об идее своей медицинской статьи, прямо обращается к сопоставлению с Кириловым. Но характеры Федора и Гриши восходят не только к Карамазовым.

«Федор. А знаете, Катя, мне все «Близнецы» вспоминаются... помните,

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь?»

Чтобы понять смысл этих строк, нам снова потребуется статья Мережковского о Тютчеве, в которой он писал:

- 1 Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев. — С. 420-421.
- 2 Джонсон И. Театральная хроника // Театр и искусство. — 1916. — № 8. — С. 13.
- 3 Малахиева-Мирович В. Новая пьеса Д.С.Мережковского // Русская мысль. — 1916. — Март. — С. 24.
- 4 Ношо почва [Кугель А.Р.]. Театральная хроника // Театр и искусство. — 1916. — № 14. — С. 283.

«Любовь и ненависть, любовь и смерть, любовь и убийство — «близнецы», жажда любви — жажда смерти, самоубийства:

И кто ...не ведал ваших искушений
Самоубийство и любовь...

Жизнь — зло, жизнь — боль; чем живее, тем злее, больнее. Бегство от зла, от боли — бегство от жизни — смерть».

Так, используя мотивы поэзии Тютчева, цитируя стихотворения Гиппиус, навеянные творчеством великого предшественника, Мережковский создает сложный смысловый и символический ряд, дополняемый тут же новыми ассоциациями и перекличками.

Вот история Федора, странного молодого человека, мечтающего, как и Кирилов, о вольной смерти от избытка силы и радости. В пьесе он погибает от стыда и одиночества. Но Катю и Краснокутского не смущает его бескrestная могила, они произносят над ней: «Будет радость!» Понять причины такого оптимизма можно лишь обратившись к статьям Мережковского — историка литературы. Он был готов написать эти же слова о радости на надгробном памятнике Байрона.

Статьей о Байроне в творчестве Мережковского открывается целая тема. Тема настолько неожиданная, оригинальная, что сама по себе требует особого разговора. Речь идет о «сверхчеловеческом» в истории и культуре. Одна из статей Мережковского, как известно, так и называется «Поэт сверхчеловечества» — статья о Лермонтове. Но раньше, еще в начале века, «сверхчеловеком» со всеми признаками этого типа будет назван Наполеон. А позднее, в эмиграции, к ним будет причислен Паскаль. Какой странный ряд, какой необычный взгляд!

В сверхчеловеческом Мережковский выделит особые признаки, приметы, он вычислит их по письмам своих героев и воспоминаниям о них, но главное, — по манере их поведения, по поступкам, высказываниям, даже по внешнему облику...

«Родословная» сверхчеловеческого начинается с той библейской легенды, в которой рассказывается о великой небесной войне ангелов с драконом. Как известно, в той титанической борьбе были погибшие, были победившие. Но были и не примкнувшие ни к одной из сторон. И таких, пересказывает Мережковский легенду, «благость Божия» послала в мир, чтобы они, наконец, сделали свой выбор между Богом и дьяволом. Эти нерешительные — «души людей рождающих». Чтобы ничего не помешало сделать этим душам свой выбор, они не знают, откуда они пришли и с какой целью, знают только, куда они идут. Это и есть так называемый «общий закон мистического опыта», по которому «нам дано забыть, откуда... чтобы яснее помнить, куда», или, другими

словами, когда каждому человеку предназначено на земле, «во времени», определить то, чего он не смог определить «в вечности».

Вот «сверхчеловеки» — Наполеон, Байрон, Лермонтов, Паскаль — это исключения из этого закона. Им «приоткрылся угол страшной завесы» и стала известна «тайна премирная».

В драме «Будет радость» собирательным образом таких людей, как их представлял себе Мережковский, стал Федор, в котором воплощены главные черты, отличающие сверхчеловеческое от просто человеческого. Во-первых, резкое отличие от окружающих, выражающееся в особой животной злобе, цинизме, «свинстве», «демонизме». Гриша называет Федора «тихим бесом», а сам Федор признается Кате: «С самого детства, с самого раннего детства, как помню себя, у меня такое чувство, что все люди как люди, а я... «макака», обезьянка такая бесстыжая». Лермонтова и Байрона обвиняли Соловьев и Карлейль, но не увидели их «загадки». «Увидели» лишь «тяжелый взгляд» Лермонтова, «что-то зловещее и холодное в его наружности»; «дьявольский холод и бесчувственность» Байрона. Старец и Гриша в драме Мережковского называют Федора «тихим бесом, немым и глухим», «каким-то демоном иронии», в «самом деле, «бесом».

В Лермонтове, считал Мережковский, было «два человека», в Байроне — «два демонизма», в Федоре — «две сущности». Лермонтов, замкнутый, кажущийся «гордым», скрывает от людей свое не совсем человеческое происхождение, «потому что люди этого никогда не прощают». Байрон тоже чувствует в себе «это не совсем человеческое», и прячется под «личинами» — «демон, Каин, злодей, распутник». Федор считает себя «человеком погибшим», «осужденным от века», «проклятым»: «сам себе чертом кажусь, своим собственным чертом». «А вот сбоку-то, сбоку, в лице особенно, в нижней челюсти, — что-то звериное, хищное, и смешное, и стыдное...» «С такими, как мы, ничего не бывает, кроме пошлости. — признается он Татьяне. — Я ... корчусь от своей собственной пошлости...» Татьяна: «За что полюбила? За то, что ты черту смотришь прямо в глаза».

Лермонтова и Байрона понимали «только самые близкие люди». «Вы же знаете, вы все знаете», — говорит Федор Татьяне. Стоило только приглядеться, чтобы увидеть «второго» Лермонтова, «другого» Байрона, настоящего Федора. Освобождение от пошлости происходило с Лермонтовым в самые сокровенные минуты, о «другом» Байроне вспоминали самые близкие друзья. Истинного Лермонтова оплакивала бабушка, настоящего Байрона запомнили малышом в Гарроу, готовым «принять все удары», «деточкой Байроном», которого гладила по голове сестра Августа. Настоящий Федор — влюбленный в Катю, боготворящий отца, страдающий

о брате: «Ведь мы когда-то любили друг друга...» Он готов уничтожить себя, — «я себя не прощу», — за любовь к двум женщинам, за предательство отца. Федор без «пошлости» и «бесовства» — «опускается на колени перед Катей»: «Скажи ему, как я люблю его, как я вас всех люблю...»

Мережковский называет такое состояние «премирным состоянием человеческих душ», то есть «тех нерешительных ангелов», которые «в вечности» не сумели сделать своего выбора. Сила Лермонтова, его «фатализм», «бесстрашие» — «сила метеора, неудержимо летящего, чтобы разбиться о землю». Сила Байрона — тоже «без точки опоры». Лермонтов говорил с Богом с вызовом, усмешкой и укором; поставил «вопрос о зле», то есть «оправдании Бога человеком, состязании человека с Богом». Байрон повторял «зло, будь моим добром» вслед за Сатаной у Мильтона: «Сатана, будь моим Богом!» У Федора стремление к смерти, к самоубийству — желание «остановиться»: «Надо же чем-нибудь кончить? И отчего хороший конец хуже «дурной бесконечности»? И у него жизнь без «точки опоры», и он «беса Богом сделал»: «Беса Богом, или Бога бесом, — это еще вопрос, что лучше, насмехается он над Гришей, — Бог с тобой... Бог или бес...»

Федор остро ощущает свою враждебность миру и его несоответствие себе. В одном из диалогов с Катей он вспоминает об учении Кальвина: «Кальвин, что ли, учил, что есть люди погибшие: что бы ни делали, все равно, не спасутся, потому что осуждены от века, прокляты». Это утверждение вызвало у Кати резкий протест, ведь она верит, что все люди имеют шанс на спасение и при жизни, и после смерти. Чтобы понять возмущение Кати, надо пролистать книгу Мережковского «Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль», в котором дан взгляд писателя на это положение кальвинизма, «Предопределение»: Мережковский не верит в двойное избрание, верит лишь в то, что «спасутся все».

Катя и Федор оказываются выразителями взглядов автора, его «аргументом» в споре с Кальвином. В продолжении реплики Федора звучит пересказ притчи о плевелах. И здесь не обойтись только обращением к библейскому источнику. Эту притчу Мережковский комментирует в эссе о Кальвине и здесь же, как и в статье о Лермонтове, вспоминает Оригена, считавшего, что «спасутся все»¹.

Вслед за Лермонтовым и Байроном из статей Мережковского Федор повторяет, что его душа принадлежит к числу «несуществующих душ», то есть тех, о которых говорит «древняя легенда», упоминаемая в статье о Лермонтове. Через десятилетия Мережковский возвращается к этой ле-

¹ Мережковский Д.С. Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль / Под ред. и с предисл. Т.Пахмусс. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1990. — С. 14-15.

генде, и к числу типов сверхчеловеческого добавляет Паскаля, одного из «героев» своего исследования о Реформаторах. Интересно, что и действующие лица драмы «Будет радость» неоднократно обращаются к личности и учению Паскаля.

Таким образом, в поисках смысла нескольких реплик действующих лиц мы получили возможность проникнуть в мир Мережковского-мыслителя, в котором необыкновенно далекие учения великих мистиков Кальвина и Паскаля осознаются жизненными и близкими молодому поколению.

Трагедия Байрона, Лермонтова и героя Мережковского скрывается в «великой двойственной тайне», между двумя началами которой разрываются их сердца, «души человеческие до рождения». Примирение Бога и дьявола автор видит во Влюбленности, Вечной Женственности». К ней «идут» и Лермонтов, и Байрон, и Федор: «Как я вас всех люблю...» «Хочешь любить — и будет любовь, будет радость», — утверждает Мережковский в статье о Байроне. «Поплачем, — ничего... все-таки... будет радость... Да, будет радость!» — говорит Катя.

«Первый, может быть, еще слабый, но... знаменательный опыт восстановить... первоначальное значение театра» Мережковский увидел в постановке на сцене Александрийского театра трагедии Еврипида «Ипполит». Этой пьесе, как уже говорилось, он посвятил две статьи — «Трагедия целомудрия и сладострастия» и «О новом значении древней трагедии». Вопрос Федры: «Что смертные любовью называют?», по мнению Мережковского, впервые затронут Еврипидом «не только в художественном, нравственном, но и религиозном значении: что такое любовь как явление человеческого и божеского мира?» Обращаясь к театру как к делу религиозного возрождения культуры, Мережковский и в собственной драме затрагивает этот вопрос.

«Катя (переводит из Еврипида). То богиня любви вся в добычу впилась... вгрызлась, как зверь в зверя... Татьяна. Как зверь в зверя? Неужели любовь — зверство? Катя. Не любовь, а страсть. Татьяна. А разве есть любовь без страсти?»

Значение слова «любовь» Мережковский разъяснял в связи с постановкой «Ипполита». В трагедии Еврипида борьба между сладострастной и целомудренной любовью воплощена в противоборстве Афродиты и Артемиды, действующих «реально» и «мистически». Делая Татьяну «новой Федрой», Мережковский всячески подчеркивает ее близость древней предшественнице: «Я собиралась Федру играть», — говорит Татьяна, и повторяет вслед за Федрой: «Всякая любовь свята». Она так же самоотверженно борется за свою любовь и так же страшна в ревности и ненависти: «лучшая из женщин становится «преступною» и «низкою».

Есть в пьесе и «новый» Ипполит. Воплощая в Грише черты Алеши Карамазова и князя Мышкина, Мережковский объясняет их генетическое сходство с древним предшественником: «Трагический вопрос, поставленный в «Ипполите»,... особенно близок потому... нам, русским,.. что и в нашей русской литературе... с небывалою силою поднят этот же самый вопрос. Бесстрашнее, чем кто-либо, сопоставил Достоевский языческую злую любовь, жестокое сладострастие с целомудренной и милосердною любовью христианскою». Его герои, считает Мережковский, или «сладострастники», или «целомудренники». «Один из них, мудрец для самого Достоевского, «идиот» для толпы, князь Мышкин, говорит о себе почти словами Ипполита: «Я ведь совсем женщин не знаю». «И Алеша Карамазов, ученик старца Зосимы, Христа, Орфея, который,.. как и Ипполит, «имеет душу девственную», — «не знает женщин». И у Алеши, говорит Мережковский, «исступленная стыдливость». И его собственный герой, Гриша — ученик «святого старца», и он «отшельник» и «постник», в нем «душа девственная и стыдливость».

«Наши новые Ипполиты, — замечает Мережковский, — только грубее и циничнее выражены, чем древние, но сущность та же». «Пока они бунтуют против злой похоти,.. Афродита, «которой преодолеть нельзя», торжествует так же... в убивающей себя Анне Карениной, в рождающей Китти, в мстящей Татьяне. Вечный вопрос, поставленный в трагедии Еврипида, не смогли разрешить «ни древность», «ни христианство», в котором «дано лишь предчувствие их последнего соединения». «Но это именно только предчувствие... греза,.. не достигающая, не воплощающая»¹.

Мережковский — драматург, критик, мыслитель, — предпринимает попытку показать путь к «достижению», «воплощению» этого соединения и прибегает для этого к переосмыслению творчества Тургенева.

«Пора отметить среди женской русской молодежи, — писала Малахиева-Мирович об образе Кати, — этих «нерожденных», «несуществующих» в плоскости быта, взыскующих грядущего града странниц, чуждых для всех в области житейских поучений и таинственно близких каждой душе в ее высших путях и в трагических узлах судьбы».

Катя пришла в пьесу Мережковского со страниц произведений Тургенева. Федор сравнивает ее с «обыкновенными милыми барышнями» из его повестей. Мироощущение Кати удивительно сходно с чувствами тургеневских девушек, о которых Мережковский много писал.

¹ Мережковский Д.С. О новом значении древней трагедии: Вступительное слово к представлению «Ипполита» // Мережковский Д.С. Эстетика и критика. — Т.1. — С. 554.

Тургенев — один из его «вечных спутников». Не только как большой талант и пропагандист русской культуры на Западе, но один из близких ему по мироощущению художник. О Тургеневе написаны блестящие статьи, его имя упоминается Мережковским едва ли не во всех значительных исследованиях. Даже в эмиграции творчество Тургенева помогало ему осмыслить наследие Данте. В творчестве Тургенева Мережковского интересуют, прежде всего, два аспекта: тургеневские девушки и Христов брак, а также религиозное значение наследия писателя.

Тургеневские девушки — существа странной «породы»: среди человеческих лиц — иконы, среди живых людей — «живые мощи»¹. Их тела — «облачные, призрачные и прозрачные, как тела гоголевских русалок, сквозь которые светит луна». Тургенев, мучающийся, как кажется Мережковскому, вопросами пола, никогда не создавал образы женщин, которые могут родить. «Но это не скопчество, не отсечение, а какое-то огненное утверждение пола, огненная чистота — влюбленная девственность». Тургенев — поэт «вечной девственности». С его героинями всегда случалось подобное происшествию с «бедной Лукерьей», в которую он «был влюблен шестнадцатилетним мальчиком», — они «погибают, превращаются в призраки, в видения, в таинственно мерцающие иконы, в благоуханно нетленные мумии, в живые мощи». Помолвленная с «приказчиком Васей Поляковым», Лукерья как-то ночью услышала таинственный «зов» «Васиным голосом», вышла на крылечко и упала с «рундучка», разбилась о землю, чуть не до смерти. Этот голос не «Васин», а чей-то «Другой», — говорит Мережковский, — так же «позвал» «Лизу» в «Дворянском гнезде», — и она ушла в монастырь. И Елену, и Марианну, и Несчастную, и Клару Милич — всех»². А «приказчики Васи Поляковы женятся», «житейское дело», христианским браком. «Христианским, но не Христовым, — замечает критик. — Это брак Левина с Китти, Пьера Безухова с Наташей».

Вопрос о сущности христианского брака был предметом споров Мережковского с современниками, их отголоски мы находим не только в письмах, но и в статьях, посвященных

1 Мережковский Д.С. Памяти Тургенева // Мережковский Д.С. Эстетика и критика. — Т.1. — С. 433.

2 Уже в эмиграции Мережковский вспомнил о Кларе Милич, работая над эссе «Данте». Он сравнивал ее образ с видениями Беатриче. Своему секретарю, В.А.Злобину он посылал распоряжения «как можно скорее», «срочно» выписать «ту страницу или строки из «Клары Милич», где Клара является к Аратову и совокупляется с ним, мертвая — с живым... Мне это нужно для — для Беатриче, которая несомненно так же являлась к Данте... Тут один из ключей ко всему Данте» // Маленькая Тереза. Жизнеописание. Письма. — Теннофлай: Эрмитаж, 1988. — С. 148.

театру, творчеству Лермонтова, Достоевского, Гоголя и Толстого. В них разбросаны отрывочные, как бы вскользь приведенные, высказывания, намеки, иногда более распространенные размышления. Сведенные, они представляют собой стройную концепцию, разработка которой завершается Мережковским уже в эмиграции.

В письме В.В.Розанову Мережковский писал, что «брак есть пошлое, житейски и механически... утилизированное соединение целомудрия и сладострастия — Артемиды (невеста) и Афродиты (жена)... Вообще не брак, а сладострастие есть глубина противоположная и равная глубине, открываемой Христом.

Тут не черт... но другой, второй Бог, другой «пол» мира, другой Христос, Антихрист, — брак и Антихристианство... А всего вернее формула:

Христос — целомудрие
Антихрист — сладострастие¹.

В конце жизни, работая над «Испанскими мистиками», Мережковский уточнит это положение: «Человеческий брак — только малая... видимая зарница невидимой грозы... символ того, чему дано имя Богосупружество... — брачное соединение души человеческой с Богом». «Самое личное из всех человеческих чувств — любовь», и она делает из человека личность, «единственную и неповторимую». Эта «единственность» — признак «божественности, потому что Бог един... Он же есть и Любовь... Самая личная любовь — брачная», но Личность в браке достигается «не в духе и не в плоти, а соединением духа с плотью»².

Объясняя любовную трагедию Лермонтова, не желавшего соединиться с возлюбленной в христианском браке; «любовную муку» Тургенева и бессознательное его христианство, Мережковский опирается на это понимание сущности Христа и христианского брака. «Влюбленностью вскрывается двойственность человеческой природы, дух и материя, Бог и зверь. В человеческом браке потому «является третья личность — ребенок, что две первые, — отца и матери, — как бы умирают... ущербляются в похоти», — писал Мережковский в статье «Тургенев». Любовь в представлениях критика — «воля не к продолжению рода», а воля «к личности»: «Тут антиномия пола неразрешимая: бесконечность рода — конец, смерть личности... бессмертие личности — конец

1 Мережковский Д.С. Письмо В.В.Розанову от начала 1903 г. // Мережковский Д.С. Записные книжки и письма. — С. 238.

2 Мережковский Д.С. Испанские мистики. Маленькая Тереза / Под ред. и с вступ. ст. Т.Пахмусс.— Брюссель: Жизнь с Богом, 1988.— С. 148-150.

рода»¹. «Чтобы родилась личность», следует умереть лицу. Вот почему «первая любовь — последняя. Любовь требует чуда, но не может быть чуда в порядке естественном; не может быть брака, утоления, достижения любви... на земле».

Именно поэтому в драме «Будет радость» среди героев, пришедших со страниц романов Достоевского, который в критике Мережковского противопоставлен Тургеневу, возникает тургеневская героиня, «среди человеческих лиц — икона», «среди живых людей — «живые мощи», «облачная», «призрачная». «Чистая, до дна прозрачная», «недействительная, «нерожденная», «несуществующая», «ни живая, ни мертвая, свой собственный призрак», — это Катя говорит о себе. Она чувствует себя «как во сне: летаешь, хочешь стать на ноги и не можешь — все на аршин от земли: тяжести нет, земля не держит».

В концепции религиозности интеллигенции и культуры Тургенев занимал особое место, и написанный вслед его героиням образ Кати может быть понят лишь в сопоставлении с тем, как понимал тургеневское творчество Мережковский-критик и публицист.

Своим главным «религиозно-историческим» делом, по словам Т. Пахмусс, Мережковский считал объединение «трех всемирно-исторических путей» — «Церкви Западной (Римской), Церкви Восточной — Православной и Западно-Восточной — Протестантской» в «Единой Церкви Вселенской». «Возле откровения о божественной тайне Трех, — писал Мережковский, — поднимется буря того экстаза, чья высшая точка Богосупружество»². Процесс основания будущей Церкви Трех Мережковский видел в земном воплощении небесной троичности, в Трех — св. Терезе Испанской, св. Иоанне Креста и св. Терезе Лизьеской, или Маленькой Терезе, как он ее называл. Сама того не сознавая, говорит он, она «перешла из одного порядка бытия в другой». Между ними «находится то, что в математике называется «прерывом», а в религии — «чудом». Этим-то «чудом-прерывом» Маленькая Тереза и перешла из старой Церкви... в новую, Вселенскую»³.

О теории «прерывов» и «чуде» Мережковский говорит и в драме «Будет радость». «Гриша. Вы Лобачевского знаете?.. И теорию «прерывов» не знаете?.. математическое понятие «прерыва» и есть понятие «чуда». Иван Сергеевич. Ну, а вы, Катя, тоже в чудеса верите? Катя. Вы спрашиваете так, что ответить нельзя. Потому что в вере сказать — значит сделать, а я чудес не делаю. Иван Сергеевич. Значит, не

1 Мережковский Д.С. Памяти Тургенева — С. 439.

2 Мережковский Д.С. Испанские мистики. Маленькая Тереза.— С. 18-19.

3 Там же.— С. 374.

верите? Катя. Нет, не значит. Я не могу сказать, что верю в чудо. — в одно единственное, последнее — в чудо чудес... но в чудеса я верю.

Имя Лобачевского упоминается Мережковским в статьях о Байроне, Лермонтове и в книге о Паскале. «Байрон — человек из той же породы людей, как Наполеон и Лермонтов: кажется, это люди не совсем люди, — только пролетают через наш земной воздух, как аэролиты;.. брошенные откуда-то вниз или вверх (где «низ» или «верх» мы не знаем; тут наша земная геометрия кончается)» («Байрон»); «Любовь Лермонтова в христианский брак не вмещается. Христианский брак... можно сравнить с Евклидовой геометрией трех измерений, а любовь Лермонтова с геометрией Лобачевского, геометрией четвертого измерения» («М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества»); «Кажется иногда, что у Паскаля совсем иное, чем у других людей, ощущение пространства — как бы иная, не Евклидова, не земная геометрия, зависящая, может быть, от иного строения не только души, но и тела» («Паскаль») ¹.

Впервые Мережковский упомянул теорию прерывов в полемической статье «Семь смиренных» — отклике на выход сборника «Вехи», в которой обосновал свое понимание революционного и эволюционного пути развития. С прерывом он связывал революционный путь. К этому понятию Мережковский возвратился и в «Маленькой Терезе», в заключении которой писал: «Наше сознание запредельное (то, что Достоевский называет «бессознательным») от сознания предельного, «душу ночную» от «дневной», наше бодрствование от подобного глубочайшему обмороку сна, отделяет лишь один волосок, но не переступаемый для нас, как бездна. Переход из одного порядка бытия в другой, из сознательного, «дневного», в бессознательный, «ночной», внезапен, как молния. Между этими двумя порядками находится то, что в математике называется «прерывом», а в религии — «чудом».

Драма «Будет радость» была издана в 1916 г. Иллюстрируя издание, сестра Гиппиус, Татьяна, поместила на первой странице портрет главной героини, Кати, какой она ее себе представляла: молоденькая девушка с вьющимися волосами в строгом темном платье с нежным кружевом под горлом. Помещенная в брюссельском издании книги «Маленькая Тереза» фотография святой Терезы Лизьеской во всех деталях соответствует рисунку Т.Гиппиус ².

В наступление «радости» не поверили ни зрители, ни критики, ни актеры. Уверенность Мережковского разделяла, может быть, одна Гиппиус, уже в эмиграции писавшая:

1 Мережковский Д.С. Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль. — С. 14-15.

2 Мережковский Д.С. Будет радость. — Пг.: Огни, 1916.

Ничто не сбывается,
А я верю...
Все обманывают,
А я люблю.

Мережковский задумывал «Будет радость» как мистерию современной русской жизни, но попытка его не удалась. Драма не произвела впечатления, на которое рассчитывал автор, зрители и читатели ее оказались равнодушны и к новой интерпретации поэзии Тютчева, и к судьбам мистиков прошлых веков, и к «сверхчеловеческому», и к будущей «радости» и всемирно-историческому «прерыву». По сей день не оценен и оригинальный метод, использованный Мережковским при создании этой драмы: «Будет радость» стала первой в истории русской драматургии драмой-реминисценцией.

Однако Мережковский не оставлял надежд на создание мистерии, о которой писал так вдохновенно еще в конце века. Его замыслы воплотились уже в эмиграции, когда он работал над сценарием «Данте».

Творческую историю сценария по письмам Мережковского и Гиппиус к их многолетнему секретарю В.А.Злобину восстановила Т.Пахмусс¹. Не останавливаясь подробно на всех изгибах трудной судьбы этого произведения, скажем лишь, что сценарий был переведен на итальянский, английский, немецкий и французский языки (тексты переводов, по-видимому, не сохранились), постановка фильма по нему планировалась на американской киностудии «Paramount» и французской «Association des Auteurs de Films», но вследствие начавшейся войны не была реализована. Гиппиус писала с сожалением о том, что «Голливуд занят фильмом «Жизнь Хитлера»... Это исключает всякий интерес к «Жизни Данте»²...

Сценарий «Данте» писался параллельно с одноименным исследованием о поэте. Его центральный сюжет — «жизнь» Данте. Однако судьба великого поэта представлена в контексте, который позволяет говорить о концентрации в одном произведении совокупности главных идей и тем Мережковского-мыслителя и художника, то есть о «жизни» человечества вообще.

В сценарии Мережковский воссоздает традицию средневековой религиозной драмы на темы из жизни святых, но в качестве нового героя новой религии избирает Данте, пророка будущего «сверхисторического» христианства. Повест-

1 Мережковский Д. Данте. Гиппиус З. Мережковский Д. Борис Годунов: Киносценарии.— С. 7-21.

2 Там же.— С. 17-18.

вание, неторопливое и красочное, построено в виде сцен, сгруппированных в части, а голос автора как голос чтеца мистериального театра, скрепляет сцены между собой.

Текст сценария тесно связан с одноименным эссе. «Жизнь Данте» Мережковский открывает вступлением «Данте и мы», в котором обосновывает в привычной для себя манере писать предисловия¹ причины, по которым именно в этот исторический отрезок времени человечество нуждается в воссоздании нового образа Данте — ведь у поэта были свои биографы, существует огромная научная литература о его жизни и творчестве. Образ Данте, сложившийся после его смерти и воспринятый новыми поколениями, считал Мережковский, подобен тому мертвецу, которого, ради сохранения на долгие годы, погружали в мед. Среди читателей едва найдется хоть несколько человек, которые без «зевающей скуки» прочтут 14000 стихов Комедии Данте или его жизнеописание.

Между тем в Данте Мережковский увидел «действие, творение бытия нового», в котором он превзошел равных ему по силе созерцания Гомера, Шекспира и Гете: «И все-таки слава Данте не тщетна: кто еще не совсем уверен, что весь религиозный путь человечества ложен и пагубен — смутно чувствует, что здесь, около Данте одно из святых мест... Нет такого земного величия и славы, где дантово каленое железо не настигло бы и не выжгло бы на лбу злодея позорного клейма». Опираясь на слова Пифагора, что миром правит Число, Мережковский отказывается слышать божественную музыку сфер в числе «Два»: «Всюду Два между Двумя — война бесконечная. Чтобы окончилась война, нужно, чтобы Два соединились в Третьем: два класса — в народе, два народа — во всемирности, две этики — в святости, две религии, человеческая и божеская, — в Богочеловеческой»². Цель Данте — поэт, мыслителя, пророка, говорит Мережковский, «с гибельного пути, под знаком Двух, вернуть заблудившееся человечество на путь спасения, под знаком Трех. Вот почему сейчас, для мира, погибнуть или спастись, значит сделать выбор: Два или Три».

Возвращаясь мыслями к покинутой родине, Мережковский определяет актуальность этой темы и для России: «Данте умер на рубеже Востока и Запада, именно там, где должен был умереть первый возвеститель объединяющей народы Западно-Восточной всемирности. Если так, то вперые он понят и принят будет на обращенном к Западу

1 О жанре предисловия у Мережковского см. подробнее в нашей статье «Все предисловия бесполезны...» (Из наблюдений над предисловиями Мережковского // Известия РАН. Серия языка и литературы. — 1996. — № 3. — С. 59-65.

2 Мережковский Д.С. Данте. — Томск: Водолей, 1997. — С. 8-10.

Востоке — в будущей свободной России. Только там, где, ища свободы без Бога и против Бога, люди впали в рабство, невиданное от начала мира, поймут они, что значат слова Данте: «величайший дар Божий людям — свобода»... Только там, в будущей свободной России, поймут люди, что значит: «всех чудес начало есть Три — Одно», и когда поймут, начнется предсказанное Данте всемирно-историческое действие «Трех».

Именно этот взгляд на личность и творчество Данте побуждал Мережковского к особому методу работы над историческим и художественным материалом. Он выбирает из биографии поэта и его произведений лишь свидетельства, которые характеризуют Данте как пророка новой религии.

Мережковский уделяет большое внимание обрисовке места действия, но не для того, чтобы как можно подробнее представить облик древнего города или мест, по которым скитался великий изгнанник. Автор, напротив, максимально сокращает описание, вызывая у читателя собственные ассоциации или представления, оставляя как можно больше возможности для его фантазии.

В сценарии создан образ «двух» Данте — сознательного и бессознательного, явного, реального и «тайного». Сознательный — реальный участник реальных событий: женитьба, участие в жизни Флорентийской Коммуны, в изгнании, «Данте с девочками», Данте — общественный деятель и нищий и т.д. Бессознательный — живущий в поэтических грезах, религиозных переживаниях, оторванный от действительности, земной муж неземной возлюбленной. Мережковский предлагает зрителю целостный образ Данте бессознательного, и фрагментарный — реально жившего поэта и общественного деятеля. В соприкосновениях с другими действующими лицами мистерии облик Данте не становится яснее: факты его биографии растворены в поэтической ткани, и на первый план выдвигается непрерывающийся диалог Данте с самим собой, Вергилием и Беатриче.

В сценарии нашли отражение две главные темы творчества Мережковского: «религиозный соблазн» власти («Маленький Антихрист»), два типа любви — любовь-похоть («Пестрая пантера») и любовь-влюбленность («Белая Роза», «Бог любви — геометр», «Смерть Беатриче»). Вместе с тем здесь появились темы, оказавшиеся актуальными для писателя уже в эмиграции, в частности, антивоенная («Разделенный город»).

В сценарии «Данте» проявилась прекрасная эрудиция и большой художественный талант Мережковского. Он изучил в подлинниках не только книгу Боккаччо, одно из самых известных и ранних посвященных Данте исследований, но и множество монографий, статей, упоминаний, в частности, Бенедетто Кроче, Вольтера, Альфьери, Леонардо Бруни и

мн.др. Но «Данте» — произведение не только самостоятельное, но и гораздо более совершенное, чем «Борис Годунов». Здесь мастерство историка литературы опиралось на собственный поэтический и художественный талант автора, а его общественно-политическая позиция писателя-гуманиста оказалась органичным выражением его взглядов философа и мыслителя. Облик Данте, воссозданный Мережковским, можно назвать преображенным. Это образ, о котором автор мог с полным правом сказать «мой» Данте, тот «вечный спутник» человечества, который может быть сопоставлен с любым из образов известного цикла.

Жизнь Данте от первых детских лет до смерти, в которой значимой оказывается находка тринадцати частей «Рая», скрытых поэтом, от сцены к сцене приобретает символический и обобщенный характер. Война во Флоренции, скитания по Италии, народные волнения и утонченные беседы в замке богатого мецената, примирение, успокоение и светлая кончина поэта становятся эпохальными событиями всей мировой истории, по руслу которой движется пророк и прорицатель, поэт и мыслитель.

Как уже говорилось, мировую историю Мережковский осознавал в эстетических и религиозных категориях. В конце жизни он во многом пересмотрел свое отношение к таким фигурам мировой культуры, как, например, Гете или Шекспир. Если в начале века он писал о всеобъемлющем таланте Гете, противопоставлял его Толстому и Достоевскому, испытывал потребность обосновать «символизм» на русской почве поэтическими и интеллектуальными высотами, достигнутыми Гете, то уже в конце жизни обратился к поискам того, что было «до» культурной истории нового человечества. И этой вехой оказался для Мережковского именно Данте.

Причиной того, что «именно в эти, страшные для всего человечества... русский человек пишет о Данте, нищий — о нищем, презренный всеми — о презренном, изгнанный — об изгнанном, осужденный на смерть — об осужденном», была убежденность Мережковского в неизбежном религиозном и культурном объединении Востока и Запада, воплощенном будто бы в Данте. Писавший о том, что близко каждому, живущему по обе географические стороны земли, — об аде, мечтавший о рае на земле, Данте оказался удивительно близок Мережковскому, пробуждавшему душу современной культуры.

Сценарий «Данте» нуждается во всестороннем исследовании в его связях с текстом книги «Данте», в сопоставлении с монографиями о Данте его многочисленных предшественников, с собственными исследованиями Мережковского, с произведениями его современников. Он ждет еще и своего режиссера-постановщика, ибо текст этот современен и совершенен, дает возможность разнообразных художественных

решений, оставляет свободу для собственного творческого поиска режиссеров и актеров.

Постановка фильма по сценарию Мережковского «Данте» может стать действительным явлением обновленной мистерии, таинства духа, священнодействия в храме высокой культуры.

«Искусство — это безнадежный плач человеческой души о Боге», — записал в одном из своих юношеских дневников Мережковский. Он думал тогда о том, что «во всех наших познаниях, нравственных идеалах, созданиях искусства недостает чего-то последнего и единственно нужного. Мы все к нему стремимся и не можем понять и чувствуем, что оно проходит повсюду неуловимое, более близкое сердцу, чем сердце любимое, и далекое, чем самые недосыгаемые звуки. Одни туманно и безучастно называют Непознаваемым, другие — несовершенно и бледно — Богом, но нельзя назвать его так, чтобы сердце дрогнуло и почувствовало: «вот он». А между тем — если вынуть эту тайну, эту невидимую соединяющую нить... из образов красоты — все они падают и рассыпаются как зерна жемчуга, когда вынимают из ожерелья скрытую нить, на которую они были нанизаны»¹.

Эти слова наиболее точно характеризуют творчество самого Мережковского. На протяжении всего творческого пути он стремился к этому чему-то «последнему и единственно нужному», много лет «будил религиозную мысль, был посредником между культурой и религией, пробуждал в культуре религиозное чувство и сознание», «в его лице новая русская литература, русский эстетизм, русская культура перешли к новым темам»².

Но театр Мережковского, на который он возлагал так много надежд, которому доверял самые сокровенные свои чувства и мысли, остался театром неисполненных и нереализованных замыслов. В нем оказался слишком трудным путь к «новой красоте», и даже единомышленники писателя останавливались в недоумении перед многочисленными его «загадками».

Может быть, сегодня, когда, как и столетие назад, современное поколение «утомлено материализмом и культом научных знаний», удивительный мир этого «несчастливого странника по пустыням бытия», тщетно «добывавшего огонь в ледяном холоде», наконец станет внятен.

1 Мережковский Д.С. Записные книжки и письма // Русская речь.— 1993.— № 4.— С. 34.

2 Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.С.Мережковский).— С. 147.

Мингрданъ и Натанъ.

(Драматическій этюдъ)

1 Сцена.

Мингрданъ близъ владѣній¹ Натана: Мингрданъ идетъ на коня въ сопровожденіи слугъ. Натанъ идетъ по дорожку на встрѣчу.

Мингрданъ *(къ слугамъ)*

Мнѣ кажется, Натаново жилище.

Не далеко. Примиорните коней!

Вотъ пышность; спрошу я о дуринѣ...

Судя по снѣгу, видны прѣсики.

Но ласковъ взоръ, осанка благородна:

Отвѣтите мнѣ точно на вопросъ.

МИТРИДАН И НАТАН

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ЭТЮД

I сцена

Местность вблизи владений Натана. Митридан едет на коне в сопровождении слуг. Натан едет по дороге навстречу.

Митридан (к спутникам).

Мне кажется, Натаново жилище
Не далеко. Пришпоримте коней!
Вот пешеход; спрошу я о дороге...
Одеждою он скромн, видом прост,
Но ласков взор, осанка благородна:
Ответит он охотно на вопрос.

(К Натану).

Мы странники, нам этот край безвестен;
К Натану путь, коль знаешь, укажи.

Натан.

Коль ты моим сообществом докучным
Не брезгаешь, о рыцарь молодой,
Проводником отправиться с тобою
Почту за честь.

Митридан.

Благодарю, старик;
Но выслушай, — как вижу, ты услужлив
Не откажи и в новой просьбе мне:
Веди нас так, чтобы хозяин дома
Не увидал приезда моего.

Натан (про себя).

Зачем ему скрываться от меня?
Он красотой и юностью цветет,
Но на челе следы заботы тайной
Я прочитал...

(громко)

Друзья, скорее в путь!
Исполню все по твоему желанью.

2 сцена

Горница во дворце.
Натан сидит в задумчивости. Входит слуга.

Слуга.

Мой господин, ты звал меня?

Натан.

Пусть рыцарь,
Что прибыл к нам сегодня поутру,
В моем дворце немедленно получит
Прекраснейший чертог и все,
Что знатному потребно дворянину.

Слуга.

Исполнится веление твое.

Натан.

И объяви ты всем мое желанье,
Чтоб новый гость меня не узнавал,
Чтоб перед ним меня не называли
По имени.

Слуга.

Я понял приказанье.

Уходит.

Натан (один).

О молодость, над бездной ты стоишь
В тот страшный миг, когда на перепутьи
Колеблешься в сомненьях роковых,
Добром и злом влекомая так мощно,
Их семена готова воспринять
И чуткою и девственной душою.
По одному тоскуешь ты пока,
И одного неутомимо жаждешь,
То — счастье; но строгое добро
Его сулит за жертвы и страданья
Далекою наградой впереди,
Меж тем порок, объятая открывая,
К себе зовет, с улыбкой говорит:
«Ко мне, ко мне, — желанья утолю я,
О, юноша, блаженство дам тебе!»
Соблазн могуч: он погубил уж многих.
На то взирать бесстрастно не могу:

Опасная борьба стихий враждебных,
Столь тяжкая неопытной душе.
Во мне всегда участие пробуждает;
Мой долг святой: на помощь поспешив,
Воздействием советов благотворных
Грозящую опасность отвратить.
Что б ни было, я должен попытаться.
Тот юноша, мне посланный судьбой,
Исполнен сил, ума и благородства.
Но тайною тревогой он томим;
Закрался червь в цветок благоуханный.
Борьбой страстей измучена душа;
Ее болезнь участием и любовью
Уврачевать, о Боже, помоги!..

3 сцена

Великолепная терраса. Между колоннами виднеется сад. Вдали озеро со стаей лебедей. Вокруг богатой трапезы пылают светильники, дымятся курильницы. Вечереет. За столом — Натан и Митридан.

Митридан.

Не знаю, как тебя благодарить
За твой прием любезный и радушный.
Услугами осыпал ты меня,
И я смущен твоею добротою...
Но об одном тебя прошу еще:
Скажи, кто ты, открой свое мне имя,
Чтоб, возвратясь из дальнего пути,
Я вспомнить мог столь преданного друга
И похвалой достойною почтить.

Натан.

Я — бедный раб великого Натана.
Ты ведаешь, как всюду славен он
Щедротами обильными своими
И милостью к несчастным беднякам.
Все житницы его открыты нищим,
Что сходятся со всех концов земли.
Без помощи никто не удалялся.
Так про него молва гласит повсюду;
Не верь ты ей, обманщице пустой!..
Послушный раб надменного Натана,
С младенчества служил я гордецу;
Мой каждый вздох, все помыслы и силы
Я моему владыке посвятил;

И думал лишь о счастье господина.
 Не оценил он верного слуги,
 Не наградил усилий многолетних!..
 В безвестности, в пыли у ног его
 Я осужден навеки пресмыкаться.
 Из всех людей Натаном позабыт
 Один лишь я. Зато горжусь я тем,
 Что славный муж людьми боготворимый
 Свой ореол теряет предо мной.
 Весь долгий путь ошибок и сомнений,
 Которым он величия достиг,
 Все слабости и все его поступки
 Мне одному известны уж давно.
 Но тщетно их разоблачить пытаюсь;
 Кто старому поверит ворчуну,
 Когда один с усмешкою невольной
 Я слушаю Натану похвалы!

Митридан (с увлечением протягивая руку).

Признанием своим почтенный старец,
 Ты возбудил доверие во мне.
 Сочувствую тебе я всей душою,
 Зови меня сообщником своим:
 Я, как и ты, Натана ненавижу
 Я, как и ты, его смертельный враг.

(Натан с улыбкой подает собеседнику кубок вина.)

Благодарю... ты щедро угощаешь.
 За наш союз, за дружбу нашу пью!
 Но слушай же, и в помощи — прошу я —
 Не откажи; поверь, что Митридан
 Вознаградить тебя сумеет лучше,
 Чем господин неблагодарный твой.

Натан.

О юноша, поведай откровенно,
 В чем я тебе могу полезен быть.
 Увидишь сам, отказа не получит
 Мой юный друг. Чего желаешь ты?

Митридан.

Желанье то понравиться не может
 Надменному Натану твоему...
 Мы здесь одни?.. закрыты ли
 все двери?..
 Что, если нас подслушивает враг!..

(боязливо озирается)

Зачем, старик, вино твое так сладко?
Не хочешь ли меня им опьянить?

Натан.

Забудь свой страх. Тебя услышат только
Твой старый друг и Бог на небесах.
Все говори и смело, и свободно!

Митридан.

Я облегчу признанием себя,
Я расскажу, как ненависть к Натану
Во мне росла и зрела с давних пор.
Моя земля лежит отсюда к югу,
Несчетными богатствами полна,
Наследие от предков знаменитых.
Беспечно в ней и весело я жил,
Пока молва не принесла мне вести
Про дивного, святого старика:
Он образец всех совершенств возможных,
Он горлица по кротости души.
По мудрости он змий неуловимый.
Чтоб славою своей наполнить мир,
Он при пути из Азии на Запад
Воздвиг чертог, убежище для всех,
Кто странником проходит по дороге.
Встречают там гостеприимный кров
Все нищие убогие скитальцы.
Сокровища несметные свои
Он льет на всех, как дождь благословенный.
И пилигрим разносит далеко
Хваления великому Натану:
Их трубный звук домчался и ко мне,
Чтоб возмутить покой мой безмятежный.
Я стал мечтать о счастье неземном
Быть, как Натан, почетом вознесену
За подвиги прекрасные любви.
В душе моей уж зависть шевелилась;
Я чувствовал в себе довольно сил
И огненной решимости, чтоб блеском
Высоких дел соперника затмить.
Надежде той поверив горячо,
Такие же я выстроил палаты,
Чтоб странников радушно принимать.
Желаний цель уж близкой мне казалась.
Я с трепетом восторга узнаю,
Что и мое молва возносит имя,
Что и меня венчает похвала.
Но утолить не мог я жажду славы:
Она росла, чудовищно росла;

Мне чад ее был слаще ароматов,
Он воздуха нужнее был стократ!
И славою безмерною своею
Весь Божий мир я грезил потопить,
Чтоб вторили ей волны и дубравы,
Чтоб гром ее светила потрясал.
Бессмертие даруя мне, как богу!..
Хоть ненависть к Натану глубоко
В груди моей на время затаилась,
Я сознавал, что неизбежен час,
Когда она проснется с грозной силой
И властью могучей обоймет
Меня всего, как огненная буря...
Сижу я раз под парчовым навесом
Средь пышного двора своих палат.
Убогая старушка чрез ворота
Туда взошед, приблизилась ко мне,
Костлявую протягивая руку.
Ей денег дать я знаком повелел.
Подачку взяв, колдунья удалилась
И скоро вновь через другую дверь
Является за новым подаяньем,
Чтобы потом и в третий раз войти;
Двенадцать раз старушка возвращалась,
Двенадцать раз я денег ей давал,
Но наконец, в тринадцатый с упреком
Ей отказал, терпенье погорев.
Злонравная, того лишь ожидала:
«Я небеса в свидетели зову,
Промолвила она, воздев худые руки,
Меж смертными нет равного тебе
По щедрости, Натан великодушный:
Когда к тебе входила во дворец
Я тридцатью различными дверями,
(Ворота те для нищих, как и здесь)
Ты щедрую протягивал мне руку,
Как будто бы впервой меня видал.
А здесь — увы! — так скоро, так жестоко
Отвергнута смиренная мольба,
Поругана укором бессердечным!
Велик Натан, и равных нет ему!»
Услышав то, я задрожал от гнева:
Казалось, весь многолетний труд,
Что стоил мне столькок усилий тяжких,
Безжалостно, как громовой удар,
Разрушили слова проклятой нищей.
И день и ночь мне слышались они,
Мне на ухо насмешливо шептали:
«Позор — тебе, сопернику — хвала.

Позор тебе, — ты побежден Натаном». Забвенья сна я тщетно призывал; С тех пор не знал я сладкого покоя, С тех пор меня преследовал везде Мучитель мой, коварный некий демон. Он помыслы мне мрачные внушал. Но наконец терпеть не стало мочи. Решился я судьбу преодолеть!.. Что [б] вызов ей на бой открытый кинуть, Отправился бесстрашно я сюда... Но для чего так пристально мне в очи Глядишь, старик?..

Натан.

Участие свое
Я выразить иначе не умею;
Я глубоко сочувствую тебе...

(Натан наполняет кубок и подает гостю.)

Митридан.

Благодарю, доверьем за доверье
Я отплачу, признавшись во всем.
Свой замысел открыв чистосердечно:
Задумал я Натану доказать
Что смертен он, как все, что добродетель
Его броней не может защитить
От меткого удара острой шпаги.
Что старикам опасно преграждать
К почету путь своею дряхлой славой
Тому, кто горд, кто молод и силен.

Натан.

Твой замысел стократ я одобряю!
Вернее в грудь прицелься старику,
Чтоб наказать его высокомерье.
Не трепещи, приближься и внимай,
Он скажет так: «О, юноша, меня
Ты наказал за дерзкие мечтанья;
Я веровал доньше, как дитя,
Что доброта одних друзей имеет,
Что старые враги простили мне,
Что новых нет; но горько я ошибся;
Я возмечтал быть солнцем для людей.
Которое на всех сияет ровно,
Которому привет любовный шлюет
Все смертные, — и праведник, и грешник.
Но дольний прах, — не вечный царь небес!
Я каюся в надежде дерзновенной.

Пусть эта кровь омоет ту вину
С души моей; тебе ж прощаю, сын мой...»

Митридан.

Ну, полно же, довольно болтовни!
Ты мужество мое и твердость хочешь
Лукавыми речами искусить.
Узнай старик: я рыцарь, от решенья
Не отступлю во век, чтоб ни грозило.
Но помнится помочь ты обещал,
Иль изменить намеренье успел?..

Натан.

Ужели в том меня ты заподозрил?
Я докажу сочувствие свое.
Вот мой совет: ему последуй смело,
Исполнится желание твое.
Взгляни туда: меж этими столбами
Виднеется под сению деревьев
Зеленая таинственная пуща.
Там звонкою струей журчит фонтан;
То — уголок излюбленный Натана.
Завтра встань с румяною зарей,
Туда иди, лишь первый луч рассвета
Озолотит верхушки тополей,
Когда еще весь мир объят дремотой...
Придет Натан, чтоб старческую кровь
Согреть в лучах приветной, теплой зорьки...
Он одинок там будет, погружен
В задумчивость иль тихую молитву;
Он, как дитя, бессилен; ни одним
Движением противиться не станет.
Что Бог тебе, что совесть повелит,
Исполни все; по этому пути
Потом беги; — побережье недалеко.
Тебя корабль там будет ожидать.

(Натан быстро удаляется.)

Митридан.

Когда Натан подобных слуг имеет,
Каков он сам? Ты ласков был, старик...
Но кто же влил мне в сердце яд сомненья?
Ты замыслам сочувствуешь моим,
Ты изменить конечно мне не можешь;
Вся речь твоя правдива и честна.
Но что со мной? Ужель моя решимость
Усыплена радушьем старика,
Вином его и вкрадчивую речью?

Как ночь тиха! Как воздух напоен
Дыханием цветов; темнеет небо.
Из-за дерев, чернеющих вдали,
Встает луна лампадой золотою;
Поет любовь волшебник-соловей,
Он мне поет про сладость примиренья...
Но прочь, мечта, позорная мечта!..
Ужель, забыв призвание героя,
Как женщина, я буду усыплен
И негою постыдно убаюкан!
Ты, ненависть, зажгись в моей груди,
О мщении взывай неумолимо,
Дай мужество, чтоб заглянуть в лицо
Опасности и замыслам великим!

(Выхватывает из ножен шпагу.)

Ко славе путь пролож[и]шь для меня
Ты верное, послушное оружие!
Любовницей моей будь в эту ночь,
Холодная, могучая подруга...
Как милый взор, пусть закалит меня
Зловещий блеск твоей ужасной стали.
Да буду я, как грозный твой клинок,
Непобедим, на все мольбы бесчувствен...
Натан, Натан, твой смертный час пробил!..
Когда падет соперник пораженный,
Как сам Господь в предвечных небесах,
И щедрости, и совершенств высоких,
Я на земле остануся царем.
Я не боюсь названия убийцы:
Кто тайну ту дерзнет разоблачить?..
Быть может он себе доверье встретит?
Мне совести не страшен приговор:
Я заглушить его сумею скоро;
Пусть он звучит в могильной тишине,
Пусть он твердит мне на ухо: «убийца».
Убийца, да! — отвечу я ему.
Но назови мне славного героя
И назови бесстрашного вождя,
Кто похвалой потомства был увенчан,
Кто не бывал убийцею стократ!
Он сожигал, опустошал и грабил;
Благотворить несчастным я хочу.
Он проливал потоком кровь людскую,
Я каплю лишь ничтожную пролью.
Порой убил он целые народы;
Я старика отжившего убью.
Но все того великим именуют;

Ужель меня злодеем назовут?
 Свой замысел, чтоб ни было, исполню
 И прозвище меня не ужаснет!
 Да! Я хочу убийцей быть и буду!..
 Волнует грудь отваги бурный пыл,
 Горит лицо, огонь снедает сердце;
 В нем ненависть бушует, как пожар,
 И тот пожар кровь старика потушит...
 Натан, Натан, твой смертный час пробил!..

4 сцена

Сад перед дворцом. Не совсем рассвело. Натан гуляет.

Натан (один).

Так, решено: пожертвую собою,
 Чтоб юношу безумного спасти.
 Губительным, жестоким ослепленьем
 Он увлечен. Уж сила кротких слов
 Не возвратит его на путь спасенья;
 Уж страсти час, рассудок омрачив,
 Им овладел, как страшное похмелье.
 Еще один возможен здесь исход:
 Пусть совершит он замысел свой мрачный,
 Потом придет раскаяния час;
 Падет с очей неведенья завеса,
 Чтоб истины сиянье показать.
 Он полон сил и выдержит страданья
 Ужасного мгновения того.
 Поймет добро отзывчивой душою,
 И продолжать он будет труд любви.
 Мною начатый, преемником достойным.
 Вот он идет: слышались шаги.

(Митридан крадется с обнаженной шпагой в руках;
 потом останавливается за стволом дерева).

Митридан (про себя).

Вот этот муж, прославленный молвою,
 Вот образец высоких совершенств!
 Досадно мне, что ранний сумрак утра,
 Улицезреть священные черты
 Препятствует. Соперник ненавистный,
 Л[ю]буешься беспечно ты зарей,
 Последнюю, кровавою зарею!..

Натан (про себя).

Готов на все, на все решился я.
Господь, прими страдальч[е]скую душу...

Митридан (крадучись).

Вот мести час!.. Не трепещи, рука!
Иль милости, что вокруг ты расточала,
Для подвигов ослабили тебя?

Натан (отдельно).

Он борется... с раскаяньем быть может...

(Митридан стремительно подбегает, хватая за руку Натана
и заносит над ним шпагу.)

Умри, Натан!..

Натан (оборачивается к нему лицом).

Я умереть готов.

Митридан (опуская занесенную руку).

Так это ты, старик? Где ж господин твой?
Зачем ты здесь? Коварно обмануть
Не вздумал ли меня, ты раб презренный?
Так берегись!..

Натан.

Натан перед тобою.
Обманывать тебя я не хочу.
Я назвался вчера его слугою,
Чтобы помочь намереньям твоим;
Ты сам просил: я связан был обетом
Не отвергать молящих никогда.
Что ж медлишь ты? Иль насмеяться хочешь
Над стариком? Будь рыцарем, мой сын!..
Вот — грудь моя; она принять готова
Стальной клинок, как сладкий поцелуй.
Я смерти рад; она отворит двери
В желанный мир, где счастье, свет и жизнь.

Митридан.

Проклятие!.. Что сделал ты со мною!..
Или меня, Натан, так глубоко
Ты презирал, что оскорбить решился,
Смертельною обидой раздавить
И помощью своей мне вырвать сердце,
Безжалостно ногами растоптать?..

(Ломает надвое шпагу и далеко бросает обломки.)

Иль это бред чудовишный, безумный?
 Рассейся же, виденье грез больных!
 От этих чар и наваждений адских
 Слабеет ум...

Натан.

Опомнися, мой сын!
 О Господи, святою благодатью
 Ты укрепи многострадальный дух.

Митридан.

Он молится... Не за меня ль?.. Так точно!
 Я понял все! Ты победил, Натан!..

(Рыдая, припадает к ногам Натана.)

Натан.

Не побеждать, спасти тебя желаю.
 Поверь же мне, безумец молодой.

Митридан.

Коль так, молю, неслыханную милость
 Презренному злодею окажи:
 Убей меня, Натан великодушный!
 Да поразит твой правосудный гнев,
 Как божий гром, преступного безумца...
 Иль чистых рук не хочешь осквернить
 В моей крови? Так бешеным проклятем,
 Чтоб дрогнули и небо, и земля,
 Громи меня, как мерзостного гада!
 Но не смотри таким любовным взглядом,
 Он жжет меня!.. ужаснее стократ
 Он молнии карающего Бога...
 Дай смерти мне!.. Я слышать не хочу
 Прощения, — была б чрезмерна пытка...
 Натан, Натан, что сделал ты со мной!

Натан.

Мужайся, друг: лишь малодушных губят
 Страдания; дух сильный закален
 В горниле их, — еще сильнее выходит.
 О юноша, послушайся меня.
 В груди моей не каменное сердце,
 Ты старого Натана не стыдись.
 Тебя люблю я отческой любовью,
 Ведь я с тех пор уж полюбил тебя.
 Как ты открыл доверчиво мне сердце,
 Где ненависть и давнюю вражду
 Заметил я со скорбью беспредельной...

Митридан.

Не вспоминай, не говори про то!
Как мог тебя, тебя я ненавиждеть.
Божественный Натан!..

Натан.

Утешься, друг.
Ты не меня так страстно ненавидел;
Ты призрака создал себе в мечтах;
(Он как и ты был гордецом тщеславным).
Назвав ту тень Натаном, перенес
Ты на нее все темное, дурное
Души своей, что тяжело сознать
В самом себе...

Митридан.

Исчез обман, и бездна
Гиенною сияет надо мной.

Натан.

Послушай, друг,
Чтоб райских стран достигнуть,
Мы все должны над бездною пройти.
Лишь узкий мост — зовут его надеждой —
Над пропастью ужасною ведет,
Падением грозя ежеминутным.
Но чем смелей, решительней твой шаг,
Тем хрупкая опора под ногою
Становится и тверже, и верней.

Митридан.

Перед тобой стою, благоговя.
Все более, все глубже познаю
Великую, божественную душу.
Ты смертный ли? Ужель наш грешный мир
Мог породить такого совершенства
И святости высокий образец?

Натан.

Поверь, мой сын: тернистый путь страданий
И я свершал; он и меня язвил;
Но зажили кровавые те раны.
Ах, был и я когда-то молодым!
Томилась грудь могучей жаждой счастья,
Избытком сил и сладостных надежд...
Но в эти дни стремился я к блаженству
Лишь для себя; и потому оно
Обманчиво и мимолетно было.

Всю молодость науке посвятить
Сперва желал я в пылком увлечении;
И так мечтал: познание явит мне
Все тайное, все чудное природы.
В святилище заветное вступив,
Там истину я узрю без покровов
В сиянии божественных лучей.
Над книгами стал проводить я ночи,
И блеск зари нередко на листах
Иссохшего пергамента встречался
С бледнеющим лучом моей лампы.
Но скоро жизнь неистовым потоком
В безмолвную обитель ворвалась,
Чтоб мой приют неожиданно переполнить
И звуками, и светом, и весной.
Я полюбил... Клянусь, была достойна
Красавица безумнейшей любви.
Лишь ослепил впервые дивный образ
Мой жадный взор, — я позабыл про все,
Я позабыл торжественный обет свой
Над грудой книг иссохнуть, не выдав
Ни ясных звезд, ни голубого неба.
О милые, приветные черты,
Вы до сих пор передо мною живы;
Бессмертными вас создала любовь.
Но ныне вы задумчиво-печальны
Витаете в тумане предо мной,
Тогда же вас цветущими я видел
И полными небесного огня.
Как пламенно лобзал я их в то время,
Как тяжело их было потерять!
Я также знал мучительное горе...
Но в тихую задумчивую грусть,
Оно давно во мне преобразилось
Как свод небес безоблачных, ясна,
Как океан, печать моя безмерна.
И дивною гармонией в душе
Она звучит торжественно и стройно,
Святой призыв к добру и красоте.
И я постиг, что счастье земное
Лишь для себя, для похотей своих
Пустой обман, неуловимый призрак.
Но всех людей, как братьев, возлюбить,
Им каждый миг всецело посвящая,
Их горести и муки облегчать,
Им верный путь указывать ко благу,
Всем существом стремиться к божеству,
Вот лучшее, нетленное блаженство,
Вот счастье святое и добро!

Митридан.

О говори! Тебе внимаю жадно...
Твоих речей наслушаться мне дай!
Их истина вторгается мне в сердце,
Как теплое дыхание весны,
Что ласкою все радует и греет,
Животворит из-под оков зимы.
Не чудо ли святое воскресенья
Свершается теперь в груди моей?..

Натан.

Взгляни, мой сын, — там солнце золотое
Торжественно и медленно встает;
И меж листов, росую окропленных,
Обильно льет румяные лучи.
Природы царь, могучее светило,
Все от тебя, — тепло и свет, и жизнь.
Но лучшего, прекраснейшего солнца
Ты бледное подобье для меня:
И солнце то древней самой вселенной;
Над хаосом носилося оно.
Ты знаешь ли ту силу вековую?
То Божий свет, то мощное добро!
Когда Творец уготовлял, как зодчий,
Премудрое создание миров,
Он взял добро орудием всеильным,
Он взял добро основой бытия,
Он положил его конечной целью,
Чтоб все и всё стремилось к нему.
Ты, юноша, к добру стремишься тоже,
Но ты его хотел лишь для себя,
Чтоб утолить слепое честолюбье;
И помощи протягивая руку,
Не познавал ты радости святой;
И требовал похвал к себе в награду.
Безумною гордыней ослеплен.
Ходил ли ты в поля весенним утром?
Глядел ли ты на ясный свод небес,
Как над землей любовно он простерся.
Ласкает все дыханием своим.
И греет все в объятиях лазурных?
Спроси его: награды ли он ждет,
Или похвал, или надменной славы?
О нет, поверь! Затерянный цветок,
Ничтожная, чуть видная былинка,
Бессильную головку приподняв,
Благодарит его улыбкой краткой,
Вот для него награда и хвала!

Величие добра постигнув сердцем,
Ты суетным безумцем назовешь
Искателя людских похвал и славы.

Митридан

На новую, великую борьбу
В душе моей ты пробуждаешь силы.
Досель еще неведомый порыв
Меня влечет. Открыт необозримо
Передо мной широкий кругозор.
Но как, скажи, наставник вдохновенный,
Как мне тебя, Натан, благодарить?

(Становится на колени)

Натан (кладет ему руки на голову, поднимает очи к небу).

Благодари святое Провиденье,
Избравшее лишь вестником меня,
Тебе открыть божественную волю,
Да посветишь ты бескорыстно ей
И кровь, и пот, и радость, и страданье;
Да изберет Господь тебя на век
Святой любви сосудом многоценным,
Заступником добра и правоты!

[начало 1880-х годов]

ОСЕНЬ¹

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

Лица:

Анна Николаевна Мизинцева, [*старуха*] [вдова], небогатая помещица.

Аделаида, дочь ее, очень хорошенькая [*перезрелая девушка*], но приближающаяся к возрасту старой девы, [28] 29 лет.

Наташа, воспитанница Мизинцевой, дальняя родственница, сирота.

Дмитрий Николаевич Волков, богатый барин лет 30-ти, небольшого роста, [в очках], не особенно красив.

Владимир [Сергеевич] Иванович Молотов, инженер-техник, брюнет с [*красивая борода, богатая шевелюра*].

Даша, горничная Мизинцевых.
[*Кошка*].

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

([2] Осень. Дача в окрестностях Петербурга. Слева сад, [деревья с пожелтевшими листьями], справа сторона дачи, перед ней цветник, [с] опавшие георгины^{<ы>}. Большое открытое окно, в которое видна внутренность комнаты и Аделаида, одевающаяся перед зеркалом. [Утро] Перед балконом горничная накрывает чайный столик. В глубине [*решетка*] калитка).

<Явление I>

Аделаида. Даша, Даша!

Даша. Что угодно? [*барышня*].

Ад. <елаида>. Который час?

Даша. Да уж скоро 12. [*барышня, вы опять проспали*], вы сегодня долго почивали, барышня.

Уходит.

1 О принципах публикации вновь найденных пьес Д.С.Мережковского см. преамбулу к Примечаниям. — *Сост.*

Явление II

Ад.<селаида> одна перед зеркалом

Аделаида. Я вчера замечталась... Все думала о нем — была такая чудная лунная ночь, спать не хотелось, а вот сегодня лицо желтое, круги под глазами... Да и прыщики кажутся... этакое наказание! Я бы отдала пять лет жизни, чтобы у меня никогда, никогда не было ни одного прыщика... мушкой заклею. Оно даже будет эффектно... Но что это, Боже мой? Неужели новая морщинка? Здесь, у глаза... Или свет так падает? Препротивное зеркало!.. [*Нет, мне действительно надо скорей замуж... За кого бы то ни было, только поскорей... Ах*] Да, я вижу, пора замуж... Но ведь мужчины такие гадкие, [скучные], так непохожи на него, на героя моего [романа]. [*Но ведь герой может явиться поздно, слишком поздно...*] Я жду [его] каждый день, каждую минуту... Он должен быть [такой высокий, с бесстыдным лицом] грустный, таинственный, с огненным взглядом... Ну что этот Волков, самый обыкновенный человек, еще в очках... Разве он может говорить образно и увлекательно. [Положим выйду я [за него] замуж [за этого г-на Волкова], и не испытаю самого высшего счастья... Все делается ужасно просто: отвезут нас в церковь, повенчают. И будет совсем, совсем как у всех. А я именно и хочу чтоб было не как у всех. Чтоб он страдал, чтоб я томилась... Он шепчет «люблю!»... Но нас разлучают... и потом много-много всяких событий... Но он все побеждает... Мы соединяемся... и он говорит: ты моя Аделаида! Вот это я понимаю, это [настоящая] истинная любовь... А то какой-то г-н Волк.<ов> в очках — фи!]. О, я чувствую, [настоящий] должен прийти [ко мне], но когда же, [наконец] Господи, когда же наконец!.. Нет, я не могу никому-никому отдаться кроме него! Это была бы измена. Слава Богу, морщинка как будто бы сгладилась... Надо еще немного розовой пудры...

Явление III

В калитку входят Волков и Молотов.

Аделаида (про себя). Ах, кто-то вошел... [*Еще*] Пожалуй, увидят... (Захлопывает окно.)

Явление IV

Даша с самоваром
[Волков]

Даша. А барыня еще не одеты... Извольте подождать минутку... Они сейчас выйдут.

Волков. Ничего, мы пока посидим.

Даша уходит.

Явление V

Волков и Молотов.

Молотов. Пойдем вон на ту скамейку, подальше, чтоб [говорить можно было] нас не услышали. (Отходят). Так вот я и говорю, братец, не понимаю я тебя, скуки твоей не понимаю. Человек ты не только с умом, что, конечно, важно, но и с большим капиталом, что для нашего времени [пожалуй] еще важнее. Перед тобой, так сказать, обширное, даже [беспредельное] необъятное поприще; [а вот] тебе уже 35 лет, а ты валандаешься, транжиришь за границами русские денежки... просто гадко, да, скажу как старый товарищ, гадко и стыдно смотреть на тебя... Господи Боже мой, дайте мне в руки этикие деньжищи, чего бы не наделал, свет повернул бы вверх дном!

Волков. Послушай, ты говоришь слишком отвлеченно, ну, посоветуй, скажи, за какое дело мне взяться?

М.<олотов>. Эх, голубчик! Испортили тебя [студенты] товарищи [приятельские кружки, лесь петербургская], дамы, кот.<орые> в тебя влюблялись. Вообразил ты себя человеком силы необычайной, никакое обыкновенное среднее дело для тебя не годится, подавай [тебе] подвигов каких-то геройских; а подвигов в наше прозаическое время не предвидится, вот ты и сложил ручки, вздыхаешь только скучно да скучно, да брюзжишь на весь мир. Дело-то Дм.<итрий> Ник.<олаевич> у тебя под носом: [родовы<е>] имения чуть не в пяти губерниях, там неустройство, мужики на Амур хотят переселяться. А ты сидишь себе в каком-нибудь столичном салоне перед этакой расфуфыренной, раздушенной барыней, да ласы точишь: скучно, мол, и не вижу я смысла в современной русской жизни. [И говоришь] Эх, досадно, право! А еще туда же, либералы!

Волков. Все-таки ты мне настоящего практического дела не указал. И вот вы все так... Ну да об этом говорить надолго... опытом, понимаешь ли, опытом дошел я до того убеждения, что теперь настоящая, честная деятельность

нигде [нигде] невозможна! чиновником — можно быть, аферистом, как ты — можно, кабинетным ученым пожалуй, еще с грехом пополам, ну а больше уж не спрашивай... Эх, да нет! [Надоело мне все это] Опостылело мне все это [скучно]. Ты и сам, [Владимир] знаешь, что только фразы говоришь. Ну какое у тебя там, черт, дело... Мосты воздвигаешь, водопроводы устраиваешь, а на уме-то [у тебя], признайся, только деньги... Впрочем, ты этого и не скрываешь... Богатство да успех — твой идеал. Вполне современно! Только видишь ли, все это мне противно, до тошноты, сил моих нет.

Молотов. Ну, братец, бросим [об этом говорить], тебя это, кажется, раздражает... А вот что лучше, скажи-ка мне, что ты здесь делаешь, у Мизинцевых? Неужели ты так-таки серьезно решил жениться на Аделаиде?

Волков. Решился.

Молотов. И ты влюблен в нее?! Ты, в нее?! [Ты, Дмитрий Волков?].

Волк.<ов>. Влюблен. [Отчего ты удивляешься?].

М.<олотов>. Ну, Дмитрий, признаюсь, не ожидал...

Волк.<ов>. Знаешь, я сам иногда удивляюсь... Но есть много на свете, друг Горацио...¹ Мне кажется, что это я просто от скуки...

М.<олотов>. Послушай, да ведь это — сумасшествие! Что ты с собой делаешь?

Входят Анна Ник.<олаевна>, Наташа.

Явление VI

Молотов, Волков, Наташа и Анна Николаевна.

Анна Ник.<олаевна>. [Ах] А, вот и гости дорогие! Простите, что ждать заставила. Совсем я расхворалась в вашем Петербурге. Сегодня ночью у меня так голова болела, не знала, что и делать. [Даже горчичник] Спасибо, Наташа помогла. Уксус всю ночь прикладывала. Измучилась, бедная; то-то глазки усталые. Умница она у меня, добренькая. (Гладит Наташу по голове).

Садятся за стол, Наташа разл.<ивает> чай.

Молотов. А что же Аделаида Сергеевна, не вставала еще?

Анна Ник.<олаевна>. Одевается, должно быть. [Она ложится-то поздно, здоровье не бережет, все там какие-то французские романы читает].

Волков. Я слышал, Анна Николаевна, вы домой собираетесь?

Входит Аделаида.

Явление VII

Аделаида. Я [вчера] долго заснуть не могла; [вот мамаша помогала. Какая у вас там всегда возня за стеною; Наташа так стучит, что нет возможности спать.

Анна Ник.<олаевна>. Прости, Адошка, у меня голова болела. Аделаида] Знаете, что я про вас вчера думала, Владимир Ник.[олаевич]? [Вы] Мне кажется, что вы непременно должны любить польку-мазурку; неправда ли, вы ее прекрасно танцуете? Уж я знаю, не скрывайте...

Молотов. Помилуйте, Ад.<елаида> Серг.<еевна>, я совсем не танцую.

Аделаида. Ну уж этого я никак не ожидала, чтоб такой человек, да не танцевал! Это даже неестественно. Я вас научу, непременно научу; это очень легко; [скажите] хотите, научу? Что вы смеетесь? Право! А м-р Волков, вы танцуете?

Волков. Когда-то танцевал и даже увлекался, а теперь вероятно забыл.

Ад.<елаида>. Ну я и вас возьму в ученики; ах, как будет весело! Знаете, мы это устроим на той полянке; бал на открытом воздухе... Прелесть, прелесть! А кстати, м-р Волков, я хотела вас побранить: зачем вы не ходите на музыку?

Волков. Признаться я не люблю бывать в толпе и суматохе... Да и скучно как-то...

Аделаида. Это вы совсем напрасно! Я вот наоборот: только и [воскресаю] живу, когда вокруг меня много публики, блеск<а>, оживлен[ие]ия... И сколько там интересно... Какие наряды! [Просто ужас, до чего дошла современная мода!] Возьмите, например, графиню Боринскую! Конечно эффектно; но ужас, ужас до чего дошла современная мода! Я просто не знаю, как это позволяют. Мужчины, правда, все довольно неважные; знаете, мало настоящ[их] ей distinction¹ ... Но зато там есть один генерал; ах, какая душка! Старенький, положим, но это ничего не значит. Да, он всех вас стоит! Уж вы не обижайтесь, это я вам [прямо] в лицо скажу. В наружности его есть что-то смелое, мужественное... Сейчас видно, что сильный характер. О, это я больше всего ценю в мужчине!

Молотов. Отчего же именно это вы больше всего цените?

Аделаида. Влад.<имир> Ник.<олаевич>, если бы вы знали, как это верно! Пусть мужчина меня победит — и я его полюблю. Я должна ему подчиниться, быть его рабой, трепетать — иначе для меня нет любви. Пусть [он меня он возьмет меня] [он покажет мне свою власть, силу], уничтожит мою волю, [чтоб я была пред ним робкая... Он должен

1 Distinction (англ.) здесь в значении известность, знатность.

быть моим царем, властелином, руководителем...] Пусть он даже меня оскорбляет, [даже] бьет...

Анна Ник.<олаевна>. Ну это, Адочка, ты кажется через крайхватила...

Аделаида. Нет, нет, мамаша, вы ничего не понимаете, именно пусть [даже] бьет, но любит страстно, безумно... Вот это — счастье!

Молотов. Кажется тот старый генерал, о котором вы говорили, довольно мало соответствует вашему идеалу; у него вот зубы вставные, лысина, [красный нос и подагра кажется] к тому же подагра.

Ад.<елаида>. Ну так что ж? Конечно он [немножко] стар; но зато я узнала, что он [граф] [барон]. А поверьте, В.<ладимир> Н.<иколаевич>, что [для истинной] в глазах женщины блестящий аристокр.<атический> титул может поспорить с преимуществом молодости. [Не возражайте, это так, я вам сейчас покажу]. (Говорит тихо. Наташа и Волков вышли из-за стола и разговаривают в стороне).

Наташа. Отчего вы сегодня такой грустный, Дм.<итрий> Ник.<олаевич>?

Волков. Я ведь кажется никогда не бываю особенно веселым. А вот вы, Наталья Петровна, наоборот: всегда как-то приветливо и ласково смотрите на Божий мир, чувствуется, что у вас на душе хорошо. [И жизнь скользит мимо вас, не забывая]. Вы знаете, куда идете, видите перед собою цель, а я заблудился... темно кругом, как в полночь, и с каждым часом становится все страшнее жить.

Наташа. Мне вас жалко, Дм.<итрий> Н.<иколаевич>, если б вы знали, как жалко, по-настоящему, по-хорошему... Только слов у меня нет... да впрочем никакие слова не помогут вам, не утешат.

Волков. Да и не надо говорить: когда вы просто смотрите на меня вашим добрым, ясным взглядом, у меня на душе становится сразу как-то светлее и лучше; [точно не все еще пропало]. Что ж, Нат.<алья> Петр.<овна>, собираетесь скоро в деревню, опять ребят учить и с мужиками возиться? [В этом ваша страсть?].

Наташа. [Да] Я очень тоскую о деревне. Там [много настоящего] столько хорошего дела. Да и природы хочется настоящей: мне кажется, что здесь и листья, и цветы, и птицы, — все поддельное...

Волков. Какой вы, Нат.<алья> Петр.<овна>, милый человек!

Наташа (серьезно). Зачем вы мне это говорите?

Даша вбегает испуганно.

Явление VIII

Наташа, Волков, Анна Ник.<олаевна>
Молот.<ов> Аделаида и Даша

Даша. Барышня, горе-то какое, кошка пропала!
Аделаида. Что ты говоришь? Беги, беги скорей, чего ты, дура, стоишь, ищи ее, [ищи ее скорей! Ах, Котенька моя, Котенька моя дорогая!].

Даша. Да я, барышня, везде уж искала, на чердак ходила, в подвале была, на крышу лазила — нигде нет! [Измаялась, не знаю, что и делать].

Аделаида. [Боже мой] Я не перенесу такого несчастья! [Котенькая моя], Котенька, дорогая [моя].

Молотов. Утешьтесь, Ад.<елаида> Серг.<еевна>, я знаю такой заговор, на который она непременно прибежит.

Аделаида. Боже мой, вы шутите, а мне правда вовсе не до шуток! Поймите, это искрен[я]ее, глубок[ая]ое [привязанность] горе... Ах, Котеночек мой миленький, Котюсенька, может быть уж собаки тебя растерзали!

Анна Ник.<олаевна>. Да ты, Даша, по дачам поищи. Может быть она в гости ушла.

Даша. И то побегу. (Уходит.)

Явление IX

Молотов. Право же не стоит так беспокоиться, А.<делаида> С.<ергеевна>. Я сам пойду вашу кошку искать, если она не найдется. А вот что [лучше], господа: займитесь-ка [музыкой] музицированием. Вы, Н.<аталья> П.<етровна>, наверно уж успели разучить ту пьесу Чайковского, кот.<орую> я вам прислал.

Наташа. Да, разучила. Если хотите, я вам ее сыграю.

Молотов. Уж так-то буду рад. Давно звуков хочется.

Наташа. Ну пойдете.

Ан.<на> Ник.<олаевна>. Я тоже [с вами] в комнаты пойду. Как будто ветерок подувает. Того и гляди, зубы разболются.

Волков (Аделаиде). Вы тоже?

Аделаида. Нет, я терпеть не могу [фортепиан] рояля. Скуку на меня наводит. Военный оркестр где-нибудь в саду, на вольном воздухе другое дело. Там настоящая звучность. Особенно люблю марши громкие, торжественные... И польки тоже есть хорошенькие...

Все уходят, кр.<оме> Волк.<ова> и Ад.<елаиды>.

Явление X

Волков и Аделаида.

Волков. Тем лучше, мы здесь [*останемся*] посидим. Кстати, А.<делаида> С.<ергеевна>, мне давно уже надо поговорить с вами серьезно.

Издали слышны звуки роля.

Аделаида. [Серьезно?] Что это вы так торжественно нач[али]инаете? [*Ведь вы знаете*] Я терпеть не могу серьезных разговоров; и потом я теперь так расстроена: Котя потерялась...

Волков. Что ж делать, не могу молчать дольше [*Я пишу*] Начну прямо, без предисловий. [*Вы Я вам писал На мое письмо*] Я вам писал на днях [и спрашивал], любите ли вы меня и согласны ли быть моей женой. Но вы мне ответили слишком неопределенно. Умоляю вас, Ад.<елаида> Серг.<еевна>, не мучьте и не томите меня больше. Скажите прямо, решительно: да, или нет?

Аделаида (игриво). [Ах, *Боже мой, Дмитрий Николаев<ич>*] Ух, как вы на меня строго смотрите! Просто страшно! Я помню у меня был один учитель географии, который точь-в-точь так смотрел [*на меня*] сквозь очки, когда я не знала урока! А кстати, эти очки: зачем вы их носите? Вы были бы гораздо лучше без них. Право!

Волков. Послушайте, Аделаида Серг.<еевна>, повторяю, я говорю очень серьезно и еще раз прошу вас вникнуть в мои слова. Настоящая минута так важна и значительна для меня, что я вовсе не чувствую охоты шутить.

Аделаида. А я вот чувствую охоту шутить. Мне так нравится. Может быть и мне не легче вашего. У каждого свое горе. У меня вот Котя пропала... Господи, как вспомню ее, бедняжечку, так сердце кровью и обливается... [*Может теперь*].

Волков. Это наконец невыносимо! Я вам говорю о всем будущем нашей жизни, о судьбе вашей, а вы там о какой-то кошке!..

Аделаида. Позвольте! Совсем не о «какой-то» кошке! Разве моя милая Котенька какая-то кошка?! Вот видите, Д.<митрий> Н.<иколаевич>, какой вы не тонкий, не деликатный человек... Вы настоящей привязанности не понимаете... Вы меня просто обидели...

Волков. Господи, что это за мука! Помните же, сил нет, я люблю [*тебя*] вас! [*Зачем*] Вы меня отталкиваете? [Вот отчего я такой сдержанный и суровый]. Скажите мне только слово — я на все [*сделаю*] готов... Но не томите, не мучьте меня ради Бога... Что вы со мной сделали? Я как сумасшед-

ший, не знаю что с нами будет, и только люблю, безумно люблю! Адочка, милая!.. (Хочет ее поцеловать).

Аделаида. Ах, оставьте, что вы, Дм.<итрий> Ник.<олаевич>. (Дает все-таки себя поцеловать) Еще увидят!

Вырывается из его рук и убегает.

Явление XI

Волков один.

Волков. Черт знает, что такое! Опять провела! Этакая пустяшная бабенка и за нос водит, как гимназиста! Бросить бы все, наплевать, уйти — да воли нет, не привык себя побеждать, вот мое горе! В самые решительные минуты какая-то гадкая, нелепая слабость нападает! Пальцем не хочется двинуть, когда видишь, что гибнешь, а плывешь себе по течению, пока не разобьешься... И за что я ее люблю?

Входит Молотов.

Явление XII

Волков. Молотов.

Молотов. Ну, батюшка, Дм.<итрий> Ник.<олаевич>, [*когда я сюда лишь подходил*], я, признаться, кое-что из вашего разговора с Ад.<елаидой> С.<ергеевной> подслушал. Уж ты прости старому товарищу. И, знаешь ли, недоумеваю! Просто руками развожу, [*глазам*] ушам своим не верю! Ты ли это? Тот самый Волков, [*кот.<орый> на студенческих сходках*].

Волков (перебивая). Оставь, Владимир, прошу тебя. И без того тяжело. Фразами здесь не поможешь...

Молотов. Но, дружище, ведь это унижение... Она смеется над тобой, как мальчишкой играет... И что ты в ней любишь, скажи мне пожалуйста? Ни ума, ни оригинальности, ничего, кроме смазливой рожицы, да и от красоты лет через 5 ни следа не останется. Она мегерой будет! И в этакий ад [*ты идешь*] идти добровольно? Ты с ума сошел! Нет, ты только мне скажи, что ты в ней любишь?!

Волков. Что я в ней люблю? Разве я это знаю? [*Тут-то вся мука в этом вопросе*] Послушай, мне теперь начинает казаться, что мы любим женщин не за достоинства, не за ум, [не за добродетель], даже не за красоту. А есть вот [*в женщине*] что-то в наружности, в голосе, в глазах, что влечет меня к ней, и нельзя противиться этой бессмыслен-

ной, стихийной силе. [*Рок какой-то, фатум, что ли?*]. Я говорю себе: она глупая, пошлая, будет некрасивой — и все-таки люблю. Бешусь на себя и от этого бешенства еще больше люблю. Со зла люблю. Ты стыдишь меня... Да разве мне самому не стыдно? Ты говоришь: уйди... Да разве я бы не бежал опрометью из этого чада, если б только мог... Наваждение какое-то, колдовство... [*Что я в ней люблю... Есть у нее в голосе нотки... Когда я слышу их в сильных ее глупых фразах — больно от счастья... А ты смеешься... Право, тут не до смеха... Ну — спаси меня, если можешь... Да что говорить... Я болен, а ты меня словами хочешь вылечить*].

Молотов. Послушай, я понимаю, что можно влюбиться в немолодую женщину. Но в старую деву! Ведь она комична, смешна [*до последней степени*]. И потом — увядание, морщинки под глазами...

Волков. Ты сказал: увядание... А как знать, может быть это-то мне и нравится... Я люблю все, что угасает, кончается... Осень имела надо мной всегда больше власти, чем весна. Помнишь Пушкина..?

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей².

Да посмотри кругом, что за прелесть [*осень*]: желтые листья, опавшие георгины. Небо еще совсем голубое, а сколько в нем грусти... И этот стойкий, приятный запах [*который был*] не от цветов, а от [*листьев*] деревьев [от коры, земли], который бывает только осенью... Разве все это не хорошо? [*Ранняя весна, ранняя молодость*] И у женщин [*бывают*] есть такие минуты в жизни: уже осень, перед тем, чтобы отцвести, красота становится печальной, не такой свежей, яркой, как в ранней молодости, но может быть еще обаятельнее.

Молотов. Ну, брат, это какая-то метафизика, поэзия. Я [*в этом*] тут ровно ничего не смыслю. [*Уж не пишешь ли ты стихи, чего доброго*] Погубит тебя проклятая эстетика! [*Относись ты, братец, к жизни попроще, потрезвее, брось все эти там розовые тучи и туманы... Ох, не доведут, Дм.<итрий>, не доведут они тебя до добра... Но знаешь, что для меня самое возмутительное в этой истории? Рядом с нелепой, смазливой Аделаидой — девушка настоящая, серьезная, хорошая. Наташа — прелесть. И опять так скажу, как старый товарищ — ты дурак, если не понял ее... Коли уж где искать твоей поэзии, так конечно в Наташе, а ты мимо проходишь, и не замечаешь... Туда же, же эстетика!* Волков. Отчего ты думаешь, что я не замечаю [*Наташу*]? Молотов. Да ты мне про нее никогда и не говорил... Волков. Влади-

мир, если бы ты знал, сколько раз я убеждал себя полюбить ее! Разве я не чувствую, что у нее не только благородная, но и красивая, хорошая душа... Мне кажется, что если б какая-нибудь внешняя сила оторвала меня от Аделаиды, с кот.<орой> я, конечно, буду несчастен, и соединила бы меня с Наташей — я полюбил бы ее. А теперь — Аделаида мне близка, я люблю ее, как любят собственные недостатки, а в Наташе есть что-то строгое, хладнокровное. Устал]. Господи, как все это глупо, стыдно и тяжело... Заходи как-нибудь... А теперь извини, надо побыть наедине с собою, разобраться в мыслях. Прощай.

Уходит.

Явление XIII

Молотов один. [Потом Наташа]

Молотов. [А ведь в самом деле жалко его!]. Запутался человек... Сдуру женится на этой Ад.<елаиде>, а пот.<ом> жизнь будет проклинать... И сдается мне, что он вовсе не так любит как говорит [А впрочем мне-то какое дело. Я просто]. Жалко беднягу, по-человечески жалко — [спаси товарища, если можешь. А как его спасти]. Ну да что с ним поделаешь? Ведь не маленький мальчик, насильно не увезешь... Нельзя ли как-нибудь через Наташу? [Может быть, если б ей удалось привлечь его, он бросил бы проклятую Аделаиду. А вот ктати и она сама идет. Попробую-ка я с ней поговорить. Входит Наташа. Наташа. А что, Д.<митрий> Н.<иколаевич> ушел уже?

Молотов. Да, он ушел. Простите, я вас задержу на минутку, Нат.<алья> Петр.<овна>. Мне как раз о нем надо вам сказать два слова. Наташа. О Волкове? Что такое? Молотов. Видите ли, вот в чем дело: вы замечали, что с нектор.<ых> пор Д.<митрий> Н.<иколаевич> стал очень грустен, задумчив? Нат.<аша>. Замечала... т.<о> е.<сть> не знаю... Для чего вы меня об этом спрашиваете? Молотов. Мне казалось, что вы принимаете в нем некоторое участие... А теперь положение его очень тяжелое и даже опасное. Он готов решиться на необдуманый поступок, который грозит испортить всю его жизнь... Вы конечно понимаете о чем я говорю. Наташа. Ах, Вл.<адимир> Ник.<олаевич>, зачем вы все это? Я право тут ни при чем... Извините, мне некогда... я уйду... Молотов. Нет, ради Бога, подождите... Дело это очень серьезное... Я позволил себе обратиться к вам, пот.<ому> что вы можете помочь моему другу... Ната-

ша. Я... помочь?... Да чем же? Право, ничего не понимаю... Прошу вас, оставимте это. Молотов. Да, именно помочь... Если бы вы только согласились оказать некоторое содействие, т. <о> е. <сть> не содействие, а так сказать внимание... Я кажется несколько запутался, но это ничего... Он, право, очень расположен к вам, чрезвычайно как расположен. Но в нем, как бы это яснее выразиться, в нем борются два чувства... И вот если бы вы были так любезны... Т. [о] е. [сть] это я опять не то... Если б вы захотели... Наташа (перебивая). Довольно... Я больше не в состоянии слушать... Вы, умный человек, решаетесь говорить девушке... Ах, Господи, и зачем мне, мне все это знать! Оставьте меня... Слышите, не хочу я этого ничего [знать] слушать. Уходите же!.. Какой вы злой.. разве вы не понимаете, как мне тяжело... Какая мука... (плачет). Впрочем, что я? Все это вздор... Простите меня (быстро уходит). Молотов один (ударяет себя по лбу).] Ах, я дурак. Чего же я думаю? Ведь она влюблена в него! Я это уже давно заметил! Вот он Архимедов рычаг! Ну, теперь весь механизм ясен. Эврика! План кампании готов. Я спасу его. Скорей за дело!

Занавес.

Между первым и вторым действием проходит несколько дней.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

[Явлен <не>]

На берегу озера, близ дачи Мизинцевых. Сосновый лес. Ранний вечер, [выходит] луна. На скамейке Молотов и Аделаида.

Явление I

Аделаида. Ах, Владимир Иванович³, посмотрите, какая прелесть: восходит луна... Вон и звездочка отражается в воде... [Как] Даже поэтично! Не достает только соловьев... Как жаль, что уже осень!

Молотов. Увы, [Аделаида Сергеевна], для меня больше [нет] не существует мирных картин природы, ибо горе терзает мое сердце и нет мне нигде успокоения..!

И все, что пред собой он видел
Он презирал — он ненавидел!⁴

Аделаида. Что с вами? В самом деле вы в последние дни что-то скучаете... И в лице такая тонкая бледность... (грозит ему пальцем). Уж не влюблены ли вы?

Молотов. Оставьте! Не тревожьте того, что скрыто навеки в моей груди... Если б я обнажил перед вами все тайны моей совести — кто знает, может быть вы, чистая и светлая, как ангел, отшатнулись бы от меня в ужасе... Я брожу отверженный среди людей... (В сторону) [*Черт знает, самому тошно!.. Выдержу ли я до конца этот байронический стиль?*] (Ей). Я говорю вам, печать проклятия тяготеет над всей моей жизнью... Не приближайтесь ко мне... Все, что я люблю — должно погибнуть: так судит рок!! (В сторону) [*Кажется на нее эта чепуха начинает действовать*]

Аделаида. Вы меня пугаете... Ведь еще недавно вы были таким веселым, беззаботным...

Молотов. Веселым!.. Да, прежде имел силы скрывать внутренний огонь, пожиривший [*меня*] мою душу, теперь он вырвался на волю — и сожжет, испепелит меня... [*Довольно, я*] О, я должен говорить, я не могу, не хочу молчать — Аделаида, я люблю тебя! [*Падает перед ней на колени*].

Аделаида (закрывает лицо руками). Ах!!!

Молотов. Люблю... И ты должна быть моей... Не возражай, молчи, ни слова — или разорвется грудь от муки!! Страсть моя, как бешеный поток, увлечет тебя... Ты не сможешь ей противиться...

Аделаида. Уйдите... Я боюсь вас... (в сторону). В самом деле в его глазах есть какая-то демоническая сила...

Молотов. Аделаида! Я не уйду.

Аделаида. Ах, пустите меня!..

Молотов. Я не пущу тебя... Ты должна подчиниться моей власти, ты любишь меня — не скрывай — [*ты не можешь не любить*] «Здесь я владею — я — царь!» Много женщин любил я — и ни одна [*из них*] не избегла своей участи! [*Однажды*] Раз в прериях южной Америки я полюбил [*одну*] гордую красавицу; она отвергла меня... Я увлек ее в пустыню и там вонзил стальной клинок в ее трепетное сердце!.. [*Вот как я мщу!*] И когда она умирала, я хохотал... О, не доводи меня до отчаяния, Аделаида!

Аделаида. Боже мой, что мне делать... Прошу вас, оставьте меня... Или нет... Право, я не знаю, что отвечать... Не смотрите на меня так страшно... Чего вы хотите... [*Разве вы не видите*] Вам надо признания?! Жестокий! Я... Я люблю вас...

Молотов. О, счастье, блаженство!!! (В сторону) Однако, [*скоро*] я не думал, что так скоро...

Аделаида. Пустите же!..

Молотов. Один поцелуй!.. Чтоб он запечатлел перед небом наш вечный союз! (Обнимает и целует ее. В это время

входит Волков. Аделаида вскрикивает: «ах!» вырывается и убегает).

Явление II

Молотов. Волков.

Волков. Так вот для чего ты разубеждал меня жениться на ней. А, теперь я все пон[ял]имаю. Какая подлость! [*Предатель, старый товарищ!*].

Молотов. Успокойся, братец, ради Бога успокойся... Ты в этом ровно ничего не понимаешь. (В сторону). Ну, попал я, как кур во щи! Преглупое положение!

Волков. Нет, это уж наконец слишком! Я своими глазами видел, как приятель целует мою невесту, а он уверяет меня, что это ничего, даже прекрасно, так и следует по дружбе! Да вы [здесь] что ли [все] сговорились смеяться надо мной. Довольно, я не позволю [*глумиться над своей честь<ю>*] унижать себя, я не хочу быть игрушкой... Завтра утром я пришлю тебе моего секунданта.

Молотов. И чего ты горячишься. Дмитрий? Я [*тебе*] пока [*ничего*] не могу объяснить [*моего поведения, что и как*] моего поступка, но уверяю тебя, что все это к общему благу, и ты даже сам будешь меня благодарить.

Волков. Я так и знал. Если старый товарищ на приятельских правах сделает [*мне*] величайшую гадость, он непременно станет [*меня*] вас уверять, что это к [*моему*] вашему же благу. Послушай, не раздражай меня. [*Или я не буду в состоянии сдерживать себя*], лучше уйди. [*Если Или я не ручаюсь за себя*] Я сказал и не отступлюсь от своего слова. Завтра утром явится к тебе мой секундант.

Молотов. Господи, право, человек, вспыхнул, как порох — ну нет возможности с тобой говорить... Стреляться-то мы всегда успеем (В сторону) [*Черт знает, что такое! Неужели я буду подставлять лоб из-за этой проклятой истории... (Громко).*] А вот что: подожди-ка ты лучше немножко, увидишь, как обстоятельство оправдают меня.

Волков. (в нетерпении) Ради Бога, уйди...

Молотов. Ну-ну, и то; уйду, не кипятись... (В сторону) А вот как гениально задуман был план! Неужели не удастся? Пустяки, выгорит!

Уходит.

Явление III

Волков один.

Волков. Теперь, кажется, все кончено. Одним ударом. Как будто сразу оборвалось что-то в груди. Но как тошно, Боже мой, как тошно и грязно... Гадкое лицо у нее было, когда она подставляла свои [красные пухлые] губы под его поцелуй... Да ослеп я, что ли?... Словно раньше я ее никогда не видел... Туман какой-то [был] стоял перед глазами... И вдруг прояснилось... Таковую я мог любить! Но теперь... теперь слава Богу — кажется нет любви... [дышать можно легче стало] легче стало. Одно мгновение [я думал] мне казалось, что я их убью... Этого недоставало!.. Отелло!.. Потом как-то [вдруг] сразу понял, что тут ни чуточки нет трагедии, что все это только смешно, безобразно [и] ... главное — пошло, пошло до тошноты... [Вначале казалось же во мне не вся гордость, злость не вся погибла... Я еще человек, еще имею власть над собой...] [За то] теперь — свобода! Да неужели в самом деле свобода? [О, Господи, ведь это счастье бесконечное.... Смотреть на небо и думать об Аделаиде, дышать чистым воздухом и не чувствовать себя на краю какой-то бездны... Я выздоравливаю от] Словно цепи с меня сняли, [я помолодел на десять лет. Это была ужасная болезнь. Теперь выздоровел... Можно еще жить... Восторг! В мире много хорошего. Хоть бы природа. Какой вечер. Кто это идет... В белом платье...]. А все-таки как-то пусто в сердце... Вот и снова я одинок... Но кто это идет там, по тропинке?.. Наташа [Она какая]. Право, она красивая в белом платье... Движения легкие, грациозные... [И странно, теперь меня уже больше не пугает это строгое, девственное выражение лица, эта ласточка Вот] Остановилась... Смотрит на озеро... Я ее никогда такой не видел... Но кажется [она] плачет... Не может быть... Да, слезы... Что с нею?

Наташа подходит, не замечая Волкова.

Волков. Наталья Петровна!

Наташа (вздвогнув, остановилась). [Боже мой, это вы] Дм.<итрий> Ник.<олаевич>! как я испугалась!

[Молотов] Волков. Простите... вы были такая грустная... Я знаю, что вы послезавтра уезжаете [в деревню]... Сюда я больше не приеду... никогда. Я вероятно вас вижу в последний раз. [Ну] Неужели на прощание мы не скажем друг другу доброго слова?

Наташа. Прощайте... Последний раз... И вы [больше] не придете [больше Дм.<итрий> Ник.<олаевич>]. Да, впрочем... в самом деле... Что ж я...

[Молотов] Волков. Грустно мне будет без наших милых, тихих разговоров... Я так к ним привык.... Ведь у нас была славная дружба, неправда ли?.. Я чувствую, что никогда в жизни [вас] не забуду. Умный вы такой, добрый человек!

Наташа. Ну теперь... прощайте... будьте счастливы...

[Волков. Как, вот и все? Наташа. Да. Все...]

Волков [Как, вот и все?]. Вы всегда были такой простой, искренней... Теперь я вас не узнаю: этот холод, сдержанность... У вас какое-нибудь горе, Наташа? Вы не сердитесь, что я вас назвал Наташей?

Наташа. Ничего... Не сержусь... Только оставьте меня, пожалуйста... Мне некогда...

Волков. Нет, как хотите, Наташа, я не могу с вами так расстаться. Мне слишком больно. [В жизни] И без того довольно горя. Вы [слишком] очень молоды, и не знаете того, что в жизни всего дороже и отрадней: сердечных, простых, теплых отношений с людьми. Не пренебрегайте ими. Говорю вам по опыту: нет ничего ужаснее одиночества и душевной пустоты.

Наташа. [не знаю... Может быть, вы и правы... Только, извините, Д. [митрий] Н [иколаевич], мне надо идти. Прощайте]. [Дмитрий Николаевич... Прощайте. Я не знаю, что сказать вам... Право, надо идти... Прощайте...].

Волков. Наташа, [недавно] я [только что] испытал очень мучительное, тяжелое чувство... Я видел измену женщины, которую люблю... И вот вторая измена — быть может мучительнее первой — измена друга... Мы расстанемся, как враги, хуже — как чужие... Нечего делать, я и это перенесу, но по крайней мере скажите мне, за что? Да я не поверю, быть не может... У вас есть что-то на душе... Я вероятно виноват в чемнибудь перед вами? Скажите, Наташа, милая!

Наташа. Вы... виноваты... передо мной? (Плачет). О, зачем вы меня мучите?.. [разве вы] Господи, разве вы не видите?.. Я вас люблю... Прощайте... навсегда.

Волков (удерживая ее). Вы?.. Меня, Наталья Петровна?..

Наташа. Прощайте же... (Хочет уйти).

Волков [(удерживая ее)]. Не уходите, ради Бога... Вы мне всю душу перевернули этим словом... Милая... да ведь я вас тоже всегда любил... [Только] Подождите, послушайте... Вы такая умная, вы все поймете... Столько мыслей в голове, а сердце так бьется, что я говорить не могу... Все время я был в каком-то тумане, ничего не видел и не понимал... Вы, мое спасение, были так близко — а я шел на верную гибель... Но теперь кончено... Прежнее умерло [навсегда]... И если бы вы разрешили — я бы мог начать новую жизнь...

Наташа. Дмитрий Николаевич! Подумайте, что вы говорите. Ведь я знаю, вы любите другую... Я не могу вас слушать, я должна уйти...

Волков. *[Если вы хотите спасти меня — сжальтесь]* Не будьте жестокой. Я все вам скажу... Только что, вот на этом самом месте, я видел, как Молотов целовал Аделаиду... Не знаю, *[как]* чем это объяснить, но пошлое, гадкое чувство, которое мне теперь стыдно называть любовью — исчезло без следа из моего сердца... Осталось только мучительное угрызение и стыд... Мне страшно от сознания, как я низко пал, если мог полюбить такое *[пошлое]* ничтожное существо, как эта Аделаида. *[Глубокое внутреннее развращение от праздности, от недостатка работы и здорового трезвого отношения к жизни — вот моя болезнь, как и многих теперь]*... Я чувствую, что с каждым мгновением погружаюсь в болото все глубже и глубже, и я потону в нем, если вы не протянете мне руку. Наташа, подумайте! Вы можете спасти *[человека]* меня, если не будете слишком гордой и женски мелочной... Не к любви вашей я обращаюсь, а к сочувствию, *[к доброте]*... Неправда ли, вы не оттолкнете меня? Пред вами больной, измученный и страшно одинокий человек. Поймите, я жажду оправдаться перед самим собою, и это оправдание только вы, вы одна можете мне дать. *[Я знаю, собственной воли у меня не хватит, чтобы порвать с прежней жизнью и прошлым и сделаться новым человеком. Но от вас веет такой силой жизни, такой свежестью. Вы всегда были для меня олицетворением совести]* При вас, под этим светлым взглядом — я не могу быть порочным, праздным и злым. Будьте моим ангелом-хранителем. Пожалейте меня, Наташа, не уходите!

Наташа. Но чего же наконец вы просите, странный человек! Что я могу сделать для вас?

Волков. Наташа, согласитесь открыто быть моим другом, моей женой! *[Без вас я не могу жить]*. Ведь у меня нет другого средства быть всегда с вами, а это мое единственное спасение.

Наташа. Вы хотите невозможного, Дм.<итрий> Ник.<олаевич>. Ко мне вы не чувствуете той любви, которая давала бы мне право сделаться вашей женой.

Волков. Если вы называете любовью заурядную, грубую страсть, пошлую влюбленность, кот.<орую> может возбудить каждое хорошенькое личико *[у любого мужчины]* — я не люблю вас. Но не завидуйте женщинам, внушающим такое чувство! Как часто влюбляются, как редко любят! Не жалейте, что у меня нет к вам такой любви. Оставьте влюбленность Аделаиде и подобным ей... Но если любовь — пробуждение всего лучшего и святого в человеке, если она все равно что жертва Бога и добра — я люблю вас всеми силами души, Наташа, как никогда никого не любил.

Наташа. Я убеждена, что вы говорите искренне *[Дм.<итрий> Ник.<олаевич>...]*, но все это так неожиданно, так странно... Я просто опомниться не могу... *[несколько часов]*

тому назад Так недавно] Вы любили Аделаиду, а теперь... теперь вдруг... Как это объяснить, Д.<митрий> Н.<иколаевич>?

Волков. Вы, [Наташа], не знаете таких людей, как я... Воля у меня слишком слабая [я слишком мало надеюсь на себя, и поэтому мгновенные, быстрые решения для меня в тысячу раз легче, чем обдумывания и колебания, которые в конце концов приводят меня к бессилию и бездействию]. Мне удастся быть добрым и работать над собой только порывами. Но зато этими редкими минутами я стараюсь воспользоваться вполне, [Правда, я тогда отдаюсь инстинкту, чувству, и они меня не обманывают. Я действую так, чтобы связать себя], чтоб невозможно было изменить доброму решению и отступить. [Вы скажете, что это от слабости я с вами с Это конечно от слабости] За мысль о нашей жизни вместе я схватился как утопающий за соломинку. Может быть слишком быстро и необдуманно — но ведь это утопающий, Наташа!

Наташа. Страшно мне, Д.<митрий> Н.<иколаевич> [ведь я перед Богом буду отвечать за ваше счастье. Может быть, вы во мне ошибаетесь] Я ведь перед Богом буду отвечать за ваше счастье. А [вы знаете, как] при неравной любви счастье [слишком] трудно. [Кто знает] У вас много жизни впереди, [может быть] вы еще найдете другую женщину, кот.<орую> полюбите [по-настоящему больше] сильнее, чем меня.

Волков. Ну, что же делать... Значит нам надо расстаться... Вы молоды, имеете право на молодую любовь и счастье... А я изму[чен]енный, устал[ый]... И в самом деле... Что вам возиться со мной? Жертвовать собой для такого жалкого, искалеченного человека, как я... Ничего, Наташа, я все равно буду вас любить. Видно, такая уж моя судьба быть одиноким... Да я скоро покорюсь... Все замрет, затемнеет в душе и даже не будет слишком тяжело... Моя любовь к вам, мое признание были последней вспышкой молодости... Я бросил детскую привычку проклинать и возмущаться... Разве кроме меня мало гибнет людей. Что же тут особенного?... А все-таки когда вы сказали, что любите меня... [Господи] как светло сделалось, как жить захотелось... Ну, а теперь... прощайте, Наташа... Не поминайте меня лихом... (Садится [на скамейку] и закрывает лицо руками).

Наташа. Бедный мой, милый [гладит его по голове]. Ну не плачь, я не уйду... Господи, разве я могу уйти, [покинуть тебя...] Я буду всегда с тобою. [Буду тебя любить... И мне ничего не надо. Даже твоей любви. Прости меня, если б ты знал, чего мне стоило быть с тобой жестокой, холодной... Но все теперь кончено] [Я постараюсь сделать] тебя счастливым. Скажи мне только, что тебе полегче.

Волков. Милая, милая (целует ей руки). Я в первый раз в жизни так счастлив.

Наташа. Теперь пойдем скорее к маме — она тут недалеко сидит на скамейке. Мне надо все ей рассказать [*Она добрая, хорошая. Я тоже ее люблю*]. То-то будет рада, пойдем.

[Волков. Пойдем, Наташа, пойдем].

Наташа и Волков уходят.
Молотов входит.

Явление IV

Молотов один.

Молотов. Ну, вот и дело в шляпе! [(потирая руки)]. Хорошо, что я подслушал их разговор. И какой он удивительный человек! У таких людей все зависит от настроения, от минуты. А ведь ловко, черт возьми, я это дельце устроил... Батюшки! Аделаида, избранница моего сердца! Однако с ней надо развязаться...

Аделаида (входит, закутанная в [черную] вуаль). Это ты, Владимир! Я ждала тебя, ... О скажи еще раз, что ты меня любишь... [*прижми меня к своему сердцу... Скажи, когда наконец мы уедем отсюда, в иные, лучшие края, чтоб быть счастливыми..*]

Молотов. Позвольте, Аделаида Сергеевна! Признаться, обстоятельства мои несколько изменились... Я принужден немедленно отсюда уехать...

Аделаида. Уехать?! Владимир, что с тобою? О, не смотри так, этот жестокий взгляд меня убивает... Заклинаю тебя всем святым, скажи, что ты не разлюбил меня... [*Я не переживу*]

Молотов. [*Оставьте*] Что ж делать... я бы от души рад... Но, так сказать, судьба увлекает меня по иному пути... Я [*должен уехать*] не создан для мирного счастья... Бури рока отторгают меня навсегда от любящего сердца, и нет возврата... Я уезжаю...

Аделаида. Но куда, Владимир, куда же? О, я этого не переживу!

Молотов. Куда?.. Не спрашивайте!.. (В сторону) Чтобы ей такое в самом деле придумать? (Громко) Только что из Америки я получил телеграмму... Я должен скакать сломя голову. Я вероятно никогда не вернусь в Европу...

Аделаида. [*В Америку*] И вы бросаете меня так? [*Бессердечный человек!*]

Молотов. Как же быть, Ад.<елаида> Сер.<геевна>, не брать же мне вас с собою в Америку!

Аделаида. Изменник! (Взвизгивает и падает [*падает с громким криком*] в обморок на скамейку, (в удобную позу, прислонясь к дереву).

Бегают Анна Ник.<олаевна>, Наташа и Волков.

Явление V

Анна Ник.[*олаевна*], Волк[*ов*], Наташа, Молотов, Аделаида.

[*Анна*] Волков. Что такое [*здесь*] случилось?

Анна Ник.[*олаевна*]. [*Опять*] Адочка, ты опять в обморок?

Молотов. Подождите, я сейчас воды из озера...

Анна Ник.[*олаевна*] Да ничего, батюшка, не беспокойтесь; а ты бы, Адочка, вставала лучше; чего лежать-то на скамейке. Видишь, дерево сырое, платье испачкаешь...

Аделаида (открывая глаза и вставая) (Молотову). Уйдите с глаз моих, прочь, прочь... Изменник!..

Анна Ник.[*олаевна*] А я то перепугалась, думала невесть что случилось. (К Наташе). Ах, милая моя девочка! (Обнимает ее). Я ведь [*старуха*] опомниться не могу от радости. Ну, дай Бог вам счастья, детки. Живите мирно, да ладно. Наташа будет вам славной женой, Дм.[*итрий*] Н.[*иколаевич*]. Она у меня умная, добрая. А вы ее тоже не обижайте.

Аделаида (про себя). И он тоже! И он изменник! Вот мужины! Но неужели я так и сдамся? Нет, я еще сумею наказать их презрением... (Громко А[*нне*] Ник.[*олаевне*]) Мамаша, у меня есть к вам одна просьба... Останемся здесь еще недельку... Генерал, помните, о котором я вам говорила, он мне так нравится... ведь я узнала его фамилию... Это барон Мильке, он принадлежит к настоящему аристократическому обществу... Право, спросите Зиночку Любович, он [*вчера*] на музыке так посмотрел на меня... Мне говорили, что он очень, очень хочет со мной познакомиться. [*Он такой милый... Я просто влюблена в него*]. И сколько в нем старинного благородства... Не то что в некоторых нынешних молодых людях... (Бросает презрительный взгляд на [*Волкова*] Молотова, потом на Волкова). Душка! Я просто влюблена в него!

Волков отводит Молотова [*на авансцену*] в сторону.

Волков. Послушай, я кажется тогда немного погорячился; прости меня!

Молотов (жмет ему руку). Поздравляю, братец, от всей души поздравляю! А ведь говорил я тебе, что все кончится к общему благополучию...

Волков. [*Послушай, я одного не понимаю:*] что это у [*тебя*] вас с Аделаидой? То целуетесь, то ругает она тебя?

Молотов. Эх, братец, какой ты недогадливый! Ведь это я всю механику для тебя повел. Мне надо было на деле, на фактах показать тебе, что она за птица. Вот ты и увидел... Думаешь, мне легко было влюбленного разыгрывать... [Самому было тошно] А тут еще ты привязался: драться лезешь, дуэль, секунданты.

Волков. Да ты, брат, дипломат какой-то, Макиавелли⁵... Ну спасибо, Владимир, никогда в жизни не забуду, ведь ты меня спас, [голубчик]. (Обнимает его). [Вбегает Даша с кошкой в рук<ах>]

Вбегает Даша в кошкой.

Даша. Барышня, кошка-то нашлась! Чуть собаки не разорвали, да я отняла... На дерево за нею лазила...

Аделаида (бросается к ней [вставка — обним<ает> кошку и цел<ует>]). Котюсенька, Котя! Пусть теперь все [эти изменники — зачеркн.] оскорбляют меня, мне ничего [теперь] не надо, я с тобою, Котенька! Вот истинная любовь, которая никогда не изменит!..

Молотов. И подумаешь, как мало надо, чтоб сделать людей счастливыми!

Конец.

[1886 г.]

Осень

Г. Ковалевский к В. В. Вульф. Домодево, 1886 г.

2/4

СИЛЬВИО

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ДРАМА

Действующие лица:

Базилио, правитель страны
Сильвио, его сын
Клотальдо, приближенный Базилио
Шут
Придворные
Военачальник
Виночерпий
Казначей
Беатриче, куртизанка
Дамы, фрейлины
Пажы
Женщины из народа, бедные работницы
Народ, ремесленники, воины, мужики, горожане и др.

Действие происходит во владениях Базилио, в сказочной стране.
Между прологом и действием I проходит 17 лет.

ПРОЛОГ

Внутренность высокой башни.
Перед открытым окном, в котором виднеется
звездное небо, стоят *Базилио* и *Шут*.

Базилио.

Неведомая творческая сила
Во всех мирах бесчисленных явленья
В одну живую цепь объединила,
И в цепи той небесные светила —
Последние сверкающие звенья
Туда, туда, к ночному небосводу
С несметными лампадными огнями
Летит чрез все века, чрез всю природу
Движение незримыми волнами, —
Так зыбь от камня, брошенного в воду,
Широкими расходится кругами.
Все выше, выше к сумрачной лазури
Возносится и детский слабый лепет,

И гром лавин, и рев могучей бури,
 И над прудом плакучей ивы трепет.
 В безмолвных звездах будущее дремлет.
 Как в золотых клубках, в них скрыты нити
 Изменчивых, неведомых событий.
 Лишь гордый ум вселенную объемлет.
 Что жалкий скиптр, венец и пурпур тленный
 Пред властью науки бесконечной!
 И что за честь толпой рабов презренной
 Владеть тому, кто над природой вечной
 Царит одною мыслью вдохновенной!
 Я здесь лишь — царь: я с высоты взираю
 На жалкий мир, волнуемый страстями,
 И жизнь, и смерть, как Бог, я созерцаю.
 О дай припасть мне жадными устами
 К живым сосцам, божественное Знатье
 И утоли мне страстное желанье
 Живого млека сладкими струями!

Шут.

Ты мыслью облетел великую природу.
 Но для чего? — чтоб знать, как беден ты и слаб,
 Чтоб вечно чувствовать, что ты бессильный раб,
 И вечно рваться на свободу.
 Удар судьбы — и вот ты бледен, ты смущен.
 Где знания твои, где гордая решимость?..
 Как будто не для всех одной судьбы закон,
 Как будто не для всех одна необходимость!
 Не стоило, мудрец, так много книг читать,
 Чтоб только разгадать ничтожество вселенной...

Входит Вестник.

Вестник.

Да здравствует король самодержавный!
 Царица, в тишине уединенной виллы,
 Где эти дни она в молитве провела,
 Тебе наследника твоей короны славной
 Порфиноносного младенца родила.
 Он — чудо красоты, величия и силы.

Король.

Вели скорей коня седлать!
 Я к ним бегу, лечу обнять
 Младенца милого и мать.

Вестник уходит.

Но нет, о сердце, не затем
Сюда пришел я: глух и нем
К земному счастью мудрец.
Я не супруг, я не отец,
Я здесь не счастлив, не люблю,
И радость в сердце подавлю.
Во тьму времен гляжу теперь.
Как в распахнувшуюся дверь.
И вас молю я в тишине,
О сонмы звезд, откройте мне
Новорожденного судьбу
Науки верному рабу.

Идет к окну, смотрит на звезды и составляет гороскоп.

О горе мне! Среди небес,
Как в складках порванных завес,
Над краем сумрачной земли
Комета вспыхнула вдали.
И мир смятением объят,
Бледнеют звезды и дрожат,
Пред тем, чтоб в ужасе упасть
В ее зияющую пасть.
О Боже, верить ли очам?
Но рок не лжет, читаю сам
С невыразимой тоской
В скрижалях неба голубой
В сиянии звезд мой приговор.
Спасенья нет — и жизнь позор.
Мой сын — злодей; мой сын — тиран
И, жаждой крови обуян,
Как зверь кидается на всех.
Разврат... и оргий дикий смех...
Мятеж, — и царство как в огне
В братоубийственной войне.
И тот, кто был безумно горд,
Склонив главу, в пыли простерт,
И с поруганьем на нее
Он наступил, дитя мое.
Но чем младенец виноват,
За что безвинного казнят?
Пока беда висит над ним
Он дремлет, чистый херувим.
Без дум, без воли и греха —
И колыбель его тиха.
Но рок не дремлет: час пробьет,
И кто-то злобный натолкнет
На преступления тебя,
Все разбивая, все губя.

И ты — преступник, и сойти
 Нельзя с позорного пути.
 В утробе матери своей —
 Ты небом проклятый злодей.
 Я не пророк, я не мудрец,
 Я только любящий отец,
 Но что порыв моей любви,
 Что слезы жалкие мои,
 Все видеть, чувствовать и знать —
 И покоряться, и молчать!..

Входит *Клотальдо*, королевский канцлер.

Клотальдо.

Тебя с наследником, мой царь,
 Поздравить я пришел...

Базилио.

Клотальдо, я не царь.
 Ты знаешь ли, пред кем, благоговей,
 Колена ты склонил? — перед отцом злодея.
 О, если б пред тобой был честный государь,
 И любящий народ, и преданный закону,
 Давно уже, не внемля ничему, —
 Ни голосу любви своей, ни стону
 Несчастной матери, он сыну своему
 Разбил бы голову о камень. Бедный, милый,
 Погибший сын, неведомою силой
 Ты на злодеяствия обречен.
 Мелькнешь ты грозным метеором.
 Венец мой запятнав проклятьем и позором.
 И нет спасенья, нет. Таков судьбы закон.
 Под ликом ангела коварный демон скрылся,
 Дыханье уст его — как аромат цветов...
 Но легче было б мне, чтоб в сумраке лесов
 Чудовищем косматым он родился.

Клотальдо.

Кто лживый, дерзостный пророк,
 Кто царский дух смутил лукавыми речами,
 Кто нечестивыми устами
 Судьбу ужасную наследнику предрек?

Базилио.

Он тот, кому и мстить я не могу!
 Что мой палач, моя секира
 Созвездьям вечного эфира —
 Неодолимому врагу.
 Увы! от них какие брони,

Какие крепости спасут,
От их безжалостной погони
Какие бешеные кони
Добычу рока унесут?

Клотальдо.

Тебе ли, царь, склониться в детском страхе
Под иго случая главой покорной?
Взгляни — ничтожный червь и тот во прахе
С врагом пред смертью борется упорно.
А ты, умом и волей одаренный,
Ужель падешь, без битвы побежденный?
Порви оковы трусости позорной:
Бессмертной жизнью грудь твоя согрета.
О, пусть кругом ревут и стонут бури,
Но там, в глубоких недрах сердца где-то
Есть уголок немеркнувшей лазури.
Одна в груди — божественная сила,
Одна скала — на разъяренном море,
Над ней не властны — ни земное горе,
Ни рок, ни смерть, ни боги, ни светила.
Та сила — *долг*. Найди же в ней опору,
И светлой мыслью победив природу,
Стихий безумных бешеному спору
Противоставь разумную свободу.
Ты сам себя, о смертный, будь достоин.
Коль надо пасть — пади на поле брани,
Бразды судеб сжимая в твердой длани,
Лицом к врагу, как побежденный воин!

Король в глубоком раздумьи.

Шут (напевает про себя).

Если б капля водяная
Думала, как ты,
В час урочный упадая
С неба на цветы,
И она бы говорила:
«Не бессмысленная сила
Управляет мной.
По моей свободной воле
Я на жаждущее поле
Упаду росой!»
Но ничто во всей природе
Не мечтает о свободе.
И судьбе слепой.
Все покорно — влага, пламень,
Птицы, звери, мертвый камень;
Только весь свой век

О неведомом тоскует
 И на рабство негодует
 Гордый человек.
 Но увы! лишь те блаженны,
 Сердцем чисты те,
 Кто беспечны и смиренны
 В детской простоте.
 Нас, глупцов, природа любит,
 И ласкает, и голубит,
 Мы без дум живем,
 Без борьбы, послушны року,
 Вниз по вечному потоку.

Базилио (выходит из задумчивости).

Клотальдо, что же делать?

Клотальдо.

Дай мне сына.
 От мира надо скрыть ребенка твоего,
 Народу возвестив, что ранняя кончина
 Безвременно похитила его.
 И тихо заживу я с ним в уединеньи;
 Мой царь, мой друг, доверься мне:
 Его, как нежное растение,
 Я воспитаю в тишине.
 Не будет горестна его простая доля,
 Коль лучше всех корон сердечный мир и воля
 В тиши неведомых лесов,
 Вдали от шумных городов.
 От лицемерья и порока
 Его, как чистую лилею, возрощу,
 Ему, чтоб превозмочь несправедливость рока,
 Всю нежность, всю любовь и силы посвящу.
 Я стар и одинок; из душного чертога,
 Из града пыльного давно меня влечет
 Туда, туда, под звездный небосвод
 В пустыни вечные, где слышен голос Бога.
 И я мечтал уже давно:
 Ужель спасти нам не дано
 От нашей лжи людской, от гибели позорной,
 В оковах пошлости тлетворной
 Одно хоть сердце юное, одно,
 И снова дать ему блаженное незнанье;
 Пред вольной птицей клетку отворить:
 Лети, лети в лазурь, свободное созданье!
 Святым его святой природе возвратить,
 О, если гложут нас бессонные печали

На ложах пурпурных и в мраморных дворцах;
 О, если мы одну, одну лишь скорбь познали
 В заветах мудрости, в богатстве и пирах, —
 Быть может, нет и там от жгучих дум спасенья,
 Здоровья, счастья и забвенья
 Там, в простоте, в затишии лугов,
 Где на заре последняя былинка
 И одинокая росинка
 Так жадно солнце пьют, так счастливы без слов.
 Мой царь, на склоне лет Клотальдо не обманет;
 От не погубит сына твоего.
 Он друга старого любить не перестанет...
 Доверь младенца мне, молю — отдай его,
 Спаси народ, спаси себя!..

Базилио.

 Ты прав.
 Мне долг велит — иного нет исхода —
 Все чувства нежные поправ,
 Пожертвовать младенцем для народа.
 Но все ж я человек... о, слишком тяжело
 Гнетет корона золотая
 И клонится к земле, изнемогая
 Под бременем венца усталое чело.
 Идем же, старый друг... С какую сладкой мукой
 Подкрадусь я, как вор, к ребенку моему...
 Не бойся, я будить его не стану, и к нему
 Тихонько подойду — ни жалобы, ни звука,
 Я только посмотрю и только, пред разлукой,
 К шелковым пеленам уста мои прижму...
 Родимый мой, прости, прости навек мой милый...
 Клотальдо, тяжко мне... о Боже, дай мне силы!..

Базилио и Клотальдо уходят.

Шут (один на полутемной сцене).

Король младенца губит сам.
 Он мнит себя судьбой гонимым,
 И глупым бредням и мечтам
 Он сыном жертвует любимым.
 Себе мы горе создаем.
 И сны, и призраки пустые
 Мы древней мудростью зовем
 Предубежденья вековые.
 В колодце, в черной глубине,
 Мы видим, влагой отраженный,
 Свой образ собственный на дне:
 Так ум наш робкий и смущенный,

Склонясь над мертвой пустотой,
Во мраке вечности немой
Свое лишь видит отраженье
И суеверно чтит его,
Как высший ум и божество,
Как волю звезд и провиденье.
Дохни лишь разумом на них —
И сон исчез неуловимый,
И нет уж призраков ночных
И воли звезд непобедимой.
Но люди-трусы не поймут
Могучей силы отрицанья:
Я одинок, философ-шут,
Но втайне полон состраданья,
В насмешках теплится любовь;
Мне жалко их: продвигу вновь
Борьбу, ненужные мученья,
Бесцельно льющуюся кровь.
За тень мечты, за сновиденья.
Но жалость робкая моя
Бессильна... Если б молвил я:
«Стыдитесь верить предрассудку!»
Они бы распяли меня,
Иль мудрость приняли за шутку.

Занавес.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Скалы, покрытые лесом; у входа пещеры *Клотальдо*.
После пролога прошло 18 лет.

Клотальдо.

Уж вечерет; солнца луч
Не так отвесен, бел и жгуч;
И золотистый, мягкий свет
Какой-то благостью согрет.
Как пар, волнуясь над землей,
Еще тяжелый дышит зной.
На голой, розовой коре
Огромных сосен на горе,
На серых, мертвых лишаях,
На тихих, выжженных камнях.
А там — меж ясеней немых,
Дубов и вязей вековых —
Уж ночь зеленая: там — тень
И усыпительная лень;

Там на гнилой коре стволов
 Наросты влажные грибов,
 Там слышен вздох уснувших фей —
 То между спутанных ветвей
 Журчит невидимый ручей
 И нежный мох кропит росой...
 Но луч прорвался золотой
 В ту ночь, — и блеском залита
 Стрекоз влюбленная чета:
 Они в лобзании на миг
 Слились, и к стану стан приник,
 Над изумрудным тростником
 Пылая синим огоньком.
 О, как прекрасен Божий мир,
 Как чист сияющий эфир!..
 Природа молится и ждет,
 Что ангел мира снизойдет,
 И небо говорит «прости»
 Земле, пред тем, чтоб отойти
 Ко сну... Пред тем, чтоб задремать
 Они целуются: так мать,
 От колыбели уходя,
 В последний раз свое дитя,
 Чтобы спалось ему светло,
 Целует в сонное чело.

Довольно грез; пора готовить ужин,
 С охоты Сильвио придет голодный
 Тому, кто с волею природы дружен,
 Тому, кто без рабов живет свободный,
 Котел с похлебкой так же мил и нужен,
 Как вешние пленительные розы,
 Как золотые девственные грезы.
 С тех пор, как мы работниками стали,
 Ни для каких красот земли и неба,
 Ни для какой возвышенной печали —
 Забыть нельзя кусок насущный хлеба.
 От гордости навек мы отрешились
 И, наравне с растениями, зверями,
 С несчетными живыми существами,
 Закону общей жизни покорились.
 И вот мы счастливы, и сам собою
 Решился вдруг, так просто, без мученья.
 Вопрос о жизни; если же порою
 Смущают душу старые сомненья
 И прежняя тоска меня тревожит —
 Работать я иду, и никакие
 Вопросы, думы, страсти роковые
 Трудю ничто противиться не может.

Вот и Сильвио; под мехом,
С луком звонким и копьём,
Он добычу мчит со смехом.
С торжествующим лицом.
То с блестящими клыками
Окровавленный кабан;
С этой ношей над скалами
Мчится юный великан.
И колючки в гриве львиной
От терновника впелись,
И с косматою щетиной
Кудри черные слились.
Облик мужествен и грозен,
Взор величествен и строг...
Весь, как юный полубог
Он могуч — и грациозен.
Но прекрасней ли одежд
Эти мускулы стальные,
Эта тень стыдливых вежд,
Члены бодрые, нагие,
Крови юношеской жар,
Кожи бронзовый загар...
Вот оно дитя природы —
Посмотрите на него:
Это — жизни и свободы,
И здоровья торжество!

Вбегает Сильвио.

Клотальдо.

С добычей, Сильвио!

Сильвио (сбрасывает с плеч кабана к ногам Клотальдо)

Блестящая победа!..
Взгляни, отец, взгляни, какая дичь!

Клотальдо.

Кусок достойный царского обеда...
То лучшая из всех твоих добыч.

Сильвио.

Ты знаешь ли, как зверя я нашел?..

Клотальдо.

Нет, прежде сядь и отдохни: котел
Поет уж на огне, и теплый, ароматный
Над ним клубится пар.

Сильвио.

О запах благодатный!
Я голоден, дай ложку мне скорей,
Потом начну рассказ, от счастья и волненья
Я голода не замечал: полней
Янтарным супом чашку мне налей.
Но слушай...

Клотальдо.

Вот плоды и сладкие коренья,
Вот хлеб и овощи, и золотистый мед —
Подарок диких пчел — и в глиняном кувшине
Студеная вода...

Сильвио.

Весь день среди болот
Сегодня я блуждал; в траве, во мхах, в трясине
Искал я с жадностью чуть видимых примет,
Стоял до пояса в гнилой, зловонной тине,
Казалось, был готов лежать всю жизнь, весь свет,
Чтоб зверя в камышах найти пахучий след —
Но тщетно! Тишь кругом; над головой жужжала
Лишь туча комаров; ни запаха, ни следа,
И ослепительно, недвижимо дремала
Под пленкой радужной стоячая вода.
И сон, и блеск в очах, ослабевало зренье...
Вдруг — шелест в тростнике... О, сладкое мгновенье!
Как сердце дрогнуло! Едва сдержал я крик
Безумной радости; как зверь, могуч и дик,
Я к зверю кинулся, вонзил мой кортик в спину.
И кровью обагрил косматую шетину.
От боли он завыл и прыгнул на меня;
Я спрятался за пень, — то был мой панцирь крепкий, —
И белые клыки, раскидывая щепки,
Вонзились в дерево расколотого пня.
Как змей, одним прыжком я бросился, проворный,
К врагу; хребет ему коленами сдавил —
И захрустела кость; он из последних сил
Рванулся; но меж игл шетины непокорной
Я в ребра острый нож чудовищу вонзил.
И, сердце шупая, предсмертным трепетаньем
Упился с жадностью, и пальцы погружая
Во внутренности, в кровь, лицо к ним приближал
С неведомым, но сладким содроганьем.

Клотальдо.

Опомнись, Сильвио... я вижу в первый раз
Такой зловещий блеск у этих милых глаз —

В них что-то чуждое мелькнуло... Что с тобою?
О, сын мой, не давай ты овладеть душою
Жестокости...

Сильвио.

Прости, увлек меня рассказ...

Клотальдо.

Не правда ли, не мог ты наслаждаться кровью?
О, я воспитывал тебя с такой любовью,
Ты зла, людского зла не видел с первых лет.
Когда затравлен зверь и, раненный смертельно,
К тебе подымет взор с тоскою беспредельной,
Тот ясный, страшный взор, где мысли виден след,
Ты жалость чувствуешь к нему, неправда ль?

Сильвио.

Нет!

Мне никогда рука не изменяет
Не дрогнет верный меч!

Клотальдо.

Но зверь страдает.
Страдает он, как ты...

Сильвио.

Какое дело мне!
Кто хочет жить — борись в безжалостной войне!
Смерть — побежденным! Прав лишь тот, кто побеждает.

Клотальдо.

Но жалость лучшее, что есть в сердцах людей...

Сильвио.

В лесу я никогда не видел сострадания.

Клотальдо (после раздумья).

Мой милый Сильвио, лежал ли ты порою
В траве росистой, утренней зарею
И чем-то тронутый до глубины души,
На влажные цветы смотрел ли ты в тиши,
Как на друзей давно знакомых?
И долгие часы следил ли, как дитя
В тот мир волшебный уходя,
За жизнью слабых насекомых?
Не правда ли, тогда к растениям и зверям,
И даже к мертвым, сумрачным скалам
Рождалось кроткое в душе благоволение?..

И был в лесу глухом ты, как в семье родной,
 И с миром жизнь одну ты чувствовал душой,
 Как будто сердца общего биенье.
 Былинка каждая была тебе близка.
 И ты любил ее, в родство с природой веря.
 И ты жалел в полях последнего цветка,
 Птенца без матери, страдающего зверя?..
 Ты сразу сделать всех счастливыми хотел
 И, кажется, весь мир любовью бы согрел,
 Неправда ль, Сильвио?

Сильвио уснул, положив голову на колени старика.

Не слышит он и дремлет...
 Он слов моих не мог понять, но в этот миг
 Так трогательно чист его безгрешный лик,
 Как будто ангелу-хранителю он внемлет...
 Спи, милый сын мой, спи: к чему тебя будить...
 Должна его сама природа научить
 Одной улыбкою своею
 Прощать, мириться и любить,
 С молитвой за него склонюсь я перед нею...

Целует спящего *Сильвио* и отходит.

Зал во дворце.
Базилио и Клотальдо

Базилио.

Ужель над светлою наукой ты глумишься,
 Над мыслью вольною, не знающей оков,
 Над драгоценнейшим наследием веков...
 Презрением к нему, как школьник, ты гордишься!

Клотальдо.

Нет, не над знаньем я глумлюсь, но над забавой,
 Над детскою игрой, что знаньем ты зовешь:
 Без дела, без любви, вся мудрость ваша — ложь.
 Ты думал ли, мудрец, какой ценой кровавой
 Мгновенье каждое досуга твоего
 Купил ты у судьбы? Чтоб мог, как божество,
 Ты опьянять себя блаженством созерцанья
 В книгохранилищах, меж статуй и картин,
 Под сенью мраморной, беспечен и один
 В пыли пергаментов вкушать всю негу знания —
 Ведь должен кто-нибудь от счастья отказаться.
 Как вол, безропотно влачить железный плуг;

Чтоб мог воздушною ты грезой упиваться
 Чтоб знание дать тебе, и роскошь, и досуг!

Базилио.

Нет, совесть мне кричит, что ты не прав, мой друг.
 Когда для знания, для подвига святого
 Я бескорыстно любовью отдаю
 Сокровища, покой, и дружбу, и семью,
 Ужель посмеешь ты клеймить меня сурово,
 Как будто в праздности я трачу жизнь мою?
 Иль мозга моего не тягостней работа,
 Что если б землю рыл я с заступом в руках,
 Иль меньше я тружусь, чем пахарь на полях,
 И на лице моем не те же капли пота?..
 Устал я, как мужик, измученный в страду
 Не острою сохой, а мыслию свободной
 На поле умственном взрывая борозду,
 И ты назвал игрой мой подвиг благородный!

Клотальдо.

Наш мир по-прежнему отчаяньем объят...
 Нам груды книг твоих души не утотят,
 Бесплодных ваших дум нас не согреет пламень.
 Нет! Бога жаждущим — ты Бога не открыл,
 Зачем и как нам жить — глупцов не научил,
 Просили хлеба мы — вы подали нам камень.

Базилио.

Безумец, не оно ль, не знание ли дает
 Вам, недостойным, власть над вечною природой,
 Не просветило ли сознанием и свободой
 Оно ваш темный ум? Свершая свой полет
 Высоко над толпой, над скованным народом,
 Из состраданья к вам, наука мимоходом,
 Кидает в дальний мир небесные дары.
 В ответ звучат лишь крики черни:
 «Готовьте ей венки из теней,
 Готовьте плахи и костры!..»
 Двуногий зверь, слепой и вечно полный страха,
 Ты прозябал в лесах, но знание пришло,
 Благое, светлое, и подняло из праха
 И к звездам блещущим победно вознесло —
 Твое поникшее, угрюмое чело.
 И в нем ли пользы нет — коль ставите вы гранью
 Лишь пользу жалкую — божественному знанию!

Клотальдо.

О горе, горе вам, вожатаи-слепцы,
 Учители, пророки, мудрецы;

Вас слишком позднее раскаянье постигнет,
И задохнетесь вы от пыли мертвых книг.
Теперь уж скорбь томит, но в тот ужасный миг
Она безумного отчаянья достигнет!
Тогда вы молвите горам в предсмертный час:
«Падите, горы, скройте нас!»¹

Базилио.

Я на посту моем останусь до конца;
Пред истиной дрожат лишь слабые сердца.
О, как бы ни были мне тягостны страданья
От беспощадного, правдивого сознания —
Я в разум верую и не страшусь его,
И громко исповедую науку,
И за нее готов пойти на смерть и муку.
Как за Спасителя и Бога моего!..

Клотальдо.

Прости, я говорил с невольным раздраженьем...
Окончим спор... Король, боюсь я одного,
Что может Сильвио, питомца моего,
Похитить у меня ваш мир, объятый тленьем...
О, только молви: «нет», уйми мой страх в груди,
И, если не меня, — хоть сына пощади.

Базилио.

Благодарю тебя за преданную службу,
Но я прошу — как царь и любящий отец —
Теперь в последний раз ты докажи мне дружбу —
С царевичем скорей вернитесь во дворец.

Клотальдо.

О, сжался, сжался, друг, над нами...
Ужели в бездну мой цветок
Я брошу старыми руками
Чтоб растерзал его волнами
Ваш мутный, бешеный поток!

Базилио.

Он сын мой...

Клотальдо.

Нет, он мой — по праву,
Я жизнь, я счастье дал ему...

Базилио.

Я дам престол, отчизну, славу...

Клотальдо.

Ты заточишь его в тюрьму.
Как будто здесь, в роскошной клетке,
В унылых, мраморных дворцах,
Забудет птица о полете,
О колыхающейся ветке,
О беспредельных небесах...

Базилио.

Но я люблю его...

Клотальдо.

О, Боже,
Он света солнца мне дороже,
Ему всю жизнь я посвятил,
Его, как женщина, с любовью
Я на груди моей носил;
Порой, склоняясь к изголовью,
Мои седины забывал,
Его баюкал, пеленал,
Я непривычными руками.
И часто дряхлыми устами
Я песни детства напевал...

Базилио.

Когда гляжу, угрюмый, бледный.
На игры юношей порой —
Я втайне думаю с тоской:
А где-то Сильвио мой бедный,
А где-то сын мой дорогой?
Ко мне скорей, мой мальчик милый,
Еще хоть раз обнять его...
Старик, терпеть нет больше силы —
Отдай мне сына моего!..

Клотальдо.

Но как бороться с волей Бога
И с властью грозною светил?..

Базилио.

Я все обдумал, все решил.
Слова мои исполни строго:
В напитке опиума дашь
Ты Сильвио; и побежденный
Струей могучей влаги сонной,
Уснет беспечно отрок наш.
И, сном объятого глубоким.
Его в чертог перенесем —

Узнаем все: каким царем
Он будет — кротким иль жестоким;
Если разумом людским
Мы воли звезд не победим.
И будет Сильвио тираном —
Мы вновь спасительным обманом
Его в пустыню возвратим.

Клотальдо.

Но может быть, мольбой смягченный..?

Базилио.

Молчи, ты воли непреклонной
Не победишь...

Клотальдо.

О, пожалей...

Базилио.

Напрасно все: идем скорей,
Я дам тебе напиток сонный.

Король и Клотальдо уходят.

Входит толпа придворных, *Дама и Шут*

Дама.

О дайте мне флакон, скорей флакон духов:
Я зверя видела: как лунь седой, косматый.
Со взором бешеным, под шкурою мохнатой
Он шел за королем; и от его шагов
Вся мраморная лестница дрожала.

Молодая дама.

Едва я в обморок от страха не упала...

Кавалер.

О, да, сеньора, видел я:
Позвали вы к себе хорошенького пажа,
Чтоб распустить шнуры атласного корсажа.

Царедворец.

А между тем, вы знаете ль, друзья.
Что этот варвар, зверь двуногий —
Любимый канцлер короля!..

Старая дама.

Не может быть! Клотальдо?

Царедворец

Да.

Старая дама.

О, боги!

Куда стремишься ты, развратный век!
 Увы! Мне этот бедный человек
 Воспоминаниями дорог:
 Я помню времена — тому уже лет сорок —
 Когда Клотальдо был блестящий кавалер.
 Исполненный приятнейших талантов,
 Ума, изящества и грации пример:
 Он первый в моду ввел из крупных бриллиантов
 Носить большие пряжки на чулках,
 И к шпагам золотым серебряные ленты.
 Бывало, как зефир он мчится на балах;
 Какие нежные шептал он комплименты —
 И вдруг — создатель мой — теперь на склоне лет,
 Он зажил диким зверем со зверями,
 На общество волков он променял наш свет!
 Какие времена! О, что-то будет с нами!

Кавалер.

Я в шелку двери подсмотрел.
 Когда в приемной он сидел;
 И что ж увидел я, о, небо!
 Огромный, черствый ломоть хлеба
 Он луком заедал.

Другой кавалер.

Не луком, чесноком!

Молодая дама.

Фи!

Старая дама.

Тошно мне!

Камер-юнкер.

Всю комнату потом
 Я должен был кропить духами.

Царедворец.

Осмелюсь ли, сеньоры, перед вами
 Его преступное ученье изложить:
 В деревню он зовет работать с мужиками,
 На лоне любящей природы жить.
 Чтоб для какого-то невидимого братства,

Мы бросили чины, и службу, и богатство,
 Чтоб наравне с последним батраком
 Мы, графы и князья, навоз в полях возили,
 Чтоб фрейлины двора ходили за скотом,
 И чтоб — простите мне — коров они доили!..

Старая дама.

Какая дерзость!

Молодая дама.

Вы сердитесь напрасно;
 Охотно бы ушла я с ним в долины, в степь,
 Мечтать, грустить, внимать свирели сладкогласной,
 Глядеть на твой закат, о лучезарный Феб...
 Плела бы я ему венки, пастушкой гуляла,
 Соломенная шляпка мне пристала,
 И право, я люблю горячий черный хлеб.

Кавалер.

Я буду спутник вам, Анета. —
 Уйдем туда, под сень лесов;
 Хотя мне жаль немного света,
 И маскарадов, и балов —
 Но рад я скрыться от укоров
 Родни озлобленной моей,
 От беспощадных кредиторов
 И от проклятых векселей.

Шут (танцуя и звеня погремушками).

Не педант я, не философ,
 Дела нет мне до морали.
 До мучительных вопросов...
 К черту мысли и печали,
 Пусть расхлебывают внуки
 На чужом пиру похмелье;
 Мы во всем умоем руки
 И да здравствует веселье!
 Поцелуй в полном кубке
 Мы рейнвейном запиваем;
 Не стыдитесь же, голубки.
 Пусть коралловые губки
 Пахнут огненным токаем.

Все (дружно аплодируя). Браво, шут!

Среди обнаженных скал над пропастью.
Клотальдо указывает *Сильвио* на пролетающего орла..

Клотальдо

Взгляни, мой сын, орел над нами,
Покинув скучный, дольний мир,
Стремится плавными кругами
В недостижимый эфир.
Летит он к солнцу, чуждый страха,
В палящий диск его влюблен.
С каким презреньем смотрит он
На нас, детей земного праха...

Сильвио.

Отец, я догоню орла,
Взберусь на каменные кручи,
Его настигнет в самой туче
Моя пернатая стрела!

Клотальдо.

Он обгонять умеет бури;
Не раз он в вихре грозвом
Встречал, как ласку, Божий гром.
Ему, любовнику лазури,
Людская злоба нипочем.

Сильвио.

Ужели робкий, пристыженный
Смотреть я молча осужден,
Как в небесах исчезнет он
Своею славой опьяненный?
И отомстить ему нет сил...

Клотальдо.

О, если друг мой, разлюбил
Ты нашей скромной жизни сладость, —
Есть мир иной, иная радость...

Сильвио.

О горе, горе мне, как беден,
Как я беспомощен и слаб!

Клотальдо.

Но что с тобой, мой сын, ты бледен,
О чем ты слезы льешь?

Сильвио.

Я раб,
И должен вечно жить в неволе
Среди томленья и стыда,

И никогда, и никогда
Я не узнаю лучшей доли!..

Клотальдо.

Скажи, о чем твоя печаль.
Чего ты хочешь?

Сильвио.

Сам не знаю...
Отец, я рвусь куда-то вдаль,
Но силы нет — и я страдаю...
Зачем ты душу мне смутил —
Слепому, жалкому невежде?..
Теперь мне свет дневной не мил.
Теперь мне стыдно жить, как прежде...
О, если б мог, я б полетел,
Раскинув крылья величаво.
Туда, в заоблачный предел...
С тех пор, как ты промолвишь «слава» —
Мне больно, жжет меня недуг
И мучит жажда...

Клотальдо.

Милый друг,
Прости, старик я безрассудный...
Испей вина

(подает ему кубок с отравой)

Сильвио (осушает кубок).

Напиток чудный! *(После молчания).*
Отец, легко мне стало вдруг,
Я крылья чувствую, и рада
Душа подняться от земли...
Прощай!.. Уж грохот водопада
Едва мне слышен издали...
Как сладко, страшно... Сердцем чую
Я беспредельное кругом,
Но выше... выше... и орлом
Лечу я в бездну голубую!..

Засыпает; являются слуги и уносят его.

Клотальдо (один).

Дитя мое, прости!

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Зал в королевском дворце.
Толпа придворных и дам. *Сильвио. Шут.*

Сильвио.

О где я? Что со мною? Ужель все это сон?..
За миг лишь перед тем уснул я над стремниной,
Беспомощный, нагой, под шкурою звериной, —
И вдруг мелодией волшебной пробужден
Я не в глухом лесу, а в царственном покое.
Над головой моей не синева небес.
А складки голубых, таинственных завес,
Не камни подо мной, а ложе золотое...
И девушки, склонив серебряный сосуд,
Мне воду розовую льют.
Благоуханьями обрызганного тела
Их руки нежные касаются порой,
Мне кудри расчесал их гребень золотой.
И ткань пурпурная, как облако, одела
Мне члены мягкой, ласкающей волной.
И я иду меж них, блистая, как денница...
О, если б чудный сон, ты мог всю жизнь продлиться?

Шут.

Еще вопрос никем доньше не решен,
Где твой конец, о жизнь, твоё начало, греза,
Где бред мечтателей, где будничная проза,
Где истина и ложь, действительность и сон:
Все в этом хаосе подвижно, мутно, слито.
И вереницею полубезумных слов.
Как бледно-радужной гирляндой цветов
Существование волшебным перевито.
Не вдумывайся в жизнь, разгадки не найдешь.
Коль можешь верить — верь в пленительную ложь.

Сильвио.

Кто ты?

Шут.

Я шут.

Так люди мудрецов непонятых зовут.

Сильвио.

Но что ты делаешь?

Шут.

Смеюсь я надо всем,
И ни любовью, ни врагами,
Как буревестник над волнами,
Как вольный ураган — не связан я ничем.
Смеюсь над глупостью людей,
Над рабством, злом и лицемерьем.
И над величием королей.
Я полон дерзостной отваги,
Я здесь презреннейший из всех.—
Но прямо в сердце, лучше шпаги,
Разит ударами мой смех!..

Первый министр

(на пурпурной подушке подает Сильвио корону).

Великий государь, в благоговейном страхе
Позволь склониться мне и к трону подойти,
Чтоб здесь, у ног твоих, во прахе
Тебе корону поднести.

Верховный судья

(на подушке подносит Сильвио золотой скипетр).

Вот скиптр, могучий царь, твой грозный атрибут.
Пускай же под его хранительную сенью
Все добродетели в стране твоей цветут
И, длани царственной покорны мановенью,
К тебе, наш судья, на неподкупный суд
Земные племена, как воды притекут!

Шут.

Я видел грозного судью,
Упитанный и жирный,
Склонил он голову свою
С улыбкой детски-мирной.
Недаром лик его так горд
И потом блещет ярко:
Он переваривает торт
И трюфели с пуляркой.
Очки сползли, и взор померк,
И на нос муха села;
Не слышит он, как тощий клерк
Пред ним читает дело...
Судья так громко захрапел,
Что вдруг прервалось чтение дел.
И муха улетела...

Главный казначей

(подносит Сильвио червонцы).

Вот золото, мой царь.

Сильвио.

Как блещут эти слитки.
Как весело звенят они в руках!

Казначей.

В подвалах у тебя, в железных сундуках,
Мерцают, тихо спят нетронутые слитки.
И только слова ждут, чтоб вырваться на свет
И загреметь дождем сверкающих монет.
И схватят с жадностью протянутые руки.
Благословят тебя промышленность и труд.
Искусства вольные, ремесла и науки,
И мертвые пески, как розы, зацветут.
Возникнут фабрики, театры и музеи,
И смелый рудокоп во внутренность земли
За жилой золотой пророев галереи,
И с моря синего примчатся корабли.
Здесь, в золоте твоём, владыка всемогущий,
Таится, как зерно, весь этот мир цветущий!

Сильвио (рассматривая золото).

Так вот где ключ к сердцам людей!
Но нет, не верю я, чтоб эта горсть металла
Игрушка жалкая, достойная детей, —
Такою властью над миром обладала...

Виночертий (подавая Сильвио кубок).

Вина отведай, царь!

Сильвио (выпив вино).

Божественная влага!
Мне так легко. Я счастлив вновь. —
В груди надежда и отвага.
Огнем по жилам лется кровь!

Виночертий.

О, дай мне только знак — и брызнет из бочонков
Кипящее вино, и в белых колпаках,
Над жаркою плитой, с кастрюльками в руках,
Забегает толпа придворных поваренков.
И чудный аромат из кухни долетит.
Под крышкой золотой дымящееся блюдо
На снежной скатерти заискрится, и груда

Прозрачных хрусталей на солнце заблестит.
 Великий государь, отпразднуй новоселье,
 Вели устрой пир.

Сильвио.

Да здравствует веселье!

Шепот среди придворных.

Мы спасены. Он наш!
 Мы приручить его сумели,
 В пирах, под звон заздравных чаш,
 Мы юным принцем овладели.

Толкают друг друга. Теснятся к трону.

1-й.

Быть стольником твоим мечта моя, король!

2-й.

Фазанов поставлять на кухню мне дозволю!

3-й.

В моих озерах водятся форели...

4-й.

Гранаты у меня в садах давно созрели!..

1-й.

Будь милостив, мои владенья округли...

2-й.

Оклады увеличь слугам твоим покорным...

3-й.

Назначь меня, король, поставщиком придворным...

4-й.

Меня подрядчиком...

5-й.

Мне денег...

6-й.

Мне земли...

Шут.

Мухи роем облепили
 Сладкой патоки горшок,

Волки с воем обступили
Жирный лакомый кусок...

Придворный.

Что думает король о женщинах?

Другой.

А вот

Посмотрим: фрейлина к монарху подойдет.
Чтоб испытать его.

Молодая дама (склоняясь перед Сильвио и целуя его руку).

О дай рабе смиренной
Коснуться, государь, руки твоей священной.

Сильвио (в волнении наклоняясь к даме).

Прижать тебя хочу я и пламенной любви...

Дама.

При всех, король?

Сильвио.

Так что ж?

Дама (убегая).

Мне стыдно.

Сильвио.

Погоди.

Красавица, вернись!..

Церемониймейстер.

Опомнись, принц!

Сильвио.

Прочь руки!

Бегу за ней!

Церемониймейстер.

Что скажет свет!..

Сильвио.

Я полон жгучей, сладкой муки...

Церемониймейстер.

Ты нарушаешь этикет...

Кавалер.

Бедняк!

Старая фрейлина (тихо с ужасом).

Он пьян!

Кавалер.

Но не вином, любовью!

Второй кавалер.

К кому?

Первый кавалер.

К той даме молодой.

Одна из фрейлин.

Счастливица!

Вторая.

Как быстро!

Третья.

Боже мой!

Играть беда с такой горячей кровью.

Дама.

Как он красив, как полон сил!..

Кавалер.

Природы милое дитя! Без разговоров
Жеманства глупого, гримас и томных разговоров
Он прямо к делу приступил.

Дама.

Клянусь — от всей души, такого властелина
Мы будем обожать...

Вторая.

Вот истинный мужчина,
Как порох вспыхнул...

Третья.

Да, не то,

Что наши франты...

Четвертая.

При дворе никто
Не смог бы с ним поспорить в этом деле.

Придворный

А ловко мы его на удочку поддели!

Другой.

Он наш вдвойне: к нему нашли мы два пути —
Вино и женщин...

Церемониймейстер (на ухо Сильвио).

Государь, прости —
На пару слов: скажи, кого ты любишь боле
Брюнеток иль блондинок? принц, по воле
Твоей доставить я готов
Красавиц лучших в целом свете
Всех возвратов, племен, наречий и цветов!..
Уже теперь в моем букете —
Немало чудных роз и лилий на примете.

Маршал (склоняясь и подавая Сильвио меч).

Солдаты ждут, возьми свой меч
И за тобой пойдем мы следом...
Полки в огонь кровавых сеч
На страх врагам веди к победам.

Шут (напевает).

«На чарку водки, куманек!»
Робер зовет Жуана;
В таверне слышится: гоп-гоп.
Веселый звон стаканов.
Но вдруг война... ..
Робер Жуану стал врагом;
Уж не под звон стаканов —
В лихом бою. Как с зверем зверь
Два друга встретились теперь
Под грохот барабана.
Робер приятеля убил
И крест за подвиг получил.
Робер убил Жуана...
Снопамися валяются тела
И не осталось ни кола
От вражеского стана;
Ура, победа! Но никто
Не объяснил бы нам, за что
Робер убил Жуана.

Маршал.

Монарх, ты грозный вождь бесчисленных полков.
Явись же к ним на миг и взором их обрадуй!
За долгие года лишений и трудов
Да будет твой привет им лучшею наградой.
Взгляни, вот рать твоя!

Отдергивает занавес, и с террасы открывается вид
на площадь, покрытую войсками.

Войска.

Да здравствует наш царь!

Маршал.

О, посмотри на них, великий государь,
Как латы их гремят, как очи грозно блещут...
Поверь, им за тебя не страшно умереть;
Перед лицом твоим от счастья трепещут
Их львиные сердца, закованные в медь.
Ты можешь на врага их бросить в бой кровавый
Одним движением властительной руки, —
И ринутся на смерть, как зверь тысячеглавый,
Твои железные, гремящие полки.

Сильвио.

И это не мечта, не ложь, не сновиденье...
Я — царь.
И предо мной все падает во прах.
Бесчисленных сердец послушное биенье
Я чувствую в моих трепещущих руках.
Падите ниц, рабы: я царь!.. В самозабвены
Как сладко повторять мне гордые слова
Захватывает дух от шири необъятной
И кружится над бездной голова...
О, если чудный сон умчится невозвратно —
Упьюсь, хотя на миг, чтоб ни было потом.
До пресыщения моим блаженным сном.
Смелее же вперед! рабы, я принимаю
Ваш блещущий венец бестрепетной рукой
И над простертою у ног моих толпой
Я меч высоко поднимаю!..

Все.

Да здравствует наш царь!

Король и придворные уходят.

Зал во дворце.
Входят двое придворных, разговаривая.

1-й.

Каков наш принц!.. И день и ночь похмелье!
Не только всех вельмож — он дам перепоил.
В разбойничий притон чертог свой превратил,
Разврат, безумство, пьяное веселье...
Уж эти мне пиры! Того гляди — убьют
За картами, в попойке безобразной,
Иль где-нибудь, в углу таверны грязной
Седую голову бутылкой разобьют.

2-й.

Толпа гуляк, по городу блуждая,
Врывается порой, как бешеная стая.
В дома почтенных горожан, —
И бьет, что под руку попало, наш буян, —
Лакеев, рыцарей, посуду.
Беда красавицам и бочкам сладких вин:
И в кладовых, и в девичьих — повсюду
Хозяйничает он, как полный властелин
Не быть добру...

1-й.

А слышали вы новость?
Он с нашим добрым, старым королем
Дерзнул высказывать надменную суровость.
Его поссорили с отцом.

2-й.

За что?

1-й.

Он раздражен интригами и сплетней,
Узнал он, что отец венца его лишил
По воле рока и светил
С тех пор он каждый день мрачней и неприветней.

2-й.

Шаги... Прощайте.

Расходятся. Входят две дамы.

1-я.

Где свершилось злодеянье?

2-я.

Увы! Не в тайном сумраке ночей,
 Здесь, на виду у всех, в полуденном сиянии:
 Жестокий Сильвио, убийца и злодей!
 Держа в руках букет магнолий белоснежный
 Подарок жениха, невинна и светла,
 Как чистый херувим, полна мечтаний нежных,
 Из сада во дворец Эстрелла тихо шла.
 Навстречу Сильвио... С попойки возвращаясь
 Он с наглым вызовом подходит к ней, шатаясь.
 Объята гнева и стыдом,

Эстрелла вырвалась из рук злодея,
 Как трепетная лань, гонимая орлом,
 В одну из мраморных остроконечных башен
 Она кидается — уж бездна перед ней —
 Ступени дрогнули, бежит он, дик и страшен,
 Его дыхание все ближе, горячей.
 И в бешенстве кричит он: «Будешь ты моей!»
 И пронеслось предсмертное стенанье:
 «Прости мне, господи!» Цветы к груди прижав,
 Эстрелла с башни кинулась стремглав.
 В лазури белое мелькнуло одеянье —
 Погибло счастье и любовь...
 Удар о камни членов нежных, —
 И обагрила девственная кровь
 Цветы магнолий белоснежных!..

1-я.

Молчи... — король!..

Входит *Сильвио*, придворные и *Шут*.

Сильвио.

Всему граница есть —
 Вина, любви — не вечно опьяненье, —
 Вот в чем беда! Спать, пить и есть —
 Нельзя всю жизнь без пресыщенья; —
 И надо чем-нибудь наполнить скучный день
 Бессмысленный и длинный.
 Чего бы пожелать? В душе моей пустынной
 Все тихо: говорить и думать лень,
 И я теперь готов завидовать животным.
 Их грубым радостям, простым и беззаботным.
 Тоска!.. О, если б кто-нибудь нашел
 Источник свежих, новых упоений,
 Нетронутых, безвестных наслаждений —
 Я разделил бы с ним порфиру и престол!

Шут.

Таков удел земной; природа для людей
 Заимодавец беспощадный.
 И все один процент — сто на сто — платят ей
 За каждый светлый луч, за каждый миг отрадный.
 Кто б ни был должником — сапожник иль король.
 Вчера любовь, вчера веселье, —
 Сегодня скука и похмелье,
 И мудрость поздняя, и головная боль.

Сильвио.

Бездельники. Льстецы и дармоеды.
 Так вот как служат королю!
 Где хохот, шутки и веселье?
 Я лиц унылых не терплю.
 Пляшите, смейтесь, — чем хотите, —
 Умом иль глупостью — царя развеселите!..
 Найдите для меня игру, забаву, труд:
 Что делают у вас, когда не спят, не пьют,
 И не целуются с красотками?

Канцлер.

Великий
 И доблестный порыв премудрого владыки
 Мы все приветствуем; твой юный дух растет
 И жаждет к подвигам направить свой полет.
 Дерзнул, монарх, к делам правленья
 Привлечь твой милостивый взгляд:
 Мои бумаги. Повеленья
 Давно без подписи лежат.
 Взглянуть на них царю не будет ли угодно?
 Вот кипа пыльных, старых дел
 Когда б спросить тебя я смел,
 Чтоб ты пожертвовав минуткою свободной,
 Хотя б важнейшие бумаги просмотрел...

Сильвио.

Подать мне свитки.

Канцлер.

Вот, мой царь.

Сильвио (бросает свитки).

Возьмите их, солдаты.
 Скорей, в огонь весь этот хлам проклятый
 И пепел по ветру развеите!

Канцлер (в ужасе).

Государь.

Здесь важные дела!

Сильвио.

Повелеваю,

Чтоб по всему подвластному мне краю
Дела и рапорты, какие б ни нашли —
Рукою палача немедленно сожгли.

Солдаты, взяв бумаги, удаляются.

Ко мне, мой шут! Я по тебе тоскую,
Мне скучно, друг... Ты здесь умнее всех.
Спой песенку, унылую, простую.

Чтоб искрился в слезах безумный, горький смех!

Шут (напевает).

То не в поле головки сбивает дитя
С одуванчиков белых, играя:
То короны и митры сбивает, шутя,
Всемогущая смерть, пролетая.
Смерть приходит к шуту: «Собирайся, дурак,
Я возьму и тебя в мою ношу,
И к венцам и тиарам твой пестрый колпак
В мою общую сумку я брошу».
Но, наш векша, горбун ей на плечи вскочил
И колотит он смерть погремушкой.
По костлявому черепу бьет, что есть сил,
И смеется над бедной старушкой.
Стонет жалобно смерть: «Ой, голубчик, стой!»
Но герой наш уняться не хочет,
Как солдат в барабан, бьет он в череп пустой,
И кричит, и безумно хохочет:
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь и солнце, и смех всей душою любя,
Буду жить-поживать припевая:
Гром побед отзвучит, красота отцветет.
Но дурак никогда и нигде не умрет —
Но бессмертна лишь глупость людская!»²

Сильвио.

Спасибо, шут, ты рассмешил меня.
Исчез похмелья чад тяжелый.
Вина, рабы! За пир веселый,
За стол, друзья! Пусть гроздий сок, звеня,
Забрызжет вновь, как пена водопада.

И, не смущаемы зарей,
Мы сладкой кровью винограда
Наполним кубок золотой!

Старый слуга (выходя из толпы).

Побойся Бога!

Сильвио.

Берегись!

Слуга.

Чего
Беречься мне? Меча и скиптра твоего?
Когда еще, мой принц, вас не было на свете,
Ни крови не щадя, ни живота, ни сил,
Во брани, мире и совете
Народу моему я правдою служил.
И царь, твой батюшка, нас жаловать изволил,
И слуг; — дай Бог ему здоровья, — никому
Он оскорблять бы не позволил, —
Ни даже сыну своему!

Сильвио.

Молчи, негодный раб!..

Слуга.

Спроси, в кровавой сече
Когда-нибудь перед лицом врага,
Дрожал ли старый твой слуга —
Ему ль унизиться до рабской, льстивой речи?
Нет, Сильвио, мой долг свершу я до конца,
И я скажу тебе, как честный, старый воин,
Скажу в лицо: ты недостойн,
Ты недостойн, принц, великого отца!

Сильвио.

Молчи, я задушу тебя!..

Слуга.

Молчать мне поздно.
Довольно я терпел, нет больше сил молчать,
Клянусь — пред истиною грозной
Тебя заставлю я дрожать —
Она мне сердце жжет и рвется на свободу!

Сильвио.

Держи его, палач!

Слуга.

Палач не нужен...
 Я стар, я хил и безоружен.
 Но видишь, радостью горит мой взгляд
 И слезы светлые в очах моих дрожат.
 Всю правду я сказал, что совесть мне велела,
 И так теперь легко, и что мне муки тела, —
 Нет! Счастья у меня не можешь ты отнять,
 И мне не страшен мрак могилы,
 Благодарю тебя, Господь, что дал ты силы
 Мне, недостойному, за правду постоять!..
 А ты, безумец, знай, — не защитят от Бога,
 Ни грозные полки, ни шайки палачей,
 Господен гнев найдет тебя и за стеной чертога
 Тебя, убийца и злодей!..

Сильвио.

Так вот тебе, умри!.. (*закалывает Слугу*).

Слуга.

Умру за правду Божью!

Придворные.

Спасайтесь, горе нам!

Разбегаются.

На сцене остаются только *Сильвио* и *Шут*.

Сильвио (*над трупом старика*).

Проклятый пес, издох!
 Уж холодеет труп; а жаль, что я не мог
 Упитья досыта его предсмертной дрожью...
 Нет, то ли дело барс, иль раненый медведь
 У нас, в лесу: — там есть на что смотреть,
 Чем насладиться: зверь, от боли воя,
 Измученный, облитый кровью весь
 Без судорог отчаянного боя
 Мне жизни не отдаст! — А здесь —
 Чуть пальцем тронешь их — покорно и бездушно,
 Трусливые, как зайцы мрут они...
 Так под секирой валятся послушно
 Червями съеденные пни!

Встает, чтобы уйти и ногою отталкивает труп старика.

Прочь, падаль мерзкая, с дороги!

Входит *Базилио*.

Базилио.

Кровь на руках его, о боги!
Мой сын, убийца! Прав ваш приговор —
Святые звезды! Горе и позор!

Сильвио.

Уйди, оставь меня!

Базилио.

Так вот — слепая сила,
Царящая над участью людей,
Так вот — судьба!.. Она твой разум ослепила,
Мой сын, молю тебя, не отдавайся ей
Борись, дитя мое...

Сильвио.

Не рок, и не светила,
А прихоть старого глупца
Меня, законного наследника, лишила
Престола, скиптра и венца.
Не обвиняй судьбы: не ты ль, отец преступный,
По мнимой воле рока и светил
Меня в неведомых лесах похоронил?
Забутый, брошенный в пустыне недоступной.
Как сорная трава, я рос... И вот, теперь,
Ты удивляешься, что дик я и мятежен;
И непочтителен, и не довольно нежен..
Кого мне почитать, кого любить?.. Я зверь!..
Ни совести, ни Бога, ни отцизны
Нет у меня: ты сам лишил меня всего!..
И мне ли слушать укоризны
Мучителя, тирана моего!..
И ты в глаза смотреть мне смеешь,
И не дрожишь, и не бледнеешь!
Или твой сын, отец, до мщенья не дорос.

Базилио.

Дитя, не оскорбляй моих седых волос.

Сильвио.

Седые волосы, любовь и добродетель...
Не правда ли за них я должен все простить?
О, не прикажешь ли мне голову склонить
К твоим стопам, мой царь и благодетель?

Так знай: одна лишь страсть закон души моей,
 Я голос крови презираю,
 И что мне власть отца, и что мне суд людей, —
 Их трусости в лицо мой вызов я бросаю.
 Вас, сумасбродных стариков,
 Шадить нельзя, и я на все готов —
 И перед кровью не бледнею,
 О, проучить я вас сумею
 Упрямых, старых дураков!

Базилио.

Мой сын, ты опьянен могуществом и властью,
 Но знай: изменчив рок, не доверяйся счастью.
 Величие царей и слава промелькнет
 Как туча на заре, мгновенно потухая,
 С чела корона золотая
 И пурпур с плеч твоих спадет.
 И ты останешься забытым, одиноким,
 И ты очнешься вдруг, могучий, грозный царь,
 В глуши немых лесов — неведомый дикарь,
 И будет трон тебе казаться сном далеким...
 Прости, мой бедный сын, прости на век!..

Сильвио.

Постой!
 Что молвишь ты, старик? зловещая угроза
 В душе отозвалась смятеньем и тоской...
 Что если прав отец, и власть моя лишь греза,
 И только снится мне, что Сильвио — дикарь
 На троне золотом великий государь?
 Но нет! Ведь Божий мир не призрак, не виденье,
 Еще я скиптр держу, еще я грозный царь...
 А если так — зачем, зачем в душе сомненье?
 О, я действительность так крепко охватчу
 Всем существом моим, прижму ее так смело
 К груди, как теплое, трепещущее тело.
 Прильну устами к ней, из рук не отпущу,
 Пока в душе моей не задушу сомненье.
 И не почувствую, что жизнь не сновиденье, —
 А плоть и кровь... Я докажу себе,
 Что я воистину король!

Уходит.

Шут (один, над трупом слуги).

Нет, не буду унижать

Шутки вольной....

.....

Я помчусь, отваги полный
 Прочь из клетки золотой
 Окунусь, как рыба, в волны
 Жизни бедной и простой!
 Царедворцев знаменитых,
 Гордых рыцарей и дам
 За отверженных, забытых
 Бедняков, нуждой убитых,
 Я так радостно отдам.
 И по буграм, и по селам
 Вместе с труппой кочевой,
 Стану циником веселым
 Я бродить в толпе людской.
 По дощатым балаганам,
 С арлекином полупьяным
 Буду счастлив я душой.
 Здравствуй, бедность, здравствуй, воля,
 Аромат ночного поля,
 Ястреб в небе голубом.
 И грачи, и скрип телеги,
 И цыганские ночлеги
 За пылающим костром!..

Пир.

Сильвио, кавалеры и дамы.

В стороне *Базилио* инкогнито в черном плаще и *Виночерпий*.

Базилио (тихо).

Вот яд. Но волю нашу
 Исполнишь ли ты, раб?

Виночерпий.

Царь, нет слуги верней
 Меня...

Базилио.

Так знака жди, и в чашу,
 По манию руки моей,
 Ты принцу *Сильвио* отравы сонной влей.

В другом конце залы разговаривают двое придворных.

1-й.

Кто эта девушка, сеньор, что с принцем рядом
 Сидит на троне золотом?
 Она — царица гордым взглядом
 И повелительным челом.

2-й.

Как, вы не знаете? То лучший перл в короне;
 В одном из кутежей король ее нашел
 В каком-то уличном притоне,
 И, фрейлинам на зло, блудницу он возвел
 На опозоренный престол.

Беатриче (подходит к окну и откидывает завесу).

Что боитесь вы рассвета?
 Ставни настезь распахните,
 И с зарей потоки света
 В залу душную впустите!
 Солнце, солнце! Меркнут свечи,
 Ветерок подул из окон,
 И дрожат нагие плечи,
 Золотистый вьется локон...
 Но зачем же ваши очи
 Малодушно пред зарею
 Ищут тени, ищут ночи,
 Как пред грозным судиею?
 Хорошо тебе бледной блесталкою быть,
 О Заря, ничего не желать, не любить.
 Хорошо тебе, чистой богине
 Презирать наше счастье, над миром царя,
 Ты улыбкой бессмертья, заря,
 И сиять будешь вечно, как ныне.
 Мы же, — мы на земле лишь мгновенье живем
 Так чего нам стыдиться? Скорее возьмем
 Все, что взять только можно от жизни!
 Озаряй же, денница, мне радостный лик,
 Я очей пред тобой не склоню ни на миг, —
 И, не внемля твоей укоризне,
 Я пороком моим насладиться спешу,
 Мой кипящий бокал я до дна осушу,
 Поцелуям отдамся я смело,
 Не боясь твоих чистых, холодных лучей.
 А потом... Пусть потом будет пищей червей
 Молодое, цветущее тело!

Сильвио.

О, милая! Склонюсь благоговейно,
 Подобно робкому, влюбленному пажу
 И на пурпурную подушку положу
 Я пальцы белые руки твоей лилейной.
 Вот так... А вы, рабы, сюда, сюда скорей,
 Князя и рыцари, падите ниц пред ней...
 Пусть кто-нибудь из вас мне мужество покажет,

Открыто выступит вперед и громко скажет:
«Я смею презирать блудницу, я честней!»

Молчание.

Вы видите, я прав, молчите вы позорно...
Так на колени же пред ней,
Целуйте руку ей покорно,
Целуйте все...

Беатриче.

В смятении пред тобой поникла я очами...
Прости, не знаю, как и чем благодарить...
Могу лишь край твоей порфиры оросить
Горячими, безмолвными слезами...
За подвиги твои грядущие я пью,
За Сильвио — вождя я тост провозглашаю
И чашу полную мою
Навстречу солнцу поднимаю!

Сильвио.

За победы!..

По знаку короля *Виночерпий* подает *Сильвио* кубок с ядом, он его выпивает. После молчания.

...Глаза застилает туман...
Тише... слышите, ржут где-то кони...
Вот и трубы звучат, вот трещит барабан.
И, как молния, вспыхнули брони...
Легионы, вперед! Проношусь я грозой,
И бегут племена и народы —
Как пески пред самумом, бегут предо мной,
И как бурей гонимые воды!

Чаша падает из его рук, и он склоняется, одолеваемый дремотой.

Я весь мир победил, я бессмертен, как бог.
Подо мной, пресмыкаясь во прахе,
Где-то там, далеко, у подножия ног.
Мне вселенная молится в страхе.
Выше, выше... Не видно земли, и кругом
Беспредельное сердцем я чую,
И несут меня крылья, несут... и орлом
Прямо в бездну я мчусь голубую!..

Засыпает.

Базилио, сбросив плащ, является в царском одеянии. Все перед ним преклоняются. Он подходит к *Сильвио* и снимает с него корону.

Король.

Вот человек: он стремился к величию и власти,
 Людям и Богу грозил он рукой дерзновенной,
 Душу его волновали могучие страсти;
 Мало казалось для них необъятной вселенной...

Где же, герой, твои смелые, гордые мысли,
 Силы надежды?...
 Руки повисли.
 Сомкнуты вежды...

Меч и несметное войско, и гром твоей славы —
 Вся твоя сила
 Не победила
 Капли отравы!

Все, что так жаждал объять ты душой ненасытной, —
 Все улетело.
 И беззащитно —
 Жалкое тело.

Вот — наша доля!.. Какая-то вечная сила,
 Скрытая тайной,
 Нас одарила
 Жизнью случайной.

Не для себя — для нее мы живем и страдаем,
 Полны томленья.
 И улетаем,
 Как сновиденья!..

Слуги уносят спящего *Сильвио*.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Сильвио спит под звериной шкурой; над ним стоит *Клотальдо*, указывая ему на небо, в том же положении, как в конце I действия.

Сильвио (открывая глаза).

Где я?..

Клотальдо.

Орел давно исчез.
 Потухло солнце за горами...
 Светила бледные с небес
 Взирают кроткими очами.
 Проснись!..

Сильвио.

Где мой престол?..

Клотальдо.

Опомнись: жадными очами
За птицей гордою следя,
Здесь, над угрюмыми скалами,
Уснул ты в полдень золотой, —
Теперь уж ночь — пора домой.

Дитя,

Сильвио.

Так это был лишь сон!..

Клотальдо.

Во сне ты видел, сын мой?

Но что же

Сильвио.

Я видел блещущий дворец,
Неодолимую державу...
Я видел пурпур и венец,
Могущество, победы, славу...

Боже,

Клотальдо.

Забудь их, Сильвио...

Сильвио.

Забуть их в трусости, смиренно
Мне, повелителю вселенной,
Главу венчанную склонить?..
Нет, лучше смерть!..

Забуть,

Клотальдо.

Взгляни, как ясен мир природы,
Как спят озер немые воды,
Как все торжественно вокруг,
Туман клубится, и над бездной,
Как бледный жемчуг, в облаках
Под тихим светом ночи звездной
Мерцают глетчеры в горах...

Утешься, друг,

Сильвио.

Мне тяжело, тяжело!..

Клотальдо.

Приди ко мне!

Сын мой милый,

Сильвио.

Не подходи —
 А то сдержать не хватит силы
 Безумной ярости в груди!
 К чему теперь твое участие?
 Старик, что сделал ты со мной?
 Отдай мне девственный покой,
 Отдай мне мир, отдай мне счастье!
 Но ты бессилён, и с тоской
 Поник лишь дряхлой головой...
 Так для чего ж мечтами славы
 Ребенку душу ты смутил.
 И для кощунственной забавы
 Источник светлый возмутил?
 Скажи, зачем в тот миг отрадный,
 Когда над бездной я уснул,
 Ты лучше в пропасть не столкнул
 Меня рукою беспощадной?..

Клотальдо.

Прости ему господь!

Уходит.

Сильвио.

Один,
 Один, — ни звука... спит пустыня...
 Где твой венец, твоя гордыня,
 Непобедимый властелин?
 Стремиться к подвигам великим,
 Достигнуть трона, счастье, власть
 Держать в руках, — и сразу пасть,
 И пробудиться зверем диким, —
 Насмешка горькая... (*плачет*).
 Но если все, чему так твердо
 Я верил — сила, красота,
 Любовь величья власти гордой —
 Неуловимая мечта,
 И жизнь, как молния, умчится, —
 То где ж не призрак, не обман,
 Не мимолетная зарница
 И не блистательный туман?..
 Быть может — сон и эти горы,
 Луга, долины, небеса...
 Быть может, призрак и леса,
 И звезд таинственные хоры...
 Весь мир — создание мечты,
 И все величие вселенной

Над бездной вечной пустоты —
 Лишь отблеск радуги мгновенной...
 Куда несется жизнь моя
 Над беспредельным океаном,
 Как налетевшим ураганом
 Полуразбитая ладья?
 Опоры нет: над бурей вечной,
 Как искра, меркнет свет ума...
 Бессилье, ужас бесконечный,
 И одиночество, и тьма!..
 Лес родимый! Я спрячусь в безмолвьи твоём
 В изумрудной, таинственной мгле,
 И к холодной земле
 Я приникну челом.
 Об утесы дробись и шуми водопад.
 Пусть студеные воды твои окропят
 Мне горячую грудь...
 Позабывшись, уснуть!..
 Нет, не буду, как прежде, могуч и здоров
 Со зверями под свежеею тенью дубров,
 Человека в себе не убить мне ничем;
 А природе... на что я природе теперь,
 Развращенный, больной и измученный зверь?
 Я печален и нем
 Буду в мире блуждать,
 И закрыт для меня первобытный Эдем,
 Буду вечно томиться и вечно страдать!

Внутренность пещеры.

Сильвио читает книгу при свете лампы.

Клотальдо входит незамеченным.

Клотальдо. Это ли прежний, счастливый мой Сильвио? Как он измучился, как похудел! Помню тот день, когда он пришел ко мне и сказал: «Клотальдо, я хочу учиться, хочу знать, есть ли в мире что-нибудь кроме обмана, видений и снов». Я стал учить его, и с тех пор он проводит дни и ночи в этой пещере. Читает, читает, не смыкает глаз, не ест, не пьет, боится воздуха и света дневного... При свете дрожащей лампы по челу пробегают тени мучительных дум. Тихо кругом... Только летучие мыши вьются, шурша над лампадою; со сводов висят сталактиты и капли стекают по ним и падают на стол, как глухие, тяжкие слезы. В огромной мрачной пещере он кажется таким маленьким, жалким, покинутым... Бедный мой Сильвио!

Сильвио. Кто зовет меня?

Клотальдо. Это я; я пришел тебя проведать.

Сильвио. Тяжко мне, отец... Прежде смутно я чувствовал, что жизнь только греза, теперь наука подтвердила мой опыт... Она доказала, что вся природа лишь сон, и человек никогда не узнает, что кроется там, за призрачной дымкой явлений и форм... Никогда, никогда...

Клотальдо. Дитя, о чем ты горюешь? К чему тебе тайна природы? Надо ли знать сущность того, что люди зовут теплотою, чтобы развести огонь в зимнюю стужу и согреть свои члены? Надо ли знать сущность того, что мы называем движением, чтобы пустить стрелу из лука и настичь бегущего зверя? Надо ли знать сущность материи, чтобы хлебом утолить свой голод? Удел человека — работа, а для работы тебе довольно и того, что ты можешь познать. Откажись ты навсегда от бесплодных попыток проникнуть в сущность явлений.

Сильвио. Отречься от того, что одно только делает меня человеком, от самого святого, что есть в моем сердце... Нет, лучше убью себя, уничтожу сознание, но не отрекись ни на одно мгновение от моей неутолимой жажды... Для меня нет другого исхода — или проникнуть в тайну, или погибнуть!

Народ. Площадь перед дворцом.

На ратуше звонят в колокол. Крестьяне, ремесленники, купцы, нищие — толкаются, кричат и пробегают толпа за толпою.

Герольд (с трубою).

На площадь, граждане, на площадь!

Купец.

Эй, сосед,

Куда бежишь?

Ремесленник.

Бегу, как бык — на красный цвет.
Не знаю сам куда, на месте не сижу:
Когда народ бушует и стремится
На приступ, бунт, пожар — мне все равно — вперед
Бессмысленно бегу, куда толпа влечет,
И силы нет остановиться.

Купец (запирая лавку).

И мне не терпится, и я с тобой бегу.
Меня несут, как ветер, ноги
И удержаться не могу.

Горожанка.

Ох, захватило дух...

Горожанин.

Эй, бабы, прочь с дороги.
Не то раздавят вас, как мух!

В одной из групп.

Набат, набат!

В другой.

Куда бежишь?

В третьей.

Бог весть!

В четвертой.

О чем они кричат?

В пятой.

Сам черт не разберет.

Герольд.

На площадь!

Чиновник.

Как мне быть.
Привык начальству я служить;
Писал бумаги тридцать лет
Я на одном и том же месте,
И вдруг — беда, конторы нет!
Я одинок, я брошен всеми,
Грущу средь буйных мятежей
Как о покинутом Эдеме
О канцелярии моей...
Конторы нет... Куда деваться?
Мир опустел, кому служить?
Кому теперь повиноваться?

Лакей (переодетый в платье вельможи).

Вы не дитя; старайтесь жить
Своим умом.

Чиновник.

Ах, что вы, как возможно,
Храни нас Бог! Живем мы тихо, осторожно...
Смиряться, угождать начальнику во всем —
Вот наш удел на белом свете...
Куда нам жить своим умом,
Мы люди робкие: — жена ведь, сударь, дети...

Лакей.

Бедняк, хочу помочь я горю твоему:
Уж так и быть, тебя в чиновники возьму.
Твоим начальником я буду,
Беги же поскорей в толпу, кричи повсюду:
«Да здравствует король наш молодой.
Наш принц изгнанник — старого долой!»

Чиновник.

Признаться, я боюсь...

Лакей.

Вы смеее бояться.
Когда ваш долг прямой велит повиноваться
Законному начальнику! Сейчас
За дело!

Чиновник.

Но, синьор...

Лакей.

Исполнить мой приказ
Не медля!

Чиновник.

Слушаю-с!

Лакей.

Ужели
Ты думал, что народ волнуем мы без цели?
При новом короле вольней и лучше жить...
Признайся, ведь и ты порой не прочь от взятки;
А в мутной-то воде, в смятении, в беспорядке,
Куда как легче рыбу нам ловить...
Послушай, если мне сумеешь угодить —
Я к ордену тебя представлю!

Чиновник.

Ваше
Превосходительство! бегу, бегу.
Опомниться от счастья не могу...
Мне — орден! Это цель, мечта всей жизни нашей...

(про себя)

А птица важная, должно быть. Да, такой
Особы слушаться не стыдно:
Уж по наружности одной

Лицо начальственное видно.
Какие брови, что за бас!

(громко)

Лечу, сеньор, лечу исполнить ваш приказ!

Уходит.

Придворный (переодетый в платье рабочего).

Эй, мужичок, ты за кого?

Крестьянин.

Я, батюшка, в делах не смыслю ничего,
Картошки два куля привез я на продажу,
Да ярмарки-то нет, вот горюшко! Брожу
По городу весь день — купцов не нахожу.
Не купишь ли хоть ты? Уж я тебя уважу!
Картошка славная, ядреная!

Придворный.

Ужели ты к судьбе отчизны равнодушен?
Стыдись! Дурак!

Крестьянин.

Нам времени терять нельзя никак;
Нужда не свой ведь брат; мужик земле послушен;
Одно лишь на уме — пшеница да овес,
Подохнешь с голоду, как хлеб не уродится...
А тут еще пора корове отелиться.

Придворный.

Здесь государственный решается вопрос.
А у тебя в уме — корова да овес!

Крестьянин.

Ты, братец, не серчай, хозяйственное дело;
О пользах родины нам ведать не дано;
Что старый государь, что новый — все одно;
Того, кто по душе, вы избирайте смело.
Мне что? Мне только бы скорей картошку сбыть.

Придворный.

Глупец, ведь юный царь и щедрый, и нестрогий.
И вам же обещал он облегчить налоги.

Крестьянин.

Что молвил ты? Отец родной! Не может быть,
Налоги?..

Придворный.

Да, на шерсть, и соль, и водку...

Крестьянин.

Ну нет, уж я теперь за Сильвио! На сходку
Я приведу тебе здоровых молодцов.
Налоги! Боже мой, да я на все готов!
Ах, светики мои, вот счастье-то какое!
Задел же ты нас, братец, за живое...
За Сильвио мы все, за Сильвио! Лечу.
На площади я весь народ перекричу!

Пьяные солдаты выходят из таверны с песнями.

Один из солдат.

Какой у нас король! Не царь он, а старуха,
Ему с веретеном за прялкою сидеть;
Умеет лишь в пыли над книгами корпеть.
Нет, братцы, Сильвио — вот царь с душой героической,
Вот нашей армии достойный генерал,
Рубака, весельчак и любит же он войско!
Не даром нас в поход вести он обещал.
Награды, ордена, фуражировки ...
Уж то-то привезем любовницам обновки!

Другой.

Войны, мы требуем войны!

Третий.

За Сильвио, отдайте нам героя,
Не то возьмем его мы с боя!
Где принц? Где юный вождь? Вся армия за ним!

Мальчик ведет за руку *слепого старичка*.

Вот слепенький, вот Божий человек!

Слепой.

Бог помочь вам, поклон от нищих и калек.
Прослышал я, что принц обиду терпит злую;
Я старичок простой, не смыслю ваших дел,
Но правду Божью сердцем чую:
Ведь за обиженных Господь стоять велел
Вперед же, мир честной! Восстаньте дружно, смело,
За принца Сильвио, ребятушки, горой!

Он — мученик — король, он, братцы, нам родной;
Невинного спасем, умрем за Божье дело!

Народ (в сильном воодушевлении).

Ты правду говоришь, спасибо, старичок!
Костями мы ляжем все за дорогого брата,
Мы за гонимого страдальца, с нами Бог!
Всем миром постоим за Сильвио, ребята,
На смерть за правду, с нами Бог!

Пустыня.

*Народ и войско. Сильвио под звериной шкурой.
Военачальник на коленях подает ему корону.*

Военачальник.

Царем мы Сильвио избрали;
Мы умолять тебя пришли,
Чтоб ты в смятеньи и печали
Не покидал родной земли.
Прими же пурпур и корону;
Мы за тобой на смерть пойдем;
И путь к сияющему трону
Тебе проложим мы мечом.

Сильвио.

Рассейтесь, призраки, исчезните виденья!
Прочь, пурпур и венец, не верю вам, о нет!
Вы не действительность, вы мой безумный бред,
Вы мимолетная игра воображенья...
Прочь с глаз моих!

Военачальник.

Король, опомнись, пред тобой
Не призраки — взгляни: народом и войсками
Покрыты все холмы. С надеждой и мольбой
Искали мы тебя. О, смилуйся над нами,
Прими венец!

Сильвио.

Прочь, прочь! Престол ваш — западня,
Я знаю вас, предатели, вы лжете,
Хотите опьянить могуществом меня,
Но только что на миг забудусь я в дремоте,
И власти и любви божественным вином,
Упиться захочу на троне золотом —
Вы в бездну с высоты смеясь меня столкнете,
Прочь, прочь!

Военачальник.

Ужели, принц, оставишь ты без мести
Обиды и позор! Ужель склонить готов
Ты гордое чело к стопам своих врагов.
Низверженный монарх, лишенный прав и чести...
О нет, ведь ты не трус, ты — воин, ты — герой,
Ты прежний наш король с великою душой!

Сильвио.

Ты прав, еще в бою не дрогнут эти руки...
Корону мне скорей, я снова полон сил,
Ты злобу дикую мне в сердце пробудил.
Я прежний Сильвио — я отомщу за муки!
Вот счастье, вот жизнь!..

(после раздумья)

...Глупец, глупец...
Кому ты хочешь мстить? Видениям бесплотным,
Как утренний туман, как грезам мимолетным?...
Ужели призраки могли тебя обидеть?
Их тело — дым и прах, создание мечты.
Не стоит их любить, не стоит ненавидеть.
Они мгновенным сном рассеятся, как ты.
Убить врага — к чему? Чрез два или три мгновенья
Не будет ли и он, как все, добычей тленья?
За всех, за всех живых в груди моей тоска;
И мстить не хочется, и потухает злоба
Пред вечным холодом и тишиною гроба,
И падает с мечом бессильная рука...
Уйдите!..

Военачальник.

Дорого нам каждое мгновенье.
Несметные полки тиран ведет на нас.
Подумай, скольких жертв в руках твоих спасенье;
Должны с отцом твоим мы в бой вступить тотчас.
Победа — или смерть, нам больше нет исхода...
Спаси нас, будь царем! Глас Божий — глас народа!..³

Сильвио.

Да будет так... Мне все равно... На трон ведите,
Я вновь готов принять порфиру и венец...
В груди нет воли, сил, желаний... Что хотите
Вы делайте со мной, я буду, как мертвец,
Как бездыханный труп, безропотно послушен.
И нем, и холоден, и к власти равнодушен.
Нет гордой силы. Нет, мне жаль моей мечты,

Незнанья детского, блаженной простоты.
 Мысль, как расплавленный металл, в кипящем горне.
 Мысль точит, роется, подкапывает корни,
 Напрасно от нее в отчаяньи бегу,
 Как раненый олень, ловцами утомленный,
 Жжет, жжет она мне мозг, как уголь раскаленный,
 И ни на миг нигде забыться не могу!

Народ и войско.

На щит, на щит царя!

(Сильвио поднимают на щит).

Сильвио (про себя).

Противны мне и дики
 Бессмысленной толпы восторженные крики...
 Войска, народ, — и все, что вижу пред собой —
 Мне кажется теперь какой-то грезой дальней,
 Иль сказкой, полною иронии печальной.
 И жалок сам себе в короне золотой,
 Я призрачный монарх над призрачной толпой!

Народ.

За Сильвио, умрем за Сильвио!

Войска и народ уносят Сильвио на щите.

После победы.
 Над полем сражения высокий холм. Шум битвы.
Сильвио в полном вооружении.

Войска.

Привет, царю, привет!

Солдаты приводят старого короля в оковах.

Монарх, мы привели
 Тирана пленного, врага родной земли.

Сильвио.

Родитель любящий! Давно ли
 Ты мучил, гнал свое дитя?
 Давно ль, судьбой моей шутя.
 Играл ты, изверг? На престоле
 И там, в неведомых степях,
 Я был твой раб без дум, без воли...
 Но изменились наши роли —

И ты у ног моих, в цепях.
Твой сын палач тебе и мститель...
Дрожи, тиран, пади, мучитель,
Челом развенчанным во прах!

Базилио.

Я жду... Не трать насмешек даром,
Кончай скорей, одним ударом,
Я не боюсь твоих угроз.
Так дуб спаленный, жертва бури,
Чернеет в блещущей лазури
И не страшится новых гроз.
Не ты, а я здесь победитель!
Пред торжествующим врагом
Стою, ваш царь и повелитель,
С высоко поднятым челом.
И ты бессилён!..

Сильвио.

На колени!

Базилио.

Я не склонюсь ни перед кем,
Из уст ни жалобы, ни пени,
Палач, не вырвешь ты ничем.

Сильвио (*заносит над ним меч*).

О, что мне делать... Без боязни
Невозмутимо ждет он казни...
Проклятье!..

Базилио.

Прав ваш приговор
Неодолимые светила!
Давно влекла нас ваша сила
На преступленье и позор.
И вот — свершилось. Победила
Судьба... Мой сын, не ты жесток,
Не ты казнишь меня, а рок.
Но я погибну, примиренный,
Как из кадила фимиам —
От всех цепей освобожденный
Мой дух помчится к небесам.
Прости мне, Сильвио!..

Сильвио.

О, муки!
Стою в отчаяньи немом,

И обессиленные руки.
Как плети, падают с мечом.
О где же, где порыв тот страстный?..
Ищу в груди моей напрасно
Хоть искру злобы... Он остыл,
Смешной, ребяческий мой пыл,
В душе все холодно, безгласно,
Казалось, был могуч и дик,
Я прежним Сильвио на миг; —
Но и тогда весь лицемерил.
Кричал, грозил, — и сам не верил.
Не верил гневу своему.
Потухло сердце, омертвело.
И, как бесчувственное тело,
Я равнодушен ко всему.
Ты прав, ты прав! Что значит мщенье?
Едва забыл я на мгновение —
И ты напомнил мне, что бред
Вся наша жизнь, любовь и злоба,
Ведь только призраки мы оба.
И мстить нет сил, ни воли нет.
Пред ужасающею тайной,
Как я, — беспомощен и слеп, —
Непознаваемых судеб
Ты был игрушкой лишь случайной.
И жажду мстить, но не могу
Я беззащитному врагу.
Нет виноватых!.. Гнев бесплоден...
Снимите цепь с него... Старик.
Ты был в несчастиях велик, —
Иди... Прошаю, ты свободен...

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Терраса над морем. Лунная ночь. Пир.
Сильвио на троне. *Базилио*, *Клотальдо*, *Беатриче*, *придворные*.
Певец играет на арфе. По знаку *Сильвио* он умолкает.

Сильвио.

На что, певец, мне эти звуки?
Должны когда-нибудь они умчаться прочь.
И будут после них еще тяжеле муки.
Еще томительнее ночь.
Ты убаюкиваешь горе
Обманом сладостным, но все ж

И в ослепительном уборе
 И в блеске красоты — мне ненавистна ложь.
 Могильный остов прячет в розы
 Поэтов детская мечта;
 Но если правды нет — на что мне красота?
 На что пленительные грезы?
 Уйди, певец!

Беатриче.

Ко мне! Я разум усыплю.
 Боль ненавистного сознания утолю;
 Пока хоть капля яда есть в бокале золотом,
 Мы выпьем все до дна, потом, без сожаленья,
 С безумным смехом опьяненья
 О землю кубок разобьем!..

Сильвио.

Я твой... прижми меня к своей груди сильнее.
 Руками нежными властительно обвей...
 О, только бы убить сознание роковое,
 Не думать, не желать, не помнить ничего
 И, в одиночестве, у сердца своего
 Почувствовать на миг хоть что-нибудь живое.
 Вот так! (*Обнимает ее*).

Пускай вся жизнь неуловимый сон,
 Пускай весь мир — ничтожное виденье —
 Я докажу себе, что есть один закон,
 Одна лишь правда — наслажденье!

(*После мучительного раздумья отталкивает Беатриче*).

Обман, и здесь обман! Оставь меня, уйди...
 Потухла страсть, в душе лишь ужас без предела...
 Мне показалось вдруг, что я прижал к груди
 Холодное, как лед, безжизненное тело...

Увы! погибнет красота,
 И кудри выпадут, и череп обнажится...
 Где ныне вешних роз свежей твои уста —
 Там щель беззубая ввалившегося рта
 Бессмысленной, немой улыбкой искривится.

Оставь меня! Прочь, все уйдите прочь!
 За пышной трапезой, сияющей огнями,
 Мне кажутся теперь все гости мертвецами,
 И давит грудь, как склеп, томительная ночь.
 Довольно! Факелы и свечи потушите...
 Мне страшно быть с людьми! Уйдите все и пусть
 Растет в безмолвии моя немая грусть.
 Скорей, безумцы, пир кощунственный прервите...

Гости уходят, слуги уносят кубки, яства и свечи;
остаются *Клотальдо*, *Базилио* и *Сильвио*.

Базилио.

Мой час теперь настал.
Не в наслажденьях смысл и цель существованья,
Не все погребло: есть великий идеал —
Он мог бы утолить души твоей страданья,
Не все разрушены сомненьем алтари...
Но, сын мой, жаждешь ли ты Бога?

Сильвио.

Говори.

Базилио.

Умом бесстрастным побеждая муки,
Забудь себя, отдай всю жизнь науке.
Могильный прах — и чистый луч рассвета,
Звезду, что перлом в сумраке повисла.
Мечту, что родилась в душе поэта —
Ты разлагай на меру, вес и числа.
Исследуй все в тиши лабораторий:
Гниющий труп и нежный запах розы.
Людских сердец возвышенное горе,
И брызги волн, и вдохновенья слезы.
Тогда спадет с очей твоих завеса,
Поймешь ты жизнь таинственную мира
И в ропоте задумчивого леса,
И в трепете полночного эфира:
Как звук, с созвучием — душой смиренной
Сольешься ты с гармонией вселенной.

Сильвио.

Скажи, достигну ли я тайны роковой?
Проникну ль хоть на миг к источнику явлений,
К той грозной глубине, к той пропасти немой,
Что скрыта облаком блистательных видений?
Наука даст ли ключ к загадке мировой,
Пойму ли я, что там, за призрачной вселенной,
За всеми формами, за дымкой жизни тленной?

Базилио.

Нет, лгать я не хочу, там, за пределом знаний,
Тебя наука к *Тайне* приведет;
Твой ум слабеющий коснется вечной грани —
И больше ни на шаг не двинется вперед.
И как бы ни дерзнул глубоко погружаться
К началам бытия в природу человек —

Он будет к роковой загадке приближаться —
И не решит ее во век.

Сильвио.

На что же мне твоя наука?
Чем безнадежнее, чем глубже сознаю
Пред тайной мировой беспомощность свою,
Тем жизнь бессмысленней, тем нестерпимей мука.

Базилио.

Ты к невозможному стремишься...

Сильвио.

Бороться с нищетой, изнемогать, трудиться,
Потом, когда бедняк в сырой земле сгниет.
Удобрив чернозем, из почвы хлеб родится.
Из хлеба — жизнь людей, но люди возвратиться
Должны к сырой земле, — и снова хлеб взрастет:
Из жизни — смерть, из смерти — жизни всходы, —
Таков круговорот бессмысленной природы.
Но если б знал его счастливый твой мужик.
Но если б он свое ничтожество увидел,
И не был бы так груб, невежествен и дик, —
Он проклял бы судьбу, он жизнь бы ненавидел.
Так вот твой идеал? Отречься от всего.
Уснуть животным сном, убить в себе рассудок,
Весь век в поту, в грязи работать для того,
Чтоб завтра чем-нибудь наполнить лишь желудок?
Пускай убьет меня безумная тоска,
За мирный сон души я не отдам сознанья!

Не надо мне тупого прозябанья.
Покорности скотов и счастья мужика!
Ведь жизни внутренней незримые богатства,
Сокровища ума, следы наук, искусств, —
Их истребить нельзя, и я во имя братства
Отречься не могу от прежних дум и чувств.
В деревне, за сохой, я, в нищенской одежде,
Останусь богачом изнеженным, как прежде.
С народом не сольюсь в неведомой глуши.
Я сброшу горностай, забуду трон, величье.
Но что все внешние, ничтожные отличья
Пред этим внутренним неравенством души!
Идти в народ шутом в наряде маскарадном...
Но сам мужик мое стремление к добру
Сурово заклеянит укором беспощадным.

Как недостойную игру,
Мечту для бедных. Быть товарищем и братом.
Бежать из городов, в полях найти приют,
Нужду, и черствый хлеб, и деревенский труд —

Ты можешь сделать все утонченным развратом.
 Наружностью бедняк, ты клад душевных сил,
 Ты роскошь внутренних *неравенств* сохранил,
 А между тем в глазах глупцов ты вдохновенный
 Апостол-труженик, могучий и смиренный.
 И вот не жертвуя, не тратя ничего,
 Твой праздный ум пленен роскошною забавой.
 И беспредельного тщеславья своего
 Ты жажду утолил легко добытой славой.
 Так прихотливый сибарит
 Суровой пищею искусно раздражает
 Уснувший, дряхлый аппетит,
 И на мужицкий хлеб все пряности меняет.
 Проклятье всем! Вы ждете оба,
 В груди от ваших слов сильней тоска и злоба.
 Там, в мирной тишине жилища твоего,
 Старик, ты выдумал слияние с народом,
 А ты, король, свою науку для того,
 Чтоб утешать себя хоть призрачным исходом,
 Чтоб хоть миражем заслонить
 У ног зияющие бездны...
 Но я правдивей вас: я смел разоблачить
 Трусливый ваш обман смешной и бесполезный.
 Уйдите прочь!

Базилио и Клотальдо уходят.

Сильвио.

Теперь мы, скорбь, с тобой вдвоем.
 Я не дрожу, я не бледнею,
 И если узел твой распутать не сумею --
 Я рассеку его мечом!
 Пора покончить с шуткой глупой,
 Пора мне вырваться из пут...
 Честней совсем не жить, чем тупо
 И подло жить, как все живут.
 Удар — и смолкнет боль сознания
 Среди мгновенной тишины,
 Удар — и кончены страданья
 И все вопросы решены...
 Там, на глади морской, исчезая вдали,
 Блеск луны отражен, как серебряный путь.
 Если б мог я умчаться по нем от земли.
 Чтобы в лунном сиянии навек потонуть.
 Я без дум и без мук невозвратно б исчез
 В этом мягком, волнистом тумане небес...
 Я бы умер, как отблеск холодной луны,
 На трепещущем лоне певучей волны...

Зачем же медлю я? Не ты ли,
 Надежда вновь зажглась? Умри,
 Умри навеки; до зари
 Я буду горсть могильной пыли.
 И я ведь знаю: чуть отдам
 Всю душу страсти и желаньям,
 Как разрушать начну их сам
 Неумолимым отрицаньем.
 И если снова вера мысль убьет,
 Исчезнет воли напряженье,
 И мне всю душу обольет
 Смертельным холодом сомненье.
 Нет, жить нельзя: так дикий конь
 Из-под узды на волю рвется,
 И весь он трепет, весь огонь,
 Как будто вихрем унесется —
 Но всадник опытный вонзит
 Ему в бока стальные шпоры —
 И никнет грива, меркнут взоры,
 И кнут он терпит, и дрожит...
 Если б знать мне, о чем эти волны поют?..
 И не та же ли скорбь, как меня, их гнетет?..
 Обещая мне вечный покой и приют,
 Что-то к пропасти манит меня и влечет...
 Жду от них я чего-то, мучительно жду,
 И зовут меня водны: «Приди к нам, приди,
 Та же скорбь, как твоя, в нашей вольной груди...»
 Слышу, волны, призыв ваш... я скоро приду...
 Лишь шаг — и смерть...

Наклоняется и смотрит в море.
 За сценой шум, доносятся голоса.

Голос женщины.

Король, отец родной, помилуй, защити!

Голос паж.

Напрасны все твои мольбы и крики
 Я не пущу тебя.

Голос женщины.

Пусти,
 Иль силой я ворвусь!..

Вбегает женщина, бледная, в разорванной одежде, за нею паж с факелом.

Паж.

Король, прости...
 Я удержать не мог...

Женщина.

Пощады, царь великий,

Пощады мне!

Сильвио.

Кто ты?

Женщина.

Я мать.

Сильвио.

Что ты хочешь?

Женщина.

Царь, нет больше силы ждать,
Пощады! Я весь день у твоего порога
Свидания с тобой молила ради Бога.
Солдаты пьяные смеялись надо мной
И вдовьи жалкие седины оскорбляли
И надругались, и прогнали.
Тогда прокралась я, как вор, во тьме ночной,
О, я на все теперь готова:
Казни меня, убей, позволь лишь молвить слово!..

Сильвио.

Кто право дал тебе нарушить наш покой?

Женщина.

Обида, царь!

Сильвио (презрительно).

Но есть у вас суды, законы...

Женщина.

Не защитит меня законов приговор;
Для них ничто мольбы и стоны;
Неумолимый кредитор
Сурово требует уплаты.
Он вправе повелеть, чтоб выгнали солдаты
На улицу с детьми несчастную вдову.
И негде преклонить мне скорбную главу.
Ведь судьям дела нет до наших слез и муки;
Меня, сирот моих, мой труд,
Последний нищенский приют
Ростовщику безжалостному в руки
Не ваши ли законы отдают?
О, защити меня, я требую иного —
Закона жалости, великого, святого...
Ужель замрет у ног твоих мой стон?..

Сильвио.

Уйди. Напрасно все. Ненарушим закон.

Женщина.

Неправда, Сильвио, не верю я обману...
Тебе ведь жаль меня... Я вижу, как в очах
Сияет доброта... Я вся в твоих руках,
Попробуй, оттолкни!.. но я живой не встану,
Пока не вымолю пощады!..

Сильвио.

Что со мной?
Не властен победить я в сердце тайный трепет...
С какою жадностью я вслушиваюсь в лепет
Мольбы невинной и простой...

Женщина.

О, сжался, сжался!

Сильвио.

Как? Сквозь муки и усталость
Из сердца жгучею волной
Еще готова хлынуть жалость...
Нет, нет! Оставь меня!..

Женщина.

Пощады!

Я не уйду...

Сильвио.

Эй, солдаты!

Женщина.

Нет, несчастной
Ты не гони — к твоим ногам я припаду
С такою верою, что будешь ты напрасно
Бороться!.. Жалостью душа твоя полна,
Ты добр, ты понял все, я победить должна...

Сильвио.

Солдаты!

Женщина.

Сильвио, мой милый...

Сильвио.

Горе, горе!..

Без слов, лишь искрою в немом, глубоком взоре
Я побежден, и вот стою пред ней без сил,
И против воли и признанья,
Порыв слепого состраданья
Меня, как буря, охватил.
Мутится разум, нет спасенья,
И я не в силах удержать
Непобедимого волненья...
На эти слезы и моленья
Слезами должен отвечать.
Уйди, — иль снова жизнь начнется...
Оставь, не мучь меня, в груди
На части сердце разорвется...
Уйди, молю тебя, уйди!

Женщина.

Я победила, ты согласен...
Ты пожалел меня... смотри —
От благодарности я плачу; как прекрасен
Ты в светлой милости, мой царь; но повтори,
Что ты простил меня, что снизошел ты к мукам.
Чтоб мне насытить слух прошенья сладким звуком.

Сильвио.

Увы, противиться нет сил твоим мольбам.
Ты победила... чем — пока не знаю сам...
Пусть так, исполню все, о чем меня ты просишь...
Но разве будешь ты счастливее, скажи?
Как можете вы жить в позоре, рабстве, лжи?
Зачем ты столько мук и горя переносишь.
Не легче ль умереть? Смотри: я царь, венец
Сияет на челе и пышен мой дворец.
Я молод и силен, над миром величаво
Царю могуществом и славой,
А между тем в груди не знаю чем убить
Безумную тоску, и жизнь такая пытка,
Что тороплюсь скорей мой кубок я разбить
И оторвать уста от горького напитка.

Женщина.

Господь велел...

Сильвио.

Молчи, я докажу, что разум
С усталых плеч стряхнуть велит
Все время горя и обид,
И с глупой шуткой кончить разом...
Убить себя...

Женщина.

Мой царь...

Сильвио.

Нет, нет, я докажу,
Что гадко, подло жить, я все тебе скажу.
Пойми, мне тяжело, не знаю, что со мною,
Но больше не могу молчать я и терпеть,
И, перед тем, чтоб умереть.
Тебе всю душу я открою.
Пусть я король, пусть ты раба —
У нас одна печаль, у нас одна судьба!
И я когда-то жил, метался, жаждал света,
Искал, надеялся, изнемогал в бою...
Теперь я вижу — нет ответа.
Теперь я проклял жизнь мою!
Из сердца вырвал я сомненье.
Ведь есть покорности предел.
Пред тем, как ты пришла, в безумном иступленьи,
Я здесь убить себя хотел...
Ты помешала... прочь! Не утешай, довольно!
Ужель не видишь ты, как тяжело мне, как больно!
Нет, смерти, смерти!..

Женщина.

Жаль, тебя мне жаль...

Сильвио.

Прочь!

Женщина.

Я сейчас уйду и не скажу ни слова;
Сама ведь плакать я готова;
Я поняла твою печаль.
Что горести мои перед твоим страданьем...
И как я, глупая, могла к тебе прийти
С докучною мольбой; но ты меня прости...
О, Господи, душа полна одним желаньем —
Хоть чем-нибудь помочь тебе, родимый мой;
Но я беспомощна в любви моей простой.
Уйду...

Сильвио.

Нет, подожди...

Женщина.

О, Боже, если б смела
Я подойти к тебе, тихонько приласкать,

Твое бы сердце я согрела
Слезами теплыми, как мать.
Но ты ведь царь... Прости, забылась я...

Сильвио.

Не надо.
Не уходи, постой... От сердца отлегло...
Скажи мне что-нибудь еще; какой отрадой
Полны твои слова... душе от них тепло.
И плакать хочется, и этих слез не стыдно...
.....
Но поздно... Для чего ты показала свет?..
Устал я, не могу... оставь меня...

Женщина.

Нет, нет

Ты будешь жить!

Сильвио.

Зачем?

Женщина.

Не для себя, для мира;
От Господа, монарх, дана тебе порфира
И сила кроткая, чтоб бедных защищать...

Сильвио.

Увы, когда б я мог...

Женщина.

Ты можешь, ну попробуй,
Увидишь, как легко, ведь стоит лишь начать...
Теперь ты утомлен отчаяньем и злобой.
Но в душу скорбную вернется благодать,
Едва хоть одному страдальцу ты поможешь.
Нет, нет, не возражай, я чувствую, ты можешь...
Ведь это то, чего душа твоя искала
Так жадно. Вот теперь меня ты пожалел —
И сразу нам обоим легче стало.
Ты плачешь, ты спасен... Надеждой заблестел
Твой взор... Благодарю тебя, Господь!

Сильвио.

Святая.

Мне надо бы упасть к ногам твоим, рыдая,
Ведь ты спасла меня... О, что вся власть царей
Пред детской простотой и кротостью твоей?..
Я понял, понял все, без слов, в одно мгновенье.

Как будто молния блеснула предо мной.
 Покров слетел с очей, побеждено сомненье.
 Я снова жить хочу, и прежние мученья
 Уносятся в слезах горячею волной.

Так вот где, жизнь, твое начало,
 Так вот одно, что не обман.
 Что мне таинственно мерцало
 Сквозь все миражи и туман.

Так вот где истина!

Женщина.

О, Сильвио, мой милый!
 Вперед! Ты должен жить и победить в борьбе,
 Теперь мой труд свершен, я не нужна тебе;
 Прощай! Спаси тебя Создатель и помилуй.

Уходит.

Сильвио.

Солнце над морем восходит из туч...
 Бездну зажег его розовый луч...
 Блещет, дрожит и смеется волна...
 Мир вострепнулся, очнувшись от сна,
 Детским лобзанием утра согрет...
 Слава Тебе, показавшему свет!
 Через борьбу и хаос дикий,
 Через отчаянье и ложь,
 Ты к гармонии великой
 Мир измученный ведешь.
 О, согрей же теплотою,
 Сострадаьем без конца
 Утомленные враждою
 Наши бедные сердца.
 Видишь здесь, Тобой спасенный,
 В теплых, радостных слезах,
 Я склоняюсь, умиленный
 И трепещущий во прах.
 С плачем дробясь об уступы скалы,
 Радугой блещут пред смертью валы.
 Богу «осанна!» гремит океан...
 Вьется, как дым из каминов, туман...
 Солнцу, великому солнцу привет!
 Это ты меня из ночи
 Дланью любящей исторг,
 Это ты отверз мне очи.
 Дал мученье и восторг...
 Пред Тобой я только плачу.
 В благодарности я нем...
 Всемогущий, что я значу?

Как я жалок перед Тем,
Кто хранит нас, кто жалеет
Каждый трепетный листок,
Как дитя свое, лелеет
Непробившийся росток...
Дай обнять любовью жгучей
Целый мир — и всей душой
Дай мне слиться с этой тучей,
С этой грозною волной.
В камне, в воздухе, в былинке
Жизнь я чувствую, любя,
В каждой блестящей росинке,
Солнце, вижу я тебя.
Вот что не призрак, не сон и не ложь...
Боже, молитву мою Ты поймешь...
Стерты все грани меж мной и Тобой —
Лейтесь же, слезы, горячей волной,
Лейтесь, безумные!.. Слов больше нет...
Слава Тебе, показавшему Свет!

Комната во дворце.

Сильвио.

В окно глядит унылый, серый день...
По стеклам дождь стучит однообразно...
И воздух спит, и шелохнуться лень
Туману желтому над улицею грязной.
На сердце вновь знакомая тоска...
Прошел мгновенный жар, и грезы отлетели;
Больной, скучающий, гляжу без дум, без цели,
Как медленно ползут по небу облака.
Где вера, где восторг? Коль утро лучезарно,
Коль ясны небеса, и все кругом светло. —
Мы сразу позабыть готовы скорбь и зло.
И на устах слова молитвы благодарной.
Но тучи набегают — надежда гаснет вновь...
Увы! зависит мысль, сознание свободы,
И вера в божество, и к ближнему любовь —
От цвета облаков, от солнца и погоды.
Какая польза в том, что мог издавека
Без жертвы, как поэт, ты на одно мгновенье
Любить весь род людской в порыве увлеченья?
Смотри: вот пьяница у двери кабака,
Под рубищем бедняк, неведомый прохожий.
Торговка под дождем на площади пустой,
Крестьянин на возу под мокрую рогожей, —
Вот те, кого любить ты должен всей душой,
Кому восторженно ты простирали объятья —

Вот человечество, вот братья!
 Хочу к ним жалость пробудить.
 Но жизнь, увы! не то, что грезы.
 И гадко мне... Прощенья слезы
 В очах не могут не застыть...
 На что мне мертвое сознание,
 Когда для подвига нет сил...
 В душе моей не сострадание,
 А лишь порыв к нему, бессильное желание;
 Рассудком понял я любовь — но не любил...
 О Боже, все пройти, все муки и сомненья,
 Бороться, победить, найти желанный путь —
 И вдруг, в последнее мгновенье,
 Касаясь истины, упасть в изнеможеньи
 И знать, что силы нет к ней руки протянуть!..

Входит *Канцлер* с бумагами.

Привет царю... Прости, что смею беспокоить;
 Указы к подписи...

Сильвио.

Что в них?

Канцлер.

Так, пустяки.
 Не стоит и смотреть. Решили мы удвоить
 Налоги на крестьян...

Сильвио.

Поддай указ.

(Канцлер подает бумагу).

В клочки его!.. *(Разрывает бумагу).*
 Беги скорей, народу объяви.
 Что я великое собрание созываю,
 Что хочет дать король родному краю
 Законы правды и любви.

Канцлер уходит.

Я вновь спасен! скорей за дело!
 Мечтательную лень давно пора стряхнуть;
 Как муж, не как дитя, на жизнь гляжу я смело,
 И свежесть бодрая наполнила мне грудь.
 Я рад дождю, я рад, что холодно, и серо,
 И мрачно все кругом: к чему мне яркий свет.
 К чему мне красота? Мой дух теперь согрет
 Лишь внутренним теплом, живой, горячей верой...

Пускай восторгов прежних нет —
 Я стал *работником*, и проза
 Душе милей, чем радужная греза.
 Теперь не устроит меня толпа людей
 Ни безобразием, ни пошлостью своей.
 Всем существом моим я чувствую, как мало
 Любить отдельно каждого из них...
 Я прежде для себя лишь жаждал идеала.
 Но чувство личное души не утоляло.
 Нет!
 Работать, мыслить, жить, чтоб уменьшить страданья
 К блаженству, по пути любви, труда и знания,
 Не порознь каждого, а вместе двигать их —
 Вот то, что утолит все муки, все желанья.
 Вперед же, некогда мечтать!
 Страхнув тяжелую дремоту,
 Я жажду снова жизнь начать...
 Так за работу же, скорее за работу!

Площадь⁴.

Ремесленники, купцы, крестьяне, солдаты, школьники, женщины. Говор, крики. Над толпой возвышается великолепный трон, приготовленный для царя.

Странник.

Пахнет в воздухе весною,
 После долгих зимних бурь
 Веет нежной теплотою
 Обновленная лазурь.
 Ветерок так свеж и волен.
 В гнездах ласточки щебечут,
 В старых фризах колоколен
 Про любовь они лепечут.

Ремесленник.

В куче стружек, за работой.
 Нам весь день не видно неба...
 Мысль полна одной заботой —
 О куске насущном хлеба.
 Но теперь хочу я птицей,
 В блеске солнечных лучей
 Вдаль умчаться за станицей
 Этих вольных журавлей.

Старик.

Пред кончиной неизбежной,
 Дряхлый, жалкий и больной.

Я встречаю с грустью нежной
 Праздник жизни молодой.
 Чую близость я могилы.
 Но от всей души привет —
 Вам, весны живые силы,
 Счастье, молодость и свет!

Трубы герольдов. При звуках торжественного марша входит *Сильвио* в царском одеянии, *Клотальдо*, *Базилио*, свита. *Сильвио* садится на приготовленный для него трон; по обеим сторонам *король* и *Клотальдо*.

Паж раскидывают над ним балдахин.

Сильвио.

Нам будет пологом лишь небо голубое...
 Снимите балдахин, чтоб озарить могло
 Свободно солнце золотое
 Мое открытое чело.
 Мила, как прежде, мне свобода...
 Нет, не хочу, чтоб скрыл пурпуровый навес
 Ни радостной толпы, ни блещущих небес.
 Я не боюсь, друзья, ни солнца, ни народа!

Народ.

Да здравствует король!

Сильвио (*обнимая отца*).

Как счастлив я, отец!..
 Так вот к чему судьба таинственной рукою
 Обоих нас вела над бездной роковою!
 Теперь мы цель ее постигли наконец...
 Прости же горести и беды,
 Что я невольно причинил.

Базилио.

Один лишь миг такой победы
 Меня за все вознаградил.

Сильвио.

Отец, *Клотальдо*, здесь, меж вами,
 Как примиритель я стою.
 И, разделенные веками,
 Природу с знанием солью.
 С тобой, *Клотальдо*, я природу
 И жизнь простую любил;
 Меня приблизил ты к народу,
 В глуши лесов мне возвратил
 Первоначальную свободу

И полноту могучих сил.
Но, меж зверей, я, без науки,
Остался б зверем навсегда;
В природе — кровь, насилье, муки
И беспредельная вражда.
Одно лишь Знатье человека.
Стихий низвергнув рабский гнет,
Бойцов, враждующих от века,
В любовь великую сольет.
Отец, чтоб уменьшить страданье,
Чтоб людям мир и счастье дать,
Твое божественное Знатье
Хочу на помощь я призвать.
Но пусть, мудрец, твоя наука
Сойдет с заоблачных высот
В тот темный мир, где скорбь и мука,
Где стонет гибнущий народ.
Пусть небес эфир надзвездный
Ее торжественный престол,
Пусть, свободная, над бездной
Она витает, как орел. —
Но жалость к людям теплотою
Должна науку согревать,
Чтоб, примиренная с толпою,
Она казалась нам простою
И близкой, любящей, как мать.
Ведь Бог один — одна свобода...
Пусть же в общий, братский труд
Скорей Наука и Природа
Усилья дружные сольют.
К чему ваш спор ожесточенный?
Пусть враг обнимется с врагом;
Я буду цепи раздробленной
Соединительным звеном.
И ваши старческие руки
Я, полн надежд и юных сил,
В союз природы и науки
В моей руке соединил.

Базилио.

Клотальдо, старый друг, приди в мои объятия...
О, лейтесь слезы счастья!..

Клотальдо.

С этих пор
Мужик с ученым будут братья
И разрешен наш древний спор.

Сильвио.

В моей груди одно желанье —
Чтоб ты простил меня, народ...

Голоса в народе.

Бог помочь, Сильвио! мы за тобой пойдем!
Да здравствует союз народа с королем!

Сильвио.

Восторг нет сил сдержать в груди,
Как сладко сердцу и тревожно...
Ведь цель так близко впереди,
Ведь счастье мира так возможно,
Его я чувствую... И путь
Открыт... Приблизьте губы к чаше...
Лишь стоит руки протянуть,
Схватить его — и счастье ваше!..
Пускай, когда восторг пройдет,
Разочаруемся, остынем;
Хоть на единый шаг вперед
Мы человечество подвинем!
Меж мной и вами нет преград!
Работу братскую для мира
Я разделить хочу, как брат.
И все сердца, и все желанья
В один порыв сбединим,
Разрушим мир — и силой знанья
Из праха новый создадим!

Сильвио сходит в толпу.
Народ подымает его на руки, целует одежду
и уносит с криками радости.

1887 г.

ГРОЗА ПРОШЛА

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

Калиновский Игнатий Петрович, журналист, впоследствии редактор большого журнала.

Калиновская Елена Сергеевна, его жена.

Палицын Арсений Федорович, скульптор.

Гелленштерн Викентий Иванович, доктор.

Молодой беллетрист.

Критик.

Петров, педагог.

Старцев, романист.

Висконти, любитель литературы.

Стожаров, журналист.

Романистка, пожилая дама.

Жена критика.

Марфа, старая няня Елены.

Семен, камердинер Палицына.

Кухарка, горничная, лакеи, гости.

Володя, 7-летний сын Елены.

Действие происходит в Петербурге.
Между 2 и 3 действием проходит год,
между 3 и 4 — 4 месяца.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в дешевой квартире Калиновских. Посередине дверь в прихожую. Слева — в спальню хозяина. Направо — перед двумя окнами — письменный стол с беспорядочно разбросанными журналами, кипами бумаг и рукописями. Стекланный шкаф с книгами и книги на полках. На столе портреты Добролюбова и Белинского. С противоположной стороны шифоньерка.

Явление 1.

Елена (входит в шляпе и кофточке).

Марфа. Ах, голубушка Елена Сергеевна, да вы никак озябли? Боже упаси, еще ножки промочили?..

Елена. Нет, ничего, пожалуйста, не суетись...

Марфа. Не хотите ли чайку? У меня готовый.

Елена. Спасибо, няня. Ничего не надо. Только ради Бога смотри, чтобы сюда не вышел Игнатий Петрович. Я поскорей спрячу пакет (*оглядываясь на двери спальни, Елена запирает в шкаф пакет с рукописью*).

Марфа. У барина вот уже полчаса доктор. Слушает грудь и градусник ставит.

Елена. Гелленштерн?

Марфа. Да. Важный: в карете приехал.

Елена. Только бы муж не узнал, что рукопись опять не приняли.

Марфа. Не приняли! Значит и за это денег не получим!.. Что же теперь будет, барыня?.. Ах ты, господи Боже мой (*Марфа помогает Елене снять пальто и шляпу*).

Елена (опускаясь в кресло). Как я устала!

Марфа. Разве вы так воспитаны, Елена Сергеевна, чтобы ездить по городу да денег просить! Мы не хуже других, слава Богу!.. Генеральская дочь... Говорила я, барыня милая, не послушались старухи... Родион Родионович Боровецкий сватался. В одной Курской губернии именование...

Елена. Перестань, Марфа! Скажи лучше: ты заложила бриллиантовый браслет?

Марфа. Заложила.

Елена. Сколько?

Марфа. Сто.

Елена. У тебя есть немного денег?

Марфа. В лавочку, в аптеку, Володеньке пальто... Осталось 11 рублей 25 копеек.

Елена. Дай десять. Надо доктору за визит.

Марфа. Значит, хозяйственных на месяц рубль двадцать пять...

Елена. Что же делать?..

Марфа (вынимает из кармана серебряные вещи). Вот часы. Вы не думайте, Елена Сергеевна, это часы хорошие — видите с вензелем и на рубинах. У меня на 3-й улице Песков есть один, золотых дел мастер знакомый: хорошую цену даст. А вот щипчики для сахару. Нам пока и хватит.

Елена. Ах, няня, милая, какой ты добрый человек!.. Только, пожалуйста, не надо. Я ни за что не позволю! Спрячь свои бедные щипчики назад. Все равно мало поможет.

(*Целует Марфу; из левой двери выходит доктор Гелленштерн, Марфа уходит*).

Явление 2.

Гелленштерн. Я, я хочу жаловаться на вашего мужа. Во-первых, непослушный. Вы должны забрать его в свои руки. А затем не читал Мопассана¹ и Бурже² и бранится. «Нет, — говорит, общественные идеи...» Будьте хоть вы моей защитницей... Вы читали, надеюсь, «Mensonges» Paul Bourget³?

Елена. Нет, не читала... Извините, доктор, я хотела спросить, как вы нашли...

Гелленштерн. А, понимаю, понимаю!.. Как же, я не забыл нашего разговора о Гамлете. Вчера видел Гитри в Михайловском⁴...

Елена. Нет, Викентий Михайлович, я хотела спросить, как вы нашли здоровье мужа...

Гелленштерн. Вот видите, какая вы нетерпеливая, дорогая моя... Простите, я забываю имена.

Елена. Елена Сергеевна.

Гелленштерн. Ну, вот видите ли, дорогая моя Елена Сергеевна, я вам скажу прямо (это мое правило, говорить всегда прямо и открыто). Поезжайте сейчас же в Ниццу или Италию...

Елена. В Ниццу!

Гелленштерн. Без всяких разговоров: уложите вещи и через два дня в Ниццу.

Елена. Но мы не можем...

Гелленштерн. Знаю, знаю все возражения: неудобно, некогда, дорого: но, видите ли, здоровье...

Елена. Я не думала, что положение мужа так серьезно...

Гелленштерн. В Петербурге очень серьезно, на южной климатической станции пустыки...

Елена. А если мы не поедem... Неужели чахотка?..

Гелленштерн (пожимая плечами). Ни за что не отвечаю.

Елена. Но поймите, доктор: мы не можем...

Гелленштерн. Не понимаю, не хочу понять: «се que femme veut? dieu le veut...»¹ Вы не были за границей?

Елена. Нет.

Гелленштерн. Ну, вот, тем более!.. Потом сами меня благодарить будете, что послал. Одно голубое море чего стоит! Вы мне в январе пришлете фиалок (*смотрит на часы и вскакивает*). Опоздал, совсем опоздал! Четыре часа!

Елена. Прощайте же, доктор (*протягивает руку и хочет дать денег*).

Гелленштерн. Нет, нет... от писателей не беру. Литераторы — моя страсть. Если позволите, я пришлю вашему

1 «Ce que femme veut? dieu le veut...» (фр.) — Чего хочет женщина, того хочет Бог.

мужу альбом: он оставит на память автограф. У меня великолепная коллекция: есть Гонкур⁵, Флобер... (*в прихожей звонок*) Ну, до свидания: мне пора, дорогая моя... Нет, это истинное несчастье: опять забыл ваше имя.

Елена. Елена Сергеевна.

Гелленштерн. Счастливого пути, Елена Сергеевна. Помните наш девиз: солнце — лучшее лекарство: «Licht mehr Licht!»⁶ А на дорогу я вам все-таки пришлю томик Мопассана. Там описание моря — *c'est délicieux!*...¹ Пускай нет либеральных идей и не надо! И не надо! Вся эта политика — вот наш этот желтый, осенний туман... Не правда ли?... Счастливого пути!.. Не забудьте фиалок из Ниццы (*уходит*).

Явление 3.

*Елена и
Палицын входит*

Палицын. Какая вы бледная! Вы тоже больны?

Елена. Нет, ничего. Подождите (*приотворяет дверь спальни и осторожно смотрит*). Он в другой комнате. Мы можем говорить. Доктор сказал мне решительно, что не отвечает за жизнь Игнатия Петровича, если мы останемся в Петербурге.

Палицын. Куда он посылает?

Елена. В Ниццу.

Палицын. Отлично!

Елена. Мы не можем...

Палицын. Почему?

Елена. Нет денег.

Палицын. Пустяки. Возьмите у меня...

Елена (перебивая). Я не понимаю, как вы можете...

Палицын. Что?

Елена. Вы меня любите. Муж об этом догадывается... И мы будем брать от вас...

Палицын. Боже мой! Опять условности!.. Я смотрю на жизнь проще: я богат, я даю то, в чем не нуждаюсь. Здесь нет почти никакой услуги.

Елена. Я денег не возьму от вас... Видите ли: вы один из редких людей, которые понимают красоту, и в наших отношениях есть красота...

Палицын. Что же изменится?

Елена. Я не могу вам объяснить, что чувствую. Между нами будет стоять мысль об услуге. То есть не у вас, а у

¹ *C'est délicieux!* (фр.) — очаровательно!

меня. Вы забудете, а я никогда не забуду. И в моей дружбе не останется прежней чистоты и свободы... разве вы не понимаете?

Палицын. Да, отчасти... Люди условились считать благодарность святым чувством. На самом деле в ней всегда есть что-то тяжелое, унижительное...

Елена. Не правда ли?... Я не возьму денег ни за что!

Палицын. Подождите. Я, кажется, нашел средство.

Елена. Какое?

Палицын. Будьте свободной и смелой! Спасите меня, дайте мне одно мгновение счастья!.. А потом...

Елена. Что вы говорите!

Палицын. Потом я уеду. Вы больше меня не увидите и освободитесь от чувства тяжелой благодарности. Я умоляю об одной минуте свободного счастья...

Елена. За деньги!.. Это значит...

Палицын. Потом я уеду. Вот, вот... Страшные слова...

Елена. То, чтоб вы хотели, чтоб я сделала, безумие. Я знаю, как вы страшно смотрите на жизнь, и не оскорблена. Но зачем вы увеличиваете тяжесть, которая и без того лежит на моем сердце?..

Палицын. Простите!

Елена. Я не зержусь, но мне бесконечно грустно...

Слышен голос Калиновского за сценой.

Калиновский. Лена! Позови Марфу! Это ужасно!.. куда все ушли? Да где же ты, Лена?

Елена. Я здесь. Сейчас, сейчас. Няня, тебя барин зовет.

Проходит Марфа.

Явление 4.

Палицын. Прощайте.

Елена. До завтра?

Палицын. Я на днях уезжаю.

Елена. Куда?

Палицын. За границу.

Елена. Как? И мы больше не увидимся?

Палицын. Приходите завтра вечером ко мне...

Елена. К вам?

Палицын. Забудьте мой глупый парадокс. Докажите, что вы его забыли. У меня будут деньги. Пятьдесят, сто тысяч, сколько хотите. Вы можете их взять или нет, но я считаю их вашими.

Елена. Опять о деньгах!..

Палицын. Приходите! Это моя последняя просьба. Не отказывайте!

Елена. Не знаю... Может быть...

Палицын. Я жду. (*Уходит*).

Явление 5.

Калиновский. Какая мука! Что за отношение к больному! Ты распустила прислугу...

Елена. Не сердись, ради Бога! Все будет, как ты хочешь.

Калиновский. В редакции была?

Елена (робко). Была...

Калиновский. Ну, что же?

Елена. Ах, Игнатий, я боюсь, ты опять рассердишься, редактор еще не успел...

Калиновский. Лена, я вижу по твоему лицу, что ты скрываешь.

Елена. Ради Бога, не волнуйся...

Калиновский (подходит к письменному столу). Я отправлю редактору записку с Марфой.

Елена. Не делай этого!

Калиновский. Почему?

Елена. Прошу тебя...

Калиновский (с раздражением). Но почему, почему?

Елена. Если ты хочешь непременно, что же делать!.. Статья не принята.

Калиновский (опускается в кресло). Не принята!..

Явление 6.

Кухарка (входит из средней двери). Барыня, там управляющий пришел. За квартиру требует, за шесть месяцев...

Калиновский. Как за шесть месяцев..?

Елена. Ах, уходи, пожалуйста, уходи!.. Скажи, что потом (*выпровождает кухарку*).

Калиновский. Что это значит? Что ты делаешь со мною, Лена? Зачем скрываешь...

Елена. Господи! Да как же я могла?.. Доктора предупредили, что прежде всего тебе нужно спокойствие...

Калиновский (встает в волнении и ходит). Спокойствие! Вот как! Ну нет, спокойствия мне больше не будет!.. Довольно!

Елена. Что ты хочешь?

Калиновский. А вот увидишь! (*подходит к письменному столу, выдвигает ящики, вынимает груды бумаг, кладет их на стол и разбирает*). Вот статья. Где же том Карлейля? (*Становится на стул, берет книгу с полки и при-*

готовляется писать). Пошли Марфу за бутылкой лафита...

Елена. Это безумие! Ты убьешь себя работой!..

Калиновский. Ах, Лена, зачем мы оба притворяемся? Разве я не знаю, что у меня чахотка... Я должен умереть, так не все ли равно месяцем позже или раньше? Горько мне умереть так рано, не кончив борьбы... Молчать нельзя! Я хочу бороться до последних сил!.. До последней минуты я не выпущу пера из рук!.. Я хочу умереть, как солдат на посту, лицом к лицу с врагом и с оружием в руках!.. Литература падает, литература — Лена, понимаешь ли ты святость этого слова? — становится продажной и уличной!.. Надвигается что-то страшное, поколение без принципов, без чести!.. Я скажу им все, все... Я не знаю — был ли у меня талант, но видишь ли — я чувствую, что в этом сердце есть огонь, есть вера!.. Вера!.. Я не могу выразить этого никакими словами, но я верил всю мою жизнь и теперь перед смертью верю, что правда победит... Вечная правда, которой противиться нельзя!.. Неужели ты не понимаешь меня!.. О, если бы я мог умереть за эту веру!.. Мне грустно, что я отдаю ей так мало, что я так мало сделал!.. *(плачет, закрыв лицо руками)*.

Елена (становится перед ним на колени). Ты не умрешь!.. Я сделаю все... Доктор сказал, что если я увезу тебя из Петербурга на юг...

Калиновский. Боже мой! В этом весь ужас... Я знаю, знаю, что был бы спасен!.. Но мы ехать не можем!..

Елена. Нет!.. Я вымолю у твоих товарищей, я соберу деньги!..

Калиновский. Вздор! Вздор!.. Никто тебе не даст ни копейки. В литературе нет товарищей, а есть только соперники!.. Это — борьба, бешеная погоня за деньгами и успехом... Горе побежденным!¹⁸.. Кто раз упал, тому уже не дадут подняться, его растопчут!..

Елена (ломая руки). Не может быть! Я пойду ко всем, я соберу!..

Калиновский (нервно). Молчи! оставь это!.. Ребяческие утешения!.. Вот в чем ужас!.. Из-за денег понимаешь, бессмысленно, из-за денег я умираю!..

Елена (вытирает слезы, быстро встает и произносит тихо с решимостью в голосе). Подожди: у нас будут деньги наверное и очень скоро.

Калиновский. Что ты говоришь? Какие деньги?

Елена. Разве ты не видишь, что я говорю серьезно... Деньги наверное будут...

Калиновский. Я ничего не понимаю... откуда?

Елена. Сейчас, сейчас... Не торопи меня! Я так расстроена... Я тебе все объясню...

Калиновский. Это невозможно!

Елена. Не сердись, милый мой. Видишь ли... Ты знаешь — у меня есть старая тетка в Пензе. Она меня возненавидела, когда я вышла за тебя замуж. Я получила письмо от управляющего, что она умерла. Я наверно знаю, что она хотела лишить меня наследства, но не успела... Простая случайность...

Калиновский. Лена! И ты не хотела брать денег из-за того, что она не любила нас!..

Елена. Да, да... Теперь вижу, что это глупость... Необходимо взять...

Калиновский (в волнении). Где же письмо от управляющего? Ради Бога письмо!..

Елена (в смущении). Право, я не знаю... Я забыла, где письмо... Ах, да!.. я ведь оставила его у нотариуса!..

Калиновский. У нотариуса?.. Вот что *(он ходит по комнате; после некоторого молчания останавливается перед Еленой и берет ее за руки)*. *(Тихо)* Это вопрос жизни и смерти, Лена. Ты лгать не умеешь. Поди сюда! Смотри мне прямо в глаза. Я тебе верю во всем: дай слово, что ты меня не обманываешь.

Елена (несколько минут смотрит ему в глаза прямо и пристально). Да, если ты этого требуешь... Я даю... слово, что деньги будут.

Калиновский. Значит, значит правда!.. Боже мой, какое счастье!..

Елена (плачет). Да, да!.. Не правда ли... какое счастье!..

Калиновский (смотрит на нее в смущении). О чем ты?..

Елена. Так... Ничего... Пройдет... Это я от радости...

Калиновский. От радости!.. Я понимаю тебя... Я готов плакать... Деньги — свобода! И ведь это ты мне даешь свободу, ты меня спаса!.. *(Он хочет обнять ее; она отталкивает его и плачет)*.

Елена. Оставь меня!

Калиновский. О, милая, если б ты знала, как я люблю тебя!.. Новая жизнь, свобода!.. О, повтори, что это не мечта, что это не сон!

Елена (встает, отстраняет его, вытирает слезы и произносит холодно и решительно). Успокойся: это не мечта... Ты можешь быть счастливым: деньги будут.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната в мастерской скульптора Арсения Палицына. Налево каминный столик, покрытый скатертью, с шампанским и фруктами. Фантастическое убранство в стиле Бодлера⁹ и Эдгара По¹⁰. В одном углу, под тенью тропических пальм, мраморная Венера. Вкус художника, антиквария, дилетанта. Мебель покрыта старинными тканями нежных и тусклых цветов. Посередине дверь в прихожую. Палицын один в комнате; сидит у камина и держит в руках книгу. В дверь стучат.

Явление I.

Палицын. Это ты, Семен? Войди (*Семен входит*). Что тебе?

Семен. Я, Арсений Федорович, насчет рубашек со стоячими воротничками... Сколько взять прикажете?.. Две дюжины, либо три?..

Палицын. Бери, сколько хочешь...

Семен (помолчав). Значит, барин, едем?..

Палицын (не отрываясь от книги). Завтра, в четыре часа...

Семен (в раздумье). Так-с... Ну что же, с Богом!..

Палицын. А тебе очень не хочется уезжать от племянника... Знаешь что? Оставайся здесь на моей квартире. Жалованье буду платить прежнее. Я поеду один или кого-нибудь другого возьму...

Семен. Как можно!.. Виданное ли дело — одного барина в чужие края отпускать?.. Да вас там всякий оберет... Обидели вы меня, Арсений Федорович, право обидели... Другого возьмете!.. Какое слово молвили... Если с вами что-то не дай Бог — приключится — грех на моей совести...

Палицын. Ну, ну... Перестань!.. Я не хотел тебя обидеть: мы поедем вместе...

Семен. Одного отпустить!.. Разве я к тому сказал?..

Палицын. Иди к себе наверх. Ты мне больше не нужен.

Семен (мрачно). Слушаю-с (*ставит шампанское на лед и поправляет угли в камине*). Так завтра, в четыре часа?

Палицын (рассеянно, опять принимаясь за книгу). Да, да...

Семен. Я, барин, не к тому говорю: я без вас не останусь... Только охота вам за границу?..

Палицын. Скучно на одном месте...

Семен (задумчиво). Скучно?.. так-с... (*после некоторого молчания*). Смотрю я на вас, Арсений Федорович, и надивиться не могу: все-то у вас есть, и деньги и всякий достаток, от хороших людей почет, опять же и художеством развлекаетесь... Чего бы кажется еще?... А вот поди ж — и

радость не в радость!.. Не домекнуться мне, старику, о чем это барин мой убивается...

Палицын (смотрит на него с удивлением). О чем скучаю? (*Отклоняет книгу в сторону и закуривает сигару*). Это трудно тебе объяснить...

Семен. Вы мне простите, старику, только я прямо скажу: хорошо бы вам, барин, жениться...

Палицын. Жениться? Зачем?

Семен. Как же — для деток... Детки большая утеха.

Палицын. Дети?.. Рожать таких же, как я, для того, чтобы они всю жизнь не понимали, для чего живут... Вот ты, например, Семен, ты умный старик, ты знаешь жизнь. Много ли ты видел счастья на своем веку?

Семен. Какое мое счастье? В солдаты забрили, жена умерла, потом дети... Остался я один... Жизнь моя была горькая...

Палицын. Так и у всех. Я не хочу увеличивать число таких же несчастных, как я...

Семен (мрачно). Сердце у меня о вас болит, Арсений Федорович. Недаром мне в сонном видении три раза ваша покойная матушка являлась. Ничего не сказали, только пальчиком изволили погрозить, но по лицу видел, что о вас сокрушаются...

Палицын. В самом деле... ты ее видел?

Семен (строго и печально). Как же-с!.. Три раза... (*В передней звонок*).

Палицын. Скорее же, Семен!.. Отопри дверь и уходи. Не надо докладывать. Я встречу.

Семен (снова принимает официальный вид). Слушаю-с. (*Идет к двери, потом оборачивается*). Как же-с насчет рубашек? Я уже две дюжины возьму... Зачем добро изводить...

Палицын (с нетерпением). Как хочешь, как хочешь... Да иди ты скорее... (*Семен уходит*).

Явление 2.

Палицын в волнении ходит по комнате, берет запечатанный пакет с камина и смотрит на него в раздумье, потом кладет обратно, подходит к двери, открывает портьеру и прислушивается.

Явление 3.

Елена входит в кофте и шляпе.

Елена (подав руку). Здравствуйте!

Палицын. Наконец-то!.. Я боялся...

Елена (*насмешливо и резко*). О, нет!.. Я пришла за деньгами... За деньгами всегда приходят вовремя...

Палицын (*подходит к камину и указывает на пакет*). Вот.

Елена (*все также с притворной смелостью*). Подождите. Потом (*снимает вуаль*).

Палицын. Как вы похудели со вчерашнего дня. Как изменились!

Елена. Право? Зато я теперь так спокойна. Ну, давайте смотреть вашу комнату... В самом деле красиво. Какие контрасты! Нет во всем ни малейшей гармонии, никакого единства!.. Впрочем...

Палицын. Что впрочем?

Елена. Я хотела сказать: как, впрочем, и у вас в душе (*подходит к накрытому столу*). Шампанское! Чудесно... Давайте пить!

Палицын. Снимите кофту и шляпу.

Елена. Пожалуй. (*Она снимает; он в бокал наливает ей шампанское и подает*).

Палицын. Какие холодные руки! Вам нездоровится?

Елена. Я чувствую себя отлично. Отчего вы не пьете? Я вижу: вы еще не поняли, зачем я пришла... Я, конечно, возьму деньги, но вместе с тем исполню умный совет: я хочу избавиться от тяжелой благодарности!

Палицын. Не смейтесь надо мною, Елена Сергеевна!

Елена. Я говорю очень серьезно. Я хочу спасти мужа от смерти, вас — от мучений страсти, себя — от заботы о деньгах... Скажите, разве это не умно и не практично? (*Чокается с ним и пьет*).

Палицын. Елена Сергеевна, я вижу, что вы не можете мне простить то, что я сказал вчера... Но ведь это была минута безумия!.. Забудьте, умоляю вас, простите...

Елена. Как приятно смотреть сквозь бокал с шампанским на красные угли в камине! Как оно играет, какое оно прозрачное, золотистое! Это — символ легкого счастья, легкой жизни и богатства. Завтра я тоже буду богатой. Здесь, среди этой роскоши, я начинаю признавать вашу теорию о красоте. В самом деле нет никакого долга и никакой добродетели; есть только одно в жизни — красота. Но чтобы быть прекрасным и счастливым, надо быть смелым. Пусть робкие будут добродетельными и несчастными. Пью за красоту и смелость!

Палицын. Я не думал, что вы так злопамятны...

Елена. Кажется, наши роли переменялись?.. Какой вы странный! От чего вы не верите? Я не лгу вам... Я не смеюсь... Как мне еще сказать?.. Вы точно меня боитесь... Подойдите же!.. (*Берет его за руки*). Да разве вы не видите... что я устала от этой трусливой добродетели? Я хочу

быть свободной и счастливой хоть на одно мгновение и сказать, что я... люблю...

Палицын (целуя ей руки). Елена!.. Так значит ты...

Елена (отталкивая его, гневно). Прочь! Оставьте меня!.. Уходите прочь!.. Вы могли думать...

Палицын (грустно и тихо). Если вы меня настолько не понимаете, если между нами может быть речь о таком оскорблении, значит в самом деле все кончено... Да и не было ничего...

Елена. Это был последний свет моей жизни... Я чувствовала, что полюблю вас. Чем я виновата?.. Я никому об этом не говорила, даже себе не признавалась... Я только радовалась про себя. И вдруг — мысль о деньгах. Грубая, жестокая!.. За что?.. За что вы отняли этот свет, эту надежду любви?.. Продать себя тому, кого любишь — хуже, чем разврат из-за хлеба с первым встречным на улице!.. И вы могли думать... что я продам... даже не любовь свою, но эту мечту, эту надежду любви, самое святое, что у меня было в жизни... За деньги!.. За деньги!.. О, сколько унижения в бедности!..

Палицын. Что вы говорите, Елена Сергеевна? опомнитесь!.. Вы не можете, вы не должны считать меня способным на такую низость!.. Не я, а вы меня оскорбили жестоко и несправедливо!..

Елена. Простите... Я сама вижу: не надо было говорить... Да, вы иначе смотрите на деньги. Я так устала думать и бояться... Знаете, я люблю долго, долго смотреть на пламя камина и слушать его, оно говорит о чем-то уютном и милом; шум огня напоминает детство и даже еще что-то более далекое, что было прежде детства... Какая у вас в комнате тишина!.. *(Прислушивается)*. Ни одного звука. Только огонь в камине. Какая тишина!

Палицын. Я привык.

Елена. Привыкли?

Палицын. Да, я всегда один.

Елена. И в такой тишине?

Палицын. Всю жизнь...

Елена. До самой смерти?

Палицын. Эта тишина и есть одиночество.

Елена. В ней есть что-то безнадежное.

Палицын. Да, и от нее нельзя спастись нигде: куда бы ни уехал, как бы ни волновался, что бы ни делал — рано или поздно останешься один в своей комнате и будет снова эта тишина... Прислушиваешься к ней, и мысль о смерти подходит так близко, как будто нет ни времени, ни жизни, а есть только смерть... и эта тишина.

Елена. Смерть... Вы часто о ней думаете?

Палицын. Мне кажется иногда, что я о ней только и думаю, больше ни о чем.

Елена (живо). Да, да... Не правда ли? И у меня так же... Только я этого никому не говорю.

Палицын. Не надо... Другие не поймут.

Елена. Да. Мы с вами родные... *(Он становится на колени перед нею; она молча смотрит на него с улыбкой и потом кладет ему руки на плечи)*. Бедный!.. Как я уйду от вас, как оставлю опять одного в этой тишине!

Палицын. Не уходи! Родная... пожалей меня...

Елена. Не уходить?.. *(Она наклоняется, обнимает его голову и целует, потом быстро встает)*. Нет, дайте шляпу... Пора...

Палицын. Зачем?

Елена. Он больной... один, может быть, умрет... Разве я могу бросить... *(Она хочет взять свою шляпу с камина и рядом замечает пакет)*. Что это?

Палицын. Деньги.

Елена. Сколько?

Палицын. Сто тысяч.

Елена (с улыбкой взвешивая на руке пакет). Как легко... как удивительно легко!.. Так вот они — эти деньги!.. Здесь на руке моей все: смерть или жизнь мужа, его будущность, его слава, мое спокойствие, воспитание сына, его счастье, и, может быть, его честь, все, все здесь, в этих бумажках... я могу взять их или оставить... Как это глупо и страшно!.. *(кладет деньги на столике рядом с креслом и идет, чтобы одеться)*. Где мои перчатки?

Палицын. Неужели сейчас?.. Сейчас один и в этой тишине навсегда до смерти!.. О, пожалей меня!..

Елена (снова подходит к нему и опускается в кресло). Зачем я пришла?.. Не надо было...

Палицын. Скажи еще раз, что любишь...

Елена (тихо). Разве ты не видишь?..

Палицын. Елена!.. *(он обнимает ее)*.

Елена (указывает на пакет с деньгами). Нет, нет... пусти... Здесь, рядом с деньгами!..

Палицын. Не уходи...

Елена (еще тише). И ты будешь счастлив, счастлив навсегда?..

Палицын. Навсегда!

Елена (закрывая лицо руками). Не надо...

Палицын. Ты не любишь?

Елена. Нет, нет! Люблю... Я хочу, чтобы ты был счастлив... навсегда!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Приемная в редакции журнала.

Высокая комната. Мебель из тесного резного дерева и кожи. На черных полках номера журналов в одноцветных обложках. Справа (от зрителей) дверь в квартиру редактора, слева — в прихожую, посередине — в контору. Средняя дверь открыта настежь, так что виден большой, великолепно сервированный к званому обеду стол с несколькими канделябрами, фруктами и цветами. Обед окончен. Только что произнесены тосты. Одни гости с недопитыми бокалами, оживленно разговаривая, выходят в приемную; другие еще за столом, чокаются с хозяином, Калиновским. Лакеи приносят ликеры и кофе.

Явление I.

Гости (выходящие из-за стола). *Критик* (громادного роста, одетый не очень опрятно, с красным лицом и хитрыми глазами. *Молодой беллетрист* (с бледной остренькой физиономией, чрезвычайно бойкий и насмешливый).

Некоторые из гостей (за столом). За здоровье редактора!

Другие. Ура!..

Разные голоса. Господа, тише, тише!.. Слушайте!

Критик (наливает себе ликер и подходит к столу, на котором стоит ящик с сигартами). А ведь должно быть дорого!.. (Закуривает). Аромат!.. (похлопывает беллетриста по плечу). Да, молодой человек, хорошо быть редактором журнала с такой подпискою... Не то, что мы пролетарии..

Беллетрист (насмешливо смотрит в пенсне). А знаете, я давно ведь заметил по форме ваших глаз, что вы, должно быть, крайне завистливый человек. Впрочем, критики вообще завистливый народ.

Гости и хозяин выходят в приемную,
у всех бокалы шампанского в руках.

Явление 2.

Калиновский — очень изменился: у него здоровое румяное и радостное лицо. *Елена* — грустная и бледная, в простом черном платье. *Петров* — простодушный старичок в военном мундире. Он становится в торжественную позу перед Калиновским, который смущенно улыбается. *Старцев*, *Стожаров*, *романистка*, *Висконти*, *жена критика* и другие.

Некоторые из гостей. Здесь гораздо прохладнее... и можно курить. Говорите, Илья Ильич, мы слушаем, говорите же!..

Петров (самодовольно, скромно и торжественно). Два слова, господа, два слова... Мы собрались под сенью этой гостеприимной кровли, чтобы, так сказать, в семейном кружке отпраздновать громадное, небывалое увеличение подписки и расширение того честного издания, во главе которого стоит наш любезный хозяин, Игнатий Петрович Калиновский... Мы все, господа, как представители русского общества, обязаны всеми силами поддержке этого деятеля, который в незапятнанных руках несет знамя высоких принципов...

Критик (тихо романистке). Уф!.. Хороши два слова!.. Когда же он кончит...

Романистка. Тс!..

Петров (невозмутимо). Но для меня, как для педагога, важны главным образом те нравственные поучения, которые вытекают из личной жизни нашего глубокопочитаемого редактора.

Критик (негодую). Черт!.. За душу тянет!

Петров (невозмутимо). Итак, перехожу к нравственным поучениям... Ровно 2 года тому назад я посетил Игнатия Петровича в его тогдашней бедной и тесной квартирке на Васильевском острове. Он был болен. Доктора предсказывали несомненную чахотку. Его материальное положение было ужасное, трагическое... Но такие люди, как он, господа, выходят из всякого положения победителями. И он вышел, сумел победить бедность и болезнь. Взгляните на него теперь: какая перемена! Перед вами новый человек, бодрый, полный энергии, с радостным взглядом на жизнь. Каким же чудом он обновился? Вот здесь-то и заключается высокое нравственное поучение, господа! Эта сила — не что иное, как воля и неутомимое трудолюбие!.. За них я подымаю мой бокал, за эти высокие качества души!.. Пусть и в дальнейшем руководит им воля и трудолюбие по славному пути к истине, добру и свету!

Некоторые из гостей. Bravo, bravo!.. Совершенно справедливо!..

Критик. Слава Богу! Кончил!

Все подходят к Калиновскому и чокаются.

Калиновский. Помилуйте! Это именно несправедливо... Я обязан не себе, а случаю...

Петров. Мы понимаем, что скромность...

Калиновский. Да нет же, нет, господа!.. Если бы моя жена совершенно неожиданно и очень кстати не получила наследства, я наверное, умер бы от чахотки...

Старцев — романист 30 лет, на вид сдержанный, хитрый и себе на уме, берет *Калиновского* под руку и отводит в сторону.

Старцев. Игнатий Петрович, ради Бога, на минутку! Необходимо с вами поговорить.

Калиновский. Опять вперед денег!..

Разговаривая, отходят.

Те же и *жена критика* — с румяным лицом, одетая крайне безвкусно и пестро, похожая на молоденькую мешаночку или горничную, выбегает стремительно из комнаты и бросается к мужу.

Жена критика. Сашенька!.. Ах, что же это такое... я не досмотрела!.. Зачем рядом с тобой ликер?.. (*хочет убрать графинчик*).

Критик (*уже навеселе, торжественно*). Прочь руки!

Жена критика (*умоляющим голосом*). Голубчик Сашенька, тебе вредно...

Критик. Прочь, говорю, прочь!.. «Душа моя мрачна»¹¹... Ты — женщина... Разве ты можешь понять?.. Пью не от веселия, а от горя пью, от горя за всю русскую литературу. Падение всеобщее... Да-с! Мы — последние могикане... После нас тьма, конец литературы!..

Разговаривают *молодой беллетрист* и *Стожаров*, писатель почтенных лет, но крайне легкомысленной наружности, одет слишком ярко и модно, играет моноклем.

Стожаров (*играет моноклем*). Мой друг Paul Bourget, помню, кажется, еще в присутствии Мопассана, который с ним вполне согласился, сказал о великих русских романистах: «Ce sont des vrais genies, mais des genies barbares»^{1.12} И верно, мы, русские — варвары... да-с, именно варвары... Нет европейской закваски... отрицание науки, Лев Толстой... Это возмутительно!..

Беллетрист. Ну, однако же Тургенева, например, нельзя назвать варваром...

Стожаров (*горячится*). Тургенев!.. Что это за авторитет!.. Подите вы с вашим Тургеневым!.. Позвольте вам заметить, что Тургенев устарел...

Беллетрист. То есть почему же?..

Стожаров (*злбно*). Угодно знать — почему... А потому что Толстой — романтик... Слава Богу, мы ушли далеко вперед от Тургенева. В литературу — позвольте вам заметить — введены новые, усовершенствованные приемы. Так

1 «Ce sont des vrais genies, mais des genies barbares» (фр.) — Это настоящие гении, но гении варварские.

писать в наше время нельзя, как писал Тургенев. Да я без всякой ложной скромности, не стесняясь, скажу про себя: я бы не начал теперь романа, как начинает Тургенев: «Солнце взошло на ясное небо»¹³ или что-то в этом роде... Это — извините — допотопный прием!..

Беллетрист. Теперь у нас тоже распространились в беллетристике самые новейшие приемы натурализма...

Стожаров (снисходительно). А! В самом деле? Очень интересно (*вставляет монокль и смотрит на собеседника внимательно и развязно*). Вы по-видимому принадлежите к поколению 80-х годов?

Беллетрист (не без гордости). Да, к самому новому поколению...

Стожаров. Но к какому именно типу, к какому разряду или, так сказать, к какой формации? Я приехал из Парижа, чтобы изучить новое поколение... Вы кончили университет?

Беллетрист. Нет, я вышел из 4-го класса гимназии. Я считаю нашу русскую систему воспитания крайне несовершенной...

Разговаривая, отходят.

Старцев и Калиновский.

Калиновский (продолжая разговаривать). Вы у меня взяли авансом более восьмисот рублей...

Старцев. Что же делать? Я получил за роман 500 и — верите ли — через 2 недели — ни гроша. Главная беда с женой... Намедни купила лисью ротонду¹⁴ — 200 рублей. Помните мою повесть — «Молодые побеги» — так целиком и ушла на лисью ротонду, ни копейки не осталось...

Калиновский. Сколько вы хотите вперед?

Старцев. 500. Меньше невозможно!..

Калиновский. 500! Это ужасно! Вы еще и не начинали романа... (*Отходят*).

Явление 3.

Елена и Висконти — известный знаток и любитель литературы; сам, однако, ни одной строки не писал; почти лысый, весьма приличный; петербургски-равнодушный и с отчасти брезгливым выражением лица.

Висконти. Ну, оттуда я, конечно, в Рим прокатился...

Елена. Вы видели в Риме Палицына?

Висконти. Побывал у него в мастерской. Кстати, он приезжает на днях в Петербург.

Елена. Вот как! Ну что же? Он много работает?

Висконти. Кончает группу.

Елена. Показывал?

Висконти. О, да! Я в восторге! Вот настоящий художник и вместе с тем величайший пессимист, какого я когда-либо встречал в жизни...

Елена. Какой сюжет группы?

Висконти. «Смерть».

Критик (вмешивается в разговор). Охота вам таким вздором восхищаться, да еще барыню совращать... Развратная эстетика!..

Висконти. Мне кажется, что Палицын не более эстетик, чем его учителя, уже несомненные гении — Микеланджело, Рафаэль.

Критик. И это слышали... Не боимся мы ваших Микель-Анджелов и Рафаэлей!..

Елена. Да вы их не знаете... (*Елена отходит и вступает в разговор с Калиновским*).

Критик (ей вдогонку). И знать не хочу, милая барыня, и знать не хочу!.. Горжусь этим (*к Висконти*). Вы прочтите мою статью в «Народной совести», там я доказываю несомненно, так сказать, математически, что «Четверть лошади» Бориса Ивановича Воздвиженского¹⁵ выше, гениальнее — да, да, смейтесь, а я все-таки повторю — неизмеримо гениальнее всех ваших Фетов, Майковых и Рафаэлей...

Елена и Калиновский.

Калиновский (продолжая разговаривать). Послушай, я право не понимаю — почему ты так хлопчешь о Карелине... Тебе-то что?

Елена. Если угодно знать, вот что: вспомни только, как ровно год тому назад ты был так же беден, как теперь Карелин, ты лежал тоже больной и без гроша денег... Не делай того, в чем ты упрекал тогда самодовольных и богатых. Статья Карелина — талантливая...

Калиновский (с раздражением). Ах, Боже мой, да я вполне с тобой согласен: статья и умная, и блестящая, и талантливая. Но напечатать ее в своем журнале я не могу...

Елена. Это нетерпимость!..

Калиновский. Пусть — нетерпимость!.. Помни, милая моя, что литература прежде всего — борьба, да-с, борьба во имя принципов, идей и направлений... Пускай твой Карелин талантлив и даже, если хочешь, по-своему честен. Но он нам не ко двору. Он не нашего лагеря и не нашей партии.

Критик (почти пьяный). Славно, Игнаша, воистину славно обрезал. Именно — не ко двору!.. Дай мне пожать твою благородную руку!..

Елена. Игнатий, помнишь, ты мне говорил однажды: «Горе побежденным в литературе. Их растопчут!» Как это

верно! Ложь и обман все ваши громкие слова о принципах, о направлениях!.. Ложь!.. Зачем вы лицемерите? Зачем вы притворяетесь?..

Калиновский. Елена, опомнись! Что ты говоришь?

Гости умолкают, собираются вокруг *Елены* и слушают ее в недоумении. А в соседней комнате, вокруг стола, веселый говор и звон бокалов.
Там возобновляется пир.

Елена (в негодовании). Обманываете публику, читателей, господа... Это вам выгодно, на этом держится ваша слава, но зачем морочить нас, близких, друг друга и самих себя. Ваш журнал — коммерческое предприятие, основанное на деньгах и для денег. Во что вы верите? Что проповедуете?.. Как в магазинах материю, вы чуть ли не по аршинам — да! — по листам продаете ваши горячие статьи о благе народа, об идеалах, чтобы бросать деньги продажным женщинам и пить вино в трактирах. Как вы смеете учить людей, когда вы не любите их и ничуть не лучше их?.. Это бесчестно!

Романистка (вскакивает, взвизгивая). Я не позволю, я не позволю... в моем присутствии так оскорблять наш честный лагерь!..

Громкий звонок. Все оглядываются.

Явление 4.

Беллетрист (вылетает из прихожей, запыхавшись, в шубе, с радостным лицом). Все готово, господа, все готово!.. Лошади поданы!..

Явление 5.

Гости (которые сидели за столом, входят с шумом в приемную). Что здесь? Что такое случилось?

Беллетрист. Тройки — у ворот. Скорее одевайтесь!..

Романистка. В Аркадию.

Висконти. Не советую в Аркадию — лучше к Кюба.

Критик. Сначала в Аркадию, потом к Кюба.

Калиновский. Чудесно, чудесно! Висконти, вы ужин на себя возьмите. Вы — известный гастроном.

Критик (встает, шатаясь). Жена, поезжай домой: нечего тебе в Аркадии делать!..

Жена критика (цепляется за его одежду). Ах, нет, Сашенька, я с тобой, с тобой — от тебя ни на шаг!..

Критик (в отчаянии). Прицепилась, проклятая, теперь не оттащить!

Петров. А цыганки, значит, будут? Я, знаете ли, очень люблю брюнеточек восточного типа...

Калиновский. О, я вам такую представлю, что пальчики оближете!..

Гости толпятся.

Все, кроме *Елены*, выходят в прихожую, и оттуда слышны крики и разговоры.

Явление 6.

Критик (за сценой пьяным голосом). Ах, Игнашечка, милый мой, редактор хорошенький... так бы я тебя в губки и расцеловал!.. Гришка или, как тебя там, черт, Сенька!.. Эй, Висконти, джинжера¹⁶ покрепче не забудьте, джинжера с подливкой!

Все с шумом уходят.

Елена стоит, закрыв лицо руками.

Марфа входит из правой двери.

Марфа (сердито). Уехали. Слава тебе, Господи! Володенька два раза от ихнего крику просыпался...

Елена. Няня, убери поскорее все окурки из пепельниц и бутылки. Вот здесь пролито вино. Вытри. Открой форточку.

Марфа прибирает комнату и открывает форточку.

Слуги уносят обеденный стол из соседней комнаты.

Елена подходит к окну и жадно дышит свежий воздух.

Марфа. Не простудитесь, барыня. Я вам шаль на плечи накину (*накидывает шаль*).

Елена. Мне лучше, когда я дышу холодным воздухом. Вон на крыше снег под луною блестит... Какой он чистый, голубой! Это должно быть снегом так хорошо пахнет воздух... Ах, няня, няня, милая, какие все люди — гадкие, скучные и грязные!

В прихожей звонок.

Елена пугливо оглядывается на дверь.

Явление 7.

Лакей (входит). Арсений Федорович Палицын.

Елена. Что?.. Что такое?.. Палицын!.. Нет, нет, не принимай!.. Скажи, что больна.

Лакей. Слушаю-с

Уходит.

Явление 8.

Марфа. Что с вами, голубушка барыня? На вас лица нет.

Елена. Ничего... Пройдет... Мне нездоровится...

Марфа (тревожно). Я форточку закрою.

Марфа закрывает форточку.

Лакей возвращается и подает визитную карточку *Елене*.

Она читает.

Елена (Лакею). Хорошо. Проси.

Лакей уходит.

Уйди, няня. Я через 5 минут приду в детскую.

Марфа уходит.

Явление 9.

Елена (потупив глаза, в смущении). Как неожиданно!

Палицын. Елена!.. (хочет броситься к ней, но, взглянув на ее лицо, останавливается в смущении). Простите, Елена Сергеевна... Я, может быть, не вовремя... Я уйду.

Елена. Нет, нет, ничего... Я была убеждена, что вы в Риме, за тысячу верст отсюда.. И вдруг вы входите... Знаете, мы друг друга испугались... И говорим теперь не то, что думаем... Подождите, я задам прямой вопрос, так будет лучше. Зачем вы приехали?

Палицын. Вы не писали... Я чувствовал, что вы каждое мгновение уходите все дальше от меня... Я не мог больше терпеть...

Елена (тихо). И вы хотели узнать... узнать правду?

Палицын. Да.

Елена. Что же я скажу?.. Я сама не знаю правды. Я только чувствую к жизни, к людям, к себе самой отвращение невыносимое!..

Палицын. Почему? Когда это началось?

Елена (задумчиво). Когда?.. А знаете, я думаю, что это началось с того самого мгновения, когда, помните, ночью, уходя от вас, я взяла пакет с деньгами...

Палицын. Из-за денег?..

Елена. Не знаю, может быть, из-за денег...

Палицын. И вы уже тогда...

Елена. Нет, нет!.. Я не чувствую никакого раскаяния: я была так уверена, что возвращусь к вам, как только муж выздоровеет. Мы поехали на ваши деньги в Ниццу, потом в Италию. Муж стал поправляться удивительно быстро и я думала: «а ведь он бы умер, если бы я не взяла от любовника этих тысяч...» Сын заболел дифтеритом. Мы вызвали по телеграфу из Парижа знаменитого доктора. Он сделал операцию. Володя был спасен. И я опять думала: «Если бы не вы, т.е. не ваши деньги — сын мой должен был бы умереть». Потом — этот журнал... Принципы, высокие идеи. Но, Боже мой, я ведь знаю, откуда все это, на чем основано!.. Кроме денег и лжи нет у них ничего!.. Ложь и деньги!..

Палицын. Елена, — это только настроение. Оно пройдет, оно не может остаться...

Елена. Пройдет?.. почему?.. во что я могу поверить? Разве есть, ну, отвечайте мне прямо, — разве есть в жизни какой-нибудь смысл?.. вы знаете его?..

Палицын. Знаю.

Елена. Какой? Скажите!

Палицын. Красота.

Елена. Красота! Вы в нее верите по-настоящему, не на словах, глубоко верите?

Палицын. Хочу верить...

Елена. Только хотите!.. Нет, нет! Вы должны мне сказать всю правду, как перед Богом: верите ли вы?.. Ведь все они то же говорят, но это — обман... Я знаю: вы правдивее... вы не захотели обмануть меня, даже если бы можно было ценою обмана купить мою любовь, наше счастье... Скажите мне одно только слово «верю», и вы увидите, как сердце зажжется и я брошу все и пойду за вами!.. (*Тихо, в глубоком волнении*). Милый мой, одно слово! Помни, за него я отдам тебе всю мою жизнь... я жду... Скажи его!..

Палицын. Елена, я не могу сказать... и кто осмелится?.. Это — безумие...

Елена. Безумие? Да, да!.. Я сама вижу, что жажда верить — безумие! Оттого я и гибну!.. (*В отчаянии*). Никто ни во что не верит! Никто никого не любит!.. Ложь и деньги!..

Палицын (*после молчания, робко и тихо*). Значит, все кончено, все... и навеки? (*Елена не отвечает. Палицын встает и отходит*). Елена, знаешь... знаешь, что я теперь думаю?

Елена. Что?

Палицын. Ведь ты — права... Мы — мертвые, а мертвые не любят..

Елена (*повторяет почти с ужасом*). Мертвые не любят!..

Опять оба молчат и не смотрят друг на друга.

Палицын. Прощай!..

Елена. Сейчас?..

Палицын. Да.

Елена (быстро и не оборачиваясь). Иди, иди... легче сразу..

Палицын (падает перед ней на колени и обнимает ее). Господи!.. Зачем, зачем это все? Елена, что мы делаем? Какое безумие... Опомнись!.. Ведь это неправда. Есть еще время. Будем счастливы, пойдем вместе!..

Елена (освобождаясь из его объятий). Нет воли... Силы нет. Не могу...

Палицын. Значит... сейчас отсюда... и больше... лица твоего... никогда не увижу, никогда!.. *(Отходит к двери, потом, обернувшись, протягивает к ней руки с мольбой).* Никогда!..

Елена смотрит на него долгим взглядом и тихо качает головою.

Закрыв лицо руками, он выбегает из комнаты.

Елена. Подожди! Вернись!.. Не уходи!.. Арсений... Арсений Федорович, не уходите!.. *(Хочет бежать за ним. Слышно, как дверь в прихожей захлопывают. Она медленно возвращается и падает в кресло с мертвым неподвижным лицом).* Все равно!..

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Открытая терраса на даче в окрестностях Петербурга. Справа стеклянная дверь и виднеется освещенная комната. Слева несколько ступенек лестницы, ведущей в палисадник. Много роскошных цветов. Часть террасы увита хмелем и чайными розами. Белые парусиновые занавеси широко открыты, и между ними виднеются клумбы цветов в саду. Дальше в сумерках мерцающие река и небо. На горизонте черная грозовая туча. Над нею на самом краю неба узкая белая полоска угасающей зари. Над грозовой тучей ночное небо с крупными звездами. Туча иногда освещается блеском зарниц. Доносятся глухие, едва слышные, раскаты грома. Посередине террасы круглый стол. На нем лампа с большим белым абажуром. За столом в плетеном кресле сидит *Елена* с шитьем в руках. Около нее 8-летний *Володя* рассматривает детскую книгу с картинками. За стулом Володи *Марфа*.

Явление I.

Марфа. А должно быть ночью гроза будет: ишь зарницы-то разыгрались.. И тихо — листочки не шевелятся...

Елена (отрываясь от работы). Дышать нечем. От этих цветов — слишком сладкий запах... Няня, убери, пожалуйста, подальше горшок с гелиотропом (*Марфа уносит цветок*).

Володя (быстро хватая что-то на скатерти). А я бабочку поймал, ночную бабочку!.. Я оторву ей крылышки...

Елена. Нет, не надо: ей будет очень больно. Ты лучше отпусти ее на волю. Только пусти подальше от лампы, а то она снова прилетит на свет...

Володя. Пусть ей будет больно — мне-то что?..

Елена. Другим делать больно — грешно...

Володя (с недоверием). Грешно?

Елена. Да.

Володя. А я все-таки оторву ей крылышки: пусть грешно!

Марфа. Ишь, какой озорник! Слышишь — мама приказывает... Отпусти сейчас!..

Володя отпускает бабочку и с крайне недовольным видом возвращается.

Елена. Ступай, Володя, спать. Давно пора. Поди сюда. Я тебя благословлю.

Володя подходит к *Елене*, она его нежно целует в лоб и благословляет.

Володя. Мама, мне одну шоколадинку папа обещал, и вот он не приехал...

Елена. Я ему скажу. Он зато завтра тебе две даст... Только смотри, Володенька, ты сегодня почти непременно «Отче наш» до конца и не капризничай во время молитвы!

Марфа уводит *Володю*.

Слышен стук подъехавшего экипажа.

Явление 2.

Калиновский (вбегает по лестнице из палисадника в пальто, с зонтиком и портфелем; у него раздраженный, измученный вид. Он сбрасывает пальто, кладет портфель на стул и вытирает лоб платком). Есть чай?

Елена. Нет, я думала, что ты приедешь ночью...

Калиновский. Ах, Боже мой. Я, кажется, просил, чтобы мне всегда оставляли чай!.. (*Раздраженно ходит по террасе*).

Елена. Что с тобою?

Калиновский. Что?.. (*Вынимает из портфеля и подает ей газету*). Почти, особенно с этого места: «он взял деньги у жены» (*указывает*). Нет, ты посмотри, что про тебя.

Гнусные намеки насчет денег и наследства. Пойдут сплетни!.. О, я знаю, что все мои литературные друзья обрадуются случаю... Какая подлость!.. Какая грязь!..

Елена (равнодушно возвращает газету). Я читать не буду.

Калиновский. Не будешь?

Елена. Противно.

Явление 3.

Марфа (входит и подает пакет Калиновскому). Из типографии. Просят скорее вернуть...

Калиновский (Марфе). Хорошо. Скажи, что сейчас.

Марфа уходит.

Явление 4.

Калиновский (разрывает пакет и смотрит корректуру). А! Это мой ответ на насмешки, о которых я тебе говорил... Главное, надо уличить негодяя в лжи насчет твоих денег и наследства...

Он идет к двери, потом, немного подумав, возвращается и подходит к *Елене*.

Калиновский. Елена... я должен с тобой поговорить в последний раз и серьезно насчет этих денег...

Елена. Прошу тебя... не будем.

Калиновский. Нет, нет, это необходимо... Почему ты избегаешь?.. Ты должна мне подтвердить все, до последней подробности.

Елена. Ах! Я тебе тысячу раз говорила...

Калиновский. Да, но мельком, не серьезно. Перед нашим отъездом за границу я был слишком болен и не мог даже съездить к нотариусу. Я все тебе поручил, а ты как-то легкомысленно к этому относишься...

Елена. Так же легкомысленно, как ты...

Калиновский. Конечно, я виноват... Но эта возня с журналом... У меня за семь месяцев минуты свободной не было... Завтра поеду к нотариусу. Должны же у тебя быть какие-нибудь документы?

Елена (с раздражением). Я просила тебя никогда не упоминать об этих деньгах...

Калиновский. Да, да, я знаю твоё отвращение к деньгам. Я щадил тебя... Но теперь выяснять необходимо — понимаешь — необходимо после подобных сплетен...

Елена. Я не хочу говорить...

Калиновский. Почему?

Елена. Так надо... Не хочу.

Калиновский. Ты не имеешь права!..

Елена. Пусть.

Калиновский. Упрямство?

Елена. Может быть.

Калиновский (строго). От этих денег зависит большое общественное дело... наконец, моя честь... и твоя, может быть.

Елена. Я больше не скажу ни слова.

Калиновский. Что это значит?.. Тут что-нибудь да кроется... Я наконец требую!

Елена (насмешливо). Требуешь? Не властью ли мужа?

Калиновский (с волнением). Елена, не смейся!.. Мне не до шуток!..

Елена. Оставь меня, уйди, пожалуйста.

Калиновский (подходит к ней близко). Ты мне скажешь!.. (Гневно берет ее за руку). Ты мне скажешь — слышишь!.. Это дело чести!..

Елена (спокойно). Какое у тебя смешное лицо, когда ты сердишься!

Калиновский. Елена, есть наконец... предел!.. Не выводите меня из себя!..

Елена. Что?.. Ты угрожаешь? Ты — мне?.. (Она быстро поднимается, с ненавистью смотрит ему прямо в глаза и произносит с решимостью, тихо). А хочешь, я тебе скажу все, все про эти деньги, всю правду?..

Калиновский. Говори!

Елена. Я взяла их...

Калиновский. Ну, говори же!..

Елена. Я взяла их... у Арсения Федоровича Палицына.

Калиновский (вздвигнув и отступив). Ты... У Палицына!..

Елена. Да.

Калиновский (в недоумении). Подожди: я ничего не понимаю. Что это, Елена?

Елена (холодно и почти спокойно). Я пошла к нему ночью, год тому назад, когда ты был болен, и продала себя. Он дал мне сто тысяч. Ну вот... теперь ты знаешь все!..

Калиновский. Значит... ты, ты... весь этот год обманывала?

Елена. Да, да! Я лгала тебе о наследстве!

Калиновский (почти шепотом). Лгала... Вот что!.. (он бросается вне себя от бешенства, поднимает руки над ее головой и кричит). Прочь! Прочь! Прочь из моего дома!.. На улицу!.. Там тебе место!.. Продажная!.. И ты, ты... этими руками смела касаться сына моего!..

Елена (смотрит ему в лицо спокойно). Ты, кажется, хотел ударить меня?.. Благородно!.. Ударить женщину... Ну,

а как же либеральные принципы?.. (с презрением) Какой трус!..

Калиновский. Что ты сделала?.. (*Закрыв лицо руками в бессилии падает на кресло*). Господи!.. Журнал... на эти деньги!..

Елена. Ну, конечно, и не только журнал, — все, понимаешь, все на эти деньги, все — продажное! Жизнь Володи, твоя собственная жизнь... вот эта мебель... твоё платье, каждая вещьца вокруг нас и все ваши идеи и принципы в журнале — все это куплено на сто тысяч, — все продажное!.. А! Теперь и ты этим мучаешься, не я одна!.. Довольно лжи! Целый год я терпела и молчала... От этой муки у меня сердце высохло!..

Калиновский. Елена, опомнись!.. Что с тобой?..

Явление 5.

Входит Марфа.

Марфа. Игнатий Петрович, там посыльный из типографии просит поскорее ответа... А то — говорит — в следующую книжку не успеет...

Калиновский (рассеянно). Что тебе надо?.. Ух!.. (*Опомнившись*). Ах, пор-ра!.. Хорошо, я сейчас... скажи, что сейчас.

Марфа уходит.

Явление 6.

Калиновский (смотрит на корректуру). И к чему теперь весь этот вздор?.. Надо поскорее все переменить... Написать другое?.. Еще успею... Это будет мое прощание с публикой, мой последний ответ... Рухнуло, все рухнуло!.. И с каким позором!..

Калиновский уходит.

Явление 7.

Горничная. Барыня, там человек пришел. У калитки стоит. Спрашивает вас...

Елена (рассеянно, почти не слушая). Какой человек? Скажи, что больна.

Горничная. По самому, говорит, нужному делу.

Елена. Пусть придет завтра.

Горничная. Из далека, из-за границы приехал.

Елена. Что такое?.. Из-за границы? откуда?

Горничная. А вот извольте сами спросить: он сам сюда идет.

Елена. От кого?

Семен (из темного сада — его самого еще не видно). От Арсения Федоровича Палицына.

Елена (в сильном волнении). От Арсения Федоровича? Боже мой, что такое?.. Идите, идите же сюда!

Горничная уходит.

Явление 8.

Семен (мрачно и тихо). Я с письмом от них.

Елена (с удивлением). Как? из Рима? Вы слуга Арсения Федоровича?

Семен. Точно так-с.

Елена (с возрастающим испугом). Господи!.. Что случилось?.. где письмо?

Семен (опустив глаза). Позвольте, Елена Сергеевна, сначала предупредить...

Елена. Говорите, ради Бога, говорите!..

Семен (перемогая себя). Недоброе случилось...

Елена. Болен...

Семен. Арсений Федорович Палицын — царствие ему небесное (*крестится*) — скончались.

Елена. Господи!.. (*падает в кресло почти без чувств*).

Семен (стоит над нею в испуге). Помогите... Барыне дурно, помогите!

Елена (приходя в себя, слабым голосом). Не зови... Не надо... Пройдет... Дай воды.

Семен подбегает к столу, наливает воды и подает *Елене*.

Семен. Ах, беды-то я наделал!.. Так прямо и бухнул, не сумел предупредить... Позвольте, я занавесочку открою... Слава Богу, ветерок свежий подул. Должно быть, гроза где-нибудь прошла..

Елена. Говори, пожалуйста, все сразу говори, не томи меня... Как было?

Семен (снова потупив глаза). Страшно сказать... Грех великий.

Елена. Неужели?

Семен (сурово и тихо). Точно так-с: руки на себя наложили.

Елена. Я должна знать все, Расскажи!..

Семен. Нечего и рассказывать. Одно слово — без покаяния... Прихожу я к нему утром в комнату платье почистить,

открыл занавеску, смотрю... а он на постели лежит, бледный... Я так и затрясся, ноги подкосились... Доктора, доктора, кричу, а какой уж тут доктор: пощупал руку — холодная как лед. Горничная вбежала. Приехали доктора, сказали, что отравился. На столике ночном письмо к вам лежало и мне записка.

Елена. Письмо! Ради Бога письмо!

Семен. В собственном портфеле барина привез, чтобы как-нибудь дорогой не испортил (*вынимает и подает ей письмо*).

Елена. Его рука! (*целует письмо и плачет*).

Семен. Прощайте, Елена Сергеевна.

Елена. Что ты теперь будешь делать?

Семен. В монастырь пойду.

Елена. В монастырь?

Семен. Да, сначала послушником, потом постригусь. Вымолю за него прощение. Хочу вместе с ним быть: где он, там и я; он спасается — и я; его накажет Господь, и меня пусть накажет. Один у нас грех, одно наказание. Я за него ответ дам перед Богом.

Елена. Ты так его любишь?

Семен (*отворачивается и вытирает слезы*). Может быть, никто не знает, какой это был души человек... (*После молчания*). Прощайте, барыня, милая... Дай вам Бог счастья. Не поминайте лихом...

Елена. Ну, прощай. Спасибо тебе.

Семен наклоняется и почтительно целует ей руки.

Она его — в голову.

Семен (*сойдя по лесенке в сад и последний раз обернувшись к ней*). За упокой души его помолитесь, Елена Сергеевна: от вашей молитвы ему легче будет...

Елена. Хорошо, помолюсь.

Семен уходит.

Явление 9.

Елена одна, распечатывает письмо, читает и плачет.

Явление 10.

Калиновский. Скажи мне его адрес.

Елена. Чей?

Калиновский. Палицына.

Елена. Зачем тебе?

Калиновский. Видишь — письмо (он показывает ей письмо, которое держит в руках).

Елена (с удивлением). Письмо?

Калиновский. Да, да... Говори же адрес!

Елена. О чем ты?

Калиновский. Не все ли тебе равно?..

Елена. Я должна знать... Прошу тебя!

Калиновский. Если хочешь непременно — я посылаю Палицыну вызов.

Елена. Вызов?

Калиновский. Да. Неужели ты думаешь, что все это останется без последствий?..

Елена. И ты хочешь?..

Калиновский. Я хочу с ним драться.

Елена. Ты так ненавидишь этого человека?

Калиновский. Или я, или он. Вместе нам жить нельзя!..

Елена (грустно). Игнатий, ты писал, проповедовал всю жизнь свободу женщин, свободную любовь, ты кричал на всех перекрестках, что женщина имеет право быть самостоятельной, любить кого угодно... А теперь...

Калиновский. Ах, что ты говоришь!.. Не за деньги, деньги же свободная любовь!..

Елена. А ты сам, сколько раз ты покупал любовь за деньги, сколько раз ты мне изменял, почти не скрывая!..

Калиновский. Вздор!.. Это совсем не то!..

Елена. Это то. Прежде были слова. Ты на словах даешь людям свободу, а на деле...

Калиновский (злобно). К чему эти нравоучения? Не до них мне теперь, когда жизнь разбита!

Елена. Чего ты достигнешь вызовом?

Калиновский (с негодованием). Чего достигну?.. Очищу себя от позора! Я продам журнал, все, что имею, займу у друзей. Я возвращу ему до последней копейки 100 тысяч!.. Брошу деньги в лицо этому мерз...

Елена. Молчи! Не оскорбляй его!

Калиновский (бросается к ней в бешенстве). И ты еще смеешь!..

Елена. Он умер.

Калиновский (отступая, хватается за спинку кресла, чтобы не упасть). Умер!..

Елена. Он убил себя. Здесь только что был его слуга и рассказал мне обо всем...

Калиновский (тихо, пристыжено). Зачем же ты... Зачем же ты меня не предупредила!..

Елена. Ты хотел его смерти; теперь ты должен быть доволен... Или ты, или он, вам вместе нельзя было жить...

Калиновский (опуская глаза). Прости...

Елена (грустно и задумчиво). Так всегда: люди друг друга ненавидят и не хотят опомниться. Пока смерть не

пройдет между ними; тогда они вдруг пробуждаются и видят, что всю жизнь лгали...

Калиновский. Что же делать?

Елена. Искать правды. Она есть.

Калиновский. В чем?

Елена. Ты не поймешь. Но я найду эту вечную правду для моего сына. Я не хочу, чтобы он жил, как я, как все наше поколение — без веры, без Бога.

Калиновский. Прости меня, Елена!

Елена (подает ему руку). И ты меня прости. Мы не должны расходиться — для Володи, не должны и для себя. Будем жить вместе и помнить о смерти. Мы дадим друг за друга ответ перед Богом. Значит — мир?

Калиновский (целует ей руку). Мир!

Елена (с грустной улыбкой). Слышишь, какой ветер свежий. Он пахнет дождем. Это гроза прошла где-нибудь. Легко дышать. Так и в жизни. Мы почувствовали вечную правду и стало бесконечно грустно, но легко на сердце, когда смерть прошла...

Калиновский (задумчиво, про себя). Смерть прошла?

Елена. Оставь меня одну, прошу тебя. Мне надо побыть одной. Я сейчас вернусь к тебе.

Калиновский. Хорошо. Я тебя жду. Приходи скорее.

Уходит.

Явление II.

Елена одна.

Елена (подходит к перилам террасы, долго и молча смотрит на звездное небо и опускается на колени). Господи! Верю, верю... Прости, что я ушла и хотела забыть Тебя. Не покидай меня, одинокую, помоги найти Твою вечную правду... Только бы знать, что ты есть и не чувствовать этого страшного холода и одиночества. Вот чего жаждала душа моя и не могла найти... Отец небесный, ты пожалел меня и простил. И его пожалей, Милосердный, моего бедного погибшего брата! Благодарю Тебя за эти слезы!.. Я навеки с тобою... Дай мне любить Тебя, как Ты меня любишь!

Занавес.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

Павел I, император.
 Александр, сын Павла, наследник.
 Константин, сын Павла, великий князь.
 Мария Федоровна, императрица.
 Елизавета, супруга Александра.
 Гр. Пален, военный губернатор Петербурга.
 Командиры полков и другие чины военные.
 Придворные заговорщики.

Действие в Петербурге, от 9 до 12 марта 1801 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Первая картина

Вахт-парад. Площадь перед Михайловским замком.
 В глубине — замок и летний сад. Справа — деревья; караульная будка и шлагбаум, полосатые, в три цвета — красный, черный, белый.
 Слева — крыльцо экзерциргауза со ступеньками, колонками и стеклянную дверью.
 Раннее зимнее утро. Серое небо. Снег.
 Вдали слышны барабан и трубы.

Павел; Александр; Константин; Пален, граф, военный губернатор Петербурга; *Депрерадович*, генерал, командир Семеновского полка; *Талызин*, генерал, командир Преображенского полка; *Яш-виль*, князь, капитан гвардии артиллерийского батальона; *Мамаев*, генерал; *Тутолмин*¹, полковник; *Фельдфебель*; солдаты.

Александр и *Константин* стоят на крыльце, греясь у походной жаровни.

Константин. Зверем был вчера, зверем будет и сегодня.
Александр. Вчера троих засекли кнутом.

Константин. Одних — кнутом, других шпицрутенном. А впрочем, наплевать, все там будем!

Александр. Холодно, холодно, у-у! Рук не согреешь. Намедни генерал Кутузов² ухо отморозил, — едва салом оттерли.

Константин. А у немца Канабиха штаны примерзли. Одна пара лосин; сам с утра моет; не высохли да на морозе-то и примерзли; чуть с кожей не отодрали; денщик дерет, а немец орет. Ну, да поделом ему, сволочи; как собака на людей кидается; одному солдату ус выщипнул с мясом, другого за нос укусил. А впрочем, наплевать...

Александр. Вороны-то в летнем саду как раскаркались! Верно, к оттепели. Когда ветер с юга и оттепель, батюшка сердится.

Константин. Нынче не от ветра, чай, а от княгини Гагариной³. Вчера поссорились.

Александр. У меня письмо от нее к батюшке.

Константин. Хорошо, что письмо. Коли сердиться будет, отдай. Родинка, родинка — все наше спасение...

Александр. Какая родинка?

Константин. А на правой щеке у княгинюшки. Я думал сперва, мушка; да нет, настоящая родинка, и прехорошенькая...

Александр. Тише — идет.

Константин. Спрячемся. Авось, не увидит.

Александр (крестясь). Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Солдаты маршируют. Входит Павел, махая военной тростью.

Павел. Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! (*Останавливаясь*). Смирно-о!

Из шеренги в шеренгу повторяется команда: «Смирно-о!»,
«Смирно-о!»

Павел. Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются и равняются.

Павел. Строить фронт захождением взводов! Направо кругом марш!

Солдаты маршируют в противоположную сторону. Барабан.

Павел (махая тростью). Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! Ноги прямо, носки вон! Штык равняй, штык равняй! Ноги прямо, носки вон! Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два!

Павел уходит.

Константин. Гляди-ка, Саша, двенадцать шеренг как равняются. Сам бы король Прусский⁴ позавидовал. Ах, черт

побери, вот это по-нашему, по-гатчински⁵! А все-таки быть беде...

Александр. А что?

Константин. Аль не заметил, в углу рта жилка играет? Как у него эта жилка заиграет, так быть беде... Я намедни в лавре кликушу видел — монахи говорят, бесноватый: такая же точно жилка; когда подняли Чашу, упал и забился...

Александр. Что ты, Костя? Неужели батюшка?..

Константин. Тс-с... Идет.

Входит *Павел*, окруженный свитою; командиры — Преображенского полка *Талызин*, Семеновского — *Депрерадович*; артиллерийский полковник кн. *Яшивиль*; военный губернатор Петербурга, гр. *Пален*, и другие. *Солдаты* строятся во фронт.

Павел. Преображенского командира сюда!

Талызин подходит к *Павлу*.

Павел. Сведал я, сударь, что вашего полка господа офицеры везде разглашают, будто не могут ни в чем угодить. А посему извольте объявить, что легкий способ кончить сие — вовсе их кинуть, предоставя им всегда таковыми оставаться, каковы прежде мерзки были, что и не премину. Кто не хочет служить, поди прочь — никого не удерживают.

Талызин. Ваше величество...

Павел. Молчать! Когда я говорю, слушать, государь, извольте, а не умничать! С удивлением усматриваю, что в исправлении должности вашей вы все еще старых обрядов держитесь, кои более четырех лет искоренить стараюсь. Только в передней да пляске обращаться, шаркать по паркету умеете.

Талызин. Государь...

Павел. Молчать! Я из вас потемкинский дух⁶ сударь, вышибу! Туда зашлю, куда ворон костей не заносил!

Павел с *Депрерадовичем*, кн. *Яшивилем* и прочею свитою, кроме *Талызина* и гр. *Палена*, уходят.

Пален. За что это вас, генерал?

Талызин. Солдат не в ногу ступил, а у другого расстегнулась пуговица.

Пален. За пуговицу — вот так штука, не угодно ли стакан лафита?⁷

Талызин. Не служба, а каторга. В отставку — и кончено!

Пален. Да, крутенько, крутенько. А все-таки с отставкой погодите-ка, ваше превосходительство! такие люди, как вы, нам теперь нужны особенно. (*На ухо.*) Эта кутерьма долго существовать не может...

Депрерадович вбегает запыхавшись.

Депрерадович. Беда! Беда!

Пален. Что такое?

Депрерадович. В девятой шеренге черт дернул поручика скомандовать вместо «дирекция⁸ направо» — «дирекция налево». И пошло, и пошло. Люди с шагу сбились, ошалели от страха, команды не слушают; командиры, как угорелые, мечутся. А государь только кричит: «В Сибирь!»

Пален. Помните, господа, в прошлом-то году Измайловскому полку скомандовал: «Направо кругом марш — в Сибирь!» Так ведь и пошел весь полк к Московской заставе и дальше по тракту — остановили только у Новгорода⁹. Вот и теперь, пожалуй, — прескверная штука, не угодно ли стакан лафита!

Депрерадович. Пропали, пропали мы все!

Солдаты маршируют. *Входит Павел.*

Павел. Смирно-о!

Солдаты останавливаются.

Константин (на ухо Александру). Жилка-то, жилка, смотри. Ну, теперь только держись!

Александр (крестьясь). Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Павел. В пятой шеренге фельдфебель — коса не по мерке. За фронт!

Фельдфебеля подводят к *Павлу*.

Павел. Что у тебя на затылке, дурак?

Фельдфебель (заикаясь). К-коса, ваше величество!

Павел. Врешь! Хвост мыший. Мерку!

Подают палочку для измерения кос. *Мерит.*

Павел. Вместо девяти вершков — семь. Букли выше середины уха. Пудра сыпалась, войлок торчит. Как же ты с этакой прической во фронт явиться смел, чучело гороховое?

Фельдфебель (заикаясь). П-парикмахер...¹⁰

Павел. Я тебе покажу, сукин сын, парикмахера! Букли долой! Косу долой! Генерал Мамаев!

Входит Мамаев.

Павел. Извольте, сударь, следить за экзекуцией. Тут же на месте, без промедления. С вас взыщется.

Уходят. *Фельдфебеля* ведут в экзерциргауз¹¹.

Фельдфебель (падая на колени перед Александром). Ваше высочество, тридцать лет в походах! У светлейшего князя Суворова... На штурме Измаила¹² ранен... И как собаку, палками! Уж лучше расстреляли бы!.. Батюшка, смилуйтесь!

Александр (закрывая лицо руками). Господи! Господи!

Мамаев (толкая ногой фельдфебеля). Ступай, черт, ступай! *(Солдатам)*. Ну-ка, ребята, живее!

Солдаты втаскивают *фельдфебеля* в дверь экзерциргауза.
Туда же входит *Мамаев*.

Александр. Ведь он его заперет, Костя?

Константин. Заперет. Скотина прелюбая. Отца не пожалее, только бы выслужиться. Ну, где старику четыреста палок выдержать! Да, жаль... А впрочем, наплевать — все там будем... Да ты письмо-то княгини Гагариной, что ли, скорей бы отдал? Авось, подобреет.

Александр. Сейчас.

Входит *Яшвиль*.

Пален. Что с вами, князь?

Яшвиль. По щеке меңя...

Пален. Ай, ай! Вот и кровь... Должно быть, зуб выбил. Примочку бы, а то распухнет. И за что вас так?

Яшвиль. За цвет мундирной подкладки у нижнего чина...¹³ Сего тиранства терпеть не можно! Честью клянусь, он мне за это...

Пален. Не говорите-ка лишнего... А я вам лучше вот что скажу: *(отводя Яшвиля в сторону)* подлец — кто говорит, молодец — кто делает!

Депрерадович. Господа, глядите: за Тутолминым с палкою гонится между шеренгами. Точно в пятнашки играют. Сюда бегут.

Полковник *Тутолмин* вбегает.

Тутолмин. Не выдавайте! Убьет!

Перескакивает через шлагбаум и убегает.

Депрерадович (вдогонку Тутолмину). В манеж беги — на сеновале спрячешься.

Константин. Ну, с Богом, с Богом, Сашенька! Вот он — ступай.

Александр. Не подождать ли, Костя? Видишь, с палкой¹⁴. Прибьет.

Константин. Экий ты, братец, мямля! Чего зевать? Сколько еще народу перепортит. (*Подталкивая Александра*). Да ну же. Ступай!

Александр (крестьясь). Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Павел вбегает с поднятою тростью.

Павел. Держи! Держи!

Депрерадович. Кого?

Павел. Тутолмин, сукин сын! Где он?

Депрерадович. Здесь нет, государь!

Павел. Врете! Сюда пробежал. Я сам видел.

Депрерадович. Никак нет, ваше величество!

Александр подходит к *Павлу* и подает письмо.

Александр. Батюшка...

Павел. К черту!

Александр. От княгини Гагариной.

Павел. Давай.

Павел читает письмо.

Депрерадович всходит на крыльцо и становится рядом с *Константином*.

Константин (крестьясь). Заступи, Царица Небесная! Заступи, Аннушка!

Депрерадович. Кажись, действует.

Константин. Да, лицо просветлело. Усмехается. Ну, слава Богу, слава Богу! Вывезла родинка... Молодец, Аннушка!

Павел. Monseigneur^I ...

Александр. Sire^{II}?

Павел. На одно словечко, ваше высочество! Граф фон дер Пален, извольте команду принять. А я сию минуту...

Все уходят, кроме *Константина* и *Депрерадовича*.

Павел берет *Александра* под руку.

Павел. Ты имеешь много благородства в сантиментах¹⁵, Сашенька, — ты меня поймешь... Ах, зачем, зачем так мало знают люди, что такое любовь, и сколь великое таинство скрывается под сим священным именем...

Отходят.

^I *Monseigneur* (франц.) — ваше высочество.

^{II} *Sire* (франц.) — государь.

Депрерадович. А там-то, за дверью, слышите, ваше высочество, экзекуция...

Константин. Да, воев бедняга, как овца под ножом. Изверг Мамайка, должно быть, с него теперь третью шкуру спускает...

Павел. Анна, Анна! Твой образ везде предо мною. Мое сердце бьется и вечно будет биться для тебя одной. Кто из смертных, кто станет рядом с оною женщиной, несравненною в чувствах моих? Никто из земнородных. Бог и она! Понимаешь, друг мой Сашенька?

Александр. Понимаю, батюшка! Ах, чего бы стоила жизнь человека, если бы любовь не услаждала ее бальзамом своим!

Павел. Вот, вот именно — бальзам...

Отходят.

Константин. Спелись, видно. На эти дела Сашка мастер: ему бы актером быть... А тот-то все воев!

Депрерадович. Просто мочи нет, ваше высочество! Отойдемте, ради Христа.

Константин. Нельзя. Батюшка, не дай Бог, увидит, подумает, что мы подслушиваем. Теперь мешать ему не надо, пусть наговорится досыта. (*Прислушиваясь*). Как будто затих?... Нет, опять пуше прежнего. Тьфу, даже слушать противно!.. А впрочем, наплевать — все там будем...

Павел. Я одарен от природы сердцем чувствительным, Сашенька! Однажды увидел я маленькую фиалку: она стояла подле скалы, покрыта камнями, где ни одна капля росы не освежала ее. И нежная меланхолия обняла мою душу, слеза упала из глаз моих на тот цветочек, и он, оживленный влагою, распустился. Такова любовь моя к Анне...

Барабан. *Солдаты* маршируют.

Входят *Пален* и прочие командиры.

Офицеры на ходу салютуют *Павлу* эстапонтами.

Павел. Молодцы, молодцы! Видишь, Саша, — пробрал их как следует, и подтянулись. Раз-два, раз-два, ноги прямо, носки вон, левой-правой, левой-правой, раз-два! Молодцы! Утешили. Лучше не надо.

Военная музыка.

Павел (*махая тростью, напевает*).

Ельник, мой ельник,
Частый мой березник,
Люшеньки-люли!

Константин. Ну, «Ельник» запел — значит выгорело. Только бы теперь Саша не мямлил.

Константин делает знаки *Александр*у за спиной *Павла*.

Александр. Осмелюсь ли, батюшка?..

Павел. Говори, братец, не бойся.

Александр. Простите, ваше величество, тех, кто сегодня провинился!

Павел. Прощаю.

Александр. И фельдфебеля...

Павел. Всех.

Александр целует руку *Павла* и отходит к *Константину*.

Александр. Скорее, Костя!

Константин. Ну, брат, не поздно ли?

Константин входит в дверь эзерциргауза.

Павел. Граф фон дер Пален! Последней эзерцицией я, сударь, весьма доволен: изрядненько командовать изволили. Благодарю и виновных прощаю. (*Командирам*). А если погорячился, сказал, что лишнее, так и вы, господа, меня простите. (*Солдатам*). Смирно-о! Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются. Музыка стихает.

Павел. Спасибо, ребята!

Солдаты. Рады стараться, ваше величество!

Павел. По чарке вина, по фунту говядины¹⁶.

Солдаты. Ура!

Солдаты маршируют. Музыка.

Павел (*напевает*).

Ельник, мой ельник.

Люшеньки-люли!

Уходит. Из двери эзерциргауза — *Константин*.

Александр. Ну, что?

Константин. Еле дышит. Фельдшер говорит, до завтра не выживет. Я велел в лазарет.

Александр. Господи! Господи!

Слева, из-за стены эзерциргауза, выносят на походных носилках *фельдфебеля*, покрытого рогожею; справа маршируют *солдаты* с музыкой и знаменами.

Солдаты. Ура! Ура!

Пален (командирам, указывая на знамена и носилки). Как в древнем Риме: Ave, Caesar, morituri te salutant¹.

Константин. Что ты, Саша?

Александр. Оставь...

Александр опускается на ступеньки крыльца, закрывает лицо руками и плачет.

Константин. Вишь, разнюнился! Экая баба!.. (*Помолчав*). Ну, перестань, перестань же, миленький Сашенька, голубчик! Не стоит же, право. Наплевать, все там будем!

Александр. Не могу! Не могу! Не могу!

Пален. Поздравляю, господа, с царскою милостью: всех простил.

Яшвилъ. Он-то простил, да мы...

Пален. Тише, князь! Вы опять за свое. Вспомните-ка лучше, что я вам сказал давеча: подлец — кто говорит, молодец — кто делает.

Вторая картина

Кабинет Александра в Михайловском замке¹⁷.

В глубине — окно на Летний сад и Фонтанку. Слева — дверь во внутренние покои великого князя; справа — на лестницу, ведущую в покои государя.

*Александр, Елизавета, великая княгиня, жена Александра*¹⁸.

Павел. Пален.

Александр лежит на канаве с книгой в руках.

Елизавета у окна играет на арфе.

Александр. Что это, Лизхен?

Елизавета. Из «Орфея»¹⁹, песнь Евридики. А ты спал?

Александр. Нет, так только, дремлет. Читать темно.

Елизавета. Да, темно. Уж сколько дней солнца не видно. Живем, как в подземелье.

Александр. Что же ты не играешь? Я люблю мечтать под музыку.

Елизавета. Любишь мечтать. Лежать и мечтать...

Александр. Канаве старенький, еще от бабушки²⁰, а удобный. Как ляжешь, так бы и не вставал.

Елизавета (глядит в окно). Небо низкое, темное, точно каменное; а деревья, под инеем, белые, как в саване.— Евридика, Евридика под сводами ада... Мужик идет, шапку

I Ave, Caesar, morituri te salutant (лат.) — Здравствуй, цезарь [император], идущие на смерть [гладиаторы] приветствуют тебя!

снял. Удивительно, что люди шапки снимают перед дворцом. На морозе-то сколько, должно быть, простудилось... Ну, а что же Руссо²¹ ?

Александр. Руссо? Знаешь, я все о нем думаю. Перво-бытное состояние природы... Ах, для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями!

Елизавета. Как старикашка Куракин поет:

Берега кристальной речки.
И пастушка, и овечки...

Александр. Не смейся, Лизанька! Разве не правда, что в простоте природы сердце наше живее чувствует все то, что принадлежит к составу истинного счастья, влияющего благодетельным Существом в сосуд жизни человеческой?..

Елизавета. Влияющего, влияющего... Как ты хорошо говоришь, Саша!

Александр. Ах, единая мечта моя — когда воцарюсь, покинуть престол, отречься от власти, показать всем, сколь ненавижу деспотичество, признать священные Права Человека — les Droits de l' Homme, даровать России конституцию, республику — все, что хотят — и потом уехать с тобою, милая, бежать далеко, далеко... Там, на берегах Рейна или на голубой Юре, в пустынной хижине, обвитой лозами, протечет наша жизнь, как восхитительный сон, в объятиях природы и невинности!.. 22

Елизавета. Да, да, в пустынной хижине... А вот кто-то опять без шапки идет, верно, чиновник — шуба с орденом. А кучер в санях двумя руками правит, шапку держит в зубах. Удивительно! А солдат у шлагбаума бьет бабу. Баба плачет, а солдат бьет. Долго, долго. Смотреть скучно. А небо все ниже да ниже... Евридика, Евридика под сводами ада...

Перебирает струны. Молчание.

Александр. О чем ты думаешь? Знаешь, Лизхен, когда ты говоришь, мне все кажется, что ты о другом думаешь...

Елизавета. О другом? Нет. А впрочем, не знаю, может быть, о другом... Ах, струна оборвалась. Нельзя больше играть.

Александр. Поди сюда.

Елизавета (к Александру, подходя). Ну, что?

Александр. Как тебе это белое платье к лицу! Когда ты так стоишь надо мною, светлая, светлая, в сумерках, то как будто Евридика или Психея...²³

Елизавета. Vous êtes trop aimable, monseigneur!¹ А рук

¹ Vous êtes trop aimable, monseigneur! (фр.) — Вы слишком любезны, ваше высочество!

не целуйте. Оставьте, не надо. Помните, намедни вы сказали, что мы с вами как брат и сестра? Брат и сестра...

Александр. Но ведь все-таки, Лизхен...

Елизавета. Да, все-таки... А правда, что когда Константин целует руки жене, то ломает и кусает их, так что она кричит?

Александр. Кто тебе сказал?

Елизавета. Она сама. А раньше, будто бы, он забавлялся тем, что в манеже из пушки стрелял живыми крысами?²⁴

Александр. Зачем ты, Лизхен?

Елизавета. Затем, что я не хочу быть Психеей! Слышите, не хочу. Надоело, опротивело... Амур и Психея — какой вздор! (*Молчание*). А о бригадирше Лихаревой слышали?

Александр. Не помню.

Елизавета. Деревенька у них под Петербургом. Муж заболел, жена приехала в город за доктором. Государь тоже встретился — кучер не остановил. Бригадиршу посадили на съезжую. От страха заболела горячкою. Муж умер, а жена сошла с ума²⁵.

Александр. Ужасно!

Елизавета. Да, ужасно. «А впрочем, наплевать», как говорит ваш братец. Мы ведь рабы — и тот мужик, без шапки, и я, и вы. Рабы... или нет, крысы, которыми Константин заряжал свою пушку. Выстрелит, и что от крыс останется?

Александр. Господи! Господи!

Елизавета. От раздавленных крыс пятно кровавое... Какая гадость... Я, кажется, с ума схожу, как бригадирша Лихарева. Все мы сходим с ума. Лучше не думать... Лежать и мечтать...

Берега кристальной речки.
И пастушка, и овечки...

(*Падая на колени и закрывая лицо руками*). Скучно, скучно, скучно, Сашенька!..

Дверь направо отворяется бесшумно.
Входит *Павел* и останавливается на пороге.

Александр (*обнимая Елизавету*). Лизанька, девочка моя бедная...

Павел. Амур и Психея!

Александр и *Елизавета* вскакивают.

Александр. Что это?

Елизавета. Государь.

Павел. Испугались, друзья мои? Думали — привидение?

Александр. Простите, ваше величество! Темно. Я свечой...

Павел. Не надо (*Елизавета хочет уйти*). Куда вы, сударыня? Вы нам не мешаете.

Елизавета отходит к окну.

Павел (взяв книгу). Что это? Руссо. А это? «Брут», трагедия господина де Вольтера. (*Читает*).

... Rome est libre.

Il suffit. Rendons grâce aux dieux¹.²⁶

Значит: «Царя убили, и слава Богу». — Кто подчеркнул?

Александр. Не могу знать, ваше величество!. Книга от бабушки²⁷. Не она ли сама изволила?

Павел. Все-то у вас от бабушки, сударь, и сами вы — бабушкин внучек!..²⁸ А историю царевича Алексея помните?²⁹ Вот подлинная трагедия, не то что Вольтеровы глупости! Сын восстал на отца, и отец казнил сына. Помните?

Александр. Помню.

Павел. Ну то-то же! А все-таки перечесть не мешает. Ужо пришлю. Кстати, правда ли, что у вас в полку Вольтера почитывают?

Александр. Виноват, государь! Одно только сочиненьце «Кандид». При бабушке отпечатано³⁰.

Павел. Опять бабушка!.. У кого найдено?

Александр. Измайловского полка у штабс-капитана Пузыревского.

Павел. Ну и что же?

Александр. Книга в корпусной пекарне сожжена — сделан выговор!

Павел. Что толку выговор от вас, когда и сами вы, сударь, Вольтера читаете? Каков поп, таков и приход. Однако шутки в сторону, наблюдать извольте впредь, дабы из чинов, управлению вашему вверенных, чтением таковым упражняться никто не осмеливался. Понеже слухи до меня доходят, что французскими натуральной системы книгами многие господа военные заражены, по домам ходят в платье партикулярном, фраки и жилеты носят, явно изображая тем развратное свое поведение. Вот каковы, сударь, следствия философической вольности или, лучше сказать, бешенства, коим вводится язва моральная, правила безбожные и возмутительные, буйственное воспаление рассудка, как то показало нам правление богомерзкое во Франции и оные режисиды, изверги человечества, в злодеянии, учиненном над королевскою особою...³¹

¹ ... Rome est libre // Il suffit. Rendons grâce aux dieux (фр.) — ... Свободен Рим. / Сего довольно. Вознесем хвалу богам.

Александр. Батюшка...

Павел. Молчать! Я знаю, сударь, что вы — якобинец, но я разрушу все ваши идеи!.. Да, знаю, знаю все — и то, как бабушкины внучки спят и видят во сне конституцию, республику, Права Человека, а того не понимают, что в оных Правах заключается дух сатанинский, уготовляющий путь Зверю, Антихристу. О, как страшен сей дух! Никто того не знает, я знаю, я один! Бог мне открыл, и Богом клянусь, искореню, истреблю, сокрушу — или я не буду Павел I!

Александр. Батюшка, я никогда...

Павел. Лжешь! Это кто писал? (*Показывает письмо*). Говори, кто?

Александр. Я... но не моя воля...

Павел. А чья?

Александр. Бабушки.

Павел. Чертова бабушка!

Александр. Государь, ваша покойная матушка...

Павел. Да, знаю: мать отца убила и меня, сына, в Шлиссельбург хотела заточить, в тот самый каземат, где некогда страдальца безвинного, Иоанна Антоновича, задавили, как крысу в подполье³². Тридцать лет я томился в смертном страхе, ждал яда, ножа или петли от собственной матери и глядел, как она со своими приспешниками, царубийцами, над памятью отца моего ругается. — глядел и терпел, и молчал... Тридцать лет, тридцать лет!.. Как только Бог сохранил мне рассудок и жизнь?.. И ты был с нею!.. Вот что значат слова сии. Читай: «Всею кровью моею не мог бы я заплатить за все то, что вы для меня сделали и еще сделать намерены». Это значит: меня с престола спихнуть, чтоб тебя...

Александр (падая на колени). Батюшка! Батюшка! Никогда я не хотел... Да разве вы не видите, и теперь не хочу... Отрешите, умоляю вас, Богом заклинаю, отрешите меня от престола, избавьте, помилуйте!..

Павел. Лжешь, негодяй, опять лжешь! (*Заносит трость*). Я тебя!..

Елизавета (удерживая Павла за руку). Как вам не стыдно?..

Павел (отталкивая Елизавету). Прочь!..

Елизавета. Рыцарь Мальтийского ордена — женщину?..³³

Павел (отступая). Да, рыцарь... Вы правы, сударыня! Прошу извинения. Погорячился... Какая вы, однако, смелая! Я и не знал. Посихея — и вдруг... Мне это понравилось. Я бы хотел, чтобы так все... Благодарю. Ручку позволите, ваше высочество. Что? Не бойтесь, не укушу. Я еще не кусаюсь... Ха-ха!

Павел целует руку Елизаветы и кланяется с изысканной вежливостью.

Павел. J'ai l'honneur de vous saluer, madame, monseigneur!^I Еще раз прошу извинения. (*Отходя к двери.*) А ведь вы тут надо мною, пожалуй, смеяться будете вдвоем. Амур и Психея?.. Ну что ж, смейтесь на здоровье. Rira bien, qui rira le dernier!^{II} ... А историю царевича Алексея я вам, сударь, все же пришло. Почитайте-ка, сравните с Брутом!

Елизавета. Шут!

Александр. Тише, тише. Пожалуй, подслушает.

Елизавета (*открывая дверь и заглядывая*). Ушел.

Пален входит слева.

Пален. Не он, а я подслушивал. Простите, ваши высочества, — по должности военного губернатора...

Елизавета уходит налево.

Александр сидит на канаве, отпустив голову на руки.

Молчанье.

Пален. Прескверная штука, не угодно ли стакан лафита!

Александр. Знает все?

Пален. Ну все, не все, а кое-что. Не сегодня, впрочем, так завтра узнает. И тогда пропали мы!

Александр. Что же делать?

Пален. Спешить. Остаются не дни, а часы. Наш план вы знаете: овладеть особой императора, объявить больным и принудить к отречению от престола, дабы передать оный вам. Не от себя говорю, а от сената, войска, дворянства — от всего народа российского, коего желание единственное — видеть Александра императором.

Александр. Принудить? Вы его не знаете: он скорее умрет...

Пален. От жестокий болезней — лечение жестокое: если не отречется, то — в Шлиссельбург...

Александр. Что вы, что вы, граф?

Пален. Будьте покойны, государь: караул из наших — не выдадут.

Александр. Я не о том, а не хочу, слышите, не хочу, чтобы вы так со мной говорили о батюшке!

Пален. Ах, вот что. Слушаю-с. (*Помолчав*) Я знаю теперь, чего вы не хотите, а чего хотите, все-таки не знаю.

Александр. Ничего, ничего я не хочу! Оставьте меня в покое!..

I *J'ai l'honneur de vous saluer, madame, monseigneur!* (фр.) — Имею честь приветствовать вас, сударыня, ваше высочество!

II *Rira bien, qui rira le dernier* (фр.) — Хорошо смеется тот, кто смеется последним...

Пален. Бывают случаи, ваше высочество, когда ничего не хотеть — безумно или преступно...

Александр. Как вы, сударь, смеете?..

Пален. Я говорю то, что велит мне должность гражданина и подданного.

Александр (вскакивая и топая ногами, подобно Павлу). Вон! Вон! Не могу я больше терпеть, не могу, не могу... Не хочу быть орудием ваших низостей! Вы — изменник! Никогда не подыму я руки на государя, отца моего!.. Лучшее — смерть! Сейчас иду к батюшке, все донесу...

Пален. Ну, мы, кажется, все сходим с ума. Я человек откровенный, ваше высочество, хитрить не умею: что на уме, то и на языке. Говорил с вами прямо и прямо взойду на эшафот! Честь имею кланяться³⁴.

Пален уходит.

Александр падает на канапе и лежит, уткнувшись лицом в подушку.

Входит слева Елизавета.

Елизавета. Ну, что, как? Решили?

Александр молчит.

Елизавета обнимает его и гладит по голове.

Елизавета. Мальчик мой, мальчик мой бедненький...

Александр. Не могу, не могу, не могу я, Лизхен!..

Елизавета. Что же делать, Саша? Надо...

Александр (приподымаясь и глядя на нее пристально).

А если кровь?

Елизавета. Лучше кровь, лучше все, чем то, что теперь!

Пусть наша кровь...

Александр. Не наша...

Молчание.

Александр. Что же ты молчишь? Говори. Или думаешь, что мы должны — через кровь?..

Елизавета. Не знаю...

Александр. Нет, нет, нет... молчи, не смей... Если ты скажешь, Бог не простит...

Елизавета. Не знаю, простит ли Бог, но мы должны.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зала в Михайловском замке.

Полукруглая колоннада из белого мрамора. Две ниши по бокам — справа со статуей Венеры, слева — Флоры. Три двери: одна в середине — в Тронную, другая справа — во внутренние апартаменты государя; третья слева — в анфиладу зал, которые сообщаются с парадною лестницей. По обеим сторонам средней двери большие, во всю стену, зеркала. Несмотря на множество горящих в люстрах и шандалах восковых свечей, полумрак от густого тумана. Концертный вечер. Издали слышится музыка Гайдна-Чимарозы, Моцарта³⁵. Кавалеры — в придворных мундирах, шитых золотом, в пудре, буклях, чулках и шпагах; дамы — в белых, с тонким золотым или серебряным узором, греческих туниках.

Императрица *Мария Федоровна*, великая княгиня *Елизавета*, великие князья *Александр* и *Константин* — в нише под статуей Венеры. Их окружают фрейлины *Щербатова* и *Волкова*, обер-церемониймейстер гр. *Головкин*, обер-гофмаршал *Нарышкин*, шталмейстер кн. *Голицын*, отставной церемониймейстер гр. *Валуев*, обер-шталмейстер гр. *Кутайсов*³⁶, военный губернатор гр. *Пален* и другие придворные.

Мария Федоровна. Что это как темно, граф?

Головкин. Туман от сырости, ваше величество! Здание новое, сразу не высушишь³⁷.

Елизавета. А мне нравится туман — белый, мутный, точно опаловый — от свечей радуга, и люди — как привидения...

Голицын. И на дворе туман — зги не видать.

Валуев (полуслепой дряхлый старик, говорит шамкая). Деятнадцатый век! Деятнадцатый век! Нынче дни все такие туманные, темные. А в старину, бывало, и зимойто как солнышко светит! Помню, раз у окна в Эрмитаже стою, солнце прямо в глаза; а покойная государыня подошли и шторку опустили собственными ручками. «Что это, говорю, ваше величество, вы себя обеспокоили?» — А она, матушка, улыбнулась так ласково, — одно солнце там, на небе, а другое здесь, на земле... Отжили, отжили мы красные дни!..

Входит статс-дама гр. *Ливен*³⁸.

Ливен. Извините, ваше величество! Уф, с ног сбилась!.. Присяду.

Мария Федоровна. Что с вами, Шарлотта Карловна?

Ливен. Заблудилась в коридорах да лестницах...

Головкин. Немудрено — суший лабиринт.

Ливен. Заблудилась, а тут часовые как гаркнут: «Вон!» Прежде «К ружью!» командовали, а теперь: «Вон!» С непри-

вычки-то все пугаюсь. Подхватила юбки и ну бежать — споткнулась, упала и коленку ушибла.

Мария Федоровна. Ах, бедная! Потереть надо арникум³⁹.

Константин. А я думал, привидение.

Ливен. Какое привидение?

Константин. Тут, говорят, в замке ходит. Батюшка сказывал...

Мария Федоровна. Taisez vous, monseigneur. Cela ne convient pas¹.

Волкова. Ах, ваше высочество, зачем вы на ночь? Я ужаси как их боюсь...

Нарышкин. О привидениях спросить бы Кушелева⁴⁰: он фармазон — с духами водится. Давеча отменно изъяснил нам о достижении к сверхнатуральному состоянию через пупок...

Голицын. Какой пупок?

Нарышкин. А ежели, говорит, на собственный пуп глядеть да твердить: Господи помилуй! — то узришь свет Фаворийский⁴¹.

Голицын. Чудеса!

Щербатова. Не чудеса, а магнетизм. В Париже господин Месмер⁴² втыкает иголки в сомнамбулу, а та не чувствует и все угадывает.

Нарышкин. Есть и у нас тут в Малой Коломне гадальщица...

Валуев. Деятнадцатый век! Деятнадцатый век! Чертовщина везде завелась...

Щербатова. Вы, господа, ни во что не верите, у вас нынче все — «натура, натура». А мне бы хоть одним глазком заглянуть на тот свет, что там такое? L'inconnu est si séduisant!¹¹

Голицын. Когда умрем, сударыня, времени будет довольно на неосязаемость, душеньки наши набродятся досыта. А пока живы, милее нам здешние «Душеньки»⁴³.

Щербатова. Ну вас, шалун, отстаньте...

Гоф-фурьеры вбегают из дверей справа, машут руками и шикают.

Гоф-фурьеры. Его величество! Его величество!

Все становятся в ряд; дамы приседают, кавалеры кланяются. Музыка играет марш. *Павел*, под руку с кн. *Анной Гагариной*, проходит через толпу, едва отвечая на поклоны, и садится рядом с *Анной* в нише под статуей Флоры.

Павел. Аннушка, моя улыбочка...

Хочет взять руку *Анны*.

I Taisez vous, monseigneur. Cela ne convient pas (фр.) — Замолчите, ваше высочество. Это неприлично.

II L'inconnu est si séduisant! (фр.) — Неведомое так увлекательно!

Анна. Не надо, не надо, государь, — увидят...

Павел. Пусть видят! Я ничего не вижу, не слышу, не чувствую, кроме тебя. Ты ошастливила жизнь мою. Только ты, достойнейшая из женщин, могла влить кроткие чувствования в сердце мое, только при взоре твоём родились в нём добродетели, как цветы рождаются при майском солнце. Я хотел бы здесь, у ног твоих, Анна...

Анна. Ради Бога, ваше величество! Государыня смотрит...

Павел. Аннушка, моя улыбочка, отчего ты такая грустная? О чём думаешь?

Анна. Я думаю... Ах нет, простите, ваше величество... Я не умею. Я только хотела бы, чтобы все знали вас, как я... Но никто не знает. А я не умею... Глупая, глупая... Простите, я не так...

Павел. Так, Аннушка! (*Торжественно, поднимая руку и глаза к небу.*) Благодарю, сударыня, благодарю... за эти слова... Знайте, что я, умирая, думать буду о вас!..

Анна. Павлушка, миленький...

Павел. Ах, если бы ты знала, как я счастлив! Каждого к сердцу прижать и сказать: чувствуешь ли, что сердце это бьется для тебя? Но оно не билось бы, если бы не Анна... Да нет, я тоже не умею... тоже глупый, как ты... Ну и будем вместе глупыми!..

Нарышкин (*тихо указывая на Павла и Анну*). Голубки воркуют!

Головкин. А у княгини-то платье — из алого бархату, точно из царского пурпура.

Голицын. Субретка в пурпуре!

Нарышкин. Будь поумнее, под башмаком бы его держала.

Головкин. И башмаком бы в него кидала, как, помните, Катька Нелидова⁴⁴.

Пален и Мария Федоровна говорят в стороне тихо.

Мария Федоровна (*всплескивая руками*). Aber um Gottes willen, mein lieber¹, Петр Алексеевич, неужели возможно?..

Пален. В России, ваше величество, все возможно. Да вот сами изволите видеть в «Ведомостях» пишут. (*Читает.*) «Российский император, желая положить конец войнам, уже одиннадцать лет Европу терзающим, намерен пригласить всех прочих государей на поединке сразиться»⁴⁵.

Мария Федоровна. Господи, Господи! На чем же они сражаться будут?

Пален. На мечах или копьях, что ли, как рыцари, бывало, на турнирах.

1 *Aber um Gottes willen, mein lieber* (нем.) — Но, Господи, Твоя воля, мой дорогой.

Мария Федоровна. Рыцари, турниры?.. Aber um Gottes willen, я ничего не понимаю!..

Пален. И я, ваше величество...

Павел (указывая на Марию Федоровну и Палена.) А я знаю, о чем они судачат.

Анна. О чем?

Павел. Да уж знаю. Давай-ка их дразнить.

Анна. Ах, нет, ради Бога! И без того ее величество...

Павел. Надоело мне ее величество! Не в свое дело суется. Мозги куриные. Ей бы не императрицею быть, а институтской мадамой! (*Вставая.*) Пойдем же.

Анна. Ну, зачем, зачем, Павлушка?..

Павел. А затем, что весело, шалить хочется. Мы ведь с тобой глупенькие, а они умные, как же не подразнить их?

Павел подходит к *Марии Федоровне.*

За ним — *Анна.*

Павел. Votre conversation, madame, me paraît bien animée^I. О чем беседовать изволите?

Мария Федоровна (дергая потихоньку Палена за край мундира). О новом проекте для Павловска, ваше величество: храм Розы без шипов⁴⁶...

Павел. Только о Розе?

Пален. Начали с Розы, а кончили...

Павел. Шипами?

Пален. Почти что так. Кончили вызовом, который вашему величеству угодно было сделать иностранным государям.

Павел. Ага! Ну и как же вы о сем полагаете, сударыня?

Мария Федоровна. Aber Paulchen, mein lieber Paulchen...^{II}

Павел. Извольте говорить по-русски: вы — императрица российская. (*Молчание.*). Отвечайте же!

Мария Федоровна. Ах, Боже мой, Боже мой... Я, право, не знаю, ваше величество... мысли мои... so verwirrt!^{III}

Павел. Ну, а вы, граф?

Пален. В царствование императора Павла I Россия удивила Европу, сделавшись не покровительницею, а защитницею слабых против сильных, утесненных против утеснителей, верующих против нечестивцев. И сия истинно великая, истинно христианская мысль возникла в рыцарской душе вашего величества. Поединок же оный — всему делу венец, воскресение древнего рыцарства...

I *Votre conversation, madame, me paraît bien animée* (фр.) — Ваш разговор, сударыня, кажется мне весьма оживленным.

II *Aber Paulchen, mein lieber Paulchen...* (нем.) — Но, Паульхен, дорогой Паульхен...

III *So verwirrt!* (нем.) — так перепутаны.

Павел. Хотите быть моим секундантом, ваше сиятельство?

Пален (целуя Павла в плечо). Недостойн, государь...

Павел. Достойны, сударь, достойны. Вы меня поняли. Да, воскресение древнего рыцарства. Под стягом Мальтийского ордена соединим все дворянство Европы и крестовым походом пойдем против якобинской сволочи, отродия хамова!

Пален. Помогите вам Бог, государь!

Павел. Не имел и не имею цели иной, кроме Бога. И пусть меня Дон-Кишотом зовут⁴⁷ — сей доблестный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так, как я люблю человечество!.. Да вот беда — хитрить не умею и с господами-политиками частенько в дураках остаюсь. За то себя и казнию: любил кататься, любил саночки возить. Справедливость требует сего. Не подданные за государей, а государи за подданных должны кровь свою проливать. И я первый на поединке оном пример покажу.

Молчание.

Павел. А господа политики с носом останутся. Меня думали за нос водить, но, к несчастью для них, у меня нос курнос. (*Проводя по лицу рукой*). Ухватиться не за что!..⁴⁸

Молчание.

Павел (быстро оборачиваясь и подходя к Анне, напевает).

Quand pour grande voyage
Margot plia bagage,
Des cloches du village
J'entendis la leçon:
Din-di, din-don⁴⁹.

Анна (тихо). Перестань, Павлушка, ради Бога!

Павел. А что?.. Ну, не буду, не буду. Уж очень мне сегодня весело, — так бы и запрыгал, завертелся на одной ножке, император всероссийский, как шалунишка маленький. (*Помолчав.*) Приметил я, что, когда сей род веселости найдет на меня, то всегда перед печалью⁵⁰.

Покинешь матерню утробу —
Твой первый глас есть горький стон;
И отходя отсель ко гробу,
Отходишь ты, стена, и вон.

Стон и смех, смех и стон. Din-don! Din-don!

Мария Федоровна (тихо Палену). Aber im Gottes willen, что с ним такое? Боже мой, Боже... я ничего не понимаю... Пожалуйста, граф, успокойте, развлеките его...

Пален (подойдя к Павлу). Ваше величество, курьер из Парижа, от господина первого консула, генерала Бонапарта⁵¹.

Павел. Принять, принять!

Адмирал *Кушелев* подходит к *Павлу*.

Павел. Наидружественнейшие сантименты господина первого консула... (*К Кушелеву.*) А ты что, братец, головой качаешь?

Кушелев. Помилуйте, ваше величество, какое же дружество самодержца всероссийского, помазанника Божьего, с оным Бонапартом, проходимцем без роду, без племени, выскочкой, говорят, из той же якобинской сволочи?

Павел. Да ведь и меня, сударь, «якобинцем на троне» зовут.

Кушелев. Клеветники токмо и персональные оскорбители..

Павел. Нет, отчего же? По мне пусть так: представьте, господа якобинцы, что у меня красная шапка, что я ваш главный начальник — и слушайте меня...⁵²

Входит курьер *Башилов*.

Башилов (став на колени и целуя руку Павла). Здравия желаю, ваше величество! От господина первого консула.

Подает письмо.

Павел (читает сперва про себя, потом вслух). «La Russie et la France en tenant aux deux extrémités du globe, sont faites pour le dominer»^{1.53} Да, Россия и Франция должны мир пополам разделить. А генерала Бонапарта законным государем мы признать готовы. Нам все равно, кто — только бы государь законный. Угомонились господа французы — и слава Богу! А ведь давно ли, как некий исполин беснующийся, терзая собственную свою утробу и с остервенением кидаясь на других, наводило ужас на Европу сие издыхающее ныне богомерзкое правление⁵⁴. (*Башилову.*) Ну, а теперь что, как у вас в Париже?

1 «La Russie et la France en tenant aux deux extrémités du globe, sont faites pour le dominer» (фр.) — Россия и Франция, находясь на двух краях мира, созданы для того, чтобы ими владеть.

Башилов. Государь, чувствования благоговейные к священной особе вашего императорского...

Павел. Нет, попросту, братец, — не бойся, говори попросту — как тебе показался Париж?

Башилов по знаку *Павла* встает.

Башилов. Сказать правду, ваше величество, показался мне Париж большим котлом, в котором что-то скверное кипит. Народ все еще — зверь неистовый. И везде надписи, омерзение вселяющие: «Вольность, Равенство, Братство». Церкви пусты, а кабаки да театры битком набиты. Господин первый консул между двух шеренг солдат ходит в Оперу, ложа запирается замками, как тюрьма. Во время декад — пребольшие парады; сим публичным образом показуется гражданам: «Вот я вас, только пикни!» В годовщину революции праздник устроили на полмиллиона народа. Ночью фейерверки и транспаранты вольности горели всюду, но никто уже не кричал: «Да здравствует вольность!» — а все кричали: «Да здравствует Бонапарт!»

Павел. Молодец! Так их и надо. Завтра же, сударь, назад в Париж с ответом. Уповаем, что в союзе с господином первым консулом, даруя мир всему миру, восстановителями будем потрясенных тронов и оскверненных алтарей... (*Кушелеву.*) А ты что, сударь, опять куксишься?

Кушелев. Ваше величество, союз с народом безбожным и буйственным, антихристова духа исполненным...

Павел. Заладила сорока Якова! Говорят же тебе, господа французы образумились.

Кушелев. Образумились, нет ли, что нам до них? Россия — первая держава в мире. Когда все другие народы мнутя, пребывает отечество наше покойно, десницею Божьей хранимое. Да не дерзают же равняться с нами оные державы, мыльным пузырям подобные.

Где, где не слышно имя Россов?
Как буря, мир они прошли;
В сто лет победных сто колоссов
Во всех краях им возросли.

А тебе, государь-батюшка, победителю Зверя Антихриста — осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне!⁵⁵

Павел. За патриотические расположения ваши, сударь, спасибо. А насчет Антихриста не бойся, братец, в обиду не дам!

Патер *Грубер*⁵⁶ подходит к *Павлу*.

Павел. А, святой отче, Ad-majorem-Dei-gloriam^I, ты откуда?

Павел и Грубер, разговаривая, отходят в сторону.

Мария Федоровна (тихо Палену.). Зачем пропустили этого патера? Cela ne convient pas^{II}.

Пален. Да ведь он, ваше величество, и без пропуска всюду пролезает.

Головкин. Втируша!

Мария Федоровна. И о чем это он с государем все шепчется?

Пален. Должно быть, опять оный прожект о воссоединении церквей.

Мария Федоровна. Какое лицо!..

Пален. Да, рожа скверная: как его ни встретишь — быть худу.

Нарышкин. Зато на все руки мастер: шоколад варит, зубы лечит, фарфор склеивает, церкви соединяет...

Голицын. Новый Калиостро⁵⁷!

Головкин. Черт в рясе!

Нарышкин. Господа иезуиты все таковы.

Голицын. И с чего они к нам налетели, черные вороны?

Грубер (следуя за Павлом). Ваше величество, в прожекте моем...

Павел. Надоел ты мне, братец, со своим прожектом хуже горькой редьки. Отстань!

Грубер. В Писании сказано: един Пастырь, едино стадо. — Когда соединится власть Кесаря, Самодержца Российского с властью первосвященника Римского — земное с небесным...⁵⁸

Павел. Отстань, говорю, ну тебя, брысь!..

Грубер. Одно только словечко, государь, одно словечко — и его святейшество сам придет в Петербург...

Павел. Вот привязался! Ну, на что мне твой папа?

Грубер. Ваше величество, папа — глава церкви...

Павел. Врешь! Не папа, а я. Превыше всех пап, царь и папа вместе, Кесарь и первосвященник — я, я, я один во всей вселенной!.. Видал ли ты меня в далматике?

Грубер. Не имел счастья, государь!

Павел. Иван! Иван!

Кутайсов подбегает к Павлу.

I Ad-majorem-Dei-gloriam (лат.) — К вящей славе Божией. Девиз ордена иезуитов.

II Cela ne convient pas (франц.) — Это неприлично.

Кутайсов. Здесь, ваше величество!

Павел. Сбегай-ка, братец, живее, принеси далматик, знаешь, тот новый, ненадеванный. Кстати ж примерую.

Кутайсов. Слушаю-с, ваше величество!

Кутайсов уходит.

Павел. Подобие саккоса архиерейского, древних императоров восточных одеяние, знаменует оный далматик царь-священство таинственное, по чину Мельхиседекову...⁵⁹ Как о сем в Откровении-то, помнишь, Григорий Григорьевич?

Кутайсов. Жена, облаченная в солнце, родила Младенца мужского пола, коему надлежит пасти все народы жезлом железным⁶⁰.

Павел. Ну вот, вот, оно самое. Жена — церковь православная, а младенец — царь самодержавный. Се тайна великая. Никто ее не знает, никто, кроме меня!

Кутайсов входит, неся далматик.
Павел надевает его перед зеркалом.

Павел. Погляди-ка, Иван, сзади как?

Кутайсов. Сзади хорошо, ваше величество, а с боков будто складочки.

Анна (тихо). Павлушка, миленький, как можно здесь, при всех?.. Смеяться будут...

Павел (тихо). Пусть. Когда в багряницу облекали Господа, тоже смеялись⁶¹. (*Грубери.*) Ну что, отче, видишь?

Грубер. Вижу, государь.

Павел. И разумеешь?

Грубер. Разумею.

Павел (с внезапным гневом). Да что это, каких мне зеркал повесили? Куда ни посмотрю — лицо все накрито... точно шею свернули...⁶² Тьфу!

Кутайсов (бросаясь к зеркалу). Помутнело, должно быть, стеклышко, заиндевело. Вытереть надо суконочкой.

Павел. Оставь! Пойдем в тронную — там лучше зеркало.

Павел, Анна, Грубер и Кутайсов уходят.

Мария Федоровна (всплескивая руками). Aber um Gottes willen, что же это такое, Петр Алексеевич? Поединок... Бонапарт... папа... далматик... царь-священник... Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю!..

Пален. И я, ваше величество! Спросить бы Роджерсона⁶³, что ли?

Мария Федоровна. Роджерсона? Лейб-медика? Зачем? Что такое? Граф, граф... неужели вы думаете?..

*Пален молча разводит руками;
Мария Федоровна также молча всплескивает руками.*

Александр (Константину). Что ты?

Константин (прячась за колонну и трясясь от хохота). О-хо-хо!.. Моченьки нет... лопну... Как он тут, Саша... в далматике-то, перед зеркалом. Поверх мундира, да ряса поповская... Бал-маскарад... Обезьяна... обезьяна в рясе... И лицо накриво... шею свернули... О-хо-хо!

Александр. Перестань, Костя! Не смешно, а страшно...

Константин. Страшно, да... и смешно. Как во сне...

Головкин. А туман-то, туман, господа, посмотрите. Что это будет?

Голицын. Того и гляди, подыдемся вместе с туманом и разлетимся⁶⁴...

Елизавета. Привидения! Привидения!

Стук барабана, военные сигналы.

Нарышкин. Господа, слышите?

Голицын. Что такое?

Головкин. Барабан?

Нарышкин. Да, барабан, рожки, трубы... Что за диво? Ведь зарю давно уже пробили.

Голицын. Да это тревога!

Вбегают гоф-фурьеры.

Гоф-фурьеры (Палену). Ваше сиятельство, тревога! Войска во дворце. Сюда идут!..

Из дверей вбегает караульный офицер со шпагою наголо.

Офицер. Где государь?

Пален. Как вы смеете, сударь, в присутствии ее величества, со шпагою?..

Офицер (в дверь). Ребята, за мной!

*Солдаты с ружьями наперевес кидаются в залу.
Шум, крики, свалка. Слышатся отдельные голоса.*

Первый. Где государь? Где государь?

Второй. Что случилось?

Третий. Беда во дворце!

Четвертый. Марш, марш! К знаменам!

Пятый. Куда, черти, прете?

Шестой. Пусти!

Седьмой. Стой!

Восьмой. Я тебя, сукин сын, в морду!

Девятый. Бей! бей! В штыки их, братцы, изменников!
Ливен. (Женский визг.) Задавили! Ой-ой! Помогите!..
 Государыне дурно!

Мария Федоровна. Бегите, бегите, господа! Спасайте императора! Paulchen!.. Paulchen!..

Мария Федоровна падает в обморок. Входит *Павел.*
 За ним — *Анна.*

Павел (в дверях). Что это?.. Что это?.. бунт?..

Офицер (солдатам). Стой, ребята! Государь.

Павел. Смирно-о!

Солдаты, взяв на караул, строятся. Шум стихает.

Павел (Палену). Скажите же, сударь, на милость, что это? Как осмелились?

Пален. Не могу знать, ваше величество! Должно быть, опять тревога фальшивая, как тогда, в Павловске, от рожка почтового, и здесь, в Петербурге, от бочки пустой!..

Павел. Сами вы, сударь, бочка пустая!.. (*Наступая на солдат.*) Палок! Плетей! Шпицрутенов! Я-вас всех!..

Анна (бросаясь к Павлу). Государь!

Павел. Нет, нет, княгиня, оставьте!.. Вы не знаете!..

Анна (тихо). Знаю, Павлушка, знаю, миленький, — верные все. Разве не видишь, как испугались?..

Павел. Испугались? (*Старому гренадеру.*) Чего испугались?

Гренадер. Так точно, ваше величество, дюже испугались.

Павел. Да чего же, дураки?

Гренадер. Беда, думали, во дворце. На дворе туман, зги не видать. А тут за гауптвахтой и тревогу забили, да кто-то из ребят как крикнет: «Беда во дворце!»⁶⁵ — так сразу и кинулись. Сами не рады. Черт, видно, попутал, померещилось!..

Павел. Ах, дураки, дураки! Ну, что с вами делать?..

Анна (тихо). Прости, Павлушка!

Павел. Точно ли нет между вами изменников?

Гренадер. Государь-батюшка, все слуги верные. Повелеть изволь — умрем за тебя!

Солдаты. Умрем! Умрем!

Павел. Ну, Бог с вами, прощаю.

Гренадер (становясь на колени). Отец ты наш, милостивец! Пошли тебе, Господи! (*Крестясь, целует ноги Павла.*)

Павел. Что ты, что ты, старик? Этакий brave солдат, а плачет, как баба.

Солдаты (окружая Павла и становясь на колени). Государь-батюшка, родимый! Благослови тебя, Господи!

Нарышкин, Головкин и Голицын говорят в стороне тихо.

Нарышкин. Посмотрите-ка, что с ними делается!

Головкин. Точно влюбленные.

Голицын. Как на икону крестятся.

Головкин. Царь-священник.

Нарышкин. Не человек, а Бог.

Анна (тихо). Видишь, Павлушка, как они тебя любят!

Павел. Да, любят. Вот бы на что поглядеть господам якобинцам — узнали бы, что крепко сижу на престоле. (*Солдатам.*) Спасибо, ребяташки!

Солдаты. Рады стараться, ваше величество! Ура! Ура!

Кушелев (становясь на колени). Осанна в вышних! Благословен Грядый во имя Господне!

Павел (подымая глаза к небу). Не нам, не нам, а имени твоему, Господи.

Елизавета (тихо Александру). Какая мерзость!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Библиотека — приемная Павла.

Книжные шкафы красного дерева с бронзою. На стенах — виды Гатчины и Павловска. Канapé и кресла, обитые сафьяном. Налево — дверь в парадные апартаменты; направо — через коридор, в кабинет-спальню Павла. В глубине — окно на Нижний Летний сад. У окна маленький столик с бумагами, перьями и чернилами. Полдень. Справа — луч бледного зимнего солнца; потом — сумерки. Оттепель, мокрый снег хлопьями.

*Павел, Мария Федоровна, Александр, Константин, Елизавета. Пален. Роджерсон, лейб-медик. Кутайсов. Аргамаков, плац-адъютант Михайловского замка. Марин, поручик*⁶⁶.

Мария Федоровна входит слева, лейб-медик *Роджерсон* — справа; посередине комнаты встречаются, почти сталкиваются.

Мария Федоровна. Где он? Где он?

Роджерсон. Не угодно ли будет обождать вашему величеству: государь никого принимать не изволят. — меня вот прогнали.

Мария Федоровна. Aber um Gottes willen, доктор, что случилось?

Роджерсон. Я и сам не знаю. Кажется, во время обычной прогулки верхом по Летнему саду его величеству дурно сделалось. Обер-шталмейстер Кутайсов бросился на помощь, но все уже прошло, только молвить изволили: «Я почувствовал, что задыхаюсь», — вернулись домой.

Мария Федоровна (всплескивая руками). Господи, Господи, что ж это такое?..

Роджерсон. Не извольте беспокоиться, ваше величество! Даст Бог, все обойдется. Маленький припадок удушья. Должно быть, действие оттепели⁶⁷. Надо бы кровь пустить. Ну да, Бог даст, и так обойдется.

Мария Федоровна. Ах, нет, нет, разве вы не видите, — он болен, не спит, не ест и все такой грустный... Я не знаю, что с ним... Гляжу на него, и сердце болит... и страшно, страшно...

Из дверей слева — *Александр и Константин.*
Подходят к *Марии Федоровне* и целуют у нее руку.

Мария Федоровна. Слышали, дети, государь болен.

Константин. Государь болен, а мы под арестом.

Мария Федоровна. Под арестом? За что?

Константин. Бог весть. Сейчас водили в церковь присягать.

Мария Федоровна. Кому? Зачем?

Константин. Государю императору Павлу I. А зачем — неизвестно. Должно быть, усомнились в первой присяге. Только отчего вторая лучше первой — опять неизвестно⁶⁸.

Мария Федоровна (всплескивая руками). Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю!

Входит *Пален.*

Пален. И я ничего не понимаю.

Мария Федоровна. Граф! Наконец-то...

Пален. Извините, ваше величество, я к государю.

Мария Федоровна. Нет, нет, постойте, вы нам должны объяснить. Ради Бога...

Пален. Я уже имел честь докладывать вашему величеству: я ничего не понимаю.

Мария Федоровна. Петр Алексеевич, Петр Алексеевич... Я хочу знать, слышите, я хочу знать все... Я вам приказываю... Мы здесь все вместе, одни, и можем обсудить на семейном совете...

Пален. Какой уж тут совет семейный!.. А впрочем, одну минутку, ваше величество. *(Говорит в дверь направо.)* Поручик Марин, вы? Ну, ладно. Смотрите же, сударь, от дверей ни на шаг, и если кто пройдет, доложить извольте немедленно. *(Возвращаясь — к Марии Федоровне.)* Итак, вашему величеству угодно?.. *(Роджерсону.)* Куда вы, господин доктор, подождите, сделайте милость: вы нам нужны, вы нам теперь нужнее, чем кто-либо.

Роджерсон. Даст Бог, все обойдется.

Мария Федоровна. Да говорите же, говорите, граф, что такое?..

Пален. А то, ваше величество, что надо быть готовым ко всему. Мы объявляем войну пяти-шести европейским державам.

Мария Федоровна (всплескивая руками). Herr Iesu! Пяти-шести...

Пален. Да. Сколько именно, я, признаться, и счет потерял. А когда доложить осмелился, не много ли будет, то ответить изволили: «Сколько бы мух не жужжало у меня под носом, я их гоню»⁶⁹. — Но нам Европы мало, нужно и Азию; поход на Индию...

Мария Федоровна. На Индию!

Пален. Да, по следам Александра Македонского, к священным водам Инда. Двадцать тысяч донских казаков уже выступило к Оренбургу и далее, по степям неведомым, без обоза, без продовольствия, без дорог и даже без маршрутов. Велено завоевать Индию — и завоеваем⁷⁰.

Мария Федоровна. Граф, граф... aber um Gottes willen... что вы говорите? Может ли быть, чтобы мы ничего не знали?

Пален. Я и сам не знал до последней минуты и, чай, многого еще не знаю.

Мария Федоровна. Господи, Господи... что же будет?

Пален. А будет, полагаю, то, что англичане Индию даром отдать не согласятся и пожалуют к нам в гости. Не сегодня-завтра флот их появится у наших берегов и начнет бомбардировать сперва Кронштадт, а потом и Петербург.

Мария Федоровна. Петербург! Herr Iesu!

Пален. Да, и мы погибли — погибла Россия.

Мария Федоровна (всплескивая руками). Господи, Господи... что же делать?

Пален. Делать нечего, ваше величество, — погибать, так погибать.

Мария Федоровна и Пален говорят тихо.

Константин (Александру, кивая украдкой на Палена.) Прехитрая bestia!

Александр. А что?

Константин. Разве не видишь, к чему клонит?

Александр. А к чему?

Константин. А к тому, что батюшка спятил.

Александр. Что ты, Костя!

Константин. Ну да, а то как же? И знаешь, Саша, ведь, может быть, и вправду... Голова-то у него умная — умнее, пожалуй, всех наших голов, да есть в ней машинка, на одной ниточке держится, — а как порвется эта ниточка — машинка завернется — и капут!

1 Herr Iesu (нем.) — Господи Иисусе!

Александр. Страшно...

Константин. Да, страшно.... А впрочем, наплевать — все там будем...

Мария Федоровна. (тихо Палену). Как? Как? Повторите.

Пален. Я вижу, говорит, что пора нанести великий удар.

Мария Федоровна. Великий удар? Что ж это значит?

Пален. Не знаю, ваше величество, подумать боюсь...

Мария Федоровна (всплескивая руками). Ах, понимаю, я теперь все понимаю. Он хочет меня и нас всех... Боже мой! Боже мой!.. Так вот, что значит... «Ежели, говорит, сударыня, вы Екатерина II, то я вам не Петр III»⁷¹. Я тогда не поняла, а теперь... теперь... Да ведь это значит, что я хочу его... Herr Jesu! Это я-то, я... Paulchen! Paulchen!

Плачет. Входит поручик *Марин*.

Марин. Государь-император!

Все ждут в оцепенении. Входит *Павел* и, остановившись в дверях, со шляпой на голове, с тростью под мышкой, скрестив руки, тяжело переводя дыхание, глядит на всех молча. Потом подходит по очереди к *Марии Федоровне*, *Александру*, *Константину* и *Палену*, останавливается перед каждым из них и глядит в упор. Наконец возвращается к двери; вдруг, на пороге, обернувшись, высовывает язык и, громко хлопнув дверью, уходит⁷².

Мария Федоровна падает в обморок.

Роджерсон приводит ее в чувство.

Входит *Кутайсов* слева, *Марин* туда же уходит.

Мария Федоровна. Что это было? Что это было?

Роджерсон. Ничего, ваше величество! даст Бог, все обойдется. Не угодно ли водицы?

Константин (тихо *Александру*). Машинка завернулась.

Пален. Ну что, как вы полагаете, доктор?

Роджерсон. А что, граф?

Пален. Как что? Да вот что тут было сейчас?

Роджерсон. Ничего не было.

Пален. А язык?

Роджерсон. Ну, мы, доктора, к этому привыкли: все пациенты нам язык показывают.

Мария Федоровна. Что это было? Что это было?

Пален. Ничего не было, по мнению господина доктора, нам померещилось. Мы все, должно быть, сходим с ума — прескверная штука, не угодно ли стакан лафита!

Мария Федоровна. Доктор! Доктор! Ступайте же к нему скорее!

Роджерсон. Ваше величество, меня и давеча прогнали, да чуть не прибили. Пусть уж лучше кто-нибудь другой...

Мария Федоровна. Граф!

Пален. Нет, слуга покорный, я в сражениях бывал и ядрам не кланялся, а туда не пойду, — воля ваша, государыня, хоть казните.

Мария Федоровна. Александр! Константин!

Константин. Да ведь мы, матушка, под арестом — куда уж нам!

Кутайсов. Ваше величество, дозволейте, я...

Мария Федоровна. Ах, mein lieber! Иван Павлович, ради Бога!

Кутайсов. Ничего-с, ничего-с, будьте благонадежны, ваше величество! Кстати обедать пора — доложить и попробуем. Малой мышки лев не обидит: я мышкою-с, мышкою-с. Вот так, потихоньку, потихонечку...

Уходит.

Константин (притворяя дверь и заглядывая). Подкрался. — Слушает. — В шелку глядит. — Скребется. — Отперли. — Вошел. — Ну, что-то будет?

Молчание.

Константин. Вышел!

Кутайсов. Премилостивы. После дождика — солнышко-с...

Константин. Идет! Идет!

Входит Павел.

Павел (с изысканною любезностью, целуя руку Марии Федоровны). Прошу извинения, ваше величество, — к обеду ждать заставил — что-то аппетита нет. Вы уж, господа, не взъщитесь, без меня за стол садиться извольте, а я ужо подойду.

Молчание.

Павел. Да что это вы все, как в воду опущенные? Напугал я вас, видно, давеча моею шуточкой? Ну, не буду, не буду. Пошутил — и довольно... (*Марии Федоровне.*) А скажите-ка, сударыня, ведь и я человек?

Молчание.

Павел. Ну, что ж? Отвечайте, коли спрашивают — человек или нет?

1 Mein lieber (нем.) — Мой дорогой.

Мария Федоровна. Человек, ваше величество...

Павел. А если человек, так, значит, могу ошибаться. И вы — человек?

Мария Федоровна. И я...

Павел. Ну, так значит, можете простить. — Простите же меня, сударыня... И вы все, господа, если я в чем...

Все (наперерыв). Ваше величество!.. Ваше величество!..

Мария Федоровна (всплескивая руками). Paulchen!.. Paulchen!..

Плачет и хочет броситься на шею Павла.

Павел (отстраняясь). Ну, ну, перестаньте! Что за комедия! Терпеть не могу...

Молчание.

Павел. Граф Пален, у меня к вам дело. А вас, господа, не задерживаю...

Все, кроме Павла и Палена, уходят.

Павел. Доклад, сударь, готов?

Пален. Так точно, ваше величество!

Подходят к столику у окна.

Павел. Прошу садиться.

Пален хочет сесть спиной к свету.

Павел (указывая на другой стул, против себя). Нет, лицом к свету. Когда я с кем говорю, то привык смотреть прямо в лицо, сударь, слышите, — прямо в лицо!

Пален. Слушаю, ваше величество!

Павел. Ну, то-то же. Извольте докладывать.

Пален. По указу вашего императорского величества, два курьера отправлены...

Павел. Что вы делаете, граф, когда не спится?

Пален. У меня, государь, сон — слава Богу.

Павел. Счастливец! Значит, совесть покойна.

Пален (продолжая доклад). Курьер к его величеству королю Прусскому...

Павел. А дурные сны бывают?

Пален. Намедни снился...

Павел. Что?

Пален. Безделица сушая: будто я — куколка такая, что никак не повалишь — упадет и встанет...

Павел. Ванька-встанька? Да это сон превеселый.

Пален. Нет, государь, скучный: упал и встал, упал и встал — так всю ночь и промаялся... (*Продолжая доклад*). Королю Прусскому предписание княжество Ганноверское войсками занять в двадцать четыре часа...

Павел. А мне хуже снилось: будто бы кафтан парчовый натягивают, узкий-преузкий — никак не влезу, а все тискают — так сдавили, чтодохнуть не могу⁷³. Закричал и проснулся. С тех пор и бессонница...

Пален (*продолжая доклад*). Другой курьер — в Париж, к господину первому консулу...

Павел. Печку — льдом! Печку — льдом!.. Вот дураки...

Пален. Печку льдом?

Павел. Ну, да. Головой к печке сплю. Велел топить не жарко, а чтобы в спальне — ровно четырнадцать градусов. Пошупаю, бывало, печку — холодна; посмотрю на градусник — четырнадцать; и сплю. А наемни проснулся — горячехонька. Ничего не сказал, только на другой день встал пораньше из-за ужина да прямо в спальню, гляжу — по всему полу рогами, и печку льдом натирают: стынет до ночи, пока не пошупаю, а за ночь опять нагревается. Шуты гороховые! А все на меня валят — говорят: «С ума сошел!» А я тут при чем, сударь, а? При чем тут я?

Пален. Ни при чем, государь!

Павел. Ну то-то же! Извольте, сударь, докладывать.

Пален (*продолжая доклад*). В случае неисполнения королем Прусским предписания, господин первый консул приглашается...

Павел. А скажите-ка, граф, в тысяча семьсот шестьдесят втором году, когда государя, отца моего, убили, вы где быть изволили?

Павел. Здесь, в Петербурге, ваше величество!

Павел. Здесь? И что же делали?

Пален. Был молод и в чинах малых. Конной гвардии субалтерн-офицером⁷⁴, ничего не знал про заговор...

Павел. Не знали тогда?.. Ну а теперь знаете?

Оба встают и молча долго смотрят друг другу в глаза.

Павел. Отвечайте же, сударь! Знаете или не знаете, что меня убить хотят?

Пален. Знаю, государь!

Павел. Знаете... и молчите?..

Пален. Ваше величество, я сам во главе заговорщиков...

Павел. Вы?.. вы?.. Что такое?.. (*Отступая в ужасе.*) Сумасшедший!..

Пален. Никак нет, государь, я в совершенном рассудке...

Павел. Так я... я... что ли, я с ума сошел?.. Печку — льдом!..

Пален. Государь, умоляю, минуту спокойствия. Если бы я не был уверен, что ваше величество обладает мудростью высочайшею, не столь человеку, сколь Божеству присущую...

Павел (топая ногами в ярости). Да говорите же, говорите, черт побери, что, что, что такое?..

Пален. Дело столь явное, что и говорить почти нечего: я — во главе заговорщиков, дабы знать все, следить за всем и тем вернее охранять от покушения злодейского священную особу вашего императорского величества. И слава Богу, уже все нити заговора в моих руках: шагу не сделают, слова не вымолвят, чтобы я не узнал.

Павел. Умны, сударь, слишком умны, так умны, что с ума свести можете... Ванька-встанька!.. Да как же вы смели не донести мне тотчас же?

Пален. Сколько раз хотел, уже слово было в устах моих. Но, не имея улик достовернейших, — коих и вы, ваше величество, еще не имеете?.. (*Пристально глядит на Павла.*) Не имея оных улик и милосердствуя, простите, государь, слово сие из недр души болящей исторгнуто, — милосердствуя к вам, щадя сердце родительское, я медлил — и в том вина моя единственная; видит Бог, мочи моей не было, мочи моей нет и сейчас сказать отцу, что сын его возлюбленный, первенец...

Павел. Александр!..

Пален. Да, государь-наследник — отцеубийца мысленный!..

Павел. Сгинь, сгинь, пропади!.. Никогда не поверю я, чтоб Александр... Александр... дитя мое, мальчик мой милый!..

Пален. Я полагал, что ваше величество знать изволит более. (*Подавая бумагу.*) Вот список заговорщиков: их высочества, оба сына ваши, обе невестки, ее величество и почти все командиры полков, министры, сановники...

Павел (читая). Вон, все, все!.. За что, Господи?.. Что я им сделал?..

Пален. Я знал, государь, сколь тяжко...

Павел. Ох, тяжко!.. Тяжко!.. Уж лучше бы сразу убили!..

Падает на стул и закрывает лицо руками. Молчание.

Павел (вскакивая). Сию же минуту всех — в кандалы, в Сибирь, в каторгу!.. А его... Александра... его... расстрелять!..

Пален (вскакивая). Ваше величество, взять под арест всю царскую фамилию без явных улик — ни у кого рука не подымется, я не найду исполнителей. Сим возмутить можно всю Россию, не имея через то еще верного средства спасти особу вашего величества...

Павел. Так что же?..

Пален. Одно из двух, государь: или казнить меня извольте тотчас, как изменника, или доверьтесь мне совершенно...

Павел. Не многого, сударь, хотите! Ну, а если вы?..

Пален (вставая на колени и подавая шпагу). Пронзите, ваше величество, сердце, пламенеющее верностью, — и с блаженством умру здесь, у ног моего государя!

Павел кладет обе руки на плечи *Палена*, наклоняется к нему и смотрит в глаза долго.

Павел. Лжет?.. Нет... так лгать нельзя... А если лжет, то не человек, а дьявол, дьявол, дьявол!

Пален. Ваше величество!..

Павел. Ну, прости... Верю.

Обнимает и целует *Палена*, потом отходит к столу и сидит молча, опустив голову на руки.

Пален (вставая). Угодно вашему величеству знать?

Павел. Нет, нет... Потом... Будет с меня!.. А теперь говори скорее, что делать.

Пален (подавая бумагу). Вот указ, на сей случай мною приготовленный: государя-наследника — в Шлиссельбург, великого князя Константина Павловича — в крепость, ее величество — в Архангельск, великих княгинь — по монастырям отдаленнейшим.

Павел. Подписать?

Пален. Токмо указ оный за вашею подписью в руках имея, действовать могу без промедления.

Павел подписывает⁷⁵.

Павел. Что еще?

Пален. Из покоев государыни в спальню вашего величества двери забить наглухо.

Павел. Велел сегодня⁷⁶.

Пален. Кавалергардского полка офицеров со всех караулов снять.

Павел. Что вы, сударь? Налгали вам: ребята верные — я их всех знаю...

Пален. Ежели, ваше величество, лучше знать изволите...

Павел. Ну, ладно, ладно — делай, как знаешь... Надоело... Устал я что-то... (*Звевает.*) О-хо-хо-шеньки... Только бы выспаться... Ну, все что ли?

Пален. Все... Виноват, государь, — еще одно...

Павел. Кончай-ка, братец, скорее!.. Говорю, надоело...

Пален. Давеча курьер задержан в Гатчину с подложным указом...

Павел. Аракчееву? Где? Покажи!

Пален подает указ.

Павел. Да это подлинный. Разве не видишь — моя рука?

Пален. Вижу, государь, что генерал Аракчеев, враг мой злейший, на место мое назначается военным губернатором, дабы истребить меня, — вижу и глазам своим не верю...

Павел (разорвав указ). Верить теперь?

Пален. Верю.

Павел. Ну все?

Пален. Все.

Павел. Когда?

Пален. Завтра или в сию же ночь.

Павел. Опять не спать?

Пален. Почивать извольте с Богом, я за вас не сплю.

Павел. Спасибо, друг... Ну, торопись, чай, — дела много. Ступай!

Пален, поцеловав руку *Павла*, отходит к двери.

Павел. Подожди.

Павел идет к *Палену* и опять, как давеча, положив обе руки на плечи его, смотрит ему в глаза.

Павел. Петр Алексеевич... Петр, любишь ли ты меня?..

Пален. Люблю, государь...

Павел. Любишь?

Пален. Да, ваше величество, вы сами знаете: у меня только Бог да вы. Я душу мою положу за вас!

Павел. Душу твою за Меня положишь? — сказал Господь Петру — и петух пропел...⁷⁷ Ну, прости... Верю, больше верить нельзя. Дай перекрещу... Помогите тебе, Господи... (*Крестит, обнимает и целует Палена*). Ну, с Богом, с Богом!

Пален уходит.

Павел опускается в кресло, откидывается головой на спинку, закрывает глаза и дремлет.

Входит *Кутайсов* на цыпочках.

Павел (просыпаясь и вздрагивая). Кто? Кто?

Кутайсов. Я, ваше величество, я, Иван.

Павел. А, Иван... Ванька-встанька... Вот напугал... И чего ты все мышью крадешься?..

Кутайсов. Я потихоньку, потихонечку... разбудить боялся...

Павел. Да, вздремнул. Так-то вот днем все дремлет, а по ночам не сплю. А знаешь, Иванушка, ведь нас убить хотят...

Кутайсов. Что вы, что вы, ваше величество!..

Павел. А небось, ежели меня убивать будут, так вы все разбежитесь. *Поражу пастыря — и рассеются овцы*⁷⁸. И ты, Иванушка, ты первый — мышкою-с, мышкою-с...

Кутайсов. Ваше величество...

Павел. Ну, что мое величество? Струсил, а? Полно. Чего трясешься? Пошутил, а ты и поверил, дурак... Не бойся брат, мы еще с тобою долго будем жить, поживать, печку льдом натирать.

Кутайсов. Не я, государь, видит Бог, не я...

Павел. Не ты, так я. Оба мы с тобою, видно, Иванушки дурачки. Ступай-ка, доложи княгине Анне, что сейчас буду.

Кутайсов идет к дверям направо.

Павел. Постой.

Пишет письмо, запечатывает и отдает.

Павел. Курьеру в Гатчину к генералу Аракчееву. Явиться немедленно. Скакать во весь дух, чтоб к ночи был здесь. Да никому о том не говори, — никому, слышишь? — ни даже графу Палену⁷⁹. Головой отвечаешь!

Кутайсов. Будьте благонадежны, ваше величество, — я потихоньку, потихонечку!

Кутайсов уходит.

Павел опять, как давеча, опускается в кресло, откидывается головой на спинку и закрывает глаза. Потом встает, медленно идет к двери направо, зевает и потягивается.

Павел. Ох-хо-хошеньки!.. Спать, спать, спать!..

Павел уходит направо.

Из двери слева входят *Пален* и полковник *Аргамаков*.

Пален. По всем городским заставам и шлагбаумам приказание разослать извольте наистрожайшее, дабы никого в сию ночь не пропускали ни в город, ни из города.

Аргамаков. Слушаю-с.

Пален. Смотрите же, сударь, если, не дай Бог, пропустят Аракчеева...

Аргамаков. Будьте покойны, ваше сиятельство!

Пален. Ну, ступайте. А что же наследник.

Аргамаков. Докладывал. Будут сейчас. Да вот и они.

Аргамаков уходит налево. Оттуда же входит *Александр*.

Александр. Что такое?

Пален (подавая указ). Извольте прочесть, ваше высочество: указ об аресте вашем и всей царской фамилии.

Александр читает и, чтобы не упасть, хватается за спинку кресла.

Пален (поддерживая Александра). Дурно вам, сударь? *Александр.* Ничего... Пройдет... *(Опускается в кресло.)* Я так и знал.

Пален. Еще не все.

Александр. Что же еще?

Пален. Государь сказать изволил...

Александр. Говорите — мне все равно.

Пален. Сказать изволил о вашем высочестве: «Расстрелять его!»

Александр закрывает лицо руками.

Александр (опуская руки, тихо). Ну, что ж. Один конец. Так лучше...

Пален. Лучше?

Александр. Лучше я, чем он.

Пален. Не вы один, но и ваша супруга, матушка, братья, сестры, мы все — вся Россия, вся Европа. За всех перед Богом ответите вы...

Александр. Я?

Пален. Да, вы можете...

Александр. Что я могу?

Пален. Спасти себя и всех.

Александр. Да ведь завтра же...

Пален. Завтра мы погибли, но эта ночь наша. Он поверил мне...

Александр. Поверил, что вы...

Пален. Что я во главе заговора, чтобы предать вас...

Александр. И предали?

Пален. Предал, чтобы спасти...

Александр. Да, вот как. Меня — ему, а его — мне. Но в конце-то, в конце, граф, кого же вы предадите — меня, его или обоих?

Пален. Решать извольте сами.

Александр. Мне все равно.

Молчание.

Пален. Ваше высочество, я человек терпеливый, но есть конец и моему терпению...

Александр. Угроза?

Пален. Мне ли грозить? Я и сам на волосок от гибели...

Александр. А скажите-ка, Петр Алексеевич, вы когда-нибудь плакали?

Пален. Что за вопрос? В младенчестве плакал.

Александр. А потом — теперь?

Пален. В мои годы люди редко плачут.

Александр. Не плачете, зато смеетесь. У вас на лице всегда усмешка. Вот и сейчас...

Пален. Сейчас, кажется, смеяться изволите вы. Ну что ж, воля ваша. Я ношу сию шпагу не даром, но отвечать вам не могу, государь...

Александр. Какой государь! Приговоренный к смерти...

Пален. Ужо успеете плакать, а теперь позвольте же и мне поплакать — я ведь тоже умею, хотя вы и не верите... Завтра вы — государь или ничто, но сегодня — человек. Сегодня мы все — люди — и я, и вы, и он...

Александр. Да, и вы — человек...

Пален. Ну, так как же вы думаете, легко человеку вынести то, что я вынес, когда он тут сейчас обнимал меня, целовал, называл своим другом, благодарил за верность и сам доверился мне, как дитя малое?

Александр. Для кого же вы, сударь, стараетесь?

Пален. Для себя, для вас.

Александр. Благодарю покорно.

Пален. Поверили?.. Как вы людей презираете, ваше высочество!.. Нет, не для себя и не для вас, а для России, для Европы, для всего человечества⁸⁰. Ибо самодержец безумный — есть ли на свете страшнее оному равное? Как хищный зверь, что вырвался из клетки и на всех кидается.

Александр. Как вы его ненавидите!

Пален. Ненавижу? За что? разве он знает, что делает? Сумасшедший с бритвою... Не его, Богом клянусь, не его, безумца, жалости достойного, я ненавижу, а источник одного безумия — деспотичество. Некогда вы говорить мне изволили, ваше величество, что самодержавную власть и вы ненавидите и что гражданскую вольность России даровать намерены. Я поверил тогда. Но вы говорили — я делаю. А делать труднее, чем говорить...

Александр. Петр Алексеевич...

Пален. Нет, слушайте — уж если говорить меня заставили, так слушайте! Я думал, что Господь избрал нас обоих для сего высочайшего подвига — возратить права человеческие сорока миллионам рабов. Вижу теперь, что ошибся. Не мы с вами — орудие Божьих судеб. Рабами родились и умрем рабами. Но не знаю, как вы, а я — пусть я умру на плахе — я счастлив есмь погибнуть за отечество и на Божий суд предстану с чистой совестью, — я сделал, что мог...

Александр. Петр Алексеевич, простите...

Пален. Ваше высочество!..

Александр. Я виноват перед вами — простите меня...

Пален. Вы... вы?... Нет, я... ваше высочество... ваше высочество!

Становится на колени.

Александр. Что вы, что вы, граф? Перестаньте...

Пален. Да — ваше высочество! Отныне для меня государь император всероссийский — вы, и никто, кроме вас... Ангел-избавитель отечества, Богом избранный, благословенный!..

Целует руки *Александра*.

Александр. Нет, нет, вы не поняли...

Пален. Понял все...

Александр. Да нет же, нет, слышите — нет, я не хочу!..

Пален. Не хотите? Ну что ж, так я за вас... Я один!.. И никто никогда не узнает... Пусть думают все, что я, а не вы... Пропадай моя голова, только бы вам спастись!..

Александр. Не надо, не надо! Ради Бога, граф, обещайте, клянитесь...

Пален. Клянусь, что сделаю все, что в силах человеческого, чтобы *этого* не было. Но не говорите больше... Кончено, кончено!.. Слава Богу — спасена Россия! (*Подавая бумагу.*) Только подписать извольте — и кончено.

Александр. Что это?

Пален. Манифест об отречении императора Павла и о восшествии на престол *Александра*.

Александр долго и молча смотрит на *Палена*.

Александр. Подписать?

Пален. Да.

Александр. Кровью?

Пален. Зачем кровью? Чернилами.

Александр. А я думал, — договор с дьяволом — кровью...

Пален. Опять смеяться изволите...

Александр (*комкая бумагу и бросая на пол.*) Прочь! Прочь! Прочь!.. Дьявол (*Падает в кресло, плачет и смеется, как в припадке*). Уходите, оставьте меня!.. Господи!.. Господи!.. Что вы со мною делаете!.. Не могу! Не могу! Не могу!..

Пален (*подавая воды*). Успокойтесь, ради Бога успокойтесь, ваше высочество... Водички испейте...

Александр. Уходите! Уходите! оставьте меня!..

Пален. Уйду — только не кричите же так, ради Бога... услышат... (*Отойдя к двери и глядя на Александра — тихо, с презрением*). Прескверная штука, не угодно ли стакан лафита, — ребенок, женщина!

Александр. Петр Алексеич...

Пален не отвечает.

Александр. Петр Алексеич!

Пален. Государь!

Александр. Ну, давайте же...

Пален. Что?

Александр. Подписать.

Пален (*стремительно бросаясь и подбирая с пола бумагу*). Вот! Вот!

Александр подписывает.

Пален. Уф! (*Вытирает пот с лица*). Ну, а теперь...

Александр. Нет, нет!.. Уходите!.. Уходите!.. Уходите!.. Оставьте меня, ради Бога!

Пален. Ушел, ушел... только ручку позвольте, ручку, коей спасено отечество!

Пален целует руку *Александра*.

Александр сидит в кресле, точно так же, как давеча *Павел*, откинувшись головой на спинку и закрыв глаза.

Входит Елизавета.

Елизавета. Саша? (*Молчание.*) Ты спишь, Саша?

Александр. Нет.

Елизавета. Тут был *Пален*?

Александр. Был.

Елизавета. Молчи, молчи.. не надо... Я знаю... (*Становясь на колени и целуя руки Александра*). Саша, Саша, мальчик мой бедненький!..

Александр. Все равно. (*Молчание.*) «Несть бо власть аще не от Бога»⁸¹. Это нам поп говорил давеча в церкви, когда присягали. Ну, а если государь — сумасшедший, власть тоже от Бога? Сумасшедший с бритвою. И бритва от Бога? Хищный зверь, что вырвался из клетки... И царство зверя — царство Божье? Ничего понять нельзя...

Елизавета. Это я, Саша, я!.. Я тебе сказала, что мы должны...

Александр. Должны — и не должны. Надо — и нельзя. Нельзя — и надо. Кто ж это так сделал? Бог, что ли, а?.. Ты веришь в Бога, Лизхен?

Елизавета. Господи, Господи!.. Это я, я...

Александр. Ты? Нет, не ты и не я. Никто. И все. Ничего понять нельзя. А может быть, и не надо... ничего не надо... ничего нет... и Бога нет?..

Елизавета. Не говори так... Страшно, страшно...

Александр. Все равно.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Первая картина.

Собрание заговорщиков в квартире генерала *Талызина*⁸², в Лейбкампанском корпусе Зимнего дворца. Столовая — большая низкая комната казарменного вида, со сводами и голыми выбеленными стенами. По стенам — портреты царских особ; портрет во весь рост императора Павла I в порфире, в короне, со скипетром. В глубине — дверь на лестницу. Слева — дверь во внутренние комнаты, канапе и кафельная печка. Справа — два окна на Неву и Петропавловскую крепость; оттуда иногда слышится бой курантов. Посередине комнаты — большой накрытый стол со множеством бутылок; между окнами — меньший стол с водками и закусками.

Гр. Пален, военный губернатор Петербурга; *Талызин*, командир Преображенского полка; *Депрерадович*, командир Семеновского полка; *Бенигсен*, *Тучков* — генералы; *Зубовы* — *Платон*, *Валериан*, *Николай*, князья; *Клокачев*, флотский капитан-командор; *Яшвиль*, кн. *Мансуров*, *Татаринов*, кн. — полковники; *Розен* — бар., *Скарятин*, штабс-капитан; *Шеншин*, капитан; *Титов*, ротмистр; *Аргаматов*, плац-адъютант Михайловского замка; *Волконский*, кн; *Долгорукий*, *Ефимович* — поручики; *Филатов*, *Мордвинов* — подпоручики; *Гарданов*, корнет⁸³.

Федя и *Кузьмич* — денщики.

Голоса. Ура, свобода! Ура, Александр!

Скарятин (*штабс-капитан* — *Талыzinу*). Ваше превосходительство, еще бы шампанского дюжинку.

Талызин. Пейте, господа, на здоровье.

Татаринов. Жженку, жженку несут, зажигаите жженку!⁸⁴

Розен (*стоя у стола, читает по тетрадке*). Поелику подобает нам первее всего обуздать деспотичество нашего правления...

Скарятин. Что он читает?

Татаринов. Пункты Конституции Российской.

Филатов. Виват конституция!

Скарятин. Круглые шляпы да фраки, виват!⁸⁵

Татаринов. Пукли, пудру долой!

Филатов. Долой цензуру! Вольтера будем читать!

Скарятин. Банчишко метать, фараончик с макашкой!⁸⁶

Татаринов. На тройках, с бубенцами, с фореитором — катая, валяя, жги! Ура, свобода!

Волконский (*сидя верхом на стуле и раскачиваясь, пьяный, поет*).

Allons, enfants de la patrie!
Le jour de gloire est arrivé⁸⁷.

Долгорукий (сидя перед кн. Волконским на полу, без мундира, с гитарой, пьяный поет).

Ах ты, сукин сын, камаринский мужик,
Ты за что, про что калачницу убил?

Волконский (Долгорукому). Петенька, Петенька, пропляши казачка, утешь, родной.

Долгорукий. Отстань, черт!

Розен (продолжая читать). Тогда воприимет Россия новое бытие и совершенно во всех частях преобразится...

Депрерадович (указывая на Платона Зубова). Что такое с князем?

Яшвиль. Медвежья болезнь — расстройство желудка, от страха.

Талызин. Трус! Под Катькиными юбками обабился⁸⁸. Служба-то отечеству не то, знать, что служба постельная: по ночам, бывало, у дверей спальни мяукает котом, зовет императрицу на свидание; ему двадцать лет, а ей семьдесят — в морщинах вся, желтая, обрюзглая, зубы вставные, изо рта пахнет — брр... с тех пор его и тошнит!

Депрерадович. Зато чуть не самодержцем стал!

Талызин. А теперь стал Брутом⁸⁹.

Яшвиль. Брут с расстройством желудка!

Депрерадович. Да ведь что, братцы, поделаешь? Революция в собственном брюхе-важнее всех революций на свете!

Талызин (подходя к Зубову, который лежит на канаве). Не полегчало, князь?

Платон Зубов. Какое там!

Талызин. Гофманских капель⁹⁰ бы приняли.

Платон Зубов. Ну их, капли! Домой бы в постель, да припарки... А я тут с вам возись, черт бы побрал этот заговор! Попадем в лапы Аракчееву, тем дело и кончится.

Розен (продолжая читать). По тринадцатому пункту Конституции Российской...

Талызин. Всех-то пунктов сколько?

Розен. Сто девяносто девять.

Талызин. Батюшки! Этак, пожалуй, к утру не кончите.

Розен (продолжая читать). По тринадцатому пункту Конституции Российской собирается Парламент...

Скарятин. Это что за штука?

Тарионов. Парламент — штука немецкая...

Филатов. Немец обезьяну выдумал!

Скарятин. А знаете, господа, у княгини Голицыной три обезьянки: когда один самец да самочка амуруются, то другой смотрит на них, и представьте себе, тоже...

Говорит на ухо.

Титов. Удивительно!

Трое — у закуского стола.

Первый. Последняя цена — полтора ста.

Второй. Хочешь сто?

Первый. Что вы, сударь, Бога побойтесь! Хотя и крепостная, а все равно, что барышня. Шестнадцать лет, настоящий розанчик. Стирать и шить умеет.

Второй. Сто двадцать — и больше ни копейки.

Первый. Ну, черт с вами, — по рукам. Уж очень деньги нужны: в пух проигрался.

Третий. Так-то вот и у нас в полку штабс-капитан Раздиришин все, бывало, малолетних девок покупал и сколько он их перепортил, страсть!

Трое — у печки.

Первый. Все люди из рук природы выходят совершенно равными, как сказал господин Мабли⁹¹.

Второй. В природе, сударь, нет равенства: и на дереве лист к листу не приходится.

Третий. Равенство есть чудовище, которое хочет быть королем.

Первый. Неужели вы, господа, не разумеете, что политическая вольность нации...

Второй. Вольность? Что такое вольность? Обманчивый есть шум и дым пустой.

Мансуров. Все прах, все тлен, все тень: умрем, и ничего не останется!

Третий. Vous avez le vin triste, monsieur!¹

Шеншин. Ах ты, птенец, птенец! И как тебя сюда затащили?

Гарданов. Из трактира Демута⁹², дяденька, за компанию. Пили там — такие славные ребята. «Поедем, говорят, Вася, к Талызину». Вот я и поехал.

Шеншин. Ну, куда же тебе в это дело, мальчик ты маленький?

Гарданов. Какой же я маленький, помилуйте, мне скоро двадцать лет. Вчера предложение сделал — стишок сочинил, хотите, скажу? Только на ушко, чтоб никто не слышал.

Зачем в безумии стараться
Восток с полуднем соединить?
Чтоб вечно в радости смеяться,
Довольно Машеньку любить.

1 Vous avez le vin triste, monsieur! (фр.) — Вы грустны во хмелю, сударь!

Ефимович. По исчислению господина Юнга Штиллинга⁹³, кончина мира произойдет через тридцать пять лет.

Татаринов. Ого! Да вы, сударь, фармазон, что ли?

Ефимович. Мы — священники, перст Горусов⁹⁴ на устах держащие и книги таинств хранящие.

Татаринов (тихо). Просто — мошенники: в мутной воде рыбу ловят.

Ефимович. Наша наука в эдеме еще открылась..

Титов. Удивительно!

Ефимович. А известно ли вам, государи мои, что по системе Канта...⁹⁵

Скарятин. Это еще что за Кант?

Ефимович. Немецкий философ.

Филатов. Немец обезьяну выдумал!

Скарятин. А я вам говорю, братцы, у княгини Голицыной три обезьянки: когда самец и самочка...

Клокачев. Как же, знаю, знаю господина Канта — в Кенигсбурге видел: старичок беленький да нежненький, точно пуховочка — все по одной аллее ходит взад и вперед, как маятник — говорит скоро и невразумительно.

Ефимович. Ну, так вот, государи мои, по системе Кантовой — Божество неприступно есть для человеческого разума...

Татаринов. А слышали, господа, наемни, в Гостином дворе, подпоручик Фомкин доказал публично, как дважды два четыре, что никакого Бога нет?

Титов. Удивительно!

Талызин. Господа, господа, нам нужно о деле, а мы черт знает о чем!

Мансуров. Какие дела! Умрем — и ничего не останется: все прах, все тлен, все тень.

Долгорукий (поет).

Ах ты, сукин сын, камаринский мужик,
Ты за что, про что калачницу убил?

Скарятин. А я тебе говорю, есть Бог!

Татаринов. А я тебе говорю, нет Бога!

Волконский. Петенька, Петенька, пропляши казачка, миленький!

Долгорукий. Отстань, черт!

Голоса. Слушайте! Слушайте!

Талызин (читает). Отречение от престола императора Павла I. «Мы, Павел I-й, милостью Божьей, император и самодержец Всероссийский, и прочее, и прочее, беспристрастно и непринужденно объявляем, что от правления государства Российского навек отрицаемся, в чем клятву нашу пред Богом и всецелым светом приносим. Вручаем же престол сыну и законному наследнику нашему, Александру Павловичу»⁹⁶.

Розен. А где же конституция?

Талызин. Александр — наша конституция!

Голоса. Виват Александр!

Талызин. Мы, господа, на совесть. Извольте и то рассудить, что государь самодержавный не имеет права законно власть свою ограничить, понеже Россия вручила предкам его самодержавие нераздельное...

Бибиков. Помилуйте, господа, из-за чего же мы стараемся? Из-за круглых шляп да фраков, что ли?

Голоса. Круглые шляпы да фраки, виват! Виват свобода!

Клокачев. Не угодно ли будет, государи мои, выслушать прожект о соединении областей Российской империи по образцу Северо-Американской республики?

Платон Зубов. А вот, погодите, задаст вам ужо Аракчеев республику!

Шум, крики.

Одни. Виват самодержавие!

Другие. Виват конституция!

Тучков. А мне что-то, ребяташки, боязно -- уж не черт ли нас попутал?..

Талызин. Господа, господа! дайте же слово сказать...

Голоса. Слушайте! Слушайте!

Талызин. Российская империя столь велика...

Первый. Велика Федора да дура.

Второй. Ничего в России нет: по внешности все, а на деле — нет ничего.

Третий. Россия — метеор: блеснул и пропал.

Мансуров. Умрем -- и ничего не останется: все прах, все тлен, все тень.

Голоса. Слушайте! Слушайте!

Талызин. Российская империя столь велика и обширна, что, кроме государя самодержавного, всякое иное правление неудобовозможно и пагубно...

Голоса. Верно! Верно! К черту конституцию! Это все немцы придумали, враги отечества, фармазоны проклятые!

Талызин. Ибо что, господа, зрим в Европе? Просвещеннейший из всех народов сбросил с себя золотые цепи порядка гражданского, опрокинул алтари и троны и, как поток, надутый всеми мерзостями злочестия и разврата, выступил из берегов своих, угрожая затопить Европу...

Татарин. Европа вскоре погрузится в варварство...

Талызин. Одна Россия, как некий колосс непоколебимый, стоит, и основание оно колосса — вера православная, власть самодержавная.

Голоса. Виват самодержавие! Виват Россия!

Титов. Удивительно!

Мордвинов. Граждане российские...

Волконский. Петенька, Петенька, попляши казачка!

Долгорукий. Отстань, черт!

Голоса. Слушайте! Слушайте!

Мордвинов. Граждане российские! Может ли быть вольность политическая там, где нет простой человеческой вольности и где миллионы рабов томятся под властью помещиков? Звери алчные, пиявцы ненасытные, что мы оставляем крестьянству? То, чего отнять не можем — воздух⁹⁷. Обратим же взоры наши на человечество и устыдимся, граждане! Низлагая тирана, да не будем мы сами тиранами — освободим рабов...

Татаринов. А Емельку Пугачева⁹⁸ забыли?

Скарятин. Освободи их, отродие хамов, так они нам горло перервут.

Мордвинов. Граждане российские.

Один. Слушайте! Слушайте!

Другие. Довольно!

Мордвинов. Блюдитесь же, граждане! День мщения грядет — восстанут рабы и цепями своими разобьют нам головы и кровью нашею нивы свои обогрят⁹⁹. Плаха и петля, меч и огонь — вот что нас ждет. Будет, будет сие!.. Взор мой проникает завесу времени... Я зрю сквозь целое столетие... я зрю...

Голоса. Молчите! Молчите! Довольно!

Татаринов. Вы оскорбляете, сударь, честь дворянства российского. Мы не позволим...

Талызин. Господа, мы все не о том — нам нужно о деле, а мы черт знает о чем!

Голоса. В чем же дело, говорите!

Талызин. А дело в том, что если государь отречения не подпишет, как нам быть?

Одни. Арестовать!

Другие. В Шлиссельбург!

Талызин. Легко сказать — Шлиссельбург. Войска ему преданы, освободят и что тогда?¹⁰⁰

Бенигсен. Messieurs, le vin est tiré, il faut le boire¹. У государя самодержавного корону отнять и сохранить ему жизнь есть дело невозможное¹⁰¹.

Все сразу умолкли;
такая тишина, что слышится бой курантов за Невою,
на Петропавловской крепости.

Тучков. О-хо-хо! Царя убить — страшное дело...

Депрерадович. Помазанник Божий...

1 Messieurs, le vin est tiré, il faut le boire (фр.) — Господа, вино откупорено, и его надо пить.

Шеншин. Присяга — не шутка...

Ефимович. И в Писании сказано: Бога бойтесь, царя чтите¹⁰².

Бибиков. Государи мои милостивые! Для всякого ума просвещенного невинность тираноубийцы есть математическая ясность: ежели, скажем, нападет на меня злодей и, вознесши над главою моею кинжал...

Яшвилъ. Эх, господа, чего канитель-то тянуть? Намедни он меня по лицу ударил, а таковые обиды кровью смываются!

Голоса. Верно! Верно! Кровь за кровь. Смерть тирану!

Гарданов (вскочив на стул).

Ликуйте, склепанны народы,

Пылай, кровавая заря —

Се правосудие свободы

На плаху возвело царя!¹⁰³

Голоса. Смерть тирану! Смерть тирану! Ура, свобода!

Валериан Зубов (с деревянной ногою). Нет, господа! Я, один на один, хоть с чертом биться готов, но сорок человек на одного — воля ваша, я не запятнаю шпаги моей такового подлостью!

Бибиков. Лучше сорок на одного, чем один на сорок миллионов — тут, говорю, математика...

Одни. К черту математику! Не хотим! Не надо! Не надо!

Тучков. Жаль Павлушку...

Другие. А коли вам жаль, так ступайте, донесите!

Платон Зубов. Господа, разойдемся, а то арестуют — тем дело и кончится.

Талызин. Что вы, князь? Сами кашу заварили, а теперь на попятный?

Платон Зубов. Да ведь не я один, а вот и они...

Одни. Князь правду говорит — толку не быть — разойдемся.

Другие. Трусые! Шпионы! Предатели!

Одни. Как вы, сударь, смеете?..

Кто-то в кого-то пускает бутылкою.

Голова. Ваше превосходительство, тут дерутся!

Голоса. Тише, тише вы там, черти, анафемы!

Талызин. Господа, господа, как вам не стыдно? Отечество в опасности, а вы...

Крики, смятение. *Платон Зубов* пробирается к выходу.

Валериан Зубов. Куда ты, Платон?

Платон Зубов. Домой.

Валериан Зубов. Брат, а брат, да ты и вправду струсил, что ли?

Платон Зубов. А чего хорохориться? На деревяшке-то своей не далеко ускачешь. И не сам ли сейчас говорил, что убивать не пойдешь?

Валериан Зубов. Не пойду убивать, но умирать пойду за отечество.

Платон Зубов. Ну, брат, знаем — Кузькина мать собиралась умирать... Да ну же, полно дурить, пусти!

Валериан Зубов. Не пущу!

Платон Зубов (толкает его). Пусти, черт!

Валериан Зубов (обнажая шпагу). Стой, подлец! Заколю!

Платон Зубов (кидаясь на него со шпагой). Ах ты, каракатица безногая! Я тебя!..

Бьются. Их разнимают.

Талызин. Платон Александрович!.. Валериан Александрович! Брат на брата!..

Стук в наружную дверь.

Платон Зубов (в ужасе, падая навзничь на стул). Аракчеев!..

Смятение.

Голоса. Аракчеев! Аракчеев! Бегите!

Талызин. Господа, что вы? Бог с вами, какой Аракчеев? Это Пален — мы Палена ждем!

Голоса. Пален, Пален! Эк перетрусили!

Талызин (у двери). Кто там?

Голос (из-за двери). Да я же, я. Николай Зубов. Отпирайте, черт побери, ошалели, что ли?

Талызин отпирает. Входит Николай Зубов.

Талызин. Ну, батюшка, напугали.

Николай Зубов. А что?

Талызин. Думали, Аракчеев...

Николай Зубов. Типун вам на язык — зачем его поминаете к ночи?

Талызин. А вы где же, сударь, пропадали?

Николай Зубов. Болел.

Талызин. Животик тоже, как у братца?

Николай Зубов. Не живот, а черт.

Талызин. Черт? В каком же виде?

Николай Зубов. В виде генерала Аракчеева.

Талызин. Тьфу, скверность!

Николай Zubов. Да, сперва по ночам душил, а потом и днем являться стал: куда ни обернусь, все эта рожа паскудная, — торчит, будто бы, под боком да шепчет на ухо: «Поди, донеси, а то арестую». И такая на меня тоска напала, такая, братцы, тоска — ну, просто смерть! Пойду-ка, думаю, к знахарке: с уголька не sprysнет ли? Поутру сегодня ранешенько иду мимо летнего сада, по набережной; темень, слякоть, склизко; на мостике Лебяжьем споткнулся, упал, едва ногу не вывихнул; ну, думаю, шабаш, тут меня Аракчев и сцапает. Гляжу, — а на снегу образок лежит малюсенький, вот этот самый, — видите? Николай Угодник Мценский.

Титов. Удивительно!

Николай Zubов. Подобрал, перебежал по мосткам на Петербургскую к Спасу, отслужил молебен, да как запели: «Отче, святителю Николаю! Моли Бога о нас», — так меня словно осенило: ах, батюшки, думаю, да ведь это он сам святитель-то, ангел мой, благословил меня иконкою! И все как рукой сняло — ничего я теперь не боюсь и вы, братцы, не бойтесь — Никола вывезет!

Талызин. Никола-то Николаю, а мы тут, ваше сиятельство, чуть не перессорились...

Николай Zubов. А из-за чего?

Талызин. А если отреченья государь не подпишет, так что делать?

Николай Zubов. Что делать? Убить как собаку — и кончено!

Голоса. Убить! Убить! Собаке собачья смерть! Смерть тирану!

Бибиков (в испуге). Не ему одному, а всем! Пока не перережем их всех. Не истребим гнездо проклятое, — не будет в России свободы!¹⁰⁴

Одни. Всех! Всех! Бить так бить!

Другие. Что вы, что вы, братцы!.. Бога побойтесь!

Николай Zubов. Небойсь, ребята, небойсь, — Никола вывезет!

Стук в дверь. Опять, как давеча, смятение.

Голоса. Аракчевы! Вот когда Аракчевы... Бегите! Бегите!

Талызин (у двери). Кто там?

Голос (из-за двери). Граф Пален.

Талызин отпирает дверь. Входит *Пален*.

Пален. Ну, что, господа, как у вас тут? Все ли готово?

Талызин. Все, ваше сиятельство! Только вот никак сговориться не можем.

Пален. Не говорить, а делать надо. Одно, друзья, помните: не разбивши яиц, не состряпаешь яичницы¹⁰⁵.

Татаринов. Это что же значит? А?

Скарятин. Яйца — головы царские, а яичница — революция, что ли?

Пален. Ну, господа, времени терять нечего — идем!

Голоса. Идем! Идем!

Пален. На два отряда разделимся¹⁰⁶: одни со мною, другие с князем Платоном...

Платон Зубов. Нет, граф, на меня не рассчитывайте.

Пален. Что такое?

Платон Зубов. Не могу — болен.

Пален. Что вы, что вы, Платон Александрович, батюшка, помилуйте, в последнюю минуту, — прескверная штука, не угодно ли стакан лафита.

Бенигсен. Не извольте беспокоиться, граф! Князь, правда, болен. Но это пройдет — у меня для него отличное средство... (*Платону Зубову.*) Ваше сиятельство, на два слова. (*Палену.*) А вы, граф, пока разделяйте отряды.

Бенигсен отводит *Платона Зубова* в сторону.

Пален. Господа, кому угодно со мною, сюда пожалуйста, направо, а прочие, с князем, — налево.

Все стоят, не двигаясь.

Пален. Ну, что же? Разделяйтесь... (*Молчание.*) А, понимаю... (*Сам расставляет всех по очереди.*) Со мной — с князем, со мной — с князем.

Платон Зубов и *Бенигсен* — в стороне.

Платон Зубов. Что вам, сударь, угодно?

Бенигсен. А то, что если вы...

Платон Зубов. Оставьте меня в покое!

Бенигсен. Если вы...

Платон Зубов. Убирайтесь к черту!

Бенигсен. Если вы сейчас не согласитесь идти с нами, я вас убью на месте.

Вынимает пистолет.

Платон Зубов. Что за шутки!

Бенигсен. А вот увидите, как шучу.

Взводит курок.

Платон Зубов. Перестаньте, перестаньте же, Леонтий Леонтьевич...

Бенигсен. Решать извольте, пока сосчитаю до трех. Раз — идете?

Платон Зубов. Послушайте...

Бенигсен. Два — идете?

Платон Зубов. Э, черт...

Бенигсен. Три.

Платон Зубов. Иду, иду.

Бенигсен. Ну, давно бы так. (*Палену.*). Князь идет — пилюли изрядно подействовали¹⁰⁷.

Пален. Ну, вот и прекрасно. Значит, все готово. Хозяин, шампанского! Выпьем — и с Богом.

Депрерадович. Ваше сиятельство, а как же мы в замок войдем?

Пален (указывая на Аргамакова). А вот Александр Васильевич проведет — ему все ходы известны¹⁰⁸.

Аргамаков. От Летнего сада через канавку по малому подъемному мостику.

Яшвиль. А если не опустят?

Аргамаков. По команде моей, как плац-адъютанта замка, опустят.

Депрерадович. А потом?

Аргамаков. Потом через Воскресенские ворота, что у церкви, во двор и по витой лестнице прямо в переднюю к дверям спальни.

Яшвиль. Караула в передней много ли?

Аргамаков. Два камер-гусара.

Депрерадович. Из наших?

Аргамаков. Нет. Да с двумя-то справимся.

Денщики подают на подносах бокалы с шампанским.

Пален (подымая бокал). С новым государем императором Александром Павловичем. Ура!

Все. Ура! Ура!

Бенигсен (отводя Палена в сторону). Игра-то, кажется, не стоит свеч?

Пален. Почему?

Бенигсен. А потому, что с этими господами революции не сделаешь. Низложив тирана, только утвердим тиранство.

Пален. Ваше превосходительство, теперь поздно...

Бенигсен. Поздно, да, — или рано. А жаль. Ведь можно бы.. Эх!.. Ну, да все равно. Le vin est tiré, il faut le boire. Идемте.

Пален. Идемте, господа!

Голоса. Идем! Идем! Ура!

Талызин. Ваше сиятельство, как же так? — ведь мы ничего не решили...

Голоса. Довольно! Довольно! Идем! Ура!

Все уходят.

Два денщика, старый — *Кузьмич* и молодой — *Федя*, гасят свечи, убирают со стола, сливают из бокалов остатки вина и пьют.

Федя. Дяденька, а дяденька, грех-то какой — ведь они его убьют?

Кузьмич. Убьют, Федя, не миновать, убьют.

Федя. Как же так, дяденька, а? Царя-то?.. Ах ты, Господи, Господи!

Кузьмич. Да что, брат, поделаешь? От судьбы не уйдешь: убили Алешеньку¹⁰⁹, убили Иванушку¹¹⁰, убили Петеньку¹¹¹, убьют и Павлушку. Выпьем-ка, Федя, за нового.

Федя. Выпьем, Кузьмич! А только как же так, а? И какой-то еще новый будет?

Кузьмич. Не лучше старого, чай. Да нам, что новый, что старый, все едино, — кто ни поп, тот и батька¹¹².

Федя поднимает с пола гитару, брошенную кн. Долгоруким, и, как бы о другом думая, тихонько перебирает струны. *Кузьмич* сперва тоже тихо, потом все громче подпевает.

Кузьмич.

Ах ты, сукин сын, камаринский мужик,
Ты за что, про что калачницу убил?
Я за то, про то калачницу убил,
Что не с солию калачики пекла,
Не поджаристые.

Вторая картина.

Комната княгини Анны Гагариной.

Налево — дверь в спальню; в глубине — дверь на лестницу, ведущую в апартаменты государя. Направо — камин с огнем.
В углу стенные часы. Ночь.

Павел и Анна.

Анна сидит в кресле у камина. *Павел* у ног *Анны*, положив голову на ее колени, дремлет.

Анна. Баю-баюшки-баю! Спи, Павлушка, спи, родненький!

Павел. Какие у тебя глазки ясные — точно два зеркальца — вижу в них все и себя вижу маленьким, маленьким... А знаешь, Аннушка, когда я так лежу головой на коленях твоих, то будто и вправду я маленький, и ты на руках меня держишь, баюкаешь...

Анна. Спи, маленький, спи, деточка!

Павел. Сплю, не сплю, а все что-то грезится давнее-давнее, детское, такое же маленькое, как вот в глазах твоих. Большое-то забудешь, а малое помнится. Бывало, за день обидит кто, ляжешь в постель, с головой одеялом укроешься и плачешь так сладко, как будто и рад, что обидели... Ты это знаешь, Аннушка?

Анна. Знаю, милый! Нет слаще тех слез — пусть бы, кажись, всегда обижали, только бы плакать так...

Павел. Вот, вот!.. А тебя кто обижал?

Анна. Мачеха.

Павел. А меня мать родная... Ну, да не надо об этом... Зато, когда весело, так весело — расшались, бывало, с Борей Куракиным¹¹³, со стола учительского скатерть сдернем и ну кататься, валяться — пыль столбом. Из шкапов книжных полки повытаскаем, мосты военные строим. А лошадки, солдатики! А там уж и дела сердечные... Влюбляться-то чуть не с колыбели начал. В томах Энциклопедии Французской — книжищах преогромных, больше меня самого — все изъяснение к слову *Amour* ишу и с фрейлинами — против нас жили во флигеле — в окна переглядываемся¹¹⁴. Не знал еще, что такое любовь, а уж дня не мог прожить без страсти. Подышу на зеркало и выведу пальцем имя возлюбленной, а услышу, идут — сотру поскорее. Раз на балу персик украл, спрятал в карман, чтоб любезной отдать, да забыл, сел, раздавил, по штанам потекло — срам! А красавицы-то, не шутя, на плутишку заглядывались: я ведь тогда — не то что теперь, курносый урод, — мальчик был прехорошенький. Портретик мой помнишь? Где он? Покажи-ка.

Анна снимает с шеи цепочку с медальоном и подает *Павлу*.

Павел (глядя на портрет). А-а! Я и забыл, что мы тут вдвоем: на одной половинке — я, на другой — он. Ровесники. Обоим лет по двенадцати. И похожи-то как! Две капли воды. Не разберешь, где я, где он. Точно близнец, аль двойник. Ну да и не диво — ведь сын родной, первенец, плоть и кровь моя, мальчик мой милый!.. Александр, Александр!

Ломает медальон и бросает в огонь.

Павел. Будь он проклят! проклят! проклят!

Анна. Что ты, Павлушка? Сына родного...

Павел. Отщепубийца!

Анна. Нет, нет, не верь, нагали тебе — Александр невинен...

Павел. Невинен? Он-то невинен? Да знаешь ли, что он со мною сделать хотел? Пусть бы просто убил — как разбойник, ночью пришел и зарезал... Так нет же, нет! Не тело, а душу мою умертвить он хотел — лишит меня разума... С ума-то свести можно всякого, только стой все кругом, да подмигивай: «Вот, мол, сходит, сходит с ума!» Хоть кого, говорю, возьми, не выдержит — взбесится... А сошел бы с ума, — посадили бы на цепь, пришли бы дразнить, как зверя в клетке, и я бы выл, выл, выл, как зверь, или как ветер — слышишь? — в трубе воет — у-у-у!..

Анна. Не надо. Не надо. Павлушка, миленький! А то ведь и вправду можно...

Павел. Можно! А ты что думала? Когда тяжесть России, тяжесть Европы, тяжесть мира, вся на одной голове — с ума сойти можно. Бог да я — больше никого, вот что тяжело, — человеку, пожалуй, и не вынести... Трон мой — крест мой, багряница — кровь, корона — терновый венец, иглы пронзили мне голову... За что, за что, Господи?.. Да будет воля Твоя... Но тяжело, тяжело, тяжело!..

Падает на колени.

Анна (обнимая и целуя голову Павла). Павлушка, бедный ты мой, бедненький!..

Павел. Да, — «Бедный Павел! Бедный Павел!» Знаешь, кто это сказал?

Анна. Кто?

Павел. Петр.

Анна. Кто?

Павел. Государь император Петр I, мой прадед.

Анна. Во сне?

Павел. Наяву.

Анна. Привидение?

Павел. Не знаю. А только видел я его, видел вот как тебя вижу сейчас. Давно было, лет двадцать назад. Шли мы раз ночью зимою с Куракиным по набережной. Луна, светло почти как днем, только на снегу тени черные. Ни души, точно все вымерло. На Сенатскую площадь вышли, где нынче памятник. Куракин отстал. Вдруг слышу, рядом кто-то идет — гляжу — высокий, высокий, в черном плаще, шляпа низко — лица не видать. «Кто это?» — говорю. А он остановился, снял шляпу — и узнал я — государь император Петр I. Посмотрел на меня долго, скорбно да ласково так, головой покачал и два только слова молвил, те же вот, что ты сейчас: «Бедный Павел! Бедный Павел!»¹¹⁵

Анна. И что же?

Павел. Не помню. Упал я, верно, без чувств. Только как пришел в себя, вижу, Куракин надо мною хлопчет, снегом виски трет. «Это, говорит, у вас от желудка». Что ж, может

быть, и от желудка. Никто ничего не знает. А ты веришь в привидения, Аннушка?

Анна. Не знаю... Не надо об этом... страшно...

Павел. Да, страшно. Все страшно, — о чем ни подумаешь, как в яму провалишься... Никто ничего не знает... Паскаль¹¹⁶ говаривал, что вещь наималейшая такая для него есть бездна темноты, что рассудку на то не достает... Так вот и я всего боюсь, а больше всего бояться боюсь... Ну, да правда твоя — не надо об этом... лучше опять так — головой на коленях твоих — тихо, тихо — баю-баюшки-баю...

Анна. Баю-баюшки-баю! Спи, Павлушка, спи, родненький.

Павел. Давнее-давнее, детское... Клеточка для чижигов, один чижик прикован к столбику с обручем, а внизу вода — сам таскает ведерышком; клеточка, будто бы, пустынь, а чижик — пустынный, «Дмитрием Ивановичем» звать, а другой на воле, тот — «Ванька-слуга»... А еще столовые часики фарфоровые, белые, с цветочками золотыми да розовыми... Когда солнце на них, то в цветочках веселие райское...¹¹⁷

Часы на стене бьют три четверти одиннадцатого.

Павел. Спать пора. Даст Бог, усну сегодня сладко — сниться будет, что баюкаешь. А ветер-то в трубе опять как воет, слышишь? — у-у-у! Точно мой Шпиц. Собачонка проклятая — весь день выла — под ногами все вертится, в глаза глядит и воет...¹¹⁸

Павел встает. *Анна*, с внезапным порывом обняв его, прижимается к нему.

Павел. Что ты?

Анна. Не уходи! Не уходи!

Павел. Да что, что такое?

Анна. Не знаю... Страшно...

Павел. Напугал привидениями, что ли?

Анна. Не знаю... Нет... Не то...

Павел. Так что же?

Молчание. *Анна* еще крепче прижимается к *Павлу* и дрожит.

Павел. А, вот что! Думаешь, убьют. Небось, не убьют. Пусть-ка сунутся, попробуют. Ребятущек моих наемни видела, как любят меня? Коли что — умрут, а не выдадут. Ну, да и Пален, чай, не дурак.

Анна. Пален — изменник.

Павел. А вот посмотрим — я уже послал за Аракчеевым — завтра же узнаем все.

Анна. Завтра? А если в эту ночь?..

Павел. Небось, говорю, не успеют. Да и как им войти сюда? После вечерней зори — все ворота заперты, мосты подняты: мы тут в замке, как в осажденной крепости — рвы глубокие, стены гранитные, бойницы с пушками — целым войском не взять.

Анна. А все-таки страшно, Павлушка!.. Прости ты меня, глупую... Видно, и я, как собачка твоя... Ну, родненький, ну, миленький, ну что тебе стоит?.. Останься, побудь со мной до утра...

Павел. Что вы, княгиня? «Сela ne convient pas», как говорит ее величество... Нет, не шутя, сударыня, я не хочу, чтоб называли любовницей Павла ту, которую скоро назовут императрицею Всероссийской...¹¹⁹ Завтра же... Какой завтра день?

Анна. Понедельник.

Павел. А, тяжелый день... Ну да для кого — понедельник, а для нас — воскресенье. Завтра же я нанесу великий удар — падут на плахе головы, некогда мною любимые... Завтра старому конец — и новая, новая жизнь — Воскресение!.. Ну, прощай, а то и вправду, пожалуй...

Анна. Останься! Останься!

Павел. Нет, нет! Как вам не стыдно? Трус я, что ли? Мне ли, самодержцу, великого Прадеда правнуку, бояться этой сволочи? Взгляну — и побегут, дохну — и рассеются! Яко тает воск от огня, побегут нечестивые! С нами Бог! Не бойся же, Анна, и помни — с нами Бог!

Павел обнимает Анну и уходит. Анна падает в кресло и сидит неподвижно, как бы в оцепенении, глядя на огонь и камине.

Потом подбегает к двери, в которую ушел Павел.

Анна. Павлушка! Павлушка! (*Прислушивается.*) Ушел...

Возвращается на прежнее место у камина, садится и опускает голову на руки.

Бедный Павел! Бедный Павел!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Первая картина.

Две комнаты, разделенные стеною; направо — узкая прихожая-коридор; налево — спальня государя. В стене — двойная дверь, соединяющая обе комнаты.

В глубине прихожей запертая дверь на маленькую витую лестницу во двор. Далее — печка и скамья для часовых. Направо — дверь в приемную и окно на Нижний летний сад. На полу фонарь. В глубине спальни — маленькая походная кровать без занавесок с ширмами; ночник. Направо — голландская печка на ножках; забитая наглухо дверь в апартаменты государыни. Стены обложены деревом, крашенным в белый цвет¹²⁰.

Павел, в белом полотняном камзоле, в ночном колпаке спит на постели.

В прихожей два часовых, камер-гусара, *Ропшинский*, помоложе, и *Кириллов*, постарше, дремлют на скамье у печки. *Ропшинский* встает, зеваает, потягивается, подходит к двери спальни, приотворяет первую наружную дверь, прикладывает ухо к замочной скважине и прислушивается.

Кириллов. Спит?

Ропшинский. Спит.

Кириллов. Ну слава Богу. Теперь до утра, чай, не проснется. Умаялся, столько-то ночей не спавши.

Ропшинский. Как лег, так и заснул, точно ключ ко дну пошел. И помолиться не успел.

Кириллов. Ну, Бог простит! Что другое, а к молитве усерден. В прежние-то годы, в Гатчинском дворце, бывало, так-то ночью тоже стоишь на часах у спальни и все насквозь двери слышишь, как молится, вздыхает да охает, лбом об пол колотит, земные поклоны кладет — на паркете протерты, и нынче видать, словно две ямочки¹²¹.

Павел (во сне). Часики фарфоровые белые с цветочками... Когда на них солнце, то в цветочках веселие райское...

Ропшинский (прислушиваясь). Бредит.

Кириллов. Ничего. Всегда во сне говорит, иной раз по-русски, а иной по-французски, внятно так, будто наяву; ежели в день был весел, то бредит спокойно, а ежели какие противности, то и сквозь сон говорит угрюмо и гневаться изволит... О-хо-хо, грехи наши тяжкие... Сохрани и помилуй Царица Небесная... Ложись-ка, Степа!

Ропшинский. Нет, я посижу, Данилыч, а то как лягу, не добудисься.

Кириллов. Ну, с Богом! А я тут у печки прикорну — дело наше старое — поясицу что-то ломит — не к морозу ли? Дай Бог морозца да солнышка...

Кириллов расстилает шинель на полу и укладывается. *Ропшинский* дремлет, сидя на скамье и прислонившись головой к печке. Сначала издали, потом все ближе и ближе, наконец, у самых окон, на деревьях Летнего сада слышится воронье карканье.

Ропшинский. Слышишь, Данилыч?

Кириллов. А что?

Ропшинский. Воронье-то раскаркалось.

Кириллов. Да, вишь, проклятые! И с чего это ночью им вздумалось? Не к добру, ой, не к добру!.. То собачонка выла весь день, а то воронье. Как бы государя не взбудили. Спугнул их, что ли, кто? Да кому ночью по саду ходить?.. Погляди-ка, Степка, что там такое?

Ропшинский (глядя в окно). Не видать — стекло замерзло. Вверху будто прояснело, вывездило, а внизу не то вьюга метет, не то люди идут — много людей, войско...¹²²

Кириллов. Какое там войско, Господь с тобой! Спросонок, чай, мерещится.

Ропшинский. Может, и мерещится — мутно, бело — не видать...

Отходит к скамье.

Кириллов. Ну то-то... Дело ночное — всяко бывает. А то оградись крестом да молитвою — чур нас, чур. — Тебя и не тронет. (*Крестится и зеваает*). О-хо-хо, грехи наши тяжкие... Сохрани и помилуй, Царица Небесная...

Кириллов и *Ропшинский* засыпают.

Воронье карканье стихает. Фонарь чадит и гаснет.

В окне голубоватый отсвет лунной вьюги.

Павел (во сне). Сашенька, Сашенька, мальчик мой миленький!..

Стук с лестницы в наружную дверь прихожей.

Кириллов (просыпаясь). Стучат!.. Степа, а Степа?

Ропшинский (в полусне). Воронье... воронье... Ох, Данилыч, что мне приснилось-то... (*Совсем проснувшись*.) А? Что? Стучат?..

Кириллов. О, Господи! Уж не беда ли какая?.. Помилуй, Царица Небесная! (*Надев саблю и подойдя к двери*.) Кто там?

Голос Аргамакова (из-за двери). Отворяй! Отворяй!

Кириллов. Да что? Кто такой?

Голос Аргамакова. Оглох ты, старая тетеря, не слышишь, что ли, по голосу? Я, я — Аргамаков, плац-адъютант...

Кириллов. Александр Васильевич, ваше высокоблагородие, чего угодно?..

Голос Аргамакова. Продери-ка глаза, пьяная рожа! Аль забыл, с кем говоришь?.. Я к его величеству с рапортом.

Кириллов. Государь почитать изволят, ваше высокоблагородие, — будить не велено...

Голос Аргамакова. Врешь, дурак! О пожарах и ночью докладывать велено¹²³.

Кириллов. Пожар? Где пожар?

Голос Аргамакова. В Адмиралтействе. Да черт тебя дери, долго ли мне тут с тобой разговаривать?.. Ужо на гауптвахте выпорю, так узнаешь, сукин сын, как команды не слушаться... Отворяй!

Кириллов. Сейчас, сударь! Сейчас. Фонарь потух, темно, ключа не найду.. *(Тихо Ропшинскому.)* Степа, а Степа? беды бы не вышло?.. Не взбудить ли государя, что ли?..

Ропшинский. Нет, Данилыч, упаси Боже будить — убьет... Пусть уж полковник сам, как знает, а наше дело — сторона.

Голос Аргамакова. Отворяй же! Отворяй, черт, анафема!

Ропшинский. Вишь, как лют, — пожалуй, и вправду засечет. Отворяй-ка скорее, Данилыч!

Кириллов. О, Господи, Господи! Помилуй, Царица небесная...

Отпирается дверь. Входит Аргамаков.

За ним — *Бенигсен*, кн. *Яшвиль*, *Бибииков*, *Татаринов*, *Скарятин*, *Николай* и *Платон Зубовы*, с глухими фонарями и шпагами наголо¹²⁴.

Кириллов. Кто такие?.. Кто такие?.. Ой, ой... Батюшки... Караул!..

Ропшинский (убегая направо). Караул!

Кириллов (выхватывая саблю из ножен и становясь перед дверью спальни). Стой! Стой!

Заговорщики окружают *Кириллова*.

Николай Зубов. Саблю долой!

Ударом шпаги выбивает у *Кириллова* саблю и ранит его в руку¹²⁵.

Кириллов (падая). Государь! Государь! Бунт!

Павел (на мгновение проснувшись, приподнимается на постели). Кто там? Кто там? *(Падает навзничь и опять,*

засыпая, бредит.) Сашенька, Сашенька, мальчик мой милый...¹²⁶ Я так и знал... Ну, слава Богу...

Яшвиль (приставив дуло пистолета к виску Кириллова). Молчи — убью!

Аргамаков (хватая кн. Яшвиля за руку). Что вы, князь, — всех перебудите.

Николай Зубов. Рот платком! Тащи вниз!

Кириллову затыкают рот и стаскивают по лестнице.

Аргамаков. А другой?

Николай Зубов. Убежал.

Платон Зубов. Беда! Тревогу подымет.

Бенигсен. Не успеет¹²⁷. А наши-то где?

Николай Зубов. Разбежались. Кто на лестнице да на дворе отстал, а кто — в саду¹²⁸; как давеча вороны-то раскаркались, все перетрусил.

Бенигсен. Ну, черт с ними! Нас и так довольно. Только скорее, скорее! (*Подойдя к дверям спальни, открывает наружную дверь и пробует открыть внутреннюю*). Изнутри заперся — значит там. (*Прислушивается*). Верно, спит. У кого инструмент?

Аргамаков. Здесь.

Бенигсен. Отпирайте.

Аргамаков (Платону Зубову). Фонарь подержите.

Голоса заговорщиков (с лестницы). Бегите! Бегите! Тревога!

Платон Зубов. Господа, слышите?

Дрожит и роняет фонарь.

Бенигсен. Эх, князь, теперь не время дрожать!¹²⁹

Павел (просыпаясь). Кто?.. Кто?.. Кто?..

Соскочив с постели, подбегает к двери и прислушивается.

Бенигсен. Инструмент, что ли, испортился?

Аргамаков. Нет, да замок аглицкий, с фокусом — отмычка не берет.

Николай Зубов. Ну-ка, плечом, — авось, подастся.

Напирает плечом на дверь. Дверь трещит. *Павел* отбегает в противоположный конец спальни, забивается в угол у печки за ширмами и плотно прижимается, как будто расплющивается, весь белый на белой стене, почти невидимый. Дверь открывается. *Заговорщики* вбегают в спальню.

Яшвиль (осветив постель фонарем). Убежал!

Николай Зубов. Куда? Не в окно же высочил?

Бенигсен (пощупав постель). Le nid est chaud, l'oiseau n'est pas loin^I.

Идут, заглядывают в шкафы, под кресла, под стол, под кровать.

Платон Зубов (указывая под ширмы). Ноги!

Бибиков. Тьфу! Точно в прятки играем...

Бенигсен (отодвигая ширмы). Он!¹³⁰

Николай Зубов. Да что с ним такое? Будто не живой...

Бенигсен. Ваше величество...

Аргаматов. Не слышит.

Скарятин. От страха ошалел — столбняк.

Николай Зубов. А вот посмотрим.

Подносит фонарь к лицу *Павла* и тихонько одним пальцем дотрагивается до руки его. *Павел* весь, с головы до ног, вздрагивает и отпрядывает от стены, как будто хочет броситься на *заговорщиков*.

Все отступают.

Павел (быстро и невнятно, как в бреду). Что?.. Что?.. Что?.. Что?.. Что?..

Бибиков. Экая мерзость!.. Господа, нельзя же так... Черт знает, что такое! Кончайте скорее!

Бенигсен (Платону Зубову). Князь, отречение у вас? Ступайте же, ступайте, говорите, как решили. Да ну же, ну!..

Платон Зубов (вытирая пот с лица). Сейчас... сейчас... я только немного...

Бенигсен (подталкивая Платона Зубова). Да ну же, ну, ступайте!.. Э, черт вас дерит!..

Платон Зубов выступает вперед, держа в руках манифест.

Платон Зубов. Sire, nous venons au nom de la patrie^{II}... Нет, не могу... Дурно... Воды!..

Бенигсен (вырвав у Платона Зубова манифест). Ну вас к черту! (*Подойдя к Павлу.*) Ваше величество, вы арестованы...

Павел. Арестован?.. Арестован?.. Что значит арестован?..¹³¹

Бенигсен. Арестованы и низложены. Государь-наследник, Александр Павлович, объявлен императором. На вашу жизнь никто посягнуть не осмелится: я буду охранять особу

^I *Le nid est chaud, l'oiseau n'est pas loin* (фр.) — Гнездышко еще теплое, стало быть, птичка недалеко.

^{II} *Sire, nous venons au nom de la patrie...* (фр.) — Государь, мы пришли от имени родины...

вашего величества. Только предайтесь нам совершенно. В случае же сопротивления малейшего, я не отвечаю...

Павел. Господи!.. Господи!.. Господи!.. Что я вам сделал?.. Что я вам сделал?..

Николай Zubov. Четыре года тиранил, злодей!

Татаринов. Давно бы с тобою покончить! 132

Бенигсен. Господа, перестаньте! Мы пришли сюда для спасения отечества, а не для низкого мщения. (*Подавая Павлу манифест.*) Sire, ayez l'obligeance de signer sur le champs cet act d'abdication^I ...

Николай Zubov. Эх, генерал, чего французить! Лучше мы по-русски... Ну-ка, Павел Петрович, добром говорим — отрекайся, а то, сударь, плохо будет!

Павел (подымая руки вверх, торжественно, внезапно изменившимся голосом). Я... я... я... помазанник Божий... Самодержец Всероссийский!.. Убейте, убейте!.. Не отрекусь!.. С нами Бог!.. С нами Бог!..

Николай Zubov. Видите, совсем рехнулся! Что с ним разговаривать?.. Кончать надо!

Скарятин. Не разбивши яиц, не сделаешь яичницы!

Толпа остальных заговорщиков вбегает с лестницы в прихожую.
Шум, крики, смятение.

Голоса (в прихожей). Бегите! Бегите! Спасайтесь!

Бенигсен. Что такое?

Талызин (вбегая из прихожей в спальню). Скорее, скорее! Кончайте! Караул идет!

Павел (бросаясь к двери). Караул! Караул! Помогите!

Бенигсен (со шпагою наголо, заступая дорогу Павлу). Restez tranqui! Sire, il y va de vos jours!^{II} 133

Павел. Пустите! пустите! Караул!

Николай Zubov. Чего орешь?¹³⁴

Хватает Павла за руку. Павел вырывает у него руку.

Николай Zubov ударяет его кулаком по виску. Он падает.

Толпа из прихожей врывается в спальню.

Голоса. Скорее! Скорее! Идут!

Павел (подымаясь). Помогите! Помогите, ребяташки!

I Sire, ayez l'obligeance de signer sur le champs cet act d'abdication... (фр.) — Государь, благоволи́те немедленно подписать манифест об отречении...

II Restez tranqui! Sire, il y va de vos jours! (фр.) — Государь, будьте благоразумны, от этого зависит ваша жизнь!

Кн. *Яшивиль* кидается на *Павла*. Оба падают.

На них наваливаются другие, передние — на задних, образуя кучу копошащихся тел. Ширма опрокинута. Ночник погас. Свалка.

Бенигсен. Стой! Стой!

Николай Зубов. Небось, братцы. Никола вывезет. Бей!

Голоса. Бей! Смерть тирану!

Яшивиль. Шпагу! Шпагу давай!

Николай Зубов. Зачем шпагу? Не надо крови. Души!

Татаринов. Веревку.

Аргаматов. Веревки-то нет.

Скарятин. Подушками!

Николай Зубов. Где тут возиться!

Татаринов. Шарфом!

Скарятин. Вот!

Татаринов. Петлю!

Скарятин. Готово!

Николай Зубов. Надевай!

Скарятин. Выбился, черт!

Павел. Помогите, помогите!

Татаринов. Ну же, тяни!

Скарятин. Руку подsunул — не стянешь!

Павел. Ради Бога! Ради Бога! Помолитесь!¹³⁵

Татаринов. Стягивай! Стягивай! Стягивай!

Павел. Александр! Александр!

Вторая картина.

Парадная лестница Михайловского замка; гранитные ступени между двумя балюстрадами из серого сибирского мрамора и пилястрами из полированной бронзы. Две площадки, верхняя и нижняя; с нижней — две лестницы между мраморными колоннами, направо — во двор замка, налево — в апартаменты Александра; с верхней — дверь направо в апартаменты Павла, налево — в Тронную залу; в глубине — большое окно-дверь на балкон и площадь перед замком.

Раннее, еще темное утро. Потом светает.

*Мария Федоровна; Александр; Константин; Елизавета; Пален, гр.; Бенигсен; Талызин; Аргаматов; Николай и Платон Зубовы; кн. Яшивиль; кн. Татаринов; Скарятин; Марин; Полторацкий; Роджерсон; Головкин; гр. Голицын; кн. Нарышкин; Кушелев; Ливен, кн.; Амросий — Митрополит; Исидор*¹³⁶. духовник. Духовенство. Придворные чины. Истопник. Чиновник. Солдаты.

На лестнице никого. Темнота. Тишина.

На нижнюю площадку справа выбегает *Мария Федоровна*, с распущенными волосами, в ночной рубашке, в туфлях на босую ногу, в шубе, накинутой на одно плечо и волочащейся по полу. За нею — княгиня *Ливен*.

Мария Федоровна. Paulchen! Paulchen! Paulchen!

Взбегает наверх по лестнице, спотыкается, падает, теряет туфлю, встает и бежит дальше.

Ливен. Ваше величество... погодите... туфля, туфля, ваше величество!

Мария Федоровна убегает направо; за нею — кн. *Ливен*¹³⁷. На нижнюю площадку справа входит поручик *Полторацкий*, за ним — солдаты.

Полторацкий. Ребята, за царя!

Полторацкий с обнаженной шпагой взбегает до середины лестницы, за ним — солдаты. На верхнюю площадку справа выходят *Пален* и *Бенигсен*.

Пален. Караул, стой!

Солдаты останавливаются.

Пален. Его величество государь император Павел I скончался апоплексическим ударом. Государь наследник Александр Павлович изволил вступить на престол.

Молчание, потом глухой ропот *солдат*.

Солдаты. Не верь, братцы, не верь!.. Убили, убили, злодеи!..

Пален. Смирно-о! (*Полторацкому.*) Извольте, поручик, сводить караул!

Полторацкий. Ваше сиятельство...

Пален. Молчать! Как вы смеете, сударь, команды не слушаться?.. (*Солдатам.*) Я вас всех ужо, сукины дети... Пикни только!

Полторацкий (*солдатам*). Смирно-о!

Ропот стихает.

Полторацкий. На плечо-о!

Солдаты берут на плечо.

Полторацкий. Направо — кругом — марш!

Полторацкий и *солдаты*, сойдя по лестнице, уходят направо.

Пален. Уф! Еще минута — и бросились бы на нас... Прескверная штука, не угодно ли стакан лафита!

Бенигсен. Только покойник и спас.

Пален. Покойник?

Бенигсен. Ну, да, вышколил так, что довольно скомандовать, чтобы стали машинами.

Голос Марии Федоровны (за дверью). Пустите! Пустите! Пустите!

Пален. Что такое?

Бенигсен (заглядывая в дверь). Государыня!

Голос кн. Яшвиля. Вытащите вон эту бабу!

Голос Марии Федоровны. Paulchen! Paulchen! Ой-ой-ой!..

Бенигсен. Однако, не церемонятся... Видели?

Пален. А что?

Бенигсен. Татаринлов схватил ее в охапку и понес, как ношу¹³⁸.

На верхнюю площадку справа входит лейб-медик *Роджерсон*.

Пален. А, доктор! Ну, что, как у вас там?

Роджерсон. Раньше ночи не поспеет.

Пален. Что вы, сударь, помилуйте! Сегодня же надо выставить.

Роджерсон. Невозможно, граф! Сами видеть изволили, на что похож — узнать нельзя, так искалечили.

Пален. Мерзавцы! как же, генерал, хоть вы бы удержали?

Бенигсен. Удержишь их! Звери! Мертвого били.

Пален. Что же делать, доктор, а?

Роджерсон. Сделаем, что можно — только не торопите. Там теперь два живописца работают.

Пален. Живописцы?

Роджерсон. Да, красят. Только, знаете, господа, с мертвеца-то на мертвеце портрет писать не очень приятно. Старичок, учитель рисования — из Академии Художеств привезли — так испугался, что едва паралич не хватил. Другой, помоложе, все храбрится. Только если и он за эту ночь поседет, я не удивлюсь...¹³⁹ Что еще сказать-то я хотел?.. Затем и пришел, да вот не вспомню... кажется, и у меня голова не в порядке... Да, да, за такие ночи люди седеют...

Пален. Успокойтесь, доктор! А то ежели все мы потеряем голову...

Роджерсон. Постойте-ка, дайте припомнить... Ах, да — язык!

Пален. Язык?

Роджерсон. Ну да, что с языком делать? Высунулся, распух, никак в рот не всунешь, — придется отрезать...

Пален. Ну, будет, будет! Ступайте, делайте, что хотите, — только ради Бога, оставьте нас в покое и кончайте скорее.

Роджерсон уходит.

Поручик *Марин* входит на нижнюю площадку слева.

Марин. Его величество.

Пален. Не пускать! Скажите, что нельзя...

Марин. Говорили. Не слушает, плачет, рвется сюда. Не удержишь. Руки на себя наложить хочет... Да вот и сам.

Александр взбегает по лестнице.

Александр. Батюшка! Батюшка! Батюшка!

Хочет войти в дверь направо. *Пален* не пускает.

Пален. Ваше величество, государь родитель...

Александр. Вы его...

Пален. Скончался.

Александр. Убили!

Падает без чувств на руки *Бенигсена* и *Палена*.

Пален. Доктора!

Марин выбегает и тотчас возвращается с *Роджерсоном*.
Александра кладут на пол и стараются привести в чувство.

Пален. Ну, что?

Роджерсон. Надо быть осторожнее, граф, а то может скверно кончиться... Пока отнести бы в спальню.

Пален. Несите!

Марин (в дверь направо). Ребята, сюда!

Входят караульные солдаты.

Марин. Подымай! Легче, легче!

Марин, Роджерсон и солдаты сносят на руках *Александра* по лестнице. Все уходит. Лестница долго остается пустою. Светает. В окне ясное зимнее утро, голубое небо и первые лучи солнца. На нижнюю площадку справа входят *истопник* и *чиновник*.

Чиновник. Умер ли? Точно ли умер, а?

Истопник. Да говорят же, умер, Фома Неверный!¹⁴⁰

Чиновник. А бальзамируют?

Истопник. Сейчас потрошат, а к вечеру и бальзамируют.

Чиновник. Ну, значит, умер! Слава Те, Господи!.. (Крестится.) Аллилуйя, аллилуйя и паки аллилуйя!¹⁴¹ С новым государем, кум! Поцелуемся...

Истопник. Ну тебя, отстань! Вишь, налился...

Чиновник. Выпил, брат, есть грех, да как на радостях-то

не выпить. Весь город пьян — в погребах ни бутылки шампанского. А на улицах-то — народу тьма-тьмушая. Снуют, бегают, словно ошалели все — обнимаются, целуются, как в Светлое Христово Воскресение. И денек-то выдался светлый такой, — то все была слякоть да темень, а нынче с утра солнышко, будто нарочно для праздника. Ну, да и подлинно праздник — Воскресение, Воскресение России¹⁴²... Ура!

Истопник. Тише ты! Услышат — долго ли до греха? — беды с тобой наживешь...

Чиновник. Небось, кум, теперь — свобода... Иду я давеча сюда по Мойке, а навстречу офицер гусарский по самой середине панели верхом скачет, кричит: «Свобода! гуляй, душа, — все позволено!»

Истопник. Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела... Да ну же, ступай, говорят, ступай — слышь, идут...

Истопник и чиновник уходят направо.

Роджерсон и Марин входят на нижнюю площадку слева.

Марин. Пойду, доложу его сиятельству.

Роджерсон. Попросите же, чтобы граф поосторожнее, а то, ежели опять, как давеча, — я ни за что не отвечаю — рассудка может лишиться.

Марин. Слушаю-с.

Марин, взойдя по лестнице, уходит направо, Роджерсон — налево.

Платон Зубов и обер-церемониймейстер граф Головкин входят на верхнюю площадку слева.

Платон Зубов. Всем чинам военным и гражданским в Зимний дворец, в Большую церковь съезжаться для учинения присяги. Митрополита и духовенство оповестить не забудьте.

Головкин. Митрополит внизу, в церкви ждет.

Платон Зубов. Зачем? Кто просил?

Головкин. Сам приехал. Панихиды служить.

Платон Зубов. Панихид не будет, пока тело не выставят. Так и скажите дураку — пусть во дворец едет.

Головкин. Слушаю-с.

Платон Зубов. Eh bien, comte, qu'est ce qu'on dit du changement¹?

Головкин. Mon prince, on dit que vous avez et un des romains^{II}.

1 Eh bien, comte, qu'est ce qu'on dit du changement? (фр.) — Ну, граф, что говорят о перемене?

II Mon prince, on dit que vous avez et un des romains. (фр.) — Говорят, князь, что вы были одним из римлян.

Платон Зубов. Да, дело было жаркое — потрудились мы на пользу отечества...

Уходят. Александр входит на нижнюю площадку слева.
Елизавета и *Роджерсон* ведут его под руки.

Роджерсон. Потихоньку, потихоньку, ваше величество! Присядьте, отдохнуть извольте...

Камер-лакей приносит стул и уходит.
Александр садится. *Елизавета* дает ему нюхать спирт.

Александр. Ничего... прошло... Только вот голова немного... Все забываю... Что, бишь, я говорил-то, Лизанька? А?
Елизавета. Об отречении, Саша!

Роджерсон, взойдя по лестнице, уходит направо.

Александр. Да, отречение... А ты мне что? Вот опять забыл...

Елизавета. Я говорила, что сейчас нельзя — после...

Александр. После... После... Всю жизнь... Всегда — каждый день, каждый час, каждую минуту — то же, что сейчас вот — это — и больше ничего... Как с этим жить, как с этим царствовать? Ты знаешь?.. Я не знаю... Я не могу... Пусть кто может... А я не могу...

Елизавета. Что же делать, Саша? Надо...

Александр. Надо... И нельзя — опять, как тогда, помнишь? — надо и нельзя, нельзя и надо. Что ж это, что ж это такое, Господи? Сойти бы с ума, что ли... Не думать, не помнить... Забыть... О-о-о... Нет, не забудешь... Годы пройдут, вечность пройдет, а это — никогда, никогда!..

Елизавета становится на колени, обнимает и целует голову *Александра*.

Елизавета. Ну, полно же, полно... Сашенька... Роденький...

Александр. Хорошо... Не буду... Только что еще сказать-то я хотел? Что, бишь, такое?.. Да, да... Власть от Бога... «Несть бо власть еще не от Бога...» И это — опять, как тогда... А знаешь, Лизанька, ведь тут что-то неладно... А ну, как не от Бога власть самодержавная? Ну, как тут место проклятое — станешь на него и провалишься?.. Провалилось все до меня — и я провалюсь... Ты думаешь, с ума схожу, брежу?.. Нет, я теперь знаю, что говорю, — может, потом и забуду, а теперь знаю... тут, говорю, черт к Богу близко, близехонько — Бога с чертом спутали так, что не распутаешь!

Мария Федоровна входит на нижнюю площадку справа. Она в утреннем шлафроке, волосы не убраны, на голове шаль.

Александр. Матушка!

Подходит к *Марии Федоровне*, хочет обнять ее, но, взглянув ей в лицо, отступает.

Она смотрит на него долго и пристально, как будто не узнает.

Мария Федоровна. А-а, ваше высочество... ваше величество... Вы здесь. А там были?... Нет?... Я оттуда сейчас... Не пускали... Задним ходом прошла — караул поставить забыли... Видела... Ступайте же и вы посмотрите...

Александр. Матушка! матушка!

Мария Федоровна. Теперь вас поздравляю: вы — император!¹⁴³

Александр падает на колени, закрыв лицо руками. *Мария Федоровна*, не взглянув на него, проходит мимо, *налево*. *Елизавета* и *Роджерсон* бросаются к *Александру*, поднимают и усаживают¹⁴⁴. *Пален*, *Бенигсен*, *Аргамаков*, *Талызин*, *Депрерадович*, *Николай Зубов*, *Татаринов* и другие *заговорщики* входят на верхнюю площадку справа.

Аргамаков (*тихо Палену*). Ваше сиятельство, а в Преображенском неладно.

Пален. Что такое?

Аргамаков. Шумят, команды не слушают, «покажите, говорят, государя покойного, а то присягать не будем!»

Пален. Сейчас нельзя — не убрано.

Аргамаков. Как бы не вышло беды, уж очень бунтуют.

Пален (*тихо*). Подождите, приберем немного и пустим два ряда, покажем издали. Черт с ними, коли так преданы, пускай наглядятся.

С площади доносится стук барабанов, звуки труб, возрастающий гул голосов, крики войск. *Заговорщики* в смятении приходят, уходят, бегают, кричат, машут руками, указывают и заглядывают в окна.

Голоса заговорщиков. Слышите? Бунт? Бунт? Чего же смотрите? Где государь? Государя к войскам! Скорее! Скорее! Скорее!

Пален, *Бенигсен*, *Николай Зубов*, *Татаринов* и другие *заговорщики* сбегают по лестнице и окружают *Александра*.

Пален. Ваше величество, пожалуйста... Что такое? Опять обморок?

Елизавета. Ничего, пройдет. Только погодите минутку.

Пален. Ждать ни минуты нельзя. Если государь к войскам не выйдет тотчас же, может быть бунт. Пожалуйте, ваше величество!

Александр. Не надо! Не надо!

Пален. Полно, государь! Не время теперь. Благополучие сорока миллионов людей зависит от вашей твердости. Пожалуйте, пожалуйте же, ваше величество!..

Пален и Бенигсен с одной стороны, Николай Зубов и Татариннов — с другой, берут Александра под руки и ведут, как будто насильно тащат, вверх по лестнице. На верхней площадке открывают стеклянную дверь балкона.

Александр. Что я скажу им, что я скажу?

Пален. Скажите только: «государь император скончался ударом — все при мне будет, как при бабушке». Но, ради Бога, повеселее, ваше величество — нельзя же так... Слезки-то, слезки вытереть извольте. Ну, с Богом!

Александр выходит на балкон.

Войска (с площади). Ура! Ура! Ура!

Великий князь *Константин*, обер-церемониймейстер гр. *Головкин*, обер-гофмаршал *Нарышкин*, адмирал *Кушелев* и другие придворные в парадных мундирах выходят на верхнюю площадку слева. На нижнюю справа — дворцовые караулы Семеновского, Преображенского, Leib-гренадерского, Конногвардейского и других полков со знаменами и штандартами. Караулы становятся по обеим сторонам лестницы с эстафонами наголо.

Александр (с балкона). Государь император скончался. Все при мне будет, как при бабушке... ¹⁴⁵

Войска (с площади). Ура! Ура! Ура!

Талызин (указывая на Александра). Точно ангел в лазури небесной парит!

Депрерадович. А солнце-то, солнце — се Александровых дней восходящее солнце!

Константин (Кушелеву, указывая на заговорщиков). Я бы их всех повесил!.. А впрочем, наплевать...

На верхней площадке толпа расступается, митрополит *Амвросий* с духовенством входит справа.

Головкин. Пожалуйте, владыка, карету подали.

Амвросий. Иду, иду — только вот государя поздравить...

Александр выходит с балкона.

Амвросий (положив руки на голову Александра). Благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя нашего, императора Александра Павловича спаси, Господи, и помилуй. Силю твою возвеселится царь и о спасении твоём возрадуется. Положил еси на глав его венец от камене честна, да си ему благословение во веки веков¹⁴⁶. Аминь.

Пален. Господа, в Зимний дворец! Владыка, пожалуйте. Пожалуйте, ваше величество!

Пален и другие заговорщики берут Александра под руки и сводят по лестнице, как будто несут на руках. Он идет с опущенной головой с мертвенно-бледным лицом, едва передвигая ногами. Караул, отдавая честь императору, склоняет к ногам его знамена и штандарты. С площади слышатся «ура!» и военная музыка — Екатерининский марш «Слався сим, Екатерина, слався, нежная к нам мать!»¹⁴⁷

Все. Ура! Ура! Ура! Александр!

Голицын (тихо Нарышкину). Не на престол, будто, а на плаху ведут.

Нарышкин. Еще бы! Дедушкины убийцы¹⁴⁸ позади, ба-тюшкины убийцы впереди...

Талызин (заговорщикам). Господа, слышали, Аракчеев здесь — у государя просит аудиенции.

Депрерадович. А вот посмотрим, примет ли.

Платон Зубов. Как не принять? Рубашками-то с тела поменялись недаром, братья названные!

Бенигсен. Помяните слово мое, господа: умер Павел, жив Аракчеев — умер зверь, жив зверь!

Кушелев (забегая вперед и становясь на колени перед Александром). Благословен Грядый во имя Господне. Осанна в вышних!

Все. Ура! Ура! Ура! Александр!

РОМАНТИКИ

ПЬЕСА В 4-Х ДЕЙСТВИЯХ.

Действующие лица:

Александр Михайлович Кубанин, помещик, 68 лет.
 Полина Марковна Кубанина, жена его, 46 лет.
 Михаил, их сын, 25 лет.
 Варенька, жена Дьякова, 26 лет,
 Душенька, девушка 20 лет,
 Ксандра, девушка 11 лет — дочери Кубаниных.
 Дьяков¹, помещик, отставной улан, 28 лет.
 Митенька Покатилов, разорившийся помещик, отставной
 улан, приживальщик у Дьякова, 37 лет.
 Климыч, староста Кубанина.
 Савишна, старая няня.
 Феня, горничная девка.
 Лаврентьич, камердинер Дьякова.
 Семка, казачок.
 Дворовые Дьякова.

Действие в Премухине²,
 усадьбе Кубаниных, в Тверской губернии, и в Луганове,
 усадьбе Дьякова, в той же губернии. В 1838 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Библиотека в Премухинском доме.

Портреты Екатерины II³ и предков Кубаниных. Одна дверь в столовую, другая — в диванную. Большая стеклянная открытая дверь на балкон. Виден сад с едва распустившейся зеленью.

Ранняя весна. Утро.

1

Михаил, Дьяков и Митенька.
Михаил и Дьяков играют в шахматы.
Митенька бренчит на гитаре и поет.

Митенька.

Не расцвел и отцвел
 В утре пасмурных дней;
 Что любил, в том нашел...

Михаил. Шах королеве!

Митенька. Семка, водки! Эх-ма! Играли бы лучше в клюкву!

Михаил. Как это в клюкву?

Митенька. А так: один держит в горсти клюкву, а другой угадывает, цела или раздавлена.

Семка приносит рюмку. *Митенька* пьет.

Митенька. А ну-ка, малец, нечего тебе бегать с рюмками, графинчик давай.

Семка. Не велели барыня.

Митенька. Ничего, небось, спрячу под стол. А нет ли перцовочки?

Семка. Нетути.

Митенька. Ну, так перцу.

Семка уходит.

Митенька. Это меня один ямщик выучил пить водку с перцем.

Михаил. Будет вам, Покатилов. Опять с утра напьетесь. (*Дьякову*). Куда же вы турой? Разве не видите, конем возьму?

Дьяков. Все равно, проиграл.

Михаил. Ничего не проиграли. Думать надо, а вам думать лень.

Семка с графином водки и перечницей, ставит их на стол и уходит.

Митенька наливает рюмку и, насыпав перцу, пьет.

Митенька. Эх-ма! Славно огорчило!

Дьяков. Я больше играть не буду.

Михаил. Нет, будете! Начали, так извольте кончить.

Дьяков. Не буду.

Михаил. Будете!

Дьяков мешает на доске фигуры и встает.

Михаил. Послушайте, сударь, так порядочные люди не поступают. Это, наконец, глупо!

Дьяков. Ну, что ж, не всем же быть умными.

Наливает рюмку. *Михаил* удерживает его за руку.

Дьяков. Позвольте-с.

Михаил. Нет, не позволю.

Дьяков. Да почему же-с?

Михаил. Потому что вредно.

Дьяков. А вам какое дело?

Михаил. Ну, ладно, пейте, — я Вареньке скажу.

Дьяков (бросая рюмку на пол). Э, черт! И чего вы ко мне лезете? Оставьте, оставьте меня в покое! Убирайтесь к черту!

Убегает через балкон в сад.

II

Михаил и Митенька.

Митенька. А вы бы поосторожнее, батюшка. Вы его того... побаивайтесь.

Михаил. Этого зайца бояться?

Митенька. Бывает, сударь, что и зайцы бесятся.

Михаил. Гм... «бешеный заяц»... (*Глядя в сад*). А что это он все по книжке зубрит?

Митенька. Немецкие вокабулы. «Дер химмель ист бляу. Дер баум ист грюн». По-немецки учится.

Михаил. Зачем?

Митенька. Для жены. Гегеля с нею будет читать.

Михаил. Ах, дурак! (*Берет книжку и ложится на канapé*). Семка, трубку!

Митенька. Что же вы читать изволите, Михаил Александрович? Гегеля?⁴

Михаил. Нет, Шеллинга⁵.

Митенька. Что же именно?

Михаил. По-немецки. Не поймете.

Митенька. Ну, все равно, хоть титул скажите.

Михаил. «System des transcendentalen idealismus».

Митенька. А по-русски как?

Михаил. «Система трансцендентального идеализма»

Семка — с трубкою. Подает *Михаилу* и уходит.

Митенька. «Тран-тен-ден»... Тьфу! Язык обломашь! Н-да-с, темна вода во облацех!⁶ Эх-ма, Михаил Александрович, испортили вас немцы, сглазили! «Дер химмель ист бляу. Дер баум ист грюн!» Зелено дерево? Зелено, Мишенька, а?

Михаил. Отстаньте.

Митенька. Скажите и отстану. Зелено?

Михаил. Ну, зелено.

Митенька. А «дер химмель ист бляу»? Небо синё?

Михаил. Синё.

Митенька. А носик у меня?..

Михаил. А носик у вас, Митенька, красенький.

Митенька. Скажите, пожалуйста, все цвета различает! А я думал, только черное по белому.

Михаил. Это вы про что? (*Подумав*). А! На счет спекулятивности? А ведь вы, Покатилов, не глупы! У вас тоже натура спекулятивная. Только объективного наполнения недостает.

Митенька. Мое наполнение, сударь, водочкой! За ваше здоровье! (*Играет на гитаре и поет*).

О, дайте мне кинжал и яд.
Мои друзья, мои злодеи!
Я понял, понял жизни ад.
Мне сердце высосали змеи!

Михаил. «Черное по белому». Право, не глупо! И охота вам, Митенька, шута валять, да еще у этого дурака Дьякова?

Митенька. А чем же прикажете быть? В России только и есть, что шуты да холопы. В холопы не желаю — ну, вот в шуты и попал... Да будто и вы, сударь, шутить не изволите? «Все разумное»⁷.. Как, бишь, это по вашему, по Гегелю?

Михаил. «Все разумное действительно, все действительно разумно».

Митенька. Вот-вот, оно самое. Па-а-звольте, однако, спросить, почему же на свете все благородное страждет, а одни скоты блаженствуют? Эх-ма! Собрать бы всех честных людей, да такую шутку удрать, чтоб небо с овчинку показалось мерзавцам!

Михаил. В вас, Митенька, хаотическое брожение элементов, хорошая субстанция, но скверное определение.

Митенька. А вам-то самим будто не хочется?

Михаил. Чего?

Митенька. Да вот этого самого — взять все за хвост и стряхнуть к черту!⁸

Из сада через балкон вбегают в комнату *Ксандра* и *Душенька*, запыхавшаяся, раскрасневшаяся, растрепанная, хохочущая.

III

Михаил, Митенька, Ксандра и Душенька.

Ксандра. Поймала! Поймала! Пятнашка!
Душенька. Миша, беги!

Михаил вскакивает и роняет книгу на пол.

Ксандра. Ну, раз-два-три! Лови!

Михаил, Ксандра и Душенька убегают в сад.

Митенька. Вот тебе и Шеллинг. Ишь, мальчик маленький!

Митенька прячет графин с водкой под стол и уходит в сад.

Дьяков идет из сада, зубря на ходу по книжке. Входит в комнату. Шагает взад и вперед; потом ложится на канапе, уткнувшись лицом в подушку. Из столовой идет *Варенька*, не замечая *Дьякова*.

IV

Дьяков и Варенька.

Дьяков (вскакивая). Варенька!

Варенька. А, Коля! Ты что это, спал?

Дьяков. Нет, так, прилег.

Варенька. А маменька где?

Дьяков. Не знаю. Кажется, в диванной. Ты к ней?

Варенька. Да. Сашку⁹ надо купить.

Дьяков. Можно к тебе, Варя? На минутку, только на минутку?

Варенька. Нет, лучше потом... А ты сегодня опять сторожил?

Дьяков. Я? Нет, и не думал. Кто тебе сказал?

Варенька. Феня. Прощу тебя, Николай, не сторожи у моих дверей по ночам. Нехорошо. Люди смеются. Бог знает, что говорят.

Дьяков. Прости, Варя. Мне все казалось, что ты меня зовешь... А разве ты ко мне не приходила ночью?

Варенька. Что ты, Коля? Приснилось тебе?

Дьяков. Нет, я не спал.

Варенька. И видел меня?

Дьяков. Ну, да. Вот как сейчас. Пришла, наклонилась, поцеловала и говоришь: «Пойдем, Коля, ко мне». Я встал и пошел. А потом вдруг тебя нет. И дверь заперта. Я долго стоял — все ждал, что ты отопрешь.

Варенька. Ты нездоров, Коля. Лечиться надо. Ведь ты и сейчас, как в бреду. Смотришь на меня и как будто не видишь, не узнаешь.

Дьяков. Не узнаю, да. Ночью одна, а днем другая... Ты вот говоришь: лечиться. А для меня одно лекарство¹⁰. Если бы ты только позволила... Ну, что тебе стоит, Варя, милая. Не запирай к себе на ночь дверей. Не могу я спать, когда двери заперты. Я же не войду без спросу. Мне бы только слышать, как ты спишь, как дышишь. Усну и буду здоров... Знаешь, Варя, я раз долго смотрел, — у тебя лицо во сне такое доброе...

Варенька. А наяву злое?

Дьяков. Нет, не злое, а не то. Мне все кажется, что ты во сне любишь меня...

Варенька. Колька, бедный ты мой! Если бы я только могла помочь тебе, господи! (*Хочет обнять его. Он становится на колени и целует ноги ее.*)

Дьяков. Милые, милые ноги!

Варвара. Не надо, Коля, не надо!

Дьяков. Платье, дай только платье!

Варвара. Оставь! оставь!

Дьяков. Следы твоих ног! Следы твоих ног!

Варенька (*закрывает руками лицо*). Как тебе не стыдно!

Из столовой шаги и голоса.

Дьяков убегает в сад. *Варенька* идет к шкафу и делает вид, что ищет книгу.

Входят: *Александр Михайлович*, *Полина Марковна* и *Климыч*.

V

Варенька, *Александр Михайлович*, *Полина Марковна* и *Климыч*.

Полина Марковна подходит к *Вареньке* и говорит с нею в стороне тихо.

Александр Михайлович. Не могу, *Климыч*, и рад бы да не могу. Этак и сладу не будет с людишками, все разбегутся.

Климыч (*становится на колени*). Батюшка, барин, заставь век Бога молить, смилуйся!

Александр Михайлович. Встань, встань! Знаешь, не люблю. Я тебе не икона. И что ты за *Федьку* хлопочешь? Кажись, не сват, не брат.

Климыч. Да малый-то больно хороший. Прямо сказать, душа человек! Сынка моего из воды вытащил. Кабы не он, не Федор, быть бы мальцу ракам на ужин.

Александр Михайлович. А зачем бегал?.. И чего он розги боится? Не стеклянный, чай. Побьют — не разобьется.

Климыч. Ништо ему розга! Спина, слава Богу, не купленная. Да невеста у него, богатеева дочь, девка баловница, с придурью. «Не пойду, мол, за сеченого! Срам!» Вот он и кручинится.

Александр Михайлович. Ну, ладно. Сколько розог положено.

Климыч. Пятьдесят.

Александр Михайлович. Пусть будет тридцать... ну, двадцать пять. Только никому не говори, слышишь?

Климыч (*кланяясь*). Спасибо, кормилец, пошли тебе Господь здоровья.

Климыч уходит через балкон в сад.

VI

Варенька, Александр Михайлович и Полина Марковна.

Варенька. Маменька, голубчик, посмотрите Сашку, не знаю, купать ли? Десночка слева как будто припухла. Уж не зубки ли?¹¹

Полина Марковна (положив ей руку на лоб). Сама-то здорова ли?

Варенька. Ничего. Пойдемте же, маменька!

Александр Михайлович. Постой, Варя. Все-то ты с Сашкой, да с Сашкой, а я тебя и не вижу. Вот уж ослепну и совсем не увижу.

Варенька (присев на ручку кресла, в которых сидит Александр Михайлович, наклоняется к нему, обнимает голову его и целует в глаза). Ох, глазки мои, глазки ясненькие! Как звездочки! Не хуже Сашкиных. Ну, для чего бы им слепнуть? Не бойтесь, родненький, — все хорошо будет!

Александр Михайлович. Спасибо, детка. Только бы тебе хорошо.

Варенька. Мне всегда хорошо с Вами и с маменькой.

Александр Михайлович. А с Николаем?

Полина Марковна. Полно, Alexandre! Ну, зачем ты опять?

Варенька молча встает, идет к Полине Марковне, садится рядом с нею на канапе и кладет ей голову на плечо.

Полина Марковна так же молча, тихим, однообразным движением руки гладит ее по волосам и по щеке.

Александр Михайлович. Ну, ладно, не буду. Только скажи, как решили.

Варенька. Ничего не решили.

Александр Михайлович. К себе-то в Луганово едет он, что ли?

Варенька. Едет.

Александр Михайлович. А ты здесь останешься, в Премухине?

Варенька. Здесь.

Александр Михайлович. И за границу не поедешь?

Варенька. Не поеду.

Александр Михайлович. Как же так, мой друг? Ведь доктора посылают, — надо ехать.

Варенька. Вы меня не пустите.

Александр Михайлович. Отчего не пушу? Поезжай с Богом.

Варенька. Одну не пустите.

Александр Михайлович. Поезжай с мужем.

Варенька. Я с мужем не поеду.

Александр Михайлович. Ну, вот, ни в кузов, ни из кузова!

Молчанье.

Александр Михайлович. Что ж, так и будем молчать? *Pauline,* скажи хоть ты что-нибудь.

Полина Марковна. Что говорить? Словами не поможешь.

Александр Михайлович. Да что ж это такое? Господи! Деспот я, что ли, злодей, мучитель? Не отец? Не люблю дитя свое?

Варенька (подойдя к нему и опустившись на колени). Папенька, ну, скажите, голубчик, что я могу?

Александр Михайлович. Нет, Варя, ты скажи, что случилось? Обидел он тебя, что ли?

Варенька. Обидел? Разве вы его не знаете? Кого он может обидеть? А меня так любит... Я никогда и не думала, что можно так любить...

Александр Михайлович. Так за что же ты его? (*Варя молча опускается на колени отца*). Послушай, Варя, ты не маленькая, ты понимаешь, что после трех лет замужества нельзя быть влюбленной, как девочка. Ты жена и мать, а не любовница. Ведь не насильно шла за него, ты знала...

Варенька. Ничего я не знала! Ничего я не знала!

Александр Михайлович. Не знала?.. Нет, мой друг, или ты не все говоришь, или я... я не понимаю, ничего не понимаю. А ты, *Pauline,* понимаешь?

Полина Марковна. Понимаю.

Александр Михайлович. Растолкуй же, сделай милость.

Полина Марковна. Растолковать нельзя. Вы все не понимаете.

Александр Михайлович. Кто все?

Полина Марковна. Мужчины.

Александр Михайлович. А, вот что! Женская тайна, женский заговор!

Полина Марковна. Не говори пустого.

Александр Михайлович. А это не пустое, не пустое — из-за какого-то вздора, из-за философических бредней — губить себя и других¹².

Варенька идет к матери и садится рядом, как давеча. Молчанье.

Александр Михайлович. Ну, ладно. Уйдешь от мужа, а Сашка будет с кем?

Варенька. Как с кем? Со мною. Разве я могу без Сашки?

Александр Михайлович. А если Николай не отдаст?

Варенька. Что вы, папенька? Разве можно отнять сына у матери?

Александр Михайлович. А у отца можно? Не он от тебя, а ты от него уходишь. За что же ты его лишаешь сына? Будь справедливой, Варя...

Варенька. Какая справедливость? Какая справедливо-сть? Что вы говорите, папенька? *(Плачет).*

Полина Марковна. Довольно, Alexandre. Перестань, слышишь, сейчас перестань! *(Целует Вареньку).* Полно, детка, не плачь, не бойся, пока я жива, никто у тебя Сашку не отнимет... Ну, ступай, а я сейчас. *(Обняв ее, провожает до двери).* Христос с тобой!

Варенька уходит.

VII

Александр Михайлович и Полина Марковна.

Полина Марковна. Alexandre, что ты делаешь?

Александр Михайлович. Что надо, то и делаю. Сама говоришь: словами не можешь. Ну, вот я и делаю. Спасая дочь от гибели. Отнять Сашку — другого средства нет. Если не к мужу, так к сыну вернется.

Полина Марковна. Ты этого не сделаешь.

Александр Михайлович. Сделаю.

Полина Марковна. Не сделаешь.

Александр Михайлович. А вот увидишь!

Полина Марковна. Вспомни Любиньку¹³.

Александр Михайлович. Ну, что Любинька? Это вы все...

Полина Марковна. Да, мы все. И ты тоже.

Александр Михайлович. Нет, не я, а ты! Ты с ними со всеми, баловница, потаковщица! Муравьевская, якобинская¹⁴ кровь!..

Полина Марковна. Бог с тобой, Alexandre, ты сам не знаешь, что говоришь!

Входит Михаил.

VIII

Александр Михайлович, Полина Марковна и Михаил.

Михаил (подавая письмо Полине Марковне). Письмо, маменька. *(Хочет уйти).*

Александр Михайлович. Постой, Миша, мне с тобой поговорить надо. *(Полине Марковне).* От кого?

Полина Марковна (читая письмо). От Муравьевых.

Александр Михайлович. Ну, что еще? Ох, уж эти мне письма!

Полина Марковна. Нет, ничего. Я пойду...

Александр Михайлович. Да что такое? Говори...

Полина Марковна. У Alexandrine мальчик умер. (Закрывает глаза платком).

IX

Александр Михайлович и Михаил.

Михаил. Папенька, а где они? Все еще на каторге, на Нерчинских рудниках?

Александр Михайлович. Нет, в Петровский завод перевезли.

Михаил. А Сергей Муравьев, вот которого повесили, тоже маменькин родственник?

Александр Михайлович. Ну, какое родство, — седьмая вода на киселе¹⁵.

Михаил. А ведь и вы, папенька, были в Союзе Благоденствия?¹⁶

Александр Михайлович. Кто тебе сказал?

Михаил. Все равно кто, а ведь были, были?

Александр Михайлович. Полно вздор молоть! Никогда я не был с убийцами... И что за допрос? (Помолчав). А ты, Миша, в Москву собираешься?

Михаил. Да, в Москву.

Александр Михайлович. Какие же у тебя планы?

Михаил. Я уже вам говорил: в университет поступлю, буду готовиться на кафедре, а потом за границу, в Берлин.

Александр Михайлович. В Берлин? На какие же средства?

Михаил. Если вы мне не поможете, буду уроки давать, жить на чердаке, есть хлеб да воду, а в Берлин поеду. Я должен. Иначе я погиб¹⁷...

Александр Михайлович. А в Берлине спасешься?

Михаил. Не смейтесь, папенька. Да, все мое спасение в знании. Для меня жить и не знать в тысячу раз хуже, чем умереть!

Александр Михайлович. Ну, мой друг, я вижу, ты сам все решил и в советах моих не нуждаешься.

Михаил. Я всегда готов слушать...

Александр Михайлович. Слушать и не исполнять?

Михаил. Я не понимаю...

Александр Михайлович. Не понимаешь? А ведь, кажется, просто. Богатые могут жить в праздности, а бедные делом должны заниматься.

Михаил. Я делаю, что могу — учусь...

Александр Михайлович. Да, весь день, лежа на канаве, трубки покуриваешь, книжки почитываешь да споришь о

«божественной субстанции»¹⁸. Недопеченый философ, maître de mathématique m-eur Koubanine! А средств никаких. В долгах по уши. Деньги для тебя, как шепки. На чужой счет живешь, попрошайкою¹⁹. Срам!

Михаил. Папенька, скажите лучше прямо, что вы от меня хотите?

Александр Михайлович. Хочу, мой друг, чтобы ты понял, что Икаровы полеты на восковых крыльях²⁰ ни к чему не ведут, — только шею сломаешь. А надобно хлеб зарабатывать — служить или хозяйничать.

Михаил. Не могу я жить против совести...

Александр Михайлович. Ну, что ж, живи, как знаешь. Но, по крайней мере, других не смущай.

Михаил. Кого?

Александр Михайлович. Сестер и братьев.

Михаил. Да чем же я их смущаю?

Александр Михайлович. А тем, что вскружил им головы, наполнил их уши развратными правилами сен-симонизма²¹, отдалил их от нас, родителей. Мы им как чужие стали, как враги. Особенно, Варенька...

Михаил. А, Варенька! Я так и знал.

Александр Михайлович. Знал, а все-таки делал? Она жена и мать, а ты эти святые узы...

Михаил. Не святые узы, а цепи проклятые!

Александр Михайлович. Это ты о чем же? О браке?

Михаил. Брак не по любви — одно лицемерство, насильство гнусное!²²

Александр Михайлович. Да кто тебя поставил судить? Как ты смеешь?

Михаил. Смею, потому что люблю.

Александр Михайлович. Никого ты не любишь. Эгоист из эгоистов! Весь жар горячки в одной голове, а сердце, как лед²³. Ты ведь и Любиньку...

Михаил. Не говорите о Любиньке!

Александр Михайлович. Правда глаза колет? Да, Миша, ты и Любиньку тоже любил, а что с нею сделал.

Входит Полина Марковна.

Х

Александр Михайлович, Полина Марковна и Михаил.

Полина Марковна. Ну, вот опять! Да что же это за наказание. Господи!

Александр Михайлович. Нет, что он говорит, Pauline, что он говорит, ты только послушай!

Полина Марковна. Перестань, Alexandre, как тебе не стыдно! Миша, ты мне обещал...

Михаил. Не бойтесь, маменька, я больше не скажу ни слова.

Александр Михайлович. Не скажешь, так я скажу. Я здесь хозяин, я, а не ты! И вот тебе мое последнее слово: или уважай отца, будь добрым сыном, или... прекрати свои посещения Премухина!

Михаил. Гоните? Ну, что ж, извольте, я уйду. Только помните, Вареньку я не отдам! И правды моей...

Александр Михайлович. Не твоя правда, а Божья, -- Божья заповедь: чти отца своего²⁴...

Михаил. Есть и другая: кто не покинет отца своего...²⁵

Александр Михайлович. Что, что ты сказал? Какие слова? Кем ты себя делаешь?

Михаил. Кем Бог меня сделал -- Бог, а не люди! Да, папенька, знайте, нет для меня никаких человеческих прав, никаких человеческих законов, а есть только любовь и свобода. Абсолютная любовь -- Свобода! И еще знайте: я вас люблю, как отца, но не буду унижаться перед вами, валяться у вас в ногах, чтобы выпросить себе позволения быть человеком: я уже человек, потому что хочу им быть, призван им быть! У меня нет другой цели, и все, что мне мешает идти к ней, я разбиваю, сокрушаю²⁶...

Александр Михайлович. Да это бунт?..

Михаил. Да, бунт, святой бунт за правду Божью!²⁶

Александр Михайлович. Берегись, Миша, ты скверно кончишь!

Михаил. Как Сергей Муравьев?

Александр Михайлович. Негодный! Негодный! Хоть мать пощади!

Полина Марковна. Молчите оба! Миша, не смей! Alexandre, пойдем!

Полина Марковна уводит *Александра Михайловича*.

Михаил в волнении шагает по комнате.

Входят *Варенька*, *Душенька* и *Ксандра*.

XI

Душенька, *Варенька*, *Ксандра* и *Михаил*.

Душенька, *Варенька* и *Ксандра* (вместе). Миша, голубчик, что случилось?

Михаил. Ничего.

Варенька. Как ничего? Опять поссорились?

Михаил. Девочки мои милые, будьте ко всему готовы...

Душенька. Ох, Миша, не пугай! Скажи лучше сразу.

Михаил. Друзья мои. Может быть, нам скоро надо будет расстаться.

Душенька, Варенька и Ксандра (вместе). Как расстаться, зачем?

Михаил. Этого хочет папенька. Он говорит, что я недобрый сын, смущаю вас и братьев. Особенно Вареньку.

Варенька. Из-за меня! Из-за меня! Я так и знала...

Михаил. Нет, Варя, — из-за всего. Этим должно было кончиться.

Ксандра. И ты согласился?

Душенька. А как же мы, мы-то без тебя? Миша, голубчик, миленький, не уходи, не покидай своих девочек!

Михаил. Нет, друзья мои, где бы я ни был, я вас не покину, буду издали...

Душенька. Не хочу издали! Вблизи хочу, — вот так! (Целует его).

Михаил. Не плачь, Душенька, будь умницей, не надо плакать, друзья мои, — надо радоваться. Наступает великий час. Начинается новая жизнь. Будем же сильны, будем достойны себя и нашей любви. Никаких примирений, никаких уступок — ни шагу назад! «Враги человеку домашние его»²⁷, — я только теперь это понял как следует. Долой все обманы, все призраки! Долой грошовую мораль и жалкий здравый смысл, и долг, и рабский долг любви, преступный, бесчестный, унижающий! Долой все эти цепи проклятые! Не смиряться, не покоряться, чтобы заслужить рай на небе, а свести этот рай, это небо, на землю, поднять землю до неба — вот наша цель и цель всего человечества!²⁸

Душенька. Как хорошо, Господи! Как хорошо!

Михаил. Будем же вместе, друзья мои, и пусть весь мир на нас восстанет, — мы устоим!.. Подите сюда, девочки, ближе, ближе, ближе. Все вместе, — вот так... Никто не слышит?

Душенька, Варенька и Ксандра (вместе). Никто.

Михаил. Мы должны вступить в заговор...

Душенька, Варенька и Ксандра (вместе). В заговор?

Михаил. Да, в «тайное Общество», новое тайное общество, новый «Союз Благоденствия», для освобождения всех угнетенных и страждущих. В святое братство, в святую общину. Мы будем одно тело, одно существо блаженное²⁹. Но пусть это будет между нами тайною. Пусть никто об этом не знает. Никому не говорите, — слышите?

Душенька, Варенька и Ксандра (вместе). Не скажем, Миша, не скажем!

Михаил. Ну, а теперь давайте руки, руки вместе, — вот так. Поклянемся быть верными святому Союзу нашему во веки веков!

Душенька, Варенька и Ксандра (вместе). Клянемся! Клянемся!

Михаил. Возлюбим же друг друга, дорогие друзья мои! Осуществим небесную гармонию, которую мы уже чувствуем в наших сердцах...

На балконе появляется *Митенька*.

Он сильно выпивши. Останавливается и слушает. *Михаил, Душенька, Варенька* и *Ксандра* так увлечены разговором, что не замечают *Митеньки*.

Михаил (продолжая). Помните то, что я вам говорил. Субстанциальная бесконечность — в нас во всех. Абсолютное тождество Субъекта и Объекта, абсолютное единство Бытия и Знания — Божественная субстанция...³⁰

Митенька (входя в комнату). «Божественная Субстанция», — а там на конюшне, — чуки-чик-чик, чуки-чик-чик. *Михаил, Варенька, Душенька, и Ксандра (вместе).* Что это? Что это?

Митенька. А это Федьку беглого сечь будут... Чувствительнейше прошу извинить, мои милые барышни... виноват, мадемуазель... Кажется, я немного того... как это по Гегелю, — с «объективным наполнением» за галстук... А Федька-то с гонором. И тоже вот тоже в своем роде отчаянный, бунтует, не желает «небесной гармонии». Ну, так вот, мои милые барышни, виноват, мадемуазель... Попросите папеньку, чтобы Федьку помиловал... А то как бы беды не надделал... А за сим чувствительнейше прошу... и честь имею... *(Кланяется, идет к двери, на пороге оборачивается).* Да-с, господа, — на Федькиной драной спине — вся наша «небесная гармония».

Уходит.

XII

Михаил, Варенька, Душенька, и Ксандра.

Все стоят молча, в оцепенении. Потом *Душенька* начинает тихонько смеяться; хочет удержать смех и не может, падает на стул и, закрывая лицо руками, смеется все громче, неудержимее. *Михаил* и *Ксандра*, глядя на нее, тоже смеются.

Варенька остается серьезной.

Душенька. Ой-ой-ой! Не могу! Не могу! Не могу!

Варенька. Полно, Дунька, перестань!

Ксандра. Перестань же, глупая! А то опять нехорошо будет.

Душенька плачет и смеется, как в припадке.

Михаил. Что это? Варя, Ксандра... ей дурно... Воды, воды!

Ксандра выбегает в столовую и приносит стакан с водою.

Ксандра. На, пей.

Михаил (гладит Душеньку по голове). Ну, ничего, ничего, пройдет.

Душенька пьет воды, все еще всхлипывая.
Потом мало-помалу затихает.

Душенька. Ох, что это, Господи! Какая я дура несчастная! Миша, прости, голубчик, ради Бога... Так хорошо было и вдруг... Не могу я, ох, не могу, когда так сразу... Сначала одно, а потом совсем другое. Так вдруг смешно, щекоотно-щекоотно — точно вот самое сердце щекочут. А я до смерти щекотки боюсь!

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Березовая роща в Премухине.

Круглая площадка; к ней сходятся тропинки — из глубины рощи, от дома снизу, от речки. На площадке — полукруглая деревянная скамья и круглый, на одной ножке, врытый в землю, садовый стол. Между прямыми тонкими стволами молодых березок, едва опушенных зеленью, виднеется речка и на том берегу церковь³¹ с крестами на кладбище.

Послеполуденный час.

Темно-голубое небо с белыми круглыми большими облаками, тихо плывущими.

I

Ксандра и Душенька.

Ксандра (поет).

Розы расцветают —
Сердце отдохни!
Скоро засияют
Благодатны дни...

Ты что это читаешь? Новалиса^{32?}

Душенька. Нет, Unsterblichkeit¹. Ах, Жаль-Поль³³ боже-ственный!

1 Unsterblichkeit (нем.) — Бессмертие.

Ксандра. Ну, брось... Так, значит, с утра в Козицыно, к тетке³⁴ закатимся. Хорошо там, тихо — ни души кавалеров. Наезжусь вволю верхом, да на казачьем седле, по-мужски, в штанах!

Душенька. А если увидят?

Ксандра. Ну, так что ж?

Душенька. Срам, — девчонка в штанах!

Ксандра. Во-первых, никто не увидит, а во-вторых, никакого сраму нет, а даже напротив: сама Жорж-Занд³⁵ ходит в штанах. И царица Семирамида³⁶, и амазонки³⁷...

Душенька. Да ведь это когда было.

Ксандра. И теперь будет... Дунька, душка, ангел! Когда поедем, спрячь штаны в свои вещи, а то за мной Апельсина Лимоновна подглядывает...

Душенька. Апраксия Ионовна?

Ксандра. Она самая. Много у нас было приживалок, а эдакой шельмы не было. Суший провор — везде суется, везде мечется... Намедни, как примеряла я штаны, — подглядела в шелку, старая ведьма. Как бы не пожаловалась маменьке.

Душенька. Ох, беда с тобой, Сашка, бесстыдница! И откуда ты штаны раздобыла?

Ксандра. Подарил братец Иленька³⁸. Гимназические старые. Коротенькие, да я снизу выпустила. Изрядно вышло — с лампасами, со штрипками. Настоящие гусарские!

Душенька. Какой ты урод! Тебе бы мальчиком родиться!

Ксандра. Да, вот не спросили.

Душенька. А по-моему, и женщиной недурно...

Ксандра. Для таких, как ты, а для меня зарез. Какая несправедливость, Господи! Какая несправедливость!

Душенька. Почему несправедливость?

Ксандра. Потому что рабство, унижение, презрение.

Душенька. Какое презрение? Мужчины нам поклоняются...

Ксандра. Ну, еще бы! Презирают, — потому и поклоняются. Одним комплименты чего стоят. Намедни, на балу у предводителя, генерал Толстопятов — старьей, поганый, одну ногу волочит, а все еще ферламур — подсел ко мне, на декольте смотрит, вздыхает: «Ах, глазки! ах, ротик! ах, носик!» У-у-у! Так бы ему в рожу и съездила! А терпи, улыбайся, нельзя же ему сказать: «А у вашего превосходительства глазки совиные, ротик щучий, а носик точно дуля перезрелая».

Душенька. Ну, не все же такие гадкие.

Ксандра. Нет, все! А не гадкие, те... те еще хуже. Оттого, что у него усики, да рожица смазливая, — закабалась ему на всю жизнь, да еще за милость считай. Очень надо, скажите пожалуйста!

Душенька. «Mlle Hippolyte, амазонка, мужененавистница!» — правду о тебе говорит Валентин³⁹...

Ксандра. «Да, не люблю ихней козьей породы, прости Господи» — правду говорит Савишна.

Душенька. Погоди, матушка, влюбишься!

Ксандра. Никогда! Удавлюсь, а не будет за мной этой пакости!

Душенька. Что ты, Сашка, разве можно так говорить. Ведь это от Бога, это сам Бог устроил!

Ксандра. Что?

Душенька. А вот, что мужчины и женщины...

Ксандра. А зачем? Зачем это нужно?

Душенька. Как зачем? Иначе дети не рождались бы, род человеческий прекратился бы.

Ксандра. Ничего не прекратился бы.

Душенька. Ну, да, знаю: «чтобы люди ели траву!»...

Ксандра. Да, да, чтобы ели траву. Любовь это одно, а дети другое. Хорошо, что любовь, и что дети, тоже хорошо, а что вместе, — нехорошо. Это нельзя вместе — стыдно, гадко, унизительно... Нет, я бы все иначе устроила. Пусть такая травка в поле растет, на вкус довольно приятная, кисленькая, вроде шавелька. И кто хочет иметь ребенка, пусть траву эту ест и родит. И не только женщины, но и мужчины. Да, пусть и они рожают. Чтобы справедливо, поровну всем! А то теперь одни только женщины и от этого рабство...

Душенька. Какой вздор! Какой вздор! Скажи-ка Мише — он тебя засмеет. Нет, Сашка, ты просто дура.

Ксандра. Сама дура! Когда Миша говорит, ты ничего не понимаешь, только ушами хлопаешь. Субъекта от объекта отличить не умеешь, абсолюта от субстанции. У тебя нет никакой диалектики.

Душенька. Ну, полно, Сандрок, не злись. Что ты все злишься? Все колешься, как иголочка, или как вот ледяные сосульки бывают колючие... Злишься, а сама ведь добрая-предобрая. Я тебя знаю: ты ужасная кошечка! (*Ласкается к ней*). А я от Валентина письмо получила. Уж не знаю, отвечать ли?

Ксандра. Отчего же не ответить. Если хочется?

Душенька. Мишки боюсь. Он Валентина не любит, точно ревнует меня⁴⁰, право... Знаешь, что мне давеча сказал...

Ксандра. Ну, что?

Душенька. Нет, нельзя — забыла.

Ксандра. Секрет?

Душенька. Секрет.

Ксандра. Вот ты так всегда — начнешь и не кончишь, несносная!

Душенька. Ну, хорошо, слушай. Только на ушко... (*Шепчет*).

Ксандра. Врешь!

Душенька. Нет, право.

Ксандра. Так и сказал? «Если б ты не была мне сестрою...»⁴¹

Душенька. Так и сказал.

Ксандра. Да ведь это он в шутку?

Душенька. Ну, разумеется. А все-таки, странные шутки.

Ксандра. А ты что же?

Душенька. Сначала смешно стало, шекотно. А потом вдруг стыдно, и убежала, как дура... Я ведь знаю, Мишка в Натали⁴² влюблен...

Ксандра. В Натали? И не думает. Она по нем сохнет, а он только играет, кокетствует⁴³. Нет, Мишка никогда ни в кого не влюбится. Он такой же, как я, — любит свободу.

Душенька прислоняется к стволу березы, гладит ее рукой и целует.

Ксандра. Что ты березу целуешь?

Душенька. Так, приятно.

Ксандра. Потому что вензель вырезан. «V.R.» — Валентин Пожалин?

Душенька. Нет, просто приятно. Такая нежная, белая, гладкая, от солнца теплая, словно живая. Сестрица моя милая! Я их часто целую... (*Срывает листок*). Посмотри, какой смешной! Только из почки вылез, бедненький! А пахнет, пахнет-то как! Раем. Маленький, сморщенный, как личико новорожденного, ребеночек в люльке проснулся, и хочет играть, смеется... Нет, Сашка, хорошо иметь ребеночка!.. А вот этот побольше. Тому два месяца, а этот годовалый. А если вот так на солнце сквозь зеленый лист смотреть, то кажется, — рай, уже рай — все уже есть, и ничего больше не надо... Да ведь и вправду, у нас тут, в Премухине, рай. Как эти стишки папенькины, помнишь? «Тихая Осуга»...

Красуйся, тихая Осуга,
Краса Премухинских полей...
По склону ландыш и любимцы,
И соловей весною тут,
А летом красные девицы
В густом малиннике поют...⁴⁴

Душенька. Ну, вот, так и в раю. А если не так, мне и рая не надо... Слышишь, кукушка? Кукушечка-матушка, ну-ка, скукуй, сколько мне на свете жить? Раз-два-три-четыре-пять... Да ну же, еще, голубушка! Нет, замолчала. Все-то пять годков!

Ксандра. А тебе бы сколько?

Душенька. Чем больше, тем лучше. Всегда. Вечно.

Ксандра. И чтоб все было, как есть? Все то же, все то же без конца?

Душенька. Да, все то же. Лучше не надо.

Ксандра. Какой ужас!

Душенька. Чем же ужас? Разве нехорошо, как сейчас?
Ксандра. Нехорошо. Здесь, на земле, все нехорошо, ужасно, отвратительно...

Есть, нам обещают,
 Где-то лучший край.
 Вечно-молодая
 Там весна живет;
 Там, в долине рая
 Жизнь для нас иная
 Розой расцветет...

Входит *Варенька*.

II

Ксандра, Душенька и Варенька.

Душенька. Варька! Ты откуда?

Варенька. У Любиньки была на кладбище. Хорошо там. Хорошо сейчас лежать в земле. Кажется, так бы и легла. Спокойно, блаженно. Как в раю. А вы о чем?

Душенька. Мы тоже о рае. Что у нас тут, в Премухине, рай.

Варенька. Да, рай, -а живем, как в аду. Все хорошие, добрые, умные. Любим друг друга и мучаем. Чем больше любим, тем больше мучаем. Уж лучше бы совсем не любить... Знаете, девочки, мне все что-то кажется, что и я скоро, как Любинька...

Душенька. Полно, Варька, перестань! Погоди, все хорошо будет, — только потерпи немножко. Вот уж с Николаем помирись, ты к нему вернешься.

Варенька. Вернусь, сама знаю, что этим кончится.

Ксандра. Лучше ей умереть, чем вернуться к нему!

Душенька. Прости, Варька. Я глупость сказала.

Варенька. Нет, говори.

Душенька. Я хотела сказать, что ты его опять полюбишь.

Варенька. Полюблю? Да я его уже люблю! Этого никто понять не хочет. И вы, и вы не понимаете. Ну, да, люблю, но не так, как надо ему. Пусть же другая так полюбит. Я найду ему другую, настоящую, лучше меня. Это мне самим Богом назначено. И я это сделаю. И сделаю так нежно, так тихо, что он и не услышит, как я уйду от него, а та, другая, придет. И он полюбит ее и будет счастлив. И тогда я уйду спокойно — мне больше ничего не надо⁴⁵.

Ксандра кладет *Вареньке* на голову венки из ландышей.

Варенька (улыбаясь). Жертву венчаешь?

Ксандра. Нет, победу!

Голос Михаила (издали). Варенька! Варенька!

Варенька. Здесь, Миша!

Голос Михаила. Ступай сюда!

Варенька. Иду!

Уходит.

III

Душенька и Ксандра.

Душенька. Как странно! Разве это можно?

Ксандра. Что?

Душенька. Да вот, что она придумала — мужа выдать замуж.

Ксандра (смеясь и хлопая в ладоши). Чудесно, чудесно придумала. Вот именно, выдать мужа замуж! Они все только нас выдают, а теперь и мы будем их. Варька начнет, она освободится первая, а за ней и другие...

Душенька (глядя по дорожке в лес). Постой! Сюда идут. Им поговорить надо. Пойдем.

*Ксандра и Душенька уходят вниз по реке.
Варенька и Михаил идут по дорожке из лесу.*

IV

Варенька и Михаил.

Михаил. Не могу я так уехать, Варя! Я должен знать, что с тобою будет.

Варенька. Ах, Миша, я сама не знаю! Поеду к мужу в Луганово, — этим кончится. Там, по крайней мере, он один. А здесь еще папенька.

Михаил. Что же папенька?

Варенька. Сашку хочет отнять. Думает, что я тогда к мужу вернусь.

Михаил. Пугает. Никогда он этого не сделает.

Варенька. Не сделает. А все-таки могут, ведь могут отнять, имеют по закону право. Вот я и боюсь, ночей не сплю, караулю Сашку; — все кажется, отнимут, украдут, увезут тайком... Ох, Миша, я этого не вынесу! Нет, уж лучше сразу в Луганово...

Михаил. Значит, решила? Вернешься к мужу и будешь с ним жить?

Варенька. Что же делать?

Молчание.

Михаил. Делай, что хочешь, Варя. Только помни, дороги наши расходятся. Я больше не могу помочь тебе ничем. Ты все сама решила, и говорить нам больше не о чем. *(Встает)*.

Варенька. Что ты, Миша? Миша, куда ты? Постой... Господи, что ж это? Как ты можешь?..

Закрывает лицо руками.

Михаил молча смотрит на нее, потом вдруг наклоняется и целует ее в голову.

Михаил. Ну, полно, Варя! Прости. Полно же, не буду. Я только так...

Варенька. Только так? Ох, Миша, как страшно! И как ты мог с такою легкостью?..

Михаил. Нет, Варя, не с легкостью. Не могу я видеть, как ты губишь себя.

Варенька. Что же делать? Что же делать?

Михаил. Освободиться, разорвать цепь.

Варенька. Как разорвать? Ведь Сашка — цепь! Его разорвать, что ли?

Михаил. Не разорвать, а оторвать от отца. Помни, Варя, Саша — главная цель твоей жизни. Ты должна быть для него готова на все. Человека сделать из него — человека, который, может быть, будет одним из величайших проявлений Абсолютного, — вот твоя цель. А Дьякова — ты его не изменишь, — он всегда останется тем, что есть и из Саши сделает такое же, как он сам, животное... *(Варвара плачет)*. Что ты? Обиделась? За него обиделась?

Варенька. Да, за него. Нельзя так. Ни о каком человеке так нельзя. И чем он виноват? Ах, Миша, если бы ты только знал, какой он хороший, чистый, любящий! Какое золотое сердце! И что я с ним сделала!

Михаил. Варя, да ты все еще любишь его?

Варенька. Люблю? Ну, да, люблю, как брата, как сына, как дитя свое. Божье дитя...⁴⁶ Животное? Но ведь и с животным нельзя делать то, что я с ним делаю. Помнишь, Миша, как мы детьми плакали, когда читали рассказ об этой собаке, которая позволяет себя убить своему господину и лижет ему руку, прежде чем умереть! Так вот и он: чтоб я с ним не делала, — хоть бы даже стала убивать его, — он и тут целовал бы мои руки, мои ноги, подол моего платья, защищал бы меня до последнего вздоха... Нет, не могу я вынести это раздирающей жалости, этой ужасной точки в сердце, когда обвиняешь себя в том, что разбил, разорвал чужое сердце. Ведь это убийство, хуже убийства. Легко

сказать — освободиться. Но ведь я должна через него, через мертвое тело его... Или его, или себя... Нет, уж лучше себя!

Михаил. Послушай, Варя, скажи мне все, слышишь, все, как на исповеди... Мне нужна твоя исповедь. Я требую этого. Ты и теперь живешь с ним, как с мужем?

Варенька. Нет, с тех пор, как Саша родился, не живу. Да и прежде... Я никогда его так не любила.

Михаил. Зачем же вышла замуж?

Варенька. Разве я знала? Разве об этом знают девушки? Ничего не должны знать, должны верить, как дурочки, что детей приносят аисты, или вот как Ксандра, — что люди траву едят и от этого дети рождаются... А тут еще Любиньку замучили. Помнишь, ты сам говорил: «деспотизм любви — самый страшный из всех деспотизмов, — только бы на волю вырваться». Ну, вот и вырвалась. А с кем, мне было все равно⁴⁷. Ведь Николай еще лучше других... Да, ничего, ничего я не знала — и вдруг... Нет, Миша, не могу я говорить об этом, — не спрашивай... Этого никогда больше не будет... Но ведь было же, было... Знаешь, я теперь как обесчещенная девушка... Укрыться бы, спрятаться от всех и смыть страданиями свой стыд... Мне иногда так стыдно, так страшно, самой себе страшно. Когда я начинаю жалеть эту невыносимую жалостью и вся вдруг слабею, изнемогаю, и опять, опять... Спаси меня, Миша, от самой себя спаси!

Михаил. Не бойся, Варя! Я теперь знаю, что надо.

Варенька. Что? Скажи.

Михаил. Сделаешь?

Варенька. Сделаю.

Михаил. Объяви Дьякову решительно, что не поедешь с ним в Луганово и жить с ним не будешь. А если Сашку отнимут, — пусть отнимают судом. Пусть сами себя обесславят. Не бойся, хуже не будет. А потом — бежать...

Варенька. Бежать? Куда? С кем?

Михаил. Со мной. За границу, в Берлин.

Варенька. Но как же, Миша? Обмануть всех — Николая, папеньку, маменьку?

Михаил. Ну, так что же, испугалась? Помни, Варя, ты должна уйти от мужа. Плотская связь без духовной — хуже всякого блуда — мерзость, кощунство, оскорбление Духа. Освободиться или погибнуть — другого выбора нет. И еще помни: всякий возложивший руку свою на плуг и оглядывающийся назад, неблагонадежен для царствия Божьего⁴⁸. Абсолютная истина ревнива — она хочет царить одна, без раздела. Или все, или ничего. А если ты боишься...

Варенька. Да нет же, нет, Миша, ничего я с тобой не боюсь. Только не оставляй меня, не уходи, голубчик, родной мой, желанный, единственный! Когда ты вот так говоришь, — мне так легко, так легко и радостно, как будто через тебя мне открывается воля самого Бога. О, если бы ты только

знал... но нет, ты никогда не узнаешь и не должен этого знать. Ты моя совесть, ты моя правда, ты мое все. Делай со мною, что хочешь!

Обнимает и целует его.

Михаил (глядя на дорожку к дому). Дьяков! Я пойду, а ты поговори с ним...

Варенька. Не уходи, Миша, — лучше вместе.

Михаил. Нет, поговори ты сначала, а я потом. Будь же твердой, Варя. Помни все, что я тебе сказал. Будешь помнить?

Варенька. Буду.

V

Дьяков и Варенька.

Дьяков. Ах, Варя, прости. Помешал?

Варенька. Нет, ничего.

Дьяков. А это кто? Миша? Куда же он? Хочешь, пойду за ним — позову?

Варенька. Поди сюда, Коля. Садись. Поговорим. Ты ведь завтра едешь в Луганово.

Дьяков. Да, завтра.

Варенька. Ну, вот, а ведь мы еще не поговорили как следует.

Дьяков. О чем?

Варенька. Обо всем. Что с нами будет.

Дьяков. Как ты решишь, так и будет. Я на все согласен.

Варенька. На все — значит ни на что. Ах, Коля, если бы ты только мог решить что-нибудь, все равно что, но только твердо, твердо, раз навсегда, и уже не изменять решения.

Дьяков. Что же решать? Ведь уже давно решили. Я еду в Луганово, а тебе за границу надо. Вот Миша едет, — поезжай с ним.

Варенька. А Сашка? Сашка с кем?

Дьяков. Как с кем? С тобою. Разве ты можешь без Сашки?

Варенька. Я-то не могу, а ты?

Дьяков. Мне все равно⁴⁹.

Варенька. Серьезно, Коля?

Дьяков. Серьезно. А что?

Варенька. Нет, так. Говоришь, а сам как будто о другом думаешь.

Дьяков. О другом? Да, я теперь все думаю — так смешно, глупо, по-дурацки, — все о чем-то думаю, а сам хорошенько

не знаю о чем. (*Прислоняется к стволу березы, закрывает глаза*).

Варенька. Что с тобой? Опять голова болит?

Дьяков. Нет, ничего. Должно быть, все об этом думаю — о религии...

Варенька. О какой религии?

Дьяков. А помнишь, ты говорила, что у нас религии разные, — оттого-то нам так трудно вместе⁵⁰. А я вот не знаю, разные или не разные. Если бы мне только знать, Варя, какая у тебя религия. Отчего ты не хочешь сказать? Или я не пойму?.. И еще помнишь, ты говорила, что у одних глупых людей ум глупый, а у других — сердце. А у меня и ум и сердце глупое?

Варенька. Нет, Коля, сердце у тебя умное.

Дьяков. А если умное, значит, пойму. Только скажи просто. Разве нельзя просто? Знаешь, у меня был дядюшка. Ни в Бога, ни в черта не верил. Жена у него умерла. Он тосковал ужасно, а молиться не мог. Только раз покупал у мужика сено, на весах вешал и сам захотел свеситься. А мужик ему говорит: «Мы, говорит, с тобой старики, — нас вон где будут вешать». И указал на небо. А дядюшка и задумался. Думал-думал, да вдруг взял и начал молиться. Ну, так вот видишь, как можно просто сказать.

Варенька. Можно, Коля, да я не умею.

Дьяков. Не умеешь? И ты не умеешь? Оба, значит, не умеем. Вот горе! Ну что ж, ничего не поделаешь... Прости, Варя, я все не о том.

Она кладет ему руки на плечи и молча долго смотрит в лицо, улыбаясь.

Дьяков (тоже улыбаясь). Ну, что?

Варенька. А знаешь, Колька, может быть... может быть, я не уйду. Ты только скажи...

Дьяков. Что сказать? Ведь я не умею.

Она берет голову его обеими руками, кладет себе на плечи и тихим, однообразным движением руки, таким же, как у Полины Марковны, гладит по волосам и по щеке.

Варенька. Колька ты мой, Колька, хороший ты мой! Сашка! Катька моя!

Дьяков. Почему Катька?

Варенька. А разве не помнишь? Когда тяжела была Сашкою, — думала, девчонка родится и назвала ее Катькою. Любила-то как, больше, чем Сашку. Ну вот, ты у меня Катька. Катенька моя! Только плакать зачем, глупенькая?

Он вдруг тихо встает, отстраняет ее и уходит.

Варенька. Что ты, Колька? Что с тобой?

Дьяков. Ничего. Оставь. Так...

Варенька. Да что, что? Скажи.

Дьяков. Как собаку... Как собаку жалеешь. Думаешь, я не знаю, о чем вы тут с Мишей? Все знаю. Не так глуп... И ничего, ничего мне не надо! И уезжай с ним скорее, ради Бога, скорее! Я не могу больше, слышишь, не могу! Я с ума сойду! Беды наделаю! Я себя или его...

Варенька. Коля, Коля, молчи! Что ты?..

Входит *Михаил.*

VI

Михаил. Что такое, Варя, куда ты? Постой...

Варенька. Не могу, не могу, не могу! Нет больше сил моих.

Убегает.

VII

Михаил и Дьяков.

Михаил. Что такое, Дьяков? Как вам не стыдно?

Дьяков. Скажите, Михаил Александрович, вы очень Варю любите?

Михаил. Что за вопрос!

Дьяков. Отвечайте же.

Михаил. Я не понимаю, право...

Дьяков. Я вас спрашиваю: вы очень любите Варю?

Михаил. Послушайте, мой друг, вы не Лир, а я не Корделия... 51

Дьяков. Не смейте так говорить. Говорите как следует.

Михаил. Извольте. Да, я Варю очень люблю. Как себя, больше, чем себя.

Дьяков. Ну, так поезжайте с ней за границу. Ведь вы поедете, а ей тоже надо. Ну, вот и поезжайте вместе.

Михаил смотрит на *Дьякова* пристально.

Михаил. Вы это серьезно, Дьяков?

Дьяков. Серьезно.

Михаил. А что же вы усмехаетесь?

Дьяков. Так. Уж очень на нее похоже сказали.

Михаил. На Вареньку?

Дьяков. Да. Вы очень на нее похожи бываете.

Михаил. А вам это не нравится.

Дьяков. Не знаю... Нет, не нравится.

Михаил. Ну, что же делать. Извините, фамильное сходство... А ведь вы, Дьяков, кажется, в самом деле, шутить извольте?

Дьяков. Нет, Михаил Александрович, не шучу. (*Вынимает бумажник и отсчитывает деньги*). Вот, получить извольте.

Михаил. Что это?

Дьяков. Взаймы у меня просили, помните? Так вот-с. Полторы тысячи. Больше сейчас не могу. Усадьбу продам, — тогда вышлю. А пока до Берлина хватит.

Михаил. Спасибо. Мне сейчас не надо.

Дьяков. Как не надо? На что же поедете? Да ну же, берите. Ведь все равно возьмете. Лучше у меня, чем у процентщика. Все-таки, родственник. Очень прошу вас, Михаил Александрович. Для Вареньки. Только ей не говорите, — она не возьмет.

Михаил. Ну, ладно. Потом.

Дьяков. Когда же потом? Может быть, наедине не увидимся.

Михаил. Да ведь расписку надо, вексель, что ли?

Дьяков. Что за расписки, помилуйте-с! (*Сует ему деньги. Он кладет их в карман*). Ах, да, насчет паспорта. Давно готов, в Луганове оставил, вышлю с нарочным. Ну, кажется, все?... А теперь ступайте к ней, успокойте... И скорее, ради Бога, скорее поезжайте, — сейчас же... А то поздно будет. Перерешу. Я ведь ничего не могу решить, как следует. Отниму Сашку, а она ведь без него не поедет. Как вы думаете, Михаил Александрович, ведь без Сашки не поедет, а?

Михаил. Что вы говорите, Дьяков? Точно бредите... голова, должно быть, у вас не в порядке.

Дьяков. Ну, полно, не сердитесь. Пошутил. А, может быть, и брешу. С ума схожу. Дурак сходит с ума. «Заяц бесится». Помните, «бешеный заяц»? Это мне Митенька сосплетничал. Ну, ничего, не бойтесь, не укушу.

Михаил. Шут вы, просто шут! Заразились от вашего Митеньки.

Дьяков. Не троньте Митеньку, — он пьян, да умен. А вы пьяны никогда не бывали, не по-немецки, а по-русски? И влюблены никогда не бывали? Не хотите сказать? Ну, так я скажу: не бывали, не бывали и не будете! Эх, умный вы человек, Михаил Александрович, а не хватает какого-то винтика. Оттого и с дураком не можете справиться... Да ну же, не сердитесь, что это, право, и пошутить нельзя!

Михаил. Шутите со мною, сударь, сколько угодно, но если вы вздумаете с Варенькой...

Дьяков. Ну-с, что же тогда?

Михаил. Тогда я вам ноги переломая, вот что!

Уходит.

VIII

Дьяков один.

Смотрит вслед *Михаилу*, потом бежит за ним. «*Михаил Александрович! Михаил Александрович!*» Возвращается к скамье, садится и, так же, как давеча, прислоняется головой к стволу березы, закрывает глаза.

В глубине рощи *Душенька* и *Ксандра* перекликаются.

Голос Ксандры (поет).

Розы расцветают, —
Сердце, уповай.
Есть, нам обещают,
Где-то лучший рай...

Голос Душеньки. Ау! Ау! Мишка! Варька! Где же вы? Подите сюда. Сколько тут ландышей.

Голос Ксандры (поет).

Вечно молодая
Там весна живет;
Там, в долине рая,
Жизнь для нас иная
Розой расцветет...

Входит *Александр Михайлович*.

IX

Александр Михайлович садится рядом с *Дьяковым*. Тот не замечает его.

Александр Михайлович кладет ему руку на плечо.

Дьяков. Ах, папенька! Извините, я не слышал...

Александр Михайлович. Уснул?

Дьяков. Нет, так. Песни заслушался.

Александр Михайлович. Да, утешная песенка, старинная. Куда лучше нынешних... А я тебя искал, Николай. Поговорить надо. Решили вы? Что ж ты молчишь? Не хочешь говорить со мною?

Дьяков. Нет, папенька, голубчик, ради Бога, не думайте! Ведь я же вас, как отца, больше, чем отца. Ну, да что говорить, сами знаете...

Александр Михайлович. Любишь, а не веришь?

Дьяков. Да нет же, верю, вам одним только и верю.

Александр Михайлович. Отчего же не хочешь сказать?

Дьяков. Что сказать? Ничего я не знаю. Запутался. Голова кругом идет. В самом деле, точно с ума схожу. Знаю одно: не хочу ее держать насильно, тираном быть, убийцею. Хочет за границу ехать, пусть едет...

Александр Михайлович. С кем? С Мишею?

Дьяков. С кем хочет. Мне все равно.

Александр Михайлович. А Сашка?

Дьяков. Пусть и Сашку берет.

Александр Михайлович. Скатертью, значит, дорога, — ступай с Богом на все четыре стороны? Славно решил! Жена, говорят, не башмак, — с ноги не скинешь. А ты взял, да и скинул. Надоело возиться, — и за щеку. Да ты хоть бы меня-то спросил, ведь и мне не чужая, небось...

Дьяков. Папенька, вы же сами видите...

Александр Михайлович. Ничего я не вижу. Вижу только, что задурила бабенка, а ты и раскис. Смотреть тошно. Сам хуже всякой бабы, тряпка, малодушный ты человек! Ну, скажи ты мне на милость — да не сразу, не сразу говори, а подумавши, скажи, любит она тебя или нет? Ага, задумался? Не знаешь? Аль и вправду не знаешь?

Дьяков (тихо, как будто про себя). Не знаю.

Александр Михайлович. А хочешь, скажу?

Дьяков. Скажите.

Александр Михайлович. Да ведь не поверишь?

Дьяков. Поверю, больше, чем себе поверю!

Александр Михайлович. Ну, так вот что, Николай: кто кого из вас больше любит, я не знаю. А что она тебя любит без памяти, — это знаю...

Дьяков. Любит и мучает так?

Александр Михайлович. А ты что думал? Ну, ладно, пусть я — старый дурак, из ума выжил, ничего не знаю, да ведь и ты не знаешь. Наверняка бы знать, что не любит, — разошлись бы да дело с концом. Ну, а что, если любит? Если вот все это — «люблю, не люблю» — только бред, наваждение, экзальтация, Мишкины глупости? Сама не знает, что делает, да ведь узнает когда-нибудь, и что тогда будет?

Дьяков. Оставьте, оставьте, папенька...

Александр Михайлович. Нет, не оставлю. Я за нее ответ дам Богу. За что же ты губишь ее? Можешь спасти и не хочешь.

Дьяков. Как спасти?

Александр Михайлович. Будто не знаешь?

Дьяков. Отнять Сашку?

Александр Михайлович. Ну вот — в одно слово.

Дьяков. Да разве это спасет?

Александр Михайлович. Спасет, если любит.

Дьяков. Нет, папенька, я этого не сделаю.

Александр Михайлович. Как знаешь. (*Встает*).

Дьяков. Постойте.

Александр Михайлович. Ну, что.

Дьяков. Нет, ничего.

Александр Михайлович. Боишься? Взять на себя не хочешь?

Дьяков. Не могу.

Александр Михайлович. А если я возьму? Не можешь и этого. Ну, ладно, делай, как знаешь, и я по-своему сделаю. Только не мешай, молчи, не говори никому... Даешь слово?

Дьяков. Даю.

Александр Михайлович. А знаешь что, Николай, ведь Миша-то, пожалуй, прав: дурак ты, просто дурак, да и только! Ты как думаешь, а?

Дьяков. Не знаю... Может и дурак.

Александр Михайлович. Ну и пусть! А я за такого дурака десять умных отдам. Христос с тобой!

Обнимает его. Входит *Митенька*.

Х

Александр Михайлович, Митенька, Дьяков.

Митенька. Александр Михайлович, пожалуйста-с.

Александр Михайлович. Что такое?

Митенька. Ничего особенного. Не извольте беспокоиться. Федька немного того... сшалил... как бы сказать поделкатнее... Не захотел «небесной гармонии»...

Александр Михайлович. Что вы врете, Покатилов? Опять, должно быть, выпивши?

Митенька. Никак нет-с. Ни в одном глазу.

Александр Михайлович. Да говорите толком, что случилось?

Митенька. Федька удавился. Только из петли рынули.

Александр Михайлович. Какой Федька?

Митенька. Забыли-с? Федька беглый, которого намедни высекли. Он самый. А вот и Климыч. И старуха с ним, Федькина мать. Слышите, воеет.

Александр Михайлович. Господи, воля твоя!

Александр Михайлович и Дьяков уходят.

XI

Митенька один.

Вынимает из кармана штоф с рюмкою, наливает, подносит ко рту и, остановившись, прислушивается. Со стороны дома — бабий вой, из глубины рощи — голос *Ксандры*.

Вечно молодая
Там весна живет;
Жизнь для нас иная
Там, в долине рая,
Розой расцветет...

Митенька (пьет). «Небесная гармония»... Эх-ма! Взять бы все за хвост да стряхнуть к черту!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Большие сени в Премухинском доме.

Деревянная лестница наверх в мезонин. В сенях, посередине — дверь в прихожую; налево — во внутренние комнаты, направо — во флигель. Печь с лежанкой. Большое окно, закрытое ставнями. Вынесенная из дома ветхая мебель, клавикорды, арфа. Наверху лестницы — площадка с тремя дверьми: в Сашину комнату, в спальню Варвары и барышень. Ночь. В сенях темно, горит ночник.

I

Савишна и *Феня*.

Савишна за столом, при свете огарка вяжет чулок.

Феня метит белье.

Савишна. Выдь-ка за ворота, девушка, погляди, не едут ли.

Феня. Ни за что не пойду. Фекла Савишна, хоть убейте!

Савишна. Чего же ты дура, боишься? Светло на дворе, месячно.

Феня. Мало, что светло! В такие ночи нежить пуше бесится. В саду у нас — не к ночи будь сказано — Федька беглый ходит, удавленник; веревка на шее, лицо как чугун, язык высунут, пальцем грозит: «Ужо я вас всех!» Страсть!

Савишна. А ты скажи: «Аминь, рассыпья!» — он тебя и не тронет.

Молчание. *Феня* снимает со свечки.

Феня. А что я вас хотела спросить, матушка, правда ли, говорят, будто барин наш молодой, Михаил Александрович, тоже из таковских — не к ночи будь помянуты — как бишь их, вот и забыла...

Савишна. Фармазоны, что ли?

Феня. Вот-вот, они самые. Это кто ж такие будут?

Савишна. А которые господа, книжек начитавшись, ум за разум зашедши, в Бога не веруют, властей не почитают, против естества живут, хуже язычников.

Феня. Ужли ж и он из таких? И что это с ним попритчилось?

Савишна. Мало, видно, учили смолоду. Такой был ребенок брыкливый, такой хохорь — просто беда! Ни лаской, ни сердцем. Мишины-то эти проказы мне вот где! Раз целую деревню чуть не спалил, огнем играючи... Да погоди, уже беды наделает!

Феня. Ай-ай-ай! Все одно, значит, как порченный?

Савишна. Порченный и есть. И барышень всех перепортил. Ошалели, сердечные. А Варенька, та совсем от рук отбившись. Мужняя жена в девках живет. «Не хочу, говорит, в законе жить. Я, говорит, вольная...» Срам!

Феня. А ведь жалко! Какие барышни хорошие! И что ж, от этой самой порчи вылечить нельзя?

Савишна. Отчего нельзя? Свести к угоднику Задонскому⁵², аль к Митрофанию, отслужить молебен у раки, икону поднять — выйдет из них порча, и все как рукой снимет.

Внизу, в прохожей, шаги и голоса.

Феня. Никак приехали?

Савишна. Ну, слава Богу. Пойдем, Фенюшка!

Феня. Нет, матушка, ступайте вы, а я не пойду. Как барыня узнает про Сашеньку, — со свету меня сживет. Вы с Апельсиной Лимоновой кашу заварили, — вы и расхлебывайте.

Убегает.

Савишна. Куда ты? Постой! Ах, негодная!

II

Савишна, Варенька, Ксандра, Душенька и Михаил.

Варенька. Нянька, где Сашка?

Савишна. Ах, барышни, голубушки, а я и не слышала, как подъехали.

Душенька. Мы потихоньку, чтоб не разбудить папеньку.

Варенька. Отвечай же, няня, Сашка где?

Савишна. Чтой-то, барыня-матушка, вы убиваться изволите о Сашеньке. Не у чужих, чай, дитя, — у своих, как у Христа за пазушкой...

Варенька. Да говори толком. Здоров? Хорошо заснул? Не плакал?

Савишна. Как уехали давеча, маленько покапризничал, а потом затих. Как ангелочек, спит. Такой пайныка. С вами-то больше балует.

Варенька. Ну, слава Богу!

Ксандра. Видишь, Варька, незачем было скакать сломя голову — переночевали бы у тетки, ничего с твоим Сашкой не сделалось.

Михаил. Доброй ночи, девочки.

Душенька. Очень болят?

Михаил. Нет, немножко.

Душенька. Дай повяжу тепленьким, припарочку сделаю.

Михаил. Ничего, и так пройдет.

Ксандра поднимает раму на окне и открывает ставни.

Ксандра. А в саду-то какая прелесть — луна, звезды!

Михаил. Да, звезды... однако, сыростью пахнет, лягушками.

Ксандра. Ах, Мишка, какой ты несносный!

Душенька. А я люблю...

Ксандра. Что? Чтоб зубы у него болели?

Душенька. Да, когда у него что-нибудь болит не очень, а так, чуточку. Смешной у нас Мишка — забывает всю свою философию. И ухаживать можно за ним, вот как Варька за Сашкою. Ну, не сердись, миленький! Погоди, дай в самое местечко поцелую, заговорю. Вот здесь?

Михаил. Здесь.

Душенька (поцеловав и пошептав). А как теперь?

Михаил. Лучше. Совсем прошло.

Душенька. Ну, вот видишь! Спи же с Богом. А если опять заболит, разбуди, припарочку сделаю.

Михаил уходит.

Савишна идет к двери и останавливается у Сашиной комнаты, *Душенька* и *Ксандра* стоят у открытого окна.

III

Варенька, Душенька, Ксандра и Савишна.

Варенька. Пойдемте же, девочки...

Душенька. Постой, Варька... Что ты, Сашка, как можно сравнить! Луна вон какая холодная, а солнышко тепленькое...

Ксандра. А тебе бы все тепленького? Эх ты, ничего не понимаешь! Солнце — злое, грубое, бесстыжее, а луна — добрая нежная, чистая. Солнце ранит, а луна исцеляет.

Душенька. Сомнамбула ты, — оттого и любишь луну. Когда была маленькая, вставала ночью с постели и ходила по комнате, раз в окно чуть не вылезла — хотела к луне.

Ксандра (подымая руки). Да, к ней — к моей прекрасной, возлюбленной — к сестре моей небесной!

Варенька. Ну, пойдемте же, девочки. Спать пора.

Ксандра. Ах, Варька, какие вы все, право! То спать, то Сашка, то зубы, то припарочки. Не любите когда хорошо.

Душенька. Слишком хорошо было, оттого и раскисли.

Ксандра. Зачем же раскисать?

Душенька. А так уж всегда... Сначала экстаз, а потом и раскиснешь.

Ксандра. А не раскисать нельзя?

Душенька. Нельзя, душа не вынесет. Как струна, оборвется, — и конец.

Ксандра. Ну, и пусть конец. А так-то разве лучше — все начинается и не кончается? Скучища какая, Господи! И кому это нужно? А ты, Варька, как думаешь?

Варенька. Помните, раз Мишка сказал, что Душенька — ясное утро, а Ксандра — звездная ночь⁵³. Вот вы и спорите.

Ксандра. А ты сама кто?

Варенька. Я — вечер осенний...

Гляжу ль в тумайну даль вечернею порой
К клавиру ль приклоняюсь, гармонии внимаю, —
Во всем печальных дней конец воображаю...

Душенька. Нет, Ксандра, не так: ты — тихий свет вечерний, который лучше всякого утра и звезд.

Ксандра. А кто же день?

Душенька. Ну, конечно, Мишка: он — наше солнышко!

Варенька. И еще я о Любиньке думаю. Она ведь тоже все хотела конца, — и душа не вынесла, оборвалась, как струна... Вон там, на луне, это облачко, — как будто смотрит на нас... И ветерок шелестит в листьях — тоже она... «Эолову арфу» помните?

И вдруг из молчанья
Поднялся протяжный, задумчивый звон
И тише дыханья
Играющий в листьях пролады был он... 54

Душенька. А вот и опять хорошо. Опять не раскисли...
Ксандра. голубушка, ну-ка, «Эолову арфу»!

Ксандра. Сашку не разбудим?

Душенька. А ты потихоньку.

Варенька. Ничего, он привык — еще слаще спит под музыку.

Ксандра садится за арфу и тихо играет.

Ксандра (поет).

Свершилось! Свершилось!
Земля опустела! Уж милого нет!
С тех пор унывая,
Минвана, лишь вечер, ходила на холм
И, звукам внимая,
Мечтала о милом, о свете другом,
Где жизнь без разлуки,
Где все не на час —
И мнились ей звуки,
Как будто летящий от родины глас...

Савишна (на площадке лестницы). Ишь, греховодницы! Воят на луну, как сучки, аль ведьмы, прости Господи! И впрямь будто порченые — с нами сила крестная!

Ксандра (поет).

О, милые струны!
Играйте, играйте, мой час недалек;
Уж клонится юный
Главой неотцветшей ко праху цветов...

А вот и лопнула струна... Конеч...

Душенька. Что ты, Варька? Плачешь?

Варенька. Плачу? Нет. Мне сейчас так хорошо, так легко. Не знаю только, что это, грусть или радость. Но если и грусть, то лучше всякой радости...

Савишна. Барышни, а барышни? Аль почивать не будете?

Варенька. Идем, нянька, идем. Не ворчи.

Варенька идет к двери Сашинной спальни.

Савишна стоит на пороге.

Савишна. Сашеньку разбудите.

Варенька. Это еще что?

Савишна. Дверь, говорю, со скрипом — несмазано: скрипит и разбудите.

Варенька. Ну, ладно, пусти.

Савишна. Не пушу.

Варенька. Да что такое? Что у тебя на уме? Пусти же, говорят тебе, пусти!

Отталкивая *Савишну*, *Варенька* входит в комнату, слабо освещенную лампадкою и месяцем.

IV

Савишна и Варенька.

Савишна. Ох, лихо-лишенько! Помилуй, Матерь царица Небесная.

Варенька (выбегая из комнаты). Нянька! Нянька! Что же это? Где он?

Савишна. Не извольте, сударыня, гневаться. Мы тут непричинны; как папенька велели, так и сделали. Воля господская...

Варенька. Что ты плетешь? Говори, где Сашка? Что вы с ним сделали?

Савишна. Да чтой-то, право, барыня, матушка, Христос с тобой, не цыганам, чай, отдали, к отцу отвезли...

Варенька. В Луганово?

Савишна. Куда же, как не в Луганово? Все честь честью, как следует — с Апраксией Ионовной, да с Амалией Карловной. Укрыли, укутали, чулочки шерстяные, одеяльце ватное. Тепленько, хорошоохонько. Ветром не венет — будет дитя в сохранности.

Варенька. И ты отдала?

Савишна. Как же не отдать? Воля господская...

Варенька. Так что же ты мне давеча тут... *(Заноса над ней руки).* Ах, ты, лгунья! Подлая! Подлая! Подлая!

Савишна (опускаясь на колени). Бей, сударыня, бей! Вынянчила, выходила — и вот до чего дожила, дура старая! Ну, спасибо, Варенька, спасибо, дитятко... *(Плачет).*

Варенька. Прочь, хамка, с глаз моих!

Савишна уходит.

Варенька (открывая дверь барышниной спальни). Дунька! Ксандра!

Они выбегают полураздетые.

V

Душенька, Ксандра и Варенька.

Душенька и Ксандра. Что такое?

Варенька. Сашку! Сашку! *(Сбегая вниз по лестнице).* Украли! Украли! Украли! *(Падая на стул).* Ох-ох-ох. Миша! Где Миша? Ради Бога, Мишу скорей...

Душенька. Сейчас. Воды, Сашка! Дурно ей... Боже мой!

Ксандра. Не суетись. Вот графин. Побудь с нею, а я за Мишею.

Ксандра убегает в дверь налево, во флигель.
Душенька поит *Вареньку*.

VI

Варенька и *Душенька*.

Варенька. Ох, Дунька, вот оно, вот чего я боялась. Не вынесу, умру и не увижу Сашеньку, мальчика моего роденького! Отняли! Отняли!

Душенька. Ну, что ты, Варя, полно. Как они могут отнять, ты только подумай...

Варенька. Могут, все могут. Уж если это могли — Сашку украсть, — значит, все могут. Уж лучше бы сразу убили!

Душенька. Перестань, Варька! Нехорошо. Вспомни, что Миша сказал: надо быть твердою... Хочешь капель? Погоди, сейчас.

Входят *Ксандра* и *Михаил*, в халате, в туфлях, в ночном колпаке, с подвязанной щекой, но вдохновенный и решительный.

VII

Варенька, *Михаил*, *Душенька* и *Ксандра*.

Варенька. Миша! Миша! Сашку украли!

Михаил. Я так и знал. Экий подлец — этот Дьяков. Ведь это он?

Варенька. Не знаю... Нет, папенька... а, может быть, и он... Все вместе...

Михаил. Да, вместе все против нас. Ну, так и мы будем вместе... Да что ты, Варя? разве ты не знала? Я же тебе говорил, что этим кончится. И хорошо, что так. Тем лучше. Теперь же, по крайней мере, на чистоту — без лжи, без обмана. Война, так война. Не бойся же, девочка, милая, успокойся, не плачь.

Варенька. Ох, Миша, не могу я, не могу, не вынесу...

Душенька сбегает вниз по лестнице.

Душенька (капая в рюмку). Ох, руки трясутся...

Ксандра. Несносная! Только мечешься без толку! Давай сюда. (Накапав, подает *Вареньке*).

Михаил. Да, друзья мои; вот когда наступила минута решительная. Будем же помнить: дело наше святое, правое. Все они — в абсолютной лжи, а мы — в абсолютной истине. Так с Богом же, с Богом вперед! Я начинаю. *Душенька*, *Ксандра*, вы тут с нею побудьте, а я к папеньке...

Душенька. Миша, а зубки как?

Михаил (сдернув со щеки повязку). Какие зубки? Я и забыл. Все прошло.

Входят Александр Михайлович и Полина Марковна.

VIII

Александр Михайлович, Полина Марковна, Варенька, Михаил, Ксандра и Душенька.

Александр Михайлович. Что такое? Что за шум?

Варенька. Папенька! Папенька!

Александр Михайлович. Что ты кричишь, Варя? Что случилось?

Варенька. Это вы — Сашку?..

Александр Михайлович. А-а, Сашка. А я думал, Бог знает что, — весь дом всполошили. Ну да, мой друг, я велел увезти Сашку в Луганово. Кажется, беды в этом особенной нет, что ребенкa к отцу отравили. Ведь и ты когда-нибудь поедешь туда. Ну, так вот я Сашку вперед и отправил... да что ты, Варя? Ну что ты на меня так смотришь? Что же такое случилось? Я не пойму...

Варенька. Что вы сделали? Что вы сделали?

Александр Михайлович. Не горячись, мой друг, успокойся. Ты вот все говоришь: нельзя отнять сына у матери. А знаешь правило: не делай другому того, чего себе не хочешь. Не хочешь, чтобы у тебя Сашку отняли, — не отнимай его и ты у отца. Или отдай сына, или вернись к мужу.

Варенька. А, вот что! Вот чего вы хотите! Так знайте же, не будет этого, никогда я к нему не вернусь! Замучаете, убьете, а ничего вы со мной не сделаете. Господи! Господи! Ведь это же насилие, тиранство! Ведь это подло, подло, подло!

Александр Михайлович. Варя, это ты мне, отцу своему? (*К Михаилу*). А ты, сударь, что же молчишь? Вот они, твои уроки. Вот дело рук твоих — любуйся!

Михаил. Я на вас люблюсь, папенька! Варя правду говорит: то, что вы с нею сделали...

Полина Марковна. Молчи, Миша, молчи, не смей!

Михаил. Нет, маменька, довольно я молчал. Я больше не хочу молчать. Я все скажу, и никакие силы в мире не остануют меня. Война так война — только не с ней, а со мною воюйте же — прямо, честно, открыто. Одну уже замучили, а теперь хотите другую. Но я не позволю вам, слышите, не позволю губить ее, убивать! Потому что это убийство, хуже убийства...

Александр Михайлович. Это я отец — убийца?

Михаил. Да, вы...

Александр Михайлович (занося над ним руку). Негодяй!

Михаил. Ну, что ж, бейте! лучше меня, чем ее!

Полина Марковна кидается между ними.

Александр Михайлович падает на стул и закрывает лицо руками.

Александр Михайлович. Буди воля твоя, Господи! Вот награда за все, вот плоть и кровь моя... Ну, Бог нас с тобою рассудит, Миша. А только помяни мое слово: нехорошо ты кончишь, хуже Робеспьера и Марата, бунтовщиком против всех законов человеческих и будущих. Опомнись же, смирись, пока не поздно...

Михаил. Нет, папенька, полно! Довольно я смирялся...

Александр Михайлович. Не хочешь?

Михаил. Не хочу!

Александр Михайлович (вставая и подымая руки торжественно). Ну, так я не хочу за тебя отвечать, непослушный сын! Вон из дому моего, и чтоб ноги твоей здесь больше не было...

Полина Марковна одной рукой зажимает ему рот, другой уводит к двери.

Полина Марковна. Перестань! Перестань! Молчи! Пойдем!

Александр Михайлович и *Полина Марковна* уходят.

IX

Варенька сидит, опустив голову на руки, застывшая, как мертвая.

Ксандра стоит у окна неподвижно и смотрит на небо.

Душенька, забившись в угол, плачет.

Михаил бледен, но по-прежнему бодр и решителен.

Михаил. Ну, девочки, плакать некогда — надо действовать. Варя, можешь меня выслушать?

Варенька. Могу, Миша. Видишь, я спокойна. Говори.

Михаил. Ну, так слушайте, друзья. Вот мой план. Нам с Варей здесь оставаться нельзя ни минуты... Который час?

Ксандра. Третий...

Михаил. Времени довольно. Подождем, пока все в доме улягутся — тогда бежать. Сначала в Луганово, за Сашкою, а потом в Козицыно, к тетке, а оттуда прямо в Петербург и морем за границу, в Берлин. Я уже написал Краевскому⁵⁵, чтобы каюту взял на первом пароходе в Любек.

Варенька. А как же деньги, паспорт?

Михаил. Паспорт у Дьякова вытребуем, а деньги... У тебя сколько?

Варенька. Ничего.

Михаил. У меня полторы. Да, маловато. А у Дьякова не возьмешь?

Варенька. Что ты, Миша, взять и бежать? Украсть?

Михаил. Ну, положим. Я бы того... А, впрочем... черт с ним! Где-нибудь перехватим. Только бы вырваться. А может быть и без денег насидимся, в бедности, в голоде, в холоде... Ты не боишься, Варя?

Варенька. Нет, милый, ничего я с тобой не боюсь.

Михаил. Ну, значит, едем. Душенька, Ксандра, ступайте укладывать Варьку, а она пусть полежит, отдохнет. Немного берите — налегке поедем сейчас — остальное потом привезете в Козицыно. А я пойду — лошадей.

Уходит.

Х

Полина Марковна, Варенька и Ксандра.

Полина Марковна. Я на минутку, девочки — только два слова сказать... Варя, ты не думаешь, что и я с папенькой?..

Варенька. Нет, мамочка, я знаю, что вы всегда с нами.

Полина Марковна. Ну, не всегда. Ведь и вы не всегда правы. Все мы неправы, и все должны простить друг друга. Прости папеньку, Варя, и меня прости, что не доглядела за ним.

Варенька. Что вы, маменька, Бог с вами! Вы меня простите, вы и папенька...

Полина Марковна. Ничего, Бог простит...

Варенька. Ах, уж не знаю, простит ли...

Полина Марковна. Полно, мой друг, человек прощает, — Бог ли не простит... Когда же едете?

Варенька. Кто вам сказал, маменька?

Полина Марковна. Сама знаю. Да вы не бойтесь — не выдам. Я же знаю, вам с Мишей здесь оставаться нельзя. Поезжайте с Богом. Ведь Миша едет с тобой?

Варенька. Да, со мной.

Полина Марковна. Ты ему верь, но не во всем. У него ум большой, а сердце иногда неумное. Многого не чувствует, а только воображает, что чувствует, и от этого другим больно. Ну, и восторженный. Вы, впрочем, все такие. Это хорошо для девушки, а ты уже мать, — тебе надо было быть спокойною. Да, все преувеличенное незначительно. Это вам всем надо помнить, а Мише особенно. Не согласна?

Варенька. Нет, не совсем.

Ксандра. А я совсем нет.

Полина Марковна. Ну, спорить не будем. Может быть, согласитесь потом. Когда же едете?

Варенька. Миша хочет сейчас.

Полина Марковна. Сейчас так сейчас. Чем скорее, тем лучше. У тетки будете?

Варенька. Будем.

Полина Марковна. Ну, так и я туда приеду, — там и простимся. А теперь мне к моему старику пора. (*Обнимает ее и молча гладит по волосам и по щеке своим обычным, однообразным движением руки*). Ну что, успокоилась?

Варенька. Ах, маменька, голубушка, спасибо вам! Какая вы хорошая! Вы лучше всех на свете!

Полина Марковна. Ну, Христос с тобой!

Уходит.

Ксандра. Скорее, скорее Варьку укладывать, а то Миша придет, а мы не готовы.

Всходят по лестнице в барышнины комнаты.

Никого. Светает, но солнце еще не вставало.

Входит *Михаил*. *Михаил* один.

Одет по-дорожному, в бекеше и картузе. В руках — поднос с бокалами и бутылка шампанского. Ставит их на столе. Подходит к окну, смотрит на небо и на часы.

Взбегает по лестнице и стучит в дверь.

Голос Вареньки из-за двери. Кто там?

Михаил. Скорее, девочки! Лошади поданы.

Голос Ксандры. Сейчас, Миша.

Михаил (открывая дверь). Я к заднему крыльцу велел подавать, чтоб не услышал папенька. Туда и вещи сносить. Да потихоньку, Феня.

Голос Фени. Будьте спокойны, барин, никто не услышит.

Выходят на площадку лестницы. *Варенька*, одета по-дорожному, в шляпе с вуалью, *Душенька* и *Ксандра*. Все сходят вниз по лестнице.

Михаил (наливая бокалы). Посошок на дорожку... Ах, мои милые, милые девочки, я так счастлив сейчас, как никогда еще не был, и, может быть, никогда уже не буду. Я чувствую силу в себе бесконечную — вашу силу, вашу любовь. Я силен, как титан Прометей⁵⁶... (*Вдруг усмехается*). Гм.. гм.. господин Прометей, господин Хлестаков...

Ксандра. Что ты, Миша? Какой Хлестаков?

Михаил. Из «Ревизора» Гоголя. Это Белинский дразнит меня: «господин Хлестаков, залетевший в пространства надзвездные»⁵⁷...

Душенька. Полно, голубчик, ой, полно! А то опять будет шекотно...

Ксандра. Твой Белинский — просто дурак!

Михаил. Нет, не он, а мы дураки. Дон-Кихоты, безумцы, романтики. Самые смешные люди в мире. Ну и пусть. Пусть над нами смеются взрослые, важные, умные. Не бойтесь, друзья, не они, а мы победим, мы, смешные, победим смеющихся!⁵⁸

Душенька. Смотрите, смотрите, солнышко!

Михаил. Да, вот оно, солнце великого дня! (*Раздавая бокалы*). За что же выпьем, девочки?

Душенька. За Варьку.

Ксандра. Нет, сначала за всех, за наш союз!

Михаил. Да, первый бокал за него. Да будет он крепок и вечен, как это вечное солнце. Благослови, святое солнце, нас святой союз!

Подносят бокалы, чокаются и пьют.

Душенька. Ну, а теперь за Варьку.

Михаил. Да, за нее. Нынче с женщиной-матерью и земля, наша мать, как раба, закована, поругана. Но восстанет, свободная, и будет, как Жена, облаченная в Солнце⁵⁹. За освобожденную женщину — Освободительницу мира!⁶⁰

- Пьют.

Михаил. Ну, а третий, последний, за что?

Варенька, Душенька и Ксандра. За тебя, за тебя, Мишка! За нашего освободителя! За второе наше солнышко.

Михаил. Нет, не за меня, а за то, что я люблю больше, чем себя самого — за освобождающую истину. Помните то, что я вам говорил, — Восторг разрушения — восторг созидания. За разрушающую и созидающую Истину — солнце всех солнц!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В Луганове, в доме *Дьякова*, большая неуютная комната. Одна дверь в прихожую, другая — в кабинет. Два окна — одно на двор, с флигелями и службами, другое — в поле. Вечер. Дождь.

I

Дьяков и *Митенька* сидят за столом, уставленным закусками и бутылками.

Митенька. Да, брат, скучно на этом свете, а есть ли другой — неизвестно...

Дьяков. Не философствуй, ради Бога! И без того тошно.

Митенька. А ты чего куксишься? Лей!

Дьяков. Не хочу.

Митенька. Ну что же мне с тобой делать? Ну, хочешь, спляшу? (*Наигрывает на гитаре*).

Дьяков. Полно, Митя, оставь. (*Глядя в окно*). Эх, зарыл.

Митенька. Ничего, дождик тепленький — березовым веником пахнет. Озимым хорошо.

Дьяков. Тоска. Едем, что ли?

Митенька. Едем.

Дьяков. Куда?

Митенька. Неизвестно, куда. Прямо к цыганкам закатимся. Тряхнем стариной — по-улански. Закутим, замутим, пустим дым коромыслом, завьем горе веревочкой.

Дьяков. Да ведь и там тоска... А у этой, как бишь ее, у *Апельсины Лимоновны* бородавка на носу с рыжим волосом...

Митенька. Это что — бородавка, а вот была у нашего дивизионного — целый пук волос на переносице, — как рассердится, так дыбом и встанут. Противно!

Дьяков (*опять глядя в окно*). Нет, не березовым веником пахнет, а червем дождевым. Знаешь, черви такие — длинные, розовые, слизкие. Препротивные... А наместни дворнику *Михею боров* палец укусил: резал *Михей борова* да не дорезал: а тот взбесился, вырвался и укусил, вся рука сгнила, *антонов огонь*⁶¹ сделался... Говорят, у всех животных, когда они бесятся, слюна ядовитая... и у «бешеного зайца» тоже?

Митенька. Экая дрянь тебе в голову лезет!

Дьяков. Тоска!

Входит *Лаврентий*.

II

Дьяков, Лаврентьич и Митенька.

Дьяков. Чего тебе?

Лаврентьич. У Сашеньки животик болит.

Дьяков. Ну, что ж, поболит и пройдет.

Лаврентьич. Не послать ли за фершалом?

Дьяков. Пошли.

Лаврентьич. Аль бобковой мазью потереть пупочек?

Дьяков. Потри.

Лаврентьич. Да ведь я, чай, не мамушка.

Дьяков. Там их целых две — будет с него.

Лаврентьич. А какой в них толк? Только цапаются. Апельсина Лимоновна — ведьма, а Амалия Карловна — черт. Одна за ручку, другая за ножку, того и гляди — пополам дитя раздерут.

Дьяков. Не раздерут. Ну, ступай. Надоел.

Молчание.

Лаврентьич. Как же так, сударь? Не приبلудный, чай, не пашенок, — свое дитя, законное. Вот ужю придет барыня...

Дьяков (вскакивает и замахивается чубуком). Молчи, дурак! Я тебя...

Лаврентьич уходит.

III

Митенька и Дьяков.

Митенька. За что же ты на Сашку взелся? Он-то чем виноват?

Дьяков (поднимая голову). Я тебя просил, Митя, не говорить об этом... И зачем мне его подкинули? делали бы с ним, что знают... Все из-за него... Как родился — точно ножом отрезало... *(Наливает вина и пьет).* Ну, едем. Все равно, куда, хоть к черту.

Митенька встает.

Дьяков. Нет, стой, погоди... Слушай, Митя, ты Михаил Кубанина любишь?

Митенька. Люблю.

Дьяков. И меня любишь?

Митенька. И тебя.

Дьяков. Как же так? Или меня, или его.

Митенька. Что же делать? Оба вы — люди хорошие.

Дьяков (положив письмо на столе). На, читай.

Митенька. Я, брат, чужих писем не читаю.

Дьяков. Не бойся, не украл. Да тут и секретов нет. Знаешь Белинского?

Митенька. Виссарiona Григорьевича? Ну, еще бы. Вместе у Кубаниных гостили. Тоже «заяц бешеный».

Дьяков. И Боткина⁶² знаешь?

Митенька. Ваську-то купчика? У папеньки, в лавке чаем торгует⁶³, а Гегеля так и жарит. Умный парень.

Дьяков. Ну, так вот, читай. Это — письмо Белинского к Боткину о Михаиле Кубанине.

Митенька. Нет, уж лучше ты. Да не все, а то засну, — ишь, какое длинное.

Дьяков (читает). Слушай. «Я этого человека любил больше всех на свете. Но теперь он для меня — решенная загадка. О, гнусный, подлый эгоист, шут, паяц, фразер, дьявол в философских перьях. Абстрактный герой, рожденный на свою и на чужую гибель, человек с чудесной головой, но без сердца, и притом, с кровью протухшей соленой трески»⁶⁴...

Митенька. Вот так ругается! Отроду таких ругательств не слыживал. Ах, господа писачки... Ну, полно, будет с меня.

Дьяков. Нет, слушай конец. *(Читает).* «В эту минуту мне кажется, что я, только бы увидел его, как попросил бы или убить меня, или позволить мне убить его». Ну, вот, слышал?

Митенька. Слышал.

Дьяков. Верно?

Митенька. Не знаю. Может и верно.

Дьяков. И ты его любишь?

Митенька. Люблю. *(Высовывается в окно).* Кто-то приехал... А ведь это он, легок на помине.

Дьяков. Кто?

Митенька. Мишенька.

Дьяков. Кубанин?

Митенька. Он самый.

Дьяков. Один?

Митенька. Не видать отсюда... Как будто один.

Дьяков. Лаврентьич! Лаврентьич!

Входит Лаврентьич.

IV

Дьяков. Ступай, беги скорее. Приехали там. Скажи, что принимать не велено. Не пускай, слышишь?

Лаврентьич. Слушаю-с. А только ежели...

Дьяков. Да ступай же, черт, ступай.

Лаврентьич уходит.

V

Митенька. Что ты, Коля, разве можно?

Дьяков. Нет, Митя, ни за что. Не могу я его видеть.

Митенька. Да ведь все равно войдет.

Дьяков. Ну, так я уйду, а ты скажи ему...

Митенька. Что испугался, сказать? Что спрятался?

Голос *Михаила* и *Лаврентьича* за дверью.

Голос Михаила. Ну ладно. Никто тебя не спрашивает.

Голос Лаврентьича. Михаил Александрович! Сударь, а, сударь! Толкать не извольте!

VI

Михаил, Дьяков и Митенька.

Михаил. Это еще что за новости? Принимать не велели? *(Подает руку Дьякову, тот не берет ее).* И руки не даете? Ого, расхрабрились как! Ну что ж, пожалуй, и лучше: по крайней мере, лгать больше не будете.

Дьяков. Вы один? А Варя?.. Варвара Александровна где?

Михаил. Потом узнаете. Я приехал за Сашкою... Что ж вы молчите? Или говорить со мною не хотите?

Дьяков. Не хочу.

Митенька. Нашла коса на камень!

Михаил. Извините, Митенька, нам поговорить надо с Дьяковым.

Митенька. Сделайте одолжение.

Дьяков. Нет, Митя, не уходи. Нам говорить с ним не о чем.

Михаил. Воля ваша, Дьяков, а выслушать вам меня все-таки придется. Вы обещали отдать Сашку, помните? Все-таки обязаны, как честный человек.

Дьяков. Михаил Александрович, уходите. Прошу вас, уходите.

Михаил (усевшись на стул). Я без Сашки не уйду.

Дьяков. Уходите, Кубанин, сейчас же уходите, слышите!

Михаил. А вы лучше не упрямытесь, — все равно, отдадите.

Дьяков. Вон! Вон! Вон!

Михаил. Ай-ай, как страшно — «бешеный заяц»!

Дьяков (кидается на Михаила и хватает его за ворот). Я тебя... Я тебя... Я тебя... Подлец!

Михаил. Сам ты подлец! (*Дьяков ударяет Михаила по лицу*).

Митенька. Господа, господа, драться не надо. Я караул закричу.

Дерутся.

Михаил. Стреляться! Стреляться!

Дьяков. А-га! Наконец-то! Ну, смотри же, — если есть в тебе хоть капля крови, помни, что ты сказал. Держи его. Митя, не пускай, я сейчас...

Дьяков убегает.

Митенька. Уходите, Кубанин, уходите! Разве вы не видите, он с ума сошел.

Михаил. Пусть убьет. Я его сам...

Митенька. Ну, вот, и этот. Э, черт, оба взбесились... Ну, что мне с вами делать, — водой разливать, что ли?

Входит *Дьяков* с двумя пистолетами.

VII

Дьяков (подавая пистолеты Митеньке). Вот на, смотри. И шаги отмерь... или как там, через платок, что ли? Мне все равно.

Митенька. Да ты что это, сударь, затеял? Стреляться здесь, в комнате?

Дьяков. Да, здесь же, на месте, сию же минуту. А то удерет, — я его знаю.

Митенька. Да что ты, Коля, помилуй! Ведь он у тебя гость в доме. Какая же это дуэль? Это — смертоубийство...

Дьяков. Не хочешь? (*Подавая пистолеты Михаилу*). Осмотрите сами. Выбирайте.

Михаил берет один из пистолетов, видимо не сознавая, что делает.

Дьяков отходит на другой конец комнаты.

Митенька (кидается к Дьякову). Сумасшедший! Сумасшедший! Что ты делаешь?

Дьяков. Прочь, Митя! Убью!

Митенька (в окно). Караул! Помогите! Лаврентьич!

Дьяков. Стреляйте же! Стреляйте!

Лаврентьич совывает в дверь голову и сейчас же скрывается.

Михаил (кидая пистолет на пол). Я стреляться не буду.

Дьяков. Не будете?

Михаил. Не буду.

Дьяков. Не хотите здесь, в комнате?

Михаил. Нет, совсем не хочу. Противно.

Дьяков. Что противно?

Михаил. Убивать.

Дьяков (взводя курок). Стреляйте же, черт побери! Или убью, как собаку!

Михаил. Убивайте!

Вбегает *Варенька*.

VIII

Варенька, Дьяков, Митенька и Михаил.

Варенька. Что это? Что это? Что это?

Дьяков роняет пистолет и молча пятится к стене, глядя на *Вареньку* широко раскрытыми глазами, как в ужасе.

Варенька (кидается к Михаилу). Миша! Миша! Что это? (*Вдруг обернувшись к Дьякову*). Мало тебе Сашки? Мало тебе Сашки? Хочешь и Мишку? Нет, не его, а меня убей! Только не мучай! Довольно мучил — я больше тебе не позволю! Довольно лгал, хитрил, за чужие спины прятался, низкий, низкий ты человек! Трус! Вор! Думал, Сашку украдешь, и я вернусь? Так вот же, никогда не вернусь! И ничего ты со мной не сделаешь... Убьешь и не сделаешь. Убивай, а Сашку я тебе не отдам! Сама своими руками убью, а тебе не отдам... Миша, пойдём. Убьёт — и пусть... Видишь, молчит, не смеет... Пойдём же, Миша!

Берет *Михаила* за руку, идет мимо *Дьякова* и вдруг, остановившись, смотрит на него молча, долго, пристально.

Михаил. Ну, что же ты, Варя?

Варенька опускает руку *Михаила*, не отводя глаз от *Дьякова*. Тот стоит все так же, не двигаясь, прислонившись спиной к стене, и смотрит на нее открытыми глазами.

Михаил берет *Вареньку* за руку.

Варенька. Постой, Миша. (*Вдруг обернувшись к нему, вырывает руку*). Оставь! Оставь! Уходи! Уходи! Уходи!

Михаил. Что ты, Варя? Зачем? Я без тебя...

Варенька. Нет! Нет! Нет! Ступай! Ступай! Ступай! ради Бога, Миша, милый, прошу тебя, ступай!

Митенька. Михаил Александрович, пойдёмте. Разве не видите — лучше будет.

Михаил. Да что такое? Я не понимаю.

Митенька. Не понимаете? Ну, ничего, уже поймете. *(Поднимает пистолет с пола и берет Михаила за руку).* Да ну же, ну, говорят вам, ступайте!

Митенька уводит *Михаила*. *Варенька* молча подходит к *Дьякову*. Тот так же молча закрывает лицо руками.

Варенька. Колька, ты что? Что ты молчишь? Ну, скажи же, скажи что-нибудь. *(Кладет ему руку на плечи).* Ох, Колька, что я наделала! Что я наделала!

Дьяков *(падает к ее ногам).* Варя! Варя, милая!

Варенька. Ну, полно же, полно, глупенький! Поверил? зачем же верил? Я ведь все не то, все не то... Сама не знаю, что говорю. С ума схожу. Да нет же, нет, никогда я от тебя не уйду, никогда тебя не оставлю. *(Обнимает и целует его).* Ну, как такого оставить? Все равно, что Сашку. Оба вы у меня вместе — что он, то и ты... Ох, Коля, голубчик, я ведь думала, что могу уйти, а вот не могу. И к кому мне идти? К Мишке, что ли?... Нет, нет... опять не то... Не слушай меня, не верь. Никого у меня нет, кроме тебя... Ну, что же ты плачешь, что же ты плачешь, Сашка мой, Катька моя, глупенькая? Ох, бедная ты моя, бедная, что я с тобой сделала! Ну, да зато уж теперь так приласкаю, так полюблю...

Дьяков. Варя... Варя... Зачем?

Варенька. А затем, что люблю. Аль не веришь? Ну, погоди, уж поверишь... Нет, все не то... Ну, смотри мне в глаза — вот так... Видишь, видишь теперь?

Дьяков. Варя! Правда? Любишь?

Варенька. А ты что думал? Ну, да, да, тебя одного, только тебя одного и люблю!

Дьяков плачет и целует ноги ее.

Потом вдруг молча встает, медленно идет к столу, садится и опускает голову на руки.

Варенька. Что с тобой, Коля? Опять? Нет, Колька, не надо... Колька, Колька, поди же сюда!

Дьяков все так же медленно, молча встает, подходит к висящему на стене звонку и звонит.
Входит *Лаврентич*.

IX

Дьяков. Барыня едет, Лаврентьич. Вели одевать Сашу и вещи укладывать. Да поскорее. Когда будет готово, выносить в карету прямо из флигеля. Ну, ступай, да смотри же, скорее.

Лаврентьич. Слушаю-с.

Уходит.

X

Варенька и Дьяков.

Варенька. Коля, что ты хочешь?

Дьяков. Сашку с тобой отправить. Ты ведь без него не поедешь.

Варенька. Никуда я не поеду. Я же тебе сказала...

Дьяков. Нет, Варя, поедешь. Иначе нельзя.

Варенька. Почему нельзя?

Дьяков. Не знаю. Не говори, прошу тебя, ничего, ничего не говори... И скорее, скорее, ради Бога, скорее!

Варенька. Не веришь? Не любишь? Гонишь?

Дьяков. Перестань. Не мучь меня. Трудно мне, разве не видишь, как трудно. Оставь. Потом... Ну, а теперь с Богом. *(Вынимает из бюро пакет).* Вот на, тут паспорт и деньги. Три тысячи. Миша взял полторы. Хватит пока. Возьми же. *(Сует ей в руку пакет, она не берет).* Не хочешь? Ну, ладно, я Мише отдам. Ну, скорее, скорее!

Варенька. Что я сделала! Что я сделала! *(Плачет).* Правда, Коля? Скажи, правда — иначе нельзя? Тебе лучше так?

Дьяков. Нам обоим лучше.

Варенька. Нет, тебе — обо мне не думай, — а как тебе?

Дьяков. Да, Варя, и мне так лучше.

Варенька. Ну, что ж, пусть. Сама виновата. Так мне и надо! так мне и надо! Прости, Коля... *(Ломая руку).* Да нет же, нет, я знаю, нельзя никогда, никогда нельзя простить!

Дьяков. Что ты, Варя, полно. За что мне тебя прощать? А если и есть за что, Бог простит. *(Обнимает и целует ее).* Дай переkreщу. Вот так. И ты меня. А Миша где? *(Открывает дверь и зовет).* Михаил Александрович!

XI

Дьяков, Михаил и Варенька.

Дьяков. Очень я перед вами виноват, Михаил Александрович, — так виноват, что уж и не знаю, право, можно ли? Но, если можно, простите меня... А если нельзя, я всегда готов, когда и где вам будет угодно. За вами выстрел. А только лучше бы, право...

Михаил. Не понимаю. Ничего не понимаю.

Дьяков. Да что ж тут понимать? Дело простое: Варя едет за границу с вами и Сашею.

Михаил. А как же вы?

Дьяков. Я остаюсь. Или тоже уеду куда-нибудь. Обо мне не беспокойтесь.

Михаил. Нет, в самом деле?

Дьяков. В самом деле. Спросите Варю.

Михаил. Варя, правда?

Варенька. Да, Миша. Правда.

Михаил. Что ж это такое? Из-за чего же мы давеча?.. Ах, Боже мой, как глупо! Послушайте, Дьяков, я ведь перед вами кругом виноват.

Дьяков. Что вы, Михаил Александрович, Бог с вами! Уж если считать вины, так оба виноваты мы одинаково.

Михаил. А знаете что? Мириться — так мириться. Дьяков, голубчик, позвольте вам обнять!

Дьяков. Нет, Михаил Александрович, уж лучше не будем ни обниматься, ни драться. Лучше попросту: если можете, дайте мне руку. Вот так. Ну, а теперь с Богом! Скорее! Варенька, пойдем Сашку укладывать.

Варенька. Нет, Коля, я так не могу. Я должна...

Дьяков. Молчи, молчи! Пойдем!

Дьяков и Варенька уходят.

XII

Михаил и Митенька.

Михаил. А все-таки я не понимаю...

Митенька. И не трудитесь, Мишенька, — все равно не поймете... Это вам не Гегель — не «разумное действительно». К черту логику — и все шиворот-навыворот.

Михаил. Вы думаете, Митенька? (*Подносит руку к щеке*).

Митенька. А что, зубы болят? Хотите платочек подвязать? А то как бы флюс не сделался. Да вы не конфузьтесь, батюшка. Эка невидаль — оплеуха подле уха! Это иногда лучше всякой логики.

Михаил. Вы, сударь, пьяны, глупы и пьяны. Убирайтесь к черту, пока я вас...

Митенька. Сделайте одолжение. (*Подставляя щеки*). Вот обе — в какую угодно.

Михаил. Ну, вас... блаженненький!

Митенька. Нет, стой, погоди! Не так я глуп, как ты думаешь. А что пьян — пьян да умен, два угодя в нем. Не понимаю я, что ли, с кем говорю? Ведь кто кого победил давеча — он ли тебя или ты его, это один Бог рассудит. Эх-ма, голубчик Мишенька, все понимаю! Не сердись на меня. Ведь ты сейчас с Россией-матушкой прощаешься! Уедешь — и не видать тебе ее, как ушей своих. Бунтовал здесь мальчиков и девочек — бунтовать будешь там народы и царства. Накутишь, намутишь, так что небу будет жарко. Крови отведаст львенок — будет лев, ищай кого поглотити. Ну, брат, счастливо! Поцелуемся — со мной-то можно, чай, — не подеремся! Аль брезгаешь?

Михаил. Нет, отчего же? С удовольствием. Вы тоже, Митенька, славный. Спасибо вас всем, за все спасибо. Не поминайте лихом. (*Обнимаются*). А что, Митенька, о чем я вас хотел спросить: что это я сказал Дьякову давеча, когда он в меня целился?

Митенька. Ну, что вы... Будто сами не помните? сказали, что стрелять не будете.

Михаил. А еще что?

Митенька. Еще? А еще, — что убивать не хотите, потому что противно.

Михаил. Вот, вот, оно самое! Противно. (*Помолчав*). Митенька, а что, очень я тогда боялся?

Митенька. Ну, уж это вам лучше знать.

Михаил. Нет, а вам, со стороны как?

Митенька. Мне?.. Чудак вы, право, Михаил Александрович! Ну, да уж что там... Молодец, молодец, дай Бог всякому так!

Михаил. Гм, молодец? (*Улыбаясь*). А знаете, я ведь, может, и очень боялся. А только я тогда совсем о другом думал...

Митенька. О другом? О чем это?

Михаил. Да вот об том самом, что убивать не хочу. Поединок, говорят, дело чести. А я не хочу убивать, совсем не хочу. Противно. И если по чести убивать надо, — ну ее к черту и честь!

Митенька. Вон оно куда! А ведь это уже на мое выходит — вот как я говорю: взять все за хвост да и стряхнуть к черту!

Михаил. Ну, может, и не все, а уж это навверное! Уж это навверное! С этого все и начинается. Тут-то оно и есть, — бунт, — такой бунт, какого еще никогда не бывало! Никогда не бывало! А ведь никто не понимает... Ну, да ничего,

поймут. Надо, чтобы поняли. И я это сделаю, сделаю, сделаю!

Митенька. Ну, и сделай, ну и сделай, Мишенька! Помоги тебе Бог!

Голос Дьякова с лестницы. Михаил Александрович! Михаил Александрович!

Михаил. Иду!

Уходят.

XIII

Митенька один.

По комнате пробегают люди с тюками, узлами, чемоданами. По всему дому суматоха, говор, крики, хлопанье дверей. Чей-то голос вдали: «Одеяльце забыли, одеяльце Сашинькино». Голоса на дворе: «Ну, с Богом, трогай».

Митенька (в окно кланяясь и махая платком). Счастливо! Счастливо! (*Идет к столу, садится, наливает вино, пьет и наигрывает на гитаре.*)

Входит Дьяков.

XIV

Дьяков садится, так же, как давеча, кладет руки на край стола и опускает на них голову. *Митенька* продолжает взъгрывать и поглядывать на *Дьякова* искоса. Потом встает и кладет ему руку на плечо.

Митенька. Ну, что ж, Коля, и нам пора. Лихо кутнем, такой карамболь зададим, что чертям тошно станет!

Дьяков. Полно, Митя, перестань. Уходи.

Митенька. Ну, брат, шалишь! Не уйду. Мы теперь с тобой до одной точки дошли — одна дорога — вместе пойдем!

Дьяков наливает в стакан воды и хочет пить.

Митенька удерживает его за руку.

Митенька. Ты что это, сударь, вздумал? (*Наливает вина*). На, пей, — здоровее будет!

Дьяков. Не хочу.

Митенька. Вина не хочешь? Ну, брат, плохо дело! (*Дьяков пьет воду*). А что ты думаешь, Коля, надолго она уехала?

Дьяков. Не знаю.

Митенька. А хочешь пари держать, что года не пройдет, как вернется?

Дьяков. Прошу тебя, Митя...

Митенька. Ну, ладно, не буду. А только, если вернется, помни, брат, что это — дело Мишиных рук. Зла тебе хотел, а сделал добро. Знаешь притчу: медовые соты в челюсти львиной⁶⁵, — из едущего вышло едмое, и из крепкого вышло сладкое.

Дьяков (идет к двери и зовет). Лаврентьич!

Входит Лаврентьич.

XV

Дьяков, Лаврентьич и Митенька.

Дьяков. Я уезжаю, Лаврентьич. Может быть, не скоро вернусь. Управителю доверенность вышлю на продажу усадьбы. А ты пока за домом присматривай. Да вещи пришли. Я тебе из Москвы напишу.

Лаврентьич. Слушаю-с. *(Помолчав).* А куда, сударь, ехать изволите?

Дьяков. Не знаю. На Кавказ, должно быть, в действующую армию.

Лаврентьич. На Кавказ! Вот что. Опять, значит, в полк? Служить будете?

Дьяков. Так, может быть.

Лаврентьич. Так-с. И усадьбу продадите?... Батюшка, барин, Николай Николаич, отец ты наш! А мы-то как же без тебя? И не вернешься к нам?

Дьяков. Нет, отчего же? Если не убьют, вернусь. *(Идет к бюро, вынимает бумагу из ящика).* Вот на, возьми, — отпускная тебе. А потом, когда справлюсь, в Москве, всех дворовых отпущу на волю. Так им и скажи. *(Лаврентьич берет бумагу, отворачивается и молча трет глаза кулаком).*

Дьяков. Ну, что же ты? Аль воле не рад?

Лаврентьич комкает бумагу, рвет ее, кидает на пол и топчет ногами.

Лаврентьич. Вот вам! Вот вам! Вот вам воля ваша! Ничего мне не надо! Пропадай все пропадом! И за что вы меня, сударь! Кажись, верой-правдой служил, и вам, и папеньке, и деденьке. На руках носил, ходил, пестовал, а вы меня, старика... Эх, сударь!

Дьяков. Ну, полно, Лаврентьич. Если ты не хочешь...

Лаврентьич (кланяясь в ноги). Батюшка, барин, смилуйся, не губи ты нас, сирот! Не разорь гнезда родного! Коли нас не жалеешь, хоть гробы отцов пожалей!

Дьяков. Ну, ладно. Я еще подумаю. Может быть, и не продам. Только не плачь. А если на волю не хочешь, — Бог с тобой, служи, как раньше служил. Я знаю, ты — верный слуга. Спасибо тебе.

Обнимает его. *Лаврентьич* уходит.

XVI

Дьяков и Митенька.

Митенька. Эх-ма! Обидел старика. И его, и меня, и Мишеньку, и Сашу, и Варвару Александровну, — всех обидел.

Дьяков. Что ты, Митя, чем же я обидел?

Митенька. Ну, брат, коли сам не понимаешь — говорить нечего. А скажи-ка лучше, как Кавказ-то вправду едешь?

Дьяков. Еду.

Митенька. И пить и кутить больше не будешь?

Дьяков. Не буду.

Митенька. Поздравляю. Святой, значит, преподобный. Облагодетельствовал всех — и на Кавказ, умирать за отечество. Герой! Амалат-Бек!⁶⁶ Ну, и поезжай. И черт с тобой.

Дьяков. Чего же ты сердишься?

Митенька. Я не сержусь. А только мы — люди грешные, со святыми нам делать нечего. Эх-ма! Думал я, что ты человеком стал, а ты все та же баба, слюняй, такая дрянь, что только поплевать и бросить!

Дьяков. Да что же ты ругаешься?

Митенька. А как же не ругаться, когда смотреть тошно на рожу твою преподобную. Тьфу! весь постным маслом обмазался и рад-радешенек. Святой! А у самого в глазах бес играет. Зла-то в тебе столько сейчас, сколько зла, у-у! Вчуже страшно...

Дьяков. Что ты говоришь, Митя! Какое во мне зло? На кого?

Митенька. На всех. А пуше всех на себя. Давеча тут прощения у Миши просил, едва в ногах не валялся, а уж лучше бы ты убил его, — меньше бы зла сделал.

Дьяков. Нет, Митя, нет у меня зла ни на кого. А Мишу я, в самом деле, простил.

Митенька. Простил! Скажите, пожалуйста! Да, может, он в прощении твоём и не нуждается! Может быть, ты и подметки его не стоишь. Виноват он, кругом виноват, как подлец. Ну, и что ж из того? Мы все подлецы. Не нам с тобой его прощать. Да знаешь ли ты, кто он такой?

Дьяков. Знаю, Митя, все знаю!

Митенька. Врешь! А если знаешь, так пей! (*Подает стакан*). Пей за здоровье Михаила Кубанина.

Дьяков. Я же тебе сказал, что не хочу вина.

Митенька. Врешь! опять врешь! Не в вине тут дело, а за его здоровье пить не хочешь.

Дьяков. Да нет же, право...

Митенька. А если нет, — пей сейчас!

Дьяков. Послушай, Митя!..

Митенька. Нечего слушать. Пей, или черт с тобой!

Дьяков. Ну, ладно, давай!

Митенька. Только помни, брат, это не шутки, — это все равно, что клятва вечная. Поднимай же стакан, кричи...

Дьяков. Не буду я кричать.

Митенька. Ну, ладно, я за тебя. Только смотри, чтоб крепко было: как выпьем, — стакан об пол. Виват! Виват! Виват Михаил Кубанин!

Пьют и разбивают стаканы.

Занавес.

БУДЕТ РАДОСТЬ

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

Иван Сергеевич Краснокутский, земский деятель, 56 лет.*Федор Иванович*, студент-медик, 28 лет.*Григорий Иванович*, студент-математик, 23 лет.*Федор и Григорий* — сыновья Ивана Сергеевича от первого брака.*Татьяна Алексеевна*, вторая жена Ивана Сергеевича, 29 лет.*Катя*, курсистка, 25 лет.*Домна Родионовна*, мать первой жены Ивана Сергеевича, 79 лет, почти слепая.*Пелагея*, послушница, 24 лет.*Мавра Кузьминишна*, старая няня.

Действие происходит в наши дни в России.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Старинная усадьба Александровских времен, близ уездного городка.
Терраса с колоннами. Сад. Внизу река.
За нею монастырь и фабрика. Вечер.

I

*Домна Родионовна и Пелагея.**Пелагея* ведет *Домну Родионовну* за руку и усаживает на скамейку.*Домна Родионовна.* В обители благовест, что ли?*Пелагея.* В обители, матушка. Служба нынче с полиелеем да кондаками Владычными¹.*Голоса (на дороге, за забором сада, поют под гармониками).*

У нас ножички точеные,

Гири кованные.

Мы ребята удалые,

Практикованные...

Домна Родионовна. Вишь, черти, горло дерут. Слободские, что ли?

Пелагея. Слободские, матушка, фабричные. С бабами да с девками, из кабака в кабак шляются. Пьяным-пьяно!

Домна Родионовна. Тьфу, окаянные! Люди в церковь, а они в кабак.

Голоса.

Мы урядника убили,
Станового бить идем.
Вся полиция знакома,
Губернатор нипочем...

Пелагея. Озорники, охульники! Вот нынче леса-то в уезде горят: все они, слышь. Того и гляди, весь город спалят. Одно слово — революционеры!.. Ох-ох, матушка, анафема веку сему... О летунах-то этих намедни старец повествовал...

Домна Родионовна. О каких летунах?

Пелагея. Да вот, что на машинах-то — как их, еропланх, что ли, — летают по воздуху. У святых отцов писано: превознесется сын погибели, человек беззакония паче всех глаголемых властей и прельстит народы чудесами ложными — возьмет крыле и взыдет на небо. А Господь поразит его, змия древнего, убьет духом уст Своих². Ну, а там и кончина веку сему: светопреставление... А вот и Гришенька...

Домна Родионовна. Какой Гришенька?

Пелагея. Виновата, матушка, Григорий Иванович.

Домна Родионовна. Ну, то-то же, смотри у меня, востроглазая!

II

Домна Родионовна, Пелагея и Гриша.

Домна Родионовна. К старцу ходил, Гришенька?

Гриша (целует руку Домны Родионовны). Да, от него, бабушка.

Домна Родионовна. Ну, что, как?.. Ступай, Пелагея. Подожди внизу, у калитки. Да смотри, егоза, не подслушивай.

Пелагея. Что вы, матушка! Разве я когда?.. Обижать изволите...

Домна Родионовна. Ну, ладно, ступай.

Домна Родионовна и Гриша.

Домна Родионовна. Что же старец?

Гриша. Вас, бабушка, слушаться велел во всем.

Домна Родионовна. Во всем? Так и сказал?

Гриша. Да. И если что против совести казаться будет, то все-таки...

Домна Родионовна. Видишь, Гришенька. Ну, так как же, миленький, о чем говорили-то намедни, сделаешь?

Гриша. Сделаю, если велите, то сделаю. Но трудно мне, бабушка, если бы вы знали, как трудно...

Домна Родионовна. Знаю, родимый. Послушания подвиг труднее всего. А ты и потрудись для Бога-то: что труднее, то Богу угоднее.

Гриша. Бабушка, да, ведь, грех-то какой! Воровство, подлость, предательство... и против кого же?..

Домна Родионовна. Жаль стало брата?

Гриша. Жаль? Нет... Вы же знаете: не люблю я его, враг он мне. Да, ведь, то-то и подло, что враг: с другом подло, а с врагом еще подлее.

Домна Родионовна. Ну, спасибо на добром слове, внучек. Кто же тебя на подлость подбивает? Мы со старцем что ли?

Гриша. Не сердитесь, бабушка, милая. Не к тому я сказал...

Домна Родионовна. Да ты, брат, не виляй, не отлынивай. Говори прямо: не хочешь? Не сделаешь?

Гриша. Сделаю. Как сказал, так и сделаю.

Домна Родионовна. Обещаешься?

Гриша. Обещаюсь.

Домна Родионовна. Ну, смотри же, помни. (После молчания). А я Пелагее скажу: девка проворная, на все руки мастер, да положиться нельзя — шельма. Ты за нею посматривай. Ключ достал ли?

Гриша. Достану. У няни есть другой от того же замка.

Домна Родионовна. А письма где, знаешь?

Гриша. Знаю. Когда переносили вещи в павильон из дому, я с братом бумаги укладывал.

Домна Родионовна. Ну, значит, ладно все. Спасибо, Гришенька. А насчет греха, не испытай, смирись. Старец лучше нашего знает. Бывает и грех во спасенье. Тут премудрость Божия тайная. Старцу-то веришь?

Гриша. Верю. Вам да ему только и верю. Только вас двое и есть у меня... Ох, бабушка, милая, скорее бы к вам совсем уйти от них! Измучился я, устал, не могу больше...

Домна Родионовна. Небось, миленький, теперь уж недолго. Это тебе испытание последнее: как совершишь, одолеешь, — так и уйдешь от них. Вместе уйдем. «Изыдите,

изыдите, люди Мои, из Вавилона»³. Уйдем от безбожников. В ущелиях да пропастьях земных скрываться будем, а им не дадимся... Смотри же, блюди себя, внучек, от соблазна ихнего, от премудрости дьявольской. Премудрые, ученые, «образованные»! Вон ведь и ты все книжки читаешь, в университете учишься, по стихиям мира сего ищешь премудрости. А мы люди простые, темные. Может, и тебе не пара?

Гриша. Нет, бабушка, этого не бойтесь, — чего другого, только не этого. Я же знаю их, вижу насквозь: пустое все у них, гнилое, трухлявое. Вот как волчья яма: сверху покрыто, а ступишь ногой и провалишься.

Домна Родионовна. У нас-то крепче?

Гриша. Да, крепкое у вас, крепкое, вечное! Оттого к вам и иду.

Домна Родионовна. Так будешь с нами?

Гриша. С вами, бабушка, с вами на веки веков.

Домна Родионовна. Аминь! (*Встает и кладет ему руки на голову*). Спаси тебя Господи! Заступи, помилуй Матерь Пречистая! (*После молчания*). Ну, ступай, Гришенька, а то как бы не увидел кто. Скличь-ка Пелагеюшку.

Гриша. Пелагея, Пелагея Савишна!

Пелагея выходит из-за кустов, — видно, что подслушивала, — уводит *Домну Родионовну*. *Иван Сергеевич* идет из сада. *Мавра* накрывает на террасе стол к чаю.

IV

Иван Сергеевич и Гриша.

Иван Сергеевич. А, Гриша, здравствуй. Мы ведь с тобой сегодня не видались. Опять у старца весь день?.. А это что у тебя? (*Берет у Гриши книгу*). *Pensées de Pascal*⁴. Старцу, что ли, носил?

Гриша. Да, старцу.

Иван Сергеевич. А он по-французски разве читает?

Гриша. Что вы! Университет кончил...

Иван Сергеевич. Ах, да, ученый, — я все забываю... Ну, что ж понравилось?

Гриша. Папа, зачем? Ведь вам неинтересно вовсе...

Иван Сергеевич. Нет, отчего же? Умный человек...

Гриша. А «с умным человеком и поговорить приятно», по Смердякову?⁵

Иван Сергеевич. Ну, вот, и Смердяков! Что же ты сердишься? Я ведь попросту... А, впрочем, Бог с тобой — не хочешь, не надо...

Гриша. Нет, папа, милый, я не сержусь, а только трудно мне с вами об этом... А насчет Паскаля, старец говорит:

книга хорошая, но нельзя смешивать веру с вероятностью — «держат пари на Бога»⁶...

Иван Сергеевич. А ведь и правда, нельзя... Мавра, что ж самовар?

Голос Мавры (из окна). Кипит, батюшка. Сейчас несусь.

Иван Сергеевич. Федя, Таня, Катя! Чай кипит! Экие, право — опять запропастились — не докличешься.

Голоса (из дому). Идем! Идем!

Иван Сергеевич. А вечер-то какой, воздух! (*Заглядывает через окно в комнату*). Катя, а, Катя, будет вам стучать, — опять до мигрени достукаетесь. Если бы я знал, что вы такая рьяная, ни за что бы не взял в секретари.

Голос Кати. Сейчас, Иван Сергеевич. Только страницу кончу.

На террасу выходят Федор и Татьяна Алексеевна; потом Катя.

V

Те же и Федор, Татьяна Алексеевна и Катя. Садятся за стол.
Мавра — с самоваром.

Иван Сергеевич. А где же караси, Мавра?

Мавра. Будут, батюшка, мигом поспеют.

Иван Сергеевич. Ну, смотри же, не ударь лицом в грязь! (*Мавра уходит*). Сам наловил, Федю угощаю. Он ведь нынче карасей наших калитинских еще не пробовал. Ах, хороши карасики! Ежели, после купания, вот как я сейчас, караси в сметане на сковородке, с лучком да с перцем, да водочки, — нектар и амброзия! Что ты, Федя, смеешься?

Федор. Вкусно вы, папа, живете!

Иван Сергеевич. Вкусно живу? Да, брат, не то, что вы, нынешние! А ты не мудри, брось метафизику и тоже вкусно заживешь... А мы о тебе сегодня все утро с Катей prospopили.

Федор. Обо мне?

Иван Сергеевич. Ну да, о статье твоей в «Психиатрическом вестнике», о «Философии самоубийства».

Федор. Ну, и что же?

Иван Сергеевич. Да что? Катя говорит: верно или почти верно. А я говорю: вздор. Да ты не обижайся, брат! Не дурак же я: понимаю, что умно, блестяще, талантливо, ну, и этой самой премудрости вашей медицинской бездна, а все-таки вздор, вздор и вздор! Книжно, отвлеченно, нежизненно. Главного нет...

Федор. Что же главное? Ах, да, условия социально-экономические... Только я ведь это устранил нарочно.

Иван Сергеевич. Нарочно? Самоубийство вне условий социальных? Что ты говоришь, душа моя; подумай...

Федор. Тут мало думать, папа. Тут надо *знать*, и не только вашу статистику...

Иван Сергеевич. Вот именно — знать надо! Оставь-ка на минуту свою метафизику, «веревка вервие простое», — погляди, что у тебя под носом делается. Какая-то чума, эпидемия! Кажется, ни в одной стране, ни в одну эпоху не бывало такого...

Федор. Ну, так что же? При чем тут социальные условия? Или «от хорошей жизни не полетишь?» Устроятся люди получше — и самоубийства прекратятся?

Иван Сергеевич. А ты что думаешь?

Федор. Я думаю: чем лучше люди устроятся, тем больше будет самоубийств. Начали только устраиваться — и самоубийства возрастают и будут возрастать в геометрической прогрессии.

Иван Сергеевич. А ты, голубчик, не пророчествуй. Говори толком, доказывай... И чего ты все усмехаешься? Ведь это дело серьезное.

Федор. Еще бы! А только статья-то моя не очень серьезная. Не мог же я сказать всего в этом дурацком «Вестнике»: ученые ослы меня бы на смех подняли.

Иван Сергеевич. Ну, мы не ученые и не ослы, надеюсь? Говори же все, не бойся.

Федор. Увольте, папа.— Не люблю я отвлеченных разговоров: до добра не доводят. Вон Гриша на меня уж волком смотрит, да и Катя тоже. Катя, вы на меня сердитесь?

Катя. Нет, а только Иван Сергеевич прав: надо об этом говорить серьезно или совсем не говорить. Тогда и печатать было незачем.

Федор. Пожалуй, незачем. Я, впрочем, надеялся, что кое-кто поймет и между строк — «безумной шалости под легким покрывалом»... Ведь вот вы же поняли?

Катя. Не все. Мне ваша главная мысль непонятна.

Федор. Неужели? А как просто! Главная мысль в том, что людям свойственно убивать себя не менее, а, может быть, и более, чем умирать так называемой естественной смертью. Звери умирают, люди убивают себя. Одна из всех живых тварей, человек сознает смерть и может убить себя и всегда убивает, хотя бы только частично — трудом, болезнью, пороком, святостью, безумием, — ну, словом, всем своим человечеством. И еще потому человек — самоубийца естественный, что тоже одна из всех тварей любит свободу больше, чем себя. А сделать смерть вольною, убить себя, *как следует*⁷, значит победить страх смерти, начало всякого рабства, «оказать своеволие в высшем градусе», как верно определяет Кирилов у Достоевского⁸.

Иван Сергеевич. Федя, родной! Ты это серьезно?

Федор. Очень серьезно.

Иван Сергеевич. Да ведь Кирилов — больной, сумасшедший...

Федор. Сумасшедший? Нет, отчего же?.. А впрочем, если не хотите Кирилова, то вот вам профессор Мечников⁹, здравомыслящий в высшей степени.

Иван Сергеевич. Мечников! Вон куда хватил! Да ведь это совсем из другой оперы...

Федор. Нет, из той же. Желание смерти, по Мечникову, так же нормально, как желание сна: усталый хочет спать — старый хочет умереть¹⁰. Только здоровая старость наступает в 150, 200 лет. Но ведь уже это вопрос биологии, а психически мера жизни от числа лет не зависит: Пушкины, Байроны в тридцать лет прожили больше, чем другие могли бы прожить в двести¹¹. Да и всякий, кто был хоть на минуту счастлив, действительно счастлив, кто хоть раз в жизни сказал: «остановись, мгновение!»¹² — знает эту последнюю грань в самом счастье, предел желаний — тихий зов смерти... или «вечности», как говорят поэты. Теперешние самоубийства — от страха, от горя, от слабости — словом, от недостатка чего-то — почти такие же рабские, как животная смерть. Но придет время, когда люди будут умирать вольною, действительно вольною смертью — от избытка, от роскоши, от силы, от радости. Вот как пена вина, когда полон стакан, через край переливается...

Татьяна. Ах, как красиво!

Федор. Красиво? Неужели «красиво»?

Татьяна. Ну, да. Чего же вы так испугались?

Федор. Виноват, Татьяна Алексеевна, но я боюсь «красивого», как черт ладана: «красиво» значит не прекрасно и не без пошлости.

Иван Сергеевич. А ты не груби дамам и не отвиливай, говори прямо, к чему ведешь?

Федор. Кажется, ясно: что для каждого человека в отдельности, то и для всего человечества...

Иван Сергеевич. Стой, погоди! Что же именно? Когда все будут счастливы, то убьют себя? Конец человечества — самоубийство всеобщее, так, что ли?

Федор. А почему бы и не так? Надо же чем-нибудь кончить. И отчего хороший конец хуже «дурной бесконечности»?

Иван Сергеевич. Опять смеешься?

Федор. Нет, не смеюсь.

Иван Сергеевич. Ну, так спятил, ей Богу, голубушка, спятил, вместе со своим Кириловым!

Федор. Может быть. Но ведь тогда и вся буддийская Азия, сотни миллионов людей...

Иван Сергеевич. К черту Азию! Мы в Европе живем...

Федор. Ну, и в Европе — Шопенгауэр, Толстой, современные теософы, средневековые мистики...¹³ Спросите-ка Гришу: он со своим старцем кое-что знает об этом... Гриша, а, Гриша, да что ты на меня так смотришь, право? Уж лучше сразу облегчи душу, изреки анафему. «Тихий бес», что ли?

Иван Сергеевич. Какой еще бес?

Федор. А это ему старец наемни сказал, что во мне «тихий бес». «Немой и глухой». Вот он и смотрит на меня, как будто хочет изгнать беса...

Гриша (вставая и бледнея). Я бесов не изгоняю.

Федор. А что же с ними делаешь?

Гриша. Ничего. В лицо им плюю...

Федор. О-го! Значит, и мне в лицо плюешь?

Гриша. Ты хуже делаешь: не в меня, а в мое святое плюешь... Как ты смеешь!.. И что вы его слушаете? Разве вы не видите, что он над вами смеется?..

Федор. Послушай, Гриша. Нельзя любить других больше, чем себя: если я над вами смеюсь, то и над собой...¹⁴

Гриша. И над собой, и над собой! Надо всем! На все плюешь... Хулиган! Шут! Провокатор!

Иван Сергеевич. Гриша! Гриша! Что ты... разве можно так?..

Гриша. Папочка!.. если бы вы знали, папочка, какой все это ужас! Какой ужас! Господи! Господи! Господи!

Гриша убегает почти в истерике. За ним — *Катя*.

Татьяна (вставая). Это, наконец, невыносимо! Бог знает что такое...

Федор. Не волнуйтесь, Татьяна Алексеевна. Гриша болен.

Татьяна. А если болен, то лечиться надо. Есть же всему предел! И как вы позволяете, Иван Сергеевич?..

Татьяна тоже убегает.

Мавра — со сковородкою; ставит ее на стол и уходит.

VI

Иван Сергеевич и *Федор*.

Иван Сергеевич. Да, брат, вот тебе и караси в сметане, вот тебе и «вкусно живем»! Видишь, Федя, все мы тут как на пороховом погребе...

Федор. Это я, папа. Спровоцировал его нечаянно. Закурил в пороховом погребе. Ну, да ничего, — обойдется. Ведь мы с ним друзья... были, а, может быть, и будем. В нем тоже «тихий бес», только другого рода...

Иван Сергеевич. Да, болен он, в самом деле, болен. А тут еще со своим старцем измучился... Надо с ним осторожнее, Федя.

Федор. Не бойтесь, папа. Сегодня мне урок — не забуду.

Иван Сергеевич. Ну, пойду, посмотрю, что с ним.

Иван Сергеевич уходит.

Федор идет в сад, садится на скамейку и, согнувшись, упершись локтями в колени, опускает голову на руки. Сумерки. Зарницы. Входит *Катя*.

VII

Федор. А, Катя, вы! А я и не слышал. Какая вы тихая! Ну, что, все еще сердитесь?

Катя. Нет. За что? Какое мне дело? (*После молчания*). Федор Иванович, разве вы не чувствуете, что есть вещи, о которых нельзя говорить?

Федор. «Мысль изреченная есть ложь»?¹⁵

Катя. Да, мысль изреченная есть ложь.

Федор. Это ваша заповедь?

Катя. Зачем вы все шутите?

Федор. Шучу? Нет, Катя. А если и шучу, то назло себе. Хочу плакать и смеюсь. Какой-то «демон иронии»¹⁶. В самом деле, «бес».

Катя. И то, что вы говорили давеча, и в статье, — не шутка?

Федор. Вы же знаете, Катя, вы все знаете!

Катя. Ну, тогда еще хуже. Нельзя говорить и не делать. А ведь вы не сделаете?

Федор. Не знаю, ничего не знаю. Заблудился в самом себе, запутался. Может быть, сейчас и не сделаю, а когда-нибудь...

Катя. Нет, никогда. Оттого и говорите. Если бы сделали, то молчали бы, стыдились... У вас нет стыда.

Федор. Верно, Катя, верно! Именно, стыда нет. Какая вы вещая! Все знаете... Что нет стыда, это и старец мне говорил наемни. «Макаки, — говорит, — макаки... не люблю макак!»

Катя. Что это?

Федор. Обезьянка такая бесстыжая. Я сначала не понял. А это он обо мне, о таких, как я, нестыдящихся.

Катя. А вы и теперь не стыдитесь?

Федор. Да, и теперь, — только по-другому... А, может быть, я теперь слишком стыжусь?

Катя. Все равно. У вас нет меры стыда, нет меры ни в чем.

Федор. И это — «ах, как красиво»?

Катя. Да, не без пошлости.

Федор. Как же быть, Катя? Кальвин, что ли, учил, что есть люди погибшие: что бы ни делали, все равно не спасутся, потому что осуждены от века, прокляты¹⁷. Вот и старец наемни толковал притчу о плевелах: посеял человек пшеницу на поле своем, а ночью пришел враг и всеял плевелы. Враг — диавол, пшеница — сыны Божьи, а плевелы — сыны диавола — несуществующие души¹⁸.

Катя. И вы себя считаете плевелом?

Федор. Да, не пшеницею.

Катя. Кто это может знать? Тут что-то не так.

Федор. В притче не так?

Катя. Не в притче, а мы чего-то не знаем.

Федор. И старец не знает?

Катя. И старец.

Федор. А вы, Катя, знаете?

Катя. Нет, я тоже не знаю. Но я знаю, что не знаю, а старец думает, что знает все.

Федор (после молчания). А можно, Катя, с вами так не стыдиться, как я сейчас?

Катя. Можно, — так можно.

Федор. Ну, так вот что. С детства, с самого раннего детства, как помню себя, у меня такое чувство, что все люди как люди, а я... «макака».

Катя. Это не от гордости?

Федор. Может быть, и от гордости... И вот еще что. У портных иногда зеркала углом поставлены, платью примерять, чтобы лучше видно было сбоку и сзади. Боюсь я этих зеркальных углов, ох, как боюсь! Спереди-то я ничего, даже недурен как будто, — «ах, как красиво!» А вот сбоку-то, сбоку, почти сзади — не узнаю себя, — в затылке, там, где скоро плешь начнется, да и в лице, особенно, в нижней челюсти, в углу носа и лба — что-то звериное, хищное, и смешное, и стыдное, стыдное... Сам себе чертом кажусь, своим собственным чертом...¹⁹

Катя. А вы в черта верите?

Федор. Не знаю, право. В Бога-то вот не верю, а в черта, не знаю, может быть, и верю... Должно быть, это от бабушки да дедушки, купцов Вахрамеевых. Говорят, прадед наш старовером был, федосеевцем²⁰. Ну, и от матери тоже: святая, смиренница, воды не замутит, а черта боялась, — так и умерла со страху. Вот и Гриша в нее... А знаете, Катя, я вам сейчас как на духу каюсь — вот, как старцу. И почему это вдруг?... А кажется, что вы поймете, — не простите, нет, да и что прощать?... А только поймете, но ведь и этого довольно.

Катя. Да, пойму. А простить вас, значит, и себя простить: когда вы о себе говорите, мне кажется, что и я в зеркальном углу, и тоже себе не очень-то нравлюсь. У

каждого свой черт. А насчет проклятых от века, кто это подумал, тот был сам во власти черта.

Федор. Какая вы тихая, Катя, тихая, вещая, грозная — вот как эти зарницы на небе! Тишина, тишина, молчание, «Silentium».

Млчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...

Катя, милая, отчего вы мне помочь не хотите?

Катя. Хочу, да не могу. Мы с вами в разных «колодцах» сидим, — рядом, но в разных. Помните, «Колодцы молчания»?

И сторожит Молчанья Демон
Колодцы черные свои...²¹

Федор. Ну, так перекликаться давайте, перестукиваться, вот как в одиночных камерах²².

Катя. А вы не шутите?

Федор. Да нет же, нет, милая! Ну, посмотрите мне в глаза, разве так шутят? Разве вы не видите?

Катя. Вижу... нет, не вижу... (*После молчания*). А может быть, вы... Федор Иванович, вы не обидитесь?

Федор. Нет, Катя, не обижусь. Я никогда ни на что не обижаюсь.

Катя. Потому что презираете — «плюете на все»?

Федор. Ни на что я не плюю. Вы знаете: я не других, а себя презираю... Что же вы хотели сказать?

Катя. Может быть, вы жалкий, такой жалкий, что с вами нельзя говорить, как я сейчас?

Федор. Ну, так пожалейте, Катя!

Катя. А Татьяна Алексеевна... Татьяна Алексеевна вас не жалеет?

Федор (усмехаясь). Почему вы вдруг о ней вспомнили?

Катя. Мне казалось, вы друзья...

Федор. Любопытство, Катя?

Катя. Простите. Я думала, что вы постучались ко мне... А любопытство — нет: уж если я чем страдаю, так *нелюбопытством*.

Федор. Какая вы странная! Как будто что-то знаете, и не хотите сказать...

Катя. Не умею... и не знаю. Слышу звук сквозь стену, но еще не понимаю азбуки.

Федор. А все-таки спасибо, Катя!

Катя. За что?

Федор. За стук. Когда долго сидел в одиночной камере и стук услышал, то радостно: значит не один.

Катя. Вы тоже странный. Вы, может быть, не то, чем кажетесь.

Федор. О, если бы, если бы так, милая! Зарница моя, тихая, вещая, грозная...

Катя (вставая). Не надо... не говорите...

Федор. Молчание? Silentium?

Катя. Да, Silentium.

Федор целует у Кати руку.

Из двери на террасу выходит *Татьяна Алексеевна* и идет в сад. *Катя* не видит ее; потом, вдруг, обернувшись и увидев, проходит быстро мимо нее, склонив голову. *Татьяна Алексеевна* следит за нею пристально, пока она не уходит; потом взбегает на террасу, гасит лампу, запирает на ключ стеклянную дверь и возвращается в сад к *Федору*. Но темнеет, зарницы ярче, и кое-где, вдали, за рекою, огни лесных пожаров рдеют, как красные точки. Оттуда же, из-за реки, доносятся пьяные песни под звуки гармоники.

VIII

Татьяна. Ты опять с ней? О чем?

Федор. Тише... Слышишь?

Татьяна (оглядываясь и прислушиваясь). Нет никого. Он у Гриши во флигеле; Катя прошла к себе; Мавра спит. Разве старуха с Пелагеей? Да нет, завтра праздник — ночуют в обители... Никого... Не бойся.

Федор. Да, верно, почудилось, у страха глаза велики... А знаешь, Таня, ведь бабушка следит за нами.

Татьяна. Знаю. Ходит по пятам, как тень, подслушивает, подсматривает. Слепая, а видит все. Страшная... Ну, да все равно. Когда я с тобою, мне все — все равно... О чем же ты говорил с Катей?

Федор. Тоже за нами следишь, как бабушка?

Татьяна. Берегись, Федя: Катя не то, что я, — с ней шутки плохи.

Федор. Ревнуешь?

Татьяна. Как грубо!

Федор. И — «ах, как некрасиво»?

Татьяна (кладет ему руки на плечи). Федя, зачем?.. Ну, зачем, милый?.. Ведь уже недолго нам. Может быть, в последний раз... Ведь скоро уедешь?

Федор. Скоро.

Татьяна. Когда?

Федор. Не знаю. На днях.

Татьяна. Может быть, лучше — мне?

Федор. Ты все равно не уедешь.

Татьяна. Да, не могу. Говорю, что уеду, и вот не могу. А ты можешь?

Молчание.

Федор. Таня, чем это кончится?

Татьяна. Не знаю. Мне все равно.

Федор вынимает револьвер.

Татьяна хочет отнять, он не дает и прячет.

Татьяна. Дай же, дай! Ты мне обещал, помнишь?

Федор. Пустяки, ребячество! Чем бы ни кончилось, только не этим. Ношу с собою, балуюсь и знаю, что ничего не будет. Как вот в гимназии мы все, мальчишки, были «А.М.» — «анархисты-мистики» и носили с собою по браунингу. Нет, Таня, не бойся: не годимся мы с тобою в трагедию. Ты не Федра, а я не Ипполит²³. Будущий психиатр и бывшая актриса — хорошая парочка! Ничего не будет. С такими, как мы, никогда ничего не бывает, кроме пошлости. Было, как бы не было. Мало ли в жизни гнусностей? Не пойман — не вор. Потихоньку да полегоньку, разведемся и забудем, привыкнем, обтерпимся. До свадьбы заживет. Было, как бы не было...

Татьяна. Не мучь меня, Федя! Устала я, ох, как устала.

Хочет обнять его. Он отстраняет ее.

Федор. И за что, за что ты меня?..

Татьяна. Вот даже слова сказать не хочешь... За что полюбила? За правду, Федя, за то, что ты черту смотришь прямо в глаза²⁴.

Федор (усмехаясь). А-а! «Дерзновение»?

Мы для новой красоты
Нарушаем все законы,
Преступаем все черты...²⁵

Татьяна. Ну, что же, смейся! Мне все равно, мне все равно...

Федор. Я не смеюсь, а корчусь... не бойся, от своей собственной пошлости...²⁶ Ну, а еще за что?

Татьяна. Еще за муку, Федя.

Федор. Дездемона! «Она меня за муку полюбила»²⁷. Ты Дездемону играла на сцене?.. За муку, да, это, пожалуй, вернее. Жалеешь. Вы все жалеете. Нет такой гнусности, на которую женщина не пошла бы из жалости... А *его* не жалеешь?

Татьяна. Не надо, Федя, милый, не надо! И без того муки довольно...

Федор. А мне сегодня снилось опять... все одно и то же снится: будто бы мы с тобою... и он тут же рядом, но мы его не видим. Только знаем, что он смотрит на нас, — и все-таки...

Татьяна. Не надо! Не надо! Я с ума сойду...

Федор. А ты что думаешь? Да если б не сошли с ума, разве могли бы жить с эдаким ужасом? Ведь, я же его любил... и сейчас люблю... Его люблю и тебя вместе... Но тебя не любовью, не жалостью, а вот этим ужасом. Ужас, а все-таки, все-таки... И чем больше ужас, тем сильнее вот это, чего сказать нельзя... (*Обнимает ее*).

Татьяна. Федя, милый, если бы я могла взять весь ужас, весь грех на себя! Пусть грех, кто любит, нет греха.

Федор. Хороша любовь!

Татьяна. Не кощунствуй: всякая любовь свята. Огонь страсти очищает все...²⁸

Федор. «Огонь страсти»... Эх, Таня, откуда у тебя такие слова? Помолчи, — ты лучше всего, когда молчишь.

Татьяна. Благодарю за любезность! Боишься пошлости, а сам впадаешь в нее. А я ничего не боюсь — я только люблю и мучаюсь и не знаю, что это, но иногда кажется, что тут какой-то рок... это не мы с тобою сделали...²⁹

Федор. Не лги... Впрочем, о тебе не знаю. Но я сам сделал, сам захотел. Нравилось, «дерзновение»... «Красиво, ах, как красиво!» О, пошлость, пошлость! Не хаос, не бездна, а лужа: упал в грязь — ничего, мягко, — не ушибся, а только запачкался. Это-то мне и нравилось... да теперь еще нравится... И тебе, и тебе! Не лги — я знаю тебя. Хороши оба! Блудники, развратники, пакостники, «мазаки» бесстыжие! С тринадцати лет — раньше — с тех пор, как помню себя... и все мы такие, все поколение. Это главное в нас. От этого все и пошло. Гриша прав: хулиганы, шуты, провокаторы. Не-существующие души³⁰, «плевелы»... За Катей-то, за Катей смотри! Я ведь на все способен, «плюю на все». Люблю тебя и ее, обеих вместе. Почему нельзя обеих?... Ведь, может быть, и она такая же, не лучше нашего... Все там будем!

Татьяна. Что ты делаешь? Что ты делаешь, Федя! Ведь, ты сейчас хуже со мной, чем с ним... (*Плачет*).

Федор (*опускаясь перед ней на колени*). Таня, прости... Таня, милая... Ведь я же, в самом деле, с ума схожу... как во сне, в том страшном сне... Может быть, ты и права: не наша воля, не мы с собою сделали... Ну, полно же, полно, не плачь! Я видеть не могу... Ведь я же тебя...

Обнимает и целует ее.

Домна Родионовна и Пелагея проходят в глубине сада, за деревьями.

Татьяна (*оглядываясь*). Старуха!

Федор. Нет, — никого... Все чудится...

Татьяна. Она — я видела. Должно быть, спряталась... Ну, да все равно... пусть! Пойдем к тебе, хочешь?

Федор. Сейчас? Нет. Потом, ночью придешь?

Татьяна. Приду.

Татьяна идет в дом. *Федор* — в сад.

С другой стороны, из-за деревьев, выходит *Домна Родионовна* и *Пелагея*.

IX

Домна Родионовна и *Пелагея*.

Домна Родионовна. Видела?

Пелагея. Видела, матушка, видела — вот на этом самом месте.

Домна Родионовна. Молчи! Пикни у меня только, — в гроб заколочу!

Пелагея. Не бойся, не бойсь, матушка! Да этакого-то на людях вслух и не скажешь — язык не повернется, чай... Ох, искушение!

Домна Родионовна. Благо ми, Господи, яко смирил мя еси, отнял свет очей моих! (*медленно поворачивает лицо к дому, поднимает клюку и потрясает ее, грозя*). Будьте вы прокляты, окаянные! Анафема! Анафема! анафема! Погибель дому сему!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Старинный павильон в парке.

Крыльцо ветхое, круглое, со ступенями и колоннами. Стекляная дверь. Перед крыльцом заросшие клумбы с кустами сирени. Справа аллея старых лип. Слева — пруд. Полдень.

I

Татьяна и *Катя*.

Выходят из аллеи и садятся на ступени крыльца.

Татьяна. Дождь будет — парит, дышать нечем.

Катя. Это от лип: когда липы цветут, пахнет ладаном, точно покойником.

Татьяна. Что вы, Катя, — медом, а не покойником. Декадентка вы ужасная... А это что у вас?

Катя. Эврипид³¹.

Татьяна. У Федора Ивановича взяли?

Катя. Да, у него.

Татьяна (берет книгу). А, «Ипполит». Я когда-то хотела играть «Федру»³². У Расина, помните, — *C'est Venus tout entiere à sa jiroie attachée...*³³ Как хорошо, а перевести нельзя.

Катя. «То богиня любви вся в добычу впилась»... вгрызлась, как зверь в зверя... Нет, не умею.

Татьяна. Как зверь в зверя? Неужели любовь — зверство?

Катя. Не любовь, а страсть³⁴.

Татьяна. А разве есть любовь без страсти?

Катя. Не знаю. Может быть, есть.

Татьяна. Не знаете, а хотели бы знать?

Катя. Хотела бы.

Татьяна. Лучше не узнавайте, Катя. Будьте всегда такой, как сейчас: чистая, чистая, вот как лесной родник, вся чистая, до дна прозрачная. И, ведь, счастливая?

Катя. Нет, не счастливая.

Татьяна. Какое же у вас несчастье?

Катя. Не несчастье, а хуже: ненужность, недействительность. Как будто нерожденная, несуществующая. Чужая всем. Ни живая, ни мертвая, свой собственный призрак³⁵. Приживалка, втируша: втираюсь, втираюсь, и не могу войти в жизнь...

Татьяна. А я вам все-таки завидую, Катя.

Катя. Чему?

Татьяна. Легкости. Вот бы мне вашей легкости!

Катя. Не завидуйте: это — легкость тяжелая; тяжело оттого, что слишком легко. Как во сне: летаешь, летаешь, хочешь стать на ноги и не можешь — все на аршин от земли: тяжести нет — земля не держит³⁶. Или как на воде пробка: жизнь из себя выталкивает — нужно усилие, чтоб оставаться в жизни, а только что отпустишь себя, — вода пробку вытолкнет... Федор Иванович говорит: вольная смерть от радости. А у меня не от радости и не от горя, а от легкости, оттого, что все равно... (*Вдруг умолкает, как будто спохватившись*).

Татьяна. А вы, Катя, не кокетка?

Катя. Кокетка? Отчего вы подумали?

Татьяна. Да вот все это: несуществующая, нерожденная, на аршин от земли... Вы собой не любуетесь?.. Ага, покраснели. Обиделись?

Катя. Я не обиделась, а вы не поняли.

Татьяна. Не поняла? Скажите, пожалуйста, какая премудрость! Ах, вы моя милая девочка! То взрослая, даже слишком взрослая, а то вдруг маленькая, маленькая девочка... Ну, что вы на меня так смотрите? Боитесь? Не

верите?... Катя, да вы серьезно обиделись? Полно же, будьте великодушнее. А то некрасиво: кошачьи подарки, собачьи отнимки. (*Встает*). В самом деле, дышать нечем! Мне тоже начинает казаться, что липы ладаном пахнут. Пойдем-ка, где посвежее, — ляжем в траву.

О, не кладите меня
В землю сырую!
Скройте, заройте меня
В траву густую!

«Ипполита» будем читать. Или я вам из «Федры», хотите, по старой памяти? *C'est Venus tout entière à sa jiroie attachée...* Да, «вгрызлась, вгрызлась, как зверь» — вцепилась, вгрызлась — и не отпустить... А знаете, Катя, вы вот меня не любите, а я могла бы вас полюбить... влюбиться в вас.

Катя. Вы? Нет, едва ли... не думаю.

Татьяна (смеясь). А вот и могла бы, могла бы! Ничего вы не знаете, маленькая, глупенькая девочка!

Обнимает и целует ее. *Татьяна и Катя* идут в аллею.

Гриша и Пелагея выходят из-за кустов.

II

Пелагея. Ушли, слава тебе Господи! И о чем болтали? «Ипполит да Федра», а по-нашему, Иван да Федор, — Иван Сергеевич, да Федор Иванович, так, что ли?

Гриша. Молчи, дура, или я уйду.

Пелагея. Не уйдешь, миленький, никуда от меня не уйдешь: мы теперь с тобой, как веревочкой, связаны. Ох, дела-дела, как сажа бела! И в старину этих самых делов довольно было, только все шито да крыто. Не то, что у вас, нынешних, — срамники вы, скандальники, бесстыдники! Вот, говорят, дедушка ваш, купец Вахрамеев, богатей, — по бороде Авраам³⁷ был, а по делам хам. Дедушка — снохач, а бабушка тоже не промах — то с одним, то с другим приказчиком. Да все в тайности, в святости...

Гриша. Как ты смеешь, подлая!

Пелагея. Ну, не буду, Гришенька, не гневайся. Я, ведь, только так, к слову пришлось, а Домну Родионовну я уважаю, — благодетельница. А насчет греха, — не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься. Вот она и спасается, на чужой шкуре свой грех выколачивает. И мы ей помогать должны... Ну-ка, Григорий Иванович, зевать не будем, а то как бы кто опять не подошел. (*Взбирается на крыльцо и пробует открыть дверь*). Вишь, запирается начал: должно быть, заметил что, остерегается... Ну, так в

окно... Тоже заперто. Ах, беда! Да рама-то, кажись, рассохла, скважинка есть, — отомкнуть можно, только бы просунуть что... перочинного ножичка нет ли?

Гриша. Есть.

Пелагея. Давай. (*Просовывает ножичек в скважину, вынимает крючок из петли и открывает окно*). Ну-ка, Гришенька, айда в окно!

Гриша. Сама лезь!

Пелагея. Что вы, барин, как можно? Дело ваше семейное, да и званье мое не такое, да и девица я: как полезу, юбочка подымется, чулочек увидите, и неприлично будет. Ну, да и грамоте я плохо знаю: не разберу адреса.

Гриша. Дура! Дура! Наглая! и чего ты кривляешься, говоришь со мною, как с маленьким?

Пелагея. Для кого большой, а для нас маленький, мальчик маленький, хорошенький! Вот захочу — зацелую, и ничего ты со мною не поделаешь. Я ведь бедовая, шельма, я, даром, что ряску ношу. Да, ведь, и ты, барин, тихоня, а в тихом омуте черти водятся. Ишь, как глазки бегают. Аль сконфузился? Ну, не буду, не буду! Знаю, есть у Гришеньки зазнобушка, «Принцесса грез».

И грезы, и слезы,

И уст упоительный яд... 38

А ты что думал? Я тоже учена, люблю стишок пронзительный: «Ах, как красиво!» (*Гриша хочет уйти, Пелагея удерживает его за руку*). Стой, не пушу! сердитый какой! И пошутить нельзя... Ну, полно-ка ляды точить, а то и впрямь не подошел бы кто... Да ну же, глупенький, чего упрямиться? Послушание паче поста и молитвы. Лезь-ка, лезь — назвался груздем, полезай в кузов!

Гриша. Э, черт: вот связался! Ступай прочь, — я один...

Пелагея. Нет, барин, куда тебе, не справишься! (*Гриша подходит к окну*). Погоди, скамеечку — вот так, ладно. Ключ-то у тебя? Ну-ка, благослови Господи, а я посторожу.

Гриша лезет в окно, Пелагея, стоя на крыльце, смотрит то в окно, то за Гришею, то в сад.

Пелагея. Эх, неловкий какой! Чего суешь без толку. Подбери, как следует. Аль ручки дрожат? Письма-то те ли, смотри — по адресу — Федору Ивановичу. Руку мачехину знаешь, чай? (*Оглядываясь*). Скорей, скорей, Гришенька! Идут! Вылезай... держись... подсажу... вот так...

Гриша вылезает из окна с пачкою писем в руках,

Пелагея. Умаялся, бедненький! Вспотел, красный весь, точно из бани. Ну, зато бабушка спасибо скажет да старец

благословит... А ведь это он, братец твой, Федор Иванович легок на помине. Аль не сюда? Нет, сюда, сюда. Да письма-то спрячь! Чего в руках держишь, как напоказ выставил? Ну, я, Гришенька, в кустики, а ты братцу зубы заговаривай, а то увидит в кустах кавалера с девицею нехорошо подумает.

Пелагея убегает в кусты. Выходит *Федор*.

III

Гриша и Федор

Федор. А, Гриша! Посетил отшельника. Ты ведь еще ни разу не был в моем «Эрмитаже». (*Отпирает дверь*). Милости просим!

Гриша. Нет, Федя, я на минутку. Лучше здесь, а то у тебя, должно быть, душно там — заперто все.

Федор. Да, вот запираюсь: няня пугает, что народ воровской, хулиганы шляются, — убьют и ограбят. А мне здесь хорошо: занимаюсь никто не мешает. Ведь мы с тобой — монахи, отшельники... Ну, садись, будь гостем! Вместе живем, а сто лет не видались и не поговорили ни разу, как следует... Да что ты как будто не в духе? Аль все еще сердисься? Ну, право, голубчик, не стоит. Язык мой — враг мой. А ты всякого лыка в строку не ставь...

Гриша. Полно, Федя, мы с тобою люди не глупые: ты знаешь, что я не сержусь.

Федор. Даже не сердисься? Значит, совсем плохо?

Гриша. Да, трудно мне с тобой. Говорить не умею: нет слов, нет голоса. Да и что говорить? Все равно не услышим друг друга: уж очень мы разные.

Федор. И разные, да схожие. Яблочко от яблони недалеко падает.

Гриша. Тем хуже, Федя.

Федор. Может быть. Не знаю. А мне все кажется, что мы могли бы понять друг друга.

Гриша. Понять не значит принять.

Федор. Да ведь человека можно принять только в действии, а мы с тобою — ну вот, как я сказал — монахи, отшельники, бездельники.

Гриша. Нет, Федя, ты не без дела.

Федор. Только дело мое скверное?.. Эх, брат, не так мы с тобою говорим — опять поссоримся, а ведь я мириться хотел.

Гриша. Ничего ты не хотел. Ты опять за свое.

Федор. За что?

Гриша. Издеваешься.

Федор. Что ты, Гриша, Бог с тобой! И не думаю...

Гриша. Нет, думаешь.

Федор. Ну, так значит нечаянно... Опять бес — «тихий бес», что ли?

Гриша. Да, тихий бес.

Федор. А в тебе его нет?

Гриша. И во мне, и во мне! Но я его ненавижу. А ты любишь — беса богом сделал...

Федор. Ну, беса Богом, или Бога бесом, — это еще вопрос, что лучше... Полно, Гриша, не будем горячиться, страшные слова оставим. А насчет издевательства, ты ошибаешься: я, скорее, завидую. Верю, что веришь... или хочешь верить. Может быть, по вере и сделаешь: от всего уйдешь, схиму примешь, отдашь плоть на распятие, будешь подвижником. Но ведь и это, и это все — «ах, как красиво!» — декадентство, эстетика, наш первородный грех. Так-то, брат: с Богом ли, с бесом ли, а для красного словца не пожалеем и отца... Об отце-то кстати: не обижай старика. Я давно ушел, ты у него один остался. К старцу своему успеешь, а отца не обижай.

Гриша. Благодарю за совет, — только смотри, как бы тебе отца не обидеть.

Федор. Что это, угроза или пророчество?

Гриша. Нет, тоже совет. Уезжай от нас поскорее — тебе наш воздух вреден.

Федор. Не бойся, уеду. А все-таки... неужели так и расстанемся? Ведь мы когда-то любили друг друга.

Гриша. Любили.

Федор. А теперь... ненавижим?

Гриша. Я не тебя, а твое ненавижу.

Федор. И не пощадишь при случае?

Гриша. Не пошажу.

Федор. Значит, Каин и Авель?³⁹

Гриша. Я не Авель, а если ты хочешь быть Каином...

Федор. Ну, ладно, хоть за правду спасибо (*Гриша встает*). Уходишь? Так и уходишь?

Гриша. Да, прощай.

Федор. Ну, на прощание дай руку.

Гриша. Зачем? Если в знак...

Федор. Без всяких знаков. Просто дай.

Гриша. Нет, Федя, я лгать не хочу.

Федор (усмехаясь). Ну, Бог с тобой... Бог или бес, уж право не знаю.

Гриша идет по дороге к пруду, а с другой стороны,
из аллеи — *Катя*.

IV

Федор и Катя.

Федор. Наконец-то, Катя!

Катя. Ждали меня?

Федор. Ждал. А вы не знали?

Катя. Как же я могла знать?

Федор. А все-таки знали?

Катя (улыбаясь). Ну, конечно, знала!

Федор. Как вы это сказали...

Катя. А как?

Федор. Непохоже на вас. Как обыкновенная милая ба-
рышня из повести Тургенева. Под стиль «Эрмитажу».

Катя. Да я и есть обыкновенная.

Федор. Не совсем... И для чего я вас ждал, тоже знаете?

Катя. Нет, не знаю.

Федор. Катя, зачем?

Катя. Ну, не сердитесь. Ждали, чтоб тот разговор наш
давнишний кончить. Да ведь, пожалуй, кончить нельзя?

Федор. Если захотите, можно. (После молчания). А
знаете, Катя, мне все «Близнецы» вспоминаются.

Катя. Какие близнецы?

Федор. Да вы же сами читали, помните? «Близнецы»
Тютчева⁴⁰.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь?

А может быть, и больше, чем близнецы. Есть древняя статуя
— бог смерти и любви — один и тот же бог...

Катя. Да, знаю.

Федор. Статую знаете или вот это, о чем я говорю?

Катя. И это.

Федор. Неужели знаете?

Катя. Не говорите, не надо...

Федор. Опять «Молчание», «Silentium»?

Катя молча наклоняет голову.

Федор. А отчего это, Катя — сами вы грустная-грустная,
а от вас — радость? Смотришь на вас, и кажется, что будет
радость.

Катя. Да, будет радость.

Федор. Ну вот, вы же знаете! Отчего же не хотите
сказать?

Катя. Нельзя. Не надо. Мы теперь все молчим, потому
что «спим от печали».

Федор. Как это — «спим от печали»?

Катя. А помните, в саду Гефсиманском, Он сказал ученикам: «бодрствуйте», и ушел от них, а когда вернулся, то увидел, что они «уснули от печали»⁴¹. Мы все — «от печали спящие». Но, может быть, уснули от печали — проснемся от радости.

Федор. А отчего же радость? Или тоже нельзя сказать?

Катя. Нельзя.

Федор. Катя, милая, да ведь радость только от одного?..

Катя опять молча наклоняет голову.

Федор. И вы уже любите?.. Простите, я немного с ума схожу...

Катя. Нет, вы спросили, как надо, и я вам отвечу потом... Смотрите! Смотрите! Солнце сквозь дождь — дождь золотой! Как хорошо!

Выбегает из-под крыльца в сад,
поднимает руку и подставляет лицо под дождь.

Катя.

Дождик, дождик, перестань!
Мы поедем на Иердань,
Мы поедем на Иердань...

А дальше, вот, и не помню.

Федор.

Богу помолиться,
Христу поклониться.

Катя. Да, да! Как это вы вспомнили? Значит, тоже пели?

Федор. Должно быть, пел.

Катя. И теперь вдруг вспомнили?

Федор. Да, как во сне. Сейчас ведь все, как во сне, Катя.

Катя. Нет, наяву — во сне и наяву вместе. А вам иногда не кажется... ну, вот, такое странное чувство, что все это уже было — было и будет?

Федор. Да, кажется.

Катя. И вы не верите?

Федор. Чему?

Катя. Да вот, что было и будет — будет всегда, если захочешь? Если очень, очень хотеть, то будет, не может не быть?

Федор. И это чудо?

Катя. Ну, да. Вот все, что сейчас — солнце сквозь дождь, дождь золотой, и то, что мы оба пели Иердань, и забыли, и вдруг вспомнили, все — чудо, наше чудо, наше знаменье... Не верите?

Федор. А вы, Катя?

Катя. Ну, конечно, верю.

Федор. Опять, опять — «милая барышня»!

Катя. А вот и потемнело, потухло — кончено... Нет, нет, смотрите, смотрите — радуга! Значит, верно: было и будет — будет радость!

Возвращается на крыльцо, садится на скамейку и молча склоняет голову на руки.

Федор стоит перед нею, тоже молча.

Федор. Катя, радость моя...

Катя (подымая голову и улыбаясь). Ну, что?

Он опускается на колени. Она кладет ему руки на плечи.

Катя. Зачем? Я же знаю: уедешь, и больше никогда не увидимся... Ведь надо, так надо? Нельзя иначе?

Федор. Нельзя. И почему — тоже знаешь?

Катя. Знаю... нет... Все равно. Не говори. Не надо.

Федор. А все-таки — любишь?

Катя. Люблю.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

На антресолях комната *Ивана Сергеевича*.

Низкий потолок, полукруглые окна. Открытая стеклянная дверь на балкон; сквозь нее видна липовая аллея и вдали над прудом павильон в парке. Маленькая железная кровать. Большой письменный стол. Старинный кожаный диван. Шкафы и полки с книгами. По стенам статистические карты и таблицы; портреты Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова. Раннее утро. Косые лучи бьют прямо в окна.

I

Иван Сергеевич, Катя, Гриша.

Иван Сергеевич ходит по комнате, курит и пьет чай. *Гриша*, за письменным столом, низко наклонившись, рисует. *Катя* у окна, в луче солнца, за отдельным столиком с пишущей машинкой, поправляет корректуру.

Иван Сергеевич. А потому и не верю, что 57 лет на свете прожил и ни одного чуда не видел.

Гриша. А, может быть, наоборот: не видели, потому что не верите?

Иван Сергеевич. А ты веришь и видел?

Гриша. Видел.

Иван Сергеевич. Удивительно! Математик — таблицу умножения отрицает: дважды два пять.

Гриша. Ну, нет, это не так просто. Таблица умножения — не вся математика. Вы Лобачевского⁴² знаете?

Иван Сергеевич. Геометрия четвертого измерения? Да ведь это, брат, темна вода во облацех⁴³ — что-то вроде спиритизма.

Гриша. Нет, совсем в другом роде. И теорию «прерывов» не знаете?

Иван Сергеевич. К чему тут «прерывы»?

Гриша. А к тому, что математическое понятие «прерыва» и есть понятие «чуда»⁴⁴, — заметьте, чуда, а не фокуса.

Иван Сергеевич. Да ты брось метафизику, ну ее к черту! вы с Федей одного поля ягода: оба метафизикой душиите. Сойди с неба на землю, говори попросту.

Гриша. Ну, ладно; давайте попросту. Вы, вот, социалист-народник: а социализм — чудо, и народ — чудо.

Иван Сергеевич. Эвона! Да ты, брат, ступай-ка в деревню, посмотри, какие там чудеса — пьянство, хулиганство, голод, сифилис — реализм жесточайший, железнейший! А это у вас, господа, все — романтика, отрывка славянофильская...

Гриша. А вы-то сами, папа, не романтик, что ли? Да ведь, если народ не чудо, так чудовище... И как же вы его любите, а душу его ненавидите, — веру его отрицаете, правду единственную?

Иван Сергеевич. Отрицаю невежество, бессмыслицу...

Гриша. Полно, папа, Паскаль и Достоевский были не глупее нашего.

Иван Сергеевич. Эх, Гриша, не сговориться нам! Чтобы в наш век люди мыслящие, образованные в чудеса верили — и ведь искренне, я же вижу, что искренне... нет, отстал я от вас, должно быть, — устарел, из ума выжил. Ничего, ничего не понимаю, хоть убей! (*После молчания*). Ну, и что же, много вас таких?

Гриша. В России немного, потому что вообще немного людей образованных, а во Франции, в Англии, в Америке с каждым днем все больше. А оттуда и к нам придет — как все, с опозданием.

Иван Сергеевич. Да, чудеса, чудеса в решете! Век живи, век учишь... Ну, а вы, Катя, тоже в чудеса верите?

Катя. Вы спрашиваете так, что ответить нельзя.

Иван Сергеевич. Почему нельзя?

Катя. Потому что в вере сказать — значит, сделать, а я чудес не делаю.

Иван Сергеевич. Значит, не верите?

Катя. Нет, не значит. Я не могу сказать, что верю в чудо, — в одно, единственное, последнее — в чудо чудес, — ну, вот, как «воскресение мертвых», но в чудеса я верю.

Иван Сергеевич. Ну, хоть одно скажите, маленькое, малюсенькое!

Катя (улыбаясь, но очень серьезно). Маленьких нет, есть только большие, огромные. Мы оттого и не видим их, что огромные, — вот, как на горе, не видишь горы.

Иван Сергеевич. Ну, все равно, скажите огромное.

Катя. Да вот, хоть то, что я — не вы, вы — не я, а мы все-таки говорим с вами, сообщаемся. Человек от человека, как звезда от звезды, — а сообщаться могут... или нет, пожалуй, не могут, а только хотят, но и хотеть сообщаться — уже чудо огромное. Да и все — чудо: и жизнь, и смерть, и день, и ночь, и каждая звезда, и каждая зарница на небе...

Гриша (обернувшись к ней и глядя на нее в упор). И дождь золотой, и радуга? Вот как вчера, Катя, помните?

Катя. Да, и дождь золотой, и радуга. А вы их тоже видели?

Гриша. Куда ты, Гриша? Что с тобой?

Гриша. Ничего. Спросите Катю, что с нею.

Гриша уходит.

II

Иван Сергеевич и Катя.

Иван Сергеевич. У вас с ним что-нибудь вышло?

Катя. Не знаю... Нет, ничего. Кажется, ничего.

Иван Сергеевич. А, может быть?.. *(Вдруг умолкает и смотрит на нее пристально).*

Катя. Что вы хотели сказать?

Иван Сергеевич. Пустяки. Все суюсь в воду, не спросясь броду. *(После молчания).* Да, Катя, все что-то неладно у нас, какая-то черная кошка между нами бегаёт.. А, может быть, das ist eine alte Gesschichte⁴⁵? Опять — два поколения, «отцы и дети», только шиворот-навыворот: за что прежде отцы стояли, — теперь дети. И это бы еще ничего, что в метафизике, в чудесах, в миндалях небесных, а скверно, что и в земном, насушном — ну, вот что сейчас нужно для России, — любим разное, хотим разного...

Катя. Нет, хотим одного.

Иван Сергеевич. Так ли, Катя? Ведь вот, Гриша...

Катя. О Грише не знаю, но я с вами хочу одного.

Иван Сергеевич. А если так, то к черту ли ваша метафизика? Дела не делаем, а только языками стучим...

Катя. Нет, молотами, — вот как в оружейной мастерской. Старое оружие сломано — куем новое — для той же войны, для вашей же.

Иван Сергеевич. Может быть, Катя, может быть. Вам лучше знать... А я, видно, стар стал, глуп стал — ничего не понимаю в вашей метафизике.

Катя. Не понимаете нашей, — а по своей живете лучше нашего?

Иван Сергеевич. Какая же у меня метафизика?

Катя. Все та же — старая, вечная. Вы сами знаете.

Иван Сергеевич. Нет, дружок, не знаю, право, не знаю.

Катя. Ну, и не знайте. Может быть, вам и не надо знать.

Иван Сергеевич. А вы за нас знаете?

Катя. Да, знаем за вас и любим вас. Дети отцов ненавидели, а теперь любят: в этом вся разница. От вас ушли и к вам придем — только с новым оружием.

Стук в дверь.

Голос Федора (из-за двери). Можно войти?

Входит Федор.

III

Иван Сергеевич, Катя и Федор.

Иван Сергеевич. Что ты, Федя, по-иностранному? Видишь дверь и ломись.

Федор. А вы тут опять спорили?

Иван Сергеевич. Да, и знаешь, а чем?

Федор. О чем?

Иван Сергеевич. О чудесах — о золотых дождях да радугах.

Федор. А-а! То-то я видел, у Гриши лицо вытянулось... (*Переглянувшись с Катей*). И вольно же вам! До добра не доспоритесь. (*После молчания*). А я, папа, к вам по делу...

Катя встает.

Федор. Катя, вы мне не мешаете.

Катя. Нет, Федор Иванович, мне самой нужно: я с няней обещала в город.

Катя уходит.

IV

Иван Сергеевич и Федор.

Иван Сергеевич. Что ты, Федя, так торжественно?

Федор. Нет, ничего. А только, папа, голубчик, не огорчайтесь: мне уезжать пора...

Иван Сергеевич. Уезжать? Как же, Федя, так скоро? Не пожилось тебе у нас, что ли?

Федор. Нет, папа, вы знаете, что мне у вас всегда отлично живется, а только надо еще за границу до осени. Я ведь вам говорил, помните?

Иван Сергеевич. Да, говорил... Ну что ж... за границу... (После молчания). Федя, в чем дело? Федя, родной, мальчик мой, в чем дело, в чем дело? Ведь я же измучился... Скажи ради Бога, — право, легче будет... Уж не с Таней ли у вас что-нибудь? (Федор молчит). Знаешь, Федя, я с тобой давно хотел о Тане... о Татьяне Алексеевне...

Федор. Папа, не надо, мы и так говорим слишком много: не стучась, в двери ломимся.

Иван Сергеевич. Нет, голубчик, не бойся, — я к тебе ломиться не буду. Я не о том, что ты думаешь: я о себе самом. Я ведь что говорю, Федя, пойми: когда дети взрослые, второй брак отца вина не вина, а хуже вины. Вместо матери мачеха — это ведь, пожалуй, хуже, когда взрослые. Тут боль, тут кровь, тут темное, страшное — об этом говорить нельзя...

Федор. И не надо, папа, не надо...

Иван Сергеевич. Нет, Федя, выслушай. Ну, право, легче будет... Помнишь, я тебе рассказывал... да тут не расскажешь... Ну, как в захолустье-то нашем губернском, в номерах для проезжающих, мы с нею встретились. Одна, без копейки, больная. Антрепренер, подлец, обманул, бросил, после этого скандала, помнишь, с купчиком-то Золотушкиным, издателем «Пандорина ящика»: декадент, банкир, старовер, спортсмен, авиатор, сверхчеловек — ну, словом, прохвост из нынешних. Едва на содержание к нему не попала. «Собачонка, у которой колесом трамвая задние ноги переехало», — так себя чувствовала. «Собаке собачья смерть», — все повторяла: тоже ведь из ваших, из «самоубийц естественных». Ну, вот, тут-то я и подвернулся — рыцарь, благодетель, спаситель! Обрадовалась — все-таки лицо не звериное. А я, как мальчишка... Ты ее на сцене видел, Федя?

Федор. Видел.

Иван Сергеевич. Ну, что, как?

Федор. Я ничего не смыслю.

Иван Сергеевич. Да ведь и я, брат, не смыслю. А только все говорят: талант, — вторая Ермолова⁴⁶... А для меня ведь и сцену бросила. Обжегшись на молоке, дует на воду:

«Сцена, — говорит, — та же проституция»... Да, Федя, сгруппировал я на старости лет, как мальчишка. Ну, разве мы пара? Я ведь ей в отцы гожусь. У нее художество, эстетика — «вечность и красота», а у меня «кооперативное движение Калитинского уезда» — сушь, цифирь, статистика... разве я могу ее понять? И как я обрадовался, что вы с нею сошлись. Ну, слава Богу, думаю, теперь полегчает. И вдруг... Федя, да ты меня не слушаешь?.. Федя, голубчик, что ты? Что с тобою? Нездоровится, что ли?

Федор. Нет, ничего. Душно здесь: голова немного кружится. Ну, говорите же, я слушаю. А что усмехаюсь как будто, так вы же знаете, что у меня такой тик в лице... Ну, да и нездоровится тоже. Мы ведь все тут больные — и я, и Гриша, и Катя, и Татьяна Алексеевна, и вы, папа. Вы здоровее всех, но и вы заразились от нас. Как раненные, на одной койке, все вместе, в куче: пошевелиться нельзя, чтобы не сделать больно друг другу. Или вот еще, как в узком сапоге пальцы, натерли друг другу мозоли — надо снять сапог — расстаться, разъезжаться...

Иван Сергеевич. Федя, да что же, что же такое? Если бы только знать что...

Федор. Не говорите, папа! Нельзя сказать... ничего, ничего нельзя сказать... Молчание! »Silentium«.

Быстро наклоняется, целует руку отца и уходит. *Иван Сергеевич* долго сидит, не двигаясь, как будто в оцепенении, не сводя глаз с двери, в которую вышел *Федор*. Слышен скрип ступеней, стук костыля и тяжелые шаги по лестнице. Потом голоса *Пелагеи* и *Домны Родионовны*.

Голос Пелагеи. Сюда, матушка, сюда! Ручку пожалуйте. Крутенька-то лестница.

Иван Сергеевич идет к двери и открывает ее.
Домна Родионовна и *Пелагея*.

V

Иван Сергеевич, Домна Родионовна и *Пелагея*.

Домна Родионовна. Ох, смерть моя!.. Задохлась!

Иван Сергеевич (*усаживает ее в кресло*). Зачем же вы, матушка, по лестнице? Послали бы за мной.

Домна Родионовна. Ничего, небось, покуда ноги носят, и сама доползу — невелика барыня! А давненько мы с тобой не видались, Иван. В одном доме живем, а розно. Все недосуг тебе, да со старухой-то невесело, чай? Хоть сам немолод, зато жена молодая. Ну, как живешь-можешь, зятюшка?

Иван Сергеевич. Как ваше здоровье?

Домна Родионовна. Какое уж мое здоровье! В могилу пора, старым костям на покой. Живу, небо копчу, да вот за вас всех молюсь. Тебе-то молитва моя не нужна, Бога забыл, — ан, может, когда и не чаешь, Бог тебя посетит... Ступай, Пелагеюшка, ступай, матушка. Подожди на лестнице, скли-чу ужо.

Пелагея уходит.

VI

Иван Сергеевич и Домна Родионовна.

Домна Родионовна. А у меня к тебе дело, Иван. Да дело-то какое — и приступить не знаю как... Недоброго тебе я вестница, уж ты на меня на пеняй: сама не рада — ворона старая, беду тебе прокаркаю. Беда, говорю, в доме, беда, — а ты и не чуешь, не видишь... А я-то вот и слепая, да вижу все... Может, и знаешь, о чем говорю?

Иван Сергеевич. Нет, не знаю.

Домна Родионовна. О Татьяне Алексеевне.

Иван Сергеевич. Матушка, уговор у нас был, помните?

Домна Родионовна. Эх, глупый ты, глупый, Иван. До седых волос дожил, а несмышленный все, как дитя малое. Об огне, что ли молчать, когда в доме пожар? Не от меня, так от людей узнаешь, — хуже будет. Стыда не замолчишь.

Иван Сергеевич. Что вы? Какой стыд?

Домна Родионовна. Двери-то запер ли?

Иван Сергеевич. Если о Татьяне Алексеевне, я слушать не буду.

Домна Родионовна. Да чего ты хорохоришься? Смирись, Иван, ой, смирись, говорю: пришла беда — отвори ворота. Бог посетил — от Бога не уйдешь. Страшно впасть в руки Бога живого. Ну, поди же, поди сюда... Не хочешь о ней, о мачехе, так о сыне, о первенце твоём, о Федоре...

Иван Сергеевич. О Федоре? Что такое Федор? Говорите же...

Домна Родионовна. А ты нагнись-ка, нагнись. Этакого вслух не скажешь. Еще, еще — вот так...

Шепчет ему на ухо.

Он слушает, потом вдруг выпрямляется и смотрит на нее в упор широко раскрытыми глазами, молча.

Домна Родионовна. Аль не веришь? Не веришь, — так спроси людей. Спроси Пелагею: своими глазами видела. Спроси Гришеньку.

Иван Сергеевич. Сумасшедшая!

Домна Родионовна. Ой, Иван, смотри, как бы тебе самому не рехнуться. Вот на, читай.

Сует ему в руки пачку писем. Он не берет.

Иван Сергеевич. Что это?

Домна Родионовна. Сам увидишь — читай. Руку-то женину знаешь?

Иван Сергеевич. Как вы смеете?

Домна Родионовна. Да ты чего горло дерешь, скандалишь? Аль и впрямь ума иступил?

Иван Сергеевич. Подлая! Подлая! Подлая!

Домна Родионовна (вставая). Что? Что? Мне, своей матери?.. Дочь мою, покойницу Машеньку, жену богоданную, на потаскуху променял, на бабу гулящую...

Иван Сергеевич. Молчите! Или я вас...

Домна Родионовна. Ну, что ж, бей старуху слепую, вишь, расхрабрился!

Иван Сергеевич. Вон!

Домна Родионовна. Небось, не гони — сама уйду. Ноги моей больше не будет в доме твоём. Письма-то, письма возьми! (*Бросает письма на пол*). Может, когда и прочтешь — правду узнаешь... Пелагея! Пелагеюшка!

Голос Пелагеи (из-за двери). Здесь, матушка.

Входит Пелагея.

VII

Иван Сергеевич, Домна Родионовна и Пелагея.

Домна Родионовна. Ну, спасибо, зятюшка, за хлеб, за соль, за ласку многую... Погоди, уж обо мне вспомнишь! Не слушался, хотел жить по-своему; — ну вот, и допрыгался... Бесстыдники, безбожники, блудники окаянные! Будьте вы все прокляты. Анафема! Анафема! Погибель дому сему!

Домна Родионовна и Пелагея уходят.

Иван Сергеевич садится, опустив голову на руки. Входит *Татьяна*.

VIII

Иван Сергеевич и Татьяна.

Татьяна, стоя в дверях, смотрит на него молча, пристально. Потом подходит, наклоняется и подбирает письма с полу.

Татьяна. Читали?

Он смотрит на нее так же молча, пристально.

Татьяна. Прочтите. (*Подает ему письма. Он не берет. Она кладет их на стол.*) Сказала вам?

Иван Сергеевич. Что сказала? Что сказала? Я ее выгнал из дому!

Татьяна. Выгнали, а все-таки... Не лгите. Я же вижу.

Иван Сергеевич. Таня, что ты? Таня, милая... неужели ты думаешь?..

Татьяна. Не читали? В самом деле? (*Делает быстрое движение, как будто хочет взять письма, но тотчас же отдергивает руку.*) Так прочтите.

Входит Федор.

IX

Иван Сергеевич, Татьяна и Федор.

Татьяна идет к двери и, не дойдя, опускается на стул.

Иван Сергеевич подходит к ней.

Татьяна. Не надо, не надо... оставьте... не трогайте... (*встает*).

Иван Сергеевич. Таня, куда ты? Зачем, Таня, милая?

Татьяна. Оставьте, оставьте, оставьте!..

Уходит.

X

Иван Сергеевич и Федор.

Федор. Что это?

Иван Сергеевич. Не знаю, Федя. (*Берет со стола и подает ему письма.*) Вот на, возьми.

Федор. Что это? Что это?

Иван Сергеевич. Письма ее к тебе.

Федор. Ко мне? У вас?

Иван Сергеевич. Да, старуха, должно быть, украла.

Федор. Читали?

Иван Сергеевич. Нет. Возьми же. Не хочешь? (*Рвет письма и бросает.*)

Федор. Не верите?

Иван Сергеевич. Чему не верю? Чему не верю? Чему не верю? Да сговорились вы все, что ли? Или с ума сошли, в самом деле? (*После молчания.*) Ну, полно же, полно, Федя... Ну, беда, несчастье... Не сумели уйти вовремя. Ну,

вот и все... Все, Федя? Все? Что ж ты молчишь?.. (*Подходит и кладет ему руки на плечи и смотрит в лицо*).

Иван Сергеевич. Молчишь? Молчишь?

Федор идет к двери.

Иван Сергеевич. Федя, постой...

Федор, остановившись в дверях, оглядывается.

Иван Сергеевич. Ну, что ж? Ну, что ж?.. Чья же вина?..

Федор. Уж не ваша ли?

Иван Сергеевич. Да, Федя, моя.

Федор. Прощаете?

Иван Сергеевич. Я себя не прощу.

Федор. А я себя прощу?

Федор уходит.

XI

Иван Сергеевич один.

Идет к двери, вдруг останавливается и с тихим стоном хватается за голову.

Иван Сергеевич. Что я сделал! Что я сделал! Что я сделал!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Первая картина.

Старинная белая зала с колоннами.

Посередине комнаты — круглый стол; на нем лампа и самовар.

Слева — стеклянная дверь на террасу, справа — в прихожую.

Ночь.

I

Федор, Татьяна и Мавра.

Мавра. Лошади поданы, барыня. Вещи выносить прикажете?

Татьяна. Нет, погоди. Ступай. Я скажу.

Федор (смотрит на часы). Половина двенадцатого. Поезд в час с четвертью. Пока доедем до станции... Дорога скверная.

Мавра. Скверная, батюшка: яма на яме — не дай Бог, случится что, костей не соберешь. И куда, на ночь глядя? Подождали бы утречка. А то, вишь, темень какая, дождь, буря: добрый человек собаки не выгонит!

Татьяна. Ну, хорошо. Ступай.

Мавра уходит.

II

Федор и Татьяна.

Федор. Что же, едем?

Татьяна. Сейчас, погодите. Что-то еще надо было... Да, письмо.

Федор. Да ведь вы его двадцать раз читали, наизусть помните.

Татьяна. Все равно, дайте.

Федор дает письмо. Она читает.

Татьяна. Где это, Солнышкино?

Федор. Недалеко, верст тридцать.

Татьяна. Он теперь там?

Федор. Нет, должно быть, выехал: я с нарочным ответил.

Татьяна. Значит, скоро здесь будет?

Федор. Скоро.

Татьяна. А вы верите?

Федор. Чему?

Татьяна. Да вот, что он пишет, чтоб все решили сами, и как решим, так и будет?

Федор. Таня, опять... Зачем?... Ведь мы решили...

Татьяна. Да, решили. И как хорошо, как просто! Иван Сергеевич с Катей в Москву, Гриша в монастырь к бабушке, вы в Петербург, а я на озеро Лугано, в санаторию к доктору Шидловскому... Павел Павлович Шидловский на озере Лугано... Боже мой, как глупо, как глупо! Иногда снится, что по узкому коридору идешь, все уже да уже — надо идти и некуда — стены сходятся...⁴⁷

Федор. Таня, если ехать...

Татьяна. Ну, что ж, едем... А ночь-то какая — добрый человек собаки не выгонит! Ох, Федя, устала я... Вот, кажется, легла бы на пол, да и лежала так, не двигаясь. И

куда, зачем? Все равно, от себя не уйдешь. Разве ты не видишь, что пропали мы? Петля на шее — хотим развязать узел и только стягиваем...

Федор. Полно, Таня, ничего мы не знаем сейчас. Надо прийти в себя, опомниться... Ну, так значит, не едем?

Татьяна. Нет, погоди... все равно, со следующим поездом.

Федор. Он сейчас будет здесь.

Татьяна. Кто? Он? Нет, нет, только не он! Едем, едем! А знаешь, Федя, я ему не верю, а если и верю, то еще хуже. Я не понимаю, что это. Добродетель христианская, что ли? Ударили по правой щеке, подставляет левую?.. А может быть, просто глупость, чепуха какая-то, стыдная, стыдная, подлая...

Федор. Не смей о нем так, не смей, слышишь!

Татьяна. А-а, вот что! Значит, ты его все-таки...

Федор. Таня, довольно! Возьми себя в руки. Нельзя же так. В самом деле, глупо и подло. Ну, пусть, пропали — но надо же с достоинством...

Татьяна. С достоинством? Это не в твоём духе, Федя. Какое уж достоинство?

Федор. Все равно, кончать надо, решить как-нибудь...

Татьяна. Ну, хорошо, будем кончать. Позови Катю.

Федор. Катю? Зачем?

Татьяна. А ты думал, я не знаю? Ну, скажи, что ты ее...

Федор. Ничего не скажу, ничего не знаю. Разве можно так, с петлей на шее? Я уже сказал: я больше никогда не увижу ее, и она это знает.

Татьяна. А все-таки, все-таки?.. Ну, скажи, — что тебе стоит?.. Не хочешь? (*подходит к двери на лестницу, открывает и зовет*). Катя! Катя! вы еще не легли? Сойдите ко мне на минутку. Я сейчас уезжаю.

Федор. Ты сама петлю стягиваешь.

Татьяна. Не бойся, не на твоей шее. Ну, уходи, не мешай!

Федор уходит.

III

Татьяна и Катя.

Катя. Едете?

Татьяна. Еду, Катя, я хотела вам сказать на прощание... У меня к вам просьба большая — вот даже не знаю, как сказать...

Катя. Скажите просто. Я все, что могу, сделаю.

Татьяна. Сделаете? Обещаете?

Катя. Обещаю.

Татьяна. Катя, я ведь понимаю, об этом нельзя говорить. Мне самой трудно. Но если б вы знали...

Катя. Я знаю. О Федоре Ивановиче?

Татьяна. Катя, вы его любите?

Катя молчит. *Татьяна* опускается перед нею на колени.

Татьяна. Ради Бога, Катя, помогите, спасите меня! Одно слово, одно слово: любите, да?

Катя. Люблю.

Татьяна (обнимая стан ее). А он вас?.. Ну, что ж? Что ж вы молчите? Что вы на меня так смотрите?

Катя отстраняет руки ее, встает и отходит.

Татьяна тоже встает и следит за нею пристально.

Татьяна. Испугались? опять, как тогда, испугались? Не верите?

Катя. Да, не верю.

Татьяна. А все-таки ответьте, Катя. Ведь вы обещали...

Катя. Я не хочу говорить с вами.

Татьяна. Не хотите? Страшно?

Катя. Не страшно, а гадко. Вы лжете. Вы тогда лгали и теперь лжете.

Татьяна. Вот что! А знаете, Катя, не будемте-ка лучше ссориться: это для нас обеих невыгодно. Куда вы? Пойдите. Мы еще не простились, как следует. Наши счета не кончены. Вы не знаете главного: Федя... извините... Федор Иванович — мой...

Катя. Молчите! Молчите! Я знаю...

Татьяна. Знаете? Не может быть! Знаете — и все-таки... так вот вы какая — «на аршин от земли, несуществующая, нерожденная, приживалка, втируша»! Втерлись-таки, родились, сошли на землю — удостоили. Ну, поздравляю! А я-то считала вас простенькой...

Катя. Какая вы грубая!

Татьяна. Грубая? А вы, нежная, не хуже нас, грешных, делишки свои устраиваете, в мутной воде рыбку ловите, моя милая девочка!

Катя. Пустите! Я не хочу быть с вами. Пустите, или я...

Татьяна. Или вы что? Позовете защитника. Как бы только рыцарь ваш не оказался плох. Любит вас, да ведь и меня любит. Общих вместе. Невозможно? Для других невозможно, а для него все возможно. Я его знаю лучше вашего. Он мне сам говорил... а, может быть, и вам? Или ничего? Согласны и на это? Не брезгуете?..

IV

Татьяна, Катя и Федор.

Катя. Федор Иванович! Федор Иванович!

Федор. Что вы, Катя?

Катя. Нет, ничего... потом...

Катя уходит.

V

Татьяна и Федор.

Федор. Таня, что это?

Татьяна. Не бойся: все, как следует. Мы с нею кончили. Ты ведь сам говорил, что надо кончать. Ну, вот и кончили.

Федор. Да что, что такое? Что ты сказала ей?

Татьяна. Ничего не сказала — она и так знает все. А ты лгать хотел? И чтоб я покрывала, сводила вас?... Полно, Федя, возьми и ты себя в руки... Ну, едем, едем!.. Пора. Я сейчас. Скажи Мавре, чтоб лошади, вещи...

Федор. Я не еду.

Татьяна. Не едешь? За нее испугался. А за меня не боишься?... Ну, что ж, оставайся. Жди *его*. Ведь он простил. Было, как не было. До свадьбы заживет. Все по-хорошему. Ладком да мирком. Я не Федра, ты не Ипполит. С такими, как мы, никогда ничего не бывает, кроме пошлости. И это значит — «с достоинством». Фу! Я — грубая, бесстыдная, но я бы так не могла...

Федор идет к двери. *Татьяна* бросается к нему и обнимает его.

Татьяна. Федя, Федя, милый, куда ты? Неужели так, не простившись? Нет. Федя, я же знаю, ты любишь меня... и ее любишь, но ведь и меня тоже? Боишься, что обоих вместе? Ничего, не бойся: я для тебя все могу, все вынесу. Я же знаю, что вернешься ко мне. Ты не можешь ее так любить, как меня. Ты для меня отца не пожалел, Федя, подумай, — отца!

Федор. Ступай прочь! Сумасшедшая... (*Отталкивает ее*).

Татьяна (*падает на колени и обнимает ноги его*). Нет, Федя, нет, не гони! Пусть сумасшедшая, но ведь и я человек. Нельзя же так, как собаку... Федя, сжался! Ну, хочешь, умрем вместе сейчас? Хочешь? Пойдем туда, к тебе... в последний раз, в последний раз, мальчик мой, родной, любимый, единственный!

Федор. Уходи! Уходи! Уходи! (*Вынимает револьвер*).

Татьяна. Постой, Федя, не надо... иду, иду...

Федор (*прячет револьвер, идет к двери и открывает ее*). Мавра! Мавра! Велите вещи выносить, барыня едет.

Татьяна проходит мимо него и останавливается.

Татьяна. Федя...

Федор. Ступай! Ступай!

Татьяна. А все-таки помни: вернешься ко мне. До свидания! До свидания!

Татьяна уходит.

VI

Федор один.

За дверью голоса и топот шагов. Потом стук колес и звон колокольчика. *Федор* открывает стеклянную дверь на террасу. Ветер врывается в комнату. Лампа мерцает, меркнет, почти гаснет. Он вглядывается в темноту и прислушивается. Колокольчик затихает вдали. Входит *Катя*.

VII

Федор и *Катя*.

Катя. Федор Иванович, где вы?

Федор. Здесь, Катя.

Катя. Что вы делаете?

Федор. Ничего. Жду. Колокольчик — слышите?

Катя. Татьяна Алексеевна?

Федор. Нет, он.

Катя. Кто? Иван Сергеевич?

Федор. Да, от Солнышкина. Слышите?

Катя. Ничего не слышу.

Федор. Странно. Чудится мне, что ли?.. Вот, вот опять.

Катя. Нет, только ветер и дождь.

Федор. Да, ветер и дождь. Какая ночь! Добрый человек собаки не выгонит... Ну, я пойду, Катя...

Катя. Куда?

Федор. К себе, в Эрмитаж.

Катя. Не уходите, Федор Иванович. Страшно...

Федор. Страшно? Отчего же страшно?

Катя. Не знаю. Не уходите!

Федор. Она вам сказала?

Катя. Сказала.

Федор. И что люблю обеих вместе? А разве можно обеих вместе даже такому, как я, разве можно, Катя?

Катя. Нельзя.

Федор. Так как же?

Катя. Вы одну любите.

Федор. Кого?

Катя. Не знаю.

Федор. Не знаете? И вы, Катя, не знаете?.. Я тут сейчас едва не убил ее, как собаку. Как собаку, выгнал... и все-таки люблю?

Катя. Может быть, любите.

Федор. И к ней вернусь? От вас — к ней? Или к другой — все равно. И другая — тоже она. Она одна — всегда, везде. Только вы и она⁴⁸. Обои вместе нельзя, а одну не могу... Уйдите, Катя. Видите, я брежу, с ума схожу... уйдите!

Катя. Нет, не уйду.

Федор. Прощаете? И вы прощаете, как он? И с этим жить? Кто прощает врагу, собирает горящие угли на голову его⁴⁹. На голове «макаки» — угли горящие. И вы смотрите и жалуете. И Таня жалела, тут вы с нею... Катя, зачем вы меня слушаете? Уйдите же... (*Молчание*). Вот опять! Слышите? Неужели и теперь не слышите?

Катя. Да, слышу: едут. Далеко.

Федор. Нет, близко. Вот, вот, как близко, слышите?

Катя. Что с вами, Федор Иванович?

Федор. Боюсь, Катя, ох, как боюсь! лица его боюсь... Мне все одно и то же снится: будто я с нею, и он тут же, но мы его не видим, а только знаем, что он. Я когда-нибудь с ума сойду, умру во сне от ужаса... Ну, скорее, скорее, Катя, прощайте! Прощай, милая, радость моя! Какие у тебя волосы! Если их распустить, — будет дождь золотой — солнце сквозь дождь...

Катя. Что ты, Федя, как будто навеки прощаешься?

Федор. Навеки? Нет, увидимся. Помнишь, дождь золотой? Помнишь радугу? уснем от печали — проснемся от радости. Будет радость, будет радость! Перекрести же меня, поцелуй. Вот так. Ну, а теперь...

Слышен звон колокольчика и стук колес.

Катя. Куда ты, Федя?

Федор. Он! Он! Ступай к нему, скажи ему все, — как я люблю его, как я вас всех люблю... Не пускай его ко мне... скажи, что уехал... Ступай же, ступай, ступай, если любишь меня!

За дверью слышен голос *Ивана Сергеевича*. Катя уходит.

VIII

Федор один.

Идет на террасу, вынимает револьвер. Оглядывается, прислушивается. За дверью голоса *Ивана Сергеевича* и *Кати*. *Федор* выбегает в сад. Комната несколько минут остается пустою. Потом входит *Иван Сергеевич* и *Катя*.

IX

Иван Сергеевич и *Катя*.

Иван Сергеевич. Уехала? И он с нею?.. Катя, неправда. Он здесь. Не хочет видеть меня. Все равно, пойдем к нему. Где он?

Катя. Нет, не надо... постойте...

Иван Сергеевич. Почему не надо? Что с ним? Где он?

Из сада, сквозь шум дождя и ветра, слышен далекий
глухой выстрел.

Иван Сергеевич. Что это? Что это?

Катя стоит неподвижно. Потом вдруг выбегает на террасу и в сад.

Катя. Федя! Федя! Федя!

Занавес.

Вторая картина.

Терраса с колоннами, та же, что в первом действии.
Поздняя осень, деревья сада полуголые.
Дорожки усыпаны желтыми листьями.
Вечер. Благовест.

I

Гриша и *Катя*.

Гриша сидит в саду на скамейке и читает письмо.
Катя идет с террасы в сад и проходит мимо *Гриши*.

Гриша. Куда вы, Катя?

Катя. Никуда — в сад. Хочу пройтись.

Гриша. Можно с вами?

Катя. Можно...

Гриша. Вы говорите: можно, — как будто нельзя.

Катя. Я к Феде на могилу, а вы туда не ходите.

Гриша. Ну, ступайте.

Катя. Вы что-то хотели мне сказать?

Гриша. Да, хотел.

Катя. Говорите, я слушаю.

Гриша. От Татьяны Алексеевны письмо.

Катя. А-а. Ну, что же?

Гриша. Все то же, денег просит.

Катя. Опять денег?

Гриша. Да. Собирается на сцену, кажется, «Федру» хочет играть. И еще о «святости искусства» пишет, о «красоте и вечности»...

Катя. Об этом вы и говорить со мной хотели?

Гриша. Нет, не об этом.

Катя. Так о чем же? Что это вы, Гриша, все с подходцем — уж лучше бы попросту...

Гриша. Я уезжаю, Катя...

Катя. В монастырь, к бабушке?

Гриша. Да, сначала к ней, а потом куда старец пошлет.

Катя. Ну, что ж, с Богом. Ведь вы давно решили?

Гриша. Решил, но вот не знаю, как отцу сказать.

Катя. Жалко, что ли? Полно, Гриша, что за жалость! Снявши голову, по волосам не плачут. Кончайте, что начали. И чем скорее, тем лучше.

Гриша. «Что делаешь, делай скорее»⁵⁰? (*Катя молчит*). Вам тяжело со мною, Катя?

Катя. Тяжело. Да... и ненужно. Мы все равно не пойдем друг друга... Ваша беда, Гриша, что вы кое-что имеете, но больше берете на себя, чем имеете.

Гриша. Беру, что дают.

Катя. Кто дает? Старец, бабушка?

Гриша. Да, они, а через них — миллионы, века и народы.

Катя. Ну, века и народы уже не с вами.

Гриша. Были и будут с нами.

Катя. А если не будут, — огнем истребятся?

Гриша. Это не я сказал⁵¹.

Катя. Но вы не пожалеете, как брата не пожалели?

Гриша. Не говорите о брате. Вы не знаете...

Катя. А вы знаете — и успокоились, умыли руки? Не ваша воля? Опять старец да бабушка? И совесть не ваша? Святое послушание, смирение, венец христианской добродетели?

Гриша. Ничего, ничего вы не знаете, Катя, — муки моей не знаете...

Катя. От кого мука? Уж не от Того ли, чья имя вы так легко называете?

Гриша. А вы и назвать не хотите?

Катя. Не хочу при вас. Для Него вы и брата убили?

Гриша. Что вы говорите, что вы говорите, Катя?

Катя. Говорить нельзя, а делать можно? Говорить: Господи! Господи! — и делать то, что вы с братом сделали...

Гриша. Бог с вами, Катя! Может быть, когда-нибудь...

Катя. Нет, никогда... А вам казалось, Гриша, что вы меня любите?

Гриша. Я вас любил и теперь люблю.

Катя. Ну, так помните: никогда, никогда не прощу! Ступайте. Вот Иван Сергеевич. Ступайте же!

Иван Сергеевич выходит из дома на террасу.

II

Гриша, Катя и Иван Сергеевич.

Катя. Иван Сергеевич, по стойте! (*Взбегает на террасу и хочет взять его под руку*).

Иван Сергеевич. Полно, Катя: ноги еще носят, слава Богу! Я сегодня молодцом — видишь, погулять захотелось.

Иван Сергеевич идет в сад. *Катя* усаживает его на скамейку.

Катя. Не сыро ли? Хотите что-нибудь на ноги? Я сбегаяю.

Иван Сергеевич. Нет, тепло, хорошо. Не суетись... И что ты со мною все, как с маленьким, нянчишься?

Катя. А вы не капризничайте. Лекарство приняли?

Иван Сергеевич. Ну их! Этаким вечер да воздух лучше всех лекарств.

Гриша (*встает и целует отца*). Доброй ночи, папа.

Иван Сергеевич. Опять к старцу, Гриша?

Гриша. Да. Может быть, поздно вернусь или переночую в обители... (*После молчания, с усилием, тяжело и прерывисто*). Папа, а что же мне старцу сказать?

Иван Сергеевич. О чем?

Гриша. Да вот, что к бабушке еду, может быть, университет брошу, а там в монахи или в священники...

Иван Сергеевич. Ну, так что же, Гриша? В чем дело?

Гриша. Я уже вам говорил: без вашего согласия старец не благословит... не отпустит меня.

Иван Сергеевич. Что ты, Гриша, Бог с тобой! Да разве я когда-нибудь мешал тебе жить по-своему?.. И неужели твой старец не понимает? Ну, если не понимает, так скажи ему: согласен, согласен на все.

Гриша. Папа, я бы и сам не хотел против вашей воли...

Иван Сергеевич. Нет, Гриша, должно быть, и мы друг друга не понимаем, или я не умею сказать.

Катя. Полно, Гриша! Ну, зачем вы опять?.. Ступайте...

Иван Сергеевич. Постой, Катя... Гриша, я не могу, не умею, вот как он, твой старец, — слов у меня таких нет... но я тебя и без слов... мальчик мой милый, родной мой, единственный... я же люблю тебя, верю в тебя, знаю, что хочешь доброго. Ну, живи по-своему, по душе, по совести... Ну, Господь с тобой! Господь с тобой!

Иван Сергеевич обнимает *Гришу*.

Тот целует его и быстро уходит, как будто убегает.

III

Иван Сергеевич и Катя.

Катя садится рядом с *Иваном Сергеевичем*, берет голову его, кладет себе на плечо и ласкает, гладит волосы.

Иван Сергеевич. Ну, вот и он ушел. Одни мы с тобою остались, Катя. А потом и ты... Ведь и тебе пора...

Катя. Не надо, милый... Зачем? Вы знаете, что я от вас не уйду.

Иван Сергеевич. Что ты, Катя! Не век же тебе со мной, стариком, вековать. У тебя своя жизнь — вся жизнь впереди, а я... Ну, да и я здесь не останусь. Пусто, холодно — весь дом точно вымер. Бабушка-то, помнишь, все каркала: «быть худу! быть худу!» — вот и накаркала... пусто, — только могила бескрестная... Да хоть бы и не пусто... Нельзя мне здесь оставаться. Вот подлечусь немножко и опять на работу. Опять к ним, к верным друзьям, на верное дело. С ними начал жизнь, с ними и кончу. Уж теперь никуда не уйду...

Катя. И я, и я с вами! Как же вы не видите, что я к тому же пришла, что и я уж никуда не уйду, и некуда больше. Если бы вы знали, что вы для меня сделали.

Иван Сергеевич. Я для тебя?

Катя. Ну да, вы. О самоубийстве, помните? Как я мучилась тогда! Главное — тем, что тут правда с ложью сплелась...

Иван Сергеевич. Какая же правда в самоубийстве?

Катя. Да нет, не в самоубийстве! А чтобы душу потерять: кто душу свою не потеряет, тот и не сбережет ее...⁵² Как я мучилась тогда, понять не могла, а вот теперь понимаю!

Иван Сергеевич. Да, ты об этом! Знаешь, Катя, как странно... ведь и я все думал, когда еще с ними, с прежними друзьями был, — что это значит: потерять — сберечь душу. Думал, понять хотел... (*Помолчав*). И, знаешь, разве они... не такие же были? Не самоубийцы, нет, а вот... жертвен-

ные, подвижники, «града взыскующие»... Нового града — прежде всего, а о себе и о душе своей не думали.

Катя. Видите, видите, поняли, лучше моего знаете!

Иван Сергеевич. Нет, Катя, не знаю, ничего я не знаю. Тогда ведь запутался, — может быть, потому и ушел от них.

Катя. А теперь к ним же вернетесь?

Иван Сергеевич. Вернусь. Откуда ушел, туда и вернусь — на то же место. Не могу не вернуться.

Катя. Нет, не то: теперь уже все не то — все по-новому.

Иван Сергеевич. Не знаю, Катя. Хорошо, если и по-новому. Хорошо по той же лестнице вверх идти, если сил хватит.

Катя. Да, вверх, вверх — и вместе!

Иван Сергеевич. Катя, неужели правда, что ты... что вы, новые, молодые, такие, как ты, — с нами, вот в этом, главном? В деланьи жизни новой, в твореньи правды общей, в любви к свободе? До жертвы, до смерти любовь, ты понимаешь?

Катя. Да, с вами, с вами в этой любви, в этой борьбе на веки веков!

Иван Сергеевич. А если и там опять — будут только могилы бескрестные?

Катя. Пусть могилы — из могил встанут мертвые.

Иван Сергеевич. А Гриша думает...

Катя. Пусть думает, пусть сберегает душу свою.

Иван Сергеевич. Да ведь и я сберегал. Может быть, за то и наказан... А ты думаешь, те-то, живые, поймут?

Катя. Ведь вы же поняли.

Иван Сергеевич. Понял ли?.. Ну, дай Бог час!

Катя. Как вы хорошо сказали, милый!

Иван Сергеевич. Что?

Катя. Да вот это: дай Бог.

Иван Сергеевич. А-а, насчет Бога. Ну, это я так, нечаянно.

Катя. И хорошо, что нечаянно.

Иван Сергеевич. Хорошо? Да, вот как смотрю на тебя, — все хорошо, и кажется, что будет радость...

Катя закрывает лицо руками.

Иван Сергеевич. Что ты, Катя, милая?

Катя. Ничего...

Иван Сергеевич. Нет, скажи, а то, в самом деле, подумую, что не понял...

Катя. Поняли, поняли! А это я оттого, что вы сейчас, как он...

Иван Сергеевич. Кто? Федя?

Катя. Да, теми же словами, как он, о радости — вот, что «будет радость»...

Иван Сергеевич. Как он? Ну, так что же? И хорошо, что как он, что вместе с ним?

Катя. Да, вместе! Я же вам говорила, что вместе. Все вместе.

Иван Сергеевич. Катя, Катя, вот смотрю на тебя и кажется, что будет радость, а отчего — не знаю.

Катя. Нет, знаете.

Иван Сергеевич. От чуда, от вашего чуда, что ли?

Катя. Не от нашего, а оттого, что наше чудо и ваше — одно.

Молчание. Сумерки.

Такая тишина, что слышно, как желтые листья падают.

Иван Сергеевич. Катя, пойдем к нему.

Катя. Лучше завтра. Устали вы...

Иван Сергеевич. Нет, сейчас. Мне сейчас хорошо. Не бойся. Гриша боится, думает, могила бескrestная, — значит, проклятая, а ведь мы так не думаем? Ну, и пойдем. Поплачем — ничего, что поплачем — все-таки... будет радость.

Катя (обнимает и целует его). Да, милый, будет радость, будет радость!

Занавес.

[1914]

ЮЛИАН-ОТСТУПНИК

(«Смерть богов»)

ТРАГЕДИЯ В 5-ТИ ДЕЙСТВИЯХ.

Действующие лица:

 Клавдий — Флавий — Юлиан¹, император. Максим² Эфесский, теург.

Саллюстий Секунд, префект Востока.

Виктор, полководец.

 Орибазий³, врач.

Елена, супруга Юлиана.

Арсиноя, патрицианка.

Евстафий

Пафнутий

Пурпурий

Марис Епископы.

Памва, отшельник.

Артабан, перс.

Нагодарес, маг.

Великий Иерофант Елевзинских таинств.

Софисты, военачальники, воины, граждане,
иеродумы, пресвитеры, дьяконы, монахи,
женщины, девушки, дети.

Действие 1-ое: картина 1-ая: Вилла Максима близ Эфеса;
картина 2-ая: Келья Елены.

Действие 2-е: Дворец императора в Антиохии.

Действие 3-е: Дафнийская роща.

Действие 4-е: лагерь Юлиана в Персии.

Действие 5-ое: там же.

354 — 363 по Р.Х.

Действие I-ое.

Картина I-ая.

Колоннада виллы *Максима* близ Эфеса. Справа — вход во внутренние покои, закрытый тяжелой завесой. Вдали море. Вечер. *Максим* за круглым мраморным столом разбирает древние папирусные свитки. *Орибазий* входит взволнованный.

Максим. Ты из города, Орибазий? Что нового в Эфесе?

Орибазий. Ничего. Христиане опять разрушают эллинские храмы. Артемидина святилища уж нет. Толпа сожгла его, а сокровища разграбила.

Максим. Жалкие люди.

Орибазий. Я проходил по площади. Храм со всех сторон облепили монахи, точно большие черные мухи кусок медовых сот. Столбы дрожали, летели осколки нежного мрамора, казалось он страдает, как живое тело. Потом с пением молитв и хохотом толпа повлекла вниз по ступеням серебряное изваяние богини.

Максим. Презрим и покоримся. Богов не может оскорбить людская глупость.

Орибазий. Да... Когда-то Олимпийцы победили древних богов. Теперь новые боги победят Олимпийцев... Художники, ученые, поэты, любители эллинской мудрости, все мы теперь — лишние. Кончено.

Максим (тихо). А, если не кончено? Пока жив император Констанций, эллины обречены на молчание. Но он не вечен. Близок день — я предчувствую — когда на трон римских кесарей воссядет человек, который поведет нас к победе.

Орибазий. Нет, — кончено. Ты знаешь, о чем я думаю. Зачем ты обманываешь бедного Юлиана?

Максим. Он сам хочет быть обманут.

Орибазий. Учитель, скажи, кто ты? Как ты можешь терпеть ложь? Ведь я знаю, что такое магия... Вы сквозь раскрашенные стекла бросаете отражения на белый дым ароматов, а ученик воображает, будто перед ним видения богов.

Максим. Таинства наши глубже и прекраснее, чем ты думаешь, Орибазий, — для того, кто верит. Посмотри, разве природа, которой удивляется мудрость твоя, не такой же призрак обманчивый? Где истина? Где ложь? Ты веришь и знаешь. Я не хочу верить, не могу знать.

Орибазий. Неужели Юлиан был бы тебе благодарен, если бы знал, что ты его обманываешь?

Максим. Я даю ему веру и силу жизни. Ты говоришь — я обманываю. Пусть так. Если нужно, я обману и соблазну его. Я люблю Юлиана. Не оставлю его до смерти. Я сделаю

его великим и свободным. (*Встает и делает несколько шагов по колоннаде. Потом подходит к Орибазию и кладет ему руку на плечо*). — Пойдем, Орибазий. Стемнеет. Мне прислали из Гераклеополоса новые тайные свитки Трисмегиста. Я тебе покажу.

(Оба уходят. Входят Арсиноя и Юлиан в одежде послушника).

Арсиноя. Как хорошо... И ты хотел бы все это разрушить, Юлиан? Иди сюда. (*Садятся на скамью*). Я думаю много о том, что ты говорил... Был ли Александр, Филиппов сын⁴, смиренным? А Брут⁵, тиран и убийца? Что, если бы Брут подставлял левую щеку, когда его ударили по правой? Мне кажется, ты лицемеришь, Юлиан?.. Эта темная одежда не пристала тебе.

Юлиан. Чего ты хочешь, Арсиноя?..

Арсиноя. Я хочу знать, кто ты, Юлиан? Я не верю, что ты против Эллады, против меня. Скажи, что ты мне враг...

Юлиан. Арсиноя, зачем?..

Арсиноя. Говори все. Я хочу знать. Или ты боишься?

Юлиан. Через два дня я покидаю Эфес.

Арсиноя. Куда ты едешь? Зачем?

Юлиан. Письмо от Констанция. Император вызывает меня ко двору, может быть, на смерть. Мне кажется, я вижу тебя в последний раз.

Арсиноя (после молчания). Юлиан, ты веришь в Распятого?

Юлиан (взволнованно). Тише, тише... Что ты? (*Оглядывается и говорит шепотом*). Слушай, я говорю теперь то, чего и сам не смел сказать себе никогда. Я ненавижу Галилеянина. Но я лгал с тех пор, как помню себя. Ложь проникла в душу мою, прилипла к ней, как эта одежда проклятая к телу моему. Вот-вот задохнусь во лжи галилейской...

Арсиноя. Скажи мне все, друг: я пойму тебя.

Юлиан. Хочу сказать и не умею. Слишком долго молчал. Арсиноя, кто раз попался галилеянам в руки, — кончено. — так изуродуют смиренномудрые, так причучат лгать и пресмыкаться, что уже не выпрямиться, не поднять ему головы никогда. О, ненавидеть врага своего, как я ненавижу Констанция, — прощать, пресмыкаться у ног его по-змеиному, по-смиренному, вымалывать милости: «Еще годок, только годок жизни худоумному рабу твоему, монаху Юлиану; потом — как тебе и скопцам твоим, советникам угодно будет, боголюбимейший». О, низость...

Арсиноя. Нет, Юлиан, если так, — ты победишь. Ложь — сила твоя. Помнишь, в басне Эзопа, осел в львиной шкуре? А ты лев в ослиной, герой в одежде монаха. (*Смеется*). И как они испугаются, когда ты вдруг покажешь им

свои львиные когти. Вот будет смех и ужас. Ты хочешь власти, Юлиан?

Юлиан. Власти... О, если бы один год, несколько месяцев, несколько дней власти, — научил бы я смиренных, ползучих, ядовитых тварей, что значит мудрое слово из учителя: «Кесарево — Кесарю»⁶... Да, клянусь богом Солнца, воздали бы они у меня кесарево Кесарю... (*Складывая руки крестообразно на груди*). Но зачем обманывать себя? Никогда этого не будет... Я погибну. Злоба задушит меня. Слушай: каждую ночь, после дня, проведенного на коленях в церкви, над гробами галилейских мертвецов, я возвращаюсь домой, бросаюсь на постель лицом в изголовье, и рыдаю, грызя его, чтобы не кричать от боли и ярости. О, ты не знаешь еще, Арсиноя, ужаса и смрада галилейского, в которых, вот уже двадцать лет, как я умираю и все не могу умереть, потому что мы, христиане, живучи, как змеи: рассекут надвое — срастаемся. Прежде я искал утешения в добродетели мудрецов и теургов. Тщетно. Не добродетелен я и не мудр. Я — зол, и безумен и хотел бы быть еще злее, безумнее. Я хотел бы быть как дьявол, единственный брат мой. Но зачем, зачем я увидел тебя.

Арсиноя. А что, если я пришла к тебе, юноша, как вещая Сибилла⁷, чтобы напророчить славу? Ты один живой среди мертвых. Ты силен. Пусть у тебя не белые, лебединые, а страшные черные крылья, злые когти, как у хищных птиц. Я люблю всех отверженных, люблю одиноких и гордых орлов больше, чем белых лебедей. Только будь еще сильнее, злее. Смей быть злым до конца. Лги, не стыдись; лучше лгать, чем смиряться. Не бойся ненависти: это буйная сила крыльев твоих. Хочешь, заключим союз? (*Приближает к нему лицо*).

Юлиан. Что это?... Сон?... Пусть, пусть... О, Афродита, я буду любить тебя вечно...

Арсиноя (смеется). Афродита?

Юлиан. Нет... Артемиды...

(*Юлиан целует Арсиною. Она ускользает и убегает. Ночь. Входная завеса раздергивается. Появляется Максим в облачении иерофанта. Два иеродума с пылающими факелами сопровождают его. Юлиан не узнает Максима*).

Максим. Ты не узнаешь меня, Юлиан?

Юлиан. Учитель. Ты?

Максим. Хочешь, я сниму с глаз твоих повязку и ты узнаешь все?

Юлиан. Учитель, ты обладаешь могучими чарами, освободи мою душу от страха.

Максим. Перед чем?

Юлиан. Не знаю. Я с детства боюсь, — боюсь всего. Жизни, смерти, самого себя, тайны, которая везде.

Максим. Я знаю, что тебе нужно. Я освобожу тебя от галилейского плена, от тени Голгофы лучезарным сиянием Митры⁸.

Юлиан. Значит, слова Галилеянина ложь?

Максим. Нет, истина.

Юлиан. Две истины?

Максим. Две.

Юлиан. Во что же верить? Где Бог?

Максим. И там и здесь. Служи Ариману, служи Ормузду⁹ — как хочешь, но помни: оба равны. Царство дьявола равно Царству Бога.

Юлиан. Куда же идти?

Максим. Выбери один из двух путей. Если веришь в Распятого, возьми крест, иди за ним, как он велел.

Юлиан. Я не хочу.

Максим. Тогда избери другой путь. Будь сильным и свободным. Восстань и победи все.

Юлиан. Я не могу вынести двух истин.

Максим. Если не можешь, будешь, как все. Лучше погибнуть. Но ты можешь... Дерзай. Ты будешь кесарем.

Юлиан. Я — кесарь?

Максим. Ты будешь иметь во власти своей то, чего не имел герой Македонский. (*Обводя рукою горизонт*). Смотри, это все — твое.

Юлиан. Разве я могу, учитель? Я каждый день жду смерти.

Максим. Все твое, дерзай.

Юлиан. Зачем мне все, если нет единой правды — Бога?

Максим. Ты найдешь Его. Соедини правду Титана с правдой Галилеянина... Боишься ли ты чего-нибудь, смертный?

Юлиан. Боюсь жизни.

Максим. Душа твоя освобождается от всякой тени, от всякого ужаса, от всякого рабства вином божественных веселий, красным вином буйных веселий Митры-Диониса¹⁰. Боишься ли ты чего-нибудь, смертный?

Юлиан. Боюсь смерти.

Максим. Душа твоя становится частью бога Солнца. Митра неизреченный, неуловимый усыновляет тебя, кровь от крови, плоть от плоти, дух от духа, свет от света. Боишься ли ты чего-нибудь, смертный?

Юлиан. Я ничего не боюсь. Я, как он. — (*Сбрасывает с себя монашескую одежду. Его облачают в одеяние иерофанта*).

Максим. Прими же радостный венец. Еще не умер Константин, но я благословляю тебя и на царство, император Юлиан.

Юлиан (тихо). Император.

Действие 1-ое.

Картина 2-ая.

Лютеция-Париж. Келья в башне дворца. Горит лампада. *Елена* в монашеской одежде на коленях перед аналоем.

Елена (читает). И говорил он громким голосом: убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его; и поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море и источники вод.

И другой Ангел следовал за ним, говоря: пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы.

И третий Ангел следовал за ним, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем¹¹ (*Поднимает голову и крестится*). Господи, спаси и помилуй душу заблудшего раба твоего Юлиана. (*Читает*). И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью. Поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его. (*Закрывает книгу*). Прости, Господи, ибо не ведает, что творит.

(Молится. Тихо входит *Юлиан*).

Юлиан. Елена.

Елена (истуганно вскакивая). Кто тут?

Юлиан (подходит к Елене). Все молишься?

Елена. Да, молюсь — и за тебя, милостивый кесарь.

Юлиан. И за меня? Вот как. Ты считаешь меня великим грешником.

(*Елена молчит и потупляет глаза*).

Юлиан. Не бойся, говори. Не думаешь ли ты, что я в чем-нибудь особенно грешен?

Елена (тихо). Особенно? — Да. Я думаю, не гневайся.

Юлиан. Скажи, в чем? Я покаюсь.

Елена (строго). Не смейся. Я дам ответ за душу твою перед Богом.

Юлиан. Ты... за меня?

Елена. Мы навеки связаны.

Юлиан. Чем?

Елена. Таинством.

Юлиан. Церковным браком? Но ведь мы пока чужие, Елена.

Елена. Я боюсь за душу твою, Юлиан.

(Юлиан быстро наклоняется к Елене и целует ее в губы).

Елена (бросаясь в угол и закрывая лицо руками). Прочь, прочь, прочь, окаянный. Место наше святое именем честного Креста заклинаю — сгинь, пропади. Да воскреснет Бог и расточатся враги его.

(Юлиан подходит к двери и закрывает ее на ключ).

Юлиан. Успокойся. Ты приняла меня за другого. Но я такой же человек, как и ты. Дух плоти и костей не имеет. Я — муж твой. Церковь Христова благословила наш союз.

Елена (проводя рукой по глазам). Прости, мне почудилось... Ты вошел так незаметно... Мне уже были видения. Он бродит здесь по ночам. Я его видел дважды. Он говорил мне о тебе. Он говорил, что на челе твоём... Зачем ты так смотришь, Юлиан?

(Елена прижимается к стене. Юлиан подходит и обнимает ее).

Елена. Что ты, что ты... Оставь.

Юлиан. Успокойся.

Елена (зовет). Елевферия, Елевферия.

Юлиан. Глупая, разве я не муж твой?

Елена (плача). Брат мой, этого не должно быть. Я дала обет Богу. Я думала, что ты...

Юлиан. Ты думала — я никогда не прийду?

Елена. Юлиан, если веришь в Него... (Юлиан смеется). — Прочь, Дьявол. (Крестится). Зачем ты покинул меня, Господи.

(Юлиан бросается к Елене и целует ее).

Елена. Сжался, сжался, брат мой.

(Без чувств падает на руки Юлиану. Юлиан поднимает Елену, кладет на ложе. Несколько мгновений стоит над ней молча. Потом склоняется и целует ее в лоб. Отходит к двери и отпирает ее).

Юлиан. Войди, Елевферия.

Елевферия вбегает и кидается к Елене. Юлиан уходит.

Действие 2-ое.

Окруженный колоннами дворик в Антиохийском дворце. Посреди дворика изваяние Афродиты. За колоннами широкая крытая галерея. Участники собора — монахи, дьяконы, епископы, пресвитеры — сходятся и, разбившись на кучки, спорят. Проходя мимо изваяния Афродиты, закрывают лица руками и отворачиваются.

Общий гул, прерываемый отдельными криками.

1-ый голос. Доколе же прострется, братья, дерзость еретиков сатанинская?

2-ой голос. При Константине — гнали, при Констанции¹² — гнали... Хоть слово сказать дайте.

1-ый голос. Сладкоречием своим не вводите в заблуждение простодушных.

3-ый голос. Сами соблазн учинили... Церковь, лобзанием Иуды-Констанция растленная, да воскреснет.

4-ый голос. Разрушайте, разрушайте все. Да будут общими имения и жены.

Голоса (вместе). Не слушайте, братия, не слушайте.

Голос (из глубины). Еще на соборе в Ганграх ересью объявлено.

Голоса (отовсюду). Что в Ганграх?.. Сами решим, как изволися Духу Святому и нам.

Шум немного стихает.

Первый пресвитер (дергая за рукав второго). Что притих, авва Дорофей?

Второй пресвитер. Охрип, брат Фива. Хочу говорить, а голосу нету. Натрудил себе горло намедни, как низлагали проклятых акакиан.

Шум возобновляется.

Входит епископ *Евстафий*, запыхавшийся и растерянный.

Голос. Пыхтит, точно на гору лезет.

Другой голос. Риза-то по земле так и волочится.

Евстафий (отворачиваясь от изваяния Афродиты, плюет). Тьфу, тьфу, искушение. (*Крестится*). Пречистая Матерь Божия, куда попал. Пустите, пустите. (*Хочет уйти*).

Копьеносец (отстраняет от двери). Тише, друг.

Евстафий. Не пойду на собор еретический. Пусти.

Копьеносец (удерживая Евстафия). Нельзя. По воле всемилостивейшего кесаря Юлиана, все пришедшие на собор...

Евстафий. Не собор, а вертеп разбойничий. (*Смех. Евстафий отходит в угол и садится*). Господи. За что мне сие?

Старый монах (молодому). Как венчали богоотступника на царство, сорвал крест со святого знамени и воздвиг Аполлонова идола.

Молодой монах (тихо). Кошунство.

Пурпурий. Слава преблагому, премудрому Августу Юлиану. На аспиде и василиска наступишь и попрешь льва и змия...

Голос (из глубины). Не слушайте, братья. Отступил кесарь от церкви Христовой.

Голоса. Тише, тише, Кесарь.

Вдруг молчание.

Входит Юлиан. С ним софисты. Среди них Максим.

Юлиан (войдя на возвышение). Старцы и учителя. За благо сочли мы оказывать подданным нашим, исповедующим учение Галилеянина Распятого, всевозможное снисхождение и милосердие. Желая восстановить мир всего мира, столь долго нарушаемый распрями церковными, призвал я вас, мудрецы галилейские. Под нашим покровительством и защитой вы явите, уповаем, пример тех высоких добродетелей, кои приличествуют вашему духовному сану, вашей вере и мудрости...

Пурпурий. Слава преблагому, премудрому Августу.

Голоса. Тише. Тише. Слушайте.

Юлиан. Братьев ваших, изгнанных соборами при Константине и Констанции, возвратили мы из ссылки. Живите в мире, галилеяне, по завету вашего Учителя... Для полного же прекращения раздоров поручаем вам, мудрейшие наставники, прийти к некоему соглашению церковному, дабы установить единое и общее для всех исповедание веры. Судите и решайте властью, данную вам от церкви. Мы же удаляемся, предоставив вам свободу и ожидая вашего решения.

Юлиан и свита уходят.

Старый монах (молодому). Видел старика с белой бородой?

Молодой монах. Кто это?

Старый монах. Сам дьявол в образе Максима Волхва; он-то и соблазнил императора.

Евстафий. Отцы и братья. Разойдемся. Разойдемся в мире. Не будем веселить врагов наших, воздержимся от гневного слова. Заклинаю именем Бога Всевышнего, разойдемся, братья, в безмолвии.

Пурпурий. Не слушайте. Не расходитесь, да не преступите воли кесаревой.

Евстафий. Нет, братья...

Пурпурий. Не братья мы вам, — отыщите, окаянные. Мы — чистая пшеница Божия, а вы — солома сухая, сожигаемая Господом¹³. Слава, слава преблагому, премудрому Августу.

Голос. Разойдемся, отцы в мире...

Голоса. Не расходитесь, братья, не расходитесь.

Пурпурий (продолжая). Пусть заглянет теперь в церкви наши кто-нибудь из цецилианских епископов, — возложим мы ему руки на голову, но не для того, чтобы избрать пастырем, а чтобы раздробить череп...

Пафнутий. Я, Пафнутий, как приял от отцов, так и содержу. Не три Бога, но един. Един Бог, а не три. Как приял, так и содержу...

Монах (худой и бледный, цепляясь за стихат Пафнутия). Отче Пафнутий. Что же это? Из-за одного, все из-за одного слова: подобносуший или единосушный?.. Из-за одной йоты?

Пафнутий. Так что же? Из-за одной, да.

Монах. Отче Пафнутий, из-за йоты. А в священном-то Писании нет даже слова «сущность».

Пафнутий. Нет? Ну и не надо.

Монах. Из-за чего же спорим и терзаем друг друга? Подумай, отче, сколь ужасно такое наше злонравие.

Пафнутий. Так неужели же примириться с окаянными псами, изблевавшими из еретического сердца, что было время, когда Сына не было?

Монах. Един Пастырь, едино стадо¹⁴. Уступим.

Пафнутий (кричит). Да не будет сего. Арианскую гнусную ересь анафематствую. Как приял от отцов, так и содержу...

Монах. Отче Пафнутий. Отче Пафнутий. Из-за одной йоты. Един пастырь, едино стадо. Уступим.

Пафнутий. Да не будет, да не будет. Арианскую гнусную ересь анафематствую.

Дьякон Аэтий (насмешливо). Бог отец по сущности своей чужд Богу Сыну. Есть Троица, но Ипостаси различествуют по славе.

Евстафий. В Писании сказано...

Аэтий. Что мне до Писания? Я верю в диалектику, а не в букву. Рассуждайте, придерживаясь категорий и силлогизмов Аристотеля.

Евстафий. Господи, помилуй нас, грешных. Ничего не разумею. Запутался, голова кругом идет: единосушный, не-единосушный... В ушах звенит, сам не знаю, во что верю, во что не верю, где ересь, где не ересь. Господи Иисусе Христе, помоги нам. Погибаем в сетях дьявольских.

Пафнутий. Да не будет, да не будет. Как приял от отцов, так и содержу.

Монах. Признаю собор Никейский, ересь Арианскую анафематствую¹⁵.

Каинит. Благословенны не покорившиеся Богу. Благословенны Каин, Хам, Иуда, жители Содом и Гоморры. Благословен отец их, Ангел Бездны и Мрака.

Голос. Мрак безымянный в скудоумной голове твоей.

Пурпурий (бросается на Каинита). Не потерплю сей мерзости. *(Его удерживают).* Пустите. Дайте заградить уста нечестивцу. Не потерплю сей мерзости. *(Плюет Каиниту в лицо).* Вот тебе, каиново отродье. *(Плюет).* Вот тебе.

(Общее смятение и свалка. Копьеносцы разнимают монахов).

Копьеносец. Тише... Во дворце не место. Или мало вам церквей, чтобы драться. *(Воины хотят схватить Пурпурия).*

Пурпурий (отбиваясь). Леона, Леона, дьякон Леона!

Дьякон Леона (размахивая дубиной, спешит на помощь Пурпурию). Господу хвала. Господу хвала. Хвала Господу.

Юлиан выходит на трибуну

и, скрестив руки на груди, молча смотрит на происходящее.

Увидя его, все замирают.

Евстафий (тихо). Дьявол. Дьявол...

Юлиан. Вот как исполняете вы закон любви, галилеяне. Вижу теперь, что значит ваша любовь. Воистину, хищные звери милосерднее, чем вы, братолюбцы. Скажу словами вашего Учителя: «Горе вам, законники, что взяли вы ключ разума: сами не вошли и входящим воспрепятствовали. Горе вам, книжники и фарисеи»¹⁶... Ежели не умеете сами управлять собою, то вот, говорю вам, остерегая от худших зол: слушайте меня, галилеяне, и покоряйтесь.

Голос из толпы (не громко, но явственно). Антихрист.

Монахи, крестясь и бросая друг на друга злые взгляды, покидают атриум. *Юлиан* также собирается уйти. В это время к нему подводят епископа *Мариса*, седовласого сгорбленного слепца.

Марис. Внимай пророчеству моему, кесарь, ибо сам Бог говорит тебе ныне устами моими. Слово Господне сжигает сердце мое, — и не могу молчать. Дни твои сочтены. Вот еще немного, и погибнешь, исчезнешь, как прах, взметенный вихрем, как быстролетная молния. Источник Кастальский умолкнет навеки, — пройдут и посмеются над ним... Аполлон станет опять безгласным идиолом, Дафнэ деревом, оплакиваемым в басне. И порастут могильною травой низвергнутые храмы... Так вещаем мы, галилеяне, люди презренные, поклоняющиеся Распятому, ученики рыбаков капернаумских¹⁷. *(Поднимая голову к нему и крестясь).* Благодарим тебя, Господи. Ныне очищается церковь твоя гонением.

Юлиан. Кончил, старик?

Марис. Вот мои руки, мучители. Вяжите, видите на смерть. Господи, приемлю венец.

Юлиан. Не думаешь ли ты, мой друг, что я поведу тебя на смерть? Я отпущу тебя с миром. В душе моей нет злобы против тебя.

Марис. Не соблазняй. Не отступлю от Христа. Отыди, враг человеческий. Палачи, ведите меня на смерть. Вот я.

Юлиан. Здесь нет палачей, галилеянин. Здесь все такие же хорошие люди, как ты. Успокойся.

Марис. Да поразит тебя Господь, богохульник.

Юлиан. Господь не сделает меня слепым во гневе, а тебя зрячим.

Марис. Благодарю Бога моего за слепоту. Не дает она очам моим видеть окаянное лицо Отступника.

Юлиан. Сколько злобы, сколько злобы в таком дряхлом теле. Вы говорите о смирении и любви, галилеяне, а какая ненависть в каждом вашем слове... За что? Разве я не брат ваш? Иди же с миром, слепец, и помни, что не одни галилеяне умеют прощать. (*Отходит от него*).

Двое дьяконов уводят *Мариса*.

Все уходят, кроме телохранителей. *Юлиан* опускается на скамью.

Арсинья в одежде послушника с куколем на лице, ранее скрывавшаяся за колоннами, подходит к *Юлиану*.

Арсинья. Кесарь блаженный, дозволю смирению моему...

Юлиан. Говори.

Арсинья (*откидывая куколь с лица*). *Юлиан*, зачем ты лжешь?

Юлиан. *Арсинья*.

Арсинья. Тише.

По знаку *Юлиана* вонны уходят.

Юлиан. *Арсинья*... Бледная, одежда черная... и ты с ними?

Арсинья. Да, с ними и с Ним.

Юлиан. Забыла союз наш?

Арсинья. Нет, помню. Люблю тебя, брат мой. Затем и пришла.

Юлиан. Брат?.. Ты любишь себя, только себя.

Арсинья. Я хотела бы любить и себя, и других, как Он велел. Но не могу. Я ненавижу и себя, и других. (*Молчание*). Надо преодолеть себя, надо победить в себе не только отвращение к смерти, но и к жизни...

Юлиан. Что они сделали с тобой, *Арсинья*. Что они сделали. Как ты могла поверить?.. Нет, не могла, не веришь.

Арсинья. Верю. Хочу верить. Хочу и буду.

Юлиан. Арсиноя, теперь я вижу, — ты не ушла от нас. Хотела и не могла. Пойдем сейчас, пойдем со мною.

Арсиноя (спокойно). Бедный, бедный... такой же, как я... Сам не знаешь, куда зовешь. И на кого надеешься? Боги твои — мертвецы. Оставь меня... я не могу ничем тебе помочь. Зачем ты обманываешь себя? Разве ты не такой же неверующий, погибающий, как и все мы?.. Что значит твое милосердие, странноприимные дома? Все это — подражание галилеянам, неизвестное древним героям Эллады.

С улицы доносятся крики, во дворце также поднимается шум.
Входят *Максим, Орибазий* и несколько рабов.

Максим. Прости, кесарь. (*Берет Юлиана за руку и указывает на небо*).

Все. Пожар.

Первый раб. За рекой?

Второй раб. Не за рекой, а в предместье Гарандама...

Первый раб. Нет, нет — в Гезире, у жидов...

Максим. Не в Гезире и не в Гарандаме, а в роще Дафнийской.

Орибазий. Сегодня перенесение галилейского праха...

Юлиан. Храм Аполлона. Галилеяне... Рабы... Скорее. Коня и пятьдесят легионеров.

Максим, Орибазий и рабы уходят.

Юлиан (подбегает к Арсиное, берет ее за руку и говорит быстро, шепотом). Нет, ты не права, Арсиноя. Помнишь ту ночь в саду? Помнишь, как ты искушала меня, галилейского монаха? Так же, как я теперь искушаю тебя... Так вот, лев уже сбросил ослиную шкуру... Душа моя не знает страха, воля моя непреклонна. Силы рока ведут меня. А ты?.. Ты?.. Прежняя сила и гордость в лице твоём, Арсиноя, а не рабское смирение галилеян. Не я, а ты лжешь... Сердце так не изменяет. Арсиноя... Пойдем сейчас, пойдем со мною, и... завтра ты будешь супругой римского кесаря.

Арсиноя (отталкивая Юлиана). Уйди.

Юлиан. Арсиноя, вспомни наш союз. Разве я не жених твой?

Арсиноя (надвигая куколь и крестясь). Господи, помилуй... Услышь меня, Господи, и помилуй.

Юлиан (торжествуя). Не веришь, не веришь в Него.

Арсиноя. Да не будет, Господи.

Юлиан. Не Его, — меня любишь.

Арсиноя (твердо). Я — невеста Христова...

Юлиан (гневно). Елена — невеста Христова: невеста римского кесаря не может быть невестой Христовой.

Арсиноя. Я — невеста Христова. Уйди.

Юлиан. Обе мертвые, мертвые... Бедные... Прости. (*Быстро уходит*).

Слышны звуки набата и труб. Постепенно все стихает.
Арсиноя одна, стоит неподвижно, прислонившись к колонне.
Занавес.

Действие 3-е.

Храм Аполлона в Дафнийской роще. Пожар. Толпа. Набат.

Толпа. Смерть богам. Смерть... Христос победил.

Первый голос. Велик Аполлон Дафнийский.

Толпа. Смерть богам и твоему Аполлону.

Второй голос. Ишь, мощи потревожили, мощи им помешали, — вот и покарал Господь.

Толпа. Смерть богам. Смерть.

Третий голос. Все разрушим, все разрушим во славу Отца и Сына и Духа Святого. Змейки, змейки-то какие.

Первый гражданин. Посмотрим, вылетит ли бес. Говорят, в каждом идоле по бесу, а в богинях — так по два и по три.

Женщина. Как начнет плавиться, делается лукавому жарко, — он и выпорхнет из поганого рта, в виде огненного змея...

Второй гражданин. Надо перекрестить, а то в землю ужом уползет.

Мальчишки (переваливаясь с ноги на ноги, поют).

Мясник идет,
Мясник идет,
Юлиан идет,
Острый нож несет,
Бородой трясет,
С шерстью черною,
С шерстью длиною,
Бородой своей козлиною.

Старуха. Погибли, погибли мы все до единого. Покарал Господь. Соседка такое сказывала, что сперва не поверили...

Голос из толпы. Расскажи, старушка, расскажи. (*Старушку обступают*).

Старуха. В Газе, милье, в городе Газе случилось. Попали язычники на женскую обитель. Выволокли монахинь, рассекли тела их и кинули внутренности свиньям.

Монах. Я сам видел в Геллиополисе Ливанском язычник пожирал сырую печень убитого дьякона.

Старуха (плюет). Тьфу, мерзость.

Шум в глубине рощи.

Голос из толпы. Памва. Памва. Из пустыни пришел народ обличать, великих низвергнуть, малых спасти...

Толпа растет. Люди протискиваются вперед, глазуют на пылающий храм; одни крестятся, другие закрывают лицо и отворачиваются. С толпой входит старец *Памва*. У него грубое, ширококулое лицо, обросшее волосами; вместо туники холщовый заплатанный мешок, вместо хламиды пыльный бараний мех с куколем для головы; на ходу он позвякивает длинною палкою с острым наконечником.

Старуха. Божье чудо. Божье чудо.

Первый гражданин. Молния ударила и зажгла крышу...

Старуха. А вот и не молния, — врешь; утроба земная разверзлась, изрыгнув пламя, внутри капища, под самым кумиром.

Первый гражданин. Еще бы. Какую учинили мерзость: мощи потревожили. Думали — даром пройдет. Как бы не так.

Монах (злорадно). Вот тебе и храм Аполлона. Вот тебе и прорицание вод Кастальских.

Мальчишки (поют).

Ку-ку-ре-ку.
Горе бедным петушкам,
Му-му-му-му;
Горе беленьким бычкам,
Перебьет их император
В жертву мерзостным богам.

Входит отряд воинов с *Саллюстием Секундом* во главе.

Воины хотят кинуться на толпу. *Саллустий* останавливает их.

Памва (потрясая клюкой). Здравствуй, храброе сатанинское воинство. Здравствуй, премудрый начальник римский. Вспомнили, должно быть, старину, когда вы нас жгли, древней философии учили, а мы за вас Богу молились? Ну, что ж, добро пожаловать. Чем грозите? Что можете? Мы среди вас — бесчисленные, неуловимые. Нет у нас границ, нет отечества. Не надо нам ни меча, ни огня: так много нас, что стоит лишь всем сразу удалиться, — и вы погибли, города ваши опустеют, вы ужаснетесь своему одиночеству. Помните же: римская империя сохраняется только нашим христианским терпением...

Толпа. Верно, верно. Только терпим.
Голос. Долго ли еще терпеть?
Толпа. Смерть, смерть. Ужо вас всех.

Толпа с угрожающим видом надвигается
 на воинов и *Саллюстия*.

Саллюстий (спокойно). Именем кесаря, граждане, разойдитесь.

Один из центурионов (подходя к Саллюстию, тихо). Ударить бы в мечи, господин? Толпа буйная...

Саллюстий. Не надо, сами разойдутся. И без того у галилеян много мучеников.

Из-за храма доносятся крики. *Саллюстий* поспешно уходит в сопровождении воинов. *Юлиан*, в шлеме и с мечом, пробивается сквозь толпу, бросается к храму и распахивает двери. Оттуда вырываются клубы дыма, освещенные пламенем.

Юлиан (отступая назад). Поздно, поздно.
Голос (в толпе). Кесарь. Август. Кесарь.

Внезапная тишина.

Юлиан. Поздно. Конец... (*прислушиваясь к шуму*). Что такое?... Где *Саллюстий*?.. (*вспомнив*). Сокровищница.

Входит *Саллюстий*.

Саллюстий. Милостивый Кесарь.

Юлиан. Что случилось?

Саллюстий. Галилеяне пobiли камнями жреца Георгия...

Юлиан. А сокровищница?

Саллюстий. Цела. Жрец заслонил дверь, стоя на пороге, и не дал осквернить святыню. Не сдвинулся с места, пока не свалился, пораженный камнем в голову. Галилейская чернь вломилась бы, но мы подоспели.

Юлиан (указывая на храм). Поджог? (*К толпе*). Антиохийцы. Знайте: поджигатели Аполлонова храма и мятежники без пощады будут наказаны. Вы смеетесь над моим милосердием, — посмотрим, как посмеетесь вы над моим гневом...

Памва. Сам говоришь: «конец, конец». Нет врачества для раны твоей.

Юлиан. Несчастные. Если жизнь вам надоела, разве трудно найти веревки и пропасти?

Издали доносятся пение.

Хор (поет, приближаясь). «Облако и мрак окрест Его. Пред ним идет огонь и вокруг попадает врагов Его. Горы, как воск, тают от лица Господа, от лица Господа всей земли. Да постыдятся служащие истуканам, хвалящиеся идолами. Поклонитесь пред Ним все боги».

Юлиан (прислушиваясь). Что это?

Саллюстий. По твоему повелению, могущественный Август, галилеяне переносят мощи мученика Вавилы¹⁸ из Дафнэ в Антиохию.

Солдаты приносят на носилках убитого *Георгия*.

Юлиан (подходя к носилкам). Жив?

Орибазий. Умер.

Голос из толпы. Собаке — собачья смерть.

Георгия уносят. В толпе ропот и сдержанный смех.

Юлиан. Вот как исполняете вы закон любви, галилеяне. Воистину хищные звери милосерднее, чем вы, братолюбцы. Пока еще, милостью богов, я — император, слушайте меня. Вы можете смеяться над бородой и одеждой моею, но не над римским законом (*Саллюстию*). Разогнать толпу, схватить мятежников.

Солдаты бросаются на народ, завязывается свалка;
одни убегают, других связывают.

Памва. Что ж, избивайте нас, римляне. Пусть прольется кровь мучеников, — земля ею очистится, мертвые кости вновь станут творить чудеса.

Юлиан. Помните: я казню вас не за веру, а за мятеж.

Памва. Лжешь, богохульник. За веру Христову казнишь.

Юлиан. Вот как. (*Саллюстию, указывая на Памву*). В цепи негодая.

Солдаты связывают *Памву*.

Памва. Лжешь, лжешь, за веру Христову, за веру казнишь. Зачем же не милуешь меня, как Мариса, слепца Халкедонского? Зачем, по обычаю твоему, не прикрываешь насилие ласкою. Братья, убоимся не кесаря римского, а Бога небесного.

Толпа отбивается от солдат. Они вынимают мечи.

Памва. Избивайте, избивайте нас, римляне, — да приумножимся. Цепи — наша свобода, слабость — наша сила, победа наша — смерть.

Орибазий. Юлиан, что ты делаешь? Достойно ли твоей мудрости?

Юлиан. Поди прочь, и все вы подите прочь, с вашими советами, глупцы. Я знаю, что делаю. С негодяями, неверующими в богов, нельзя говорить, как с людьми, — надо истреблять их, как хищных зверей. Что за беда, если десяток-другой галилеян будут уничтожены рукою одного эллина?

В глубине рощи проходит шествие. Иерен, в облачении, дяконы, монахи с восковыми свечами, девы, отроки и дети с пальмовыми ветвями; над толпой рака с мощами.

Хор (поет). Да постыдятся служащие истуканам, хвалящиеся идолами. Поклонитесь пред Ним все боги.

Юлиан, обнажая меч, хочет броситься в толпу.

Юлиан (воинам). Мужи, за мной.

Саллюстий (преграждая ему дорогу). Кесарь. Не нападай на безоружных.

Юлиан (опуская меч). Уйдите все.

Все уходят.

Действие 4-ое.

Лагерь *Юлиана* в Персии.

Палатка. Сквозь откинутый полог видна выжженная степь. Вечереет. *Юлиан, Саллюстий, Максим, Орибазий и софисты*.

Юлиан (Саллюстию). Подождать? Все вы точно сговорились. Подождать. Как будто я могу ждать и колебаться. Разве галилеяне ждут? Пойми, я должен возвратиться победителем, или совсем не возвращаться.

Саллюстий. Откуда же, милостивый кесарь, достанем мы хлеба для такого войска?

Юлиан. Войско должно быть готово к походу. Слышишь? Никаких отговорок.

Раб вносит *Юлиану* ужин.

Юлиан (беря тарелку). Золотая? Зачем? Где прежняя глиняная?

Раб. Прости, государь, — разбилась...

Юлиан. Вдребезги?

Раб. Нет, только с краю.

Юлиан. Принеси.

Раб уходит.

Юлиан. Так помни, Саллюстий, — мы будем продолжать поход. От этого зависит не только слава моя и спасение римской империи, но и победа богов над Галилеянином. Ступай.

Саллюстий уходит. Раб приносит тарелку.

Юлиан (взяв тарелку). Вот она — моя милая. Я заметил, друзья, что сломанные вещи служат дольше и лучше новых. В них есть особая прелесть. Я боюсь новизны, ненавижу перемены. Старого всегда жаль, даже плохого.

Один из софистов (тихо, другому). Слышал? Бережет одинаково и свои разбитые тарелки, и своих полумертвых богов.

Юлиан (ставя тарелку на столик). Ничего, еще долго прослужит... А за мою любовь к старине не судите меня слишком строго. Старые, глупые песни трогают меня до слез. Я люблю вечер больше утра, осень — больше весны. Я люблю все уходящее. Воспоминание имеет надо мною большую власть, чем надежда. Возвраты люблю я больше, чем пути вперед.

Орибазий. О, кесарь, ты говоришь, как мечтатель. Но грезы опасны: судьбы мира в руках твоих.

Юлиан. Я боюсь нового. В старом, в старом — мое сердце. Новое только в старом, в умершем, в поруганном...

Максим. Сын мой, дозвожь мне говорить с тобой наедине.

По знаку Юлиана все уходят.

Максим. Ты погибнешь. Изменяющий себе погибает.

Юлиан. И ты, Максим.

Максим. Помни, Юлиан: плоды золотых Гесперид вечно зелены¹⁹. Милосердие — мягкость и сладость слишком зрелых плодов. Ты — постник, целомудрен, ты скорбен, ты милосерд. Ты называешь себя врагом христиан, но ты сам — христианин.

Юлиан. Нет.

Максим. Ты думаешь, что злейший враг твой Галилеянин?

Юлиан. А кто же?

Максим. Ты сам.

Юлиан. Учитель, я слаб, но боги не оставят меня.

Максим. Нет богов. Ты — один.

Юлиан опускает голову на руки.

Максим (*положив руку на плечо Юлиану*). Утешься. Или ты не понял? Я хотел испытать тебя. Боги есть. Видишь, как ты слаб. Боги есть, они любят тебя. Только помни: не ты соединишь правду скованного Титана с правдой Иисуса Распятого.

Юлиан. Учитель. Скажи, что ты — он и я благословлю тебя и пойду за тобой.

Максим. Нет, сын мой. Я свет от света, дух от духа Его. Я еще не Он. Я — надежда, я — предвестник.

Юлиан. Зачем же ты скрываешься от людей? Явись...

Максим. Время мое не настало. Уже не раз приходил я в мир и еще приду не раз. Люди боятся меня. Тайна любви и свободы моей для них страшнее смерти. Они так далеки от нее, что даже не распинают меня и не побивают камнями, как своих пророков, а только не узнают. И я ухожу, как тень, с немymi устами и закрытым лицом.

Юлиан. Не уходи, не покидай меня.

Максим. Не бойся, я не покину тебя до конца. Я люблю тебя, потому что ты должен погибнуть из-за меня, возлюбленный сын мой, и нет тебе спасения. Люди проклянут тебя, но никогда не забудут.

Юлиан. О, божественный. Если даже слова твои ложь, дай мне умереть за эту ложь, потому что она прекраснее истины.

Максим (*возлагая руки на голову Юлиана*). Некогда я благословил тебя на жизнь и на царство, император Юлиан, — ныне благословляю на смерть и бессмертие. Иди, погибни за Неведомого, за Грядущего, за Антихриста. (*Целует Юлиана в лоб и медленно уходит*).

Входит Виктор.

Виктор. Государь, прости. В лагерь только что прибыл перебежчик от царя Сапора²⁰. Называет себя Артабаном; говорит, что он сатрап, оклеветанный пред Сапором и бежавший к тебе отомстить своему царю. Повелишь привести?

Юлиан. Приведи.

Виктор уходит.

Входят Саллюстий, Орибазий, военачальники, потом Виктор, воины приводят перса. Его сопровождают двое рабов.

Артабан (*падая ниц и целуя землю*). О, владыка вселенной. Я отдам тебе Сапора, связанного по рукам и ногам, как жертвенного агнца. Только слушай Артабана. Артабан может все. Артабан знает тайны царя.

Юлиан. Чего ты хочешь от меня?

Артабан. Мщения. Пойдем за мною.

Юлиан. Куда?

Артабан. На север, через пустыню, — 325 паразангов; потом через горы, на восток, прямо в Сузам и Экбатане. (*Указывает на край неба*). Туда, туда.

Виктор (*шепчет Юлиану*). Государь, берегись. У этого человека дурной глаз. Он — колдун. Прогони его, не слушай.

Юлиан. Ты точно знаешь путь к Экбатане?

Артабан. О да, да, знаю, еще бы не знать. Каждую былинку ковыля в степи, каждый колодец. Верь мне, через двадцать дней вся Персия в руках твоих — до самой Индии, до знойного океана... Не гони меня, я буду лежать, как собака, у ног твоих и нюхать землю. (*Целует землю у ног Юлиана. Оба раба падают ниц*).

Юлиан. Что же делать с кораблями? Покинуть без войска на добычу врагам, или остаться при них?

Артабан (*шепотом*). Сожги.

Юлиан (*вздрагивая*). Сжечь?

Артабан. Боишься? Ты? Нет, нет, люди боятся, не боги. Сожги. И через десять дней ты у стен Экбатаны, через двадцать — Персия в руках твоих.

Юлиан. А ты не лжешь?.. Если я читаю в сердце твоём, что ты лжешь? (*Схватывает перса за горло*).

Артабан. Дай мне умереть, дай умереть от руки твоей. Страшно и сладко смотреть в очи твои. Я, я один знаю, кто ты... Не отвергай раба твоего, господин.

Юлиан. Посмотрим. Я сам давно хотел идти в глубину пустыни, искать битвы с царем. Но корабли?

Артабан. Да, корабли... Надо скорее выступить, в эту же ночь, до рассвета, пока темно, чтобы враги из Ктезифона не увидели... Сожжешь?

Юлиан (*в страхе*). Уведите и не спускайте с него глаз. (*Перса уводят*). Как же быть? Как быть?

Виктор. Блаженный кесарь. Не делай этого. Сжечь только что сооруженный флот, тысячу двести лучших трирем, потерять все припасы...

Юлиан. Спросим богов. (*Саллюстию*). Позвать прорицателей.

Саллюстий уходит.

Юлиан. Неужели это и есть то чудо, которого я ждал? Через двадцать дней Персия в моих руках.

Орибазий (*тихо Виктору*). Курица решит сейчас судьбу империи.

Виктор. Безумие. Нужно удержать его. Пусть соберет военный совет.

Входит Великий *Иерофант* Елевзинских Таинств.

Юлиан. Отец, спаси меня. Я должен знать волю богов.

Иерофант. Сильный будет низвержен. Страшная смерть...

Юлиан. Кто? Я или Перс?

Иерофант. Не знаю.

Юлиан. Не знаешь?

Иерофант. Кесарь, не торопись. Сегодня ночью не решайся ни на что. Подожди до утра: предзнаменования сомнительны...

Входит Маг *Нагодарес*.

Нагодарес. Юлиан, радуйся. Эта ночь решит судьбу твою. Спешу, дерзай, — а то будет поздно.

Маг и *Иерофант* смотрят друг на друга.

Иерофант (*Юлиану, хмурясь*). Берегись.

Нагодарес. Дерзай.

Юлиан. Что же делать? Что же делать? (*Вспомнив*). Сибиллова книга. Она не обманет. (*Достает кипу свитков и роется в них*). — Дерзай... Вот чего я ждал. Жребий брошен. (*Знаком удаляет прорицателей*). Виктор, ко мне. (*Пишет на клочке папируса, снимает с пальца перстень и, отойдя с Виктором в сторону, говорит тихо*). Приказ и золотой перстень с императорской печатью к начальникам флота: немедленно сжечь корабли, кроме пяти больших с хлебом и двенадцати малых. Кто будет противиться, ответит головой. Сохранить все в тайне. Ступай.

Виктор целует у *Юлиана* край одежды и уходит.

Юлиан (*военачальникам*). Друзья мои, немедленно отправляйтесь к своим легионам.

Саллюстий. Милостивый Август, так ли я понял тебя: неизменно ли твое решение выступить сегодня?

Юлиан. Да.

Ропот.

Саллюстий. Подумай, милостивый кесарь: мы завоевали половину Персии. Половину Персии. Сапор предлагает такие условия мира, каких цари Азии не предлагали ни одному из римских победителей. Заключим же мир, пока не поздно, и вернемся в отечество...

Виктор. Послушайся, государь, разумного совета.

Юлиан. Половина Персии. Мир... *(решительно)*. Никакого мира. Все на земле должно быть кесарево.

Саллюстий. Воины ропщут, — не доводи их до отчаяния. Они устали. Если ты поведешь их дальше, нельзя отвечать ни за что. Сжался.

Военачальники. Воины ропщут. Надо вернуться. Вернемся, кесарь.

Из лагеря доносится гул голосов. Все прислушиваются.

Юлиан (холодно). Вы знаете волю нашу. Она неизменна. Через два часа мы выступаем. Смотрите, чтобы все было готово. *(Поворачивается к военачальникам спиной)*.

Саллюстий (спокойно и почтительно). Блаженный Август. Я не уйду. Мы можем извинить слова только минутным затмением, которое омрачает твой божественный разум.

Юлиан (усмехаясь). Ну, что ж. Тем хуже для вас, друзья мои. Значит, вы — в руках безумца.

Саллюстий (берет Юлиана за руку). Этого не будет, кесарь. Ты не можешь...

Крики в лагере становятся громче.

Юлиан. Пусть покричат. Бедные, глупые дети.

Врывается толпа солдат.

Солдаты. Горят, горят. Корабли горят.

Центурион (вбегая, бросаясь к ногам Юлиана). Кесарь. Да помилуют нас боги. Он убежал...

Юлиан. Кто?

Центурион. Артабан, Артабан. Горе нам. Он обманул тебя, Кесарь.

Юлиан. Не может быть. А рабы его?

Центурион. Только что в попытках признались, что Артабан не сатрап, а сборщик податей. Он придумал эту хитрость, чтобы спасти город и передать тебя в руки персов.

Юлиан. Гасите. Гасите. Гасите. А-а-а... *(хватаясь за голову)*. Поздно. Поздно.

Молчание. Вдали возрастает гул голосов.

Юлиан. Устал я, устал... *(опираясь на руку Орибазия, подходит к походному ложу и падает на него в изнеможении)*.

Орибазий (толпе). Тише, тише, Кесарь болен.

Полководцы. Тише. Кесарь болен.

Голоса в толпе. Тише, тише. Кесарь болен. Кесарь болен. (Слова перекатываются по рядам войска, и в лагере воцаряется мертвая тишина).

Юлиан (приподнимается на ложе). Все равно... все равно... Будет чудо... будет.

Занавес.

Действие 5-ое.

Та же палатка. Предрасветные сумерки. Горит лампада перед небольшим изваянием Аполлона. Воины, *Орибазий*, *Максим* и *Виктор* вносят раненого *Юлиана* и кладут на ложе. Опускают полог палатки. Глубокое молчание. *Орибазий* промывает и перевязывает рану. *Юлиан* нем и неподвижен. Изредка долетает шум угасающей битвы.

Виктор (Орибазию). Дышит?

Орибазий (качает головой). Плох. Не знаю, очнется ли. *Максим (отводя Виктора в сторону).* Как это случилось?

Виктор. Персы бежали. Он кинулся без щита, без лат, с открытой грудью. Войско отстало. Только несколько телохранителей следовало за ним. Один из персов оглянулся, узнал его и прицелился. Копье свистнуло. Кесарь воскликнул и упал с коня на руки телохранителей.

Юлиан тихо стонет.

Орибазий. Тише, друзья.

Юлиан (приходя в себя). Где я? (Приподнимаясь на ложе). Коня, коня. Скорее, Виктор.

Орибазий и *Виктор* подходят.

Орибазий (поддерживая Юлиана). Блаженный кесарь...

Юлиан (отталкивая Орибазия). Оставь. Я должен быть там, с ними, до конца. (Встает). Видите, я еще могу... Скорее щит, меч, коня.

Виктор подает *Юлиану* щит и меч.

Юлиан (*шатаясь, делает несколько шагов. Роня оружие и падая на руки Виктора и Орибазия*). Кончено... (*Поднимая руки к небу*). Ты победил, Галилеянин²¹ (*Его укладывают на ложе*). Да, конечно... умираю.

Орибазий. Государь, ты не умрешь. Такие раны вылечатся.

Юлиан. Не обманывай. Зачем? Я не боюсь. Я умру смертью мудрых. (*Воинам*). Поднимите завесу.

Воины откидывают завесу.

Серые, выжженные холмы розовеют на утреннем небе.

Юлиан (*Максиму*). Увижу ли солнце?

Максим. Увидишь, сын мой. (*Указывая на горизонт*). Вот оно, уже близко.

Юлиан (*впадая в забытие, бредит*). Я не хочу... Слышишь? Уйди... Виктор, Виктор. (*Приподнимается*). Что тебе до меня, галилеянин?.. Зачем ты так смотришь?.. Как я любил тебя, Пастырь добрый, Тебя одного... Нет, нет, пронзенные руки и ноги? Кровь? Тьма? Я хочу солнца, солнца. Зачем ты застиг солнце? (*Хочет встать*).

Виктор и Орибазий удерживают Юлиана.

Он затихает и приходит в себя.

Юлиан. Когда же солнце?

Максим. Уж всходит. Смотри.

Холмы становятся красными.

Юлиан. Погасите лампаду.

Максим гасит лампаду.

Юлиан. Так. Хорошо. Позовите военачальников. Я должен говорить.

Орибазий. Милостивый кесарь, тебе нужен покой.

Юлиан. Все равно. До восхода не умру. Виктор, выше голову.

Виктор подкладывает Юлиану под голову подушку.

Входят Саллюстий и военачальники.

Саллюстий. Победа, кесарь, победа. Маран бежал с двумя сыновьями Сапора. Пятьдесят сатрапов пали.

Юлиан. Видишь, друг мой, как мудро было сжечь корабли. (*К военачальникам*). Мужичок мой настал, быть может, слишком ранний, но видите, я радуюсь, и нет в душе моей ни скорби, ни страха. Я исполнил долг и, вспоминая прошлое, не раскаиваюсь. В те дни, когда, всеми гонимый,

ожидал я смерти в пустыне Капподокии, в замке Мацеллум, и потом на вершине величия под пурпуром римского кесаря. — сохранил я душу мою незапятнанной. Если же не исполнил всего, что хотел, не забывайте люди, что делами земными управляют силы рока. Ныне благословляю Вечного за то, что дал Он мне умереть не от медленной болезни, не от руки палача, а на поле битвы, во цвете юности среди недовершенных подвигов. Расскажите врагам и друзьям моим, как умирают Эллины.

Все опускаются на колени. Некоторые плачут.

Юлиан. Не плачьте, дети. Непристойно плакать о том, кто возвращается в отечество. Виктор, утешься.

Саллюстий (подходя и целуя Юлиану руку). Блаженный Август, кого назначаешь наследником?

Юлиан. Все равно. Судьба решит. Не должно противиться. Пусть галилеяне торжествуют. Мы победим, и с нами Солнце (*смотрит на небо*). Смотрите, вот оно, вот оно.

Солнце всходит. Первые лучи его падают на лицо *Юлиана*.

Орибазий. Кесарь, отдохни.

Юлиан (задыхаясь). Пить, пить.

Виктор подает *Юлиану* золотую чашу.

Юлиан смотрит на солнце и медленно, жадно пьет.

Юлиан (держа чашу обеими руками и откинув назад голову, тихо). Радуйтесь. Смерть — солнце. Я как ты, о Гелиос. (*Падает, роняя чашу, и умирает*).

Молчание. *Максим* склоняется и целует *Юлиана* в уста.

Максим (поднявшись и глядя в лицо мертвому). Ты рано пал и победа тебя не венчала. Но не тщетен твой подвиг и слава твоя не померкнет в веках. Восстанут и пойдут за тобой иные мятежники, титана древнего могучие и сумрачные дети. В иных веках начнется та же борьба и кто знает чем, чем кончится? (*Кладет левую руку на руку Юлиана, правую поднимает к небу с вызовом*). Нет, Ты еще не победил, Галилеянин.

Занавес.

[1916—1919]

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Петр, царь.

Алексей, царевич, сын Петра от первой жены, Авдотьи Лопухиной.

Екатерина, царица, вторая жена Петра.

Марья, царица, сестра Петра.

Марфа, царица, вдова сводного брата Петра, царя Федора Алексеевича.

Толстой Петр Андреевич, сенатор.

Князь Долгорукий Василий, сенатор.

Кикин Александр Васильевич, адмиралтейц-советник.

Блюментрост, лейб-медик.

Румянцев, денщик Петра.

О. Яков, духовник Алексея.

Афанасьич, дядька, камердинер Алексея.

Сундуля, верховая боярыня царицы Марфы.

Докукин, подьячий.

Ефросинья, дворовая девка.

Аренгейм, врач.

Граф Даун, наместник императора Австрийского в Неаполе.

Вейнгардт, секретарь наместника.

Офицер караульный, в замке Сант-Эльмо.

В Петербурге и в Неаполе.

1717—1718 годы.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

В Петербурге, в доме царицы *Марьи Матвеевны*, угловая горница. Окна на Неву; видны голландские шпильцы и низенькие мазанковые домики Петербурга-городка. Солнечный зимний день.

Царевич *Алексей* сидит у стола. Подьячий *Докукин* стоит перед ним.

Докукин. Антихрист хочет быть. Сам он, последний черт, не бывал еще, а щенят его народилось — полна поднебесная. Дети отцу своему подстилают путь. Все налицо антихристово строят. А как устроят, да вычистят гладко везде, так сам он и явится. При дверях уже — скоро будет...

Алексей. А вы почему знаете? Писано: ни Сын, ни ангелы не ведают¹, а вы знаете?.. (*Помолчал*). Из раскольников, что ль?

Докукин. Никак нет, православный.

Алексей. В Питербурх зачем приехал?

Докукин. С Москвы взят из домишку своего, по доношению во взятках.

Алексей. Брал?

Докукин. Брал. Не из неволи или какого воровства, а по любви и по совести, сколько кто даст за труды наши приказные. Насчитано оных дач на меня во многие годы 215 рублей, а мне платить нечем. Нищ есмь, стар, скорбен, убог, и увечен, и мизерен; приказных дел нести не могу, бью челом об отставке. Ваше милосердное высочество, государь царевич Алексей Петрович, призи благоутробием щедрот своих, заступи, помилуй старца беззаступного!

Алексей. Ну, ладно, ужо просьбу подай.

Докукин шарит за пазухой и вынимает завалившиеся в карманную прореху бумаги.

Алексей. Что еще?

Докукин (подавая бумаги). Изволь честь, ваше высочество.

Алексей. Ну тебя! Не досуг мне. Ступай, ступай с Богом!

Докукин. Дело, государь, превеликое. Смилуйся, пожалуй, чт!

Алексей. Эк пристал! (*Заглядывая в бумаги*). Да нацарапано как, не разберешь. Сам читай.

Докукин (крестится, читает). «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Повелено человеку от Бога самовластну быть»...

Алексей. Самовластну?

Докукин. Так точно, ваше высочество.

Алексей. В коем же разуме?

Докукин. А в разуме том, чтобы на воле человеку жить.

Алексей. На воле, вон чего захотел! Эх, ты... Ну, ладно, читай.

Докукин (читает). «Ныне же все мы от оного божественного дара, самовластной и вольной жизни, отверзаемы, а также домов и торгов, земледельства и рукодельства, и всех своих прежних промыслов и древле установленных законов, паче же и всякого благочестия христианского лишаемы. Из дома в дом, из места в место, из града в град гонимы, оскорбляемы и озобляемы. Весь обычай свой и язык, и платье изменили, головы и бороды обрили, парсоны свои ругательски обесчестили. Иное же и сказать неудобно, удобнее устам своим ограду положить. Но весьма сердце

болит, видя опустошение земли и люд в бедах язвлен нестерпимыми язвами»².

Алексей. Ну, буде. Длинно что-то писано. Конец читай.

Докукин. А в конце тако. (*Читает*). «О, таинственные мученики, не ужасайтесь и не отчаивайтесь, станьте добре с оружием креста на силу антихристову. Потерпите, Господа ради, мало еще потерпите! Не оставит вас Христос, Ему же слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Алексей. Для чего писал?

Докукин. В народ подметывать. Одно письмо такое же подкинул наемни здесь, в Питербурхе, у Симеония на паперти. А сию молитву прибить хочу у Троицы, возле дворца государева, дабы все, кто бы ни чел, знали о том и донесли бы царю. А писал сие во исправление, дабы некогда, пришед в себя, его царское величество исправилось.

Алексей. А ты, братец, не плут?³

Докукин. Никак нет, государь, плутовства за мною не водится.

Алексей. А знаешь ли, Ларивон, что о сем твоим возмутительном и бунтовском писании я, по должности моей гражданской и сыновней, государю батюшке донести имею? Воинского же устава по артикулу двенадцатому: кто против его величества хулительными словами погрешит, — весьма живота лишен и отсечением главы казнен быть имеет.

Докукин. Воля твоя, ваше высочество, а я и сам думал с тем явиться, чтобы пострадать за слово Христово.

Алексей. В уме ли ты, старик? Подумай, что делаешь. Попадешь в застенок, — там с тобой шутить не будут: за ребро подвешат, да еще прокопят.

Докукин. Ну, что ж, государь, за помощью Божьей готов я и дух свой предать. Когда-де не ныне, умрем же всячески. Надобно что доброе сделать, с чем бы предстать перед Господа, а то ведь без смерти и мы не будем. (*Потупившись, тихо*). Человеку повелено от Бога самовластну быть...

Алексей. Давай их сюда.

Докукин подает бумаги.

Алексей вынимает листок, зажигает о горящую в углу, перед образами, лампадку, вынимает отдушник из печки, открывает дверцу, сует бумаги и мешает кочергой.

Алексей (*подойдя к Докукину и положив руку на плечо его*). Слушай, Ларивон. Вижу, что ты человек правдивый. Верю тебе. Скажи, хочешь мне добра?

Докукин молчит.

Алексей. А коли хочешь, выкинь дурь из головы. О бунтовских письмах и думать не смей: не такое нынче время.

Когда попадешься, да узнают, что ты был у меня, так и мне беда будет. Ступай же с Богом и больше не приходи. Не говори обо мне ни с кем. Коли спрашивать будут, — молчи. Да уезжай поскорей из Питербурха. Смотри же, брат, будьешь помнить волю мою?

Докукин. Куда нам, государь, из воли твоей выступить?

Алексей. А о доносе не хлопочи. Слово замолвлю, где надо. Давай платок. *(Вынимает из кошелья серебро и медь, заворачивает платок и отдает Докукину).* Вот тебе на дорогу. Как будешь в Москве, отслужи молебен в Архангельском, да часточку вынь за здоровье раба Божия Алексея.

Докукин. Яко же древле Сампсону утоли Бог жажду чрез ослиную челюсть⁴, такожде и ныне тот же Бог не учинит ли через мое скудоумие тебе, государь, нечто полезное и прохладительное... *(Валится в ноги Алексею).* Смилуйся, батюшка! Послушай нас, бедных, вопиющих, последних рабов твоих! Ей, государь, царевич, дитяtko красное, церковное, солнышко наше, надежа Российская! Тобой хочет весь мир просветиться, о тебе люди Божьи расточенные радуются. Если не ты по Господе Боге, кто нам поможет? *(Обнимает ноги его с рыданием).* Пропали, пропали мы все без тебя, государь! Смилуйся!

Алексей. Полно, старик! Аль не вижу, не знаю? Не болит мое сердце за вас? Где вы, там и я. Коли даст Бог на царстве быть, — все сделаю. Тогда и тебя не забуду: мне верные слуги нужны. А покуда терпите да молитесь, чтоб скорее дал Бог совершение, буди же воля Его святая во всем. *(Помогает встать Докукину, обнимает его и целует в лоб).* Ну, прощай, Ларивон. Даст Бог, свидимся. Христос с тобой!

Входит царевна *Марья*.

Марья. Здравствуй, Петрович.

Алексей. Здравствуй, Марьюшка.

Целуются. *Докукин* уходит.

Марья. Кто такой?

Алексей. Подьячий *Докукин*.

Марья. По какому делу?

Алексей. Ни по какому. Так, просьбишка.

Марья. Смотри, не плут ли? Много нынче плутов по миру шляется. Как бы не пронес чего.

Алексей. Нет, человек хороший.

Марья. Ну, как живешь, царевич?

Алексей. Сама знаешь: живем, пока мышь головы не отъела.

Марья. Чтой-то, Петрович, лицо у тебя какое? Неможется, что ль? Аль пьешь?

Алексей. Пью. Видит Бог, от страха пью, только чтобы себя не помнить. А то и неволей поят. Третьего дня с собора пьянейшего замертво вынесли.

Марья. А ты пил бы лекарства, болезнь себе притворил, чтоб тебе на тех соборах не бывать.

Алексей. Ах, Марьюшка, Марьюшка, горькое мое житие! Если бы не помогала сила Божья, едва можно человеку в уме быть. Я бы рад хоть куды скрыться, уйти бы прочь от всего...

Марья. Небось, Петрович, скоро полегчит, недолго ждать. *(Помолчав)*. От заточенных-то наших, из темницы Суздальской⁵, намедни посол приходил, юрод Михайло Босенький. Великие, говорит, знамения, гласы, пророчества. Государыне-де, матушке твоей, являлась пресветлая и пречистая Царица Небесная, такое слово рекла: «Я-де тебя сохраню и сына твоего возвеличу». Скоро, скоро будет! Много вопиющих: «Господи, мсти и дай Совершение и делу конец!» *(встает, подходит к окну и указывает на низенькие домики Питербурга-городка)*. Попомни слово мое, царевич: Питербурх недолго за нами будет. *(Грозя клюкою в окно)*. Быть ему пусто! К черту в болото провалится. Как вырос, так и сгниет, гриб поганый. И места его не найдут, окаянного. Быть пусто! Быть пусто!⁶

Молчанье.

Марья. А что, Петрович, сам-то болен, слышь?

Алексей. Болен.

Марья. Тяжко?

Алексей. Причастили⁷.

Марья (крестясь). Дай-то Бог, дай Бог, совершение! *(Шепотом)*. Не выживет?

Алексей. Как знать? Сколько раз отчаян был в смерть, а глядь, и отдышитесь.

Марья. Да, двужильный. Ну, да не ныне, так впредь живот свой скончает от безмерного пьянства и женонеистовства. Я чай, не умедлится. Погоди, Петрович, доведется и нам свою песенку спеть: наследство тебя не минует...

Алексей. Что наследство, Марьюшка! С плахи на престол, да с престола на плаху. Не то что ныне от батюшки, а и после него мне на себя ждать того же: постригши, заточат в монастырь, как матушку, замучают. Лучше бы я и на свет не родился!

Марья. Не малодушествуй, царевич, не гневи Бога, не ропщи. Положись весь на Христа, Алешенька: выше силы не попустит Он быть искушению.

Алексей. Выше силы! Выше силы!

Марья. Не говори слов хульных, дитятко. Смирись, потерпи...

Алексей. Довольно я тепел, не могу больше! Пусть бы только за себя, а за царство, за церковь, за весь народ христианский как терпеть? Что он делает, что он делает! Навуходоносор, царь Вавилонский, рече: «Бог есмь аз», да не Богом, а зверем стал⁸. Так вот и он. «Велик, говорят, велик государь». А в чем его величество? Тиранским обычаем царствует. Топором да кнутом просвещает. На кнуте далеко не уедешь. И топор — инструмент железный — невелика диковина: дать две гривны. Все-то заговоров, бунтов ищет. А того не видит, что сам первый бунтовщик и есть. Ломает, валит, рубит с плеча, а все без толку. Сколько людей казнено, сколько крови пролито! А воровство не убывает. Совесть в людях незавязанная. И кровь не вода, — вопиет о мщении. Скоро-де, скоро снидет гнев Божий на Россию, и как станет междуусобие, тут-то и увидят все: такая раскачка пойдет, такое глав посечение, что только: швык-швык-швык...

Марья (злорадно смеясь). Швык-швык-швык!

Алексей. И тогда-то из великих кровей тех выйдет Россия, омытая, паче снега убеленная, яко Жена, солнцем одеянная!⁹

Марья (торжественно). Буди! Буди! Аминь.

Стук в дверь.

Марья. Кто там?

Голос (из-за двери). Вахрамеевна.

Марья. Войди.

Входит верховая боярыня *Сундуля*¹⁰ с двумя боярышнями и кланяется в ноги *Алексее*.

Сундуля. Здравствуй, государь царевич, батюшка.

Алексей. Здравствуй, боярыня. Что скажешь?

Сундуля. Царица матушка спсылать к тебе изволила, милости твоей видеть желает.

Алексей. К себе в хоромы зовет?

Сундуля. Нет, сама пожалует.

Алексей. Доложи, что рад видеть царицу.

Сундуля уходит.

Марья (боярышням). Спускайте-ка запаны, закрывайте ставни, боярышни.

Боярышни закрывают ставни на окнах и приносят свечи.

Алексей. А тетенька все еще свету дневного боится?¹¹

Марья. И-и, батюшка, пуще прежнего! Сама, почитай, слепенька, а чуть свет в шелку увидит, так и встрепещется:

ножом ей свет режет глазыньки. Ну, да и то сказать: тридцать годов в темноте просидела; с той самой поры, как благоверный царь Федор Алексеевич преставился, — на свет Божий ни разу не глянула (*Вполголоса*). Совсем из ума выжила. А нынче все что-то тебя поминает, жалеет, «внучком» зовет...¹²

Входит царица *Марфа*.

Старые верховые боярыни, комнатные бабы и мамы ведут ее под руки. Садится под образами, в золоченые кресла, подобие «царского места» с двуглавым орлом и короною.

Марфа. Марья, а, Марья!

Марья. Чего изволишь, царица?

Марфа. Ставни-то заперты?

Марья. Заперты, матушка, заперты.

Марфа. Накрепко ль?

Марья. Накрепко, матушка, накрепко.

Марфа. А внучек где?

Алексей. Здесь, царица.

Марфа. Подь-ка, подь сюда!

Алексей подходит и садится на низенькую скамейку у ног *Марфы*.

Марфа. Ступайте все.

Все уходят.

Марфа (*ощупывая рукою лицо Алексея*). Ишь, похудел, осунулся! Каши мало ешь? Надо кашки, кашки с маслицем! Аль барабанщик замаял?

Алексей. Какой барабанщик, тетенька?

Марфа. Будто не знаешь? Беглый пушкарь, немчина, аль жид поганый, самозванец, оборотень. Не к ночи будь помянут, чур нас, чур...

Молчание.

Марфа (*глядя Алексея рукою по щеке и волосам*). Сиротинка ты мой бедный! Ни отца, ни матери. И заступиться некому. Загрызут овечку волки лютые, заклюют голубчика вороны черные. Ох, жаль мне тебя, жаль, роденький!

Тихо плачет. *Алексей* целует ей руки. Молчание.

Марфа. Все мятется, все мятется, очень худо деется. Читал ты, внучек, в Писании? Дети, последняя година. Слышали вы, что грядет, и ныне в мире есть уже. Это о нем, о Сыне Погибели¹³. Уже пришел ко вратам. Скоро, скоро

будет. Уж и не знаю, дождусь ли, увижу ль друга сердешного, солнышко мое красное, благоверного царя Феодора Алексеевича¹⁴. Хоть бы одним глазком взглянуть, как придет в силе и славе, с неверными брань сотворит, и победит, и воссядет на престоле величества, и поклонятся, и воскликнут ему все народы: Осанна! Благословен грядый во имя Господне!¹⁵

Опускает голову и перебирает четки.

Марфа. Да нет, не дождусь. Прогневила я, грешная, Господа. Чует, ох, чует сердце беду! Тошно мне, внучек, тошнехонько. И сны-то нынче снятся все такие недобрые... (*Оглядывается и приближает губы к самому уху его. Шепотом.*) Что мне наемдни снилось-то... Во сне ли, в видении ли, не ведаю, — а только он сам приходил. Никто другой, как он!

Алексей. Кто, царица?

Марфа. Не разумеешь? Слушай же, как тот сон мне приснился, — может, тогда и поймешь. Лежу, будто, на постеле, не сплю, словно жду чего-то. Вдруг настезь дверь, и входит он. Сразу узнала. Рослый, да ражий, а кафтанишка куций, немецкий; во рту пипка, табачище тянет; рожа бритая, ус кошачий. Подошел, глядит, молчит. Молчу и я: что-то, думаю, будет? И тошно мне, скучно — смерть моя. Перекреститься хочу, — рука не подымется, молитву прочесть — язык не шевелится. Лежу, как мертвая. А он за руку щупает. Огонь и мороз по спине. Глянула на образ, а и образ-то какет разными видами: будто не Спасов лик пречистый, а немчин поганый, рожа пухлая, синяя, точно утопленник. А он все ко мне: «Больша-де, ты, говорит, Марфа Матвеевна, гораздо больна. Хочешь я тебе моего пришлю дохтура? Да что ты на меня воззрилась? Аль не узнала?» — «Как, говорю, не узнать? Знаю. Мало ли мы таких видали!» — «Кто же-де я, говорит, скажи, коли знаешь?» — «Известно, говорю, кто. Немец, немцев сын, солдат-барабанщик». Осклабился во всю рожу, порскнул на меня, что кот шальной: «Рехнулась ты, видно, старуха! Не немец я, не барабанщик, а боговенчаный царь всея Руси, твоего же покойного мужа, царя Феодора, сводный брат». Тут уж злость меня взяла. Так бы ему в рожу и плюнула, так бы и крикнула: «Пес ты, собачий сын, самозванец, Гришка Отрепьев¹⁶, анафема!» Да ну его, думаю, к шуту! Что мне с ним браниться! И плюнуть-то не стоит. Ведь это мне только сон, греза нечистая, попушением Божиим. Дуну, — и сгинет. «А коли ты царь, говорю, как же тебя по имени звать?» — «Петр, говорит, имя мое». Как сказал: «Петр», так меня ровно что и осенило. «Э, думаю, так вот ты кто! Ну, погоди ж». Да не будь дура, языком не могу, так хоть в

уме творю заклятие: «Враг, сатана, отгонись от меня в места пустые, в леса густые, в пропасти земные, в моря бездонные, на горы бездомные, иде же не присещает свет лица Господня. Рожа окаянная, изыди от меня в тартар, ад кромешный, пекло происподнее. Аминь! Аминь! Аминь! рассыпья! дую на тебя и плюю». Как прочла заклятье, так он и сгинул, точно сквозь землю провалился, — только табачищем смердит¹⁷. Проснулась я, скликнула; прибежала Вахрамеевна, окропила святой водою, окурила ладаном. Встала я, пошла в соленную, пала перед образом Владычицы Пречистой Влахернския Божией матери, да как вспомнила, да вздумала все, тут только и уразумела, кто это был.

Алексей. Кто же, тетенька?

Марфа. Не разумеешь? Аль забыл, что у Ефрема-то в книге о втором пришествии писано: «Во имя Симона Петра имеет быть гордый князь мира сего — Антихрист»¹⁸. Слышишь? имя его — Петр. Он самый и есть: Антихрист! Петр — Антихрист!

Занавес.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина.

В Зимнем дворце, рабочая комната Петра, тесная, похожая на каюту, загроможденная токарными станками, математическими, артиллерийскими и фортификационными приборами. В углу — образ Нерукотворного Спаса с горящею лампадою.

Петр сидит в кресле за столом. Лицо больное. Старый, заносенный и заплатанный шлафрок, шерстяная красная фуфайка с белыми костяными пуговицами; исподнее платье грубого синего стамеда; чулки, старые кожаные стоптанные туфли. *Алексей* стоит перед ним, как солдат навывтяжку, руки по швам.

Петр. Когда война со Шведом началась¹⁹, о, коль великое гонение, ради нашего неискусства, претерпели! С какою горечью сию школу прошли, доколе сподобились видеть, что оный неприятель, от коего трепетали, едва не вяше от нас ныне трепещет! Что все моими бедными и прочих истинных сынов Российских трудами достигнуто. И доселе вкушаем хлеб в поте лица своего, по приказу Божию, к прадеду нашему, Адаму. Сколько могли потрудились, яко Ной²⁰, над

ковчегом России, имея всегда одно в помышлении: на весь свет славна бы Русь была. Когда же сию радость, Богом данную отечеству нашему, рассмотрев, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть снедает меня, видя тебя весьма на правление дел государственных неистребна... Чего в сторону глядишь? Не слушаешь?

Алексея. Слушаю, батюшка.

Петр. То-то. В последний раз говорю: Бог не есть виновен в твоём неистребстве, ибо разума тебя не лишил. Но охоты ни к чему не имеешь. Паче же всего о воинском деле и слышать не хочешь, чем от тьмы к свету произошли. Не имея же охоты, ни в чем не обучаешься и не знаешь дел воинских. А не зная, как повелевать оным можешь и как доброму доброе воздать и нерадивого наказать, не разумея силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть. Слабостью ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон. Понеже не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может...

Алексей. Батюшка...

Петр. Молчи, когда говорят, слушай! Знаю, что как об стену горох, а все говорю, понеже дам за тебя ответ Богу. Есмь человек и смерти подлежу, то кому сие начатое с помощью высшего насаждение и уже некоторое возвращенное оставляю? Тому, кто уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант евой в землю²¹, сиречь, все, что Бог дал, бросил. Еще же и сие вспомяну, какого ты злого нрава и упрямого исполнен. Ибо сколь много за сие тебя бранивал и не только бранил, но и бивал; к тому же сколько лет, почитай, не говорю с тобою, но ничто сие успело, ничто пользует; все даром, все на сторону, ничего делать не хочешь; только бы дома в прохладе жить и всегда веселиться, хоть все противно идет. Ибо с единой стороны имеешь царскую кровь высокого рода, с другой же — мерзкие рассуждения, как бы наинизший из низких холопов, всегда обращаясь с людьми неистребными, от коих ничему научиться не мог, oprичь злых и пакостных дел. И чем воздаешь за рождение отцу своему? Помогает ли в несносных печалях и трудах моих, достигши столь совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть. Но паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа моего, не жалея здоровья, делаю, и, конечно, по мне разорителем оных будешь. Что все размышляя с горестью и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, на благо избрал сей последний завет тебе объяснить и еще мало пождать, аще нелicenseмерно обратишься. Если же нет, то известен будь... *(Закашлялся. Лицо побагровело, глаза вытаращились, жилы на лбу вздулись. От яростных, тщетных усилий отхаркнуть, еще больше давится. Вытирает платком*

пот и слезы с лица). Ох, чертова мать, чертова мать! Ох-ох-ох! (*Роняет платок, неловким усилием, кряхтя, наклоняется через ручку кресла, чтобы поднять. Алексей поднимает платок и подает*). Паки подтверждаю, дабы ты известен был...

Алексей. Батюшка! Видит Бог, ничего лукавого, по совети, не учинил я перед тобою. А лишения наследства я и сам для слабости моей желаю, понеже что на себя брать, чего не снести. Сам вижу: негоден, непотребен, немощен. А если бы мог, неужто я?.. Ну, скажи, только скажи... и я все, все для тебя, батюшка!

Падает на колени, хочет поцеловать руку *Петра*; тот отдергивает ее.

Петр. Ишь, нюни распустил, дитяткой прикинулся! Младенчество сие изволь оставить. Не чини оговорки ничем. Покажи нам веру от дел своих, а словам верить нечего. Ныне тунеядцы не в вышней степени суть. Кто хлеб ест, а прибытку не делает Богу, царю и отечеству, подобен есть червию, которое токмо в тлю все претворяет, а пользы людям не чинит, ни малой, кроме пакости. И Апостол глаголет: праздный да не яст и проклят есть тунеядец²². Ты же явился, яко бездельник... (*Опять закашлялся. Кричит*). Эй, Иваныч, анисовой!

Голос Румянцева (из-за двери). Сию минуту, ваше высочество!

Входит денщик *Румянцев* с рюмкой водки и кренделем на блюде. *Алексей* встает. *Петр* пьет и закусывает. *Румянцев* уходит.

Петр. Ну, что ж молчишь? Отвечай.

Алексей. Милостивейший государь батюшка! Иного донести не имею, токмо, буде изволишь за мою непотребность меня короны Российской наследия лишить, то буди по воле вашей. О чем я вас, государь, всенижайше прошу, видя себя к делу сему неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен, без коей ничто не можно делать, и всеми силами умными и телесными от различных болезней ослаблен и негоден стал к толикого народа правлению, где надобно человека не столь гнилого, как я. Того ради, наследия Российского по вас не претендую, в чем Бога свидетеля полагаю на душу мою и написать сию клятву готов рукою своею.

Петр. Лжешь! Отречение — токмо протяжка времени, а не истина, ибо когда ныне не боишься и не зело смотришь на отцов прощение, то как по мне станешь завет хранить? Что же приносишь клятву, тому верить нельзя, жестокосердия ради твоего. К тому ж и слово Давидово: всяк человек — ложь²³. Также, хотя б и подлинно хотел хранить, то

возмогут тебя склонить и принудить длинные бороды, попы да старцы, как ради тунеядства своего не в авантаже ныне обретаются, — к ним же ты склонен зело. Того для, так остаться, как желаешь, ни рыбой, ни мясом, не можно. Но или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, ибо дух наш без сего спокоен быть не может, а особливо ныне, что мало здоров стал, — или будь монахом.

Молчание.

Алексей стоит, не двигаясь, опустив глаза.

Дверь чуть-чуть приотворяется, в щелку заглядывает *Екатерина*.

Петр (ударя кулаком по столу). Опять замолчал, уперся? Шалишь, брат, не отвертись! Эй, берегись, *Алешка!* Думаешь, не знаю тебя? Знаю, вижу насквозь! На кровь мою восстал, щенок, отцу смерти желаешь. У-у, тихоня, святоша, змея подколотная!

Молчание.

Петр. Слушай, последнее напоминание еще. Подумай обо всем гораздо и, взяв резолюцию, дай ответ. А ежели не дашь, — пощады не будет. Ибо, когда гангрена сделалась в пальце моем, не должен ли я отсечь оный, хотя и часть тела моего? Так и тебя, яко уд гангренный, отсеку. И не мни, что сие только устрастку тебе говорю: воистину, Богу извольшу, исполню. Ибо, когда за народ мой и за отечество живота своего не жалел и не жалею, то как могу тебя жалеть, непотребного? О чем паки подтверждаем, дабы учинено было конечно одно из сих двух: либо нрав отменить, либо постричься. А буде не учинишь...

Подымается во весь рост. *Екатерина* открывает дверь, входит в комнату и подкрадывается к *Петру* сзади тихонько, на цыпочках.

Петр. Буде не учинишь, как со злодеем поступлю!

Алексей. Желая монашеского чина и прошу о сем милостивого соизволения...

Петр. Лжешь! Опять лжешь!²⁴ Думаешь, умру, — скинешь кlobук, будешь царем и над волей отца надругаешься. Все разоришь, расточишь, не оставишь камня на камне, погубишь Россию!

Алексей (с усмешкою). Так как же, батюшка? Сам повелеть изволил, либо в монахи, либо нрав отменить. Вот я в монахи и выбрал. А дабы нрав отменить, как ты желаешь, надобно паки войти в утробу матерню и паки родиться...²⁵

Петр (подымая кулаки). А-а, так ты еще зубы скалишь, волчонок! Ну, погоди ж, сукин сын, я тебя...

Екатерина (положив руку на плечо Петра). Петенька, батюшка!

Петр оборачивается, опускает руки и падает в кресло.

Екатерина. Не замай себя, Петенька, а то паче меры утрудисься, да и сляжешь опять. А ты, царевич, ступай-ка, ступай с Богом. Видишь, государю нездоровится.

Алексей, глядя на отца в упор, сгорбившись, съежившись, медленно пятится к двери и только на самом пороге вдруг оборачивается, открывает дверь и выходит. *Екатерина*, присев сбоку на ручку кресла, одной рукой обнимает голову Петра, другою — гладит волосы его²⁶.

Екатерина. Не замай себя, Петенька, батюшка, светик мой, дружок сердешенькой...

Петр. Ох, matka, ох, тяжко! Бремя несносное! Сердце Авессаломле, сердце Авессаломле, всех дел отца ненавидящее и самому отцу смерти желающее!²⁷

Екатерина. Полно, Петенька, полно, миленький! Не круши, светик, сердца своего... Постой-ка, что я тебе сказать-то хотела?... Да, Нептунушку²⁸ в Адмиралтействе давеча видела. Ах, хорош корабль! Почитай, лучший во флоте. А большой шлюпс-бот, что делал бас Фон-Рен, как бы не разохся, — надобно покрыть досками...

Петр. Ох, matka, прахом, все прахом пойдет!

Екатерина. А у Шишечки²⁹ зубок прорезался. Изволит ныне даже пальчиками шупать, — знатно, что и коренные хотят выходить. Да все бы ему играть в солдатики. «Папа, мама, говорит, солдат!» Храбрый будет генерал!

Петр (стонет). Ох-ох-ох!

Екатерина. Что, Петенька? Что, светик? Поясница аль животик? Пойдем-ка, пойдем. Маслицем натру, припарочку сделаю...

Петр встает, кряхтя, и, опираясь на руку *Екатерины*, идет к двери. Уходят. Другая дверь приотворяется. Князь *Василий Долгорукий* высовывает голову и осторожно оглядывается, прислушивается. Входит.

Долгорукий (в дверь, маня пальцем). Небось, небось, Петрович, — ушел, никого.

Входит Алексей.

Алексей. Чего тебе?

Долгорукий. Меньшиков будет сейчас. Поговори. Он ныне тебе доброхотствует, заступу обещал у батюшки... Да что ты какой? Аль прибил?

Алексей. Нет, не прибил.

Долгорукий. Изругал?

Алексей. Как всегда. Пилил.

Долгорукий. Так что же ты?

Алексей. Да ничего. (*Усмехается*). Дивлюсь я, право, дивлюсь. Он да не он, — барабанщик какой-то, немец, аль жид поганый, черт его знает! Вся рожа накосо. Оборотень, что ли?

Долгорукий. Что ты, царевич, Господь с тобой!

Алексей. А знаешь, князенька, солдатик в гошпитале сказывал: ядром ему ногу прошибло, — гангрена сделалась, и не услышал, без памяти, как отрезали, а очнулся, — хвать, — нет ноги; кажет, будто есть, а смотрит, — нет. Так вот и я с батюшкой. Был отец, — и нет. Умер, умер, умер!

Занавес.

Вторая картина.

В доме *Алексея*. *О. Яков* и *Алексей* сидят за столом.

На столе закуска и водка. Осенний день.

Алексей. Да пей же, отче, пей!

О. Яков. Буде. И так голова трещит со вчерашнего.

Алексей. Ничего, поп, не треснет: ты пить здоров, кулик-нем, батя, поджаримся, завьем горе веревочкой!

На поповском лугу, их, вох!

Потерял я дуду, их, вох!

О. Яков. А что, Петрович, плохо тебе гораздо у батюшки?

Алексей. Плохо.

О. Яков. Все знает?

Алексей. Все. Я, чай, для того и болезнь себе притворил. Исповедался, причастился нарочно, являя людям, что гораздо болен: живу быть не чаяли. Пытал, каков буду, когда его не станет. Знаешь басню: собралися мыши кота хоронить; скачут, пляшут, а он как прыгнет, да цапнет, — и пляска стала. Так вот и батюшка. Шепнули ему, что изволил-де я веселиться о смерти его, лицом был светел и радостен, точно именинник. Никогда того не простит. В Дацкую землю уехал, а я тут, с часу на час, присылки жду. На расправу потащат. Да уж скорей бы, — один конец. Или он меня, или я его... Пей же, батя, пей! Хочешь, Афроська спляшет?

Тары-бары, растабары,
Белы снеги выпадали.

Серы зайцы выбегали.
Ой, жги! Ой, жги!

О. Яков (прислушиваясь). Едут, слышь? Не сюды ли?

Алексей. Кого черт несет? (*Подходит к окну, выглядывает*). Кто? Кто это? Кто это? (*Хватает за голову*). А-а-а! (*Отходит и падает в кресло*).

О. Яков. Кто, кто такой?

Алексей. Он! Он! Он! Пропала моя голова! Не выдавай, Игнатъич, голубчик! Куда же, куда же, господи? Спрячь, батя, спрячь! Пойдем! (*Тащит о. Якова за руку*).

Входит Афанасьич.

Афанасьич. Курьер от батюшки.

Алексей. Не пускай! Не пускай!

О. Яков. Скажи, дома нет, уехал.

Афанасьич. Говорил, не слушает.

О. Яков. Ну, так болен, без памяти.

Афанасьич уходит.

Алексей. Двери-то, двери, батя, запри! (*Кричит в спальню*). Эй, Васька, Васька! Одеяло, шлафор, колпак, полотенце! Скорее! Скорее! Скорее!

Казачок Васька приносит вещи и уходит. *Алексей* надевает шлафрок и ночной колпак. *О. Яков* закутывает ему ноги одеялом и обвязывает голову полотенцем.

О. Яков. И притворять-то нечего: вишь, лихорадка так и бьет.

Алексей (шепчет, крестясь). Чур меня, чур! На велик день родился, тыном железным оградился. Солнце ясное, море тихое, поля желтые, — все вы стоите смирно и тихо: так был бы тих и смирен мой родимый батюшка...

Стук в дверь.

Голос Румянцева (из-за двери). Отворите!

Алексей. Ой! Ой! Ой! Не пускай, не пускай! Схватит, потащит, убьет...

Голос Румянцева. Именем его величества государя Петра Алексеевича, отворите!

О. Яков. Вон как трясет. Все одно, ломает: отпереть надо.

Отпирает. Входит Румянцев.

Румянцев. Здравия желаю, ваше высочество.

Алексей. Не замай, не замай! Не подходи! Не трожь!

Румянцев. Что ты, царевич? Чего пужаешься? Ручку пожалуй. А не хочешь, так и не надо. Христос с тобой... Письмецо от государя-батюшки (*Подает письмо*). Прочеть изволь.

Алексей. Прочту ужо. Ступай.

Румянцев. Без ответа уходить не велено.

Алексей. Болен я, Иваныч, джоже болен. Вишь, и батьку позвал причастить. Аль больного потащишь? Ну, а как из меня на дороге и дух вон, — ты же в ответе будешь...

Румянцев. Зачем больного тащить? Нет на то повеленья от батюшки. Как будешь здоров, так и поедешь. А то и вовсе не езд, — воля твоя.

Алексей. Правда, Иваныч? Не лжешь?

Румянцев. Зачем лгать? Пес лжет.

Алексей. А ты побожись.

Румянцев. Вот-те крест!

Алексей. Ну, ладно, ступай. Ответ будет к завтраму.

Румянцев. Никак нет, до завтрага ждать не можно. Сим же часом и обратно. Знаешь дело наше курьерское: одна нога здесь, другая там.

Алексей. Да уж больно, Иваныч, неможется. Видишь, как скрючило. Хоть часок подожди.

Румянцев. Разве часок... Честь имею кланяться, ваше высочество.

Уходит.

Алексей (хочет распечатать письмо и не может, руки трясутся. Отдает о. Якову). Ну, распечатай.

О. Яков (распечатав письмо, отдает Алексею). Читай.

Алексей (читает). «Мой сын. Понеже когда прошался и спрашивал о резолюции... на что ты говорил... к наследству быть не можешь... в монастырь желаешь... Ждал семь месяцев... Но по ся поры не пишешь... Немедленно резолюцию возьми»... Ох, батя, не могу, не вижу... Читай ты.

О. Яков (читает). «Резолюцию возьми: или первое, или другое. И буде первое, то поезжай сюды, в Копенгаген, ни мало не мешкая. Буде же другое, то отпиши, куды и в которое время, и день, дабы я покой имел в своей совести, чего от тебя ждать могу. О чем паки подтверждаем, дабы сие конечно учинено было, ибо я вижу, что время токмо проводишь в обыкновенном своем неплодии. Петр».

Молчанье.

О. Яков. Ну, что скажешь, Петрович?

Алексей. А ты что?

О.Яков. Ступай в монахи: клобук-де не гвоздем к голове прибит, — можно и снять. Покой тебе будет, как от всего отстанешь.

Алексей. Эх, батя, хорош монах! С блудной девкой сваялся. Богу солгать, душу погубить.

О.Яков. Ну, так к отцу поезжай.

Алексей. Под топор на плаху?

О.Яков. Так как же, царевич? Либо то, либо это.

Алексей. Все едино. Два конца веревки, а петля одна: за какой ни потянешь — удавишься.

Входят *Кикин* и князь *Долгорукий*.

Алексей. Кикин! Князьенька! Сейчас за вами посылать хотел. Курьер от батюшки.

Кикин. Знаем. Для того и пришли.

Долгорукий. А ты, что, ваше высочество, обвязан? расхворался, что ль?

Алексей. Нет, здоров. Страха ради батюшкина болезнь себе притворил. (*Подает письмо*). Вот, читайте.

Долгорукий и *Кикин* читают. *Алексей* скидывает одеяло, шлафрок, колпак и полотенце. *О.Яков* идет к двери.

Алексей. Куда ты, Игнатъич?

О.Яков. В крестовую, всюнощну служить.

Алексей. Помолись за меня. Тяжко мне, родимый, тяжко.

О.Яков. Небось, светик. Бог тебя избавит, чаю, скоро-де свершится, скоро! (*Обнимает и крестит*).

Долгорукий (*отдавая письмо*). Ну, что, царевич, какую возьмешь резолюцию?

Алексей. Не знаю. А вы что скажете?

Кикин. А вот что: взявши шлык, да в подворотню шмыг, поминай, как звали, по пусту месту хоть обухом бей!

Долгорукий. Кабы случай, я бы в Штетин первый изменил, лытка бы задал!

Молчанье.

Кикин. Так как же, Петрович?

Алексей. Не знаю. Куда мне от отца уйти?

Кикин. Воля твоя, государь, а только попомни: отец не пострижет тебя ныне, хотя б ты и хотел. Ему друзья твои, сенаторы, приговорили, чтобы тебя при себе держать неотлучно и с собою возить всюду, чтоб ты от волокиты помер, понеже-де труда не понесешь. И батюшка на то сказал: «ладно-де, так!» Да рассуждал ему князь Меньшиков, что в монастыре тебе покой будет, можешь и долго прожить. И по сему слову дивлюсь я, что тебя давно не взяли.

Долгорукий. А, может, и то учинят: как будешь в Дацкой земле, и отец тебя посадит на воинский корабль, под предлогом обучения, велит вступить в бой с шведским кораблем, который будет поблизости, чтоб тебя убить, о чем из Копенгагена есть ведомость. Того для, тебя и зовут, и, окромя побегу, тебе спастись нечем. А самому лезть в петлю сие было бы глупее всякого скота.

Кикин. И еще помни: буде убежишь, а батюшка пришлет уговаривать, чтоб вернулся, и простить обещает, — не езд: он тебе по суду голову отсечет, а то и без суда, своими руками убьет... Ну, что ж молчишь? Решать изволь...

Алексей. Мне все равно. Решайте вы.

Кикин. Как за тебя решить? (*Вглядываясь*). Да что ты какой сонный, ваше высочество? будто не в себе? Аль и правду неможется?

Алексей. Устал я очень...

Долгорукий. А ты реши, — и сразу полегчит. Воля будет. Аль воле не рад?

Алексей. Воля! Воля! (*Помолчав*). Нашли вы мне место какое?

Кикин. Нашли: поезжай в Вену к цесарю; там не выдадут. Цесарь-де сказывал, что примет тебя, как сына.

Кикин ставит перед *Алексеем* на стол чернильницу, кладет перо и бумагу.

Кикин. Ну-ка, пиши.

Алексей. Что?

Кикин. Ответ батюшке.

Алексей. Как же так сразу?

Кикин. А так и пиши (*диктует*. *Алексей* пишет). «Всемиловитейший государь батюшка. Получив ваше письмо милостивое и повинуюсь воле родительской, взял я ныне резолюцию: ехать к вам в Копенгаген»...

Алексей (*положив перо*). Погоди, Васильич, подумаю.

Кикин. Чего думать? Пиши, говорят!

Алексей. А, может, лучше в монахи, а?

Кикин. Ну, пиши: в монахи.

Алексей. Да ведь говоришь: не пострижет?

Кикин. Тьфу! Ни в кузов, ни из кузова!

Долгорукий. Экий ты какой нерешимый, ваше высочество!

Кикин (*вставая*). Пойдем, князь. С ним не сговоришь.

Алексей. Стой, погоди.

Кикин (*вытирая платком лоб*). Э, черт, ажно пот прошиб!

Алексей. Ну, ладно, сказывай.

Кикин (*диктует*). «Взял я ныне резолюцию: ехать к вам в Копенгаген, ни мало не мешкая, дабы исправить себя к

наследству, и, яко сын покорный, стараться подражать деяниям вашего величества. Боже сохрани вас на многие годы, дабы я еще долго радоваться мог столь знаменитым родителем. Сынишка твой»... Нет, лучше по-немецки: «Meines gnädiges Vaters gehorsamste Diener und Sohn, Alexis»¹.

Кикин запечатывает письмо.

Алексей. Погоди, я сам...

Кикин. Нет, уж полно, опять передумаешь. А вот и курьер.

Входит *Румянцев*.

Долгорукий. За письмом, господин капитан?

Румянцев. Так точно, ваше сиятельство.

Кикин. Готово. (*Подает письмо*). Поезжай с Богом. Скажи государю, что царевич за тобою будет.

Румянцев. Слушаю-с. Едешь, царевич?

Алексей. Еду. Только ты, Иваныч...

Румянцев. Чего изволишь, ваше высочество?

Алексей. Ничего. Ступай.

Румянцев. Будь здрав, государь. Хоть на прощанье-то ручку пожалуй!

Целует руку *Алексея*, кланяется и уходит.

Кикин. Пора и нам, царевич. Господам-Сенату доложим, что едешь к батюшке. Денег зайдем да пассы фальшивые выправим: будешь польский кавалер Коханский. Собирайся-ка в путь. Заутра и выедешь.

Долгорукий. Каретку пришлем на рессорах аглицких, — как в люльке поедешь.

Кикин. Держи путь на Яригу, Гданск, а оттуда свернем на Бреславль, да прямо в Вену к цесарю. (*Наливает рюмки и чокается*). Ну, государь, за твое здоровье, за путь счастливый, за волю вольную!

Долгорукий. За царя Алексея, надежу Российскую!

Пьют, целуют руку *Алексея* и уходят.

Алексей (*один, напевает*).

Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие.

¹ «Meines gnädiges Vaters gehorsamste Diener und Sohn, Alexis» (нем.) — Послушный слуга и сын моего милостивого отца, Алексис.

Ножи точат булатные,
Хотят тебя зарезати...

(Зовет). Афанасьич! Афанасьич!

Входит Афанасьич.

Афанасьич. Чего изволишь, царевич?

Алексей. Сбери-ка, что надобно, в путь против прежнего, как в немецких краях со мною было.

Афанасьич. Слушаю-с, государь. К батюшке ехать изволишь?

Алексей. Бог знает, к нему или в сторону...

Афанасьич. Ваше высочество, куды в сторону?

Алексей. Хочу посмотреть чужих краев, как люди вольно живут... (Помолчав). Любишь ты меня, Иван?

Афанасьич. Сам знаешь: рад хотя б и живот за тебя положить!

Алексей. Ну, так смотри, никому не сказывай: в Вену еду, к цесарю... Что ж ты молчишь?

Афанасьич. Что мне говорить, царевич? Воля твоя, а чтобы от батюшки бежать, я не советчик.

Алексей. Чего для?

Афанасьич. А того: коли удастся, ладно, а коли нет, — пропадешь.

Алексей. Ну, что ж, один конец!

Молчанье.

Алексей. Ступай. Скорей укладывай, чтоб все готово было к завтраму. Завтра и еду.

Афанасьич уходит.

Алексей (один, подойдя к окну, открывает его). Журавли! Журавли! (Протягивая руки к небу). Батюшки, голубчики, родимые! Да неужто и вправду?.. Воля! Воля! Воля!

Занавес.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина.

В Неаполе, в крепости Сант-Эльмо — большая комната, похожая на арестантскую камеру. В окнах и в двери, открытой на галерею — море и небо; земли не видно. Час вечерний.

Алексей и *Ефросинья* сидят за столом. Он читает письма. Она белится, румянится, примеривает мушки перед зеркалом.

Ефросинья (напевает):

Сырая земля,
Мать родимая,
Ты прикрой меня,
Белая березушка,
Молодая жена,
Пошуми по мне...

Куда бы лучше, Петрович? На щеку, аль у брови?

Алексей. Для кого рядишься? Для Вейнгардта, что ль?

Ефросинья. А хотя б и для него? Какой ни на есть кавалер.

Алексей. Хорош кавалер — туша свиная! Тьфу, прости Господи, нашла с кем любезничать! Ну, да вам все едино, — только бы новенький. Ох, Евины дочки, Евины дочки! Баба да бес, один в них вес.

Ефросинья (напевает):

Сырая земля,
Мать родимая,
Ты прикрой меня...

Алексей. Ну, Федоровна, сниточков белозерских скоро кушать будем! Вести хорошие. Авось, даст Бог возвратиться с радостью. Вот слушай-ка: из Питербурха донесение цесарского резидента Плейера.

Ефросинья. Ох, Петрович, опять считаешь, засну, — сердиться будешь.

Алексей. Не заснешь, небось, слушай. (*Читает*). «Alles hier zum Aufstand sehr geneiget ist»¹. Все-де в Питербурхе к бунту zelo склонны. Да в Мекленбургии гвардейские полки учинили заговор, дабы царя убить, царицу привезти сюда и с младшим цесаревичем и обеими царевнами заточить в тот самый монастырь, где ныне старая царица-мать, а ее освободив, сыну ее, законному наследнику, правление вручить...

¹ «Alles hier zum Aufstand sehr geneiget ist» (нем.) — «Все здесь очень склонны к бунту».

Ефросинья. А что, царевич, ежели убьют царя да за тобой пришлют, — к бунтовщикам пристанешь?

Алексей. Не знаю. Когда присылка будет по смерти батюшки, то, может, и пристану... Ну, да что вперед заглядывать? Буди воля Господня! А только вот говорю, маменька, видишь, что Бог делает: батюшка делает свое, а Бог — свое! (*Встает и ходит по комнате; иногда, подойдя к столу, наливает вина в стакан и пьет*). А что ныне там тихо, — и та тишина недаром. Всех чинов люди говорят обо мне, спрашивают и желают всегда, пьют за мое здоровье, называя «надежей Российской». А кругом-де Москвы уже заворашиваются. И на низу, на Волге, не без замешанья будет в народе. Чему дивить? Как и по сю пору терпят? А не пройдет даром. Я чай, не стерпя, что-нибудь да сделают. А тут и в Мекленбургии бунт, и шведы, и цесарь³⁰, и я. Со всех сторон беда! Все мятется, мятется, шатается. Как затрещит, да ухнет, — только пыль столбом. Такое смятение пойдет, что ай, ай! Не сдобровать и батюшке...

Ефросинья. А кто из сенаторей за тебя станет?

Алексей. А тебе на что?

Молчание.

Алексей. Хоть и не все мне враги, а все злодействуют в угоду батюшке. Да мне никого не нужно. Плюну я на всех, — здорова бы мне чернб была! А как буду царем, — старых всех повыведу, новых себе изберу. Облегчу народ, — боярскую толшу убавлю, будет им жиру нагуливать, — о крестьянстве порадею, о слабых и сирых, о меньшей братье Христовой. И церковный и земский собор учиню, от всего народа выборных: пусть все доводит правду до царя, без страха, самым вольным голосом, дабы царство и церковь исправить многосоветием общим и Духа Святого нашествием на веки вечные...

Ефросинья. Разморило меня что-то. С обеда, чай, не выпалась. Пойду-ка-сь, Петрович, лягу, что ль?

Алексей. Ступай, маменька, спи с Богом. Может, и я прийду ужо, — только вот голубков покормлю...

Ефросинья уходит.

Алексей (подойдя к двери на галерею и кидая крошки). Гуль-гуль-гуль! (*Слетаются голубы*). Ишь, птички Божьи, крылушки белые... А море-то синее, синее... Ах, хорошо! Гуль-гуль-гуль!

Ефросинья входит, полуодетая, с босыми ногами, влезает на стул и заправляет лампадку перед образом.

Ефросинья. Грех-то какой! Завтра праздник, а я и забыла. Так бы и осталась без лампадки Матушка. Часы-то, Петрович, будешь читать?

Алексей. Нет, маменька, разве к ночи. Устал я что-то, голова болит.

Ефросинья. Вина бы меньше пил, батюшка.

Алексей. Не от вина, чай, — от мыслей: вести-то больно радостные.

Ефросинья, заправив лампадку, слезает со стула, подходит к столу и выбирает на блюде с плодами спелое яблоко.

Алексей (обнимая Ефросинью). Афросьюшка, друг мой сердешненький, аль не рада? Ведь будешь царицей, а как родишь мальчика...

Ефросинья. Почем знаешь? Может, и деву.

Алексей. Нет, мальчика. Будет наследником. Назовем Ванечкой: «благочестивейший, самодержавнейший царь всея Руси, Иоанн Алексеевич». А ты — царицею...

Ефросинья. Шутить изволишь, батюшка. Где мне, холопке, царицею быть?

Алексей. А женюсь, так будешь. Ведь и батюшка таким же образом учинил. Мачеха-то, Катерина Алексеевна, тоже не знамо какого роду была, — сорочки мыла с чухонками, в одной рубахе в полон взята, а ведь вот же, царствует. Будешь и ты, Ефросинья Федоровна, царицей, небось, не хуже других... Добро за добро: чернь царем меня сделает, а я тебя, холопку, царицею. *(Обнимает ее все крепче и крепче).* Аль не хочешь?

Ефросинья (оглядываясь через плечо на лампадку и закусывая яблоко). Пусти!

Алексей. Афросьюшка, маменька!

Ефросинья. Да ну тебя! Пусти, говорят! Перед праздником. Вон и лампадка. Грех...

Алексей (опускаясь на колени и целуя ноги ее). Венус! Венус! Царица моя!

Ефросинья вырывается и убегает. *Алексей* подходит к столу, наливает стакан, пьет, садится в кресло, откидывает голову на спинку и закрывает глаза.

Алексей. Да, грех. От жены начало греху³¹, и тою мы все умираем... Венус! Венус! Как у батюшки, в Летнем саду, истуканша белая... Белая Дьяволица... А море-то синее, синее... Сирина, птица райская, поет песни царские...³²

Засыпает. Тишина. Только море шумит. Темнеет.

Далекий гул голосов и шагов. Все ближе.

Цесарский наместник граф *Даун*, секретарь *Вейнгардт*, сенатор *Толстой*³³ и капитан *Румянцев*, стоя в дверях заглядывают в комнату.

Толстой (шепотом). Спит?

Даун. Кажется, спит.

Вейнгардт. Разбудить?

Толстой. Дозвольте мне.

Даун. Как бы не испугать?

Толстой входит на цыпочках, держа в руках канделябр со свечами. Свет падает на лицо *Алексея*. Он открывает глаза и смотрит на *Толстого*, не двигаясь.

Толстой. Ваше высочество...

Алексей (вскочив и выставив руки вперед). Он! Он! Он!
(*Падает навзничь в кресло.*)

Вейнгардт (подбегая к Алексею). Воды! Воды!

Толстой наливает воды в стакан и подает *Вейнгардту*, тот —
Алексею.

Даун (шепотом Толстому). Отойдите. Разве можно так? Надо приготовить.

Толстой отходит.

Даун (подойдя к Алексею). Успокойтесь, ваше высочество, ради Бога, успокойтесь! Ничего дурного не случилось. Вести самые добрые.

Алексей (дрожая и глядя на дверь). Сколько их?

Даун. Двое, всего двое.

Алексей. А третий? Я видел третьего...

Даун. Вам, должно быть, почудилось.

Алексей. Нет, я видел его. Где же он?

Даун. Кто он?

Алексей. Отец.

Вейнгардт. Это от погоды. Маленький прилив крови к голове от сирокко. Вот и у меня в глазах нынче с утра все какие-то красные зайчики. Пустить кровь, — и как рукой снимет.

Алексей. Клянусь Богом, граф, я видел его, граф, вот как вас теперь вижу...

Даун. Боже мой, если бы я только знал, что ваше высочество не совсем хорошо себя чувствовать изволите, — ни за что бы не допустил бы... Угодно отложить свидание?

Алексей. Нет, все равно. Пусть подойдет... только один...
(*Указывая на Толстого.*) Вот этот. (*Хватая Дауна за руку.*) Ради Бога, граф, не пускайте того! Он — убийца...

Даун. Будьте покойны, ваше высочество: жизнью и честью моей отвечаю, что эти люди никакого зла вам не делают.

По знаку *Дауна Толстой* подходит к *Алексею*.

Толстой. Всемиловнейший государь царевич, ваше высочество! Письмо от батюшки.

Кланяясь так низко, что левою рукою почти касается пола, правую — подает письмо. *Алексей* распечатывает, читает; иногда вздрагивает и взглядывает на дверь.

Даун (на ухо Вейнгардту). Караул усилийте. Кто их знает, варваров: как бы и вправду не наложили рук на царевича...

Вейнгардт уходит. *Толстой* придвигает стул к *Алексее*, садится на кончике, наклоняется и заглядывает в глаза его ласково.

Толстой. Напужали мы тебя, ваше высочество?

Алексей. Нет, ничего. Спросенок померещилось...

Толстой. Говорить дозволишь?

Алексей. Говори.

Толстой. Чтó в письме писано, тó и на словах велел: «Обнадеживаю, говорит, и обещаюсь Богом и судом Его, что, буде послушает и возвратится, никакого наказания не будет, но прошу и в лучшую любовь приму. Буде же сего не учинит, то, яко отец, данною нам от Бога властью, проклинаем вечно, а яко государь, объявим во все государство за изменника, и не оставим всех способов, яко ругателю отцову, учинить, в чем Бог нам поможет». А цесарю велел сказать, дабы выдал тебя, понеже отца с сыном никто судить не может, кроме Бога. Буде же, паче чаяния, цесарь в том весьма откажет, то «мы-де, говорит, сие примем за явный разрыв и будем пред всем светом на цесаря чинить жалобы, да искать неслыханную и несносную нам и чести нашей обиду отмстить даже рукою вооруженною».

Алексей. Пустое! Николи из-за меня батюшка с цесарем войны не начнет.

Толстой. Я чай, войны не будет, да цесарь и так тебя выдаст. Обещание свое он уже исполнил: протектовал, доколе отец не изволил простить, а ныне, как простил, то уже повинности цесаревой нет, чтобы против всех прав удерживать тебя и войну с царем чинить. Не веришь мне, так спроси наместника: он получил от цесаря письмо саморучное, дабы всеми мерами склонить тебя ехать к батюшке, а по последней мере, куды ни есть, только б из его области выехал.

Молчание.

Толстой (тихонько дотрагиваясь до руки Алексея). Государь царевич, послушай увещания родительского, поезжай к отцу.

Алексей. А сколько тебе лет, Андрейч?

Толстой. Не при дамах будь сказано, за семьдесят перевалило.

Алексей. А кажись, по Писанию-то, семьдесят — предел жизни человеческой³⁴. Как же ты, сударь, одной ногой во гробе стоя, за такое дело взялся? А еще думал, что любишь меня...

Толстой. И люблю, родной, вот как люблю! Ей до последнего издыхания, служить тебе рад. Одно только в мыслях имею — помирить тебя с батюшкой.

Алексей. Полно-ка врать, Андреич. Аль думаешь, не знаю, зачем вы сюда с Румянцевым присланы? На него, разбойника, дивить нечего. А как ты, Андреич, на государя своего руку поднял? Убийцы, убийцы вы оба! Зарезать меня батюшкой присланы...

Толстой (всплеснув руками). Бог тебе судья, царевич!

Алексей (усмехаясь). Ну, и хитер же ты, Махивель³⁵ Российский! А только никакою, брат, хитростью в волюю пасть овцу не заманишь.

Толстой. Волком отца разумеешь?

Алексей. Волк не волк, а попадись я ему — и костей моих не останется. Да что мы друг друга морочим? И сам, чай, знаешь.

Толстой. Да ведь Богом клялся. Ужли же клятву преступит?

Алексей. Что ему клятвы? За архиереями дело не станет: Разрешат и соборне: на то самодержец Российский³⁶. Нет, Андреич, даром слов не трать, — живым не дамся.

Толстой вздыхает, вынимает из табакерки понюшку и медленно разминает ее между пальцев.

Толстой. Ну, видно, быть так. Делай, как знаешь. Меня, старика, не слушал, — может, отца послушаешь. Сам, чай, скоро будет здесь.

Алексей (вздрагивая и взглядывая на дверь). Где здесь? Что ты врешь, старик?

Толстой так же медленно засовывает понюшку сначала в одну ноздрю, потом — в другую, затягивается и стряхивает платком табачную пыль.

Толстой. Хотя объявлять и не велено, да уж, видно, проговорился. Получил я наемни от царского величества письмо саморучное, что изволит ехать в Италию. А когда придет сам, кто может возбранить отцу с тобою видеться? Не мысли, что сему нельзя сделаться, понеже ни малой в том дификульты нет, кроме токмо изволения царского величества. А то тебе самому известно, что государь давно в

Италию ехать намерен; ныне же для сего случая всемерно поедет.

Молчание.

Толстой. Куда тебе от отца уйти? Разве в землю, а то везде найдет. Жаль мне тебя, Петрович, жаль, родимый... (*Помолчав*). Ну, так как же? Что изволишь ответить?

Алексей. Не знаю. Сего часу не могу ничего сказать. Надобно думать о том гораздо...

Толстой. Подумай, подумай, миленький. А буде предложить имеешь какие кондиции, можешь и мне объявить. Я чай, батюшка на все согласится. И на Ефросинье жениться позволит. Подумай, подумай, родной. Утро вечера мудренее. Ну, да еще успеем поговорить, не в последний раз видимся.

Алексей. Говорить нам, Петр Андреевич, больше не о чем и видеться незачем. Да ты здесь долго ли пробудешь?

Толстой. Имею повеление не отлучаться отсюда, прежде чем возьму тебя, и, если бы перевезли в другое место, — и туда буду за тобою следовать. Отец не оставит тебя, пока не получит живым или мертвым.

Встает и хочет поцеловать руку *Алексея*; тот ее отдергивает.

Толстой. Всемиловитейшей особы вашего высочества всепокорный слуга!

Низко кланяется и уходит с *Румянцевым*. *Алексей* сидит, опустив голову и закрыв лицо руками. *Даун* подходит к нему и кладет руку на плечо его.

Алексей (подымая голову). Скажите, граф, если отец будет требовать меня вооруженною рукою, могу ли я положить на протекцию цесаря?

Даун. Будьте покойны, ваше высочество. Император довольно силен, чтобы защищать принимаемых им под свою протекцию, во всяком случае.

Алексей. Знаю. Но я говорю вам теперь, не как наместнику императора, а как благородному кавалеру, как доброму человеку: вы были ко мне так добры всегда. Скажите же всю правду, не скрывайте от меня ничего. Ради Бога, граф, не надо политики! Скажите правду... (*Опускается на колени*). Именем Бога и всех святых умоляю императора не покидать меня! Страшно подумать, что будет со мной, если я попадусь в руки отцу. Никто не знает, что это за человек, — я знаю...

Даун. Встаньте, встаньте же, ваше высочество! Непристойно стоять на коленях сыну царя... Клянусь Богом, что говорю вам всю правду, без всякой политики: насколько я

знаю цесаря, он ни за что вас не выдаст; это было бы унижительно для чести его величества и противно всесветным правам, знаком варварства.

Обнимает его, целует в лоб и усаживает в кресло.
Входит *Вейнгардт*.

Даун (подходя к Вейнгардту). Император настаивает, чтобы царевич удалил от себя ту непотребную женщину, с которой живет. У меня не хватило духу сказать ему об этом сегодня. Когда-нибудь, при случае, скажите вы.

Занавес.

Вторая картина.

Там же. Ночь. Сирокко.

Окна и дверь на галерею закрыты ставнями. Свист ветра и глухой гул морского прибоя. *Алексей* шагает по комнате. *Ефросинья*, сидя с ногами в кресле и кутаясь в шубку, следит за ним глазами; однообразным движением пальцев скручивает полуоторванный от петли шнурок. Молчание.

Алексей (вдруг остановившись). Ну, делать нечего, маменька, собирайся в путь. Едем к папе в Рим. Кардинал мне тутощный сказывал, папа-де примет под свою протекцию.

Ефросинья (пожимая плечами). Пустое, царевич. Когда и цесарь держат не хочет девуку зазорную, так где уж папе. Ему, чай, нельзя и по чину духовному. И войска нет, чтоб защитить, коли батюшка будет тебя с оружием требовать.

Алексей. Как же быть, маменька? Указ получен от цесаря, чтоб отлучить тебя, не медля. До утра едва ждать согласились. Того и гляди, силой отнимут. Бежать надо...

Ефросинья. Куды бежать? Везде найдут. Один конец, — поезжай к отцу.

Алексей. И ты, и ты, Афрося! Напели тебе, видно, Толстой да Румянцев, а ты и уши развесила.

Ефросинья. Петр Андреич добра тебе хочет.

Алексей. Добра! Что ты смыслишь? Молчи уж, баба, волос долог, ум короток. Аль думаешь, не запытают и тебя? И на брюхо не посмотрят: у нас-де то не диво, что девки на дыбах раживали.

Ефросинья. Да ведь милость обещал...

Алексей. Вот они мне где, батюшкины милости!

Ефросинья. А что ж, царевич, и потерпи. Плетью обуха не перешибешь, с царем не поспоришь. А он тебе не только царь, а и отец богоданный...

Алексей. Не отец, а злодей, мучитель, убийца!

Ефросинья. Государь царевич, не гневи Бога, не говори слов неистовых. И в Писании-де сказано: чти отца своего³⁷.

Алексей. А ведь и другое тоже, девка, в Писании сказано: «не приидох вложить мир, но рать и нож; приидох разлучити человека сына от отца»³⁸. Слышишь: Господь разлучил меня от отца моего. От Господа я рать и нож в сердце родшего мя, я суд и казнь ему от Господа! И не смирюсь, не покорюсь, даже до смерти. Тесно нам обоим в мире. Или он, или я!

Опять ходит по комнате. Молчание.

Алексей. Ну, ладно. Куда ни на есть, а завтра едем. Папа не примет, — во Францию, в Англию, к шведу, к турку, к черту на рога, — только не к батюшке!

Ефросинья. Воля твоя, царевич, а я с тобой не поеду.

Алексей (*останавливаясь*). Как не поедешь? Что еще вздумала?

Ефросинья. Не поеду. Я уже и Петру Андреевичу сказывала: не поеду-де с царевичем никуда, окромя батюшки: пусть едет один, куда знает.

Алексей. Что ты, что ты, Афросиньюшка, маменька? Христос с тобой! Да разве я?.. О, Господи, разве я могу без тебя?

Ефросинья (*совсем оторвав шнурок от петли и бросив на пол*). Как знаешь, царевич. А только не поеду. И не проси.

Алексей. Одурела ты, девка, что ль? Возьму, так поедешь. Много ты о себе мыслишь. Аль забыла, кем была?

Ефросинья. Кем была, тем и осталась: его царского величества, государя моего, Петра Алексеича, раба верная. Из воли его не выступлю. С тобой против отца не пойду.

Алексей. Вот ты как заговорила! С Толстым да с Румянцевым снюхалась, со злодеями, с убийцами! За все добро мое, за всю любовь... Подлая! Подлая! Хамка, отродье хамово!

Ефросинья. Полно тебе, государь, лаяться, а как сказала, так и сделаю.

Алексей (*опускаясь в кресло, взяв ее за руку и стараясь заглянуть ей в глаза*). Афросьюшка, маменька, друг мой сердешненький, что же это, что ж это, Господи? Время ли ссориться? Зачем так говоришь? Знаю, что того не сделаешь, в такой беде одного не покинешь, — не меня, так дитё свое пожалеешь...

Ефросинья молчит.

Алексей. Аль не любишь? Ну, что ж, уходи, коли так. Бог с тобой! Держать силой не буду. Только скажи, что не любишь...

Ефросинья (вставая). А ты думал, люблю? Когда над глупой девкой ругался, насильничал, пьяный, ножом грозил, — тогда б и спрашивал, люблю аль нет?

Алексей. Афрося, Афрося, что ты? Аль слову моему не веришь? Ведь женюсь, венцом тот грех покрою.

Ефросинья (смеясь). Челом бью, государь, на милости! Еще бы не милость! На холопке царевич изволит жениться! А ведь вот, поди ж ты, дура какая, — этакой чести не рада! Терпела, терпела — мочи моей больше нет! Что в петлю, аль в прорубь, что за тебя, постылого. Лучше б и впрямь убил меня тогда, зарезал! Царцей-де будешь, — вишь, чем вздумал манить! Да, может, мне девичий-то стыд и воля дороже царства твоего. Нагляделась я на ваши роды царские, — срамники вы, паскудники! У вас во дворе, что в волчьей норе: друг за дружкой так и смотрите, кто кому горло перервет. Батюшка — зверь большой, а ты — малый: зверь зверушку и съест. Куда тебе тягаться с ним? Хорошо-де государь сделал, что у тебя наследство отнял. Где эдакому царствовать? В дьячки ступай грехи замаливать! Жену уморил³⁹, детей бросил, с девкой сваялся, отстать не может. Ослаб, измотался, испаскудился. Вот и сейчас баба ругает в глаза, а ты молчишь, пикнуть не смеешь. У, бесстыдник! Избей я тебя, как собаку, а потом помани только, свистни, — опять за мной побежишь, язык высуня, что кобель за сукою. А туда же любви захотел. Да разве этаких любят...

Алексей (тихо, про себя). Венус, Венус... Дьяволица Белая...

Ефросинья. Погоди, уж узнаешь, как тебя люблю! За все, за все заплачу. Сама на плаху пойду, а тебя не покрою. Все расскажу батюшке: как ты оружия просил у цесаря, чтоб войной идти на царя, возмущению в войске радовался, к бунтовщикам пристать хотел, отцу смерти желал, злодей. Все, все донесу, — не отвертись! Запытает тебя царь, плетью засечет, а я стану смотреть, да спрашивать: что, мол, свет Олешенька, друг мой сердешненький, будешь помнить, как Афрося любила?.. А щенка твоего, как родится, — я своими руками...

Алексей закрывает лицо, затыкает уши. *Ефросинья* выбегает в соседнюю комнату. Оттуда слышится стук отпираемых и запираемых шкафов, сундуков, шкатулок и ящиков. *Алексей* прислушивается, встает, идет к двери и выглядывает. Входит *Каравульный офицер*.

Офицер (подавая письмо). Письмо mademoiselle Euphrosine, ваше высочество.

Алексей. Какое письмо?

Офицер. Забыть изволили. Намедни велели доставить, если mademoiselle будет писать капитану Румянцеву. Так вот оно самое. Перехватил.

Алексей (взяв письмо и давая денег). Благодарю вас. Ступайте.

Офицер. Счастлив служить вашему высочеству.

Уходит.

Алексей (распечатывает, читает и роняет письмо на пол; схватившись руками за голову, стонет). О-о-о-!

Входит Ефросинья с дорожным узлом в руках.

Алексей оборачивается к ней. Молча, смотрят друг другу в глаза.

Алексей (подойдя к Ефросинье). Так ты и впрямь к нему?..

Ефросинья. Хочу — к нему, хочу — к другому. Тебя не спрошусь.

Алексей (схватив ее за горло). Тварь! Тварь! Тварь!

Хватает нож со стола и замахивается. Ефросинья молча борется. Стол со свечой падает. Свеча гаснет. В темноте стук упавшего тела. Алексей выбегает и приносит свечу. На полу лежит Ефросинья с закрытыми глазами.

Алексей (склонившись над ней). Афросьюшка, матушка... (Кричит без голоса). Помогите! Помогите! Помогите!

Поднимает ее и переносит на канапе. Целует ей руки, ноги, платье.

Алексей. Маменька, маменька!.. Что ж это, Господи? Убил, убил, окаянный! (Рыдает и рвет на себе волосы). Господи Иисусе, Матерь Пречистая, возьми душу мою за нее!

Ефросинья открывает глаза.

Алексей. Афрося, Афрося, что ты, маменька?..

Ефросинья смотрит на него молча.

Потом, приподнявшись, обвиняет ему шею руками.

Ефросинья. Испужался, небось? Думал, убил до смерти? Пустое! Не так-то легко бабу убить. Что кошки, живучи. Милый ударит, тела прибавит.

Алексей. Прости! Прости!

Ефросинья (прижимаясь щекой к щеке и глядя рукой волосы его). Ах, глупенький, глупенький! Погляжу я на тебя

— совсем дитятко малое! Ничего-то не смыслит, не знает нашего норова бабьего! Так ведь и поверил, что не люблю! Подь-ка сюды, что я тебе на ушко скажу. (*Приблизив губы к самому уху его*). Люблю, люблю, как душу свою, душа моя, радость моя! Как мне на свете быть без тебя, как живой быть? Лучше бы мне, — душа моя с телом рассталась. Аль не веришь?

Алексей плачет.

Ефросинья. Ох, свет мой, батюшка мой, Олешенька, и за что ты мне таков мил? Вся всегда в воле твоей... Да вот горе мое: и все-то мы, бабы, глупые, злые, а я пуще всех. Дал мне Бог сердце несытое. И вижу, что любишь, а мне все мало, — чего хочу, сама не знаю. Чтой-то, думаю, голубчик мой тихонькой, никогда поперек слова не молвит, не рассердится, не поучит меня, глупую? Рученьки его я над собою не слышу, грозы не чую. Не мимо-де молвится: кого люблю, того и бью. Аль не любит? А ну-ка, рассержу я его, попытаю, что из него будет? А ты — вот ты каков! Едва не убил. Ну, да впредь наука, — помнись буду и любить буду, вот как! (*С тихим смехом прижимается к нему все крепче*). А ты думал, ласкать не умею? Погоди, уж так ли еще... Только утоли ты мое сердце глупое, сделай, о чем прошу, чтоб знала я, что любишь меня, как я тебя, — до смерти... Ох, жизнь моя, любонька, лапушка! Сделаешь? Сделаешь?

Алексей. Все сделаю. Видит Бог, нет того на свете, чего бы не сделал, — только скажи...

Ефросинья (шепотом). Вернись к отцу! (*Помолчав*). Тошно мне, ох смерть моя, тошнехонько — во грехе с тобой да в беззаконье жить. Не хочу быть девкой зазорной, — хочу быть женою честною. Говоришь: и ныне-де все равно что жена. Да полно, какая жена, — венчали вокруг ели, а черти пели. И мальчик-то наш, Ванечка, прибудным родится. А вернешься к отцу, — и женишься. Вот и Толстой говорит: «пустое-де, говорит, царевич предложит батюшке, что вернется, когда позволят жениться; а батюшка еще и рад будет, только б-де он, царевич, от царства отрекся да жил в деревнях своих, на покое. Чтой-де на рабе жениться, что клубук надеть, — едино: не бывать ему уже царем». А мне-то, светик мой, Олешенька, того только и надобно. Боюсь я, ох, жизнь моя, царства-то я пуще всего и боюсь! Как станешь царем, не до меня тебе будет: царям любить некогда. Не хочу быть царицею постылою, хочу быть любонькой твоею вечною. Любовь моя — царство мое. Уедем в деревню — будем в тишине, да в холе, да в неге жить, — я, да ты, да Ванечка, — ни до чего нам и дела не будет. Ох, сердце мое, жизнь моя, радость моя! Аль не хочешь? Не сделаешь? Аль царства жаль?

Алексей. Что спрашиваешь, маменька? Сама знаешь — сделаю.

Ефросинья (*тихонько отстранив его, — чуть слышным вздохом*). Клянись!

Алексей. Богом клянусь!

Ефросинья задувает свечу.

Темнота, тишина, — только свист ветра и глухой гул морского прибоя.

Занавес.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

В Петербурге, в Зимнем дворце, в рабочей комнате Петра. В углу, перед образом Спаса Нерукотворного, теплится лампада и свечи в паникадиле. Белая ночь.

Петр (*один, сидя в кресле и глядя на образ*). Господи, да не в ярости Твоей обличиши мене, ниже во гневе Твоем накажиши мене! Яко Моисей в пустыне, вопию к Тебе, Господи⁴⁰: для чего Ты мучаешь раба твоего, и почто не обрел я милости пред очами Твоими? Почто возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве моем весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты обещал? Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня. Когда Ты так поступаешь со мною, то лучше умертви меня, Господи!

Встает, подходит к аналою и раскрывает Библию.

Петр (*читает*). «Бог искушаше Авраама и рече: поими сына твоего возлюбленного, его же возлюбил еси, Исаака, и вознеси его во всеожжение. И созда Авраам жертвенник и, связав Исаака, сына своего, возложи его на жертвенник. И простре руку свою, взяти нож заклати сына своего...»⁴¹

Походит к образу и опускается на колени.

Петр. Сына заклати! Овна Ты послал Аврааму за сына, а мне не пошлешь, Господи? Почто искушаешь? Чего хочешь? Именем твоим клялся я простить. Клятву нарушить, казнить, — погубить себя? Клятву исполнить, простить, — погубить Россию?⁴² Чего же хочешь? Отступи, ослаби,

избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего! Помилуй! Помилуй! Помилуй! (*С криком почти гневным*). Да помилуй же, Господи!

Падает ниц. Молчание. Стук в дверь.
Петр встает, отходит от образа и садится в кресло.

Петр. Андреич, ты?
Голос Толстого (из-за двери). Я, государь.
Петр. Войди.

Входит *Толстой*.

Толстой (целуя руку Петра). Здравия желаю, ваше величество.

Петр. Ну, что, кого сегодня?

Толстой. Царицу бывшу. Паки подтвердила, что со Степкой Глебовым⁴³ в блюде жила.

Петр. Объявить в народ, как манифест будет о деле.

Толстой. Слушаю-с, ваше величество. Да еще показала, что чернеческое платье скинула, понеже Досифей епископ⁴⁴ предрек, что ты, ваше величество, скоро помрешь, и она-де, царица, впредь царствовать будет вместе с царевичем. А расстрига Демид, Досифей бывший, в застенке подыман и спрашиван: «для чего-де желал царскому величеству смерти?» Дано ударов девятнадцать. Объявил: «делал-де для того, чтоб царевичу Алексею Петровичу царствовать, и было бы народу легче, и строение Санкт-Петербурха престало бы». Да он же, расстрига Демид, на царевну Марью показывал, что говорила: «когда государя не будет, я-де царевичу рада о народе помогать и управлять государством». Да она же, царевна, говорила: «государь-де скоро помрет, и Питербурх пустеть будет».

Петр. Пытал?

Толстой. Никак нет, токмо в застенок привожена.

Петр. Всё бабы сплетни да шепоты. Месяц розыск чините, а до сухого дела, до корня злодейского бунта добраться не можете.

Толстой. Весь корень в нем.

Петр. А он что?

Толстой. Молчит, запирается. Упрямство замерзлое. Только пьет, да пьяный, кричит слова хульные.

Петр. Какие?

Толстой. Уволь, ваше величество: изречь невозможно...

Петр. Говори.

Толстой. Что «слух-де есть, будто государь батюшка царицу, мать мою, на дыбе кнутом сек; так путь и меня засечет». И ругается.

Петр. Как?

Толстой молчит.

Петр. Говори.

Толстой. «Зверем, Антихристом»...

Молчание.

Толстой. Допросить бы с пристрастием, как следует. А то и судить не знамо как: ни одной улики.

Петр. Царскую кровь пытать вздумал? Смотри ты у меня — не далеко, брат, и тебе до плахи.

Толстой. Воля твоя, государь.

Петр. Привез его?

Толстой. Привез.

Петр. И девку?

Толстой. И ее. Через оную девку многое можно сыскать: в большой конфиденции плезиров ночных у него состоит; такую над ним силу взяла, что пикнуть не смеет.

Петр. Ну, ладно, уж очную ставку сделаем. Ступай за ним.

Толстой уходит. *Петр* разбирает бумаги на столе. Входит *Алексей*. Остановившись у двери и не глядя на *Петра*, крестится на образ.

Петр. Подойди.

Алексей подходит.

Петр (указывая на кресло против себя). Садись.

Алексей садится.

Петр (тихо). Алеша...

Алексей вздрагивает, взглядывает и тотчас опускает глаза.

Петр проводит рукой по лицу.

Петр (громко). Сын, помнишь, что перед всем народом объявлено: хотя и прощаю тебя, но, ежели всей вины не объявишь и что утаишь, а потом явно будет, то казнен будешь смертью?

Алексей. Помню.

Петр. Ну, так в последний тебе говорю: объяви все и очисти себя, как на сущей исповеди.

Алексей. Все объявил, больше ничего не знаю.

Петр. Ничего?

Алексей молчит.

Петр. Отвечай.

Алексей. Что отвечать? Все едино, не поверишь. Я уж говорил: никакого дела нет, а только слова. Я, пьяный,

всегда вирал всякие слова, и рот имел незатворенный, не мог быть без противных разговоров в кумпаниях и с надежи на людей бреживал. Сам ведаешь, пьян-де кто не живет. Да это все пустое.

Петр. Кроме слов, не было ль умыслу к бунту и к смерти моей?

Алексей. Не было.

Петр (взяв письмо со стола и показывая Алексею). Твоя рука?

Алексей. Моя.

Петр. Волей писал?

Алексей. Неволею. Как был в протекции цесарской, принуждал секретарь графа Шёнборна, Кейль: «Понеже, говорил, есть ведомость, что ты умер, того рад пиши в Питербурх, к архиереям и сенаторам, чтоб тебя не оставили, а буде не станешь писать, и мы тебя держать не станем». И не вышел вон, покамест я не написал.

Петр (указывая пальцем, читает). «Прошу вас ныне меня не оставить, ныне». Сие ныне в какую меру дважды писано, и почернено зачем?

Алексей (дрогнувшим голосом). Не упомяну.

Петр. Истинно ли писано неволею?

Алексей. Истинно.

Петр (подойдя к двери). Андреич!

Входит Толстой.

Петр (на ухо Толстому). Девку.

Толстой уходит. Петр садится за стол и пишет.

Входит Ефросинья.

Алексей (вскакивая и протягивая руки со слабым криком). Маменька!..

Петр. Правда ли, Федоровна, — сказывает царевич, — письмо-де к архиереям и сенаторам писано неволею, по принуждению цесарцев?

Ефросинья. Неправда. Писал один, и при том никого иноземцев не было, а были только я, да он, царевич. И говорил мне, что пишет те письма, чтоб в Питербурхе в народ подкидывать для бунта, а ныне-де архиереям и сенаторам.

Алексей. Афрося, Афросьюшка, маменька, что ты?.. (*Петру*). Не знает, забыла, чай. Я тогда план Белгородской атаки отсылал секретарю вице-роеву, а не то письмо...

Ефросинья (глядя на него в упор). То самое, царевич. При мне и печатал. Аль забыл? Я видела.

Алексей. Что ты? Что ты? Что ты, маменька?..

Петр. Сын, сам, чай, видишь, что дело сие нарочитой важности. Когда письма те писал волей, то явно к бунту намерение не токмо в мыслях имел, но и в действо весьма произвествь умышлял. И то все в прежних повинных своих утаил не беспамятством, а лукавством, знатно, для таких-де впредь дел и намерения. Однако ж, совесть нашу не хотим иметь пред Богом нечисту. Паки и в последний спрашиваю: правда ль, что волей писал?

Алексей молчит.

Петр. Жаль мне тебя, Федоровна, а делать нечего: питать буду.

Алексей. Правда.

Петр. В какую же меру «ныне» писал?

Алексей. В ту меру, чтоб за меня больше вступились в народе, применяясь к ведомостям печатным о бунте войск в Мекленбургии. А потом помыслил, что дурно, и вымарал.

Петр. Бунту радовался?

Алексей молчит.

Петр. А когда радовался, то чаю, не без намерения: ежели бы впрямь то было, к бунтовщикам пристал бы?

Алексей. Буде прислали бы за мною, то поехал бы. А чаял присылке смерти твоей, для того...

Петр. Ну?

Алексей. Для того, что хотели тебя убить, а чтоб живого отлучили от царства, не чаял...

Петр (тихо). А когда б при живом?

Алексей (так же тихо). Ежели б сильны были, то мог бы и при живом.

Петр (Ефросинье). Объяви все, что знаешь, Федоровна.

Ефросинья. Царевич наследства всегда желал прилежно. А ушел оттого, будто ты, государь, искал всячески, чтоб ему живу не быть. И как услышал, что у тебя меньшей сын, царевич Петр Петрович, болен, говорил мне: «Вот, видишь, батюшка делает свое, а Бог — свое». И надежу имел на сенаторей: «Я-де старых всех выведу, а изберу себе новых, по своей воле». А когда слышал о каких видениях или читал в курантах, что в Питербурхе тихо, говаривал, что видение и тишина недаром: «либо-де отец мой умрет, либо возмущение будет». И тому радовался. «Плону я на всех, говаривал, здорова бы мне чернь была». Да объявлял многие на тебя, государя, неправедные клеветы, просил цесаря, дабы его, царевича, не токмо скрыл, но и оборону свою вооруженною рукою дал против тебя, государя, аки злодея своего мучителя, от которого-де чает и смерть пострадать.

Петр (Алексею). Все ли то правда?

Алексей. Все.

Петр (Ефросинья). Ступай, Федоровна. Спасибо тебе, не забуду.

Подает ей руку. *Ефросинья* целует ее. Идет к двери.

Алексей (приподымаясь). Маменька, маменька, не поминай лихом! Ведь, может, больше не свидимся...

Ефросинья, стоя на пороге, оглядывается.

Алексей. И за что ты меня так?

Ефросинья уходит. *Алексей* опускается в кресло, закрыв лицо руками. *Петр*, делая вид, что читает бумаги, взглядывает на *Алексея* украдкой.

Алексей (вдруг отняв руки от лица). Ребеночек где? Что с ним сделал?

Петр. Какой ребенок?

Алексей указывает на дверь, в которую вышла *Ефросинья*.

Петр. Умер. Родила мертвым.

Алексей (вскакивая и подымая руки, как будто грозя). Врешь! Убил, убил, убил! Задавил, аль в воду, как шенка, выбросил! Его-то за что? младенца невинного? Мальчик, что ль?

Петр. Мальчик.

Алексей (тихо, про себя). Когда б судил мне Бог на царстве быть, наследником бы сделал. Иваном назвать хотел: «Царь Иоанн Алексеевич»... Трупик-то, трупик где? Куда девал? Говори!

Петр молчит.

Алексей (схватившись руками за голову). В кунсткамеру, с монстрами? В банку, в банку со спиртом? Наследник царей Всероссийских в спирту, как лягушонок, плавает! *(Смеется).*

Петр. Чего дурака валяешь? Аль и вправду ума исступил? *(Помолчав).* Изволь отвечать, что еще больше есть в тебе?

Алексей, вдруг перестав смеяться, опускается в кресло, откидывается головой на спинку и смотрит на *Петра*, молча.

Петр. Когда имел надежду на чернь, не подсылал ли кого о возмущении говорить, или не слышал ли от кого, что чернь бунтовать хочет?

Алексей молчит.

Петр. Отвечай!

Алексей. Все сказал. Больше говорить не буду.

Петр (ударяя кулаком по столу). Не будешь?

Толстой приотворяет дверь и заглядывает.

Алексей (вставая). Что грозишь, батюшка? Не боюсь я тебя, ничего не боюсь. Все ты взял у меня, все погубил, — и душу, и тело. Больше взять нечего. Когда манил из протекции царской, Богом клялся и судом Его, что простишь. Где ж клятва та? Осрамил себя перед всею Европою. Самодержец Российский — клятворугатель и лжец! Кровь сына, царскую кровь, ты первый на плаху прольешь, и падет сия кровь от главы на главу, до последних царей, и погибнет весь род наш в крови. За тебя Россию...

Петр (вскакивая и подымая руки над головой Алексея). Молчи! Убью!

Алексей. Убей, а правду знай: накажет Бог Россию за тебя, злодей, кровопийца, зверь, антихрист!

Петр с глухим стоном валится навзничь в кресло.

Вбегают Толстой и Румянцев.

Толстой. Держи, держи! Ума иступил! Беды наделает!

Толстой и Румянцев хватают *Алексея* за руки.

Петр сидит, не двигаясь.

Толстой. Увести прикажешь, ваше величество?

Петр делает знак рукою. *Толстой* и *Румянцев* уводят *Алексея*. *Петр* сидит, все так же не двигаясь. Наконец, медленно встает, идет к образу и опускается на колени.

Петр. Помилуй! Помилуй! Помилуй! Избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего!

Занавес.

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина.

Каземат в Трубецком раскате Петропавловской крепости. *Алексей* спит на койке. Лейб-медик *Блюментрост* и врач *Аренгейм* за столом готовят лекарства. Летний вечер.

Блюментрост. Verfluchtes Laned! Verfluchtes Volk!¹ Проклятая страна! Проклятый народ! Помяните слово мое: в России когда-нибудь кончится все ужасным бунтом: и самодержавие падет, ибо миллионы вопиют к Богу против царя.

Аренгейм. Тише, ради Бога, тише, ваше превосходительство! Кажется, за нами следят, у дверей подслушивают.

Блюментрост. Э, пусть! Я готов сказать им всю правду в глаза. Смрадные дикари, медведи крещеные, которые, превращаясь в европейских обезьян, становятся из страшных жалкими.

Аренгейм. А в предсказание Лейбница⁴⁵, ваше превосходительство, не верите?

Блюментрост. Если бы Лейбниц знал то, что я знаю, он думал бы иначе. Величие России — гибель Европы, новое варварство. Кажется, впрочем, водка и дурная болезнь — два бича, посланных самим Промыслом Божиим для избавления мира от этого бедствия. Да, кто-то кого-то непременно съест: или мы — их или они — нас...

Алексей стонет во сне.

Аренгейм. Проснулся?

Блюментрост. Едва ли. Доза лауданума была изрядная.

Аренгейм. Уж очень к водке привык: лауданум плохо действует.

Блюментрост. Переменили на спине примочку?

Аренгейм. Переменил.

Блюментрост. Ну, что, как рубцы?

Аренгейм. Заживают.

Блюментрост. А завтра опять кнутом раздерут. Подлую, подлую роль мы с вами играем, господин *Аренгейм*: залечиваем раны, чтобы дольше можно было истязать.

Аренгейм. Как же быть, ваше превосходительство? Жаль несчастного...

1 Verfluchtes Laned! Verfluchtes Volk! (нем.) — Проклятая страна! Проклятый народ!

Блюментрост. Да, жаль, а то без оглядки бежал бы из этого ада!

Аренгейм. И бежать не легко: со вчерашнего дня крепость войсками оцеплена, никого не пропускают. Мы тут все под арестом.

Блюментрост. И, кажется, все с ума сойдем. Когда я намерен отказался присутствовать при истязании, мне самому пригрозили застенком. А царевичу дано 25 ударов и, не кончив пытки, сняли с дыбы, потому что лейб-медик Арескин⁴⁶ объявил, что плох и может умереть под кнутом.

Алексей. Федорыч, а Федорыч...

Блюментрост. Зовет?

Аренгейм. Нет, бредит.

Алексей. Брысь, брысь! Вишь, уставилась. Глазища, как свечи, а усы торчком, совсем, как у батюшки. Гладкая, черная, в рост человечий, — этаких я и не видывал. Мурлычит, проклятая, ластится, а потом, как вскочит на грудь, станет душить, сердце когтями царапать... Федорыч, а Федорыч, да прогони ты ее, ради Христа!..

Аренгейм. Разбудить?

Блюментрост. Зачем? Явь не лучше бреда.

Аренгейм. Да, не лучше. Сил моих больше нет, ваше превосходительство! Об одном молю Бога: скорей бы конец!

Блюментрост. Кажется, скоро. Сегодня Верховный суд собирается.

Аренгейм. Казнят?

Блюментрост. Не знаю. Может быть, и помилуют. Государь ведь любит сына.

Аренгейм. Любит и мучает так?

Блюментрост. Да, соединять подобные крайности — особенный русский талант, — то, чего нам, глупым немцам, слава Богу, понять не дано. О, вы его еще не знаете! Мне иногда кажется, что это не человек...

Аренгейм. А что же?

Блюментрост. Полузверь, полубог.

Алексей (бредит). Батя, а батя, поди-ка сюда, выпьем. Хочешь, спою песенку? Веселее будет, право...

Мой веночек тонет, тонет,

Мое сердце ноет, ноет...

Да что ты такой скучный? Аль он тебя обижает... Давеча гляжу я на него и в толк не возьму, кто такой?.. Ты да не ты, — барабанщик какой-то, немец аль жид поганый, черт его знает! Вся рожа накосо. Оборотень, что ли?.. осиновый кол ему в горло, — и делу конец.

Входит Толстой.

Толстой (подойдя к Алексею и заглядывая в лицо его). Спит?

Блюментрост. Спит.

Толстой. Плох?

Блюментрост. Как видите.

Толстой. А мне бы поговорить нужно. Разбудите, Иван Федорыч.

Блюментрост. Извольте сами.

Толстой (взяв Алексея за руку). Царевич, а царевич! Ваше высочество!

Алексей (открывая глаза). Здравствуй, козел!

Толстой. Не козел, а твой покорный слуга, сенатор Толстой.

Алексей. Ну, сенатор так сенатор, — мне все едино. А лицо-то зачем у тебя в шерсти? Да вон и рожки на лбу?

Толстой. Рожки? Хэ-хэ, не мудроно нашего брата, старика, бабам сделать и с рожками?

Алексей. А ты все еще за бабами волочишься?.. Ну, ладно, зачем пришел?

Толстой. Велел спросить батюшка...

Алексей. Ничего, ничего, ничего я больше не знаю! Оставьте меня! Убейте, только не мучайте!..

Толстой. Полно-ка, Петрович, миленький! Даст Бог, все обойдется. Перемелится — мука будет. Потихоньку да полегоньку, ладком да мирком. Мало ли чего на свете не бывает? Господь терпел и нам велел. Аль думаешь, не жаль мне тебя? Ох, жаль, родимый, так жаль, что, кажись, душу бы отдал! Верь, не верь, а я тебе всегда добра желал...

Алексей. Вот тебе за твое добро, подлец! (*Приподымается, хочет плюнуть в лицо Толстому и падает навзничь*). Ой-ой-ой!

Блюментрост (Толстому). Уходите, уходите, оставьте больного в покое или я ни за что не отвечаю!

Толстой. Эй, горе! Подождать маленько, — может, и очнется!

Садится в кресло у койки.

Алексей. Брысь же, брысь, окаянная! Федорыч, Федорыч, да прогони ты ее, ради Христа!

Блюментрост (Аренгейму). Дайте полотенце.

Аренгейм подает полотенце и чашку с водой. *Блюментрост* мочит и кладет на голову *Алексею*. Молчание.

Алексей (открывая глаза). Петр Андреич, ты? Что же не разбудил? А я все жду, когда-то придешь. Просьба у меня к тебе великая. Будь другом, заставь за себя век Бога молить. Выпроси у батюшки, чтобы с Афросьей мне видеться.

Толстой. Выпрошу, миленький, выпрошу, все для тебя сделаю! Только бы как-нибудь нам по пунктам ответить.

Немного их, всего три пунктика. Небось, небось, не для розыска, а только для ведения.

Вынимает из кармана бумагу:

Алексей. Постой-ка, Андреич... А кто же это давеча был?

Толстой. Я и был.

Алексей. Вот что! Так это я тебе?..

Толстой. Мне, батюшка, мне чуть в рожу не плюнул.

Алексей. Ох, Андреич, голубчик, прости! Не узнал я тебя!

Толстой. Бог простит, Петрович.

Алексей. Не сердисься, правда?

Толстой. Что же сердиться? Наше дело таковское: плюй нами в глаза — все Божья роса. А я тебе, ваше высочество, всегда рабски служить готов до издыхания последнего. (*Целует руку его*). Пунктики-то прислушать изволишь?

Алексей. Ну, читай.

Толстой (читает). «1. Что есть причина, что не слушал меня и ни мало ни в чем не хотел угодное делать; а ведал, что сие в людях не водится, также грех и стыд? 2. Отчего так бесстрашен был и не опасался наказания? 3. Для чего иною дорогою, а не послушанием, хотел наследства?» Ответишь, миленький?

Алексей. Что ж отвечать-то, Андреич? Все сказал, видит Бог, все. И слов больше нет, мыслей нет в голове. Совсем одурел...

Толстой. Ничего, ничего, батюшка. Ответ готов. Только подписать, — и дело с концом. (*Вынимает из кармана другую бумагу*). Читать прикажешь?

Алексей. Читай.

Толстой (читает). «1. Моего к отцу непослушания причина та, что люди, которые при мне были, видя мою склонность ни к чему иному, только чтоб ханжить и конверсацию иметь с попами и чернецами и к ним часто ездить и попивать, в том во всем не токмо мне претили, но и сами то ж со мною делали. И отводили меня от отца моего, и, мало-помалу, не токмо воинские и прочие отца моего дела, но и самая его особа zelo мне омерзела. 2. А что не боялся наказания, — и то происходило не от чего иного, токмо от моего злонравия, как сам истинно признаю, — понеже хотя имел страх от отца, но не сыновский. 3. А для чего иною дорогою, а не послушанием хотел наследства, то может всяк легко рассудить, что, когда я уже от прямой дороги вовсе отбился и не хотел ни в чем отцу моему последовать, то каким же было иным образом искать наследства, кроме того, как я делал. Хотел свое получить через чужую помощь? И ежели б до того дошло, и cesарь бы начал вооруженною рукою доставать мне короны российской, то я бы ничего не пожелал, только чтобы исполнить в том свою волю».

Алексей. Да, остро, остро бритва отточена!

Толстой. Какая бритва?

Алексей. А чтоб горло себе перерезать.

Толстой. Не разумею.

Алексей. Полно-ка, Андреич. Я чай, сам не хуже моего разумеешь, что сие — приговор смертный: подписать — руки на себя наложить. Коли правда, что я искал короны Российской иноземным оружием, то повинен есмь казни, яко злодей, и никоей вины, ни стыда в батюшке нет, — паче же слава, что, крови своей не щадя, сына казнит для отечества. А того-де ему и надобно: кровь мою излив, руки умоет.

Толстой. Ну, царевич, батюшка, одно тебе скажу: плохо ты обо мне думаешь, — давеча-то в рожу чуть не плюнул, — а об отце и паче того. (Помолчав). Так как же, родной, не подпишешь?

Алексей. Не подпишу.

Толстой. Воля твоя, Петрович, а только гляди, как бы хуже не было.

Алексей. А что? Опять на дыбу потащите?

Толстой. Тебя-то, чай, не тронут, а кто на тебя поклепал, кнута отведает.

Алексей. Афрося?

Толстой. Коли правда твоя, — ее поклеп.

Молчание.

Толстой (вставая). Ну, будь здоров, ваше высочество. Так и доложу государю: что ответа не будет.

Идет к двери.

Алексей. Постой, Андреич, подумать дай.

Толстой возвращается, садится на прежнее место, вынимает табакерку, нюхает и смахивает платком слезинку с глаз.

Толстой. Батюшка, Алексей Петрович, сердешный, болезный ты мой, ну, что мне с тобой делать, а? Счастья Бог тебе послал, а ты и не чуешь. Сказал бы словцо на ушко, да как бы не на свою голову... Эх, куда ни шло! Давеча, как с пункатами-то посылать к тебе изволил батюшка: «А что, говорит Петр Андреич, как думаешь, жаль мне сына моего непотребного?» — «Как же говорю, ваше величество, сына отцу не жалеть? И змея-де своих черев не ест, кольми паче отец». — «Ну, ладно, говорит, ступай, спроси и запиши не для розыска, а только для ведения. Так и скажи: розыска больше не будет, ниже пытки; пусть вольно объявит, по сущей совести, кто из нас виноват, я или он». Помолчал, очи потупил, а потом, будто про себя, шепотом: «А буде,

говорит, покаяется, может, и помилую; пусть на Афроське женится да живет в своих деревнишках, удалясь от всего, на покое, Бог с ним! Только ты, Андреич, говорит, о том ему не сказывай. А что-де и змея своих черев не ест, этого слова я тебе не забуду». Да так глянуть изволил, что аж у меня душа в пятки.

Алексей. А ты не лжешь?

Толстой. Вот тебе крест. Аль кресту не веришь?

Алексей. Верю. А коли лжешь, Бог тебе судья. *(Помолчав).* А сам ты как думаешь — казнит?

Толстой. Не знаю. Не лгал и не солгу. Где нам, рабам, волю цареву знать? Может, казнит, а может, и помилует. Грозен-де, грозен батюшка, да ведь и милостив. Опять же и то рассуди? Казнит ли, помилует, — вреда от покаяния не будет, паче же польза. Первое: совесть свою перед Богом очистишь; второе: Афросинью от кнута избавишь; а третье, главное всего: буде казнь, так лучше сразу конец, — истомы пуше смерти.

Алексей. Нет, не лжешь, теперь не лжешь. Спасибо за правду, Андреич. Ну, давай же, давай перо! Скорее, скорее, скорее!

Толстой (Блюментросту). Сними повязку, Федорыч.

Блюментрост. Ваше превосходительство, по должности врача и по христианской совести, честь имею доложить, что его высочество в таком состоянии болезненном...

Толстой. А ты, немец, не суй носа, куда не просят. Снимай же, снимай, говорят!

Блюментрост (снимая повязку с правой руки Алексея, — тихо, про себя). Варвары!

Толстой (придвинув столик с чернильницей, обмакнув перо и вкладывая в руку Алексея). Благослови, Господи, подписывай.

Алексей подписывает.

Толстой (спрятав бумагу в карман и целуя руку Алексея). Ну, Христос с тобой. Вишь, умаялся, бедненький! Почивай-ка с Богом, а я побегу, обрадую батюшку. *(Идет к двери).*

Алексей. Андреич!

Толстой (обернувшись). Что, родной?

Алексей. Нет, ничего, ступай.

Толстой уходит.

Блюментрост. Что вы сделали, что вы сделали, ваше высочество!

Алексей. А что?

Блюментрост. Сами же говорили давеча, что приговор смертный, а подписали.

Алексей. Ничего, Федорыч. Подписал, — и конец. Мучить больше не будут. Теперь, как Бог совершит. Буди воля Божья во всем. (Зевает). Ох-ох-ох! Дрема долит. И вправду, умаялся...

Закрывает глаза. Молчание.

Блюментрост (Аренгейму, шепотом). Уснул?

Аренгейм. Да. Как тихо.

Блюментрост. Вы хотели конца, Аренгейм, — вот и конец.

Аренгейм. Теперь уж не помилует?

Блюментрост. Не знаю. И теперь еще не знаю. Бог со зверем борется: увидим, кто кого победит.

Входит *Петр*.

Петр (подойдя к Алексею, шепотом). Спит?

Блюментрост. Спит. Разбудить прикажете, ваше величество?

Петр. Нет. Ступайте.

Блюментрост и *Аренгейм* уходят.

Петр (подойдя к Алексею и взяв его за руку). Алеша!

Алексей открывает глаза и смотрит на *Петра* молча долго.
Пристально.

Алексей. Батя!

Петр опускается на колени.

Алексей. Вот и пришел! Вот и пришел! Настоящий, настоящий батя, миленький, родненький! (Хочет обнять голову *Петра*). Развяжи, неловко...

Петр (снимая повязки с рук Алексея). Больно?

Алексей. Нет, ничего. Зажило.

Петр закрывает лицо руками.

Алексей (обнимая голову его, прижимая к себе, целуя). Что ты, батя, о чем? Теперь хорошо. Все хорошо!

Петр (с рыданием). Алеша, дитяко, чадо мое первородное, Исаак мой возлюбленный!

Алексей. Да что ты, батя, что? О чем?

Петр. Смилуйся, Алеша, пожалей отца! Покайся, открой сердце свое, ничего не таи!

Алексей. Да что ж, родненький, что же еще? Я все сказал. Аль не знаешь, тут Толстой был с пунктами? Я все подписал, повинился во всем. Ничего, ничего больше нет.

Петр. Есть, Алеша! Корень, корень злодейского бунта открой! Все скажи, — все прощу!

Алексей. Ох, батя, батя, бедненький! Зачем ты себя мучаешь? Не меня, — себя казнишь, не жалеешь...

Петр. Ну, так хоть ты пожалей, Алеша, смилуйся, дитяко, смилуйся!

Алексей откидывает голову на подушки и смотрит на *Петра*, молча.

Алексей. Корень хочешь знать? Я — корень, я один. Казни меня и корень исторгнешь. А пока я жив, тебе покоя не будет. Казни же, да помни: не ты меня казнишь, а сам я за тебя на казнь иду. Только прости и люби, люби всегда. И пусть о том никто не знает. Только ты да я, ты да я... Сделай так. Сделаешь?

Петр. Что говоришь? Что говоришь? Ума иступить можно...

Алексей. Греха боишься?

Петр. Боюсь.

Алексей. Не бойся. Бог простит.

Петр. Не простит. Сам говоришь: за кровь твою накажет Бог Россию.

Алексей. Помилует. Вместе предстанем, вместе утолим.

Входит *Толстой*.

Алексей. А вот и он. За тобой пришел. Благослови, батя.

Петр встает, крестит и целует в голову *Алексея*.

Алексей. Сделаешь?

Петр молчит. Потом быстро оборачивается и уходит с *Толстым*.

Алексей (один). Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое! Воспою и пою во славе моей! Им же образом елень желает на источники водные, сие желает душа моя к Тебе, Боже! Возжаждала душа моя к Богу крепкому, живому!

Входят *Блюментрост* и *Аренгейм*.

Блюментрост. Как чувствовать себя изволите, ваше высочество?

Алексей. Хорошо, Федорыч. Встать хочу. Помогите.

Блюментрост. Вставать нельзя.

Алексей. Отчего нельзя? Можно, теперь все можно.

Приподымается. *Блюментрост* и *Аренгейм* помогают ему.

Алексей. К окну. (*Ведут его к окну*). Откройте. В последний раз на Божий свет взглянуть!

Открывают окно.

Алексей. Хорошо-то как, Господи! Солнышко ясное, травка зеленая, цветики желтые... А дух-то, дух от березок слаще дыма кадильного! В последний раз, в последний раз... Коль возлюбленны селения твои, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни! Сердце и плоть моя возрадоваться о Боже живе!

Блюментрост и *Аренгейм* усаживают его в кресло.

Алексей. Блюментростушка, утеха цветиков... Не разумеешь? «Блюмен» — цветики, а «трост» — утеха. Имя-то какое милое! Хоть и немец, а родная душа... (*Аренгейму*). И ты, Карлушка, милый, обоих вас, как родных, полюбил. Ох, батюшки, голубчики, что-то уж очень мне любо с вами да весело... Винца бы выпить?

Блюментрост. Вино вредно вашему высочеству.

Алексей. Ничего, можно, — теперь, говорю, все можно. В последний раз выпить хочется на радостях.

Блюментрост. Какая же радость?

Алексей. Да ведь батюшка простил.

Блюментрост и *Аренгейм* (*вместе*). Помиловал?

Алексей. Нет, не помиловал.

Блюментрост. Как же так? Простил и не помиловал?

Алексей. Не спрашивай. Тайна, тайна великая. А винца-то что ж? И вы, и вы со мною, милые!

Аренгейм (*Блюментросту, шепотом*). Как молит, бедный! Нельзя отказать. Ведь, может быть, и вправду на смерть идет.

Блюментрост. Ну, делать нечего, дайте.

Аренгейм приносит бутылку и стаканы. Наливает и подает.

Алексей (*подняв стакан и глядя на свет*). Как кровь! Кровь и есть... За что же выпить-то, а?

Блюментрост. За здравие вашего высочества.

Алексей. Ну, моему здравью конец... А лучше вот что. Много я ругивал батюшку, может, и за дело; а надо и правду сказать: сей кузнец Россию кует из нового железа Марсова⁴⁷, тяжело молоту, тяжело и наковальне, — да зато Россия будет новая. За здравие государя Петра Алексеевича, Петра Великого!

Блюментрост и *Аренгейм*. Виват! (*Чокаются и пьют*).

Алексей. Ну-ка, еще стаканчик.

Аренгейм. Не много ли будет, ваше высочество?

Алексей. Эх, Карлушка, пить — умереть, и не пить — умереть. Наливай!

Аренгейм наливает.

Алексей. А второй за ваше здоровье, немцы вы мои милые. Я и вас ругивал, а тоже правду сказать надо: хорошо-де в ваших краях, вольно и весело. За землю немецкую и за все края Европейские, за волю вольную!

Блюментрост и *Аренгейм.* Виват! (*Пьют*).

Алексей. Еще последний, Карлушка! Небось, больше не буду.

Аренгейм наливает.

Алексей. Ну, а последний — за Русь! Знаю, вы, немцы, земли нашей не любите: плоха-де для вас. Может, и плоха, да не кляните бедную. Сколько терпела и еще сколько терпеть... А и с нами, и с вами один Христос. Ну, так вот и за плевую Русь выпейте! Да молча, молча, с молитвою...

Пьют молча.

Алексей. А как будете в немецких краях, скажите там, что царевич Алексей Петрович за Россию умер. Скажете?

Блюментрост и *Аренгейм.* Скажем, скажем, ваше высочество!

Аренгейм опускается на колени, целует руку *Алексея* и плачет.

Блюментрост закрывает лицо платком.

Алексей. О чем, миленькие? Плакать не надо. Вон, солнышко как ясно заходит, так пусть и жизнь... Жизнь ли, смерть ли, — все для Господа. Аще бо и пойду посреде сени смертные, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси. Благослови, душе моя, Господа отныне и во век!

Занавес.

Вторая картина.

Там же. На столе гроб с телом *Алексея*. У гроба *дьячок* читает Псалтырь. Горят свечи. Белая ночь.

Люди входят, крестятся, целуют руку покойника и молча уходят.
Два старых Боярина шепчутся.

Второй. Апоплексия, а по нашему удар кровяной?

Первый. Удар, батюшка, удар. Как прочли сентенцию, так и пал замертво.

Второй (*тишайшим шепотом*). Ну, а вправду-то как? Топором, что ли?

Первый. Бог весть.

Второй (вздыхая). Ох-ох-ох! А гробик-то плохонький!

Первый. Сколотили, видно, наспех, тут же, в застенке.

Второй. И кутейки не поставили. Скучно-де, чай, без кутьи-то покойничку!

Первый. Где уж с кутьею возиться, — и так живет!

Второй. Надёжа-то наша, надёжа Российская, вот она где!

Первый. Все там будем!

Второй. Конец, значит, времена последние?

Первый. Последние, батюшка, последние.

Уходят. Входят *Блюментрост* и *Аренгейм*. Отойдя в сторону, шепчутся.

Аренгейм. Да, зверь победил.

Блюментрост. Не знаю. Кажется, не зверь и не Бог, а человек. Страшно было смотреть на лицо его; немногим переживет сына.

Аренгейм. А что скажет народ?

Блюментрост. Ничего не скажет.

Аренгейм. А ведь как любил его!

Блюментрост. Любил и разлюбил. Рабы любить не умеют. Подлая страна, подлый народ!

Аренгейм. Не говорите так. *Его* страна, *его* народ. А ведь он...

Блюментрост. Святой? Да, страшная русская святость. Ну, скажем так: непостижимая страна, непостижимый народ!

Входит *Петр*.

Петр. Ступайте все.

Все уходят. *Петр*, один, подойдя ко гробу, творит земной поклон, крестится и целует *Алексея* в голову. Отходит к аналою и раскрывает Псалтырь.

Петр (читает). «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом твоим накажеши мене. Яко стрелы твои унзоша во мне, и утвердил еси на мне руку Твою. Несть исцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костях моих от лица грех моих. Яко беззакония мои превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне».

Опускается на колени и протягивает руки к телу *Алексея*.

Петр (с рыданием). Алеша. Дитяtko, чадо мое первородное, Исаак мой возлюбленный!.. Овна не послал, овна не послал, Господи! Не пощадил! Кровь сына, царскую кровь, на плаху я первый излил, и падет сия кровь, от главы на главу, до последних царей, и погибнет весь род наш в крови. Да не будет, да не будет, Господи! Кровь его на мне, на мне одном! Казни меня, Боже, — помилуй, помилуй, помилуй Россию!

Занавес.

[1918—1919]

ДАНТЕ

КИНОСЦЕНАРИЙ

I

БЕЛАЯ РОЗА

I

Тихая музыка флорентийских колоколов.

Как в башенных часах, зовущих нас к молитве,
 В час утренний, когда невеста Божья
 Возлюбленного Жениха встречает, —
 Вращаются колеса, и звенят
 Колокола столь сладостно: динь-динь,
 Что сердце от любви, в блаженстве тает, —
 Так звездные колеса надо мной,
 С такой сладчайшей музыкой вращались,
 Что можно б выразить ее лишь там,
 Где наша радость делается вечной¹.

Дантовых дней Флоренция — маленький городок, замкнутый в тесной ограде зубчатых стен, весь ошетинился темными острыми башнями, как еж — иглами. Башен почти столько же, сколько домов, потому что почти каждый дом, сложенный из огромных каменных глыб, с узкими, как щели, бойнями, окнами, с обитыми железом дверями и торчащими из стен дубовыми бревнами, для спешной кладки подъемных мостов, которые на железных цепях перекидывались от дома к дому, едва начинался уличный бой, — почти каждый дом — готовая к войне, крепостная башня.

Дом, где родился *Данте*², — на маленькой площади, у церкви Сан-Мартино-дель-Весково, рядом с городскими воротами Сан-Пьеро, у самого входа в Старый Рынок, на скрещении тесных и темных улочек. Здесь находилось старое гнездо Алигьери — несколько домов разной высоты, под разными крышами, слепленное в целое подворье или усадьбу, подобно слоям тех грибных наростов, что лепятся на гниющей коре очень старых деревьев.

Темные башни Флоренции еще темнее в светлом золоте утра. Самая темная — та, что возвышается над маленькой площадью Сан-Мартино, в двух шагах от дома Алигьери, — четырехугольная, тяжелая, мрачная, точно тюремная, башня дэлла Кастанья. Черная длинная тень от нее тянется по тесной улочке Санта Маргерита, соединяющей дом, где живет девятилетний мальчик, Данте, сын бедного ростовщика-менялы, сэра Герардо Алигьери, с домом восьмилетней девочки, Бице³, дочери вельможного купца и тоже менялы, Фолько Портинари⁴. Сто шагов от дома к дому.

2

Сидя на церковной паперти, в черной тени башни, откинутой утренним солнцем на белую площадь, и подняв глаза с неподвижной, как бы сонной, улыбкой, маленький мальчик, Данте, смотрит пристально широко открытыми глазами на красный весенний цветок в темной щели между камнями башни, вспыхнувший под лучом солнца, как живое красное пламя или капля живой крови.

— Что ты все в тени сидишь, дружок, ступай-ка на солнце, погрейся! Нездорово в тени, вон ты какой бледненький! — кричит ему старая ключница, монна Тана, стоя у открытого окна, вместе с монной Ритой, бедной дальней родственницей-приживалкой в доме Алигьери, и кормя голубей.

Вздروгнув, точно внезапно проснувшись, мальчик взглядывает на монну Тану, улыбается ей, тихо качает головой, медленно отводит от нее глаза и опять все так же неподвижно-пристально смотрит на красный цветок.

— Что с ним такое, на что он воззрился так? — спрашивает монна Рита.

— Кто его знает, — может быть о матери⁵ думает. Третья годовщина смерти монны Бэллы сегодня. Были на кладбище; мальчик долго плакал, обнял могилку и припал к ней так, точно и сам хотел в землю уйти. Едва увели. Плакал и во сне всю ночь. Бедный сиротка! Хорошо еще, что мачеха добрая, любит его, как родного. Да все же не мать. Умный ребенок, не по годам, все понимает. Как отца посадили в тюрьму, будто бы за растрату чужих денег, а может быть, и ни за что, — долго ли злым людям человека оклеветать? — мальчик не только от горя, но и от стыда заболел. Дети в школе дразнили его, ругались над ним, «сыном вора» называли. И потом, когда дядя, сэр Джери дель Бэлло, был убит из-за угла на этой самой площади, и старшему в роде Алигьери, брату убитого, должно было, по закону кровавой мести, отомстить за брата, а он это не сделал, — мальчик опять заболел от стыда, и дети в школе стали ругаться над

ним еще того пуше: «Данте Алигьери, сын вора — вор, сын труса — трус!» И до того довели, что одному из них камнем в голову швырнул он так, что едва не убил. Да, умный ребенок: как ни мал, а честь рода чувствует.

— Ох-хо-хо! — вздыхает монна *Puma*. — Горе детей рано учить уму. Какое для него сиротство горше, от умершей матери или от живого отца, сам, должно быть, не знает. Стыдный отец хуже мертвого!

Мальчик, во время этой беседы, все так же неподвижно-пристально, как давеча, — на красный цветок, смотрит теперь в глубину тесной и темной улочки, соединяющей дом Алигьери с домом *Портинари*, где стоит на крыльце маленькая девочка, в венке из белых роз и в платье красного бархата, вспыхнувшем под лучом солнца, как живое красное пламя и живая кровь⁶.

— Вот и Она! Вот и Она! Я знал, что придет! — шепчет *мальчик*, становится на колени, протягивает руки, тихо склоняется и падает без чувств.

В тот день, когда Она явилась мне...
Я был еще ребенком, но внезапно...
Такую новую узнал я страсть...
Что пал на землю, в сердце пораженный
Как молнией.

3

В доме *Портинари*, на празднике 1 Мая⁷, восьмилетняя девочка, *Биче*, выбранная, по старому *Флорентийскому* обычаю, Королевой Весны, одетая в красное платье, опоясанная золотым поясом и увенчанная белыми розами, подходит к избранному ей в рыцари, девятилетнему мальчику, *Данте*, и подает ему белую розу. Мальчик становится на колени и целует ей ручку, как рыцарь — Прекрасной Даме.

Девушки, в белых одеждах, в венках из алых роз, поют:

Весна идет, весна идет,
Новая Жизнь начинается.
Белая Роза — алая кровь;
Солнце на небе — в сердце любовь!⁸

«Девять раз от моего рождения Небо света возвращалось почти к той же самой точке своего круговращения, — когда явилась мне впервые, облаченная в одежду смиренного и благородного цвета, как бы крови, опоясанная и увенчанная так, как подобало юнейшему возрасту ее, — Лучезарная Дама души моей, *Беатриче*».

Девятилетний мальчик, *Данте*, узнал-вспомнил Ее, и Она — его; вспомнили — узнали оба то, что было и будет в вечности⁹.

4

Первые учителя *Данте* — иноки францисканского монастыря Санта Кроче; первые книги, в слабых детских руках его, — тяжеловесные учебники Доната¹⁰ и Присциллиана: «Основание искусства Грамматики»¹¹.

Данте читает Библию. Так же, как в маленькую девочку Биче, влюблен в великую древнюю Книгу. Делаясь послушником братства св. Франциска Ассизского¹², опоясывается веревкой Нищих Братьев.

Первый светский учитель *Данте* — ранний гуманист, *Брунетто Латини*¹³, вольнодумный философ.

И в Бога я не верил,
И Церкви я не чтил;
Словами и делами
Я оскорблял ее¹⁴.

Брунетто читает с *Данте* Вергилия¹⁵ и говорит ему о славе великих древних поэтов.

Коль будешь верен ты своей звезде,
То и тебе откроет двери Слава¹⁶.

Запечатлен во мне навеки, сэр Брунетто,
Ваш дорогой, любезный, отчий лик.

Тому меня вы первый научили,
Как человек становится бессмертным¹⁷.

Отроку *Данте* надо сделать выбор между двумя бессмертными, небесным и земным, — между двумя путями, — вслед за Франциском Ассизским или за «божественным» Вергилием.

После первой встречи с *Беатриче*, «бог Любви воцарился в моей душе так, что я вынужден был исполнять все его желания. Много раз повелевал он мне увидеть этого юнейшего Ангела»¹⁸.

Отрок *Данте* видит *Биче* и говорит с нею все в той же длинной черной тени, откинутой утренним солнцем от башни дэлла Кастанья на белую площадь Сан Мартино.

Сэр *Алигьери* заключает у нотариуса письменный договор с ближайшим соседом своим, *Манетто Донати*, о помолвке сына с маленькой двенадцатилетней дочерью Манетто, *Джем-*

мой¹⁹. Данте знал ее давно, раньше, чем Беатриче, потому что они жили почти под одною кровлею, в двух соседних домах, разделенных только небольшим двором, видятся постоянно, вместе игрывали и беседовали на той же солнечно-белой площади, в той же черной тени от башни, где встречался он и с *Биче*. Но в день помолвки, глядя на *Джемму*, эту знакомую, миловидную, но почему-то ему опостылевшую, скучную девочку, он вспоминает ту, другую, единственно ему родную и желанную, — *Биче*.

II

ПОЖИРАЕМОЕ СЕРДЦЕ

I

Флорентийские празднества «бога Любви», Signor Amore, происходят в том самом году, когда этот бог явился впервые восемнадцатилетнему юноше, *Данте*.

«В 1283-м году от Р. [ождества] Х. [ристова], в месяце Июне, в Иванов день, в городе Флоренции, бывшем тогда в великом спокойствии, мире и благополучии, благодаря торговле и ремеслам, — многие благородные дамы и рыцари, все в белых одеждах, шествуя по улицам, с трубами и многими другими музыкальными орудиями, чествовали в играх, весельях, плясках и празднествах, того Владыку, чье имя: «бог Любви». И праздновалось то празднество около двух месяцев, и было благороднейшим и знаменитейшим из всех, какие бывали когда-либо во Флоренции. Прибыли же на него и из чужих земель многие благородные люди и игрецы-скоморохи, и приняты были все с великим почетом и ласкою».

В эти дни вся Флоренция — город влюбленных юношей и девушек, таких же, как *Данте* и *Беатриче*.

«Ровно через девять лет после первого явления той Благороднейшей, gentilissima, она явилась мне снова, в одежде белейшего цвета, между двумя благородными дамами старшего возраста, и, проходя по улице, обратила глаза свои в ту сторону, где я стоял, в великом страхе, и с несказанною милостью поклонилась мне так, что я, казалось, достиг предела блаженства».

Я, прежде чем Ее мои глаза
Увидели, — уже по тайной силе,
Что исходила от Нее, — узнал,

Какую все еще имеет власть.
Моя любовь к Ней древняя, как мир²⁰.

— Помните, Данте, белую розу? — спрашивает его, подойдя к нему, *Беатриче*.

Белая Роза — алая кровь;
Солнце на небе — в сердце любовь, —

хочет он ответить и не может. И она уходит медленно, оглядываясь на него с такой улыбкою, что он бледнеет, дрожит и едва не лишается чувств.

2

«Вне себя, я бежал от людей в уединенную келью мою и начал думать об этой Любезнейшей. И в мыслях этих, нашел на меня тишайший сон, и посетило меня чудесное видение: как бы огнецветное облако, внутри его образ Владыки, бога Любви, Signor Amore, с лицом для меня ужасным; но, сам в себе, казался он радостным; и понял я из многого, что он мне говорил, только одно: «Я — твой владыка. Ego dominus tuus». И увидел я, что девушка спала на руках его, вся обнаженная, только в прозрачайшей ткани цвета крови. И в одной руке держал он что-то, горевшее пламенем, и сказал мне так?

— Вот сердце твое! Vide cor tuum!

«И, подождав немного, он разбудил спящую и принудил вкусить от того, что пламенело в руке его. И она вкушала, в сомнении. Вскоре же после того, радость его обратилась в плач, и, подняв на руках девушку, он вознесся с ней на небо. Я же почувствовал такую скорбь, что легкий сон мой вынести ее не мог, — проснулся»²¹.

3

Стоя у открытого окна, за письменным поставцом-аналоем,
Данте пишет первые стихи:

Всякой любящей душе и благородному сердцу...
Привет, в их Владыке, чье имя: Любовь.

A ciascun'alma presa e gentil core...
Salute in lor signor, cioè Amore²².

... Я один из тех,
Кто слушает, что говорит в их сердце
Любовь, и пишет то, что слышит²³.

Пальцы у него в чернилах, как у школяра-схоластика, но дрожат от волнения, когда пишут стройными, длинными и тонкими, на него самого похожими, буквами «сладкие речи любви». Сухо шелестят страницы пыльных, старых книг; но подымает их, веющий из окна, душисто-влажный, как поцелуй любви, весенний ветер. В ясном небе горит Звезда Любви, а на земле — розово-серая туманность, жемчужность раннего летнего утра, и та же в ней грусть о недолговечности всех радостей земных, как и в детски-испуганных глазах «Весны» Боттичелли²⁴, «Primavera».

Лицо у *Данте* такое, как на портрете Джотто: полузакрытые, как у человека засыпающего или только что проснувшегося, глаза; в призрачно-прозрачном, отрочески-девическом лице — неисцелимая грусть и покорная жертвенность, как у любящего, чье сердце пожираемо возлюбленной; губы бескровны, точно всю кровь из жил высосал жадный вампир — сладкий и страшный бог-демон Любви.

III

МУЖ БЕАТРИЧЕ

I

Первый друг и учитель *Данте* в поэзии, *Гвидо Кавальканти*²⁵, лучший Флорентийский поэт тех дней, прекрасный юноша, благородный рыцарь, любезный и отважный, но гордый и нелюдимый, весь погруженный в науку, говорит *Данте* о том, что Биче Портинари выдана замуж за мессера Симоне де Барди²⁶, уже немолодого вдовца из вельможного рода богатейших Флорентийских купцов и менял.

Фолько Портинари, выдавая за него дочь, так же хотел ей добра, как отец Данте — сыну, совершая помолвку его с Джеммой Донати. Семнадцатилетняя *Биче*, выходя замуж, знала немногим больше, что с нею делается, чем помолвленный двенадцатилетний *Данте*. Но теперь он уже это знает и за себя и за нее. Сколько бы ни затыкал ушей, не может не слышать нового ее, чужого имени: «монна Биче де Барди»; сколько бы ни закрывал глаз, не может не видеть, как входит невеста в брачный покой жениха в великолепном дворце-крепости де Барди, с толстыми, точно тюремными, стенами, в далеком квартале за Арно²⁷, у моста Рубаконте; и как бы ни хотел умереть или сойти с ума, чтобы не думать, — все-таки думает о том, что было с нею, когда она туда вошла.

Однажды ночью, встретив на пустынной улице мессера *Симоне де Барди* и видя, как вельможный меняла кланяется ему, бедному школяру-стихотворцу, с насмешливо преувеличенной любезностью, Данте, сжимая рукоять ножа, спрятанного под одеждой, у пояса-веревки св. Франциска, чувствует, с каким наслаждением вонзил бы нож в сердце Беатричина мужа, и в то же время знает, что если он этого не сделает, то вовсе не потому, что, как св. Франциск, прощает врагу.

2

Утром на следующий день, исповедуясь духовнику своему, брату *Убертино да Казале*, Данте кается в этом мысленном человекоубийстве. Брат *Убертино* рассказывает ему легенду об искушении св. Франциска Ассизского, и Данте видит рассказанное в видении.

Зимнею ночью, в лютую стужу, когда молился однажды *Франциск* в келье своей, диавол разжег в нем лютую похоть. Скинув одежду, святой начал себя бичевать по голому телу поясом-веревкой. Падает удар за ударом, но похоть от них только лютееет. Жало бича впивается, как жало поцелуев, в облитое кровью тело. — чем больше, тем слаще. И диавол торжествует над святым. Тот кидается к двери и выбегает в сад, как человек, за которым гонится враг по пятам.

Юный послушник, стоя на молитве в соседней келье, глянул в окно и, хотя в саду от яркой луны светло, почти как днем, — сразу не понимает того, что видит: прыгает, пляшет, как канатный плясун, в снежном сугробе, или валяется в нем голый человек, и на теле его, голубом от луны, выступают черные полосы. «Диавол!» — шепчет послушник и вдруг узнает Блаженного и понимает, что черные полосы на теле — кровавые. Выйдя потихоньку из кельи, послушник взгляделся и вслушался. Снегу набирая в пригоршни, что-то бормоча и как будто смеясь, лепит Франциск снежные куклы, мужские и женские. Вылепив их семь, говорит: «Видишь, Франциск: эта большая средняя, — жена твоя; эти четыре поменьше, — два сынка твои и две дочки, а те две, позади, — слуга и служанка. Видишь, как им, бедненьким, холодно? Надо их скорее одеть и согреть...»²⁸

Если же скучно и тошно тебе от столько забот, — уйди от них, забудь их и радуйся, что служишь Единому Господу!»

— «Так же и ты, радуйся, Данте, что в чистоте непорочного девства Единому Господу служишь! — заключает брат *Убертино*. — Ступай же с миром, сын мой, и помни, что пояс-веревка св. Франциска спасет тебя от всех искушений плотских и со дна адава вытащит!»

IV

ДАМА ШИТА

I

Ранняя Флорентийская весна, такая же, как на картине Боттичелли Primavera. Роща молодых тополей, на берегу Арно, сквозит на утреннем солнце прозрачною зеленью. Грустному кукованью кукушки отвечает далекая пастушья свирель за рекой.

Данте и *Гвидо Кавальканти*, гуляя в роще, беседуют о новом «веселом звании» *gaia scienza*, возвещаемом на Провансальских «Судах Любви», *Cours d'Amour*, бродячими певцами, труверами и трубадурами²⁹.

— Лучший бальзам на раны сердца твоего, мой друг, — это «веселое звание», — говорит *Кавальканти*, по своему обыкновению, так насмешливо-двусмысленно, как будто сам не верит тому, что говорит. — Истинной любви не может быть между супругами, потому что брачная любовь и та, которая соединяет истинных любовников, исходят из различнейших чувств. Самая блаженная и огненная — любовь издалека, *amour da lungi*, а плотская похоть в браке есть начало греха и смерти³⁰. Еву познав, умер Адам. Выбери же одно из двух, земную любовь или небесную, чтобы не мучаться так и не презирать себя за эти напрасные муки. О сколько раз к тебе я приходил, но видел я тебя в столь низких мыслях, что твоего высокого ума и сил потерянных мне было жалко! Чтобы человек, молодой и влюбленный в женщину так, что бледнеет и краснеет, завидев ее только издали на улице, а когда она к нему подходит, убегает, боясь лишиться чувств, — чтобы такой возлюбленный ничего от любимой не пожелал, кроме мимолетного приветствия, — этому люди никогда не поверят; веришь ли ты этому сам? Не слыхом ли торопишься сделать из земной женщины Ангела, не спрашивая, хочет ли она этого сама? Но сколько бы ни делал из нее Ангела, ты не можешь не знать, что муж входит в спальню не к Ангелу, а к женщине...

Гвидо сообщает *Данте* заповедь новой любви — нерушимую тайну:

— Узнанная любовь не приносит чести любовнику, потому что омрачает ее дурными слухами, так что он жалеет, что не утаил ее от людей. Тайне истинной любви служит мнимая, к Даме Шита, *Donna Schermo*. Верен будь этой заповеди, и ты избавишься от бесполезных мук...

— Вот как просто! — усмехается Данте. — И овцы целы и волки сыты. Всех обману, в том числе и Даму Щита. Как бы эта игра в мнимую любовь не оказалась опасной для истинной!

— Волков бояться — в лес не ходить! — смеется и Гвидо.

2

Лунная ночь над Флоренцией. Вилла Фрескобальди, на склонах горы Фьезоле. В черной тени кипарисов кружатся светляки, как свечи невидимых Ангелов. Редкие, тихие капли падают из мшистой раковины в водоем, как тихие слезы.

Сидя вокруг фонтана в саду, *молодые дамы* беседуют, в родном из тех собраний, которые при дворах Провансальских владетельных князей, называются «Судами Любви», Cours d'Amour.

Слышится далекая песня под звуки виолы. Музыкант *Казелла* поет стихи Данте.

Любовь с моей душою говорит...

Но слов любви мой ум не понимает

Amor che ne la mente mi radiona...

cióche lo mio intelletto non comprende.

— Как хорошо, Господи, как хорошо! Лучше не поют и ангелы в раю, — восхищается *одна из дам*.

— Чьи это стихи? — спрашивает *другая*.

— Данте.

— Удивительно, как такой низкий человек мог сочинить такие стихи!

— Почему же низкий?

— Потому что любит двух.

— Что за беда? Двух любить не только можно, но и должно, по законодательству новой любви: муж любит жену и любовницу, и жена — мужа и любовника. Не для того ли нужны Дамы Щита?

— Бедная монна Биче! Надо бы ее остеречь...

— Будьте покойны — не слепая: видит, с кем имеет дело!

— А любопытно было бы знать, кто кому служит щитом, — монна Ладжия³¹ монне Биче, или наоборот...

— Сами, должно быть, не знают. Ох, уж эта мне новая любовь! Погибнет от нее когда-нибудь наш бедный город, как Содом и Гоморра!³²

— Кажется и без новой любви погибает...

А вот и она, легка на помине!

Медленно проходит *Беатриче*, вся в белом, только на груди — алая роза, похожая, в лунном свете, на рану с черной запекшейся кровью.

3

В темной глубине сада, в беседке из розовых кустов, стоя на коленях перед монной *Ладжией*, Дамой щита, *Данте* читает стихи:

Любовь с моей душою говорит...
Но слов любви мой ум не понимает...

Тихо осыпаясь от ночного ветра, падают к ногам его, как снег, лепестки белых роз.

Медленно проходит мимо беседки *Беатриче*, с закрытыми глазами, точно во сне. Вдруг останавливается, как будто прислушиваясь, и потом идет дальше. Алая роза, при лунном свете, на ее груди, чернеет, как рана с черной запекшейся кровью.

V

БОГ ЛЮБВИ — ГЕОМЕТР

I

«Начали глаза мои слишком услаждаться видом ее (Дамы Щита), и часто я мучился этим, потому что это мне казалось очень низким». — «Может быть, эта благородная Дама послана мне самим богом Любви для того, чтобы мне утешиться», — думал я часто, и сердце мое соглашалось на это. Но едва согласившись, говорило: «Боже мой, что это за низость?» Так я боролся с самим собою, но знал об этой борьбе только тот несчастный, который мучился в ней. И слишком многие стали о том говорить больше, чем должно, по законам любви, *oltre li termini de la cortesia*, и это было мне так тяжело, что я не мог вынести»³³. «И по причине молвы, бесчестившей меня, эта Благороднейшая, разрушительница всех пороков и царица добродетели, проходя однажды мимо меня, отказала мне в своем приветствии, в котором заключалось все мое блаженство»³⁴.

Молча, глазами, спросил он ее, как всегда: «Можно любить?» и она ответила, тоже молча, но не так, как всегда:

«Нет, нельзя!» И точно земля под ним разверзлась, небо на него обрушилось, от этих двух слов, когда он понял, что они значат: «Если ты хочешь любить двух, я не хочу быть одною из двух!»

2

...«И почувствовал я такую скорбь, что, бежав от людей туда, где никто не мог меня видеть, начал горько плакать. Когда же плач немного затих, я вернулся домой, в комнату мою, где жалоб моих никто не слышал. И начал снова плакать, говоря: «Любовь, помоги!» И, плача, я уснул, как маленький прибитый мальчик. И увидел во сне юношу, в белых одеждах, сидевшего на моей постели. И мне казалось, что он смотрит на меня, о чем-то глубоко задумавшись. И потом, вздохнув, он сказал:

— Сын мой, кончить пора наши притворства!

«И мне показалось, что я знаю его, потому что он назвал меня так, как часто называл в сновиденьях. И, взглядевшись, я увидел, что он горько плачет».

Этот юноша в «белейших одеждах», таких же, как у *Беатриче*, «Владыка с ужасным лицом», Ангел, бог или демон Любви, тоже плачет, «как маленький прибитый мальчик» — сам Данте; он и лицом похож на него, как двойник.

— «И я спросил его: «О чем ты плачешь, Господин?» — «Я — как бы в центре круга, находящийся в равном расстоянии от всех точек окружности, а ты — не так» — ответил он».

Циркуль, вместо Факела, — в руке у этого демона — бога Любви: меряет божественный Геометр круг любви — круг вечности.

Я был тому геометру подобен,
Который ищет квадратуры круга
И не находит...

Вдруг молнией был поражен мой ум, —
Я понял все, но в тот же миг,
Потухло все в уме изнеможенном³⁵.

«... И я сказал: «Зачем ты говоришь так непонятно?» И он в ответ: «Не спрашивай больше, чем должно»... Тогда, заговорив об отказанном мне приветствии, я спросил его о причине отказа, и он сказал мне так: «Беатриче наша любимая узнала, что ты докучаешь той Даме Щита: вот почему, не любя докучных людей и боясь, что ты будешь и ей докучать, не удостоила она тебя приветствием. Знает она,

что дух скуки овладел твоей униженной душой, как у тех малодушных, отвергнутых небом и адом, которых ты некогда так презирал, и один из которых теперь — ты сам»³⁶.

3

Кто-то из друзей *Данте* приводит его в дом, где многие благородные дамы собрались к *новобрачной*, ибо в том городе был обычай, чтоб невестины подруги служили ей, когда впервые садилась она за стол жениха.

— Зачем ты меня привел? — спрашивает *Данте*.

— Чтобы послужить этим дамам, — отвечает *друг*.

«Желая ему угодить, я решил им служить вместе с ним. Но, только что я это решил, как почувствовал сильнейшую дрожь, внезапно начавшуюся в левой стороне груди и распространившуюся по всему телу моему. Я прислонился к стенной росписи, окружавшей всю комнату, и боясь, чтобы кто-нибудь не заметил, как я дрожу, — поднял глаза и, взглянув на них, увидел среди них Беатриче и едва не лишился чувств. Многие дамы, заметив то, удивились и начали смеяться надо мной... Тогда мой друг, взяв меня за руку, вывел оттуда и спросил, что со мной... И, придя немного в себя, я ответил: «Я был уже одной ногою там, откуда нет возврата»... И, оставив его, я вернулся домой, в комнату слез, где, плача от стыда, говорил: «О если бы Дама эта знала чувства мои, она не посмеялась бы надо мной, а пожалела бы меня!»³⁷

Душа моя, гонимая любовью,

уходит из жизни этой, плача...

Но та, кто столько сделала мне зла,

подняв убийственные очи, говорит:

«Ступай, ступай, несчастный, уходи!» —

... Смехом ее убивается жалость...³⁸

Сладкие стихи любви мне должно оставить

навек, потому что, явленные в ней

презренье и жестокость

замыкают уста мои.

... Долго таил я рану мою ото всех;

теперь она открылась перед всеми:

я умираю из-за той,

чье сладостное имя: Беатриче...

Я смерть мою прощаю той,

Кто жалости ко мне не знала никогда!

VI

СМЕРТЬ БЕАТРИЧЕ

I

Летняя звездная ночь смотрит в окно сквозь толстые чугунные решетки мрачного дворца-крепости рода де Барди, вельможных менял. На постели, под великолепным парчовым пологом, лежит больная *Беатриче*. Монна *Ванна*, сестра ее³⁹, входит в спальню и, подойдя к *Беатриче*, подает ей письмо. *Та*, при свете лампы, теплящейся перед иконой Богоматери, читает стихи *Данте*.

Столько же, как прежде, казалась мне любовь жестокой,
кажется она теперь милосердной...
и чувствует душа моя такую в ней сладость,
что об одном только молит любимую, —
дать ей больше этого блаженства⁴⁰.

Беатриче целует листок, прячет его под подушку и говорит:

— Ванна, когда я умру, положи этот листок вместе со мною, во гроб...

Да наградит Бог того, кто дал мне так любить и страдать!

Входит священник со Святыми Дарами и, по уходе монны *Ванны*, исповедует умирающую. Хочет ее причастить, но она делает знак, чтобы он наклонился, и шепчет ему на ухо:

— Есть у меня, отец, еще одно на сердце, о чем я никогда никому из людей не говорила и о чем только Богу скажу: я любила всю жизнь не мужа, а другого.

— Каешься ли ты в этом великом грехе, дочь моя?

— Нет, я не могу каяться в том, что не грех для меня, а святыня.

— Может ли быть прелюбодеяние свято? Если не покаешься, погибнешь...

— Нет, не погибну. Кто дал мне эту любовь, Тот и спасет.

— Я тебя причастить не могу, если не покаешься.

Умирающая смотрит на него молча, но так, что он понимает, что если он ее не причастит, то она умрет без покаяния. Тоже молча, отходит он в глубину комнаты, ставит чашу с Дарами на аналой перед иконой Богоматери,

падает на колени и молится. Потом снова подходит к умирающей и говорит, осенив ее крестным знаменем:

— Дева Матерь Пречистая берет тебя под свой святой покров: не я — Она сама тебя причастит...

Слышится утренний колокол Ave Maria. Монна Ванна входит в комнату. Так же как давеча — священнику, умирающая делает ей знак, чтоб она наклонилась и шепчет ей на ухо:

— Скажи ему, что я его одного...

С тихой улыбкой, не кончив, закрывает глаза. Первый луч солнца озаряет лицо ее, и монна Ванна, взглядевшись в него, угадывает то, что Беатриче хотела сказать: «Я его одного любила!»

2

Скорбь Данте, когда он узнает о смерти Беатриче, так велика, что близкие думают, что он умрет или сойдет с ума. Весь исхудалый, волосами обросший, сам на себя не похожий, так что жалко было смотреть на него, сделался он как бы диким зверем или страшилищем⁴¹.

Может быть, он и сам думает о смерти и хочет умереть.

Каждый раз, когда я вспоминаю о той,
кого уже никогда не увижу,
я зову к себе смерть,
как отдых блаженный⁴².

«Вскоре после того я тяжело заболел и начал бредить... И являлись мне многие страшные образы, и все они говорили: «Ты тоже умрешь... ты уже умер». И мне казалось, что солнце померкло, звезды плачут, и земля трясется. И когда я ужасался тому, чей-то голос сказал мне: «разве ты еще не знаешь, что Дама твоя умерла?» И я заплакал во сне, и сердце сказала мне: «Воистину она умерла!» И тогда увидел я мертвое тело ее. И так смиренно было лицо ее, что, казалось, говорило: «Всякого мира я вижу начало»⁴³.

3

Стоя у того же письменного поставца-аналога, как три года назад, но уже не раннею весною, а позднею осенью, когда оконные стекла затуманены, точно заплаканы, серым

дождем, и желтые листья осыпаются с деревьев, Данте, в полубреду, пишет торжественное, на латинском языке, «Послание ко всем Государям земли», — не только Италии, но всего мира, потому что смерть Беатриче — всемирное бедствие, знамение гнева Божия на весь человеческий род:

«...Ее похитил не холод, не жар, как других людей похищает, но взял ее Господь к Себе, потому что скучная наша земля недостойна была такой красоты...»⁴⁴ «Как одиноко стоит Город, некогда многолюдный, великий между городами! Он стал как вдова»⁴⁵.

Город этот потерял свое Блаженство (Беатриче),
и то, что я могу сказать о нем,
заставило бы плакать всех людей⁴⁶.

«Скорбный город», Citta Dolente, для него не только Флоренция, но и вся Италия — весь мир.

В скорбный Город входят через меня,
Per me si va nella Città Dolente, —

эти слова, написанные черным, он видит на челе ворот, ведущих в Ад.

VII

ДАНТЕ С ДЕВЧОНКАМИ

I

Зимняя ненастная ночь. Спальня в старом доме Алигьери, на Сан-Мартиновой площади. В темной глубине комнаты — огромная, похожая на катафалк, двуспальная постель. Данте сидит у потухшего очага, с древним рыцарским гербом — потускневшим золотым крылом в лазурном поле. Джемма, беременная, сидя у стола с нагоревшей свечой, шьет пеленки. Ветер стучит в ставни и воет в трубе очага.

Данте встает и потягивается, заломив пальцы над головою, так что кости в суставах трещат и говорит, зевая:

— Девять, кажется, у Бадии пробило. Ну, я пойду...

— Куда? — спрашивает Джемма, не подымая глаз от шитья.

— Сколько раз тебе говорить? К Лотто Кавалино ростовщику. Сто флоринов, по сорока процентов, на шесть месяцев.

— Сорок процентов! Ах, жид окаянный, чтоб ему свинца расплавленного в глотку! Ну да ладно, можешь и не ходить, дело сделано.

Молча, неторопливо встает, откладывает шитье, втыкает в него иголку, снимает наперсток, подходит к железному ларцу у изголовья постели, отпирает его и, вынув туго набитый кошель, подает его Данте, а когда тот не берет, — кладет его рядом с ним, на скамью, и, все так же неторопливо вернувшись к столу, принимается опять за работу.

— Пересчитай, 480 флоринов, по пяти процентов на год. Батюшка мой поручился. Едва упростила. Это последние, больше достать не могу. Долгу за три года 1.998 флоринов 59 сольдов. Если дальше так пойдет, по уши залезешь в долги и никогда не вылезешь,пустишь детей по миру.

Данте, взглянув на кошель, качает головой.

— Нет, этих денег я не возьму! Лучше дьяволу душу продать, чем таким двум ангелам, как вы с батюшкой...

— Что говорить пустое, еще как возьмешь! Деньги эти тебе до зарезу нужны, сам знаешь на что.

— На что же?

— Коли забыл, братец мой милый напомнит, мессер Форезе Донати⁴⁷: цену золотых ожерелий модной французской работы, что нравятся девчонкам, он хорошо знает...

Данте снова потягивается, зевая.

— Какая скука, Господи, какая скука! Сколько лет одно и то же! Как тебе самой не надоест...

Джемма, закрыв лицо руками, всхлипывает; потом уходит в глубину комнаты, кладет голову на край постели и, уткнувшись в нее лицом, плачет навзрыд. Данте, крадучись как вор, проходит мимо нее к двери, открывает ее потихоньку и сходит по лестнице. Джемма, услышав, как скрипнула дверь, кидается к ней и кричит:

— Данте! Данте! Данте!

Ей никто не отвечает; только внизу хлопает с гулом входная дверь, и стучит на ней железный засов. Ветер воет в трубе. В темной комнате, при свете гаснущей свечи, двуспальная постель похожа на огромный катафалк.

2

Скверная харчевня под вывеской Черного Кота, у Флорентийских боен. Главные завсегдатаи харчевни — мясники и фальшивомонетчики.

Данте и Форезе Донати, Джеммин брат, спутник всех Дантовых любовных походов за «девчонками». Сидят за пустым длинным столом; только на другом конце его уснувший *пьяница*, опустив на стол голову, храпит. *Юркий старичок-хозяин*, похожий на мертвого высохшего паука, суетясь, подливает вина в стаканы. *Данте* к нему не прикасается, но *Форезе* пьет за двоих.

— Кой же черт тебя дернул жениться? — спрашивает он, допивая третий стакан.

— Не черт, а черти, — дядюшки, тетушки, мамушки, бабушки, — все обступили, заговорили и женили. Лучшее, будто бы, лекарство от любви к чужой жене — своя. Но лекарство оказалось хуже болезни. Только одного искал я всю жизнь — тени, тишины и молчания, — и вот что нашел. Царь Давид перепиливал пленников деревянной пилой, а она меня — добродетелью...

— Бедная Джемма! Ты не думай, Данте, я ее потому жалею, что брат, — и чужому было бы жалко. Сколько лет видела, что ты любишь другую, слушала сладкие речи любви, сказанные не ей, а другой! Этого довольно было бы для всякой женщины, даже ангела, чтобы сделаться дьяволом...

— Знаю все, не говори... О, тяжело, тяжело вспомнить, какую жизнь мы с тобою вели!.. Вещий сон приснился мне однажды: только что выйдя из темного дикого леса, предвврия ада, вижу, будто бы Пантера быстрая, легкая, ласковая, все забегает вперед и заглядывает мне в глаза, преграждая путь, и я уже хочу вернуться назад. Но весеннее утро так нежно, солнце всходит так ясно, и пестрая шкура Пантеры так весела, что я почти не боюсь... Знаешь, кто эта Пантера?

— Кто же?

— Сладострастная похоть. Похотью сплошной была вся моя жизнь. С девятилетнего возраста я уже любил и знал, как взнуздывает нас Любовь и шпорит, и как под ней мы плачем и смеемся. Кому в бока она вонзает шпоры, тот принужден за новым счастьем гнаться, каким бы ни было оно презренным... Здесь, в похоти, небо с землей, дух с плотью уже не борются; здесь бог Любви строит мосты не между землей и небом, а между небом и адом... Самое страшное не то, что я изменял Беатриче с одной из многих девчонок, а то, что я люблю их обеих вместе. Только пел неземную любовь, как начинал петь совсем иную, нечистую. Страшная война противоречивейших мыслей и чувств, высоких, святых и грешных, низких кончалась миром, еще более

страшным. Пестрая, гладкая шкура Пантеры нежно лоснилась под утренним солнцем, и светлые пятна чередовались с темными так, что смотреть на них было весело. Нравилось мне это смешение светлого с темным, небесного с подземным, — полета с падением. В ласковом мяуканьи Пантеры слышалось: «Бросься вниз с выси духа в бездну плоти, и Ангелы или демоны понесут тебя на руках своих, да не преткнешься о камень твою»... Вот сердце мое, Господи, вот сердце мое, пусть скажет оно Тебе, чего искало в этом бескорыстном зле — зле ради зла! Гнусно было зло, но я его хотел; я любил себя губить; любил мой грех, — не то, ради чего грешил, а самый грех. Гнусная душа моя низвергалась с неба Твоего, Господи, во тьму кромешную. Сладко мне было преступать закон и, будучи рабом, казаться свободным, в темном подобии всемогущества Божия...

Вздрыгнув, точно проснувшись, *Данте* оглядывается на толстую, похожую на огромную жабу, старуху, *монну Стригу*, которая подкрадывается сзади к *Форезе*. Тот немного отойдя, шепчется с ней.

— Тридцать флоринов за каждую, больше не дам. Думаешь, старая ведьма, что я забыл, как намедни ты нас обманула, выдав одну девчонку за другую, кукушку за ястреба?

— Ну ладно, ладно, миленький, торговаться не буду, сам небось прибавишь, как увидишь товар. Этакая девчонка и королю французскому не снилась, пальчики оближешь!

Монна Стрига ведет *Данте* и *Форезе* по крутой, зловонной лестнице, в верхнее жилье, где ждут их, на площадке, две монахини в черных рясах и низко на лица надвинутых куколях. В дверь направо входит, с одной из них, *Форезе*, а с другой, налево, *Данте*.

3

Низкая каморка на чердаке, где пахнет мышами и затхлою сыростью. В темной глубине комнаты — такая же двухспальная постель, похожая на катафалк, как в доме Алигьери. Скинув черную рясу и куколь, печальная монахиня превращается в веселую девочку, как темная куколка в светлую бабочку. Голое тело сквозит сквозь прозрачную ткань так же, как тело Беатриче, в видении Пожираемого Сердца.

Девочка садится на край стола, закинув ногу за ногу, и наливает вино в стакан.

— Точно кровь! — говорит, глядя на вино сквозь огонь свечи. — А ты что же не пьешь?

— Я вина не пью.

— Вот умный мальчик, вина не пьет и не целует девочек!
Да что ты такой невеселый? Или монна Ведьма сглазила?

— Как тебя звать?

— Много у меня имен: Виолетта, Лизетта, Перголетта, Беатриче... Знаешь, как девочки в цветочных масках, что на играх бога Любви, водят хоровод спрашивают мальчиков: «Кто мы такие? Кто мы такие? Свои или чужие? Угадайте, — полюбим и чужих, как своих!»

Взяв лютню со стола, тихонько перебирает струны и поет:

Любовь с моей душою говорит,
Но слов любви мой ум не понимает...

— Чья это песенка, знаешь?

— Нет, не знаю.

— Данте к Беатриче. А вот и другая, тоже к ней.
Удивительно, что один одной две такие песни мог сочинить!

О, если бы она, в кипящем масле,
Вопила так из-за меня, как я —
Из-за нее, я закричал бы ей:
«Сейчас, сейчас иду к тебе на помощь!»
О, только б мне схватить ее за косы,
Что сделались бичом моим и плетью, —
Уж я бы их не выпустил из рук,
От часа третьего до поздней ночи,
И был бы с ней не жалостлив и нежен,
А, как медведь играющий, жесток!
И если б до крови меня Любовь избил, —
Я отомстил бы ей тысячекратно,
И в те глаза, чье пламя сердце мне
Испепелило, я глядел бы прямо
И жадно; мукой бы сначала муку,
Потом любовь любовью утолил!

Вдруг, соскочив со стола, садится к нему на колени,
обнимает его и целует, смеясь.

— Да ну же, ну, что же ты не играешь, медведь?

Раннее темное утро. Девочка спит на постели. Данте подходит к окну и открывает ставни. Пламя свечи бледнеет на солнце. Красное вино, разлитое на столе, кажется лужею крови.

Данте зевает, потягивается, заломив руки над головою так, что суставы на пальцах трещат.

— Какая скука, Господи, какая скука!

Слышится далекий колокол Ave Maria. В светлеющем небе горит Звезда Любви.

4

ВИДЕНИЕ БЕАТРИЧЕ

... Как розовое солнце на востоке...
Является сквозь утренний туман...
Так Женщина сквозь облако цветов,
Что отовсюду Ангелы кидали,
Явилась мне, венчанная оливой,
В покрове белом и плаще зеленом
На ризе алой, как живое пламя.
И после стольких, стольких лет разлуки,
В которые отвыкла умирать,
Душа моя в блаженстве перед нею.
Я, прежде чем ее мои глаза
Увидели, уже по тайной силе,
Что исходила от нее, — узнал,
Какую все еще имеет власть
Моя любовь к ней, древняя, как мир...
... Я потрясен был и теперь, как в детстве,
Когда ее увидел в первый раз.
И обратясь к Вергилию, с таким же
Доверием, с каким дитя, в испуге
Или в печали, к матери бежит, —
Я так сказал ему: «Я весь дрожу,
Вся кровь моя оледенела в жилах;
Я древнюю любовь мою узнал!»
Но не было Вергилия со мной,
Ушел отец сладчайший мой, Вергилий,
Кому мое спасенье поручила
Владычица моя. И все, что видел
Я здесь, в земном раю, не помешало
Слезам облить мои сухие щеки,
И потемнеть от них лицу. — «О Данте!
О том, что от тебя ушел Вергилий,
Не плачь: сейчас ты о другом заплачешь!»
Она сказала, и еще не видя
Ее лица, по голосу я понял,
Что говорит она, как тот, кто подавляет
Свой гнев, чтоб волю дать ему потом.
«Не узнаешь? Смотри, смотри же: это я,
Я, Беатриче!» И, потупив очи,
Увидел я, как отразилось в светлой
Воде источника мое лицо,
Горевшее таким стыдом, что взоры

Я от него отвел. Такой суровой,
Как сыну провинившемуся — мать.
Она казалась мне, когда я ощутил
Вкус горькой жалости в ее любви.
Вдруг Ангелы запели...
«Зачем его казнишь ты так жестоко?»
Послышалось мне в этой тихой песне.
И Ангелам ответила она:
«Дано ему так много было свыше,
Что мог бы он великого достигнуть.
Но чем земля тучней, тем злее злое семя.
Недолго я могла очарованьем
Невинного лица и детских глаз
Вести его по верному пути.
Как только что я эту жизнь на ту
Переменила, он меня покинул
И сердце отдал женщине другой.
Когда, от плоти к духу возносясь,
Я сделалась прекрасной и могучей,
То для него уже немилрой стала,
И, обратив шаги на путь неправый,
Погнался он за призраками благ,
Что не дают того, что обещают.
Напрасно, в вещих снах и вдохновеньях,
Я говорила с ним, звала его,
Остерегала, — он меня не слушал
И презирал...
И, наконец, так низко пал, что средства
Иного не было его спасти,
Как показать ему погибших племя...
Я для того сошла с преддверья Ада,
К тому, кто должен был вести его на небо,
И, горько плача, за него молила...
О, ты, на берегу ином стоящий,
Скажи, права я или нет?» —
Вонзая в сердце острие ножа,
Чей даже край его так больно резал, —
Она меня спросила, но в таком
Я был смятеньи, что не мог ответить,
И лишь стыдом и страхом, поневоле,
Такое «да» исторглось у меня,
Что мало было слуха, — глаз был нужен,
Чтоб по движенью губ его увидеть...
И голос мой рыданья заглушили...
«Какими был цепями ты окован?»
Она заговорила, помолчав, —
«Какие рвы тебе идти мешали,
Куда звала тебя моя любовь?» —
«Мирских сует соблазны извратили

Мой путь, когда вы скрыли от меня лицо», —
Пролепетал чуть слышно я сквозь слезы.
Тогда она: «Не плачь, а слушай: верный путь
Тебе указан был моею смертью.
Не мог найти в природе и в искусстве
Ты ничего по высоте блаженства,
Подобного моим прекрасным членам,
Рассыпавшимся ныне в прах и тлен.
Но если, и в таком блаженстве, смертью
Ты был обманут, чем еще земным
Ты мог бы соблазниться? Пораженный
Земных обманов первою стрелой,
Ты должен был свой путь направить к небу,
От смертного, вослед за мной, бессмертной,
Не опуская крыльев в дольный прах,
Чтоб новых ждать соблазнов от девчонок
Или иных сует ничтожных мира.
Попастся может глупый птенчик дважды
И трижды в сеть, но старым умным птицам
Ни сеть ловца, ни лук уже не страшен...»
Как виноватый мальчик — перед старшим, —
Глаза потупив молча от стыда,
Я перед ней стоял. — «Что, больно слушать?
Так подыми же бороду, в глаза
Мне посмотри, — еще большее будет»,
Она сказала. Налетевшей буре,
Когда она с корнями дубы рвет, —
Противится из них крепчайший меньше,
Чем я, когда к ней подымал лицо
И чувствовал, какой был яд насмешки в том,
Что бородою назвала мое лицо.
И между тем, как смутными очами
Я на нее смотрел, казалось мне,
Что красотой новой здесь, на небе,
Она себя превосходила, так же,
Как на земле — всех жен земных когда-то.
И жало угрызения мне сердце
Пронзило так, что все, что я любил
Не в ней одной, я вдруг возненавидел.
И боль такая растерзала душу,
Что я упал без чувств, и что со мною было,
Она одна лишь знает⁴⁸.

VIII

РАЗДЕЛЕННЫЙ ГОРОД

I

Темной синевою синеет утреннее небо между желто-серыми зубчатыми стенами Барджелло. Встретившись на площадке лестницы, идущей со двора в большую палату Совета, Данте и старый учитель его *Брунетто Латини*, бывший канцлер Флорентийской Республики, беседуют.

— Можно тебя поздравить, мой друг? — спрашивает с насмешливой улыбкой *Брунетто*. — Пришлось-таки записаться в аптекари?

— Что же делать, учитель? Не было другого средства обойти новый закон, воспрещающий гражданам, не записанным в цехи, исполнять государственные должности.

— Вот до чего мы дожили, Данте, неизвестный поэт, известный аптекарь, на побегушках у Ее Величества Черни! Будет побежден маленький Данте большим мясником Пэкорой! Надвое разделился наш город между богатыми и бедными, «жирным городом» и «тощим», так что нет уже ни одного семейства, не разделенного в самом себе, где брат не восставал бы на брата. Но знаю: разделившись, земля спастись не может, и эта мысль жестоко терзает мне сердце... Так премудры наши законы, что, сделанное в середине ноября, не сходитя с октябрьским нашим делом. Уж сколько, сколько раз, за нашу память, меняли мы законы, обновляясь; но если б вспомнили все, что было, то поняли бы, что подобны тому больному, который, не находя покоя, ворочается с боку на бок, на постели, чтобы обмануть болезнь... Кажется, на край света бежал бы, чтобы этого больше не видеть!

— Некуда бежать, мессер Брунетто! Уже давно землей никто не правит, — вот отчего во мраке, как слепой, род человеческий блуждает. Эта чума идет оттуда, где каждый день продается Христос, из логова Римской Волчицы⁴⁹, что, в голоде своем ненасытимом, лютее всех зверей. Волчья склока бедных с богатыми есть начало войны бесконечной. Люди с людьми, как волки с волками, всюду грызутся, — только шерсть летит клочьями, а падаль, из-за которой грызутся, — не только Флоренция, но и вся Италия — весь мир. Да, некуда бежать, потому что весь мир есть Город Разделенный, Город Плачевный, — Ад!

2

В сводчатой палате Совета рядом с часовней Барджелло, где находится над алтарем писанный Джотто портрет юного Данте, — сквозь разноцветные оконные стекла падают радужные свету на крытый алым сукном, длинный стол, за которым происходит заседание Совета Ста, Consiglio dei Cento. Члены Совета, Флорентийские купцы и менялы, цеховые консулы двух великих искусств Шерсти и Шелка, в четырехугольных красных шапках и величественных красных тогах с прямыми длинными складками, подобны древнеримским сенаторам. В верхнем конце стола, под цеховым знаменем Шерсти — белым Агнцем с алым Крестом — рядом с Приором, верховным сановником Флорентийской Коммуны, сидит *Гонфалоньер Правосудия*, а против них, на другом конце стола, — маленький лысый старичок, в лиловом пурпуре, с бледным лицом и рысьими глазками, папский легат, *кардинал Акваспарта*⁶⁰.

— Дети мои возлюбленные, — говорит он уветливым голосом, — будьте уверены, что ничего не желает Святейший Отец, кроме вашего мира и счастья. Будьте же ему покорны во всем, ибо он есть Наместник Того, Кого поставил Бог судить живых и мертвых и Кому дал власть надо всеми царями и царствами. Верьте, что и в этом деле — продлении службы Флорентийских ратников, печется он ни о чем ином, как только о вашем же собственном благе.

— Во имя Отца и Сына и Духа Святого! — возглашает *Приор*, вставая и осеняя себя крестным знаменем. — Вам предстоит, ясные сеньоры, голосование по этому делу...

— Нет, сын мой, — возражает *Акваспарта*, — воля Его Святейшества нам известна в точности: так как первое голосование уже было, то второго не будет.

— Очень, ваше преподобие, жалею, но принятого Коммуной устава мы изменить не можем, хотя бы и для Государя Папы. Если кто-нибудь из ваших милостей имеет что-либо сказать по этому делу, прошу о том заявить.

— Я имею, — говорит *Данте*, вставая.

— Голос принадлежит мессеру Данте Алигьери.

— Слушайте! Слушайте!

— Хочет ли мира Государь Папа или не хочет, мы не знаем; знаем только одно: он хочет подчинить себе сначала всю Тоскану, а потом — всю Италию, всю Европу, весь мир, и чтобы этого достигнуть, вмешивается в братоубийственную войну, разделяющую наш город, и зовет на него чужеземного хищника, Карла Валуа. А посему, полагаю: в пользу Государя Папы ничего не делать, nihil fiat.

Акваспарта, отодвинув кресло с таким шумом, что гулкое эхо под сводами палаты повторяет этот звук, — быстро встает и уходит.

— Голосование открыто, — объявляет *Приор*.

В такой же величественной тишине, как в древнеримском Сенате, эхо под сводами опять повторяет гул медленно падающих в медные урны свинцовых шаров.

После подсчета голосов *Приор* объявляет:

— Во имя Отца и сына и духа Святого, предложение мессера Данте Алигьери принято: в пользу Государя Папы ничего не делать.

Члены Совета встают и расходятся отдельными кучками, беседа.

— Что это, мессере, вы о двух головах, что ли? — шепчет один из членов на ухо Данте. — Может ли спорить человек безоружный с Римским Первосвященником, могущественнейшим государем Европы? Или вы еще не знаете, что кардинал Акваспарта уполномочен Святейшим Отцом отлучить вас от Церкви?

— Нет, знаю: этого давно уже хотят и этого ищут там, где каждый день продается Христос.

— И сами же в волчью пасть суете голову, соглашаясь участвовать в посольстве к папе?

Слышится сначала далекий, потом все приближающийся гул набата.

— Что это? У Санта Мария Новелла набат?

— Да, и у Санто-Спирито.

— Бунт или пожар?

— Судя по звону, и то и другое.

Военачальник Флорентийской Коммуны, *Капитано дэль Пополо* быстро входит в палату.

— Что случилось, капитан? — спрашивают, окружив его, члены Совета.

— Верно еще никто ничего хорошенько не знает, но кажется, у Санта Тринита, конный отряд Белых напал на такой же отряд Черных, начался уличный бой, кто-то кому-то отрубил нос мечом, и, когда об этом узнали, весь город взялся за оружие. Только что открыт, будто бы, заговор Черных, чтобы, с помощью папы, призвать Карла Валуа⁵¹...

— А ведь вы, мессер Данте, оказались-таки нелживым пророком!

— О, как бы я хотел им не быть!

IX

МАЛЕНЬКИЙ АНТИХРИСТ

I

В городе Ананьи, в папском дворце, внутренний покой, мрачная палата с низко нависшими сводами на гранитных столбах. *Папа*⁵² сидит на престоле, под шитым золотыми ключами Петра пурпурным пологом. На голове его алого бархата скуфейка с алмазным крестиком и на ногах такие же туфли. В старчески-мертвенном лице чудно-живые, молодые глаза; на тонких губах скользящая иногда улыбка, не злая и не добрая, но такая, что от нее становится жутко.

Папа беседует наедине с одним из трех Флорентийских послов, *Гвидо Убальдини*. Двое остальных ожидают за тяжелой парчовой завесой. Тут же апостолический *камерьере*, в камзоле лилового шелка, и полуразбойничьего вида *гайдук*, в стальных латах. —

— Когда наемни посол Священной римской Империи целовал туфлю Его Святейшеству, тот воскликнул: «Я Сам — император! *Ego sum Imperator!*» И ударил его по лицу так, что кровь у него пошла из носу, — шепчет *Убальдино* на ухо *Данте*, выглядывая из-за складок завесы. — Если он и вас, мессере, так же ударит, то будет за что: крови Его Святейшеству никто не испортил больше, чем вы!

— Маленький Антихрист! — шепчет *Данте*.

— Как знать, может быть, и большой...

— Нет, Большой за Маленьким!

По знаку папы *камерьере* подводит к престолу его *Данте* и *Убальдино*. Оба, став на колени, целуют алмазный крестик на туфле Его Святейшества.

— Мир вам, дети мои! — говорит *папа*, благословляя послов. — Мы очень рады вас видеть. Но зачем вы так упрямы, Флорентийцы? Будьте нам покорны, смиритесь! Истинно вам говорю, мы ничего не хотим, кроме вашего мира и счастья. Пусть же двое из вас вернутся во Флоренцию, и да будет над ними благословение наше, если добьются они, чтобы воля наша была исполнена.

Молча смотрит на Данте и потом прибавляет с тихой улыбкой:

— А ты, мой друг, еще побудешь здесь, со мной...

Глядя ему прямо в глаза, кладет ему на голову прозрачно-бледную, как воск, женственно-тонкую руку с железным кольцом Рыбаря.

— Что опустил глаза? Подыми, коли совесть чиста. Так вот как, сынок: «В пользу Государя Папы ничего не делать?» Глупенький! Ты — железный, а я каменный. Когда о тебе памяти не останется, дело мое наполнит весь мир, ибо мне принадлежит всякая власть на земле и на небе: это будет сделано!

Перед Данте, целующим туфлю папы, проносится мгновенное, как молния, видение тех огненных ям в аду, в которые будет низринут, вниз головой и вверх пятами, *papa Бонифаций VIII*, Маленький Антихрист, вместе с предшественником своим, *Николаем III*, и всеми нечестивыми папами, торговавшими Духом Святым⁵³.

Торчали ноги их из каждой ямы
 До самых икр, а остальная часть
 Была внутри, и все с такою силой
 Горящими подошвами сучили,
 Что крепкие на них веревки порвались бы...
 Над ямою, склонившись, я стоял,
 Когда один из грешников мне крикнул:
 «Уж ты пришел, пришел ты, Бонифаций!
 Пророчеством на годы я обманут:
 Не ждал, что скоро так насытишься богатством,
 Которое наградил ты у Церкви,
 Чтоб растерзать ее потом!»⁵⁴

2

1-го ноября 1302-го года, в день Всех Святых, город Флоренция подобен Плачевному Городу ада, *Cittá Dolente*. Слышатся звуки набата, и в кровавом зареве пожаров, на черном, точно подземном, небе рдеют как изнутри раскаленные, колокольни и башни города.

Карл Валуа, брат Французского короля Филиппа Красивого, Маленького Антихриста, «черный херувим», входит во Флоренцию, с небольшим отрядом всадников, и, подняв жесточайшую междоусобную войну в городе, опустошает его мечом и огнем.

Из Франции придет он безоружный,
С одним Иудиным копьем, которым
Флоренции несчастной вспорет брюхо⁵⁵.

— Что это горит? — спрашивает *Карл*, видя зарево на ночном небе.

— *Хижина*, — отвечают ему, а горит один из великолепных дворцов, подожженных для грабежа, или одна из церквей. Третий города опустошена и разрушена.

После *Карла* врывается в город мессер *Корсо Донати*, во главе изгнанников, Черных. И водружает знамя свое на воротах Сан-Пьеро, квартала, где живет Данте.

3

10-го марта 1303 года, *конный глашатай* Флорентийской Коммуны, с длинной серебряной трубой, объезжая площадь за площадью, улицу за улицей, возглашает приговор:

— Во имя Отца и Сына и Духа Святого. Данте Алигьери, бывший приор, гнусный лихоимец, вымогатель, взяточник, вор, вместе с тремя сообщниками своими, уличенный в подстрекательстве граждан к междоусобной брани и в противлении святой Римской Церкви и Государю Карлу, миротворцу Тосканы, осуждается ныне вторым приговором на вечное изгнание и вечный позор. Так как обвиненный, не явившись на вызов суда, тем самым признал вину свою, то если будет схвачен, огнем да сожжется до смерти, igne comburatur sic quod moraitur.

Ночью буйная толпа черни, под предводительством большого *Мясника Пэкору*, жжет и грабит старое гнездо *Алигьери* на Сан-Мартиновой площади.

— Вон как ветром головни понесло, прямо на дом *Портинари*! Видно гореть и ему, — говорит *кто-то* в толпе.

— Мать Царица Небесная, помилуй нас и спаси! — шепчет *другой* и крестится. — Вот когда исполнилось пророчество Данте:

Город этот потерял свое Блаженство, Беатриче,
и то, что я могу сказать о нем,
заставило бы плакать всех людей...

Джемма, выгнанная на улицу, как нищая, сидит на тюках старой домашней рухляди, рядом с люлькой, где плачет *грудное дитя*.

Выброшенные из окна листки «Новой жизни»⁵⁶ по ветру летят, розовея в зареве пожара, как белые голуби, и, когда мясник Пэкора въезжает верхом на площадь, один из упавших на нее листов лошадиным копытом раздавлен.

X

ДАНТЕ-ИЗГНАННИК

I

Поздней осенью, на вилле Пальмерию, недалеко от Болоньи, сидя на скамье, посреди круглой площадки, где сходятся аллеи старых буков и кленов, Данте беседует с двумя Флорентийцами-изгнанниками, мессером *Пальмерию дэльи Альтовити* и мессером *Орландучию Орланди*.

— Глупо, очень глупо! — говорит Данте задумчиво, как будто про себя.

— Что глупо? — спрашивает *Пальмерию*.

— Да вот, что в приговоре написано: «До смерти огнем да сожжется». Как будто можно сжечь человека не до смерти...

— Вам точно весело, мой друг, читать свой приговор?

— Весело? Нет, не особенно, но падающая башня Гаризенда мне вспомнилась, можно видеть ее оттуда, из ворот, в конце сада: когда над нею облако проходит, то тем, кто внизу сморит на нее, кажется, что она готова упасть; так и жизнь человеческая: как будто все падает, но не упадет, может быть, потому, что ее построили умные черти нарочно так глупо...

— Вы этого приговора не знали, мессер Данте?

— Нет, знал: этого давно уже хотели и готовили там, где каждый день продается Христос, — в логове древней Волчицы. За сына своего возлюбленного, Маленького Антихриста, она отомстила врагам его.

О, если б только с милыми разлука
Мне пламенем тоски неугасимой
Не пожирала тела на костях, —
Благословил бы я мое изгнанье!

Каждый, впрочем, получит свое: я буду гореть в огне временном, а папа — в вечном...

Медленно встает, зевая и потягиваясь так же, как некогда, в притоне Черного Кота, после ночи, проведенной с «девчонкой».

— Ну, доброй ночи, друзья мои, мне пора домой.

Медленно уходит в вечерние сумерки, по темной аллее, где желтые листья шуршат у него под ногами.

— Станный человек! Кажется, у него здесь не все в порядке, — говорит *Орланди*, глядя вслед уходящему и показывая себе на лоб.

— Может быть, — соглашается *Пальмерио*. — Все поэты немного похожи на шутов или помешанных!

2

Ночью, в Апуанских Альпах, на побережье Лигурии, *запоздалый путник* с мулом, нагруженным нищенскою рухлядью, всходит по крутой тропинке и, остановившись у ворот Бенедиктинской обители, Санта-Кроче дэль Корво, стучится в калитку.

— Чего тебе? — спрашивает, открывая калитку, брат *Иларий* и, когда путник не отвечает, как будто не слышит, погруженный в задумчивость, — спрашивает снова:

— Чего тебе?

— Мира! Раса! — отвечает *путник*.

— Да кто ты такой?

— Данте Алигьери, Флорентиец.

— Сочинитель «Комедии»?

— Ну, это еще неизвестно, отец мой, будет ли сочинена «Комедия», или, вместе со мной, погибнет так же бесславно и бессмысленно⁵⁷. Я ведь человек вне закона, осужденный на смерть изгнанник.

— Милости просим, мессер Данте! Великая честь нашей смиренной обители принять такого высокого гостя. Брат *Бернардо*, снимай-ка поскорей поклажу с мула, да отведи его в конюшню.

Брат *Иларий* открывает ворота и, низко кланяясь, ведет гостя в трапезную, где усаживает на почетное место.

— Откуда, сын мой, и куда идешь?

— Сам не знаю, — куда глаза глядят.... После того, как угодно было гражданам Флоренции изгнать меня, скитался я почти по всей Италии, бездомный и нищий, показывая,

против воли, те раны судьбы, в которых люди часто обвиняют самих же раненых. Был я воистину ладьей без кормила и паруса, носимый по всем морям и пристаням иссушающею бурей бедности и был мне каждый новый кусок чужого хлеба все горше; каждой новой лестницы все круче ступени. И многие из тех, кто, может быть, судя по молве, считал меня иным, — презирал не только меня самого. Но и все, что я уже сделал и мог бы еще сделать...

— А помнишь, сын мой, слово Господне: «Сила моя совершается в немощи»⁵⁸? Может быть все эти муки изгнания даны тебе для того, чтобы узнать не только грешную немощь твою в настоящем, но и святую силу в будущем. Пусть жалкий суд иль сила рока цвет белый черным делает для мира, — пасть с добрыми в бою, хвалы достойно. О, если бы я был с тобой! С такою силой духа, как у тебя, за горькое твое изгнание, за все твои бесчисленные муки, я отдал бы счастливейший удел! «Блаженны изгнанные за правду»⁵⁹ — это о таких, как ты, сказано. Всех изгнанных за правду, бездомных и нищих скитальцев, всех презренных людьми и отверженных, всех настоящего града не имеющих, грядущего Града ищущих⁶⁰, вечным покровителем будет Данте Изгнанник.

XI

ДАНТЕ В БОГАДЕЛЬНЕ МУЗ

I

В замке Веронского герцога, Кан Гранде дэлла Скала, ряд великолепных покоев, превращенных в богадельню для собравшихся сюда со всех концов Италии неудачных политиков, полководцев, проповедников, но больше всего для шутов-прихлебателей. Каждый покой украшен аллегорической живописью, соответственной судьбе своего обитателя: триумфальное шествие — для полководцев, земной рай — для проповедников, бог Меркурий — для художников, хор пляшущих Муз — для поэтов, богиня Надежды — для изгнанников, а на потолке самого большого покоя, где собираются все, в этой богадельне приретенные, — вертящееся колесо богини Фортуны⁶¹.

В комнате Муз поэт *Чино да Пистойя*⁶², чахоточного вида молодой человек, развязывает на полу тюки с нищенской рухлядью *Данте*.

— Так-то, учитель, мы здесь и живем, как превращенные в свиней Улиссовы спутники, в хлеву Цирцей⁶³, или пауки в банке, — говорит *Чино*. — Ссорясь жестоко из-за милостей герцога, рвем друг у друга куски изо рта. Есть, может быть, среди нас и добрые и честные люди, но участь их горше всех остальных, потому что видят они, что герцогу умеют лучше всего угождать не они, а самые подлые, злые и распутные люди — особенно шуты, и те, это зная и пользуясь этим, верховодят всем при дворе. Герцог человек большого ума и тонкий, по-своему, ценитель всего прекрасного, но имя его — *Cane Grande*, Пес Большой: этого забывать не надо... Вы когда ему послали просьбу, учитель?

— Рано поутру, только что приехал. Но если б я знал, что меня здесь ожидает, то не послал бы вовсе.

Жди от него себе благоденний, —

сколько раз хотелось мне выкинуть из Святой Поэмы этот грешный стих⁶⁴, как выкидывают сор из алтаря. Если же я этого не сделал, то, может быть, потому, что боялся, что меня самого выкинут, как сор, из этого последнего убежища. Но кажется иногда, что лучше умереть, подохнуть, как собака на большой дороге, чем протянуть руку за милостыней. Слишком хорошо я знаю, мой друг, цену моим благодетелям, чтобы каждый выкинутый ими кусок не останавливался у меня поперек Торла, и чтобы я не глотал его с горчайшими слезами стыда,

Стыд заглушив, он руку протянул,
Но каждая в нем жилка трепетала...

чувствовать, что висишь на волоске, и знать, что порвется ли этот волосок или выдержит, зависит от того, с какой ноги встанет поутру благодетель, — с левой или с правой, и соглашаться на это, — какая низость и какая усталость! Хочется иногда, чтобы порвался, наконец, волосок и дал упасть в пропасть, — только бы полежать, отдохнуть, хотя бы и со сломанными костями, там, на дне пропасти!

2

В башне замка, в высокой круглой комнате с узкими окнами-бойницами, секретарь герцога, горбун с умным и злым лицом, *Чэкко д'Анжольери*, полупоэт, полушут, читает вслух письмо Данте. Рыцарски-великодушным и очаровательно-любезным кажется *юный герцог* на первый взгляд, но, если пристально взглянуть в слишком ласковую улыбку и простодушные глаза его, то угадывается та необходимая,

будто бы, в великом государе «помесь льва с лисицей» — лютости с хитростью, чьим совершенным будет для Маккиавелли Цезарь Борджиа⁶⁵.

«Великолепному и победоносному Государю, Кан Гранде дэлла Скала, преданнейший слуга его, Данте Алигьери, Флорентиец по крови, но не по правам, долгого благодеяния и вечно растущей славы желает. Часто и долго искал я в том скудном и малом, что есть у меня, чего-либо вам приятного и достойного вас, и ничего не нашел, более соответственного вашему высокому духу, чем та высшая часть «Комедии», которая озаглавлена «Рай». Ныне и приношу ее вам, как малый дар, и посвящаю».

— Ну ладно, дальше можешь не читать. Видно по письму, что Данте — человек умный, но скучный, один из тех ученых колпаков, с которыми нечего делать. А что в конце письма?

— Просьба о деньгах. «Бедность внезапная, причиненная изгнанием, загнала меня, бесконного, безоружного, как хищная звериха, в логово свое, где я изо всех сил с нею борюсь, но все еще лютая держит меня в когтях своих. Но надеюсь на великолепную щедрость вашу, Государь, чтобы иметь возможность продолжать «Комедию...» Это, ваше высочество, одна сторона монеты, а вот и другая.

Вынув из кармана небольшую книгу, «Пир»⁶⁶ Данте, и, найдя заложенное место, *Анжольери* читает:

— «Много есть государей такой ослиной природы, что они приказывают противоположное тому, чего хотят, или хотят, чтоб их без приказаний слушались. Это не люди, а звери. О, низкие и презренные, грабящие вдов и сирот, чтобы задавать пиры, носить великолепные одежды и строить дворцы, — думаете ли вы, что это щедрость? Нет, это все равно, что красть покров с алтаря и, сделав из него скатерть, приглашать к столу гостей, думая, что те ничего о вашем воровстве не узнают.

О, сколько есть таких, что мнят себя
Великими царями на земле
И будут здесь, в аду, валяться,
Как свиньи в грязной луже,
Презренную оставив память в мире!»

— Ну, что ж, хорошо сказано!

— Да, недурно, но сегодня — об одном, а завтра — о другом. Есть у него оружие против человеческой низости — обличительный стих, которым выжигает он на лице ее, как раскаленным железом, неизгладимое клеймо. Но оружие это

двуострое: иногда обращается и на него самого: слуги Генуэзского вельможи Бранка д'Ориа, оскорбленного стихами Данте, подстергши его, ночью, на улице, избили кулаками и палками до полусмерти. И сколько добрых людей, узнав, что он умер или убит, как собака, вздохнули бы с облегчением и сказали бы: «Собаке собачья смерть!»⁶⁷

3

В пиршественной палате, среди весело беседующих гостей и шутов, Данте сидит молча, угрюмый и одинокий. Кан Гранде велит потихоньку проворному мальчику-слуге, спрятавшись под стол, собрать все обглоданные кости с тарелок, в одну кучу, у ног Данте. И когда, сделав это, мальчик уходит, герцог велит убрать столы и, взглянув с притворным удивлением на кучу костей, говорит, смеясь:

— Вот какой наш Данте мясов пожиратель!

— Скольких костей вы не увидели бы тут, государь, будь я Псом Большим! — отвечает Данте. И восхищенный, будто бы, таким быстрым и острым ответом, герцог милостиво обнимает его и целует.

Когда гости выходят из палаты, Данте, отведя в сторону Чино да Пистойя, спрашивает его шепотом, с горькой усмешкой:

— Слышал, какой милости я удостоился?

— Слышал. Но это мог бы он сделать, кроме одного из двух: или, против тебя, обнять, или выгнать? Если же все-таки обнял, то может быть, потому что недостаточно презирает суд потомства, чтоб не бояться Дантова жгущего лбы каленого железа.

— Твоя правда, мой друг, — обнял так, что лучше бы выгнал!

4

Данте идет по улицам Вероны, в величественно-простой, Флорентийской тоге-лукке с прямыми, длинными складками, напоминающими древнеримскую тогу, из ткани такого же красно-черного цвета, как воздух Ада. Сгорбившись, как всегда, «под бременем тяжелых дум согбенный», и надвинув на лицо куколь так низко, что видны под ним только выдающаяся вперед нижняя челюсть, горбатый нос — орлиный клюв, да два глаза — два раскаленных угля, он проходит мимо ворот одного дома, у которого сидят Веронские кумушки.

— Вот человек, который сходит в ад и, возвращаясь оттуда, когда хочет, приносит людям вести о тех, кто там в аду! — говорит *одна из них*, помоложе.

— Правда твоя, — говорит *другая*, постарше. — Вон как лицо у него почернело от адского жара и копоти!

— С нами сила крестная! — шепчет *третья*, худая, длинная, как шест, и седая, как лушь, старуха. — Чур нас, чур! Не смотрите на него, родимые, — глазит. У, колдун проклятый! Душу дьяволу продал, — оттого и сходит в ад... Видела я, своими глазами видела, как в женщин и детей он кидает камнями, когда говорят они о Гибеллинах и Гвельфах не так, как ему нравится. Мальчика одного наемни едва не зашиб до смерти.

Вдруг вскочив, грозит кулаком, машет клюкой и кричит вслед уходящему:

— На костер, на костер, окаянного!

5

«Данте, находясь при дворе Кан Гранде, был сперва в большом почете, но затем, постепенно теряя милость его, начал, день ото дня, все меньше быть ему угодным. Были же при том дворе, как водится, всевозможные шуты и скоморохи, и один из них, бесстыднейший, заслужил непристойными словами и выходками великое уважение и милость у всех. Видя однажды, что Данте от этого страдает, мессер Кан позвал к себе того шута, и, осыпав его похвалами, сказал поэту:

— Я не могу надивиться тому, что этот человек, хотя и дурак, умел нам всем угодить, а ты, мудрец, этого сделать не мог...

— Если бы вы знали, ваше высочество, что сходство нравов и сродство душ есть основание дружбы, то вы этому не удивлялись бы!» — ответил Данте»⁶⁸.

— Что ты хочешь сказать? — спрашивает *герцог*, с тою ласковой улыбкой, от которой людям становится жутко.

— Я хочу... хочу... — начинает *Данте*, весь бледный, дрожащий, с искаженным лицом, и вдруг, лишившись чувств, падает на пол как мертвый.

— Что с ним, что с ним такое? Врача скорее! — кричит *герцог*.

Маленький, с большим носом, человек, *врач-иудей*, подходит к *Данте*, наклоняется над ним и заглядывает ему в лицо.

— Не извольте беспокоиться, ваше высочество, маленький припадок того, что древние называли «священной болезнью», а мы называем «падучей». Видно, в Ад не даром сходил: там, должно быть, немножко и сошел с ума. Это сейчас пройдет. Воды!

6

Данте проводит последнюю ночь, в палате поэтов, с хором пляшущих Муз в росписи на одной стене, и с богиней Надежды, на другой. Тщательно укладывается и увязывает в тюки нищенскую рухлядь. Очень устал. Чтобы отдохнуть, садится за стол и при тусклом свете нагоревшей свечи штопает дыру на правом локте последней приличной одежды, там, где легче всего протирается ткань от движения руки по столу, во время писания.

Кончив штопать, начинает связывать в пачки пожелтевшие листки «Комедии». Вдруг новый, белый листок, черновик недавнего письма к Веронскому герцогу выпадает из пачки.

... «Часто и долго искал я в том скудном и малом, что есть у меня, чего-либо приятного и достойного вас, и ничего не нашел более соответственного вашему высокому духу, чем та высшая часть «Комедии», которая озаглавлена «Рай». Ныне и приношу ее вам, как малый дар, и посвящаю»...

Это прочел и закрыл лицо руками, почувствовав в нем такую боль, как будто тем каленым железом, которым некогда клеймил он других, кто-то теперь его самого заклеимил.

Трепетное пламя догорающей свечи откидывает на стену и потолок огромную черную тень *Данте*, и, выйдя из нее, другая, чернейшая *Тень* подходит к столу и садится против *Данте*. Вместе с последними вспышками пламени лицо *Тени* меняется: то увенчанное остролистным, как будто колючим и огненным, лавром, кажется под ним обожженным и окровавленным; то становится вдруг таким похожим на лицо *Данте*, всегдашнее, что, если бы он сам увидел эти два лица в зеркале, то не различил бы, где он настоящий, и где призрачный.

Что-то бормочет про себя чуть слышно; так же бормочет и *Тень*:

— Я не один, — нас двое. Я — в обоих...

— Кто это сказал, я или он, — я или ты?..

— Кто бы ни сказал, мой друг, — это верно: есть Папа и Антипапа; есть Христос и Антихрист: есть Данте и Анти-

Данте. Кто кидает камнями в детей? Кто обещал брату Альбериго, в аду, снять с глаз его ледяную кору и, обманув его, думал, что низость эта зачтется ему в благородство⁶⁹? Кто говорит о любимой — о Беатриче иной: «О, если бы она в кипящем масле, вопила так из-за меня, как я из-за нее!» Кто хочет не Единого в Двух, а Двух в Едином? Кто не может сделать выбора между Богом и дьяволом, Христом и Антихристом? Данте? Нет, Анти-Данте...

— Что это за чудо во мне, что за чудовище, и откуда оно? Или я уже не я? Или такая разница между мной и не мной? Но если так, то где же разум?.. — Разума нет — есть безумие. Ты и здесь, в аду земном, также сходишь с ума, как там, в подземном... «Псам не давайте святыни и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями»⁷⁰. Хуже, чем псу, ты отдал святыню; бросил свой жемчуг хуже, чем свиньям, когда посвятил Кан Гранде, Псу Большому, Святой Поэмы часть святейшую, «Рай». Помнишь Иудину пропасть Джьюдекку, в последнем круге Ада, где в вечных льдах леденекот предатели? Там лежат они, скованные крепким льдом, и самый плач их плакать им мешает, затем что, прегражденных на глазах, уходит внутрь, усиливая муки? Помнишь, как инок Альбериго молил тебя:

О, протяни же руку поскорей,
Не медли же, открой, открой мне очи,
Чтоб хоть немного выплакать я мог
Теснящую мне сердце, муку, прежде,
Чем новые, в очах, застынут слезы!⁷¹

Но ты ему глаз не открыл, ты его обманул. Как же не узнал ты, чьи глаза глянули на тебя сквозь ту наплаканную, ледяную глыбу слез? Чей голос молил тебя: «Открой мне очи»? Как в нем не узнал ты себя самого? Будешь и ты мучаться вечно, в Иудиной пропасти, где леденекот предатели⁷², за то, что предал не другого, а себя самого и то, что тебе дороже, чем ты сам...

— Из преисподней вопию к Тебе, Господи! — шепчет Данте чуть слышно, а Тень повторяет вятно:

— «Из преисподней вопию к Тебе, Господи», — это ты хочешь сказать и не можешь: онемел, оледенел, — умер и ожил, и будешь вечно жить — умирать, в вечных льдах!

XII

В ВЕЧНЫХ ЛЬДАХ

I

В мрачном и диком ущельи Умбрии, на такой высоте Апеннин, что оттуда видны два моря, Адриатическое на востоке и Тирренское на западе, *Данте* и *Чино* да Пистойя сидят у святой обители Ди-Фонте-Авеллана, на голой обледенелой скале над пропастью.

В Италии, между двумя морями,
 Близ родины возлюбленной твоей,
 Возносятся Катрийские утесы
 Так высоко, что гром гремит над ними.
 Там есть обитель иноков святых,
 Одной молитве преданных. Там жил
 И я, в служении Богу; только соком
 Олив питался, легко, бывало,
 Переносил я летний зной и стужу
 Суровых зим...
 Блаженствуя в чистейшем созерцаньи⁷³.

В ясный зимний день, глядя с головокружительной вышки Катрийских утесов, где снег сверкает ослепительно, на тускло-багровое солнце, восходящее над непохожей ни на что земное, воздушно-зеленой полосой Адриатики и на протянувшуюся внизу, у самых ног его, как ожерелье исполинских жемчужин, голубовато-серую цепь Тосканских гор, *Данте* старается угадать невидимую между ними точку Флоренции.

— Вон, вон там, где Арно блестит между холмов Казентино, купол Марии дэль Фиоре, как булавочная головка чуть виднеется, а рядом с ним, башня дворца Синьории, — указывает *Чино* на ту невидимую точку. — Их при тебе еще не было, ты их никогда не видал...

— И никогда не увижу! Никогда не исполнится то, на что я надеялся:

Коль суждено моей Священной Песне,
 К которой приложили руку
 Земля и Небо, — сколько лет хudeю.
 Трудясь на ней! — коль суждено
 Ей победить жестокость тех, кем изгнан,
 Я из родной овчарни, где, ягненком,
 Я спал когда-то... то вернусь в отчизну,
 Уже с иным руном и с голосом иным,
 Чтоб там же, где крещен я, быть венчанным⁷⁴.

Я знаю: смерть моя уже стоит в дверях, и, если б в чем-нибудь я был виновен, то уж давно искуплена вина, и мир давно могли бы дать мне люди... Слышал ты, мой друг, что я осужден, третьим приговором за то, что не хотел вернуться в отечество, согласившись на позорную милость вора, убийцам и разбойникам? Первым приговором осужден я на вечное изгнание, вторым — на сожжение, а третьим — на обезглавление... Так сына своего истребляет родина огнем и железом... А все-таки, все-таки, нет для меня места на земле любезнее Флоренции, и больше всех людей я жалею тех несчастных, кто, томясь в изгнании, видит отечество свое только во сне...

Долго молчал, как будто забыв, что *Чино* с ним, смотрит на почти невидимую точку Флоренции.

— О, народ мой, что я тебе сделал? — шепчет чуть слышно, и слезы текут по лицу его, такие тихие, что он их не чувствует. Чудны и страшны эти слезы так, как если бы растаяли бы вдруг, под внешним солнцем, вечные, никогда от начала мира не таявшие льды.

2

Очень крутою, как будто прямо к небу идущей, тропую для мулов, *Данте* и *Чино* подходят к постоялому двору, на горном перевале из Урбино в Романью.

— Это и есть, что ли, первый двор? — спрашивает *Данте*.

— Он самый, — отвечает нехотя *погонщик*, ударяя палкой мула и покрикивая: «Арри! Арри!»

— Скоро, значит, будет и второй. Что же ты остановился, братец? Ступай! До второго двора уже недалеко. Мы тебе хорошо на водку дадим. Ступай же!

— Нет, мессере, воля ваша, дальше я не пойду. Вон как в поле закутило, — будет вьюга, а тут кручи да ямы такие, что костей не соберешь. И скотина ваша дохлая, кожа да кости. Да и чем вам тут не гостиница? Вишь, как свиной жареной пахнет, и водка тут дешева и девки податливы, какого вам еще рожна?

— Сказано тебе, дурак, место это не наше: Гвельфами тут набито, а мы Гибеллины⁷⁵.

— Мало ли что! Гвельфское-то мясо, да Гибеллиновское, на волчий вкус, одинаково. Коли волки не сожрут, так в сугробе замерзнете. Если вам жизнь надоела, ступайте с Богом, а я не пойду!

— Ну, видно, каши с дураком не сварить! Пусть остается здесь, а мы с тобою, *Чино*, одни доберемся... Или вот что:

ты заночуй здесь, мой друг, а я пойду один, — завтра нагонишь...

— Что вы, учитель, трусом меня считаете и подлецом, что ли? Нет, я вас не покину: вместе начали путь, вместе и кончим!

Взяв у погонщика палку, *Чино* погоняет мула и покрикивает:

— Арри! Арри!

Данте сначала идет молча; потом, как будто опять забыв, что с ним *Чино*, говорит тихо, про себя:

— Знамение положил Господь на Каина, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его⁷⁶. Но хуже Каиновой — печать на изгнанниках: каждый встречный может их убить... Каиновым проклятием гонимый, не могу и я остановиться, иду все дальше и дальше, пока не упаду в могилу...

Наступают сумерки. Подымается вьюга. Там, где снег, на дороге сдунут ветром, — такая гололедица, что мул скользит и падает. Вдруг, один из тюков, сорвавшись с него на крутом повороте, летит в пропасть.

— Данте, Данте! «Комедия!» — кричит в ужасе *Чино*, кидаясь к мулу.

— Нет, ничего, только тюк с заношенным платьем, я и сам его сбросить хотел.

Быстро темнеет. В снежном сугробе кончилась тропа.

— Плохо дело, мой друг, — говорит Данте, остановившись. — Ни вперед, ни назад, — заблудились. Кажется, прав был погонщик: либо замерзнем, либо волки съедят...

По ветру слышится далекий лай или вой.

— Что это? Слышишь? Волки?

— Нет, собаки. Ближко, должно быть, жилье. Вот и дымком потянуло. Ну, слава Богу, спасены!

Волчьим глазом краснеет сквозь черно-белую, веющую мглу огонек. Идучи на него, доходят до пещеры; где *пастухи* сидят вокруг большого костра. Овцы, стеснившись в кучу, спят в глубине пещеры, и две только что усмиренные овчарки ложатся, тихо рыча и скаля клыки на чужих людей.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — ласково встречает их величавый *старик* с длинной белой бородой и загнутым на конце пастушьим посохом. — Хлебом-солью нашими не побрезгайте, милые!

Пастухи наперерыв угощают их и потом укладывают спать на лучшее место, поближе к огню.

3

Ясное зимнее утро. Солнце восходит, и на темно-лиловом, безоблачном небе рдеют, как бы изнутри освещенные, снежные вершины гор.

Данте и *Чино* продолжают путь. Подойдя к самому краю зияющей пропасти, *Данте* наклоняется над ней, долго, молча смотрит в нее и опять, как будто забыв о спутнике, говорит тихо, про себя:

— В пропасти кидается Вечный Жид, Агасфер, — ищет смерти, но не находит: сломанные в падении кости срастаются, и он продолжает свой путь бесконечный⁷⁷. В пропасти я не кидаюсь, а падаю, двух миров вечный странник, Агасфер; тот мир для меня все действительней, этот — все призрачней; все легче падения, но мучительней в костях ломаемых и срастающихся боль бесконечной усталости...

4

Ночью, в дрянной гостинице, развязав с трудом, окованнейшими от холодами, пальцами, шнурки кошелька, *Данте* высыпает деньги на стол и, пересчитав, говорит:

— Дней на десять хватит, а после что?..

— Есть у меня еще десять флоринов, учитель, в подкладке зашиты...

— Нет, мой друг, тебе самому деньги нужны, довольно я на твой счет жил. Да и не все ли равно, десять дней или двадцать. Скоро у обоих ни гроша не будет, — что тогда? Милостыни просить уже не у владетельных князей, а у прохожих на улице? Надо для этого быть великим святым, новым Франциском Ассизским. Полно, не проще ли спрятаться где-нибудь в кустах, лечь на дне оврага, и покорно ждать смерти, как ждет ее свалившийся под непосильною ношею злым и глупым погонщиком захлестанный мул? Прежде я боялся бессмысленной и бесславной смерти под ножом разбойника или одного из бесчисленных Гвельфских врагов

моих, который пожелал бы исполнить приговор Флорентийской Коммуны над «врагом отечества»; прежде этого боялся я, а теперь хочу, как скорого избавления от мук... Помнишь, мы с тобой намеренно говорили о самоубийстве Катона?⁷⁸

— Нет, учитель, не помню, мы об этом никогда не говорили.

— Правда? Не шутишь? Ну, так значит, это был не ты, а он...

— Кто он?

— Тот, Другой, — Анти-Данте... «Вечно будет людям памятна жертва несказанная суровейшего подвижника свободы, самоубийцы Катона: чтобы в мире зажечь любовь к свободе, он лучше хотел умереть, чем жить рабом...» Это не я говорю, а Он. — «Самоубийство — предательство, низость из низостей, подлость из подлостей» — это я говорю. Кто же прав, мой друг, я или Он?

— Ты. Лучше нельзя сказать!

— Так оно и есть, — должно быть так... А все-таки, все-таки и мужественнейших из людей соблазняет иногда мысль об остро отточенной бритве или скользко намыленной петле — конце всех мук... Слишком хорошо я знаю, что начатое во времени продолжится в вечности, чтобы на этой мысли останавливаться больше, чем миг. Но и мига довольно, чтобы осквернилась им душа, как тело — проползшей по нему ядовитой гадиной...

— Часто он к тебе приходит?

— Нет, дважды приходил в первый раз, в ту последнюю, проклятую ночь, в богадельне Пса Большого, а потом здесь, в пути. Сказывал, что еще в третий раз придет, в последний: тогда, мол, и решится, уже не на словах, а на деле, кто прав, я или Он. Вот я и жду, когда придет...

Сильный стук в дверь. *Чино* вскакивает, весь дрожа и бледнея.

— Что ты испугался, глупенький? — смеется *Данте*. — Думаешь, — Он? Нет, еще не Он, — слишком рано... Кто там?

— К вашей милости, мессер Данте, от его высочества, государя Равенны, Гвидо да Полента⁷⁹, гонец с письмом.

— Проси!

— Вот, на ваш вопрос, учитель, — ответ уже не Другого, а Его, Его самого! — говорит *Чино*, крестясь.

Маленькое замерзшее оконце сначала от рассвета синее, а потом, когда входит гонец, бывший Флорентийский, нынешний Равеннский нотариус, *Пьеро да Джуардино*, — первый луч озаряет лицо *Данте*. *Пьеро*, взглянув на него,

останавливается, как будто не узнает его, — так постарел, похудел, а потом, вдруг узнав, кидается к нему на шею.

— Ты из Равенны, мой друг? — спрашивает *Данте*.

— Да, с письмом к тебе от государя.

Подает ему пергаментный свиток с подвешенной к нему на нитке красного шелка золотой печатью.

— Вот прочти — увидишь, что кончились все твои бедствия и что вернет тебе Равенна то, что отняла Флоренция, — вечный мир!

Взяв письмо, *Данте* отходит к окну.

Белые цветы мороза на нем розовеют от солнца, как будто теплою кровью наливаются. *Данте* крестится и, не распечатывая письма, долго, молча смотрит сквозь слезы на светлеющее небо, где горит Звезда Любви.

XIII

СВЕТ АЛЕБАСТРОВЫХ ОКОН

1

В очень простой, почти бедной, палате Равеннского дворца, мессер *Гвидо да Полента*, окруженный придворными дамами и рыцарями, сидит в высоком кресле, под зеленым шелковым пологом, шитым золотыми орлами рыцарского герба да Полента.

Данте, подойдя к нему, хочет стать на колени, но тот, поспешно наклонившись, подымает его и, крепко обняв, целует.

— Добро пожаловать, мой друг! — говорит так же просто и ласково, как намедни тот величайший старик-пастух, в пещере. — Вот счастливейший день жизни моей! Мне говорить не нужно, — ты сам знаешь, или узнаешь скоро, что не я тебе оказываю честь и милость, приглашая жить у меня, а ты — мне, соглашаясь на это, потому что поэты — цари, больше всех царей земных.

— Знаю, государь, что благодарить не нужно. Вечною славой твоей будет не то, что ты спас поэта, а то, что человек спас человека, брат — брата, когда на крик погибающего: «Есть ли в мире живая душа?» ты один ответил: «Есть!» Я

был, как тот путник на большой дороге, попавшийся разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили и ушли, оставив едва живого; лучшие же люди дней моих были подобны тому левиту и священнику, которые прошли мимо него⁸⁰, о милостивый Самарянин — ты, государь. После Той, Которой я назвать не смею, потому что имя Ее для меня слишком свято, сделал для меня добро величайшее — ты. Душу мою спасла Она, а ты — тело, но ведь иногда и тело стоит души: надо его спасти, чтоб не погибла душа.

— А знаешь, Данте, кто мне про тебя напомнил?

— Кто, государь?

— Та, чья кровь течет в жилах моих, чей отец был братом моего отца, и чья память для нас обоих священна, — Франческа да Римини.

О, милая, родная нам душа...

Владыку мира, будь Он нашим другом, —

Молили б мы дать мир тебе за то,

Что пожалел ты нас в великой скорби!⁸¹

Эта молитва будет исполнена: не я, а Франческа да Римини, даст родной душе Данте, в своей родной земле, вечный мир!

2

Данте с Пьетро да Жиардино и Чино да Пистойя входит в маленький Равеннский домик.

— Только одного желал я всегда — тени, тишины и покоя, — говорит Данте, подходя к окну и глядя на соседнюю ветхую церковь св. Франциска Ассизского в кипарисовой роще, откуда не видно, но угадывается море по светлой широте и пустынности неба. — Этого искал я везде, всю жизнь, и вот, только здесь, в Равенне, нашел. О, какой сладчайший отдых для усталого странника войти в свой дом и знать, что можно в нем жить и умереть! Какое блаженство не чувствовать горькой соли чужого хлеба и крутизны лестниц чужих; лечь в постель и знать, что злая Забота не будит до света петушиным криком на ухо, не стащит одеяла, не подымет сонного и не погонит снова, как Вечного Жида, с горки на горку, из ямки в ямку, ломать и сращивать кости!

3

В древней Византийской базилике св. Василия, где искрятся на стенах и сводах мозаики, как живопись из драгоценных

камней по золотому полю, — солнечный свет, проникающий сквозь прозрачно-тонкие, в окнах, дощечки алебастра, золотисто-желтый и теплый, как мед на солнце, не дробимый в лучи и теней не кидающий, ни на что земное непохожий: это свет как бы нездешнего Солнца-Агнца:

не будет иметь нужды ни в светильнике, ни в свете
солнечном... ибо светильник их — Агнец.

(Откр. 22, 5; 21, 23)¹.

Маленький, сгорбленный, седой *старичок* (Данте узнала ли бы в нем не только Джемма, но и сама Беатриче?), стоя на коленях, между исполинскими столпами такого же, как тот невиданный свет, золотисто-желтого мрамора, под главным сводом над жертвенником, поднял глаза к изображенному в круглой мозаике, на самом верху свода, таинственному, от создания мира закланному Агнцу, и светлые тихие слезы льются по лицу старичка.

— Понял я только теперь, Господи, какое чудо Божественного Промысла надо мной совершилось! — шепчет *Данте*. — Только теперь понял я, что значит:

Пить мучеников сладкую полынь...⁸²

Горькие травы пчелам нужны для того, чтобы извлечь из них сладчайший мед: так и мне нужны были все муки мои, чтобы извлечь из них сладость Божественной Песни. Только теперь, греясь в теплоте нездешнего Солнца-Агнца, как на утреннем солнце греется, окоченевшая от ночного заморозка, пчела, оттаяло наконец, сердце мое, леденевшее столько лет, в вечных льдах. И только теперь, в этом невиданном Свете, я увидел Рай.

... Таков был этот Свет,
Что, если б от него отвел я очи,
То слепотою был бы поражен...
Но выполнить его я мог тем легче,
Чем дольше на него смотрел. О, Благодать
Неисчерпаемая, ты дала
Мне силу так вперить мой взор в тот Свет,
Что до конца исполнилось виденье Рая!⁸³

1 Примечание автора. — *Сост.*

4

Около Равенны, верст на тридцать, тянется по берегу моря вековой сосновый бор, Пинета, чьи исполинские сосны — правнучки тех, из которых Август строил корабли для Равеннской гавани, Киассиса (Ciassis-Chiassi)⁸⁴.

«В этом лесу Данте часто бродил, одинокий и задумчивый, слушая, как ветер в соснах шумит». Шуму сосен, такому ровному, даже во время сильного ветра, что не испуганные им птицы продолжают путь, отвечает далекий и такой же ровный шум Адриатических волн, как всем голосам человеческим, во времени, отвечает Глас Божий, в вечности. Птицы поют, пчелы жужжат, журчат воды, благоухают цветы так сладко в этом лесу, что он сделался для Данте прообразом того «Божественного Леса», foresta divina, который неувыдаемо цветет на вершине «святой Горы Очищения»⁸⁵:

И слышал я в листве деревьев райских...
 Как бы далекий гул колоколов,
 Такой же точно, как в бору сосновом,
 На берегу Киасси, в час ночной,
 Когда сирокко знойный дует с моря⁸⁶.

В летний вечер Данте беседует в Пинете с юным Равеннским учеником своим, *Менчино да Меццани*.

— Помнишь, мой друг, что в Откровении сказано: «Ангел, стоящий на море и на земле... клялся Живущим во веки веков, что времени больше не будет»⁸⁷? Клятва эта здесь, в Равенне, уже исполнилась. Веющие здесь надо мной, вечные тени прошлого, от Цезаря до Юстиниана⁸⁸, суть вечные знамения будущего. Равенна — посредница между Востоком и Западом, пророчица грядущего соединения их в той новой всемирности, которую возвестил я людям. Здесь родилось и умерло и ждет своего Воскресения то, что я любил на земле и во что я верил больше всего: Рим — бывшая Сила, будущая Любовь, Рома-Амог.

Любовь, что движет солнце и другие звезды, — это последний стих «Комедии». Двадцать лет длилось видение — Ад, Чистилище, Рай. И вот теперь, когда я от этого видения проснулся, с неба на землю сошел, — я продолжаю жить на земле, — зачем, — я сам не знаю. Но кажется иногда, что кончена песнь — кончена жизнь, и чем скорее вернусь я туда, на родину, — тем лучше. О, если бы я мог сказать: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, с миром!»⁸⁹

Солнце заходит; слышится далекий колокол Ave Maria. В темных вересках вспыхивает красный цветок. Как живое пламя — живая кровь.

— На что он похож, на что он похож? — шепчет Данте.
— Ах, да, на Сан-Мартиновой площади, в темной щели между камнями башни дэлла Кастанья, красный цветок.

Белая Роза, алая Кровь;
Солнце на небе — в сердце любовь...

— Ступай вперед, Менчино, — я за тобой сейчас...

Когда Менчино уходит, Данте, слушая далекий колокол, шепчет:

Был час, когда пловец душой стремится
К родной земле, где, в горький миг разлуки,
Сказал он всем, кого любил: «Прости!»
Был час, когда паломника любви
Волнует грустью колокол далекий,
Как будто плачущий над смертью дня⁹⁰.

Этот час и для меня наступает, но сердце мое над смертью временного дня уже не плачет, а рождению незакатного радуется... Тихим светом горит в душе моей мысль о Тебе, о Тебе одной, как в вечернем небе Звезда Любви...

Глядя на темнеющее небо, где горит Звезда все ярче, все огромнее, Данте становится на колени и молится:

— О, Беатриче, ты — моя надежда; ты для моего спасения в ад сошла, ты сделала меня, раба, свободным! Освободи же до конца, чтоб дух от смертной плоти разрешенный, к Тебе вознесся.

XX

СМЕРТЬ ДАНТЕ

I

В той же палате дворца, где, года четыре назад, Гвидо да Полента в первый раз увидел Данте, беседуют они наедине.

— Есть у меня к тебе большая просьба, мой друг, но если ты не захочешь исполнить ее — обещаю, что откажешь и что мы останемся такими же друзьями, как были...

— Нет, государь, этого я не обещаю, но какова бы ни была просьба твоя, — если только могу, — исполню.

— Кроме тебя, не мог бы ее исполнить никто. Слушай же. Дней десять назад произошло событие ничтожное, но которое может быть для нас всех роковым: глупая ссора и драка пьяных корабельщиков на двух судах, Равеннском и Венецианском. В драке убит был капитан их корабля с несколькими матросами, и корабль их захвачен Равеннцами в плен. Этого достаточно, чтобы нарушить мир между нами и Венецией. Более грозной опасности никогда еще не подвергалась Равенна: каждого из соединившихся против нее союзников будет довольно, чтоб ее уничтожить, потому что земли наши отовсюду окружены врагами: с устья По и с моря нам грозит Венецианский Флот, а с суши — войска Орделаффи и Малатесты⁹¹. Нет для нас другого спасения, кроме искусных переговоров о мире, и лучше твоего никто их не мог бы вести. Будь же нашим послом, поезжай в Венецию и мир заключи...

— О, как бы я был счастлив, государь, если бы мог оплатить миром за найденный в вашей земле мир! Но прежде чем решить, можно вас об одном спросить?

— О чем?

— Сколько есть у вас для этого дела более достойных и опытных людей, чем я? Почему же вы избрали меня, человека вне закона, осужденного на смерть, изгнанника?

— Потому что больше славы я не хочу для себя, чем, чтобы в грядущих веках люди сказали: «Данте Алигьери, когда жил у Гвидо Полента, совершил великий подвиг любви — отвратил людей, хоть раз, от проклятого дела войны к святому делу мира!»

— О, если бы знали все, как знаете вы, государь, что единственная цель всего, что я хотел и не мог сделать, только в этом одном святейшем для меня, из всех слов человеческих: Мир!

2

Данте и спутники его, возвращаясь из Венеции в Равенну, плывут в гондоле по Венецианским лагунам, вдоль песчаных отмелей Маламокко и Палестрины до Киоджии.

— Ну, что же, учитель, война или мир? — спрашивает *Пьетро да Джардино*.

— Кажется, мир, хотя это дело оказалось труднее, чем думал государь, и думали мы все... О, как бы я был счастлив, если бы это величайшее и святейшее из дел человеческих — мир, был моим последним делом на земле!

— Почему последним?

— Не знаю... Может быть, потому, что мне хотелось бы... Да нет, не надо говорить об этом, — лучше делать молча...

Путники едут из Киоджии, на конях и мулах, до местечка Лорето, где ночуют.

На следующий день переправляются через устье По со многими рукавами, на больших, плоских, огражденных перилами, лощаниках, где помещается не только множество пеших и конных, но и целые, запряженные волами, телеги. Так доезжают до Бенедиктинской обители, Помпозы, чьи великолепные, многоцветными изразцами украшенные колокольни возвышаются над цветущими садами и рощами, служащими для иноков неверной защитой от убийственных лихорадок соседних болот.

Путь третьего дня идет по узкому перешейку, отделяющему Адриатическое море от бесконечных Комакийских лагун и болот, где первые, только что выпавшие, августовские дожди увлажнили и размягчили жесткий, высушенный летним зноем, растрескавшийся черный ил. Тускло-багровое, без лучей, солнце опускается в море, как раскаленный докрасна, чугунный шар. В воздухе от поднимающихся над болотом густых испарений — сине, как от дыма. Тихим звоном звенят на ухо путников тучи разносящих заразу болотной лихорадки, почти невидимых, прозрачно-зеленых комаров — зензан.

— Хуже здешних мест нет нигде, особенно после первых осенних дождей, — говорит *Федуччио Милотти*, врач. — «Первый дождь — к смерти вождь», сказывают здешние жители. Тут и зверь не живет, и птица не летает, от «злого воздуха», *malariá*... Помнишь, Данте, как у тебя, в Аду, об этом сказано:

Как человек, в болотной лихорадке,
Трясется весь, в предчувствии озноба,
И ноги у него уже синеют,
Едва вдали сырую тень завидит...

Данте кутается в темный плащ.

— Что ты, мой друг, уж не знобит ли?

— Нет, ничего... Скоро будем в Равенне?

— К ночи.

Вдруг остановив мула, вынимает *Милотти* из мешка походную фляжку, наливает в чарку вина и подает *Данте*.

— Пей, — согреешься, а на ночь дам потогонного, да крови змеиной два грана, да единорожьего рога два с четвертью, и завтра, Бог даст, встанешь как встрепанный...

Последняя часть пути до Равенны идет, на несколько верст, сосновым бором, Пинетой. Снова видит Данте «Божественный Лес», divina foresta, подобие Земного Рая на святой Горе Очищения. Но слишком сладко поют в нем птицы, жужжат пчелы, журчат воды, благоухают цветы; слишком торжественно отвечает протяжному гулу сосен далекий шум Адриатических волн, как всем голосам человеческого, во времени, отвечает Глас Божий, из вечности: Данте чувствует, что смертельная отравка «злого воздуха», malaria, уже течет в его крови.

3

В самый глухой час ночи, когда в доме все уже спят, Данте остается наедине с дочерью, Антонией⁹², послушницей Равеннского монастыря св. Уливы, будущей монахиней, сестрой Беатриче. Дочь укладывает его в постель и готовит ему на ночь питье.

— Весь как в огне, — говорит, пощупав ему рукою лоб. — Батюшка, ты очень болен, я пошлю за мессером Фидуччио...

— Нет, завтра пошлешь, я хочу спать, ступай... Никому не говори, что болен, — никому, слышишь?

— Батюшка, миленький, позвольте остаться! Я только здесь, в уголку, прикорну, мешать вам не буду...

— Нет, ступай! Вон как со мной измучилась, бедная, лица на тебе нет... Ступай же, ступай, что же ты стоишь?

Дочь идет к двери.

— Стой, погоди! Вот здесь, под подушкой, ключ. Нашла? Там, в углу, железный ларец. Отопри. Пачка листов, на самом дне, красным шелком перевязана. Нашла? Давай сюда, сунь под подушку, вот так...

— Что это, батюшка?

— Все равно, что. Никому не говори. Последние тринадцать Песен «Рая». Надо кое-что поправить завтра. Что еще я хотел, погоди... Нет, ничего. Ступай!

Долго молча лежит, с закрытыми глазами и неподвижным, точно каменным, лицом. Дочь смотрит на него и тихо плачет.

— Ох, опять эта жижка проклятая! — шепчет он быстро и невнятно, как в бреду. — Вертится, вертится, трещит: «Три — Три — Три...» Знаешь, сестра моя, Беатриче, что такое Три? Отец, Сын и Дух Святой, твое Число Божественное, — Три...

Вдруг открывает глаза и смотрит на нее, как будто не узнает:

— Ты? Опять ты?.. Что ж ты стоишь? Ступай же! Ступай! Ступай! — кричит и плачет злобно, как маленький ребенок.

Дочь уходит. Данте, оставшись один, опять долго лежит с неподвижным лицом и закрытыми глазами. Потом вдруг открывает их и, пристально глядя на распятие, висящее на стене, против изголовья постели, шепчет все быстрее, невнятной:

О, Юпитер,
За нас распятый на земле, ужели
Ты отвратил от нас святые очи?⁹³

Кто от кого отвратил. — Ты от нас. Или мы от тебя? Точно какая-то черная тень легла между Тобой и нами; точно обидел Ты нас какой-то нездешней обидой, какой-то горечью неземной огорчил. Не потому ли и Духа назвал Ты сам «Утешителем», как будто знал, что чем-то огорчишь людей, от чего надо будет их утешить Духом? «Отступи от меня, чтоб я мог подкрепиться, прежде нежели отойду и не будет меня!»⁹⁴ Точно между Тобой и мной было всю жизнь то же, что в начале жизни, между мной и Ею, Возлюбленной, когда Она отказала мне в блаженстве приветствия, и я почувствовал такую скорбь, что, уйдя от людей туда, где никто не мог меня видеть и слышать, я начал плакать и, плача, уснул, как маленький прибитый мальчик... Не наяву, когда я о Тебе думаю, а во сне, когда я мучаюсь Тобой, кто кого разлюбил, я — Тебя, или Ты — меня!»

— А знаешь, что умрешь?

— Кто это сказал, я или Он... или ты?..

— Кто бы ни сказал, мой друг, так оно и есть. Знаешь ли, что ты — великий грешник? Помнишь, как в Раю, ты отвратил глаза от Солнца — Лица Христова, и только в Ее лицо смотрел? Помнишь, как Она сама тебе сказала:

Зачем ты так влюблен в мое лицо,
Что и смотреть не хочешь на прекрасный
В лучах Христа цветущий Божий Сад?⁹⁵

Вечно-памятное для тебя видение — Она, а Он — видение забытое. Солнце Ее — Ее улыбкой — затмилось для тебя Солнце Христа. Ближе тебе Она, нужнее, чем Он. Ты Его не знаешь, не видишь, потому что меньше любишь Его, чем Ее. Тварь вместо Творца, смертная вместо Бессмертного. — вот твой грех. Знаешь, что надо сделать, чтоб грех искупить?

— Знаю.

— Сделаешь?

— Если и сделаю, то без тебя, против тебя!

— Нет, со мной. Я пришел тебя спасти. Знаешь, что в последних тринадцати песнях «Рая» — твой грех? Знаешь, что надо сделать, чтобы его искупить?

— Молчи, уйди, уйди! Именем Ее заклинаю, уйди!

— Именем Ее, а не Его?.. Я уйду, а ты решай, хочешь ли душу твою спасти ради себя, или ради Него погубить...

Данте открывает глаза и, глядя на распятие, долго лежит с неподвижно-каменным, точно мертвым лицом. Потом, вынув из-под подушек ключ и тринадцать пачек листов, перевязанных красным шелком, встает с постели, весь дрожа от озноба так, что зуб на зуб не попадает, подходит к ларцу, отпирает его, вынимает глиняный горшочек с известью, малярную кисть, молоток с гвоздями и камышовую циновку *stuoia*. Медленно, с трудом, как будто подымая невероятную тяжесть — подвешенный к шее мельничный жернов, — подходит к «оконцу» или «печурке» в стене, *finestretta*, для рукописи и книг, кладет туда пачки листов, закрывает циновкой, прибивает ее гвоздями к стене, забеливает известью так ровно, что ничего не видно, снова ложится в постель и, глядя на распятие, шепчет:

— «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит к водам тихим. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и твой посох, они успокаивают меня»... (Пс., 24, 1-4).

4

В 1321-ом году, в ночь с 13-го сентября на 14-ое, день Воздвижения Креста Господня и поминовения крестных язв св. Франциска Ассизского, государь Равенны, *Гвидо да Полента*, сыновья *Данте*, *Пьетро* и *Джьякопо*⁹⁶, дочь его, *Антония*, ученики и друзья собрались в комнате умирающего *Данте*. *Инок* Францисканской обители читает отходную таким уныло-однозвучным голосом, как жужжание болотных комаров — зензан.

Данте, уже причастившись, лежит на постели, в длинной, темно-коричневой грубого войлока, подпоясанной веревкой, монашеской рясе нищих братьев св. Франциска. Руки сложил крестом на груди и закрыл глаза, с таким неподвижно-каменным лицом, что смотрящие на него не знают, жив он или умер.

— Кончился? — спрашивает *государь* шепотом на ухо врача.

— Нет, еще дышит, — отвечает тот, приложив ухо к груди умирающего.

Данте вдруг широко открывает глаза и произносит громким внятным голосом:

О clemens, o pia,
О dulcis Virgo Maria!

Верую в Три Лица Вечные, Отца и сына и Духа Святого.
Три — Три — Три!

Тело его то пылает в жару, как в вечном огне, то леденеет в ознобе, как в вечных льдах. Но больше, чем тело, страдает душа: все еще не знает он, надо ли было делать то, что он сделал, или не надо; спас ли он душу свою, погубив ее ради Того, Кто велел погубить, или, спасая ради себя, погубил?

Бело-белое, в черно-красной мгле, пятно стоит перед его глазами, и он знает, что будет вечно стоять, никогда не уйдет. Все не может понять, что это; может быть, забеленное оконце в стене? Нет, что-то другое, неизвестное. Вдруг понял: белое, ледяное и огненное вместе, леденящее и жгущее, — есть вечная мука ада — вечная смерть. Но только что он это понял, как услышал тихие, знакомые шаги, и на ухо шепнул ему знакомый, тихий голос.

— Не узнаешь? Смотри, смотри же: это я, я, Беатриче!

И он увидел наяву то, что некогда видел во сне, в видении:

Она явилась мне.. в покрове белом
На ризе алой, как живое пламя.
И после стольких, стольких лет разлуки,
В которые отвыкла умирать,
Душа моя в блаженстве перед Нею,
Я, прежде чем Ее мои глаза
Увидели, уже по тайной силе,
Что исходила от Нее, — узнал,
Какую все еще имеет власть
Моя любовь к ней, древняя, как мир.
И тою же опять нездешней силой
Я потрясен был и теперь, как в детстве,
Когда Ее увидел в первый раз⁹⁷.

Тихо уста припали к устам, и этот первый поцелуй любви был тем, что казалось людям смертью *Данте*, а для него самого было вечною жизнью — Раем.

5

Месяцев через восемь по смерти Данте, после бесконечных поисков пропавших песен «Рая», когда перестали их искать, думая, что они безнадежно потеряны, или даже вовсе не написаны, и когда сыновья Данте, *Джьякопо* и *Пьетро*, начали, с «глупейшим самомнением», присочинять от себя эти песни, — *Данте* явился *Джьякопо* во сне: «облаченный» в одежды белейшего цвета и с лицом, сияющим нездешним светом».

— Ты жив, отец? — спросил его *Джьякопо*.

— Жив, но истинной жизнью; — не вашей; — ответил *Данте*.

— Кончил ли «Рай»?

— Кончил, — и взяв его за руку, он повел его в ту комнату, где спал живой и умер; прикоснулся рукой к стене и сказал:

— Здесь то, чего вы искали.

Спящий проснулся. Час был предутренний, но еще темно на дворе. Встав поспешно и выйдя из дому, *Джьякопо* бежит к мессеру *Пьетро Джардино* и рассказывает ему о чудесном видении. Тотчас же оба спешат в дом, где жил *Данте*, находят указанное на стене место, нащупывают прибитую к нему циновку и, потихоньку отодрав ее, видят никому не известное «оконце», где лежит пачка листков.

— Что это? — спрашивает *Пьетро*, весь дрожа и бледнея.

— Трудно прочесть, вон сколькоросло плесени от сырости, — отвечает *Джьякопо*, тоже весь дрожа. — Надо бы снять...

— Тише, тише, мессер Аллигьери, как бы не рассыпались! Если бы еще немного дольше пролежали, истлели бы совсем!

— Дайте свечу поближе, вот так...

Джьякопо развязывает истлевшую нить красного шелка на пачке листков, осторожно снимает ножом белую плесень с почерневшего верхнего листка и читает глухим дрожащим голосом:

Già eran li acchi miei rifissi al volto
de la mia donna, e l'anima con essi...

Вновь обратилися глаза мои к лицу
Владычицы моей, и душа моя была с Нею...

— Сколько пачек? — спрашивает *Джиардино*. *Джэякопо* считает.

— Тринадцать.

— Значит, весь «Рай».

— Да, весь⁹⁸. А ведь это чудо, мессер *Джиардино*, — святого Данте первое чудо!

— Первое, но, может быть, не последнее...

Глядя на окно, озаренное первым лучом восходящего солнца, мессер *Джиардино* крестится.

— Слава Отцу, и Сыну, и Духу Святому! Аминь.

~ II ~

МАКОВ ЦВЕТ

ДРАМА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

В голубые, священные дни
Распускаются красные маки.
Здесь и там лепестки их — огни —
Подают нам тревожные знаки.

Скоро солнце взойдет.
Посмотрите —
Зори красные.
Выносите
Стяги ясные.
Выходите
Вперед
Девицы красные.

Красным полымем всходит Любовь.
Цвет любви на земле одинаков.
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганных маков¹.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

18 октября 1905 года

Действующие лица:

Арсений Ильич Мотовилов — профессор — филолог. Под шестьдесят. Худой, болезненный, нервный. Не без благородства.

Наталья Петровна — жена его. Тихая, скорее полная. Не суетлива, проста.

Дети их:

Анна Арсеньевна Бунина — лет 30. Увядшая, восторженная, всегда в волнении, вдова.

Соля — бледная, худенькая, нервная девушка лет 25.

Андрей — студент. Обыкновенное, молодое лицо.

Петр Петрович Львов — генерал-лейтенант, брат Натальи Петровны. Добродушен, без военной выправки.

Иосиф Иосифович Бланк — еврей. Молод, но не юноша. Говорит без акцента.

Евдокимовна — старуха нянька. Готовит и заведует хозяйством.

Фима — молодая деревенская горничная.

Действие происходит в квартире Мотовиловых.

Столовая в доме Мотовиловых.

Арсений Ильич и *Наталья Петровна* кончают поздний обед.

На столе канделябр со свечами.

Фима убирает посуду. Входит *Евдокимовна*.

Явление I.

Арсений Ильич, Наталья Павловна, Фима, Евдокимовна
(Во время первого явления *Фима* то входит, то уходит).

Евдокимовна. Кофе прикажете подать?

Наталья Павловна. Кофе? Нет, няня, подавай лучше прямо самовар. Уж поздно. Подай тут, так чаю хоть сразу напьются.

Евдокимовна. Слава Богу, девятый час. Сонюшка хоть позавтракавши убежала, а вот Андрей-то Арсеньевич с самого что ни на есть утра ни чаю не выпил, ни что. Фимка в булочную только побежала, а он, гляжу, через кухню уже в пальто, и готово дело. Куда? Что? Хоть бы чаю выпил. А теперь и не пообедавши.

Наталья Павловна. Ну, он часто к обеду не приходит. С чаем закусит чего-нибудь.

Евдокимовна. А тут Фимка из булочной бежит: флаги, говорит, везде навешивают по улицам, и спокойствия нет, а дворники между собою гурчат. Я из окна-то выглянула, — действительно, правда, флаги. Что такое, почему? Ясное дело — потому что бунт.

Наталья Павловна. Да ведь говорили тебе, няня, что флаги по случаю манифеста. Манифест вышел о свободе². Никакого бунта нет.

Евдокимовна (ехидно). Нету! То-то и видно, что нету. Лавки это позабыты, куру, и то Христом Богом у Иван Федотыча, с ворот ходила, выпросила, а свечей нет и нет, и лампы как не горели, так и не горят. Уж коли бы манифест, так лампы-то первым делом бы зажглись. А вы хоть на улицу извольте взглянуть: тьма-то тьмушая. Ясное дело: бунтуют и бунтуют. Тьфу! Чтоб вам на свою голову.

Наталья Павловна. Ты самовар-то носи, поставлен он у тебя?

Евдокимовна. Вот еще, спасибо, вода есть сегодня. А с завтрашнего дня, мне сам старший говорил, опасайтесь.

говорит, очень и очень, потому что по всей видимости будет и забастовка воды.

Арсений Ильич. Да брось ты болтать, Евдокимовна! Говорят тебе — манифест. Что они просили — дали, и теперь забастовки прекратятся.

Евдокимовна (всплескивая руками). Дали? Это еще, как свет стоит, не бывало, чтоб бунтовщикам дали бунтовать. Нате, мол, пожалуйста.

Фима (вносит самовар). Дарья Евдокимовна, а поглядить, кажись воду в кувне заперли.

Евдокимовна. Вот оно. Вот он манифест-то. (*Фиме*). А ты тоже, заперли, заперли... Дверь-то лучше запирай. На лестнице, на черной, торчишь с разными личностями. Больно бойка стала, бунтовщица!

Фима (обижаясь). Да что это, право, Дарья Евдокимовна, словами-то ругаетесь. С которых это пор бунтовщица да бунтовщица. Я и сама их смерть боюсь. Звали позавчера прислугу в 24 номер, митинка, что ли, какая-то, разговоры, мол, будут...

Евдокимовна (перебивая). Ну да, чтоб против поднаться...

Фима. Так я пошла, что ли? Ну их совсем и с митинкой. Страсть и страсть (*Уходит*).

Явление 2.

Евдокимовна. Небось доиграются! Нонче, как уж сильно-то взбунтовало их, так Иван Корнейч говорил, на Загородном столько набили, сам он едва в ворота спрятался. Не более как два часа назад и пришел.

Наталья Павловна (взволнованно). Да ну, няня, можно ли такие пустяки? Опять тебе кто-то вздору наговорил. Ничего этого быть не могло. Вон звонят. Верно, Соня.

Евдокимовна. И то, кабы дал Бог, Сонюшка! У меня нынче, как вздумаю о Сонюшке, так ноги и подгибаются, так и подгибаются. А уж насчет Загородного — это как угодно. Это Иван Корнейч собственными глазами видел. Братъ не будет.

Явление 3.

Наталья Павловна и Арсений Ильич.

Наталья Павловна. Правда, хоть бы Соня. Евдокимовна вечно со своими ужасами. И знаешь, что половину выдумает, а все же как-то беспокойно.

Входит генерал, *Петр Петрович Львов*, в походной форме, за ним *Евдокимовна*.

Явление 4.

Наталья Павловна. Пьерушка! Ты как попал?

Генерал. Евдокимовна, рюмку водки генералу и закусок каких-нибудь. Живо!

Евдокимовна. Сейчас, сейчас, батюшка (*достает из буфета рюмку и закуску*).

Генерал. Обезжал свой район. Был рядом в манеже. Вот и зашел. Два дня не видались.

Арсений Ильич. Ну, расскажи, что знаешь. Ведь мы сидим, никого не видим.

Евдокимовна (*держит поднос с закуской*). Кушайте на здоровье!

Генерал. Да что тут рассказывать. Никто ничего толком не знает. Вчера стреляли, а сегодня прячясь, пусть красные флаги гуляют. Да и сегодня стреляли.

Наталья Павловна. Как, сегодня? Так правда стреляли?

Генерал. Да, у Технологического.

Евдокимовна. Говорила я вам, барыня, — старой дурой обозвали (*Уходит*).

Явление 5.

Арсений Ильич. Чепуха какая-то. Ничего не разберешь.

Генерал. Ну, а дети что?

Арсений Ильич. Анюта у нас все суетится. С детьми одной ей не справиться. Мальчишки взбунтовались. У Васи револьвер нашли. Черт знает что.

Генерал. Ну, а невеста?

Наталья Павловна. Да вот пропала. И она, и Андрей. Ждали обедать — не пришли. Соня-то радостная была сегодня, а за Андрея тревожно. Подумай, Пьерушка, давно ли он со своей Университетской Денницей возился, декадентские стихи писал... а теперь... Тяжело нынче с детьми. Что я могу дать им? Только молюсь за них, можно сказать, ежечасно. Уж скорей бы Бог помог Сониному свадьбу сыграть. Измучились они оба — и Соня, и Борис.

Генерал. Свадьба, свадьба! Я до сих пор с проклятой консисторией разделаться не могу. Прежде проще было, по тарифу. А теперь бесребрениками стали, опасаются. Да и некогда мне. Как собаку гоняют.

Арсений Ильич. А Борис что ж не хлопочет?

Генерал. Да где ему? Дни и ночи в охране. Вчера я взял да и хватил письмо владыке. Ведь он уж месяц, как обещал мне разрешение дать, а вот ничего.

Наталья Павловна. А Боря как? Ничего, бодрый?

Генерал. Вот ты, Наташа, об Андрее говорила. А Боря? Помнишь, как на войну отправляли?³ Все бросил, полетел.

Вот и война прошла. Вернулся, и еще женихом. А война-то его и подкосила.

Наталья Павловна. Ну, не подкосила, а задумчивый какой-то стал. Я это и на Соне замечаю. Господи, да что ж тут удивительного? Вместе ведь они с Соней Мукден⁴ пережили. Я и теперь, как вспомню Сонины рассказы, просто дрожь и ужас. До чего только люди могли дойти!

Арсений Ильич. Решительно не везет Соне с Борисом. Уж, кажется, заслужила счастье (*улыбается*). Героиня ведь она у нас! Как мы боялись за нее — да не удерживать же насильно. Уехала; образцовая, говорят, сестра милосердия была. Удивительная у женщин устойчивость нерв. Но, однако, и довольно бы, имеет, кажется, право о себе подумать.

Наталья Павловна. До поста-то все равно не успеть. А уж в январе непременно надо бы.

Арсений Ильич. Андрей нас очень беспокоит. Как только забастовка кончится, хотим его за границу отправить. Нечего ему здесь делать.

Наталья Павловна. Да, долго ли до беды. Он все время, как в лихорадке. Может быть там, в нормальной обстановке, хоть немного успокоится.

Арсений Ильич. С ним сладу нет. Ни он нас, ни мы его не понимаем. Я какого-нибудь Бланка в тысячу раз больше понимаю. Ну, социал-демократ — и социал-демократ. Тут хоть своя научность есть. А чего Андрей хочет — неизвестно. Не то романтизм, не то хулиганство.

Генерал. Что уж это ты только брюзжишь. Парень он у вас хороший (*Пауза*).

Наталья Павловна. Господи, как в этой темноте тоскливо. Когда же они забастовку кончат?

Входят Анна Арсеньевна и Евдокимовна.

Явление 6.

Евдокимовна. Уж нельзя без этого. Неровен час. И с крюком-то, и то нет никакого спокойствия. Придут шайкой и сорвут, очень просто.

Наталья Павловна. Это ты, Аня? А мы думали Соня или Андрей.

Анна Арсеньевна. Что, пропали? Няня уже жаловалась. Дядя Петя, здравствуйте. Ну, с вами нигде не страшно. А вы представьте только, Евдокимовна меня пускать не хотела. Кричала, окликала, а потом как начала отмыкать болты... Давно это вы так запирались стали?

Арсений Ильич. Это все Евдокимовна крепость устроила.

Евдокимовна. Они нынче сквозь швейцара проходят. Что швейцар может сделать? Ничего им швейцар не может сделать. А крюк хоть и сорвут, так все не сразу.

Анна Арсеньевна. Пожалуй, и у нас лучше крюк прибить? А у нас швейцар такой глупый. Веселый какой-то и глупый. И вообще...

Наталья Павловна. Да пустяки, Анюта! Евдокимовна уже известная у нас. Какие там шайки будут ходить?

Арсений Ильич. И главное, две недели все болтала. А сегодня утром слышу стук, привела дворников и, действительно, навесила. Ради манифеста. Ей тут объявляют неприкосновенность личности, а она — крюк.

Евдокимовна (сердито). Вот ладно, теперь смеетесь, а как придут эти самые личности, так еще поблагодарите Евдокимовну за крюк (*уходит*).

Явление 7.

Анна Арсеньевна. Нет, право, мне как-то с нашим замком беспокойно стало. И швейцар невероятно, невероятно вялый. И вообще... Что же, Соня-то, у вас? Давно, что ли ушла? На демонстрацию? Ах, эти демонстрации! Что я пережила, вот и вчера, и третьего дня, и сегодня...

Наталья Павловна (беспокойно). Сегодня? Ты была где-нибудь?

Анна Арсеньевна. Нигде я, решительно нигде не была, и это все Шура. Взяла с него честное слово, что нынче дома останется. И вся дрожу, потому что Вася тоже дома. Непременно они опять передерутся. И все из-за убеждений. И вообще...

Арсений Ильич. По четырнадцать лет мальчишкам, с убеждениями их не справишься.

Анна Арсеньевна. И откуда? Что такое? Близнецы, вместе росли, в одной гимназии учились, — и вдруг... видеть друг друга не могут. Оба крайние! Представить только: Шура революционер, а Вася монархист. Ужас, ужас! Я уж решила, за границу их увезу, в Англию. Это мой долг. И вообще...

Генерал. Ну и долг материнский нынче! Из сыновей англичан делать.

Анна Арсеньевна. А вы злой, дядя, злой! Вам что? У вас все отлично устраивается. Боря отличный, женится в своей же семье, на такой девушке, как Соня... Не революционер... Вам только радоваться на детей, и вообще... Мне и самой на Соню с Борисом глядеть приятно. Так любят друг друга!

Арсений Ильич. Глядеть-то не на что пока, и Борис давно заезжал, да и Сони все нет. То одна, то с Андреем уходит.

Наталья Павловна. Вот она! Слава Богу!

Явление 8.

Те же и *Соня* с *Бланком*

Соня. Ну что? Беспокоились? А я по улицам ходила. Сначала одна, а на Казанской площади Иосифа Иосифовича увидела. Ораторствовал. Меня даже не узнал. Властвовал над толпой. Где уж тут мелкую бумажку приметить? А что, Андрея нет?

Наталья Павловна. Все еще нет. Боюсь я за него.

Соня. Ничего, мамочка, придет. Уж не знаю, что дальше будет, а сегодня хорошо. И погода-то какая была! Первый светлый день. Радостно. Просто не верится. Целый лес красных знамен и никаких войск. Городовые знаменам честь отдают.

Евдокимовна. Знаем честь-то эту. На Загородном отдали. Палили, палили...

Соня. Ах, няня, не скули. Дядя, ну, а Боря что, здоров? До университета было не добраться. На балконе ораторы, флаги висят.

Генерал. Боря все в охране.

Бланк. А кто-то ухитрился влезть на крышу и привязать красный флаг прямо к кресту.

Наталья Павловна. Как, к кресту?

Соня. Устала я очень, а то бы еще ходила. Кажется, мимо нас скоро пойдут. В предварилку. Хотят политических освободить. Хороший день!

Наталья Павловна. А мне на тебя смотреть весело, Соня милая. Ты сегодня одна из всех нас простая, светлая. Я девочкой пережила такой день. 19 февраля⁵. Помнишь, Пьерушка?

Генерал. Ну, много мы понимали тогда, что делалось.

Наталья Павловна. Праздник-то чувствовали. Святость какую-то. Теперь я старуха, а этот светлый день никогда не забуду. Вот и нынче день святой, день свободы, а на душе как-то тяжело. Город темный, мертвый, тут стреляют, там стреляют. Страшно.

Бланк. Да, радоваться-то еще рано.

Арсений Ильич. Ну, перестаньте каркать. Я, по крайней мере, радуюсь.

Наталья Павловна. Евдокимовна, вели самовар разогреть. Иосиф Иосифович, Соня, проголодались?

Арсений Ильич. Всего вам, Бланк, мало. До чего мы все нежизненные и утопичны.

Бланк. Да я вовсе вам не мешаю радоваться. Радоваться никогда не вредно. И день, что ж? День свое значение имеет.

Генерал. Ну-с, я иду. Пора. Заморил червячка. Ведь мне сегодня и пообедать не дали.

Соня. Прощайте, дядечка. Борю поцелуйте.

Генерал. Вот даст Бог, забастовка проклятая кончится, так посвободнее ему будет. Прибежит.

Наталья Павловна. Господь с тобой, Пьерушка, не забывай нас. (*Идет с генералом в переднюю.*)

Явление 9.

Бланк. А мне сдается, Софья Арсеньевна, жениха-то не так скоро увидите. Забастовка еще не завтра кончится. Час не пробил. Рано еще пролетариату руки складывать.

Арсений Ильич (спокойно). Скажите пожалуйста! Рано! Чего же еще? Ну, до манифеста, я еще понимаю, я, так сказать, допускаю все эти забастовки; но позвольте, какой же смысл теперь? Уж не говоря о том, что я в принципе враг всякого насилия, откуда бы оно не исходило... А забастовка...

Бланк. В принципе вы еще не допускаете никогда, а на практике — до манифеста. Так?

Арсений Ильич. Да, да и да. Вы отлично понимаете, что я хочу сказать. А я отлично понимаю, что вы все нас толкаете, так сказать, на анархию.

Бланк. И при чем тут анархия? А что вам, как и всей буржуазии, много не нужно, — это правда. Пролетариат вытащил вам каштаны из огня, а теперь пусть идет в старую дыру? Ну, не на таковских напали...

Анна Арсеньевна. Опять ссоры и споры. Как эта политика надоела!

Соня. Знаешь, Анюта, я прежде сама так думала. А вот на войне увидела, что значит политика, когда из-за этой самой политики люди зря умирали.

Входит Наталья Павловна.

Явление 10.

Наталья Павловна. А Андрея-то все нет как нет.

Анна Арсеньевна. Как хотите, я иду. Домой надо. Что-то мои буяны делают, и вообще...

Наталья Павловна. Иосиф Иосифович, он вам ничего не говорил? Вы не знаете, что он сегодня делает?

Бланк. Решительно ничего не знаю. Я его со вчерашнего дня не видел. Мне самому его нужно до зарезу.

Арсений Ильич. Мы с женой думаем Андрея за границу отправить. Что вы на это скажете, Иосиф Иосифович?

Бланк. Отлично сделаете. Уж очень он запсихопатил.

Арсений Ильич. У него есть способности. Ну, если его социалистический вопрос так занимает, пусть поедет на

Запад, поучится. Здесь он допрыгается до чего-нибудь. И как это вы все понять не хотите, что без науки двинуться никуда нельзя. Молодежи прежде всего учиться надо. Ведь если такое положение дел продлится еще несколько лет — Россия станет прямо варварской страной. Теперь всякий гимназист вместо экзаменов политикой занимается. Политика — дело людей взрослых, уравновешенных⁶...

Бланк. Так, чем молодежь-то виновата, что взрослые сложа руки сидят? Ну, да не в этом дело. А насчет Андрея я с вами согласен. Он легко может зря погибнуть, без всякой пользы для дела. В нем сидит неискоренимый декадент-романтик, революционерство старого пошиба. Чисто русская черта. Никакой выдержки. Все хотят сразу, усилием героев. Какой-то обратный аристократизм. Теперь дело не за героями, а за массой. Нужна дисциплина, повседневная черновая работа⁷. Андрей все-таки барчук и романтик.

Соня. Сложно все это. Мне трудно разобраться. А только Андрея я понимаю. Без порыва, без веры в себя ничего не сделаешь. Себя потеряешь — начнутся будни, серые будни. Андрей человек праздничный. Да и вся Россия из будней теперь вышла.

Арсений Ильич. Нет, Бланк прав. Я с ним во многом не согласен, но мне ясна его мысль, схема. У него, по крайней мере, все на ногах держится. Он признает культурную работу, путь подготовительной организации. У него есть своя философия истории. А у Андрея революционный угар, когда человек не владеет собой, сам не знает, чего хочет.

Соня. Ах, папа, папа! Пускай он хочет того, чего нет на свете⁸. Ведь в этом-то и святость человека, вся его внутренняя правда.

Бланк. Красиво, Софья Арсеньевна, только силы в этой красоте мало. Гораздо легче совершить геройский поступок, чтоб весь мир ахнул, пожертвовать собой и погибнуть, чем исподволь, изо дня в день, добиваться далекой цели. Русские умирать умеют, а жить... жить еще не научились. Андрей или на баррикады пойдет, или впадет в тупое равнодушие. Середины нет.

Соня. Да не вынесет русская душа никакой середины!

Бланк. Ну вот, вот, я ж это и говорю. А вся история-то, может быть, и есть середина!

Явление II.

Андрей, из другой комнаты Евдокимовна

Соня. Андрей! Смотрите, мама! Вот он. Мы и звонка не слышали.

Евдокимовна. Да это он по черному ходу. Батюшки святители! Да кто им отворил-то?

Андрей. Никто не открывал. Там отперто.

Евдокимовна. Фимка-то, Фимка-то где? Господи-батюшки, в гроб с этой девкой сойти. Ну уж я ее, я ее со дна морского выищу!

Наталья Павловна. Постой, няня, погоди, дай лучше Андрей Арсеньевичу поесть чего-нибудь. Ты ведь закусишь, Андрюша?

Андрей (садясь за стол). Да, я проголодался.

Анна Арсеньевна. Ну, слава Богу. Нашлось нещечко. Теперь я иду.

Андрей (Бланку). Ты здесь. Мне тебя надо.

Бланк. И мне тебя. Зайди ко мне завтра утром.

Андрей. Да ты что, уходишь? Посиди немножко.

Бланк. Нет, пойду. А мы тут тебя ругали. Романтик ты и больше ничего.

Андрей. Ну, знаем мы это. Старая песня. Надоело.

Бланк. Опять в психопатии?

Андрей. Нисколько не в психопатии, а от твоей «благоразумной разумности» душу воротит.

Бланк. Эх ты, юнец!

Анна Арсеньевна (к Бланку). Вы к Невскому? Пойдемте вместе. Ну, прощайте, до свидания. Прощай, Евдокимовна.

Евдокимовна. Прощай, матушка. А с детками-то ты построже (*уходит, разговаривая*). Нынче пошла мода родителей ни во что не ставить...

Явление 12.

Соня (кричит вслед). Анюта, я к тебе завтра зайду. (*Андрею*). А я, Андрей, тоже только что вернулась. Думала я тебя где-нибудь встретить.

Андрей. А я на улицах не был.

Арсений Ильич. Не был? А вот Соня говорит, что именно улицы представляют собой необычайное зрелище.

Андрей. Да. Не знаю.

Арсений Ильич. Что ж, ты не признаешь манифеста? Я только что говорил, что я лично враг всякого насилия, откуда бы оно не исходило, но за этот день я готов простить...

Андрей. Ах, папа, бросьте эту риторику.

Наталья Павловна. Все-то ты, Андрюша, сердисься. Укrotи свое сердце.

Андрей. Да не сержусь я вовсе. Только, право, сейчас не до папиных сентиментальностей.

Наталья Павловна (целует его). Мальчик мой ненаглядный, милый ты мой сынок. (*Опять целует*). Мы на то и старики, чтобы быть сентиментальными.

Арсений Ильич. Не понимаю я тебя, Андрей...

Андрей. Да что я вам дался? Оставьте меня в покое!

Арсений Ильич. Ну, этот тон ты брось. С отцом разговариваешь...

Андрей. При чем тут отец! Ведь не о семейных делах говорим!

Соня. Ну, Андрей. Довольно.

Андрей. Слушаюсь, Софья Арсеньевна. Так вы, значит, наслаждались необыкновенным зрелищем? Что ж? Может быть жениха где-нибудь встретили? На коне гарцевал? Впрочем, что я говорю, ведь они сегодня в подворотню спрятались, герои порт-артурские⁹...

Соня. Андрей, это гадко, что ты говоришь. Гадкая злоба!

Арсений Ильич (к Андрею). Я тебе запрещаю говорить в таком тоне!

Соня. Ничего, папа. Пусть, пусть...

Андрей. Оскорбленная добродетель? Да я ведь ничего...

Наталья Павловна. Ты, Андрюша, отлично знаешь Бориса. Знаешь, какой он человек. К чему издеваться? Соню хоть пожалей.

Арсений Ильич. Бестактность какая!

Соня. Да оставьте. Не хочу я его жалости! Я и без Андрея знаю все, что мне нужно знать.

Андрей. Уж будто бы? Так все отлично знаешь? А когда полковой дамой будешь, меня на журфикусы позови. Все-таки лестно.

Арсений Ильич. Да замолчишь ты когда-нибудь?

Соня (серьезно). Андрей, я не признаю за тобой права судить Бориса. У тебя этого права еще нет. Твою грубость я тебе прощаю, хоть ты мне больно сделал, очень... А права судить, кто в чем виноват — у тебя — все-таки нет.

Андрей. Ну, да, да, никто не виноват. Нет виноватых... Знаем мы это...

Явление 13.

Те же и *Евдокимовна.*

Евдокимовна (торопливо вбегая). Слышите, гул-то какой! По нашей улице так прямо и катнуло их. Силища народу! Песни свои эти орут, на Шпалерную, к тюрьме¹⁰. От окон-то подальше извольте, не ровен час!

Наталья Павловна. Кто? Где? Что ты, няня?

Соня. Нет, правда. Слышите? Это, должно быть, идут на Шпалерную. Это ничего, няня, не бойся!

Арсений Ильич. Да откуда они, с Невского?

Все, кроме *Андрея*, встали с мест, *Соня* идет к окнам.

Евдокимовна. Матушка, Сонюшка, да к окнам не подходите! Ведь запалаят! Ведь бунтовщики это идут!

Соня открывает окно.

В комнату врывается растущий гул, как бы далекие крики или ление, и топот. Стука колес не слышно. Последний разговор заглушен растущим гулом. Когда он усиливается — за окнами мелькают красные флаги.

Арсений Ильич. Действительно... Это очень интересно... Надо только пальто накинуть.

Выходит.

Явление 14.

Евдокимовна. Батюшка, барин, да ведь силища прет! Да прикажите вы Софье Арсеньевне окно-то закрыть! Сами простудитесь и квартиру настудите.

Соня. Молчи ты, ради Бога. Мама, накиньте плед (*подает*). Отлично все будет видно. Слышите? Вот уж мальчишки бегут... Андрей, что ж ты сидишь? Отвори другое окно... Оттуда маме виднее...

Андрей медленно встает, открывает второе окно, затем отходит.

Гул усиливается. Входит *Арсений Ильич* в шубе и идет ко второму окну, где *Наталья Павловна*. *Андрей* стоит немного позади.

Явление 15.

Евдокимовна. Безобразие какое! Окна еще открыли. Бунт страшный, а тут еще глядеть! Да ведь разве ж допустят? Да ведь тут как налетят казаки, так ведь тут такое пойдет. Софья Арсеньевна!

Соня (оборачиваясь). Ах, няня, иди лучше сюда. Иди сюда! (*берет ее за плечи и почти насильно тянет к окну*). Ну, гляди, никто на них не налетает, потому что вовсе они не бунтовщики. Всем свободу дали...

Евдокимовна. Это свободу-то... этакой толпой... по улицам... тюрьму ломать?.. Никогда этого не будет, пока свет стоит, чтоб свободу давали... Угомонят.

Соня. Ворчи сколько угодно, а вот дали!

Гул усиливается.

Евдокимовна. Господи! Флаги-то, флаги, словно мачты, черные! Страсти Господни! Черные-пречерные!

Соня. Да какие там черные, разве не видишь — красные?
Андрей (задумавшись, как бы про себя).

В голубые, священные дни
Распускаются красные маки...

Соня (оборачивается). Что?
Андрей. Ничего (помолчав, продолжает).

Здесь и там лепестки их — огни —
Подают нам тревожные знаки...

Евдокимовна. Ой, и то красные! Ой, страсти, красные!

Гул слегка затихает.

Соня. Ну что, налетели солдаты? Мама! (Оборачивается к ним, но они не слышат. Андрей, стоящий поодаль, взглядывает на нее молча). Андрюша, ты видел? Посмотри, кажется, другая толпа идет? Нет?

Андрей (отходит к столу). Брось любоваться, это не спектакль.

Соня. Ах, Андрей... (к няньке). Няня, что с тобой? Чего ты?

Евдокимовна (заливаясь слезами, махая руками, причитает). Победили они, окаянные, звери, супостаты! Кончилось житье православное! Отступил Господь, отступил — попустил, предал нас на посмеяние! Не заживать бы мне, старой, чужого века, не доживать бы до проклятого дня...

Наталья Павловна (отходит от окна, которое закрывает Арсений Ильич). Няня, няня, что ты? как тебе не грех, сумасшедшая ты!

Евдокимовна (не слушая). Пропали головушки наши!

Соня. Пойдем, няня, успокойся!

Уходят.

Явление 16.

Арсений Ильич (снимая шубу). Давно бы ее увести, эту дуру старую. Пойдет теперь причитать. Какая-то ограниченная, так сказать, черносотенка. Нет, зрелище в самом деле грандиозное. Что может быть отраднее этого молодого энтузиазма!

Андрей. Какие ужасные вещи вы говорите, папа!

Арсений Ильич. Отчего ужасные?

Андрей. А то, что мне стыдно за вас. Это вовсе не зрелище для развлечения буржуа. Вы не понимаете, что это гнусность, — любоваться из окна красными флагами. Ведь красные-то они от крови. Манифестанты эти, не дойдя до

Шпалерной, могут быть расстреляны, и тогда не только флаги, мостовая будет красная.

Входит *Соня*.

Явление 17.

Наталья Павловна. Ну, что старая?

Соня. Ничего, успокоилась немножко.

Арсений Ильич. Андрей, нельзя быть в постоянной истерике. Что с тобой делается? Не беспокойся, не тронут их.

Андрей. Ну, бросим. Не до споров и разговоров. Вот что. Я ухожу.

Наталья Павловна. Куда ты?

Андрей. Я переезжаю к одному товарищу, а там при первой возможности уеду в Москву.

Арсений Ильич. Зачем?

Андрей. По делу. Да я через несколько времени вернусь.

Соня. Отчего ты виляешь? Ты мне вчера совсем иначе говорил?

Наталья Павловна. Что он тебе говорил?

Соня. Говорил, что он от нас хочет совсем уйти, что мы ему мешаем.

Андрей. Соня вечно преувеличивает. Если бы я знал, что она поднимет крик... -

Соня. Нисколько не крик, а я нахожу, что если ты мне говорил, то должен сказать и всем.

Арсений Иванович. Андрей, что такое? Не понимаю...

Андрей. Да ничего. Я действительно сказал Соне, что совместная жизнь с некоторого времени для меня лично сделалась неудобной, и я, может быть, предпочту, ради больше свободы взаимных отношений...

Наталья Павловна. Ты хочешь отдельно поселиться?

Арсений Ильич. Нет, я все-таки ничего не понимаю. Потрудись сказать толком. Это чрезвычайно интересно. Какие же твои планы?

Андрей (с раздражением). Интересно или нет, но больше того, что я сказал, мне говорить нечего. Это мое личное дело.

Соня. И все-таки сердиться незачем.

Арсений Ильич. Пускай, пускай... Ведь это его дела... *(Вдруг растерянно)*. Нет, Андрей, да как же это? Мы ничего не подозревали... Мы думали напротив... То есть не напротив, а... Ты скажи просто. Ну, потолкуем...

Соня. Конечно, конечно. В сущности это просто. Хочет переезжать, ну и пусть. Свобода прежде всего.

Арсений Ильич. Соня, не замазывай. Я требую, Андрей, слышишь, требую, чтобы ты сейчас сказал, для чего и куда ты уезжаешь.

Андрей. Я не могу.

Арсений Ильич. А тогда я тебя не могу пустить. Это безумие. И знай, я приму свои меры.

Андрей. Какие это меры, позвольте вас спросить?

Арсений Ильич. А это уж мое дело. Я предпочитаю, чтоб тебя заперли сейчас, чем когда будет уже поздно... Ну, да это все не то... Ты приди в себя. Выслушай, что я тебе скажу. Мы с Наташей думаем, не лучше ли тебе за границу поехать? Ведь совсем развинулся. Поезжай, куда хочешь. Я тебе обещаю полную свободу. Только займись чем-нибудь. Твоя жизнь впереди. Вот веришь в революцию, так ведь после революции образованные люди еще нужнее будут.

Андрей. Я, за границу? За границу теперь? Папа, да что вы говорите. Теперь, когда каждый человек так дорог, я уеду, как какой-то пай-мальчик, науками заниматься? Чтоб родительское сердце утешить? Хорошо вы меня знаете, нечего сказать! Да, я уеду от вас, конечно уеду, только не за границу.

Арсений Ильич. Что, что? Ты опять?

Андрей. Я уж сказал вам, и это кончено.

Арсений Ильич. Что ты делаешь? (*Плаксиво*). Андрей, милый, не бросай ты нас так! Ведь мы же тебя ни в чем не стесняли. Ну, разве мы тебя стесняли?

Андрей. Не стесняли? Молчите, пожалуйста. Да вы по рукам и ногам вяжете! Волю убиваете! С вами остаться это — на нет сойти. Разговоры, разговоры, легкомыслие невероятное, рассеянность, распушенность, яд какой-то подлый! Он сознание темнит, душит волю. Кисляи, сентиментальные болтуны. Трупом от вас пахнет. Я хочу на воздух, на улицу, хочу к тем, кто властно идет на смену вам, беспомощным. Я к сильным хочу — буду с ними, хотя бы жизнь пришлось отдать! Довольно мне вашей тупой лжи! Не надо, не надо, довольно!

Соня. Андрей, Андрей, как ты нас оскорбляешь!

Андрей. Я не оскорбляю. — вся русская история, вся история мира вас оскорбляет! Соня, а ты? Как ты можешь мириться, как ты можешь жить в этой духоте, в этом семейном хлеву! Я думал, ты другая вернешься... оттуда, а ты еще покорнее стала. Любовь к Борису тебя сгубила. Все ему прощаешь, то, чего человеку простить нельзя! О счастливом браке мечтаешь, как бы и свою безличную микву¹¹ завести... Соня, да разве ты не чувствуешь, что кто в эту микву попадет, тому крышка? И ведь чувствуешь же ты, что она все равно разваливается, уже наполовину развалилась? Кому, чему приносишь себя в жертву? Брось их, Соня. Ты ведь не любишь больше Бориса, не можешь ты любить этого своего героя порт-артурского! И не высидеть тебе все равно за семейным чайным столом, где добрые профессора отдыхают с покорными детьми после лекций в автономном уни-

верситете, где только одно желание, — как бы все по-хорошему да по старинке. Слышишь, Соня... слышишь?

Арсений Ильич. Соня, не слушай! Хулиганство это! И кто тебя поставил судьей нам? Как ты смеешь судить — отца?

Андрей. Этого-то вы и боитесь! Ведь вы даже не на мою правду негодуете, вы дрожите от возмущения, что я, сын, говорю правду отцу. Разве я человек для вас? Я раб, я сын! Но помните: как человек говорю я вам человеческую правду в глаза, как человек я презираю вас с вашими спокойными кафедрами, с вашими хорошими словами, со всеми вашими семейными добродетелями, со всем вашим благополучным благородством!..

Арсений Ильич. Молчать! Вон, вон из моего дома!

Андрей. Я и сам ухожу (*идет к двери*).

Наталья Павловна. Андрюша...

Андрей возвращается, молча целует мать и уходит.

Долгая пауза.

Арсений Ильич беспомощно опускается в кресло.

Соня ластится к нему.

Арсений Ильич. Наташа, ведь это ничего? Он вернется? Ну, конечно, вернется. Ведь должен же он вернуться? Наташа? Ну, что ж ты молчишь? Вернется?

Наталья Павловна. Нет, Арсений, он не вернется.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Действующие лица:

Арсений Ильич,

Соня,

Бланк,

Евдокимовна,

Петр Петрович Львов,

Борис — сын его, поручик гвардейского полка. Нервный, озабоченно-растерянный.

Доктор Чижов — военный врач, подчиненный Львова. Выхоленный, самодовольный.

Котков — военный фельдшер.

Дорофеев — денщик. В генеральском сюртуке, без погон и светлых пуговиц.

Денщики — вестовые.

Казенная квартира генерала Львова в Петербурге.

Мало живая комната, не то одна из гостиных, не то читальня. Утро. На столе лекарства, вообще склад лечебных вещей, которые не хотят держать в комнате больного. Налево дверь в комнату, где лежит Андрей. Перед дверью ширма.

Явление 1.

Соня, затем денщик Дорофеев.

Соня (выходит из комнаты больного, в белом фартуке; голова повязана белым платком, как у сестры милосердия. Копошится у стола. Смотрит спиртовую лампочку. Звонит в электрический звонок. Приходит денщик). Принесите спирту (Приготавливает шприц. Денщик возвращается со спиртом). Генерал дома?

Денщик. Так точно.

Соня. У него есть кто-нибудь?

Денщик. Полковник Павловский с докладом.

Соня. Давно?

Денщик. Да уж с полчаса.

Соня. Вот что, Дорофеев. Как только приедет доктор, доложите генералу.

Денщик. Слушаюсь.

Уходит.

Соня идет к больному.

Некоторое время сцена пуста.

Входит Бланк.

Явление 2.

Бланк (ходит взад и вперед по комнате. Останавливается у дверей больного, прислушивается. Наконец стучит в дверь. Оттуда голос Сони: «Сейчас», затем выходит Соня). Ну что, как?

Соня. Плохо. Страшный упадок сил. А доктор нейдет. Да ничего он сделать не может.

Бланк. В памяти?

Соня. Всю ночь не спал. Сказал, что хочет видеть папу и маму. С тех пор, как вчера утром привезли, только и беспокоился, как бы они не узнали. Все шутил, говорил, что нынешние пули не ядовитые. А ночью сразу перемена.

Бланк. А доктор что говорит?

Соня. Да я уж знаю. Вижу, что плохо. Ведь столько раненых на моих руках перебивало.

Бланк. Я всегда этого боялся, Софья Арсеньевна. Это легко было предвидеть. С тех пор, как он от вас уехал, ясно

было, что может этим кончиться. Тяжело очень, но у вас есть мужество; я уверен, что вы и не то еще перенесете.

Соня. Мы с вами много говорили об Андрее, чуяли беду, но ведь от этого не легче.

Бланк. Я любил Андрея... Сила-то какая безрезультатно гибнет... Эх, просто сдерживаться трудно иногда, негодование так и подступает... Ну... надо владеть собою.

Соня. Вы говорите... безрезультатно... какое жестокое слово! Если уж Андрей погиб даром...

Бланк (живо). Я этого не говорил... Он погиб даром в том смысле, что не успел сделать всего, что мог бы...

Соня. Все равно. Но если Андрей не то сделал, то мы-то, ничего не делающие, глядящие на это, мы-то что? Да как мы смеем? Боже мой!.. Боже мой!.. Бланк, мне кажется иногда, что я с ума схожу. И теперь здесь, этот умирающий... Он мне говорил в последний раз... Я помню, помню... звал меня... Ну, я не пошла... у себя осталась. А Борис не остался. Тоже поехал, туда же, куда Андрей... Только Борис, только Борис... вы понимаете?

Бланк. Я-то понимаю, а вот вы еще недавно этого не понимали. А уж раз поняли, так здесь не останетесь. Может быть, и не совсем туда уйдете, куда вас Андрей звал, туда, может быть, и не надо. Там много истерики, много романтизма... Здесь-то, во всяком случае, не останетесь. Андрей вам не простил бы этого.

Соня. Да, да, не просил бы. Милый, светлый... Трудно мне, Бланк, не оставляйте меня.

Бланк. Возьмите себя в руки. Не надо нерв теперь. А что Андрей вот здесь-то оказался... Это действительно... фальшь какая-то.

Соня. Ложь это, ложь страшная! Ну, я не буду, вы правы, надо быть спокойнее. Надо с твердостью. *(Помолчав).* Идемте к нему.

Уходят к больному.

Явление 3.

Доктор. Это бывает. Ведь когда стреляют, об асептике не думают. Хотя нынешние пули, благодаря никелевой оболочке, дают рану довольно чистую, не рваную, а все-таки ни за что ручаться нельзя. Да у него и верхушка легкого задета.

Генерал. Мое-то положеньице, Чижик, дорогой, каково? Ведь он слово с Бориса взял, чтоб ничего матери не говорить. Вот уж сутки он у нас, а ни сестра, ни Арсений Ильич ничего не знают. Соня им что-то наврала, сказала, что у подруги в Царском.

Доктор. Так-с. А скажите, ваше превосходительство, ему первую повязку скоро наложили?

Генерал. Где уж! Сын сам видел, как он упал. Да пока извозчика добыл, пока что, пока доктор приехал, часов шесть добрых и прошло.

Доктор. Так-с. Еще счастливая случайность, что Борис Петрович сразу узнал кузена. Так-с. Ну, поглядим. Вчера он был хорош, и температура невысокая. Не следовало его привозить только, лучше бы в Москве оставили. Переезд ему пользы не принес.

Генерал. Ну что ж теперь говорить. Умолял Бориса. На Пресне это было¹². Тоже и Бориса-то положение неудобное. К себе повез, а вечером сюда. Да ведь с какими трудами. Со служебным поездом, поезда ведь не ходят. Спасибо полковому командиру. Ради сестры все устроил.

Доктор (дискретно смеется). Да, все же как-никак офицер бунтовщика вез. Ну, да дело тут кровное... Только вот, ваше превосходительство, не знаю как еще обернется, первая повязка иной раз весь роман... Нельзя ли нам Софью Арсеньевну вызвать?

Генерал. Что? Вы думаете, плохо? Мы сейчас ее (*идет к двери, но Соня выходит*).

Явление 4.

Доктор. Ну, как дела? Я сейчас, вот только обогреюсь, а то я с холоду.

Соня (генералу). Дядя, он хочет, чтоб дали знать... Чтобы папа с мамой приехали.

Доктор. Вы инъекцию сделали? Пульс какой?

Соня. Плохой. Зайдите к нему.

Генерал. Хочет? А как ему?

Соня (доктору). Пойдемте.

Явление 5.

Борис. Андрею хуже?

Генерал. Да вот, Чижик пошел... Говорит, не следовало привозить из Москвы. А главное, сегодня сам отца с матерью пожелал...

Борис. Пожелал? Как же это? Значит, предупредить надо? Что это, Господи? Да неужели умирает?

Генерал. Постой, погоди. Сейчас вот Чижик... и Соничка выйдет.

Борис. А Соня что? И кто там? Бланк этот там?

Генерал. Не знаю я; должно быть, там.

Борис. Вы думаете, папа, — умрет?

Генерал. Да отвяжись ты! Ничего я не знаю!

Борис. Я вез его, папа, я тоже ничего не думал. То есть, не то что умрет или не умрет, а что это так все ужасно выйдет. Я даже объяснить не могу, но вы сами, папа, должны чувствовать...

Генерал. Да про что ты?

Борис. А про то, что, кажется, я достаточно видел Сою сестрой милосердия, и вместе мы тогда были, а теперь она точно пленная, в неприятельском лагере за своими пленными ухаживает...

Генерал. Да какая же она пленная?

Борис. Ну, нелепость какая-то выходит, и я говорю нелепость. А теперь еще умрет Андрей... Разве мы тут виноваты? Что же мне, не подбирать его было? Не привозить? Да уж если так, если кого-нибудь обвинят...

Генерал. Никто никого, дружок мой, не обвиняет. Все виноваты. Ты успокойся. Соне тяжело. А чья где вина — не нам разбирать...

Борис. Не нам? А кому же? Ну, в Мукдене война, ужасы... Ну, там не до разборок, а просто мы все тупым безумием обезумели. Сумасшедшие много могут вынести; больше здоровых. И отлично. А теперь ведь не Мукден... Не обезуметь же?

Генерал. Я под Мукденом не был, а что тут у нас почище Мукдена завелось — это иной раз и придет в голову. Пустяков я этих о безумии знать не хочу, а поменьше рассуждать бы следовало бы. Все равно ни до чего не дорассуждаешься.

Борис. Нет, я не могу. Пусть она мне лучше прямо скажет, что думает...

Генерал. Да ничего она не думает. Не до того, тут брата спасать надо. Да и кто тут кого понимает? На то уж пошло, что никто не знает, куда ему кинуться. Вот все Япония, Япония. А тут, брат, без всякой Японии одна Россия, не Россия, а вулкан какой-то, ну, и пляши, правой ли, левой ли ногой, после разберут.

Борис. Нет, Соня должна понять, как мне тяжело.

Генерал. Да говорят тебе, не до того ей! Тут я раздумываю, как наших предупредить, а ты все Соня, да Соня. Объяснялись бы раньше. Ведь не моя она невеста, твоя.

Явление 6.

Входит Доктор.

Генерал. Что, есть надежда?

Доктор. Да как сказать, головы терять нечего. У меня был такой случай в полку. Помните, ваше превосходите-

льство, дуэль графа Зарайского? Я на телефон. Надо фельдшера вызвать. Кислороду добудем, мускусу, главное, поддерживать силы.

Уходит.

Явление 7.

Генерал. Боря, а я поеду. Что же Соня? Надо бы посоветоваться, обрисовать положение.

Входит Соня.

Явление 8.

Соня. Как, доктор уже ушел?

Борис. Нет, он у телефона.

Генерал. Так что ж, Соня, мне ехать?

Соня. Да, дядичка, конечно, и скорей, сейчас же.

Генерал. Голубчики, надо обсудить. Репетичку сделать, как говорить. Я уже не знаю, Боря, не ехать ли тебе со мной? Как объяснить, что Соня у нас ночевала, а мы ничего не говорили?

Соня. Нет, Боре лучше не ехать. Маме вы прямо скажите, все как есть. Она поймет. А вот за папу я боюсь, вы с ним поосторожней.

Входит Доктор.

Явление 9.

Доктор. Сейчас все будет, Софья Арсеньевна, вы уж мне помогите. Надо действовать энергично.

Соня. Ах, доктор! К чему теперь ваша энергия? Ведь ясно ж, что конец. У меня в Мукдене на руках умер один солдатик. Совсем так. Теперь не в ваших мускусах дело, а в том, чтобы он умер, как следует.

Доктор. Ну, что вы, погодите еще хоронить.

Уходит к больному.

Явление 10.

Соня. Ну, дядя, поезжайте.

Входит денщик.

Явление 11.

Денщик. Ваше превосходительство! Вас к телефону требуют!

Генерал. Ах, Господи, Господи! Ведь мне же ехать надо. Вот что, Дорофеев. Вызовите сейчас же ко мне генерала Андреева. А со штабом я потом сам поговорю. Живо! Чего стоишь, дубина! Ну, до свидания, милые. Соня, поцелуй меня. Христос с тобой, ненаглядная. Чижики не отпускайте. Боря, ты за Соней присмотри. Ну, Господи благослови, Господи благослови, Господи благослови! *(Три раза крестится и уходит).*

Явление 12.

Борис. Значит, он умрет?

Соня. Да.

Борис. Ну, зачем это, к чему это? Знаешь, Соня, под Мукденем лучше было. Мы были там не виноваты. Да и японцы, хоть люди, человеки, а все-таки враги. Понимаешь, Соня, понимаешь, я не могу так. Помнишь, когда мы вернулись, мы на что-то надеялись. Думали, что все эти ужасы впрок не пойдут. Начали о своем счастье думать. Думали, право имеем, заслужили. И вот, все спуталось. Что же, может быть, не заслужили. Соня, это кошмар какой-то.

Соня (с усилием). Борис, оставь меня. Оставь разговоры, Андрей умирает. Я не могу, не желаю думать о нас с тобой. Прощу без надрывов. Я хочу тишины. Имею я право хоть тишины от тебя требовать!

Входит фельдшер с подушкой кислорода и пакетами.

Явление 13.

Фельдшер. Меня господин доктор Чижев вызывали.

Соня. Да, да, Котков. Мы вас ждем.

Фельдшер. Так что, Андрею Арсеньевичу хуже?

Соня. Да, плохо, очень плохо.

Идет с фельдшером к больному.

Борис остается некоторое время один.

От больного выходит *Бланк*.

Явление 14.

*Борис и Бланк.**Борис.* А, это вы. Можно к Андрею?*Бланк.* Подождите лучше. Вот Софья Арсеньевна выйдет, ее спросите.*Борис.* Он говорил о чем-нибудь с вами?*Бланк.* Мало, все больше молчит.*Борис.* Нет? А обо мне говорил?*Бланк.* Не говорил. *(Молчание).**Борис.* Я все-таки пойду к нему.*Бланк.* Как хотите. Только его лишний народ тревожит. Кроме того...*Борис.* Что?*Бланк.* Ах, да поймите сами! Ведь тяжело же ему видеть военный мундир...*Борис.* Мундир? Это еще что? Кажется, я...*Бланк.* Да вы не волнуйтесь. Положение фальшивое, — глаз закрывать нечего. Но будем же сохранять уважение к тому, что происходит. Софья Арсеньевна...*Борис.* Что Софья Арсеньевна? Это кто, вы или она находит, что я не сохраняю какого-то уважения. Что я не должен видеть брата умирающего, что, наконец, я...*Бланк.* Да это здравый смысл вам должен самому подсказать! А вы, я вижу, в своем роде тоже романтик. Не поздравляю вас. Впрочем, я параллелей не провожу. Чем бы вы там ни были, это ваше дело, мне-то что!*Борис.* Послушайте. Я хотел... Вы, кажется, не злой и не глупый человек...*Бланк.* Благодарю вас.*Борис.* Я ваших намерений не знаю... Я вас совсем почти не знаю. Но я вас прошу объяснить мне...*Бланк.* Ничего я объяснять не стану, причем какие-то мои «намерения» не понимаю, так все просто, а вы требуете, чтобы я вдавался с вами в какие-то психологии. Говорите с Софьей Арсеньевой, если вам что-нибудь еще непонятно. Думаю, однако, и ей не до разговоров.*Борис.* Вы в моем доме. И я вас покорнейше прошу... о Софье Арсеньевне...*Бланк.* Ну, бросьте эти тонкости. Не ко времени. Я человек трезвый и простой. А что я в вашем доме — очень жаль, да ничего не поделаешь. Жизнь и не такие шутки шутит. Впрочем, я лично ничего против вас не имею. Оставьте только меня в покое.*Борис.* Лично ничего? Скажите, пожалуйста! Я не знаю, что вы там имеете, чего не имеете, я обратился к вам по-человечески, а вы... кажется... пользуетесь случаем, что я не могу поставить вас на свое место, что я не могу...

Бланк (*отходя от него*). Эк, ведь тоже, «по-человечески». Не могу, не могу... (*Громче*). Да образумьтесь вы! Это уж не романтизм, а неврастения какая-то! Софья Арсеньевна идет...

Явление 15.

Соня. Да, да, доктор. Вы идите по вашим делам, а в случае чего я вас вызову.

Доктор. Да я через час назад. Не забудьте номер телефона: семьдесят два — пятьдесят три. Фельдшер пусть меня подождет. До свидания.

Доктор уходит. Борис его тупо провожает до двери.
Соня отводит Бланка на авансцену.

Явление 16.

Соня (*Бланку*). Бланк, милый, поезжайте-ка и сожгите все. Он беспокоится. Да не думайте на конке ехать, возьмите извозчика и возвращайтесь скорее. Он еще все про какого-то товарища Александра спрашивает...

Бланк. Знаю, знаю. Я и его извещу.

Уходит.

Явление 17.

Борис. Соня, послушай. Мне надо тебе сказать... Ты другая, ты ко мне переменялась. Ты меня больше не любишь?

Соня. Борис, Андрей умирает.

Борис. А я, я не умираю? Разве ты не видишь, что все для меня рушится? Я думал, ты меня поддержишь. Ты одна могла бы помочь мне, а ты...

Соня. Что — я?

Борис. Если бы и ты любила меня, ты поняла бы, что я не виноват, что иногда у человека нет выхода, нет...

Соня. В чем ты оправдываешься?

Борис. Я не оправдываюсь вовсе. В чем мне оправдываться. Его в тюремную больницу хотели везти. Я его чуть не силой отбил, а тут Бланк уверяет...

Соня. В чем он тебя уверяет?

Борис. Да вот, что Андрей меня видеть не хочет, что ему мой мундир противен. А я знаю, что перед Андреем не виноват. Может быть, Бланк в тысячу раз больше виноват. Но ты ничего не видишь. Ему-то ты все прощаешь!

Соня. Борис. Ты в психопатии. Об этом потом, потом. Не думай же все время о себе.

Борис. Ах, Соня, Соня! (*Пауза*). Так я... пойду к Андрею...

Соня. К Андрею? Нет?

Борис. Значит, он прав? Бланк прав? Значит ты думаешь, как он? Да ведь это безумие, да ведь все с ума сошли, или я, что ли, с ума сошел? Брат умирает, а я войти к нему не могу? Я о его жизни, как о своей, заботился, я...

Соня. Благодарю тебя за твои заботы. Вместо улицы — он умирает спокойно, при нас, хоть в чужом доме. Благодарю тебя.

Борис. В чужом... Соня!

Соня. Да, и это мой брат умирает, мой, а не твой. Я для тебя, ради тебя говорю «не твой». А если твой, если ты, на своего брата, мог...

Борис (перебивая). Тыпустишь меня к нему! Я должен идти к нему! Ты не смеешь! Это бесчеловечно, это жестоко, что ты говоришь! (*идет к двери*).

Соня (становясь перед дверью). Нет, ты к нему не войдешь!

Борис стоит некоторое время молча, затем уходит в дверь направо. *Соня* садится в кресло и сидит, не двигаясь. *Пауза*. Входят из средней двери *Арсений Ильич*, *Наталья Павловна* и *Генерал*. *Соня* целует мать, затем отца.

Явление 18.

Наталья Павловна. Где он?

Соня молча идет с ней к больному.

Оттуда бочком выходит фельдшер, затем уходит совсем.

Явление 19.

Генерал. Погоди, *Арсений*, не сразу. Он слишком слаб. *Арсений Ильич.* Да, да. Вот до чего, *Пьерушка*, дожили.

Генерал. Ну, ничего. Дай Бог, еще оправится.

Арсений Ильич. Ну, а что же доктор? Да отчего же не вызвать профессора *Вельяминова*¹³, а? Надо действовать.

Генерал. Нет, я *Чижик*у верю. Он виды видал, да и все-таки свой человек. Главное горе — первая повязка. Не скоро наложили. Да и перевозить, говорит, не следовало. Ну, а что ж *Борису* делать, не оставлять же его в Москве?

Арсений Ильич. А где же он, *Боря*-то?

Генерал. Да не знаю, тут все был. Сейчас мы его позовем.

Арсений Ильич. Повидать бы его, расспросить хорошенько, поблагодарить... *Соня*-то, значит, тут была, а мы думали в *Царском*.

Генерал. Соня — молодец. Я на нее не нарадуюсь.

Арсений Ильич. Да, да, она у нас молодец (*Помолчал*). Пьерушка!

Генерал. Что?

Арсений Ильич. Да вот, что ж это, а? Неужели он... погибнет? Ведь не может же этого быть, а? (*Плачет, скрывая сморканием*).

Генерал. Ну, что ты. Ну, ничего. Ну, бог милостив...

Арсений Ильич. Ведь исстрадались мы из-за него. Ведь знаешь, как ушел он тогда, так и пропал. Так мы ничего и не знали. Тут московское восстание¹⁴ это безумное, ну понимаешь, все время невольные ассоциации... Часа не было, когда бы Андрея я вот тут (*хлопая себя по груди*) не чувствовал. Что я пережил, сколько перестрадал! Ты понимаешь, Пьерушка, а? Ведь я отец! И вот-таки обрушилось несчастье...

Генерал. Ну, что уж так... А времена, действительно... И надо же, чтоб Борис натолкнулся. И знаешь, Борис как его привез, — точно сам не свой. Мне даже это не нравится. Извинения какие-то, оправдания, просто лица не было! Надо больного на носилки укладывать, а он сразу о Соне, что она, да как она. Любит уж он ее очень. Ну-с, приехали домой, а нас тут Чижик ждет, фельдшер и все такое. Андрей спокойный был. Светлый. Все просил вам не говорить. Как выздоровею, говорит, сам к ним, здоровый, пойду...

Арсений Ильич. Говорил это? Так и говорил «сам пойду», а?

Генерал. Все время твердил. Ну, Соню выписали. Уж это я настоял. Да, Арсений, старая я собака, а и то растерялся. Пиковое положение.

Входит Деничик.

Явление 20.

Деничик. Ваше превосходительство! Генерал Каменский вас к себе просит.

Генерал. Сейчас. Вот что. Позови Бориса Петровича.

Деничик. Слушаю-с.

Уходит.

Явление 21.

Генерал. Измотался я совсем с этой охраной. Надо рапорт подать, чтоб освободили.

Арсений Ильич. Ну, и что ж потом? Когда же Андрей нас к себе потребовал?

Генерал. Сегодня. Да я уж тебе рассказывал.

Арсений Ильич. Да, да, рассказывал.

Входит Борис.

Явление 22.

Борис. Здравствуйте, дядя (*целует*).

Арсений Ильич. Спасибо тебе, дорогой, спасибо, родной! (*Плачет*).

Генерал. Ну, Арсений, подбодрись. Так нельзя. Как же ты с таким лицом к Андрею?

Арсений Ильич. Я ничего. Да, да. К Андрею (*Идет к больному, вытирая глаза*).

Явление 23.

Борис. Как тетя?

Генерал. Ничего, молодцом. А меня совсем затеребили. Сейчас генерал Каменский за мной посылал. Я хочу рапорт подать. Не до того.

Борис. Конечно, конечно.

Входят Евдокимовна и Анна Арсеньевна.

Явление 24.

Генерал. Ну, вот и старая с Анютой. Живо слетала. Посидите пока, вы с холоду. Я сейчас вернусь. На одну минуту только.

Уходит.

Явление 25.

Евдокимовна (*запыхавшись*). Я Анютиньку на крыльце только-только застала. Да где же он? Где голубчик-то наш белый? Куда его положили-то? (*Идет, суетясь, к дверям налево*).

Борис (*удерживая ее*). Нет, няня, что вы, погодите! Ведь вы с холоду, присядьте.

Анна Арсеньевна. Да. Боря, ты мне объясни, откуда? Что такое? Я решительно ничего не знала, вдруг вижу, няня. Едем сюда, расспрашиваю, говорит — Андрея при смерти нашли на улице... Это невероятно, и вообще...

Евдокимовна. Ох, Борюшка, уж я теперь пойду. Я его

не простужу. Вон и руки теплые. Измучился он, небось, голубчик.

Борис. Сейчас, няня, сейчас.

Анна Арсеньевна. Да отчего он у вас, Боря? А мама где? А папа? И вообще... Да что ты молчишь? Господи, какой ты невыносимый!

Входит *Арсений Ильич*.

Явление 26.

Анна Арсеньевна. Ах, вот и папа! Папочка, вообразите, я решительно ничего не знаю, и вдруг... Вы от него, папочка? Он, значит, в угловой лежит? Ах, Боже мой, да вам дурно, папа! Боря, да принеси ты воды! Разве не видишь?

Борис (наливает воды). Выпейте, дядя.

Анна Арсеньевна. Ну что, папочка, как? Что вы нашли? Узнали вас?

Арсений Ильич. Не могу я... не могу там... Боря! ты видел его? давно он такой?

Борис. Я его... сегодня не видел...

Арсений Ильич. Нет, уж теперь что же... Какая же надежда, а? Анюта, ты подожди, подожди...

Евдокимовна. Доведи, а теперь подожди! Долго-ль у дверей-то стоять? Барыня-то с Сонюшкой там, небось (*твердо идет к двери и входит туда*).

Явление 27.

Анна Арсеньевна. Папочка, вы успокойтесь. Ведь так нельзя. Поберегите себя. Это ужасно. Уж я не понимаю, отовсюду такие несчастья, и вообще... Я сама теряю голову. Главное, ничего решительно не знаю, и сразу: умирает. Да кто это сказал? Был консилиум? Боря, неужели ты не можешь мне хоть в двух словах толком объяснить!..

Входит *Генерал*.

Явление 28.

Анна Арсеньевна (к нему). Дядя Петя! Дядя Петя! Вот вы ушли, а папе здесь дурно было. Дядя Петя, скажите, неужели так опасно? Ведь он ранен, дядя? Может быть, Вельяминова привезти? Ведь я его отлично знаю, он сейчас же, если я сама за ним поеду, и вообще...

Генерал. А ты успокойся, суета. Мы уже послали, за кем нужно. Ты сядь да потише, а там, пожалуй, слышно. Евдокимовна где же?

Борис. Туда ушла.

Арсений Ильич. А я не могу, не могу... У него уж голоса почти нет...

Борис. Дядя, милый, если б вы знали... Дядя, вы верите, я все сделал, что только в силах было человеческих...

Генерал. Да брось ты! разве кто сомневается!

Борис (не слушая, продолжает тихо). У меня в сердце что-то оторвалось, как я увидел, узнал... так и представилось, что, если бы увидели, тетя Наташа, Соня... Я уж тут ни о чем не думал, только о нем, да о вас всех. Мне ведь показалось, что он умер. Ну, а потом, когда он очнулся, — такая радость. А теперь вот опять... Да не смотрите вы так, дядя милый, я ведь душу за вас всех...

Арсений Ильич (слабо). Боря, милый ты мой, я знаю, знаю, уж видно, судьба...

Генерал (лепечет). Ну, что там, авось еще как-нибудь... мало ли терпели, еще потерпим... терпение, брат, это такая штука... Что же такого, ну и потерпим...

Явление 29.

Соня (выходит из комнаты больного). Идите все. Он кончается.

Все идут. *Борис* последним. Длинная, тягостная пауза. Сцена пуста. Темнеет. В среднюю дверь входит фельдшер *Котков*. Оглядывается, прислушивается, садится у стенки. Затем приходит денщик *Дорофеев*. Потом в двери постепенно начинают заглядывать денщики, вестовые. Входит от больного *Евдокимовна*. Все встают.

Явление 30.

Евдокимовна (причитая). Отдал Богу душу. Прости ему, Господи, прегрешения. Упокой Господи! (*Обращается к денщикам*). Кто тут из вас, братцы, потолковей. Грехи наши тяжкие. Надо ведь покойника прибирать. *Дорофеев*, голубчик, уж ты мне помоги. Уж кроме меня никого тут нет. А забот-то, Боже мой, сколько! За духовенством послать надо. Тихо скончался, вздрогнул, Богу душу и отдал. *Дорофеев*, нет ли у тебя пятак медных, надо ему глазки закрыть. Да полотенечко принеси, подвязать его, пока не остыл. Господи, господи, прости ему прегрешения, ведь без причастия скончался-то. И чего барыня смотрела!

С плачем возвращается в комнату, где лежит *Андрей*. *Котков*, *Дорофеев* и вестовые уходят на цыпочках в среднюю дверь. Пауза. Постепенно из комнаты *Андрея* выходят все, кроме *Евдокимовны* и молча садятся у стола.

Долгая пауза.

Явление 31.

Наталья Павловна (спокойно и чистосердечно). Пьерушка! А мы *Андрея* увозим. Распорядись.

Генерал. Матушка, как же, это невозможно!

Наталья Павловна (крайне настойчиво). Нет, возможно. При твоём положении... да и доктор поможет... Протелефонируй градоначальнику, что ли. Я не знаю там, как. Я хочу, чтоб он в дом вернулся. Он вернулся бы, если бы выздоровел.

Соня. Да, да, ты права, мама! Его нельзя здесь оставить. Надо его отсюда увезти, скорей, как можно скорей. Мама, вот что, я домой поеду, надо все приготовить.

Наталья Павловна. Поезжай, детка моя. Измаялась ты. Боря, ты бы ее проводил?

Соня. Боря, Боря?.. нет, мама. Мне тяжело, у меня темно на душе. Мне тебя страшно, Борис. Точно мертвый *Андрей* стал между нами. Останься. Я одна, одна. Только не с тобой.

Пока говорит *Соня*, входит *Евдокимовна*, желая обратиться к *Наталье Павловне* за какими-то указаниями.

Стоит молча.

Явление 32.

Борис. Соня, Соня, что ты, Соня...

Соня. Мама, голубушка, вы поймете... А если и нет... все равно... Я не могу простить. Ненависти не надо, я знаю, я борюсь против ненависти. Но любви нет у меня к тебе, Борис... и нет прощения! *Анюта*, поедем со мной.

Анна Арсеньевна. Да, да, поедем, Сонечка.

Уходят.

Явление 33.

Евдокимовна (подходит к Борису и целует ему руку). Борис Петрович, вы на нее не смотрите. С горя обезумевши, с горя. Вон куда ее метнуло, своего родного да царского слугу обижать... Горе это все, батюшка!

Борис (отдергивая руку). Убирайся вон! Тетя, папа! Вы слышали? Это безумие, это сверх сил! (*Нянька уходит в среднюю дверь*). Я, я убийца? Господи, да что же это? Как она может?

Явление 34.

Наталья Павловна. Боря, замолчи! За дверью твой брат мертвый!

Арсений Ильич. Боричка, милый. Ведь она в состоянии аффекта, прости ей. У меня даже и то голова кругом идет...

Борис. Нет, дядя, все кончено, все кончено!

Генерал. Боря, не распускайся. Не будь бабой. И у нас у всех смерть за плечами. Не даром присягу давали.

Борис подходит к Наталье Павловне, становится перед ней на колени и прячет лицо ей в колени.

Наталья Павловна (гладит его по голове). Боря, бедненький мой! Я тебя прощаю. И за себя и за Соню. А Бог тебя и подавно простит. Кто прав, кто виноват — не знаю. На все Божья воля. Должно быть, все виноваты. Одно только знаю, что очень мы несчастные, очень несчастные...

Генерал. Ну, что ж... Мало ли терпели, и еще потерпим, и еще потерпим...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Конец июля 1906 г.

Действующие лица:

Те же и

Александра Петровна Восторгова — попадья. Лет 45. Молодится. Роскошные формы. Завивает на лбу челки. Следит за модами. Говорит в нос. «Да» произносит как будто это французское слово «Дан».

Иван Яковлевич Привалов — сельский учитель. 30-лет.

Савельич — приказчик из мужиков, на положении управляющего. Пожилой. Заикается. Косноязычие свое скрывает, говоря кстати и не кстати «то есть, это самое».

В деревне *Мотовиловых*, Тимофеевском, средней полосы России.
Вечер. Площадка перед домом.

Налево широкая терраса. Направо купы деревьев.

Явление 1.

Евдокимовна и Фима.

Возьются на террасе около чайного стола.

Евдокимовна. На балконе чай пить вздумали! Кругом бунтовщики, ночи теперь хоть глаз выколи, а они на балконе!

Фима. Дарья Евдокимовна, а в Конопельцине-то управляющего побили.

Евдокимовна. Ну, что ты выдумала!

Фима. Право слово. Колька давеча оттуда записку барышне приносил — рассказывал. В селе народу много, рожь возили, он на них крикнул, а они на него да на него. Ванька Шарик, кажись, его кулаком как вдарит! Еле ноги унес. Господа молчат наказывали. Я Кольке и то побожилась, что никому не расскажу. Так уж только вам.

Евдокимовна. А ведь тут не без жида без нашего. Все туда стрелял. Барышня-то верит ему, а уж он не доведет ее до добра. Ох, дети, дети, куда вас дети, на ниточку вздети, и будете висети. И где это Сонюшка? Стемнело, а ее все нету.

Из саду идет Попадья. Входит на террасу.

Явление 2.

Фима, накрывающая стол, вскоре уходит.

Попадья. Здравствуйте, милая. Все-то вы в хлопотах! Хлопотунья!

Евдокимовна. Здравствуйте, матушка. *(Целуются).* Спасибо, что наших не забываете. Уж очень они все горюют. А Сонюшку в саду не встретили?

Попадья. Нет, не видела что-то. Горей-то сколько Бог послал. Да, гуляла я это по парку и все думала. Сколько воды утекло! Давно ли, можно сказать, здесь Эдем был? Молодежь, веселье. Андрюшенька-то, покойник, поэт наш незабвенный, как, бывало, стихи читал, и все декадентские. А сколько тут народу в Петров день бывало! Костры, это, иллюминация! Нигде так весело не бывало, как в Тимофеевском. Уж это известно, да.

Евдокимовна. Уж не говорите, матушка. Послал бог испытание.

Попадья. Вот и генерала убили. Ну, скажите на милость? За что эту светлую личность жизни лишили? Рыцарь был настоящий, без страха и упрека. Да. Вот как живой передо мною стоит. Помните, Евдокимовна, когда конопелицкую барышню венчали, какой он веселый был. Фейерверк устра-

ивал. Всем, это, заведовал, горячился. Настоящий кавалер. Царство ему небесное! И смерть-то какая! От руки злодея. А все жида эти да анархисты. Да.

Евдокимовна. Вот и в нашем доме жид завелся. Примазлся с самой кончины Андрей Арсеньевича. Теперь второй месяц живет. И сколько раз я барыне говорила. Погубит он Сонюшку. Она добрая такая, жалеет все его. А он разве на что посмотрит? Ведь современный нигилист. Долго ли до греха? Уж примечаю я, что не ладно. Ну, да что говорить.

Попадья (оживляясь). Неужели правда влюблена? А Борис Петрович что? Так и расстроилось?

Евдокимовна. Да кабы не этот жид проклятый, не расстроилось бы. Все он.

Попадья. А мы-то с бабушкой говорили, вот пара! Да. Надеяться тут их и повенчать, как Анну Арсеньевну.

Евдокимовна. А она-то, бедная, тоже все мается. С детьми не справится. Шутка ли одной, вдове-то. Нехорошие такие письма барыне из-за границы пишет.

Попадья. Да. Нынче никакого уважения к родителям. Представьте себе, мои-то семинаристы ведь тоже ораторами стали. По деревням шляются. Того и гляди схватят. Да. *(На террасу входит Привалов. Попадья вскакивает).* Ура! Варшава наша! Иван Яковлевич!

Явление 3.

Учитель. Александре Петровне мое почтение. Здравствуйте, Евдокимовна. А старики где?

Евдокимовна. Да разве не видали? В гостиной сидят.

Учитель. А молодежь?

Евдокимовна. Да гуляют где-то!

Попадья. Что это вас не видать, Иван Яковлевич?

Учитель. Да занят все был, матушка.

Попадья. Шутник! Какие у вас летом занятия. Прокламации печатаете, да с Клавдией Орловой целуетесь! Вот и все ваши занятия. Дон Жуан!

Учитель. А вы откуда знаете?

Попадья. Откуда знаю? Да все село об этом говорит. Не понимаю я вас. Интеллигентный мужчина, и ухаживает за такой необразованной. Да.

Учитель. Так ведь образованные недоступны. Вы, например.

Попадья. А вы почему знаете?

Учитель. Ого!

Попадья. Евдокимовна, самовар, поди, не сейчас? Иван Яковлевич! Пойдемте на вал. Закат божественный. Все бы только сидеть да любоваться. Настоящий романс, да.

Учитель. Нравится, так идите. А я тут при чем?

Попадья. Ах, какой нелюбезный. Поэзии вы, дорогой, не понимаете. Настоящий профан. Да.

Учитель. А в ваши годы, да при вашем сани, поэзию-то, пожалуй, и пора бросить.

Попадья. Всегда что-нибудь неприятное скажете, всегда. Никакого, можно сказать, обращения у вас нет, да.

Темнеет.

Из сада выходит *Соня*.

Увидав, что на террасе чужие, останавливается под деревьями.

Учитель. Уж не такая тонкая штучка, как Вы!

Попадья. В высшей степени это неучтиво. (*Уходит в дом*).

Учитель. Матушка, матушка, что вы обиделись. Я пошутил. (*Идет за ней*).

Явление 4.

Евдокимовна. И пора бы ей угомониться. Под пятьдесят бабе, а туда же. (*Фима приносит самовар*). Фимка! Пойди поищи барышню. И куда это она пропала.

Уходит в дом. *Фима* сходит с террасы, озираясь.

Явление 5.

Соня. Фима! Не ищи. Я здесь.

Фима. Ну, слава богу, барышня. А то боязно в сад-то за вами идти. (*Уходит в дом*).

Явление 6.

Соня садится на скамейку под террасой.

Входит *Бланк* из сада.

Бланк. Ты уж здесь? А я тебя в саду искал.

Соня. Здесь.

Бланк. Что ты мне сказать хотела? Начала и не договорила.

Соня. Я? Ничего.

Бланк. Ну, милая, скажи. Ты последние дни смутная какая-то. (*Помолчав*). Впрочем, как хочешь. Я тебя понимаю. Я не хотел бы насильно вызывать разговоры. Сочтешь нужным — скажешь, потолкуем...

Соня. Устала я...

Бланк. Дел, милая, непочатый угол, а ты устала. Я у вас эти два месяца, можно сказать, отдыхаю. Уезжать пора, кстати, небезопасно тут для меня становится.

Соня. Постой, постой, ты не о том... Я хотела тебя спросить...

Бланк. Что с тобой?

Соня. Выслушай меня. Мне тяжело, ты пойми. Все путается вокруг меня. Петля какая-то затягивается. Дышать нечем. Так нельзя...

Бланк. Как нельзя? Да скажи толком. Какие петли? Ведь не старая же семья тебя связывает? Неужели и мы, борясь за свободу, еще можем чувствовать себя несвободными от старой семьи? В это я не верю. Если у нас будут дети...

Соня. Новая семья! От той уж можно быть несвободными? (*Серьезно*). Нет, ты не угадал. Выслушай меня. Мне тяжело... Мне страшно... Мне скучно.

Бланк. Со мной?

Соня. Не знаю. Мы оба какие-то жалкие. Общественности себя посвятили, пропагандой занимаемся. Немножко рискуем, но не очень. О, нет! А попутно семейное счастье устраиваем. Все как следует: и романтизма столько, сколько следует, не больше: парк, соловьи, поцелуи при луне, а потом — жена, верная помощница. И все по-хорошему, по-честному... О, старая канитель! Старая серая жизнь! Серая общественность... Андрей правду говорил, старое душист, сердце выпивает. Смерть без смерти.

Бланк. Заскучала ты, Соня. Но ведь нельзя же так поддаваться настроению. По случайному капризу перестать верить, во что верила. Жизнь беспощадна; в борьбе с нею не романтические порывы нужны, а тупое, трезвое упорство. Это упорство у меня есть. И у тебя оно есть. Твое уныние временное. Ты такая же, как и я.

Соня. Да нет! Не такая! Не такая! У меня все другое. Я вижу ужас кругом, смерть. Я не умом, а как-то всем существом вижу ее, слышу ее... А ты на это отвечаешь... трезвым упорством... Ты говоришь, что это честно, а я... я не знаю. Все несется вперед, рушится, падает, а ты хочешь кого-то образумить. Поздно, поздно...

Бланк. Все рушится, а хоть бы и так? Надо глядеть гибели прямо в глаза, не бравидуя, но и не ужасаясь. Смотрят же ей в глаза сотни товарищей. В том-то и выдержка, чтобы не соблазняться гибелью, а делать по-прежнему дело жизни. Терпения у тебя, Соня, нет. Нервы расходились, вот и тебе стал казаться каким-то серым и тусклым. И ты незаметно отходишь от меня. Говорить о переживаниях не значит еще переживать, помни это. Ты меня не понимаешь только потому, что я давно пришел к трезвости, давно научился молчать обо всем, что привело меня к делу борьбы. Я редко высказываюсь. Нужны только простые вещи. Все

же иное — поддельная глубина, истерика. Если я отвечу тебе на твои сомнения просто, что у тебя детское нетерпение, что история не делается сразу, — знай, что в моих словах есть настоящая мудрость. Нет выдержки, нет терпения.

Соня. Ждать я не могу. Я ведь живу один раз, и зачем-то люблю жизнь, зачем-то живу? Что-то ведь с меня, если я живу, спрашивается же? Да, надо делать, да, нельзя не делать... Смерч закружился; Андрея убили, дядю Пьера убили... Убивают, а я, храня себя, буду с тобой прокламации разбрасывать? Да... что еще? Программные общие места повторять? Нет, я не могу. Нет, если так...

Бланк. Конечно, на нашу долю выпала тяжелая полоса истории. Но мы потрудимся не даром. Будущие поколения...

Соня. Нет мне дела до будущих поколений. Сейчас — моя жизнь, моя вина, мой ответ! Моя боль неутолимая!

Бланк. Но ведь есть же у тебя твое личное счастье, Соня. Вспомни, мы любим друг друга. Вместе легче страдать.

Соня. О, какое личное счастье! Вместе, ты говоришь, вместе... А вот я страдаю одна... Ты не хочешь меня понять. Или ты не можешь?

Бланк. Милая, хорошая моя. Ну, успокойся... Ну, скажи...

Соня. Я скажу. Вот что я тебе скажу... Вот что я думала... Да, да, думала и думаю: если кругом все только сплошное безумие, так бежать надо... без оглядки, на край света... или...

Бланк. Или что?

Соня (помолчав спокойно). Или, у кого есть силы, есть вера в свою правду, идти, как Андрей, убивать и быть убитым. Других путей нет сейчас для нас. Я — не вижу!

Бланк. Безумие! Истерика!

Соня. Я спокойна. Да, конечно, это безумие. У меня нет веры Андрея... Я не знаю... своей смерти — я не боюсь, но права на чужую жизнь у меня нет... Мне страшно, страшно... куда идти? О, помоги мне, помоги мне. Пойми, что я тебе говорю!

Бланк. Милая, бедная ты моя! Словами я не могу тебе помочь. Просто ты еще не знаешь ни меня, ни дела, передумай, перестрадай, только серьезно, без истерики, и ты доверишься мне. От дела я никогда не отойду. Я до конца жизни буду бороться за счастье других, за свое счастье и за твое тоже. Чтоб ты победила уныние, полюбила жизнь. Она прекрасна, Соня. В ней светлая борьба.

Соня. Ты прав... для себя. Оставь меня.

Бланк. Соня, кто-то пришел на террасу. Пойдем в сад, я должен тебе еще сказать...

Соня. Нет, оставь меня. Потом, после, теперь я хочу быть одна, я должна быть одна.

Уходит за дом. *Бланк* через некоторое время идет на террасу. На террасу выходят *Арсений Ильич*, *Наталья Павловна*, *Попадья*, *Привалов*, позже *Бланк*.

Явление 7.

Арсений Ильич. Матушка, а батюшка что же?

Попадья. Батюшка дома сидит. Нельзя же дом оставить. Нынче ни одного момента спокойствия. Да, представьте, *Наталья Павловна*, сегодня это я сижу у окна, вдруг с улицы какие-то сарданапалы¹⁵ подходят и нахально так денег просят. Я окно захлопнула, а они мне такое слово вслед, что даже сказать нельзя. Да. Совсем избаловался народ. Да.

Учитель. А вы, матушка, дурные слова все понимаете?

Бланк входит на террасу.

Наталья Павловна. Сони не видали?

Бланк. Она у себя, наверху, сейчас придет. Ну что, *Иван Яковлевич*, как дела? Матушка, а я сегодня сынков ваших видал. Молодцы они у вас.

Попадья. Ох, мосье *Бланк*, какие там молодцы! Это, можно сказать, мое вечное страдание, да.

Учитель. Каких змей вы на своей обширной груди вскормили!

Входит *Евдокимовна*.

Явление 8.

Евдокимовна (с ехидством). В *Конопельцыне* управителя мужики избил.

Наталья Петровна. Все-то ты знаешь, *Евдокимовна*.

Евдокимовна. Да, небось, *Иосиф Иосифович* лучше моего знает.

Арсений Ильич. Кто тебе сказал?

Евдокимовна. Уж правду говорю.

Попадья. Ну, вот, я говорила тоже.

Евдокимовна уходит.

Явление 9.

Учитель. Что вы говорили? Ничего вы не говорили. Да, мерзавец этот самый конопелицкий-то управитель. Поделом ему!

Попадья. Ну, да, мне вот наемни начальник станции говорил, что ему с прокламациями сладу нет. Как поезд пройдет, так вся станция прокламациями и завалена, и все самого возмутительного содержания.

Учитель. А вы их, матушка, читали?

Попадья. Вот и читала.

Учитель. Вас бы за это арестовать следовало.

Попадья. И чем это все кончится? Катастрофа грандиозная.

Арсений Ильич. Сил нет! Я совершенно болен. Тут жить нельзя.

Бланк. Не бойтесь, к вам не придут.

Арсений Ильич. Да непременно придут. Никакого сомнения нет, что придут. Елагина спалили же. Это безумие жить здесь. Как разогнали Думу¹⁶ проклятую, так удержу не стало. Я понимаю, она действительно утрировала, но неужели нельзя было как-нибудь... постепенно... смазать, осадить там, осадить здесь... А ведь это ад, хаос, варварство...

Наталья Павловна. Опять ты волнуешься, Арсений.

Учитель. А кто же в этом хаосе виноват?

Попадья. А на духовенство теперь поход. Реформы, реформы, реформы. Да. Точно духовенство в чем виновато? Из кулька в рогожку перебиваемся, а еще реформы, да.

Учитель. Я вчера вашего батюшу встретил. Из Зайлинки ехал. Целую телегу всякого добра вез.

Попадья. Бессребреник какой нашелся! Вам, поди, бабы полотенец да кур не носят? Да.

Явление 10.

Входит *Соня*.

Наталья Павловна. Ну, наконец-то ты.

Соня. Мы гуляли с Иосифом Иосифовичем, так хорошо. Люблю я Тимофеевское.

Попадья. Очаровательно здесь. Парк-то какой! Я говорила Евдокимовне, настоящий Эдем.

Учитель. Так ведь в Эдеме-то змей и завелся.

Попадья. Много вы знаете! Атеист!

Входит *Савельич*.

Явление 11.

Савельич. То есть, это самое, ваше превосходительство, Лыково горит.

Соня. Ах, право, зарево какое!

Все спускаются с террасы.

Савельич. Так что, это самое, подпалили.

Попадья. Конечно, подпалили. И наверное калитинские. Там все головорезы.

Учитель (отводит Бланка в сторону). Иосиф Иосифович. А вы бы, батенька, убирались отсюда, да поскорее.

Бланк. А что?

Учитель. Да до вас добираются. У меня, надо вам сказать, с урядником дружба, так он намекнул.

Бланк. Да я и то собираюсь. Спасибо.

Арсений Ильич. Нет, нет! Так нельзя. Надо уезжать. У меня каждый день сердечные припадки. Я в этом доме родился, а завтра от него, может быть, кула углей останется. Да черт с ним с домом-то, а нас, вы думаете, кольями не распорют?

Наталья Павловна. Арсений, не распускайся.

Савельич. То есть, это самое, очень тут стало опасно, ваше превосходительство.

Попадья. Иван Яковлевич, поедemте со мной, мне страшно. И батюша дома один.

Учитель. Ничего с батюшей вашим не станется. Наверное сидит пасьянс раскладывает.

Арсений Ильич. Трудился, работал всю жизнь, отдал науке здоровье, силы... И силы не иссякли еще... и вот, на! Ни за что, ни про что, потому что где-то, кто-то Думу разогнал... Я-то тут причем, — спрашивается?

Наталья Павловна. Не волнуйся. Ну, уедем за границу. Куда хочешь. Мне все равно.

Соня. Савельич, вы бы в Лыково рабочих послали.

Савельич. Что вы это барышня, то есть это самое, чтоб нас подпалили? А вот пойти караульных проверить, это, то есть это самое, следует.

Арсений Ильич. Ну, что вздор городить, точно караульные помогут.

Савельич. Ваше превосходительство! Вы бы, то есть это самое, войск попросили. На станцию сегодня целый батальон пришел.

Арсений Ильич. Савельич, оставьте вы меня в покое. Мы все равно уедем, а тут хоть все пропадом пропади.

Савельич. Как угодно, не мое добро, ваше.

Попадья. Савельич, дорогой. Лошадку-то мою велите складывать. Я поеду. Иван Яковлевич, милый, поедemте. А батюша-то как волнуется.

Савельич уходит.

Явление 12.

Наталья Павловна. Ну, матушка, куда торопитесь, чай-ку попьем.

Учитель. Да-с. Иллюминация. И ведь что жгут-то. Сами проголодь, а хлеба жгут.

Бланк. Господа, пойдемте на вал. Оттуда виднее.

Соня. Нет, не надо.

Наталья Павловна. Лучше сядем за стол. Надо успокоиться. Уж очень разнервничались (*Привалов. Попадья, Наталья Павловна идут на террасу. Бланк стоит рядом с Соней, смотрят на зарево. Профессор ходит по саду*). Да, Иван Яковлевич. Вам нас трудно понять. Вы чужой здесь человек. Сегодня здесь, завтра там. А нам-то какво? Когда я сюда приехала, в уезде ни одной школы не было. Наша первая. Все на моих глазах выросло. Ведь я чуть не всех крестьян тут знаю, и всегда в ладу жили. Ну, сами посудите, разве мы крестьян в чем обижали?

Арсений Ильич (поднялся на террасу в то время, когда говорила Наталья Павловна). Ведь эти самые калитинские мне три года за обрез не платят, что же, разве с них я тяну? А подожгут лучшим манером!

Учитель. Так ведь если подожгут, так не вас, а помещика. Помещик всегда не прав.

Арсений Ильич. Отличная логика и утешение. Спасибо-с. А вы думаете, вас не тронут, третий элемент?¹⁷ Дайте срок, и против вас пойдут. Тут вся культура рушится, пугачевщина!

Приходят из сада Бланк и Соня.

Попадья. Иван Яковлевич, милый, ну полно вам чайничать! Лошадку-то уж наверное подали.

Учитель. Да что вы, влюбились в меня, что ли? Шагу без меня сделать не можете.

Попадья. Даму даже проводить не хотите?

Учитель. Ну, хорошо. Поедемте, «дама».

Попадья. Наталья Павловна, бесценная, до свидания. Завтра у обедни будете? А то я скажу батюше, чтоб подождать.

Наталья Павловна. Нет, матушка. Вы нас не ждите.

Арсений Ильич. Да мы, может быть, завтра и совсем уедем. Ведь не ждать же, в самом деле, чтоб нас подождли. Поедем в Петербург. Сдадим квартиру, да и махнем за границу.

Бланк. Правда, вам следует уехать. Чем скорее, тем лучше. Совершенно вам теперь в России делать нечего.

Арсений Ильич. Совершенно нечего, совершенно. Довольно натерпелись. В чужом пиру похмелье.

Бланк. Конечно, конечно. Соберитесь-ка поскорее, да и уезжайте.

Учитель. А зарево-то уменьшается. Ну, матушка, я ваш, весь ваш. (*Наталье Павловне*). Если впрямь уезжать надумаете, дайте знать, я найду. Может, указания какие дадите, ведь вы, как-никак, а «попечительница».

Попадья. Наталья Павловна, непременно дайте знать. Мы с батюшей проститься приедем. До свидания, милая (*целуются*).

Арсений Ильич. Да уж если действительно уезжать, так действительно скорее, как можно скорее.

Все уходят, кроме *Сони* и *Бланка*.

Явление 13.

Бланк. Ну, вот, это даже к лучшему! Старики уедут, отдохнут, успокоятся. А нам свободнее будет, да и выяснится все скорее. Ты скажешь им, что ты... моя жена. На мой взгляд — давно надо было сказать.

Соня. Да. Видишь ли... Я, конечно, скажу им все... Но я, вероятно, уеду с ними.

Бланк. Соня, ты опять давешний разговор, что ли, хочешь поднимать? Поверь, я очень серьезно отнесся к тому, что ты говорила, но только все же у тебя много истерики, настроения... Уныние, совсем тебя недостойное...

Соня. Нет, милый мой. Я не хочу разговоров. Зачем? Подумала одна, худо ли, хорошо ли, а все про себя поняла — ну и довольно. Правда, я хотела тебе что-то сказать, — всегда ведь рвешься высказаться... близкому, каким ты мне казался. Не сумела этого, ну и не надо. Я покорилась. Я вот только и хотела сказать тебе, что уеду.

Бланк. Да что ты, Соня? Чему ты покорилась? Я отлично тебя понял и понимаю. Я чувствую твое уныние, твое отчаяние. Я сам через это проходил. Ты ищешь оправдания, искупления, жаждешь себя в жертву принести. Это святое чувство, но оно слабость. Тут есть замаскированный эгоизм.

Соня. Может быть. Я тебе уже сказала, я не хочу разговаривать, спорить. У каждого из нас своя правда. Но моя — моя, и я с этим ничего не могу поделать. Ты вот все об унынии. Видишь, как ты меня не знаешь. О, я не унылая! Я могу мучаться, ошибаться, колебаться, возвращаться, — я и теперь еще не знаю, окончательно ли я повернула с моего перепутья. Не затуманит ли опять жизнь, — но одно знаю: в унынии или в однообразном отчаянии, жизнь моя никогда не влачилась, и никогда я ее влачить не буду.

Бланк. Ведь не хочешь же ты сказать, что ты... по ошибке со мной сблизилась? Мы полюбили друг друга сознательной любовью... А если так, то зачем же ты хочешь меня покинуть?

Соня. О, я понимала, понимала, что делала. Я ни в чем не раскаиваюсь... И, однако, это еще не значит, что сближение наше, вот когда люди становятся мужем и женою, или любовниками, — это или так велико и важно, так безмерно важно, что всей важности ты даже и не понимаешь, да и редкие понимают, или же... Это — совершенное ничто. Сошлись — и не сходились. Сошлись — и не увидели друг друга! И это последнее, когда — было и как бы не было, сошлись — и не увидели, — это, может быть, еще важнее, потому что это непростимое, незабвенное, и люди не смеют так сходитья, чтоб в глаза друг друга не видеть. Это им не позволено. И если это с ними случается...

Бланк. Ты отлично знаешь, как это страшно для меня важно, и как я тебя люблю.

Соня (продолжая). И вот мы с тобой, мы с тобой... Я еще не знаю, я еще не смею знать наверно... Но мне иногда кажется, что мы с тобой в глаза друг друга не видели, так ничего и не было. Марево, туман какой-то наплыл...

Бланк (с раздражением). Значит, ты не поняла, а не я, насколько мы глубоко и неразрывно связаны! Если же ты меня не любишь, если ты просто поддалась мимолетному увлечению, то имей мужество это сказать, а не прикрывайся громкими фразами. Скажи прямо, что я для тебя больше не существую. *(Меняя тон).* Соня, это все неправда, это туман, который рассеется. Ты испугалась личного счастья. Тебе показалось, что оно не заслуженно. Это пройдет, милая, *(Обнимая ее).* Я тебя люблю, а ты меня любишь, да, да?..

Соня (отстраняя его). Весь ты — мой туман. Холодный туман. Весь ты, весь ты... Никто не виноват — а может быть мы оба виноваты. Нет, должно быть, никто. Ведь и я твой туман... Ведь ты тоже в глаза меня не видел.

Бланк. Соня, замолчи сейчас! Это дико, что ты говоришь! Я хочу положить всему конец. Сегодня же вечером я прекращу это нелепое, фальшивое положение. Я верю в тебя, в себя, в твою любовь. Будущее покажет тебе правду. Сегодня же я скажу все твоим. Мы поговорим серьезно. И уедем отсюда, как можно скорее. Пора вернуться к трезвости и настоящей жизни. Слышишь, Соня?

Соня. Слышу. Делай как хочешь. Пусть будущее покажет правду. А только и ты ее, правды-то, так же не знаешь, как я не знаю. Пусть покажет будущее! Пусть!

Возвращаются Арсений Ильич и Наталья Павловна.

Явление 14.

Арсений Ильич. Я, может быть, и преувеличиваю, может быть, это нервы, но оставаться я здесь не могу. Сил моих нет.

Наталья Павловна. Да, Арсений. Надо уезжать. Слишком тут тяжело.

Арсений Ильич. Правда, поедem завтра налегке. А Евдокимовна дом приберет, уложится и придет с вещами. Ведь все равно за границу не сразу. Соня, хочешь за границу? Ведь ты тоже хочешь за границу?

Соня. Да, хочу.

Арсений Ильич. Ну вот и отлично. Вот и поедem.

Наталья Павловна. А куда же поедem-то?

Арсений Ильич. В Париж. Разумеется, в Париж. Я там заниматься буду, лекции читать...

Явление 15.

Евдокимовна. Идут! Идут!

Убегает. Все вскакивают.

Арсений Ильич. Мужики? Мужики?

Бланк (бежит в дом). Пауза. (*Из дверей*). Идите. Это полиция и солдаты. В Лыково, должно быть.

Арсений Ильич (к Наталье Павловне и Соне). Подождите, я сейчас.

(Уходит с Бланком).

Явление 16.

Наталья Павловна. Солдаты, солдаты? Зачем солдаты? Соня, когда же это кончится? Они стрелять будут? Господи, господи!

Соня. Mamочка, милая, они в Лыково идут. Они у нас не останутся.

Наталья Павловна. Только бы они не стреляли. Неужели опять убийства? Сколько крови, сколько крови!

Соня. Нет, мама, они только охранять будут. Не бойся, моя хорошая, дорогая. Все поедem за границу, будем жить тихо, в сторонке, покойничков своих вспоминать...

Наталья Павловна. Помнишь, как дядя Пьер за Андрюшей ухаживал? Сколько ласки у него было? И Андрей его любил. И вот оба погибли. Точно друг друга убили!

Соня. Вот и Тимофеевское умирает. Как живой человек умирает. А Андрей-то как его любил! А Борис! Прошлым летом, на войне, мы с ним все вспоминали, как здесь когда-то в индейцев играли.

Наталья Павловна. Кажется, ушли.

Соня. Кто?

Наталья Павловна. Солдаты.

Соня (прислушиваясь). Солдаты? Должно быть, нет еще. Слышишь шум?

Наталья Павловна. Да, слышу, господа, господа.

Соня. Мама, милая, что-то будет? Что с нами будет? Ничего я больше не вижу, не понимаю, где правда, где ложь. Но так жить больше нельзя. Как вспомню об Андрее, о дяде Пьере, так сердце и упадет... Должны же мы искупить эти смерти. А мы...

Наталья Павловна. Что мы?

Соня. Да нехорошо как-то живем. Не так, не то.

Наталья Павловна. Мы старые, Соня. С нас не спросится. Сколько горя нам Бог послал, что иногда даже не под силу. А ты, детка, еще успеешь. У тебя жизнь вся впереди.

Соня. Ах, мама! Что я успею! Я совсем не знаю, что делать...

Наталья Павловна. А мне верилось, что ты понемногу успокоишься, что Иосиф Иосифович тебе поможет...

Соня. Нет, мама, он мне душу опустошил. Ничего в ней не осталось, недоумение какое-то.

Вбегает Арсений Ильич. В изнеможении падает в кресло. Некоторое время молчит.

Явление 17.

Наталья Павловна (вставая). Что с тобой? Арсений, тебе дурно?

Арсений Ильич. Ничего, ничего, все пустяки. Не волнуйтесь.

Соня. Да что такое, наконец? Папа, да говорите же.

Арсений Ильич. Бланка... Бланка...

Соня. Что, что..?

Арсений Ильич. Его, его... увезли.

Соня. Арестовали?

Арсений Ильич (молча кивает головой).

Соня. Где он, где он? Надо же ехать. Да что это, Господи, да как же это? Я поеду. *(Порывается идти).*

Арсений Ильич (удерживает ее). Никуда ты не поедешь. Говорят тебе, его увезли. Это пустяки. Я говорил со станковым¹⁸. Надо к губернатору поехать, я похлопочу. Спасибо еще, обыска не делали. Да где же Евдокимовна? Завтра утром на вокзал поедем, его увидим. Евдокимовна! Он просил кой-какие вещи. Черт ее дери! Вечно нет, когда нужно! Соня, ты лучше знаешь, что он тут делал. Действительно в чем-нибудь замешан?

Наталья Павловна. Оставь, подожди.

Арсений Ильич уходит в дом.

Слышны его крики: «Евдокимовна! Евдокимовна!»

Явление 18.

Соня (плачет). Как я перед ним виновата!

Наталья Павловна. Девочка моя, да ты... любишь его?

Соня. Ах, если бы вы знали, если бы вы знали!

Наталья Павловна. Да ты любишь его?

Соня. Поймите же, я ничего не знаю! Может, люблю... Любила... кажется. Да, кажется, потому что я его... то есть он мой... любовник. Слышишь, мама?

Наталья Павловна. Бедная, бедная моя девочка. Не бойся, детка, поплачь, поплачь...

Соня. Что мне делать? Что мне делать? За ним идти — зачем? С вами остаться — зачем? Ничего не знаю, где правда, где ложь...

Наталья Павловна. Соня! Ты его жена. Ты должна идти за ним. Даст Бог его выпустят, и ты...

Соня. Не могу, не могу...

Наталья Павловна. Не понимаю.

Соня. Ах, мама! Я себя сама не понимаю. Но я знаю, что тут где-то ложь, неправда. Я не хочу быть женой. Это было наваждение, надрыв. Я пожалела его, я думала, что люблю его...

Наталья Павловна. Не греси, Соня. Твой путь теперь ясен. Ты теперь прежде всего жена, может быть, будешь матерью...

Соня. Нет, нет, я не жена, не мать, я сама, сама, я... Понимаете?! Я! И зачем ребенок? Какой ребенок? Что я с ним буду делать? На что он родится? На смерть? Мама, мне страшно, страшно.

Наталья Павловна. Не нам судить об этом. Не ропщи, детка моя. Смирись.

Входит *Арсений Ильич.*

Явление 19.

Арсений Ильич. Завтра рано утром на вокзал. Евдокимовна его вещи приготовит. Соня, ты бы ей помогла. А вечером и сами укатим. Довольно, довольно. Сил моих больше нет.

Входит *Евдокимовна.*

Явление 20.

Евдокимовна. Вот делов-то этот смутьян наделал!

Арсений Ильич (возбужденно). Все поедем! Все поедем! Все бросим! И тебя, старая, возьмем!

Евдокимовна. Куда это, батюшка, мои старые кости везти хотите?

Арсений Ильич. В Париж! В Париж!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Октябрь 1906 г.

Действующие лица:

Те же и

Вася, сын Анны Арсеньевны, цыбастый подросток.

Борис.

Коген Максим Самойлович. Интеллигент-журналист. Еврейского происхождения, приземист, упитан, веселый. Жмурится, как кот.

Гущин Иван Иванович. Очень юный поэт, высокий, лицо мертвенное, голос подкошенный, шеей не ворочает от подпирающих воротничков.

Горничная, француженка.

Гостиная. Осень.

В глубине очень широкая стеклянная дверь в столовую.

В столовой у окна сидят *Наталья Павловна*, *Анна Арсеньевна* и *Вася*. Разговаривают. В гостиной налево у камина *Арсений Ильич*. Ноги под пледом. *Бланк* ходит по комнате, попивает кофе из маленькой чашечки.

Явление I.

Арсений Ильич. Ну что ж, оно, пожалуй, и лучше, что вы, наконец, собрались. Скучно нам, старикам, будет, да ничего не поделаешь.

Бланк. А вы к нам весной приезжайте. В Женеве дивная весна.

Арсений Ильич. Ну, до весны-то... еще, может, амнистию дадут. Вы в Россию уедете.

Бланк. Какая там амнистия! Да мне все равно. Надо будет, и без амнистии вернусь. Пока хочется подучиться. Ужасно притупляет пропаганда, я даже за литературой перестал следить. В тюрьме кое-что подчитал. Жаль бросать. А *Плеханов*¹⁹ в этом деле незаменим.

Арсений Ильич. Да, да. Как бы только Соня в Женеве не соскучилась.

Бланк. И Соня, если захочет, всегда дело найдет. Вот, мне поможет... Я ведь насчет иностранных языков плох. Вместе читать будем... Наконец, там большая русская колония.

Арсений Ильич. Да, да, а все-таки трудно предрешать. Сегодня одно, а к весне... да что к весне, и раньше! — в России все может повернуться.

Бланк. Я не сомневаюсь, Арсений Ильич. Но что же из того? На наши планы это существенно влиять не может. Наше дело такое... не русское оно только, — всемирное дело. Россия пока переживает свою революцию. Это необходимо, но это лишь подготовка к будущей, к последней, к настоящей.

Арсений Ильич. Ну, мы-то уж ее не увидим. Да и вы, пожалуй, не увидите.

Бланк. Право, не знаю. Не останавливаюсь на этом вопросе. (*Помолчав*). Мне важно мое дело делать сегодня, завтра... Если мои усилия сколько-нибудь послужат для достижения общей, последней цели, — то с меня достаточно этого сознания. Главное не терять даром сил и дней.

Арсений Ильич (*уныло*). Я понимаю.

Бланк. А тут суета какая-то в Париже. Сосредоточиться невозможно. Да и Соне здесь не хорошо. Я вам откровенно скажу, Арсений Ильич, нездоровая у вас здесь атмосфера. Уж, кажется, я человек нормальный, а и то стал какой-то раздражительный. Поверьте, не виню я вас. По-человечески я вас искренне полюбил, понимаю вас. Ценю ваше личное благородство, неисчерпаемую доброту Натальи Павловны... Но что же поделаешь. Жизнь — штука жестокая. В ней железо есть. Она отстранила вас, отстраняет. Идти нам против нее, оставаться с вами — это значит самим обессилеть. Соне очень тяжело. Я вижу... Но единственное ее спасение — переменить обстановку, жить с людьми, в которых нет ничего в прошлом, а все в будущем. Прошрое ее давит. Хватит силы преодолеть — выплывет.

Арсений Ильич. Отлично я вас, отлично понимаю. И спасибо вам, что так прямо говорите. Мы — прошлое. Но мы вам мешать жить не будем. А все-таки утешение у нас есть: были и мы нужны в свое время. Ведь были же? (*Пауза*). Свое дело в свое время сделали же?

Бланк (*рассеянно*). Конечно, конечно... (*Молчание*).

Арсений Ильич. А сколько езды-то до Женевы?

Бланк. Ночь одна. Завтра вечером выедем, а утром в Женеве.

Арсений Ильич. Вы хоть пишите нам почаще.

Бланк. Я корреспондент плохой. А Соня, конечно, писать будет.

Явление 2.

Арсений Ильич (кричит в столовую). Вася, принеси мне еще кофею.

Из столовой слышится голос *Натальи Павловны*: «Сейчас!»
Входит *Анна Арсеньевна* с чашкой.

Явление 3.

Анна Арсеньевна. Все вы, я вижу, киснете, папочка. Опять плохо спали. Нехорошо вам и кофе столько пить.

Арсений Ильич. Да что же делать, как не киснуть? Погода скверная, здоровье скверное... Что ж делать? Мы — прошлое, друг мой, нам только и осталось, что киснуть, пока не докиснешь. Да. (*Помолчав*). Вот завтра наши уезжают.

Анна Арсеньевна. Так, значит, окончательно решено?

Арсений Ильич. Завтра едут.

Анна Арсеньевна. Тоже эгоизм какой у Иосифа Иосифовича. Бросить вас одних. Знает, что и мне надо уезжать. Ведь я-то не по своей воле, я Васю везу.

Арсений Ильич. Ну, это пустяки. Со стариками им нечего делать. Говорят тебе, мы — прошлое. А им в будущее надо смотреть. Бланк отличный человек, — деятельный такой, серьезный. Энергия...

Анна Арсеньевна. А в Соне в последнее время как-то не замечаю энергии.

Арсений Ильич. Русская барышня. Поймешь ее. Все неразбериха. Нынче горит, — завтра, глядишь, завяла. А потом опять ничего. Выдержки нет. Я от Сони, так сказать, отступился... Отказываюсь тут что-нибудь понимать. Пусть уж *Бланк*. Авось он ее выдержке научит. Это в нем, слава Богу, есть.

Анна Арсеньевна. Ах, папочка, Соню браните, «русская барышня», а сами-то не по-русски все ворчите, и на погоду, и на Париж, и вообще... Чудный город! Я совсем парижанкой сделалась. Кабы не Васю везти, — не выехала бы. Какие люди! Эта чудная Франсуаза — прямо мой ангел-хранитель. Ведь это она меня ввела в Теософское общество, я там душой отдыхаю.

Арсений Ильич. Астральные тела изучаешь? Что ж, всякому свое. И это один из видов прошлого...

Анна Арсеньевна. Какое прошлое? Это вечное, вечное!

Арсений Ильич. Ну, милая моя, меня от вечности такого сорта тошнит. Утешайся теософиями, я тебе не мешаю: для кого же они, как не для вас с Франсуазой.

Входят *Наталья Павловна* и *Вася*.

Явление 4.

Анна Арсеньевна. А вот, папа, Франсуаза меня все про Соню спрашивает, мне даже неловко. Я уже говорю, что, собственно, брак задержан пустяками всякими, а как можно будет — они тотчас же обвенчаются.

Наталья Павловна. Ты бы вышел, Арсений. Целыми днями сидишь у камина.

Арсений Ильич. Ну, на что я выйду? Куда пойду? Грязь, толпа, скука... А тебе, Анюта, и чудной твоей Франсуазе я искренне удивляюсь. Кажется, пора бы французам привыкнуть к гражданскому браку. А выходит, что мы, так сказать, терпимее их. Да. *(Помолчав).* Ну и обвенчаются, конечно, в свое время. Пустяки какие.

Наталья Павловна. А Иосиф Иосифович где?

Арсений Ильич. К себе пошел, должно быть.

Вася. Дедушка! Соню что, в синагоге венчать будут?

Арсений Ильич. Дурак!

Вася. Нисколько не дурак, а просто спрашиваю. Ведь он жид.

Арсений Ильич. Вася, поедешь в корпус, там и безобразничай, а у меня в доме прошу вздору не молоть.

Анна Арсеньевна. Папочка, уж я от него отступилась. Кажется, всем для них пожертвовала, за границу увезла — нет. Добился-таки этот воин своего. Я от полковника Генца письмо получила, обещает устроить его у себя, а к весне в 5-й класс приготовить.

Арсений Ильич. Премудрость там, подумаешь, в корпусе-то; в два месяца все вызубрить можно.

Анна Арсеньевна. Отвезу его, пускай, пускай. Как уж он там хочет. Силы последние иссякли. Если бы не Франсуаза, которая поддерживает мой дух, — я бы давно, давно...

Вася. Ты опять не сдерживаешься? Ведь уж кончено, и сама же говоришь, что отступилась, чего же еще?

Анна Арсеньевна. Вот слышите, как он с матерью говорит? Нет, Шура мой, какой там ни есть, Шура никогда бы...

Вася. Шура? А Шура ваш... Шура вполне достоин... по заслугам будет... Если его когда-нибудь к столбу привяжут...

Наталья Павловна. Вася! Господи! Господи! Так говорить... О мальчишке... о брате...

Вася. Надоело уж. Тут мать, тут брат, тут дядя, — слова не скажи. Вот дядя Боря. Что ж, оттого, что он мне дядя, я молчать обязан? Нисколько! был на войне, служил в хорошем полку — и вдруг в отставку. Что это, глупость? Или ренегатство?

Арсений Ильич. Сейчас же замолчи или убирайся вон! Я очень серьезно говорю.

Анна Арсеньевна. Боже мой, Боже мой. Как ты посмел?

Арсений Ильич. Брось, Анюта. Успокойся, успокойтесь вы все, сделайте милость. И так невесело — свару завели...
(Пауза).

Анна Арсеньевна. А Боричка давно был у вас?

Наталья Павловна. Да вчера заходил.

Анна Арсеньевна. Какой он миленький в штатском. Привыкнуть не могу, не узнаю его каждый раз. Похудел ужасно.

Наталья Павловна. Тоскует.

Анна Арсеньевна. Смерть дяди Пьера так его потрясла. Ему бы развлечься. Ах, здесь премилое общество. Если бы я не уезжала... и вообще.

Вася. Мне пора, я ухожу.

Анна Арсеньевна. Куда ты?

Вася. Мне нужно.

Явление 5.

Анна Арсеньевна. Вот видели? И не смей спросить — куда. Недавно всю ночь с какими-то мерзавцами прокутил. Я думала, с ума сойду. Нет, в нем что-то ненормальное.

Арсений Ильич. Ну, кутежи-то, — это, положим, всегда было. А вот ретроградство его дикое, да к Шуру ненависть, — это, действительно... странное что-то. Теперь молодежь, дети даже — все ведь, как Шура, чего ж глаза закрывать. А этот у тебя... действительно, выродок какой-то.

Анна Арсеньевна. Ах, уж не знаю, что лучше. И как после этого в карму²⁰ не верить? Ясно, их душам предстоит целый ряд перевоплощений...

Арсений Ильич. Пошла свою чепуху городить.

Через столовую входит Борис.

Явление 6.

Наталья Павловна (встает навстречу). Здравствуй, милый мой мальчик!

Анна Арсеньевна. А, Боричка! (Целует его).

Борис. Здравствуйте, милые. (Жмет руку Арсению Ильичу). Сони здесь нет?

Арсений Ильич. Ну что, шатаешься по Парижу?

Борис. Брожу... Да невесело как-то. Им до нас дела нет, да и нам до них тоже. И столько людей, столько людей!.. Просто точно не люди, а «нарочно».

Наталья Павловна. Ты ведь Боря, первый раз в Париже?

Борис. В первый. И уж не знаю... Неужели идеал России — Париж, с равноправием, кокотками, автомобилями, цилиндрами и свободой?.. Страшно мне как-то...

Арсений Ильич. Ну, Боря, слышали уж мы эту песенку о гнилом западе. Я ворчу на Париж, да ведь моя жизнь в прошлом, а тебе не моими глазами надо смотреть. Сейчас же завел: запад, запад...

Борис. Да нет, дядичка, не гнилой он, запад, не гнилой, — милый, святой, хороший... Только не наш, другой... Мы другие. Нам другое надо. Впрочем, ничего я не знаю.

Анна Арсеньевна. Поживешь, оценишь Париж. Сколько жизни, комфорта, свободы. Люди ласковые, простые. Живут естественно, как живется, без вопросов. У нас все как-то странно, утомительно. Сейчас же вопросы, вопросы, вопросы. Точно нельзя без всяких решений жить. Брать жизнь, какой Бог ее создал. Ну, я не говорю, ну вдумываться, отчего же? Но ведь у нас пойдут эти вопросы, — и сейчас же ненависть, злба и вообще...

Наталья Павловна. Ненависть у нас безумная накопилась. Здесь ненависти нет, это правда. Да ведь зато и любви нет...

Борис. Тетя, тетя, милая, сколько у нас ненависти, что даже слышать друг друга не можем. Все друг друга презирают, в чем-то укоряют, и никто никому не верит. Нет ненависти, — нет и любви, скажете? А из ненависти любовь вырастет ли еще? Ведь ни слова о ней, ни одного единственного. Забыли или не было ее никогда? И не будет?

Арсений Ильич. Да что тут о любви мечтать. Добиться бы простой человеческой справедливости...

Борис. Нет, дядя, кто любовь любит, тому справедливости не надо. Какая уж тут справедливость в любви? Справедливость будет рассуждать, кому умирать, кому жить, — а в любви никакой смерти нет, одна жизнь... И даже совсем и жизни нет, если нет любви...

Наталья Павловна. Судьба тебя изломала, Боричка. Взвалила тебе на плечи столько, что не всякому вынести.

Борис. Нет, тетя, я из-за этого мира не прокляну. Я люблю ее, жизнь, как она есть. Всегда любил. Только сам-то я такой... вы знаете, ну что я? Всегда боялся идти впереди жизни, над жизнью... Мечталось жить в самой середине. Думалось, не там ли еще теплится искорка любви. Оторвешься, выйдешь — очутишься в пустоте. А теперь вокруг и этого нет: жизнь сама ушла из-под меня, выскользнула... И я уж позади, за жизнью остался. Смотрю на нее, как сквозь стекло. Точно в корпусе, бывало, следишь из окна: Садовая, извозчики, магазин Крафта... Ну, да что обо мне. Я человек конченный. Je suis un опустившийся человек — это у Достоевского, кажется, кто-то говорит.

Арсений Ильич. Право, противно тебя слушать... Ноешь, ноешь... Совершенно, как Соня. Уж если вы опустившийся человек, так я-то кто? Старая калоша, которая промокает. Благодарю покорно. Нет, вон Бланк, — это я понимаю. Уж

он не занует, руки сложа сидеть не будет в двадцать шесть лет. И что такое случилось, скажите, пожалуйста? Что случилось? Каждому поколению своя жизнь, своя работа... Отжили мы — вы живите... Слава Богу, не на один век и вам жизни хватит. Бланк совершенно прав...

Борис. Да, да. Разве я спорю? Бланк совершенно прав. Честь ему и слава. А когда они едут?

Арсений Ильич. Завтра вечером.

Входит *Коген*²¹.

Явление 7.

Коген. Ну что, профессор, все у камина сидите? У вас тепло, а у меня-то, у меня-то. Холод, как в погребке.

Арсений Ильич. Вы знакомы? Мой племянник Львов. Максим Самойлович Коген. (*К нему*). Ну, что поделяваете?

Анна Арсеньевна. Мама, я ухожу. Боря, прощай. До свидания, папочка. Гуляйте каждый день, возьмите себя в руки. Завтра приеду с нашими проститься. До свидания, мосье Коген.

Уходит с *Натальей Павловной* через столовую.
Проводив дочь, *Наталья Павловна* остается в столовой,
приготавливает чай.

Явление 8.

Коген. Да, да, так, так... Что я поделяваю? Ничего, профессор, ничего. Читал вот в колонии лекцию о революции. Теперь в национальную галерею хожу. Да-с, не рассчитали мы. Кто бы мог подумать? Ведь казалось — все кончено. Победу праздновали. И вот, не угодно ли. Самая злейшая реакция!

Арсений Ильич. Вот, подождите, что еще весной дума скажет. Может, амнистия...

Коген. И несколько я ни на что не надеюсь, хотя за дело пострадал-то. Щепкой себя выброшенной чувствуешь... Выбросили и забыли. (*К Борису*). Давно в Париже?

Борис. Нет. С недельку.

Коген. Ну, и что ж, что ж, познакомились с парижскими развлечениями? Профессор, я переселился в Монмартр. В самый центр кабачков. Жизнь кипит вокруг меня, всю ночь кипит.

Борис. Интересная?

Коген. А вот приходите как-нибудь ко мне, вместе пойдем. Я вам такое покажу... Совершенные Афины. Культур-

ная демократия. Наипоэтичнее формы порока. Здесь сама проституция поэтична. Ею занимаются по призванию. Деньги — дело второстепенное. Ну, как поэты стихи пишут. Ведь не для денег же, хотя гонорар получают.

Борис. Я был на днях в каком-то кабаке. Не понравилось. Добродетельно до... провинциализма, я бы сказал. И деловито. Народу — как в метрополитене. Что уж за сладострастие? На сладострастие и намека нет.

Коген. Нет? Вот как? Ну-с, ничего вы, значит, в Париже не видали-с. Ничего.

Входит *Бланк*.

Явление 9.

Бланк (Когену). А, уважаемый редактор!

Коген. Двадцать два дня всего редактором я был, а вот уж почти год в бегах²².

Бланк (здоровается с Борисом. Когену). Ну и что ж, считаете свою роль оконченной?

Коген. А как же прикажете быть? Что делать?

Бланк. Дело найти всегда можно... Да, вы знаете, мы завтра с Соней в Женеву едем.

Коген. Ах, значит решено?

Бланк. Решено и подписано.

Арсений Ильич. Максим Самойлович изучением парижских нравов занялся. Все парижские кабаки посещает.

Коген (вдохновенно). Что кабаки! Нет, нет, вы не знаете. Это Афины, это Александрия. Какая красота! И клянусь вам, только здесь сохранилась искренняя любовь, истинная! До смерти, до кинжала. До слез умиления...

Арсений Ильич. Кто плакал?

Коген. Я, я плакал. Да, этого не знать — ничего не знать. И жизни мало, чтоб это изучить.

Арсений Ильич. Вот видите, вот и нашлось дело. (*К Бланку*). Слышите, Иосиф Иосифович? (*Бланк смеется*).

Коген (тоже смеется). Дело? Да... дело... Ах, профессор, что ж вы меня перед товарищем компрометируете? Это ведь я так... А вы... Пожалуй, еще из партии меня исключат²³ (*Все смеются*).

Арсений Ильич. Что ж, это любопытно... Любопытные наблюдения... Вы говорите — истинная любовь сохранилась? А мы вот тут только что о любви рассуждали, что любовь...

Борис (перебивая, нервно). Дядя, дядя! Мы совсем не о любви... То есть не о той любви... Не о том...

В столовую вошла горничная с визитной карточкой.

Наталья Павловна, взяв ее, входит с нею в гостиную.

Явление 10.

Наталья Павловна. Арсений, тебя какой-то молодой человек желает видеть. Вот карточка.

Арсений Ильич (читает). Jean Gouschine. Гуцин²⁴, наверное.

Коген. Слышал эту фамилию. Кажется, декадентский поэт. *Арсений Ильич.* Какого же черта ему от меня нужно?

Наталья Павловна. По делу, кажется...

Явление 11.

Гуцин. Простите, профессор, что я вас побеспокою...

Арсений Ильич. Пожалуйста. Чем могу служить? (*Представляет всех*). Коген, Львов, Бланк...

Коген. Я вас где-то видел на днях. Видел, положительно видел.

Гуцин. Не знаю... Я не имел чести... Не помню. Я к вам, профессор, за указаниями. Я изучаю античную мифологию... Особенно культ Митры и Астарты²⁵. Услыхав, что вы тут, я и взял на себя смелость обратиться к вам за некоторыми литературными указаниями...

Коген. А ведь я вспомнил! Я вас третьего дня видел в «Раю» и в самой неприличной позе.

Арсений Ильич. Как, в раю?

Коген. Тут есть кабачок такой, Le Paradis. Рай изображает, с гуриями, ну, обнаженными, конечно. При помощи зеркал, как-то. Вызывают из публики желающих попасть в рай, наводят зеркала, и эффект получается довольно пикантный. Так вот я мосье Гуцина в таком раю с гуриями видел. (*К Гуцину*). Ведь правда?

Гуцин. Да, очень может быть... Но я не вижу, какое это имеет отношение... к делу, по которому я пришел...

Арсений Ильич. Если вам угодно... я могу дать вам справки по интересующему вас вопросу. Пройдемте ко мне в кабинет.

Арсений Ильич и Гуцин выходят.

Явление 12.

Бланк. Типик.

Коген. Это наверное из мистических анархистов.

Бланк. Что еще за чепуха?

Наталья Павловна. Пойдемте, господа, в столовую.

Коген. Вы, дорогой товарищ, отстали. Новейших течений не знаете.

Берет Бланка под руку и уходит вместе с ним в столовую.

Явление 13.

Наталья Петровна. Боря, ты идешь? Чай готов (*Уходит*).
Борис (вслед). Я сейчас.

Явление 14.

Борис один.

Темнеет. Садится к камину, молчит и смотрит в огонь.
В столовую двери заперты. Возвращается *Наталья Павловна*.

Явление 15.

Борис. Что Соня? Можно к ней пройти? Она за мной посылала сегодня.

Наталья Павловна (садится около него). Боричка, мне страшно. Ты прости, ты ведь знаешь, как ты мне дорог... Сама не пойму, чего боюсь, за кого боюсь, — а боюсь. Соня темная, и ты темный, и все вы вместе разговариваете, а после разговоров оба еще темней. Не понимаю я, что делается, а чувствую — страшное... Ты бы рассказал мне...

Борис. Да что же я вам скажу, тетя?

Наталья Павловна. Может быть, вас мучает... Ну, может быть, Соню Бланк тяготит? Может быть, она поняла, что не его, а тебя любит и любила, — как ты ее. Ведь ты любишь? Ведь ты любишь?

Борис (помолчав). Нет, тетя, не люблю.

Наталья Павловна. Ты это правду говоришь? (*Глядит на него*). Да вижу, вижу, правду.

Борис. И она меня не любит. Никого мы не любим с ней... (*Пауза*).

Наталья Павловна. Вот оно, страшное-то. Это самое страшное-то и есть: никто никого не любит.

Борис. Да как же быть, тетя, если нет любви? Ведь ее не купишь, не заработаешь. И чем нам с Соней любить? У меня душа — точно монета стертая — тоненькая-претоненькая. Вот Бланк, он не стертая монета. Он, может, и любит. И Соню любит, и себя любит, все человечество любит.

Наталья Павловна. Да ведь жизни нет в тебе, если любви нет!

Борис. Может быть, и нет жизни!

Наталья Павловна (вставая). Боря. Если так — умоляю тебя, прошу тебя, в память отца твоего прошу... не говори с Соней, не ходи к ней теперь, оставь ее лучше одну. Подожди. Это у тебя пройдет, я верю; и у нее пройдет. Это бывает и проходит. Вы измучены оба. Отдохнете, забудете...

Мы, старые, крепче вашего были. То ли еще переживали. Душа-то, Боря... ведь в душе стержень железный.

Борис. Нет железного стержня в душе.

Наталья Павловна. Все пройдет, Боря, родной ты мой, все пройдет.

Борис. Вот и мы с Соней... пройдем...

Наталья Павловна. Живы живые, живы, живы...

Борис. Не мучьте меня. (*Тише*). И простите. А с Соней я не говорю так, не бойтесь. Ну, разве я с ней так говорю?

Наталья Павловна. Боря, я одна только тебя и понимаю. Знать, — не знаю ничего, а вот понимаю. Только тебя и понимаю, должно быть. Слепая у меня, малая любовь, бессильна я помочь тебе, — а все чувствую... и страшно. Это ты прости меня, мальчик мой дорогой, что я хотела... чтоб Соню ты оставил. Верю, души у вас живые, сами вы только этого не знаете.. Боря, ведь что ж делать-то? Ведь жить-то как-нибудь надо?

Борис (задумчиво). Жить... как-нибудь надо.

Соня вошла незаметно.

Явление 16.

Соня (улыбаясь). Надо? Жить надо? Я и не знала, Боря, что ты уже здесь. Мамошка, какое у вас лицо! Поспорили вы с Борей, что ли? О чем?

Наталья Павловна. Нет... Так. (*Помолчав*). Вот о тебе говорили. Что ты, будто, никого не любишь.

Соня. Я? Отчего не люблю? А может быть и не люблю... Да что это, непременно сейчас же высокие слова: любовь, любить... Дело делать, вот главное. А Иосиф Иосифович?

Борис. Он, кажется, в столовой.

Соня (заглядывает поверх занавески в столовую через стеклянную дверь). У, да там целое общество. Отлично, пусть их, папу развлекут. Он совсем закис. А тут еще мы с Иосифом уезжаем. Ну, да ненадолго. Глядишь — и опять вместе будем, опять вместе. Все проходит, — правда, мамочка? Вы любите это говорить.

Борис. Да, все проходит.

Соня. Есть в сказке Андерсена песенка одна, царевна трубочисту ее поет, или трубочист царевне, — уж не помню: «ах, мой ангел, друг мой милый, все прошло, прошло, прошло»²⁶. Да что вы скучные какие сегодня! А мне весело. Никогда стихов особенно не любила, с Андреем, бывало, ссорилась из-за них, а сегодня почему-то так и звенят в ушах, обрывками, и даже не стихи совсем, а детское что-то, старое... Цветики, цветики лазоревые... Лепестки, листочки малиновые...

Борис. Там поэт юный к дяде пришел, в столовой сидит. Из самых новых. Вот попроси, он тебе почитает, еще больше развеселишься.

Соня. Нет, нет, нет! Ни за что! Оставьте! Как тебе не стыдно! (*Тише*). Я ведь не люблю декадентских стихов. В них магии, волшебства нет. Уж лучше я старенькое, детское, прошлое... Да и глупости все, ведь это я так...

Борис. Неправда, не все новые стихи бранила, ты же сама...

Соня. А знаю, знаю, про что ты вспомнил.

Борис. Про что?

Соня. А любила одни, Андрюшины... «В голубые священные дни распускаются красные маки»... Да? Да?

Борис. Да, про это.

Соня (продолжая). «Здесь и там лепестки их — огни — подают нам тревожные знаки...» Как дальше? Про зори красные? Не помню... А кончается... Подожди...

Скоро Солнце взойдет

Посмотрите —

Зори красные.

Выносите

Стяги ясные...

Борис. Это не конец. Конец я хорошо помню. Мы еще о второй строке спорили, хоть я ничего не понимаю. Конец такой:

Красным полымем всходит любовь...

Цвет любви на земле одинаков...

Да прольется горячая кровь

Лепестками разбрызганных маков...

Наталья Павловна (тихо). Зачем вы?

Соня. Ну да, да... Вот откуда у меня, должно быть, и звенит в голове: лепестки, листочки маковые... алые... Только проще... Я простое люблю... Андрюша, и он все-таки... (*Перебивает себя*). Mamочka, простите, милая, дорогая. Ах, какая я глупая. Вам неприятно?

Наталья Павловна. Соня, деточка моя... Ну, что я... А вот ты... сядь лучше сюда, посиди тихонько. Может, поговорим... Все вместе.

Соня. Поговорим? О чем? Все о том же, что нет, мол, ни у кого любви, да как это скверно, что нет, да откуда бы ее добыть... Ох, мама, скучно, надоело. Ведь все равно ни до чего не договоримся.

Наталья Павловна. Соня! Соня!

Соня. Что, Соня? Я только правду сказала. Ну, не сердись, мамочка, милая. Я буду совершенно серьезно. (*Садится около матери*). Нужна ли, нужна ли любовь, у всякой ли цвет одинаковый, — что мы знаем? И уж нет той любви, никакой, — так уж никто этому не поможет. Ну кто поможет? Кто? Скажите, кто, если знаете...

Наталья Павловна. Я-то знаю, кто... Я знаю...

Соня. А я не знаю. Нет, право... Бросим лучше... (*Молчат*). Боря, вот я уеду, и мы с тобой долго-долго теперь не увидимся. А потом опять увидимся. Ты что будешь делать?

Борис. Не знаю, я думаю...

Соня (перебивая, живо). Что ты думаешь?

Борис. Нет, ничего. Кажется, что думаешь что-то, а захочешь сказать — нечего. А делать совсем нечего. Ничего не буду делать.

Соня (задумчиво). Да... Ну что ж... разве нет таких людей, которым нужно именно ничего не делать? А просто жить. Есть, спать, гулять... И чтоб с правом так жить, чувствовать, что не виноват.

Наталья Павловна. Все виноваты, Соня...

Соня (не слушая). А потом тихо с постельки — в гробочек, другую постельку темную... И главное — просто. Тогда не страшно. Пусть так что хочешь со мной делается, а я — ничего не буду делать, ну и не виновата.

Борис (вставая). Нет, Соня. Я не могу. Мне тяжело. Ты такая... Такая странная сегодня...

Наталья Павловна. Боричка, не уходи. Она ничего, ну пусть она говорит, что хочет. Ведь говорить — легче.

Соня. Разве я тебя обидела? Ну прости. Я ведь всегда тебя обижала, а потом прощения попрошу — ты и простишь. Помните, мамочка, как вы меня раз, в Тимофеевском, за Борю наказали? Давно-давно... Я ему курточку разорвала. Я была виновата, — и долго его потом за это ненавидела. А потом помирились. Помнишь, Боря? Ведь хорошо было? А рощу Тимофеевскую помнишь? Как мы раз там с Андрюшей и с дядей Пьером еще... Ну, да что об них. А вот мы с тобой... мы с тобой...

Наталья Павловна (плача). Соня, милая моя, родная ты моя, да что же случилось-то. Ведь ничего не случилось, ведь мы все любим тебя...

Борис. Не надо, оставьте ее.

Соня (вставая, просто). Да, да. Это я так, разнервничалась. Пустяки. Все пройдет. Уж прошло. А вот что ничего не случилось — это вы не правы мама. Разве так-таки ничего и не случилось? Вот вы сейчас сказали, что все виноваты. Довольно и этому было случиться, это все виноваты стали. Это уж очень много. Вздор я сказала, неправду, что все прошло, мы виноваты, — и этому не пройти, этого не забыть... Прошло, что мы были не виноваты, а случилось, что стали виноваты. И с этим нельзя, нельзя...

Борис. Что нельзя?

Соня. С этим нельзя...

Входят Бланк, Коген, Арсений Ильич и Гуцин.

Явление 17.

Бланк. Что нельзя? Чего нельзя? Все можно. Нам только что молодой поэт доказал, что все можно.

Коген. Удивительная это вещь, Иосиф Иосифович. В Петербурге, на фоне революции, пышным цветом расцвело неодакденство: не литературное только, — жизненное, жизненное. Они в жизнь все это проводят: неприятие мира, дионисианство, оргиазм, мифотворчество... началось! Я вам говорю, решительно что-то началось!

Бланк. Одно вот: как же это они сразу проводят в жизнь, — и неприятие мира, и оргиазм? Оргиазм-то, значит, принимают?

Гущин. Насколько мне кажется, вопросы красоты не должны интересовать г. Бланка.

Арсений Ильич. Ну, красота красоте рознь.

Коген. А я тут бываю на собраниях молодых французских поэтов. Совпадение мирозерцаний поразительное. Несомненно Россия приобщается к европейской культуре. Национальная обособленность кончилась.

Бланк. Старая, конечно, кончилась. А с ней вместе и национальный идеал. Есть человечество. Черед за классовой борьбой, а не национальной.

Арсений Ильич. Вот как. А я вам должен сказать, что это не исторично. Оперируете над отвлеченным началом. У каждого народа — своя плоть. Не могу себе представить античной Греции без синего моря, без желтых гор, без Елевзинских мистерий²⁷, без маслин серых, да мрамора. Не могу себе представить...

Соня. Верно, папочка, верно. У народа и душа своя, и плоть своя. Нельзя их убивать. Я не знаю, что с Россией будет, а только одно мне ясно: кто не любит русский перелесок, да василек и мак во ржи, да пролесок с колеями, да зеленую церковную куполку, тот не знает и не любит Россию. Если василька синего не надо, да маковых огоньков, если все равно, что он, что апельсиновое дерево, — тогда и ничего не надо. Тогда уж лучше отдать все, все. Не нужна мне Россия без василька.

Бланк. Что это! Какой усталый романтизм! Точно русская революция случайна, беспочвенна. Да она сама — цветок, который стоит всех твоих васильков. В тебе, Соня, не трезвый разум говорит, а просто голос разрушающегося дворянства. Социальная революция возвратит к природе, к твоему же васильку, сотни тысяч людей, которые теперь закабалены на фабриках и заводах, оторваны от чистого воздуха, от жизни. Иди, пожалуй, к сентиментальному толстовству, а мы хотим взять от культуры всю ее правду. Васильки, маки! Видит их, что ли, русский мужик? И не думает. Он рубит леса, живет в голоде, в грязи да в пьянстве.

О васильках теперь помнят лишь барышни, отдыхающие летом в своих поместьях. Да, пускай себе старые васильки да маки погибают. Вырастут новые цветы.

Борис. Да не хочу я этих новых! Противные они какие-то у вас, бумажные. Коли пропадать живым, нашим, так к черту и Россию, эту вонючую дыру.

Коген. И дались вам злосчастные васильки да маки. Тут, в Париже, их сколько угодно, из Ниццы каждый день привозят. А маки не такие несчастные, как у нас по межам, а прелестные, крупные, махровые и всех цветов. На бульварах старухи продают, ну и покупайте.

Бланк. На бульварах все продается. Да наши-то маки неподкупны. Впрочем, что спорить? Разные мы люди.

Гущин (вставая). Я никогда не мог понять споров. К чему утешать друг друга? Обращаться нужно не мыслями, а ощущениями. У вас, Софья Арсеньевна, ощущения очень тонкие, я их вполне понимаю.

Соня. Очень жаль.

Гущин. Позвольте вас поблагодарить, профессор, за ценные указания. (*Прощается.*)

Арсений Ильич. Не стоит, не стоит.

Гущин делает общий поклон.

Коген. Погодите, я с вами — хочу вас немножко проинтервьюировать. Иосиф Иосифович, до свидания, до завтра.

Быстро прощается со всеми и уходит, разговаривая с *Гущиным*.

Наталья Павловна, Арсений Ильич и *Борис* провожают в столовую.

Явление 18.

Бланк (отведя Соню на авансцену). Что с тобой? Я тобой очень недоволен. Распускаешься. Возьми себя в руки. При других, по крайней мере, держала бы себя прилично. Письма отправила?

Соня. Нет.

Бланк. Ну, это наконец просто свинство. Ведь я просил тебя. И того сделать не могла. Это все влияние расслабленного кузена.

Соня (спокойно). Не говори вздору.

Бланк. Надо уходить. Мне некогда, дел еще куча до завтра. Дай письма, я сам их отнесу.

Уходит с *Соней* налево, а *Арсений Ильич, Наталья Павловна* и *Борис* возвращаются из столовой.

Явление 19.

Борис. До чего декадентство опошлилось.

Арсений Ильич. А разве оно было когда-нибудь не пошлым?

Борис. Конечно. В нем была своя глубина. Свой соблазн. А теперь слякоть какая-то пошла. Впрочем, может быть, я сам слякоть, оттого и злобствую.

Наталья Павловна. Боря, все пузыри на воде. А важное в глубине происходит.

Входит *Соня*.

Явление 20.

Соня. Ушел декадент?

Наталья Павловна. Соскучилась ты по России, милая. Ну, ничего. Весной, даст Бог, все устроится, может, и в Тимофеевское еще поедем.

Соня. В Тимофеевское, в Тимофеевское... Нет, мама, не поедем, нельзя. И не надо. Не хочу в Россию. Я в Россию не вернусь. А ты, Боря? Нет?

Борис. Нет.

Арсений Ильич. Так, что же вы тут делать-то будете, за границей?

Борис. Жить... или умирать.

Арсений Ильич. Экие вы старики! Никакой в вас игры нету!

Соня. Нету, нету... Ничего нету. Старики, старики... Эх, скучно! Тушите огни! так, кажется, Никита во «Власти тьмы» говорит²⁸?

Арсений Ильич. Да тушить-то нечего, зажечь пора. Что это, темнота какая.

Входит горничная.

Явление 21.

Те же и горничная, которая подает Наталье Петровне телеграмму и тотчас выходит.

Явление 22.

Наталья Павловна (читая). Анюта просит приехать сейчас же. С мальчишками неладно.

Арсений Ильич. Ну, что там, пустыки.

Наталья Павловна. Нет, съездить надо. Поедем-ка со мной.

Арсений Ильич. Избавь, голубушка.

Соня (торопливо). Нет, нет, папа, непременно поезжайте, непременно. Нельзя же так, в самом деле. Проедетесь. Поезжайте.

Арсений Ильич. Да чего ты? Ну хорошо, хорошо. Поеду. Боря, ты обедаешь? Я не прощаюсь.

Борис. Не... Не знаю, право.

Арсений Ильич. Чего там, оставайся. И куда пойдешь? А мы сейчас назад.

Уходят с Борей.

Явление 23.

Соня. Цветики, цветики лазоревые... лепестки, листочки маковые... алые... лепестки, лепестки их — огни... (*Идет к двери*). Боря! Боря! Да где же ты? (*Борис за дверьми: «Я иду»*). Иди, иди скорее. Иди сюда.

Борис входит.

Явление 24.

Борис. Да что тебе? Ты торопишься, что ли, куда-нибудь?

Соня. Очень, очень тороплюсь. Нет, просто я хотела скорее, мне тебя нужно. Я ведь за тобой посылала... Они уехали?

Борис. Уехали.

Соня. Как хорошо. И мама? Я, главное, мамы все боюсь. Я рада, когда ее дома нет. Сядь. Послушай...

Борис (садясь). Я долго не могу, Соня. Я тоже хотел уехать. Голова как-то идет кругом. После.

Соня. Нет, нет, я тебя не задержу. Я сейчас. Постой... Да... Что я думала? Ты меня спутал...

Борис. Тебе нездоровится, Соня, ты устала...

Соня. Перестань, оставь это, — некогда. Слушай. Я буду спрашивать, а ты отвечай, но только правду. Полную правду, так нужно. Хорошо?

Борис. Я тебе никогда не лгал.

Соня. Ведь ты меня не любишь?

Борис. Нет, Соня. Прежде любил. В Мукдене любил. И потом любил. А теперь не думаю как-то об этом. Да и ни о чем не думаю.

Соня. Ну да, да, вот и я тоже. Как тут думать, как тут любить: Андрея убили, дядю Пьера убили... мама осталась, живая, осталась... Бланк говорит, что я должна что-то делать. Я не знаю, что я должна, чего не должна... У меня

кошмар: все кажется, что Андрей дядю Пьера убил, а дядя Пьер — Андрея.

Борис. А мне казалось, что это я Андрея убил. И хочется, чтоб меня Андрей убил.

Соня. Хочется? Значит, жить просто, вот как я говорила, просто жить нельзя?

Борис. Нельзя.

Соня. Пойми, нам нельзя. Нам некуда. Или дядю Пьера убивать, или Андрея, — если жить. Понимаешь?

Борис. Нет, только чувствую.

Соня (быстрым шепотом). Ты застрелиться хотел? Да?

Борис. Да.

Соня. Когда? Сегодня?

Борис. Не знаю. Может быть.

Соня. А я?

Борис (молчит, потом вдруг встает, громко). Это какое-то безумие, Соня. Как тебе не стыдно. Никто не хочет стреляться, можешь успокоиться. У тебя есть человек, который любит тебя, с которым ты связана... Наконец, и дело у тебя есть, плохо ли, хорошо ли, — должна же ты его делать. Вспомни, ведь завтра уезжаешь. А теперь прощай, я не могу больше... У меня голова болит.

Соня (смотрит на него и смеется). Прощай. Ну? Что же ты не уходишь? Ведь у тебя голова болит, а я завтра уеду в Женеву, делать дело... *(смеется).* Нет, ты в самом деле, ты искренно думал, что я уеду?

Борис (медленно садясь). Не уедешь?

Соня. Верил, что уеду?

Борис. Я... не верил. Нет, ничего я не думал. Ничего не знал.

Соня. Перед виноватыми, Боря, черная стена встает, и закрывает будущее, все, — и дело, и безделье, — всю жизнь, так что двигаться вперед уже некуда. Некуда, — а надо. Надо, — а некуда.

Борис. Соня, ты бредишь?

Соня. Нет, друг мой. Я слишком спокойна. Ты думаешь, я хочу умирать? Не хочу. Да как же быть-то, милый, единственный? Я и не хочу, а умирается. И ты разве хочешь? А вот и тебе умирается.

Борис. Не буду я тебя слушать, не хочу я тебя слушать.

Соня. Боря, вспомни своего отца. Ты не видел, как его убили? А видел, как Андрея убивали? Послушай: может, теперь людям, — тем, кто не умеет *только* жить, знает, что нельзя *только* жить, может, им одно и осталось дело настоящее — убивать? Одно и осталось?

Борис. Соня, Соня, молчи.

Соня. Другого и нет теперь никакого... Другие все дела — так, обман, вздор, безделье. А если *этого* не хочешь, *этого* не можешь...

Борис. И не хочу, и не могу, и нельзя...

Соня. Тогда надо умереть. Все отдали, все Андреи, все дяди Пьеры, все виноваты. Нам нужно или убивать, или быть убитыми, или... Чем же нам жить? Другие придут, они будут жить. Боря, ну разве ты не видишь? Ну разве ты не видишь?.. Ведь все равно, ведь не сегодня — так завтра, ведь не вместе, так порознь... Боря!

Борис. Что же ты... Чего же ты хочешь?

Соня. У тебя здесь? Где? Здесь? С собой?

Борис. Не трогай меня... Не ищи... Здесь.

Соня. И знаешь, Боря, надо просто, просто совсем ни о чем не думая. Мы жить «просто» не умеем, а это сумеем просто, да? Ни о чем не думать. Может, о глупостях, о детстве, помнишь, как мы с тобой в Тимофеевском за ригой колокольчики рвали, и я говорила, что они «лазоревые», а ты спорил — лиловые... Помнишь?

Борис. Соня, Соня... Мне страшно...

Соня. Отчего страшно? Ну, хочешь — я сказала... Я сама... или как хочешь. Мне все равно.

Борис. А мама?

Соня. Не думай, не говори о маме, не вспоминай. Она счастливая. Она правая, она живая. И дядя Пьер живой, и Андрей... А мы мертвые, мы все равно мертвые, и нам... Нам честнее...

Борис. Соня... Ради Бога...

Соня. Что? Ну не надо. Ну успокойся. Уходи, уходи скорей, оставь меня. Что я делаю с тобой! Я не о тебе говорила, забудь... Я ничего не знаю о тебе...

Борис. Нет, Соня, ты знаешь.

Соня. Вот... и мне невероятно страшно. Ты не можешь — не думая, ты не можешь просто... Просто, радостно, светло... Здесь? *(Вынимает у него из кармана револьвер, кладет рядом на стол).*

Борис. Кажется, могу. Да, могу, Соня... родная... девочка моя... сестра моя маленькая... Только так и могу... Ни о чем не думая, вот о маках полевых, о дороге проселочной... Прощаться с ними...

Соня. Без страха, без боли, только с нежностью, да? Пусть они будут, милые, пусть разгораются огоньки алые... И друг с другом мы там же простимся, хочешь? Поцелуемся крепко-крепко, хочешь?

Борис *(обняв ее)*. Соня, я знаю, я чувствую, тут вина на вину, и ты знаешь. А мне легко, точно все... простится.

Соня. Уж простило где-то, милый. Ведь очень мы были несчастные. Очень слабые. И так мы любили... Так мы с тобой все... любили...

Берет в руку револьвер.
Занавес.

[1907]

БОРИС ГОДУНОВ

КИНОСЦЕНАРИЙ

Сцены I—XVI

- I. Пролог.
- II. Сцена на мельнице. Гадание.
- III. Пимен.
- IV. Венчание Бориса на царство.
- V. Кабак.
- VI. Прием послов.
- VII. В бане у Шуйского.
- VIII. Допрос.
- IX. Бегство из монастыря.
- X. Корчма.
- XI. Письмо Нунция.
- XII. Бал у Мнишек.
- XIII. У фонтана.
- XIV. Казни.
- XV. Ставка самозванца. Дмитрий и Марина.
- XVI. Бой.

ПРОЛОГ

Экран светлеет.

Руки *Пимена*, развивающие свиток, на котором написано:

«В 1598 году со смертью царя Феодора¹, сына Иоанна Грозного², древняя династия русских царей пресеклась. Феодор был бездетен, а его младший брат, царевич Дмитрий³, который должен был ему наследовать, загадочно погиб еще при жизни Феодора от руки убийцы⁴.

Россия осталась без царя. По обычаю страны народ должен был избрать нового. Было решено предложить власть любимцу Иоанна Грозного шурина царя Феодора — боярину Борису Годунову⁵.

Экран медленно темнеет.

Яркий летний день. Но будет гроза.

На холме, с которого открывается вид на всю Москву, всадник на черном коне, князь *Василий Шуйский*⁶. С ним несколько приставов, тоже на черных конях. Конская сбруя звенит и сверкает на солнце.

На небе появляются первые грозовые тучи. Тени от них пробегают по городу, пятнами ложатся на Москву-реку.

Шуйский подымает голову, смотрит на небо.

Шуйский. Будет гроза!

Подъезжает князь *Воротынский*⁷, статный боярин с черной густой бородой и с умными, живыми глазами. Он и сопровождающие его пристава — на белых конях.

Воротынский.

Наряжены мы вместе город ведать.

Шуйский.

Но, кажется, нам не за кем смотреть.

Воротынский.

Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский.

Чем кончится? Узнать немудрено
Народ еще повоет и поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится...

(Обращаясь к одному из приставов).

Проведай-ка, что слышно —
Согласился ль
Принять венец боярин Годунов?

Пристав, в сопровождении еще двух других, ускакивает.

Воротынский.

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою⁸,

Он, кажется, покинул все мирское.
Что, ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не войдет?
Что скажешь ты?

Шуйский.

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.

Воротынский.

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Шуйский.

А кто ж?
Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

Воротынский.

Зачем же ты его не уничтожил?

Шуйский.

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью
нежданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто
правый.

Воротынский.

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь несчастного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Шуйский.

Перешагнет: Борис не так-то робок!

Воротынский.

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Шуйский.

Да боле
Чем Годунов.

Воротынский.

Ведь в самом деле!

Шуйский.

Что ж!
Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать.
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно; пусть
Себе в цари любого изберут.

Воротынский.

Нет, трудно нам тягаться с Годуновым.
Народ отвык в нас видеть древню отрасль...
А вот когда бы чудом, из могилы,
Царевич наш Дмитрий вдруг воскрес...

Шуйский (махает рукой).

Эх, полно, князь! Что попусту болтать.
Во гробе спит Димитрий и не встанет.
Не нам с тобою мертвых воскрешать.

Пристава возвращаются с двух концов.

Воротынский.

Ну, что? Узнал?

Пристава.

Он — царь! Он согласился!

Шуйский.

Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты⁹,
Зять палача и сам в душе палач,
Венец возьмет и бармы Мономаха!

Сильный удар грома.

Шуйский и *Воротынский* снимают шапки и крестятся.

II

СЦЕНА НА МЕЛЬНИЦЕ. ГАДАНИЕ

I.

Лес, ночь, гроза. Шум столетних сосен и дубов. Дождь, град, молния. В чаще леса огромный медведь, испуганный близко упавшим громом, вылезает из берлоги, продираясь сквозь валежник, ломает сучья с треском, встает на задние лапы и ревет.

Гроза пронеслась почти мгновенно. Гром все дальше, глуше и, наконец, затихает совсем. Небо яснеет, месяц, пробиваясь сквозь быстролетящие тучи, озаряет лес.

Двое всадников, *Борис и Семен*¹⁰ *Годуновы*, едут по глухой тропе. Подъезжают к мельнице, старому, мшистому срубу с шумящим в запруде колесом. Спешившись, *Семен* стучит в окно долго, сперва кулаком, потом кнутовищем.

Семен. Мельник, мельник, а мельник! Оглох, старый пес, что ли?

Мельник (приоткрывая оконце). Нет на вас погибели, чертовы дети! Кто такие, откуда? Коли вор, берегись, свистну по башке кистенем, с места не сойдешь!

Семен. Что ты, пьяная харя твоя, протри глаза, аль не видишь, бояре!

Мельник. Что за бояре? Знаем мы вас, шатунов! (*Вглядываясь*). Что за диво? Батюшки, светики! А я-то, старый дурак, сослепа... Ох, не взыщите, кормильцы. Сейчас, — сейчас, только лапти вздену, да вздую лучину.

Семен помогает *Борису* спешиться.

Борис. Это он и есть колдун?

Семен. Он самый.

Мельник отворяет дверь и выходит на крыльцо, старый-старый, весь белый, как лунь, огромный, косматый, как тот медведь в валежнике.

Мельник (кланяясь князю). Ах, гости мои дорогие, желанные! Вот послал Бог соколов в воронье гнездо! Сбились, чай, с дороги, заплутались? Место наше глухое, лихо по лесу ходит, воровские люди, шатущие, долго ли до греха? Переночуйте, родимые. Тут у меня, как у Христа за пазухой.

Семен. Бери коней. Конюшня-то есть?

Мельник. Нет, батюшки. Да мы их тут, сейчас, за тыном, будут, небось, в сохранности. (*Привязав коней*). В избу, кормильцы, в избу пожалуйте, не взыщите на бедности!

Входят в большую избу, курную, закоптелую,
тускло освещенную воткнутой в светец лучиной.
Гости ищут глазами иконы в углу.

Семен. Боги-то где ж у тебя?

Мельник (ухмыляясь). Боги тютю, воры намедни украли!
(*Усаживая гостей на лавку*). Чем потчевать, батюшки?

Семен. Ничего не надо. Мы к тебе за делом, старик.
Будем гадать.

Мельник. Кому же, тебе, ему, аль обоим?

Семен. Нет, не нам, — царю Борису Федоровичу.

Мельник. Да разве он царь?

Семен. Днесь, наречен, а невдолге будет и венчанье.

Мельник. Ахти, а я и не знал, вот в какой берлоге живу.
Ну, слава Богу, давно бы так! (*Подумав*). Да как же царю-то
без царя гадать?

Семен. Этот боярин — ближний друг царев. Все, что
скажешь ему, царю скажешь.

Мельник (пристально глядяваясь в Бориса). То-то,
сразу видать, слава царева на нем, как заря на небе красная.
(*Падая вдруг на колени*). Батюшки, родимые, не погубите,
помилуйте! Мне ли, смерду, о царе гадать? Коли что ему не
по нраву скажу, — ведь прямо под топор на плаху...

Семен. Полно, не бойся, старик, никто тебя пальцем не
тронет. Вот тебе царев гостинец.

Кидает ему мошну. Тбт, прижав ее к груди, жадно щупает.

Мельник. Ух, сколько! Весь-то я с мельницей моей того
не стою, пошли, Господь, царю здоровья!

Семен. Царь тебя озолотит, только всю правду говори,
как перед Богом, а солжешь, лучше бы тебе и на свет не
родиться. Ну, живей!

Мельник. Здесь, бояре, нельзя, — надо вниз, к колесу.
Да и вдвоем не гоже. Ты здесь оставайся, а он пойдет со
мною.

Семен. Ладно, живей!

Мельник. Мигом, только огонек запалю, да петушка
зарезу черного...

Борис (тихо, как будто про себя). Резать не надо!

Мельник (глядяваясь в него еще пристальнее). Как
же, батюшка? Без крови нельзя. Всяко дело крепко на крови
стоит. Да и те без крови ничего не скажут.

Борис (так же тихо). Ну, ладно, режь, только пода-
льше, чтобы я не слышал.

Мельник. Небось не услышишь, чик по горлу и не пикнет.

Мельник уходит. Молчание. Ветер опять поднялся. Слышно,
как лес шумит. *Борис*, упершись локтями в колени, опустил голову

и сжал ее ладонями. Черный кот, прыгнув с печи, ластится к ногам *Семена*. Тот отталкивает его ногою: «Брысь». Кот, выгнув спину горбом и ошетилившись, жалобно мяучит. Выйдя из-под лавки, вороненок ковыляет по полу, волоча больное крыло.

Семен (хлопая на него ладонями). Брысь и ты, поганец!

Вороненок хочет взлететь на одном крыле и не может, падает, опять ковыляет, косит на гостей одним глазом, разевает кроваво-красный клюв и каркает.

Семен. Государь, а Государь!

Борис (не поднимая головы). Ну?

Семен. Старый-то плут, кажись, что-то пронюхал, а, может, и раньше знал. Ох, берегись, Государь! Что как не мельник тут главный колдун, а Шуйский? Он тебе наколдует... Я бы этого мельника на первый сук вздернул да всю его чертову мельницу огнем спалил!

Борис. Может, и спалю, но раньше судьбу узнаю.

Семен. Эх, Государь, что узнать? От судьбы не уйдешь, человек в судьбе не волен.

Борис (поднимая голову). Нет, волен, только бы знать, только бы знать! (*Прислушиваясь*). Что это? Слышишь? Режет!

Семен. Что ты, батюшка, полно! Ветер воев в трубе, аль ржавая петля в дверях визжит. Вишь, как всполошился, и меня-то жуть проняла. Ох, Государь, лучше уйдем от греха! Сколько молились, постились, да прямо из святой обители в гнездо бесовское. Грех!

Борис (глядя ему в глаза с усмешкой). Вот чего испугался! Нет, брат, нам с тобой греха бояться, что старой шлюхе краснеть!

Входит Мельник.

Мельник. Готово, боярин, пожалуй!

Борис выходит с ним через низкую дверцу на лестницу, ведущую вниз, где слышен шум, гул жерновов и стук колеса.

2.

Тою же глухой тропинкой, как давеча Годуновы, пробираются два чернеца. *Мисаил* и *Григорий*¹³, с посохами в руках, с тяжелыми за плечами котомками, в облепленных грязью лаптях, насквозь промокшие. *Мисаил*, лет сорока, низенький, жирный, красный, с веселым, добрым и хитрым лицом; *Григорий*, лет двадцати, высокий, стройный, ловкий, с некрасивым, но умным лицом, рыжий, голубоглазый. *Мисаил* чуть ноги волочит, кричит и охает; *Григорий* идет бодро.

Ясное небо, яркий месяц, сильный ветер. Лес шумит, как море.

Григорий. Вот она, мельница!

Подходит к окну, стучит.

Мисаил. Ох, Гришенька, боязно. Мельник-то, слышь, колдун. С чертями водится. Ну, как откроет окно, да такая оттуда харя выглянет, что свет не взвидим!

Григорий. Пусть харя, только б в избу пустил, не ночевать же в лесу!

Опять стучит. Окно приоткрывается.

Семен (изнутри). Кто там?

Григорий. Странники Божьи, иноки смиренные. В лесу заплутались, измаялись. Пусти, Христа ради.

Семен. Не пушу, проваливай!

Григорий и Мисаил (вместе). Дедушка, а дедушка, смилуйся, родной, пусти!

Семен. Сказано, проваливай, пока шкура цела!

Григорий и Мисаил. Хлебца-то, хлебца хоть корочку дай! Господь тебя наградит.

Семен (выставив дуло пистолета в окно). Прочь, сукины дети, чтобы духу вашего здесь не было, — ублюю!

Окно закрывается. *Мисаил*, отскочив, присел на корточки.

Григорий (медленно отходя и оглядываясь). А ведь это не мельник!

Мисаил. Кто же такой?

Григорий. Кажется, будто боярин. Кафтан парчовый, кунья шапка и пистоль турецкая с золотой насечкой.

Мисаил. Черт нас морочит. Гришенька, пойдем-ка, пойдем поскорее от греха! (*Тащит его за руку*).

Григорий. Стой, погоди! Надо местечко сыскать, где посуше, хоть конуры собачьей, чтобы прикорнуть. А может, и в кладовку лаз найдем, чем-нибудь поживимся.

Крадучись, идут вдоль стен избы и заворачивают за угол.

Здесь крутой обрыв. Внизу, у плотины, стучит колесо.

Григорий, наклонившись, с кручи смотрит вниз.

Григорий. Видишь, огонь?

Мисаил (крестясь). Мать Пресвятая Богородица! Да ведь это — они — с рогами, с хвостами, черные, у-у! Скачут, пляшут, свадьбу справляют бесовскую...

Григорий. Дурак! Чего испугался. Видишь, люди. Дым валит от огня и тени ходят по дыму. Двое. Что они делают? Колдуют, что ли? Пойдем-ка, посмотрим.

Мисаил. Что ты, братик миленький! Прямо им в когти...

Григорий. Ладно. Коли трусишь, оставайся здесь, спрячься в кусты, а я пойду.

Мисаил. Ой, не ходи, Гришенька, светик мой, не губи души своей понапрасну! Они тебя задерут.

Григорий. Ладно, кто кого задерет, еще посмотрим!

Мисаил прячется в кусты. *Григорий*, цепляясь за ползучие корни и травы, слезает по круче на дно оврага. На той стороне его, у мельничного колеса, навес под соломенной крышей, с невысоким, ветхим, покосившимся тыном из бревен. *Григорий* влезает к нему и, приложив к щели между бревнами глаз, жадно смотрит.

3.

Мельник под навесом усаживает *Бориса* лицом к вращающемуся колесу, на сваленные кули с мукой и хлебом.

Мельник. Мягко ли тебе, сынок, покойно ли? Надо, чтобы дрема одолела, — лучше увидишь и услышишь все.

Кидает в огонь сухие травы и коренья.
Пламя вспыхивает ярче, гуще валит дым.

Мельник. Глубже, глубже дыши, всею грудью, небось дымок смоляной, травяной, духовитый, слаще ладана, крепче пенника!

Льет на огонь кровь из чашки, капля за каплей.
Топчется на месте, быстро семена ногами, подпрыгивая,
как на току тетерев.

Мельник.

В колесе моем вода,
В жилах алая руда.
Колесо вертись, вертись!
Было верх, будет низ;
Было нет, будет да;
Что вода, то руда.

Вдруг, обернувшись к *Борису* и низко наклонившись, оставив на него неподвижный взор, — все так же быстро семена ногами, подпрыгивая, медленно идет на него.

Мельник. В очи мне, в очи смотри, прямо в очи, — вот так.

Взор у *Бориса* становится таким же неподвижным, как у *Мельника*.

Тот машет руками, однообразно проводит ими по воздуху, как будто ласкает, гладит не его самого, а кого-то над ним.

Мельник.

Спи, мой батюшка, усни,
Спи, родимый, отдохни!
Мало дитяtko ласкаю.
Темный полог опускаю,
Тихо песенку пою,
Зыбку зыбку качаю,
Баю-баюшки-баю!

Спишь?

Борис. Сплю.

Мельник. Видишь?

Борис. Вижу.

Мельник. Сквозь меня?

Борис. Сквозь.

Мельник. Что видишь?

Борис. Воду в колесе. Месяц на воде играет.

Мельник.

Месяц на воде играй,
Филин плачь, ворон — грай!
Помогай! Помогай!
Ашарот, Шабаот,
Жар огня, сила вод,
Злачные травы по росе,
Брызги-жемчуг в колесе,
Помогайте все!

Спишь?

Борис. Сплю.

Мельник. Что видишь?

Борис. Углицкая церковь, звонница, пономарь бьет в набат, люди на площадь сбегаются... мертвый младенец лежит, горло перерезано...

Мельник.

Спи, мой батюшка, усни,
Спи родимый, отдохни!

Спишь?

Борис. Сплю.

Мельник. Что видишь?

Борис. Царский престол, я на нем... Нет, младенец зарезанный...

Мельник. Что слышишь?

Борис. Слаб, но могуч; убит, но жив; сам и не сам. (*С тихим стоном*). Что это, что это?..

Мельник (*взяв его за плечи, тряся и дуя в лицо*). Чур, чур, чур! Встань, проснись!

Борис (открывая глаза). Что это, что это, Господи? Что это было, колдун?

Мельник. А ты забыл?

Борис. Забыл.

Мельник. Я за тебя помню. Скажи царю Борису Феодоровичу: будешь во славе царствовать, ошастливишь Русь, как никто из царей. Но светел восход — темен закат. Мертвого бойся. Убит, но жив; слаб, но могуч; сам и не сам. Тени своей бойся, бойся тени, тени страшись!

Борис (тихо про себя). Что это значит?

Мельник. Не знаю. Может, царь знает.

Борис встает, шатаясь. *Мельник* ведет его к лестнице.

Борис (тихо про себя). Слаб, но могуч; убит, но жив. Сам и не сам. Что это значит? Что это значит?¹²

4.

Тою же лесной тропинкой, как давеча на мельницу, *Борис* и *Семен* едут обратно. Чуть светает. Птицы еще не проснулись. Ветер затих, и такая тишина в лесу, как будто все умерло. Кони стучают неслышно по мшистым колеям тропы. *Борис* едет впереди, понурив голову и опустив поводья. Лицо его задумчиво; он все еще, как во сне.

Вдруг, на перекрестке двух тропинок, выходят из-за кустов, точно из земли вырастают в серой тени рассвета, две черные тени, *Мисаил* и *Григорий*. Конь *Бориса* шарахается в сторону, встает на дыбы. Всадник едва удержался в седле.

Семен (обнажив саблю и замахиваясь). Чтоб вас, окаянные! Прямо коням под ноги лезете!

Мисаил шмыгнул в кусты, как заяц. *Григорий* стоит, не двигаясь, и смотрит в лицо *Бориса* так же пристально-жадно, как давеча во время гадания, когда смотрел между бревнами в щель.

Борис (справившись с конем). Полно, Семен! Видишь, и сами перепугались. Вон чаша какая; не видно, кто идет, и конского шага во мху не слышно. Кто вы такие?

Мисаил сначала робко выглядывает, потом выходит из кустов.

Григорий. Чудовской обители брата.

Борис. Как звать?

Григорий. Это брат Мисаил, а я Григорий.

Борис. Откуда идете, куда?

Григорий. В Москву из Углича. В Угличе благословил нас о. игумен старых книг да хартий добывать старцу нашему о. Пимену.

Борис. А ему на что?

Григорий. Летопись пишет.

Борис (вглядываясь в лицо Григория). Где я тебя видел?

Григорий. Меня? Нет, боярин, ты меня нигде не видел.

Борис (вглядываясь пристальней). Чудно. Все, кажется, будто где-то видел. Ну, ступайте с Богом (*вынув из мошны и кинув им два золотых*). Свечку поставьте Владычице и помолитесь за грешного раба Бориса.

Григорий и Мисаил (низко кланяясь). Подай тебе Господь, боярин, спаси Владычица!

Всадники скачут, скрываясь в лесу. *Григорий* долго смотрит им вслед. Лицо его так же сонно, так же неподвижен взор, как у *Бориса* давеча, когда он смотрел на воду под колесом. Может быть, и *Григорий* что-то видит.

III

ПИМЕН

Ночь. Келья в Чудовом монастыре.

Отец *Пимен* пишет перед лампадой. *Григорий* спит.

Григорий (пробуждаясь).

Все тот же сон. Возможно ль? В третий раз.
А все старик перед лампадой пишет...

Пимен.

Проснулся, брат.

Григорий.

Благослови меня,
Честной отец.

Пимен.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и пристно, и во веки.

Григорий.

Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил...

Пимен.

Господь с тобой. Младая кровь играет,
Смирять себя молитвой и постом...

(продолжая писать).

Еще одно последнее сказанье
И летопись окончена моя.
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне грешному.

Григорий.

Давно, честной отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Пимен.

Ох, помню.
Пришел я в ночь. На утро, в час обедни
Вдруг слышу звон; ударили в набат;
На улицу бегут, кричат, и я
Спешу туда ж — а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный младенец...
Укрывшихся злодеев захватили;
«Покайтесь», народ им загремел.
И в ужасе, под топором, убийцы
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорий.

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен.

Да лет семи; он был бы твой ровесник,
И ныне царствовал.... *(Задумывается).*

Григорий *(после молчания).*

Скажи, отец,
Московские злодеи, может статься,
Димитрия в лицо не знали ране:
Царевич ли зарезанный младенец?

Пимен.

Я и слышал народную молву:
Убили в Угличе попова сына,
Царевич же Господним чудом спасся...
Да мало ли, что люди говорят?

Оба погружаются в глубокую задумчивость.

Пимен.

Сей повестью плачевной заключу
Я летопись свою... Но уж звонят
К заутрене... Благослови Господь
Своих рабов. Подай костыль, Григорий.

Уходят. Через минуту *Григорий* возвращается.

Григорий (один).

Борис, Борис. Все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца.
Но не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда.

IV

ВЕНЧАНИЕ БОРИСА НА ЦАРСТВО

Соборная площадь в Кремле, залитая ярким утренним солнцем. Прямо перед зрителем Успенский собор, справа Грановитая палата, слева Архангельский собор. Сверкают на солнце золотые купола, ослепительно белеют стены. Вся площадь запружена праздничной толпой. Звон колоколов, переливный гул голосов.

Григорий и *Мисаил* пробираются через толпу на площадь. Толстому *Мисаилу* трудно протиснуться за *Григорием*. Отстал, с кем-то переругиваясь, и затерялся в толпе. Но и *Григорию* не удается пробраться на площадь; он влезает на Кремлевскую стену, откуда ему будет видно все.

Внутри Успенского собора. Торжественная служба — венчание *Бориса* на царство. Когда толпа, под пенье молитв, опускается на колени, виден стоящий лицом к алтарю *Борис*, которому *патриарх* передает скипетр и державу.

Шуйский выходит на крыльцо Успенского собора и, обращаясь к толпе, говорит: «Да здравствует царь Борис Феодорович!» *Народ* восторженно отвечает: «Да здравствует!» раздаются звуки «Славы».

По обитому красным сукном помосту — от Успенского собора до Архангельского и от Архангельского до Красного Крыльца движется коронационная процессия. Впереди идет духовенство в полном облачении. Несут иконы, хоругви. За духовенством бояре, стрельцы, затем иностранные послы и гости. Наконец, показываются рынды¹³. Рынды проходят. Появляется *Борис*, со скипетром и державой.

При появлении царя народ продолжает петь. Опускается на колени. *Царь* медленно и торжественно шествует, кланяясь на четыре стороны. Дойдя до середины помоста, он останавливается. *Народ* сразу замолкает. Наступает полная тишина.

Борис (про себя).

Скорбит душа. Какой-то страх невольный
Зловещим предчувствием сковал мне сердце.
О, праведник, о, мой отец державный,
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли ты мне священное
На власть благословенье.
Да буду благ и праведен, как ты,
Да в славе правлю свой народ.

(Обращаясь к боярам).

Поклонимся почившим властителям Руси.
А там — сзывать народ на пир,
Всех — от бояр, до нищего слепца,
Всем вольный вход, все гости дорогие.

Шествие под пение «Славы» снова трогается по направлению к Архангельскому собору. *Григорий* со стены жадно и пристально смотрит на царя. *Борис*, под взглядом *Григория*, тоже обращает на него глаза. Взгляды встречаются. На лице *Бориса* — мгновенная и непонятная тревога: опять этот монах. Кто он? *Григорий* выдерживает взгляд *Бориса* и вдруг узнает в нем всадника, которого видел на мельнице.

V

КАБАК

I.

Улица перед слободским кабаком. Растоптанная, разъезженная, грязь, лошади, телеги — пустые (едущих с базара), у крыльца всякий народ. Толпятся, галдят, ругаются. Из кабака гам, дуденье, пьяные песни.

На улице появляются два чернеца с котомками за плечами, *Григорий* и *Мисаил*. Осторожно обходя большую лужу, где на боку лежит, блаженно хрюкая, большой черный боров, держат путь к крыльцу.

Неподалеку стоит небольшая толпа не то нищих, не то юродивых. Гнусят какую-то песню, один подыгрывает на волынке. Вдруг песня прерывается, раздается детский визг; огромный нищий, в рубахе с расстегнутым воротом, принялся колотить *мальчишку* ихнего, — ходят такие, с нищими, поводыри.

Нищий. Ах ты, пострел тебя разрази! Цыть! Я-те повою!
Мальчишка продолжает визжать, захлебываясь. Кругом хохочут.

Мисаил. Да чего ты его колошматишь?

Нищий. А тебе что? Не твой, небось. Он с нами ходит, приبلудный, значит моя воля: хочу с кашей ем, хочу с маслом пахтаю, а захочу совсем убью.

Григорий. Ишь, дурак. Брось, говорят тебе!

Мальчишка с помощью *Григория* вырывается из лап нищего и отбегает в сторону. По лицу у него текут слезы и кровь, он, захлебываясь, визгливым голосом кричит: «Черт ты, слепой, ишь. И все вы такие-то черти, душители. Почему зря, с кулаками! Да провались я, убегу от вас, чтоб вам, дьяволам, на том свете...» *Мужики* хохочут. Издают поощрительные возгласы.

Мальчишка. Убегу, вот как Бог свят, убегу. На что они мне сдались, окаянные. Приبلудный, так мне везде дорога. Вот с отцами пойду, со странными.

Мисаил (в шутку, добродушно). Что ж, иди. Мы те не бить, наставлять будем. Ишь, мальчонка-то какой шустрый! Как звать-то тебя?

Мальчишка (шмыгая носом). А Митькой. Возьмите, дяденьки... то бишь, отцы. Я привычный. Не потеряюсь. А потеряюсь где, так найдусь.

Из кабака вываливается густая пьяная толпа, горланя песни. Кое-кто приплясывает. Тут и бубны, и дуды, у одного скрипица.

Цибалды — шибалда,
Задуди моя дуда,
Гряньте бубны — бубенцы,
Разгулялись молодцы...

На погосте воз увяз,
А дьячок пустился в пляс
Хлюп, хлюп, хлюп!
А как поп с погоста шел,
Забодал его козел
В пуп, в пуп, в пуп!

Мисаил. Эко веселье. Доброе, видно, вино у хозяина! А у меня в горле с утра пересохло. Идем, штоль, Григорий!

Пробираются в кабак. *Митька*, между ногами мужиков, сквозь толпу, незаметно юркнул за ними.

2.

Внутренность шинкарни.

Низкая, черная, просторная изба. По стенам лавки, в углу стойка. Народу — труба непротолченная. Песни и музыка здесь еще громче. За стойкой — хозяин — толстый и красный мужик. Хозяйка тоже толстая, чернобровая, медлительная. В одном из углов сидят *Григорий* и *Мисаил*, пьют. Пьют они уже давно, *Мисаил* совсем пьян, да и *Григорий*, видно, навеселе. Народу всякого звания. Двое только что сплясали, утирают пот.

Мисаил. То-то любо. И я, бывало, плясал... Ну, спесивая, хозяйюшка, выходи на круг. Доброе винцо у тебя, и я, пожалуй, Господи благослови...

Гости. Старец-то, ишь как его с посту разобрало! Гляди, ноги не сдержат! Помоложе который, тот не рыпается! Сидит, как сыч! Эй, давайте сыча!

Мисаил (*ударяя по столу ладонью*). Сыча! Сыча! Ладная песня. Хошь и грех — подтягивать буду!

Поют. «...Туру-туру петушок, ты далеко ль отошел? За море, за море, ко Киеву-граду, там дуб стоит развесистый, на дубу сыч сидит увесистый. Сыч глазом моргает, сыч песню поет, дзынь, дзынь, передзынь...» и т.д.

В это же время в другом углу кто-то наяривает на дуде свое. В третьем углу начинается пьяная драка. Хозяин выходит из-за стойки. *Мисаил* ловит его за полу.

Мисаил. Хозяин, а хозяин. Будь ласков, выставь еще косушечку! Мы люди странные, ходючи по Божьему делу притомились, а что при нас было, малая толика, все тебе выложили. Алтына больше нет, Господь Бог свидетель, а ты выстави косушечку на покаяние души.

Хозяин (*грубо*). Нет ни алтына, так и полезай с тына, давай место другим. Чего привязался? Хороши вы, странные, да еще монахи!

Мисаил. Мы не простые монахи, мы мудреные. Эй, хозяин, мы тебе отслужим!

Хозяин. Сказано, не дам. Потчевать вас! Не надобна твоя служба.

Мисаил. Как это не надобна? Ну, хочешь, я спляшу? А то расскажу, чего мы перевидали, что и во сне никому не приснится...

Один из гостей. Ишь ты, во сне не приснится!

Григорий. Тебе, может, коза рогатая снится, а вот я так сон видел, трижды кряду, сон этот на духу рассказать, и то страшно!

Один соседний гость, неизвестного звания (*подсаживаясь ближе*). А ты Расскажи!

Григорий. Пойдем прочь, отец Мисаил! Что нам тут с ними, с холопами, растабарывать! Ныне, сам знаешь, как вышла отмена Юрьеву дню¹⁴, все на Руси холопами стали!

Ближний сосед, мужик. Да нешь мы тому, отец, рады? Мы по Юрьеву дню во как плачем! Нонче думаешь ничего, а глядь, и не знай как, уж холоп стал.

Человек неизвестного звания (около Григория). Плакальщики тоже объявились. Вы, отцы святые, дурней не слушайте. Вы и вправду, как я замечаю, Божьи люди. А коли гребтиса с устатку еще по чарочке выкушать, так ин быть так, я угощаю. Ставь хозяин, в мою голову.

Хозяин удаляется за стойку. Приносит вино.

Мисаил в восторге. Вот люблю! Вот добрый человек, благослови тебя Господи. Таких и по Москве мы не встречивали.

Человек неиз. [вестного] зв. [ания]. К странникам Божьим у меня сердце лежит. А вы, сами говорите, монахи не простые. Понасмотрелись на белый свет. И во сне-то вам видится, чего неведомо. (*К Григорию*). Скажи, отец, какой такой страшный сон тебе был?

Григорий (пьет). Сон-то... на духу только скажу. И то, может, не скажу.

Мисаил (пьет). Эх, доброе вино! Никогда, кажись, такого не пито! А ты, Григорий, что там на духу, мы во всякий час перед лицом Божьим. Ты уважь доброго человека, поведай, чего такое тебе привиделось.

Григорий (глядя прямо перед собой). Трижды... три ночи подряд... после молитвы... видел я сей сон.

Мисаил. Молитва бесовские мечтанья отгоняет, благие снятся сны.

Григорий (все так же, как будто про себя). Мне виделась лестница великая, крутая. Все круче шли высокие ступени, и я все выше шел. Внизу народ на площади кипел. Мне виделась Москва, что муравейник...

Человек неиз. [вестного] зв. [ания] (внимательно). Ты говоришь, Москва?

Григорий. На самой высоте — престол царей московских. И я — на нем. Вокруг стрельцы, бояре... а Патриарх мне крест для целования подносит...

Человек неиз. [вестного] зв. [ания] (прерывая). Вот как!

Григорий. ... И я вот крест целую с великой клятвой, что на моем царстве невинной крови не прольется, холопей, нищих не будет вовсе. Отцом я буду моему народу... (*взявшись за воротник рубашки*). И эту последнюю я разделю. Со всеми!

Человек неиз. [вестного] зв. [ания]. Постой! Постой!

В это время ближний народ сгрудился вокруг, жадно прислушиваясь. В дальнем углу, другие, наяривают плясовую: «Эй, жги, говори, подговаривай! Ходи изба, ходи печь, хозяину негде лечь!» Ее медленно заглушает песня юродивых у дверей: «Лейтись, лейтись, слезы горькие, плачь, плачь, душа православная!»...

Григорий, как бы не видя и не слыша ничего вокруг себя, продолжает.

Григорий. ... довольно Руси по-волчьи выть, довольно в кабаке слезами обливаться, да от судей неправедных бегать! Не казнями и не суровостью я буду царствовать, а милосердием и щедростью.

Человек неиз. [вестного] зв. [ания]. Ай да ловко. Стой. Значит на Москве царем себя видел?

Григорий. Великим и державным. И трижды сряду, три ночи, чуть глаза закрою, все тот же сон.

Человек неиз. [вестного] зв. [ания] (вскакивая). Эй, люди! (*Хлопает в ладоши*). Сюда, ко мне! Хватай чернеца этого. Негожие речи его, хула на государя Бориса Феодоровича. Измена! Крутите его крепче!

Подбегавшие стрельцы скручивают *Григория*. Общее смятение, отдельные возгласы, песни умолкают. Слышится: «Ярыжка!» «Ах он, дьявол, подсуседился, и ничто ему!» «Покою от них ныне нету!»

Ярыжка (указывая на Мисаила). И этого прихватите толстопузого. Впрямь, не простые они монахи!

Мисаил. Батюшка! Отец милостивый! А меня за что? Я ни сном, ни духом! Я три ночи подряд не спал, не то что сонные видения какие. Да у меня отродясь их не было! Какой я царь на Москве? Видано ли дело? Смилуйся, батюшка! Видит бог...

Ярыжка. Ладно, ладно, там разберут, какой ты царь. Под клещами и патриархом признаешься, покаешься Богу, монах проклятый! Тащите их!

Мисаила вяжут и тащат обоих к дверям под глухой гул толпы. Какая-то баба причитает: «Мучители окаянные! И старца-то Божьего не оставляют! Пришли, знать, последние времена!» *Другая*: «Зачем, слышь, три ночи вряд проспала. Приказ новый, мол, вышел. Пропала наша головушка!» «Мучитель и есть!»

Из-под стола, где сидели *Григорий* и *Мисаил*, вылез на карачках мальчонка, незаметно проюркнул в толпе, тихонько жмется к *Мисаилу*, у дверей.

Мисаил (не перестает стонать, молить, беспорядочно охать. Заметив мальчишку, умолкает и тихо ему). Ты чего, постреленок! Уноси ноги, пока цел!

Митька (тоже тихо). Ништо, батька, я за вами. Небось не пропаду! А и важно он говорил? Лестница-то крутая-раскрутая...

Связанных уводят, среди движения и гула толпы.

VI

ПРИЕМ ПОСЛОВ

Престольная палата. Трубы и дворцовые колокола. Рынды входят и становятся у престола; потом бояре, потом страпчие, потом ближние бояре, потом сам царь *Борис* в полном облачении с державой и скипетром. За ним царевич *Феодор*¹⁵. Борис садится за престол. *Феодор* садится по его правую руку. Подходит *Воейков*¹⁶. Опускается на колени.

Воейков.

Великий царь. Враги твои разбиты.
Сибирь, покорная твоей державе,
Тебе навек всецело бьет челом.

Борис.

Благая весть. Встань, воевода тарский,
И цепь сию, в знак милости, прими.

Снимает с себя цепь и надевает на *Воейкова*.
Подходит *Салтыков*¹⁷.

Салтыков.

Царь государь. Послы и нунций папы
Ждут позволенья милости твоей
На царствие здоровать.

Борис.

Пусть войдут.

Трубный шум и литавры. Входят послы с папским нунцием *Рангони* во главе, предшествуемые стольниками. Подходят к престолу; стольники раздаются направо и налево.

Салтыков.

Рангони, нунций папы.

Рангони.

Великий царь всея земли московской.
Святой отец Климент тебе свое
Апостольское шлет благословенье
И здравствует на царстве. Если ж ты,
Как он, о царь, скорбишь о разделеньи
Родных церквей — он через нас готов
Войти с твоим священством в соглашенье.
Да прекратится распря прежних лет
И будет вновь единый пастырь стаду
Единому.

Борис.

Святейшего Климента
Благодарю. Мы чтим венчаных римских
Епископов и воздаем усердно
Им долг и честь. Но Господу Христу
Мы на земле наместника не знаем.

Когда святой отец ревнует к вере,
Да согласит владык он христианских
Идти обща́ на турецкого султана,
О вере братьев наших свободить,
То сблизит нас усердием единым
К единому кресту. О соединеньи ж
Родных церквей мы молимся все дни,
Когда святу́ю слышим литургию.

Рангони отходит.

Салтыков.

Посол литовский, канцлер Лев Сапега¹⁸.

Аппарат следует за *Рангони*, который пробирается сквозь пышную толпу.

В дальнем конце палаты *Шуйский* и *Воротынский* тихо беседуют.

Рангони становится так, что они его не замечают, но он все слышит.

Воротынский. Грамоты литовские читал? В Кракове все уж говорят, что сын попов убит, а не царевич. Жив де он, и объявится.

Шуйский. Брежут ляхи, кто им поверит? Да и нам до Литвы далече. Вот, кабы здесь, на Москве...

Воротынский. Ну, а кабы здесь, можно бы за дельце взяться, можно бы, а?

Шуйский. Что гадать впустую.

Воротынский. Не впустую. Сказывал наместнику крестовый дьяк Ефимьев: двух чернецов забрали в шинке. Один говорил: он де спасенный царевич Димитрий, и скоро объявится, будет царем на Москве.

Шуйский. Мало ли что люди с пьяных глаз по кабакам болтают.

Лицо *Рангони*. Он слушает сперва рассеянно, потом все с большим вниманием. При последних словах *Воротынского* он — весь слух.

Шуйский. Где они сидят?

Воротынский. В яме на патриаршем дворе.

Шуйский. Знает царь?

Воротынский. Нет... Слушай, Иваныч, хочешь. Велю их прислать? Чем черт не шутит?

Шуйский. Погоди, дай подумать. Так сразу нельзя. Да и не время сейчас об этом. Пойдем.

Хотят идти. К ним подходит *Рангони*.

Рангони. Простите, бояре. На два слова. (*Отводит их немного в сторону*). Пишут мне из Литвы, да и здесь говорят, будто жив царевич Димитрий. Станный слух, не правда ли?

Шуйский. Мы ничего не слыхали.

Рангони. А верно обрадовался бы царь, узнав, что царевич жив. (*Пристально смотрит на Шуйского*). Так знайте же, бояре, если слух тот верен и его Высочеству грозила бы опасность — мало ли, что может случиться. Святейший отец примет под свою защиту московских царей законного наследника. В этом вам моя порука. В Литве немало у нас монастырей, где он найдет приют и безопасность.

Шуйский и *Воротынский* стоят, не зная, что ответить.

Но, не дожидаясь их ответа, *Рангони* уходит.

Шуйский. Все подслушал иезуит проклятый. Пойдем скорее.

Воротынский. Как знать. Может, и к счастью.

Пробираются сквозь толпу, ближе к престолу. Аппарат следует за ними.

Видно, как *Борис* отпускает послов. Около престола *царица* и *царевна*¹⁹.

Борис (*сходя с престола*).

Царица и царевна, ты, Феодор,
Моих гостей идите угощать.
Вино и мед, чтобы лились реками.
Идите все — я следую за вами.

(*замечая Шуйского*).

С объезда ты заехал, князь Василий.
Что молвят? Все ль довольны?

Шуйский.

Кому ж не быть довольным, государь.
На перекрестках мед и брага льются,
Все войско ты осыпал серебром.
Кому ж не быть довольным. Только, царь,
Не знаю, как тебе и доложить.
На Балчуге двух смердов захватили,
Во кружечном дворе. Они тебя
Перед толпой негодными словами
Осмелились поносить.

Борис.

Что сделала толпа?

Шуйский.

Накинулась на них; чуть-чуть на ключья
Не разнесла; стрельцы едва отбили.

Борис.

Где ж эти люди?

Шуйский.

Вкинута пока
Обои в яму.

Борис.

Выпустить обоих.

Шуйский.

Помилуй, царь.

Борис.

Не трогать никого.
Не страхом я — любовью хочу
Держать людей. Прослыть боится слабым
Лишь тот, кто слаб; а я силен довольно,
Чтоб не бояться милостивым быть.
Вернитесь к народу, поведите
Прощенье всем — не только кто словами
Меня язвил, но кто виновен делом
Передо мной, хотя б он умышлял
На жизнь мою или мое здоровье.

*Шуйский, кланяясь, уходит. Воротынский за ним.
Борис остается один.*

Борис.

Надеждой сердце полнится мое,
Спокойное доверие и бодрость
Вошли в него. Разорвана отныне
С прошедшим связь. Пережита пора
Кромешной тьмы — сияет солнце снова —
И держит скиптр для правды и добра
Лишь царь Борис — нет боле Годунова.

*Шуйский и Воротынский спускаются по лестнице
из Грановитой Палаты.
Садятся на коней. Разъезжаются в разные стороны.*

VII

В БАНЕ У ШУЙСКОГО

Баня в усадьбе *Шуйского* в Москве.

Маленький, плюгавый старичок, дохлый, как мерзлый цыпленок. Сморщенный, как старый гриб, с острым носиком, с пронзительно-острыми глазками и жидкой козлиной бородкой, — князь *Василий Иванович Шуйский*. — только что отпарившись и накинув по голому телу легкую, травчатой тафты, распашонку, отдыхает в предбаннике. Сидя за столом, попивает из хрустальной, запотелой ендывы холодный, прямо со льда, малиновый мед и посасывает вставленный в перстень, целебный камень безоар, прозрачно-зеленый с золотыми искрами, словно кошачий глаз.

Вдруг открывается настежь двойная обитая наглухо войлоком дверь в баню. Клубом валит пар, и видно сквозь него, как два боярина, *Мстиславский* и *Репнин*, лежа на полках, парятся. *Банщики*, два калмыка с плоскими рожамы, льют воду из шаек на раскаленную каменку. Вода шипит, пар клубится белым облаком, и парящиеся в нем возлежат, как блаженные боги. *Банщики* мочат березовые веники в мятном квасу и хлещут ими по голым телам. Облако порой сгущается так, что ничего не видно; слышно только хлопанье, шлепанье, а порой сквозь редящийся пар мелькают голые тела.

Длинный, сухощавый, жилистый, с рыжей бородой и рыжими по веснушчатому телу волосами, *Репнин*, корчась от наслаждения караморой, повелительно-грозно покрикивает:

— Пару-то, пару поддай! Лей не жалей! Что стали, черти? Убью!

Жирный, мягкий, белый, как баба, Мстиславский, молит жалобно:

— Батюшки, светики, отцы родные, век не забуду, детушки, озолочу! Веничка-то, веничка свежего! Жги, жги, хлещи, — вот так, вот так, вот тут еще! Любо, любо, ох-ох-хошеньки! — воркует он голубем, хрюкает боровом, и все его мягкое, белое тело трясется, ходит ходуном, как студень.

Третий боярин, *Воротынский*, тоже дородный, но в меру, статный, еще не старый, с черной густой бородой и с умными живыми глазами, выскочив из бани, весь красный, как рак, голый, только полотенцем опоясанный, другим — вытирает с лица градом катящий пот.

Воротынский. Лихи наши бояре париться! Видно, об заклад побились, кто кого перепарит. Молодцы! А я не стерпел (*выпив ковш меда, отдуваясь и хлопая себя ладонью по животу*), уф, давненько я не паривался так. Ну спасибо, князенька, уважил. Славная у тебя банька, царская!

Шуйский (продолжая сосать). Да, ничего себе банька, живет!

Воротынский (повалившись на низкую, широкую с персидскими коврами и пуховыми подушками, скамью). Эх, жаль, не зима, вот бы когда на снежку поваляться! (Закрыв глаза, как в блаженном видении). Прыг с полки, да, благослови Господи, в сугроб; покатался, повалялся, и опять в пар — жги, поддавай, да веничком березовым, с мятою, свежий дух, что в лесу, — рай! Да эдак разов пять... Эх, люблю. Так тебя всего разберет, такая истоста польется по всем жилкам — суставчикам, что молочко польется теплое, унежит, истомит, — и бабы на постель не надо!

Шуйский. Что бабы? С ними только грех, души погибель вечная, а банька дело святое. По писанию: «Омойтесь банею водною во глаголе»²⁰.

Воротынский (открывая глаза). А ты все, Иваныч, сосешь?

Шуйский. Сосу, батюшка, сосу!

Воротынский. Камень безоар?

Шуйский. Он самый.

Воротынский. От яда пользует?

Шуйский. От яда и от всякого недуга чревного. Царь Иван — упокой Господи душеньку его — с собственной ручки пожаловал, папа римский ему с дарами прислал, а папе — царь эфиопский. Камень тот у птицы Строфил²¹ во чреве живет, и бегаёт та птица по великим пескам так борзо, что на коне едва угонишь. Камешком тем от многих ядов царь Иван отсосался.

Воротынский. И ты яду боишься?

Шуйский. Знаешь сам, сколько у Шуйских приятелей. Неровен час, и подсыплют.

Воротынский. Кушать на Верху²² опять изволил?

Шуйский. Как быть? Ласков ко мне царь, все столом жалуёт. А стрепня-то на Верху жирная. Подали вчера оладушек инбирных в меду. А царь все потчует: «Ешь, Иваныч, ешь, не обессудь!» Ну, от царской хлеба-соли не откажешься. С этих-то самых оладушек, чай, все меня и мутит, изжога да резь. Банька, думал, поможет, — нет, не легче. Вот и отсасываюсь.

Воротынский встает, подходит к *Шуйскому*, присаживается и говорит ему на ухо.

Воротынский. Ой, берегись, князенька, так тебя Татарин²³ употчует, что и ноги протянешь.

Шуйский (указывая глазами на дверь). Ш-ш-ш...

Воротынский. Э, полно, Иваныч, баншики твои, рожки калмыцкие, только и знают, что «пар» да «веник». А те двое бояр, небось, люди надежные. Да и сам ты в баньке любишь советовать: в пару-де, что на духу, все нагишом, как перед Богом!

Шуйский. Так-то так, да и бревна в стенах слышат...

Воротынский (подойдя к двери, прислушавшись и приворив ее плотнее). Им не до нас. Ишь, хлюпают, сердечные! Как бы не запарились до смерти. *(Вернувшись на прежнее место).* Слушай, Василий Иванович. Знает царь Борис: как род Иоаннов пресекался, не Годуновы, Малютина челядь, Ордынские выскочки, а вы, Шуйские — благоверных царей наследники, понеже Рюрика святая кровь в жилах ваших течет. Рано ли, поздно ли, а быть царем на Москве Василию Шуйскому! Вот он к тебе и ластится, змей. Спит и видит, как бы тебя извести. Да поздненько хватился: сам-то словно крыса отравленная ходит. Имя царевича Дмитрия услышит — так и вскинется весь, потемнеет в лице, глаза куда девать, не знает. Вот я на него, пуще всякого зелья!

Шуйский (задумчиво). Нет, крепок, ништо ему, отдышится!

Воротынский. Крепко яблочко, пока червяк внутри не завелся. Коли имени одного боится, что будет, как явится сам?

Шуйский. Мертвые из гроба не встают...

Воротынский. В судный день встанут и мертвые! А Борисов день близок. Грамоты Литовские читал? В Кракове все уж говорят, что сын попов убит в Угличе, а не царевич, жив де он и объявится.

Шуйский. Брешут ляхи, кто им поверит? Да и нам до Литвы далече. Вот кабы здесь, на Москве...

Воротынский. Ну, а кабы здесь, можно бы за дельце взяться, можно бы, а?

Шуйский. Что гадать впустую...

Воротынский. Не впустую. Сказывал намедни крестовый дьяк Ефимьев: двух чернецов забрали в шинке; один говорил: он-де спасенный царевич Димитрий, и скоро объявится, будет царем на Москве.

Шуйский. Мало ли, что люди с пьяных глаз по кабакам болтают. Вырвут им языки, плетью отдерут, и дело с концом.

Воротынский. Воля твоя, Иваныч, только смотри, может, счастья Бог тебе посылает, а ты брезгаешь...

Шуйский. Коли от дураков счастье?

Воротынский. Эх, батюшка, Русь-то вся на дураках стоит! Ну, один-то чернец и впрямь дурак, забулдыга, пьянчужка, а другой — паренек вострый, и жития постного, от роду вина в рот не брал, да видно бес попутал. От него польза может быть.

Шуйский. Ты-то сам их видел?

Воротынский. Нет, Ефимьев сказывал.

Шуйский. Знает царь?

Воротынский. Не знает, еще и не пытали, как следует. Слушай-ка, Иваныч, хочешь, велю их прислать? Чем черт не шутит? Ну-ка, пощупай!

Шуйский, глубоко задумавшись, наливает ковш меда, медленно подносит ко рту и, не выпив, ставит обратно на стол.

Воротынский. Ну, так как же, отец, прислать?

Шуйский. Пришли, пожалуй. Ин быть по-твоему: чем черт не шутит!

Воротынский (встает, наклоняется и благоговейно, как святую икону, целует *Шуйского* в лысину). Премудрость! (Указав на флягу). Это что?

Шуйский. Клубничная.

Воротынский (налив две чарки и подавая одну *Шуйскому*). Ну-ка, батюшка, выкушай, полно камень сосать! (Крестится). Благослови, Господи! За здравие и благоденственное житие царя Василия Ивановича *Шуйского*! (Выпив чарку до дна одним духом и грозя кулаком). А ты, Борис Федорович, коли этого зелья хлебнешь, никаким безоаром не отсосешься!

Дверь в баню открывается, и оттуда выскакивают, голые, красные, как ошпаренные, *Мстиславский* и *Репнин*. Клубом валит пар, сгущается в белое облако, и мелькают в нем золотые маковки церквей, зубчатые стены Кремля, терема, хоромы.

VIII

ДОПРОС

Утренний луч солнца, сквозь круглые, в свинцовом переплете, грани оконной слюды, попадает на обитую голландской кожей стену, захватывая лысину *Шуйского*. Он сидит за столом, что-то пишет.

В дверь постучали. Вошел дьяк *Ефимьев*, поклонился в пояс.

— По твоему, боярин, приказу, двух с Патриаршего двора колодников привели.

— Ладно, веди их сюда, — сказал *Шуйский*, не отрываясь от письма.

— Обоих?

— Нет, одного, молодого.

Два стрельца с обнаженными саблями ввели *Григория*. Руки у него были связаны, на ногах кандалы.

По знаку *Шуйского* кандалы сняли, развязали и руки. Стрельцам было велено выйти. *Шуйский* подошел к двери, запер ее поплотнее и вернулся на прежнее место. Несколько времени они молча смотрели друг на друга, — *Григорий* — на пороге, *Шуйский* за столом.

— Подойди.

Григорий сделал два-три шага, остановился.

- Ближе, ближе. Кто ты таков?
- Чудовской обители инок Григорий.
- Роду какого?
- Галицких детей боярских Смирных-Отрепьевых.
- Живы отец-мать?
- Померли²⁴.
- Есть родня?
- Был дядя, тоже помер²⁵.
- Значит, сирота?
- Кроме Бога, никого.
- Зачем в монахи пошел?
- Душу спасать.

Помолчали, *Шуйский* заговорил.

— Слушай, Григорий, мне тебя жаль. Чудовский о. игумен пишет, что был-де ты всегда жития доброго, что ж это тебе поприitchилось? Как тебе в ум вступило, будто ты — царь на Москве?

— Сам не знаю, — глухо проговорил *Григорий*. — Морок бесовский. Чай и от вина. Отродясь не пил. А как первую чарку выпил, ума иступил, что говорил — не помню.

Шуйский поглядел на него ласково, покачал головой.

— Ну-ка, вспомни... Было тебе какое виденье?.. Эх, дурачок! Аль не видишь, что я тебе добра желаю? Может, и вызволю. Только все говори, запрешься — прямо отсюда в застенки. Там тебе язык-то сразу не вырвут, а сначала плетью, да каленым железом развяжут. Так уж лучше добром. Ну-ка, сказывай, было виденье?

— Было, — вымолвил *Григорий*.

— Какое?

— Лестница, будто крутая... и я по ней всхожу. Все выше, да выше, а внизу Москва... народ на площади... Я как сорвался, да полетел — и проснулся.

— А лестница куда?

- На... на башню.
- Ой ли? Не на престол ли царский?
- Да, будто и на престол.
- А на нем ты?
- Я.

Опять молчание.

— А что царевич Димитрий, может, жив, — начал *Шуйский*, — что другого младенца зарезали, — слышал о том?

- Слышал.
- И верил?
- Коли верил, коли нет.
- А теперь?

Григорий бегло, исподлобья взглянул на *Шуйского*.
Проговорил медленно:

- Теперь как скажешь, так и поверю.
- Ишь какой прыткий, — засмеялся боярин. — Хочешь на меня взвалить? А, может, и я... коли верю, коли нет...

Впился в него долгим взором. Молчал. Такая тишина в покое, что слышно было, как муха жужжит, бьется на оконной слюде.

Шуйский поднялся. Подошел к *Григорию*, взял его за руку, подвел к окну. Лицом к самому свету повернул, вглядывался, даже рукой по волосам провел, и зашептал тихо, будто про себя: «Жесткие, курчавые, рыжие, с подрусиной, очи голубые, в прозелень, да чуть-чуть с косиной, и на щеке бородавка, точка в точку. Что за диво! Ну-т-ка, ворот раскрой маленько!»

Григорий отшатнулся, прижал руку к вороту, но *Шуйский* отвел руку, откинул ворот и ахнул.

- Родинка! Родинка! На том самом месте, как раз! Что ты, что ты на меня так смотришь? Что дрожишь?..

Григорий и впрямь дрожал.

Шуйский, отступив на шаг, не сводил с него взора.

- Кто ты таков?.. Кто ты таков? Откуда взялся? Али и впрямь...

Снова подошел ближе, совсем близко, лицом к лицу, руки на плечи положил и чуть слышным шепотом: «Димитрий Иванович, Димитрий Иванович, — ты?»

Григорий, с широко открытыми глазами, сделал шаг назад, пошатнулся, хотел схватиться за стол, но вдруг, с тихим стоном, опустился на пол без чувств. *Шуйский* поглядел на него с брезгливой усмешкой: «Эх, баба! Ну куда такому в цари?»

Пошел, однако, к поставцу, налил из кувшина квасу в ковш. Отхлебнув, стал прыскать в лицо *Григорию*, мочить виски. *Григорий* открыл глаза.

— Пей, пей, — поднес ему *Шуйский* ковш ко рту, приподнимая голову. — Да чтой-то опять с тобой содеялось? Часто ли так? Уж не падучая ли, оборони Боже, как у... того? Ножичком-то, слышь, играючи, младенец в падучей зарезался...

Григорий сидел теперь на полу и, закрыв руками лицо, всхлипывая, повторял: «Ох, не могу... Не мучай меня, Христа ради, отпусти... Лучше в застенок, каленым железом, чем так...»

— Что ты, что ты, сынок... — хлопотал вокруг него *Шуйский*. — Все ладно, отпущу сейчас. Ну-ка встань, дай помогу, вот так. Отдохни.

Он хотел, было, усадить его, но *Григорий*, совсем очнувшись, провел рукой по лицу и проговорил твердо:

— Ты прости, боярин. Я, кажись...

— Ништо, ништо, родной, — прервал *Шуйский*. — Все ладно, отпущу сейчас, только вот допишу...

Быстро дописал письмо, запечатал.

— Грамотку отдай отцу игумену. Небось, никто тебя не тронет. Три денька поживи в обители, а я погадаю, подумаю: может, совсем отпущу, а, может, опять позову...

Вдруг сдвинул брови и другим, изменившимся голосом, строго приказал:

— Только смотри у меня, смирно сиди, ни шагу никуда из кельи, три дня! Слышишь? Понял?

— Понял.

Шуйский подошел к двери и кликнул *Ефимьева*.

— Инок честного Григория в Чудов отвези и сдай отцу игумену с рук на руки. Инок сей честной неповинен ни в чем, злые люди поклеп на него взвели. Смотри же, чтоб

никто ему обиды не чинил. Ты мне за него головой отвечаешь.

— Слушаю. А с другим как же?

Шуйский немного подумал.

— И того отпусти, — решил он. — Ну, ступайте с Богом.

Григорий, поклонившись боярину в землю, собирался выйти, когда тот остановил его.

— Стой, погоди.

Отвел *Григория* в сторону, обнял, поцеловал в голову, перекрестил: «Храни тебя Господь!» А на ухо, шепотом, прибавил:

— Верись, что Богу все возможно?

— Верю, — прошептал и *Григорий*.

— То-то, верь. Как знать, сон-то, может, и в руку. Чем черт не шутит. Ну, с Богом, ступай, Гришенька-Митенька...

IX

БЕГСТВО ИЗ МОНАСТЫРЯ

Келья в Чудовом монастыре.

Спят: *Григорий* на подмощенных досках, *Мисаил* на постелюшке, на полу. *Мисаил* громко храпит. В окошечке чуть брезжит первый рассвет.

Григорий вдруг вскидывается, садится на постели, прислушивается. Тишина, только иногда далекие сторожевые крики. *Григорий* ложится опять, но тотчас совсем вскакивает, откидывает изголовье.

Вся сцена идет громким и чрезвычайно быстрым темпом.

Григорий. Отец Мисаил! Отец Мисаил!

Так как *Мисаил* не просыпается, он толкает его в бок.

Мисаил. Чего? Чего? Святители, угодники! Ни в чем я неповинен!

Григорий. Да проснись, отец, я это! Кто в келью входил, ты видел?

Мисаил (протирая глаза). Свят, свят, свят! Никого не было. Кому в обители быть?

Григорий. А узел-то у меня под головой откуда взялся? Ты, что ли, положил?

Мисаил. Какой узел? Царица Небесная, и то узел! А в узле-то что?

Григорий. А я почему знаю? Подкинута что-то.

Мисаил. Ты погляди. Мне чего страшиться, не мне подкинута.

Григорий (с опаской развязывая узел). Платье мирское... кафтан... Отец Мисаил, мешок. А в мешке-то казна!

Мисаил (машет руками). Зачурай, зачурай! Искушение велие! Нечистая сила это строит под тебя! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его. Перекрестил мешок? Ну, что? Что оно? Угольками, небось, скинулось? Али чем похуже?

Григорий. Нет, деньга звенит. Золотые. Да постой, тут еще грамота.

Подходит к окошечку, где уже стало чуть светлее, и читает, наклонясь, про себя, пока *Мисаил*, торопливо шепча молитвы и крестясь, осматривает и трясет мешок.

Григорий (читает тихо). «Наказ... Царевичу Димитрию... уходить тайно в Литву...» «а там будут ему в помощь верные люди... а с уходом сим чтобы не медлить...» (*Останавливается*). Вот оно что.

Мисаил. Да говори, сказано-то как в грамоте?

Григорий. Никак это... уходить мне. А то плохо будет.

Мисаил. Мать Пресвятая Богородица. Утекли мы единойды от злодеев, так опять они на нас, яко львы. Уходить так уходить, я готов, не сборы собирать, нагрянут еще нечестивые.

Григорий (быстро что-то собираясь, пряча в мешок). А ты-то куда? Про тебя ничего не сказано.

Мисаил (тоже что-то собирает). Как куда? А я и не думаю, куда ты, туда и я. Вместе были в узилище кинуты, и чудесному избавлению вместе подверглись, так теперь, как ты с казной утечешь, мне что одному оставаться, ответ держать? Я уж с тобой, брат Григорий, туда ли, сюда ли, только вон из блата сего смрадного, от ищущих поглотити ны.

Григорий (уже совсем готов). Ну ин тащись, отче, да поторапливайся, уйдем, пока братия не поднялась. Уж свет, к заутрени, гляди, ударят.

Мисаил. Мы тишком, молчком, по стеночке. Как мухи пролетим. Мальчонка бы до ворот не привязался, востроглазый, Митька этот. Как смола прилип, где не можно — вокруг околачивается, теперь чуть и в обители-то прививает.

Григорий. Что ж, он не помеха. К пути же привычный.

Мисаил. Я и говорю. Да и грех младенца отгонять. Шустрый такой, поможливый. Иди, Григорий, смотри, дверь

бы не скрипнула. Ну, Господи благослови. Заступница Казанская, Пресвятая Матерь Божия и все святые угодники...

Тихо выходят.

В светлеющих заревых сумерках, крадутся по монастырским переходам. Вот они в ограде. Кое-где уже ударили дальние колокола. Когда *чернецы* подходят к воротам, ударяет, густо, и Чудовский колокол к заутрени. Тут откуда-то выкатывается взъерошенный *Митька*. Деловито, знаками, показывает, что калитка в воротах отомкнута. Привратник отлучился, на одну минутку: надо спешить. Оглядываясь, путники пробираются к воротам и благополучно выскальзывают за калитку, все трое: *Митька*, конечно, не отстал, да и не отстанет.

Москва гудит колокольным звоном.

Х

КОРЧМА

Корчма на Литовской Границе. *Григорий* мирянином.
Мисаил в виде бродяги-чернеца. *Хозяйка* подает на стол.

Григорий (хозяйке). Это куда дорога?

Хозяйка. В Литву, кормилец, к Луевым горам.

Григорий. А далече до Луевых гор?

Хозяйка. Недалече, к вечеру бы можно туда поспеть, кабы не заставы царские, да сторожевые пристава.

Григорий. Как заставы?

Хозяйка. Да бежал кто-то из Москвы, Господь его ведает, вор ли, разбойник, только всех велено задерживать да осматривать. А что им из того будет. Будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога. Вот хоть отсюда свороти влево, да бором до часовни, а там уж тебе и Луевы горы. (*Смотрит в окно*). Вон, кажись, скачут. Ах, проклятые.

Григорий. Хозяйка, нет ли в избе другого угла?

Хозяйка. Нету, родимый, рада бы сама спрятаться...

Мисаил вдруг беспокойно и спешно спохватился, запахивает подрясник, стягивает пояс на животе, озирается по сторонам и лезет тщетно на полаты, но срывается; замечает вдруг большую кадку за дверьми, переваливается животом и скрывается за ней. *Григорий* молча сидит у окна.

Входят пристава.

Пристав. Здорово, хозяйка.

Хозяйка. Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

Пристав. Э, да тут угошение идет. (*Григорию*). Ты что за человек?

Григорий. Из пригорода; в ближнем селе был, теперь иду восвосяси.

Пристав. Хозяйка, выставь-ка еще вина. Мы здесь по-пьем, да побеседуем.

Садятся за стол. *Хозяйка* приносит вино. Пьют.
Один из приставов важно осматривает *Григория*.

1 Пристав (другому). Алеха, при тебе ли царский указ?

2 Пристав. При мне.

1 Пристав. Подай сюда.

Григорий. Какой указ?

1 Пристав. А такой: из Москвы бежал некоторый злой еретик. Слышал ты это?

Григорий. Не слышал.

Пристав. Не слышал? Ладно. Приказал царь всех прохожих осматривать, чтоб того беглого еретика изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Григорий. Не знаю.

Пристав. Умеешь читать?

Григорий. Умею.

Пристав. Ну так вот тебе царский указ.

Григорий. На что мне его?

Пристав. А читай, коли умеешь. Вслух читай.

Григорий (читает). «Чудова монастыря недостойный чернец Григорий впал в ересь и дерзнул, наученный дьяволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам сказалось: отбежал он, окаянный Гришка, к Литовской границе...»

Пристав. Ну вот.

Григорий (продолжает). «А лет ему, вору Гришке, от роду... (*останавливается*) за 50, а росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое».

Пристав. Стой, стой. Что-то нам не так было сказано.

2 Пристав. Да помнится, сказано было лет ему 20. А волосы рыжие, глаза голубые...

1 Пристав. А ты, что же читаешь нам? Забава тебе, что ли? Лоб плешивый, борода седая? (*Шепчет про себя*). Волос рыжий, глаза голубые... (*всматривается в Григория*). Да это, друг, уж не ты ли?

Григорий вдруг выхватывает из-за пазухи кинжал.
Пристава отступают, он бросается в окно.

Пристав. Держи. Держи.

Оба бегут к двери. Распахнув дверь, опрокидывают кадку.
Оттуда вываливается белая громадная туша.

Туша (истощным голосом). Да воскреснет Бог и расточатся врази его. Да бегут от лица Его все ненавидящие Его...

Пристава (сначала остолбеневшие, беспорядочно кричат, набросившись на Мисаила, который валяется на полу). «Да вот он, еретик-то». «Гришка!» «Да кто ты, прах тебя возьми?» «Да тот-то где, Гришка-то?»

Один *пристав* выбежал за дверь, кричит оттуда: «Алеха! Алеха! Сюды иди, лови энтого. Брось ты черта седого».

Оставленный *Мисаил* подымается с полу. Кидается с размаху в окно. Не может пролезть, ругается. *Хозяйка* сзади помогает. Наконец его просовывает. Слышно, как он шлепнулся за окном, оханье, потом бегущие шаги. Некоторое время в избе только плачущая и крестящаяся хозяйка. Потом опять вбегают *пристава*. Накидываются на *хозяйку*. Кричат наперерыв: «Как провалился. Да и коней, коней нет, коней увел. А этот-то где? Гришка-то? Да какой он Гришка? А чего он в муку залез, коль не Гришка? Ты куда монаха-то дела?» и т. д., и т. д.

Хозяйка на все отвечает плача, что знать ничего не знает и ведать не ведает.

Пристава набрасываются друг на друга в полной растерянности.

В это время по лесной дороге скачет *Григорий*.

Он далеко впереди. На втором коне — *Мисаил*, распластавшись, держась за гриву, весь еще в муке. *Григорий* скачет. Мелькнула часовня на Чеканском ручье. Дальше. Все на некотором расстоянии несутся кони. Наконец они почти вместе.

А вот и Луевы горы. Литва.

XI

ПИСЬМО НУНЦИЯ

Палата с низкими сводами, с византийской росписью по стенам. Но на этой росписи, на главной стене, — большое католическое Распятие черного дерева с Христом из слоновой кости. Стол под ним покрыт темно-фиолетовым бархатом; на нем высокие католические светильники, священные сосуды, чаши, дароносицы, остезории и т. д. вокруг служки в белых кружевных накидках с серебряными колокольчиками в руках.

Отец *Игнатий*, секретарь *Рангони*, читает молитвенник.

Входит *Рангони*, преклоняется перед Распятием, творит молитвы. Слышна органная музыка и тихое пение.

Окончив молитвы, *Рангони* подымается. Жестом отсылает служек.

Рангони (о. Игнатию). Я должен продиктовать вам важное письмо кардиналу Боргезе.

О. *Игнатий* садится и готовится писать.

Рангони (диктует). Прошу, ваше преподобие, доложить Святейшему отцу о свидании моем с царем Борисом. Я передал поздравления Его святейшества, а также пожелания его о соединении церквей. Но на сие последнее царь Борис, подобно всем упорным и невежественным схизматикам московским, отвечивал мне лукаво и уклончиво. Я имею, однако, другие, лучшие вести. Сын царя Иоанна, прямой наследник московского престола, царевич Димитрий, почитавшийся убитым, Божьим чудом спасен. Ныне, при нашем содействии, он имеет быть отправлен, до времени, в Литву. Мы уповаем, что Святейший отец примет его под свое высокое покровительство, о чем известит и короля Сигизмунда²⁶ польского, верного сына святой нашей церкви. Сей воскресший Димитрий, воссев на престол своих предков, будет нам великой помощью во святом деле возвращения московских схизматиков в лоно единой апостольской Римской церкви. Аминь.

Берет письмо у о. *Игнатия*, прочитывает его, подписывает и запечатывает своей печатью. Затем снова склоняется перед Распятием. Слышны те же звуки органа, медленно затихающие.

ХII

БАЛ У МНИШЕК

Замок Сандомирского воеводы, *Юрия Мнишек*²⁷, в Самборе. Ряд освещенных зал. Бальная музыка. Пары танцующих кавалеров и дам.

О. *Мисаил* с подстриженными волосами и бородой, в слишком для него узком, арамантового бархата, польском жупане, в желто-шафранных, атласных штанах в обтяжку, стоя у поставца с винами и попивая венгерское, смотрит на танцующих.

Митька, выросший, тонкий, как тростинка, в шелковом белом, на розовой подкладке доломане с серебряным шитьем и собольей опушкой, в белой лебяжьего пуха шапочке с изумрудным пером и двумя по бокам белыми крылышками, похожий на амура, подходит к о. *Мисаилу*.

Митька (вглядываясь). Батяка, ты?

Мисаил. Я-то батяка, а ты кто?

Митька. Митьку не узнал?

Мисаил (кидаясь ему на шею). Митенька, светик мой, родимый! Вырос-то как, молодцом каким стал, карсавчиком! А я-то думал, пропал малец. Где же тебя Бог носил?

Митька. В Львове, у ксендзов, учился.

Мисаил. Давно ли здесь?

Митька. С панночкой вчера из Кракова.

Мисаил. Хлопцем у нее, что ль?

Митька. Нет, пажом. Лыцарское звание шляхетское!

Мисаил. Ну, пошли тебе Бог. Кабы только у ксендзов не облатынили. Держи ухо восторо, сынок, крепко за веру стой!

Митька (лукаво). А ты, отче, рясу-то скинул?

Мисаил. Скинул, батюшка, скинул, ох, согрешил окаянный! Ну, на Москву вернусь, отмою, и паки шмыг под шлык. Ряса, что кожа, — небось не сдерешь. Нам без ряски нельзя. Мне и Гришенька... тьфу! Великий государь наш, Димитрий Иванович, архиерейский клобук обещал, а то, гляди, и в патриархи выскочу. (Указывая на бывшего инок Григория, нынешнего царевича Димитрия, идущего в паре с дочерью князя Мнишек, Мариною²⁸). Вишь, сколь-то наш как откалывает, пес его заешь! Ну, да и та, чертова девка, умеет плясать. Аж и меня разбирает — так бы и пустился в пляс! Это какой же по-ихнему будет?

Митька. Краковяк.

Мисаил. Лихо, лихо, жги! (Подплясывая и притоптывая):

Коль со щукой ходит рак,

Так и смяк, так и смяк,

Раскоряк — Краковяк!

(Вдруг остановившись). Чтой-то у меня как будто сзади треснуло? Глянь-ка, сынок, не на спине ли шов?

Митька. Нет, пониже.

Мисаил. Ну-у? И видать?

Митька. Видать..

Мисаил. Ох, искушенье! Говорил я шведу: «Узко-де шьешь, подлец, распорется». Митенька, батюшка, стань-ка сзади, притулись как-нибудь, епанечкой прикрой, а то срам, засмеют нехристи: «Вот, скажут, архиерей с дырой!»

Митька. Стать-то недолго, отец, да не все же стоять, как пришитому!

Мисаил. А мы пойдем, потихонечку, да и проберемся как-нибудь в девичью, там меня живо девки заштопают!

Митька с Мисаилом уходят.

Музыка играет мазурку.

Трое панов, глядя на танцующих, беседуют.

Пан Станислав (указывая на Марину с Димитрием). Нашей-то панночке вон как не терпится: крунку алмазную да горностаеву мантийку вздела, — поскорей бы в царицы московские!

Пан Иордан. А молодец-то пляшет недурно, вон каблучками как притоптывает, по-нашему, ясновельможному! Где научили так скоро?

*Ян Замоийский*²⁹. Пять лет не скоро, а где — у наших же святых отцов: доки не все Богу молиться, черту плясать!

П. [ан] Ст. [анислав]. Воля ваша, паны, а я все гляжу на него, да в толк не возьму, кто он такой? Шутка сказать, сам папа признал. Может и вправду царевич. Вон все говорят, вместо него другого младенца зарезали.

Я. [н] Зам. [ойский]. Кто говорит? Москали набрехали, а мы и уши развесили. Что за плавтова комедия, помилуйте, велено было царевича убить, а убили куренка!³⁰

П. [ан] Ст. [анислав]. Да этот-то, этот кто же? Оборотень, что ли, тень, туман с болота? Ну-ка, подойди, пощупай, — сквозь рука не пройдет. Кто же он такой?

Я. [н] Зам. [ойский]. А черт его знает! Беглый монах, хлоп Вишневецких³¹, жид некрещеный, аль сам бес во плоти. Лучше знают про то отцы-иезуиты, — их стряпня, их и спрашивай!

П. [ан] Иорд. [ан]. А я, панове, так полагаю, не в обиду будь сказано вашей милости. Кто он такой, нам горя мало. Сколько было примеров, что Бог возвышал и подлого звания людей: царь Саул³² и царь Давид³³ тоже не белая кость. Так и этот, кто бы ни был, есть Божие орудие. Будет нам польза и слава не малая, как посадим его на московский престол: тут-то и запляшут москали под нашу дудку!

Я. [н] Зам. [ойский]. Кто под чью дудку запляшет, пану Богу известно; войну затевать из-за вора, лить за плута польскую кровь, черта делать оружием Божиим, — всему честному шляхетству позор!

Мисаил, заштопав штаны, появляется снова. *Митька* — с ним.

П. [ан] Ст. [анислав] (указывая на них). А вон и Силен³⁴ краснорожий, Дон-Кихота Московского Санчо-Панса верный, а тот, за ним, Купидончик сахарный, Маруськин паж, — тоже по имени Димитрий!

П. [ан] Иорд. [ан]. Как, еще один? Димитрий второй?

П. [ан] Ст. [анислав]. Второй или третий, смотря по тому, кто настоящий первый.

П. [ан] Иорд. [ан]. Иезус Мария, сколько же их всех?

П. [ан] Зам. [ойский]. Сколько теста хватит: мы нынче царьков, как московская баба — блины, печем!

Димитрий, после мазурки, усаживает *Марину*.

Марина (обмахиваясь веером). Ух, закружили, с вами беда! А кто пана мазурку учил?

Димитрий. О. Алоизий.

Марина. А фехтовать?

Димитрий. Он же.

Марина. А вирши писать?

Димитрий. О. Игнатий.

Марина. Видно, святые отцы не забыли шляхетного звания. Ну, да и пан, должно быть, ученик прилежный.

Димитрий. Пани Марина, я давно хотел вам сказать...

Марина (перебивая). Завтра в поход?

Димитрий. Нет, не завтра.

Марина. Когда же?

Димитрий. Это знаете вы.

Марина. Я? благодарю за честь. Рыцарь в бой спешит, а дама не пускает: «Не уходи, коханный, побудь со мной!» Так, что ли?

Димитрий. Нет. Не так.

Марина. А как же?

Димитрий. Ты знаешь, Марина, я не могу расстаться с тобою, быть может, навеки, не сказав тебе всего, что у меня на сердце...

Марина. Ну, что ж, говорите, я слушаю.

Димитрий. Здесь, на балу? Нет, ты мне обещала...

Марина. Завтра вечером в одиннадцать, в липовой аллее, у фонтана.

Быстро встает и уходит. *Димитрий* сидит, задумавшись.

О. Игнатий (подойдя к нему сзади на цыпочках и наклоняясь к уху его). Как наши дела, сын мой? (*Присаживаясь*). Ждем короля с минуты на минуту. Помнишь ли все, что я тебе говорил: вольный пропуск ксендзов на Москву, строение костелов, права Иисусова братства и корень, корень всего, не забудь воссоединение церквей, под верховным главенством Рима... А вот и монсиньор.

Папский нунций, *Рангони*, в кардинальской фиолетовой шапке и мантии, появляется в дверях.

О. И. [Игнатий]. Ну, помоги тебе Господь и матка Ченстоховска, ступай, сын мой, ступай с Богом!

Димитрий (встает и, усмехаясь, тихо про себя). Точно как тогда у Шуйского: «С Богом ступай», и «Чем черт не шутит!»

Подходит к нунцию и преклоняет колена. Тот благословляет его. Слышатся трубы, сначала далеко, потому все ближе и ближе. Бальная музыка стихает, пары перестают кружиться.

Все (кидаясь к темным окнам с краснеющим заревом факелов). Король! Король!

Двери на парадную лестницу открываются настежь. Хозяин дома, князь *Мнишек*, с ближними панами и шляхтою, идет навстречу королю. Слуги стелят к дверям дорожку алого бархата, дамы

усыпают ее зелеными лаврами и белыми розами. Польские гусары, гайдуки, алебардщики строятся в два ряда по лестнице.

Трубы трубят, музыка играет триумфальный марш. Входит король *Сигизмунд*. *Нунций*, взяв *Димитрия* за руку, подводит его к королю. *Димитрий* преклоняет колено.

Нунций. Ваше Величество, я счастлив представить вам, с благословения Святейшего Отца, законного Московских государей наследника, чудом от руки злодеев спасенного, царевича *Димитрия*, сына *Иоаннова*!

Сигизмунд (*подняв Димитрия, обнимая его и целуя*). Счастливы и мы, брат наш возлюбленный, принять тебя под сень державы нашей! Бог да поможет тебе вступить на прародительский престол.

Марина (*подавая королю, на золотом подносе, кубок*). Меду нашего Самборского отведай, пан круль!

Сигизмунд (*поцеловав Марину в голову, взяв кубок и поднимая его*). Здравие великого государя Московского, *Димитрия*, сына *Иоаннова*! (*Выпив кубок до половины, передает его Димитрию*). Пей и ты, брат наш. Вместе да будут наши сердца, как вместе мы пьем тот кубок!

Димитрий (*подымая кубок*). Здравие короля *Сигизмунда*! Братских народов Литвы и Руси вечный союз!

Все (*махая платками и кидая шапки вверх*). Виват! Виват! Виват!

Мисаил (*громче всех, таким оглушительным ревом, каким в Московских церквах режут протодиаконы*). Благоверному, великому государю нашему, *Димитрию Ивановичу* — многая лета!

ХІІІ

У ФОНТАНА

Ночь. Круглая, большая луна над садом в осеннем уборе. Тихо, без шелеста, падают иногда листья с вековых деревьев на площадку, где белеет фонтан. Очень светло, как всегда в луну. Ночь осенью. Фонтан журчит, брызги разноцветно переливаются в лунных лучах.

Входит *Димитрий*. Оглядывается, прислушивается. Потом садится на широкую каменную скамью против фонтана. Опять прислушивается. Но все тихо, только журчит фонтан. *Димитрий* замечает на скамье забытую лютню. Берет ее, задумчиво перебирает струны.

Начинает напевать:

Наш святой Себастьян...
 Сколько стрел, сколько ран,
 Как земля под ним кровава...
 Но и в муках Себастьян
 Горним светом осиян,
 Слава!
 Палачи ему грозят,
 Стрелы лютые разят,
 Искушают палачи:
 «Себастьян, не молчи,
 Себастьян, открой уста,
 Отрекися от Христа!»
 Но в очах небесный свет
 И на все один ответ,
 «Отрекаешься ли?» «Нет!»
 Слава!

Марина в это время выходит из-за деревьев. *Димитрий* ее не видит. Неслышно она подходит ближе. На плечах ее накинута соболья шубка, на голове белая вуаль. Подходит ближе. *Димитрий* вскакивает и бросается к ней. Берет ее за руки.

Димитрий. Марина, ты! Наконец-то! Как ждал я! Уж думал, не придешь...

Марина. А хорошая песенка, царевич? Моя любимая. Только ты не кончил. Аль забыл?

Берет у него из рук лютню, садится на скамью и доканчивает песню.

Панни, панночка моя,
 Себастьян — это я!
 От твоих нежных рук
 Жажду ран, жажду мук.
 Быть живой мишенью стрел.
 Так и мне Господь велел.
 И моя слеза кровава...
 Сколько ран, сколько бед,
 И на все один ответ,
 «Отрекаешься ли?» — Нет!
 Мучься плоть, лейся кровь!
 Умираю за любовь, —
 Слава!

Димитрий (берет ее за руки). Да, да, так! «Умираю за любовь!» Только одно и помню, кохана моя, богиня моя! (Ведет ее к широкой каменной скамье против фонтана. Садится).

Марина. Царевич...

Димитрий. Мучился, ждал тебя... И вот ты пришла, ты одна со мною... Дай же высказать все, чем горит сердце! Благословен день, когда увидел я тебя впервые! Не знал я дотоль сладостной любовной муки...

Марина. Постой, царевич. Не для нежных речей любовника назначила я тебе здесь свидание. Верю, любишь... Но слушай, с твоей судьбой, неверной и бурной, я решилась соединить свою: открой же ныне мне твои тайные надежды, намерения, опасения. Я не хочу быть безмолвной рабой, покорной наложницей. Я хочу быть достойной супругой, помощницей Московского царя!

Димитрий. О, дай мне забыть хоть на единый час мои тревоги! Забудь и сама, что я царевич, помни только любовь мою...

Марина. Нет, Димитрий. Я почла бы стыдом для себя забыть в обольщении любви твой сан, твое высокое назначение. И тебе должно оно быть дороже всего. Ты медлишь здесь. У ног моих, а Годунов уж принимает меры...

Димитрий. Что Годунов? Что трон, что царственная власть? Жизнь с тобой в бедной землянке, в глухой степи я не променяю на царскую корону. Ты — вся моя жизнь!

Марина. Слыхала я не раз такие речи безумные. Но от тебя их слушать не хочу. Знай: отдаю торжественно я руку не юноше, кипящему любовью, а наследнику Московского престола, спасенному царевичу Димитрию.

Димитрий (встает). Как? Постой, скажи: когда б я был не царской крови, не Иоаннов сын... любила б ты меня?

Марина. Ты — Димитрий, и любить другого мне нельзя.

Дим. [итрий]. А если я другой! Меня, меня б ты не любила? Отвечай!

Марина молчит.

Димитрий. Молчишь? Так знай же: твой Димитрий давно погиб, зарыт и не воскреснет.

Марина (тоже встает). А кто же ты?

Димитрий. Кто бы ни был, — я не он. (*Марина закрывает лицо руками*). Но кто бы ни был я, стоящий пред тобою, я тот, кого избрала ты и для кого была единою святыней... Решай теперь... Я жду!

Падает перед ней на колени. *Марина* открывает лицо и делает шаг назад.

Марина. Встань. Я видела немало панов ясновельможных и рыцарей коленапреклоненных. И отвергала их мольбы не для того, чтобы неведомый...

Димитрий (вскакивает). Довольно! Вижу, вижу! Стыдишься ты не царственной любви! Ты шла сюда к царевичу.

наследнику престола, любила мертвеца. Я с ним делиться не хочу. А любви живого — ты не достойна. Прощай.

Марина. Все выболтал, признался... для чего? Кто требовал твоих признаний, глупый? Уж если предо мною так легко ты обличаешь свой позор, не диво, коль пойдешь болтать и каяться пред всеми.

Димитрий. В чем каяться? Кому? Тебе одной моя любовь открыла тайну.

Марина. А если я сама ее открою всем?

Димитрий. Открой, пожалуй. Кто тебе поверит? Я не боюсь тебя. Что нужды королю, шляхетству, папе, царевич я, иль нет? Я им предлог раздоров и войны — им большего не нужно от меня... Но тайная судьба меня ведет! Я — не Димитрий? Тень Грозного спроси, кто я! Вокруг меня волнуются народы, дрожит Борис, мне обречен на жертву... И что бы ни сулила мне судьба, погибель иль венец...

Марина. Венец? Тебе!

Димитрий. Да, мне! Кто раз был осиян величием царским, на том оно уж не померкнет. И, может быть, ты пожалеешь когда-нибудь любви отвергнутой...

Марина. Но я любви твоей не отвергала, царевич! Вступи лишь на престол...

Димитрий. Нет, панни! Купленной любви не надо мне. Вот женщины! Недаром учат их бежать отцы святы! Змея, змея! Глядит, и путает, и вьется, и ползает, шипит и жалит...

Мар.[ина]. Постой, Димитрий, не понял ты...

Дим.[итрий]. Все понял, все! Узнал тебя. А ты... ты не узнаешь век, царевич ли тебя любил, или другой, бродяга безымянный... Как хочешь, так и думай. Теперь, хотя бы ты сама любви моей молила, я не вернусь. *(Хочет уйти).*

Мар.[ина] (кидаясь к нему). Мой милый, погоди, постой!

Пытается обнять его, но *Димитрий* ее отталкивает и уходит.

Марина падает на скамью почти без чувств.

XIV

КАЗНИ

1.

Большая приемная палата. Бояре, сановники, приближенные. Между ними *Шуйский*. Переговариваются между собою вполголоса: «Как смутен государь!» «Зачем собрал он нас сюда?» «Он вызвал *Шуйского*. Потом сказал, что выйдет сам». «Ты что слышал?» «Я? Ничего, помилуй!»

Выходит *Борис*. Он бледен, со странным, то пустым, то вдруг загорающимся взором. Тяжело садится в кресло. Несколько мгновений молчит. Потом медленно, как будто про себя, начинает.

Борис. Державным кораблем я управлял спокойно и в ясный день на бег его глядел. Вдруг грянул гром... Морскую гладь с налету взрыла буря... И ныне прошла пора медленья. Сдержатъ народ лишь сторогостию можно неусыпной. Так думал Иоанн, смиритель бурь, разумный самодержец. Да, милости не чувствует народ. Твори добро — не скажет он спасибо. Грабь и казни — тебе не будет хуже... (*Задумывается. К Шуйскому*). Что, боярин, не утихают толки? Прямо говори!

Шуйский. Нет, Государь. Уж и не знаешь, кого хватать. Повсюду та же песня: хотел-де царь Борис царевича известъ, но Божьим чудом спасся он и скоро будет.

Борис (прерывисто подымается). Рвать им языки! Не тем ли устрашить меня хотят, что много их? Хотя бы сотни тысяч, всех молчать заставлю, всех пред собою смирю! Зовут меня царем Иваном? Так я ж не в шутку им напомяну. Меня винят упорно, так я ж упорно буду их казнить! Увидим, кто устанет прежде!

Поворачивается и уходит, среди гробового молчания
Все неподвижно замерли. После мгновений тишины.

Шуйский. Так я и знал! Пощады никому. Казнь кличет казнь... И чтоб кровь правых не лилася даром — топор все вновь подьѣмлетъ к ударам!

2.

КАРТИНА БЕЗ СЛОВ

Москва. Большая торговая площадь внутри Китай-города. Множество виселиц. Среди них несколько срубов с плахами. Немного

подале, на перекладине между столбов, висит огромный железный котел. С другой стороны срубов торчит одинокий столб с приделанными к нему цепями. Вокруг столба работники наваливают костер. Между виселицами — всякие другие орудия неизвестного назначения.

Улицы опустели, лавки закрылись, народ попрятался, мертвая тишина. Ни звука, лишь говор распоряжающихся работами, да неумолчный стук плотничьих топоров.

Ночь. Затихли и эти звуки. Месяц, поднявшись из-за зубчатых стен Кремля, освещает безлюдную площадь, всю взъерошенную кольями и виселицами. Ни огонька в домах, ставни закрыты, лишь кое-где теплятся лампы у наружных образов церквей.

Спят ли люди? Нет, молятся, ожидая рассвета.

Рассвет. Карканье ворон и галок, стаями слетаются они на кровь, кружатся над площадью, черными рядами унижают церковные кресты, князьки, гребни домов и виселицы.

Отдаленный звон бубен и тулумбанов. Это начало, с рассветом, казней (но их не видно).

XV

СТАВКА САМОЗВАНЦА. ДИМИТРИЙ И МАРИНА

1.

Старый, запустевший, полуразрушенный замок на бывшем польском Фольварке (близ реки Десны, под Новгород Северским, где стоят войска *Димитрия*, готовясь к бою). Ранняя зима. Лежит снег, еще не глубокий. Шатер *Димитрия* (главная ставка) находится ближе к войскам, на другом берегу, но он проводит с приближенными ночь в замке. Походная постель его в одном из верхних наименее разрушенных покоев. Внизу у крыльца — громадные сени, в глубине которых темная древняя каменная лестница, а направо — обширная кухня-столовая. Полстены занимает очаг, где недавно был стоговлен ужин: жарилась оленина, кабан, тетерева. Лавки, длинные столы, несколько деревянных стульев и даже резное кресло. На нем сидит *Димитрий*, у самого огня. Высокое пламя, ему не дают погаснуть, подбрасывают сучья и поленья, хотя ужин кончился и только в двух-трех котелках еще варится пунш. Вокруг огня около *Димитрия* много народу — его приближенные: русские бояре, к нему перешедшие, поляки, все одетые по-военному. У дверей *стража*, *солдаты*, *Димитрий* и сидящие вокруг него пьют пунш. Немного в стороне, но тоже за кружкой, *Мисаил*. И он в военном кафтане, с кожаным поясом на пузе, с пистолями и кинжалом.

За креслом *Димитрия*, в тени, на низенькой скамеечке, ютится молоденькая *девушка*, черноглазая, кудрявая, робкая. В руках у нее какой-то музыкальный инструмент, может быть, лютия. Чуть слышно перебирает струны. *Димитрий* задумчив, склонив голову на руки, смотрит на огонь.

Пан Жолкевский³⁵ (толстый, красный). Эй, царевич. Опять заскучал. Не гоже. (К девушке с лютней). А ты ж что? Пой песенку, да поладнее.

Нанета (робко). Вот песня хорошая, про любовь. (Перебирает струны кроме и вдруг напевает).

Наш святой Себастьян...
Сколько стрел, сколько ран.
Как земля под ним кровава...

Димитрий (ударяя рукой по столу). Не надо эту. Замолчи.

Нанета пугливо замолкает. Несколько угодливых восклицаний вокруг: «И то, нашла песню», «Ран не видали», «Ладно выбрала» и т.д.

Димитрий. До песен ли нам, паны, бояре? Другие игры нас ждут. Сказывали, взят пленный. Ввести его ко мне.

Вводят русского пленника.

Димитрий. Ты кто?

Пленник. Московский дворянин Рожнов.

Димитрий. Не совестно тебе, Рожнов, против меня, законного государя, руку поднимать.

Рожнов. Не наша воля.

Димитрий. А что в Москве?

Рожнов. В Москве тихо. Царь, слышь, с ворожеями заперся.

Димитрий. А про меня что говорят?

Рожнов. Да не слишком нынче о тебе смеют говорить. Кому язык отрежут, а кому и голову. Лучше уж молчать³⁶.

Димитрий. Завидна жизнь Борисовых людей. У меня того не будет. Свобода будет в моих владениях. (К Рожнову). А войско что? Много ли его?

Рожнов. Да наберется тысяч пятьдесят.

Пан Вишневецкий (тихо Димитрию и боярину Шейну³⁷). А нашего-то будет всего пятнадцать тысяч.

Димитрий не отвечает, махает рукой, чтобы увели пленного.
Его уводят.

Димитрий как бы снова в задумчивости.

Боярин Шейн (Вишневецкому). Ошибся ты, нашего и пятнадцати нету.

Вишневецкий (показывая глазами на Димитрия). Тут заскучаешь.

Димитрий (быстро оборачивается к говорящим). Что? Уж не мните ли вы, что в том моя забота?

Шеин. Нет, государь. Что до меня — я знаю, мы сильны, и знаю, чем сильны: не войском, не польскою подмогой, в имени твоём сила твоя.

Димитрий (встает). Ты хорошо сказал, боярин. Все за меня, и люди и судьба. Чего страшиться нам? Друзья, чуть свет на завтра в бой. И горе Годунову.

Все окружают его, возгласы: «Слава царю Димитрию Иоанновичу!» «В бой!» «За здоровье царя!» «За победу над изменниками!» и т. д. Пунш дымится, чокаются, пьют. *Мисаил* в углу тоже пьет, но охает. «Ишь расхрабрился. На эдакую-то силищу прет, и горя мало ему. Ну, да ладно. Побьемся, посмотрим, чья возьмет».

В эту минуту входит один из стражников, быстро идет прямо к *Димитрию*.

Стражник. Государь, с литовской стороны гонец к тебе.

Димитрий. Гонец? А от кого?

Стражник. Да не признается. К самому, мол, царевичу, и дело неотложное.

Димитрий. Скажи, пусть войдет.

Стражник. А говорит, будто дело у него тайное.

Димитрий. Проводить его наверх в горницу, где для меня убрано. Я сейчас туда буду.

2.

Небольшая горница наверху. Темный потолок с толстой поперечной балкой. Облупленные стены. В углу походная койка *Димитрия* с наброшенным меховым одеялом. На полу тоже несколько медвежьих шкур. Одна фигура у небольшого черного камина, где трещат наваленные толстые сучья. На деревянном столе, что близ узкого подъемного окна, горит и оплывает сальная свеча.

Стройный маленький *гусар* стоит у камина, протянув руки к огню. Оборачивается на скрип двери.

Димитрий входит, запирает дверь и останавливается у порога. Несколько минут молча смотрят друг на друга.

Гусар. Димитрий, это я.

Димитрий бросается вперед,
но внезапно останавливается на середине комнаты.

Димитрий. Безумная. Что ты затеяла? Что хочешь от меня?

Марина. Только быть с тобой. Опасности с тобою разделять. И если ты погибнешь — умереть с тобой.

Димитрий. Скажи, пожалуйста! Как заговорила. Да ладно, я речам полячки хитрой веры не даю. Явилась как сюда?

Марина. Я — здесь, довольно было б этого для веры. Прознав, где ты, я отчий дом покинула тайком.

Димитрий. Смела, хоть женщина. Да в толк я не возьму, почто старалась? Отряжу сейчас людей надежных, они до-мой тебя доставят.

Марина. Тому не быть. *(Делает шаг к нему).* Димитрий, не для того летела я к тебе...

Димитрий. Ко мне? К царевичу? К наследнику престо-ла? Опять ты за свое, нет, панночка, мне нынче не досуг. И песенки твои не время слушать, а захочу, внизу есть славная певунья. Вон слышишь? *(Доносятся звуки струн).*

Марина (подбегает к нему и хватает его за руки). Неправду говоришь, лукавишь. Я по веленью сердца шла. Взгляни мне в очи... я тебя люблю. Тебя, тебя, а кто ты — что мне нужды.

Димитрий. Марина... Нет, я обольщениям обмана боле не поддамся. Над сердцем взял я силу не напрасно...

Марина (смотрит в лицо ему, все ближе, и обнимает). Да, ты силен, ты горд. А сильным Бог владеет. Ты победил надменную Марину. *(Объятия сжимаются теснее).*

Димитрий. Марина, сердце. Сонное мое мечтание. Тоску любви я превозмочь хотел... Хотел забыть... а ты —

Марина. В твоей навеки власти. Томи, терзай, — я от любви не отрекусь... И «моя стезя кровава, мучься, плоть, лейся, кровь...»

Димитрий (Марина в его объятиях, почти у него на руках). Умираю за любовь.

Марина. Верить теперь, глупый, милый, милый?..

Свеча на столе трещит, вспыхивает и гаснет. Темно, чуть бродят отсветы камина. Снизу слышна тихая музыка. Постепенно она умолкает. Заря и звук трубы.

3.

Узкий четырехугольник окна начинает голубеть снежным рас-светом. *Марина*, укрытая меховым одеялом. *Димитрий* у ног ее на медвежьей шкуре, положив голову на одеяло — спит.

Шаги, громкий стук в дверь. *Димитрий* быстро вскакивает.

Голос. Царевич. Воевода с докладом. Все готово.

Димитрий (громко). Иду, иду.

Наклоняется к *Марине*. Она освобождает руки из-под одеяла и обнимает его.

Димитрий. Сердце мое, голубка моя. Жди меня здесь, я вернусь. Сегодня будет весело... Верю теперь в свое счастье. Господь ведет меня.

Марина (целует Димитрия). Да поможет Он нам, любый мой царевич.

XVI

БОЙ

Зимнее, оттепельно-темное, тихое утро на лесной, мелким и частым ельником окруженной поляне с болотистыми под снегом кочками, на крутом берегу Десны, у Новгород-Северска³⁸. Близкие, черные на сером небе, крестики еловых верхушек, и золотые, далекие кресты церковных маковок.

Белка, сидя на елке и прямо подняв над головой пушистый хвост, грызет еловую шишку. Тетерев, прыгая с кочки на кочку, клюет кораллово-красные ягоды подснежной, во мху, брусники. Заяц, выйдя из норы под елкой, становится на задние лапы, умывается снегом, нюхает воздух и прядет ушами, прислушиваясь. Тихо все, так тихо, что слышно, как слеза за слезой капает с отягченных снегом еловых лап прозрачно-светлая капель.

Вдруг, очень далеко, трубы трубят, бьют барабаны, и тяжелым, глухим, точно подземным гулом раскатывается пушечный выстрел.

Заяц, поджав уши, кидается через поляну в лес и перебегает дорогу двум всадникам, *Димитрию* и князю *Льву Сапеге*, воеводе Мазурских гусар.

Сапеге. Тьфу! Заяц, черт! Свернем...

Димитрий. Полно, пан! Заяц испугался Лев?

Сапеге. Что делать, царевич? Злых примет на ратном поле боюсь. Я, видно, не так избалован судьбой, как ваше высочество... об одном прошу, не искушай судьбы, не кидайся в огонь очертя голову.

Димитрий. Ладно, ладно, вперед!

Скачет, прищпорив коня, так быстро, что *Сапеге* едва поспевает за ним. Трубный звук, бой барабанов и пушечный гул приближаются.

Всадники, спустившись к реке и переправившись через нее по талому снегу с водой, въезжают на тот берег. Здесь, на открытом поле, лагерь: котлы кашеваров, коновязи и шатер под двуглавым орлом, ставка царевича.

Димитрий входит в шатер. Старый боярин *Шеин* с низким поклоном подает ему стальную кольчугу с двумя золотыми двуглавыми орлами, одним на груди, другим — на спине, шлем, с яхонтовым на острие крестиком, и двумя финифтяными образками спереди, св. Георгия Победоносца и Ченстоховской Богоматери. *Шеин* помогает *Димитрию* надеть доспехи. Тут же суетится о. *Мисаил*.

Шеин. Что суешься, отче, без толку? Не твоего ума дело!

О. *Мисаил* (обнимая и благословляя *Димитрия*). Ну, с Богом, Гришенька... тьфу! Митенька... *Димитрий Иванович*, государь наш, батюшка, храни тебя Господь и Матерь Пречистая!

Димитрий выходит из шатра, садится на лошадь и скачет в бой, под развевающейся зеленого шелка хоругвью, с такими же, как на шатре, двуглавыми орлом и Деисусом.

Мимо проходят войска. Польские гусары, в леопардовых шкурах вместо плащей, с длинными, воткнутыми у седельной луки, по земле волочащимися пиками и прикрепленными к седлам огромными белыми, точно лебедиными, крыльями: когда скачут гусары в пороховом дыму, то кажется, огромные белые птицы летят.

Пешие московские *ратники* в простых кафтанах-однорядках, серых, с красной и желтой опушкой, в острых стальных шишаках, с кольчатой, от сабельных ударов затылок и шею закрывающей сеткою-барминзей, с ружьями-пищалями, такими тяжелыми, что для стрельбы кладут их на четырехногие рогатки-подсошники.

Казак, в широких, красного сукна шароварах, в черных кипреях и смушковых шапках, с копыями и самопалами.

Дикие, на диких конях, *калмыки* и *башкиры*, с луками и стрелами, налитанными ядами, более чем пули смертные.

Слишком для коней тяжелые, в мокром снегу увязающие пушки медленно тащат волю.

(Все это должно казаться нынешнему зрителю игрушечным, как оловянные солдатики).

В стане Московцев, крепостная засека, на холме над Десной. Земляные насыпи с плетнями, обломами, валами и раскатами. Пушки разных калибров: фальконеты, длинные, тонкие, толстые, короткие мортиры, средние шведки-змеевики и единороги цесарские. Горки чугунных ядер, гранат и картечи.

*Маржарет (французский капитан)*³⁹. He voyes donc, l'action s'engage sur les arrières de l'ennemi, tout près de la Diesna. Le moment est propose! (*Пушкарям, указывая на одну из мортир*). Faites avancer votre fameuse Treskotouh!^I *Салтыков (воевода)*. Трескотуху, ребята, выкатывай!

Туренин (тоже воевода). По чем будем палить?

Салтыков. По реке. Лед взломаем, вскроется река, пойдет, и войско как ножом разрежет, — тыл от головы отхватит.

Туренин. Да ведь и себя разрежем. Что за дурь!

*Вальтер Розен (немецкий капитан)*⁴⁰. Ja, mein gnädiger Herr, Sie haben recht!^{II} (*На ломаном русском языке*). Дура, дура большой! Мы говорили на воен совет, но ваш воевод не слушат, хочет на свой Manier.

I He voyes donc, l'action s'engage sur les arrières de l'ennemi, tout près de la Diesna. Le moment est propose! Faites avancer votre fameuse Treskotouh! (фр.) — Посмотрите-ка, действие разворачивается в тылу противника, совсем рядом с Десной. Как раз подходящий момент... Выкатывайте вашу знаменитую Трескотуху!

II Ja, mein gnädiger Herr, Sie haben recht! (нем.) — Да, сударь мой, Вы правы!

Два десятка младших пушкарей, под начальством старого Кузькина, выкатывают на вал мортиру Трескотуху.

Кузькин. Бить куда велишь, государь?

Салтыков. В реку, вон под тот мысок!

Кузькин (*возится долго, щурясь подслеповатыми глазами, берет прицел, кончив, гладит мортиру ладонью, похлопывает ласково, как всадник доброго коня*). Ну-ка, царю послужи, бухни-ухни, тресни, Трескотуха, матушка!

Подносит фитиль к заправке и ждет приказа.

Салтыков. Пли!

Маржарет. Feu!

Розен. Feuer!

Кузькин сует фитиль, но Трескотуха не палит.

Маржарет. Sacrebleu! Elle ne veut donc pas faire feu, votre Treskotouh!

Розен. Дура, дура большой!

Салтыков. Что ж она, отчего не палит?

Кузькин (*почесывая затылок*). А Бог ее знает! Порох, что ли, подмок, аль так, маленько заартачилась. Ин с первого-то раза и не выпалит. С норовом, матушка. Ну, а зато уж как пойдет палить, как пойдет, страсть!

Салтыков. Ну-ка, другую выкатывай, Барса, иль Поповну.

Кузькин. Воля твоя, государь, а только тем против Трескотухи куда ж! Добрая пушка, заветная, при царе еще, Иван-Васильиче, Казань брала да Астрахань. Ну-ка, боярин, свеженького подсыпать дозвошь, да с пошептом, я словцо такое знаю, — выпалит небось!

Розен. Ach? Diesr Moskovien, Schafsköpfe alle, verfluchtes Volk!¹

Маржарет улыбается.

На реке, в месте укромном, заслоненном от боя береговым выступом, казаки-запорожцы — *есаул Поддубный, хорунжий Косолап, рядовые, Дятел, Матерой, Хлопко*⁴¹ и другие, всего человек двадцать, сидя кругом, пьют пенник из бочонка с выбитым дном, отнятого у своей обозной бабы-торговки. Тут же с четырьмя окоченевшими, прямо как палки, торчащими ногами, лошаденка. В саях, под овчинным тулупом, лежит, точно спит, старая баба; только седая голова ее с черным на простреленном виске пятныш-

I Ach? Diesr Moskovien, Schafsköpfe alle, verfluchtes Volk! (нем.) — Ах, эта Московия, все овцы, проклятый народ!

ком видна из-под тулупа. А немного поодаль, под лисьей шубой, молодая девка, должно быть, старухина дочь, тела и лица ее не видать, видно только нога в высоком смазном сапоге и в шерстяном красном чулке под синюю, в клочьях, юбкой, да голая по плечо, белая на отепельно-сером снегу протянутая рука, да часть такой же белой девичьей груди с алою струйкою запекшейся крови, точно монистом из яхонтов.

Косолап, с благообразным, иконописным, смуглым лицом, с висячими седыми усами и длинным седым чубом, посвистывая и позвякивая, вместо бубенцов, двумя пустыми чарками, доньшко о доньшко:

Уж ты, пьяница-пропоица, скажи.
 Что несешь ты под полою, покажи!
 Из корчмы иду я, братцы, удалой,
 А несу себе я гусли под полой!
 Ой, жги, жги, жги!
 пошла баба в три ноги!

Поддубный (молодой, с красивым и наглым лицом, совсем пьяный, — заплетающимся языком). Пей, гуляй, православный народ! Мы доселева во тьме сидели, а теперь нам свет Господь показал, — буди здрав государь наш, Дмитрий Иванович! «Я, говорит, не царем вам буду, а батькою! Всех, говорит, панов порешу, а чернь пожалуй. В царстве моем, говорит, ни богатых не будет, ни бедных, — все равны, по Евангелию!»⁴²

Хлопко. Воля, значит, вольная, проси, душа, чего хочешь! Эх, любо и помирать не надо!

Матерой. Боже сохрани царя нашего Дмитрия Иваныча и подай ему на враги одоление!

Дятел (придурковатый, с бегающими и любопытными глазками). А что, братцы, правду говорят, будто не прямой он царевич, а вор?

Поддубный. А тебе какое дело? Вор так вор, про то знает панство, а нам была бы только нажива!

Хлопко. Пенник да девки, и вся недолга.

Ратник (молодой деревенский парень, с детски-простым лицом, войдя вниз по крутой тропинке с высокого берега). Что вы здесь, ребята, сидите? Там наших бьют, бегите скорей на подмогу!

Косолап. А их разве мало?

Ратник. Один на троих. Ляхи-то наших так в лоск и кладут!

Косолап. Ну, ладно, авось, им Господь поможет, а нам и здесь хорошо. Ступай-ка и ты к нам, пей!

Ратник (подойдя и взглядевшись в бабу и девку). А это что? Батюшки-святы! Бабка никак, наша обозная, да и девка с ней... Ах, грех какой! Что вы наделали, разбойники?

Поддубный. А тебе что? Ты нам не поп, чтобы грехи считать. В руки не давалась девка, больно ершилась. — вот мы ее и уладили, да и бабу, чтобы не хныкала, утешили!

Ратник. Нехристи вы, анафемы, окаянные!

Поддубный. Чего лаешься, пес? (*Вынув из-за пояса пистоль и прицелившись*). Глотку свинцом заткну, — и не пикнешь!

Ратник убегает.

Косолап.

Уж ты, пьяница-пропойца, скажи.
Что несешь ты под полою, покажи!

Пушечное ядро шлепает в реку и ломает лед с оглушительным треском, гулом и грохотом, не очень близко от казаков, но с такою силою, что обдаёт их водяными брызгами, мокрым снегом, осколками льда.

Более трезвые, вскочив, хотят бежать, более пьяные продолжают сидеть.

Косолап. Чего, дураки, испугались? Видь, далече, не хватит до нас...

Новое ядро, просвистев над их головами, падает почти рядом с ними и пробивает огромную во льду полынью. Вся ледяная поверхность под ними вдруг оседает, шатается, кренится и заливаёт водой, как в бурю корабельная палуба.

Крики. Тонем; тонем, помогите!

Одни бегут к берегу и проваливаются, тонут, другие, совсем пьяные, чуть-чуть побарахтавшись, идут, как ключ, ко дну — только смушковые шапки их на воде плавают. Мертвая баба, поднятая водою, зашевелилась под тулупом, точно живая, повернула к казакам седую голову и уставилась на них открытыми глазами, пристально; девка, как будто застыдившись, спрятала под шубку голую грудь.

Ратник (глядя сверху). Так вам и надо, сукины дети, покарал Господь!

Ядра за ядрами падают в реку. Лед все больше ломается, полыньи ширятся, и всю ледяную поверхность заливаёт вода. Лыдины плавают. Кружатся, сталкиваются с треском, громозлятся и щетинятся стеклянно-прозрачными иглами. Грозно темнеет, взбухает, вздувается и кипит, как котел на огне, готовая вскрыться река.

Бой на уцелевших местах продолжается, а на залитых — стихает.

Кое-где река уже тронулась, как в весенний ледоход. Плавающие льдины-островки, там, где их много стеснилось, проходят медленно, а на открытых местах несутся быстро.

На одной из них раненая лошадь издыхает, ворон сел ей на голову и, каркая, ждет, чтобы выклевать очи; на другой тощая, с видными под кожей ребрами, сука рвет зубами что-то кровавое, и еще на другой, плывущей медленно, два ратника, лях и русский, бьются насмерть, не замечая, что льдина под ними оседает все ниже и ниже, яростно сцепились, душат друг друга и режутся. Льдина вдруг покачнулась и ушла в воду совсем, и, крепко обнявшись, как братья, оба тонут.

Димитрий (переехав по уцелевшему льду на тот берег, где замок, сидит на коне, окруженный отборной дружиной конных уланов). Вишь, жарят, дьяволы! Как бы вся река не тронулась! (*Подъехавшему воеводе польскому*). Пан Грешментарь, извольте разослать по всем тыловым дружинам гонцов, чтобы переправлялись живей, где лед еще уцелел.

Митька (подъехав к Димитрию на взмыленной лошади). Батюшка-царевич, беда! Замок московцы берут, казаки разбежались, а ляхов мало, не выдержат...

Димитрий. Где Марина?

Митька. В замке.

Димитрий. Эй, уланы, за мной!

Скачут во весь опор.

Горсть польских гайдуков, стоя на крыльце и в сенях осажденного замка, отбивается от множества наседающих Московцев и уже слабеет, отступает.

Вдруг уланы, выскочив из лесу и вихрем налетев на Московцев, ударяют им в тыл. Рубятся саблями, режутся ножами, схватываются врукопашную.

Хруцов (старый боярин, воевода Московцев⁴³, заноса над головой Димитрия саблю). Дай-ка благословлю я тебя, сукин сын, свистун литовский!

Митька стреляет из пистоля в *Хруцова* в упор. Тот падает с лошади. Московцы бегут.

Крики (в замке). Огонь! Огонь! Горим! Спасите!

Клубы дыма валят из разбитых окон замка.

Димитрий кидается в сени.

Митька (наверху, уже взбежав по лестнице). Скорей! Скорей! Дверь заперта!

Димитрий, тоже взбежав, вышибает ударом ноги дверь в спальню; красные, в сером дыму, языки пламени лижут затлевшие балки потолка. Марина лежит на полу без чувств. *Димитрий*, схватив ее на руки, сбегает по лестнице в сени и на крыльцо. Здесь,

на свежем воздухе, *Марина* приходит в себя, накинув на нее гусарскую шубку, *Димитрий* усаживает ее с собой на коня и скачет к реке, где переправился давеча. Здесь пальба уже прекратилась, но лед взломан ядрами.

Димитрий (улану-разведчику). Нет ли где переправы?

Разведчик. Есть, у Козьего Брода.

Димитрий. Сколько до него?

Разведчик. С полчаса.

Димитрий. Далече. Мне нужно в бой сейчас... Слушай, *Марина*, я здесь перейду, а тебя проводят хлопцы к Броду.

Марина (прижимаясь к нему). Нет. С тобой, с тобой!

Димитрий. Светик мой, сердце мое, ради Христа, поезжай!

Марина плачет, прижимаясь к нему все крепче. Вдруг, соскочив с лошади, бежит к реке и сходит на лед. *Димитрий* — за нею, *Митька* тоже, захватив валявшийся на берегу обломок старой длинной казачьей пики.

Марина (взяв Димитрия за руку). Пойдем, пойдем, я с тобой ничего не боюсь!

Все трое идут по льду. *Митька* впереди шупает пикой лед. Хрупкое стекло под ними трещит и ломается иглисто-колючими звездами. Дух захватывает у смотрящих с берега, кинулись бы им на помощь, но помочь нельзя: чем больше людей, тем опаснее.

А трое все дальше и дальше идут. Но, дойдя до середины реки, остановились, дальше нельзя: слишком тонок лед, и впереди полынья. *Митька*, заметив трещину, отделяющую льдину-островок, где они стоят, от сплошного льда, воткнул в него пикку и хочет оттолкнуться, но не хватает силенки.

Митька. Ну-ка, царевич, помоги!

Димитрий. Что ты делаешь?

Митька. А не стоять же тут век. Может, отчалим и доплывем до берега, — ведь вон, рукой подать.

Марина. Митьке верь, сколько раз меня спасал!

Димитрий помогает ему, кое-где рубит лед саблей и кое-где отталкивается пикой. Вдруг ледяной островок, отделившись, начинает двигаться, сначала медленно, потом все быстрее, и наконец уносится вниз по течению, но, благодаря последнему сильному толчку *Димитрия*, не прямо, а вкось, так что, немного проплыв и зацепившись за идущую от берега ледяную косу, остановился.

Три-четыре сажени отделяют их от берега. Там уже сбегаются люди, кричат, кидают им багры с веревками и сами кидаются в воду, вбивают колья, валят на лед солому и хворост, рубят доски, мостят на живую нитку мосток.

Митька над всеми начальствует, смелый и ловкий, легкий, точно два за плечами его, на гусарском доломане, белых крылышка несут его по воздуху.

Димитрий с Мариной сходят на берег. Садятся на коней и скачут в бой.

Там, в бою, как бы два противоположных течения столкнулись в водовороте: одни наступают, другие бегут.

Крики. Беда! Беда! Царевич убит! — Утонул! Сгорел! — Пропали наши головушки! Беги, ребята, беги! — Куда вы, черти? Назад! Царевич жив. — Да нет же, убит! — Врут москали, чтобы вас напугать да побить! — Где же он? — Вон, скачет сюда! — Да здравствует царевич Димитрий! — Так я и знал! Нет, брат, шалишь: такой не пропадает, в огне не горит, в воде не тонет! — В бой, ребята, в бой! Все умрем за царевича! — Ну, теперь, Московцы, только держись! Бей их, еретиков, антихристов!

Шум сражения.

Ранние зимние сумерки, желтый туман. Мокрый, как будто теплый, снег. Глуше в тумане стук барабанов, ярче огонь оружейных и пушечных выстрелов.

В стане Московцев, на невысоком кургане, откуда видно поле сражения. *Салтыков* и *Туренин* смотрят на него в подзорную трубу.

Туренин. Что за диво? Наши как будто бегут...

Салтыков. Что ты, боярин, типун тебе на язык, только что ляхи бежали...

Туренин. Да, а теперь наши. Глянь-ка сам!

Салтыков (смотрит, протирает стекла). Что такое? И впрямь, будто бегут...

Туренин. Вишь, валом валят, да прямо сюда. Сейчас узнаем...

Крики. Беда! Беда! — Царевич! Ляхи! Вот они! Вот они! — Беги, ребята, беги!

Медленно плетется раненый, с повязкой на голове, старый *сотник* стрелецкой дружины.

Туренин. Эй, братец, поди сюда! (*Сотник подходит*). С поля?

Сотник. С поля, батюшка! (*Указывая на голову*). Вишь, с гостинчиком!

Салтыков. Что там такое, скажи на милость?

Сотник (махнув рукой). Шабаш! Вор одолел!

Салтыков и Туренин (вместе). Вор? Да ведь он убит?

Сотник. Нет. Жив. Давеча, как слух прошел, что убит, — ну, ляхи бежать, а как узнали, что жив, повернули назад

и точно бес в них вошел, так и крошат. (*Оглянувшись на поле*). А вот и он сам!

Салтыков и Туренин (вместе). Где?

Сотник. Глянь-ка там, у шатра, под царским стягом. — у нас же наемни отнял, сукин сын, — на белом коне гарцует... (*хватаясь за голову*). Ох, больно! Дозвольте государи...

Туренин. Ступай, брат, ступай.

Сотник уходит.

Салтыков (смотрит в трубу). Он... а может не он. Ну-ка... ты посмотри, не узнаешь ли?

Туренин (смотрит). Черт его знает, туман, не видать... (*Быстро отняв трубу от глаз*). Тьфу!

Салтыков. Что ты?

Туренин молча крестится.

Салтыков. Да ты что такое?

Туренин. Плохо дело, Васильич. Думали мы, что с человеком ратуем, а это...

Салтыков. Кто же это?

Туренин (шепотом, на ухо). Стень.

Салтыков. Что ты, боярин, какая стень?

Туренин. А какою морочит людей сила нечистая. (*Салтыков тоже крестится*). Коли из такой беды он выскочит, да нас же побьет, видно, сам черт за него. Что с ним поделаешь? Бей. Руби. Коли. — Не сгинет, — в огне не горит, в воде не тонет. До Москвы дойдет, — Борисову царству, а может, и всей Руси конец.

В стане *Димитрия*.

Он сидит на коне, под царскою, зеленого шелка, хоругвью с черным двуглавым орлом и Деисусом. О. *Мисаил* держит ее над ним. Тут же *Марина* и *Митька*.

Шум битвы стихает. Быстро темнеет, зажигаются огни. В красном отблеске их, на зелено-золотистом шелку хоругви, лицо *Димитрия* кажется святым ликом на иконе.

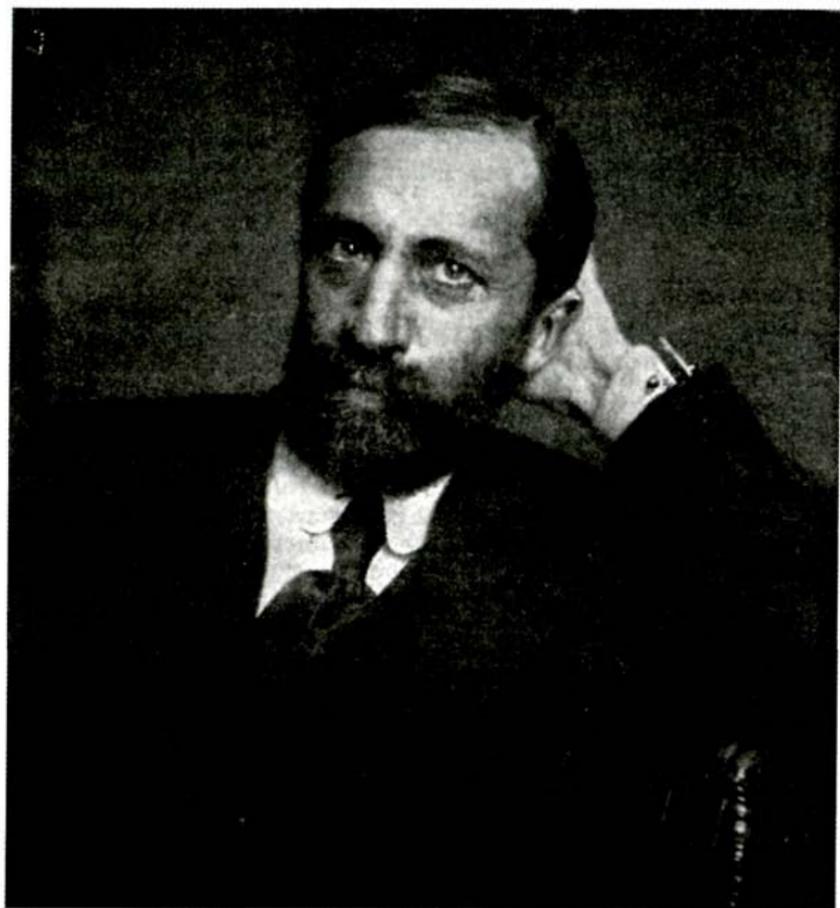
Димитрий. Слава Отцу и Сыну и духу Святому! Мы победили! Ударить отбой! Довольно, ребята! Щадите русскую кровь! Отбой!

Все. Слава царевичу Димитрию! Да живет царь Московский! Виват! Виват!

О. *Мисаил (громче всех)*. Благоверному великому государю нашему Димитрию Иванычу многая лета!

Димитрий (обнажая саблю и указывая вдаль). На Москву!

Все. На Москву! На Москву!

~ III ~

МЕССАЛИНА

Мессалина¹

Действ<ующи>е лица

Император Клавдий².

Силий, молодой, знатный Римл.<янин>, готов.<ящийся> принять звание консула.

Нарцисс³

Каллист

Паллас⁴ Откупщики-временщики.

Эвод палач Мессалины, временщ<ик>.

Гета начальник претор.<ии>.

Валерий прежний любовник М.<ессалины> сов.<етник> Клавд.<ия>.

пирующих 2 и 3

Мессалина жена царя Клавдия.

Юния Силана жена Силия.

Кальпурния

Клеопатра Наложницы Клавдия

Лепида мать Мессалины

Британик⁵

Октавия дети Мессалины

Действие происходит в Остии,
в лужумовых садах, в Риме,
в вилле Силия, во дворце Клавдия.
В августе Месяце.

Когорты, преторианцы, легионы, гости на пире Месса<лины>, хор вакханок.

I Акт

Дом Силия. Столовая. Силий и Мессалина. Разговор об его разводе с Юнией Силаной. Она говорит, что презирает молву, смеется над своим муже<м>, царем и вдруг предлагает ему чудовищный план о [открытой] женить.<бе> и об разрыве с Клавдием. Тот сначала приходит в ужас, Силий ее начинает упрекать за то что она зашла так далеко и губит себя [и] ее из-за пустого тщеславия зачем например она столько раз стояла с целой свитой перед его домом ожидая

его приезда, зачем наконец не перенесла чуть ли не все хозяйств^о, чуть ли не всех рабов к нему в дом оставляя лишь своего мужа как ненужную утварь. Он говорит, что слышит будто Кла.^{вдий} при всей своей слабой воли и апат^{ии} иногда чересчур раздраженный приход.^{ит} в страшное бешенство; эти вспышки могут быть слишком опасны. Мессалина отвечает ему на это что кроме заговора против Клавдия для его убийства, открыто^{го} захвата власти, и женитьбы им ничего не остается.

Входит Валерий объясняя причину своего прихода в шутовском духе он сообщает новости именно что Клавдий отправляется в Остию по государст.^{венным} делам. т.е. для развлеч.^{ения}. При этом Мессалина переглянулась с Силием.

II

Вилла Силия на берегу моря. Осень. Заход Солнца. Народ толпится перед колон^{на}а^{ми} у входа в виллу Силия. Рабы несут множество корзин с вином сваливая его в огромные чаны и т.^{ак} д.^{алее} как бывает во время праздника Вакха⁶.

1 из гостей и 2. Разговор насчет недавно прошедшей, в высшей степени неприличной, однако слишком достоверной свадьбы Силия и Месса^{лины} [...]

Вина: библосское, виосское, варосское, коринфское.

[1880-1881 гг.]

САКУНТАЛА

I акт

Царь Душманта охотится за газелью. Он говорит своему кучеру: [взгляни] «видишь как пугливо она оглядывается на нашу колесницу, грациозно сгибая свою шею, боясь моих стрел она трепещет и жметя всем телом, и усталая роняет изо рта [уже на пути] трав[у]ы, которые щипала и не успела пережевать. Какие смелые прыжки! Она не бежит, она летит над землею. Я начинаю уже терять ее из виду». Царь приказывает кучеру отпустить вожжи, тот отвечает: «я отпустил их! Кони напрягают грудь закинув гриву с конца ушей; они кидаются вперед так что даже пыль поднятая ими не может их обогнать, как будто они завидуют быстроте газели. Царь с радостью восклицает: то, что казалось мне маленьким, вдруг увеличивается; двойное сливается в одно целое; изогнутые линии превращаются в прямые; колесница несется так быстро, что ни чего ни [ни од] на минуту не остается ни близким, ни далеким от меня». Он уже прицеливается, чтобы поразить газель, когда является пустынный. По его приказанию колесница останавливается; он говорит царю [эта газель принадлежит] [но] священной роши пустынный[ов]ам нет, нет, пусть эта стрела не падает на нежные члены газели, как пламя на букет цветов «Сними же стрелу с натянутого лука пусть твое оружие защищает угнетенных, а не преследует невинность!

Царь говорит «прочь стрела!»

Отшельник Твой поступок достоин тебя, о светоч рода Пуру.

Отшельник благословляет царя и предрекает ему рождение сына, который сделается повелителем мира; по приглашению пустынного царя въезжает в [священную] рошу, где обитают отшельники; здесь скрытый деревьями он видит Сакунталу, [приемную дочь Канва, начальника этой пустыни]; [которая] вместе с подругами она поливает растения. Царь любит ее. Не подозревая, что за нею наблюдают она выказывает непринужденную грацию и одну из самых характерных своих черт любовь ко всему живому цветам, животным, растениям, с которыми она обращается как мать с детьми; эта особенность совсем не европейское чувство материнской любви к природе, составляет главную прелесть Сакунталы. Поливая одно из цветущих деревьев, она вскрикивает: Смотри, пчела я вспугнула ее водой из моей лейки с цветка жасмина она укусит меня [сейчас в лицо]». [Она] Сакунтала старается отогнать пчелу. Царь смотрит на нее с

любовью: «с какой грацией она защищается! С какой бы стороны пчела не подлетала к ней она кидает <на> нее пугливые взгляды и она хмурит брови! Любви пока еще нет, но боязнь заставила ее уже высказать всю прелесть быстро сверкающим взором. Пчела касается к ее глазу и уголок ее века дрожит; пчела с тихим жужжанием подлетает к ее уху, как будто для того, чтобы ей прошептать какую-то тайну. В это время когда она поднимает руку, чтобы прогнать [пчелу] ее, [она] пчела садится на ее губы и пьет нектар!» Царь решается наконец выйти из своей засады. После первых взаимных приветов. Сакунтала, смущенная и взволнованная, сама [еще] не понимая своей тревоги. Обе ее подруги сразу замечают как Сакунтала понравилась царю и как она смущена этим, дразнят ее разными намеками. Притворным гневом, она старается скрыть свое чувство. Царь расспрашивает подруг о происхождении Сакунталы и узнает что она дочь мудрого царя-монаха Каусили и нимфы Менаки, которая боги нарочно подослали соблазнить аскета; они боялись что иначе своей порочностью он достигнет такой силы, которая даже для них богов могла бы сделаться опасной. Это конечно интересная черта индийского мирозерцания. И так Канва настоятель той пустыни принял для воспитания Сакунталу найденную им на берегах реки Готами. Царь с тревогой спрашивает не дала ли Сакунтала монашеского обета девственности и когда узнает, что не дала, восклицает с радостью: «ободришь, мое сердце! Теперь уверенность заменила прежние сомнения. То, что казалось мне огнем, превратилось в бриллиант, который можно взять [руками] в руку».

Т.<о> е.<сть> Сакунтала, как монахиня казалась ему недоступной теперь же он видит, что она может ему [ему] принадлежать. Между тем и Сак.<унтала> раздраженная откровенностью подруг на ее счет. Приамведа [одна из ее подруг] удерживает ее замечая, что она [обещалась] [должна] полить [за нее] еще два дерева; но царь говорит, что Сакунтала устала «несколько капель пота, не дают качаться ее серьгам, так что они прилипли к ее лицу: волосы рассыпались и она поддерживает одной рукой их непослушные пряди. И так, Приамведа я отдам тебе долг за нее» и с этими словами он [хочет] [как будто хочет] снять с пальца кольцо; девушки по имени и гербу на перстне узнают [в нем] царя Душманту. В это время в лесу раздаются тревожные крики отшельников, которые [узнали] думают что царь охотится в их священной роще; [они] желая защитить своих зверей, они кричат друг другу: «видите [как] пыль поднятая царскими копьями [покрывает деревья] как туча саранчи в лучах заката, покрыла деревья нашего леса! Видите скот испуганный царской конницей ворвался в нашу рощу; он разгонит стада наших газелей; один из его клинков вонзился

в [ствол] дере<в>а, который он ударил с страшной силой: ноги его запутались в сетке лиан, которые удерживают его, как крепкие стропы...» Девушки услышав эти крики хотят уйти. Они уже простились с царем. Но Сакунтала ищет предлога, чтобы еще на минутку остаться с Душмантой черта [наивной] страсти «Апазуя, говорит она одной из подруг я ранила себе ногу стеблем этой травы; мое платье зацепилось за ветку кураваки [идите ко мне на помощь] помогите мне отцепиться!» говоря так она смотрит на царя и потом медленно, неохотно удаляется с подругами. Царь тоже уходит [из роши], но он признается, что это ему тяжело: [мое] В то время, как мое тело движется впереди, моя душа противится [ему] тому и стремится обратно, как шелковая ткань знамени, [ветром] откинута назад.

[начало 1880-х годов]

(ДРАМА БЕЗ НАЗВАНИЯ)

Л.<ия>. С одиннадцатичасовым не придет.

Т.<етя> С.<офа>. А как же телеграмма?

Л.<ия>. В телеграмме только, что нынче, а в каком часу не сказано.

Т.<етя> С.<офа>. Может быть, опоздал?

Л.<ия>. Едва ли (смотрит в расписании). Еще почтовый, одиннадцать сорок. [...]

Т.<етя> С.<офа>. А как же Софочка пасху у мамы встречает?

Л.<ия>. Там хорошо — весна, цветы...

Т.<етя> С.<офа>. Да похристосоваться не с кем-то, беденькой.

Л.<ия>. Добрая все равно. [...] Тетя Софа, вы плачете?

Т.<етя> С.<офа>. Нет, Лиенька, нет, ничего. Так только, глаза немного. К ночи хуже всегда.

Л.<ия>. А что доктора?

Т.<етя> С.<офа>. Один говорит — массаж, другой — электричество, третий — операцию.

Л.<ия> (глядя на часы). Половина одиннадцатого.

[NB. Т.<етя> С.<офа>. А я и не вижу. Еще зимою на этих самых часах — видела. Все хуже и хуже. Днем еще кое-как, а к ночи совсем плохо. Слепну.]

Л.<ия>. Ничего. Даст Бог, поедем за границу [...] вылетят.

(Т.<етя> С.<офа> опускается на пол у Линых ног, кладет ей голову на колени и плачет. Лия обнимает ее и целует в голову).

Л.<ия>. Ну, Софочка, милая, родная, хорошая [...] Ну, не надо, не надо. Не могу я, когда вы так [...] А то и я с вами. [...] О чем же?

Т.<етя> С.<офа>. Не знаю сама. Да нет, не все же болезнь [...] о Боге все говорит, а сам на людей волком смотрит и скучный такой, даже в лице желтый, словно порченый. Ведь вот и тебя любит, знаю, что любит... А иной раз...

Л.<ия>. Не надо об этом, тетя, право, лучше не надо, не говорите.

Т.<етя> С.<офа>. Нет, Лиенька, нет, как можно? [...] Ну за что он тебя так, за что?... [...] Нехорошо. И не только у нас — везде нехорошо, везде тоска, куда не придешь [...] Странница одна, правда, у старца Германа в пустыни живет, все на ухо шепчет: «Быть худу» [...] Так это у меня с тех пор в ушах и стоит: «быть худу!» Кажется, оттого и свет темнеет в глазах [...] Уехать бы куда-нибудь.

Л.<ия>. Куда уедешь? [...]

Т.<етя> С.<офа>. А я бы к старцу Герману уехала Он лучше всех докторов [...]

Л.<ия>. Если верите [...]

Т.<етя> С.<офа> (целуя руки Лии). Ну вот спасибо тебе, спасибо [...]

(В прихожей звонок)

Т.<етя> С.<офа>. Боря! Боря!

Л.<ия>. Погодите.

Голос Марка (в прихожей). Глеб Иванович дома?

Голос Маши. Пожалуйте.

Л.<ия>. Марк.

Т.<етя> С.<офа>. А я обрадовалась. [...] А то пока ждем, ни за что не придет. Ну, пойду-ка.

Л.<ия>. Куда вы?

Т.<етя> С.<офа>. В церковь. [...] Нет, мы с Глебом. Если Боря приедет, пошли за нами. Тут близенько. Маша сбегает. Мы на минутку. Только бы «Христос воскрес» услышать.

Уходит. [...]

Лия одна [...] Постепенно возрастающий гул пасхальных колоколов [...] На другой стороне Невы, вокруг Исакия, зажигаются огни. Лия подход.<ит> к окну. Стук в дверь.

Л.<ия>. Войдите.

Входит Марк.

Марк. Ну что, как, Вы едете? [...] Думали, небось, что он, Иван Царевич, а это все только я — музыкальный критик, бездарный гений.

Л.<ия>. Не ломайтесь. Право же, скучно [...]

М.<арк>. «Мне скучно, бес!»¹ [...] Не смейтесь над этим Лия — над землей во рту заживо погребенного [...] Что значит «бездарный гений», не спрашиваете?

Л.<ия>. Знаю все наизусть: у вас гениальные мысли, но вы не умеете их выразить [...]

М.<арк>. Хоть бы претворялись, что ли, по вежливости А то с таким лицом меня встретили, как даже верную собаку не встречают [...]

Л.<ия>. Спрячьтесь [...] и посмотрите в щелку — вы умеете.

М.<арк>. Что же вы судите? Чем я виноват, что я не он? И к чему напоминать об этом [...] Я ваша тень, Лия. Где вы, там я. Но наступает ваш полдень, и я исчезну, как тень [...] Лия... Лия... Лия... [NB. Когда я один, повторяю вот так без конца ваше имя, «Имя твое как пролитое миро» — не бойтесь] [...]

Л.<ия>. От морфия?

М.<арк>. Не будьте злой, Лия, это вам не идет [...]

Л.<ия>. А правда, что вы у тети Софы пять тысяч заняли и прокутили в «Черной Кошке»² с какой-то декадентскою певичкою?

М.<арк>. Вам-то что?

Л.<ия>. Ну ведь это же хулиганство, Марк! Софочка, бедняжка, любит вас, как мать.

М.<арк>. Ну же, совсем, как мать. [А насчет христианства — может быть, и в том-то мое призвание и есть, чтобы довести до последних пределов метафизики.]

Л.<ия>. При чем тут метафизика? Полно. Просто грязь.

М.<арк>. Да вам-то что, вам-то что? [...]

М.<арк>. И зачем об этом теперь: ведь я же говорил вам, что прощаться с вами пришел. Как перед смертью. Помните на шабаше Вальпургиевой ночи, — белая, как моль, Лилит, первая жена Адама? Лилия — Лилит³ [...]

Л.<ия>. На шабаше «Черной Кошки»? [...] Все-то вы сочиняете, Валечка. Не вы моя тень, а я ваша. Сочинили себе чучело Лилит [...] до меня вам дела нет.

М.<арк>. Знаете, Лидия Николаевна, какая примета любви совершенна

Л.<ия>. Не знаю.

М.<арк>. Отсутствие ревности.

Л.<ия>. Ну и что же из того?

М.<арк> (перебивая). «Ну и что же из того?» О милая!..

Л.<ия>. Жидовочка?..

М.<арк>. Не сердитесь. Умиравшему все позволено [...] Если вы когда-нибудь полюбите [...] позовите меня [Я буду вам устраивать свидания, сторожить дверь и в шелку не подсматривать. Буду вашим слугой, Личардой⁴ верным, посредником, сводником] [...]

Л.<ия>. Какое презрение!

М.<арк>. Презрение?

Л.<ия>. А то что же? [...] «крошечный бесенок к насморком»⁵. Желаете купить душу мою по дешевой цене.

М.<арк>. Да я и со своею душой не знаю, что делать. На что мне ваша? И будто вы так о душе заботитесь. Ведь вы же язычница, не христианка, не иудейка, а эллинка... Древний храм на мысе Синиум — несколько белых колонн у синего моря. Там пахнет горькой полынью и соленым морем. И в ропоте волн — такое же вечное ожидание чуда, как в этом гуле колоколов, слышите, только [...] вашего суда Лилит. Одного я хотел перед смертью быть с вами там, лежать у ваших ног на белом мраморе упавших колонн, как черная тень, и, когда наступит ваш полдень, умереть, как тень [...].

(Лия встает и прислушивается).

Голос Бориса (в передней). Здравствуйте, Маша
 Голос Маши. Борис Ив<анович>! А мы уж думали, не
 приедете!

Голос Бориса. Я телеграфировал.

Голос М.<аши>. Как же, получили, да в один.<надцать>
 ждали.

М.<арк>. Прощайте, Лия, Лия, Лия. Как вы побледнели!

Л.<ия>. Уходите, Марк.

М.<арк>. Как вы хороши сейчас. Никогда вы такой не
 были. Как ослепительно-грозен ваш полдень!

Голос Бор.<иса>. Не надо, Иван, большие вещи завтра.

Л.<ия>. Уходите.

М.<арк>. Ушел, ушел. Помните [...] Личарда [...].

(Марк — в дверь направо. Входит Б.<орис>).

Л.<ия>. Наконец-то

Б.<орис>. А Глеб, тетя Софа?

Л.<ия>. В церкви. (В прихожую). Маша, сбегай за
 Глебом [...]

Б.<орис>. Ну дайте же взглянуть на вас, какая вы?

Л.<ия>. Постарела.

Б.<орис>. Нет. А что-то в лице новое [...]

Л.<ия>. Устали? Хотите к себе? [...] Там все готово.

Б.<орис>. Не беспокойтесь. Я прекрасно доехал. Днем
 выспался. Народу было мало.

Л.<ия>. Боже мой, о каких мы пустяках [...]

(Б.<орис> смотрит на нее молча, с улыбкой).

Л.<ия> (тоже улыбается). Что вы?

Б.<орис>. Удивительно. Сколько раз хотел и не мог
 всп.<омнить> лица. Так вот вы какая.

Л.<ия> (взяв за обе руки его). Ну спасибо, милый...

Б.<орис>. За что?

Л.<ия>. За то что приехали. Как я ждала, как боялась,
 что не приедете? Ну слава Богу, слава Богу.

Б.<орис>. Трудно вам?

Л.<ия>. Очень.

Б.<орис>. Я по письмам видел.

Л.<ия>. Что письма? Если бы вы знали...

[Б.<орис>. А маленьк.<ая> Софочка? Л.<ия>. Из-за нее
 же все и началось. Б.<орис>. Она у вашей матери? Л.<ия>.
 Д.<олжна> б.<ыла> ее отправить к маме, чтобы не испортить
 реб<ен>ка, не изурод<овать> оконч.<ательно>]. [...]

Л.<ия>. Есть [...] легенда, как один мужчина пошел
 ночью на кладбище, разрыл могилу, потер платок свой
 трупным гноем и нюхал: «вот чего ты хочешь, насытись!» —
 пока не угасла в нем похоть⁶ [...] не человек я для него, а
 «плевел»...

Б.<орис>. «Плевел»?

Л.<ия>. Ну да. Помните притчу [...] Когда люди спали, пришел враг и посыпал между пшеницами плевелы. Доброе семя — сыны Божьи, а плевелы — сыны лукавого. Несуществующие люди, автоматы, чертовы куклы, пустые маски, за кот.<орыми> нет ничего. Кажется, что они есть, но их вовсе нет. Не душа, а пар... Ну вот и я плевел [...] Я никогда не могла понять, что это такое⁷ [...] [Мне самой иногда кажется, что есть «плевелы» и я [...] когда об этом думаю [...] Еще до свадьбы говорили Марку вот этими самыми словами — я тогда запомнила, мне Марк сосплетничал: и у жидовочек, у самых даже хорошеньких, кровь в жилах как будто не красная, а белая или синяя, уколи булавкой и увидишь, что кровь у них не та, что у нас». Б.<орис>. Бред, сумасшествие... Он просто болен.]

Л.<ия>. Теперь узнаете [...] Ну довольно [...] Мне так хорошо с вами, так радостно [...] Когда вы на меня так смотрите, я опять чувствую, что я человек, а не плевел, и кровь у меня в жилах красная... Ну спасибо, спасибо, милый.

Б.<орис>. Красная, Лия, для меня, красная.

Л.<ия>. Вот они. (Входят Глеб и тетя Софа). [...]

Т.<етя> С.<офа>. Боря, голубчик!

[...]

Т.<етя> С.<офа>. Боричка, миленький, неужели же видел?

Б.<орис>. Сколько раз [...] Я игрушки [привез — аэроплан] [...]

Т.<етя> С.<офа>. Одного я у Бога прошу: пока не ослепла, увидеть бы. [...] У нас-то, ведь, в России, так и умрешь — не увидишь.

Марк. Да [...] не скоро еще [Бог даст,] посмотрим. «От хорошей жизни не полетишь».

Т.<етя> С.<офа>. Ну что, как, Боря, хорошо?

Б.<орис>. Удивительно. Сначала глазам не веришь [...]. А потом... такая радость, будто сам летишь, дух захватывает [...] тут, в самом деле, [небывалое] [...]

М.<арк>. Будто бы новое? [...] Еще у шалунишки [Икара] восковые крылья [от спящих] растаяли?⁸

Б.<орис>. Ну нет, теперь не растают [...]

М.<арк>. Помесь титана Прометея с автомобильщиком. Бедный Ницше!⁹ Если бы [он] знал, что сверхчеловечество достигнется алюминиевой вертушкой, а керосиновой лампой испакостим [мы] весь шар земной. Уж и на Северном полюсе водрузило знамя американское мошенничество¹⁰. А теперь вот и за небо принялись. Какие появятся там рекламы о

шоколаде Milka и непромокаемых плащах [...] Разве не жаль доброго, старого, чистого, Божьего неба!

Б.<орис>. Романтик вы.

М.<арк>. Что значит романтик?

Б.<орис>. Когда мы русские ругаем Европу, это значит: виноград зелен¹¹.

М.<арк>. А когда подхалимствуем?

Т.<етя> С.<офа>. Ах, какой вы несносный [...] [Полно] вам спорить — еще поссоритесь.

Глеб. Вот уж из-за выеденного яйца. Ну можно ли серьезно?

Борис. Можно, Глеб.

Г.<леб>. А если так, — Валичка прав: [...] Каким был таким и останешься, крылатая или бескрылая тля [...] Приобрели весь мир, а об едином на потребу забыли.

Б.<орис>. О Боге?

Г.<леб>. Да, о Боге.

Б.<орис>. Они забыли, а мы помним.

Г.<леб>. Помните, голубчики, только это одно и помните.

Б.<орис>. «Народ-богоносец»¹²?

Г.<леб>. Смешно [тебе]?

Б.<орис>. Нет, [жутко] [...] Особенно после всего, что было.

Г.<леб>. Да ты знаешь ли, что было и есть. Ты ведь так давно отвык от нашего воздуха в России [...] И привыкать не хочешь.

Б.<орис>. Уж опять у вас — тут — воздух-то тяжелый [...]

М.<арк>. Это что же означает, а? Реакция, что ли?

Б.<орис>. Называйте, как хотите [...]

Г.<леб>. Погоди, Марк, я скажу: [...] навалились на нас и задушат нас. «Фармацевт».

Б.<орис>. Фармацевт?

Г.<леб>. Фармацевта не знает. Что же ты видишь [...] Ну а кто он такой, шут его знает. Проходимец без рода, без племени, в банной мокроте завелся, по виду человек, а на деле чертова кукла, [марево], пустышка, несуществующий.

Б.<орис>. Плевело?

Г.<леб>. Он самый [...] Да всех нас фармацевт слопал! [...]

Б.<орис>. Хочешь сказать, хорош великий народ, [которого фармацевт] задушил.

Г.<леб>. Не народ, слава Богу народ еще язык [...], им то, пожалуй, фармацевт подавится, а вот нас, русских интеллигентных людей — милости просим, кушайте [...] До того дошло, что от него отличить не умеем. [NB! Покорились ему окончательно, отреклись от [веры], от Бога, от отечества, от прошлого и будущего.] С [фармацевтом]-то мы [к] народу сунулись [...] Но народ не узнал нас: видит —

бугришки, изверги, хулиганы, провокаторы, экспроприаторы, не русские люди и даже не люди вообще, а какие-то человекоподобные чудовища, вроде обитателей Марса в «Завоевании миров»¹³. И шархнул в ужасе. Народ ушел, а фармацевт остался — ему-то горя мало, живо оправился [...] Опозоренные, оплеванные, задавленные — вот как собака, что колесом переехало, околеваем. И думали, что Россия гибнет, но не Россия, а мы провалились к черту.

Лия. Не пора ли спать, господа. Борис Иванович, верно, устал. Да и сколько ни говорить, ни до чего не договоритесь. А друг друга, кажется узнали.

[NB! Т.<етя> С.<офа>. «Попочка, пойди в клеточку!» М.<арк>. Это что же такое? Т.<етя> С.<офа>. А это одна моя [знакомая] старушонка дачница попугая звала, который в сад улетел].

Т.<етя> С.<офа>. А ты, Глебушка, миленький, полно-ка тебе, вредно тебе.

Г.<леб>. Хорошо, тетя, последний и больше не буду. За что бы? [NB. Г.<леб>. [Да ведь за Воскресение России и за нашу смерть], потому что нам не умереть — и не воскреснуть. К черту фармацевта, к черту нас всех [...] Да здравствует [Воскресение!]]

Т.<етя> С.<офа>. Что ты, голубчик? Господь с тобою как можно? Не надо, не надо, Глебушка. (Хватает Глеба за руку. Он роняет стакан).

Г.<леб>. Ну вот и разбился [...]

М.<арк>. Ничего [...]

Т.<етя> С.<офа> плачет. Ну зачем это? Зачем? Хоть бы в праздник-то

Г.<леб>. Софочка, милая, голубушка, [простите], не плачьте ради Христа... [NB. Т.<етя> С.<офа>. Да не сержусь, Глебушка. А только нехорошо, нехорошо... Ну да Бог с тобой.] [...]

Т.<етя> С.<офа> уходит в дверь налево

Г.<леб>. Ну вот и огорчил я тетю Софочку. Да и тебя, Боря.

Б.<орис>. Полно, Глеб.

Г.<леб>. Так не сердисься? [...]

Б.<орис>] (смеется). Чудак, право... Чудак, «дядя с баки!»

Лия. Это еще что такое? [...]

Г.<леб>. Я что. Он меня в гимназии так бывало дразнил: «Эй, дядя с баки, куда шпартгалку девал?» [...] Ну спите с Богом, дядя с барки... (Целует Бориса). Идем, Марк.

М.<арк>. (прощается с Б.<орисом> и Л.<ией>). Да, только к тебе на минутку зайду — два слова. Не задержу, не бойся — у самого глаза слипаются.

Глеб и Марк в дверь — направо. Борис и Лия подходят к окну [...]

Б.<орис>. А как тут у вас хорошо! [...] Какой простор! Весь Петербург виден.

Л.<ия>. Да, особенно в белые ночи. Вот видите, небо внизу еще чистое, аверху уже прозрачное, светится огонь за синим стеклом. И как мало звезд. Это к белым ночам. Хорошо тогда, но [*жутко*]. Как во сне. Достоевский правду сказал, что весь Петербург точно приснился кому-то точно, вот-вот проснется спящий — и ничего здесь не останется¹⁴. А вы любите сны?

Б.<орис>. Такие, как этот? [...] Нет, просто спать и видеть сны? [...] как вам сказать? Нехорошо во сне то, что человек без воли. Не сам делает, а с ним делают. И как будто немного сходишь с ума.

Л.<ия>. По мужски-то ответили. Ну а я, должно быть, по-бабьи, за то сны и люблю, что само делается, воли не нужно; а нет воли — нет вины. Наяву того нельзя, этого, а во сне все можно, [*все позволено*] [...] Вот для меня теперь [*и*] Париж — сон.

Б.<орис>. И для меня.

Л.<ия>. А вы и этого сна не любите.

Б.<орис>. Люблю... Но

Л.<ия>. Но что?

Б.<орис>. Боюсь.

Л.<ия>. Не бойтесь, милый!

Б.<орис>. Как вы это сказали...

Л.<ия>. А что? Нехорошо?

Б.<орис>. Нет, хорошо. Но не надо.

Л.<ия>. Ну не буду, не буду, простите. Я же [...]

Б.<орис>. А вы никогда наяву не рассказываете в том, что было во сне?

Л.<ия>. А вы?

Б.<орис>. Я...

Л.<ия>. Не говорите, не говорите, не надо! [...] Я ведь не знаю, какой вы теперь: так давно не виделись [...] Я тоже немного боюсь...

Б.<орис>. Не бойся, милая!

Л.<ия>. Ну вот и вы, и вы [...]

Л.<ия>. Ну довольно, довольно! Пойдемте. «Пора-спати», индийская нимфа. «Пора-спа-ти». Должно быть, Владимир Соловьев тоже любил говорить глупости¹⁵ [...] чему вы смеетесь?.. Не смейтесь же, а то я еще хуже буду [...]

(Из двери справа Марк и Глеб). Ах, Марк, вы все еще тут. Что вы на меня так уставились? Какие у вас глаза [...] круглые [...], точно у совы или попочки. «Попочка, пойдем в клеточку!»¹⁶ (Смеется).

(Борис и Лия уходят в дверь налево. Марк и Глеб [...] смотрят им вслед).

Голос Лии (из-за двери). Я вперед, вам посвечу [...] Дайте руку, вот так.

Марк. Ну прощай. Значит, [в Москву].

Г.<леб>. [Поедем].

М.<арк>. А какая она была сегодня...

Г.<леб>. Кто?

М.<арк>. Лия.

Г.<леб>. Какая же?

М.<арк>. Не знаю. Но я никогда не видел ее такую [И как они тут вдвоем у окна] [...]

Г.<леб>. Что такое вдвоем? Что у тебя за манера, начинать и не договаривать.

М.<арк>. Голова [...] сегодня какая-то, [трещит], что не своя, должно быть, от [...] морфия [...]

Г.<леб>. Э, черт тебя дери, что ты молчишь? Что у тебя на уме? Говори прямо.

М.<арк>. В одной философической новелле [...] прочел я намеренно пословицу о монахе и женщинах: «Не подноси огня к маслу».

Г.<леб>. С ума ты сошел, что ли?

М.<арк>. Может быть.

Г.<леб> (бледнея). Знаешь, Марк, я, кажется, спущу тебя с лестницы! Вот возьму за шиворот и, как собаку [...]

М.<арк>. Гони природу в дверь, она влетит в окно. Друг дома — необходимая вещь во всяком хозяйстве. А насчет собаки, — у меня [...]

Г.<леб> (поднимая кулаки) [...] Вот! Вот! Мерзавец!

М.<арк>. Не горячись. Утро вечера мудренее. [Москву — не забудь. До свидания]. (М. [арк] уходит. Глеб стоит у окна, прислонившись лицом к стеклу. Потом идет к двери налево, открывает ее и прислушивается. [(Входит Лия).] [...])

Л.<ия>. [Марк ушел]?

Г.<леб>. [Ушел] [...]

Л.<ия>. Что с тобою?

Г.<леб>. А что?

Л.<ия>. На тебе лица нет. [Опять сердце?] Хочешь капель?

Г.<леб>. [Дай].

Л.<ия> (отсчитывает капли). Десять или пятнадцать?

Г.<леб>. Все равно... [Ты рада, Лия, что Борис приехал?]

Л.<ия>. [Рада].

Г.<леб>. [И я рад, что] вы [с ним] сошлись так скоро... Такие разные... Я боялся, что вы не поладите. А вот, слава Богу. И знаешь, Лия [...]

Л.<ия> [(подавая капли). На, пей и] ступай-ка спать [...]. Пора. И я пойду. Прощай.

Г.<леб>. Постой [...] Мне в самом деле нездоровится. [Побудь со мной.]

Л.<ия>. От этих разговоров еще хуже. Хочешь, тетю Софу пошлю?

Г.<леб>. Не надо. Лия...

Л.<ия>. Ну что?

[Помнишь, Лия, я тебе говорил насчет плевел и о фармацевте¹⁷. Ты не думай: я ведь этого не хочу, ненавижу, ненавижу себя до омерзения, борюсь изо всех сил. Помоги мне, помоги. Одно слово, Лия, одно слово. Л.<ия>. Довольно было слов, Глеб. Устала я до смерти от всяких слов. Г.<леб>. Ну прости... Только прости... Ведь я же тебя люблю, Лия... Ты знаешь, что люблю... о Господи... Может быть, ничего бы этого не было, если бы меньше любил. Л.<ия>. Что такое опять? О чем ты?]

Г.<леб>. Ничего. Ступай... (Лия уходит. Глеб падает на стул, закрыв лицо руками).

(Занавес)

[Середина 1910-х гг.]

ДОПОЛНЕНИЯ

ОСЕНЬ

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

<ПЛАН>

I Действие

I явл.<ение> 2 явл.<ение>

Монолог Аделаиды. Молотов и Волков. Мол.<отов> упрекает Волк.<ова> что он любит А.<делаиду>, Волков признается, что все это от скуки (пошлое либеральничанье, нет дела). Зависть М.<олотова> Волкову и его капиталы (М.<олотов> говорит о Наташе. Волк.<ов> гов.<орит> что она очень хор.<оша>, <ошенькая> <?> но что в принц.<ипе> любит не ум, любит Адел.<аиду> от разд.<ражения> на себя и за цвет ее губ, хотя й зн.<ает> что она подкр.<ашивает> В.<олков> любит осень, показывает М.<олотову> георгины, сравнен.<ие> с А.<делаидой>. М.<олотов> отз.<ывается> презрит.<ельно> (гнилая эстетика). М.<олотов> гов.<оворит> что если б не больш.<ое> дело, не сооружение чуг. [унного] моста, в кот.<оторое> он вл.<ожил>, то он полюб.<ил> бы Наташу (хотя архи прелест.<ная>)

3 явл.<ение> Мамаша и Наташа вых.<одит> Мам.<аша> жал.<уется> на мигрень хоз.<яин> не давал ей спать ночь и бесп.<окоится> что Нат.<аша> бледненькая от бессонной ночи (уходит).

Ан.<на> Н.<иколаевна> Пет.<ербург> (скорей бы в дер.<евню>. зовет Адел.<аиду> та крич.<ит> сейчас. 4 явл.<ение> Выходит. Говорит М.<олотову> какой вы сейчас интересный.

Аделаида высказывается (генералы, ее подчинение) Вспомнила про кошку (пропала) [*убегает*] посыл.<ает> Д.<ашу> искать, огорчается. 5 явл.<ение> Мать говорит, что ей свежо здесь — уходит. Мол.<отов> просит Н.<аташу> сыграть ему — тоже уходят.

6 явл.<ение> Аделаида и Волков. Аделаида гов.<орит>, что люб.<ит> воен.<ные> орк.<естры> Объяснение — Ад.<е-

лаида> ух.<одит>, [7 явл.<ение>], вх.<одит> Молот.<ов> [8 явл.<ение>] (я кое-что слышал) разговор. [9 явл.<ение>] Волк.<ов> уходит. 10 явл.<ение> Мол.<отов> один Наташа [11 явл.<ение>] — книга Разговор. Наташа любит Волк.<ова> Нат.<аша> хоч.<ет> пост.<упить> на курсы, книга — геометрия. 12 явл.<ение> Мол.<отов> на минуту один, план его действий. В.<олков> Уход.<ит> Откр.<ывает> окно, опять Ад.<елаида> разг.<овор> с матерью раздраженный. Мать уходит. Ад.<елаида> одна, ее монолог (29 лет).

2 действие

[Вечер] Ранний вечер. На берегу озера. Сосновый лес. Скамейка. Восходит луна. На скамейке Мол.<отов> и Адел.<аида>.

1) Разговор. [Ад.<елаида> реш.<ила> отк.<азать> В.<олкову>]. Конч.<ается> поцелуем Ад.<елаида> убегает

2) [Мол.<отов> гов.<орит> Ад.<елаиде> что будет жд.<ать> ее здесь вечером]

3)

Мол.<отов> один (Скоро поб.<еда>) Уход.<ит> Мать и Наташа. Разговор. Нат.<аша> тоск.<ует> о дер.<евне> Мать тоже, о бедности, об Аделаиде. Завтра утром

Уходит (гуляют). Вх.<одят> взволн.<ованные> Вол.<ков> с М.<олотовым> — В.<олков> — Ад.<елаида> (отказала). М.<олотов> — утеш.<аются> с Нат.<ашей> в пику А<делаиде>. М.<олотов> — вот она идет — оставляю. Кив.<ает> Нат.<аше>. Уходит.

5) Нат.<аша> грустная, пугается. Прощается с Волк.<овым>. Объяснение. Они любят друг друга. Идут к матери.

6). Мол.<отов> Адел.<аида>. Ад.<елаида> (страшно бывает, но...) М.<олотов> — в Америку Ад.<елаида> в обморок с криком. 7) Мать, В.<олков> и Нат.<аша> (что случилось?..) 8) Даша — кошка нашлась — финал. Ад.<елаида> уходит <с> офицером.

(ДРАМА БЕЗ НАЗВАНИЯ)

<ПЛАН>

Борис
Глеб
Лия
Тетя Софа
Марк
Трифон
Бондаренко

I

Пасхальная ночь.

1) Тетя Софа и Лия. Ожидают Бориса. Грустная Пасха для т.<ети> Софы. Она сплнет. О Глебе. Что с ним? Тете Софе легче говорить с Лией о старце Германе, о чуде, чем с Глебом. — «Жидовочка вы моя!» Лия стосковалась о своей девочке. Т.<етя> Софа о Марке. Он истратил ее деньги, связался с актрисою. Она жалеет его. Не увидит и Лия. Уходит в церковь.

2) Марк и Лия. Выспрашивает ее о Борисе, о том, что было в Париже. Как он пьянеет от Лии. Уехал бы с нею. Он один ее понимает, она — язычница. Лия — Лилит, первая жена Адама.

«Я ваш — Личард верный, ваш Мефистофель». О тете Софе. Он хулиган. Пасхальные колокола.

Борис. Марк не хочет им мешать. Когда Лия уходит встречать Бориса он смотрит за нею вслед.

3) Борис и Лия

О Глебе. О том, что было в Париже. О маленькой Софочке. О старце Германе. Лия о своем одиночестве.

Борис и Глеб.

О Лие о жидках и жидовстве. О маленькой Софочке. «Плевелы» — женщины. Несуществующие люди. Старец Герман. Глеб хочет бросить все и уйти к нему в монастырь. Б.<орис> тоже много думает о религиозных вопросах, но пришел к иному. Он от мира не уйдет. Глеб: весь мир лежит во зле.

5) Борис, Глеб, Лия, т.<етя> Софа, Марк.

Общий разговор за столом. [«Христос воскрес!»]. Летательные машины. Россия и Европа. Народы-богоносцы. «Фа-

рмацевт». Народ и интеллигенция. «Жид идет». Пьет за гибель интеллигенции. Братья чувствуют как они разошлись.

Лия и Глеб у окна. «Какое все печальное и родное». Петербург. Ведет его со свечою. Марк и Глеб смотрят на них.

6) Марк и Глеб.

Марк намекает на любовь Лии к Борису. — «Я тебя когда-нибудь спущу с лестницы». — «Ты меня уже не раз спускал. Но я возвращаюсь. Гони природу в дверь, она влетит в окно». — «Убирайся к черту!» — «Берегись, — между нами что-то есть». — «Мерзавец!» Глеб падает, закрыв лицо руками.

II

На монастырской даче.

О старце Германе. [Марк и Глеб]. Трифон рассказывает тете Софе. В ст.<анице> о нем говорят. (Как он беседовал с каждым...

Бондаренко Пятна старой революции. Презирает всех. О Лии.

Неужели он, Глеб, ничего не видит.

Борис и Лия. Она говорит ему, что любит его. Он хочет уехать. Она умоляет, чтоб он остался. — она больше не будет об этом говорить. Поцелуй.

Марк и Борис. Хочет оскорбить его и вызвать на дуэль. — «Только скажите, любите ли вы ее». — «Люблю». — Хулиган. Конченный человек.

III

У святого источника.

Богомольцы о старце Германе. Глеб возвращается из пустыни, причастившись. Узнал о самоубийстве Марка.

IV

В Петербурге осень.

Борис и Лия. Он уезжает. Говорит ей, что любит ее. О Глебе. Она его боится. Сот с бритвою. Она для него — дьявол.

Борис и Глеб. Глеб предлагает Борису, чтобы Лия уехала с ним. Не хочет им мешать. Судьба его, Глеба, такая же, как Марка, он тоже хулиган, тоже конченный человек. Если от него уйдет Лия, он будет свободен. Сам уйти от нее он не решается. Борис отвечает, что все это — болезнь, сумасшествие. — «Да, я схожу с ума. И Лия этого хочет. И ты тоже хочешь этого. Вы оба соединились против меня».

Глеб и Лия. Он выспрашивает у нее, любит ли она Бориса, принадлежала ли она ему. Она отвечает ему с презрением. Он кидается на нее с бритвою. Взгляд Бориса и останавливает Глеба.

Борис и Глеб. Борис читает ему письмо старца Германа. Но уже поздно. Ему все равно. Хочет спать. Уходит. Борис остается один. Смотрит, прислушивается. Перерыв.

Борис и Глеб. Во сне видел старца Германа. Пойми все. Уходит вместе с братом от Лии. Вернется с ним в революцию. Лия: «Я боюсь». Она уходит к девочке и к тете Софе. Чудо старца Германа. Все трое обнимаются.

БОРИС ГОДУНОВ

КИНОСЦЕНАРИЙ

ВАРИАНТЫ

В КАБАКЕ

Уж и грязища же на улице, у слободского кабака! Разъездили, растоптали. Сколько телег одних пустых; с базара едучи — как не привязать коня, не заглянуть в шинкарню? Да там и завсе пир, народу труба непротолченная. То и дело вываливаются оттуда мужики, с гоготом, с песнями. Поодаль, у самой лужи, где нежится, хрюкает, черный боров, — нищие столпились, всякого звания: слепые, убогие, сказатели, юроды... Стоят, гнутят какую-то песню, народ хохочет.

Только что два странника, с котомками на спинах, поравнялись с лужей (и они, видно, к крылечку пробирались) — завизжал кто-то в толпе нищих не своим голосом.

— Ах ты, Господи батюшка! — испуганно проговорил толстый монах о. *Мисаил*. — Чего это такое?

Разобрав, что огромный черный нищий с бельмом на глазу дубасит маленького визжащего мальчишку, о. *Мисаил* сердобольно прибавил:

— Да чего ты его колошматишь?

— Это ихний, — пояснил кто-то из мужиков. — А ловко он его!

Все захохотали. Но *Григорий*, инок помоложе, вступился, костыль поднял.

— Ишь, дурак. Брось, говорят тебе!

— А тебе что? — обернулся *нищий*, выкатывая единое свое око. — Не твой, небось. С нами ходит, приبلудный. Ну, и моя воля: хочу с кашей ем, хочу с маслом пахтаю, а захочу, так и совсем убью!

Мальчишка, меж тем, вырвался, выкатился из толпы нищих, отбежал за лужу. По лицу у него текли слезы и кровь; захлебываясь, он продолжал визжать и осыпал ругательствами своего мучителя.

— Черт ты, такой-этакий, слепой, ишь! И все вы такие-то черти, душителю! Почем зря с кулаками. Да провались вы, убегу от вас... Чтoб вам, сатанам, на том свете...

Мужики пуше захохотали. Любо им, что здорово ругается. А *мальчишка* не унимался.

— Убегу, вот как Бог свят убегу. На что они мне сдались окаянные! Приبلудный, так мне везде дорога. Вот с отцами пойду, со странными.

Добродушному о. *Мисаилу* нравился мальчонка. И пошутить он любил.

— Да что ж, иди. Мы те в Писании наставлять будем. Ишь, мальчонка шустрый какой! Как звать-то тебя?

— А Митькой, — шмыгая носом, уже совсем бодро, заявил мальчик. — Возьмите, дяньки... то бишь отцы... Я привычный. Не потеряюсь и потеряюсь, так найдусь...

Странники, меж тем, двигались к крылечку. Из двери вывалилась густая, пьяная толпа, горланя песни. Кое-кто приплясывал. Тут и бубны, и дуды, у одного скрипица.

Цибалды — шибалда,
Задуди моя дуда,
Гряньте бубны — бубенцы,
Разгулялись молодцы...
На погосте воз увяз,
А дьячок пустился в пляс
Хлюп, хлюп, хлюп!
А как поп с погоста шел,
Забодал его козел
В пуп, в пуп, в пуп!

— Эко веселье! — проговорил о. *Мисаил*. — Доброе, знать, вино у хозяина. Идем, штоль, Григорий! С утра в горле пересохло.

Они вошли в кабак. *Митька*, пробравшись между ногами мужиков, незаметно юркнул за ними.

2.

Шинкарня — просторная, черная низкая изба. Народу всякого — полным-полно. И вот где веселье: и песни, и пляски, кто во что горазд. *Мисаил* и *Григорий* приотпились на лавке в уголку, недалеко от стойки. Хозяин толстый, — рожа красная. И хозяйка в теле, чернобровая, вальжная, медлительная, не любит, видно, себя беспокоить.

Мисаил доволен. Он уж со второй чарки охмелел, утирает пот с лица, ногами притоптывает.

— То-то и любо! И я, бывало, сплясывал... Не спесивься, хозяйюшка, выходи на круг. Доброе вино у тебя, так и я, пожалуй, Господи благослови...

Гости заржали. Отовсюду послышались возгласы: «Старец, ишь как с посту его разобрало! Гляди, ноги не сдержат!» «Помоложе который, тот не рыпается. Сидит, как сыч».

Кто-то услышав, завопил: Эй, давайте сыча!

— Сыча! Сыча! — подхватил, ударив по столу рукой *Мисаил*. — Ладная песня! Хоть и грех — подтягивать буду.

И пошла песня про сына: «Туру-туру, петушок, ты далеко ль отошел? За́ море, за́ море, ко Киеву-граду, там дуб стоит развесистый, на дубу сыч сидит увесистый. Сыч глазом моргает, сыч песню поет, дзынь, дзынь, передзынь...»

В другом углу в это время кто-то наярывал, на дуде, свое. В третьем началась пьяная драка. *Хозяин* вышел из-за стойки, направился, было туда, но о. *Мисаил* поймал его за полу.

— Хозяин, а хозяин! — начал он плаксиво-просительно. — Будь ласков, выстави еще косушечку! Мы люди странные, ходючи по Божьему делу притомились, а что при нас было, малая толика, все тебе выложили. Алтына больше нет, Господь Бог свидетель, а ты выстави косушечку на покаяние души!

Но *хозяин* грубо выдернул полу из цепких *Мисаиловских* рук.

— Нет ни алтына, так и полезай с тына, давай место другим! Чего привязался? Хороши вы странные, еще монахи!

— Мы не простые монахи, мы мудреные. Эй, хозяин, мы тебе отслужим.

— Сказано не дам. Не надобна ваша служба!

— Как это не надобна? — приставал *Мисаил*. — Ну, хочешь, я спляшу? А то расскажу, чего мы перевидали, что и во сне никому не приснится...

Корявый мужик, что сидел невдалеке, икнув, произнес равнодушно: «Ишь ты, во сне не приснится!» Вдруг *Григорий*, сидевший дотолы молча, но уже тоже немного охмелев, вскипел.

— Тебе, может, коза рогатая снится, а я так сон видел, трижду кряду, сон этот на духу рассказать, и то страшно.

Корявый мужик не двинулся, но другой гость, человек неизвестного звания, подсел поближе к *Григорию*.

— А ты Расскажи...

Не взглянув на него, *Григорий* потянул за рукав *Мисаила*, который все еще лип к хозяевам, умолял, заплетаясь, хоть чарочку одну налить.

— Пойдем прочь, отец! Что нам тут с ними, с холопами, растабарывать? Ныне, сам знаешь, как вышла отмена Юрьеву дню, все на Руси холопами стали!

Про Юрьев день слышали. Ближний *сосед*, мужик не так уж пьяный, сказал: — Да нешь мы тому, отец, рады? Мы по Юрьеву дню во как плачем! Нонче, думаешь, ничего, а глядь, не знай как, уж холоп!

Человек неизвестного звания, что подсел к *Григорию*, фыркнул.

— Плакальщики, тоже объявились. Вы, отцы святые, дурней не слушайте. Вы и вправду, как я замечаю, Божьи люди. А коли гребтится с устатку еще по чарочке выкушать, так и быть так, я угощаю. Ставь, хозяин, в мою голову!

Появилось вино. *Мисаил*, в полном восторге, не уставал призывать благословения на голову доброго человека: «таких и по Москве мы не встречивали!»

— К странникам Божиим у меня сердце лежит, — говорил скромно *добрый человек*. — Вы же, сами признаетесь, монахи не простые. Понасмотрелись на белый свет. И во сне-то вам видится, чего неведомо... Скажи, отец, — обратился он к *Григорию*, — какой такой страшный сон тебе был?

От новой чарки *Григорий* побледнел. По-прежнему не глядя на собеседника, глядя куда-то прямо пред собой, произнес:

— Сон-то... на духу только скажу. И то, может, не скажу.

— Эх, доброе вино! — причмокивал *Мисаил*. — А ты, *Григорий*, что там на духу, мы во всякий час перед лицом Божиим. Ты уважь доброго человека, поведай, чего такое тебе приснилось.

— Трижды... три ночи подряд... после молитвы... видел я сей сон...

Григорий говорил медленно, глухо, как будто про себя. Все также смотрел он широко открытыми глазами куда-то вперед, прямо перед собой. Слов *Мисаила*, что после молитвы благие, мол, сны снятся, он точно не слышал. Продолжал, после молчания.

— Мне виделась лестница, высокая, крутая. Все круче шли высокие ступени, и я все выше подымался. Внизу народ на площади кипел. Мне виделась Москва, что муравейник...

— Так говоришь, Москва? — вставил внимательный слушатель, *человек неизвестного звания*.

— На самой высоте, — продолжал *Григорий*, — престол царей московских. И я — на нем. Вокруг стрельцы, бояре... а патриарх мне крест для целования подносит.

— Вот как!... — прерывает *сосед*, но *Григорий* его не замечает.

— ... И я тот крест целую с великой клятвой, что на моем царстве невинной крови капли не прольется, холопей, ни-ших не будет вовсе. Отцом я буду всему народу... И эту последнюю, — возвысил он голос, взявшись за ворот рубашки, — эту последнюю я разделю. Со всеми!

— Постой, постой! — кричит, и опять напрасно, внимательный *сосед*. Вокруг сгрудился ближний народ, жадно вслушиваясь. В стороне где-то наяривают плясовую, у двери гнутя *юродивые*: «Лейтесь, лейтесь, слезы горькие, плачь, плачь, душа православная»... Но ничего не видит и не слышит *Григорий*.

— ... Довольно Руси по-волчьи выть, довольно в кабаке слезами обливаться, да от судей неправедных бегать! Не казнями и не суровостью я буду царствовать, а милосердием и щедростью...

— Ай да ловко! — во весь голос крикнул *сосед*. — Стой! Значит, на Москве царем ты себя видел?

— Великим и державным. Три ночи сряду, чуть глаза закрою — все тот же сон...

— Эй, люди! — закричал *сосед*, вдруг вскакивая и хлопнув в ладоши. — Сюда, ко мне! Хватайте чернеца! Негожие речи его, хула на государя Бориса Феодоровича! Измена! Крутите крепче!

Откуда-то явившиеся *стрельцы* связали *Григория*. Поднялось общее смятение, суматоха, песни смолкли. В народе послышалось: «*Ярыжка!* Ах, он дьявол, подсуседелся, и ничто ему! Покою ноне от них нету...»

Ярыжка, не смущаясь, ткнул пальцем в *Мисаила*.

— И этого прихватите, толстопузого. Впрямь, не простые они монахи!

— Батюшка! Отец милостивый! — завопил *Мисаил*, порываясь кинуться *Ярыжке* в ноги. — А меня за что? Я три ночи подряд не спал. А не то что сонные видения какие! Да у меня и отродясь их не было! Какой я царь на Москве? Смилуйся...

— Ладно, там разберут, какой ты царь. Под клещами и патриархом признаешься, небось! Ташите их!

Обоих, крепко связанных, потащили к дверям, под глухой гул толпы. Какая-то *баба* причитала: «Мучители окаенные! И старца-то Божьего не оставят! Пришли, знать последние времена!» *Другая* ей вторила: «Зачем, слышь, три ночи вряд проспали! Приказ, мол, новый вышел... Не веле-но! Мучители и есть!»

Из-под стола, где сидели *Григорий* и *Мисаил*, тихонько выполз на карачках, взлохмаченный *Митька*. Пробрался незаметно сквозь толпу и в дверях точно приклеился к *Мисаилу*.

Непрерывные стоны, вопли и мольбы *Мисаил* продолжал и в дверях. Но, заметив *Митьку*, вдруг умолк.

— Ты чего, постреленок? — зашептал он ему. — Уноси ноги, пока цел.

Но *Митька* не сморгнул и тоже шепчет:

— Ништо, батька, я за вами. Небось не пропаду!.. А важно он говорил: лестница-то кру-утая-раскрутая... И все наверх, все наверх... Важно!

3.

БЕГСТВО

Рано, рано... Сводчатая келийка Чудовская темна, чуть окошечко обозначается, сереет. Спят двое, по дыханью слышно. Сладко, должно быть, спит один, — храпит вовсю. Ровно дышит другой.

Чья тень мелькнула на сером пятне оконца? Мелькнула — сгнула. Али вошел кто? Ходить некому, спит монастырь, это так, верно, — мало ли какие тени бродят ночью в древних кельях?

Но вот вскинулся один из спящих. Тот, что в углу, на примощенных досках спал. Чуть побледнело серое окошечко, и видно, как сел на постели проснувшийся, оглядывается, слушает. Тишина, только крики сторожевые далеко.

Упал, было, на ложе, но тотчас опять вскочил. Откинул изголовье.

— Отец Мисаил! Отец Мисаил!

Напрасно зовет. Еще усерднее храпит *Мисаил* на постелюшке своей, на полу. Растолкать надо.

— Чего? Чего? Святители, угодники! Ни в чем я неповинен!

Григорий, быстрым, нетерпеливым шепотом, к нему:

— Да проснись ты! Кто в келью входил, ты видел?

Никак путем глаза не продерет *Мисаил*.

— Свят, свят, свят! Кому в обители быть?

— А узел-то у меня под головой откуда?

— Какой узел? Царица небесная!

Мисаил котом подкатился к *Григорию*: «И то узел! А в узле-то што?»

Опять быстро и опасно шепнул *Григорий*:

— А я почем знаю? Подкинута что-то.

Стоят оба над узлом. В окне еще побелело. Видать: узел.

— А ты погляди, — говорит *Мисаил*. — Мне чего страшиться, не мне подкинута.

Григорий решается. Развязывает. Что там? «Платье мирское... Кафтан...» — шепчет *Григорий*. — «О. Мисаил, мешок! А в мешке-то казна!»

Так и обмер *Мисаил*. Руками машет.

— Зачурай, зачурай! Нечистая сила это строит под тебя! Да воскреснет Бог... Перекрестил мешок? Ну что? Угольками, небось, скинулось? Али чем похуже?

— Да нет, деньга звенит. Золотые. Постой, тут еще грамота...

Торопливо отошел к посветлевшему окошечку, разбирает, читает, тихонько шепча про себя:

— Наказ... Царевичу Димитрию... уходить тайно в Литву... а там будут ему в помощь верные люди... а с уходом сим чтобы не медлить...

Остановился. Сложил бумагу. «Вот оно что!» *Мисаил* занимался мешком: тряс его, крестя, но в мешке ничего больше не было. Тогда он опять к *Григорию*:

— Говори, сказано-то как в грамоте?

— Никак это... уходить мне. А то плохо будет.

— Мать Пресвятая! — воскликнул *Мисаил*. — Утекли мы единожды от злодеев, так опять они на нас, яко львы. Уходить, так уходить, я готов, не сборы собирать, нагрянут еще нечестивые...

— А ты-то куда? — отозвался *Григорий*, торопливо завязывая мешок. — Про тебя не сказано.

Но *Мисаил* уже свою котомку сготовил.

— Как куда? А я и не думаю, куда ты, туда и я. Вместе были в узилище кинуты, и чудесному избавлению вместе подверглись, так теперь, как ты с казной утечешь, мне что, одному оставаться, ответ держать? Я уж с тобой, брат *Григорий*, туда ли, сюда ли, только вон из блата сего смрадного, от ищущих поглотити ны.

— Ну, ин тащись, отче, — промолвил *Григорий*, взваливая мешок на спину. — Поторапливаться надо, пока братия не поднялась. Уж свет, к заутрени, гляди, ударят.

Григорий мирское платье пока в мешок спрятал. Из обители чернецом надо выйти.

— Мы тишком, молчком, по стеночке, — приговаривал *Мисаил*, крадучись за *Григорием*. — Как мухи пролетим. Мальчонка б до ворот не привязался, востроглазый. Митька

энтот. Как смола прилип, где не можно — вокруг околачивается, теперь в обители где ни есть привитаает.

— Что ж, он не помеха, — шепнул *Григорий*. — К пути же привычный.

— Я и говорю. Да и грех младенца отгонять. Шустрый такой, поможливый... Ну, Господи благослови. Заступница Казанская, Пресвятая мать Божия и все святые угодники...

В светлеющих заревых сумерках крадутся *чернецы* по монастырским переходам. Вот они в ограде. Далеко-далеко уж ударили где-то в колокола. А у самых ворот застиг беглецов и первый, густой удар Чудовского колокола, — к заутрени.

Выкатился откуда-то взлохмаченный *Митька*. Словно ждал их! И деловито так: «Поспешайте, мол, калитка отомкнута, как раз привратник отлучился».

И правда: отворили, вышли, никто не видел. Все трое: *Митька* не отстал, да и не отстанет.

Москва гудит колокольным звоном.

КОРЧМА

Корчма на Литовской границе. *Григорий*, мирянином, *Митька*, *Мисаил* и *хозяйка*. На *Митьке* (он мал ростом, рыжеват) одежонка приличная, не оборван. *Мисаил* в виде бродяги-чернеца. *Хозяйка* подает на стол.

Хозяйка. Кушайте, родные. Что Бог послал. Вина не вынести ли, отец честной?

Мисаил. А есть у тебя вино?

Хозяйка. Как не быть!

Мисаил. Ох грехи! Не приемлю ныне, не приемлю раз принял и обрушились на меня беды неисчетные, обступили мя алчущие души моей напрасно, изострили жала свои, яко змии, разъяли пасти свои, яко львы. Слово Велиала¹ прииде на мя...

Хозяйка. Эки Страсти Господни! Спаси Господи и помилуй!

Мисаил. И восстал Бог, исторг мя из преисподней, избавил нози мои от преткновенения, дабы ходил я во свете живых²... так-то, хозяйюшка. Ты вынести винца-то, с дороги одна чарочка — отпустит Бог греху.

Хозяйка приносит вино. *Мисаил* пьет.

Григорий (*хозяйке*). Это куда дорога?

Хозяйка. В Литву, кормилец, к Луевым горам.

Григорий. А далече ли до Луевых гор?

Хозяйка. Недалече, к вечеру бы можно туда поспеть, кабы не заставы царские, да сторожевые пристава.

Григорий. Как заставы?

Хозяйка. Да бежал кто-то из Москвы, Господь его ведает, вор ли разбойник, только всех велено задерживать да осматривать. А что из того будет? Ничего, ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти налево, да бором до часовни, а там прямо на Хлопино, а оттуда на Захареево, а там уж тебе и Луевы горы. От этих приставов только и толку, что притесняют да обируют нас бедных. (*Прислушивается*). Вот, кажись, скажут. Ах, проклятые.

Григорий. Хозяйка, нет ли в избе другого угла?

Хозяйка. Нету, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором, а подавай им вина, и хлеба, и неведомо чего, чтоб им издохнуть, окаянными! Коней за тыном привяжут, а сами тут прохлаждаются...

Митька прилип к окну, высматривает. *Мисаил* вдруг беспокойно и спешно схватился, запихивает подрясник, стягивает пояс на животе, озирается по сторонам.

Мисаил. Как не быть уголку, хозяйшкa? Ты спрячь меня куда ни зря, хоть на полати, да прикрой тулупом. Я этих проклятых знаю.

Хозяйка. Да чего ты, отец мой, всполошился? Они впрямь мучители окаянные, да может старца-то не тронут. А на полати не влезть тебе, высоки полати у нас.

Мисаил мечется, лезет тщетно на полати, срывается, замечает вдруг большую кадку за дверьми. *Митька*, как будто, тоже суетится, и когда *Мисаил* кинулся к кадке, он снял крышку. Сует нос.

Хозяйка. Ахти, отец мой, да куда ты? Кадушка-то с мукой! Не много там, да куда ты, спаси тебя Господи!

Не слушая, *Мисаил* переваливается животом и скрывается в кадке. *Митька* слегка прикрыл его крышкой и тотчас выскользнул во двор. *Григорий* молча сидит у окна.

Входят *пристава*.

Пристав. Здорово, хозяйка!

Хозяйка. Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим!

Пристав. Э, да тут угошенье идет! (*Григорию*). Ты что за человек?

Григорий. Из пригорода, с братишкой в ближнем селе был, теперь иду восвояси.

Пристав. А братишка где же?

Хозяйка. Да вон мальчонка по двору побежал.

Пристав. Хозяйка, выставь-ка еще вина. Мы здесь по-пьем да побеседуем.

Садятся за стол. *Хозяйка* приносит вино. Пьют. Один из приставов важно осматривает *Григория*.

1 Пристав (другому). Алеха, при тебе ли царский указ?

2 Пристав. При мне.

Григорий. Какой указ?

1 Пристав. А такой: из Москвы бежал некоторый злой еретик. Слышал ты это?

Григорий. Не слышал.

Пристав. Не слышал? Ладно. Приказал царь всех прохаживать, чтоб беглого еретика изловить и повесить. Знаешь ли это?

Григорий. Не знаю.

Пристав. Умеешь читать?

Григорий. Умею.

Пристав. Ну так вот тебе царский указ.

Григорий. На что мне его?

Пристав. А читай, коли умеешь. Вслух читай.

Григорий (читает). «Чудова монастыря недостойный чернец Григорий впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось: отбежал он, окаянный Гришка, к Литовской границе...

Пристав. Ну вот!

Григорий (продолжает). «А лет ему, вору Гришке, от роду... (останавливается) за 50, а росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое».

Пристав. Стой, стой! Что-то нам не так было сказано...

2 Пристав. Да помнится, сказано было лет ему 20. А волосы рыжие, глаза голубые...

1 Пристав. А ты что же читаешь нам? Забава тебе, что ли? Лоб плешивый, голова седая? (*Шепчет про себя*). Волос рыжий, глаза голубые... (*всматривается в Григория*). Да это, друг, уж не ты ли?

Григорий вдруг выхватывает из-за пазухи кинжал.

Пристава отступают, он бросается в окно.

Пристав. Держи! Держи!

Оба бегут к двери. Распахнув дверь, опрокидывают кадку.

Оттуда вываливается белая громадная туша.

Туша (истощным голосом). Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! Да бегут от лица Его все ненавидящие Его...

Пристава (сначала остолбеневшие, беспорядочно кричат, набрасываются на Мисаила, который валяется на полу). «Да вот он, еретик-то!» «Гришка!» «Да какой Гришка!? Борода, брюхо, какой Гришка?» «Да кто ты, прах тебя возьми?» «Да тот-то где, Гришка-то?»

Один *пристав* выбежал за дверь, кричит оттуда: «Алеха! Алеха! Сюда иди! Лови энтого! Брось ты черта седого».

Оставленный *Мисаил* подымается с полу. Видит в открытом окне взъерошенную голову *Митьки*, который делает ему знаки. Кидается с размаха в окно. Не может пролезть, причитает, ругается. *Митька* тянет, сзади помогает, сама не зная как, обеспамятевшая *хозяйка*. (Все происходит очень быстро). Наконец, его просовывают. Слышно, как он шлепнулся за окном, оханье, потом бегущие шаги. Некоторое время в избе только плачущая и крестящаяся *хозяйка*. Потом опять вбегают *пристава*. Накидываются на *хозяйку*. Кричат наперерыв: «Как провалился! Да и коней, коней нет! Коней увел! А этот-то где? Гришка-то? Да какой он Гришка? А чего он в муку — залез, коль не Гришка? Ты куда монаха-то дела?» и т.д.

Хозяйка на все отвечает, плача, что знать ничего не знает и ведать не ведает. *Пристава* набрасываются друг на друга в полной растерянности.

В это время, по лесной дороге, скачет *Григорий*. Он далеко впереди. На втором коне — *Мисаил*, распластавшись, держась за гриву, весь еще в муке. Сзади него, на лошадином крупе, трясется *Митька*, прилепившись. Он весел, ему очень забавно.

Григорий скачет. Мелькнула часовня на Чеканском ручье. Дальше все на некотором расстоянии несутся кони. Наконец они почти вместе.

А вот и Луевы горы. Литва!

ПИСЬМА

Д. В. Философову

21 апреля 1912 г.

[...] Началась опять возня с Павлом¹: Гитри² вытягивает его от Пикара³ и передает Бернштейну, и больно усердствует. Не знаю, придет ли это к чему-нибудь, но Блок твердо уверен, что Гитри хочет играть пьесу осенью, и что мое присутствие сейчас здесь необходимо. [...]

Ф. Д. Батюшкову

29 августа 1912 г.

г. Ямбург

С-Петербурб.<ургской>. губерн.<ии> — Верино

Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич,

[...] 18 сентября меня будут судить за «Павла». Я почти уверен, осудят, но, надеюсь, не сейчас посадят. Хотелось бы раньше кончить «Александра I». А на него тоже точат зубы [...]

Ф. Д. Батюшкову

27 апреля — 10 мая 1914 г.

Paris XVI II bis, Av. Mer'ce'de's

Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич,

я написал пьесу из современной русской жизни¹. Она вполне понятна, проста и, кажется, абсолютно цензурна. Мне бы хотелось познакомить с ней Вас, Н. А. Котляревского² и В. А. Теляковского³. Я возвращаюсь 5 мая в Петербург (выезжаю отсюда из Парижа 3 мая). Надеюсь, что застану Вас в Петербурге? Но застану ли Н.<естора> А.<лександровича> и Вл<адимира> Арк<адьевича>? Если пьеса понравится и будет пропущена, очень хотелось бы включить ее в репертуар будущего года. Сообщите об этом, пожалуйста, Нестору Александровичу, если он еще в Петербурге.

Что пьеса З. Н. Гиппиус⁴? Мы об ней не имеем никаких известий.

Не знаю, хороша ли моя пьеса, но из того, что я ее написал, Вы видите, что я все-таки стараюсь и не забываю

Л.<итературно> — Т.<еатральный> — К.<омитет>. До скорого свидания.

Искренне преданный Вам
Д. Мережковский.

В. П. Теляковскому

11 мая 1914 г.
С. Петербург. Сергиевская, 83.

Глубокоуважаемый Владимир Аркадьевич, должно быть, Вам не переслали моего письма¹ из Парижа. Это тем более досадно, что я одновременно с Вами находился [*там*] [в Париже] и мы могли бы [*повидаться*] переговорить [*обо всем*] лично, [*что гораздо удобнее. В письмах может все отражаться и смутно*]

В моем письме я сообщал Вам, что написал пьесу из современной жизни [*«Будет радость»*], которую хотел бы представить на Ваше рассмотрение, а также спрашивал [*Вас*], какова судьба «Зеленого кольца». Судьбу эту я узнал только теперь, по приезде в Петербург. [Я был удивлен. Удивление мое возросло, когда я узнал] Признаться, я был очень удивлен, ознакомившись с содержанием протокола. Пьеса признана М.<осковским> Ком.<итетом> «выдающейся по таланту», «захватывающей», [*«подкупающей», редким явлением в драматической русской литературе за последние годы*], полной «ароматом поэзии», «подкупающей манерой письма и прелестью живого языка», словом, исключительным явлением в русской драматической литературе за последние годы и [проч. и проч.] (заимствую эти выражения из самого протокола) и все-таки отвергнута, как произведение [*проповедующее*] «ложь на моральные законы», «безнравственное»². [*Безнравственность эта представляется Комитету очень великой и такой очевидной, что он не поколебался принести в жертву оскорбленной нравственности «выдающееся по таланту», исключительное в современной русской драматической литературе*] [*художественной литературе*]

Обвинение в «безнравственности» [*есть сам*] очень тяжелое [обвинение] и будучи обращено к писателю, который признан талантливым, одаренным свыше, становится едва ли не самым тяжелым из всех [*возможных*] обвинений. [*Совесть для всякого писателя, а тем более талантливого великий критерий всей его деятельности*] Обвинять [*писателя*] [его] в безнравственности значит обвинять его в бессовестном, преступном [зло]употреблении своим талантом [*даром свыше*]. Для того, чтобы поддерживать такое обвинение нужны [*весьма*] веские факты, неопровержимые [*улики*] доводы.

[Где же эти факты, эти улики? Не только ни одного факта] Не только ни одного драматического положения, ни одного чувства и ни одной мысли, высказываемой действующими лицами, но даже ни одного слова, ни намека, уличающего [автора] пьесу в «безнравственности» не найдено комитетом и не приведено в протоколе. Все обвинение построено [не на фактах и уликах] на психологических догадках, интуициях, проникающие в тайные намерения автора, на подозрениях.

Вообще с подозрениями бороться трудно, а иногда [почти] невозможно, ибо [они] по [своей] самой природе своей [смутно] неуловимы, неопределенны, уклончивы и не столько зависят от внешней объективной действительности, от очевидных фактов, подлежащих доказательству или опровержению, сколько от внутреннего психологического состояния самого подозреваемого, от самовнушений, в которых возникают [самые фантастические] призраки, [пугающие и бреды, нелепые бреды] Тут [достаточно] ничего не поделаешь [логикой желаний], очевидности: тут белое может казаться черным и самый невинный — преступник, [предмет каких-то страшилищ] ибо у страха глаза велики. [Так именно] Когда человек боится [увидеть привидение] увидеть призрак, то и полотенце, висящее в полуметровой [темной] комнате [кажет казаться] кажется ему привидением.

Такая именно психология страха, [психология подозрения которая], не считающаяся ни с какой логикой, [ни с какой очевидностью] господствует в протоколе М.<осковский> Комитета.

Два обстоятельства возбуждают в нем страх [фантастические подозрения подозрительность] первое — то, что молодежь [«Зеленого кольца»] занимается [среди множества других теоретических вопросов и] вопросами пола. Такими же [вопросами] занималась [молодежь в] пресловут[ом] обществе [«Огарков». [Или нечто подобное во всяком случае безнравственное]. Вывод [этот] не высказывается прямо, но подозревается и влечет за собой другой более общий вывод о безнравственности всей пьесы [и самого автора]. Такова [фантастическая] «логика» страха: полотенце белое и привидение тоже бело — значит полотенце есть привидение. Но стоит приглядеться и [спокойно] взглянуть в пугающую белизну, чтобы увидеть, что полотенце есть [только] полотенце, а не привидение.

В самом деле, то, что [журнал] [«зеленая»] молодежь занимается теоретическими вопросами пола — [ненормально] нежелательно, [прискорбно], ненормально; но нравственная [ответственность за это падает не на молодежь, а на [исторические], культурные, общественные] условия, в которые она поставлена [и которые привели ее к такой

ненормальности]. Это во-первых, а во-вторых: и в теоретических занятиях вопросами пола [нрзб. 4 строки].

NB.

Вот [из «Зеленого кольца»] добрая, пусть детски-беспомощная, но [самая] добрая, святая [воля] к чистоте, к целомудренности, к воздержанию, к высшему нравственному идеалу в области пола так же, как и во всех других областях жизни. «Зеленое кольцо» для того и возникло, [чтобы бороться с безнравственностью] во всех видах и проявлениях. [В этом смысле] Они диаметрально противоположность, антипод «Огарков». [нравственное осуждение «Огарков», нравственная определенность «Зеленого кольца»]

— Мне 23 года. Я уже был нечистый... — говорит Борис, старший из этих молодых людей.

— «Это ничего, — отвечает 16-летний Сережа. — А если вы так влюбитесь, что захотите жениться, что ж худого?»

И в самом деле, что ж тут худого? Чистый [святий] брак, основанный на чистой [святий] любви... — вот [практический вывод] к которому <у> привели их [молодежь] теоретические занятия вопросами пола. Но ведь это [и есть] высший идеал христианской нравственности: [а что ж тут общего с «Огарками»? в чем тут «безнравственность»?] «Я был нечистый», — говорит Борис с мукой, с болью, с [горечью] раскаянием и ужасом.

Он [Борис] ищет спасения от этой [бывшей] «нечистости» своей в оздоравливающей нравственной чистоте «Зеленого кольца». Жажда чистоты, жажда целомудрия и есть главное чувство, одушевляющее [их] всех [этих молодых людей]. Эти [неискушенные] дети могут заблуждаться теоретически, но [что] воля у них добрая и чистая видно по [влюблен] любви Сережи к Русе, одному из эпизодов пьесы, проникнутому «ароматом [высшей] поэзии», как выражается протокол М. <осковского> Комитета. Это детски-нежная, святая, [чистая] драматически-восторженная, идеальная любовь. Надо потерять всякое нравственное чувство, чтобы заподозрить в ней что-то [в чем-нибудь] нечистое [безнравственное]. Это [любовь не теоретическая, отвлеченная] Такова жизненная, практическая мера того добра, очищения и оздоровления, которую дает «Зеленое кольцо». О какой же тут «грязи» может быть речь. Надо иметь самому грязное, старчески-развратное воображение, чтобы увидеть в этом «грязь».

NB. Протокол употребляет непонятное [странное, даже прямо нелепое] выражение «грязь вопросов» («грязь» связана с целым рядом вопросов, которое они — гляди З. <зеленое> К. <ольцо> задает). Какая же может быть «грязь» в вопросах, т.е. в отвлеченных мыслях и теориях.

Фиктивный брак дяди Мики [с Финочкой], которым кончается пьеса, есть единственный [конкретный] «факт» или, вернее, подобие [опять-таки] и «привидение» факта, на который опирается протокол в своем криминале. Но [фиктивный] этот брак не оправдывается, а осуждается самим дядей Микой, как нелепая детская выдумка.

Если же он на него все-таки соглашается, то [только явно иронически] и потому что надеется, что сами дети поймут его реальную невозможность и ненужность. Да он и не соглашается [в сущности] вовсе. Вопрос о фиктивном браке так и остается открытым. Сделан намек на глубокое, чистое и нежное чувство, может быть, даже начало влюбленности дяди Мики в Финочку.

Если этому чувству суждено развиваться, то [фиктивный] мнимый брак делается [настоящим] истинным. Но это лежит уже за пределами пьесы [в будущем] и не в задачах автора рассказывать всю дальнейшую судьбу своих героев. Он только изображает данную трагическую коллизию действующего лица.

Во всяком случае, [ссылками на то], что [«Зеленое кольцо»] молодежь занимается вопросами пола, как на улик безнравственности [совершенно произвольно] и ни на чем не основано.

Не менее произвольна ссылка и на другую сторону пьесы — на сочувствие автора [тому же молодому] к детям, в [изображаемом] трагическом столкновении «отцов и детей». [Утверждение] Совершенно непонятно, почему нравственно необходимо и обязательно сочувствовать «отцам», а не «детям». Физиологическое рассуждение, [в которое пускается Л.<литературно> Т.<театральный> К.<омитет>] о несовершенном строении мозга у лиц, не достигших чувственного возраста (какого именно?) переносит вопрос о нравственности или безнравственности действующих лиц пьесы, так и самого автора на такую почву, на которой едва ли возможно признать компетенцию Л.<литературно> Т.<театрального> К.<омитета>. [Стоит ознакомиться с историческими документами различных эпох и народов, чтобы убедиться в том, что умственная зрелость наступает у разных поколений в разные годы] [Известно, что в «Зеленое кольцо» входят не только подростки, но по-видимому и взрослые люди. Так одному Борису 23 года. Или и этот возраст тоже недостаточен?] Как бы [впрочем] не решали вопрос об отношении [физиологического] возраста к умственной зрелости не следует забывать, что [человеческая] жизнь [в своих глубочайших основах] строится не только умом, но и сердцем. Великое сердце 17-летнего подростка Жанны д'Арк спасло Францию и малолетние сыновья знаменитого героя 12-го года, генерала Н.Н.Раевского, участвовали в Отечественной войне и в славных

подвигах отца своего³. Неужели это [это все] «безнравственно», потому что противоречит «физиологии».

М.<осковский> Комитет предчувствует опасность, которую угрожает отстаиваемой им мысли: «если не обратитесь и не станете как дети, не можете войти в царствие Божие»⁴.

Комитет устраняет [этот грозный для него текст] и утверждает, что евангельские проповеди выше детства, как божественного начала жизни, относится к невинным [детям] тогда как подростки «зеленого Кольца» порочны.

Но мы уже видели, что обвинение это фантастично и призрачно. Нет, святые слова о детстве как о вратах в Царстве Божие остаются в данном случае во всей своей грозной силе и могли бы послужить эпиграфом к пьесе.

«Если пьеса не мистификация, не парадокс очень талантливого человека, то это ложь на человеческую природу, на физические, психологические и, пожалуй, моральные законы», замечает протокол. Тут какое-то вопиющее противоречие: [как может быть] талантливо, художественно [произведением] и вместе с тем [ложью на человеческую природу] лживо, безнравственно. Казалось бы одно из двух: или художественно и правдиво или лживо и нехудожественно.

Не могу [кстати] удержаться, чтобы не выразить моего [крайнего] удивления по поводу слова «мистификация», которое позволил себе Моск<овский> Комитет [в выше приведенном заключении протокола]. Что такое «мистификация»? Сознательный обман. Комитет допускает возможность, чтобы автор, представляя свою пьесу на заседание Дирекции, сознательно желал ввести ее в обман.

[Следовательно, и я, посредник между автором и дирекцией, участвовал в этом обмане. Не мог же я не знать, чего хотел такой близкий мне человек, как автор «Зеленого Кольца»? И зная это я Вас, вместе с автором, «мистифицировал»? Комитет, разумеется, мог не знать о моем посредничестве, но Вы-то, Владимир Аркадьевич, знали о нем, и, конечно, поймете, как такое предположение для меня оскорбительно и мало мною заслужено].

Я хорошо помню, Влад.<имир> Аркад.<евич>, Ваше первое впечатление от пьесы: она показалась Вам достойной внимания, как произведение художественное и никакой «безнравственности» Вы не усмотрели в пьесе. Полагаю, что этого впечатления Вы не изменили и теперь, после отзыва Моск.<овского> Комитета, [и что больше поверите себе, чем ему].

Какой же [вывод из этого] практический вывод из настоящего положения. Кажется, возможны два выхода. Первый: принять, как [рассмотренную] ту часть заключения, [М.<осковского> Комитета о пьесе] «Зеленое кольцо», которая признает в ней выдающееся художественное

произведение, а другую часть, в которой доказывается «безнравственность» пьесы, отбросить как не входящую в компетенцию Л.<итературно>-Т.<еатрального> Комитета. [нрзб. 4 строки] Второй вывод: отдать пьесу на вторичное рассмотрение Петербургского комитета, разумеется, без моего участия и присутствия в заседании, на котором пьеса будет рассматриваться.

Во всяком случае, отвергать [художественное произведение], признанное «выдающимся по таланту» при настоящей скудости драматической литературы было бы слишком несправедливо и я уверен, что Вы этого не сделаете.

[Обо всем] Мне хотелось бы переговорить [обо всем] с Вами лично, когда Вы приедете в Петербург.

Прилагаю копию с двух писем Ф.Д.Батюшкова о «Зеленом Кольце», а также мою пьесу «Будет радость», которую может быть Вы удосужите прочесть.

Искренне преданный Вам Д.Мережковский.

11 мая 1914 г.

[В.А.Теляковскому]

3 февраля 1915 г.¹

Глубокоуважаемый
Владимир Аркадьевич²,

постановка моей пьесы «Будет радость» в Художественном Театре отложена, по моей просьбе (в виду войны) на будущий сезон. Так как я еще не заключал договора со Станиславским, то имею возможность предложить Вам постановку пьесы в будущем году на сцене Александринского театра, с тем, чтобы постановка той же пьесы в Москве была оставлена за Художественным театром.

В случае Вашего принципиального согласия я пошлю пьесу на одобрение Московского Лит.<ературно>-Театр.<ального> Комитета.

Ввиду необходимости заключать договор с Художественным театром, хотелось бы знать Ваше мнение по этому вопросу.

Постановка «Зеленого кольца», кажется, идет хорошо, и я этому очень радуюсь не только за автора, но и за Александринский театр: это за долгое время первая литературная постановка новой пьесы³.

Искренне преданный Вам Д.Мережковский

Г.С.Саркисову

[1916 г.]

[...] Рахмановой сообщите, пожалуйста, Ваш адрес, чтобы она могла Вам доставить пьесу¹. Пьесу пришлите, если можно, с артельщиком, если не вернет дня через три, а то сами привезите.

В.Н.Немировичу-Данченко также сообщите Ваш адрес, если это возможно. Я может быть потелефонирую ему. Я ему предлагаю инсценировку «Петра» на будущий сезон². [...]

Н.В.Дризену

2 июля 1916 г.

[...] Посылаю Вам мою пьесу¹. Если бы Вы успели посмотреть ее до вторника, то очень прошу, сообщите мне об этом, т.к. я буду еще здесь, в городе, до этого дня. [...]

Н.В.Дризену

14 июля 1916 г.

Глубокоуважаемый Николай Васильевич, меня беспокоит судьба «Романтиков». Я посылал за пьесой в цензуру в назначенный день, но ее не отдали. [...]

Н.В.Дризену

28 июля 1916 г.

Глубокоуважаемый Николай Васильевич, спасибо за письмом и хлопоты. Слава Богу, что все-таки пьеса прошла, хотя исключения цензурные очень обидные по своей неосновательности и произвольности. Мелкие, но грубые...

Одно исключение особенно грубое и ненужное — это последние слова Митеньки, которыми пьеса кончается¹ (на стр. <анице> 135). У меня большая просьба к Вам: нельзя ли ходатайствовать, чтобы позволили сохранить эти слова, исключив из них, если уж это непременно нужно, то, за что они и запрещены, вероятно? Выписываю, подчеркнув красным карандашом то, что можно бы выпустить, сохранив остальное:

Мит. <енька>. — Нет, не за наше здоровье, а за здоровье Мих.<аила> Кубанина. Пей, гуляй, православный народ! Кричи все: виват свобода, братство и равенство! Виват, Михаил Кубанин!

Нельзя ли также восстановить условные исключения (потому что — «непонятно»): на стр. <анице> 134. «Это притча о нем, о М. <ихаиле> Куб. <анине>». Притча насчет медовых сот в львиной челюсти. Нельзя ли растолковать, что тут нет ничего преступного и понять довольно легко: Кубанин сначала Дьякову казался жестоким, злым (лютым львом), а вот в конце концов оказался-таки добрым — по крайней мере сделал нечаянно добро Дьякову (доброе — кроткое — сладкое — «мед в челюсти львиной»). Вот почему эта «притча о нем, о М. <ихаиле> Куб. <анине>».

Остальные исключения принимаю с покорностью, хотя с большой грустью, которую Вы, очевидно, разделяете.

Об этих двух восстановлениях очень прошу — особенно о последних словах Митеньки. Иначе всю сцену придется выкидывать, а она важна в сценическом отношении.

Но если просьба моя хлопотлива или трудно ее исполнить, то делать нечего — и эти два исключения тоже принимаю.

Буду ждать ответа. Еще раз большое спасибо за все Ваше хлопоты.

Искренне преданный Вам, Д. Мережковский.

Д. В. Философову

6 января 1917 г.

Сегодня получили твою телеграмму от 5 января. Татьяна¹ пишет тебе каждый день — уже 7 писем, — ответы написала с подробнейшими отчетами, поэтому тебе и не пишем. [...]. Сытин² приехал и часто бывает. Все мечтает о газете («Дело»). Много любопытно рассказывает о Горьком. Они разошлись, по-видимому, окончательно и бесповоротно.

Зина хотела бы на два дня остановиться в Москве, чтобы взглянуть на «Зеленое кольцо». Да и мне бы надо для «Романтиков». Но боюсь, как бы не простудиться, трепыхаясь по репетициям и знакомым. [...]

Д. В. Философову

20 января 1917 г.

[...] «Романтики» идут в Москве 30-го¹, но я их, должно быть, так и не увижу. Разрываюсь между репетициями и знакомыми. [...].

МАТЕРИАЛЫ О ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ ПЬЕС

1.

Московское отделение
театрально-литературного Комитета. 1915 г.

Выписка из Протокола заседания 14 марта 1915 г.
п. 2-й. Читана пьеса Д.С.Мережковского «Будет радость».

По обсуждении означенной пьесы Московское отделение театрально-литературного комитета по большинству голосов признало ее заслуживающей постановки на сцене Императорских театров.

Секретарь подпись.

2.

Совет главного управления по делам печати.
Протокол заседания
Совета главного Управления по делам печати
23-го июля 1916 г.

Председатель Начальник главного управления по делам печати действительный Статский Советник В.А.Удинцев.

Присутствовали члены Совета тайный Советник А.В.Муромцев, Действительные Статские Советники М.И.Догель, Д.В.Истомин, В.И.Кисловский, Д.М.Потемкин, М.А.Толстой и Статский Советник Князев Н.Г.

Слушали:

2. Доклад члена Совета Толстого о поступившей в Драматическую цензуру пьесе Д.С.Мережковского «Романтики».

Пьеса «Романтики» Д.С.Мережковского, рассмотренная Цензором Бароном Дризенем, представляет собою драму в семье Бакуниных (названных Кубаниными) в ту эпоху, когда будущий нигилист проявил свои наклонности к протесту против существующих принципов в кругу своих сестер, проповедуя абсолютную свободу человека в романтическом, по мнению автора, стремлении водворить рай на земле. Он достигает того, что замужняя его сестра Дьякова отказывается от совместной жизни с мужем. Драматическая интрига и состоит в этом разладе между супругами, в сущности, любящими друг друга, муж горячо и этого не скрывая, жена

сначала лишь дружески, а потом и искренне, страдая из-за разлуки, куда ее влечет Михаил Бакунин. Цензор находит возможным допустить пьесу к представлению.

С своей стороны, Д.<ействительный> С.<татский> С.<ответник>. Толстой не встречает препятствий к такому разрешению, но лишь с исключениями и по установлении принципиального согласия к допущению на сцену таких лиц, как известных нигилистов и других политических противников государственности, что ранее запрещалось Главным Управлением.

Кроме того, по мнению М.А.Толстого, точка зрения г. Мережковского на Бакунина недостаточно ясно проявлена. Указывая в некоторых сценах на комический пафос Бакунина, набор слов в его проповедях, на ничтожество и нежизненность его поступков, и даже в цитате письма Белинского определяя его с чрезвычайно отрицательной стороны, — в то же время устами пьяного, но умного друга дома Митеньки, как бы поощряет его бунтарские попытки и прославляет его способность бороться за братство, равенство, свободу.

При исключении соответствующих мест, можно парализовать несколько возможность режиссуре использовать эту неясность тенденции постановкой пьесы в нежелательном освещении.

При обмене мнений по поводу доклада Члена Совета Толстого, Д.<ействительный> С.<татский> С.<ответник> Истомин указал, что хотя в пьесе слышатся отзвуки социализма и нигилизма, но нельзя не признать, что многие места в пьесе развенчивают Бакунина, не делают его героем, ввиду чего принципиально пьесу Мережковского можно разрешить к постановке, сделавши при этом соответствующие исключения.

Д.<ействительный> С.<татский> С.<ответник> Догель высказался также за разрешение к постановке с принципиальной точки зрения пьесы Мережковского, считая, что Бакунин в пьесе обрисован скорее с отрицательной, чем с положительной стороны и поэтому едва ли вызовет особенное сочувственное отношение к себе у публики, но при разрешении пьесы к постановке необходимо изменить ее конец, пропустивши тираду Митеньки, начинающуюся словами «нет, не за наше здоровье...»

Обсудив изложенные мнения, Совет постановил признать постановку на сцене пьесы Мережковского «Романтики» возможной, если автором ее будут изменены соответствующие места, подчеркивающие особенные значение и роль Бакунина и опущена указанная Д.<ействительным> С.<татским> С.<ответником> Догелем тирада Митеньки в конце пьесы, о чем сообщить Д.С.Мережковскому.

3.

Московское отделение театрально-литературного Комитета.
1916 г.

Выписка из Протокола заседания Октября 15 1916 г.

п. 3-й. Читана пьеса Д.С.Мережковского «Романтики».

По обсуждении означенной пьесы Московское отделение театрально-литературного комитета по большинству голосов признало ее заслуживающей постановки на сцене Императорских театров.

Секретарь подпись.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание представляет собой первое полное собрание драматических произведений Д.С.Мережковского, которые создавались на протяжении почти четырех десятилетий — с середины 1880-х годов до конца 1930-х годов.

Публикуемые сочинения сгруппированы в три рубрики.

Первую составляют пьесы, написанные Мережковским самостоятельно: драматический этюд «Митридан и Натан» (начало 1880-х гг.), комедия «Осень» (1886 г.), драма в стихах «Сильвио» (1887), драматические сцены «Гроза прошла» (1892), драма «Павел I» (1907), драма «Романтики» (1914), драма «Будет радость» (1914), трагедии «Юлиан Отступник» (1916-1919) и «Царевич Алексей» (1918). В эту рубрику также включен сценарий Мережковского «Данте» (30-е гг.).

Вторую рубрику составляют драматические сочинения, написанные Мережковским в соавторстве: пьеса «Маков цвет» (1907), создание которой было совместным проектом Д.С.Мережковского, З.Н.Гиппиус и Д.В.Философова, и сценарий «Борис Годунов» (30-е гг.), написанный в соавторстве с З.Гиппиус.

Третью рубрику составили незавершенные произведения Мережковского: драмы «Мессалина» (1880-1881), «Сакунтала» (начало 80-х гг.) и драма без названия (середина 1910-х гг.).

В раздел «Дополнения» включены план комедии «Осень», план драмы без названия, варианты сценария «Борис Годунов», а также письма Мережковского о пьесах и некоторые материалы, касающиеся цензурной истории его произведений.

При публикации текстов авторские сокращения расшифровываются и даются в угловых скобках — < >. Первоначальный текст, вычеркнутый автором, дается в квадратных скобках курсивом. Авторские вставки в текст и поздние редакции помещены в квадратные скобки — []. Для обозначения обрыва текста или разрывов между редакциями использовано многоточие в квадратных скобках — [...]. Авторские подчеркивания, особенности правописания и пунктуации сохранены, орфография приближена к современной.

Текст публикатора, служащий для связи слов по смыслу или оканчивающий недописанные слова, дается в угловых скобках курсивом.

При подготовке этого издания составитель имел счастливую возможность пользоваться советами и помощью В.С.Баевского, А.Л.Гришунина, В.В.Курченко, Б.Л.Милявского, О.Р.Полонской, В.В.Скачковой, Ю.В.Стенника, Л.Г.Фризмана, В.А.Харламовой и М.И.Цаповецкой, которым выражает сердечную благодарность.

I

МИТРИДАН И НАТАН

Драматический этюд

Впервые — Е. Андрущенко. Мережковский неизвестный. — Харьков: Крок, 1997. — С. 351 — 372. Печатается по тексту этого издания.

Автограф хранится в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). — Д. С. Мережковский. Митридан и Натан. Драматический этюд. Рук. // Арх. Д. С. Мережковского, № 24219CLXIII, б. 7, 19 л.

Драматический этюд «Митридан и Натан» помещен в отдельном альбоме. Произведение предвосхищает опубликованную в 1887 г. фантастическую драму в стихах «Сильвио».

В тексте сделано 3 грамматические ошибки, исправленные карандашом. В конце этюда стоит подпись — «Д. Мережковский».

ОСЕНЬ

Комедия в двух действиях

Впервые — Е. Андрущенко. Мережковский неизвестный. — Харьков: Крок, 1997. — С. 373-404. Печатается по тексту этого издания.

Автограф хранится в ОР ИРЛИ РАН (Д. С. Мережковский. Его тетрадь с разными записями и копией комедии «Осень» // Арх. Д. С. Мережковского, № 24361CLXIV, б. 24, л. 159-123).

Комедия помещена во второй юношеской тетради Мережковского и в описи РО ИРЛИ РАН значится «копией комедии». Публикуемый в разделе «Дополнения» настоящего издания рабочий план находится в этой же тетради (л. 104-105). В нем даны сокращенные имена действующих лиц, расшифрованные по тексту комедии (л. 158), и намечено действие, что позволяет говорить о работе над замыслом в течение некоторого времени и считать комедию «Осень» принадлежащей перу Мережковского. Пьеса написана по тезисам плана и представляет собой традиционную семейно-бытовую комедию. Мережковским была предпринята попытка внести в произведение элементы «общественной» комедии, однако она не была реализована.

Произведение завершено, но опубликовано не было. Комедия датируется по записи в тетради (л. 9).

Автором производились правки текста, все редакции которого приводятся.

¹ Неточная цитата из трагедии В. Шекспира «Гамлет».

² *Цветы последние милей // Роскошных первенцев полей* — Цитируется стихотворение А. С. Пушкина «Цветы последние милей...».

³ До этого момента в рукописи отчество Молотова — Николаевич.

⁴ Цитируется поэма М. Ю. Лермонтова «Демон».

⁵ *Маккиавелли* Никколо (1469-1527), итальянский общественный деятель, мыслитель, историк. Имя стало нарицательным для обозначения политики, пренебрегающей моралью, допускающей обман, вероломство, предательство, коварство, интриги.

СИЛЬВИО

Фантастическая драма в стихах

Впервые — Северный вестник. — 1890. — № 2. — С. 69-90; № 3. — С. 63-81; № 4. — С. 56-75. Печатается по тексту этого издания.

Фантастическая драма «Сильвио» написана в 1887 г. по мотивам пьесы Кальдерона «Жизнь — сон».

Пролог предваряет авторское примечание: «Основной сказочный мотив предлагаемой драмы тот же, что в известной пьесе Кальдерона «Жизнь — только сон». Но кроме общности внешней интриги, эта вещь совершенно чужда произведению испанского драматурга и написана вполне независимо от него. Действие происходит в среде фантастической, не совпадающей с культурой итальянского Возрождения, а только слегка приближено к ней: вот почему те подробности быта, которые могли бы показаться анахронизмами при требовании более строгой исторической перспективы, допущены мною не по небрежности, а намеренно, и оправдываются законами и условиями фантастического мира». Влияние предшественника, вместе с тем, оказалось более глубоким, чем пытался представить Мережковский.

В одном из писем В. Ф. Комиссаржевской он признавался: «Я от всей души сочувствую прекрасной идее Вашего утренника, а тут еще Кальдерон, которого я люблю с детства, и его дивная пьеса «Жизнь только сон». Чувствую, что никто так бы не прочел Вам, как я, потому что никто так не любит этой пьесы. Ведь я сам написал подражание ей — «Сильвио»... Я люблю Театр и надеюсь, что когда-нибудь удостоюсь чести быть Вами играным». (Мережковский Д. С. Письмо В. Ф. Комиссаржевской от октября 1908 г. // Мережковский Д. С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи / Сост., послеслов. и ком. С. Поварцова. — М.: Книжная палата, 1991. — С. 323-324).

Личность и творчество Кальдерона интересовали Мережковского на протяжении десятилетия. В сборник «Вечные спутники» включена статья «Кальдерон», публиковавшаяся в журнале «Груд»

в 1891 г. под названием «Кальдерон в своих драмах», а затем вошедшая в несколько сокращенном виде в оба полные собрания его сочинений. Вводя испанского драматурга в число «вечных спутников» человечества, автор назвал мистицизм его главной заслугой перед мировой литературой. «Кальдерон — глубочайший мистик», — писал Мережковский, его творчество, «еще не вполне отделившееся от религии», «символический язык» заимствовало у католицизма. Главное содержание его драм — любовь к женщине и честь, а главный «психологический мотив — единство страсти». В его драмы проникает «свет человеческой мысли, вечные вопросы о жизни и смерти», но произведения становятся совершенными, когда эти «вопросы» проходят «сквозь католические догматы». Новые поколения не могут не спорить с Кальдероном-монахом, но помнят и любят «поэта Кальдерона», автора мистерии «Жизнь — сон», главная идея которой, близкая «и нам», что «вселенная — только сновидение, только мираж, за которым скрывается тайна». Последователи находят в произведениях Кальдерона «вечно живую красоту человеческого духа», и с этой точки зрения осознают «все религии, всю поэзию, все искусство народов» только «рядом символов» (Мережковский Д.С. Кальдерон // Мережковский Д.С. Эстетика и критика. Серия «История эстетики в памятниках и документах»: В 2 т. / Сост., подг. текста, вст. ст. и прим. Е. Андрущенко, Л. Фризмана. — М.: Искусство; Харьков: Фолио, 1994. — Т.1. — С. 336).

В драме предшественника Мережковского вдохновляла мысль о невозможности постижения тайны, скрывающейся «там, за призрачной дымкой явлений», т.е. то, что лежало в основе его представлений о природе символического.

«Прежде смутно я чувствовал, что жизнь только греза, теперь наука подтвердила мой опыт. Она доказала, что вся природа лишь сон, и человек никогда не узнает, что кроется там, за призрачной дымкой явлений и форм», — признается Сильвио. Он сидит в темной пещере «при свете дрожащей лампы» и «по челу пробегают тени мучительных дум». К этому прозаическому фрагменту драмы «Сильвио» Мережковский вернется позднее, в статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»: «Смена физической темноты и света действует на наш внутренний мир. Под реалистической подробностью скрывается художественный символ... В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами. Символизм делает самый стиль, самое художественное вещество поэзии одухотворенным, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя» (Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Эстетика и критика. — Т.1. — С. 173-174).

В драме Кальдерона Мережковский обнаруживал и еще одну особенность, названную им созданием «символического характера»: «Сновидения, которые преследуют человечество, иногда повторяются из века в век, от поколения к поколению сопутствуют ему. Идею таких *символических характеров* никакими словами нельзя пере-

дать, ибо слова только определяют, ограничивают мысль, а символы выражают безграничную сторону мысли». Сехизмундо, героя мистерии «Жизнь — сон» Мережковский причислял к таким характерам, как Гамлет, Фауст, Дон Жуан, дал ему новую жизнь в соответствии с требованиями к новому искусству, среди которых «*мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности*». Автор заставил своего героя решать проблему, которая, как представлялось писателю, стоит перед современным ему поколением, поставил его перед «неразрешимым диссонансом»: между «необходимостью верить» и «невозможностью верить», между религиозным чувством и «смелостью отрицания».

Противоречия между Знанием и Верой, выраженные в драме, Мережковский-критик называет преобладающей чертой своего времени: «Последние требования религиозного чувства, — писал он в статье «О причинах упадка...», — сталкиваются с последними выводами опытных знаний... Куда бы мы ни уходили, как бы мы ни прятались за плотину научной критики, всем существом мы чувствуем близость тайны, близость океана. Никаких преград! Мы свободны и одиноки!.. С этим ужасом не может сравниться никакой поработанный мистицизм прошлых веков».

При всем несовершенстве «Сильвио», — а искусственность, например финала, чувствовал и сам Мережковский, поместивший позднее драму под названием «Возвращение к природе. Драматическая сказка» в книге «Символы» без заключительной сцены и называвший драму «огромной и неуклюжей» (Мережковский Д.С. Автобиографическая заметка // Мережковский Д.С. Акрополь. — С. 320), — нельзя не видеть, что уже здесь намечились те стратегические темы Мережковского-мыслителя, которые найдут свое воплощение в его баллетристике, критике и публицистике. Речь идет о природе государственной власти, предназначении человека, роли народа в истории, религии и свободе. Впервые предложив в «Сильвио» разрешение конфликта между народом и властью путем религиозного обновления, в дальнейшем Мережковский неизменно возвращается к этой теме. Она становится ведущей не только в его драматургии.

¹ «*Падите, горы, скройте нас!*»... — Неточно Книга Пророка Осии (X. 8.). Ответ Клотальдо Базилло тесно связан с гл. IX и X этой Книги. Скрытый смысл слов Клотальдо прочитывается из контекста библейского источника: «...Глуп прорицатель, безумен выдающий себя за вдохновенного...» (IX.7, 9); «Разделилось сердце их, за то они и будут наказаны: ... Он сокрушит кумиры их... и скажут они горам: «покройте нас», и холмам: «падите на нас» (X. 2,8).

² Песни Шута «Если б капля водяная думала, как ты...» и «То не в поле головки сбивает дитя» позднее отдельно включены Мережковским в Полные собрания сочинений.

³ «*Глас божий, глас народа*»... — Книга Пророка Даниила (X,6).

⁴ Эта сцена опущена Мережковским при издании драмы в сборнике «Символы. Песни и поэмы» (СПб.: А.С. Суворин, 1892).

ГРОЗА ПРОШЛА

Драматические сцены в четырех действиях

Впервые — Труд. — 1893. — № 1. — С. 107-145. Печатается по тексту этого издания.

Первоначально драма «Гроза прошла» была названа «Писатель» и в ее центре стоял образ Калиновского. Между тем окончательная редакция произведения не соответствовала такому названию, и в журнале «Труд» пьеса была опубликована под другим. Черновой вариант драмы, «Писатель», хранится в ОР ИРЛИ РАН (Мережковский Д.С. Писатель: Драма // Арх. Д.С.Мережковского. — № 24.214 / CLCLXII б. 16. — 83 л.).

Датируется 1892 г. по письму Мережковского А.П.Чехову от 24 февраля 1892 г. (Мережковский Д.С. Записные книжки и письма / Подг. текста, вступ. ст. и ком. Е.Андрущенко, Л.Фризмана // Русская речь. — 1993. — № 5. — С. 25-26).

¹ *Мопассан* Ги де (1850-1893), французский писатель.

² *Бурже* Поль (1852-1935), французский критик и писатель, известный психологическими романами.

³ «*Mensonges*» *Paul Bourget*. — Роман П.Бурже «В сетях лжи» (1887 г.).

⁴ ...*видел Гитри в Михайловском...* — *Гитри* Люсьен (1860-1925), французский актер и драматург. До 1891 г. в течение ряда лет выступал на сцене петербургского Михайловского театра.

⁵ *Гонкуры* (братья Эдмон (1822-1896) и Жюль (1830-1870)), французские писатели, авторы романов о женской психологии.

⁶ ...«*Licht mehr Licht!*»... — «Света, больше света!». По преданию, последние перед смертью слова Гете 22 марта 1832 г. В действительности, свидетельствуют биографы писателя, он произнес: «Да откройте же второй ставень, чтобы вошло больше света».

⁷ *Карлейль* Томас (1795-1881), английский публицист, историк и философ.

⁸ ...«*Горе побежденным*»... — «*Vae victis*». Крылатое латинское изречение, восходящее к «Истории» Тита Ливия (59 г. до н.э. — 17 г. н.э.) («*Annales*». *Lib.V*, сар.48, 8-9).

⁹ *Бодлер* Шарль (1821-1867), французский поэт.

¹⁰ *По* Эдгар (1809-1849), американский поэт, прозаик.

¹¹ «*Душа моя мрачна*»... — Цитата из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Еврейская мелодия».

¹² Реминисценция из статьи П.Бурже «О Тургеневе», опубликованной в русском переводе в «Северном вестнике» (1887. — № 1).

¹³ «*Солнце взошло на ясное небо...*» — Неточно начало романа И.С.Тургенева «Рудин»: «Солнце уже довольно высоко стояло на чистом небе».

¹⁴ *Ротонда* — верхняя женская теплая одежда в виде длинной накидки без рукавов, особенно распространенная в конце XIX — начале XX в.

¹⁵ ...«*Четверть лошади*» *Бориса Ивановича Воздвиженского...* — Речь идет о рассказе Г.И.Успенского «Четверть лошади».

¹⁶ *Джинжер* (англ.) — имбирь.

ПАВЕЛ I

Драма в пяти действиях.

Впервые — «Павел I». — СПб.: М.В.Пирожков, 1908. Печатается по тексту этого издания.

Источниками для Мережковского служили опубликованные в конце XIX — начале XX в. воспоминания современников Павла I и исследования русских и иностранных историков. В числе их — «Император Павел Первый по Шильдеру и воспоминаниям современников» (М., 1907); «Записки» С.Порошина (Пб., 1881); Шумигорский Е.С. «Император Павел I» (Пб., 1907). В 1907 г. Сувориным издан сборник «Цареубийство 11 марта 1801 года (Записки участников и современников)». — (СПб., 1907), в который были включены опубликованные за рубежом, а впоследствии и в русской периодической печати воспоминания Н.А.Саблукова, графа Бенигсена, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливен, князя Чарторыйского, барона Гейкина и А.Коцебу, которые Мережковский и положил в основу своей драмы. В письме В.Брюсову от 4 июня 1908 г. Мережковский сообщал, что тираж драмы «Павел I» конфискован, но «тут, собственно, величайшая несправедливость: в книге нет никакой узко-политической «тенденции» — она объективна... Тем более, что все «нецензурное» взято из легально напечатанных в России документов (изд. Суворина «Цареубийство 11 марта 1801 г.»)» (Мережковский Д.С. Записные книжки и письма // Русская речь. — 1993. — № 5. — С. 35).

В рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) хранятся рабочие тетради Мережковского с выписками к драме «Павел I». Они свидетельствуют о том, что Мережковский обращался к более широкому кругу источников, чем сборник о цареубийстве.

В одной из тетрадей весь материал расположен по разделам: «I. Личность Павла (Речи его, анекд.<оты> и пр.)»; «II. Указы»; «III. Павел и Европа»; «IV. Воспоминания. Екат.<ерина> I, Петр III и пр.»; «V. Алекс.<андр> Конст.<антин>, Елизав.<ета>»; «VI. Мар.<ия> Феод.<оровна>»; «VII. Пален и другие приближенные Павла»; «VIII. Заговорщики»; «IX. Анна Гагарина», в которые занесены понадобившиеся автору подробности с поздними пометами синим и красным карандашами (Мережковский Д.С. Тетрадь выписок к драме «Павел I» // ОР ИРЛИ РАН. Арх. Д.С. Мережковского. Ед. хр. 24211/ CLXIII б. 17. Рук. 142 л.). Тетрадь свидетельствует об интересе Мережковского к высказываниям Павла о власти, вниманию к деталям быта и нравов. В тетрадь внесены также особенно характерные, сенсационные высказывания исторических лиц или лиц из их окружения. Две другие тетради, хранящиеся в этом же собрании, дополняют наши представления о том, каким был круг интересов Мережковского — биографа Павла. Здесь появляются новые разделы: «Духовный быт», «Календарь поста 1801 г.», «Мистики», «Любовь и женщины» и др. Здесь же, во второй тетради, — набросок сцены, оказавшейся наиболее трудоемкой для автора, — собрание заговорщиков перед убийством императора. Мережковский переписывает ее несколько раз, вносит все новые и новые

детали, наполняет реплики цитатами из произведений Радищева, Ломоносова, привлекает материал из исследований и воспоминаний Ростопчина, Карамзина, Башилова, Шильдера, Брикнера и др. Особое внимание Мережковский уделил ремаркам в этой сцене (Мережковский Д.С. Тетради (2) выписок к «Павлу I» // РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) // Арх. Д.С.Мережковского.— Ед. хр. 24375/CLXV6.9, 180 л.— Л. 44-75-об.).

Драма «Павел I» является первой частью трилогии «Царство зверя». По словам Гиппиус, изучение Мережковским «екатерининской эпохи, Павла I... усиливало его внимание к современным событиям», на которые он «смотрел... под одним углом — религиозным» (Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Живые лица: В 2 т.: Тбилиси, 1991.— Т.2.— С. 246).

Заканчивая работу над драмой «Павел I», писатель намеревался поставить ее в России и во Франции, а завершив и опубликовав, был отдан под суд и едва не был осужден. Он пытался спасти пьесу в течение 4-х лет — с 1908 г. по ноябрь 1912 г., когда Главное управление по делам печати отменило арест на нее (ЦГИАРФ. — Ф. 776, Оп. 34, ед.хр. 32, л. 145). Мережковский был готов защищать ее на процессе, обращался за помощью, например, к Брюсову. С 1910 г. неоднократно подавал пьесу в цензурный комитет. Сохранились свидетельства всей ее цензурной истории от запрета вследствие того, что автор «изображает быт императорской фамилии в красках, переходящих всякие пределы реальности» через «возбуждение судебного преследования», до его отмены.

Работа над пьесой началась еще в 1904 г., когда Мережковский, «задумывая новую трилогию, занимался эпохой Екатерины — Павла — Александра I. Две последние его особенно интересовали». Однако события 1905 г., в которых Мережковские приняли активное участие, а также проезд за границу, отрывали его от регулярной работы. В письме А.Г.Достоевской от 16/29 сентября 1906 г. Мережковский сообщал, что «задумал написать трагедию — «Смерть Павла I» (Письмо А.Г.Достоевской от 16/29 сентября 1906 г. // Русская речь. — 1993. — № 5. — С. 31), но пьеса была завершена лишь осенью 1907 г. и, как пишет А.Л.Соболев, «не понравилась ни Философову, ни Гиппиус» (Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906-1908) // Лица. Биографический альманах. — М.; СПб., 1992. — С. 363). Тем не менее Мережковский планировал ее французское издание, добивался постановки «на какой-нибудь парижской сцене» (Гиппиус З. Дмитрий Мережковский. — С. 272), «в Одеоне или у Коплена» (Мережковский Д.С. Письмо Суворину А.С. от 27 декабря 1907 г. // Русская речь. — 1993. — № 5. — С. 34), ее отрывки читались у «молодого мецената Щукина». В 1912 г. по возвращении из Парижа в Петербург, Мережковскому «объявили по телефону, что он привлекается к суду за «Павла I»; он и Пирожков (издатель, суд 16 апреля... по 128-й статье: «Дерзостное неуважение к Верх(овной) Власти... Минимум наказания — год крепости». Слушание дела удалось отложить до осени, и оно состоялось лишь 18 сентября. «Обоих оправдали за ненахождением состава преступления, — пишет Гиппиус, — и конфискация с книг была снята» (Гиппиус З. Дмитрий Мережковский. — С. 284).

Одна из частных постановок «Павла» состоялась 14 декабря 1908 г. в салоне баронессы Икскуль: «В уютном зале — что-то вроде сцены, с раздвижным занавесом. Известные тогда артисты разыграли два действия (или две картины)... Прошло с интересом, даже внешним, — костюмы были того времени. Павла играл Озаровский, Елизавету с арфой, кажется, его жена. Кто играл Палена — не помню, но все были на своих местах... Публика была самая пышная. Между прочим — Шаляпин». (Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Живые лица: В 2 т. — Тбилиси: Мерани, 1991. — Т. I. — С. 278).

Драма ставилась в 1911 г. в Кракове, где была «гвоздем сезона» (Попов Н. «Павел» Д. Мережковского на краковской сцене // Театр и искусство. — 1911. — № 1. — С. 17), но по-настоящему долго держалась в репертуарах после 1917 г.

Возобновление интереса к драме Мережковского произошло уже в годы перестройки. Роль Павла в пьесе с блеском исполнял О. Борисов, сейчас в ней занят В. Золотухин (см., напр.: Вуйчик Л. Поиск человека в истории // Проблемы современного театра. — 1990. — Окт. — С. 38-39; Любимов Б. Ритмы и рифмы истории // Литературная газета. — 1989. — 9 авг. — № 32. — С. 8; Исмаилова И. Человек в историческом времени // Известия. — 1989. — 10 окт. — № 283. — С. 3; Смелянский А. «Все будет как при бабушке...» // Московские новости. — 1989. — 22 окт. — № 43. — С. 29; Мистер Твистер приехал в ГУЛАГ?.. (О спектакле говорят) // Экран и сцена. — 1990. — 15 февраля. — № 7. — С. 5; Семеновский В. Двадцать лет спустя // Экран и сцена. — 1990. — 22 февр. — № 8. — С. 6; Рыбаков Ю. Без общей пользы никогда нам царь не может быть нравен // Театральная жизнь. — 1990. — Март. — № 5. — С. 4-5; Мягкова И. Мой бедный Павел // Советская Россия. — 1990. — 4 апр. — № 77. — С. 4; Нульченко В. Одиночество // Советская культура. — 1990. — 14 апреля. — № 15. — С. 11; Вульф В. Свет далеких звезд // Советская культура. — 1990. — 21 апр. — № 16. — С. 10; Большелапова Е. Без Христа и без Антихриста // Антракт. — 1990. — № 10. — Июнь. — С. 2; Стрельцова Е. Вне иллюзий. Г. Плотников в роли Александра // Театральная жизнь. — 1991. — № 3. — Февр. — С. 5 и мн. др.).

Мережковский пытался сохранить «Павла», прежде всего, как часть задуманной им трилогии «Царство Зверя». Даже в преддверии судебного разбирательства он сообщал Ф. Д. Батюшкову, что «почти уверен, осудят, но, надеюсь, не сейчас посадят. Хотелось бы раньше кончить «Александра I». А на него тоже точат зубы...» (Мережковский Д. С. Письмо Батюшкову Ф. Д. от 29 августа 1912 г. // РНБ, Ф. 51, Арх. Ф. Д. Батюшкова, ед. хр. 18). Вместе с тем пьеса имела, по словам самого автора, и «совершенно самостоятельное значение». Он признавался Брюсову, что «кроме любви», с которой он писал о Павле, и большой симпатии к нему, — «мне как это ни странно сказать, личность Павла довольно нравилась», — он был одержим «сверхидеей», хотя и не вполне удачно, на его взгляд, воплощенной: «Я хотел показать бесконечный религиозный соблазн самодержавия (этого русские революционеры, кроме самых редких, совсем не чувствуют)» (Письмо Д. С. Мережковского В. Я.

Брюсову от 4 июня 1908 г. // Русская речь. — 1993. — № 5. — С. 35). Павловское время рассматривалось писателем, с одной стороны, как звено в цепи русского исторического процесса, где прослеживается определившаяся уже тенденция, а с другой — как время правления одного из самодержцев, реформы которого во многом определили облик будущей России, судьба которого привлекает своей трагичностью.

¹ *Вахт-парад* — Впервые проводился на следующее утро после смерти императрицы Екатерины II. По свидетельству Шильдера, «с 7 ноября вахт-парад приобрел значение важного государственного дела и сделался на многие годы непременным ежедневным занятием русских самодержцев» («Император Павел Первый по Шильдеру и воспоминаниям современников». — С.91).

Александр Павлович (1777-1825) — сын Павла I, наследник престола, с 12 марта 1801 г., — император Александр I. *Константин Павлович* (1779-1831) — сын Павла I, великий князь, шеф Конного полка с 28 мая 1800 г. до смерти Павла I. *Пален фон дер Петр Алексеевич* (1745-1826) — граф с 1799 г., уроженец Курляндии. Во время переворота 1762 г. — капрал конной гвардии, участник Шведской войны 1788 г. После присоединения Курляндии — курляндский генерал-губернатор. С 1798 г. — военный губернатор Петербурга и андреевский кавалер. Организатор и руководитель переворота 11 марта 1801 г. Уволен в отставку 1 апреля 1801 г. *Талызин Степан Александрович* (?-1815) — командир Преображенского полка в 1801-1802 гг. *Яшивиль Владимир Михайлович* (1764-1815), генерал-майор артиллерии. *Тутолмин И.В.* (1751-1815), генерал-майор. Известен тем, что в 1812 г. был директором Московского воспитательного дома и оставался в Москве во время занятия ее французскими войсками. Наполеон планировал через Тутолмина сообщить Александру о своем желании заключить мирный договор.

² *Кутузов Александр Петрович* (1777-1817), генерал-майор, служил под началом верного Павлу I командующего гусарским полком А.С.Кологривова (1774-1825). В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. находился в доме Кологривова и взял его под домашний арест.

³ *Гагарина* (урожд. Лопухина) Анна Петровна (1777-1805), фаворитка Павла I, жена князя Павла Гавриловича Гагарина (1777-1850), генерал-адъютанта, впоследствии директора инспекторского департамента. По воспоминаниям Саблукова, непосредственную роль в превращении Лопухиной в фаворитку Павла сыграл Кутайсов, устроивший для девушки домик в Павловске, непосредственно соединенный с «Розовым Павильоном», откуда приходил никем не замеченный Павел. Когда Павел узнал о любви Лопухиной к Гагарину, то приказал отозвать князя из войск Суворова, находившихся в Италии, наградил его орденом, «сам привел его к возлюбленной и в течение всего дня был искренно доволен и преисполнен гордости от сознания своего, действительно, геройского самопожертвования... Его рыцарский характер и врожденное благородство проявили себя» (Записки Н.А.Саблукова // Царевубийство 11 марта 1801 года (Записки участников и современни-

ков). Репринтное воспроизведение издания 1907 г. — М.: СП «Вся Москва», Изд. объединение «Культура», 1990. — С. 61).

⁴ ...*король Прусский...* — Фридрих II (Великий) (1742-1786), прусский король с 1740 г.

⁵ ...*вот это... по-гатчински...* — В Гатчине, в своем имении, находящемся в 24 верстах от Царского Села, Павел расположил войска, в которых все офицерские должности были заняты выходцами из низов. Подражая Фридриху, Павел ввел жесткую дисциплину, и гатчинские войска отличались особой выучкой. В тетради выписок к драме «Павел I» в разделе «V. Алекс<андр> Конст<антин> Елизав<ета>» записано: «Константин: «Это по-нашему, по-гатчински!»» (л.108).

⁶ ...*потемкинский дух...* — «Павел полагал, что во время могущества князя Потемкина военная дисциплина слишком ослабела, и что необходима неумолимая строгость, чтобы восстановить ее в мельчайших подробностях» (Записки Августа Коцебу // Царевуйство 11 марта 1801 года. — С. 295).

⁷ ...*не угодно ли стакан лафита* — выражение, означавшее ссылку в Сибирь. «Это была известная привычка у Палена предлагать лафита всякому, кто попадал в беду» (Записки Н.А.Саблукова. — С. 44-45).

⁸ *Дирекция* — направление (франц.).

⁹ «Стремительный характер Павла и его чрезмерная придирчивость и строгость к военным делам эту службу весьма неприятною, — вспоминал Саблуков. — Нередко за ничтожные недосмотры и ошибки в команде офицеры прямо с парада отсылались в другие полки и на весьма большие расстояния. Это случалось настолько часто, что у нас вошло в обычай, будучи в карауле, класть за пазуху несколько сот рублей ассигнациями, дабы не остаться без денег в случае внезапной ссылки» (Записки Н.А.Саблукова. — С.39).

¹⁰ «В описываемое время все солдаты также носили букли и толстые косички с множеством пудры и помады, вследствие чего прическа нижних чинов занимала очень долгое время; в то время у нас полагалось два парикмахера на эскадрон, так что солдаты, когда они готовились к параду, принуждены были не спать всю ночь из-за своей завивки» (Записки Н.А.Саблукова. — С. 47). «Введены были у солдат обременительные букли и косы. Меня уверял один гвардейский офицер, что, когда полк должен был на другое утро вступать в караул, солдатам нужно было вставать в полночь, чтобы друг другу завивать волосы. По окончании этого важного дела они должны были, дабы не испортить своей прически, до самого вахт-парада сидеть прямо или стоять, и таким образом в продолжение 36 часов не выпускать ружья из рук» (Записки А.Коцебу. — С.296).

¹¹ *Экзерциргауз* — крытое помещение для военных упражнений в холодную и ненастную погоду. Позднее такие помещения стали называть манежами.

¹² ...*штурм Измаила...* — Русские войска под командованием А.В.Суворова штурмом взяли Измаил 11 (22) декабря 1790 г.

¹³ *За цвет мундирной подкладки у нижнего чина...* — По свидетельству Саблукова, Павел заменил цвет мундиров, «желая

сделать его более похожим на цвет прусских мундиров. Краска приготавливалась из веществ, которые оседали на дне котлов, вследствие чего было... трудно приготовить большое количество сукна одинакового оттенка. Во многих полках оказалось некоторое различие в цвете мундиров. Император... заметил этот недостаток, чрезвычайно разгневался». За окраску сукна отвечал отец Саблукова, Президент Мануфактур-Коллегии, разжалованный Павлом и в течение 3 часов высланный за пределы Петербурга. (Записки Н.А.Саблукова.— С. 41-49).

¹⁴ «На одном параде» Павел «так разгорячился, что ударил трех офицеров тростью» (Записки Н.А.Саблукова.— С. 58).

¹⁵ В тетради выписок к драме в разделе «I. Личность Павла (речи его, анекд. и пр.)» на л.14: «Павел говорит Алекс<анд>ру: «Я знаю, что ты имеешь много благородства в сентиментальности...» (Мережковский Д.С. Тетрадь выписок к драме «Павел I», л.14).

¹⁶ «Император никогда не оказывал несправедливости солдату и привязал его к себе, приказывая при каждом случае щедро раздавать мясо и водку в петербургском гарнизоне» (Из записок графа Бенигсена // Царевыйство 11 марта 1801 года.— С.119).

¹⁷ ... в Михайловском замке — новый дворец, наспех построенный в царствование Павла I. См. № 37.

¹⁸ жена Александра — Елизавета Алексеевна (урожд. Луиза Мария Августа, принцесса Баден-Дурлакская) (1779-1826), великая княгиня.

¹⁹ Опера К.Глюка (1714-1787) «Орфей и Эвридика», впервые поставлена в России в 1782 г.

²⁰ ... от бабушки... — Екатерина II (урожд. принцесса Ангальт-Цербтская) (1729-1796), русская императрица с 1762 по 1796 гг.

²¹ Руссо Жан-Жак (1712-1778), французский философ-просветитель и писатель.

²² Об этих замыслах Александра свидетельствует его письмо к В.П.Кочубею от 10 мая 1796 г.: «Придворная жизнь не для меня создана... Мой план состоит в том, чтобы, по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения), поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и в изучении природы». (По Шильдеру...— С.81-81). Курсив Шильдера. В тетради выписок к драме этот эпизод Мережковский помечает: «Карамз.<ин> 158. Александр мечтает о жизни на берегах Рейна: «Среди сельской красоты... лоно прекрасной природы!» (л.88).

²³ В греческой мифологии *Евридика* — жена Орфея. *Психея* — олицетворение человеческой души. Любовь Психеи и Амура — распространенный сюжет в литературе и искусстве. Мережковский выписал этот эпизод из исследования Шильдера: «Александр и Елизавета — «Амур и Психея» (л. 91).

²⁴ В тетрадь выписок к драме «Павел I» в разделе «V. Алекс<андр> Конст<антин> Елизав<ета>» Мережковский занес: «Голов.<ин>. Константин ломал руки своей невесте, кусал ее, но это было только предисловие к тому, что ждало ее после замужества.

В это же время он забавлялся в манеже мраморного дворца стрельбой из пушки, заряженной живыми крысами. Ему не было еще и 17 лет» (Мережковский Д.С. Тетрадь выписок к драме «Павел I», л.99).

²⁵ ...о бригадирше Лихаревой слышали... жена сошла с ума. — В источниках, которыми пользовался Мережковский, сообщений о таком эпизоде найти не удалось. Вместе с тем в «Записках Августа Коцебу» приводятся сведения о подобных случаях наказания за неисполнение «повеления выходить из экипажей при встрече с императором»: «Несмотря на глубокую грязь, разряженные дамы должны были выходить из своих карет, как только замечали императора... Сотни дам, когда они или их кучера не были достаточно проворны, подвергались сильным неприятностям. Так, например, г-жа Демут, жена известного содержателя гостиницы, должна была из-за этого отправиться на несколько дней в смиренный дом, и самые значительные люди, из опасения подобных обид, трепетали, когда их жены, выехавшие со двора, не возвращались к назначенному времени» (Записки А.Коцебу.— С.297).

²⁶ Заключительный стих трагедии Вольтера «Брут» (акт V, сц.9).

²⁷ Трагедия Вольтера «Брут» была издана в царствование Екатерины II в 1783 г.

²⁸ ...сами вы — бабушкин внучек... — Выписано Мережковским из исследования Шумигорского: «41. Бабушкин внучек!» — называет Павел Александра» (л. 95).

²⁹ Алексей Петрович (1690-1718), сын Петра I. Казнен отцом по подозрению в измене. «В одном из припадков подозрительности, не шадившей ни собственной семье, ни собственных детей, император как-то после обеда спустился к своему сыну, великому князю Александру, к которому никогда не заходил, — вспоминала княгиня Ливен.— Он хотел застать сына врасплох. На столе между другими книгами Павел заметил перевод «Смерти Цезаря». Этого оказалось достаточным, чтобы утвердить подозрения Павла. Поднявшись в свои апартаменты, он разыскал историю Петра Великого и раскрыл ее на странице, описывавшей смерть царевича Алексея. Павел приказал графу Кутайсову отнести к великому князю и предложить прочесть эту страницу» (Записки княгини Ливен // Царевичество 11 марта 1801 года.— С.181).

³⁰ «Кандид» Вольтера был издан в 1769 г., затем на протяжении царствования Екатерины II выходил еще несколько раз.

³¹ ...в злодеянии, учиненном над королевскою особою... — Имеется в виду казнь в 1783 г. по приговору революционного Конвента короля Франции Людовика XVI и королевы Марии Антуанетты.

³² Петр III был свергнут с престола в результате дворцового переворота, отправлен в Ропшу, где убит 6 июля 1762 г. с ведома Екатерины II. Иоанн Антонович был убит в камере Шлиссельбургской крепости 5 июля 1764 г. при попытке подпоручика В.Я.Мировича освободить его и вернуть на престол. В тетради выписок к драме Мережковский записал: «Брикн.<ер>. Петр III намеревался Екатерину и Павла заключить в Шлиссельбург на всю жизнь» (л. 69). Коцебу вспоминал: «Известно, что Екатерина II не любила

своего сына ... и была не в состоянии скрыть этого... При ней великий князь, наследник престола, вовсе не имел значения. Он видел себя поставленным ниже господствовавших фаворитов, которые часто давали ему чувствовать свое дерзкое высокомерие. Достаточно было быть его любимцем, чтобы испытывать при дворе холодное и невнимательное обращение... Отсюда родилась в нем справедливая ненависть ко всему окружавшему его мать; отсюда образовалась черта его характера, которая в его царствование причинила... наиболее несчастий: постоянное опасение, что не оказывают ему должного почтения. До самого зрелого возраста он был приучен к тому, что на него не обращали никакого внимания... он не мог отрешиться от мысли, что и теперь достоинство его недостаточно уважаемо... Мать удаляла сына, когда хотела предаваться непринужденной веселости... Он не имел голоса в воспитании своих детей...» (Записки А. Коцебу. — С. 277-280).

³³ Павел I был 16 декабря 1798 г. избран в великие магистры Мальтийского ордена, известного также как Орден иоаннитов. А. Коцебу так описывает этот эпизод: «Благородный Александр... решился лично обратиться к своему отцу с серьезными, но почти-тельными представлениями. Государь, кипя гневом, закричал: «Я знаю, ты давно уже ведешь заговор против меня!» и поднял на него палку. Великий князь отступил назад, а супруга его бросилась, чтобы его заслонить, и громко сказала: «Пусть он сперва ударит меня». Павел смутился, повернулся и ушел» (с. 282).

³⁴ «Граф Пален исподволь приготавливал великого князя Александра Павловича к замышляемому им государственному перевороту, для успешного совершения которого его согласие было необходимо, — вспоминал Фонвизин. — Часто видясь с ним, Пален всегда наводил речь на трудное и бедственное состояние России, страждущей от безумных поступков отца его, и, не выводя никаких заключений, вызывал великого князя на откровенность. Тот с грустным чувством слушал его и молчал, потупив глаза. Не раз повторялись подобные безмолвные, но выразительные сцены» (Из записок Фонвизина // Цареубийство 11 марта 1801 года. — С. 161-162). А. Чарторыйский считал, что предварительные переговоры с Александром провел Н. И. Панин, «изобразивший Александру в ярких красках плачевное состояние России и те невзгоды, которые можно ожидать в будущем, если Павел будет продолжать царствовать... Слова Панина произвели сильное впечатление на Александра, но не убедили его окончательно дать свое согласие» (Записки князя Адама Чарторыйского // Цареубийство 11 марта 1801 года. — С. 216-217).

³⁵ *Чимароза* Доменико (1749-1801), один из популярнейших итальянских композиторов XVIII века. С 1787 по 1791 г. служил в Петербурге капельмейстером ее императорского величества Екатерины II. На сцене Эрмитажного театра поставил 6 собственных опер. Одна из наиболее популярных в России опер Ч. — «Тайный брак». ...музыка Гайдна-Чимароза — Имеются в виду обработанные Чимарозой произведения австрийского композитора Франца Йозефа Гайдна (1732-1809).

³⁶ *Императрица Мария Федоровна* (урожд. София Доротея Августа Луиза, принцесса Бюртембергская) (1759-1828), жена Павла I, императрица с 1796 г.

Щербатова (Дмитриева-Мамонова) Дарья Федоровна (1762-1801), фрейлина.

Нарышкин Александр Львович (1760-1826), обер-гофмаршал. *Голицын* Борис Андреевич, князь, генерал-майор и генерал-адъютант. Командующий конной гвардией с 18 марта 1798 г. по 5 января 1800 г. *Головкин* Юрий Александрович (ум. в 1846). ...*отставной церемониймейстер гр. Валуев* — В тетради выписок к драме в разделе «VI. Пален и другие приближенные Павла» Мережковский записал: «Р.<усская> С.<тарина>. 1883. Обер-церемониймейстер, кавалер Мальтийского Ордена гр. Юрий Александрович Головкин. Старый церемониймейстер, полусумасшедший Петр Степанович Валуев» (л.108). *Кутайсов* Иван Павлович (?-1834), турок, взятый в плен в Кутаисе. Воспитанник и любимец Павла I. Подарен Павлу Екатериной II. Обучался парикмахерскому мастерству за границей, был царским брандобреем и доверенным слугой. В 1798 г., после получения Павлом I титула гротмейстера Мальтийского ордена, возведен в звание обер-штальмейстера ордена, граф.

³⁷ *Здание новое, сразу не высушишь...* — По свидетельству А.Чарторыйского, Павел с радостью возводил, а после окончания постройки немедленно переехал в «новый замок, стены которого были серы и мокры и, несмотря на это, был в восхищении от новой постройки, которую расхваливал своим приближенным» (Записки князя Адама Чарторыйского // Цареубийство 11 марта 1801 года. — С.222), а барон Гейкинг вспоминал, что «стены Михайловского замка... были еще пропитаны такой сыростью, что с них всюду лила вода; тем не менее, они были уже покрыты великолепными обоями... Императрица схватила в сырых покоех лихорадку, но не смела жаловаться на это; а как великий князь Александр, так и весь двор страдали сильным ревматизмом» (Записки барона Гейкинга // Цареубийство 11 марта 1801 года. — С.245,246).

³⁸ *Ливен* (урожд. баронесса фон Поссе) Шарлотта Карловна (1743-1828), губернантка великих княжен и доверенный друг Марии Федоровны. Во времена царствования Павла I получила титул графини, а при Николае I — княжеское звание и титул «светлости».

³⁹ *Арникум* — арника, лекарственное средство широкого спектра действия из трав в виде жидкости или мази.

⁴⁰ *Кушелев* Григорий Григорьевич (1750-1833), граф, адмирал, вице-президент адмиралтейств-коллегии.

⁴¹ ...*свет Фаворийский* — На горе Фавор было Преображение Господне: «...и просияло лицо Его, как солнце, ризы его сделались белыми, как свет». (Матфей, XVII, 2).

⁴² *Месмер* Фридрих (1734-1815), австрийский врач, автор теории «животного магнетизма» или месмеризма. Согласно этой теории, планеты действуют на человека посредством особой магнитной силы и человек, овладевший этой силой, способен излучать ее на других людей, оказывая на них благотворное воздействие. Хотя несостоятельность этой теории была установлена в 1774 г. специ-

альной комиссией, в состав которой входил А.Л.Лавуазье, она имела сторонников и пропагандировалась в том числе в России в XIX веке.

⁴³ Героиня поэмы И.Ф.Богдановича (1744-1803) «Душенька».

⁴⁴ *Нелидова* Екатерина Ивановна (1758-1839), фрейлина высочайшего двора, доверенный друг Павла и Марии Федоровны. Имеется в виду эпизод, описанный в воспоминаниях Саблукова: «Как-то раз..., когда я находился во внутреннем карауле, во дворце произошла забавная сцена... Услышав внезапно окрик часового: «караул вон!», я поспешно выбежал из офицерской комнаты. ...Дверь коридора открылась настежь, и император, в башмаках и шелковых чулках, при шляпе и шпаге, поспешно вошел в комнату, и в ту же минуту дамский башмачок, с очень высоким каблуком, полетел через голову его величества, чуть-чуть ее не задевши. Император через офицерскую комнату прошел в свой кабинет, а из коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмак и вернулась туда, откуда пришла» (с.51-52).

⁴⁵ «Как доказательство его рыцарских, доходивших даже до крайности воззрений, может служить то, что он совершенно серьезно предложил Бонапарту дуэль в Гамбурге с целью положить этим поединком предел разорительным войнам. Несмотря на всю причудливость и несовременность подобного вызова, большинство монархов, не исключая и самого Наполеона, отдали полную справедливость высокогуманным побуждениям, руководившим русским государем, сделавшим столь рыцарское предложение с полною искренностью и чистосердечием» (Записки Н.А.Саблукова. — С.58-59).

⁴⁶ *О новом прожекте для Павловска... ..храм Розы без шипов...* — Имеется в виду «Розовый павильон», сведения о котором Мережковский почерпнул из «Цареубийства...». В тетради выписок к драме он пометил страницы книги — 60 и 61, на которых описывается история знакомства Павла с Анной Гагариной и его ухаживаний: «Для нее было устроено особое помещение, нечто вроде дачи, в которую Павел мог легко пройти из «Розового Павильона», не будучи никем замеченным» (Записки Н.А.Саблукова).

⁴⁷ *И пусть меня Дон-Кихотом зовут...* — Выписано Мережковским в I раздел тетради «Личность Павла (речи его, анекд. и пр.)»: «Пусть меня называют Дон-Кихотом, но сей славный рыцарь...» (л. 3-4).

⁴⁸ Выписано из Шильдера: «Павел о своих министрах: «Вообще эти господа желают вести меня за нос; но к несчастью для них, у меня его нет!» (л. 23(13)).

⁴⁹ *Когда, отправляясь в далекий путь,
Марго складывала вещи,
Деревенские колокола
Дали мне урок:
Дин-ди, дин-дон (франц.).*

⁵⁰ «Много лет назад Павел признавался, что необыкновенная веселость у него бывает перед печалью» («По Шильдеру...». — С.154-155).

⁵¹ *Бонапарт* Наполеон I (1769-1821), с 1799 по 1804 г. был консулом Французской республики. В 1804 г. провозглашен императором.

⁵² ...и меня, сударь, «якобинцем на троне» зовут. — В тетрадь Мережковского это высказывание Павла выписано из исследования Шильдера. Здесь же есть помета, что Павла «якобинцем на троне» зовут французы: «Что же, может быть они и правы». Мережковский записал: «Павел: «... Если вы якобинцы, то представьте себе, что у меня красная шапка, что я главный начальник всех якобинцев — и слушайте меня!..» (л. 24).

⁵³ Текст письма выписан Мережковским из исследования Шильдера о Павле. В тетради Мережковского письмо помещено на л. 61.

⁵⁴ ...наводило ужас на Европу сие издыхающее ныне богомерзкое правление... — Имеются в виду изменения в общественной жизни Франции после переворота в 1784 г., положившего конец якобинской диктатуре и казни Робеспьера и его сторонников.

⁵⁵ ...осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне! — (Евангелие от Матфея, XX). *Грядый* — идущий, шествующий (церковнослав.).

⁵⁶ *Патер Грубер* — В рабочую тетрадь Мережковский выписал со страниц 366-379 «Записок С.Порошина» следующие сведения о Грубере: «Грубер родился в 1740 г. в Вене. Он — математик, историк, химик, музыкант, кондитер, архитектор, языковед, живописец... Он преподаватель математики и архитектуры в Полочком иезуитском коллегииуме. Вылечил М.<арику> Ф.<едоровну> от зубной боли. Варит шоколад... Патер Грубер — агент Наполеона по делу разрыва России с Англией и союза с Францией» (л. 60).

⁵⁷ *Граф Калиостро* (наст. имя Джузеппе Бальзамо) (1743-1795), итальянский авантюрист, выдававший себя за чародея: продавал эликсир жизни, воду красоты и т.п. Приезжал в Петербург в 1780 г.

⁵⁸ ...един Пастырь, едино стадо — Евангелие от Иоанна (X, 16). В тетрадь выписок Мережковский заносит: «Шильд<ер>. 254 — «Государи Российские суть главою церкви». Эта запись обведена красным карандашом (л. 49(33)).

⁵⁹ *Мелхиседек* — «Царь салимский, священник Бога всевышнего» (Бытие, XIV, 18-20). В тетради Мережковский помечает: «Павел велел приготовить далматик византийских императоров, похожий на архиерейский саккос. Отсюда слух, что император желает священнодействовать. М.<ожет> б.<ыть> сделать сцену, как Павел примеривает перед зеркалом только что сшитый великолепный далматик и, по этому поводу, говорит о Царе-священнике, наместнике Христа; вспоминает Кондратия Селиванова, который, будто бы, один только понимал значение русского самодержавия: «От Жены, облаченной в Солнце...» (л. 12).

⁶⁰ *Жена, облаченная в солнце... надлежит пасти все народы жезлом железным.* — Откровение Иоанна Богослова (XII, 1,5).

⁶¹ Перед судом на Христа «надели багряницу; и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Евангелие от Матфея (XXVII, 28-31)).

62 «Говорили также, что в самый день смерти Павел, взглянув на себя в зеркало, сказал: «Мне кажется, как будто у меня сегодня лицо кривое!» Этот факт верен, и вот как Кутузов мне рассказывал о нем: «Мы ужинали вместе с императором... После ужина он говорил со мною, и пока я отвечал ему несколько слов, он взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток и делавшее лица кривыми. Он посмеялся над этим и сказал мне: «Посмотрите, какое смешное зеркало; я вижу себя в нем с шеей на сторону». Это было за полчаса до его кончины» (Из записок Фонвизина.— С. 151). Барон Гейкинг вспоминал, что во время ужина «Павел сказал: «Мне приснилось, что у меня скосило рот; говорят, что это плохая примета». Я слышал этот рассказ от графини Пален, а графиня Ливен передала его в тех же выражениях одному из моих друзей» (Записки барона Гейкинга.— С. 249).

63 *Роджерсон*, лейб-медик. По сообщению Коцебу, врачом Павла I был лейб-медик Гриве (с. 329); Бенигсен вспоминает, что подготовку тела убитого императора для прощания с ним производил лейб-медик Роджерсон.

64 ...*подъемемся вместе с туманом и разлетимся...* — Реми-ниспенция из романа Ф.М. Достоевского «Подросток».

65 Этот эпизод был описан Шильдером: «Зимой, уже в Петербурге, жизнь при дворе была нарушена фальшивой тревогою. Войска Петербургского гарнизона поспешно бросились к Зимнему дворцу, и солдаты опять говорили, как и в Павловске: *беда сделалась во дворце*. Император Павел, находившийся на прогулке, немедленно возвратился во дворец и благодарил войска» (С. 117).

66 *Аргаматов* Александр Васильевич (1776-1833), поручик, плац-адъютант Михайловского замка, прошедший заговорщиков через караулы в спальню Павла I. С 1801 г. — дежурный адъютант л.-гв. Преображенского полка, впоследствии полковник, командир 1-го Егерского полка. *Марин* Сергей Никифорович (1775-1813), поручик, поэт-сатирик, впоследствии флигель-адъютант Александра I. Саблуков называет Марина подпоручиком, возглавлявшим караул в Михайловском замке в ночь убийства Павла I и обеспечившим безопасность заговорщиков.

67 «Во время одной из ... прогулок, около четырех или пяти дней до смерти императора (в это время стояла оттепель), Павел вдруг остановил свою лошадь и, обернувшись к шталмейстеру Муханову, ехавшему рядом с императрицей, сказал сильно взволнованным голосом: «Мне показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю... Разве они хотят задушить меня?» Муханов ответил: «Государь, это, вероятно, действие оттепели». Император ничего не ответил, ...не проронил ни единого слова до самого возвращения...» (Записки Н.А. Саблукова.— С. 72).

68 Шильдер сообщает, что, по словам Саблукова, 11 марта тот вошел в замок как дежурный офицер: «Я отрапортовал императору о состоянии дел: А, ты дежурный, — сказал он и вышел из комнаты. Александр немного приоткрыл свою дверь и заглянул в комнату. Константин стоял неподвижно, затем Александр, крадучись, снова подошел к нам.— Вы ничего не знаете? — спросил он во время

разговора. — Мы оба под арестом. Нас обоих водил в церковь Обольянинов присягать в верности» (с. 156). В воспоминаниях Саблукова этот эпизод описан так. В день убийства великий князь Константин назначил Саблукова дежурным вне очереди. Когда Саблуков явился к месту службы, он заметил великих князей Александра и Константина, прятавшихся от Павла. «Так вы ничего не знаете? — спросил Александр. — Ничего, ваше высочество... — Мы оба под арестом. Я засмеялся. Великий князь сказал: «Отчего вы смеетесь?» — «Оттого, — ответил я, — что вы давно желали этой чести». — «Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Нас обоих водил в церковь Обольянинов присягать в верности!» (с. 77).

⁶⁹ *«Сколько бы мух не жужжало у меня под носом, я их гоню»...* — Эти слова сказал императору Александру I генерал-прокурор Александр Андреевич Беклешов (1745-1808), удивленный нерешительностью императора, боявшегося удалить от двора Палена. А. Чарторыйский вспоминает, что Беклешов, состоявший в приятельских отношениях с Паленом, взялся сам вручить ему указ об оставлении Петербурга в 24 часа.

⁷⁰ В предисловии к «Цареубийству 11 марта 1801 года» приказ Павла выступить в поход на Индию комментировался так: «Поход на Индию — вернее, демонстрация с целью дать чувствительный удар Англии — всегда выставляется, как яркое доказательство сумасшествия Павла. Однако это далеко не так. Когда разразилась революция, европейские кабинеты усмотрели в волнениях, терзавших Францию, могущественное средство ослабления дома Бурбонов... Англии были известны широкие планы Людовика XVI относительно Индии, Египта и колонизации Средиземного моря. Гибель монархии Бурбонов полагала... конец этим проектам... Морское и коммерческое первенство и могущество Англии в эпоху революции быстро возросло... Не может быть сомнения, что, питая намерения атаковать Англию в Азии, Наполеон Бонапарт изучил все государственные бумаги, относящиеся к этому периоду, и, конечно, те проекты,.. которые (строил) Людовик XVI, создавая большое французское предприятие на Востоке. Наполеон централизовал в Париже архивы всех стран, куда только проникали его армии... Две тысячи европейских солдат охраняли могущество англичан в Индии в 1782 г. Император Павел в 1800 г. посылает в Индию 40000 казаков. Спрашивается, было ли это движение уединенным действием, или входило, как составная часть, в общий план действий Наполеона и Павла против азиатских владений Англии? План этот существовал, но точных данных о нем не находим. Один прусский агент сообщал министру Гарденбергу... о союзе Павла и Бонапарта для завоевания английских владений в Индии... Заготовлены были даже прокламации к мусульманскому населению, в которых возвещалось: «Армии двух, самых могущественных в мире, народов должны пройти через ваши земли... Два правительства решили соединить свои силы, чтобы освободить индусов от тиранического и варварского ига англичан»... Исполнение этой диспозиции мы видим. Донское войско двинулось в поход, но смерть Павла остановила дальнейшее («Цареубийство... — С. X-XLV).

⁷¹ Имеется в виду заключение Петра III в Шлиссельбургскую крепость.

⁷² Об одном из подобных эпизодов сообщал Шильдер: «Перед выходом к вечернему столу произошло следующее: когда обе половины дверей распахнулись, Павел подошел к близкостоявшей императрице, остановился перед нею, насмешливо улыбаясь, скрестивши руки и, по своему обыкновению, тяжело дыша, что служило признаком сильного недовольства; затем он повторил те же угрожающие приемы перед обоими великими князьями... В заключение он подошел к графу Палену, с зловещим видом шепнул ему на ухо несколько слов и поспешил к столу. Все последовали за ним молча и с стесненной грудью. Гробовая тишина царила за этой печальной трапезой, и, когда по окончании ее императрица и великие князья хотели поблагодарить императора, он отстранил их от себя с насмешливой улыбкой и быстро удалился, не поклонившись» (с.153).

⁷³ «...сновидения всегда для него были вещими. Накануне 11 марта он также видел необычайный сон: Павлу снилось, что ему натягивали узкий парчовой кафтан и с таким усилием, что он проснулся от боли («По Шильдеру...»). — С.154-155).

⁷⁴ *субалтерн-офицер* — Младший офицер (от нем. Subalternoffizier).

⁷⁵ Допрос Павлом Палена пересказан в воспоминаниях графа Ланжерона и княгиней Ливен со слов самого Палена. «7 марта я вошел в кабинет Павла в семь часов утра, чтобы подать ему, по обыкновению, рапорт о состоянии столицы. Я застаю его озбоченным, серьезным; он запирает дверь и молча смотрит на меня в упор минуты с две, и говорит наконец: «Г. фон-Пален! Вы были здесь в 1762 году» — «Да, ваше величество». — «Были вы здесь?» — «Да, ваше величество, — но что вам угодно этим сказать?» — «Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни?» — «Ваше величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом, я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в Конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, ничего не подозревая, что происходит; но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?» — «Почему? вот почему: потому что хотя бы повторить 1762 год». Я затрепегал при этих словах, но тотчас же оправился и отвечал: «Да, ваше величество, хотя! Я это знаю и участвую в заговоре». — «Как! вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы мне такое говорите?» — «Сущую правду, ваше величество, я участвую в нем и должен сделать вид, что участвую ввиду моей должности, ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если не притворюсь, что хочу способствовать их замыслам? Но не беспокойтесь, — вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно» (Из записок графа Ланжерона. — С. 138-139). Ливен: «Я передаю этот рассказ в подлинных выражениях графа Палена, которые... отчетливо запомнила: «Накануне кончины император Павел неожиданно меня спросил, не отводя пристального взгляда от моих глаз, знаю ли я, что против него замышлен заговор, весьма разветвленный и участниками которого, между прочим, являются лица, очень близкие царю. Взгляд государя был пронизывающий, подозрительный и

настойливо навел на меня страх, что я похолодел... Но я не потерялся и, желая оправиться, расхохотался. «Государь, ведь если заговор этот проявляет деятельность, то потому, что я сам же им и руковожу. Я с такой ловкостью сосредоточил все нити заговора в собственных руках, что помимо меня ничего не делается. Будьте совершенно покойны, ваше величество. Никакие злоумышления рук моих не минуют. Я в том отвечаю вам собственной головою». Государь ласково взял меня за руку и сказал: «Я вам верю» (с. 196-197).

Аракчеев Алексей Андреевич (1769-1834), граф, государственный деятель. Член Государственного совета и андреевский кавалер; временщик при Александре I.

⁷⁶ По словам Саблукова, император благодарил Палена и спросил его, не признает ли он, с своей стороны, нужным, посоветовать ему что-нибудь для его безопасности. «Разве только, ваше величество, удалите вот этих якобинцев (при этом он указал на дверь, за которою стоял караул из конной гвардии), да прикажите заколотить эту дверь» (ведущую в спальню императрицы). Оба эти совета злополучный монарх не преминул исполнить, как известно, на свою собственную погибель (С. 95). Княгиня Ливен вспоминала, что «по несчастному затемнению ума, император Павел, заподозревая всех, с недоверием относился даже к императрице, преданнейшей ему и почтенной женщине, которую даже вопиющие измены мужа не отвратили от ее страстной привязанности к государю. Он запер дверь на ключ и преградил сообщение между апартаментами императрицы и своими. Поэтому, когда... заговорщики постучались к Павлу в опочивальню, он сам же лишил себя единственного шанса к бегству» (с. 188).

⁷⁷ *Душу твою за Меня положишь? — сказал Господь Петру — и петух пропел... — «Петр сказал Ему: «Господи!.. Я душу свою положу за Тебя. Иисус отвечал ему: душу свою за Меня положишь? Истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды». Когда же Христа взяли под стражу, люди вспомнили, что Петр был с Ним. Петр отрекся, «и тотчас запел петух» (Евангелие от Иоанна, XIII, 37, 38; XVIII, 25-27).*

⁷⁸ *Поражу пастыря — и рассеются овцы... — Цитируется Евангелие от Марка (XIV, 27).*

⁷⁹ Барон Гейкинг вспоминал, что Кутайсов, услышав в ночь убийства шум у императора в покоях, «хотел было подняться наверх; но смелость покинула его, и он бросился бежать, выскочил на улицу в туфлях и сюртуке и, достигнув дома г. Ланского на Литейной, спрятался там и не показывался нигде до следующего дня» (251). А. Чарторыйский писал, что Кутайсов «был не злой человек, но беспечный, любивший пожить, у которого на другой день, когда его арестовали, в кармане камзола найдены были письма, сообщавшие подробный план заговора и список всех его участников. Но Кутайсов даже не распечатал этих писем, сказав очень спокойно: «Ну, дела можно отложить и до завтрашнего дня». Он положил их в карман, не читая, так как спешил на ночное свидание» (221). Саблуков также описывает бегство этого «пронирливого Фигаро по потайной лестнице». Он «забыл о своем господи-

не, которому всем был обязан, выбежал без башмаков и чулок, в одном халате и колпаке, и в таком виде бежал по городу, пока не нашел убежища в доме Степана Сергеевича Ланского, который... не выдал его, пока не миновала всякая опасность» (93). О письме Павла Аракчееву упоминает Ланжерон: «Пален не напрасно беспокоился: оказывается, что император имел более чем подозрения о замышляемом, и что сам Пален был осужден на опалу. Павел тайно послал в Гатчину за двумя своими прежними фаворитами, в то время удаленными: Аракчеевым и Линденером; если бы приехали эти два чудовища... столица облилась бы кровью (с.139).

⁸⁰ Этот кульминационный для вовлечения Александра в заговор эпизод сам Пален описывает так: «Я принадлежал к числу тех, кому более всего угрожала опасность, и мне настолько же желательно было избавиться от нее для себя, сколько избавить *Россию*, а, может быть, и всю *Европу* [Курсив рассказчика. — *Сост.*] от кровавой и неизбежной смуты... Были окончательно решены мои планы о необходимости свергнуть Павла с престола, но мне казалось невозможным... достигнуть этого, не имея на то согласия и даже содействия великого князя Александра, или, по крайней мере, не предупредив его о том. Я зондировал его на этот счет, сперва слегка, намеками... Александр слушал, вздыхал и не отвечал ни слова. Но мне не этого было нужно; я решился, наконец, пробить лед и высказать ему открыто, прямодушно то, что мне казалось необходимым сделать. Сперва Александр был, видимо, возмущен моим замыслом; он сказал мне, что вполне сознает опасности, которым подвергается империя, а также опасности, угрожающие ему лично, но что он готов все выстрадать и решился ничего не предпринимать против отца. Я не унывал и так часто повторял мои настояния,.. так льстил ему или пугал его насчет его собственной будущности, представляя ему на выбор — или престол, или темницу, и даже смерть, что мне, наконец, удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность... Но я обязан, в интересах правды, сказать, что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца; я дал ему слово,.. я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что они не исполнятся...» (Из записок графа Ланжерона: из рассказов Палена // Цареубийство 11 марта 1801 года. — С.134-136). Княгиня Ливен, симпатизировавшая Александру, писала: «Великий князь был молод.. Его, может быть, уверили, что обращение к императору решительных и энергичных требований от особ, приближенных к престолу,.. образумит, наконец, императора... Неопытность могла заставить Александра поверить таким обещаниям. Только в таких пределах и мог он санкционировать действия заговорщиков, направляемые к такой именно цели. Но это и все» (с. 189).

⁸¹ *Несть бо власть аще не от Бога...* — Послание к римлянам св. апостола Павла (XIII, 1). Мережковский выписал в тетрадь: «Александр вспоминает слова Писания: «Всякая власть от Бога... Александр недоумевает, что это значит, уж во всяком случае Павел «без ума меч носит». Александр не может принять, что всякая власть от Бога. Первые сочинения» (л.87). Высказывание ап.

Павла приведено Мережковским многократно — и в романе «Александр I», и в статье «Чаадаев». Мережковский кладет это высказывание в основу своей исторической концепции, вслед за Чаадаевым рассматривая неверное его истолкование как причину безграничной власти самодержца над церковью и народом (см. статью «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)», а также письмо В. Брюсову от 4 июня 1908 г. // *Русская речь*. — 1993. — № 5. — С. 35).

⁸² По словам графа Бенигсена, пересказанным графом Ланжероном, собрание заговорщиков состоялось в доме графа Палена; Чарторыйский сообщает, что «большой ужин» накануне убийства «устроил кн. Платон Зубов».

⁸³ Мережковским перечислены активные участники убийства Павла I, список которых почти полностью приведен в воспоминаниях Фонвизина (с. 157-158):

Бенигсен (Беннигсен) Леонтий Леонтьевич (1745-1826), военный деятель, генерал от кавалерии, участник войны 1812 г. *Тучков* П. А. (1775-1858), генерал, шеф 1 Артиллерийского полка, участник войны 1812 г. *Зубов Платон Александрович* (1767-1822), государственный деятель, последний фаворит императрицы Екатерины II. Шеф 1 кадетского корпуса, впоследствии член Государственного Совета. Ланжерон называл его «самым трусливым и низким из людей» *Зубов Валериан Александрович* (1771-1804), князь, шеф 2 кадетского корпуса. Пален характеризовал его как друга, «известного своим мужеством и энергией». *Зубов Николай Александрович* (1763-1805), князь, муж дочери А.В.Суворова. Современники говорили, что он «был бык, который мог быть отважным в пьяном виде, но не иначе» (Из записок графа Ланжерона // *Цареубийство 11 марта 1801 года*. — С. 137).

Яшвиль — см. № 1, *Мансуров*, князь, полковник Измайловского полка. *Татаринов*, князь, полковник. По списку Фонвизина — поручик. По свидетельству Ланжерона, именно Татаринovu и Яшвилю принадлежит «позорная честь быть виновником кончины» Павла I. *Розен*, барон, штабс-капитан. *Скарятин* Яков Федорович (кон. 1770-х-1870), с 1807 г. — полковник в отставке, штабс-капитан. В списке Фонвизина — поручик. *Шенишин*, капитан. *Титов*, ротмистр. *Аргамаков* — см. № 80. *Волконский* Петр Михайлович (1776-1852), князь, адъютант великого князя Александра, позднее генерал-фельдмаршал, министр. *Долгорукий*, поручик. Его фамилия отсутствует в списке Фонвизина. *Ефимович*, поручик. *Филатов*, подпоручик. Его фамилия отсутствует в списке Фонвизина. Саблуков называет фамилию *Филатьев*, корнет. *Мордвинов* Иван Николаевич (ум. в 1823 г.), подпоручик, впоследствии генерал-майор, командир бригады во 2-й армии. Его фамилия отсутствует в списке Фонвизина. *Гарданов*, корнет. Его фамилия отсутствует в списке Фонвизина.

⁸⁴ Бенигсен сообщает, что «все были по меньшей мере разгорячены шампанским, которое Пален велел подать им (мне запретил и сам не пил)» (с.142); в записках А.Чарторыйского описано «всеобщее возбуждение», которое к концу вечера «росло благодаря обильным возлияниям. Только главари заговора воздерживались,

стараясь сохранить присутствие духа, столь необходимое в эти минуты, большинство же гостей были сильно навеселе, причем несколько человек уже едва держались на ногах» (с. 225).

⁸⁵ Саблуков вспоминал, что с момента восхождения Павла на престол Петербург мгновенно из европейской столицы превратился в «скучный немецкий город». По полицейским распоряжениям павловского времени всем было предписано «носить пудру, косичку или гарбейтель и запрещалось ношение круглых шляп, сапог с отворотами, длинных панталон, а также завязок на башмаках и чулках, вместо которых предписывалось носить пряжки... Ни один офицер, ни под каким предлогом, не имел права являться куда бы то ни было иначе, как в мундире. Не только экипажи, платья, шляпы, сапоги и прическа подчинены были регламенту, самый дух жителей был подвержен угнетению. Это проявление деспотизма, выразившееся в самых повседневных, банальных обстоятельствах, сделалось особенно тягостным ввиду того, что оно явилось продолжением эпохи, ознаменованной сравнительно широкой личной свободой» (22, 27).

⁸⁶ *Банк, фараон, макао* — азартные карточные игры.

⁸⁷ *Вперед, отечества сыны!// Настал свободы день* (фр.) — Слова из «Марсельезы».

⁸⁸ *Под Катъкиными юбками...* — Двадцатилетний Платон Зубов был фаворитом семидесятилетней императрицы Екатерины.

⁸⁹ *Брут* Марк Юний (1 в. до н.э.), друг Юлия Цезаря, возглавивший заговор против него и принявший участие в его убийстве.

⁹⁰ *Гофмановские капли* — лекарство успокоительного действия, изобретенное немецким терапевтом Фридрихом Гофманом (Гоффманом) (1660-1742).

⁹¹ *Мабли* де Габриэль Бонно (1709-1785), французский философ и историк. Пересказывается мысль Мабли: «...Природа предназначила людей быть равными» из его трактата «О законодательстве или принципы законов» (гл. II).

⁹² *Демут* — Хозяин одной из гостиниц и трактира в Петербурге, жена которого была наказана за непочтительное отношение к императору Павлу I.

⁹³ *Юнг-Штиллинг* Иоганн-Генрих (1740-1817), немецкий писатель-мистик.

⁹⁴ *Горус* (Гор) — древнеегипетский бог восходящего солнца.

⁹⁵ *Кант* Иммануил (1724-1804), немецкий философ, родоначальник немецкого классического идеализма.

⁹⁶ А. Коцебу со слов Бенигсена автором манифеста об отречении называет Трошинского, составившего «акт» на ужине прямо перед убийством.

⁹⁷ *Звери алчные... отнять не можем — воздух...* — Цитируется «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н.Радищева.

⁹⁸ *Пугачев* Емельян Иванович (ок. 1742-1775), руководитель Крестьянской войны 1773-1775 гг.

⁹⁹ *«День мщениа грядет...»* — Реминисценция из «Путешествия из Петербурга в Москву».

¹⁰⁰ По мнению Ланжерона, «если бы Павел не умер и был заточен в крепость, то гвардия освободила бы его и тогда!» (с. 149).

¹⁰¹ По свидетельству Фонвизина, на ужине «не было речи о будущей участи императора. Заговорщикам, кроме весьма немногих, и в голову не приходило, чтобы жизни его угрожала какая-нибудь опасность» (с. 165).

¹⁰² ...в Писании сказано: Бога бойтесь, царя чтите. — Цитируется I Послание Петра (II, 17).

¹⁰³ Неточная цитата из оды А. Н. Радищева «Вольность».

¹⁰⁴ По воспоминаниям Саблукова, «лейб-гвардии Измайловского полка полковник Бибиков, прекрасный офицер, находившийся в родстве со всею знатью, будто бы, высказал во всеуслышание мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла; что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отделаться от них всех сразу» (с. 86).

¹⁰⁵ Передавая рассказ Бенигсена об ужине перед убийством Павла I, Ланжерон пишет: «Граф Пален, обращаясь к офицерам, сказал им между прочим: «Господа, чтобы приготовить яичницу, необходимо разбить яйца» (с. 120). Коцебу считал, что эта фраза была сказана на площади перед Михайловским замком, когда заговорщики «начали между собой рассуждать, следует ли убить императора, или только принудить его к подписанию акта отречения от престола. — «Что тут толковать», — вскричал граф Пален: «чтобы сварить яичницу, нужно сперва разбить яйца!» — Как ни сурово звучали эти слова... но Пален был прав в том отношении, что необходимо было или совершенно покончить это дело, или совершенно от него отказаться, ибо, если бы государь был только арестован, неминуемо вспыхнула бы кровопролитная междоусобная война» (с. 333).

¹⁰⁶ По свидетельству Фонвизина, «получа донесение, что движение войск началось, заговорщики разделились на два отряда: один под предводительством Бенигсена и Зубовых, другой под начальством Палена. Впереди первого отряда шел адъютант Аргамаков» (с. 165). Эти слова подтверждают воспоминания Чарторыйского, писавшего, что «заговорщики разделились на две партии, в каждой из которых было до шестидесяти человек. Первая группа, во главе которой находились братья Платон и Николай Зубовы и генерал Бенигсен, направилась прямо к Михайловскому замку, другая под предводительством гр. Палена должна была проникнуть во дворец со стороны Летнего сада» (с. 225).

¹⁰⁷ А. Чарторыйский описывает этот эпизод так: «Шедший во главе отряда Зубов растерялся и уже хотел скрыться, увлекая за собою других; но в это время к нему подошел генерал Бенигсен и, схватив его за руку, сказал: «Как? Вы сами привели нас сюда и теперь хотите отступать? Это невозможно, мы слишком далеко зашли, чтобы слушаться ваших советов, которые нас ведут к гибели. Жребий брошен, надо действовать. Вперед!» — Слова эти я слышал впоследствии от самого Бенигсена» (С. 226).

¹⁰⁸ А. Чарторыйский сообщает, что Аргамаков, «знавший все ходы и выходы дворца по обязанности своей службы, шел во главе первого отряда с потайным фонарем в руке и провел заговорщиков до передней государевой опочивальни» (с. 225-226). По словам Бенигсена, Аргамаков знал «все потайные ходы и комнаты, по

которым мы должны были пройти, так как ему ежедневно по несколько раз случалось ходить по ним, принося рапорты и принимая приказания своего повелителя» (с. 118).

¹⁰⁹ ... убили Алешеньку... — царевича Алексея Петровича.

¹¹⁰ ... убили Иванушку... — Иоанна Антоновича (1740-1764), российского императора в 1740-1741 гг. Был свергнут, заключен в тюрьму, позднее убит при попытке освободить его.

¹¹¹ ... убили Петеньку... — императора Петра III (1728-1762), российского императора с 1761 г.

¹¹² Этот эпизод в воспоминаниях Саблукова приводится так. Когда войска были построены для приведения к присяге Александру I, Саблуков спросил у одного из своих солдат: «Что же братец,.. присягнешь ли ты теперь Александру? — Точно так... хотя лучше покойного ему не быть... А, впрочем, все одно: кто ни поп, тот и батька» (с. 85).

¹¹³ Здесь неточность. Имеется в виду, очевидно, *Куракин* Александр Борисович (1752-1818), друг детства Павла I. Внучатый племянник Н.И.Панина, воспитателя Павла I. Впоследствии — посланник России при Наполеоне перед войной 1812 г. В тетрадь Мережковский заносит: «Вигель, III. 193. Кн. Ал-р Борисович Куракин, молодость провел в Париже, воспитывался с Павлом как внук гр. Ник. Ив. Панина... сладострастник, эпикуреец... Весь в бриллиантах. «Бриллиантовый князь» (л. 122). Впоследствии убежденный сторонник мирных взаимоотношений с Францией, перед войной 1812 г. — участник переговоров и переписки с французским министром иностранных дел Маре.

¹¹⁴ Эти слова Павла приводятся дословно из «Записок» воспитателя Павла С.Порошина.

¹¹⁵ В сборнике «Император Павел I по Шильдеру и воспоминаниям современников» этот эпизод описывается так: «В Брюсселе Павел рассказал собравшемуся у него вечером обществу один фантастический эпизод из своей жизни, который следует привести в нашем повествовании, как превосходную характеристику ненормальной, нервной натуры Павла Петровича. «Однажды вечером я, в сопровождении Куракина и двух слуг, шел по улицам Петербурга. Погода не была холодная. Мы были веселы; не думали о чем-либо религиозном или даже серьезном. Я шел впереди, предшествуемый, однако, слугою, за мною, в нескольких шагах, следовал Куракин... При повороте в одну из улиц я заметил в углублении одних дверей высокого и худого человека, завернутого в плащ, вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза шляпе. Он, казалось, поджидал кого-то, и, как только мы миновали его, он вышел из своего убежища и подошел ко мне с левой стороны, ни говоря ни слова. Я почувствовал охватившую меня всего дрожь и, обернувшись к Куракину, сказал:

— Мы имеем странного спутника.

Но Куракин никого не видел и разубеждал меня. Вдруг глухой и грустный голос раздался из-под плаща, закрывавшего рот моего спутника, и назвал меня моим именем:

— Павел!

Я невольно отвечал:

— Что тебе нужно?

— Павел! — повторил он.

Я ничего не отвечал и ждал; он снова назвал меня по имени, а затем вдруг остановился. Я вынужден был сделать то же самое.

— Павел, бедный Павел, бедный князь!

Я обратился к Куракину, который также остановился.

— Слышишь? — сказал я Куракину.

— Ничего, государь, решительно ничего. А вы?

Что касается до меня, то я слышал: этот плачевный голос еще раздавался в моих ушах. Я сделал отчаянное усилие над собою и спросил таинственного незнакомца, кто он и чего он от меня желает.

— Бедный Павел. Кто я? Я тот, кто принимает в тебе участие. Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты не останешься в нем долго. Живи, как следует, если желаешь умереть спокойно, и не презирай укоров совести: это величайшая мука для великой души.

Я шел за ним, потому что теперь он давал направление нашему пути; это продолжалось еще более часу, в молчании, и я не могу вспомнить, по каким местам мы проходили.

— Наконец, — продолжал Павел Петрович, — мы подошли к большой площади между мостом через Неву и зданием сената.

— Павел, прощай, ты меня снова увидишь здесь и еще в другом месте. — Затем его шляпа сама собою приподнялась, как будто бы он прикоснулся к ней; тогда мне удалось свободно разглядеть его лицо. Я невольно отодвинулся, увидев орлиный взор, смуглый лоб и строгую улыбку моего прадеда Петра Великого. Ранее, чем я пришел в себя от удивления и страха, он уже исчез. На этом самом месте императрица сооружает знаменитый памятник, который изображает Петра на коне...» (с. 54).

¹¹⁶ Паскаль Блез (1623 -1662), французский философ, физик, математик, писатель.

¹¹⁷ Сведения о машинке и часах выписаны со С. 427, 603 «Записок С.Порошина» (л.77(59)-79(60) тетради Мережковского. Выписки отмечены синим карандашом).

¹¹⁸ Саблуков вспоминает, что вечером перед убийством «император показался... в башмаках и чулках, ибо он шел с ужина. Ему предшествовала любимая его собачка Шпиц... Собачка подбежала ко мне и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видела. Я отстранил ее шляпою, но она опять кинулась ко мне, и император отогнал ее ударом шляпы, после чего Шпиц сел позади Павла Петровича на задние лапки, не переставая пристально глядеть на меня... Верный Шпиц, бедняжка, все время серьезно смотрел на меня» (с.79-80).

¹¹⁹ Ланжерон сообщает, что «в Европе распространился слух (его распространил Пален), будто Павел хотел развестись с женою, жениться на княгине Гагариной, разведя ее с мужем, заточить в крепость своих трех старших сыновей и провозгласить своим наследником маленького великого князя Михаила, родившегося уже в бытность Павла на престоле. Этот слух оказывается страшной клеветой... Даже накануне смерти Павел казался очень

расположенным к жене и детям, а известно, что его характер никогда не позволил бы ему скрывать свои намерения» (с. 151).

120 В «Записках» Саблукова (с. 76, 79 и 80) приведены графические изображения кабинета Константина (рис.1), передней кабинета Павла I (рис.2) и места убийства (рис.3), совпадающие с описанием этой мизансцены.

121 «Места, на которых Павел имел обыкновение стоять на коленях, погруженный в молитву и часто обливаясь слезами», упоминает Саблуков. «Паркет положительно протерт в этих местах... Офицерская караульная комната, в которой я сидел во время моих дежурств в Гатчине, находилась рядом с частным кабинетом Павла, и мне нередко приходилось слышать вздохи императора, когда он стоял на молитве» (с. 13).

122 Эта деталь приводится в воспоминаниях Фонвизина: «В верхнем саду на ночь слеталось бесчисленное множество ворон и галок; птицы, испуганные движением войска, поднялись огромною тучею с карканьем и шумом и перепугали начальников и солдат, принявших это за несчастьное предзнаменование» (с.165) и Гейкинга: «В половине одиннадцатого гренадерский пехотный батальон, который вели вдоль Летнего сада, спугнул стаю ворон, поднявшихся с пронзительным криком. Солдаты в испуге начали роптать и не хотели идти дальше. Тогда Уваров крикнул: «Как! Русские гренадеры не боятся пушек, а испугались ворон, вперед! Дело касается нашего государя!» Это двусмысленное восклицание убедило их, и они молча последовали за своими офицерами, хотя и с неудовольствием (с.249). Этот эпизод вспоминает и сам Мережковский в статье «Зимние радуги», вошедшей в сборник «Болезнь России» (1910): «Моя ежедневная прогулка в Летнем саду, мимо домика Петра Великого... Там... множество вороньих гнезд. Когда убийцы Павла I проходили ночью по средней аллее сада к Михайловскому замку, то поднялось такое карканье, что заговорщики боялись, как бы не проснулся спящий император. Вороны и надомной каркают. Есть легенда, что эта вещая птица живет столетия. Может быть, некоторые из них помнят Петра...».

123 В обязанность Аргамакова, сообщает Саблуков, входило докладывать «о пожарах, происходящих в городе. Аргамаков вбежал в переднюю государева кабинета, где недавно еще стоял караул от моего эскадрона, и закричал: «пожар!» (с. 87). Ланжерон так описывает этот эпизод: «Аргамаков... являлся каждое утро в 6 часов подавать императору рапорт по полку. Он стучится в дверь, запертую на ключ. Камердинер встает и спрашивает его, кто он такой, и что ему нужно. Аргамаков называет себя, прибавив: «Можно ли спрашивать, что мне нужно? Я прихожу каждое утро подавать рапорт императору. Уже 6 часов! Отпирайте скорее!» — «Как 6 часов?» — возразил камердинер: «нет еще и 12-ти; мы только что улеглись спать». — «Вы ошибаетесь, — сказал Аргамаков, — ваши часы, вероятно остановились: теперь более 6-ти часов. Из-за вас меня посадят под арест, если я опоздаю, отпирайте скорее». Обманутый камердинер отпер, и заговорщики вошли толпой» (с. 143).

124 Ланжерон называет непосредственными участниками убийства Яшвиля, Вяземского, Скарятина, Аргамакова, Татаринова,

Волконского, Бенигсена и братьев Зубовых, кроме Валериана, оставшегося с Паленом.

¹²⁵ По словам Бенигсена, в прихожей императора дежурили камердинер и гайдуки: «камердинер спрятался, но один из гайдуков, хотя и обезоруженный, бросился на нас; один из сопровождавших меня свалил его ударом сабли и опасно ранил в голову». Ланжерон так комментирует слова Бенигсена: «этот храбрый и верный гайдук не умер от своей раны, а впоследствии он служил камердинером у императрицы Марии; его звали Кириловым» (с. 143).

¹²⁶ Ланжерон пишет, что Павел, «увидав одного офицера конной гвардии, приблизительно одного роста с великим князем Константином, принял его за сына и сказал ему, как Цезарь Бруту: «Как! и ваше высочество здесь». Итак, несчастный государь умер, убежденный, что его сын был одним из его убийц» (с. 145).

¹²⁷ Коцебу сообщает, что «в передней спали два хорошо вооруженные камер-гусара... Когда же они увидели, что проникает целая толпа, они схватились за свои сабли и хотели защищаться. Один из них был поражен сабельным ударом, нанесенным ему Яшвилем, и упал наземь; другой с обнаженною саблею побежал в соседнюю переднюю, где спало несколько фельдъегерей, и стал кричать: «бунт!». В адрес-календаре 1801 г. камер-гусарами, служащими «при верхней комнатной услуге», называются Сагин, Кириллов, Сулимов и Ропщинский.

¹²⁸ По словам Коцебу, пока заговорщики «шли по лестнице, из сорока, по-видимому, решительных людей более тридцати пали духом и один за другим оставались позади, так что вначале не более восьми человек дошли до запертой двери у первой передней; остальные с робостью и мало-помалу присоединились к ним впоследствии» (с. 334). Бенигсен вспоминал: «Больше половины сопровождавших меня заблудились и отстали прежде, чем дошли до покоев императора; нас осталось всего 12 человек» (с. 142). Неучастие Палена в убийстве Павла I современники комментировали так. Ланжерон: «Думают, что Пален, адский гений которого все предвидел, а в особенности не забыл ничего, что могло касаться его лично, уклонился от деятельного участия не потому... что хотел исполнить обещание, данное великому князю Александру, а для того, чтобы быть в состоянии, если не удастся предприятие, броситься на помощь к императору: не желая сам совершать преступления, он, зная хладнокровие и невозмутимое мужество Бенигсена, призвал его, чтобы заменить себя, и правда, что без Бенигсена ничего не удалось бы» (с. 142). Фонвизин: Пален «действовал двулично: если бы заговор не увенчался успехом, он явился бы к императору на помощь, как верный слуга и спаситель» (с. 167).

¹²⁹ По словам Коцебу, «князь Зубов сильно дрожал. Генерал Бенигсен должен был ему напомнить, что теперь уже не время дрожать» (с. 334).

¹³⁰ По свидетельству Фонвизина, «Князь Платон Зубов, не видя Павла на постели, испугался... но Бенигсен, хладнокровно осмотрев горницу, нашел Павла, спрятавшегося за ширмами со шпагою в руке, и вывел его из засады» (с. 166).

¹³¹ Эти слова Павла вспоминает Бенигсен: «Я узнал потом те немногие слова, какие произнес император по-русски: «Арестован, что это значит арестован?» (с. 199-120).

¹³² По словам Бенигсена, «один из офицеров отвечал» Павлу: «Еще четыре года тому назад с тобой следовало бы покончить!» На это он возразил: «Что я сделал?» (с. 120). Ланжерон так передает воспоминания Бенигсена: «Император... воскликнул: «Что же я вам сделал!» Один из офицеров гвардии отвечал: «Вот уже четыре года, как вы нас мучите» (с. 144). Коцебу воссоздает большой диалог между Павлом и заговорщиками, где приводит слова князя Яшвиля: «Ты обращался со мною, как тиран, ты должен умереть!» (с. 251).

¹³³ Бенигсен подтверждает, что сказал Павлу: «Оставайтесь спокойным, ваше величество, — дело идет о вашей жизни» (с. 120).

¹³⁴ Саблуков писал, что «человек громадного роста и необыкновенной силы, Николай Зубов, будучи совершенно пьян, ударил Павла по руке и сказал: «Что ты так кричишь!» (с. 88).

¹³⁵ Ланжерон сообщает, что «убийцы бросились на Павла, и он защищался слабо: он просил пощады, умолял, чтобы ему дали время прочесть молитвы... Убийцы не имели ни веревки, ни полотенца, чтобы задушить его; говорят, Скарятин дал свой шарф, и через него погиб Павел... Николай Зубов, нечто вроде мясника, жестокий и разгоряченный вином, которым упился, ударил его кулаком в лицо, а так как у него была в руке золотая табакерка, то один из острых углов этой острой четырехугольной табакерки ранил императора под левым глазом» (с. 145).

¹³⁶ *Полторацкий* Константин — офицер, расставивший тридцать офицеров лейб-гвардии вокруг кабинета Павла и «не пустивший к покойнику императрицу Марию Федоровну» (Из записок графа Ланжерона. — С. 147). *Амеросий* (Подобедов) (1742-1818), архиепископ Петербургский с 10 марта 1801 г. *Исидор* — духовник. Мережковский выписал о нем: «Царский духовник Исидор, горький пьяница, — см. Пам.<ятники> Рус.<ской> Ист.<ории>. 103). Духовник о. Исидор, добрый и глупый человек, всем известен за самого горького пьяницу, ни в чем противу императора спорить не станет и все подписывает, что он ни прикажет, кроме тех дней, в которые забыл Бога суща, и предавшись Бахусу, лишен он движения рук и ног» (л. 106(82)).

¹³⁷ Саблуков вспоминает, что «в ужасном волнении, с распущенными волосами и ... без башмаков и чулок императрица вбежала с криком: «Пустите меня! пустите меня!» Гренадеры скрестили штывки. Со слезами на глазах она ... опустилась на пол и, обнимая колена часовых, умоляла пропустить ее» (с. 91).

¹³⁸ Коцебу описывает этот эпизод так: «Императрица Мария Федоровна предстала перед заговорщиками сильно возмущенною, и крики ее раздавались в коридорах, прилегающих к ее апартаментам... Бенигсен и Пален, которые привели во дворец преданный им отряд войск, с большим трудом уговорили императрицу вернуться в ее апартаменты, около которых немедленно был поставлен караул... Ее отрывистые фразы, ее русская речь с довольно сильным немецким акцентом не произвели должного

впечатления на солдат, и часовые молча скрестили перед ней ружья» (с. 231-232).

¹³⁹ Саблуков сообщает, что «уборка тела, гримировка, бальзамирование и облачение в мундир длились более 30-ти часов» (с. 93). Фонвизин описывает «труп Павла, избитого, окровавленного, с проломленной головой, одетого в мундир, какою-то мастикой замазали израненное лицо и, чтобы скрыть глубокую рану, надели на него шляпу и, не бальзамируя его, как это всегда водится с особами императорской фамилии, положили на великолепное ложе» (с. 169). «Я видел покойного императора, лежащего в гробу, — писал Саблуков. — На лице его, несмотря на старательную гримировку, видны были черные и синие пятна. Его треугольная шляпа была так надвинута на голову, чтобы, по возможности, скрыть левый глаз и висок, который был зашиблен» (с. 89).

¹⁴⁰ Апостол Фома, услышав, что Христос воскрес, не поверил в это. Тогда Христос явился ему, и Фома уверовал (Евангелие от Иоанна, XX, 24-28).

¹⁴¹ *Аллилуйя* (евр.) — хвалите Бога; *паки* — (церковнослав.) — снова.

¹⁴² «Никогда смерть монарха не вызывала такой всеобщей радости среди народа, какую произвела кончина Павла I», — писал Бенигсен. Княгиня Ливен вспоминала: «В столице раздавались крики радости и освобождения. Улицы Петербурга наполнились толпами. Незнакомые целовались друг с другом, как в пасху, да и действительно это было Воскресение всей России к новой жизни» (с. 194). О внезапной перемене в общественном настроении сообщает и Саблуков: «Как только известие о кончине императора распространилось в городе, немедленно же появились прически а la Titus, исчезли косы, обрезались букли и панталоны; круглые шляпы и сапоги с отворотами наполнили улицы... Это движение, вдруг сообщенное всем жителям столицы, внезапно освобожденным от строгостей полицейских постановлений и уличных правил, действительно, заставило всех ощущать, что с рук их, словно по волшебству, свалились цепи и что нация, как бы находившаяся в гробу, снова вызвана к жизни и движению» (с. 94).

¹⁴³ «Александр Павлович, который теперь сам впервые увидел изуродованное лицо своего отца, накрашенное и подмазанное, — сообщает Саблуков, — был поражен и стоял в немом оцепенении. Тогда императрица-мать обернулась к сыну и с выражением глубокого горя и видом полного достоинства сказала: «Теперь вас поздравляю — вы император» (с. 97).

¹⁴⁴ По словам Саблукова, после реплики матери «Александр, как сноп, свалился без чувств, так что присутствующие на минуту подумали, что он мертв. Императрица взглянула на сына без всякого волнения, взяла снова под руку Музанова и, поддерживаемая графиней Ливен, удалась в свои апартаменты. Прошло еще несколько минут, пока Александр пришел в себя...» (с. 97-98).

¹⁴⁵ Этот эпизод приводит Шильдер: «Только с трудом граф Пален уговорил Александра выйти к собравшимся в замке войскам. Когда же он, наконец, вышел, то прежде всего обратился к семеновскому караулу со словами: «Батюшка скончался апоплексич-

чекским ударом. Все при мне будет, как при бабушке». В ответ на эти слова раздалось «ура» (с.169). Эти же слова намеревался использовать и Вл.Ходасевич, писавший о Павле I книгу (Ходасевич В. <Павел I>. Публ. А.Зорина // Ходасевич В. Державин. Серия: «Писатели о писателях». — М.: Книга, 1988).

¹⁴⁶ Цитируется Псалом 20, 1, 4.

¹⁴⁷ ... *марш «Славься сим, Екатерина, славься, нежная к нам мать»!* — Торжественный полонез для хора и оркестра О.А.Козловского (1757-1831) на слова Г.Р.Державина (1743-1816).

¹⁴⁸ *Дедушкины убийцы...* — Убийцы Петра III.

РОМАНТИКИ

Пьеса в 4-х действиях.

Впервые — Пг.: Огни, 1917.

Автограф хранится в ОР ИРЛИ РАН.

Принято датировать это произведение 1914 г., а следующую за ней пьесу, «Будет радость», годом ее издания — 1916 г. Сам Мережковский в письме к А.В.Амфитеатрову, перечисляя в автобиографической справке свои произведения, датирует обе пьесы 1913-1919 гг. (Письма Д.С.Мережковского А.В.Амфитеатрову / Публ., вст. заметка и прим. М.Толмачева и Ж.Шерон // Звезда. — 1995. — № 7. — С. 61).

Драма писалась в течение нескольких лет параллельно со статьей «Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции» (1914) и драмой «Будет радость» (1914). В круг ее источников входят письма В.Г.Белинского, изданные в 1914 г., и монография А.А.Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма» (1915), составленная из ряда статей А.А.Корнилова, публиковавшихся в «Русской мысли» с 1909 по 1913 г.

Ссылки в примечаниях даются на издания: Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. — М.: Худ. лит., 1982. — Т.9. (Письма 1829-1848) и А.А.Корнилов «Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма» (М.: М. и С. Сабашниковы, 1915).

«Романтики» продолжали одну из важных тем творчества Мережковского — сущность и судьба русской интеллигенции. Работая над этой темой как публицист и критик, он предпринял попытку некоторые идеи изложить в драматической форме, в частности, идею о бессознательной религиозности русской интеллигенции. Тематически пьеса связана со статьей Мережковского «Грядущий Хам», романом «14 декабря 1825 года (Декабристы)», а также драмой «Будет радость» (1916).

Критика оспаривала правомерность названия, которое Мережковский дал своей драме. Между тем его взгляд на молодого Бакунина совпадал с концепцией Корнилова, писавшего: «В этой борьбе (за освобождение Варвары) сама Варинька, отдавшаяся ей

со всюю страстью своей сильной природы, иногда все же ослабевала — частью из жалости к своему, в сущности ни в чем неповинному мужу, частью невольно уступая перед мольбами и горем своих родителей. И тогда с особою страстностью выступал ей на подмогу Мишель, который потратил на эту борьбу массу энергии, сил и времени, нисколько о том не жалея, считая, очевидно, достижение полной победы в этой борьбе необходимым не только для счастья Вареньки, но и для торжества тех абсолютных принципов нравственности, которые он считал тогда истинными. Вся эта борьба представляется чрезвычайно ярким и характерным эпизодом в истории русского романтизма, — романтизма, который и в России овладел тогда мыслью передовых представителей молодого поколения тридцатых годов и был несомненно предтечею той борьбы за полную эмансипацию человека, той «борьбы за индивидуальность», которая началась у нас в шестидесятых годах» (с.325-326).

Из монографии Корнилова Мережковским почерпнут сюжет драмы — история Вареньки Дьяковой, а также многочисленные подробности, характеризующие атмосферу семейства, взаимоотношения между родителями и детьми, способы духовного самосовершенствования Михаила и его сестер. В книге были также впервые опубликованы некоторые материалы, хранившиеся в семейном архиве в усадьбе Бакуниных, Премухине, до той поры не становившиеся предметом внимания исследователей, что позволило Мережковскому ввести в пьесу своеобразный и интересный биографический материал.

Драма «Романтики» была впервые поставлена в 1916 г. В Совет главного управления по делам печати драма была представлена в июле 1916 г. и решением Совета разрешена к постановке 23 июля 1916 г. В протоколе заседания Совета, в частности, сказано, что «Романтики» «представляют собою драму в семье Бакуниных (названных Кубаниными) в ту эпоху, когда будущий нигилист проявил свои склонности к протесту против существующих принципов в кругу своих сестер, проповедывая абсолютную свободу человека в романтическом, по мнению автора, стремлении водворить рай на земле... Цензор [Н.В.Дризен. — *Сост.*] находит возможным допустить пьесу к представлению... но лишь с исключениями и по установлении принципиального согласия на допущение на сцену вообще таких лиц, как известных нигилистов и других политических противников государственности, что ранее запрещалось Главным Управлением. Кроме того, по мнению М.А.Толстого, точка зрения Мережковского на Бакунина недостаточно ясно представлена. Указывая в некоторых сценах на комический пафос Бакунина, на набор слов в его проповедях, на ничтожество и нежизненность его поступков, и даже в цитате письма Белинского определяя его с чрезвычайно отрицательной стороны, — в то же время устами пьяного, но умного друга дома Митеньки как бы поощряет его бунтарские попытки и прославляет его способность бороться за братство, равенство, свободу. При исключении соответствующих мест можно парализовать несколько возможностей режиссуре использовать эту неясность тенденции постановкой пьесы в нежелательном освещении». В решении Совета отмечена необходимость

исключения из финальной сцены тех реплик Митеньки, которые «подчеркивают особенное значение и роль Бакунина». Н.В.Дризен немедленно сообщил об этом Мережковскому, и тот предпринял попытку сохранить указанные Советом по делам печати фрагменты (см. Протокол полностью в разделе «Дополнения» настоящего издания).

На постановку драмы в Александринском театре откликнулось несколько рецензентов. «Романтики» — сугубо скучная, малокровная пьеса. Романтизм в применении к Бакунину и всему кружку русской интеллигенции того времени — совершенно неподходящий термин», — писал в заметке «Театра и искусства» А.Р.Кугель. — Драгоценнейшая скупа г. Мережковского в исполнении актеров «г. Юрева и г. Лешкова» получила «достоинейшую оправу. То, что у Толстого горело ярким пламенем, у Мережковского приобретает характер запутанного, извилистого, так сказать, закругления... Спасение мира в каком-то особенном, по его, г. Мережковского, пониманию» лежит «в мистике, любви и т.п.» (Номо novus. А.Р.Кугель — «Когда будет пьеса о войне?» // Театр и искусство. — 1916. — № 44. — С. 889-890). «Имя Мережковского и самая фабула пьесы сообщили уверенность некоторым из наших театралов, что на сцене Александринского театра будет поставлена наконец настоящая театральная пьеса с глубоко национальным содержанием, — писал другой рецензент, — ум, предвзятые предпосылки победили истину, а диалог убил действие. «Романтики» оказались не более, как стремлением семейную хронику Бакуниных приспособить к сцене... От этого исчезла обаятельность сценических образов и потускнела самая легенда русской общественности» (Вл.С. Влад. Ник.Соловьев. Петроградские театры// Аполлон. — 1916. — № 9-10. — С. 89-93). Эту тему продолжал известный театралный критик и историк театра Н. Долгов, писавший, что тридцатые годы постоянно находятся в поле зрения русской публики. «До этой эпохи — период поверхностного подражания западным формам, после — пора тех грубых узко-реалистических доктрин, которые уже два десятка лет как опередила русская мысль. Среди этих крайностей передовые кружки 30-х гг. рисуются очагами высшего подъема национальной мысли, искавшей опору политических и эстетических взглядов в широких религиозно-философских обобщениях». По мнению критика, автор избрал «неудачную тему» — «эпизод ухода молодого Миши Бакунина, порывающего с родным очагом и целиком отдавшего делу революции, что обусловило возникновение трудностей с прохождением цензуры; создал слабые характеры — «бледные тени» тех подлинно «поэтических образов» Бакуниных, которые сохранились в памяти поколений; неумело выписал фон, на котором разворачивались события, — «недостаточность выдумки», «склонность идти по шаблону», а главное, искажил характер Бакунина, «мятежника, выступающего в пьесе достаточно жалким, осмеянным, а в конце концов, и побитым существом» (Н. Долгов. «Романтики» в Александринском театре // Аполлон. — 1916. — № 9-10. — С. 93-94).

Современники усматривали в пьесе попытку представить исторические лица в конкретное историческое время. И у них были для

этого основания. В ремарках автором указаны год — 1838, место действия — «усадьба Кубаниных, в Тверской губернии, и в Луганове, усадьбе Дьякова, в той же губернии», соответствовавших местоположению усадеб, где бывали Станкевич, Белинский, Лажечников и др., фамилии действующих лиц легко узнаваемы, а семейная история хорошо знакома. Но зрителям не был понятен символизм изображаемого, и у этого также есть свои причины. Исключительное явление, каковым считался этот кружок интеллигенции, Мережковский попытался представить явлением типичным. Это отвечало его собственному убеждению, но не соответствовало реальностям жизни и, разумеется, восприятию публики. В то же время Мережковский насыщает текст пьесы многочисленными реминисценциями из своих статей, вкладывает в уста действующих лиц некоторые их положения, вплетая в ткань произведения идеи, не столько характеризующие героев, сколько отвечающие авторской задаче.

В рукописном отделе Пушкинского Дома сохранился неопубликованный отзыв неустановленного автора «Мир намеков и символов», ближе всех подошедшего к пониманию концепции Мережковского. «Пьеса Мережковского смотрится с неостывающим вниманием, вызывая суждения и споры, — читаем в рецензии. — С внешней стороны это уже половина успеха, если вторую отнести на техническое мастерство автора, на сценичность пьесы и игру артистов... Автор убедительно подчеркнул, что его пьеса — не историческая картина. Исторические имена в ней только символы. Мережковский не задавался мыслью воссоздать исторического Бакунина во всей его полноте. Он взял только его молодость. Она нужна была ему как своего рода символ — вечно юного романтизма... Симпатии автора — симпатии зрителя — отдаются безраздельно тому молодому, свежему, светлomu, что собирается вокруг Михаила Бакунина. Много радостного духа у нашего романтика, а рати за ним не видно» (ОР ИРЛИ. — Ф. 163. — Оп. 3. — Л. 1-5).

Второй положительный отзыв принадлежит перу Н. Слонимского, писавшего о героях Мережковского: «Их мечта воплотится, ибо воля их сильна и безраздельна. Здесь на земле создадут они... лучший край». Не Дьяковы с их «религиозным неделаньем, вечным бессильем духа, пассивностью в любви», люди «мертвой зыби, веры без дел» «делают историю», а «романтики», активная воля которых еще «проявит себя» (Слонимский Н. Святой бунт. «Романтики» Д. С. Мережковского // Биржевые ведомости. — 1916. — 28 ноября. Цит. по экземпляру статьи: СПбЦГАЛИ. — Ф. 118. — Оп. 1. — Ед. хр. 1773, л. 28).

¹ Александр Михайлович Кубанин — Прототипом послужил Бакунин Александр Михайлович (1768-1854), отец М. А. Бакунина. Полина Марковна Кубанина — Прототипом послужила Варвара Александровна Бакунина (урожд. Муравьева), мать М. А. Бакунина.

Михаил — Прототипом послужил Михаил Александрович Бакунин (1814-1876).

Варенька — Прототипом послужила одна из дочерей Бакуниных, Варвара Александровна (1812-1866), в замужестве — Дьякова.

Душенька — Прототипом послужила одна из дочерей Бакуниных, Татьяна Александровна (1815-1871).

Ксандра — Прототипом послужила одна из дочерей Бакуниных, Александра Александровна Вульф (1816-1882).

Дьяков — Прототипом послужил Николай Николаевич Дьяков, муж В.А.Бакуниной, отставной улан, тверской помещик, знакомство которого с сестрами Бакуниными состоялось в Москве в 1834 г. в кружке молодежи, среди которой были Станкевич и Ефремов.

² Усадьба Бакуниных, Премухино, Новоторжского уезда Тверской губернии, принадлежала Л.П.Бакуниной (урожд. кн. Мышецкой), матери А.М.Бакунина, приобретена у А.Ф.Шишкова в конце XVIII века.

³ *Портрет Екатерины...* — По свидетельству А.М.Бакунина, содержащегося в письме к гр. Бенкендорфу от декабря 1843 г., во времена Екатерины II он был «произведен именным указом» «из переводчиков в коллежские ассессоры», а в конце ее царствования вышел в отставку, всегда сохраняя к императрице «особое почтение». Корнилов сообщает, что «в премухинской гостиной и теперь еще висит на самом видном месте большой портрет Екатерины, и в поэме своей [«Осуга». — *Сост.*] Бакунин упоминает об этом портрете в следующих горячих строфах:

А в комнате гостиной рядом
Царицы-матушки портрет, —
Кто не почтет усердным взглядом,
В том капли крови русской нет;

*Не перепискою с Вольтером,
Но позволяя думать вслух,
Она величия примером*

Возвысила народный дух!» (Корнилов А.А.— С. 25).

[курсив автора].

⁴ *Гегель* Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831), немецкий философ, представитель немецкой классической философии.

⁵ *Шеллинг* Фридрих Вильгельм Йозеф (1775-1854), немецкий философ, представитель немецкой классической философии.

⁶ *...темна вода во облацех!* — Выражение, которым характеризуется что-то непонятное. Восходит к Библии (Псал., 17, 11)

⁷ *«Все разумное»...* — Имеется в виду положение «Философии права» Гегеля: «Все разумное действительно, все действительное разумно». По словам Белинского, Мишель «просмотрел летом или осенью 1837 г. философию религии и права Гегеля и явился в Москву с идеями, заимствованными именно оттуда». По конспектам Бакунина, цитируемым Корниловым, известно, что, увлеченный идеями Фихте, учение Гегеля М.А.Бакунин впервые изучал по «введению в энциклопедию, где и было указано, что следует в этом случае разуметь под словом «действительность». В переводе Бакунина это положение звучит так: «Что действительно, то разумно» (Корнилов А.А.— С. 396, 398).

⁸ Цитируются слова Раскольникова из романа Достоевского «Преступление и наказание».

⁹ *Сашка* — Александр Николаевич Дьяков, сын Варвары Александровны и Николая Александровича, родившийся в ноябре 1835 г.

¹⁰ «Супружеская жизнь Варвары Александровны с рождением Саши, в сущности, прекратилась, — пишет Корнилов. — Родился Саша в Твери, когда вся семья Бакуниных жила там, а затем очень скоро, весной 1836 г., В.А. переехала с ним в Премухино и здесь жила безвыездно до июня 1837 г., когда она согласилась поехать с мужем на *неделю* [Курсив автора. — *Сост.*] в его имение Луганово-Ивановское Тверского уезда» (Корнилов. — С. 329).

¹¹ Ср.: «В это время серьезно заболел ее Саша, который был вообще слабый ребенок: у него физическое развитие сильно отставало от духовного, успехи которого постоянно составляли неистощимый источник радости для матери и ее сестер. В январе 1837 г. болезнь Саши, связанная, кажется, с прорезыванием зубов, сильно испугала Варвару Александровну. Ее письма этого времени почти сплошь наполнены страстными молениями, обращенными к Богу, о сохранении ей ее единственного ребенка. Болезнь Саши продолжалась недолго, опасность миновала, но следы потрясения, испытанного Варварой Александровной, и постоянная тревога за жизнь ребенка остались» (Корнилов. — С. 341).

¹² Ср.: «Изнеможение и тревога, которые овладели Варварой Александровной после нескольких недель упорных и вначале как будто успешных попыток обращения мужа, зависели не только от того, что Н.Н. Дьяков стал все настойчивее проявлять свое нетерпение и желание получить, наконец, искомую и желаемую награду за свою покорность и кротость, но и от того в особенности, что родители Варвары Александровны, узнав, может быть, от самого же Дьякова, об обороте, который приняла семейная жизнь Дьяковых, признали со своей стороны такое положение совершенно ненормальным и опасным для будущего спокойствия и счастья своей дочери и стали в свою очередь всячески поддерживать Дьякова в его притязаниях, которые им казались, конечно, совершенно законными и нормальными. Премухинский мир... раскололся на два враждебные стана; и в одном из этих двух станов были родители и Дьяков, а в другом — все молодое поколение с Мишелем во главе» (Корнилов. — С. 343).

¹³ Имеется в виду попытка А.М. Бакунина выдать замуж старшую дочь Любовь Александровну (1811-1838) за барона Рённе, чтобы избежать ее брака с одним из братьев его жены, А.П. Полторацким. Л.А. Бакунина дала согласие на брак 26 мая 1833 г. Корнилов сообщает, что М. А. Бакунин, «приехав в Премухино на побывку, скоро заметил, что Любенька не только не любит Рённе, но страдает и мучается от необходимости выйти за него замуж. Увидав это и узнав от сестер, что Любенька приняла предложение Рённе по настоянию отца, Мишель восстал против этого и вместе с сестрами несомненно помог Любеньке уяснить себе самой, что она не любит Рённе и никогда не полюбит. Последовала борьба, и в ней Александр Михайлович проявил настойчивость и упрямство, которые можно объяснить только преследовавшей его манией... Брак между дядею и племянницей по нашим церковным и гражданским законам недопустим безусловно. Поэтому возможность люб-

ви между молодыми людьми сделалась для Александра Михайловича своего рода кошмаром... В конце концов, после ряда тяжелых сцен, совершенно измучивших бедную девушку, окончательно возненавидевшую своего жениха, она взяла свое слово назад, и Рёнке в декабре 1833 г. уехал из Премухина навсегда. Александр Михайлович, которого не покидала овладевшая им мания, пытался подыскать других женихов Любеньке, но все его попытки кончились неудачей, хотя в женихах, сватавшихся к ней, недостатка и не было» (Корнилов. — С. 78). Позднее Л. Бакунина стала невестой Н. В. Станкевича.

¹⁴ *Муравьевская, яacobинская кровь* — «По отцу ей приходились троюродными братьями бывшие впоследствии основателями и вожаками тайных обществ десятых и двадцатых годов Никита Михайлович Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы и Артамон Захарович Муравьев... Из всех этих Муравьевых ближе всех к Варваре Александровне были Александр и Михаил Николаевичи и по семейным преданиям первый из них (впоследствии основатель Союза Спасения) был к ней в ранней молодости неравнодушен» (Корнилов. — С. 12-13).

¹⁵ См. № 14.

¹⁶ *Союз Благоденствия* — Тайное общество декабристов, созданное в начале 1818 г. на базе распущенного Союза спасения. Насчитывал около 200 человек. Цель Союза благоденствия — уничтожение самодержавия, крепостничества, введение конституционного правления. Члены общества вели активную агитацию, критиковали деспотизм, аракчеевские порядки в армии, произвол цензуры, беззакония суда. Для распространения и популяризации своих идей Союз благоденствия использовал свою дочернюю организацию — Вольное общество любителей российской словесности. В книге Корнилова этот эпизод биографии А. М. Бакунина описывается так: «Наиболее интересный, но, к сожалению, не вполне выясненный пункт биографии Александра Михайловича Бакунина — его участие в составлении или, по крайней мере, в обсуждении устава Союза Благоденствия. В семейных преданиях об этом сохранились лишь весьма смутные воспоминания, в семейном архиве нет никаких указаний на этой, вероятно, потому что переписка с Муравьевыми была уничтожена после событий 1825 г. Единственный документальный памятник сношений того времени с Михаилом Николаевичем Муравьевым сохранился в премухинской библиотеке — в виде книги Вейсса «Principes philosophiques et poeux», принадлежавшей, как видно по надписи на корешке, Мих. [аилу] Ник. [олаевичу] Муравьеву и подаренной им Александру Михайловичу Бакунину... Книга Вейсса была у декабристов, как известно из их показаний и воспоминаний, одною из настольных книг, хотя следует иметь в виду, что по содержанию своему она отнюдь не принадлежала к разряду тех, которые могли бы особенно возбуждать революционное настроение... В биографии Муравьева, написанной г. Кропотковым, есть прямое указание относительно той влиятельной роли, которую А. М. Бакунин, по-видимому, играл в деле развития и направления внутренней борьбы между двумя крайними партиями в Союзе Спасения, основанном Александром

Муравьевым, и в деле составления устава *Союза Благоденствия*... По рассказу С.Н.Муравьева, брат его Михайло посылал рукопись устава Союза Спасения к А.М.Бакунину, прося его дать свое мнение об этом уставе. В ответе своем Бакунин, сделав обстоятельный разбор устава, в заключение выразил взгляд свой вообще на деятельность тайных обществ и на истинное призвание русского дворянства». Сопоставляя разрозненные факты, отрывки из писем и семейные предания, Корнилов делает вывод о «значительности той роли, которую А.М.Бакунину довелось сыграть в деле преобразования Союза Спасения в Союз Благоденствия» (с.18-26).

¹⁷ Ср. в письме Белинского В.П.Боткину от 18-20 февраля 1840 г. и 3-10 февраля 1840 г.: «Его Берлин мне кажется претензией. Он стремится туда не к философии, а от самого себя. Любовь к науке, как и всякая любовь, должна осуществляться в действительности и требует отречения и жертв. А что он сделал?... Скачет туда уже лет пять по воздушной почте, ни разу не подумавши в это время о приобретении средств службою или уроками».

¹⁸ ...«*божественная субстанция*» — Имеется в виду одно из положений учения Фихте.

¹⁹ Ср. в письмах Белинского к М.А.Бакунину от 1 ноября 1837 г.: «Обрати внимание на твои отношения к отцу твоему: ты объявил ему, что не хочешь служить, но посвящаешь себя знанию, и уехал в Москву. Все это было не в его правилах, но узнавши, что ты даешь уроки, он одобрил это, и ты этим выиграл в его мнения. В самом деле, Александр Михайлович человек практический, и его невозможно убедить в истине, которая не в ладу с жизнью убеждающего; но оправдай на деле твое убеждение, и он одобрит его, хотя и не примет его... Он не понимал твоей высшей жизни и не понимал, что ты передаешь ее своим братьям: он понимал только, что передаешь им свою безалаберную жизнь, и потому твое влияние на них огорчало его до глубины души... Ты от него требуешь денег, но своих не имеешь, а по его мнению (не совсем несправедливому) тратить деньги, не имея их, — нехорошо», а также в письме от 12-24 октября 1838 г.: «Ты, Мишель, составил себе огромную известность попрошайки и человека, живущего на чужой счет... Ты просишь и берешь легко и легкомысленно, палец о палец не ударяя для снискания себе денег... Ты берешь деньги, как щепки». Ср. письмо А.М.Бакунина М.А.Бакунину (февраль 1836 г.): «Сомневаюсь, чтобы ты уроками мог получить безбедное себе содержание, но дай Бог тебе полного в этом успеха. Ты хочешь доказать нам, что для материальной твоей жизни немного тебе надобно — и в этом желаю тебе для собственного твоего спокойствия совершенного успеха, но худо этому верю: ты не бережешь и легко занимаешь деньги, не зная, чем и когда платить будешь, а куда как тяжки проценты денежной зависимости! .. Богатые могут философствовать, а небогатые должны быть деятельными по службе людьми...» (Цит. по книге Корнилова.— С.163).

²⁰ *Икар* и его отец художник и строитель Дедал после бегства Тезея и Ариадны были заточены Миносом в лабиринте. Чтобы вырваться из плена, Дедал построил для себя и своего сына крылья из птичьих перьев и воска. Когда они взлетели, Икар поднялся

слишком близко к солнцу, растопившему воск, крылья разрушились и Икар упал в море.

²¹ *Сен-симонизм* — От Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760-1825), граф, французский социалист-утопист. *Правила сен-симонизма...* — Имеются в виду положения социологической теории Сен-Симона, выделявшего в развитии общества три формации: 1) теологическую, 2) метафизическую, 3) позитивную.

²² *Ср.* письмо М.А.Бакунина к В.А.Дьяковой от 23 января 1837 г.: «Варинька, человек живет только для любви и любовью. Вне ее нет жизни и человеческого достоинства, нет более Бога, нет добродетели... Живя с ним, ты не будешь жить в Любви. Варинька, отречься от Любви — преступление» (Цит. по книге Корнилова. — С. 336-337).

²³ *Весь жар горячки в одной голове, а сердце, как лед...* — *Ср.* в письме Белинского Боткину от 30 декабря 1840 — 22 января 1841 г.: «Черствая и холодная его натура чужда страсти и полна ума — вот этот-то ум и принял он за духовность и искажил прекрасное женственное существо, возбудив в нем отвращение, как к грубой животной чувственности, так и ко всему живому, трепетному, страстному, без него женщина есть совершенный призрак, а не живое существо». Разделение ума и сердца русского интеллигента — одно из основных положений статьи Мережковского «Грядущий Хам» (1906).

²⁴ *Что отца своего...* — Евангелие от Матфея (XV, 4). *Ср.* в письмах А.М.Бакунина М.А.Бакунину: «Совесть твоя со временем все тебе доскажет... *Что отца своего и мать свою да благодать будет* [курсив автора]. Но ты этому худо веришь, и я не стану тратить слов понапрасну... Никто и никогда твоим духовным занятиям не препятствовал; напротив, я часто советовал тебе учиться, для приобретения недостающих тебе положительных знаний. Ты во все продолжение твоего у нас пребывания... многие часы проводишь с трубкою в философических — по мнению вашему, — а в сущности пустых беседах» (Цит. по книге Корнилова. — С. 161-162).

²⁵ *...кто не покинет отца своего...* — Евангелие от Матфея (XIX, 5).

²⁶ *Ср.* в письме М.А.Бакунина В.А.Дьяковой (вторая половина февраля 1836 г.): «...Я отнюдь не нахожу себя обязанным валяться у них в ногах, чтобы выпросить у них позволение быть человеком; я уже человек, потому что хочу им быть, потому что я призван им быть. У меня нет другой цели, как быть человеком, и я разбиваю все, что мешает мне идти к ней. Да будут прокляты все эти условия, выкованные унижением человека... Нужно разбивать все фальшивое без жалости и без исключения, чтобы истина торжествовала, и она восторжествует» (Цит. по книге Корнилова. — С.181-182).

²⁷ *Враги человеку домашние его...* — Евангелие от Матфея (X,36).

²⁸ *...свести этот рай, это небо, на землю, поднять землю до неба — вот наша цель и цель всего человечества!* — Одна из сокровенных идей Мережковского. У М.А.Бакунина эта идея звучит так: «Друзья мои, земля уже не есть наше отечество, — счастье

наше — небесное; жизнь наша небесная; движения душ наших не ищут земли, не ищут ее наслаждений. Нет! Они уже сдружились с истинными наслаждениями и потому равнодушны ко всему земному» (Письмо М.А.Бакунина сестрам от 10 августа 1836 г. // Цит. по книге Корнилова. — С. 226).

²⁹ В письме к Т.А.Бакуниной в декабре 1835 г. М.А.Бакунин сообщает о своем желании «создать замкнутый братский кружок и загородить его даже от взгляда всякого постороннего человека» (Цит. по книге Корнилова. — С. 232-232).

³⁰ ...*Абсолютное тождество Субъекта и Объекта, абсолютное единство Бытия и Знания — Божественная субстанция...* — Положения учения Гегеля.

³¹ ...*на том берегу церкви.* — Инициатива строительства церкви после смерти мужа, М.В.Бакунина принадлежала Любови Петровне (урожд. кн. Мышецкой) Бакуниной, матери А.М.Бакунина. Церковь построена из белого камня.

³² *Новалис* (наст. имя Харденберг Фридрих, фон) (1772-1801), немецкий поэт и философ. «Сестры Мишеля находились в это время всецело под обаянием старой немецкой романтической литературы. Чтение романов Новалиса и в особенности Жан-Поля Рихтера, а потом Беттины, можно сказать, совершенно вскружило им головы на некоторое время» (Корнилов. — С.347).

³³ *Жан-Поль* (наст. имя Иоганн Пауль Фридрих) Рихтер (1763-1825), немецкий писатель.

³⁴ Имеется в виду Варвара Михайловна Бакунина (ум. в 1834 г.), сестра А.М.Бакунина. Двоюродная сестра второй жены Г.Р.Державина. Державин посвятил ей два стихотворения — «Портрет Варюши» (1798) и «Варюша» (1799). Вместе с сестрой, Пелагеей Михайловной, вела, по свидетельству Корнилова, «затворническую жизнь в постах и молитвах, проникнутую янсенистскими, мистическими верованиями» в селе Козицыне Новоторжеского уезда (с. 65).

³⁵ *Жорж-Занд* (Санд) (наст. имя Аврора Дюпен) (1804-1876), французская писательница.

³⁶ ...*царица Семирамида...* — Легендарная царица Вавилона. По преданию, она разрешила кровосмесительные браки и сама вышла замуж за своего сына, которого впоследствии убила.

³⁷ ...*амазонки* — В греческой мифологии племя женщин-воительниц, вступавших в браки с чужеземцами только для продолжения рода. Родившихся от брака мальчиков убивали или отдавали на воспитание, а девочек оставляли в племени. № 35-37 — Здесь как примеры женской эмансипации.

³⁸ ...*братец Иленька* — Илья Александрович Бакунин (1819-1901), 7-й из 11 детей Бакуниных.

³⁹ *Валентин* — собирательный образ. Известно, что М.А.Бакунин ревновал своих сестер Т.А.Бакунину — к Белинскому и Боткину, А.А.Бакунину — к Белинскому.

⁴⁰ ...*Мишки боюсь... точно ревнует меня.* — Ревность Бакунина едва не привела к его разрыву с Белинским.

⁴¹ *«Если б ты не была мне сестрою...»* — Имеется в виду «особенно ревнивое отношение к судьбе сестры своей Татьяны, к

которой он питал такое нежное чувство, что ему самому иногда казалось, что он любит ее не братскою только любовью» (Корнилов. — С. 160).

⁴² *Натали* — Наталья Андреевна Беер. Бееры — соседи Бакуниных по Тверской губернии. Старший сын, Алексей, — товарищ Н. Станкевича по университету, Наталья Андреевна и Александрина Андреевна — подруги В.А. и Т.А. Бакуниных.

⁴³ *Ср.*: «Михаил Бакунин в это время [1836 г. — *Сост.*] переживал тяжелые дни в Москве, где Наталья Андреевна, оставшись без сестры, определенно дала ему почувствовать, что она не может удовлетвориться теми братскими отношениями чистой платонической дружбы, которые он ей давал, и что жизнь ее будет окончательно разбита, если она не найдет в нем взаимности своей пылкой и страстной любви к нему» (Корнилов. — С. 201).

⁴⁴ *Осуга* — река, впадающая в Тверцу, приток Волги. Цитируется поэма А.М. Бакунина «Осуга», написанная в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Корнилов сообщает, что в ней «содержится много ценного автобиографического материала».

⁴⁵ *Ср.* в письме В.А. Бакуниной к А.А. Беер: «Да, я его люблю, я люблю его несомненно и всегда буду любить за то, что буду в состоянии для него сделать: чем более он возвысится, тем более я его буду любить, и эта любовь тоже очень горяча. Но будем ли мы когда-либо в состоянии идти с ним в ногу, будет ли он в состоянии понимать меня, как я его понимаю?.. Я его люблю, как люблю существо, которому делают добро, люблю очень горячо, очень искренно, и если мне мое предприятие удастся, эта связь будет вечной, как та истина, которую я стараюсь заставить его познать, но никогда она не будет совершенной, никогда не будет интимной. Он желает существа, с которым он мог бы отождествиться, с которым он мог бы слиться, которое составило бы с ним одно целое. И он его найдет; я сделаю это с такой нежностью, с такой кротостью, с таким терпением, что он не будет замечать расстояния, которое нас разделяет, до той минуты, когда он найдет, наконец, это свое другое «я» и сольется с ним. Тогда моя миссия при нем кончится...» (Цит. по книге Корнилова. — С. 340).

⁴⁶ Смысл диалога становится понятен при сопоставлении его с письмами М.А. Бакунина к В.А. Дьяковой. В одном из них М.А. Бакунин пишет: «Варинька, Варинька, ты себя губишь... Скажи же мне, ты нашла, что муж твой живет в Абсолютном? Чем же он держится в нем? Не картошками ли, не глупостями ли, которые он выкидывает? Нет, Варинька, он вне Абсолютного; он и Абсолютное — две крайности, которые никогда не соприкоснутся... Но может быть вы соединитесь в любви к сыну? Ну, проанализируем и эту идею. Посмотрим, есть ли что-нибудь общее в вашей любви к сыну. Ты любишь его как человека, как служителя Бога и человечества. Он любит его как своего сына, как существо, которое он считает подчиненным ему душой и телом по воле деспотического Бога. Ты будешь воспитывать в нем человека, существо предназначенное понимать Бога, принять в свою душу его творение, весь рай, предназначенное воспроизвести все это во внешнем мире. А твой муж будет стараться внушить ему свои собственные взгляды,

взгляды животные, недостойные принадлежать человеку; он будет считать дозволенными все средства, чтобы достигнуть своей цели. Цель твоего воспитания — сделать из него человека, а цель твоего мужа — сделать из него животное» (Цит. по книге Корнилова. — С. 336-337).

⁴⁷ «Целый ряд лет мучительных сомнений и пережитых на почве этих сомнений столкновений с родителями, завершившихся последним годом борьбы с ними из-за Любаши, настолько разрушили в глазах Варвары Александровны связь с ее родителями и вместе с тем создали в ней такое настроение безнадежности, что она сама решила воспользоваться первым благоприятным случаем, чтобы уйти из родительского дома. По тому времени самым удобным и нормальным способом освобождения из-под родительской власти был именно выход замуж. Вот почему и в глазах Варвары способ этот мог представляться наиболее удобным. Дьякова она не любила, но, несомненно, относилась к нему хорошо, он пользовался симпатией и уважением окружающих и, можно думать, обещал своей будущей жене не стеснять ее в ее душевных стремлениях и верованиях» (Корнилов. — С. 80-81).

⁴⁸ *...всякий возложивший руку свою на плуг... для царствия Божьего* — Евангелие от Луки (IX, 62).

⁴⁹ Ср.: «Муж ее был человек честный в общепринятом смысле этого слова, но слабый и вовсе не религиозный. Увидев однако из постоянных разговоров и писем жены, что религиозный вопрос для нее действительно является вопросом жизни и смерти, он стал видимо уступать ее влиянию, стараясь внешним образом вести себя так, чтобы не противиться ее взглядам. Он подчинился, по крайней мере, наружно, ее решению жить с ней, как брат с сестрой, питая в то же время надежду, что это мучительное для него настроение жены кончится, наконец, и что они вновь сойдутся, как муж с женой. При этом он трогательно и наивно ухаживал за ней, стараясь доставить ей всякие материальные удобства и удовольствия, от которых она большею частью отказывалась. Однако, наивно и откровенно признавая ее превосходство в духовной и умственной сфере, он не терял, очевидно, надежды привлечь и вернуть ее к себе кротостью и доброю своего обращения с ней... Варвару Александровну такое его поведение и трогало и обескураживало в одно и то же время. Она не раз выражает в своих письмах к Мишелю умиление, что она не может сделать из него второго сына, который согласился бы навсегда остаться в этом положении взрослого ребенка. Однако с течением времени муж ее, наоборот, становился все нетерпеливее, ему начинало казаться, что он достаточно уже заслужил ее расположение своим подчинением всем ее желаниям, и он начал настойчиво выражать свое затаенное стремление к восстановлению нормальных супружеских отношений с женой. Положение Вариньки становилось все затруднительнее и ей делалось все труднее сохранять свои добрые с ним отношения и выносить постоянное его присутствие, его ласки и наивное и кроткое, но постоянное проявление с его стороны надежды, что настанет же, наконец, на его улице праздник, и что тяжелый испытательный период, который он, не скрывая этого, считал

переходным, кончится, и у него восстановятся нормальные супружеские отношения с женой. Изнеможение и тревога, которые овладели Варварой Александровной после нескольких недель упорных и вначале как будто успешных попыток обращения мужа, зависели не только от того, что Н.Н.Дьяков стал все настойчивее проявлять свое нетерпение и желание получить, наконец, искомую и желанную награду за свою покорность и кротость, но и от того в особенности, что родители Варвары Александровны, узнав, может быть, от самого же Дьякова об обороте, который приняла семейная жизнь Дьяковых, признали с своей стороны такое положение совершенно ненормальным и опасным для будущего спокойствия и счастья своей дочери и стали в свою очередь всячески поддерживать Дьякова в его притязаниях, которые им казались, конечно, совершенно законными и нормальными (Корнилов. — С. 338-339, 343).

⁵⁰ ...у нас религии разные... — Одно из наиболее существенных для понимания замысла Мережковского высказывание. Его смысл понятен только при привлечении письма В.А.Дьяковой к мужу от 18 января 1837 г.: «Дорогой Николай, я могу всем для тебя пожертвовать, всем кроме религии; время и мои действия тебе доказывают, что это не экзальтация. О, уверяю тебя, Николай, что это не экзальтация; эта религия, которую ты считаешь ложной, мне так необходима, она так крепка, так истинна, что я умерла бы за нее... Я бы не могла жить без этой религии, потому что она составляет мою жизнь; она дает определенное выражение моим радостям, она смягчает мои горести, она делает меня и более кроткой, и более сильной, и более любящей, потому что Бог, которому я поклоняюсь, есть Бог любви и милосердия. Я обращаюсь к Нему, как к отцу, как к другу, и хотя я и очень еще слаба, и очень недостойна Его милостей, я так надеюсь на Его божественную помощь. С Ним я буду становиться все более и более сильной, с Ним я сброшу с себя иго этих дурных страстей, которые держат меня привязанной к земле, и я возвышусь и соединюсь с ним. Я знаю, что ты мне скажешь тотчас, что женщина, так горящая, не может любить мужа, что это в ней говорит гордость, предвзятость. Нет, дорогой друг, это не гордость, это не недостаток любви: думая так, я еще больше люблю... Неужели ты хотел бы видеть меня снова простертою, холодною и дрожащею от ужаса в ногах этого католического Бога, этого ревнивого тирана, который нам ставит в грех наши чувства, самые законные, который хочет, чтобы ему холодно жертвовали отцы, матери, мужа, жены, дети своими самыми дорогими, самыми святыми чувствами... Что же касается нашей обычной религии, которая так легко приспособляется к обстоятельствам, к страстям, к желанию каждого, этой религии, которая есть лишь средство, способ, удобство жизни, а не цель всего существования, которую можно преворачивать так и сяк, на все лады, по воле каждого и которая в конце-концов удобна (как говорят) лишь для стариков, когда они уже вполне готовы сойти в могилу, то ведь эта религия или вернее этот призрак, этот фантом религии не что иное, как атеизм... Я же готова скорее видеть величие в человеке, который уже прямо сомневается во всем и который один среди стольких живых существ, спокойно созерцая

развалины, оставшиеся ему от отрицания всего сущего, без надежды, без желаний, не имеет другой опоры, кроме своей собственной силы... В нем, Николай, я нахожу величие, ибо он добросовестен и его несчастье внушает мне к нему уважение. Но сделать себе игрушку из всего, что есть самого святого в человечестве, пользоваться религией как средством для достижения благ земных, сгибая ее, сообразно обстоятельствам, тогда как все должно было бы наоборот перед ней склоняться, — вот чего я никогда не могу понять! Религия составляет мою жизнь; она никогда не переставала быть для меня всем, с тем лишь различием, что та, которая теперь наполняет мое сердце, — дает мне блаженство, спокойствие, позволяет мне представлять даже смерть, как сладкий переход из несовершенного мира в мир более прекрасный, более чистый, более святой; она превращает в блага даже самые жертвы, которых от меня требует; она дает мне блаженство, независимое от всех внешних обстоятельств этой жизни... папенька говорил мне несколько раз, что моя прежняя религия была гораздо более чиста, долее действительна, нежели та, которая у меня теперь. Я знаю, что ты того же мнения, — и ты, и папенька, вы думаете так, потому что вы не знаете, что я испытывала тогда!.. Если ты меня любишь, то должен за меня страшиться, чтобы я не возвратилась к своим прежним взглядам, — в твоих собственных интересах, как и в моих — потому что вместо любящей жены у тебя был бы лишь призрак, мученица, которая считала бы грехом каждую свою радость, которая дрожала бы ежеминутно от страха изменить этому ужасному Богу, который создал ее лишь для мучений... Религия никогда не может быть для меня делом безразличным... Я всегда чувствовала потребность предаться ей всецело и без остатка. Я поглотила когда-то с тем пылом, который мне свойственен, несколько благочестивых сочинений; они взвинтили мое воображение, и я считала себя призванной стать невестой Христовой. Ребенком я тоже думала только о Боге, но в то время моя вера была проста, чиста, какой она и должна быть у ребенка, я перечитывала беспрестанно жизнь и страдания Иисуса Христа и всегда с горькими слезами. Даже во время игр мысль эта не оставляла меня; я представляла себе, что Он подле меня и на меня смотрит. С годами это настроение во мне крепло. Священник, которому родители имели неблагодарное счастье вверить, и особенно благочестивые сочинения, которые я поглощала, извратили эту простую веру, которая, при некоторых предосторожностях, могла бы остаться у меня на всю жизнь. Я вообразила в себе призвание сделаться мученицей, невестой Христовой, я бредила Иерусалимом, мученичеством, монастырем, я оставила мои детские игры, мое учение, хотела бежать; любовь к родителям, братьям и сестрам меня удерживала — и я стала считать ее преступной. Моя пылкая натура, которая толкала меня ко всем святым наслаждениям любви и счастья, а отчасти (надо в этом признаться), и к земным, — часто брала верх над моими религиозными идеями; я от этого впадала в полное отчаяние, я дрожала от страха и ужаса после всякого более свободного движения моего сердца, я считала себя погибшей для жизни вечной, холодный пот покрывал мой лоб, я не знала уже, что

делать, потому что я не могла подавить этих взрывов любви, этих стремлений, которые тревожили мою душу и которые слишком громко говорили мне о счастье, а оно было преступным в моих глазах, так как я думала, что Бог хотел, чтобы я пожертвовала ему всеми своими чувствами, всеми своими надеждами, всеми своими вкусами, всеми своими наклонностями, все, что я любила наконец, — чтобы господствовать нераздельно в моем сердце. Я не знала, что, подавляя все это, я подавляла в то же время и ту любовь, которую я питала к Нему, и что во мне оставался один страх, что вместо отца, вместо друга, я начинала видеть в нем лишь деспота, лишь тирана, жестокого и ревнивого. Эта непрерывная борьба, далеко не давая мне спокойствия, служила только к тому, чтобы придать еще более страстности моему характеру. Это бездействие при постоянном возбуждении, это полное одиночество, к которому я себя принуждала, повели лишь к раздражению, к обострению моих страстей, и я чувствовала, что мои силы меня оставляют. Тщетно бросалась я на колени перед распятием, тщетно я прижимала его к губам, к сердцу, — сердце мое не хотело молчать и билось лишь с большею силою. Я прибегала тогда к другим средствам: лишала себя пищи по примеру св. Франциска Сальского и других святых, которых жития я читала. Я валялась на полу по целым дням и принимала лишь несколько капель воды, — и все это для того, чтобы подавить чувства, самые благородные, самые святые, самые сладкие движения моего сердца, эти желания, эти неопределенные стремления к счастью, которое я лишь предчувствовала, к этой любви, которая соединяет два существа, созданные друг для друга. Сколько горьких слез, сколько жгучих слез я пролила у ног этого маленького распятия, которое ты знаешь, и в часовне, где покоится моя бабушка... Я надеялась, что мрамор может охладить жгучий и почти лихорадочный жар моей головы и моего сердца. Но все мои мольбы, все мои усилия не могли затушить это пламя, которое сам Бог зажег в моей душе...» (Цит. по книге Корнилова. — С. 331-335).

⁵¹ ...вы не Лир, а я не Корделия... — Герои трагедии В. Шекспира «Король Лир».

⁵² ...угодник Задонский — Имеется в виду Тихоновский монастырь близ г. Задонска Воронежской губернии.

⁵³ ...раз Мишка сказал, что Душенька — ясное утро, а Ксандра — звездная ночь. — Заимствовано из образной системы Белинского, писавшего, например: «Я удивляюсь ему, но не как солнцу, все оживляющему, согревающему, а как великолепному северному сиянию» (Боткину, 24 февраля — 1 марта 1840 г.), а также близко самому Мережковскому, использовавшему сравнение солнца со злом, смертью, «рдением жизни», а луны с милосердием и исцелением в статье «Тайна Тютчева» и драме «Будет радость».

⁵⁴ «Золова арфа» — баллада В. А. Жуковского (1814).

⁵⁵ Краевский Андрей Александрович (1810-1889), журналист.

⁵⁶ Прометей — В греческой мифологии титан, прикованный Зевсом к скале за то, что подарил людям огонь с неба и знание.

⁵⁷ Ср. в письме Белинского М. А. Бакунину от 28 июня 1837 г.: «... если бы собрать со всего света Хлестаковых, они были бы перед

тобою только Ванечки и Ванюши Хлестаковы, а ты один бы остался между ними Ив. Ал-ровичем Хлестаковым».

⁵⁸ Порой «младенчества» русской общественности Мережковский считал декабристское движение, которому был посвящен один из его последних романов «14 декабря 1825 года (Декабристы)», писавшийся параллельно с «Романтиками». Здесь реализовалось убеждение писателя, что наши «почвенники», самобытники, националисты гораздо менее русские люди, чем наши нигилисты, отрицатели, наши интеллигентные «бегуны» и «нетовцы»: «Да, в России — нерусские, совсем чужие, — писал он в романе, — безродные, бездомные, пришельцы, скитальцы, изгнанники вечные».

⁵⁹ ...*Жена, облеченная в Солнце* — Откровение Иоанна Богослова (XII, 1).

⁶⁰ Ср. в романе «14 декабря 1825 года (Декабристы)»: Рылеев: «С Богом рабство», Голицын: «Было рабство, а будет свобода», — а спасение России — «во Христе и еще Ком-то... Россию спасет Мать».

⁶¹ *Антонов огонь* — гангрена.

⁶² *Боткин* Василий Петрович (1811/1812), писатель, художественный критик.

⁶³ *У папеньки, в лавке чаем торгует...* — Боткин был «старшим сыном известного московского чаеоторговца, богатого купца, фирма которого существует и теперь... По окончании курса в пансионе Кряжева, едва ли стоявшего на уровне даже гимназии, отец посадил молодого человека прямо в чайный амбар, где он и должен был проводить целые дни, пользуясь лишь вечерами да свободными промежутками от торговых дел в амбаре, чтобы чтением разнообразных книг, на русском, немецком и французском языках, пополнить свое недостаточное образование. Настойчивость и большие способности помогли ему, несмотря на неблагоприятные условия, серьезно восполнить этот пробел, а затем ему удалось, в возрасте 25 лет, уговорить отца отпустить его за границу, где, между прочим, посетил, в качестве поклонника, Виктора Гюго...» (Корнилов.— С. 511-512).

⁶⁴ Соединение неточных цитат из писем Белинского Боткину от 16-21 апреля и 16 мая 1840 г.: «Абстрактный герой, рожденный на свою и чужую погибель, человек с чудесной головой, но без сердца и притом с кровью протухшей соленой трески... В эту минуту мне кажется, что я, только бы увидел его, как попросил бы его или убить меня, или позволить мне убить его».

⁶⁵ *Знаешь притчу...* ...из *крепкого вышло сладкое* — Об этой притче Мережковский упоминает в письме цензору барону Н.В. Дризену от 28 июля 1916 г. (см. полный текст в разделе «Дополнения» настоящего издания).

Сравнение со львом заимствовано из писем Белинского: «Признаю я в тебе благородную львиную природу, дух могучий и глубокий...»; «... никогда я не видал... в твоей душе такой львообразности» (М.А.Бакунину от 12-24 октября 1838 г.); «Чудесный человек, глубокая, самобытная, львиная природа» (Н.В.Станкевичу от 8 ноября 1838 г.). Восходит к библейскому источнику. Богатырь Самсон однажды голыми руками растерзал льва и, когда

через несколько дней пришел посмотреть на него, то увидел в его рту рой пчел и мед (Суд., XIV, 6-9).

⁶⁶ *Амалат-бек* — герой одноименной повести А.А.Бестужева-Марлинского (1832).

БУДЕТ РАДОСТЬ

Пьеса в четырех действиях

Впервые — Петроград: Огни, 1916. Печатается по тексту этого издания.

Датируется по письмам Мережковского 1913-1914 гг.

¹ *Благовест* — звон колокола для извещения о начале богослужения во время службы по определению церковного устава. *Полиелей* — одна из составных частей воскресной или праздничной заутрени, состоящая из пения стихов псалмов 134 и 135. *Кондак* — короткое православное песнопение на тему праздника.

² *...превознесется сын погибели... ..змия древнего, убьет духом уст Своих* — II послание к Фессалоникийцам (II, 3-8).

³ *Изыдите, изыдите, люди Мои, из Вавилона* — Неточно Откровение Иоанна Богослова (XVIII, 4).

⁴ *Паскаль* Блез (1623-1662), французский религиозный философ, писатель, математик, физик. *Pensées de Pascal* — «Мысли» Паскаля. Издавалась в России в переводах И.Бутовского (СПб., 1843), П.Перцова (СПб., 1888; 2 изд. — М., 1899; 3 изд. М., 1905), С.Долгова (М., 1892; 2 изд. М., 1902).

Паскалю посвящена 3 часть религиозно-философской трилогии Мережковского «Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль», в которой Паскаль поставлен в один ряд с «сверхчеловеками» такого же типа, как Байрон, Наполеон, Лермонтов.

⁵ *...с умным человеком и поговорить приятно*, по Смердякову... — Высказывание героя романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы».

⁶ *...«держат пари на Бога»...* — Слова Ивана из романа Достоевского «Братья Карамазовы».

⁷ *...сделать смерть вольною, убить себя, как следует...* — Реминисценция из романа Достоевского «Бесы».

⁸ *...«оказать своеволие в высшем градусе», как верно определяет Кирилов у Достоевского...* — Высказывание героя романа Достоевского «Бесы». В монографии «Л.Толстой и Достоевский» (1900-1902) Мережковский писал: «Я обязан заявить своеволие», — говорит в «Бесах» Кирилов, для которого самоубийство, кажущийся предел самоотрицания, есть в действительности высший предел самоутверждения личности, предел «своеволия» — и все герои Достоевского могли бы сказать то же самое: последний раз противопоставляют они себя поглощающим их стихиям, утверждают свое я, свою личность, «заявляют своеволие» — в самой гибели

своей» (Мережковский Д.С. Л.Толстой и Достоевский // Мережковский Д.С. Полн.собр.соч.: В 24 т.— М.: И.Д.Сытин, 1914.— Т. IX — Ч.2.— С.94).

⁹ Мечников Илья Ильич (1845-1916), выдающийся русский естествоиспытатель.

¹⁰ *Желание смерти, по Мечникову, так же нормально, как желание сна: усталый хочет спать — старый хочет умереть...* — Исследуя проблему старости и смерти, И.И.Мечников искал в органическом мире явления «естественной смерти». Этому посвящены его труды «Этюды о природе человека» (1903) и «Этюды оптимизма» (1907). Он пытался доказать, что в старости у человека наступает или может наступать пресыщение жизнью и что «можно не только не бояться смерти, но даже желать ее и так же *ощущать потребность умереть, как ощущать потребность спать*» [курсив Мечникова. — Сост.] (Мечников И.И. Этюды о природе человека.— М.: Изд. АН СССР, 1961.— С.228). См. также: Мечников И.И. Академическое собр. соч.— Т.12.— М.: Гос. изд. мед. л-ры, 1956.— С.116).

¹¹ Байрону посвящена одна из статей Д.Мережковского (1914), в которой впервые определяется тип личности, названный «сверхчеловеком». Тема «сверхчеловечества» затрагивается и в статье «М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1908-1909). Образ Федора написан в продолжение этой темы, в его репликах звучат реминисценции из статей Мережковского о Байроне и Лермонтове. В эмиграции к типам «сверхчеловеческого» Мережковский причислил Паскаля.

¹² «*Остановись, мгновение!*» — Цитируется «Фауст» Гете.

¹³ *Шопенгауэр* Артур (1788-1860), немецкий философ-идеалист. ...*современные теософы* — Имеется в виду, прежде всего, священник Ф.Левицкий, о котором Мережковский составлял библиографию книг (например: В. Жмакин. Священник Ф.Левицкий // Русская старина, 1882. Кн. 7). В круг его чтения также входили «Материалы для истории мистицизма в России» Ф.Терновского (Труды Киевской духовной академии. Харьков, 1863), Русские мистики-иллюминаты (Духовная беседа, 1863, т.19, № 50), статья А.Яцимирского «Возрождение византийско-болгарского религиозного мистицизма («Сборник статей в честь профессора М.С.Дранова». Харьков, 1905), исследование П.Сладкопевцева «Материалы для истории мистицизма и масонства в России» (Духовная беседа, 1865, № 10, С. 2724) и мн. др.

...*средневековые мистики* — Имеются в виду, прежде всего, Б.Паскаль и Ж.Кальвин (1509-1564), один из вождей Реформации, основатель кальвинизма.

¹⁴ *Ср.:* «Нельзя любить другого больше, чем себя. Если я на себя восстал, то и на вас... Я не приведу вам слов: «кто не возненавидел души своей...», потому что чувствую себя недостойным: я не возненавидел души своей. Я только хочу это сделать; я только понял, что это *нужно* сделать» (Д.Мережковский. Письмо Ф.Сологубу от 7 января 1914 г. // РГАЛИ. Ф. 2534 (Миртов). Оп. 1., ед. хр. 41, л. 1-2-об.).

¹⁵ Цитируется стихотворение Ф.И.Тютчева «Silentium».

¹⁶ ...«демон иронии» — Реминисценция из статьи Д.С.Мережковского «М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества».

¹⁷ *Кальвин, что ли, учил, что есть люди погибшие... .. прокляты* — Имеется в виду одно из положений кальвинизма — «Предопределение». В эссе «Кальвин» Мережковский писал об этом так: «Что такое Предопределение? Вот как отвечает Кальвин на этот вопрос: «Предопределением» мы называем вечную в судьбе каждого человека волю Божию, потому что не все люди созданы с одинаковой целью, но одни — для вечной жизни, а другие — для осуждения вечного». Это значит: Богом разделяется все человечество на две неравные части — одну, неизмеримо меньшую — не по заслугам *наверное* спасающихся, а другую, неизмеримо большую — *наверное* без вины погибающих; на получивших *даром* Благодать и на лишаящихся ее также *даром*. «Божье правосудие», в устах Кальвина — только пустое, ничего не значащее слово... если Бог без всякой понятной для нас причины, одних из находящихся в одинаковом состоянии людей оправдывает, а других осуждает, то утверждение Кальвина, что Бог правосуден, в каком-либо для человека понятном смысле недоказуемо. Кальвин допускает (так же, как Лютер), в своем Богооправдании, Теодицее, двух противоречивых Богов: Бога и Противобога — дьявола». Кальвин, считал Мережковский, рассматривает Предопределение как «двойное избрание», т.е. «спасение или погибель», тогда как «нет Предопределения — Избрания — «двойного», а есть только одно — спасение» (Мережковский Д.С. Кальвин // Мережковский Д.С. Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1990. — С.11-12).

¹⁸ «И приступив к Нему, ученики Его, сказали: «Объясни нам притчу о плевелах...» Он же сказал им в ответ: «Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий. Поле есть мир; доброе семя — это сыны Царствия (Божия), а плевелы — сыны лукавого. Враг, посеявший их, есть дьявол» (Евангелие от Матфея, XIII, 36-39). В эссе о Кальвине Мережковский комментирует эту библейскую притчу так: «Что отличает «пшеницу» от «плевелов»? То же, что истинное бытие отличает от мнимого, Бога — от дьявола. «Доброе семя» — настоящие люди — те, у кого есть высокое лицо — личность, образ и подобие Божие, а «плевелы» — те, у кого вместо лица только пустая личина и, вместо действительного бытия, мнимое, — люди не-сущие. Первые могут грешить, падать, погибать, но погибнуть не могут, потому что они есть, а вторые ни спастись, ни погибнуть не могут, потому что их нет. Как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет и при кончине века сего — «вечности земной» (Евангелие от Матфея, XIII, 40). «Плевелы», «сыны дьявола», — мнимые, не-сущие люди — сгорят, как солома в огне; сгорание и будет для них «вечность мук»; а «пшеница» — «сущие» — «дети Божии» — *спасутся все*. По мнению Мережковского, первым понял «радостную тайну Предопределения» Ориген, считавший, что «Благодать Божия, через посредство Иисуса Христа, вернет всю тварь к началу и концу единому. Ибо *все* падшие (но сущие, созданные Богом, а не дьяволом) могут возвыситься (не только здесь, на земле, но и в вечности) от крайних ступеней зла

до высших — добра. Это значит: *спасутся все*» (Мережковский Д.С. Кальвин.— С. 14-15).

¹⁹ *Сам себе чертом кажусь, своим собственным чертом...* — Реминисценция из статьи Д.Мережковского «М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества». «Кажется, он сам если не осознавал ясно, то более или менее смутно чувствовал в себе это «не совсем человеческое», чудесное или чудовищное, что надо скрывать от людей, потому что этого люди никогда не прощают. Отсюда — бесконечная замкнутость, отчужденность от людей, то, что кажется «гордыней» и «злобою». Он мстит миру за то, что сам не от мира сего; мстит людям за то, что сам «не совсем человек»...» (Мережковский Д.С. М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет.— М.: Сов. писатель, 1990.— С. 392-393).

²⁰ *Федосеевцы* — Религиозно-оппозиционное течение, основанное бывшим дьяконом Федосием Васильевым (1661-1711). Изначально для них были характерны строгий аскетизм (отрицание брака) и непримиримость к крепостническому государству.

²¹ Неточная цитата из стихотворения «Колодцы» (1913) З.Н. Гиппиус (1869-1945):

Но сторожит молчанья демон
Колодцы черные свои.

²² *...перестукиваться, вот как в одиночных камерах...* — Реминисценция из статьи Д.Мережковского «О черных колодцах» (1915). Мережковский не случайно цитирует в своей статье стихи Гиппиус «Колодцы». Оно является 14-м в цикле «Молчания» и посвящено А.Блоку. Высылая текст этого стихотворения С.А.Андреевскому в феврале 1913 г., Гиппиус писала: «Да, так вот все «в колодцы» и валится. В черные. И слова — и люди» (ЦГАЛИ.— Ф. 2571.— Оп. 1.— Ед. хр. 87.— Л. 6-6 об).

В этом цикле есть еще ряд стихотворений, интонационно близких статье Мережковского. Это и «Напрасно», своеобразный ответ тютчевскому «Silentium!» («Храни, храни ее ключи // И задыхайся — и молчи») (Гиппиус З. Напрасно // З.Н.Гиппиус. Сочинения. Стихотворения. Проза.— Л.: Худ. лит., 1991.— С.175), и «L'imprevisibilitè» («Непредвиденное», 1913), отклик на одно из положений философии Анри Бергсона. В декабре 1919 г. Гиппиус записала: «Ohe, Bergson! Мы вышли из твоей философии! Кончена L'imprevisibilitè! Остался «учет», — по Ленину» (Гиппиус З.Н. Петербургские дневники. 1914-1919. 2-е изд.— Нью-Йорк: Телекс, 1990.— С. 306).

²³ *...ты не Федра, а я не Ипполит...* — Герои трагедии «Ипполит» Еврипида (около 480-406 до н.э.). Переведена Д.С.Мережковским в 1893 г. (Еврипид. Ипполит. Траг. Перев. с греч. // Вестник Европы.— 1893.— Кн. 1.— С. 5-55). В статье «О новом значении древней трагедии. Вступительное слово к представлению «Ипполита» (Новое время.— 1902.— № 9560.— 15 окт.) Мережковский так определял смысл конфликта между Федрой и Ипполитом: «Вопрос Федры: «Что это, скажи, // Что смертные любовью называют?» ... есть главный вопрос всей трагедии, поднятый Еврипидом впервые именно здесь, в «Ипполите», не только в

художественном, нравственном, но и в религиозном значении: что такое любовь как явление человеческого и божеского мира?... Любовь страстная и жестокая воплощена в одном из двух главных, реально и мистически действующих лиц — в лице богини Афродиты... Ипполит и Федра оба называют Афродиту «жестокою», «злою богинею». Федра — почти слепое орудие этой злой любви. «Моя любовь чиста» — говорит она. Но когда Ипполит отверг ее, она вдруг чувствует свой позор... Федра, «лучшая из женщин», становится не только преступною, но и низкой».

²⁴ *За то, что ты черту смотришь прямо в глаза* — Реминисценция из статьи Д.Мережковского «М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества»: «Звери слышат человеческий запах. Так люди слышат... запах *иной породы*. Одни, особенно женщины, по первобытному греху любопытства, влекутся к нему, видят в нем «демона», как тогда говорили, или, как теперь говорят, «сверхчеловека»; другие отходят от него с отвращением и с ужасом: «ядовитая гадина», «антихрист»; или накидываются с яростью, чтобы загрызть, как собаки загрызают волка за то, что от него несобачий запах».

²⁵ «Дерзновение» — Цитируется стихотворение Мережковского (1901 г.).

²⁶ *...корчусь... не бойся, от своей собственной пошлости...* — Реминисценция из статьи Д.С.Мережковского «М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества»: «Если бы довести до конца это первое бессознательное впечатление, то пришлось бы его выразить так: в человеческом облике *не совсем человек*... Отсюда, наконец, и то, что кажется в нем «пошлостью»... У него было обратное тщеславие — желание *быть как все*. Все пошлости Лермонтова — разврат, «свинство» хулиганство с женщинами — не что иное, как бегство от «фантастического», от «неопределенных уравниений», безумное желание «воплотиться окончательно в семипудовую купчиху». До какой степени «пошлость» его только болезненный выверт, безумный надрыв, видно из того, с какой легкостью он сбрасывает ее, когда хочет».

²⁷ *Дездемона* — Героиня трагедии В.Шекспира (1564-1616) «Отелло». «Она меня за муку полюбила» — Цитата из 1 акта 4 сц. трагедии.

²⁸ *Огонь страсти очищает все...* — Цитата из трагедии «Ипполит» Еврипида в переводе Д.Мережковского. Также см. 23.

²⁹ *...но иногда кажется, что тут какой-то рок... это не мы с тобою сделали...* — Имеется в виду «сила Афродиты». См. 23.

³⁰ *Несуществующие души* — В статье «М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» Мережковский объяснял: «Произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против Дракона; и Дракон и ангелы его воевали против них; но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий Дракон». Существует древняя легенда, упоминаемая Данте в «Божественной комедии», об отношении земного мира к этой небесной войне. Ангелам, сделавшим окончательный выбор между двумя станами, не надо рождаться, потому что время не может изменить их вечного решения; но колеблющихся, нерешительных между светом и тьмою,

Благодать Божия посылает в мир, чтобы могли они сделать во времени выбор, не сделанный в вечности. Эти ангелы — души людей рождающихся. Та же благодать скрывает от них прошлую вечность, для того, чтобы раздвоение, колебание воли в вечности прошлой не предвещало того уклона воли во времени, от которого зависит спасение или погибель их в вечности будущей» (с. 388). Вот почему люди «так естественно» думают о том, что будет с ними после смерти, но никогда о том, что было до рождения: «Нам дано забыть откуда,.. чтобы яснее помнить куда». Таков «общий закон мистического опыта», — пишет Мережковский. Исключения из него «редки», «редки те души, для которых поднялся угол страшной завесы, скрывающей тайну премирную». Одна из таких душ — Лермонтов... Самое тяжелое, «роковое» в судьбе Лермонтова — не окончательное торжество зла над добром,.. а бесконечное раздвоение, колебание воли, *смешение* добра и зла, света и тьмы. Это и есть премирное состояние человеческих душ, тех нерешительных ангелов, которые в борьбе Бога с дьяволом не примкнули ни к той, ни к другой стороне. Для того, чтобы преодолеть ложь раздвоения, надо смотреть не назад, в прошлую вечность, где борьба эта началась, а вперед, в будущую, где она окончится с участием нашей собственной воли».

В книге «Паскаль» Мережковский также приводит легенду о «душах человеческих» в такой редакции: «Существует древняя, вероятно, гностического происхождения легенда, о которой упоминает Данте в «Божественной Комедии». Ангелам, сделавшим окончательный выбор между двумя станами в довременной войне Бога и дьявола, не надо рождаться, потому что время не может изменить их вечного решения. Но колеблющихся, нерешительных между светом и тьмой, добром и злом, благодать Божия посылает в мир, чтобы могли они сделать выбор во времени, не сделанный в вечности. Та же благодать скрывает от них забвением прошлую вечность для того, чтобы раздвоение, колебание воли их, в вечности бывшей, не предвещало того уклона воли во времени, от которого зависит спасение или погибель их в вечности будущей». Вот почему люди так естественно думают о том, что будет с ними после смерти, и не умеют, не могут, не хотят думать о том, что было до рождения. Людям дано забыть откуда, — чтобы яснее понять куда они идут. Таков общий закон религиозного опыта. Исключения из него редки, редки те души, для которых поднялся угол завесы, скрывающей от людей тайну прошлой вечности. Кажется, одна из таких душ — Паскаль» (Мережковский Д.С. Паскаль // Мережковский Д.С. Реформаторы. — С.13).

³¹ *Эврипид* (Еврипид) (ок. 480-406 до н.э.) — древнегреческий драматург.

³² «Федра» — Трагедия Ж. Расина (1677).

³³ *Расин Жан Батист* (1639-1699), французский драматург. Неточно цитируется стих из монолога Федры (акт 2, сц.3): «C'est Venus tout entiere a sa proie attachée». В переводе М. Донского: «Вся ярость впившейся в добычу Афродиты».

³⁴ *Неужели любовь — зверство? Не любовь, а страсть* — Реминисценция из статьи Д.Мережковского «О новом значении древней трагедии». См. также в статье «Тургенев»: «Влюбленностью

вскрывается человеческая двойственность — дух и материя, Бог и зверь. Сначала нежный человеческий шепот: «Люблю! люблю!» А потом «звериный крик, вой, рев» рожающей Китти, рожающей самки. Любовь — жестокость. Любовь — кровавое насилие. Любить — рождать. Любить — убивать. «Любовь крепка, как смерть». Смерть связана с любовью» (Мережковский Д.С. Тургенев // Мережковский Д.С. Эстетика и критика.— Т.1).

³⁵...*Как будто нерожденная... свой собственный призрак...* — Реминисценция из статьи Д.Мережковского «Тургенев»: «Я не могу себе представить, что у женщин и девушек Тургенева такие же тела, как у толстовской Китти, Наташи или даже Анны Карениной. Кажется, что тела их облачные, призрачные и прозрачные, как тела гоголевских русалок, сквозя которые светит луна... Все они превращаются в призраки, в видения, в таинственно мерцающие иконы, в благоуханно нетленные мумии, в живые мощи».

³⁶ *Как во сне... тяжести нет — земля не держит* — Реминисценция из статьи Д.Мережковского «Тургенев»: «В последних, самых совершенных и вещих произведениях своих муза Тургенева похожа на эту древнюю статую с темными, закрытыми веками. Веки у нее закрыты, потому что она видит чудный сон... «Тут мы взвились. Он впереди... Крылья у него по всему небу развернулись, длинные, как у чайки, а я за ним. И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что собачка болезнь моя и что в Царстве Небесном ей уже места не будет». Реальная муза Тургенева не видела Христа наяву: но закрыла «свои темные веки, с золотистыми ресницами, как у древних статуй» и увидела Его во сне — в самом вещем сне своем, в самой страшной муке... И вот он понял, что никто, кроме Христа, не утолил этой муки».

³⁷ *Авраам* — Мифический родоначальник евреев.

³⁸ *«Принцесса грез»* — Пьеса Э.Ростана в переводе Т.Щепкиной-Куперник.

³⁹ *Каин и Авель* — Сыновья Адама. Авель был убит Каином из зависти (Бытие, IV) и считается первым мучеником.

⁴⁰ ...*«Близнецы» Тютчева...* — В исследовании «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» Мережковский комментирует это стихотворение так: «Любовь и ненависть, любовь и смерть, любовь и убийство, — «близнецы». Жажда любви — жажда смерти, самоубийства: И кто... не ведал ваших искушений// Самоубийство и любовь... Жизнь — зло, жизнь — боль; чем живее, тем злее, больнее. Бегство от зла, от боли — бегство от жизни — смерть» (Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии // Мережковский Д.С. В тихом омуте.— С. 463).

⁴¹ Фрагменты из Евангелия от Луки (XXII, 45) и Евангелия от Марка (XIV, 35).

⁴² *Лобачевский* Николай Иванович (1792-1856), математик, создатель неевклидовой геометрии. Имя и теория Лобачевского упоминаются Мережковским в статьях о Байроне, Лермонтове и в книге о Паскале. Ср. «Байрон — человек из той же породы людей, как Наполеон и Лермонтов: кажется, это люди не совсем люди, — только пролетают через наш земной воздух, как аэролиты;.. бро-

шенные откуда-то вниз или вверх (где «низ» или «верх» мы не знаем; тут наша земная геометрия кончается) («Байрон»); «Любовь Лермонтова в христианский брак не вмещается. Христианский брак... можно сравнить с Евклидовой геометрией трех измерений, а любовь Лермонтова с геометрией Лобачевского, «геометрией четвертого измерения» («М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества»); «Кажется иногда, что у Паскаля совсем иное, чем у других людей, *ощущение пространства* — как бы иная, не Евклидова, не земная геометрия, зависящая, может быть, от иного строения не только души, но и тела» («Паскаль»).

⁴³ *Темна вода в облацех* — Выражение, которым характеризуются что-то непонятное, восходит к Библии (Псал., 17, 11).

⁴⁴ *...теория «прерывов»* — Впервые о теории «прерывов» Мережковский написал в статье «Семь смиренных», посвященных выходу в свет сборника «Веги», в которой объяснял: «Существуют два понимания всемирной истории: одно, утверждающее «бесконечность» и «непрерывность» развития, ненарушимость закона причинности; для этого понимания свобода воли, необходимая предпосылка религии, есть метафизическое и теоретическое суеверие, другое — утверждающее «конец», «прерыв», преодоление внешнего закона причинности внутреннею свободою, то вторжение трансцендентного порядка в эмпирический, которое кажется «чудом», а, на самом деле, есть исполнение иного закона, высшего, несоизмеримого с эмпирическим: свобода Сына не нарушает, а исполняет закон Отца. Первое понимание — научное, *эволюционное*, второе религиозное, *революционное*. В этом смысле революция и эволюция представлялись Мережковскому «двумя сторонами» «одной и той же всемирно-исторической динамики», где «одно не противоречит другому»; «всякий «прерыв» есть предел, конец развития, — *цель* — в порядке теологии; всякое развитие есть *подготовление*, назревание, начало прерыва — начало конца — *причина* — в порядке детерминизма» («Семь смиренных» // Речь. — 1909. — №112. — 26 апр.). К этому положению Мережковский возвратился и в последней книге своей жизни — «Маленькая Тереза» (1941), в заключении которой писал: «Наше сознание запредельное (то, что Достоевский называет «бессознательным») от сознания предельного, «душу ночную» от «дневной», наше бодрствование от подобного глубочайшему обмороку сна, отделяет лишь один волосок, но не переступаемый для нас, как бездна. Переход из одного порядка бытия в другой, из сознательного, «дневного», в бессознательный, «ночной», внезапен, как молния. Между этими двумя порядками находится то, что в математике называется «прерывом», а в религии — «чудом» (Д. Мережковский. *Маленькая Тереза* // Д. Мережковский. *Испанские мистики. Св. Тереза Авильская. Св. Иоанн Креста. Приложение: Маленькая Тереза / Под ред. Т. Пахмусс.* — Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. — С. 374).

⁴⁵ *Das ist eine alte Gesschichte* — «Это старая история...» (нем.) — стих из стихотворения Г. Гейне «Ein Jungling liebt ein Madchen» («Юноша девушку любит») (1822-1823). Вместе со следующим он составил выражение, ставшее крылатым: «Это старая история, но она всегда нова».

46 Ермолова Мария Николаевна (1853-1928), русская трагедийная актриса.

47 Реминисценция из стихотворения З.Н.Гиппиус «Колодцы»:

Кому сказать? Куда идти?

Пути все уже, уже, уже...

Смотри, кончаются пути.

48 ...*Она одна — всегда, везде. Только вы и она...* — Имеется в виду два типа любви. В статье «О новом значении древней трагедии. Вступительное слово к представлению «Ипполита» Мережковский пояснял: «Слово любовь на русской и на всех новых европейских языках имеет двойное значение: первый смысл — древний, языческий: любовь-страсть, плотское вождение, Эрос, тяготение пола к полу. Второй смысл — уже новый, христианский: любовь-милосердие, сострадание, всепрощение; любовь девственная». В романе Достоевского «Идиот» двух женщин — девственницу и блудницу любит князь Мышкин. Этой теме посвящен раздел в монографии Мережковского «Л.Толстой и Достоевский».

49 *Кто прощает врагу, собирает горящие угли на голову его* — Послание к Римлянам (XII, 20).

50 *Что делаешь, делай скорее* — Евангелие от Иоанна (XIII, 27).

51 Реминисценция из Откровения Иоанна Богослова (XVIII, 89).

52 *...кто душу свою не потеряет, тот и не сбережет ее...* — Евангелие от Матфея (X, 39).

ЮЛИАН-ОТСТУПНИК

(«Смерть богов»)

Трагедия в 5-ти действиях

Впервые — Е.Андрущенко. Мережковский неизвестный. — Харьков: Крок, 1997. — С. 426-462. Печатается по тексту этого издания.

Машинопись трагедии хранится в ОРК и Р СПбГТБ (Д.С.Мережковский. Юлиан-Отступник («Смерть богов»). Трагедия в 5-ти действ. № 15868, без года, без даты. Маш. — 64 с.).

Трагедия «Юлиан-Отступник» является инсценировкой первой части трилогии «Христос и Антихрист» романа Д.С.Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)». Машинопись трагедии поступила в Ленинградскую государственную театральную библиотеку в 1955 году. Экземпляр не является цензурным, в нем нет помет автора или читателей. Трагедия отпечатана на машинке, шрифт которой не перестроен по правилам реформы орфографии 1918 года. На первой странице машинописи от руки с учетом реформы орфографии сделана надпись: «Юлиан — отступник» («Смерть богов»). Трагедия в 5-ти действ. Д.С.Мережковского». Датируется приблизительно 1916-1919 гг.

Сведения об истории создания этой инсценировки или ее сценической истории весьма скудны. А. Л. Соболев сообщает, что трагедия написана в соавторстве с В. А. Злобиным (Соболев А. Л. Мережковский в работе над романом «Смерть богов. Юлиан Отступник» // Мережковский Д. С. Мысль и слово. — М.: Наследие, 1999. — С. 47). В перечне произведений, который Мережковский составил для А. В. Амфитеатрова в 30-х гг., упоминаний о ней также нет (Письма Д. С. Мережковского А. В. Амфитеатрову // Звезда. — 1995. — № 7).

Восстановить творческую или сценическую историю трагедии по отзывам рецензентов или критиков не представляется возможным. Единственным откликом на постановку трагедии «Антихрист», также созданной по роману Мережковского, является рецензия Н. Розенталя, видевшего «Антихрист. Юлиан Отступник» на сцене Петроградского драматического театра в 1922 г. Автор рецензии сообщает, что материалом для постановки служил роман Мережковского и два действия первой части драмы Г. Ибсена «Кесарь и Галилеянин», но инсценировка произведена без участия Мережковского. При сопоставлении текста машинописной трагедии с подробностями представления, содержащимися в отзыве Розенталя, видно, что текст трагедии, хранящийся в Петербургской театральной библиотеке, не является той инсценировкой, постановку которой видел Розенталь. Так, он упоминает Ямблика, героя романа Мережковского, перенесенного в инсценировку, а в машинописной трагедии такого действующего лица нет; описывает сцену восстания галльских легионов, смонтированную в «ибсеновский кусок», и др.

В машинописной инсценировке некоторые сцены романа Мережковского смонтированы из фрагментов, находящихся в разных частях романа. Так, например, в романе Юлиан назван Антихристом одним из воинов в момент, когда срывает со знамени крест и надевает серебряное изваяние бога Солнца, Митры-Гелиоса, (конец 1-й части), а в машинописной трагедии определение «Антихрист» звучит на церковном соборе, созванном уже императором Юлианом (2-е действие трагедии). Спор церковников о единосущном и подобносущном (2-е действие трагедии) в романе происходит на соборе еще при жизни Констанция (1-я часть). Некоторые изменения внесены автором в образы Елены и Арсинои. Если в романе Елена — антипод Арсинои, то в трагедии их образы сближены, опущена тема духовной эволюции Арсинои, от приверженности язычеству пришедшей к принятию христианства.

Вопрос о принадлежности инсценировки перу Мережковского не может быть решен однозначно. С одной стороны, известно, что Мережковский перерабатывал свои произведения для постановки на сцене. Так, трагедия «Царевич Алексей» является авторской инсценировкой романа «Антихрист. Петр и Алексей». По свидетельству современников (Розенталь, Луначарский), в творческих планах Мережковского было создание ряда пьес на основе своих романов. Характер работы с текстом романа подобен тому, как создавалась трагедия «Царевич Алексей». При поступлении экземпляра на хранение в Петербургскую театральную библиотеку авторство трагедии сомнений не вызывало.

¹ *Клавдий Флавий Юлиан* — (331-363), «отступник», римский император с 361 по 363 г. Один из крупных писателей и мыслителей своего времени.

В христианской историографической традиции за Юлианом утвердился эпитет Отступника (Apostata), пытавшегося восстановить господствующее положение языческой религии, которую стремился реформировать, заимствовав от христианства стройную церковную организацию, а также ряд этических положений. Христианское духовенство лишилось при Юлиане тех привилегий, каких оно добилося после Миланского эдикта 313 г.

Юлиан — сын сводного брата Константина Юлия Констанция, шести лет от роду спасся вместе с братом Констанцием Галлом от резни, устроенной в 337 г. Констанцием II в самой императорской семье. Укрылся в пустынной местности Малой Азии, в Каппадокии, затем в Никомедии, где проходил обучение новой религии и воспитывался под присмотром своих учителей, служивших одновременно и тюремщиками. Испытывая отвращение к христианству, Юлиан притворился ревностным верующим и вступил в ряды низшего духовенства в качестве «чтеца». По возвращении в Константинополь попал под влияние ритора Ливания и философа-неоплатоника Максима. Религиозная концепция наставников-идеологов древнего язычества, носителей монотеизма синкретического культа солнца, показалась ему выше примитивной и неупорядоченной в то время христианской теологии отцов IV века, вовлеченных в бесконечные препирательства.

В 335 г. Юлиан был провозглашен Цезарем и направлен в Галлию для сражений с франками и алеманами. Отверг власть Констанция и зимой 360 г. был провозглашен Августом. После смерти Констанция, 5 октября 361 г., признан единственным самодержцем империи.

Юлиан предпринял попытку восстановления язычества на Западе, затем в восточных районах Средиземноморья, где христиане были в большинстве. Здесь и обрело свой смысл обвинение, оставленное за ним в истории, — «отступник» и «беззаконник». Не задавался целью отменить эдикт 313 г. о веротерпимости, вернул епископов, сосланных при Констанции за их оппозицию арианству, поддержал африканских епископов-донатистов, разрешил евреям восстановить свой храм в Иерусалиме. Стремился избежать любых проявлений насилия. Но во многих местах язычники, почувствовав его поддержку, вступили в противоборство с христианами. Так, в Александрии толпа убила епископа Григория. В отместку дафнийские христиане сожгли храм Аполлона.

Погиб в битве с персами у города Ктесифонта на восточном берегу Тигра.

² *Максим Философ* — неоплатоник, наставник Юлиана.

³ *Орибазий* — (4 в. н.э.), врач из Пергама, жил в Константинополе. Придворный и врач Юлиана.

⁴ *Был ли Александр, Филиппов сын...* — Имеется в виду Александр Великий (Македонский) (356-323 до н.э.), древнегреческий полководец, сын Филиппа II (382-336 до н.э.), известного усовершенствованием фаланги, традиционного боевого порядка греческой пехоты.

⁵ *Брут Марк Юний* (85-42 до н.э.), глава заговора против Цезаря.

⁶ ...*Кесарево — Кесарю* — Евангелие от Матфея (XXII, 21).

⁷ *Сибилла* (сивилла) — В античных преданиях легендарная женщина-пророчица. В первые годы Республики в Риме появились так называемые Сивиллины книги, составление которых приписывалось пророчице Сивилле Кумской. Эти книги содержали различные греческие оракулы. К Сивиллиным книгам обращались в исключительных случаях. Хранение их было поручено жрецам и толкователям.

⁸ *Голгофа* — Холм в окрестностях Иерусалима, «лобное место», где, по евангельскому преданию, был распят Христос; *Митра* — «Непобедимое Солнце». Здесь в значении — победа языческого над христианским.

⁹ *Ариман, Ормузд* — в персидской мифологии *Ормузд* (Ахура Мазда) — добрый бог, *Ариман* (Ангра Майнью) — антагонист *Ормузда*, злой дух.

¹⁰ ...*буйных веселий Митры-Диониса* — Имеется в виду праздник «непобедимого Солнца» (Митры). *Дионис* (Вакх) (греч.) — бог вина и виноделия, олицетворение живой силы природы.

¹¹ Откровение Иоанна Богослова (XIV, 7-9).

¹² *Константин* (Константин I или Константин Великий, Флавий Валерий) (ок. 274-337), римский император с 306 г., в правление которого праздник «непобедимого Солнца» (Митры) стал отмечаться как праздник рождества Христа. *Констанций II* (317-361), средний сын Константина, двоюродный брат Юлиана, римский император с 351 по 361 г.

¹³ *Мы — чистая пшеница Божия, а вы — солома сухая, сожигаемая Господом* — см. прим. № 18 к драме «Будет радость».

¹⁴ *Един Пастырь, едино стадо...* — Евангелие от Иоанна (X, 16).

¹⁵ *Собор Никейский* — Созван императором Константином в 325 г. На соборе одним из центральных стал вопрос об арианстве. В начале IV в. известный своим аскетизмом и популярный среди прихожан пресвитер Арий выступил с учением о том, что в божественной троице только бог-отец является вечным. Арианство представляло собой попытку рационалистического толкования основного христианского догмата, но не получило признания. Собор в Никее в 325 г., на который собрались представители различных провинциальных церквей, принял изложение кратких догматов христианства, так называемый Никейский символ веры. Было признано, что сын божий является единосущным отцу. Константин, председательствовавший на соборе, своей властью утвердил решение собора, сослав Ария в Иллирию; а его сторонников — в Галлию.

¹⁶ «*Горе вам, законники... Горе вам, книжники и фарисеи*» — Евангелие от Матфея (XXIII, 13).

¹⁷ Имеются в виду христиане, последователи апостола Петра, до встречи с Иисусом занимавшегося рыболовством.

¹⁸ *Вавила* Никодимийский — Мученик IV века. За отказ принести жертву языческим богам был замучен вместе с детьми, которых обучал.

¹⁹ *Геспериды* — В античной мифологии дочери Геспера. Живущие в саду на берегу моря, сестры охраняют яблоню с золотыми плодами. Плоды золотых Гесперид — мир языческих богов.

²⁰ *Сапор II* (310-381) — Персидский царь, воевал с Римом и преследовал христиан на Востоке.

²¹ *Ты победил, Галилеянин* — Слова, приписываемые Юлиану. По преданию, он произнес их перед смертью 26 июня 363 г., когда был ранен в битве с персами вблизи города Ктесифонта на восточном берегу Тигра.

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ

Впервые — П.: Государственное издательство, 1920. Печатается по тексту этого издания.

Драма является авторской инсценировкой романа «Антихрист. Петр и Алексей», 1902-1904). Для сцены были приспособлены 1-я и 3-я части книги 1; 2, 3 и 4-я части книги 2, 2-я часть книги 3; 1, 5, 6-я части книги 6 «Царевич в бегах»; 2-я и 3-я части книги 10.

Текст романа писался на основе многообразного исторического материала по истории царствования Петра и истории старообрядчества. К 1902-1903 гг. изучение русской истории этого периода насчитывало несколько десятилетий, были изданы и переизданы не только фундаментальные исследования по истории старообрядчества, но и серьезные работы о его внутреннем состоянии, об истоках учения об Антихристе, об отношении церкви к государству.

В архивных материалах содержатся сведения о пристальном внимании Мережковского к трудам Н. Левицкого, автора «Учения раскола об Антихристе и последних днях мира по челобитным, поданным царю Алексею Михайловичу (Странник. — 1880. — август. — С. 526-567), Нильского И. Ф. (Об Антихристе. — СПб., 1899) и др. Ему были знакомы статьи А. Н. Пыпина «Петр Великий в народном предании» (Вестник Европы. — 1897. — VIII. — С. 672-690), Г. Есипова «Государево дело. Рассказы об изветах, кляузах, допросах и пытках» (Древняя и новая Россия. — 1880. — IV), П. Баснина «Раскольниковы легенды о Петре Великом» (Исторический вестник. — 1903. — № 5). В романе, а также и в трагедии, видно влияние произведений протопопа Аввакума, тщательно изучавшихся Мережковским еще в молодости: он не только был автором поэмы о протопопе Аввакуме (*Впервые*: Мережковский Д. С. Собрание стихов (1893-1903). — М.: Скорпион, 1904), но и использовал его произведения в монографии «Л. Толстой и Достоевский». Источниками сведений для Мережковского послужили, очевидно, и «Материалы для истории раскола за первое время его существования» / Под. ред. Н. Субботина. — М., 1879. — Т. 5 (Сочинения бывшего юрьевского протопопа Аввакума); Т. 8 («Сказание о распрях...» Т. Лысина) и др.

Еще работая над исследованием «Л. Толстой и Достоевский», Мережковский обращался к «Дневнику» Корба, секретаря австрийского посольства, проведшего в России некоторое время («*Diarium*

itineris in Moscoviam» (11.01.1698 — 27.09.1699), (Вена, 1700-1701). По-русски издан в Москве в 1867 г. Сведения из этого «Дневника» также вошли в роман.

Совершенно очевидно, что специально для трагедии Мережковский не изучал исторических источников. «Источником» для него служил собственный роман. В настоящих примечаниях указываются лишь те источники, происхождение которых возможно установить, в частности, при обращении также и к тексту романа.

Премьера трагедии состоялась в 1919 году в Москве в театре Корша. Постановку осуществил режиссер А.А.Петровский. Для исполнения роли Алексея был приглашен Рыбников, артист бывшего малого Суворинского театра, роль Петра исполнил Балакирев, а Евросиньи — Миронова. В течение одного месяца спектакль выдержал 14 представлений. Специально для трагедии композитором Б.В.Асафьевым было сделано переложение хора из одной старинной итальянской арии начала XVII века, а также нескольких народных песен этого времени.

25 марта 1920 года в Большом драматическом театре состоялась петроградская премьера трагедии. В фондах Российской национальной библиотеки хранится текст роли царевича Алексея, посланный Н.Ф.Монахову режиссером спектакля А.Н.Лаврентьевым (Мережковский Д.С. Царевич Алексей. Трагедия в 5 д. Роль Алексея. 26 апреля 1919 г. Машинописная копия // РО РНБ.— Ф. 493. Монахов Н.Ф.— № 151.— Ед. хр. 1.— 22 л.). По пометам, оставленным на полях машинописи, можно видеть, как тщательно и любовно работал великий актер над ролью Алексея (Машинописная копия была переслана режиссером А.Н.Лаврентьевым Н.Ф. Монахову за год до постановки спектакля. На обложке сохранилась помета: «Поставлена 25 марта 1920 г. Александром Бенуа и А.Н. Лаврентьевым»).

Впоследствии современники называли Монахова «героем» вечера и причисляли роль Алексея к лучшим ролям его творческой биографии (Кузмин М. «Царевич Алексей» // М.Кузмин. Условности.— Пг.: Красный печатник, 1923.— С. 92). Сам Монахов признавался, что роль Алексея — одна из любимых им ролей, а весь спектакль — «едва ли не лучшая, наиболее слаженная постановка... театра за все время его существования» (Монахов Н. Повесть о жизни.— Л.; М., 1961.— С. 180). В Монахове-Алексее узнавались черты «князя Мышкина, Федора Иоанновича, но и юродивого Гришки». Он был «жалок и ничтожен, и в то же время словно просветлен светом каким-то», выражал «весь трагический узел русского раздвоения» (Кугель А. Театральные портреты.— Л., 1967.— С. 276-277).

Декорации к спектаклю подготовил А.Н.Бенуа, восхитивший зрителей проникновением в мир трагедии и сумевший в колорите интерьеров отразить противостояние двух главных сил — «багрово-красная» палата Петра и «светлая горница» Алексея. Кузмин считал декорации Бенуа к этому спектаклю его «лучшими декорационными работами»: «Помимо театральности, — писал он, — есть какое-то острое ощущение чувства природы, воздуха и именно исторического воздуха, петровского солнца». Бенуа признавался,

что работал с «колоссальными трудностями» при остром «недостатке материалов и технических средств». Но «я могу сейчас сказать: драма живет. «Царевич Алексей» производит на все элементы публики потрясающее впечатление. В постановке я стремился выявить основные идеи романа Мережковского, представляющего собою трагедию реального типа» (Бенуа А. «Царевич Алексей». К постановке Большого драматического театра // Жизнь искусства.— 1920.— № 408.— 25 марта.— С. 1).

В 1922 году в Берлине состоялась новая встреча Бенуа с трагедией «Царевич Алексей». В единственном отклике на эту постановку говорилось, что художнику удалось оживить философскую «геометрию» Мережковского, сделать зримыми глобальные противоречия, выраженные в его трагедии, дать в цвете противостояние Петра и Алексея. Мережковский, писал С. Горный, «ставит живых людей друг против друга лишь на один момент, в вершине «угла», чтобы ощутить на минуту своей волшебной астрологией правду взаимоотношений, антитезы». «Пришел Бенуа, кудесник, оборотень» и «в складках петровского халата», «в кружевном жабо лейб-медика зацвела, заиграла эпоха» (Горный С. Мережковский и Бенуа («Царевич Алексей») // Театральная жизнь (Берлин).— 1922.— № 10.— С. 3-4).

Интересно, что роман Мережковского дал возможность не только авторской инсценировки, но стал и основой фильма, снятого в 1922 году сценаристом, режиссером и оператором Желябужским (совместно с А. Левицким). Ни сценарий, ни сам фильм не сохранились. Фильм был памятен для его участников, считается одной из лучших работ киностудии «Русь» до создания «Аэлиты». Роль Петра исполнял Л. Леонидов, а декорации были изготовлены в стиле живописи Н. Ге и Е. Лансере. Как пишет Р. Соболев, «можно предположить, что фильм не был прямой экранизацией романа... От книги в картине остался интеллигентный царевич», а Петр «не выглядел безжалостным фанатиком». Копии фильма предназначались для внутреннего просмотра, но в 20-х годах попали в Германию и другие страны, где фильм имел крупный успех. «А конкуренты у него были сильные и многочисленные, — пишет Соболев, — исторические боевики Э. Любича, Д. Буховицкого, О. Рипперта, Р. Освальда» и других, «историзм которых часто сомнителен, но постановочный размах поражает и по сей день» (Соболев Р. «Царевич Алексей» // Родина.— 1966.— № 5/6.— С. 122).

Уже к концу двадцатых годов трагедия «Царевич Алексей» входила в полосу острых нападков и забвения. Ее называли «балластом» советской сцены с «чуждой и далекой современному зрителю» исторической концепцией Мережковского. Алексей в исполнении Монахова теперь воспринимался «юродивым царевичем», которого актер возвышает до образа «борющегося» с самодержавием «человека» (Луначарский А. Цари на сцене // Театр и революция.— М., 1924.— С. 39).

Как и драма «Павел I», трагедия «Царевич Алексей» обрела новую жизнь уже во времена перестройки, когда ее постановки осуществлялись в советских провинциальных театрах. Так, в 1990 году трагедия была поставлена главным режиссером Брянского

театра Э.Купцовым, рассматривавшим противостояние Петра и Алексея как конфликт государственной власти и нравственных законов. Среди исполнителей главных ролей были В.Мацапура (Петр), В.Удалов (Алексей), И.Камышев (сенатор Толстой) и др. (Васильев А. 70 лет спустя // Экран и сцена.— 1990.— № 27.— 5 июля.— С. 3).

Ссылки даются на издание: Антихрист. Петр и Алексей // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т.— М.: Правда, 1990.— Т.2.

¹ ...ни Сын, ни ангелы не ведают... — Евангелие от Марка (XIII, 32).

² В романе «Антихрист. Петр и Алексей» этот фрагмент назван характеристикой «обличья государя Петра Алексеевича».

³ Ср. в романе: «Уж не плут ли?» — усумнился царевич, вглядываясь в него пристальнее. Но ничего плутовского или хитрого, а скорее что-то простодушное и беспомощное, угрюмое и упрямое было в этом лице, как у людей, одержимых одною неподвижною мыслью» (320).

⁴ ... Сампсону утоли Бог жажду чрез ослиную челюсть — Книга Судей Израилевых (XV, 15-19).

⁵ От заточенных-то наших, из темницы Суздальской... — Имеется в виду мать Алексея, царица Авдотья, помещенная Петром в Суздальский монастырь в 1699 г. Алексей посещал мать в конце 1706 или в начале 1707 г.

⁶ Строки из письма матери Алексея, которое в романе царевна Марья тайно передает царевичу. Городская легенда о Петербурге как порождении Антихриста опирается на пророчество царицы Авдотьи Лопухиной: «Петербургу быть пусту». Легенда использована в романе «Антихрист (Петр и Алексей)», ее отзвук слышится в стихотворении З.Гиппиус «Петербург» (1909).

⁷ сам-то болен... — Имеется в виду болезнь Петра (октябрь 1715 г.— январь 1716 г.), простудившегося во время наводнения в конце октября 1715 г. 15 ноября Петр слег в постель, а в ночь с 1 на 2 декабря исповедался и причастился.

⁸ Навуходносор, царь Вавилонский... .. зверем стал — Имеется в виду царь Вавилонский, Навуходносор, при царствовании которого Вавилон достиг небывалого богатства и расцвета. В наказание за гордость Навуходносор был лишен Господом рассудка и представлял себя волком, «ел траву, волосы у него выросли, как у льва и ногти как у птицы» (IV Книга Царств (IV, 27-30)). Мережковский, несомненно, использовал этот библейский образ в интерпретации протопопа Аввакума (1621-1682) (см.: Из «Книги толкований» (Из толкований псалмов) протопопа Аввакума).

⁹ ...яко Жена, солнцем одеянная — «И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откровение Иоанна Богослова, XII, 1).

¹⁰ Сундуля Вахрамеевна, верховая боярыня царицы Марфы. «Самая древняя из верховых боярынь царицы, — писал Мережковский в романе, — любимая царицею, так же, как и она, выжившая

из ума, толстая, вся заплывшая желтым жиром, трясущаяся, как студень» (384).

¹¹ Ср. в романе: «Царица Марфа боялась света дневного. У нее в хоромах была вечная темнота. окна завешены. Она жила при свечах. Вековые запаны и завесы скрывали от взоров людских последнюю московскую царицу».

¹² Ср. в романе: «Царица... осталась наедине с царевичем. Она его почти не знала, не помнила, кто он и как ей родством доводится, даже имя его все забывала, а звала просто внучком, но любила и жалела, точно знала о судьбе его то, чего он сам еще не знал» (389).

¹³ ...*грядет, и ныне в мире есть уже. Это о нем, о Сыне Погибели* — 1 Послание св. Апостола Иоанна Богослова (II, 18). Созвучно произведениям протопопа Аввакума и посланию его сокамерника дьякона Федора сыну Максиму, использованным в романе (с. 662, 659 и др.). Источниками для Мережковского, очевидно, послужили «Материалы для раскола за первое время его существования». — Т.5. Сочинения бывшего юрьевского протопопа Аввакума.

¹⁴ ...*уввижу ль друга сердешного... ..царя Феодора Алексеевича* — «Безумная сказка сложилась в ее больном уме, — писал Мережковский в романе, — будто бы муж ее, царь Федор Алексеич жив и живет в Иерусалиме, у Гроба Господня, молится за русскую землю, на которую идет Антихрист с несметными полчищами ляхов и немцев; на Руси нет царя, а тот царь, который есть, не истинный; он — самозванец, оборотень, Гришака Отрепьев, беглый пушкарь, немец с Кукуевской Слободы» (383).

¹⁵ *Благословен грядый во имя Господне...* — Евангелие от Матфея (XX).

¹⁶ *Гришка Отрепьев* — Лжедмитрий I (наст. имя — Юрий (в монашестве — Григорий) Богданович Отрепьев) (ок. 1582-1606), русский царь (до 1606 г.).

¹⁷ Монолог Марфы созвучен аргументам спора протопопа Аввакума и дьякона Федора в изложении Тимофея Лысина (1710) («Сказание о расприх, происходивших на Керженце из-за Аввакумовых догматических писем» // Материалы для истории раскола... — Т.8... — С. 204-353).

¹⁸ *Во имя Симона Петра имеет быть гордый князь мира сего — Антихрист* — Имеется в виду Откровение Иоанна Богослова.

¹⁹ *Война со Шведом началась* — Северная война (1700-1721).

²⁰ ... *потрудились, яко Ной...* — Имеется в виду библейский сюжет о строительстве Ноем ковчега и спасении от потопа (Бытие).

²¹ ...*уподобился ленивому рабу евангельскому, скопавшему талант свой в землю* — Имеется в виду сюжет из Евангелия от Матфея (XXV, 25-27).

²² ...*Апостол глаголет: праздный да не яст и проклят есть тунеядец* — Реминисценция из Книги Притч Соломоновых (XXVI, 13-17).

²³ ...*слово Давидово: всяк человек — ложь* — Псалтирь (Пс. 115, 2).

²⁴ *Ср.* этот диалог с подобной сценой в драме «Павел I»: «Александр. Батюшка! Никогда я не хотел... Да разве вы не видите, и теперь не хочу... Отрешите, умоляю вас, Богом заклинаю, отрешите меня от престола, избавьте, помилуйте! Павел. Лжешь, негодяй, опять лжешь!»

²⁵ *Ср.* в романе: «Он лгал. Петр знал, что он лжет. И Алексей знал, что отец его знает. Злая радость мщениия наполняла душу царевича. В его бесконечной покорности было бесконечное упрямство. Теперь сын был сильнее отца, слабый сильнее сильного. Что пользы царю в пострижении сына? «Клубок гвоздем к голове не прибит, можно-де и снять». Вчера — монах, завтра — царь».

²⁶ *Ср.*: «Никто, кроме Катеньки, не умел укрощать тех припадков безумного царского гнева, которых так боялись приближенные. Обнимая голову его одной рукой, она другою — гладила ему волосы, приговаривая все одни и те же слова: «Петенька, батюшка, свет мой, дружок сердешненькой!..» Она была, как мать, которая баюкает больного ребенка, и как ласкающая зверя укротительница львов» (502).

²⁷ Имеется в виду сын царя Давида, Авессалом, поднявший мятеж против отца.

²⁸ Имеется в виду один из любимых кораблей Петра — «Нептун».

²⁹ Речь идет о младшем сыне, Петре, родившемся в 1715 г., которого родители называли «Шишечкой».

³⁰ ...в *Мекленбургии бунт, и шведы...* — Упоминается подготовка русских войск к походу на Померанию и театр военных действий в Шлезвиге и Мекленбурге 1712 г.

³¹ *От жены начало греху* — Неточно цитируется Книга Пророка Михея (1, 13).

³² *Сирин* — В средневековой мифологии райская птица-дева, образ которой восходит к древнегреческим сиренам. В русских духовных стихах Сирин опускалась из рая на землю, зачаровывая людей своим пением.

³³ *Толстой* Петр Андреевич (1645-1729), граф, сенатор с 1714 г., дипломат, родоначальник рода Толстых.

³⁴ ...по *Писанию-то, семьдесят* — предел жизни человеческой... — Псалтырь (89, 10).

³⁵ *Махивель* — Макиавелли Николло (1469-1527), итальянский общественный деятель, мыслитель, историк. Используется как нарицательное имя для обозначения политики, использующей обман, ложь, интриги, коварство.

³⁶ *За архиереями дело не станет: Разрешат и соборне: на то самодержец Российский* — Одно из важнейших в исторической концепции Мережковского положение о подчинении православия самодержавию. См. подробнее — ст. Мережковского «Теперь или никогда» (Мережковский Д.С. Большая Россия. Избранное. Сост., предисл. и послеслов. С.Н.Савельева.— Л.: ЛГУ, 1991.— С. 46-91).

³⁷ ...чти отца своего — Исход (XX, 12).

³⁸ ...«не приидох вложить мир... различити человека сына от отца» — Евангелие от Матфея (X, 34, 35).

³⁹ *Жену уморил* — Жена Алексея, принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская София-Шарлотта, пользовалась большим рас-

положением Петра, считавшего, что его сын не достоин своей жены. После свадьбы в 1711 г. принцесса виделась с Алексеем в 1713 г. и прожила с ним до 1715 г. Умерла после родов 22 октября 1715 г.

⁴⁰ *Яко Моисей в пустыне, вопию к Тебе, Господи...* — Имеется в виду сюжет из Исхода (XIV, 11, 13-15).

⁴¹ *«Бог искушаше Авраама...», взяти нож заклати сына своего* — Бытие (XXII, 2-6).

⁴² *Клятву нарушить, казнить, — погубить себя? Клятву исполнить, простить, — погубить Россию...* — Впервые об исторической вине Мережковский говорит в исследовании «Л. Толстой и Достоевский», когда ищет в политике Петра I положительный идеал. В облике этого преобразователя, «первого русского интеллигента», европейца и революционера, не дает ему покоя убийство царевича. «Кажется, в летописях всех человеческих преступлений не было такого, если не возмущающего, то смущающего совести убийства, как убийство царевича Алексея. Оно ведь страшно... не несомненною правотою, невинностью сыноубийцы... Тут всего ужаснее вопрос: что, если Петр должен был так поступить?... Убил сына для себя? Но ведь Петр действительно... просто не умел никогда отличить себя от России, он чувствовал себя Россией, любил ее... больше, чем себя» (Мережковский Д.С. Лев Толстой и Достоевский // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 24 т. — М.: И.Д.Сытин, 1914. — Т. IX. — Ч. 3 (Религия). — С. 113).

Над этим вопросом размышляли, кстати, и авторы сценария к фильму «Царевич Алексей». Его режиссер-постановщик Желябужский считал, что главным героем трагедийной постановки должен быть царевич, ибо в самой человеческой драме, самой гибели Алексея «безусловно кроется загадка» (Соболев Р. «Царевич Алексей» // Родина. — 1966. — № 5/6. — С. 122).

Этот же сюжет воссоздан в статье Мережковского «Теперь или никогда», поводом для создания которой был церковный собор. Но в центре статьи — проблема взаимоотношения государства и церкви, где бессилие Петра, вынужденного «казнить сына, плоть и кровь свою, чтобы спасти Россию», было одним из примеров трагической судьбы каждого самодержца, узурпировавшего верховную власть, принадлежащую лишь «Царю Царствующих, Царю Господствующих Христу». (Мережковский Д.С. Теперь или никогда. — С. 55). «Это самое страшное, самое важное во всей жизни, — в романе вкладывает Мережковский слова в уста Петра. — На одну чашу весов положится все, что он сделал великого, доброго, на другую — кровь сына... Но что же делать? Простить сына — погубить Россию; казнить сына — погубить себя» (с. 515-516).

⁴³ *Степка Глебов...* — Приближенный царицы Евдокии, казненный в 1718 г. после дознания по делу царевича Алексея.

⁴⁴ *Досифей епископ* — Приближенный царицы Евдокии, казненный в 1718 г. после дознания по делу царевича Алексея.

⁴⁵ *Лейбниц* Готфрид Вильгельм (1646-1716), немецкий философ-идеалист, математик, физик, языковед.

⁴⁶ *Арескин* (или Эрскин) Роберт (?-1718), лейб-медик Петра, доктор медицины и философии Оксфордского университета. Родом из Шотландии. В 1704 г. поступил домашним врачом к кн. Менши-

кову, по ходатайству которого принят в царскую службу и назначен президентом Аптекарского приказа. В 1715 г. Арескин заведовал кунсткамерой и царской библиотекой. Сопровождал Петра в путешествиях по Германии, Голландии и Франции.

⁴⁷ ...из *нового железа Марсова*... — Марс — один из древнейших богов Италии и Рима. Символ Марса — копье и двенадцать щитов. Один из них упал с неба как залог непобедимости римлян. Кузнец Мамуррий выковал еще одиннадцать щитов, чтобы враги не rozpoзнали подлинник и не выкрали его.

ДАНТЕ

Сценарий

Впервые — Мережковский Д.С. Данте. Гиппиус З.Н. Мережковский Д.С. Борис Годунов. Киносценарий. Составление, вступ. ст. и примеч. Т.Пахмусс.— Нью-Йорк, 1991.

Сценарий «Данте» был написан в середине 30-х гг. в Италии и предназначался для постановки фильма.

Творческую историю сценария по письмам Мережковского и Гиппиус к их многолетнему секретарю В.А.Злобину восстановила Т.Пахмусс (с. 7-21). Не останавливаясь подробно на всех изгибах трудной судьбы этого произведения, скажем лишь, что сценарий был переведен на итальянский, английский, немецкий и французский языки (тексты переводов, по-видимому, не сохранились), постановка фильма по нему планировалась на американской киностудии «Paramount» и французской «Association des Auteurs de Films», но вследствие начавшейся войны не была реализована. Гиппиус писала с сожалением о том, что «Холливуд занят фильмом «Жизнь Хитлера»... Это исключает всякий интерес к «Жизни Данте»... (с. 17-18).

В сценарии Мережковский воссоздает традицию средневековой религиозной драмы на темы из жизни святых, но в качестве нового героя новой религии избирает Данте, пророка будущего «сверхисторического» христианства. Повествование, неторопливое и красочное, построено в виде сцен, сгруппированных в части, а голос автора как голос чтеца мистериального театра, скрепляет сцены между собой.

Текст сценария состоит из XIII частей; текст I тома исследования «Жизнь Данте» — из XIX. Заглавия некоторых из них совпадают: II часть сценария «Пожираемое сердце» (в исследовании — IV); VI часть «Смерть Беатриче» — (в исследовании — VIII); IX часть «Маленький Антихрист» — (в исследовании — XIII); X часть «Данте изгнанник» — (в исследовании — XIV); XII часть «В вечных льдах» — (в исследовании — XVI) и часть XIII «Свет алебастровых окон». Так названа XVIII глава I части «Жизнь Данте» исследования «Данте». Говорить о первичности текста сценария по отношению к тексту исследования или наоборот не представляется возможным. Как свидетельствуют письма Мережковских, процесс

работы над книгой и сценарием был процессом параллельным. Между тем «Жизнь Данте» обширнее, полнее, в ней есть немало сюжетов, деталей, подробностей, поясняющих сказанное в сценарии.

¹ Цитируется «Рай». Песнь X, ст. 139-148.

² Данте Алигьери (1265-1321).

³ Биче — Беатриче Портинари (?-1290) (в замужестве — монна Биче де Барди). Беатриче — букв. дарующая блаженство. Впервые Данте видел Беатриче в 1274 г. Второй раз — в 1283 г., когда и увлекся ею.

⁴ Портинари Фолько, отец Беатриче, крупный Флорентийский мясала, сосед семьи Данте.

⁵ Алигьери Балла (?-1271), мать Данте.

⁶ ... живое красное пламя и живая кровь... — у Данте и поэтов dolce stil nuovo цвет любви (Амора) — цвет пламени.

⁷ ...праздник 1 Мая — Весенний ритуал выбора в королевы весны самой красивой девушки. Имеется в виду праздник 1 Мая 1274 г.

⁸ Цитируется «Новая жизнь» Данте, II.

⁹ ...узнал-вспомнил Ее, и Она — его... — Одна из идей Мережковского. Впервые в статье «М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» М. сформулировал «общий закон мистического опыта», по которому человеческие души не могут вспомнить, что было до их рождения, не знают «откуда», чтобы яснее представить, «куда». Восходит к библейской легенде о войне Дракона с ангелами. Комментируя эту легенду, М. упоминает «Божественную комедию» Данте. В эссе «Паскаль» М. пишет: «Существует древняя, вероятно, гностического происхождения легенда, о которой упоминает и Данте в «Божественной Комедии», имея в виду 3 Песнь «Ада» (37-39). См. также прим. к драме «Будет радость», № 30.

¹⁰ Донато Элио — Карфагенский епископ (IV в.), раннесредневековый ученый, участник движения, требовавшего осуждения христиан-отступников в период гонений. При императоре Константине умер в ссылке. Учебники Доната — Имеются в виду «Ars grammatica» («Искусство грамматики») — учебник латинской грамматики; «Ars minor» («Малая грамматика») — для начальной степени обучения и «Ars maior» («Большая грамматика») — для более высокой степени обучения. Оба труда под названием «Донат» были широко распространены в Западной Европе на протяжении всего средневековья в виде многочисленных рукописей (с 15 века в печатном виде) и служили основным пособием для изучения латинского языка.

¹¹ Присциллиан — Епископ в г. Авила в Испании (вторая пол. IV в.), один из главных вдохновителей аскетизма.

¹² Франциск Ассизский (1181 или 1182-1226) — Итальянский религиозный деятель, католический святой, канонизированный в 1228 г. Выходец из купеческой семьи, он отказался от наследства и посвятил себя проповеди евангельской бедности. В 1207-1209 гг. основал братство миноритов («меньших братьев») с целью проповедовать в народе аскетизм и любовь к ближнему; братство, преобразованное позже в орден францисканцев, положило начало нищенствующим орденам католической церкви.

¹³ *Латини Брунетто* (1220-1294), итальянский и французский писатель, общественный деятель. Друг Данте, секретарь Флорентийской республики.

¹⁴ Цитируется аллегорическая поэма Б. Латини «*Tesauretto*».

¹⁵ *Вергилий Марон Публий* (70-19 до н.э.), римский поэт.

¹⁶ «Ад». Песнь XV, ст. 55-56.

¹⁷ «Ад». Песнь XV, ст. 82-85.

¹⁸ «Новая жизнь», II.

¹⁹ *Донати Джемма*, супруга Данте. Данте женился на дочери противников семьи Данте, представительнице рода Донати в политических целях (до 1298 г.).

²⁰ «Чистилище». Песнь XXIV, ст. 52-54.

²¹ «Новая жизнь», III.

²² «Новая жизнь», III.

²³ «Чистилище». Песнь XXIV, ст. 52-54.

²⁴ *Боттичелли* Сандро (наст. имя — Филиппеи Алессандро) (1445-1510), итальянский художник. «*Весна*» — Картина Боттичелли (ок. 1477-1478 гг.).

²⁵ *Кавальканти* Гвидо (ок. 1259-1300), флорентийский философ и поэт, друг Данте. Сын гвельфа Кавальканте Кавальканти, упоминающегося в 10 Песне «Ада».

²⁶ *Барди* Симоне де, мессер, представитель одного из флорентийских родов.

²⁷ *Арно* — Река в северной Италии у подножья Апеннинских гор, на которой стоит Флоренция

²⁸ *Убертино да Казале* — духовник Данте, монах ордена св. Франциска. В поэме о Франциске Ассизском (1891) М. воссоздавал этот фрагмент легенды так:

Отрока спросил учитель нежный:

«Отчего ты грустен, милый брат?»

— «О, прости мне, отче! Я горюю

О семье. Я вспомнил мать родную,

Братьев, маленьких сестер моих.

Скучно мне, душа болит о них...»

И Франциск с улыбкой состраданья,

Не сказав ни слова, но спеша,

Вышел поскорей из шалаша,

Стал лепить из снега изваянья.

Кончив, с торжествующим лицом,

Он, смеясь, их обошел кругом

И воскликнул: «Где же ты, Руффино?

Братец, люди снежные!.. взгляни,

... И Руффино вышел, грусти полный;

Искрятся при свете звезд ночных

Изваянья, бледны и безмолвны;

И Франциск указывал на них:

«Вот — отец твой, мать, вот — сестры, братья...

Что ж ты медлишь? Подойди скорей!

Видишь, как им холодно, согрей,

Поцелуй их, заключи в объятия!

Но когда к груди прижмешь — в тепле

Изваянья снежные растают
И умрут они, как умирают
Все, кого мы любим на земле»

(Мережковский Д.С. Франциск Ассизский. Легенда // Нива, ежемесячное приложение. — 1891. — Кн. III.).

²⁹ Имеется в виду майский (в Провансе — апрельский) обряд выборов в качестве «королевы весны» самой красивой из девушек.

³⁰ *Брачная любовь и та, которая соединяет истинных любовников, исходят из различнейших чувств* — одно из ведущих положений концепции М. о сущности любви. См. примеч. к драме «Будет радость».

³¹ *Монна Ладжия* — возлюбленная Лапо Джанни, друга Данте, флорентийского нотариуса и поэта.

³² По библейскому преданию, *Содом и Гоморра* были истреблены Господом за грехи их жителей (Бытие XIX, 24-29).

³³ «Новая жизнь», XXXVII, XXXVIII.

³⁴ «Новая жизнь», X.

³⁵ «Рай». Песнь XXXIII, ст. 133-142.

³⁶ «Новая жизнь», XII.

³⁷ «Новая жизнь», XIV.

³⁸ «Новая жизнь», XV, С. 8.

³⁹ *Монна Ванна* — Джованна, избранница флорентийского поэта Гвидо Кавальканти, воспетая им под условным именем *Primavera* («Весна»).

⁴⁰ «Новая жизнь», XVII (канц.).

⁴¹ Боккаччо «Жизнь Данте» («*Origine vita e costumi di Dante Alighiere*» (издана в 1863 г.), III.

⁴² Цитируется «Новая жизнь», XXX, канц. 4.

⁴³ «Новая жизнь», XXV. *Всякого мира я вижу начало...* — Четвертая книга Моисеева (24, 17).

⁴⁴ «Новая жизнь», XXXI.

⁴⁵ «Новая жизнь», XXVII.

⁴⁶ «Новая жизнь», XL.

⁴⁷ *Донатти* Форезе, *мессер* — брат жены Данте. Друг Данте, один из его адресатов.

⁴⁸ Цитируется «Чистилище». Песнь XXX, ст. 28-83. Песнь XXXI, ст. 1-90.

⁴⁹ *...из логова Римской Волчицы* — В образной системе Данте аллегорические образы Волчицы — корыстолюбия и распутства, Рыси — зависти и Льва — властолюбия становятся символами борющихся сил: Римской курии (Волчица), партии Белых и Черных (Рысь), Франции и ее короля Карла Валуа (Лев).

⁵⁰ *Акваспарта* Маттео д' — Кардинал, папский посол, направленный во Флоренцию. Дважды накладывал интердикт (запрет на проведение во Флоренции всех церковных служб (свадеб, обрядов крещения, погребения и др.) и прекращение деловых связей жителей города. Сюжет о приезде Аквасарты во Флоренцию описывается в «Истории Флоренции» Н.Макиавелли (II, 17, 19).

⁵¹ *Карл I* Аппуйский (Валуа) (1220-1285), король Франции.

⁵² *Папа* — Имеется в виду Бонифаций VIII (?-1303), папа Римский с 1294 по 1303. По мнению современников, «он подкрался, как лисица, царствовал, как лев, и умер, как собака».

⁵³ Речь идет о фрагменте «Ада». Песнь XIX, ст. 22-27, 43-57. Папа Николай III (Орсини), папа римский с 1277 по 1280 гг. Его сменил папа Бонифаций VIII.

⁵⁴ Цитируется «Ад». Песнь XIX, ст. 43-57.

⁵⁵ «Чистилище». Песнь XX, ст. 73-75.

⁵⁶ «Новая жизнь» («*Vita nova*») — Собрание лирических стихотворений Данте периода 1283-1290 гг., расположенных по определенному сюжетному заданию и снабженных автобиографическим и философским комментарием.

⁵⁷ Имеется в виду «Божественная комедия», писавшаяся между 1313 и 1321 гг.

⁵⁸ *Сила моя совершается в немощи...* — 2-е послание к Коринфянам св. Апостола Павла (XII 9).

⁵⁹ *Блаженны изгнанные за правду...* — Евангелие от Матфея (V, 10).

⁶⁰ *...настоящего града не имеющих, грядущего Града ищущих...* — Послание к Евреям (XIII, 14).

⁶¹ *Меркурий* — В римской мифологии бог торговли, отождествляющийся с Гермесом. Носил эпитет «счастливейший» и объединялся с Фортуной. *Фортуна* — В римской мифологии богиня счастья, случая и удачи.

⁶² *Чино да Пистойя* (ок. 1270-1275 — 1336 или 1337), друг Данте, поэт, юрист и политический деятель.

⁶³ *...Улиссовы спутники, в хлеву Цирцеи...* — Фрагмент «Одиссеи» Гомера, где спутники Одиссея, отправленные им на разведку на о. Эя, были превращены волшебницей Киркой в свиней. Только владение Одиссеем корнем «моли», отвращающем волшебство, спасло его спутников и вернуло им человеческий облик.

⁶⁴ *...выкинутъ из Святой Поэмы этот грешный стих...* — По преданию, Данте посвятил последнюю часть «Божественной комедии» Кан Гранде делла Скала.

⁶⁵ *Макиавелли* Никколо (1469-1527), итальянский общественный деятель, мыслитель, историк. *Борджа* (Борджиа) Чезаре, герцог Валентино, кардинал. Убийца собственного брата, преодолевал любые препятствия на пути к власти. Прообраз книги «Государь» Н.Макиавелли. Встречался с Макиавелли в 1502 г. Несмотря на жестокость и хитрость Борджа, Макиавелли восхищался его смелостью и решимостью в борьбе за объединение различных частей Апеннинского полуострова. Мережковский вспоминает о Ч.Борджа в исследовании «Л.Толстой и Достоевский», приводит характеристику, которую дал Борджа Ф.Ницше в «Антихристе».

⁶⁶ «*Пир*» Данте — Небольшой по объему философский трактат, относящийся к 1311 или 1312 гг., оставшийся незавершенным. Представляет собой комментарий к трем канцонам Данте, написанный, вопреки средневековой традиции, не латинским, а живым итальянским языком. Место прекрасной Дамы (Мадонны) здесь занимает философия. Под «пиром» подразумевается торжество мудрости.

⁶⁷ Цитируется «Ад». Песнь VIII, ст. 49-51.

⁶⁸ Боккаччо «Жизнь Данте».

69 Имеется в виду фрагмент «Ада» (Песнь VIII, 44 и след.), где Данте обещает грешнику очистить его глаза ото льда и со злорадством не исполняет своего обещания.

70 *Псам не давайте святыни и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями...* — Евангелие от Матфея (VII, 6).

71 Цитируется «Ад». Песнь XXXIII, ст. 112-114.

72 См. № 69.

73 Цитируется «Рай». Песнь XXI, ст. 106-117.

74 Там же. Песнь XXV, ст. 1-9.

75 *Гвельфы и Гибеллины* — Политические группировки, существовавшие в Италии в XII—XV веках. Столкновения гвельфов (сторонников римских пап) с гибеллинами (сторонниками германских императоров) нередко приобретали характер ожесточенных кровавых междоусобиц. Род Данте традиционно являлся сторонником гвельфов. Во Флоренции гибеллины громили гвельфов дважды — в 1248 и 1260 гг. В 1265 г. гибеллины вернули гвельфов во Флоренцию. Пользуясь поддержкой короля Карла в 1267 г. гвельфы изгнали гибеллинов. Данте изгнан из Флоренции в 1302 г.

76 *Знамение положил Господь на Каина, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его...* — Бытие (IV, 15).

77 *Вечный Жид* — Еврей-скиталец, осужденный Богом на вечную жизнь и вечные скитания за то, что не дал Христу отдохнуть по пути на Голгофу.

78 *Катон* Марк Порций (95-46 до н.э.), получивший прозвище Утический или Младший. Противник Цезаря. Бежал в Утику (Северная Африка). После поражения при Тапсе решил на добровольную смерть, бросившись на собственный меч. Яростный поборник республики как государственной формы правления и противник единовластия. Имя Катона и его жены Марции упоминается в ст. 127-128 Песни IV «Ада».

79 *Гвидо да Полента* — Владелец Равенны и Червии, отец Франчески да Римини. Под покровительством Гвидо да Полента Данте прожил в Равенне с 1318 по 1321 гг.

80 *...как тот путник на большой дороге... подобны тому левиту и священнику, которые прошли мимо него* — Сюжет из Евангелия от Луки (X, 30-33).

81 Речь идет о трагической гибели Паоло и дочери Гвидо да Полента Франчески да Римини в 1289 г. Историю Франчески воссоздает в комментарии к Дантовой поэме Боккаччо. Франческа оказалась средством примирения между родом Полента и родом Малатеста. Полента согласился выдать Франческу замуж за сына Малатеста, уroda Джанчотто. Вместо уродливого жениха Франческа представили его брата, красавца Паоло, с которым была сыграна свадьба. Обман был раскрыт после брачной ночи. Франческа отказалась признать в Джанчотто законного мужа. Вернувшись из отъезда, Джанчотто застал Паоло у Франчески и убил обоих. О Франческе и Паоло Данте упоминает в ст. 73-75 Песни V «Ада». *О, милая, родная нам душа...* — цитируются стихи 88-93 песни 5 «Ада».

82 «Чистилище». Песнь XXIII, ст. 86.

83 Цитируется «Рай». Песнь XXXIII, ст. 76-84.

84 *Август* Гай Юлий Цезарь Октавиан (27 г. до н.э.-14 г.), римский император. ...*сосны — правнучки тех, из которых Август строил корабли для Равеннской гавани...* — Речь идет о строительстве гавани периода завоевания Империей провинций.

85 Имеется в виду «Чистилище».

86 Цитируется «Чистилище». Песнь XXVIII, ст. 19-21.

87 *Ангел, стоящий на море...* ... *времени больше не будет* — Откровение св. Иоанна Богослова (X, 5-6).

88 *Цезарь* Гай Юлий (100-44 до н.э.), римский государственный и политический деятель, полководец, писатель; *Юстиниан I* (Цезарь Флавий), (482-565), римский император с 527 г.

89 Неточно Евангелие от Луки (II, 29).

90 Цитируется «Чистилище». Песнь VIII, ст. 1-7.

91 *Малатеста III*, мессер, противник Гвидо да Полента, отец мужа Франчески да Римини, синьор Римини, Пезаро и Фано; *Орделаффи Антонио* — синьор Форми.

92 *Антония* (сестра Беатриче) — Дочь Данте, послушница монастыря св. Уливы (Равенна).

93 «Чистилище», Песни V, II, С. 8-120.

94 *Отступи от меня, чтоб я мог подкрепиться, прежде нежели отойду и не будет меня!* — Псалтирь (Пс. 38, 14).

95 Цитируется «Чистилище», XXIII, ст. 19-20.

96 *Пьетро и Джьякопо* — Сыновья Данте, поэты, комментаторы произведений отца.

97 «Чистилище». Песнь XXX, ст. 31-42.

98 Легенда о розыске песен «Рая» пересказана по исследованию Боккаччо «Жизнь Данте».

II

МАКОВ ЦВЕТ

Драма в четырех действиях

Впервые — Русская мысль. — 1907. — Ноябрь. — С.94-165. Печатается по тексту этого издания.

Драма «Маков цвет» написана Д.С.Мережковским совместно с З.Н.Гиппиус и Д.В.Философовым.

¹ Стихи З.Гиппиус.

² *Манифест вышел о свободе...* — Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», утвержденный Николаем II. Подготовлен председателем Совета Министров С.Ю.Витте. В манифесте провозглашались «незыблемые основы гражданской свободы», свобода совести, слова, собраний, союзов, расширение избирательных прав и мн. др. Манифест имел большой общественный резонанс.

³ ...на войну отправляли... — Имеется в виду русско-японская война (1904-1905), окончившаяся победой Японии.

⁴ *Мукден* (Шэньян (кит.)) — Город в Северо-Восточном Китае, административный центр провинции Ляонин, возникший в 26 в. до н.э. Мукденская битва (6-25 февраля 1905 г.) окончилась победой японских войск.

⁵ *19 февраля* — имеется в виду 19 февраля 1861 г., когда были подписаны «Положения 19 февраля 1861 г.» и «Манифест», возвестивший освобождение крестьян от крепостной зависимости. Приурочены к очередной годовщине восшествия на престол Александра II (19 февраля 1855 г.).

⁶ Монолог Бланка перекликается с основными положениями статьи С.Булгакова «Героизм и подвижничество», вошедшей в сборник «Вехи» (1909). В частности, Булгаков писал о «духовной пэдократии» — «господстве детей как симптоматическом проявлении интеллигентского героизма»; также близок словам Мережковского из статьи «В обезьяньих лапах (О Леониде Андрееве)»: «В России издавна так повелось, что общественность делают не взрослые, а дети, эти вечные русские мальчики в красных рубашках-коворотках и студенческих тужурках».

⁷ Ср. со статьей Булгакова «Героизм и подвижничество»: «Героизм стремится к спасению человечества своими силами и притом внешними средствами; отсюда исключительная оценка героических деяний... Нужно что-то сдвинуть, совершить что-то свыше сил, отдать при этом самое дорогое, свою жизнь — такова заповедь героизма. Стать героем, а вместе и спасителем человечества можно героическим деянием, далеко выходящим за пределы обычного долга... Полицейский режим калечит людей, .. содействует выработку особого духовного аристократизма, так сказать патентованного духовного аристократизма».

⁸ *Пусть он хочет того, чего нет на свете...* — Реминисценция из стихотворения З.Гиппиус «Песня» (1893): «Мне нужно то, чего нет на свете».

⁹ ...герои порт-артурские... — Порт-Артур пал в декабре 1904 г. Падение Порт-Артура означало поражение в русско-японской войне.

¹⁰ «...на Шпалерную, к тюрьме... — имеется в виду освобождение политзаключенных по амнистии 18 октября 1905 г.

¹¹ ...мива... — В еврейской религиозной практике резервуар с водой для ритуальных омовений.

¹² *На Пресне это было...* — Осенью 1905 г. происходил рост политического движения. 6 октября в Москве бастовали рабочие Казанской железной дороги, 8 октября прекратилось движение поездов на всех дорогах Московского узла. Забастовки и акции протеста подавлялись.

¹³ *Вельяминов* Николай Александрович (1855-1920), хирург, академик, председатель Пироговского общества. Близкий друг баронессы В.И.Искуль, постоянными посетителями салона которой были З.Гиппиус и Д.Мережковский. В этом салоне состоялась одна из первых частных постановок драмы «Павел I».

¹⁴ *Московское восстание...* — Стачное движение 6-8 октября 1905 г., начавшееся в Москве и с 15 октября охватившее всю

страну. Во всех отраслях промышленности бастовало свыше 2 млн человек.

¹⁵ *Сарданапалы* — От Сарданапал — ассирийский царь, склонный к роскоши и удовольствиям. По легенде, осажденный в крепости своей столицы Ниневии, сжег себя во дворце с женами и сокровищами.

¹⁶ ... *разогнали Думу*... — Роспуск I Государственной Думы состоялся 27 апреля — 8 июля 1906 г. Царским манифестом 9 июля 1906 г. Думе ставилось в виду содействие «смуте» 1905 г.

¹⁷ ... *третий элемент*... — т.е. из мещан, податного сословия.

¹⁸ *Становой* — то же, что *становой пристав*. Полицейское должностное лицо, командовавшее станом, т.е. административно-полицейским подразделением уезда.

¹⁹ *Плеханов* Георгий Валентинович (1856-1918), видный деятель социал-демократического движения, философ, публицист.

²⁰ *Карма* (санскр.) — деяния, расплата. В индийских религиозно-философских системах (буддизм, брахманизм) закон расплаты, который, в зависимости от поведения человека, обуславливает характер его будущего существования (перевоплощение после смерти).

²¹ *Коген* — Прототипом Когена послужил Николай Максимович Минский (Виленкин) (1856-1937), русский поэт.

²² *Двадцать два дня всего редактором я был, а вот уж почти год в бегах*... — В книге воспоминаний «Дмитрий Мережковский» Гиппиус пишет, что Минский, «когда-то «гражданский поэт», потом сотрудник «Мира искусства», потом участник Собраний, читавший там реферат о «мистической розе на груди церкви», — он же философ, написавший книгу о «мэонах», он же и сотрудник... журнала «Новый путь» — вдруг (на свою беду) сделался сотрудником ленинской газеты...» В ноябре 1906 г. «прежние с[оциал]-д[емократы] (марксистская партия), чуть не тем запахло, сложили чемоданы и ловко опять улизнули в эмиграцию, с Лениным во главе. Почти все сотрудники «Новой» ленинской «жизни» так исчезли. А Минский... был арестован... поклонницы выкупили его., а он немедленно убежал за границу, сделавшись вольным и бесцельным эмигрантом» (Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // З. Гиппиус. Живые лица: В 2 т. — Тбилиси: Мерани, 1991. — Т. 2. С. 249, 252).

²³ ... *из партии меня исключат*... — По мнению Гиппиус, Минский «большевиком» не был, но «к большевизму его как-то тянуло...» («Дмитрий Мережковский», С. 270).

²⁴ *Гущин* — Прототипом Гущина послужил Николай Степанович Гумилев (1886-1921), русский поэт.

²⁵ ... *культ Митры и Астарты*... — *Астарта* — Древнесемитская богиня любви и плодородия, богиня-воительница, олицетворение планеты Венеры. *Митра* — Древнеиранский мифологический персонаж, выступающий как бог солнца. Митра гарантирует устойчивость и согласие между людьми, божество, определяющее морально-нравственную границу.

²⁶ Имеется в виду сказка Андерсена «Свинопас».

²⁷ *Елевзинские мистерии* — Мистерии Деметры (Цереры, богини земледелия и плодородия) и Посейдона (бога морей и

источников вод), совершаемые в городе Элевсин, центре мистериального культа (находился в 22 км от Афин).

28 ...*скучно! Тушите огни! Так, кажется, Никита во «Власти тьмы» говорит?*...— Последняя реплика Никиты в 3-м действии драмы Л.Н.Толстого «Власть тьмы»: «Тушите свет... Ох, скучно мне, как скучно!»

БОРИС ГОДУНОВ

Киносценарий

Впервые — Мережковский Д.С. Данте. Гиппиус З.Н. Мережковский Д.С. Борис Годунов. Киносценарий. (Составление, вступ. ст. и примеч. Т.Пахмусс.— Нью-Йорк, 1991). Печатается по тексту этого издания.

Замысел сценария «Борис Годунов» относится к концу 20-х годов. В одном из писем многолетнего секретаря Мережковских, В.А.Злобина, отрывки которых публикует Т.Пахмусс в предисловии к изданию сценария, сообщается, что «между 1925 и 1930 годами один из директоров Aubert-France Films в Париже Иосиф Николаевич Ермолаев предложил Мережковскому написать сценарий для фильма вместе с сыном знаменитого баса Шаляпина, Ф.Ф.Шаляпиным, и художником-декоратором Коровиным». Сценарий был завершен в конце 30-х гг. во Франции. По сообщению Злобина, «было условлено, что некоторые сцены должны были быть взяты из пушкинского «Бориса Годунова»; другие — из «Царя Бориса» А.К.Толстого, но измененные. Но ничего из этого не вышло», поскольку «Мережковский не знал, как писать сценарий. В результате у него получилась пьеса или, вернее, серия из сцен». (цит. по: Т.Пахмусс. Предисловие.— С. 97).

Источниками для сценария являлись трагедия А.С.Пушкина «Борис Годунов», а также трагедии драматической трилогии А.К.Толстого «Смерть Иоанна Грозного» и «Царь Борис». В сценарии Мережковских содержатся реминисценции и из трагедии А.С.Суворина «Царь Димитрий Самозванец и царевна Ксения» (1904).

Сцены «Пролог», «Пимен», «Венчание Бориса на царство», «Корчма», «Бал у Мнишек», «У фонтана», «Ставка Самозванца. Димитрий и Марина», «Бой» написаны путем приспособления текста пушкинской трагедии к условиям нового произведения. В самостоятельной «Сцене на мельнице. Гаданье» использован фрагмент V действия трагедии «Смерть Иоанна Грозного», а в сцене «Прием послов» — текст I действия трагедии «Царь Борис» А.К.Толстого. Мережковскими сохранены некоторые действующие лица названных трагедий.

Публикатор сценария, Т.Пахмусс, включила в текст сценария «иночтения», являющиеся, по существу, вариантами сцен V «Ка-

бак» («В кабаке»), IX «Бегство из монастыря» («Бегство») и X «Корчма» («Корчма»). Варианты «В кабаке» и «Бегство» отличаются от сцен, включенных в основной текст сценария, меньшей организацией, включают лирические отступления, эмоциональные реплики, отсутствующие в окончательном тексте. В то же время, «иночтение» «Корчма» представляется более совершенной, по сравнению с основной, сценой. В ней реплики распределены между действующими лицами, названными в начале строки, авторские ремарки сжаты и сокращены. В связи с этим «иночтение» «Корчма» публикуется нами в основном тексте сценария, а сцена «Корчма», помещенная Т.Пахмусс в основной текст, перенесена в «Варианты». Сцена «В бане у Шуйского» содержит диалог Шуйского и Воротынского о поимке беглых иноков, почти дословно повторяющий диалог героев в сцене «Прием послов». В связи с отсутствием возможности ознакомления с рукописью сценария, не представляется возможным установить, в связи с чем в VII сцену авторами введен диалог, в VI сцене уже повлиявший на поворот сюжета: доклад Шуйского Борису об аресте Григория в VI сцене исключает вопрос Шуйского «Знает царь?» в следующей сцене. Большие различия текста обеих сцен, — VI, написанной по мотивам толстовской трагедии, и VII — самостоятельной, не позволяет ни одну из них исключить из основного текста сценария, в этой части публикуемого нами без изменений.

Восемь сцен сценария публиковались в 1957 г. в парижском журнале «Возрождение» (№ 36-38) под редакцией В.А.Злобина. Текст сценария, хранящийся у Т.Пахмусс, состоит из 16 сцен.

¹ *Феодор Иоаннович* (1557-1598), русский царь с 1584 г.

² *Иоанн IV Васильевич (Грозный)* (1530-1584), великий князь «всая Руси» с 1533г., первый русский царь с 1547 г.

³ *...царевич Дмитрий* (1581-1591), младший сын Иоанна Грозного.

⁴ Официальная версия гласила, что Дмитрий нечаянно нанес себе рану, оказавшуюся смертельной. Версия о насильственной смерти царевича от рук убийцы, подосланного Борисом Годуновым, получила официальное признание при царе Василии Шуйском (1547-1612) и Романовых, оказала существенное влияние на отечественную историографию. Согласно современным разысканиям, со вторника, 11 мая 1591 г., у Дмитрия, страдавшего тяжелой формой эпилепсии, — «падучей болезнью» или «немочью падучей», — продолжался затяжной приступ. В субботу, 15 мая, оправившийся от приступа, Дмитрий играл ножичком в «тычку» на заднем дворе под наблюдением взрослых. Внезапно возобновившийся приступ, как свидетельствуют очевидцы, «бросил его о землю, и тут сам себя ножом поколол в горло». Дмитрий повредил, очевидно, сонную артерию или яремную вену, что привело к немедленной смерти. Мать Дмитрия, Мария Нагая, сознательно распространила слух о причастности Бориса Годунова к гибели царевича.

⁵ *Годунов Борис Федорович* (ок. 1551-1605), русский царь с 1598 г.

⁶ *Шуйский Василий* — Здесь персонаж пушкинской трагедии. Шуйский Василий Иванович (1547-1612), князь, один из противников Бориса Годунова, глава заговора против Лжедмитрия I, русский царь с 1606 г.

⁷ *Воротынский* — Персонаж пушкинской трагедии.

⁸ ... с сестрою — Годунова Ирина Федоровна, жена царя Феодора Иоанновича.

⁹ ... татарин, зять Малюты... Слова Василия Шуйского из трагедии Пушкина «Борис Годунов».

Версия о татарском происхождении рода Годуновых закрепилась в отечественной историографии благодаря «Сказанию о Чете», написанному монахами Ипатьевского монастыря, усыпальницы рода Годуновых. Стремясь исторически обосновать княжеское происхождение рода Годуновых, они связали с ним имя татарина Четмурза, приезжавшего к Ивану Калите. На самом деле три ветви рода — Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы — костромичи. Малюта Скуратов выдал свою дочь замуж за Бориса Годунова в политических целях. Дядя Годунова, Дмитрий, состоял на службе в Постельном приказе, был постельничим Ивана Грозного, и по расчету Скуратова, родство с ним оказывалось выгодным.

¹⁰ *Семен* Никитич Годунов, ближайший родственник Бориса Годунова, глава Аптечного приказа, позднее — глава ближней думы, «правое ухо царя». Стремился расширить систему сыска, сльл крайне жестоким человеком.

¹¹ *Мисаил и Григорий* — Персонажи пушкинской трагедии. Григорий — Лжедмитрий I (наст. имя — Юрий (в монашестве Григорий) Богданович Отрепьев) (ок. 1582-1606), русский царь (до 1606 г.). Сын стрелецкого сотника Отрепьева, слуга Ф.Н. Романова, предъявившего свои права на престол и насильно постриженного в монахи. За участие в заговоре Романовых Г. мог быть казнен, но избежал казни, бежав и постригшись в монахи. Вернувшись в Москву, поступил в кремлевский Чудовский монастырь, где за год стал дьяконом и приближенным Чудовского архимандрита. В начале 1602 г. вместе с монахами Варлаамом и *Мисаилом* бежал в Литву, где нашел поддержку князя А.Вишневецкого, Ю.Мнишка и короля Сигизмунда III. Назвавшись сыном Иоанна Грозного, Г. заключил тайный договор — подписал «кондиции» — о передаче Сигизмунду Черниговско-Северской земли, а семье Мнишков — Новгорода и Пскова, о военной поддержке польского двора в войне со Швецией. Чтобы заручиться поддержкой Рима, тайно принял католичество. Первый русский император.

Мисаил — Михаил (в монашестве — Мисаил) Трофимович Повадьин, боярский сын из Серпейска. Был одним из близких друзей Отрепьева в Чудовском монастыре, поверил в его царское происхождение.

¹² В предисловии к публикации сценария «Борис Годунов» «Сцена на мельнице. Гадание» названа Т.Пахмусс «самостоятельной», которой «нет у Пушкина и у Толстого» (с. 100). Вместе с тем очевидно, что предсказания Мельника являются реминисценцией из трагедии А.К.Толстого «Смерть Иоанна Грозного» (действие V). Ср. в трагедии Толстого:

«Годунов. ... кто главный
Противник мой?
1-й волхв. Темны его приметы.
Годунов. Скажите их!
1-й волхв. Он слаб, но он могуч.
2-й волхв. Сам и не сам.
1-й волхв. Безвиновен перед всеми...
Убит, но жив.
Годунов. Нет смысла в сих словах!
1-й волхв. Так выпало гаданье. Боле знать
Нам не дано».

¹³ *Рынды* — царские оруженосцы и телохранители.

¹⁴ ... как вышла отмена Юрьеву дню — Отмена права крестьян один день в году, в день св. Юрия в конце ноября, покидать своего помещика, уплатив один рубль «пожилого» (пошлина за «выход») и переходить к другому помещику. Отмена Юрьева дня сопровождалась указом Бориса Годунова о сыске беглых крестьян и их возвращении владельцам. Право крестьян на Юрьев день частично и временно подтверждалась Годуновым в 1601 и 1602 голодных годах. Полная отмена права на Юрьев день в 1603 г. привела к массовым крестьянским восстаниям. В одном из крупных восстаний принимал участие отряд под предводительством Хлопка. Образ Хлопка использован А.К.Толстым в трагедии «Царь Борис».

¹⁵ *Царевич Феодор* — Годунов Феодор Борисович (?-1605), сын Бориса Годунова, вместе с матерью убит в дни царствования Лжедмитрия I.

¹⁶ *Войков Иван Васильевич* (?-1606), дворянин, один из убийц Лжедмитрия I.

¹⁷ *Салтыков М.М.*, боярин, князь, путивльский воевода, отказавшийся присягнуть Лжедмитрию I. После падения Путивля народ поволок воеводу на веревке, привязанной к его бороде, в стан самозванца.

¹⁸ *Рангони*, папский нунций (посол) в Польше. Встречался с Отрепьевым в марте 1604 г., присутствовал на частной аудиенции, предоставленной Отрепьеву королем Сигизмундом 15 марта 1604 г. В 1604 г. обратил Отрепьева в католичество. *Лев Сапега* — Канцлер, посол Литвы, активный сторонник Отрепьева. Заявлял о его сходстве с царем Феодором. Известен участием в интриге с холопом Петрушкой, попавшим пленником в Москву в детском возрасте. Сапега объявил, что Петрушка знал «царевича» в Угличе. Слуга был отправлен в Жаложницы, куда Мнишек привез Отрепьева для засвидетельствования истинности «царевича». Оpozнание едва не кончилось скандалом.

¹⁹ *Царевна* — Ксения Борисовна Годунова, дочь царя Бориса Годунова, несостоявшаяся невеста польского короля Сигизмунда III, впоследствии пленница Лжедмитрия I, героиня многочисленных народных песен, в которых осознается мученицей. Судьбе Ксении Годуновой А.В.Сувориным посвящена трагедия «Царь Димитрий Самозванец и царевна Ксения» (1904).

²⁰ *Омойтесь банею водною во глаголе* — Послание к Ефесянам (V, 26).

²¹ ...птица *Строфил* (стрефил) — В русских духовных стихах о Голубиной книге — «всем птицам мать». Происходит от греческого слова, обозначающего страуса. Живет среди моря-океана. Поутру, когда С. «вострепещется», по всей земле начинают петь петухи. Сотносится с Алконостом — райской птицей с человеческим лицом.

²² на *Верху* — В покоях царя.

²³ *Татарин* — См. № 9.

²⁴ *Мать* — Вдова Варвара Отрепьева, жила в Галиче и привлекалась к следствию для обличения сына.

²⁵ *Дядя* — Смирной-Отрепьев служил в Москве как выборный дворянин и при царствовании Годунова получил чин стрелецкого головы. Ездил за рубеж по заданию Посольского приказа для свидания с племянником. Власти использовали показания Смирного и других родственников Отрепьева в ходе тайного расследования и в публичных обличениях самозванца. (См. Сказание Авраамия Палицына. — М.: Л., 1955).

²⁶ *Король Сигизмунд* — Сигизмунд III (1566-1632), король Польши. С 1592 по 1604 г. — король Швеции. 13 марта 1604 г. предложил Яну Замойскому возглавить поход конной армии в Россию. 15 марта 1604 г. дал частную аудиенцию Отрепьеву в королевском замке в Вавеле. После свидания совещался с папским нунцием Рангони, а затем пообещал Отрепьеву помощь на условиях, закрепленных в «кондициях». Среди условий были территориальные уступки и военная помощь в войне против Швеции.

²⁷ *Юрий Мнишек* (?-1613) — Польский воевода из близкого окружения Сигизмунда III, участвовал в походе Лжедмитрия I на Москву. Пользовался расположением короля Сигизмунда II Августа, после смерти которого был обвинен в исчезновении всех королевских драгоценностей. Благодаря связям при дворе добился должности воеводы Сандомирского и старосты Львовского и Самборского. В 1603 году за расточительство и растраты едва не лишился своего имущества. Помощь самозванцу позволяла получить у Сигизмунда III крупную сумму и отложить оплату долгов. Принимал Отрепьева с царскими почестями и решил породниться с ним, обещав выдать за него дочь после вступления на московский престол. Способствовал принятию Отрепьевым католичества.

²⁸ *Мнишек Марина* (?-1614), дочь Сандомирского воеводы Ю. Мнишка, жена трех самозванцев: Лжедмитрия I (до 1606 г.), Лжедмитрия II («тушинского вора»), казненного в 1610 г. и атамана Заруцкого, примкнувшего к Лжедмитрию II (казнен в 1614 г.). Брачный контракт с Лжедмитрием I, включавшим условия расчленения России, а также обращения России за год в католичество, подписан в Самборе 25 мая 1604 г.

²⁹ *Замойский Ян* — Польский коронный гетман, сторонник мирных отношений Польши с Россией. Отказался возглавить военный поход Лжедмитрия I на Москву, не считал его сыном Грозного.

³⁰ Слова, произнесенные Я. Замойским на Краковском сейме 10 января 1605 года: «Тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили кого-то другого. Помилуй бог, эта комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело, велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было бы подготовить для этого козла или барана»

(цит. по: Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев». — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1987. — С. 98-99.). Использованы А.С.Суворинным в трагедии «Царь Дмитрий Самозванец и царица Ксения»: «Лислянский: Да неужто вы... верите, что это истинный царевич? Он говорит, что вместо него задушили какого-то поповского сына... Помилуй Бог, да это комедия Плавта и Теренция, пан Бучинский. Вероятное ли дело: велеть убить царевича и потом не посмотреть, кого убили?.. Кто ваш царь — лих его знает, а только он не царевич...» (Суворин А.С. Царь Дмитрий Самозванец и царица Ксения. Драма в 4 д. — СПб., 1904. — С. 78).

³¹ *Вишневецкие* Адам и Александр. Семья Вишневецких состояла в дальнем родстве с Иоанном Грозным. *Вишневецкий Адам* — польский магнат. В конце XVI века отец Адама, *Александр Вишневецкий*, захватил украинские земли в районе реки Сулы в Заднепровье. Польский сейм закрепил за Александром право владения этими землями. Территория тяготела к Чернигову, и ее занятие Вишневецкими привело к пограничным столкновениям. Вишневецкие выстроили город Лубны и слободу на Прилуцком городище. В 1603 году царь Борис приказал сжечь постройки Прилуки и Снетино. В стычке сторон были убитые и раненые. Адам Вишневецкий использовал Отрепьева в борьбе против Годунова, и, отказав московскому царю в выдаче самозванца, перевез его подальше от границы. Поддержка Вишневецкого способствовала успеху авантюры Отрепьева. В пылу борьбы с Борисом А.Вишневецкий собирал войско в Суле, но встретил решительный отпор Замойского и некоторых членов польского сейма. Из имения Вишневецкого Отрепьев переехал в Самбор, к Ю.Мнишку.

³² ...*царь Саул* — Первый Израильский царь, сын Киса (I Книга Царств, IX, 2).

³³ *Царь Давид* (р. в 1085 г. до н.э. в Вифлееме), божий избранник, наследник власти Саула. Преследовался Саулом и вступил на царство после его смерти. Царствовал сорок лет.

³⁴ *Силен* — В греческой мифологии демон плодородия, воплощение стихийных сил природы. Силены составляли вместе с сатирами свиту Диониса. Позднее отождествлялись с сатирами.

³⁵ *Жолкевский С.* — Польский гетман. Автор «Записок о Московской войне» (Записки о Московской войне. — СПб., 1871). Считал, что в подготовке военных действий против России Мнишек действовал с ложью и лезтью. Неоценимую помощь Мнишку, по словам Жолкевского, оказал его родственник — примас Польши кардинал Б.Мацневский.

³⁶ ...*дворянин Рожнов* — Герой пушкинской трагедии. По свидетельству Я.Маржарета, после появления самозванца Борис «только и делал, что пытал и мучил по этому поводу», «тайно множество людей было подвергнуто пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге и бесконечное число утоплены» (Маржарет Я. Записки. М., 1982. — С. 191-193).

³⁷ ...*боярин Шеин* М.Б. выступил в пределы Северной Украины осенью 1604 г. в помощь П.Ф.Басманову, готовившему оборону Новгород-Северска.

³⁸ В ноябре 1604 г. Ю.Мнишек принимает решение двигать войско самозванца к Новгород-Северску. Казаки, шедшие во главе его армии, пытались вести переговоры с жителями города, но не добились успеха. Оборону возглавил воевода П.Ф.Басманов, подготовивший город к отражению врага. Город обороняли полторы сотни дворян, более четырехсот стрельцов, почти триста пятьдесят казаков и до пятисот человек, мобилизованных в Комарицкой волости. Вторая осада города — 11 ноября 1604 г. и генеральный штурм — в ночь и 17 на 18 ноября — не принесли удачи войску самозванца, и он немедленно отступил от города. С 1 декабря 1604 г. вновь начался обстрел города и, чтобы выиграть время, Басманов начал переговоры с Жедмитрием. Полученное время воевода использовал для укрепления гарнизона. В окрестности осажденного города 18 декабря 1604 г. прибыли царские воеводы под командованием Ф.И.Мстиславского. Его армия составляла 25 336 человек, но Мстиславский не сумел использовать численного преимущества. 21 декабря Мнишек начал атаку силами гусар, захватившими большой золотой стяг. По официальной версии, польское войско понесло значительные потери, а по свидетельству Я.Маржарета, обе армии, после небольшой стычки, разошлись без особых потерь.

³⁹ *Маржарет Яков* — Прибыл в Москву в 1600 г., участник битвы под Новгород-Северском. См.: Маржарет Я. Записки. — М., 1982.

⁴⁰ *Розен Вальтер* — Командир одного из царских отрядов, составленных из служилых иностранцев. Участник битвы под Новгород-Северском.

⁴¹ См. в I действии трагедии А.Толстого «Царь Борис»: Хлопко-Косолап — атаман разбойников». В истории Смутного времени известен Хлопко — предводитель отряда в пятьсот повстанцев в Подмосковье осенью 1603 года. В сентябре 1603 года Хлопко действовал на тверской и смоленской дорогах, охраняемых Иваном Басановым. Басманов принял бой и был убит. Правительственные войска, получив подкрепление из Москвы, разгромили отряд; Хлопко был пойман, привезен в Москву и там повешен.

⁴² «... не царем буду, а батькою!... В царстве моем, говорит, ни богатых не будет, ни бедных, — все равны, по Евангелию!» — Эти слова Т.Пахмусс связывает с возгласами Иоанна Лейденского, главы заговора в Мюнстере (1533-1534), приведенными Мережковским в эссе «Лютер»: «На Пасхальной неделе 1534 года объезжал он весь город на коне возглашая громким голосом: «Равенство! Равенство! Равенство! Все высокое на земле да унизится, а низшее да возвысится!» (Мережковский Д.С. Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль. — Брюссель: «Жизнь с Богом», 1990. — С. 102). Вместе с тем нельзя не видеть, что мечта Поддубного о царе, который «не царем будет... а батькою», созвучна высказываниям П.Чаадаева и словам самого Мережковского в статье «Чаадаев». Посвящая ему статью в сборнике «От войны до революции», Мережковский напоминает, что Чаадаев был одним из первых, кто показал, что одна Россия «не участвует в общем движении». Русская церковь, в отличие от римской, «поработилась государству и рабство церкви сделалось источником всех наших

рабств». (Мережковский Д.С. Чаадаев // Мережковский Д. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи.— М.: Книжная палата, 1991.— С. 300). Слова апостола Павла, говорил Чаадаев, «ни один народ мира не понял лучше нас»: «*Несть власти аще не от Бога*». «Установленная власть всегда для нас священна... Русский народ ничего и не способен усматривать во власти, кроме родительского авторитета... Всякий государь, каков бы он ни был, для него — батюшка... Если бы природе народа свойственно было воспринимать... идеи,.. он бы понял, что государь, за которого он проливает кровь, не имеет ни малейшего права на престол». (Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли // Чаадаев П.Я. Полн. собр.соч. и избранные письма: В 2 т.— М.: Наука, 1991.— Т.1.— С.494). Эта идея стала одной из основных в исторической концепции Мережковского. Прозвучавшая впервые в статье 1906 г. «Пророк русской революции», она получила новое звучание в сценарии «Борис Годунов».

⁴³ Хрущов (Хрущев) (?-1605) Петр, тульский дворянин, направленный в 1604 г. московскими властями на Дон для усмирения смуты среди донских казаков. Миссия Хрущева состояла в том, чтобы склонить казаков к войне с самозванцем. Казаки связали Хрущева, увезли его в Польшу и выдали Отрепьеву, которого Хрущев признал «царевичем». Казнен в 1605 г. в Путивле.

III

МЕССАЛИНА

Впервые — Е.Андрущенко. Мережковский неизвестный.— Харьков: Крок, 1997.— С. 342-345. Автограф хранится в ОР ИРЛИ РАН. (Д.С.Мережковский. Тетрадь «Юношеские опыты».II. (Стихи и план драмы «Меланина»), 1880-1881, 181 л. // Арх. Д.С.Мережковского, № 24269 / CLXIV6.13, лл. 181-об-180 об.).

Датируется по первой записи в тетради: «С 13 мая 1880 года».

Драма «Мессалина» Мережковским не завершена. Перед нами, по существу, небольшой отрывок, — 1-я сцена и зарисовка одной картины.

«Мессалина» помещена в первой из известных юношеских тетрадей Мережковского и в описи значится под названием «Меланина».

Основу сюжета произведения должна была составлять история возведения на престол Мессалиной, женой императора Клавдия, своего любовника Сплия, написанная по мотивам 12-й книги «Анналов» Тацита. По мнению историка, Клавдий рассматривал случившееся как государственный переворот с целью свержения его с трона. В публикуемом отрывке есть свидетельства того, что

Мережковский был намерен сохранить интерпретацию Тацитом этого факта.

Отрывок свидетельствует об интересе Мережковского к истории Империи, впоследствии реализованном в романе «Смерть богов (Юлиан Отступник)».

¹ *Мессалина* (ок. 25 г. н.э.-48 г. н.э.) — 3-я жена римского императора Клавдия, одна из наиболее известных развратниц эпохи Империи. Снискала репутацию распутной, властной, коварной и жестокой женщины. Заговор Мессалины и Силия был раскрыт главой одной из императорских канцелярий (по другим сведениям — сенатором) Нарциссом. В 48 г. по приказу Клавдия М. была казнена. Ее имя сделалось нарицательным для знатных женщин, отличающихся бесстыдством и распущенностью. Мессалина упоминается в романе Мережковского «Отверженный (Юлиан Отступник)» как пример небывалого женского разврата, а также в пьесе Н. Минского «Альма» (1900), однако смысл нарицательного понятия здесь иной.

² *Клавдий Тиберий Друз Нерон Германик* (10 до н.э.-54), римский император с 41 по 54 г.

³ *Нарцисс* — Вольноотпущенник, заведовал одной из императорских канцелярий, считался особенно влиятельным лицом при дворе Клавдия.

⁴ *Паллас*. Известен Поллант, всесильный вольноотпущенник, близкий к Нарциссу, заведовавший одной из императорских канцелярий.

⁵ *Британик* — Сын Клавдия и Мессалины, прямой наследник власти Клавдия. После казни Мессалины Клавдий женился на дочери Германика, Агриппине Младшей. Сына Агриппины, Нерона Клавдия Цезаря, Клавдий усыновил. После смерти Клавдия, отравленного Агриппиной, Нерон был признан императором. Впоследствии, около 62 г., Британик был отравлен Нероном.

⁶ *Праздник Вакха* — По имени бога вина и виноделия Вакха (Диониса). Праздновался после уборки урожая.

САКУНТАЛА

Впервые — Е. Андрущенко. Мережковский неизвестный. — Харьков: Крок, 1997. — С. 346-351. Автограф хранится в ОР ИРЛИ РАН. Д.С. Мережковский. Его тетрадь с разными записями и копией комедии «Осень». Арх. Д.С. Мережковского, № 24361/ CLXIV. б 24, лл. 4-8.

Запись в тетради «Сегодня, 27 марта 1886 года» (л. 9), по-видимому, не может быть использована для датировки произведения. Текст «Сакунталы», наивный и несовершенный, свидетельствует о том, что над его созданием автор работал примерно в то

же время, когда писалась и «Мессалина», то есть в начале 1880-х годов, а тетрадь, в которой помещена «Сакунтала», очевидно, велась в течение нескольких лет.

«Сакунтала» — произведение, мало отвечающее требованиям драматического жанра. О замысле автора свидетельствует подзаголовок — «I Акт». Текст содержит комментарии автора к происходящему, показывает еще слабое владение Мережковским техникой создания собственно драмы и потребность объяснить поступки и мысли действующих лиц.

«Сакунтала» задумывалась как драма-предание и писалась по мотивам известного мифа о Шакунтале, дочери риши Вишвамитры и аспары Менаки, матери царя Бхараты. Согласно мифу, Менака оставила только что родившуюся дочь в лесу, где ее охраняли от хищников птицы «шакунта», а затем ее нашел и воспитал в своей обители отшельник Канва. Во время охоты в лес попал царь Душьянта, полюбивший Шакунталу и сочетавшийся с ней браком гандхарвов (брак по взаимному согласию, без соблюдения формальных обрядов). Когда Душьянта покидал обитель, он оставил Шакунтале свое кольцо в знак взаимной любви. Брахман Дурвасас проклял Шакунталу, обещав ей, что супруг вспомнит ее, лишь взглянув на свое кольцо.

Драма древнеиндийского поэта Калидасы (I в. до н.э., по другим сведениям V в.) «Узнанная по кольцу Шакунтала», в основу которой также был положен этот миф, была переведена на многие европейские языки (Джонс, Форстер, Гете), в том числе — на русский. Автором первого перевода был Н.М. Карамзин. В декабре 1914 г. постановку «Сакунталы» Калидасы осуществил Камерный театр. Его поиски отразили режиссерские новации А. Таирова, были близки «африканским» стихам Гумилева, художественным пристрастиям художника П. Кузнецова. В 1916 г. перевод драм Калидасы осуществил К. Бальмонт.

Имя Сакунталы упоминается Мережковским в монографии «Л. Толстой и Достоевский» как символ первозданной любви.

«Сакунтала» явилась одной из первых в драматургии Мережковского попыток использовать в качестве источника для собственной пьесы произведение предшественника. Подобный подход к созданию драм позднее реализуется в пьесах «Митридан и Натан», «Сильвио», «Романтики», драме без названия, «Будет радость» и сценарии «Борис Годунов».

Пьеса не завершена, но основной мотив мифа — узнавание по кольцу, здесь намечен.

[ДРАМА БЕЗ НАЗВАНИЯ]

Впервые — Е. Андрущенко. Мережковский неизвестный. — Харьков: Крок, 1997. — С. 405-425. Автограф хранится в ОР ИРЛИ РАН. Д.С. Мережковский. Пьеса его. Рук. 100 л. // Арх. Д.С. Мережковского, № 24217 CLXII. б 25. лл. 2-94 об.

Текст незавершенной драмы помещен в общей тетради. На лл. 2-12 дан ее план (публикуется в разделе «Дополнения» настоящего издания). На лл. 12-94-об. — текст без названия. В тексте сохранились следы авторской правки чернилами и карандашом. Судя по плану драмы, работу над ее текстом Мережковский начал с 5-го явления I-го действия, записанного в тетради первым, а затем, карандашом, дописывал первые четыре явления. Публикуемый текст драмы реконструирован согласно плану.

Упоминаний о работе над драмой не сохранилось. Ее текст свидетельствует о стремлении автора воплотить в драматическом произведении главные идеи своих критических исследований и публицистики. Эта задача впоследствии реализована в драме «Будет радость», текст которой тесно связан с текстом драмы без названия. Датируется серединой 1910-х гг.

¹ Цитируется «Фауст» В. Гете.

² ...прокутили в «Черной Кошке» — Очевидно, обыгрывается название артистического кабаре-подвала «Бродячая собака», где собирались кружковцы «Аполлона», поэты-акмеисты, участники литературного объединения «Цех поэтов». В кабаре привычными были ночные представления, постановки одноактных пьес, литературно-музыкальных программ.

³ Упоминается «Фауст» В. Гете. *Лилия* — В христианской мифологии и европейском искусстве — символ чистоты и праведности.

⁴ В монографии «Л. Толстой и Достоевский» «верным слугой Личардой» Мережковский называл Петра Верховенского, «Мефистофела Ставрогина».

⁵ Неточно цитируются слова Ставрогина: «Мой демон — просто маленький, гаденький золотушный бесенок из неудавшихся». Выражение «крохотный бесенок с насморком» употребляется Мережковским в монографии «Л. Толстой и Достоевский» и статье «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества».

⁶ В статье «Тургенев» Мережковский комментирует эту легенду так: «Трагедия влюбленности заключается в том, что не может любовь, ослепленная похотью, достигнуть этой истинной, торжествующей, «прославленной» плоти... В «Прологах» повествуется, как одному юному отшельнику, распаленному блудным помыслом, старец посоветовал пойти на кладбище, разрыть могилу, натереть платок трупным гноем и понюхать, чем пахнет: «Тогда поймешь, чего хочешь».

⁷ *Плевело* — Восходит к библейской притче о пшенице Божьей и плевелах (Евангелие от Матфея, XIII, 36-39). Эта притча занимает особое место в творческом мире Мережковского. К ней

он возвращается в драме «Будет радость», исследованиях о Кальвине и Паскале. См. прим. к драме «Будет радость», № 18.

⁸ См. прим. к драме «Романтики», № 20. Летом 1909 г. В Германии Мережковские наблюдали полеты авиаторов. Эти впечатления отразились в стихотворении Гиппиус «Zerr-lin III». 2 октября 1909 г. Д. Философов писал Блоку: «... в Берлине мы видели аэропланчиков, Латама, Фармана, Ружье. Летали при нас по 2 ч. 3/4... Это зрелище совершенно необычайное. Дм<итрий> Серг<еевич> бегал по полю, спотыкаясь, и кричал: Vive Rougier!» (РГАЛИ, Ф.55, Оп.2, ед. хр. 70).

⁹ Ницше Фридрих (1844-1900), немецкий философ.

¹⁰ Имеется в виду покорение Северного полюса Пири 6 апреля 1909, сопровождавшееся рекламной кампанией американских товаропроизводителей.

¹¹ *Когда мы русские ругаем Европу, это значит: виноград зелен* — реминисценция из басни Эзопа «Лиса и виноград».

¹² «Народ-богоносец» — Выражение Достоевского. Мережковский полемизирует с Достоевским о «народе-богоносце» в монографии «Л. Толстой и Достоевский» и статье «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)».

¹³ Имеется в виду роман Г. Уэллса.

¹⁴ Реминисценция из романа Достоевского «Подросток». Многократно приводится в монографии Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» в разделах, посвященных мистицизму Достоевского.

¹⁵ *Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1900)*, философ, поэт. В статье «Немой пророк», посвященной Соловьеву, Мережковский представил его в «двух лицах», с одной стороны, писавшего «стройные, ясные, гладкие, даже слишком гладкие, выглаженные, выложенные» философские произведения, а с другой, — «любившего иногда говорить большие непристойности, сальности,.. совершенно откровенно...». «Любящая память, — писал Мережковский в примечании к статье, — бесстрашно обнажает все слабости любимого... Для тех, кто действительно любит *всего* человека, эти мимолетные тени не искажают и не омрачают светлого образа, а только приближают его к нам, делают более человеческим и пленительным; если в малом он мал, как и все мы, то в великом велик, как никто».

¹⁶ Анекдот о «попочке» Мережковский приводит в исследовании «Наполеон» (Ночь. П. Беллерофон).

¹⁷ *Я тебе говорил... о фармацевте — Фармацевт*. Так всегда и «Бродячей собаки» называли буржуа, случайных посетителей, приходивших в артистическое кабаре из любопытства. Здесь — одно из воплощений пошлого, «плоского», черта. Взгляд Мережковского на сущность дьявольского как «вечной середины» отражен в исследовании «Гоголь и черт» (1906), как Хама — в статье «Грядущий Хам» (1906).

ДОПОЛНЕНИЯ

В дополнениях публикуются план комедии «Осень», план драмы без названия, варианты сценария «Борис Годунов», а также письма Мережковского и материалы о цензурной истории его пьес.

ОСЕНЬ

Комедия в двух действиях

<План>

Автограф хранится в ОР ИРЛИ РАН (Д.С.Мережковский. Его тетрадь с разными записями и копией комедии «Осень» // Арх. Д.С.Мережковского, — № 24361/CLXIV. б 24, лл. 104-105).

[ДРАМА БЕЗ НАЗВАНИЯ]

<ПЛАН>

Автограф хранится в ОР ИРЛИ РАН (Д.С.Мережковский. Пьеса его. Рук. 100 л. // Арх. Д.С.Мережковского, № 24217/CLXII. б 25. лл. 2-12).

БОРИС ГОДУНОВ

Варианты

Впервые — Мережковский Д.С. Данте. Гиппиус З.Н., Мережковский Д.С. Борис Годунов. Киносценарий. (Составление, вступ. ст. и примеч. Т.Пахмусс. — Нью-Йорк, 1991). Печатается по тексту этого издания.

¹ *Велиал* — В иудаистской и христианской мифологиях демоническое существо, дух небытия, лжи и разрушения.

² *И восстал Бог... дабы ходил я во свете живых* — Псалтирь (Пс. 17, 5-7, 16-20).

ПИСЬМА

Д. В. Философову
21 апреля 1912 г.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в ОР РНБ. — Ф. 481. — Ед. хр. 188. — л. 12.

Адресат — *Философов* Дмитрий Владимирович (1872-1940), публицист, критик, журналист, общественный деятель. Долгое время близкий друг семьи Мережковских.

¹ Имеется в виду драма Мережковского «Павел I», которую Мережковский пытался опубликовать и поставить во Франции.

² *Гитри* (Guitry) Люсьен (1860-1925), французский актер и драматург. Его имя упоминается Мережковским в драме «Гроза прошла».

³ *Пикар* Эдмонд (1836-1924), бельгийский писатель. Пикар принимал участие в судьбе драмы, начиная с 1908 г. Так, в письме от 27.06.1908 г. Евгению Юльевичу Пети (1871-1938), пытавшемуся помочь с публикацией и постановкой «Павла I» во Франции, Мережковский писал: «Итак — Вы — автор «Павла I»? Я уже написал Пикару об этом, и через месяц: «Он, Пикар, очень охладел к Павлу». В Париже к Мережковскому обращалось «Франко-русское товарищество драматических авторов»: «Оно спрашивало меня о «Павле», — сообщает Мережковский Е. Ю. Пети, — я ответил, что «Павел» у Пикара и просил к нему обратиться». Через несколько месяцев Мережковский писал Е. Ю. Пети об «изумительной энергии» Пикара: «Я Павла моего не считал достойным такой невероятной энергии». Зимой 1912 г. уже из Петербурга Мережковский писал: «Ко мне обратился актер Орленев с просьбой разрешить ему играть «Павла I» на русском языке в Париже. Он очень талантливый актер, играл в Америке «Павла I» с большим успехом и предлагает мне хорошие материальные условия. Но прежде чем соглашаться, я бы хотел знать, в каком положении дела «Павла» у Гитри... Стоит ли неверному Гитри жертвовать верным Орленевым» (Письма Д. С. Мережковского к супругам Пети. Публ. Р. Нежинской // Новое литературное обозрение. — 1995. — № 12. — С. 109-117).

Ф. Д. Батюшкову
29 августа 1912 г.

г. Ямбург

С.-Петербургской <ургской>. губерн.<ин> — Верино.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в РНБ. (Письма (11) Д. С. Мережковского к Федору Дмитриевичу Батюшкову // РНБ. — Ф. 51. Арх. Ф. Д. Батюшкова. — Ед. хр. 18. — Л. 9-об.).

Адресат — *Батюшков* Федор Дмитриевич (1857-1920), литературный и театральный критик, историк литературы, общественный деятель. С 1902 г. — редактор журанала «Мир Божий». С апреля 1917 г. — управляющий императорскими театрами.

Ф.Д.Батюшкову
27 апреля — 10 мая 1914 г.
Paris XVI 11 bis, Av. Mercedes

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в РНБ. (Письма Д.С. (11) к Федору Дмитриевичу Батюшкову // РНБ. Ф. 51, Арх. Ф.Д.Батюшкова, ед. хр. 18.— Л. 2.)

¹ Имеется в виду пьеса «Будет радость».

² *Котляревский* Нестор Александрович (1863-1925), русский литературовед, академик, первый директор Пушкинского Дома (с 1910 г.).

³ *Теляковский* Владимир Аркадьевич (1860/1861-1924), с 1890 г. — управляющий Московской конторой императорских театров, с 1901 по 1917 г. — директор императорских театров.

⁴ Речь идет о пьесе З.Гиппиус «Зеленое кольцо».

В.П.Теляковскому
11 мая 1914 г.
С.-Петербург. Сергиевская, 83.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в ОР ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). (Письмо В.А.Теляковскому. 11 мая 1914 г. // Арх. Д.С.Мережковского. № 24381/CLXV б. 13.— лл. 1-8).

¹ Очевидно, имеется в виду письмо от 27 апреля — 10 мая 1914 г., направленное Ф.Д.Батюшкову, или письмо подобного содержания, в котором Мережковский спрашивает о судьбе «Зеленого кольца» и сообщает о завершении работы над драмой из «современной русской жизни».

² В послесловии к драме «Зеленое кольцо» «Зеленое — белое — алое. (Вроде послесловия)» Гиппиус подробно останавливается на цензурной судьбе своей пьесы. Театральную цензуру пьеса прошла без затруднений, и главную роль решила играть Рощина-Инсарова, «увлекшаяся образом шестнадцатилетней девочки». Чтобы получить независимое суждение о пьесе «как таковой, вне всякого соединения с именем» Гиппиус, она была направлена в литературную цензуру в Московский комитет. «Известие, что литературную цензуру «пьеса не прошла», сообщил нам, уже по возвращении нашем, Мейерхольд, — вспоминала Гиппиус. — Долгая писательская школа приучила меня ко всему. Но... в конце концов пришлось изумиться и мне... Не безграмотным было признано «Зеленое кольцо», а... безнравственным!» (З.Гиппиус. Пьесы. Предисл. М.Безродного. — Л.: Искусство, 1990. — С. 166-167).

³ ...сыновья знаменитого героя 12-го года, генерала Н.Н.Раевского, участвовали в Отечественной войне и в славных подвигах отца своего... — Раевский Николай Николаевич (1771-1829), генерал от кавалерии; его сыновья — Александр Николаевич (1795-1868) и Николай Николаевич (1801-1843), герои Отечественной войны 1812 г.

⁴ ...если не обратитесь и не станете как дети, не можете войти в царствие Божие... — Евангелие от Матфея (XVIII, 3).

[В.А.Теляковскому]
3 февраля 1915 г.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в ЦГИАРФ. (Письмо Д.С. Мережковского о постановке его пьесы «Будет радость» // ЦГИАРФ.— Ф. 497.— Оп. 10.— № 1287.— Л.6).

¹ Надпись под датой: «Мне пьеса нравится и я думаю, что включить ее в репертуар можно». Подпись В.А.Теляковского.

² Фамилия адресата установлена нами из контекста всей переписки о судьбе «Зеленого кольца» и «Будет радость».

³ Премьера «Зеленого кольца» состоялась в Александринском театре 18 февраля 1915 г. В спектакле собиралась участвовать М.Г.Савина, но внезапная ее смерть помешала осуществлению замысла ее совместной работы с В.Мейерхольдом, ставившим спектакль. Роль дяди Мики исполнял Ю.М.Юрков.

Г.С.Саркисову
[1916 гг.]

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в ЦГИАРФ.

Письмо Д.С.Мережковского к Г.С.Саркисову. Не почтовая и не датированная корреспонденция // ЦГИАРФ.— фонд 1049.— Оп. 1.— Ед. хр. 113.— Л.2.

¹ Очевидно, речь идет о пьесе «Романтики», которую ставил В.Н.Немирович-Данченко в 1916 г.

² ...инсценировка «Петра»...— Имеется в виду драма «Царевич Алексей», поставленная в 1920 г.

Н.В.Дризену
2 июля 1916 г.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в РО РНБ. (Письма Д.С.Мережковского Николаю Васильевичу Дризену // ОР РНБ.— Ф. 263. Н.В.Дризен — № 207.— Л.9).

Адресат — *Дризен* (Остен-Дризен) Николай Васильевич (1868-1935), барон, театральный деятель и цензор. Одно время был редактором «Ежегодника императорских театров». Известен своим театральным кружком, собиравшимся по средам.

¹ Имеется в виду драма «Романтики».

Н. В. Дризену
14 июля 1916 г.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в ОР РНБ. (Письма Д. С. Мережковского Николаю Васильевичу Дризену // ОР РНБ. — Ф. 263. Н. В. Дризен — № 207. — Л. 10).

Н. В. Дризену
28 июля 1916 г.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в ОР РНБ. Письма Д. С. Мережковского Николаю Васильевичу Дризену // ОР РНБ. — Ф. 263. Н. В. Дризен — № 207. — Л. 2-2-об.

¹ Речь идет о решении Совета Главного Управления по делам печати, по которому из пьесы были удалены два фрагмента, о которых просит Мережковский. Печатный текст «Романтиков» не содержит исключенных Советом главного Управления по печати фрагментов.

Д. В. Философову
6 января 1917 г.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в ОР РНБ. (Письма Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус // ОР РНБ. — Ф. 481. Мережковские Д. С. и З. Н. — № 189. — Л. 19).

¹ *Татьяна* — Гиппиус Татьяна Николаевна, сестра З. Н. Гиппиус, сблизившаяся с Мережковскими после смерти матери (1903 г.), автор рисунка к пьесе Д. С. Мережковского «Будет радость».

² *Сытин* Иван Дмитриевич (1851-1934), русский издатель-просветитель.

Д. В. Философову
20 января 1917 г.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в ОР РНБ. (Письма Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус // ОР РНБ. — Ф. 481. Мережковский Д. С. и З. Н. — № 189. — Л. 21).

¹ Пьеса «Романтики» шла в Петербурге 7, 13, 18, 26, и 30-го января 1917 г.; в Москве — в феврале, марте и апреле.

МАТЕРИАЛЫ О ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ ПЬЕС

1.

Московское отделение
театрально-литературного Комитета. 1915 г.

Выписка из Протокола заседания 14 марта 1915 г.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в ЦГИАРФ.
Об одобрении Московским театрально-литературным комитетом к постановке пьесы Д.С.Мережковского «Будет радость» // ЦГИАРФ.
— Ф. 497.— Оп. 10.— Ед. хр. 1294.— Л. 4.

2.

Совет главного управления по делам печати.

Протокол заседания
Совета главного Управления по делам печати
23-го июля 1916 г.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в ЦГИАРФ.
Протокол заседания Совета Главного Управления по делам печати. 23 июля 1916 г. // ЦГИАРФ.— Ф.776. Ф. 497.— Оп. 10.— Ед. хр. № 2288 (микрофильм).— Л. 16-18-об.

3.

Московское отделение театрально-литературного Комитета.
1916 г.

Выписка из протокола заседания октября 15 1916 г.

Публикуется впервые по автографу, хранящемуся в ЦГИАРФ.
Об одобрении Московским театрально-литературным комитетом к постановке пьесы Д.С.Мережковского «Романтики» // ЦГИАРФ.
— Ф. 497.— Оп. 10.— Ед. хр. 1294.— Л.13.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЦГИАРФ — Центральный государственный исторический архив Российской Федерации.

СПБЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (г. Санкт-Петербург).

РНБ — Российская национальная библиотека им. Салтыкова-Щедрина.

СПБГТБ — Государственная театральная библиотека (г. Санкт-Петербург).

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Андрущенко. «Безнадежный плач о Боге...» 5

I

Митридан и Натан. <i>Драматический этюд</i>	65
Осень. <i>Комедия в 2-х д.</i>	79
Сильвио. <i>Фантастическая драма</i>	102
Гроза прошла. <i>Драматические сцены в 4-х д.</i>	173
Павел I. <i>Драма в 5-ти д.</i>	204
Романтики. <i>Пьеса в 4-х д.</i>	276
Будет радость. <i>Пьеса в 4-х д.</i>	331
Юлиан Отступник («Смерть богов»). <i>Трагедия в 5-ти д.</i> .	375
Царевич Алексей. <i>Трагедия в 5-ти д.</i>	401
Данте. <i>Киносценарий</i>	452

II

Маков цвет. <i>Драма в 4-х д.</i>	509
Борис Годунов. <i>Киносценарий</i>	573

III

Мессалина	631
Сакунтала	633
[Драма без названия]	636
<i>Дополнения</i>	646
<i>Примечания</i>	674

